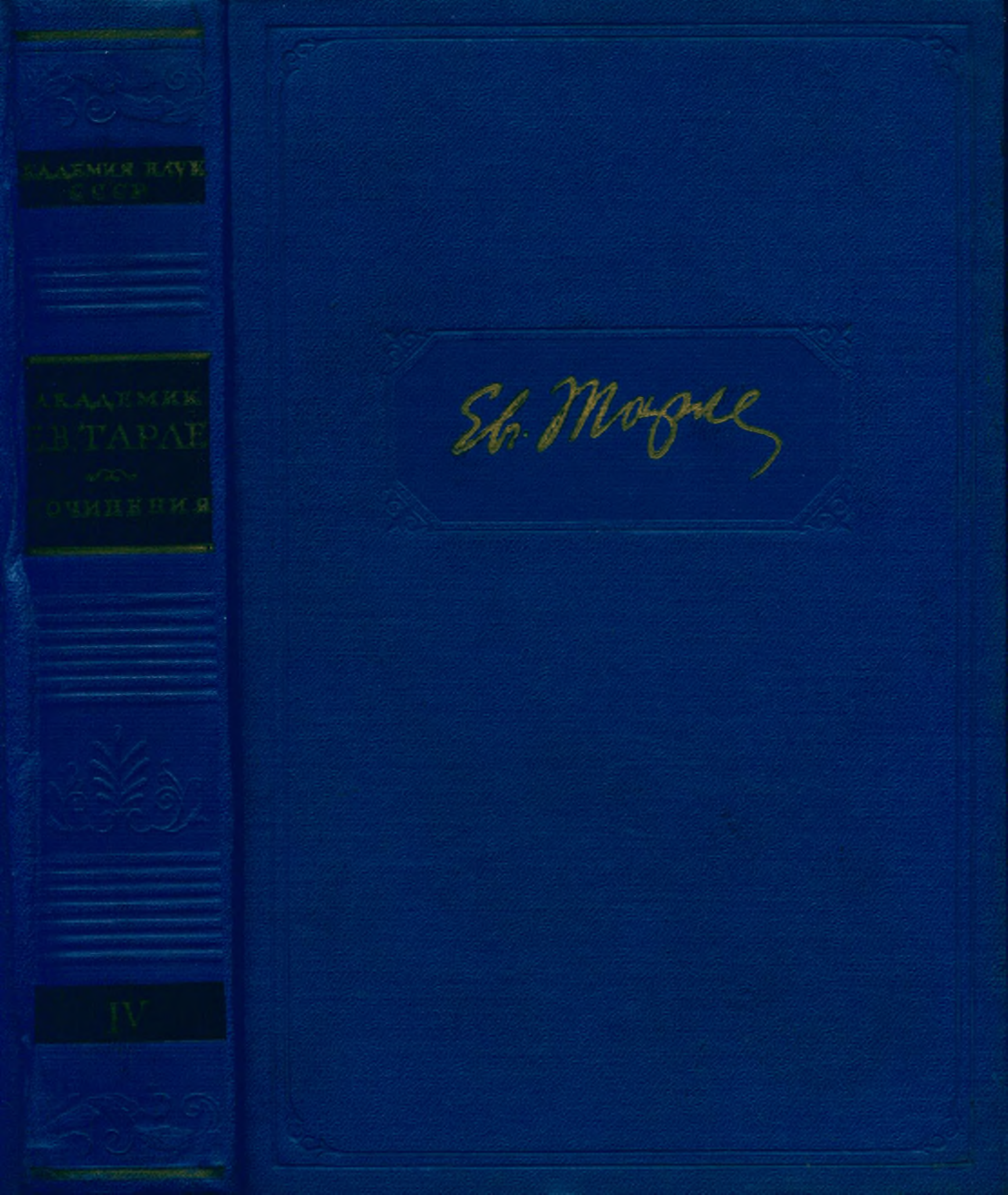

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИК Е.В. ТАРЛЕ
СОЧИНЕНИЯ
IV
Евг. Тарле

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В
ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

IV

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Е. В. ТАРЛЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ ТОМА

В настоящий том включены работы Е. В. Тарле, опубликованные в 1910—1920 гг. Наиболее крупной из них является «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» [1]. Это исследование, опубликованное в 1916 г. в г. Юрьеве (ныне Тарту), составляет вторую часть его капитального труда — «Континентальная блокада». В предисловии к нему Е. В. Тарле объяснил, почему, посвятив первую часть «Континентальной блокады» изучению развития промышленности и торговли во Франции, во второй части он занялся анализом влияния континентальной блокады на Италию. Основным мотивом, побудившим его выбрать именно Италию, а не какую-либо иную страну Европы, было то, что Италия более длительное время, чем другие страны, испытывала тяготы континентальной блокады.

К этому следовало бы добавить, что Е. В. Тарле давно проявлял внимание к истории этой страны и изучение прошлого Италии еще с конца XIX в. вошло в круг его устойчивых научных интересов [2]. Будучи знатоком истории Италии, Е. В. Тарле был прекрасно осведомлен о том, как слабо изучена та тема, за которую он взялся, завершая первую часть своей «Континентальной блокады».

---

[1] Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев, 1916 (Континентальная блокада. II), 532 стр.

[2] См., например, его книги «История Италии в средние века». СПб., 1901, 197 стр.; «История Италии в новое время». СПб., 1901, 190 стр. («История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время»).

И, действительно, новый труд Е. В. Тарле явился глубоко оригинальным исследованием не только по теме, но и по поднятым в архивах Милана и Парижа материалам и сразу вошел в мировую историографию предмета как наиболее капитальный и ценный научный труд по этому вопросу.

Обе части «Континентальной блокады», занявшие III и часть IV тома Сочинений Е. В. Тарле, несколько нарушили принятый для всего издания принцип публикаций произведений в их хронологической последовательности. После напечатания второй части «Континентальной блокады» вслед за первой ее частью мы возвращаемся к этому принципу.

Последнее издание включенной в настоящий том работы «Падение абсолютизма в Западной Европе» [3] вышло в 1924 г. Однако ввиду того, что первое издание этого труда, написанного под непосредственным впечатлением русской революции 1905 г., представляет бо́льший научный и политический интерес, чем последующие издания, редакция сочла целесообразным воспроизвести текст первого издания, вышедшего в 1906 г. Этот труд Е. В. Тарле был выступлением против русского самодержавия, предсказанием неизбежности его падения по аналогии с судьбой западноевропейского абсолютизма.

Статья Е. В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страною?» воспроизводится по тексту последнего прижизненного издания [4]. Эта работа вызывала и вызывает много возражений. Советские историки изучили экономическую историю России XVIII в. неизмеримо полнее и глубже, чем она была известна в то время, когда писалась эта статья. Тем не менее она остается свидетельством смелых научных исканий и до сих пор будит мысль, в частности ставя задачу дальнейшего расширения сравнительного исследования русской и западноевропейской экономической истории.

По последнему изданию воспроизводится текст исследования Е. В. Тарле «Печать во Франции при Наполеоне I» [5].

---

[3] Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. I. СПб.— М. [1906], 207 стр. (Часть II автором не была написана.)

[4] Впервые опубликована в журнале «Совр. мир», 1910, № 5, стр. 3—29. Печатается по кн. «Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII—XX вв.». Пг., 1918, стр. 122—149.

[5] Печать во Франции при Наполеоне I. По неизданным материалам. Пг., 1922, 56 стр. Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1913, № 10, стр. 115—147; № 11, стр. 37—69.

В настоящий том входят также статьи «Английский посол и Екатерина в 1756—1757 гг.» [6],«К истории 1904—1905 гг.» [7], «Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842—1847 гг.» [8] и «Национальный архив в Париже» [9].

А. З. Манфред
Б. Ф. Поршнев

---

[6] Впервые опубликована в журнале «Совр. мир», 1910, № 6, стр. 84—89. Печатается по кн. «Запад и Россия», цит. изд., стр. 150—159.

[7] Впервые опубликована в журнале «Былое», 1917, 43 стр. Печатается по кн. «Запад и Россия», цит. изд., стр. 183—219.

[8] Впервые опубликована в кн. «Запад и Россия», цит. изд., стр. 7—27.

[9] Впервые опубликована в кн. «История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке». Пг., 1920 стр. 153—202.

Континентальная блокада. II

Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I

ВВЕДЕНИЕ

В последней своей книге («Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I», предисловие) * я писал: «...предлагаемая работа, посвященная прежде всего положению французской промышленности при Наполеоне в связи с континентальной блокадой, должна, по моим планам, послужить исходным пунктом для новых специальных работ... по истории влияния континентальной блокады на другие страны Европы, которые здесь пока затронуты главным образом лишь постольку, поскольку существовали экономические отношения между ними и наполеоновской Францией».

Теперь я и предлагаю вниманию читателя одну из этих предположенных мной специальных работ. Она посвящена анализу влияния континентальной блокады на экономическую жизнь королевства Италии. Исследуя историю блокады, вполне естественно было, начавши изложением общих условий, при которых она возникла, и выяснением ее последствий для Франции, продолжать непосредственно историю блокады в королевстве Италии. В самом деле: после Французской империи в точном смысле слова не было во всей Европе державы, которая столь непосредственно и вместе с тем столь длительно была подчинена Наполеону, как та область, которая до заседания французского сената 18 марта 1805 г. называлась Италийской республикой, а после этого дня — королевством Италией. Эта область быстро расширялась географически, и к 1811 г. она уже была ограничена Швейцарией и баварским Тиролем на севере, Иллирийскими провинциями на северо-востоке, Тосканой и присоединенной к Франции Церковной областью на юге, Адриатическим морем на востоке, присоединенным к Французской империи Пьемонтом на северо-западе и присоединенной же Пармой

* См. наст. изд., т. III, стр. 9.— *Ред.*

на юго-западе. В эту обширную страну ко времени апогея наполеоновского могущества вошли и часть Швейцарии, и «итальянский» Тироль, и прирезки былых папских земель (Романья); она обнимала, таким образом, почти весь север и часть центра Апеннинского полуострова; ей было дано славное, исчезнувшее со времен Теодориха имя,— но это юридически независимое суверенное «королевство Италия» фактически состояло в полнейшем, решительно ничем не ограниченном подчинении у Наполеона, *короля Италии.* Император завоевал ее мечом и никогда об этом не забывал. То обстоятельство, что он ее не присоединил непосредственно к Империи, представлялось ему всегда великой милостью, за которую итальянцы должны быть вечно ему благодарны. Но вместе с тем он настолько считал важным полное обладание северной Италией, что не отдал ее никому из родственников (как он это сделал с Неаполем, Испанией, первоначально с Голландией, с великим герцогством Бергским), но возложил на самого себя железную ломбардскую корону. И королевство Италия сделалось одной из тех стран европейского континента, которые, после Франции, если не *больше* всего, то *дольше* всего испытали на себе тяготу континентальной блокады; в которых, точнее, континентальная блокада осуществлялась наиболее последовательно и беспощадно. В самом деле: например, для Голландии блокада оказалась еще гибельнее по своим результатам, чем для королевства Италии, но ведь Голландия попала под *непосредственное* владычество Наполеона лишь в 1810 г., а до тех пор благородный и входивший в интересы своих подданных король Людовик Бонапарт по мере сил смягчал диктуемые из Парижа его братом мероприятия (за что и лишился в конце концов престола). Что же касается Италии, то с первого дня провозглашения декрета о континентальной блокаде и вплоть до конца наполеоновской эры это королевство жило при режиме исправнейшего соблюдения всех правил блокады, поскольку это зависело от воли руководителей государственного механизма.

Таким образом, исследование, начатое с Франции, естественно было прежде всего продолжать королевством Италией. Это королевство не только в политическом, но и экономическом отношении должно рассматривать, когда речь идет о наполеоновской эпохе, совершенно отдельно от других частей Апеннинского полуострова: Рима и Церковной области, Неаполитанского королевства и т. п. Этим странам будет впоследствии посвящена мной особая работа,— здесь же речи о них не будет.

В первом томе моего исследования, во второй части, озаглавленной «Экономические отношения между империей Наполеона и другими континентальными странами в эпоху блокады», я посвятил несколько страниц (235—246) общей характери-

стике сношений Франции со странами Апеннинского полуострова, в просторечии и тогда называвшегося «Италией». Страниц шесть в этой главе более специально относятся к *королевству* Италии, которому теперь посвящается целая книга. Но дело не только в неодинаковых размерах: в той связи, в какой писались мной для I тома «Континентальной блокады» эти несколько страниц, они имели *единственной* целью пополнить характеристику экономических связей, установившихся между наполеоновской Францией и другими странами Европы, зависимыми, полузависимыми и совсем от Наполеона (по крайней мере формально) не зависимыми. *Здесь* же королевство Италия нас будет интересовать само по себе, мы будем допрашивать документы о всех последствиях, которые имела континентальная блокада для экономической жизни этой страны.

Такова постановка темы в предлагаемой книге. Раньше чем говорить о том, *по какой программе я вел это исследование*, на каком плане остановился окончательно, необходимо дать хотя бы краткую характеристику как литературы вопроса, которую я нашел, так и рукописных документов, на которых моя работа построена, так как литература не дала мне, в сущности, почти ничего.

Дело в том, что экономическая история Италии в новейшее время никогда не привлекала к себе сколько-нибудь пристального внимания исследователей. Великий расцвет исторического изучения, которым ознаменованы были начало и середина XIX столетия, коснулся и разработки истории Италии. Сисмонди во Франции, Реймонт и Грегоровиус в Германии, Чезаре Канту и его школа в Италии интересовались и увлекались итальянским средневековьем, областной историей полуострова и дали могучий толчок в этом направлении; в средине и второй половине XIX в. Фойгт и Буркгардт, Сэймондс и Кертинг оживили историографический интерес к людям и делам Ренессанса; наконец, когда с конца 60-х годов XIX в. в науке началось сильное течение в сторону разработки экономической истории, это сказалось в области изучения итальянского хозяйственного прошлого главным образом лишь появлением монографий, относящихся к расцвету торгово-промышленной деятельности Венеции, Флоренции, Генуи, Милана, Пизы в XIII—XV вв., к экономической конкуренции между торговыми республиками того времени, к левантийской торговле этих республик, к сношениям их со средиземным побережьем, с одной стороны, и северными странами Европы — с другой, к истории цехов в итальянских государствах переходной эпохи от средних веков к новому времени и т. д. Это направление историографического интереса весьма, впрочем, понятно: Италия XIII—XV вв. была страной быстрого экономического прогресса, ускоренной и ре-

шительной ломки средневековых отношений, в ней зарождались и крепли неведомые до той поры в Европе новые институты и обычаи хозяйственной жизни. Но уже XVI век привлек несравненно меньше внимания историков, а XVII—XVIII и первая половина XIX в. остались почти вовсе не затронутыми. Это — одна из самых заброшенных, наименее известных областей исторической науки. Когда объединение Италии оживило интерес к недавнему прошлому, то интерес этот возбуждался главным образом политической борьбой и идейными течениями, взращенными итальянским национальным чувством в первой половине XIX столетия, биографиями многочисленных борцов и мучеников национальной идеи, наконец, культурно-политическим состоянием полуострова от времен Наполеона I до окончательной победы объединительных стремлений. Экономическая сторона и здесь оставалась в совершенной тени; в частности, наименее утешительно обстояло и обстоит дело в этом отношении относительно эпохи французского завоевания.

То оживление наполеоновской историографии, которое наблюдается за последние 25—30 лет главным образом во Франции, затем в Англии, Германии, отчасти Италии, успело уже дать ряд превосходных трудов, осветивших по-новому очень многое в истории международных отношений в наполеоновскую эпоху, в политической и (меньше) административной истории эпохи отдельных стран, но, как я старался показать в критическом обзоре этой литературы во введении к I тому «Континентальной блокады», разработка экономической истории эпохи (без чего совершенно немыслимо понять всю эпоху) оставалась и остается в младенческом состоянии. Критик, разбиравший мою «Континентальную блокаду» в «Revue historique», упрекнул меня в том, что я был слишком обстоятелен в своем обзоре литературы и упоминаю там о таких работах, которые, по моему же собственному отзыву, особой цены не имеют; этот упрек несправедлив. Мне именно хотелось дать возможно полный обзор того, что сделано в литературе предмета, и наглядно обнаружить, до какой степени сделано мало и неудовлетворительно как в методологическом отношении, так и в смысле привлечения необходимейших материалов. Полнота этого критико-библиографического обзора, предпосланного I тому, вместе с тем избавляет меня от необходимости повторений в этой книге, которую я теперь специально посвящаю королевству Италии. За три с половиной года, прошедшие со времени окончания мной I тома, в исторической литературе не появилось ничего, что сколько-нибудь затрагивало бы вопрос об экономической жизни королевства Италии при Наполеоне. Да и по общей истории королевства вышла только незначительная книжка Menzel'я «Napoleons Politik in Oberitalien» (Magdeburg, 1912,

87 стр.). Там, где мне это казалось необходимым, я касался еще раз этой скудной литературы в тексте ныне выпускаемой в свет книги. Даже первую, вводную, главу об общих условиях, в которых жила Италия при Наполеоне, я должен был построить непосредственно на основании документов.

Несмотря на то, что я настойчиво говорю в I томе своего труда, что это — лишь начало предпринятого мной исследования, в критике, посвященной I тому, я встретил два-три замечания, показывающие, что авторы не обратили достодолжного внимания ни на эти мои многократные оговорки, ни даже на обложку первого тома, где ясно указано, что там речь идет *только* о Франции. Все исследование о континентальной блокаде, если мне суждено его написать, будет состоять из нескольких томов, по странам Европы, где континентальная блокада была введена и оказала свое влияние в той или иной степени. Как выше сказано, этот II том посвящен *только королевству Италии*, а другим частям Апеннинского полуострова, экономически, политически и даже исторически имеющим мало общего с *королевством* Италией, с теми территориями, которые вошли в его состав, будет посвящен особый том, материалы для которого отчасти мной уже собраны, отчасти же могут быть собраны только после нынешней войны. Неаполитанское королевство, Тоскана, папские владения — вот что составит главное содержание этой будущей книги.

Исследователю, работающему над экономической историей королевства Италии при Наполеоне, приходится полагаться главным образом на *неизданные* документы. Те печатные источники, которые относятся к этой эпохе вообще, для указанной темы не дают почти ровно ничего, как бы они ни были интересны для политической или военной истории, возьмем ли мы мемуары принца Евгения Богарне, вице-короля Италии, изданные в десяти томах Дюкассом («Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène, publiés, annotés et mis en ordre par A. Du-Casse»), или документы вице-президента Италийской республики Мельци (Francesco Melzi d'Eril, duca di Lodi. «Memorie, documenti e lettere inedite di Napoleone e Beauharnais». Milano, 1865. Два тома). Еще эта вторая коллекция дает все же несколько больше, чем первая. Читатель встретит также две-три цитаты из «Mémoires sur la cour du prince Eugène et sur le royaume d'Italie, par un Français» (Paris, 1824). Из печатных источников больше других интересна, конечно, наполеоновская «Correspondance», но и то прежде всего для характеристики воззрений и правительственных методов относительно королевства Италии, усвоенных императором.

Книга, выпускаемая ныне в свет, оказывается таким образом, пожалуй, в еще большей степени, чем I том, основанной

на рукописях, которые мне удалось найти в архивах. Очень много неизданного и в подавляющем большинстве случаев даже никем не цитированного материала я нашел в государственном архиве (Archivio di Stato), хранящемся в здании сената в Милане, столице былого наполеоновского королевства. Этот материал был значительно пополнен рукописями соответствующих картонов Национального архива в Париже и французского министерства иностранных дел.

Эти документы, когда я только приступил к их изучению, казались мне очень полными, воссоздающими без сколько-нибудь значительных пропусков всю картину экономических последствий блокады для королевства Италии, т. е. в сущности всей экономической жизни королевства, так как сколько оно просуществовало, столько и прожило под режимом блокады или законоположений, чрезвычайно к блокаде приближавшихся (и блокаде предшествовавших). Эта иллюзия — якобы исчерпывающей полноты и разносторонности изучаемых неведомых доселе документов — довольно обычна для всякого исследователя, берущегося за совершенно незатронутую тему; но эта иллюзия стала рассеиваться, когда после первых двух лет работы я начал сличать и распределять по рубрикам накопленный материал — как выписки из рукописей, так и цельные копии рукописей. Стало обнаруживаться, что архивы сохранили сведения далеко не обо всем и не столь обстоятельные, как это было бы желательно. Особенно скудными оказались сведения о земледелии и скотоводстве; обнаружилось отсутствие каких бы то ни было документальных показаний о некоторых годах, скудость свидетельств о некоторых производствах и т. п.

Сделаю еще несколько общих замечаний о свойствах документов, привлеченных мной к исследованию.

1. Они *крайне* редко дают нам возможность составить себе вполне точное представление о непосредственно предшествовавшей эпохе (от которой для интересующей нас темы не осталось почти ровно ничего).

Любопытно отметить, что Наполеон, завоевывая ту или иную итальянскую страну, обыкновенно не мог добиться толка, когда приказывал составить отчет о положении торговли и промышленности в этой стране за годы, даже непосредственно предшествовавшие завоеванию. Халатность ли администрации старого режима тому виной, или фактическое разорение и приостановка торгово-промышленной деятельности в данной стране именно вследствие наполеоновских вторжений, или пропажа документов, бывшая не раз и не два последствием затяжной войны и стоянки армии завоевателя, или все эти причины вместе были виной, но только, кроме самых общих характеристик и мнений, Наполеон и его наместник, вице-король Евгений, на

Континентальная блокада. II.

Е. В. Тарле
Профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I.

Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1916.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЕВСТВА ИТАЛИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ НАПОЛЕОНА I»

свои запросы не получали в ответ ничего. И это даже стало считаться вполне естественным [1].

2. Не только относительно прошлого, но и относительно современности итальянские документы времен наполеоновского царствования, как уже сказано, бывают далеко не полны; и причиной тому — отнюдь не исключительно позднейшая пропажа рукописей из архивов. Наполеон постоянно жаловался и высказывал вице-королю неудовольствие по тому поводу, что ему не посылается точных и детальных отчетов о положении королевства [2]. Он негодовал на то, что знает о положении Италии меньше, чем о положении Англии [3]. «Искусство заключается еще больше в том, чтобы заставлять работать, нежели в том, чтобы самому много утомляться, и если бы по каждому делу, о котором я вас спрашивал, вы поручили бы составить мемуар и сметы образованным лицам Венеции, я был бы удовлетворен»,— писал император [4]. С этим свидетельством Наполеона очень и очень приходится считаться,— тем более, что ведь далеко еще не все то, что проходило через руки императора, могло спустя сто лет попасть в руки исследователя.

3. Относительно статистических показаний, которые мы находим в этих документах, нужно повторить те же оговорки и предостережения, какие сделаны в I томе «Континентальной блокады» относительно документов французского происхождения.

Что статистика Итальянского королевства (а раньше — республики) была так же далека от совершенства, а может быть, и еще дальше, нежели статистика Французской империи,— это понятно само собой. У нас, впрочем, есть сколько угодно доказательств, что и итальянские чиновники, собиратели этой статистики, столь же мало обманывались насчет точности добываемых ими сведений, как и их французские собратья. Но ни они не думали отрицать *относительной* важности этих сведений [5], ни исследователь не вправе это делать. Иногда французские власти, еще только запрашивая итальянцев о положении промышленности и торговли, сами спешили оговориться, что многого и не ждут в ответ [6].

В частности, скудны свидетельства о числе рабочих и о численности отдельных категорий рабочего класса. Там, где даются какие-либо показания о числе рабочих, наши документы *никогда* не отличают рабочих, работающих в здании мануфактуры, от получающих заказы на дом. Кое-где в документах миланского архива я даже встречал оговорки, что цифры относятся к *обеим* категориям вместе [7].

Часто о рабочих, работающих вне здания мануфактуры, вообще ничего не говорится, и уж во всяком случае отсутствует цифровое показание.

В департаменте Passariano, например, число женщин, прядущих у себя на дому и работающих по заказу мануфактуры, гораздо более значительно, чем показанное в «статистике» префектом, но он прямо говорит, что это число нельзя определить [8].

4. Если таковы некоторые недостатки наших документов, то к числу их достоинств нужно отнести их разнообразие. Мы могли использовать и официальные отчеты властей королевства, предъявляемые вице-королю и императору, и подсчеты торговых балансов королевства, и показания французских соглядатаев и осведомителей, которых посылало имперское правительство в королевство Италию для выяснения мер к развитию франко-итальянских отношений. Из последней категории весьма интересны бумаги, оставшиеся от миссии Isnard'а и сохранившиеся в Национальном архиве. О них стоит сказать особо несколько слов.

Jean-Paul-Barthélemy Isnard, докладчик французского Главного торгового совета, был в 1806 г. в королевстве Италии в командировке от французского министерства иностранных дел. Его целью было определить, каково экономическое состояние королевства, что оно производит, а главное, в чем оно нуждается. Это путешествие должно было дать Наполеону и его правительству необходимые материалы для заключения возможно более целесообразного с точки зрения французских интересов торгового договора с королевством. Его доклады и заметки сохранились в Национальном архиве, в картоне $F^{12}535$. Доклады не датированы, но по целому ряду признаков они касаются положения вещей в первой половине 1806 г., лишь очень немногие — в конце 1806 г.; собирались же и подготовлялись некоторые материалы несколько раньше, примерно с конца 1805 г. Главный директор Национального архива г. Шарль Ланглуа, мнение которого я спросил относительно более точной даты, ответил, что главный рапорт, содержащийся в этом картоне, во всяком случае не старее 1806 г., но что «невозможно определить более точную дату». Г-н Ланглуа сообщил мне также, что «во всяком случае Isnard умер в конце 1807 или в начале 1808 г.». Впрочем, доклады, несомненно, не могли быть писаны позднее конца 1806 г. Г-н Ланглуа писал мне также, что *единственным* автором различных докладов, сохранившихся в картоне $F^{12}535$, является J.-P.-B. Isnard. Мне тоже так казалось, пока я не натолкнулся в nota bene на второй странице главной рукописи (Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur) на слова: «...c'était le moment où M. Isnard chargé par le ministre... se trouvait aussi à Milan». Ясно, значит, что аноним, написавший большую рукопись этого картона, не есть сам Isnard. Но *по существу* г. Ланглуа не далек от истины: аноним, несомненно, должен был находиться в той или иной связи с мисси-

ей Isnard'а, бывшего в то же время в Италии, посланного тем же министерством внутренних дел, собиравшего сведения по тому же вопросу, как и Isnard, но только располагавшего их в ином порядке, чем Isnard. Аноним мог принадлежать к составу секретарей Isnard'а или чиновников, прикомандированных к нему или предшествовавших ему и представивших свой доклад отдельно. Этот большой доклад дополняет отдельные доклады, несомненно, принадлежащие Isnard'у. Ни у кого из авторов, писавших об Италии, я не встретил следов знакомства с этими важными документами.

Вообще для *своей эпохи* все эти документы, бесспорно, должны быть признаны, несмотря на все только что сделанные оговорки, весьма содержательными. Ведь документы эпохи революции и Империи вообще еще далеко не отличаются тем изобилием, полнотой и разносторонностью, как источники по истории хотя бы, например, средины и второй половины XIX столетия. К ним нужно подходить еще с тем масштабом, с которым мы подходим к материалам по истории XVII и первой половины XVIII в. И *тогда* документы, которые легли в основу предлагаемой работы, покажутся, при всех пропусках, неясностях, при всем лаконизме, все же чрезвычайно важными, обстоятельными, красноречивыми. В особенности это нужно признать относительно документов о промышленности и торговле, т. е. именно тех отраслей экономической жизни, на которых блокада могла сказаться — и сказалась в действительности — больше всего.

И хотя рассеялась у меня иллюзия *об исчерпывающей* полноте источников, но когда страница за страницей стала возникать, по мере систематизации собранного материала, история экономической жизни королевства в царствование Наполеона I, когда явственно стало заполняться это пустое место, которое, например, всегда прежде мешало пишущему эти строки читать в университете курс истории Италии в начале XIX столетия,— тогда только сделались наглядными и все значительное богатство документов, и их полная *незаменимость*.

Эта их незаменимость заставила автора молчать там, где документ молчит, не пытаться догадками и домыслами заполнять пропуск. Отсутствие какой бы то ни было, даже минимальной помощи со стороны литературы предмета (или того, что с большой натяжкой можно было бы считать литературой предмета) сказалось прежде всего в невозможности даже самые общие, самые главные исходные пункты исследования считать твердыми и установленными. Единственным исключением является Венеция: об ее экономическом состоянии в период, *предшествующий* Наполеону, говорит в особой, в высшей степени интересной главе М. М. Ковалевский в IV томе «Про-

исхождения современной демократии». Это — чрезвычайно содержательный и оригинальный этюд, с которым всякий историк, говорящий о Венеции, обязан считаться.

Не мне судить, как я использовал найденный и собранный мной рукописный материал (ничтожную часть которого я печатаю в приложении). Думаю только, что упрека в необоснованности главных выводов, тех, которые я решился сделать, я не заслужил. Что касается *плана* моего исследования, то в первых трех главах я рассматриваю общую жизненную обстановку, в которой протекала экономическая деятельность населения королевства Италии и без понимания и знания которой непонятно было бы весьма многое в дальнейшем изложении. В этих трех главах я говорю об общем характере наполеоновского управления, о финансах королевства, о его границах и подсчетах народонаселения, о промышленниках и рабочих, о земледелии, скотоводстве, сельском хозяйстве, лесоводстве, о всем том, что может способствовать выяснению общего положения и экономических ресурсов страны в описываемую эпоху, а также правильному представлению о преобладавших формах промышленного труда. Затем следует разбор данных о времени до блокады, показаний об установлении континентальной блокады в королевстве, об устройстве и постановке таможенного дела в эту эпоху и систематический обзор и анализ свидетельств о положении отдельных отраслей промышленности в королевстве, начиная с текстильной, продолжая металлургической и кончая менее важными, о которых вообще сохранились какие-либо документальные показания. В особую главу выделена, конечно, характеристика состояния морских портов королевства в эпоху блокады, с Венецией во главе. Работа кончается обзором данных о всей ввозной и вывозной торговле королевства, взятой в целом, как она установилась к концу царствования Наполеона. Общие заключения, данные на последних страницах, резюмируют главные результаты этого тома моей работы.

Считаю долгом своим поблагодарить тех, кто советами и дружескими беседами создавал вокруг меня за годы работы над этой книгой ту атмосферу сочувствия и поддержки, в которой всякий научный труд кажется легче и исполнимее: Э. Д. Гримма, Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, Ф. В. Тарановского.

Выражаю здесь же свою признательность г. Giussani, архивариусу Миланского государственного архива, г. Ланглуа, директору, и г. Шарлю Шмидту, архивариусу Национального архива в Париже, а также администрации Миланского муниципального архива и архива французского министерства иностранных дел за их постоянное содействие и любезную готовность помочь мне во время работы во всех этих хранилищах.

Глава I

НАПОЛЕОН И КОРОЛЕВСТВО ИТАЛИЯ

1. Разорение северной Италии в 1796—1805 гг. Образование республики Цизальпинской, республики Италийской, королевства Италии. 2. Общие воззрения Наполеона на королевство Италию и основы его итальянской политики. 3. Вице-король и министры. 4. Финансы королевства Италии. Бюджет государства в первые и в последние годы царствования Наполеона. Основные статьи прихода и расхода. [5. Рекрутские наборы.] 6. Границы королевства и их изменения. Документальные свидетельства о численности народонаселения в разные периоды наполеоновского царствования. Присоединение Венеции, отторжение Истрии и Далмации. 7. Показания об общественном настроении в королевстве за время царствования Наполеона

1

Генерал Бонапарт впервые вторгся в северную Италию весной 1796 г. Французское владычество в образованной после войны 1796—1797 гг. Цизальпинской республике было прервано в 1799 г. походом Суворова и восстановлено первым консулом Французской республики после битвы при Маренго (14 июня 1800 г.). 26 января 1802 г., на собрании созванных в Лионе 452 нотаблей Цизальпинской республики, Наполеон Бонапарт, ее президент, торжественно переименовал эту республику в «Италийскую». 18 марта 1805 г. Италийская республика была переименована в королевство (le royaume d'Italie), а ее президент, который теперь уже был императором французов, принял титул короля. В течение всего периода от 1800 г. до конца своего царствования Наполеон фактически был самодержавным повелителем в этой республике, а потом королевстве; он издавал декреты, касающиеся всех областей государственной жизни, назначал и смещал высших сановников, заключал любые политические и экономические договоры, решительно ни с кем и ни с чем, кроме собственной своей воли, не считаясь. Так как мы тут занимаемся не политической (более или менее известной), но экономической историей королевства Италии, то все детали

и перипетии указанных политических перемен нас тут не касаются. Ограничимся поэтому лишь теми характерными чертами, которые могут поспособствовать уяснению вопроса о том, как вообще смотрел Наполеон на свое королевство, какими соображениями он руководился в деле управления этим королевством и какие задачи пред собой в данном отношении ставил. Эти пояснения будут тем более уместны, что и они почти отсутствуют в имеющейся общей литературе об Италии при Наполеоне. Внешнюю историю (военную, дипломатическую, государственно-правовую) завоевания Италии и утверждения там французского владычества в рассматриваемый период я, конечно, предполагаю общеизвестной и ее почти не коснусь.

Как отразилось нашествие французов на материальном положении северной Италии? Как сказано, наши документы именно об этих первых годах почти ровно ничего не говорят: о торговле, о промышленности, о земледелии в 1796—1804 гг. мы можем лишь догадываться на основании позднейших показаний. Во всяком случае, насильственное выкачивание драгоценных металлов, начавшееся с первым же приходом Бонапарта, не подлежит никаким сомнениям.

Одним из первых последствий вторжения генерала Бонапарта в Ломбардию и ее завоевания было наложение тягчайшей контрибуции на жителей, причем новые правители не останавливались перед самыми суровыми мерами там, где дело шло о целесообразном взыскании. Завоеватель стремился при этом привлечь на свою сторону бедные слои населения, подчеркивая, что контрибуция должна взыскиваться с людей состоятельных и с церковных имуществ [1].

Уже в июле 1796 г. было торжественно объявлено, что если в течение двадцати дней какая-либо коммуна Ломбардии не заплатит контрибуции, то муниципальные чины и *двадцать наиболее богатых* (подчеркнуто в извещении) лиц этой коммуны должны быть арестованы и увезены во Францию, а их имущество секвестровано, пока недоимка с коммуны не будет восполнена [2].

Итак, Бонапарт изъявил желание, чтобы контрибуция была взыскана только с имущества богатых и зажиточных лиц (les riches et les gens aisés). Но как узнать, кто зажиточен, а кто — нет? Сначала Бонапарт приказал воспользоваться показаниями земельного кадастра, но вскоре этот руководитель оказался ненадежным: с одной стороны, оказались граждане очень богатые, но не обладавшие как раз никаким земельным имуществом; с другой стороны, были земельные собственники, за которыми на бумаге числилась большая площадь земли, а между тем они были обременены долгами. Тогда генерал Бонапарт приказал считаться не только с кадастром, но и с «общей репутацией»

данного лица, с общим мнением о его состоятельности [3]. Курьезно, что, по мнению исполнителей воли Бонапарта, подобный метод «представляет наименее злоупотреблений и неудобств». Впрочем, в завоеванной, вполне безглагольной и покорной стране можно было высказывать самые рискованные парадоксы в обязательных постановлениях и обращениях, нисколько не боясь возражений. Историк, читающий документы, сохранившиеся в итальянских городских архивах от времен первого наполеоновского вторжения, очень скоро отвыкает от удивления. Это была страна, в которой можно было в 1796 г. не только *все* сказать, но с которой можно было и все сделать вполне беспрепятственно. *В первую голову эта контрибуция была взыскана* с аббатств, монастырей; «со всех видов промышленности» и собственности должно было взыскивать сообразно с капиталом: ½% с 25 тысяч, все увеличивая на ½% (но как именно — неизвестно), до 10% с соответствующего капитала.

Каков именно должен быть этот капитал, с которого возьмут 10%, тоже не сказано.

По официальному (французскому) подсчету с момента, когда республиканская армия вошла впервые в Пьемонт, до конца 1796 г., в общей сложности, все государства полуострова заплатили в виде контрибуции, считая сюда же и захват государственных касс, 45 959 345 франков. Из этой общей цифры на Ломбардию выпадает цифра 18 536 439 франков, на Болонью — 2 миллиона, на Мантую — 419 904 франка [4].

Французская республика долго вовсе не думала о создании большого вассального владения на севере Италии, вплоть до того времени, как генералу Бонапарту удалось фактически занять Ломбардию в 1796 г. Еще Дантон весной 1793 г. убедил Комитет общественного спасения, что возможно и полезно привлечь на свою сторону сардинского короля Виктора-Эммануила, обещая ему Миланскую область или часть ее. Подобные обещания были пущены в ход Директорией в 1795 г. и в начале 1796 г., перед походом Бонапарта. Директория соглашалась, чтобы Миланская и Кремонская области (которые, предполагалось, будут отвоеваны у Австрии) присоединились к Пьемонту, Франция же должна была получить от Пьемонта Савойю и Ниццу, и, кроме того, Пьемонт обязывался заключить торговый договор с Францией, выгодный для нее. Из этих попыток ничего не вышло, но самая их наличность и некоторая настойчивость показывают совершенно ясно, что Директория вовсе не стремилась к обеспечению Ломбардии за Францией. Мало того. Когда открылась знаменитая весенняя кампания 1796 г., впервые обнаружившая военные таланты генерала Бонапарта, то план вытеснения австрийцев из Ломбардии не содержался в инструкциях, данных генералу, а был составлен и тайно

взлелеян лично им. Как известно, кампания развивалась с необычайной быстротой. Бонапарт был назначен главнокомандующим итальянской армией 2 марта 1796 г., а уже 14 мая он вошел победителем в Милан. Новейший исследователь внешней политики Директории Гюйо в своей большой и превосходной работе высказывает ни на чем не основанное предположение, будто именно после сочувственной встречи Бонапарта жителями Милана у французского главнокомандующего родилась мысль создать из северной Италии особое государство [5]. Дело тут было явственно не в мимолетных впечатлениях, не в ласковых встречах, а в том, что Бонапарту была гораздо яснее, чем Директории, видна вся *возможность* полного изгнания австрийцев из Ломбардии.

Во всяком случае, овладев Ломбардией, Директория принялась за энергичную эксплуатацию земель только что созданной Цизальпинской республики.

Правда, уже в течение первых чрезвычайно тяжелых для Цизальпинской республики лет эксплуатировавшая ее французская военная администрация не переставала утешать местных патриотов уверениями в близкой и благой перемене положения: речь шла и об облегчении тяжелой повинности страны по содержанию французских войск, и о предстоящем присоединении к Цизальпинской республике кое-каких соседних территорий. Но время шло, а облегчения не чувствовалось. Приход Суворова временно заменил французское владычество австрийским, но, конечно, задержать разорение страны это обстоятельство не могло. Непрерывные войны страшно тяготили североитальянскую территорию, и при новом своем появлении, в 1800 г., Бонапарт застал страну в несравненно худшем состоянии, чем в 1796 г.

По словам французских осведомителей генерала Бонапарта, которые после битвы при Маренго посылали ему из Милана, Турина и других городов Пьемонта и Ломбардии отчеты о положении дел, северная Италия была сильно разорена предшествующими войнами. Они подтверждали, что разорение, начатое походом Бонапарта в 1796—1797 гг., было продолжено и завершено походом Суворова и австрийским вторжением. Австрийцы продолжали опустошать страну и после ухода Суворова, и один только Пьемонт был ими ограблен приблизительно на *150* миллионов франков [6]. Ломбардии пришлось не лучше.

Люневильский мирный трактат, подписанный 9 февраля 1801 г., окончательно обеспечивал фактический протекторат первого консула над Цизальпинской республикой. Это была как бы «личная уния» между Францией и Италией, как ни странно, на первый взгляд, говорить о личной унии между двумя республиками. Первый консул Французской республики

был одновременно президентом республики Цизальпинской. Но при этом нигде не была даже сформулирована та мысль, что и на будущие времена носителем этих двух высших магистратур должно быть одно и то же лицо. Бонапарт после Люневильского мира, как и до того времени, довольствовался чисто административными реформами, больше всего заботясь о наиболее целесообразном устройстве органов фиска и полицейского надзора; французские войска с необычайной медленностью уходили из северной Италии, причем иногда вместо уведенных частей вводились новые, и цизальпинские провинции несли непомерную тяжесть вследствие обязанности их содержать. Все это очень удручало тех немногих представителей итальянского общественного мнения, которые вообще считали возможным мечтать о немедленном образовании независимой североитальянской державы. К числу таких мечтателей принадлежал и Мельци, о котором уже шла речь во введении к этой работе. Франческо Мельци д'Эриль, знатный миланец, назначенный в июне 1800 г. членом временной комиссии по управлению Цизальпинской республикой, в сущности, не любил французов и боялся их, больше же всего боялся гениального и властного Бонапарта. Будучи решительным врагом австрийского владычества, он и на французов, вместе с тем, смотрел лишь как на меньшее из двух зол. Он боялся «якобинцев», раздражался бесцеремонным хищничеством, так безудержно проявившимся еще в 1796—1798 гг., в промежуток времени между первым походом Бонапарта и походом Суворова. Это хищничество после нового появления французов (в 1800 г.) потеряло свой первоначальный беспорядочный, чисто грабительский характер и было обставлено кое-какими формами. Бонапарт повелел Цизальпинской республике уплачивать французскому казначейству по 2 миллиона ливров в месяц, и в эту сумму не входили траты на содержание еще не выведенной французской армии. Фактически страна управлялась диктаторской волей Бонапарта, притом осуществляемой часто даже не через призрачную правительственную комиссию, а через генералов, усвоивших себе обычай, когда им было нужно, сноситься непосредственно с префектами тех 12 департаментов, на которые Цизальпинская республика была разделена по декрету 23 флориаля (13 мая 1801 г.).

Эксплуатация Цизальпинской (с 26 января 1802 г. Италийской) республики была поставлена на широкую ногу. Вице-президент республики Италии Мельци не скрывал от генерала Бонапарта, что Италия несет совсем непосильные для нее жертвы на содержание армии, что ежегодно из Италии во Францию переходит до 12 миллионов франков, из которых и половина не возвращается потом в Италию через поставщиков провианта

для армии [7]. Мельци был очень пессимистически настроен и предвидел разорение страны и этого тоже не скрывал от всемогущего повелителя [8].

Эта эксплуатация принимала разнообразнейшие формы. Французское правительство приказывало итальянскому покупать *вышедшие из употребления* артиллерийские снаряды, получало за них миллионы и все-таки даже не трудилось иной раз их доставить в Италию. Мельци в 1802 г. жаловался на это Наполеону [9], и когда Наполеон приказал дать Италии, заплатившей больше 6 миллионов на этом основании, артиллерийских материалов на *четыре* миллиона, то Мельци с умилением благодарил первого консула за это *«благодеяние»* [10].

Удивляться тут нечему: нужно вчитаться в документы эпохи, чтобы понять всю степень подавленности и запуганности тех сановников из итальянцев, которых грозный «президент» сделал орудиями управления завоеванной страной.

К концу 1804 г. окончательно восторжествовала та точка зрения, что: 1) с населением Ломбардии можно сделать что́ угодно, дать Италийской республике какое угодно государственное устройство, нисколько не рискуя натолкнуться на сопротивление; 2) что у французского правительства есть и положительное *право* это сделать, так как Ломбардия — страна завоеванная; 3) что из всех форм правления для этой страны наиболее подходящей является монархическая [11]. Что непосредственное слияние с Французской империей все-таки будет принято в Италийской республике как истинное бедствие, на этот счет, впрочем, никто во Франции не заблуждался [12].

В самом конце 1804 и начале 1805 г. Наполеон делал вид, что носится с планом сделать королем Италии брата своего Иосифа, и даже поставил о том в известность императора австрийского и собирался о том написать Александру I, указывая на то, что это отречение уменьшает силу Франции, а следовательно, свидетельствует о миролюбивых наклонностях французского императора [13]. Но, конечно, все осталось по-прежнему: будущая «истинная независимость» Италии потребовала, чтобы Наполеон продолжал пока по-прежнему ею владеть и держать там огромную армию [14]. 17 марта 1805 г. император выслушал в торжественной аудиенции депутацию от республики Италии, просившую его о принятии королевского титула, и торжественно этот титул принял. Впрочем, перемена заключалась лишь в термине: он и в качестве президента уже был фактически самодержавным владыкой Италии. На другой день, 18 марта, сенат провозгласил его королем Италии.

Наполеон на самом деле никогда и ни в каком случае не желал отдавать Италию кому бы то ни было, и все эти проекты посадить на престол королевства Италии или Иосифа, или сына

Людовика Бонапарта, проекты, к осуществлению которых он и не думал приступать,— все это был в самом деле дипломатический «отвод глаз», как полагает Эдуард Дрио [15]. Он хотел показать, что вовсе не гонится за железной ломбардской короной, что не прочь дать Италии особого, самостоятельного короля. Никто ни в Италии, ни в Европе в это не поверил, и когда было оглашено, что королевский престол Италии будет занят самим Наполеоном, никто этому не удивился; только Австрия ускорила свои военные приготовления и переговоры с державами подготовлявшейся третьей коалиции. 17 марта 1805 г., как сказано, члены консульты, т. е., в сущности, отобранные правительством «народные представители», были приняты Наполеоном в тронном зале, и в тот же день был провозглашен «конституционный статут»: Наполеон провозглашался наследственным королем Италии (ст. I и II), но с оговоркой, что «когда иностранные армии эвакуируют Неаполитанское государство, Ионические острова и остров Мальту, император Наполеон передаст наследственную корону Италии одному из своих законных детей мужского пола, либо кровных, либо усыновленных (ст. III). С того времени, когда это случится, корона Италии уже никогда не может соединяться с короной Франции в обладании одного и того же лица (ст. IV). Наконец, статья V и последняя давала обещание, что в течение того же текущего 1805 г. император дарует Италии конституционное устройство, «основанное на тех же базах, как и устройство Французской империи, и на тех же началах, как законы, которые он уже дал Италии».

В торжественном ответе своем на просьбу итальянской депутации о принятии королевского титула (17 марта 1805 г.) Наполеон, между прочим, сказал, что возлагает на себя эту корону временно, пока требуют интересы Италии, и с удовольствием возложит ее, когда придет надлежащий момент, на «более юную голову» [16]. Этот момент не наступил никогда.

На другой день консульта присягнула новому итальянскому королю. Наполеон счел своим долгом особым личным письмом обратить внимание австрийского императора на свою якобы незаинтересованность в обладании королевством Италией. «Ни в каком случае у меня нет ни проекта, ни намерения соединить итальянскую корону с короной французской»,— писал он не совсем ясно, имея, очевидно, в виду удостоверить Франца в том, что он не включит Италию в состав Французской империи.

В тогда же происшедшем заседании французского сената в 1805 г. министр иностранных дел Талейран произнес речь, в которой взял на себя роль истолкователя чувств итальянцев, которые якобы во что бы то ни стало хотят отдалить время отделения двух корон и протестуют против «умеренности» импе-

ратора Наполеона, который хотел бы дать им особого короля [17]. В этой длинной речи указывалось, что извне Италии грозят соседи, внутри — смуты, и единственное спасение — чтобы Наполеон остался еще неопределенное время королем [18].

Как известно, возлагая древнюю ломбардскую железную корону на свою голову в Миланском соборе 26 мая 1805 г., Наполеон, император французов и отныне король Италии, сказал: «Бог мне ее дает, горе тому, кто ее коснется». Сообщая о коронации канцлеру империи Камбасересу, император писал об этих своих словах: «Надеюсь, что это будет пророчеством» [19]. Эти слова: «Dio mi la diede guai a chi la tocca» — вполне соответствуют тому представлению о громадной политической и экономической важности обладания северной Италией, которое всегда было свойственно Наполеону. Эти слова также резко подчеркивали, что он обосновывает обладание Италией исключительно на завоевании, а вовсе не на комедии с лионским собранием консульты.

Подробности «конституции», дарованной в главных чертах Наполеоном еще в 1802 г., нас тут совершенно не касаются, да они и слишком известны. Эта конституция ни единого дня за все свое существование не имела никакого реального значения ни в политической, ни в экономической области, ни в чисто административной. Можно, правда, отметить такую черту, как деление на *курии*.

Курия possidenti выбирала 300 выборщиков, курия dotti и курия commercianti — по 200 выборщиков.

В первую курию входили земельные собственники, во вторую — лица свободных профессий, в третью — купцы и промышленники. Под полноправными possidenti понимались собственники земельной недвижимости, приносящей не менее 6 тысяч лир годового дохода; в третью курию входили лишь крупнейшие из промышленников и коммерсантов. Запутанный и сложный способ вербования представителей (так называемого «Законодательного корпуса») от этих трех «коллегий» нас здесь не интересует (как и вся эта чисто бумажная «конституция»), но интересно, что Наполеон считал нужным представителям торгово-промышленного капитала даровать особое от *собственников* (земли) представительство.

За несколько дней до коронации, 19 мая 1805 г., представители курий землевладельцев, ученых и коммерсантов были на аудиенции у императора. Первым он рекомендовал выбирать людей хороших принципов и привязанных к его особе [20]; вторым указал на то, что его трон «один только в состоянии гарантировать независимость, свободу и все либеральные принципы, основу конституции» [21]; третьим обещал покровительство и выразил уверенность в их любви и верности [22].

Декретом 7 июня 1805 г., подписанным в Милане, Наполеон назначил вице-королем Италии своего пасынка, принца Евгения Богарне. Границей, отделяющей королевство от Французской империи, согласно другому декрету, подписанному в тот же день, должна была служить река По до устьев Тичино и река Сезия до своего устья [23].

Назначение пасынка вице-королем оживило на некоторое время слухи о том, будто император намерен сделать вскоре Евгения королем. В обществе, разбиравшемся в политических вопросах, замечалось пока некоторое разочарование. Мечта о самостоятельности не мирилась с мыслью о короле, живущем в Париже.

В миланских кругах говорили и в 1805, и в 1806 г. о желательности более определенных волеизъявлений императора относительно того, что он желает сделать с Италией. Назначит ли он короля (как он подумывал)? Или сам останется королем? Кто будет предполагаемым наследником? и т. д. До Наполеона дошли эти толки, и он не преминул на них отозваться. «Я не имею обыкновения искать свое политическое суждение в совете других, и мои итальянские народы достаточно меня знают, чтобы не забывать, что я в своем мизинце знаю больше, нежели они во всех своих головах, вместе взятых» [24].

Слухи прекратились. Оставалось по-прежнему безропотно подчиниться воле завоевателя. Нужно, кстати, сказать, что худшие стороны наполеоновской деспотической натуры резко проявлялись именно в окриках против итальянцев. Великие качества итальянского ума и характера, славное прошлое, всемирно-историческое значение итальянской культуры — ко всему этому император был слеп и глух.

В декабре 1807 г., посетив Италию после 2.5 лет отсутствия, император уже не говорит о разделении двух корон, напротив, советует итальянцам смотреть на французов как на «старших братьев» и взирать на существующую личную унию как на источник благосостояния и гарантию независимости [25]. Льстивые фразы, в которые он, впрочем, нисколько не верил, были ему ответом.

2

Переходим теперь к вопросу о том, как понимал Наполеон свои отношения к Италии и как он смотрел на эту страну.

Выше было уже сказано, что он с самого же начала завоевания приписывал северной Италии очень большое значение для Франции. Но, можно сказать, только с 1805 и 1806 гг. он стал посвящать королевству заметное внимание и планомерно осуществлять план превращения этой страны в экономическую колонию Французской империи.

До превращения Италии в королевство Наполеон мало и редко ею занимался, ограничиваясь изредка письмами и приказами, отдаваемыми вице-президенту республики Мельци, в которых, между прочим, когда бывал в хорошем расположении духа, выражал уверенность, что ни одна часть республики не хотела бы вернуться к прежнему состоянию [26]; он, конечно, интересовался тем, чтобы вывести из управления казнокрадство, в особенности же в войсковых частях, поставляемых Италией [27], и т. п. Но совсем не видно было, чтобы он желал детально ознакомиться с положением первой (по времени) завоеванной им страны. Установление централизации власти было проводимо императором и здесь со всей непреклонностью. Император и король — в Париже, вице-король и министры — в Милане, префекты — в департаментах (на которые страна была разделена еще в 1801 г.) — вот какова основа управления.

Вообще говоря, Наполеон прекрасно понимал, что в Италии история не создала даже и в отдаленной степени таких благоприятных предпосылок для установления централизации, как во Франции,— и там, где ему казалось не опасным, он охотно считался с этими условиями. Например, он полагал, что национальный итальянский *институт* (собрание академий) не может находиться целиком в Милане, но что академии должны быть распределены между Миланом, Павией, Падуей, Венецией и Болоньей. «Во Франции — все в Париже; в Италии — не все в Милане»,— писал император по этому поводу [28]. И, однако, он отказывался считаться с этим отличием. Смотреть на Италию иначе, чем как на завоеванную страну, он не мог никогда. К тому же он мало верил итальянцам.

В тот самый день, как им был подписан декрет о назначении Евгения Богарне вице-королем Италии, Наполеон написал «Инструкции принцу Евгению», в высшей степени интересные.

Император рекомендует своему молодому пасынку быть как можно осторожнее, ибо «наши итальянские подданные по природе бóльшие притворщики, чем французские граждане». *Никому* из них не следует доверять вполне,— и только этим можно сохранить их уважение. «Если вам случится поговорить по душе, и без необходимости, то скажите себе, что вы сделали ошибку, дабы больше не впасть в нее» [29]. «Показывайте к управляемой нации уважение, которое надлежит обнаруживать тем больше, чем меньше мотивов найдете вы ее уважать». Вице-король должен убедить итальянцев, будто он их любит. «Говорите как можно меньше, вы недостаточно образованны и ваше воспитание не было достаточно тщательным, чтобы вы могли отдаваться без оглядки спорам... Умейте слушать и будьте уверены, что молчание часто производит такое же действие, как и знание...». «Не имейте никакой веры в шпио-

нов. Иметь шпионов — доставляет больше неудобств, нежели выгод». Все, что нужно,— это быть уверенным в войсках. Наполеон приказывает двадцатитрехлетнему вице-королю никому не показывать писем, которые он будет получать от императора; быть неумолимым с «мошенниками» (казнокрадами); окружать себя «молодыми людьми (этой) страны, так как старики никуда не годятся»; а главное, часто посылать императору отчеты и сообщения обо всем, что делается в королевстве, и об управлении [30]. На армию же он советует вице-королю обратить особое внимание и ставит ему (уже в другом письме, написанном спустя две недели) в пример императора Павла и великого курфюрста, которым только потому удалось организовать свои армии, что они «сами занимались деталями» [31].

Он при случае ясно высказывал полное свое недоверие к Италии. Он завоевал Италию своим мечом — и только мечом ее удерживает. В случае потери «великой битвы» под знамена императора «сбежалось бы миллион, 2 миллиона людей из моей старой Франции, все кошельки были бы предо мной открыты», а Италия — *изменила бы* [32].

В Италии люди слабодушны, лукавы, склонны злословить и обижать того, кто, по их мнению, в опале у властей [33],— вот еще суждение Наполеона об итальянцах. Высоких качеств ума и характера итальянского народа он никогда не понимал. Даже излишние цензурные строгости в Италии он считал неуместными, так как ум этой страны и без того «достаточно узок», незачем его еще больше суживать [34].

Наполеон вообще ни в малейшей степени не скрывал от своего пасынка Евгения Богарне, что Италия его интересует прежде всего, если не исключительно, как страна, откуда можно брать деньги и людей для европейских войн. «Дело не в том, чтобы строить дороги и каналы; прежде всего нужно кормить мою армию... У меня еще нет сметы военного налога, наложенного на Венецианскую область. Этот налог может быть доведен до 15 или 20 миллионов, независимо от обыкновенных податей. Я увеличу свои силы; я принужден держаться в очень крепком положении; следовательно, мне нужно много денег»,— так он писал вице-королю в начале 1806 г. [35] Он просто решал в Париже, сколько именно Италия должна дать на содержание армии специальных, не вошедших в бюджет средств, и посылал коротенькое извещение-требование Евгению. Например, в феврале 1806 г. он постановил взять с Италии 7,4 миллиона франков. «Необходимо, чтобы эта сумма поступила в кассу, так как я в ней нуждаюсь» [36],— пишет он в виде пояснения вице-королю и опять прибавляет: «Не забывайте, что мне нужно много денег». Напротив, он необычайно скуп, когда нужно тратить итальянские деньги на самое Италию. «Я замечаю, что вы тра-

тите слишком много денег на Италию»,— эти выговоры постоянно попадаются в переписке императора с вице-королем [37]. То, что тратилось на Италию, вообще часто рассматривалось императором как совершенно непроизводительный расход. «Оставьте страну такой, как она была при австрийцах, которые экономны»,— раздраженно писал он Евгению, желавшему осушить Венецианскую область. «Очень стоит в этот момент заниматься осушениями и тратить деньги на эти отрасли расходов на границах королевства! Это только смешно» [38].

Чем дальше, тем больше император скупился на работы по улучшению почвы, проведению каналов, на затраты по охранению народного здравия в Италии [39]; все больше и больше проявлялась та тенденция, которая, собственно, и всегда была главенствующей в его отношениях к Италии. Страна должна быть подсобным арсеналом и местом, где можно набрать несколько не особенно блестящих, но все же каких ни на есть полков; она же должна дать средства на их содержание, даже если они находятся не в Италии, а во Франции [40].

Выше было сказано, что конституция в королевстве существовала только на бумаге; воспротивиться этим тенденциям монарха никто не смел и помыслить.

Когда Законодательный корпус Италии отваживался делать те или иные замечания по поводу налогов, обременяющих страну, император относился к этим замечаниям в высшей степени философски. «Народы всегда бывают испуганы новым налогом; я намерен его удвоить и довести до 4 миллионов»,— писал он в 1805 г., познакомившись с робкими указаниями Законодательного корпуса по поводу увеличения обложения [41]. Правда, при этом он допускал кое-когда некоторые снисхождения и изъятия [42], лишь бы они не влекли за собой сколько-нибудь существенного уменьшения доходов от вновь вводимых налогов.

Стоило Законодательному корпусу королевства несколько замяться в проведении желательного Наполеону проекта, как он грозит этому учреждению не только тем, что распустит его немедленно, но что больше его не соберет. «Пока я буду королем, Законодательный корпус не будет созван». Он приказывает вице-королю передать корпусу, что покажет, как император может обойтись без этого учреждения [43] и т. д. И за этой угрозой следует мероприятие: император утверждает бюджет не на год, а на два и приказывает вице-королю (распустив Законодательный корпус) сообщить, какие именно члены этого собрания отличались дурным поведением (il faut connaître quels sont les membres qui sont mauvais) [44]. В тот же день он объявляет: «Я недоволен Законодательным корпусом. Я воспретил представлять ему какой бы то ни было закон, и за мое царствование в Италии я его больше не созову» [45].

Разгневавшись на Законодательный корпус и немедленно его распустив в июле 1805 г., Наполеон пишет вице-королю: «Я был слишком хорошего мнения об итальянцах; я вижу, что там еще много смутьянов и дурных личностей... Я желал не власти Законодательного корпуса, а его мнения... Вы ошибочно полагаете, будто итальянцы — как дети. Тут есть злонамеренность. Не позволяйте им забывать, что я волен делать то, что хочу; это необходимо (помнить — *Е. Т.*) всем народам, а особенно итальянцам, которые повинуются только голосу господина. Они вас будут уважать лишь постольку, поскольку будут вас бояться, а бояться вас они будут постольку, поскольку заметят, что вы знаете их двоедушный и лживый характер. Впрочем, ваша система проста: император этого хочет. Они хорошо знают, что я не изменяю своей воле» [46]. Он все это писал и делал уже определенно зная, что в ближайшие дни предстоит начало решительной войны против Австрии и России и что одним из театров этой войны будет север Апеннинского полуострова. Но он итальянцев нисколько не боялся.

Вообще представления Наполеона о роли конституционного монарха итальянского королевства не отличались сложностью. Распустив, как сказано, Законодательный корпус в июле 1805 г. (по самому ничтожному поводу), император писал об этом вице-королю в таких выражениях: «Когда эти законодатели будут иметь короля по своему вкусу, он сможет забавляться этой игрой в бирюльки; но так как у меня нет для этого времени и так как все у них — страсть и интрига, то я их больше не созову» [47]. Еще ярче эти конституционные представления Наполеона сказываются в рескрипте, который он написал на имя президента распущенного Законодательного корпуса: «В моих правилах пользоваться просвещенными взглядами всех посредствующих корпусов... всякий раз, как у них будут те же намерения, и всякий раз, как они будут следовать в том же направлении, как я. Но всякий раз, как они будут в свои обсуждения вносить только дух смуты и интриги (un esprit de faction et de turbulence) или проекты, противные тем, которые я обдумывал для счастья и благополучия моих народов, их старания будут бессильны, их уделом всецело будет стыд; и несмотря на них, я осуществлю все намерения, окончу все операции, которые сочту необходимыми для хода управления и для великого задуманного мной плана восстановить и прославить королевство Италию. Эти принципы, господин президент, я передам своим потомкам, и они научатся у меня, что государь никогда не должен терпеть, чтобы дух коварства и интриги восторжествовал над его авторитетом, чтобы жалкий дух легкомыслия и оппозиции лишил уважения эту первую власть,

основу общественного порядка, исполнительницу гражданского кодекса и истинный источник всех благ народов» [48].

Не лишнее будет отметить, что он не признавал решительно никакой сдержки, никакой *возможности* отпора в Италии. Он упорно, до конца дней своих, отказывался почему-то верить в мужество итальянцев и продолжал, при случае, пренебрежительно и грубо о них отзываться. Когда на о. Св. Елены пришло известие о революции в Неаполе (в 1820 г.), то он даже развеселился и заявил, что никак не ожидал, чтобы эти «макаронщики» — maccheronai — принялись обезьянничать», подражать испанцам [49].

Когда как-то в 1802 г. Мюрат выразил опасение насчет возможного восстания в Романье, Наполеон назвал эти страхи смешными и выразился так, что если бы даже в Италии и вовсе не стояло французских войск, то достаточно было бы одного кавалерийского полка, чтобы ничего не бояться. Особенно ему не хотелось поэтому, чтобы Мюрат прибегал в Италии к «жалкому шпионству» [50].

Наполеон нисколько не скрывал, например, того, что если, вообще говоря, он считается с настроением народа, особенно, когда народ голодает, то, во всяком случае, имеет в виду народ *французский*, а не итальянский. «Вопрос о хлебе — самый важный и самый деликатный для государей. Собственники никогда не согласны с народом. Первый долг государя — склониться в этом вопросе на сторону народа, не слушая софизмов собственников» [51],— пишет он осенью 1810 г. Евгению. А вывод, который он отсюда делает, такой: нужно уничтожить какие бы то ни было пошлины, которыми обложен вывоз хлеба из Италии во Францию (так как Франция в этот момент нуждалась в хлебе). Ясно, что этот декрет (тогда же, в сентябре 1810 г.), изданный императором, всецело был благоприятен итальянским земельным собственникам, получавшим обширнейший рынок сбыта, и неблагоприятен для итальянского «народа», для потребителей, от которых ускользал итальянский хлеб. Но, повторяем, высказывая свой афоризм, Наполеон имел в виду *только* Францию, и поэтому никакого противоречия между словами и делами своими не усматривал: *французские землевладельцы в самом деле могли быть встревожены*, а *французские* потребители — обрадованы прибытием хлеба из Италии. До итальянцев же ему не было дела.

Несмотря на это не особенно высокое мнение об итальянцах, Наполеон — там, где это ему казалось уместным,— высказывался иногда и в ином смысле. Например, когда вице-президент Италийской республики Мельци сообщил ему однажды, что итальянцы жалуются на обременяющие их налоги, говорят о возвращении под власть Австрии и т. д., то Наполеон заявил,

будто не верит этому: он-де лучшего мнения об Италии, ибо «самые испорченные нации» не судят о своем положении «по большему или меньшему количеству налогов» [52]. Но это воззрение плохо согласуется как с обычным его мнением об итальянцах, так и с известным общим взглядом его на род человеческий, которым управляет *желудок* (по его формулировке).

Вместе с тем Наполеону казалось, что он осыпал Италию благодеяниями и что итальянцы не только *должны* быть ему благодарны, но что они и благодарны в действительности. Это заблуждение очень поражало собеседника его (в последние месяцы жизни императора), доктора Антомархи, который в годы наполеоновского владычества был в Италии и знал истинные чувства, широко распространенные в Италии [53].

На о. Св. Елены он говорил, что хотел создать из итальянцев нацию, объединить в королевство весь Апеннинский полуостров, сделать Рим столицей, дать этому государству французские законы, французские нравы, создать «итальянское отечество», искоренить *местный* патриотизм, «местные привычки» [54].

Наполеон, в сущности, повторял на о. Св. Елены то, что он сказал за 18 лет до того, в ответной речи, которую произнес, принимая от собравшейся по его мановению в Лионе *консульты* титул президента республики Италии, 26 января 1802 г.: «У вашего народа есть только местные привычки; нужно, чтобы он усвоил себе национальные» [55]. Но и в этой речи звучит плохо скрытое пренебрежение: итальянцы должны иметь армию, у них для этого есть многочисленное население, плодоносная земля и пример, который им дал «первый народ в Европе», т. е. французы [56].

Он настойчиво подчеркивал *объединяющую* роль своего владычества в Италии.

Декретом 24 апреля 1806 г. вице-король уведомил подданных королевства Италии и венецианцев, что его величество *приказывает* им быть братьями [57]. Это категорическое распоряжение и по форме, и по содержанию необычайно характерно для всей итальянской политики Наполеона.

История итальянского объединения не может пройти мимо того периода, о котором идет речь. Но современники должны были считаться (и очень серьезно) с тем, что, как выражался тот же Наполеон, итальянцы высокомерно признавались лишь *младшими* братьями французов.

3

Общий характер воззрений Наполеона на экономическую роль этих «младших братьев» относительно «старших» я уже определил в I томе своего исследования. Франция — эксплуа-

3*

татор, покоренные нации — в том числе и Италия —эксплуатируемые; *всякое* мероприятие полезно, если оно выгодно Франции. Здесь нужно только прибавить несколько слов о том, с какой дополнительной трудностью приходилось Наполеону считаться при неуклонном осуществлении этой политики в королевстве Италии. Эта трудность была не велика,— но она была. Она заключалась в некотором трении правительственного механизма. Правда, вице-король был *свой* человек, и этот выбор был не случаен. Ведь император категорически отклонял всегда даже самую мысль дать то или иное самостоятельное владение в Италии, то или иное герцогство итальянцу: эти герцогства должны были быть исключительным уделом маршалов и генералов императорской армии, «моих солдат», как выражался Наполеон [58]. Подавно он не мог доверить обширное королевство нефранцузу. И вице-королю он, в самом деле, мог верить. Но Евгений volens nolens должен был обращаться к услугам местных сведущих людей, министры у него были итальянцы, и вот тут-то не все и не всегда шло гладко.

Конечно, и итальянские министры под страхом отставки обязаны были в своей торговой политике больше думать об интересах французских производителей, чем итальянских потребителей, и с этой точки зрения будто бы радовались всякому сокращению «иностранной (нефранцузской) конкуренции, например, насильственному прекращению сбыта бергской промышленности [59]. Но по некоторым признакам можно судить, что император не особенно доверял подобным изъявлениям радости. Он зорко и подозрительно следил за тем, как работает правительственный аппарат в королевстве.

Служившие впоследствии при вице-короле министры-итальянцы, в сущности, очень бы желали обезопасить свою родину от Франции, и, пока шли (в 1805 г.) разговоры и предположения о том, что Наполеон дает Италии особого короля, они в частных разговорах осмеливались высказываться в таком духе, который императору едва ли понравился бы. Таков был Марескальки, министр иностранных дел [60], таков был даже иногда Прина и др.

Министр таможен королевства Италии Ламбертенги, по хвалебному в общем отзыву агента французского министерства внутренних дел, соблюдал интересы Франции, *поскольку они не противоречили интересам его родины* [61]. Но в том-то и дело, что эти интересы обеих стран при Наполеоне оказывались часто в полном противоречии, и никакие высокопарные фразы о братских чувствах, которые должны питать друг к другу обе державы Наполеона, не могли затушевать этот объективный и очевидный факт. Указанное противоречие отнюдь не вытекало из природных или, шире говоря, общеэкономических условий,

в которых жили обе страны; его не было до Наполеона, и оно не проявлялось после Наполеона. Оно было создано могучей и упорной волей «императора и короля», имевшего твердое намерение сделать из королевства Италии экономического вассала Франции и, что важнее, располагавшего подавляющими силами для осуществления этого намерения — если не всецело, то в значительной степени. И трагизм положения людей, вроде Мельци, Альдини, Ламбертенги, заключался в том, что они считались и себя считали министрами итальянского короля, а должны были исполнять предначертания французского императора, пред которым, в душе Наполеона, итальянский король всегда безмолвствовал.

Они старались, но далеко не всегда удачно, добиться взаимных *уступок со стороны Франции.*

Вообще проведение принципа взаимности не выходило из мысли итальянских министров, хотя положение Италии относительно Франции и воззрения Наполеона на желательные взаимодействия обеих стран были таковы, что трудно было мечтать о чем-либо похожем на планомерное и последовательное проведение этого принципа. Нужно было хвататься за отдельные, мелкие случаи, пользоваться подвернувшимся удобным обстоятельством, чтобы украдкой выторговать на основании этого принципа что-либо для итальянских купцов или промышленников. Вот пример. Французский министр торговли обращается к итальянскому министру финансов, прося разрешения французским купцам ввезти в Италию некоторое количество готового платья из бумажной материи. В императорском декрете от 10 октября 1810 г. говорится о допущении лишь бумажных материй, а не готовых изделий из этих материй. И вот итальянский министр вспоминает, что купцы из Павии уже несколько месяцев ждут разрешения ввезти такие же точно товары во Францию. Он этим тотчас же пользуется и выдвигает вопрос о *взаимности* [62]. Но многого подобной мелкой борьбой достигнуть было нельзя.

Министрам королевства Италии Наполеон *не* доверял и склонен был думать, что они очень способны узурпировать власть вице-короля, стоит тому только проявить слабость в охране своих прерогатив [63]. Не верил он также и в бескорыстие своих подчиненных.

«Меня обворовывают на 50, на 60 процентов»; «меня хотят заставить заплатить вдвое; так или нет?», «стремятся красть сколько возможно» — такими заявлениями пестрят письма и приказы императора, отправляемые вице-королю [64].

Там, где возникало подозрение в честности того или иного итальянского чиновника, император всегда склонен был обобщать и предостерегать вице-короля от излишнего доверия ко

всей нации вообще [65]. При малейшем неудовольствии он отставлял служащих, грозил *расстрелом* за неосторожные слова; укорял Евгения, что тот «слишком рыцарственен», что это не подобает положению вице-короля. «Я знаю итальянцев лучше, чем вы, я буду покровительствовать тем, которые обнаруживают привязанность ко мне, но я сурово расправлюсь с теми, которые будут принадлежать к иной категории» [66].

Впрочем, разница между вице-королем и министрами реально сводилась лишь к тому безобидному обстоятельству, что Евгений, на правах пасынка, осмеливался откровенно высказываться иногда о том, о чем министры молчали. Но ни единого раза дальше этого дело не пошло и никакой настойчивости, конечно, вице-король проявлять не осмеливался.

При обсуждении торгового договора между Францией и Италией в 1808 г. вице-король откровенно писал императору, что некоторые домогательства имперских министров клонятся прямо к уничтожению важных отраслей итальянской промышленности. Евгений понимал, что этим трудно разжалобить грозного повелителя, и поэтому считал нужным почтительнейше указать на то, что уничтожение итальянской промышленности может вредно отразиться на доходах королевской казны. А впрочем, как его величеству будет угодно [67]. Это — неизбежный конец всех посланий вице-короля. Я не могу указать ни одного случая повторного письма о предмете, относительно которого вице-король расходился в мнениях с императором. Ней, Массена, даже Мюрат были все же несколько настойчивее, хотя, конечно, и они гнулись пред железной волей повелителя.

Ревниво относясь к возможным попыткам итальянских министров узурпировать власть вице-короля, он не менее ревниво охранял всю полноту своей собственной власти от каких бы то ни было поползновений Евгения проявить самостоятельность. «Вы не должны, под каким бы то ни было предлогом, хотя бы луна грозила упасть на Милан, делать что-либо, выходящее из границ вашей власти» [68]. Он, собственно, боялся доброты, свойственной Евгению Богарне, с неудовольствием думал о том, что вице-король склонен прислушиваться к жалобам населения [69].

Наполеону не нравилось, например, и то, что вице-король не был врагом гласности, в том смысле, что не прочь был опубликовать свои распоряжения, если по существу они не имели характера государственной тайны. «Сын мой, нужно печатать мало... Чем меньше вы будете печатать, тем будет лучше», — писал император Евгению [70]. При всей своей благосклонности к пасынку, он много раз и резко ему выговаривал за разные провинности.

Он часто был недоволен излишней, как ему казалось, щепетильностью Евгения в пользовании реквизициями. «Tant de

ménagement» относительно Италии его удивляет. Он не понимает, почему Евгений неохотно пользуется своими неограниченными правами. «Не следует пугаться воплей итальянцев: они никогда не довольны... Покажите силу!» [71] И вообще, по его мнению, итальянцы вопят, но не думают о том, что говорят. Ведь знают же они, что если добром не подчинятся реквизициям, то армия возьмет силой то, что ей нужно. Во имя блага армии вице-король обязан быть суровым к населению [72].

Правда, Евгений Богарне не только не отличался жестокостью, но вообще был человеком лично благородным и умевшим входить в чужое положение. В документах Миланского архива я нашел немало доказательств, что тайком от своего грозного вотчима вице-король неоднократно спасал от гибели и разорения лиц, нарушивших запрет торговать с англичанами. Были, например, такие случаи: на корабле, принадлежащем к тому же иностранцу, который и не знал о суровом декрете 10 июня 1806 г., находят тючок хлопчатобумажной пряжи английского происхождения. Корабль подлежит конфискации, хозяин — тюремному заключению и штрафу. Вице-король довольствуется наложением штрафа в 200 лир и конфискацией товара, но выпускает судохозяина из заключения и возвращает ему судно [73].

Но в общем вице-король был послушнейшим орудием наполеоновской воли.

Вице-король чрезвычайно точно соблюдал правила континентальной блокады и обусловленных ею декретов, предугадывал в этом отношении мысли и желания Наполеона, очень огорчался окриками и подозрениями императора [74], ставил как бы делом чести для себя самое суровое выполнение этих распоряжений Наполеона.

4

О том, как выражалась императорская политика последовательного использования ресурсов королевства Италии в области торгово-промышленных отношений, будет еще много сказано в дальнейших главах, так как именно эта сторона дела освещается нашими документами, можно сказать, с исчерпывающей полнотой. Здесь мы остановимся пока лишь на двух моментах (одном — фискальном, другом — административно-политическом), без уяснения которых не совсем полно было бы представление об общей обстановке тогдашней экономической жизни королевства.

Наполеон самым решительным образом эксплуатировал итальянскую казну для общеимперских целей. Это обескровливало, истощало и без того более чем скромный монетный рынок

королевства, ослабляло кредит, вредило торговле и промышленности.

Верховная власть при этом отказывалась усматривать какое бы то ни было различие между более богатой Францией и бедным королевством.

Император категорически и принципиально отвергал всякую мысль о том, чтобы его итальянские подданные были меньше обременены налогами, нежели французы [75]. Безмерно преувеличивая благодеяния, которыми якобы пользуются итальянцы, он не допускал никаких послаблений в действиях фиска.

В деле взыскания налогов с Италии он был беспощаден. «Разве (в Италии — *Е. Т.)* платят больше, чем во Франции?» — спрашивал он и отвечал, что во Франции платят больше, а поэтому итальянцев щадить нечего. Вообще к жалобам, идущим из Италии, он относился почти всегда саркастически. «В этой стране желали бы невозможного: платить мало податей, иметь мало войск и быть великой нацией; все это — химера. Здравомыслящие люди должны положиться на меня. Я знаю, что́ нужно и что́ — хорошо, так как у меня высшие взгляды» [76]. И он требовал, чтобы *ежемесячно* его королевство вносило во французскую казну 2,5 миллиона франков, помимо, конечно, всяких обыкновенных доходов, которые получались им как итальянским королем.

Император иной раз, впрочем, когда его просил вице-король хоть немного пощадить Италию, как бы сознавал, что лежащее на королевстве бремя очень значительно; но тогда он приводил другие аргументы: нужду в деньгах в данный момент [77] и т. п. Словом, об облегчении Италии он не желал и слышать. Он, по-видимому, не считал, что особенно эксплуатирует Италию: главные выгоды, которые она должна дать, заключаются, по его определению, в том, что на ее счет будет содержаться большая армия (вспомогательная, так сказать, при главной, французской) [78].

Не довольствуясь регулярной данью, взыскиваемой с королевства Италии в пользу Империи, Наполеон прибегал и к экстренным поборам, когда находил это нужным.

В начале 1804 г. первый консул приказал, чтобы республика Италия внесла во французское казначейство на постройку флота 2,4 миллиона ливров. Впрочем, 26 мая того же года позволено было половину этой суммы возместить натурой, доставив на 1,2 миллиона ливров пеньки [79].

В войну 1805 г. Наполеон приказал взыскать с королевства Италии чрезвычайную сумму в 6 миллионов франков и именно этими деньгами расплатиться за все военные поставки на армию, собранную в Италии. Но так как при нормальной уплате за поставляемые продукты этой суммы не хватило бы,

то он почти одновременно и, по-видимому [80], после некоторых сдержанных протестов Евгения, объявил под реквизицией все, что могла получить армия в Италии.

Постоянные поборы повысились особенно с 1806 г. Италия уплачивала в *имперскую* казну в качестве «субсидии» в течение первых четырех месяцев 1806 г. по 1,6 миллиона франков в месяц, а в течение последних восьми — по 2,5 миллиона франков,— в общем, за весь этот год — 26,4 миллиона франков. С 1807 г. эта субсидия была доведена до 30 миллионов франков (ежегодно) [81].

Наполеон приказал в 1806 г. не только содержать французскую и итальянскую армии, находящиеся в Далмации, на счет итальянской казны, но непременно доставлять в *золотой монете* нужные суммы в распоряжение военных властей. За два года (1806—1808) на содержание французской армии в Далмации пошло 15 965 339 франков, а на содержание итальянской — 3 599 709. Эти 19 565 048 франков были отправлены из Италии, согласно повелению императора, золотой монетой. Конечно, это внесло большую тревогу и сопряжено было с большими неудобствами для торгового мира, так как в 1808 г. в королевстве совсем не осталось золота, и вице-король очень беспокоился и доносил об этом Наполеону, так как совсем не знал, каким образом помочь беде. Характерно, что это золото и в Далмации не осталось: австрийцы постарались, чтобы оно поскорее перешло к ним [82].

И впоследствии повторялись случаи, когда на итальянскую королевскую казну возлагалась обязанность содержать, кроме итальянской, еще и имперскую армию, находившуюся временно в королевстве.

К февралю 1810 г. французская армия, стоявшая в Италии, была равна 76 035 человек [83]. «Иллирийская» армия в ту же эпоху была равна 26 339 чел.[84]; армия присоединенной Римской области — 2073 чел.[85]; армия, приуроченная к Ионическим островом,— 6910 чел. [86] Эти имперские армии тоже иногда отчасти, иногда всецело оказывались на содержании королевства Италии, и эти расходы итальянской королевской казне приходилось покрывать откуда угодно сверх сметы.

И еще этими высочайше утвержденными расходными статьями на армию и флот дело не ограничивалось: фактически тратилось почти всегда больше, потому что Наполеон делал непредвиденные сметой издержки по этим ведомствам [87]. Заказы имперское интендантство обыкновенно делало во Франции, а не в Италии,— и не только для французской, но и для итальянской армии. А если что перепадало итальянским подрядчикам, то платили им далеко не так аккуратно, как французам.

Насколько аккуратен был платеж за взятые французским интендантством вещи и припасы, явствует из того, что в *1810 г.* Наполеон после долгих молений приказал уплатить 212 897 франков за доставленную итальянскими подрядчиками в *1800 г.* экипировку для французской армии (и еще характерная черта: в *1811* г. императору особым докладом напоминали, что он в 1810 г. велел этот десятилетний долг уплатить) [88]!

По мнению вице-короля, высказанному им в конце 1810 г. в непривычно смелом письме к императору, *невозможно* было бы еще более отяготить страну обложением, при полном разорении торговли и почти полном разорении промышленности [89].

Наполеон держался на этот счет иного мнения.

Собираясь присоединить к Империи Церковную область, Наполеон, однако, не желает, чтобы лежащий на этой области государственный долг, или, вернее, та часть государственного долга, которую он вообще решил уплатить, легла бременем исключительно на Империю же: он распоряжается, чтобы этот долг был отнесен на счет Империи и королевства Италии, причем он полагает, что *бóльшая* часть будет уплачена именно Италией [90]. И когда впоследствии Церковная область была присоединена, то все и было устроено так, как он того желал.

В заключение этого параграфа приведу некоторые цифровые данные, касающиеся государственного бюджета республики, затем королевства, Италии в наполеоновский период. Со всеми пропусками и неясностями эти цифры все же весьма любопытны. У нас есть данные как о некоторых первых годах наполеоновского владычества, так и о некоторых последних годах этой эпохи.

В	1803	г.	общий	доход	был	равен	97 010 802	лирам
»	»	»	»	расход	»	»	96 996 079	»
»	1804	»	»	доход	»	»	107 559 089	»
»	»	»	»	расход	»	»	91 632 037	»
»	1805	»	»	доход	»	»	100 473 594	»
»	»	»	»	расход	»	»	103 282 143	»
»	1806	»	»	доход	»	»	140 466 555	»
»	»	»	»	расход	»	»	139 000 855	»
»	1807	»	»	доход	»	»	114 230 000	»
»	»	»	»	расход	»	»	114 230 000	» [91]

Эти цифры в общем увеличиваются в последние годы царствования.

	1809 г.	1810 г.	1811 г.	1812 г.
Приход . . .	128 585 000	134 480 613	137 423 092	не показан
Расход . . .	136 000 000	134 480 613	142 444 870	144 000 000

Документы отмечают, что в сумму расходов на 1811 г. вошла цифра 10 133 626 лир, ассигнованная на подготовку войны с Рос-

сией [92]. Сколько ассигновано было на эту цель из итальянского бюджета в самом 1812 г.— не знаем.

Таковы приблизительные цифры. Говорим *приблизительные* потому, что в документах (одинаково официального происхождения) находим все же некоторые разночтения и (в общем, правда, не особенно большие) неточности. Есть и довольно крупные несовпадения. Так, например, в одном документе (Миланский гос. арх., серия Commercio, № 11, 28 gennaio 1812, декрет) находим определение доходов на 1809 г.— 128 585 тыс. лир, расходов — 136 миллионов лир, а в другом документе (Нац. арх., A. F. IV* 486, 36) на тот же 1809 г. цифры наказаны такие: доходы — 127 781 970 лир, расходы — 127 359 тыс. лир.

Если вглядимся в бюджетные статьи, то получим еще несколько интересных деталей. Возьмем тот же 1809 г. Вот показания документа относительно доходных статей.

Доходы посчитаны (тем документом, откуда взяты дальнейшие цифры) в 127 781 970 лир.

Главными статьями дохода были: налоги на земельную недвижимость 51 647 071 лира; таможни, налог на соль, на табак, на предметы потребления (посчитано в одной статье) — 48 818 693 лиры. Для нас тут интересно отметить, что прямой налог на лиц, занимающихся торговлей и промышленностью (arti e commercio — в графе Imposte dirette), дал всего 1 681 186 лир. К общей цифре *чистого* дохода, данного косвенным обложением (как сказано — 48 818 693 лиры), нужно присчитать показанный отдельно *расход* на эту часть фискальной организации, и тогда получится тоже показанная документом цифра *валового* прихода от косвенного обложения — 65 944 948 лир. Больше всего из отдельных статей косвенного обложения дали: 1) налог на соль — 22 359 854 лиры, 2) налоги на иные предметы потребления — 22 266 785 лир и 3) таможни — 8 659 588 лир валового дохода (в 1808 г.— 10 168 687 лир) [93].

Что касается расходов, то общая их цифра распределяется по рубрикам так.

Из 127 359 000 расходов на 1809 г. самыми крупными статьями были: 42 миллиона на военное и морское министерство, 30 миллионов ежегодной дани в казну Французской империи, 18,8 миллиона — по финансовым и тому подобным обязательствам, на министерство внутренних дел — 17,9 миллиона лир (затем шли — министерство юстиции — 7,6 миллиона и цивильный лист королю — 6 миллионов; остальные статьи расходов колебались между 2420 тысячами лир — министерство финансов — и 180 тысячами — министерство исповеданий) [94].

Есть у нас показания, касающиеся расходных статей и в 1811, и в 1812 гг., в два последние года, когда был составлен и выполнен бюджет королевства. Расходы (*обыкновенные*) в 1811 г. были равны 131 миллиону лир [95].

По государственным долгам и другим обязательствам, пенсии, пожизненные ренты	21 000 000	лир
Цивильный лист	6 000 000	»
Министерство юстиции	7 600 000	»
Министерство иностранных дел	800 000	»
Министерство внутренних дел	16 400 000	»
Министерство исповеданий	200 000	»
Военное и морское министерства	44 000 000	»
Министерство финансов (finanze)	3 300 000	»
Казначейство (tesoro publico)	1 100 000	»
Дань Франции (corresponsione alla Francia) . . .	30 000 000	»
Резервный фонд	600 000	»
	131 000 000	лир

Бюджет 1812 г.: расход 144 миллиона лир (приход не показан). Предполагаемые статьи расхода **1812 г.**

Расходы по долгам, пожизненные пенсии и ренты	22 000 000	лир
Цивильный лист	6 000 000	»
Министерство юстиции	7 500 000	»
Министерство иностранных дел	500 000	»
Министерство внутренних дел	17 000 000	»
Министерство исповеданий	200 000	»
Военное и морское министерства	46 000 000	»
Министерство финансов	4 300 000	»
Казначейство (tesoro)	1 500 000	»
Уплаты Франции (corresponsione alla Francia) . .	30 000 000	»
Добавочный кредит на долги 1809 г.	4 000 000	»
Резервный фонд	5 000 000	»
	144 000 000	лир

В общем отчете о финансах королевства, представленном Наполеону в конце 1812 г., указывается, что с 14 февраля 1802 г., «со времени конституционного порядка», до 1 октября 1812 г. сумма государственных доходов королевства выразилась в цифре 636 миллионов лир и что почти столько же (на 32 578 лир меньше) было произведено расходов [96].

Таким образом, выходило, что сводятся концы с концами. Но вглядевшись в цифры расходных статей, читатель убедился, конечно, как мало были приняты во внимание интересы королевства: например, в 1812 г. из 144 миллионов общих расходов

больше половины ушло на армию и в имперскую французскую казну в виде прямого взноса (46 миллионов + 30 миллионов = = 76 миллионов лир). Затем — 22 миллиона пошло на уплату и погашение долгов и т. п.

Но сколько среди этих долгов было таких, которые решительно без всякого справедливого основания были взвалены Наполеоном на итальянскую казну!

Кровопролитная и разорительнейшая война 1813 г., ведшаяся и на территории королевства, подкосила королевские финансы.

Состояние казначейства Италии оказалось уже в середине октября 1813 г. «ужасающим», и даже нечем было покрыть обыкновенные расходы. Интендантство *приостановило* свои действия за полным денежным истощением [97].

5

Вторым моментом, который в общей жизненной обстановке, как она создалась в королевстве Италии, необходимо учитывать, раз дело идет об экономическом состоянии страны, был вопрос о рекрутских наборах.

По масштабам, к которым привыкло человечество со времени распространения всеобщей повинности, цифры рекрутов, которых Наполеон забирал в королевстве, не могут казаться особенно большими. Но если принять во внимание непривычку народа к военной службе, систему почти непрерывных войн, которые вел Наполеон, наконец, лучшее устройство полиции в городах, чем в деревне, то станут понятными и страх населения, и отвращение его к рекрутским наборам, и также то обстоятельство, что именно городская молодежь — прежде всего, конечно, рабочие и ремесленники — тяжелее всего чувствовала гнет рекрутчины; деревенскому жителю временно укрыться от набора было сплошь и рядом гораздо легче. В городе это было несравненно труднее, и уклонение от явки к набору влекло за собой необходимость навсегда покинуть насиженное место и дезертировать из округа.

При австрийском владычестве рекрутские наборы были несравненно легче; существовали большие изъятия. Вся Миланская область (Milanese) не была обязана поставлять рекрутов в австрийскую армию; она содержала лишь добровольную милицию, которая обеспечивала порядок внутри страны. Если в этой области стояли австрийские войска, то по просьбе самих миланцев, которые просили (и которым правительство обещало, но не всегда выполняло это обещание) держать у них армию в 25 тысяч человек, чтобы дать заработок местной торговле и привлечь звонкую монету в страну [98].

При Наполеоне все это круто изменилось. Ежегодно с 1801 г. происходили наборы, вселявшие панический страх.

В 1810 г. Наполеон пожелал было, чтобы Италия выставила армию в 33 тысячи человек [99], по очень скоро этой цифры показалось ему недостаточно, тем более, что он считал королевство способным к гораздо большим жертвам. (Еще в январе 1809 г. он высказывал в письме к брату, вестфальскому королю, уверенность, что Италия в состоянии выставить 80 тысяч солдат) [100].

Численность итальянской армии быстро вырастала. В середине 1810 г. итальянских войск числилось 49 044 человека (2083 офицера и 46 961 нижний чин) [101].

К 1 августа 1811 г. войск, выставленных королевством, числилось 54 433 человека (не считая венецианской национальной гвардии — 1810 человек). Это — последнее (по времени) сведение, находящееся в соответствующем регистре императорского секретариата и предшествующее войне 1812 г. [102] Следующий регистр [103] открывается подсчетом, помеченным *февралем* 1813 г., и так как здесь еще не приведены в известность и не приняты во внимание страшные потери, испытанные итальянскими войсками в России, то эти цифры относятся именно к положению дел в 1812 г. Впрочем, сам документ в графе Data della situazione совершенно точно и определенно помечает то 1 giugno 1812 г., то 1 maggio 1812 г., то 1 ottobre 1812 г., то 1 aprile 1812 г. относительно тех частей войск, которые были в великой армии; даты: 29 dicembre 1812 г. или 1 gennaio 1813 г.— попадаются лишь относительно войсковых частей, оставшихся дома. Из этого документа мы узнаем, каких страшных жертв и усилий потребовал император от своего королевства: оказывается, что в 1812 г. оно выставило в общем 91 788 человек (2938 офицеров и 88 850 солдат), из которых часть погибла в России, а уцелевшим и остававшимся в 1812 г. в Западной Европе суждено было сражаться в 1813—1814 гг.

К 1 мая 1813 г. новая армия, выставленная королевством Италией, была равна 68 316 человекам (2654 офицера и 65 662 солдата). Из этого числа 20 237 человек состояло в великой армии, сражавшейся в 1813 г. в Германии, 9400 человек сражалось в Испании, больше 2900 человек несло службу в Иллирии, 1200 — на Ионических островах, а в самом королевстве находилось 31 500 человек (стоянки остальных нескольких тысяч были разбросаны по о. Эльбе, Корсике и т. д.) [104]. Набор (весенний) 1813 г. прошел в Италии без всяких замедлений, без попыток протеста, без уловимого ропота, и военное начальство не могло нахвалиться этим настроением (buono spirito) страны [105].

Выше было сказано, что именно городские рабочие несли на себе значительные тяготы при каждом наборе. Набор не ща-

дил даже тех рабочих, которых в самом деле почти невозможно было в ближайшем будущем заместить. Когда забирали таких рабочих, то даже большие казенные заводы воспринимали это как болезненный, тяжкий удар; хлопоты не помогали, но иногда удавалось «купить заместителя», как тогда выражались, нанять рекрута вместо рабочего, который был нужен. Покупался такой заместитель, конечно, на средства администрации предприятия [106].

Особенно трудно было заместить оружейников и вообще металлургов.

Обучить рабочего оружейному мастерству, особенно при строго проводившейся именно в этой области системе разделения труда, было, может быть, задачей и не свыше сил человеческих, хотя некоторым таким специальностям приходилось обучать по нескольку лет; во всяком случае каждым таким обученным рабочим оружейники чрезвычайно дорожили, дорожил и казенный оружейный завод в Брешии. Между тем, к большому горю хозяев частных мастерских и управляющего казенным заводом, их рабочие не были избавлены от воинской повинности. Их брали в солдаты или они убегали в горы,— все равно, заменить их оказывалось весьма трудно. Заинтересованные подсказывали правительству решение: освободить рабочих-оружейников от отбывания воинской повинности в полку и оставлять их на работе в мастерской или на заводе, где они работают, причем они *обязаны* были бы соответствующее число лет проработать в данной мастерской или на заводе, отбывая таким именно способом свою воинскую повинность [107]. Но из этих пожеланий ничего не вышло.

Уже в 1806 г. в королевстве Италии стало ощущаться вздорожание рабочих рук. Современники объясняли это исключительно непрерывными рекрутскими наборами. Страна лишалась не только призываемых: вообще много молодежи, особенно в пограничных департаментах, уходило в горы, переходило через рубеж, часто эмигрировало, лишь бы не попасть в войска рано или поздно [108]. Из северных департаментов убегали в горы, из южных — через горы в Тоскану, которая хоть и была тоже в зависимости от Наполеона, но меньше была известна и обследована полицейскими властями. Туда укрывались не только лица, уклонившиеся от воинской повинности (les conscrits insoumis), но и солдаты-дезертиры, которых тосканское население охотно прятало [109].

В особенности широко было распространено и серьезно отзывалось на промышленной деятельности бегство от воинской повинности, практиковавшееся среди рабочего населения северной части королевства Италии. Рудокопы и металлурги Брешии и Брешианской области, да и всего департамента Меллы

массами убегали в Альпы при всяком рекрутском наборе. Эти горные крестьяне исстари привыкли к почти полному отсутствию какого бы то ни было начальства и начальственного опекания. Когда они числились подданными самостоятельной еще Венеции, венецианское правительство по дальности расстояний и другим причинам довольно мало вмешивалось в их быт: были местности — и как раз те долины между гор, которые изобиловали рудниками,— куда ни один венецианский полицейский, ни один сборщик податей не мог показываться. Венеция дала этим своим подданным ряд вольностей и привилегий в подобном же духе. Переход от всех этих благополучий под железную ферулу Наполеона, с наборами, преследованием неплательщиков и т. д., не обошелся легко, и бегство в тирольские горы принимало временами чуть не массовый характер [110].

Хуже всего было то, что убегали не только рудокопы этих мест, но и металлурги. Правда и рудокопов не так-то легко было заменить ввиду специальных трудностей этого дела, требующих если не искусства, то приобретаемых долгое время навыков. Но заменить металлурга в тогдашней Италии было действительно трудно.

В 1807 г. солдат-дезертиров, бежавших из итальянской армии, числилось 4023 человека, в 1808—4696, в 1809 — 6249, в 1810 — 2782 человека; в общем за эти четыре года, по подробным подсчетам военного министерства, дезертировало 17 750 человек [111]. Кроме того, были подсчитаны отдельно лица, не явившиеся к рекрутскому набору. Их оказалось в 1807 г.— 4649, в 1808 г.— 8129, в 1809 г.— 5307, в 1810 г. — 4142, а всего за четыре года — 22 227 человек [112]. Там и сям в документах, касающихся промышленной деятельности в королевстве в эти годы, встречаются упоминания о бежавших от военной службы рабочих.

К слову будь сказано, дезертирство сильно поддерживало и пополняло разбойничьи шайки; после каждого набора оживлялись слухи о нападениях и грабежах.

Разбои в Италии, собственно, не вывелись до конца царствования Наполеона, несмотря на все суровые меры вице-короля и на все напоминания императора по адресу администрации [113].

Разбои, впрочем, не прекращались и в присоединенных непосредственно к Империи частях северной Италии, и генерал-губернатор заальпийских департаментов князь Боргезе откровенно признавался императору, что даже временные приостановки в деятельности разбойничьих банд объясняются отнюдь не успехами полиции в борьбе с ними, а разными случайными обстоятельствами [114].

Наполеон время от времени посылал (особенно на дороги между Болоньей и Флоренцией, Флоренцией и Римом, Миланом

и Болоньей и т. д.) экспедиции с приказом судить и расстреливать на месте взятых разбойников [115]. Но до последних лет царствования приходилось постоянно снаряжать подобные экспедиции, что уже само по себе показывало, до какой степени зло не поддавалось искоренению [116]. Перед походом 1812 г. разбойники, среди которых было много дезертиров и контрабандистов, собрались *в горах, в Венецианской области, и Наполеон должен* был туда также послать военно-полевой суд в сопровождении очень сильного отряда для поимки и казни этих людей [117].

Таковы были рисуемые документами общие условия, с которыми исследователь экономической жизни Италии должен считаться.

Теперь попытаемся в заключение определить: 1) какова была численность народонаселения королевства, созданного Наполеоном, и 2) каково было уследимое умонастроение общества. Документальными данными, отвечающими на эти два вопроса, мы и закончим эту вводную, первую главу.

6

Какова была численность населения королевства Италии при Наполеоне? Границы страны менялись за бурное время этого царствования, и в разные годы показаны разные цифры. При младенчестве тогдашней статистики нет ничего удивительного и в том, что даже для одного и того же момента цифровые показания, даваемые разными документами, не всегда совпадают. Приведу наиболее правдоподобные и наиболее настойчиво повторяющиеся свидетельства.

В 1803 г. в Италии (королевстве) считалось 3,8 миллиона человек; в 1806 г. (после присоединения Венецианской области) больше 5,3 миллиона человек. Аустерлицкая кампания и Пресбургский мир сыграли, таким образом, огромную роль в жизни королевства Италии [118].

Провинции, отнятые после войны 1805 г. у Австрии (Венеция, Падуя, Виченца, Тревизо, Удине, Беллуно, Фельтре, Кадоре и Истрия), вошли (с 1806 г.) в состав королевства Италии и были разделены на семь департаментов (Адриатический, Бренты, Баккильоне, Тальяменто, Пьяве, Пассериано и Истрия), а Далмация сохранила свое название *провинции* Далмации. В 1810 г. Далмация и департамент Истрия были отторгнуты Наполеоном от королевства и вошли в состав присоединенных к Франции «Иллирийских провинций», но остальные владения, отнятые у Австрии в 1805 г., оставались до конца наполеоновского царствования в составе королевства Италии. Новые приобретения королевство сделало в 1808 г., в эпоху обострения ссоры между папой и императором.

Вот в каких цифрах по данным и подсчетам правительства выразилось увеличение королевства Италии после Пресбургского мира в более детальном показании.

До войны 1805 г. королевство занимало 2416 кв. лье и имело 3 801 068 жителей; *после* этой войны оно насчитывало 3916 кв. лье и 5 301 068 жителей, так как Венецианская область и другие земли, присоединенные по Пресбургскому миру к Италии, занимали 1500 кв. лье и имели 1,5 миллиона жителей (считая с Истрией, Далмацией, даже с округом Каттаро) [119]. Официальный документ знает, что «некоторые географы» утверждают, будто в приобретенных землях живут 1,8 миллиона жителей и даже 2 миллиона, но он считает эти цифры необоснованными [120].

Весной 1808 г. Наполеон формально отторг от папских владений четыре провинции (Урбино, Мачерату, Анкону и Фермо) и присоединил их к своему Итальянскому королевству. Папа горько жаловался на это [121], но присоединение было удержано. Однако насколько именно от этого увеличилось население королевства, нам установить не удалось. Эти провинции, согласно декрету императора от 2 апреля 1808 г., составили три новых департамента королевства Италии: Музоне, Метауро и Тронто.

Во всяком случае в королевстве Италии, считая с Истрией и Далмацией, в конце 1809 г. уже числилось по официальным данным 6 529 168 человек, в Истрии и Далмации вместе — 344 612 человек населения [122].

Далее, согласно «договору», заключенному Наполеоном с баварским королем 28 февраля 1810 г., баварский король обязывался уступить королевству Италии пограничные с Италией местности южного Тироля, причем население этих местностей должно было равняться 280—300 тысячам душ. Характерно, что в договоре самые местности не были названы более точно. Их только впоследствии точнее отграничил вице-король Евгений [123].

Но в том же 1810 г. королевство Италию постиг жестокий удар: Наполеон отнял часть его территории и присоединил к Империи. Вообще говоря, в этом отношении ни малейшего чувства обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне в Италии, всецело зависимой от каприза императора, быть не могло. Сегодня он давал королевству Венецию, Истрию, Далмацию — завтра внезапно отрывал Истрию и Далмацию от Италии и присоединял их к Французской империи. Вернувшись в Милан в начале 1810 г., вице-король нашел умы в высшей степени возбужденными: распространился слух, что император решил уничтожить королевство, присоединить Италию к Империи. Тревога так распространилась, что торговля, сделки между частными лицами приостановились, и вице-король счел долгом своим и *настоятельной* необходимостью особым посланием к итальянскому сенату успокоить публику [124]. Дело дошло до того, что из боязни

этих внезапных перемен люди продавали свое имущество (par peur), подчеркивает вице-король, и по той же причине не находили покупателей.

До уничтожения королевства дело не дошло, но в 1810 г. Истрия и Далмация были отторгнуты от Италии окончательно и вошли в состав Французской империи как часть *«Иллирийских провинций»*. Для Италии, и особенно, добавим, для Венеции, потеря Истрии, откуда королевство получало некоторые съестные припасы, дешевую соль и обильный строевой лес, была очень чувствительна [125].

Возник ропот, который дошел до властей. Вице-король довольно настойчиво приглашал итальянцев «в молчании чтить» «комбинации», оторвавшие от Италии Истрию и Далмацию, и восхвалял счастье народа, «единственная политика которого заключается в самом полном доверии к основателю» королевства [126]. Он пытался также, явно утаивая и искажая совершенно определенную тенденцию и вполне ясную мысль императора, внушить итальянцам, будто Наполеону они и французы одинаково близки и дороги [127]. Мы видели, что Наполеон именно вице-королю писал (и с раздражением повторял и напоминал), что французы ему ближе и дороже, чем итальянцы. Впрочем, едва ли кого в Италии вице-королю в этом отношении действительно удалось обмануть.

Наполеон все же как будто желал на первых порах отчасти утешить итальянские торгово-промышленные круги в утрате всяких надежд на присоединение Иллирийских провинций к королевству Италии. По крайней мере имперское правительство взяло на себя труд пояснить правительству итальянскому, что в сущности и королевство выиграло от совершившегося. «Приобретение Иллирийских провинций, сделанное его величеством, представило королевству Италии новый и важный рынок для сбыта продуктов его почвы и мануфактур, но благосклонность его величества к его итальянским подданным не ограничивается этим благодеянием»,— так писал весной 1810 г. итальянскому министру финансов французский министр иностранных дел [128]. Новое благодеяние его величества, оказывается, заключается в том, что он намерен вступить в торговый договор с Австрией и желает знать, каковы были бы желания («интересы») Италии в подобном случае. Все письмо написано в необычайно любезном и предупредительном тоне, к которому вовсе не привыкли итальянские министры со стороны министров имперских [129],— но ничего реального из всего этого не вышло, никакой пользы от сближения Наполеона с Австрией королевство не извлекло, никаких торговых сношений между Италией и Австрией не затеялось (кроме тех, какие существовали раньше и были лишь прерваны войной 1809 г.). Все любезности Шампаньи

были только позолотой очень горькой пилюли. Истрия и Далмация с их населением и природными богатствами были безвозвратно потеряны для королевства.

7

Общее настроение, общественное мнение там и тогда, где и когда не существовало даже и отдаленного признака сколько-нибудь свободной печати, бывает очень трудно выяснить в точности. А в королевстве и вообще никакой периодической прессы еще не было. Не существовало также ни легальной, ни конспиративной политической жизни общества; карбонары совсем не характерны для северной Италии в эту эпоху, и изучение их деятельности ничего в данном случае нам не дает. Остается обратиться и тут к официальным документам.

В 1796 г., в год, когда генерал Бонапарт впервые вторгся в Италию, не было недостатка в голосах, предупреждавших французское правительство, что если французы намерены заменить собой австрийцев, то их и ненавидеть будут, как австрийцев. И голоса эти раздавались в самой Франции [130]. Французы говорили об освобождении от «австрийского тирана», но принесли с собой прежде всего диктатуру в политике и эксплуатацию в экономической области. То хорошее, что они сделали,— уничтожение пережитков феодального строя — не так бросалось в глаза. Генерал Бонапарт с первых же шагов своих в Ломбардии старался демонстративно подчеркнуть свою почтительность к церкви, но духовенство держалось настороже.

Вообще же насчет настроения отдельных классов общества в Италии вице-король однажды проговорился в донесении императору об «общественном духе» Анконы, Мачераты, Урбино и Фермо, которые император собирался как раз тогда (март 1808 г.) формально уже оторвать от Папской области и присоединить к своему итальянскому королевству: «Общественное настроение управляется священниками и монахами; следовательно, оно очень дурно... Несомненно, мало есть обывателей, которые желают присоединения страны к королевству Италии, но уже два месяца, как нет почти никого, кто не считал бы этого присоединения совершившимся фактом, и поэтому не был бы весьма расположен ему подчиниться». Дворянство и духовенство — против французов; что касается торгово-промышленных слоев (les négociants et les artisans), то они предпочли бы папское владычество французскому, а французское — австрийскому. И еще черта: со времени заключения мира с Россией (Тильзитского) настроение, враждебное французам, стало немного уменьшаться [131] (т. е. вернее было бы сказать — стала уменьшаться надежда избавиться от французов).

Только что приведенные данные — существенны, они ка-

саются общественных классов, в самом деле имевших корни в населении. Император хорошо знал, что, напротив, лиц «либеральных профессий» в королевстве крайне мало и уж на них-то можно не обращать внимания.

В отчетах министерства финансов, подававшихся Наполеону, и особенно обстоятельных именно за 1811 г., мы находим любопытную статистику лиц «либеральных профессий»: оказывается, что их числилось в королевстве за 1811 г. всего 13 215 человек (а за 1810 г.— 12 317 человек). Из этого числа врачей было в 1811 г. 2690 человек, «хирургов», посчитанных отдельно от врачей,— 1440 человек, низшего медицинского персонала (chirurghi minori) — 1429 человек, землемеров — 1656 человек, инженеров — 444 человека, архитекторов — 28 человек (sic!). нотариусов — 1775 человек, адвокатов — 482 человека [132] и т. п.

Но, собственно, и другие классы населения не казались императору опасными. Если он за кем следил с особенной подозрительностью, то только за духовенством (особенно в те годы, когда обострялся конфликт с папой).

Особым приказом он совершенно *прекратил* какую бы то ни было корреспонденцию между населением Италии и папой, приказав перехватывать все письма, идущие к папе из Италии и от папы в Италию [133].

Что вообще департаменты, отнятые у папы, а также лежащие поближе к Австрии, больше подвержены «колебаниям в мнениях» (по весьма придворному и дипломатическому выражению одного доклада), Наполеон знал хорошо [134]. И в 1809, и в 1813 г. с этим приходилось отчасти считаться. Но вообще он всех этих итальянских настроений нисколько не боялся, как уже замечено выше. Вместе с тем, до него доходили свидетельства и предостережения, указывавшие на неискренность его итальянских подданных.

Тайные осведомители Наполеона (о которых, по-видимому, ничего не знал вице-король) писали императору, что особенно полагаться на миланцев и их верноподданнические чувства не следует, ибо столица Италии «холодна и неблагодарна» по существу своему; и вообще, чем больше итальянцам давать, тем больше они требуют и жалуются [135]. Мы видели выше, что Наполеон и сам не создавал себе никаких иллюзий относительно итальянской искренности.

Евгений Богарне, напротив, уверял Наполеона, что на настроение Италийского королевства можно положиться и что во всяком случае эта страна более надежна, чем все ее окружающие [136]. Правда, окружные страны, по его же словам, были совсем уж ненадежны [137].

Но могущество императора было так колоссально, что вообще ничто и нигде, казалось, не могло посягнуть на него.

Доносят императору об итальянских настроениях, вице-король иногда восхищается и даже сам как бы удивляется полнейшей покорности народа, успешному и легкому функционированию административной машины даже в таких нелегких случаях, как производство военных наборов [138].

В общем (очень кратком) отчете полиции об общественном настроении в королевстве Италии за 1807 г. мы находим несокрушимый оптимизм. Оказывается, что только сумасшедшие да кое-какие старики, привязанные к Австрии, составляют исключение, все же прочие — душой и телом за Наполеона [139]. Все население признает, что здание непоколебимо, пока Наполеон находится на его вершине. Но дальше следует фраза довольно загадочная, во всяком случае сильно нуждающаяся в пояснениях, которых, однако, документ не дает: «Сочли бы смешными ораторов, демагогов, смутьянов, *больших богачей*, если бы кто-нибудь из них посмел возбуждать тревогу относительно этого принципа». Что это означает? Почему les démagogues, les factieux, les puissamment riches поставлены в одну строку? Каких богачей подозревает полиция? Может быть, здесь имеются в виду большие земельные собственники, которые и в Пьемонте, и в королевстве Италии обнаруживали еще в самом начале французской оккупации глухое недовольство по поводу полной и быстрой ликвидации пережитков феодальной связанности земельных отношений, отчасти удерживавшихся в этих местах. Отдаленно как будто подтверждает эту догадку и то обстоятельство, что *непосредственно* вслед за этой фразой полиция говорит об упадке деятельности среди землевладельцев и влагает в уста землевладельцев слова, выражающие недовольство по поводу пренебрежения правительства к интересам земледелия [140]. Во всяком случае о политическом недовольстве других «больших богачей» в Италии ни этот документ, ни предшествующие не говорят ничего. Да и самое выражение les puissamment riches в течение всего этого периода в Италии не подходило к держателям движимого капитала, к купцам и промышленникам. Ни больших финансистов, ни индустриальных или коммерческих магнатов итальянская общественность в эту эпоху еще не знала. Могли быть единичные исключения, но и речи не могло быть о выделении их в особую группу. Вообще же земледельческий характер этой страны кажется полиции очень благоприятным обстоятельством, препятствующим развитию злонамеренности [141].

Но император все же пристально смотрел на свое королевство.

В середине 1808 г. Наполеон уже не был так спокоен за Италию и «дух», царящий в ней: он убежден, что англичане ведут тайную агитацию в королевстве и что вице-король дол-

жен «удвоить» свою бдительность и даже, если это нужно, сместить начальника полиции. Вообще рекомендуется суровость [142].

Эта суровость особенно рекомендовалась именно потому, что уже с половины 1808 г. стали появляться признаки надвигающейся войны с Австрией; эта война должна была разыграться вблизи от королевства, и все тайные австрофилы подняли голову.

Во время войны 1809 г. в некоторых департаментах королевства было в самом деле настолько неспокойно, что вице-король просил ближайших имперских генералов о присылке войск, и ему были отправлены подкрепления из Турина [143].

После неудачного для вице-короля сражения при Пьяве (в том же 1809 г.) и вторжения отдельных тирольских отрядов на территорию северных департаментов (Адды, Меллы и Серио) среди населения этих департаментов возникло брожение, которое окончилось только с полным подавлением тирольской гверильи.

Из Анконы летом этого же опасного 1809 г. поступали известия не только о появлении многочисленных и смелых разбойничьих шаек, но и о том, что после сбора хлебов крестьяне могут взбунтоваться, так как их *доводят до отчаяния* новые налоги; особенно много угнетают их налоги на предметы потребления. Чиновники взыскивают с них *вдвое* больше, чем сколько получает от этого налога, собственно, казна [144]. И вообще во всей верхней Италии может, в случае вторжения австрийцев, начаться резня французов и всех преданных правительству.

Победа при Ваграме положила конец всем этим опасениям. Глубочайшая тишина царила в королевстве в течение всего периода между австрийской войной 1809 г. и русской — 1812 г.

Начало наполеоновских несчастий было и в королевстве временем возникновения глухого брожения. Но до императора не сразу дошли об этом вести.

После страшных потерь, испытанных итальянским вспомогательным корпусом во время русского похода, и именно в первые месяцы 1813 г., когда начали более или менее точно определяться и выясняться размеры испытанного бедствия, Наполеону доставлялись сведения о весело окончившемся (хотя и «несколько холодно начавшемся») карнавале, о встреченном «с ликованием» новом конкордате между Наполеоном и папой и т. п. [145] И будто бы особенно весело было в Венеции. Но чем решительнее ускользало от Наполеона во второй половине 1813 г. военное счастье, тем громче проявлялось годами назревавшее недовольство в королевстве Италии.

И когда, после Лейпцигской битвы, в ноябре 1813 г. французское владычество сильно заколебалось, вице-король был уд-

ручен проявившимся «дурным духом» и «злонамеренным» брожением в королевстве, но Наполеон и теперь не обратил на это никакого внимания и советовал вице-королю не унывать. «Не нужно рассчитывать на благодарность народов. Участь Италии не зависит от итальянцев»,— писал он [146]. Императору по-прежнему было ясно, что итальянцы бессильны проявить сколько-нибудь властно, а главное осуществить свою волю и что они будут добычей победителя, кто бы он ни был.

Волнение в Милане 20 апреля 1814 г., когда войска Евгения уже ушли, а австрийцы еще не являлись, было мимолетным; оно направлено было против уже прекратившегося фактически наполеоновского владычества и кончилось тем, что народная толпа растерзала министра финансов Прина. Прина был известен как пунктуальный исполнитель императорской воли в деле взыскания налогов. Но это волнение осталось одинокой вспышкой.

Когда империя Наполеона пала, избирательные коллегии собрались 22 апреля 1814 г. в Милане на чрезвычайное заседание, где их председатель говорил о событиях, на которые никто не смел *надеяться* и которые, по воле провидения, повлекли отказ «этого человека, необычайная репутация которого всюду вносила ужас», от короны Италии. Поэтому они разрешены от своей присяги и могут ждать «счастливого будущего от великодушия союзных держав» [147] и т. д., и т. д.

Не итальянские подданные Наполеона свергли его владычество, но и не среди них он мог рассчитывать найти сочувствие. Они подчинились новым владыкам, как подчинялись до того Наполеону, чувствуя пока все то же бессилие стать самостоятельно на ноги.

Глава II

ТОРГОВЦЫ, ПРОМЫШЛЕННИКИ, РАБОЧИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ ИТАЛИИ В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭПОХУ

1. Класс торговцев и промышленников в королевстве Италии в царствование Наполеона. Их потребности и стремления. Уничтожение цехов, введение нового торгового права. Устройство новых дорог. 2. Вопрос о машинах. 3. Настроение торговцев и промышленников. 4. Рабочие в королевстве Италии в наполеоновскую эпоху. Скудость документальных свидетельств о них. 5. Организация промышленного труда

1

Свидетельства, приведенные в первой главе, уже сами по себе подготовляют ответ на вопрос исследователя о положении торгово-промышленного класса в королевстве Италии в эпоху Наполеона. Торговцы должны были испытывать все те стеснения и нести все те убытки, которые испытывало и несло французское купечество (и о чем так подробно говорится в I томе моей работы); промышленники же не чувствовали себя покровительствуемыми, не пользовались обширным рынком, не были избавлены от легальной, по крайней мере конкуренции, как их французские товарищи. Королевство Италия должно быть рынком, где французская промышленность свободно состязается с итальянской; Французская империя должна быть рынком, куда не должен проникать ни один иностранный промышленник; когда Франция желает ввозить товары в королевство,— она *сестра* Италии, у них общий *отец* Наполеон, император и король; но когда итальянский купец намерен торговать во Франции, тогда вспоминается, что он — иностранец, правда, подданный наиболее благоприятствуемой (по крайней мере на бумаге) державы, но все же иностранец. Вот правительственные и административные аксиомы наполеоновского царствования, одинаково непререкаемые

и в Тюильри, и в последней таможенной караульне на франко-италийской границе.

Следовательно, в королевстве Италии можно констатировать то, чего не было в Империи: почти полную солидарность в настроениях как торговцев, так и промышленников и до, и после введения континентальной блокады.

Прежде всего, какова была численность торгово-промышленного класса? Мне посчастливилось найти показание об этом, в высшей степени драгоценное.

Администрация, старавшаяся в фискальных целях вести точный учет лицам разных профессий, считала, что в 1811 г. в Италии было в общей сложности *225 400* человек, занимающихся «ремеслами или какой-либо отраслью торговли» (больше всего в департаменте Olona — 19 700 человек, затем в департаменте Adriatico — 17 512 человек, Adige — 16 964 человека, Mella — 13 114 человек, Metauro — 12 860 человек, Agogna — 11 605 человек, Mincio — 10 966 человек, Alto-Adige — 10 761 человек, Alto-Po — 10 451 человек, Reno — 10 062 человека, Serio — 10 552 человека, в остальных — меньше 10 тысяч человек) [1]. Эта цифра *(225 400)* показывает увеличение сравнительно с цифрой 1810 г. *(188 938)* — увеличение, лишь отчасти объясняемое тем, что в подсчете 1810 г. еще не было департамента Alto-Adige (10 761 человек). Эта цифра — 225 400 людей, кормящихся торгово-промышленным трудом в качестве хозяев предприятий торговых и промышленных, хозяев мастерских,— довольно значительна для того народонаселения, которое тогда числилось в королевстве.

Разумеется, сюда не вошли вовсе ни кустари, работавшие на продажу, ни тем более крестьяне, бравшие работу к себе в деревню по заказу от той или иной мануфактуры.

Самостоятельные хозяева предприятий, занимавшиеся ремеслами, промышленным трудом, торговлей, платили ежегодно за патенты и несли другие профессиональные налоги; в 1811 г. они, в общей сложности, уплатили в пользу казны 1 529 843 лиры, а городских сборов (в пользу коммун) — 502 045 лир (не считая недоимок за прошлый срок) [2]. Это обложение было в высшей степени пестрым и разнохарактерным по местностям, по профессиям и т. д. Как относился торгово-промышленный класс королевства к основному вопросу момента — вопросу о свободе торговли и запретительной политике?

Нужно сказать, что в общем голос торговцев и промышленников в королевстве Италии звучал совершенно в унисон, там где речь шла о свободе торговли.

В июне 1802 г. в Законодательном совете не только обсуждался, но и получил одобрение большинства собрания законопроект о полной «свободе торговли» как внутренней, так и

внешней, причем правительству предоставлялось только право, в случае нужды, «временно воспрещать ту или иную отрасль торговли с заграничными странами» [3].

Нечего и говорить, что эти слова так и остались несбыточной мечтой. Вся экономическая политика Наполеона была решительнейшим отрицанием принципа свободы торговли. А правом «временно воспрещать» ввоз товаров в Италию из *Франции* наполеоновское правительство никогда не воспользовалось.

В Италии не сразу поняли всю безнадежность подобных попыток переубедить повелителя.

Еще на первых порах итальянские коммерсанты и промышленники осмеливались иной раз начинать свои петиции и обращения с многословных рассуждений о природе экономических отношений, рисковали даже ссылаться на Адама Смита, на Кондильяка, на экономиста Дженовези [4] и т. д. Но Наполеон, ненавидевший экономических теоретиков XVIII столетия (да и всю общественную философию того времени), довольно быстро отучил своих итальянских подданных от этих словоукрашений.

Убогое, вполне призрачное представительство, дарованное торгово-промышленному классу наполеоновской конституцией, и не пыталось вступиться за интересы этого класса.

В конце 1807 г. весь collegio elettorale de commercianti состоял из 76 человек [5], откуда правительство фактически и отбирало нужных депутатов.

Но эти представители коммерческого мира Италии не смели говорить императору ничего, кроме льстивейших слов о том, что он вывел их из мрака и т. п. [6]

Правда, купечество и промышленники королевства не могли отрицать некоторых благих последствий наполеоновского владычества.

Во-первых, были уничтожены цехи. В другом месте, в книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» *, я указывал на те жалобы и сетования, которые раздавались во Франции по поводу уничтожения цехов [7].

Сравнительно не особенно часто звучат эти жалобы на уничтожение цехов в Италии; правда, они, как увидим, попадаются, и факту закрытия цехов приписывается иногда много дурного, но *в общем* на эту реформу в республике (а затем королевстве) Италии смотрели как на благо бесспорное.

Во-вторых, введение как гражданского, так и торгового наполеоновских кодексов было огромным шагом вперед, и новое, гораздо более совершенное торговое (и вексельное в особенности) право явилось истинным благодеянием для торгово-промышленных кругов. Французский торговый кодекс был просто

* См. наст. изд., т. II.— *Ред.*

переведен на итальянский язык, и этот перевод объявлен, по повелению Наполеона, законом для королевства Италии [8]. Это торговое законодательство так прочно вросло в почву северной Италии, что вполне искоренить его оказалось не под силу и реставрированной австрийской власти в 1814 г.

В-третьих, торговцы и промышленники были чрезвычайно заинтересованы в развитии сети шоссейных и иных дорог, а Наполеон сделал в этом отношении для королевства Италии очень много. Для императора, в данном случае, на первом плане стояли нужды стратегические и административные, но и торговля очень много извлекла из создавшегося положения.

Правда, дороги в северной Италии были уже накануне наполеоновского владычества все же в лучшем состоянии, чем в Италии южной, например в Неаполитанском королевстве, где существовала, собственно, *единственная* широкая дорога, ведшая из Неаполя к северо-востоку (в Рим) [9].

Но если сравнивать не с югом Апеннинского полуострова, а с Францией или даже с Баварией, то придется признать, что в королевстве Италии до Наполеона и в первые годы его владычества проезжие дороги были в общем плохи, дорожная сеть была развита мало и сношения затруднительны. Даже каретников, которые бы выделывали возки для путешествий, в королевстве насчитывали немного. Каретное дело было сильно развито в Турине, который отошел к Французской империи вместе с остальным Пьемонтом. Оттуда ввозилось в королевство ежегодно до 100 карет, на сумму около 300 тысяч франков. В среднем карета стоила 3 тысячи франков; пошлина же при ввозе в Италию была от 36 до 50 франков (36 — за обыкновенную карету, 50 — за украшенную золотом или серебром) [10]. Самая незначительность этой цифры (100 карет за год) показывает, однако, что Италия получала кареты еще откуда-то. Но откуда? Единственный найденный мной документ, который говорит о данном предмете, указывает, правда, в очень неопределенной форме, еще и на некоторый ввоз из Германии, но сам же прибавляет, что ввоз из Французской империи — больше ввоза германского. Ясно, что должны были существовать итальянские каретные мастерские, но сколько их было? Так ли мало, как это казалось Isnard'у, доклад которого я тут имею в виду? Сказать трудно, так как, кроме доклада Isnard'a, у нас в данном случае ничего нет [11].

Во всяком случае перевозочные средства если не для путешествия, то для торговых обозов были в достаточном количестве,— важно было развитие дорожной сети.

Наполеон проводил дороги в самых трудных местах в Апеннинах, не щадя очень больших сумм. Дороги проводились от Болоньи к западу и северу, от Милана — к югу; со времени

присоединения Иллирийских провинций к Французской империи стали проектировать также дороги в восточном углу северной Италии. По мнению современников, «никаких жертв» не боялось правительство в деле проведения дорог. Местные люди, пользуясь этой тенденцией Наполеона, постоянно просили о проведении новых и новых дорог. В сторону Ливорно вели с востока даже две почти параллельные дороги — из Болоньи и из Модены (через Прато и Пистойю), и моденцы жаловались даже, что правительство прекратило движение почтовых дилижансов по их дороге, и приписывали это интригам болонцев при дворе императора [12].

Конечно, одни города теряли, другие выигрывали при этом проведении новых и новых дорог. Жаловались, что император благоволит к Болонье, но жаловалась и сама Болонья.

Болонья в течение всей своей истории была экономически тесно связана с Венецией; с Венецией она расцветала и с Венецией приходила в упадок. Расположенная очень выгодно на пересечении торговых путей, ведших с севера на юг и с северо-востока на юго-запад, Болонья долго служила передаточным торговым пунктом для стран севера и юга Апеннинского полуострова. Она сообщалась с обоими портами — как Венецией, так и Ливорно,— и хотя расстояние ее от обоих портов было почти одинаково, но торговых сношений у Болоньи было всегда больше с Адриатическим морем, чем с Средиземным, с Венецией, чем с Ливорно. Немудрено, что упадок Венеции после присоединения ее к Италии должен был отразиться и на Болонье [13]. Болонцы, в частности, жаловались, что былая транзитная торговля, шедшая прежде из Триеста через Венецию в Ливорно, изменила свои пути и Болонья уже не служит, как прежде, главным пунктом, через который шла эта дорога транзитных товаров [14]. Но эти жалобы не мешали жаловавшимся признавать, что для развития дорожной сети делается так много, как никогда в прежние времена. Да и сами болонцы временами говорили нечто, прямо противоречившее их жалобам. Они признавали, что все-таки Болонья играет выдающуюся роль как рынок, где встречались товары, шедшие от Адриатики, с товарами, шедшими от Средиземного моря [15].

Император заботился и о речных путях. В 1806 г. Наполеон приказал начать работы с целью сделать Минчио судоходной рекой. Он хотел облегчить этим торговые сношения между всем бассейном По и адриатическим побережьем, с одной стороны, и Лаго-ди-Гарда, другими озерами и Швейцарией, с другой стороны. Наконец, на Мантую и дороги, к ней ведущие, нужно было обратить особое внимание именно потому, что присоединением Пармы не к королевству Италии, а к Французской империи Наполеон создал ряд самых тяжелых затруднений для

сношений между разными частями королевства, так что торговая дорога из Болоньи в Милан пошла через Мантую [16].

Правительство носилось и с проектом соединения особой системой дорог обоих морей, омывающих Италию.

Дорога через устье По, Гуасталу, Реджио, Лукку, Саргану и Специю могла бы легко соединить оба моря, омывающие северную Италию: Адриатическое и Генуэзский залив. Этот путь огромного торгового значения был подготовлен самой природой так, что оставалось сделать лишь очень немного: озаботиться о соединении Лукки со Специей (тем более, что проезжая дорога через трудный горный участок из Реджио в Лукку уже существовала). Мало того: к 1806 г. уже составился проект устройства нужной дороги от Лукки к Специи [17], но так этот проект и остался проектом. Тут помешали даже не столько таможенные трудности, сколько то обстоятельство, что при владычестве англичан на морях самое это соединение двух морей представлялось делом, не имевшим непосредственного практического интереса. Но и то, что было сделано в области дорожного строительства, создавало прямо новую эру в сношениях между отдельными частями севера Апеннинского полуострова.

2

Нельзя сказать, чтобы итальянское купечество и промышленники не ценили этих благих для них проявлений правительственной политики. Но вместе с тем они не могли не сознавать, что искреннего желания принести пользу торговле и промышленности королевства, если это хоть отдаленно задевало французские интересы, у императора не было и быть не могло. И это поселяло неискренность и недоверчивость в отношениях; внешняя беспредельная угодливость и пресмыкательство плохо прикрывали истинные чувства представителей промышленности и торговли. Знали же они, например, прекрасно, что Наполеон, всячески заботясь о распространении машинного производства во Франции, не щадя для этой цели никаких усилий и расходов, в то же время не проявлял ни малейшего внимания к снабжению машинами промышленников своего королевства. Итальянские министры, гораздо более заботившиеся о национальных интересах королевства, чем вице-король и император, встречались с большими препятствиями всякий раз, когда речь заходила о выписывании машин.

Нужно сказать во всяком случае, хотя верховная власть и относилась вполне равнодушно к вопросу о снабжении итальянской промышленности машинами и усовершенствованиями, хотя со стороны французского правительства приходилось даже

прямо испытывать недоброжелательство и недоверие при попытке раздобыть нужные инструменты, итальянские министры не падали духом, и иногда им удавалось с превеликим трудом раздобыть некоторое количество «машин». Но тут начинались новые трудности — по распределению приобретенного между промышленниками. Во-первых, нужно было иметь свободные деньги, чтобы купить эти машины у правительства (которое устраивало склад обыкновенно в столице, в Милане); при общем положении торговли и промышленности далеко не всякий фабрикант этими свободными деньгами располагал. Во-вторых, необходимо было найти и оплачивать инструкторов, которые бы научили итальянцев обращаться с новыми «машинами»: таких инструкторов можно было выписать только из-за границы, так как итальянские рабочие были лишены каких бы то ни было нужных познаний и навыков, были слишком «грубы» (rozzi), как выражаются документы [18]. Рутина, le vecchie pratiche, всецело ими владела, и не в глухих чисто земледельческих углах страны, но в самых промышленных департаментах, вроде Серио. Но это было препятствие превозмогаемое. Нужно было считаться с другим: с сознательным нежеланием хозяев приобретать машины. Ничего не помогали понукания и приглашения со стороны властей; министры и префекты оказывались часто вполне бессильны. Понести расходы, да еще в трудные времена, приобрести машины, из которых еще неизвестно что выйдет,— на этот риск итальянские промышленники не шли и, наперед вежливо оговариваясь, что неудачи с машинами могут приключиться непредвиденно, как всегда бывает по началу дела и т. д., довольно недвусмысленно обнаруживали недоверие к ценности и практической полезности всех инструментов, иждивением начальства выписываемых из Франции [19]. Да и откуда было взяться доверию! Ведь они прекрасно знали, что лучших, *настоящих* машин, которыми и сама Франция была снабжена отнюдь не преизбыточественно, им ни за что не дадут (и даже не покажут), а выписать из другой страны — из Берга, из Саксонии, не говоря уж, конечно, об Англии,— не позволят. Итальянский торгово-промышленный мир можно было упрекать в чем угодно, но только не в излишней наивности. Если бы была вера в предлагаемые машины, нашлись бы, вероятно, и капиталы; оказалось бы возможным выписать и инструкторов. А «грубость» и неумелость народа, проявившего столько высоких талантов именно в технике и до и после рассматриваемого периода, едва ли оказались бы серьезным препятствием.

Шерстобиты и суконщики королевства не переставали с первых до последних лет царствования Наполеона указывать на необходимость доставления им машин, без которых они *не могут* выдерживать иностранной конкуренции [20].

В заявлениях и просьбах о выписке машин вообще недостатка не было, но только из этих заявлений обыкновенно не выходило никакой реальной пользы.

Торговая палата департамента Бренты, жалуясь на упадок производства, указывает как на одну из причин на невежество производителей и просит правительство озаботиться введением машин [21].

Подобные же мысли высказывают иной раз и представители самых захудалых в промышленном отношении областей. Например, в департаменте *Нижнего По*, в Ферраре, существуют три отрасли производства: дубильное дело, изделие шляп и мыловарение — и все три находятся в упадке. Причины «политические», как выражается представитель местной торговой палаты: уничтожение «привилегий» (т. е. цехов), конкуренция других мануфактур как самого королевства, так и заграничных, но, кроме того, *производство нуждается в технических усовершенствованиях,* чтобы выбиться из своего незавидного положения [22]. Мы видим, что самые реакционные в смысле промышленного законодательства идеалы (вроде возвращения к цехам) все-таки соединяются с желанием поскоре увидеть в королевстве машины.

Один только раз удалось получить от императора принципиальное одобрение мысли о необходимости снабдить Италию машинами, но и то без всяких видимых результатов.

Декретом 24 октября 1810 г. Наполеон повелел отпустить в распоряжение министра внутренних дел королевства Италии очень скромную сумму в 200 тысяч франков (из средств королевского казначейства) на приобретение машин для пряжи хлопка, шерсти и пеньки. Император заявлял при этом о своем желании ввести в королевстве машины, которые позволили бы Италии обходиться без большей части иностранного ввоза. Машины должны были разместиться в городах: Милане, Венеции, Болонье, Брешии, Бергамо, Вероне, Кремоне и Комо. Насколько эта забота гармонировала с постоянным ревнивым стремлением императора сделать Италию экономической данницей Франции,— это был вопрос, анализом которого итальянские министры могли заниматься только разве в частной беседе между собой. Во всяком случае они решили ловить момент и сейчас же воспользовались благосклонным декретом [23]. В Париж, «единственное место, где можно было приобрести машины», был послан тотчас же «главный механик королевства», кавалер Морози. Почему Париж был «единственным местом» по мнению итальянского правительства? Англия, конечно, исключается, но ведь была Саксония, был Берг, где машинное призводство уже было налицо и пустило довольно глубокие корни? Ясно, однако, что писать подозрительному владыке о том, что Италия может купить

нужные ей машины кое-где вне Франции, было неудобно. Итак, кавалер Морози отправился в Париж и высмотрел нужные машины. Имперский министр внутренних дел «с бесконечной обязательностью и добротой»[24] помогал Морози в его стараниях, со столь же бесконечной добротой он поспешил предварить итальянское правительство, что не выпустит купленных машин из Франции без нового специального декрета императора, так как французские законы воспрещают вывоз машин из Империи. Пришлось обращаться непосредственно к Наполеону с новыми просьбами. Я не нашел ни в итальянских, ни во французских архивах сведений о том, были ли (и когда именно) доставлены эти машины на место назначения.

Мало того. Наполеон очень зорко следил и за тем, чтобы французские рабочие не занесли как-нибудь случайно в Италию технических навыков и не сообщили бы итальянцам тех или иных секретов производства.

В конце царствования, и именно в бедственный 1811 г., замечался довольно сильный отлив рабочих из Империи в Италию. Французское правительство заметило очень хорошо это обстоятельство и уже в начале 1812 г. перестало выдавать рабочим заграничные паспорта. Так как в официальной бумаге трудно было откровенно признаться в нежелании содействовать развитию промышленности в королевстве, государем которого был сам же Наполеон, то был пущен в ход особый мотив: рабочие направляются не только в королевство Италии, но, «вероятно», и дальше — в королевство Неаполитанское, а потому пускать их из Франции не следует[25].

Да и можно ли было ждать *искреннего* содействия этому делу со стороны императора, который вообще сомневался в том, следует ли заводить в Италии даже простые прядильни, и в том же 1810 г. написал на одном докладе: «C'est une question de savoir s'il convient d'encourager l'établissement des filatures à Rome et, en général, en Italie...»[26].

3

Даваемая в этой главе общая характеристика положения торгово-промышленного класса в королевстве Италии была бы не полна, если бы мы ограничились только указаниями на «светлые» и «темные» стороны наполеоновского законодательства и управления, о которых пока шла речь; о таможенной политике, о подчинении интересам Франции еще будет много сказано в дальнейшем изложении, в другой связи, и все, что будет сказано, подтвердит данную здесь общую характеристику.

Но самая характеристика была бы все же неполна, если бы мы не отметили здесь еще одной черты: глубочайшего чувства

необеспеченности, неуверенности в завтрашнем дне, которое воспитывалось в итальянском торгово-промышленном классе правительственным произволом и безудержным самовластьем Наполеона. Мы видели выше, что даже границы королевства менялись императором внезапно, без предупреждений, прибавлялись новые области, отсекались старые. Менялись и весьма важные детали таможенного законодательства, и тоже внезапно, без подготовки. Самый крутой полицейский произвол царил невозбранно и давал себя чувствовать именно там, где хотя бы отдаленно были замешаны интересы фиска или борьбы против контрабанды. Купечество было как бы раз навсегда взято под подозрение в сочувствии контрабандному ввозу английских товаров и должно было постоянно ждать обысков, секвестров, арестов. Приведу здесь пока, в виде иллюстрации, два-три факта.

Как жилось именно наиболее крупным негоциантам и промышленникам, с которых скорее всего можно было надеяться получить деньги, как с ними обходились французы, довольно наглядно показывают сохранившиеся в миланском и парижском архивах жалобы и прошения частных лиц. Приведу такой образчик. Некто Тревес, богатый венецианский купец и впоследствии председатель Венецианской торговой палаты, учредил в Триесте, еще в эпоху австрийского владычества, торговый дом «со скромным основным капиталом (avec un modique fonds) в 100 тысяч флоринов». Но вот, «при победоносном вступлении французов в Триест, когда наложена была контрибуция на торговлю этого города», с Тревеса потребовали 60 тысяч флоринов (т. е. бóльшую половину основного капитала предприятия!). Напрасно он указывал, что с него уже и австрийцы получили контрибуцию как с итальянского подданного, ничего не помогло. И характерно, что итальянский министр Марескальки, хлопоча о Тревесе пред императором, больше всего расхваливает верноподданнические чувства купца и главным образом на них основывает свою аргументацию в пользу обобранного [27].

Таких случаев было сколько угодно, но приводить их все значило бы без нужды загромождать изложение. Атомосфера произвола, с одной стороны, бесправия и запуганности, с другой,— вот что воскресает пред исследователем, читающим пожелтевшие страницы этих рукописей. И эта атмосфера царила в таких крупных торговых центрах, как Венеция, Триест, Болонья, Милан. Что же делалось в захолустьях?

В один прекрасный день у шестнадцати болонских купцов секвеструют их товары, как полученные на их имя в таможне, так и находящиеся у них в магазинах. Происходит это 23 октября 1810 г., и потерпевшие решительно не понимают, за что их постигла эта беда? Арест, таким образом, наложен на все выписанные ими и имеющиеся у них товары, *кроме тех, которые по-*

лучены ими из Франции. Купцы умоляют снять арест, так как эти товары рассчитаны именно на сбыт в течение зимнего сезона, торговая палата Болоньи поддерживает их просьбу, и только 1 декабря дело поступает на рассмотрение министерства внутренних дел. Чем это рассмотрение кончилось — неизвестно; продолжался ли в момент решения еще зимний сезон (la stagione d'inverno, для которого и были выписаны арестованные вещи), мы не знаем. Но самый факт в высшей степени характерен для положения итальянской торговли, тех ее представителей, которые хотя бы и с соблюдением всех законных правил и при уплате всех пошлин, осмеливались выписывать товары не только из Франции, но и из других мест [28].

Насколько вообще опасно было купечеству попасть под подозрение, явствует из следующего случая. Осенью 1807 г. распространился *неясный слух,* что в Ливорно конфискованы прибывшие из Милана товары английского происхождения. И в миланском купечестве этот *смутный слух* (la voce, vaga però ed incerta,— как они сами пишут) возбудил такую тревогу, что они снарядили в Ливорно целую депутацию, чтобы доказать свою неповинность в нарушении высочайших предначертаний (di non poter essere reo di contravenzione alle sobrane disposizioni) [29].

Но не буду приводить дальнейших примеров. Об этой атмосфере произвола и бесправия, в которой жил торгово-промышленный класс королевства Италии в эпоху Наполеона, читатель еще неоднократно вспомнит и сам, при чтении дальнейших глав предлагаемой работы.

Любопытно, что разоряя и местами до тла уничтожая итальянскую торговлю, Наполеон любил время от времени по какому-либо ничтожнейшему поводу и с минимальными пожертвованиями выразить свое благоволение купечеству своего заальпийского королевства. Например, в 1810 г. английские товары, конфискованные в Триесте, были перевезены в Венецию и там проданы. Расходы по перевозке этих товаров и предварительные издержки по организации продажи были возложены на венецианское купечество; дело происходило в марте 1810 г., а потом около десяти месяцев венецианские купцы не могли никак добиться, чтобы казна возместила им эти «авансированные» расходы (213 011 франков и 31 сантим). Но, наконец, по представлению префекта, французского консула и других властей император разрешил уплатить эту сумму. И вот в каких выражениях было об этом объявлено властями: «Коммерсанты Италии и Иллирийских провинций! Вы, которые доверились правосудию его величества, не внемля соблазну со стороны тех, которые, рассчитывая на жадность, пытались всеми мерами обмануть вас,— получите ныне сладкую награду (ricevetene in oggi il dolce premio)! Эта сладкая награда (т. е. отдача казной задолженных ею

213 011 франков и 31 сантима —*Е. Т.*) должна убедить, что «его величество император и король непрестанно удостаивает обращать отеческий взор на свои добрые итальянские народы и народы своих Иллирийских провинций и благоволит при каждом случае умножать к их пользе доказательства своей высочайшей милости!» [30]

В заключение укажу, что все переживавшиеся беды итальянские купцы и промышленники приписывали чуть ли не исключительно запретительной таможенной политике Наполеона: это был корень зла, все остальное — лишь производные явления.

И к концу рассматриваемого периода представители этого класса в королевстве Италии повторяли все то же, что и в самом начале наполеоновского владычества: нужна свобода торговли — все остальное приложится.

Едва только наполеоновское владычество в Италии прекратилось, как тотчас же торговый мир страны почувствовал потребность открыто высказать то, что так долго приходилось таить в душе: система, установленная Наполеоном, по единодушной оценке, оказалась абсолютно несовместимой со сколько-нибудь нормальной торговой жизнью Италии, и представитель миланского гражданства высказал это в обращении к новой (австрийской) власти уже 1 мая 1814 г. [31]

Вообще после низвержения наполеоновского владычества, в те критические недели, когда в Милане действовало «временное правительство», управлявшее Ломбардией с первых же моментов австрийской оккупации, представители торговли и промышленности неоднократно высказывались по поводу желательных изменений в общем строе торговой политики. Заявляли свои желания Миланская и другие торговые палаты, собрание, состоявшее из «избирателей» от торгового класса,— и все пожелания в основе своей сходились на одном: свобода торговли должна отныне стать руководящим принципом. На наполеоновскую торговую политику они смотрели как на цепь военных мероприятий, направленных против Англии. По мнению специальной комиссии, образованной при собрании представителей торгового класса весной 1814 г. для рассмотрения вопроса о свободе торговли, почти все наполеоновские законы, нарушавшие свободу торговли, были последствием политической системы, имевшей целью ослабить Англию, или же сами собой вытекали из фактического состояния постоянной войны, в котором пребывала Италия (как и вся Европа, можно добавить). Конец наполеоновского царствования поэтому означал, согласно мнению комиссии, также конец всего, что было сделано Наполеоном в области торговой политики [32]. Вместе с тем, отказываясь пока входить во все детали будущего торгового и таможенного законодательства, осторожно оговариваясь, что об этом можно было бы думать, если бы

хоть были известны «точные территориальные размеры нового итальянского государства», комиссия изложила лишь самые общие свои воззрения на экономическое состояние Италии. Согласно мнению комиссии, страна, которая при Наполеоне называлась королевством Италией, может вывозить за границу шелк, железо, сырье, рис, хлеб и другие припасы; но она нуждается в промышленных заведениях, а пока принуждена ввозить из-за границы значительную часть мануфактуратов, нужных для жизни. Представляется желательным наложение лишь самой малой вывозной пошлины на шелк и на другие предметы, которые Италия в состоянии вывозить, чтобы этим споспешествовать развитию экспорта, но при этом комиссия признает необходимым заботиться, чтобы оставалось в стране достаточно сырья для внутреннего потребления [33].

Что касается потребностей национальной промышленности, то здесь проявляется стремление двоякое: с одной стороны, чтобы итальянские промышленные предприятия могли выдержать соперничество с иностранными, необходимо облегчить тарифные ставки для некоторых родов ввозимого в Италию сырья: *хлопка, металлов, красящих веществ;* с другой стороны, промышленники хотели бы удержать из наполеоновского наследия высокие пошлины на ввозимые иностранные фабрикаты, в особенности же на предметы роскоши. Воспитанные в суровой наполеоновской школе, признававшей безусловную суприматию интересов фиска над какими бы то ни было другими интересами, представители торговли и промышленности, домогаясь сохранения запретительных ставок на ввоз фабрикатов и особенно предметов роскоши, считают целесообразным указать и новому начальству на ту прибыль, которую от этих мероприятий может получить казна [34]. Большие прибыли казне сулят они от удачной таможенной политики касательно ввоза колониальных продуктов. Прежде всего они констатируют факт огромного потребления этих продуктов, превращения их в *предметы первой необходимости;* таким образом, мы видим, что наполеоновская утопия, заключавшаяся в стремлении не только изгнать потребление колониальных товаров, но и изменить самые вкусы и привычки, прочно усвоенные Европой с XVI столетия (а отчасти и с еще более раннего времени), даже и не начала осуществляться [35]. Считаясь с этим обстоятельством — укоренившейся и широко распространенной потребностью в колониальных продуктах, новое правительство, по мнению комиссии, должно было бы ввести среднюю пошлину на их ввоз, не слишком тягостную, но и не совсем незначительную [36]: торговле такая пошлина не повредит, а казне будет прибыль. Регулятором при определении размеров пошлины на колониальные продукты должно быть соображение, что не следует делать выгодной (а потому и неизбежной) контра-

банду [37]. Наконец, комиссия выражает настойчивое пожелание, чтобы отныне не были запрещаемы торговые сделки с любой другой нацией, чтобы были заключены на началах «равновесия» торговые договоры с другими державами. Вообще же они хотели бы снятия с торговли всяких пут, которые только противны ее природе; в тех пределах, в каких это совместимо с интересами государства, торговля должна быть предоставлена самой себе [38].

Это упорное повторение одних и тех же мыслей о губительности для королевства запретительной таможенной политики, повторение и в начале, и в конце рассматриваемого периода,— чрезвычайно характерно и показательно для купечества королевства Италии.

Все наполеоновское царствование было сплошным отрицанием этих воззрений...

4

Что касается рабочего класса в королевстве Италии в царствование Наполеона, то об этом наши документы говорят крайне мало, бегло, обще и почти всегда по разным посторонним поводам, случайно, «кстати». Рабочий класс во Франции в донаполеоновскую эпоху в некоторые (редкие, правда, и скоропреходящие) моменты выдвигался на заметное место, мог сыграть некоторую политическую роль (в период революции); рабочий класс в донаполеоновской Италии был политически столь же безгласен и ничтожен, как и в царствование Наполеона. Этим, в значительной мере, объясняется и отсутствие интереса к рабочим со стороны составителей официальных документов.

Но, исследуя состояние промышленности в королевстве Италии в данный период, мы не можем оставить без рассмотрения и вопроса о рабочих уже потому, что, только идя таким путем, мы можем составить себе представление об организации промышленности, о преобладающих формах промышленной деятельности в стране.

Сколько было в общей сложности рабочих, занятых промышленным трудом в королевстве Италии? Ответить на этот вопрос в такой общей форме не представляется возможным.

Так как мы и здесь имеем дело с фактом широчайшего распространения деревенской индустрии, то и здесь встречаемся с неизбежным последствием этого факта, который мне пришлось настойчиво выдвигать и подчеркивать во II томе «Рабочего класса во Франции в эпоху революции»: с основательными жалобами администрации на трудность, иногда даже невозможность точно определить число рабочих [39]. Предприятия («фабрики», как они часто именуются в итальянских документах) сплошь и рядом оказываются тем, что в старом русском эконо-

мическом быту называлось *сдаточными конторами:* они давали заказы окрестным крестьянам и получали от них готовые товары на продажу. Очень часто на запросы властей получался (без точной цифры) ответ, что *«женщины в деревне»* прядут холсты, полотна и т. п. [40]

Правительство желает (в 1809 г.) знать число рабочих, занятых в разных отраслях промышленности в департаменте *Серио* (гл. гор. Бергамо). Купцы, фабриканты, местные власти — в большом затруднении. Как вычислить, например, сколько рабочих работает в шерстяной промышленности? «Если выводить это число из расходов, которые несут эти мануфактуры,— получится приблизительно 5 тысяч, а если сообразоваться с общим мнением — *двадцать пять* тысяч». «Какая несоразмерность!» — удивляется сам пишущий [41]. А между тем этот департамент, по мнению властей, в некоторых отношениях чуть ли не самый торговый и самый промышленный во всей Италии [42].

Мы лишены возможности определить, сколько в точности работало рабочих в здании мануфактур, а сколько брало работу на дом, наконец, в каких размерах кустарное деревенское производство участвовало в общей сумме вырабатываемых фабрикатов. Но некоторые драгоценные данные о количестве рабочих, получающих заработок на разных мануфактурах некоторых важных отраслей промышленности, у нас имеются. Я нашел эти данные в миланском архиве, и они могут дать нам представление о размерах производства и о средней величине предприятий в отдельных департаментах. Вот что говорит документ о количестве фабрик, занятых шерстяным производством, и об общем числе рабочих, получающих от этих фабрик работу. Цифры даны по департаментам (берем 1806 г.):

Название департамента	Число фабрик, занятых шерстяным производством	Число рабочих
Adda	36	не показано
Adige	10	4 500
Adriatico	35	2 230
Agogna	1	36
Alto Adige	не показано	220
Bacchilione	169	32 372
Brenta	16	15 200
Lario	2	710
Mella	67	641
Metauro	41	686
Mincio	1	10
Musone	не показано	2 426
Olona (гл. гор. Милан)	1	1 035

Panauro	1	78
Piave	10	180
Reno	3	218
Serio	129	20 785
Tagliamento	17	3 862
Tronto	5	30

(Для департаментов Alto Po, Basso Po, Crostolo, Passariano, Rubicone ничего не показано, причем сделаны пояснения, вроде non esistono fabbriche и т. п.) [43].

Мы видим, что в шерстопрядильном и шерстоткацком деле существовали местами крупные мануфактуры. Например, в департаменте Серио в *среднем* на каждое предприятие приходится около 160 рабочих, в департаменте Тальяменто — 227 человек, в Adige — 450 человек, в Бренте чуть не тысяча человек (на 16 фабрик — 15 200 человек), наконец, в Олопе есть одно предприятие с 1035 человеками; в Ларио — 355 человек, в Bacchilione — почти 200 человек на каждое предприятие и т. п.

И это в *среднем*, так как нам даны лишь общие подсчеты; очевидно, что были предприятия, по тому времени очень и очень крупные, которых не так много можно было бы насчитать и для Франции. Повторяю, что эти цифры обозначают *число рабочих, получающих работу от мануфактур;* сколько из них работает в помещении предприятия — не показано.

От этой важной отрасли производства перейдем к данным о рабочих, занятых в еще более важной, еще более значительной для королевства Италии отрасли промышленной деятельности. Что мы можем извлечь из документов относительно рабочих, занятых шелкоделием, и об организации этого производства?

И промышленники, когда они давали свои показания о количестве рабочих, занятых в шелковом производстве, и правительство, когда его представители делали общие подсчеты для представления их вице-королю или императору, обыкновенно считали отдельно прядильщиков от ткачей. В самом полном и тщательном подсчете (касающемся положения шелкового производства), какой только удалось мне найти в архивах, министерство внутренних дел, составлявшее его, посчитало 1) прядильщиков шелка; 2) число шелкоткацких мануфактур и 3) число ткачей, занятых в этих мануфактурах [44]. Весьма понятно, почему первая графа стоит как бы отдельно от двух других. Всегда, когда мне приходилось в предшествующих исследованиях говорить об организации шелкового производства во Франции до революции, при революции и при Наполеоне, я отмечал сравнительную *сосредоточенность* этого производства, сравнительно малую роль деревенского, кустарного труда в *этой* отрасли промышленности. В Лионе, Ниме, Сент-Этьене прядиль-

щики шелка, подобно ткачам, тоже группировались возле мастерских, откуда получали материал и иногда станок; они работали не в мастерских, но *для* мастерских, и жили в самом городе или ближайших окрестностях. В Италии же положение вещей было иное. Шелк-сырец разводился на севере, на востоке, отчасти на юге страны, значит, сырье крестьяне местами имели либо у себя на земле, либо в ближайшем соседстве, и таким образом отпадала в этих департаментах по крайней мере главная причина, ставившая французских шелкопрядильщиков в тесную зависимость от определенных мастерских, откуда они получали и заказ, и материал. Итальянский прядильщик и его семья сплошь и рядом работали у себя в деревне на неопределенного покупателя, на неопределенную шелкоткацкую мануфактуру, которая купит у них готовую шелковую пряжу для дальнейшей переработки ее в шелковую ткань. Это не значит, конечно, что итальянский прядильщик, при указанной своей «независимости», зарабатывал больше, чем французский. Напротив, французский зарабатывал гораздо больше уж потому, что и жизнь во Франции была дороже, и прядильщик-горожанин должен был питаться исключительно своим ремеслом, а итальянский крестьянин и его семья часто занимались шелкопрядением как подсобным промыслом. Но во всяком случае при подсчетах в Италии очень трудно было приурочивать прядильщиков к мануфактурам, и для каждого департамента указывалось просто общее количество людей, занимающихся шелкопрядением. Мы располагаем подсчетами за шесть лет, с 1806 по 1811 г. Каковы же итоги для *всего* королевства Италии?

Лиц, занимающихся шелкопрядением, в королевстве Италии числилось:

в 1806 г.	44 683
» 1807 »	44 834
» 1808 »	46 607
» 1809 »	43 779
» 1810 »	37 974
» 1811 »	32 050

Мы видим стационарность в первые два года, легкое повышение в 1808 г., непрерывный упадок в следующие годы. Аналогичные результаты дают нам и остальные две графы.

Шелковых мануфактур в королевстве Италии насчитывалось:

в 1806 г.	489
» 1807 »	499
» 1808 »	497
» 1809 »	484
» 1810 »	438
» 1811 »	401

Рабочих (ткачей), занятых на этих мануфактурах, было:

в 1806 г.	25 152
» 1807 »	23 355
» 1808 »	23 068
» 1809 »	20 364
» 1810 »	16 968
» 1811 »	14 274

Раньше, чем говорить о том, как распределяются по размерам шелкового производства отдельные департаменты королевства, вглядимся в документ. Мы заметим, что в департаментах, где наблюдается громадное развитие шелкопрядения, шелкоткацкое дело существует в более чем скромных размерах, и наоборот. Приведем примеры (будем при этом сопоставлять лишь цифры прядильщиков с цифрами ткачей, минуя число мануфактур как показание, гораздо менее характерное и определенное). Ограничимся, например, 1806 г.

В департаменте Верхнего Адижа (1806 г.) было прядильщиков 4509 человек, а ткачей 146 человек; в департаменте Серио — прядильщиков 18 200 человек, а ткачей — 160 человек; в департаменте Passariano — прядильщиков 4600 человек, а ткачей 33 (sic!) человека. Есть и такие департаменты, где чрезвычайно мало прядильщиков, но огромное количество ткачей: в департаменте Agogna — всего 222 прядильщика и 6 тысяч ткачей; в департаменте Бренты — 40 прядильщиков и 3010 ткачей; в департаменте Олоны прядильщиков ровно столько же, сколько в департаменте Agogna — 222, а ткачей 2940 человек. Есть еще и еще примеры подобного рода несоответствия, хоть и не столь резко бросающиеся в глаза. Какой вывод можно сделать из этого твердо установленного факта? Тот, что шелкопрядение было часто рассчитано на довольно далекий, отнюдь не на соседний рынок. Этот вывод подкрепляется и разбросанными там и сям в документах следами существования купцов, скупавших шелковую пряжу и отвозивших ее в те города, где было развито шелкоткацкое дело.

Обратимся теперь к анализу первой графы, заключающей в себе сведения о прядильщиках. Прежде всего мы заметим, что почти все шелкопрядильное дело сосредоточено в *восьми* департаментах (из 24, на которые делилась Италия). Сделаем подсчет (взявши хотя бы тот же 1806 г., с которого начинаются показания нашего документа).

Шелкопрядильщиков в 1806 г. числилось:

в департаменте		Serio (гл. гор. Бергамо)	18 200
»	»	Adige (гл. гор. Верона)	6 400
»	»	Passariano	4 600
»	»	Alto Adige	4 509

в департаменте	Bacchilione (гл. гор. Виченца)		3 934
»	»	Mella (гл. гор. Брешиа)	2 542
»	»	Lario (гл. гор. Комо)	1 545
»	»	Reno (гл. гор. Болонья)	1 203
			42 933

Значит, из вышеуказанного количества 44 683 всех шелкопрядильщиков королевства Италии 42 933 живут в этих восьми департаментах и только 1750 человек разбросаны по территории остальных 16 департаментов, обозначенных в нашей таблице. Эта ничтожная цифра (1750 человек) составляется главным образом департаментами Рубикона (277 человек), Тальяменто (276 человек), Olona и Agogna (по 222 человека в каждом), Panaro (200 человек), Crostolo (150 человек), Mincio с г. Мантуей (127 человек) и Adriatico (100 человек). В остальных — меньше пятидесяти в каждом [45].

Эти восемь департаментов и составляют ту площадь в королевстве, которая производит больше всего шелкового кокона. Шелководство и шелкопрядение оказываются тесно связанными территориально, что, впрочем, вполне понятно. Напротив, шелкоткацкое дело, как уже сказано выше, далеко не так связано с шелководством. Но здесь мы тоже видим сосредоточение почти всего производства лишь в семи департаментах. В 1806 г. ткачей, занятых в шелковых мануфактурах, числилось:

в департаменте	Агоньи (Agogna, гл. гор. Новара)		6000
»	»	Рено (гл. гор. Болонья)	4321
»	»	Бренты (гл. гор. Падуя)	3010
»	»	Баккильоне (Bacchilione, гл. гор. Виченца)	3000
»	»	Олоны (гл. гор. Милан)	2940
»	»	Ларио (гл. гор. Комо)	2375
»	»	Адижа (гл. гор. Верона)	1176
			22 822

Следовательно, почти вся шелкоткацкая промышленность сосредоточивалась в этих семи департаментах, и из 25 152 ткачей, вообще насчитывавшихся в королевстве, в остальных 17 департаментах находилось всего 2330 человек. Из этих 17 департаментов нужно отметить Адриатический — 620 человек, Кростоло — 410, Панаро с г. Моденой — 400, Метауро — 163, Верхнего Адижа — 146, Серио — 160, Меллы (Брешиа) — 110, в остальных меньше 100 [46].

Мы видим, что шелкоткацкое производство, в полную противоположность шелкопрядильному, тяготело к большим городам, к старым торговым центрам и наезженным торговым путям. Итальянское шелкоделие, целые столетия так упорно и успешно конкурировавшее с французским, стремилось обосноваться так, чтобы облегчить сбыт. Если нужно, лучше быть по-

дальше от сырья, чем от сбыта,— таков, по-видимому, был исторический лозунг североитальянского шелкоделия.

Мы видели, что современники затруднялись обозначать шелкопрядильщиков работающими в мастерских, связывать их с теми или иными промышленными заведениями и, ничего не говоря нам *о прядильнях,* давали лишь цифры, обозначавшие количество *прядильщиков.* Но с ткачами и другими рабочими мануфактур обстоит иначе: дано число мануфактур и число работающих на этих мануфактурах лиц. Правда, нет замечаний об особенно больших заведениях, и вообще никакой «индивидуализации», которая позволила бы судить о реальных размерах каждого из этих заведений, нет. Но это не мешает установить средние, так сказать, размеры предприятий, насколько можно пользоваться только что упомянутыми двумя рядами цифр. Сколько в среднем приходится рабочих на каждую мануфактуру, если сопоставлять эти два ряда? Во всем королевстве (в 1806 г.) числится 489 шелкоткацких мануфактур, на которых работает 25 152 человека, следовательно, на каждую мануфактуру в среднем приходится около 52 рабочих. Но стоит нам взять хотя бы те департаменты, где собственно и сосредоточена почти вся шелкоткацкая промышленность, и картина несколько меняется. В департаменте Agogna есть 6 тысяч рабочих, работающих на 40 мануфактурах, в среднем, значит, 150 человек приходится на каждую; в департаменте Рено — 4321 человек на 19 мануфактурах,— около 227 человек на каждую; департамент Бренты — 3010 человек на 17 мануфактурах,— 177 человек на каждую; департамент Bacchilione — 3 тысячи человек на 22 мануфактурах,— около 136 человек на каждую; департамент Олоны — 2940 человек на 105 мануфактурах,— 28 человек [на каждую]; департамент Ларио — 2375 человек на 19 мануфактурах,— 125 человек на каждую; департамент Адижа — 1176 человек на 65 мануфактурах,— 18 человек на каждую. То есть, кроме департаментов Олоны и Адижа, в среднем число рабочих, приходящееся на каждую мануфактуру, значительно больше средней цифры, полученной для всего королевства. Это обусловливается тем, что в некоторых департаментах, не имеющих в общем большого значения с точки зрения интересующей нас тут отрасли промышленности, наблюдается большая раздробленность производства: в департаменте Верхнего Адижа 146 рабочих приходится на 17 мануфактур (8 человек в среднем), в департаменте Верхнего По — 56 рабочих на 14 мануфактур (по 4 человека), в департаменте Серио — 160 человек на 40 мануфактур (по 4 человека), в департаменте Музоне — 90 человек на 7 мануфактур (около 13 человек); в департаменте Тронто — 38 человек на 3 мануфактуры (около 13 человек); есть и такие, как департамент Меллы,— 110 человек на 65

(sic!) мануфактур (1—2 человека на каждую) или Рубикон — 13 человек на 3 мануфактуры и т. п. Обилие этих мелких и совершенно ничтожных мастерских, которые и в общей сложности, как мы видели, не играют роли в определении размеров всего шелкоделия королевства Италии, и делает цифру, определяющую среднее количество рабочих, приходящееся на каждую мануфактуру, сравнительно невысокой. Это особенно бросается в глаза, когда вглядываешься в цифры, касающиеся *всех* департаментов королевства, в документе, который тут разбирается. Нечего и говорить, что эти подсчеты «средних» приходится делать лишь потому, что других более детальных данных у нас нет.

От шерстяной и шелковой промышленности обратимся к вопросу о числе рабочих в остальных отраслях текстильного производства. Все эти остальные отрасли посчитаны в наших документах вместе. Пряжа льна, хлопка и пеньки и тканье материй из этой пряжи были широко распространенным промыслом в королевстве Италии, но тут-то и играл главную роль деревенский, кустарный труд. Наши документы в своих общих подсчетах не указывают нам числа предприятий, а просто дают цифры, обозначающие общее количество прядильщиков (и прях) и ткачей по департаментам. Нечего и говорить, что эти подсчеты не могли быть точными. Во всяком случае, они дают нам приблизительное представление об уследимом количестве лиц, занятых этой отраслью промышленной деятельности. Берем 1806 г.

Название департамента	Число прядильщиков (и прях)	Число ткачей
Adda	не показано	474
Adige	не показано	4887
Adriatico	не показано	1200
Agogna	75	862
Alto Adige	не показано	61
Alto Po	не показано	15 008
Bacchilione	не показано	2395
Brenta	4680	5081
Crostolo	18	32
Lario	не показано	48
Mella	33 096	2418
Metauro	11 531	11 254
Musone	100	40
Olona	130	19 871
Panaro (показано для 1807 г.)	78	36
Passariano	4741	1280
Reno	470	1064
Rubicone	не показано	106
Serio	не показано	1260

Для департаментов Tronto и Tagliamento никаких показаний (цифровых) не имеется.

Мы видим ясно, что если еще возможно было сосчитать приблизительно число ткачей, т. е. лиц, изготовляющих материи (по заказу ли от мануфактуры, или на продажу за собственный риск и страх), то определить число прях и прядильщиков, изготовляющих пряжу из сырья, в целом ряде случаев совершенно не представлялось возможным. Именно пряжа и была широчайше развитым в крестьянских семьях промыслом, и часто это занятие не поддавалось никаким точным учетам, что и отмечается в самом документе [47].

Общие подсчеты такого характера имеются в нашем распоряжении только о разных отраслях текстильной промышленности. Что касается других отраслей производства, то относительно них сведения, относящиеся к рабочим, гораздо скуднее и более случайного характера; да, впрочем, и по значению своему в экономической жизни королевства текстильное производство было несравненно важнее всех прочих отраслей промышленной деятельности. Некоторые дополнительные сведения читатель найдет в соответствующих главах в дальнейшем изложении; здесь нашей задачей было лишь представить те данные, касающиеся общих подсчетов рабочих и организации промышленности, какие можно найти в наших документах.

Для того чтобы дать более наглядное представление о тогдашних итальянских промышленных предприятиях и их размерах, приведу показания о нескольких наиболее промышленных департаментах королевства и о том департаменте, который может быть назван средним по своему промышленному развитию.

В промышленном департаменте Рено (гл. гор. Болонья) почти вся индустриальная деятельность сосредоточена в главном городе департамента — Болонье. На первом плане здесь должно поставить производство бархата, шелковых газов и материй; этим (в 1809 г.) занимаются в Болонье 19 фабрик, на которых работают 397 мужчин, 4350 женщин и 416 детей. В среднем, следовательно, на каждую шелковую мануфактуру приходится около 250 человек, работающих на ней. (Сведений по отдельным фабрикам наши документы не дают.) Еще более внушительную картину в смысле существования крупных предприятий представляет собой канатное производство: в департаменте шесть канатных мануфактур (пять в Болонье и одна в Минербио), и на них работает 5 тысяч человек взрослых рабочих мужчин, значит в среднем 833 человека на каждой. Следующим по общим размерам производством нужно признать бумажное: бумажных фабрик в департаменте — 8 (семь в Болонье и одна в Панино), и на них работает 600 человек,

в среднем по 75 человек на каждой. Затем следует производство терракотовых и майоликовых изделий: семь мануфактур, из них пять в Болонье и две в провинции, в общей сложности — 200 рабочих, в среднем 29 человек на каждой. Есть, далее, две шерстяные мануфактуры (обе в Болонье) с 150 рабочими, в среднем на каждой 75 человек; есть два предприятия по выделке холстов, оба числятся в Болонье, но работают на них исключительно крестьянки в деревнях (donne di campagna), числом 100 человек. Есть еще производство наливок и ликеров (шесть заводов со 100 рабочими в Болонье и четыре с 20 — в провинции: в среднем 16 человек на каждом в Болонье и 5 — в провинции). Производство кожевенных изделий представлено семью мануфактурами (все в Болонье) со 100 рабочими, в среднем 15 человек на каждой. Есть четыре красильни (три в Болонье, одна в Имоле) с 100 рабочими как взрослыми, так и детьми (по 25 человек в среднем); есть восемь шляпных мастерских (две в Болонье и шесть в провинции) с 55 взрослыми рабочими и 18 детьми. Нужно еще упомянуть о семи шоколадных «фабриках» (все в Болонье), на которых работает в общем 28 человек; есть две мыловарни (обе в Болонье) с 34 рабочими; есть двенадцать мастерских по выделке различных масел (oli diversi) с 40 рабочими в общей сложности. Вот к чему сводится почти все, что есть в этом департаменте по части промышленной деятельности [48].

Мы должны отметить в данном случае два важных обстоятельства: во-первых, почти все промышленные предприятия сосредоточены в главном городе, самом большом и населенном в департаменте; во-вторых, в двух важнейших производствах, какие имеются здесь, наблюдается наличность чрезвычайно крупных предприятий, дающих заработок в среднем 833 и 250 чел. Это не значит, конечно, что все эти люди работают в стенах самой мануфактуры; несомненно, не будь наш документ так скуп на пояснения, мы бы узнали, что многим из этих рабочих работа дается на дом [49], но во всяком случае и при этой оговорке все равно в рассматриваемую эпоху подобные крупные предприятия были редкостью. Я редко, больше в виде исключения, встречал во французских документах, касающихся положения французской промышленности в XVIII и начале XIX в., указания на подобные мануфактуры.

Если возьмем другую промышленную область страны — область, расположенную вокруг г. Виченцы, включающую города и крупные села Вальданьо, Арциньяно, Скио, Мало-Бассано, Креспано, Вальстанья и др., т. е. всю территорию, вошедшую при Наполеоне в состав департамента Bacchilione, то увидим, что и здесь шелковая промышленность (чрезвычайно развитая) сильно тяготеет к крупнейшему городу — Виченце.

У нас получаются при сличении соответствующих документов такие данные: в 1806 г. шелкопрядильщиков в департаменте было и на шелкоткацких мануфактурах всего департамента Баккильоне работало в общей сложности 6934 человека [50], и из них на мануфактуры г. Виченцы приходится 1906; в 1807 г. соотношение еще ярче: всего занято в шелковой промышленности в департаменте 6461 человек, а на г. Виченцу из них приходится 3550 человек [51], т. е. больше половины. При этом замечательно, что в то время, как общая цифра занятых в этой отрасли промышленности для всего департамента с 1806 на 1807 г. понизилась (с 6934 до 6461), цифра для г. Виченцы сильно повысилась (с 1906 до 3550 человек). Если же взять 1808 г., то увидим, что хотя на этот раз понизилась также эта цифра и для Виченцы, но все-таки относительное значение Виченцы стало еще более заметно (для всего департамента — 5661 человек, для Виченцы — 3170 человек). К сожалению, у нас нет документальных данных, касающихся г. Виченцы, для следующих лет наполеоновского царствования, но и того, что мы нашли в только что цитированных двух документах, достаточно, чтобы иллюстрировать факт тяготения шелковой промышленности в Италии к более крупным городам, факт относительного сосредоточения этого производства. Документ, говорящий о департаменте Баккильоне, дает нам еще некоторые интересные показания. Шелковая промышленность в самой Виченце оказывается сосредоточенной вокруг *четырех* мануфактур, из которых две нужно признать чрезвычайно крупными. Вот цифры, обозначающие количество работающих на этих мануфактурах мужчин, женщин и детей (берем 1807 г., год относительного преуспеяния этих заведений) [52]:

Мануфактура	Мужчины	Женщины	Дети	В общем
I	1200	750	450	2400 человек
II	540	200	80	820 »
III	80	50	40	170 »
IV	80	40	40	160 »
	1900	1040	610	3550 человек

Здесь мы, кстати, видим прямое подтверждение той крупной роли женского труда в итальянском шелковом производстве, о которой бегло, случайно, косвенно, в общих чертах говорят нам там и сям другие документы. В этом отношении есть, бесспорно, некоторая разница между Францией и Италией в ту эпоху: во французской шелковой промышленности женский труд ни до революции, ни во время ее, ни при Наполеоне не

играл сколько-нибудь заметной роли. В этом смысле во Франции шелковое производство являлось исключением из всей текстильной промышленности.

В Италии же, где, как сказано выше, шелковая пряжа часто изготовлялась крестьянской семьей, владевшей шелком-сырцом, участие прях должно было быть значительным. Нечего и прибавлять, что цифры, только что приведенные, относятся в точности не к работающим в *здании* мануфактур, а к работающим на *мануфактуры*. Эту оговорку настойчиво прошу читателя не терять из вида.

Данные, имеющиеся у нас относительно еще одного промышленного департамента королевства Италии (департамент Адижа, гл. гор. Верона), интересны в высшей степени потому, что среди них мы находим точные показания о числе рабочих, работающих на каждой мануфактуре, во всех отраслях промышленности, какие существуют в этом департаменте. Это обстоятельство может отчасти пролить свет и на общий характер организации производства в королевстве, способствовать выяснению вопроса о степени развития крупных промышленных предприятий в Италии в рассматриваемую эпоху. Точнее, может быть, было бы сказать, что сведения о размерах промышленных предприятий в департаменте Адижа могут пролить некоторый свет и на положение вещей (в том же отношении) в других 5—6 департаментах, где, собственно, главным образом и сосредоточивалась промышленная жизнь страны. Наш документ относится к 1808 г.; он был составлен Веронской торговой палатой по требованию префекта и переслан префектом в министерство внутренних дел [53].

На первом месте в департаменте по общим размерам производства стоит шелкоделие. Шелковых мануфактур здесь 18, и работают на них 3 тысячи человек. Вот как можно расположить их в порядке убывающего числа занятых на них рабочих: 346, 260, 250, 205, 200, 180, 175, 154, три по 150, 145, 143, 137, две по 100, 80 и 75 человек. Сравнивая эти количества с теми, которые нам известны по документам, касающимся лионских шелковых мануфактур, мы находим, что бóльшая часть мануфактур департамента Адижа по своим размерам не уступает лионским «фабрикам». За шелкоделием по своему значению в департаменте идет производство полотняных материй и лент. Этой отраслью промышленности заняты 15 мануфактур, на которых работает 2238 рабочих. Вот в каком ряду, в порядке убывающего количества рабочих, можно расположить эти 15 предприятий: 600, 500, 402, 270, два по 100, 68, 60, 50, 31, 20, 16, 12, 6 и 3. Мы видим, что четыре заведения (из 15) могут быть названы крупными, пять — средними (от 50 до 100 человек) и на шести работает менее 50 рабочих. К сожалению, не

прибавлено никаких пояснений, а они были бы в данном случае особенно кстати,— кто такие эти рабочие полотняных мануфактур? Посчитаны ли только ткачи, или приняты во внимание также пряхи и прядильщики? Дело в том, что, повторяем, иногда в эту эпоху и в Италии, и во Франции прядильщики и пряхи вовсе не считались и делалась соответствующая оговорка, что пряжа доставляется из деревень или что работают крестьяне «многих деревень» или «деревенские женщины» — *donne di campagna* и т. п. (хотя иной раз и эти donne di campagna тоже сосчитывались). Неопределенность этих обозначений вполне понятна, так как пряжа льна в самом деле была той начальной операцией полотняного производства, которая приурочивалась по преимуществу к деревне, к работе крестьянской семьи, все равно выносит ли она потом свою пряжу на продажу в город, где помещаются полотняные мануфактуры, или работает по наперед данному заказу со стороны этих мануфактур. Напротив, ткачи были гораздо более на учете, так как эта специальность была потруднее, требовалась большая выучка, нужны были станки (иногда довольно сложные), предполагалась большая специализация профессии; ткачи жили поближе к мануфактуре, даже если и не работали в ее стенах, в том же городе, в пригородах или в не столь далеких деревнях. А главное, ткач, числившийся при мануфактуре, уже непременно работал только по заказу, был постоянно и тесно связан с заведением, и ткачей-то обыкновенно и понимают под рабочими полотняных мануфактур при разного рода подсчетах в эту эпоху. Третье производство, развитое в департаменте Адижа,— шерстяное. Мы находим здесь шесть шерстяных мануфактур с 1883 рабочими. Одна мануфактура громадна (1000 рабочих), остальные средних размеров (300, две по 170, 166 и 77 человек).

Собственно, этими тремя производствами и ограничивается главное промышленное значение департамента. Остальное не выбивается из уровня мелкого ремесла, столь ничтожного по размерам своим, что явно оно рассчитано на удовлетворение ближайше-местных нужд. Есть девять веревочных мастерских с 64 рабочими (16, 14, 12, 10, 3, 3, 2, 2 и 2 рабочих); есть семь кожевен с 52 рабочими (одна покрупнее — 27 человек, остальные от 2 до 9 рабочих); есть пять медников, дающих работу 41 рабочему (18, 8, 6, 5 и 4); показано три шляпных мастерских (15, 2 и 1 человек); одна бумажная (8 человек) и, наконец, две воскобойни (16 и 5 человек).

К сожалению, у нас нет сколько-нибудь полного и заслуживающего доверия цифрового материала относительно числа рабочих и размеров предприятий.

Департамент Верхнего Адижа (гл. гор. Триент) — один из сравнительно мало промышленных в королевстве. Города и

села Триент, Кальямо, Ровердо, Мори занимаются шелкоделием; в Триенте числится 3 мастерские, в Кальямо — 3, в Ровердо — 40 и в Мори — 2. Работает на все эти заведения постоянно 2500 человек. Шелкоделие здесь (в 1812 г.) в некотором упадке, главным образом вследствие затруднений в сбыте и в недостаточности технических средств. Шелкоделие — *главный* мануфактурный промысел департамента. Есть и красильни (в Триенте, Ровердо, Больцано, Борго, Перджине, Ала), где красятся шелковые материи, но эти заведения влачат жалкое существование (languiscono). Это и немудрено, вследствие необычайной дороговизны заморских веществ, необходимых для красилен [54]. Да и, кроме того, затруднения, чинимые ввозу хлопчатобумажных материй, нанесли тоже тяжкий удар этим красильням, где прежде красились и ситцы [55]. Шерстяная промышленность вовсе отсутствует в департаменте. Кожевни есть (их 19), но они в «полном упадке», и, между прочим, причиной этого упадка является высокий тариф, заграждающий ввоз кожевенных изделий из Италии во Французскую империю [56]. В упадке и железоделательные мастерские, но упадок начался еще «при баварском правительстве». Зато «процветает» выделка стекла и хрусталя; правда, это процветание выражается в очень скромных цифрах — 5 «фабрик» с 60 постоянными рабочими в общей сложности, но во всяком случае есть сбыт и есть работа. И именно присоединение к Италии, оградившее эту отрасль промышленности от иностранной конкуренции, способствовало ее благосостоянию [57].

Департамент Минчио (с городами Мантуей, Ревере, Кастильоне, Боцола и др.) в смысле развития промышленности довольно типичен. Вот какую картину дают нам документы о разных отраслях промышленного труда, поддающихся какому-либо учету (данные относятся к 1808 г.). В департаменте развито кожевенное дело; там существует четырнадцать кожевенных мастерских (из них четыре — в г. Мантуе); в самой крупной из них числится 15 рабочих, затем 10, в двух — по 8, в четырех — по 5, в четырех — по 4 человека, в двух — по 3 человека; есть девять мастерских для выделки шерстяных шапок (от 2 до 6 рабочих в каждой), девять мастерских по выделке шелка и бархата (в одной 9, в остальных — от 2 до 5 рабочих), 11 водочных «заводов» (в одном 10 человек, в остальных 2—6 человек), четыре свечных «завода» — в одном 7, в другом 4, в двух по 3 человека. Остальные промыслы представлены 1—2 мастерскими на весь департамент, столь же ничтожными по количеству рабочих, и только два предприятия выдаются по своим размерам: 1 тесемочная мануфактура (в Мантуе) — 30 рабочих, и 1 бумажная фабрика (в Soave) — 50 рабочих [58].

Вообще же департамент Минчио — земледельческий, и

6*

население там не имеет «наклонностей и способностей» к промышленному труду. Впрочем, это больше префект предается таким психологическим соображениям [59], тогда как торговая палата г. Мантуи, напротив, с грустью вспоминает о былой промышленной деятельности, ныне погибшей или погибающей [60].

Во всяком случае палата вполне сходится с префектом в констатировании упадка промышленной деятельности. На *последнем* месте в ряду причин, погубивших промышленность департамента, префект все-таки ставит «удары», нанесенные политическими обстоятельствами, уменьшение капиталов, упадок кредита, невозможность доставать нужное для некоторых производств сырье [61].

За исключением вышеназванных нескольких департаментов, всюду, где в документах даются показания о числе рабочих в отдельных промышленных предприятиях и мастерских, это число большей частью оказывается ничтожным. Например, в департаменте Верхнего По — в городах Кремоне, Сальсамаджоре, Лоди и других городах — число рабочих в отдельных предприятиях колеблется между 1—2—3 и 15—17—20 и только в *трех* случаях достигает 50, 50 и 60 человек (из *шестидесяти* с лишком заведений, о которых даны эти показания) [62]. В департаменте *Агоньи* (Agogna) показаны лишь главные фабрики и мануфактуры: в г. Vigevano — *24* шелковые мануфактуры, причем *общее* число всех рабочих, работающих там, равно 3200 человек, и одна хлопчатобумажная, на которой числится «300 человек и более» (e piu). Эти цифры чрезвычайно велики, и трудно сказать, насколько они соответствовали действительности. (Относительно хлопчатобумажной мануфактуры есть примечание на полях, что она процветала в 1810 г., а теперь (т. е. в декабре 1811 г.) прекратила свое существование. Да и относительно шелковых мануфактур есть примечание, что «тысяча ткачей шелка бездействует» [63]). В других городах того же департамента числится: в Интре — две хлопчатобумажные мануфактуры с 160 рабочими (в общей сложности), одна кожевенная с 24 рабочими, в г. Варалла — две шерстяные с 40 рабочими (в общей сложности), в Ронне — две шерстяные с 29 рабочими, в Борголесии — две бумажные с 27 рабочими, в Вальдуджии — одна бумажная с 20 рабочими и в Креволе — одна стекольная с 75 [64].

Если исключить все отрасли текстильного производства, то большинство департаментов королевства, насколько можно судить по отрывочным и неполным данным, более похожи в интересующем нас отношении на департамент Минчио, нежели на департаменты Рено, Бакильоне или департамент Адижа. Мелкие ремесленные мастерские, ничтожные мануфактуры, скромные сдаточные конторы, дающие заказы двум-трем-четы-

рем десяткам рабочих,— таково правило; крупные мануфактуры, о которых шла речь, когда мы разбирали положение дел в вышеназванных трех департаментах, попадаются и еще кое-где, но больше в качестве исключения.

Что же касается всех отраслей текстильного производства, то для них, как читатель уже видел, у нас есть общие подсчеты по всему королевству, по всем департаментам, где вообще та или иная отрасль этого производства существовала, и мы уже видели выше, что в текстильном производстве крупные предприятия встречаются далеко не только в названных трех департаментах, если судить по средней цифре рабочих, приходящейся на каждое предприятие.

Таковы общие замечания о преобладающих формах и размерах организации промышленного труда в королевстве Италии при Наполеоне.

В дальнейшем изложении, при анализе состояния отдельных отраслей промышленности, читатель ознакомится попутно с некоторыми дополнительными показаниями о численности рабочих.

5

Страна, находившаяся в той стадии экономического развития, как наполеоновская Италия, не знала и не могла знать значительных скоплений рабочих масс в здании мануфактур да и вообще в городах. После всего, сказанного выше, ясно, что роль домашнего промышленного труда была огромна. Наполеон без малейшего беспокойства, без признака какой-либо подозрительности относился к рабочим в королевстве Италии и только к концу царствования ввел в королевстве те правила для рабочих, которые были во Франции изданы уже вскоре после установления его владычества.

С другой стороны, хозяева тоже не жаловались на какие-либо особые нелады и нестроения в своих отношениях к работающим у них людям. Некоторые из хозяев (как сейчас увидим, особенно шелкоделы) не прочь были от восстановления цехов, но повторяю то, что сказал уже выше: в общем стремление к реставрации цехов не может считаться сколько-нибудь характерной чертой для всего промышленного класса королевства Италии. При этих условиях полицейское законодательство о рабочих не сыграло в королевстве никакой роли, хотя без издания особого регламента дело и не обошлось. В подавляющем большинстве случаев в королевстве была распространена сдельная, а не поденная плата; в общем итальянский рабочий, по утверждению некоторых наших документов, получал «гораздо менее» (иногда даже «вдвое менее») рабочего французского. Если «*вдвое*», то, значит, средняя заработная плата в королев-

стве колебалась между 1 франком и 1,5—2 франками в день для целого ряда важнейших промыслов (всех текстильных, металлургических, стекольного и бумажного производства). Но эти подсчеты всегда будут очень гадательны.

Во всяком случае мы не слышим, чтобы хозяева жаловались на непомерные требования рабочих и на дороговизну производства, хотя, вообще говоря, жалобы на поведение рабочих встречаются время от времени в наших документах. Жалобы на рабочих, на чинимые ими беспорядки, но без конкретных указаний на характер этих беспорядков, несутся из г. Вероны и вообще из всего департамента Адижа; жалуются больше шелкоделы и владельцы шерстяных мануфактур [65]. Те же голоса слышатся и из Кремоны (департамент Верхнего По); там тоже «распущенности» рабочих приписывают вредоносные последствия для итальянской промышленности и очень просят обуздать их [66]. Это, впрочем, была чуть ли не единственная причина бедствия промышленности, о которой можно было вполне безопасно распространяться. Торговая палата Виченцы, главного города одного из самых промышленных департаментов королевства (департамет Баккильоне), посвящает почти целиком докладную записку: жалобам на «полный беспорядок», царящий в производстве, указаниям на огромный вред, который причиняет промышленности ничем не ограниченная свобода в производстве, наконец, планам новых регламентов, которые должны уврачевать болезнь [67]. Еще более резко, пожалуй, высказываются в том же смысле промышленники города Скіо (Schio) [68]. В г. Падуе и вообще в департаменте Бренты (гл. гор. Падуя) тоже в числе прочих зол, угнетающих промышленность, поминаются *злоупотребления* (abusi) и *беспорядки* (disordini) со стороны рабочих [69]. Просят о поддержании дисциплины между рабочими также хозяева г. Новары (в департаменте Агоньи) [70].

Словом, часть хозяев явственно желала издания регламента, который бы дал возможность несколько усилить власть нанимателя.

Некоторые департаменты (например, департамент Ларио, гл. гор. Комо) удовольствовались тем, что прислали более или менее подробные проекты касательно поддержания дисциплины между рабочими и восстановления в том или ином виде прежних (дофранцузских времен) правил и регламентов [71].

Но легче было дать подобный совет, чем последовать ему.

Полицейские правила, касающиеся рабочих, существовали в Ломбардии еще до Наполеона, но больше на бумаге, так что, когда в 1812 г. потребовалось рассмотреть проект рабочего регламента, то полиция королевства должна была производить архивные изыскания, смутно припоминая о существовании

каких-то правил [72]. Но в архиве оказалось немного: один эдикт от 30 мая 1764 г., *не* вступивший почему-то в силу, да один проект, составленный маркизом Чезаре Беккарией в феврале 1787 г. [73] Впрочем, эта скудость законодательных прецедентов не могла иметь особенно существенного значения: главная работа заключалась, собственно, в переводе на итальянский язык того рабочего регламента, который был издан Наполеоном для Франции в 1803 г. С самого начала обсуждения проекта полицейские круги королевства полагали, что будущий регламент будет применяться лишь в городах, а не в деревнях, хотя бы там и жили рабочие, и в качестве одного из главных препятствий указывали на «малую культурность» (la poca cultura) муниципальных сельских властей. Проще говоря — на грамотность этих властей надежда была очень нетвердая, а при таких условиях к чему же сводились бы выдача и контроль рабочих книжек?

В основу обсуждения проекта был положен французский закон. Но этого мало. Итальянские власти считали долгом руководствоваться также плодами индивидуального законодательного творчества французских полицейских чинов, например префекта парижской полиции. Имперская полиция вообще являлась в глазах полиции итальянской образцом недосягаемого совершенства.

Итальянские полицейские власти при обсуждении проекта рабочего регламента имели в виду — конкретно — не забастовки, не буйства, не борьбу против возможного в рабочей среде политического брожения, по крайней мере обо всем этом не было речи в их переписке и соображениях, но зато они неоднократно останавливаются на необходимости репрессий против каких-то факторов или маклеров (sensali), которые были известны в просторечии под особой непереводимой кличкой *malossari*. Эти факторы сманивали рабочих «к ущербу для хозяина», доставали рабочим (за деньги, конечно) другие места и, по-видимому, были широко распространенным бытовым явлением [74]. Их-то деяния начальник полиции департамента Олоны, например, предлагал обложить наивысшей административной карой. Вообще говоря, регламент не отличается ни сложностью, ни обстоятельностью. Все сводится к известному стеснению свободы рабочего в передвижениях и переходах от одного хозяина к другому.

Регламент возлагал на рабочего обязанность иметь особую книжку, без предъявления которой никто не имел права брать его к себе на работу под страхом судебного преследования. Книжка выдавалась полицейской властью, и неимение этого документа каралось месячным заключением в тюрьме; путешествие рабочего без этой книжки приравнивалось к бродяжни-

честву [75]. При переходе от одного хозяина к другому старый хозяин вписывает в книжку аттестацию относительно того, удовлетворил ли рабочий принятым на себя обязательствам или нет. Если он остался должен хозяину, то этот долг вписывался в книжку, и новый хозяин обязан был производить вычеты из заработной платы поступившего к нему рабочего впредь до погашения долга. Рабочие, не приходящие на работу в будние дни и вообще нарушающие свои профессиональные обязанности, подлежат суду административному, а не общему: их судят префект полиции в Милане, главный полицейский комиссар — в Венеции и префекты департаментов — в остальных местах [76].

Этот регламент удовлетворил не всех хозяев. Во второй половине 1812 г. представители самой важной отрасли национального производства — шелковой промышленности королевства Италии — обратились к правительству с пожеланиями, в которых весьма прозрачно сказывается тоска по цехам, жажда хоть в слабой мере, хоть в замаскированной форме возобновить былые цеховые ограничения. Здесь тоже, как и во Франции, главным мотивом выставляется стремление улучшить качество производства. Раньше, чем допустить кого-либо к самостоятельному занятию шелкоткацким ремеслом или к работе в качестве ткача в чужой мастерской, оказывается, с точки зрения промышленников, желательным, чтобы аспирант обязан был предъявить «удостоверение в должной форме» о том, что он был учеником и затем пробыл, по крайней мере два года, рабочим в ткацкой мастерской. Но и в рабочие пусть допускается лишь тот, кто предъявит свидетельство от предшествующего своего хозяина, что «хорошо служил», да и это свидетельство должно быть тоже визировано особым комиссаром торговой палаты [77]. Другими словами, только поступление в ученики не связывается никакими формальностями, а дальнейшая карьера ткача уже серьезно зависит от хозяина. Промышленники высказывали также пожелание, чтобы рабочий ткач, желающий покинуть мастерскую, по крайней мере за восемь дней до того обязан был предупредить хозяина и чтобы нарушители этого правила подвергались наказаниям. Правда, предлагается, с другой стороны, обязать и хозяина предупреждать увольняемого рабочего за восемь дней. Есть и еще одно предложение, клонящееся в пользу рабочего: в случае, если по вине хозяина служащий в его мастерской рабочий остается без дела, незанятым, то за каждый такой день хозяин обязан уплатить рабочему около $1^1/_2$ лиры (1 лиру и 52 чентезимо). Уходящий рабочий обязан полностью уплатить хозяину все, что он должен, иначе хозяин не выдает ему удостоверения. Если же хозяин согласен, то он может вступить с уходящим рабочим в соглашение, и тогда сумма долга

вписывается в удостоверение, выдаваемое рабочему, и туда же вписывается, какими частями и в какие сроки рабочий обязан погасить свой долг. Так как, по проекту, ни один хозяин не может принять рабочего без свидетельства от предшествующего хозяина, то эта запись долга в свидетельство явится существенной гарантией для кредитора; тем более, что новый хозяин является ответственным за аккуратное удержание из заработка рабочего тех сумм, которыми постепенно должен быть погашен долг. В случае, если рабочий уйдет, не погасивши всего долга, от второго хозяина, тот обязан в выдаваемое свидетельство вписать все же остаток долга рабочего первому хозяину, чтобы и следующие наниматели продолжали производить вычеты; если рабочий, сверх того, задолжает и второму хозяину, то и этот долг вписывается в свидетельство, и с тех пор уже производится по два вычета при каждом расчете за работу. Расчет, как и в других отраслях текстильной промышленности, производился в шелкоделии поштучно, а не поденно, и промышленники, чтобы дать рабочему просуществовать, пока не будет окончен заказ, давали ему авансом еженедельно известную сумму. В пожеланиях своих они высказывали мысль, что правительство должно было бы воспретить рабочему требовать авансом сумму больше той, которую ему назначит хозяин; окончательно же расчет должен производиться лишь по окончании заказанной штуки материи [78]. Но бывало и так, что заказывалась материя нового образца, не общепринятых размеров, и при окончательном расчете между ткачами и работодателями происходили пререкания [79]. Для разрешения споров промышленники предусматривают не какой-либо третейский согласительный суд, где были бы представлены обе заинтересованные стороны, и не коронный суд, который все же мог бы представить кое-какие гарантии справедливости, но разбирательство у комиссара торговой палаты, который постановляет безапелляционный приговор о размерах вознаграждения за сработанную штуку материи. Комиссар же этот есть избранник торговой палаты, где почти исключительно заседают именно предприниматели, padroni, дающие заказы и соответствующие французским marchands, о которых мне пришлось подробно говорить в другом месте, при анализе организации лионской промышленности [80]. Мало того: предусматриваются недоразумения только между этими *padroni* и хозяевами ткацких мастерских — *capi tessitori* (= франц. maîtres-ouvriers), но отнюдь не между *capi tessitori* и работающими в их мастерских простыми рабочими — *lavoranti* (=франц. compagnons); интересы рабочих еще меньше занимают торговую палату, чем интересы хозяев мастерских. Если рабочие привлекают внимание предпринимателей и их органа, торговой палаты, то главным образом внимание

подозрительное и скрыто-враждебное. Они требуют точной регистрации имеющихся в каждой мастерской станков, а главное — настойчиво требуют воспрещения кому бы то ни было покупать шелковые материи у лица, не имеющего надлежащего патента [81]. Они жалуются на постоянные кражи шелковых материй, совершаемые как у предпринимателей, так и у хозяев ткацких мастерских, несмотря на все внимание и на тщательное припрятывание товара (nonostante la maggior esattezza ed occultezza,— как неуклюже, но энергично они выражаются). Ясно, что они подозревают рабочих и учеников и объясняют обширные размеры зла той легкостью, с которой воры находят покупателей. Против этого зла и должно помочь воспрещение публике покупать шелковые материи у кого бы то ни было, «кроме лиц, специально занимающихся этой торговлей, и кроме работающих за свой собственный счет и известных совершенной честностью» [82]. Все это довольно путано: почему требовать от хозяев ткацких мастерских еще, чтобы они были *di conosciuta integerrima probità?* Кто будет судить, достаточно ли они известны своей честностью? Почему не требовать того же дополнительного условия и от «занимающихся специально этой торговлей», т. е. от самих *padroni*? Как осуществить надзор за публикой, ибо воспрещение обращено к *покупателям?*

Требуя обязательного стажа для рабочего пред тем, как дать ему право заниматься самостоятельно шелкоткацким ремеслом, промышленники желали бы урегулировать также вопрос о стаже, который должен быть проделан учеником прежде, чем ученик сделается рабочим. Вот как они представляют себе желательные изменения: в ученики могут допускаться дети не моложе 12 лет, и ученичество должно продолжаться не менее четырех лет; гарантировать это обязательство должны родители или опекуны ученика. В случае, если ученик покинет хозяина до истечения условленного срока, он или его родители, или опекуны обязаны уплатить хозяину определенную ранее сумму, а также возместить понесенные расходы по содержанию ученика (кроме того случая, когда ученик должен покинуть мастерскую по болезни).

Таковы ограничения свободы труда в области шелкового производства, которые были желательны торговой палате после всего, уже сделанного в этом смысле в течение наполеоновского царствования. Они просили также, чтобы правительство благоволило обложить нарушение этих будущих правил теми или иными карами [83].

Правительство не успело ответить на эти пожелания изданием тех или иных новых законодательных актов: наступал 1813 год, дни наполеоновского владычества в королевстве были сочтены.

Глава III

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО В КОРОЛЕВСТВЕ ИТАЛИИ. ВИНОДЕЛИЕ, ПЛОДОВОДСТВО, МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО. ДАННЫЕ О РОЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ КОРОЛЕВСТВА. ЛЕСОВОДСТВО

1. Ввоз и вывоз зерновых продуктов. Страны, экспортирующие хлеб из королевства. Роль Франции в хлебной торговле королевства. Состояние земледелия в королевстве. Искусственная ирригация. Данные о среднем сборе хлебов в отдельных хлебопашеских департаментах. Рисовые плантации. Свидетельства о размерах сбора риса и картофеля в отдельных департаментах. 2. Скотоводство. Цифровые показания о ввозе и вывозе скота. Недостаточность пастбищ в западных департаментах. Центр скотоводства — департаменты Кростоло и Панаро. Другие департаменты, отличавшиеся развитием скотоводства. Вопрос о степени обеспеченности сырьем кожевенного производства в королевстве. 3. Данные о развитии виноделия, плодоводства, огородничества, молочного хозяйства (сыроварения) и о роли сбыта продуктов этих отраслей хозяйства в вывозной торговле королевства. 4. Лесоводство. Ввоз и вывоз топлива и лесного товара вообще. Недостаточность топлива в горных департаментах. Поиски каменного угля. Влияние недостаточности топлива на положение металлургической промышленности в королевстве

1

Аграрная история Апеннинского полуострова вообще, а северной Италии в частности, в конце XVIII и особенно в начале XIX в. еще не написана, в исторической литературе нельзя указать ни одной монографии, сколько-нибудь способной удовлетворить любознательность читателя. Нам и в этой области приходится прибегать исключительно к документальным свидетельствам, хотя для нас, интересующихся здесь главным образом результатами континентальной блокады, земледелие и скотоводство

королевства Италии при Наполеоне I представляют лишь подчиненный интерес. Нам нужно разобраться и в этом вопросе, и, разбираясь в нем лишь постольку, поскольку от этого нельзя отказаться в работе, подобной настоящей, мы все время должны обходиться без всякой помощи, без каких бы то ни было указаний, опираясь исключительно на документы, отказываясь пользоваться голословными фразами и общими, ничего не значащими выражениями, брошенными в старой и более новой литературе.

Когда будут предприняты шаги к разысканию и классификации документов, касающихся кадастра земель королевства Италии и иных данных, тогда только можно будет судить, достаточны ли эти документы для того, чтобы окончательно признать правильным общий вывод, который упорно делали все современники, пережившие революцию, нашествие и владычество Наполеона в Италии; вывод же этот заключается в том, что *бо́льшая часть* земли на севере полуострова как была до Наполеона, так и осталась при Наполеоне в руках крупных помещиков и духовенства; что крестьянство в общем *не* увеличило сколько-нибудь значительно площади своего владения; что крестьянин остался в большинстве мелким зависимым арендатором или батраком; что только немногие *новые* «ловкие люди» обогатились и вошли в класс землевладельцев [1]. Только работа многих и многих исследователей, работа, еще почти не начавшаяся, позволит, может быть, привлечь к анализу этого вопроса сколько-нибудь точный цифровой материал. Со стороны итальянских архивариусов мне пришлось даже встретить сомнения в существовании такого материала. Но эта *социальная* сторона аграрной истории королевства Италии, все элементы для исследования которой до сих пор еще не только не анализированы, но даже не приведены в известность наукой, довольно далека от круга тех вопросов, которые исследуются в настоящей работе. Здесь мы должны главным образом попытаться выяснить, каковы были общие размеры добывания сельскохозяйственных продуктов в королевстве Италии, каковы были размеры участия сельского хозяйства во внешней торговле королевства, насколько могло сельское хозяйство удовлетворить требованиям промышленников королевства в смысле доставления нужного количества сырья. Не на все эти вопросы мы получим вполне точный ответ от наших документов, но *только* к этим рукописям мы и можем обратиться за каким бы то ни было ответом, потому что, повторяю, не только изображение социальной стороны аграрной истории королевства в этот период, но и самые общие представления о состоянии сельского хозяйства в этой стране в данную эпоху — в литературе отсутствуют. Отчасти ответ на поставленные тут вопросы читатель найдет в настоящей главе,

отчасти же в следующих главах, при анализе положений отдельных отраслей промышленности, где будет идти речь о необходимом сырье.

Хотя континентальная блокада непосредственно влияла в Италии на торговлю и промышленность, но не на положение земледелия, тем не менее мы должны, повторяю, для возможной полноты общей картины попытаться выяснить, что давало стране сельское хозяйство, какие области и насколько успешно занимались хлебопашеством, скотоводством, лесоводством и т. п.

С точки зрения, тогда господствовавшей, отсутствие промышленной деятельности в тех местах, где земля была достаточно плодородна, нисколько не должно было казаться удивительным. Считалось аксиомой, что только недостаточность или непригодность земли для обработки может заставить людей приниматься за устройство мануфактур и работу на них. Существование и распространенность этого убеждения во Франции XVIII и начала XIX в. я старался доказать документальными свидетельствами в своих работах: «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» и в I томе «Континентальной блокады».

Документы, относящиеся к королевству Италии, удостоверяют, что там также эта точка зрения господствовала и что французам, видевшим тогдашнюю Италию, в особенности казалось естественным, что в такой стране промышленность существовала далеко не всюду [2]. Мы увидим, что в самом деле наиболее плодородные департаменты Италии являются обыкновенно сравнительно мало промышленными.

Прежде всего постараемся уяснить себе, хватало ли королевству его собственного хлеба и какую роль в его внешней торговле играли продукты земледелия и огородничества.

При бедности данных о сельском хозяйстве, о земледелии и скотоводстве, о разведении плодовых деревьев, при полном игнорировании со стороны правительства (не только Наполеона, но и вице-короля и итальянских министров) всего, что так или иначе относится к земле, к сельскому хозяйству,— чрезвычайно интересны показания торговых балансов о состоянии ввозной и вывозной торговли зерновым хлебом, кормовыми травами и овощами, какую вела Италия в 1809, 1810 и 1812 гг. Вот эти показания в лирах, чентезимо отброшены [3].

	Ввоз зерновых продуктов, овощей и трав в королевство Италию	Вывоз этих продуктов из королевства Италии	Перевес вывоза над ввозом (актив Италии)
В 1809 г. . . .	259 005	14 258 440	13 999 434
» 1810 » . . .	414 532	25 688 127	25 270 595
» 1812 » . . .	3 070 337	34 234 004	31 163 667

Мы видим громадный перевес вывоза над ввозом; но и перевес этот и общие размеры торгового оборота все же, как увидим в своем месте, меньше, чем те, которые показаны относительно шелководства и шелкоделия. Тем не менее торговля зерновыми продуктами, травами и овощами стоит, в этом смысле, непосредственно вслед за шелководством и шелкоделием. Интересно еще отметить, что с 1809 до 1812 г. ввоз успел увеличиться почти в двенадцать раз, а вывоз увеличился всего меньше чем в 2,5 раза. При огромной вывозной торговле злаками королевству самому иногда нехватало этих продуктов и приходилось все больше выписывать их из-за границы.

Приглядимся к показаниям, относящимся именно к 1812 г. и поясняющим, откуда ввозился в Италию и куда вывозился из Италии хлеб. Было ввезено из Германии, «или из Баварии» (dall'Allemagna, o sia dal Bavaro), на сумму 290 тысяч лир, из Иллирийских провинций, «или с Адриатического моря» (o sia dall'Adriatico) — 2780 тысяч. Эти две цифры (отброшены сотни, десятки и единицы) и составляют общую показанную выше цифру ценности ввоза — 3 070 337 лир. Ниоткуда больше хлеба наполеоновская Италия не получала. Здесь характерно пояснение, что в данном случае под Германией нужно понимать только Баварию: действительно, соседняя, почти сплошь земледельческая или пастбищная, но не промышленная Бавария могла без труда ввозить хлеб в королевство (хотя тут же наперед заметим, что она вывозила из Италии хлеба больше, чем ввозила туда), но Наполеон предпочитал, чтобы королевство Италия покупало по возможности все ему нужное в имперских владениях; в данном случае ближайшим к Италии имперским владением, откуда можно было добыть в любом количестве хлеб, были Иллирийские провинции. Мы видим, что составители баланса 1812 г. дают тотчас вслед за указанием на Иллирийские провинции более широкое обозначение «с Адриатического моря», т. е. с адриатического побережья. Речь идет едва ли о берегах, принадлежащих Неаполитанскому королевству: из Апулии, богатой пастбищами, еще доставлялась шерсть в королевство Италию, но никак не хлеб; да и земледелие в Апулии стояло на самом низком уровне развития, и никаких данных, которые бы позволили даже предполагать возможность для нее вести вывозную торговлю хлебом, у нас нет. Очевидно, документ намекает на *восточное* побережье Адриатики, на запад Балканского полуострова, прямое продолжение к югу Иллирийских провинций, откуда, например, Венеция и Венецианская область целые столетия получали часть нужного им хлеба (и не переставали его получать до самых последних лет самостоятельного существования Венецианской республики). Мы видим, что из Иллирийских провинций и с адриатического побережья коро-

левство получало хлеба почти в десять раз больше, чем из Баварии, т. е. значит, $^{10}/_{11}$ всего количества, которое вообще ввозилось из-за границы. Откуда брала Италия этот хлеб до тех пор, когда Иллирия была завоевана Наполеоном? В 1809 г. она выписала иностранного хлеба всего на 259 005 лир, в 1810 г., когда Иллирия уже была в руках Наполеона, но еще не совсем наладились торговые пути и администрация в этой области,— на 414 532 лиры, в 1812 г.— на 3 070 337 лир, причем $^{10}/_{11}$ — из Иллирии. Ясно, что сравнительная легкость транспортирования из соседней страны и дешевизна обильного восточного хлеба сыграли свою заметную роль в этом бурном, внезапном росте итальянского хлебного импорта.

В показаниях, касающихся вывоза, страны, куда направляется главный итальянский экспорт, могут быть расположены в таком порядке (показания даны только относительно 1812 г., когда общий вывоз злаков = 34 234 004 лирам):

во Францию вывозится злаков на сумму в	26 820 000	лир
в Швейцарию	3 969 000	»
» *Иллирийские провинции и на Ионические о-ва*	2 880 000	»
» Германию	504 000	»
» Неаполитанское королевство	47 000	»

Первая цифра не нуждается в пояснениях. Что *именно во* Францию направляется $^3/_4$ общего вывоза злаков, это можно было, с довольно большим приближением, предвидеть, принимая во внимание, что Наполеон, как мы знаем, усматривал в королевстве Италии резервную хлебную житницу для своей Империи, и поэтому оба правительства как французское, так и итальянское делали все от себя зависящее, чтобы облегчить и сделать выгодным и удобным для итальянских хлебных экспортеров соглашение с французскими покупателями. Не возбуждает никаких недоумений и цифра почти в четыре миллиона лир, обозначающая ценность вывоза в Швейцарию; Швейцария была страной обширного скотоводства, и площадь запашки в ней была относительно невелика; с другой стороны, промышленный труд (чрезвычайно развитый) отвлекал рабочие руки от земледелия. Затруднительнее разобраться в цифре (2 880 000), обозначающей вывоз в Иллирийские провинции и на Ионические острова. Как предметы вывоза в пояснении (касающемся вывоза злаков вообще) обозначены, между прочим, рис, пшеница, овощи. При первобытности огородной культуры на тогдашнем Балканском полуострове вывоз туда овощей из Италии мог быть очень обширен; рис и хорошие сорта пшеницы — более дорогие продукты — тоже могли вывозиться в Иллирию (и через Иллирию — дальше) взамен получаемых оттуда

более дешевых зерновых продуктов; наконец, Ионические острова (посчитанные тут вместе с Иллирийскими провинциями) с того времени, как попали во власть Наполеона, сделались обеспеченным рынком сбыта для тех товаров, которые не ввозились сюда из Франции. К числу таковых и относились хлебные злаки, кормовые травы, овощи. Наконец, мы видим, что был еще вывоз в Германию (т. е. *непосредственно* опять-таки в ту же Баварию); туда ввозилось итальянских злаков значительно больше, чем вывозилось оттуда в Италию. Бавария играла в эту эпоху роль житницы западной Германии,— могло быть, что и итальянский хлеб направляется именно туда из Баварии. Ничтожная цифра вывоза в Неаполитанское королевство показывает только лишний раз, что эта земледельческая и пастбищная страна нисколько не нуждалась в сельскохозяйственном привозе с севера полуострова [4].

Характерно то обстоятельство, что французское правительство и его агенты в течение всего наполеоновского царствования при всяком случае настойчиво проводили ту мысль, что Италия есть страна исключительно земледельческая и по существу дела отлична от стран торговых и коммерческих [5].

Здесь желание порождало мысль: королевство Италия в качестве исключительно земледельческой страны было бы всецело зависимой от Франции колонией, зависимой в экономическом, а не только в политическом отношении.

Затем, королевство должно было явиться огромным резервным зернохранилищем, откуда Франция могла бы получать необходимые для питания продукты в случае полного или частичного неурожая.

С этой последней точки зрения Наполеону иногда казалось отчасти нежелательным, что вывоз хлеба из королевства Италии в разные страны Европы приобретает слишком большие размеры.

Когда Наполеон обращал внимание вице-короля на то, что зерновые продукты в слишком большом количестве вывозятся из королевства, то Евгений понимал это беспокойство так, что император опасается, как бы этот хлеб не уходил куда-либо вообще из его владений и прежде всего как бы Франция не лишилась зернового резерва, которым всегда располагала в королевстве. Поэтому в ответ на замечания Наполеона вице-король отвечал, что примет меры, но вместе с тем успокаивал императора указанием, что хлеб-то из Италии *почти целиком* идет в Империю [6].

Напротив, императора нисколько и никогда не тревожила мысль, что самой Италии может не хватить хлеба, если его очень уж много вывозить во Францию.

Вот пример.

Урожай хлебов в 1808 и 1809 гг. был в королевстве превосходен, в 1810 г.— похуже. Но хлеб несмотря на громадный вывоз во Францию в 1810 г. был все же и в начале 1810 г. недорог в Италии, и вице-король считал излишними какие-либо меры, стесняющие вывоз зерновых продуктов из страны. Квинтал пшеницы в Италии в этот относительно менее урожайный (1810) год стоил в июле — сентябре от 10 франков до 10 франков 67 сантимов, рожь — 7 франков 43 сантима — 8 франков 39 сантимов [7]. Но к концу 1810 г. (в ноябре) цены возросли настолько, что вице-король должен был хлопотать перед императором об ограничительных мерах, направленных против вывоза хлеба из Италии (во имя интересов «самого многочисленного класса» населения) [8]. В середине ноября хлеб стоил в Милане 10 чентезимо фунт, и вице-король боялся, что скоро дойдет до 15 чентезимо; он приписывал это внезапное ухудшение спекуляциям хлебных торговцев [9], но ясно было, что главное зло — в колоссальном вывозе хлеба во Францию.

Когда Наполеон (в это же время) выразил удивление, почему цены на хлеб бывают так неодинаковы в разных департаментах королевства, то вице-король объяснил это тем, что «не существовало никогда и еще не существует обширных коммерческих сношений между департаментами» [10].

И когда вице-король заикнулся, наконец, что хорошо бы несколько затруднить вывоз хлеба из особенно пораженных неурожаем местностей Италии, то Наполеон поспешил ему ответить, что не может же он, император, воспретить вывоз итальянского хлеба во Францию! Вице-король тотчас же стал оправдываться, указывать, что, конечно, об этом он не мог и думать, но что речь шла лишь о прекращении вывоза из тех департаментов, где гектолитр пшеницы оказывается дороже 24 франков [11] и т. п. Ничего из всех этих поправок и почтительных намеков не вышло. Наполеон не пожелал воспретить вывоз во Францию из каких бы то ни было департаментов [12].

С другой стороны, когда во Франции был урожай, то в Италии амбары могли ломиться от хлеба, хлеб мог совсем упасть в цене, и, однако, его позволяли вывозить за границу *только* по специальному позволению императора: самое позволение это испрашивалось тогда, когда ясно было, что Франция в итальянском хлебе не нуждается не только в настоящем, но и в ближайшем будущем. Тогда, и только тогда, становилось возможным вывозить хлеб из Италии в другие страны [13].

Нужно сказать, что земледелие и агрономическая культура в Италии при Наполеоне были в довольно заброшенном состоянии, и на это жаловались землевладельцы. Они указывали на то, что правительство заботится слишком (sic!) о промышленности и торговле, которые *ведь* играют побочную роль, и не

жалеет на них затрат, но не заботится о земледелии, т. е. о «главном»[14]. Обработка земли уже к 1807 г. оказывается в упадке, даже в *критическом* положении[15].

Но при всей примитивности сельскохозяйственных орудий, при всем отсутствии сколько-нибудь распространенных технических и агрономических знаний в некоторых местностях королевства, именно в Миланской области и вообще в Ломбардии, была налицо уже при Наполеоне очень развитая искусственная ирригация. Французские наблюдатели дивились сети каналов в Ломбардии. Там дело ирригации было организовано особыми спекуляторами; они, проведя канал, взимали с владельцев близлежащих имений плату за пользование водой, которая уже доставлялась посредством особых небольших канальцев куда следует. Вся организация показывает, что дело искусственного орошения земли было поставлено здесь на широкую ногу и на чисто предпринимательских, капиталистических началах; вообще это явление стоит отметить[16]. Мы видим, что старая традиция сохранилась в Ломбардии до времен Наполеона от XV—XVI вв., когда там отмечается уже некоторое развитие искусственного орошения.

Какие местности вообще славились в королевстве развитием хлебопашества и вообще обработкой земли?

Мантуанская область и окружные земли (департамент Минчио) отличаются чрезвычайно плодоносной почвой, и земледелие играло там единственно важную роль. Считалось (в 1806 г.), что в департаменте собирается ежегодно хлебов 590 044 квинтала, кукурузы 832 762 квинтала, риса 84 282 квинтала, и из этого количества вывозится за пределы департамента: хлебов 408 269 квинталов, кукурузы 438 929 квинталов и риса 53 130 квинталов[17].

Область Гуастала, присоединенная к королевству Италии, была чрезвычайно богата зерновыми продуктами. Некогда, до Наполеона, Гуастала считалась житницей всего герцогства Пармского[18]. В рассматриваемую эпоху хлеб из Гуасталы вывозился отчасти в другие области королевства, отчасти же в Парму, присоединенную к Французской империи.

К числу почти исключительно земледельческих областей королевства относились бывшие герцогства Феррара и Ровиго, вошедшие в департамент Нижнего По (гл. гор. Феррара). За вычетом береговой приадриатической полосы, вся остальная территория департамента возделывается и приносит много зерновых продуктов. В 1806 г. считалось, что департамент вывозит зерновых хлебных продуктов до 30 тысяч квинталов в год[19].

Много зернового хлеба давал департамент Рубикона (часть присоединенной Романьи, с городами Чезеной и Форли); до

своего присоединения к королевству эта территория поставляла в огромных количествах хлеб в Церковную область. Этот департамент — типично земледельческий. Там, в сущности, почти никаких ремесел нет и рабочих почти нет [20]. Все-таки есть в этом департаменте веревочная мануфактура, которая, однако, ждет «лучших времен для мореплавания», чтобы развиться шире; была небольшая шелковая индустрия, но она в упадке, по причинам, «слишком известным правительству» (troppo noti al governo), так что и говорить о них «не следует»; выделывается в небольших размерах воск; есть кожевни, но им трудно бороться с «иностранной» конкуренцией, и желательно затруднить ввоз этих товаров из Французской империи [21], сбыту этих товаров мешает небезопасность морской торговли. Присоединение же к королевству Италии еще более способствовало превращению этой области в чисто хлебопашескую страну, но только хлеб отсюда стал вывозиться уже не на юг, не в Рим, а на север и на восток королевства Италии. Департамент Верхнего По (область Кремоны) отличается большим развитием пастбищ и молочного хозяйства, но и в нем земледелие и хлебопашество на первом плане. Рис, пшеница, рожь — в изобилии [22].

По показаниям современников, возделывание рисовых плантаций вообще было широчайше распространено в королевстве Италии. Очевидец, изучавший в 1806 г. экономическое состояние королевства по поручению имперского правительства, утверждает, что рис, как и зерновой хлеб, стоит на втором месте (на первом — шелководство и шелкоделие) в ряду национальных богатств этой страны [23].

Рисовые плантации были распространены, кроме области Кремоны, и в департаментах Минчио, Агоньи, Нижнего По. Считалось, что из этих трех департаментов вывозится через одну только таможню Понте-Лагосеро (в сторону Венеции) 39 тысяч квинталов риса ежегодно [24]. Славится рисовыми плантациями также департамент Рено (гл. гор. Болонья). Риса департамент Рено производит ежегодно в 1805—1806 гг. на сумму около 3450 тысяч лир.

Отметим, что именно при Наполеоне в Болонской области рисовая культура стала вытеснять скотоводческое хозяйство, широко развитое там еще во второй половине XVIII в.

В департаменте Рено (т. е. именно в обширной и богатой Болонской области) замечается в рассматриваемую нами эпоху быстрое сокращение пастбищ в пользу все увеличивающейся культуры риса. «С каждым днем» пастбища исчезают, превращаясь в рисовые поля. Уже в 1805 г. риса было собрано на территории департамента около 150 тысяч квинталов, что дало выручку в 3450 тысяч лир. Цена квинтала риса в 1805 г. была

равна 23 лирам, но в 1806 г. сильно понизилась и дошла до 17 лир. Был ли причиной этого явления особенно сильный рост площади рисовых полей («Tous les pâturages se convertissent en rizières») или и другие обстоятельства, на этот вопрос нам ответа от документов не удалось получить [25].

Картофель не был так широко распространен, как рис, и не играл очень большой роли в народном продовольствии.

Оба департамента (Кростоло и Панаро), территория которых до Наполеона составляла герцогство Моденское, производили огромное количество картофеля, в особенности Панаро. Картофель вывозился далеко за пределы этой области: много этого продукта шло в Венецию, всегда нуждающуюся в подвозе продовольственных припасов. Считалось, что один только департамент Панаро выручал от продажи картофеля около 300 тысяч франков в год [26].

Северные департаменты не были так обильны хлебом, как центральные и южные области королевства.

Например, департамент Серио (гл. гор. Бергамо) нуждался в хлебе настолько, что около шести месяцев ежегодно его население должно было питаться привозным хлебом из Кремы и Кремоны и из Лоди [27]. (Этот департамент был одним из самых промышленных в королевстве.) Департамент Меллы (область Брешии), богатый рудниками и копями, тоже нуждался в подвозе хлеба с юга, из центра и с востока королевства.

2

Скотоводство далеко не играло в королевстве той роли, как земледелие. Целый ряд областей королевства нуждался как в рогатом крупном скоте, так и в мелком.

Наступление наполеоновского владычества сначала несколько затруднило для северной Италии снабжение скотом.

До Наполеона земли, вошедшие впоследствии в состав республики Италийской, закупали много скота, мелкого и крупного, в Пьемонте, славившемся своими пастбищами. Особенно нуждались в скоте области Новарская, Бергамасская (расположенная вокруг г. Бергамо), Миланская. Горный север нуждался в скоте меньше, так как альпийские пастбища были превосходны. Особенная необходимость ощущалась в Италии в рабочем скоте, нужном для сельского хозяйства и для транспортирования кладей, в быках и лошадях; выписывались, сверх того, также и коровы и свиньи. Вывоз скота из Италии был, сравнительно с ввозом, весьма ограничен; вывозились мулы, козы, овцы, а отчасти тоже быки, коровы, свиньи.

Вот в каких размерах рисуется нам ввоз и вывоз скота в Италию по имеющимся у нас подсчетам за 1809, 1810 и 1812 г. (в лирах, чентезимо отброшены):

	Ввоз скота в Италию	Вывоз скота из Италии	Перевес ввоза над вывозом
В 1809 г. . . .	10 092 621	2 101 457	7 991 164
» 1810 » . . .	11 246 946	2 072 553	9 174 392
» 1812 » . . .	14 413 000	1 065 102	13 348 428

Ввоз шел из трех мест и распределялся так (берем 1812 г., относительно которого в нашем распоряжении существуют более обстоятельные указания) [28].

Было ввезено в 1812 г. в королевство Италию:

из Франции на сумму около	6 050 000	лир
» Германии	4 210 000	»
» Швейцарии	4 170 000	»

Конечно, это (как и оговорено в нашем документе) лишь «приблизительные» подсчеты, ибо сумма приведенных трех слагаемых (14 430 тысяч лир) несколько больше, чем вышеприведенная цифра общего ввоза (14 413 тысяч). Во всяком случае ясно, что только три показанные страны и ввозили скот в королевство Италию. Что больше всего показано этого ввоза из Франции — удивляться не следует: ведь Пьемонт был включен в состав Французской империи, а мы уже неоднократно констатировали, что именно из Пьемонта северная Италия и привыкла получать скот с давних пор. Не должны мы удивляться и крупным размерам ввоза из Германии и Швейцарии: под «Германией» в данном случае надлежит разуметь обильную крупным скотом Баварию, а роскошные швейцарские пастбища снабжали скотом не только Италию, но и Францию и отчасти великое герцогство Берг; со своей стороны Наполеон нисколько не противился ввозу скота в свое королевство откуда бы то ни было, и если готов был ставить затруднения, то только ввозу скота именно из Франции, так как знал, что французские кожевники вечно жалуются на недостаток и дороговизну нужного им сырья. Да и лошадей выпускать из Франции император не любил. При этих благоприятных условиях королевство было вольно выписывать скот, откуда заблагорассудится. Три соседние страны и снабжали его в этом отношении всем необходимым.

Что касается *вывоза* скота из Италии, то вывозился он в 1812 г. главным образом:

во Францию на сумму	790 000	лир
в Неаполитанское королевство	80 000	»
» Германию	90 000	»
» Швейцарию	75 000	»

Значит, $^2/_3$ всего вывоза шло опять-таки во Францию. У нас есть свидетельство о больших закупках лошадей и вьючного скота, произведенных французским военным ведомством в королевстве Италии перед войной 1812 г.; несомненно, эти закупки и округлили цифру ввоза из Италии во Францию. Но общая цифра вывоза скота из Италии в 1812 г. почти вдвое меньше, как мы видели, чем в 1810 г.[29] В течение всего наполеоновского царствования итальянские сельские хозяева местами не перестают жаловаться на недостаточность скота.

В некоторых департаментах королевства, например в департаменте Серио, крупного скота решительно нехватало. Тогда его выписывали (и в *больших* количествах) из Швейцарии.

Недостаток пастбищ в некоторых западных департаментах королевства Италии заставлял жителей отправлять стада овец на выпас в Пьемонт. Но так как французское шерстяное производство всегда нуждалось в дешевой шерсти, то случалось так, что руно этих очутившихся на имперской территории овец снималось, с согласия хозяев, и продавалось там же, в Пьемонте. Хозяева овец не теряли при этом ничего, но зато теряли итальянские шерстобиты и суконщики. Например, шерстяные мануфактуры, существовавшие в г. Бергамо (департамент Серио), при всем своем ничтожестве, должны были выписывать шерсть из Апулии, с другого конца полуострова, хотя эта шерсть им обходилась вдвое дороже, сравнительно с шерстью местных овец, а шерсть местных овец, вследствие только что отмеченного обстоятельства, почти вся оставалась в Пьемонте [30].

Но жалобы на недостаточность скота не для всех департаментов были основательны. На юге, отчасти в центре королевства были обширнейшие пастбища и скотоводство процветало.

Скотоводство было очень распространено в департаменте Кростоло. В главном городе этого департамента, в Реджио, происходили еженедельные базары, на которых продавался и покупался скот в огромных количествах, сумма сделок в эти дни доходила до 2 тысяч цехинов (цехин=около 12 франков). Считалось, что ежегодно из департамента вывозится до 48 тысяч голов. Вывоз из департамента был рассчитан как на королевство, так и на чужие земли. Скотоводства одного этого департамента, по уверению сведущих людей, хватило бы на все королевство [31], но у кростольских скотоводов была конкуренция: вся восточная часть Италии (Мантуанская и Венецианская области) выписывали скот из Венгрии. Дело в том, что Наполеон не надеялся, чтобы итальянского туземного скота оказалось достаточно для работ и для потребления, а потому обложил ввоз из-за границы в Италию ничтожной пошлиной (в 3 франка за быка, например). Этим и воспользовалось процветавшее уже тогда венгерское скотоводство. Но все же вывоз скота из Реджио

и его округа был чрезвычайно велик. Тоскана, например, скупала на рынке Реджио огромные количества телят [32]; велик был также вывоз свиней. Баранов, овец и коз вывозилось из департамента ежегодно больше 120 тысяч штук, свиней — 60 800 штук [33].

Что касается департамента Панаро (гл. гор. Модена), то его территория до Наполеона входила в состав герцогства Моденского, так же как территория соседнего департамента Кростоло. По своим экономическим особенностям оба департамента чрезвычайно схожи. В департаменте Панаро тоже развито скотоводство, оно и тут стоит на первом месте по значению своему для экономической жизни населения, но, в сравнении с департаментом Кростоло, департамент Панаро разводит и вывозит скота гораздо меньше. В 1805—1806 гг. считалось, что выручка населения этого департамента от продажи скота равна 40 тысячам цехинов ежегодно (цехин=12 франков) [34]. В горах департамента разводились, но в небольшом сравнительно количестве, овцы, дававшие шерсть невысокого качества, в размерах приблизительно 60 тысяч фунтов в год [35].

Департамент Нижнего По (гл. гор. Феррара), земледельческий по преимуществу, имел все же и пастбища и вывозил в год около 7 тысяч голов крупного скота.

Изобиловал скотом также весь департамент Рено (в состав которого вошла Болонья и вся почти Болонская область), но здесь уже в первые годы царствования Наполеона замечалась определенная тенденция к сокращению площади пастбищ и к расширению культуры риса, и это превращение быстро прогрессировало [36]. Уже в 1806 г. население Болонской области принуждено было выписывать скот из богатых в отношении скотоводства департаментов Кростоло и Панаро (т. е. из бывшего, как сказано, герцогства Моденского).

При широком развитии скотоводства в некоторых департаментах кожевенно-дубильное производство, казалось бы, все же не могло нуждаться в сырье, и это сырье должно было быть изобильным и дешевым. Но за время царствования Наполеона все изменилось. Кожа стала вывозиться в огромных количествах во Францию, и к концу эпохи речь уже шла не о том, как поднять качество производства, но о том, чтобы вообще это производство уцелело [37]. Итальянские промышленники просили правительство воспретить вывоз сырой кожи из королевства. Пускаясь на весьма наивную и прозрачную хитрость, они указывали на растущие потребности военного ведомства, удовлетворить которые призвано кожевенное производство, как будто не понимая, что Наполеон именно и желает, чтобы его армия давала заказы не итальянским, а французским промышленникам: они с мнимым простодушием [38] указывали, что хорошо бы

королевству воспользоваться примером Империи, воспретившей вывоз сырой кожи, как будто не видя, что Наполеон не согласится воспретить этот вывоз из Италии в Империю по той самой причине, по которой он воспретил вывоз из Империи в Италию: чтобы обеспечить *французских,* и только французских, кожевников дешевым сырьем.

В общем королевство не могло назваться вполне обеспеченным в смысле сырья, не только нужного для кожевенно-дубильного промысла, но и для шерстяных мануфактур: в главе, где рассматривается положение шерстяного производства, читатель найдет указания, что своих овец королевству не хватало и приходилось немало выписывать из-за границы.

3

Кроме вышеприведенных показаний о зерновых продуктах и о скоте, у нас есть еще некоторые данные, поясняющие общую роль сельского хозяйства во внешней торговле. К сожалению, продукты виноделия, плодоводства, огородничества, молочного хозяйства посчитаны вместе — там, где вообще даются цифровые указания о ввозе и вывозе всех этих продуктов. В эту же общую графу почему-то внесен и рыбный товар. Кроме рыбы, все товары, посчитанные в этой графе, добываются от возделывания земли, от плодоводства, от скотоводства, и потому уместно первые два параграфа настоящей главы дополнить данными, касающимися этих продуктов.

Целый ряд этих важных предметов внешней торговли включен в единую графу «съестные припасы» (commestibili). Сюда входят такие продукты: лимоны и апельсины, другие фрукты, белый сыр, оливковое масло, тонкие и «обыкновенные» сорта вин — все это перечислено в качестве предметов *ввоза* в Италию; *предметы вывоза:* коровье масло, солонина, местный сыр (lodigiano), некоторые огородные овощи, лимоны и апельсины, рыба, птица и «обыкновенные» сорта вин. Уже этот пересчет весьма для нас интересен. Мы видим, что королевство Италия не только не вывозит оливкового масла за границу, но еще должно его выписывать из-за границы (конечно, из Пьемонта, присоединенного к Французской империи, из Тосканы, присоединенной к Французской империи); точно так же «из-за границы», т. е. опять-таки из частей Апеннинского полуострова, присоединенных к Империи, затем из королевства Неаполитанского, отчасти из стран Леванта королевство получает лимоны и апельсины. Тонкие сорта вин (vini di lusso) поименованы только среди предметов ввоза в Италию, но не вывоза из нее. Вообще, если сравнить оба списка, то увидим, что ввозятся в королевство более дорогие товары, а вывозятся более дешевые. Общие же подсчеты «торгового баланса» показывают, что *коли-*

чество вывоза тоже не компенсирует относительный дешевизны вывозимого товара, баланс по этой графе сводится, по всем нашим данным, с «пассивом» для королевства Италии. Вот показания относительно трех лет (в лирах, чентезимо отброшены) [39]:

	Ввоз «съестных припасов» в королевство Италию	Вывоз «съестных припасов» из королевства Италии	Перевес ввоза над вывозом
В 1809 г. . . .	31 410 612	5 859 921	25 550 691
» 1810 » . . .	35 111 822	6 843 397	28 268 424
» 1812 » . . .	33 795 959	10 470 300	23 325 658

Посмотрим теперь, откуда идет этот ввоз и куда направляется вывоз. Мы располагаем в данном пункте сколько-нибудь *ясными (хоть и «приблизительными») сведениями только для* 1812 г.[40]

Ввезено было съестных припасов в королевство Италию в 1812 г.:

Из Франции на сумму приблизительно	17 490 000 лир
» Ионических о-ов и Иллирийских провинций	5 650 000 »
» Неаполитанского королевства	5 190 000 »
» стран Леванта	4 320 000 »
» Швейцарии	830 000 »
» «Германии» (dall'Allemagna)	340 000 »

Французские вина как из старых, так и из «заальпийских» присоединенных департаментов, оливковое масло, фрукты, сыр — преимущественно из заальпийских департаментов,— вот что делало такой крупной цифру ввоза, помеченного «французским». Все это (кроме тонких вин) могло ввозиться и из Неаполитанского королевства, а из стран Леванта ввозились тоже, как из Франции, тонкие вина (особенным распространением пользовались кипрское, самосское и другие сладкие греческие вина). Из Швейцарии шел преимущественно сыр. Что касается вывоза съестных припасов из королевства Италии, то вот каковы были показанные в документе 1812 г. главные составные части общей ценности экспорта (определенной, как сказано, в 10 470 300 лир):

во Францию было ввезено на сумму приблизительно	4 610 000 лир
на Ионические о-ва и в Иллирийские провинции	1 990 000 »
в Швейцарию	1 650 000 »
» Неаполитанское королевство	950 000 »
» Австрию	690 000 »
» Германию (пояснено в тексте: в *Баварию*) . . .	580 000 »

Франция и тут стоит на первом месте. Вспоминая, какие предметы вывоза из королевства Италии показаны в пояснениях нашего документа (по этой графе), мы видим, что Империя брала у Италии главным образом съестные припасы попроще и простые, дешевые сорта вин. К этим винам особенно привыкло население присоединенного Пьемонта [41].

Таковы эти общие подсчеты. Дополним их кое-какими свидетельствами об отдельных отраслях этой торговли. Начнем с виноделия и сбыта вин.

Область Реджио до Наполеона находилась в оживленных коммерческих сношениях с соседней Пармой, и виноторговля играла тут серьезную роль. Считалось, что ежегодно из Реджио в Парму отправлялось до 20 тысяч мер вина (в каждой мере было около двух квинталов); в среднем выручалось за это около 400 тысяч франков, так как мера в среднем стоила 20 франков. Но когда Наполеон установил таможню между присоединенной к Империи Пармой и королевством Италией, то эта торговля сразу оборвалась, так как пошлина на меру вина оказалась больше 20 франков — больше, чем стоил самый товар [42].

Виноделие было сравнительно очень распространено и на тучной почве Мантуанской области. Там в 1805—1806 гг. добывалось ежегодно около 55 366 бочек (=47 836 224 пинты) вина [43].

Но отметим тут же, что мантуанскому и другому местному вину приходилось даже в соседних департаментах выдерживать серьезную конкуренцию со стороны виноделов из присоединенных к Французской империи частей Апеннинского полуострова.

Те части королевства Италии, которые не были особенно богаты виноградниками, вроде Болоньи и Болонской области (департамента Рено), получали больше всего вина из Тосканы. Тосканские вина по своим качествам были хуже французских, но французские были слишком дороги: при ввозе в Италию они были обложены пошлиной в 3,5 франка за бутылку, что, конечно, делало французские вина предметом роскоши, доступным лишь очень состоятельным людям. Что же касается тосканских вин, то пошлина, наложенная на них, была равна 30% ad valorem, а так как самая цена была ничтожной, то эта пошлина не казалась обременительной. Французский же ввоз вин местами уже к 1806 г. «почти вовсе прекратился» [44].

Виноделие распространено было еще и в департаменте Верхнего По; здесь отмечается также некоторое водочное производство.

Отметим, кстати, что у нас нет отдельных данных об участии водочного производства во внешней торговле королевства, но имеются свидетельства, что в хлебопашеских департаментах водочное производство было довольно распространено.

Так, оно было довольно развито в областях Гуасталы и Реджио (департамент Кростоло), и водки вывозилось из этого департамента в другие ежегодно около 1 тысячи квинталов (1 квинтал=47 литров)[45]. В соседнем департаменте Панаро (гл. гор. Модена) водочное производство также было немаловажно, но, к сожалению, документы, констатируя это, воздерживаются от приведения хотя бы приблизительных цифровых данных.

Водочное производство развито еще более в областях Феррары и Ровиго (департамент Нижнего По), изобильных хлебом. Водки из одного этого департамента вывозится в другие департаменты королевства и за границу до 5 тысяч квинталов ежегодно.

Совсем почти нет у нас точных и обстоятельных свидетельств о размерах плодоводства и *его* специальной роли во внешней *торговле. Лимоны, апельсины, кедровые орехи из Брешианской* области, особенно с побережья Лаго-ди-Гарда, вывозились в больших количествах за границу; особенно отмечается большой сбыт их в Польшу[46]. Есть еще кое-какие общие свидетельства такого же характера, но, конечно, по ним мы не можем даже приблизительно определить, какова была точная цифра, приходящаяся на долю плодоводства, в тех общих подсчетах «съестных припасов», о которых выше шла речь.

Можно назвать еще и продукты, включенные в ту же графу, показания о которых свидетельствуют об их значении для торговли, но не дают более точных цифровых указаний. Из Болоньи, из Венеции, из Модены, например, вывозилась «знаменитая» колбаса, широко сбывавшаяся не только в королевстве, но и на всем полуострове и *за его пределами* — особенно во Франции. Больше всего процветало это производство в Болонье[47].

Из продуктов молочного хозяйства большую роль в вывозной торговле играли сыры, которые сбывались в очень большом количестве в Россию, в Австрию (через Триест), в Неаполь и в страны западной части средиземного побережья (через Ливорно). Много потреблялось разного сорта сыров и в самом королевстве[48]. Некоторые тонкие сорта итальянских сыров очень ценились в тогдашней Европе.

Знаменитый пармезанский сыр (parmigiano), получивший имя свое от Пармы, на самом деле выделывался несравненно больше, чем в Парме, именно в королевстве Италии. Некоторые даже утверждали, что он в Парме вовсе никогда и не делался[49], а просто г. Парма был коммерческим средоточием, *скупавшим* эти сыры и затем отправлявшим их в разные страны. Организация сбыта этих пармезанских сыров изменилась уже в первые годы после появления Наполеона в Италии. Дело в том, что

производилось это огромное сыроварение главным образом в местности *Лоди,* в Кремонской области (вошедшей при Наполеоне в состав департамента Верхнего По, в королевстве Италии). С тех пор как Парма была присоединена к Империи и таможенная грань резко разделила оба берега По, жители Лоди старались обойтись при сбыте сыров без посредничества Пармы, ставшего слишком затруднительным и хлопотливым. Они этого и достигли, и уже в 1805 г. в Парме не существовало *ни одного* торгового дома, который бы вел торговлю сырами, а вся эта торговля сосредоточилась в городах и селах Лоди, так что в одном только месте (в Codoane, между Лоди и Пьяченцой) на население в 7—8 тысяч душ приходилось *сорок* торговых домов, занятых исключительно сбытом сыра. В остальной Кремонской области сыроварение тоже было распространено в обширнейших размерах, но там выделывались сыры более дешевые и не столь высокого качестве, как в Лоди. Эти кремонские сыры попроще сбывались очень много на внутреннем рынке королевства. Нужно отметить еще, что все сыровары этих мест постоянно прибегали к закупке швейцарских коров; достигнуть столь нужного им улучшения туземных пород они были не в состоянии [50]. Нечего и прибавлять, что война и прекращение морской торговли тяжко отразились на экспорте сыра. В 1805 г. он был вдвое дешевле, чем до войны [51].

Рыба также помянута в общих расчетах торгового баланса. Рыболовство в стране с длинной (восточной) береговой полосой было большим подспорьем для прибрежного населения. В наших документах некоторые местности отмечены как особенно богатые рыбой.

Пруды, болота, длинные морские языки испещряют все примыкающее к Адриатическому морю побережье департамента Нижнего По (т. е. бывших областей Ровиго и Феррары). Весь этот берег необычайно благоприятствует рыболовству, которое здесь в самом деле и процветало. Считалось, что ежегодный улов рыбы в этой местности департамента Нижнего По дает от 20 до 25 тысяч квинталов рыбы, которая отчасти солится, отчасти маринуется, и затем бóльшая часть ее вывозится из пределов департамента [52].

Присоединение Романьи, оторванной от папских владений, сильно удлинило восточную береговую полосу королевства.

Римини снабжал рыбой всю Романью, в области которой он был расположен; много рыбы вывозилось оттуда и в Болонью и Болонскую область. На всем побережье, подчеркивает наш документ, только Римини имеет значение и как центр рыболовного промысла, и как порт. Равенна — совсем мертвый город («n'est plus riche que de ses souvenirs»). Некогда и она была портом, но море давно уже отступило от нее. Еще до того, как

Наполеон отнял всю Романью у папы, был проект прокопать канал от берега моря к городу и таким образом воскресить значение Равенны как порта. Но папа не пожелал осуществить этого проекта, чтобы не создать конкуренции г. Анконе [53]. В рассматриваемую эпоху Равенна уже не имеет никакого значения даже и в смысле рыболовного промысла.

4

Анализ общих условий экономической жизни королевства был бы неполон (и этот пробел был бы особенно чувствителен именно с точки зрения изучения состояния промышленности), если бы мы не познакомились еще со скудными известиями, касающимися лесоводства в наполеоновской Италии.

Лесами север и центр Апеннинского полуострова теперь не богаты и не были богаты уже тогда; леса и деревянных изделий королевство Италия почти столько же закупало за границей, сколько отправляло за границу. Вот данные, касающиеся размеров этого ввоза и вывоза (чентезимо отброшены):

	Ввезено в королевство Италию	Вывезено из королевства Италии
В 1809 г. . . .	на 1 235 567 лир	на 980 446 лир
» 1810 » . . .	» 1 673 790 »	» 1 062 266 »
» 1812 » . . .	» 1 071 738 »	» 1 232 538 »

Таким образом, в 1809 г. перевес ввоза над вывозом был равен 255 121 лире, в 1810 г.— 611 524 лирам, а в 1812 г. перевес вывоза над ввозом был равен 160 800 лирам. Лес ввозился в Италию главным образом из Франции, из Австрии, из германских стран и из Швейцарии. Вот как делился ввоз между этими четырьмя местами в 1812 г., относительно которого у нас есть в данном отношении сведения [54]. В королевство Италию ввезено было леса:

из Франции приблизительно на	324 000 лир
» Австрии » »	70 000 »
» Германии (dall'Allemagna)	450 000 »
» Швейцарии »	210 000 »

Конечно, главную роль в этом ввозе из всей «Германии» играла соседняя лесистая Бавария.

Вывоз почти весь (из 1 232 538 лир — *1 220 000* лир) направлялся, во-первых, во Францию (на 850 тысяч лир), во-вторых, на Ионические острова и в Иллирийские провинции (на 370 тысяч лир).

В особенности чувствовался недостаток в лесных богатствах в тех областях, где были развиты металлургические промыслы и где поэтому требовалась большая затрата топлива.

В Бергамасской области еще во времена австрийского владычества обезлесение уже начинало давать себя чувствовать, и местная металлургия была озабочена приисканием достаточного и дешевого топлива. Особым эдиктом (от 15 января 1789 г.) австрийское правительство обещало даже премию тому, кто откроет новое местонахождение каменного угля в (тогдашней австрийской Ломбардии [55]. Но открытия этого не последовало.

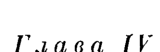
Королевство Италия, как сказано, не изобиловало лесными богатствами, да и там, где водились леса, они безжалостно, хищнически истреблялись и выводились. Особенно жаловались на это заинтересованные лица в северных департаментах, где у подножья на южных склонах Альпийских гор росли некогда, в XV—XVI вв., самые густые и обширные леса Италии. Еще в XVIII столетии здесь существовал ряд суровых правил по лесоохранению, но в беспокойную эпоху, когда страна переходила из рук в руки, перед окончательным установлением здесь наполеоновского владычества, эти правила перестали соблюдаться, а Наполеон далеко не сразу их восстановил. Во всяком случае еще в 1806 г. это хищническое истребление леса продолжалось. Леса совершенно не охраняются прежде всего от козьих стад, производящих чуть ли не наибольшие опустошения, а что уцелеет от коз, вырубается людьми, совсем не считающимися с возрастом деревьев и вырубающими неосмысленно совсем молодые поросли. Все это отражается на качестве древесного угля, который так гнетуще необходим именно тут же, на севере, в местах, изобилующих железной и свинцовой рудой и, естественно, располагающих к металлургическим промыслам. Один только департамент Меллы (гл. гор. Брешиа) потреблял ежегодно больше 220 тысяч мер древесного угля, и уже в 1805—1806 гг. горные леса этого департамента давали всего 195 тысяч мер, да и это количество должно было в дальнейшем быстро уменьшаться, тогда как прежде местного древесного угля всецело хватало. Железоделательным промыслам Брешианской области приходилось, для восполнения недостающего количества, выписывать *каменный* уголь из Истрии, где он добывался. Но путь был труден, расходы по перевозке значительны, и это оскудение топлива серьезно грозило всей железообрабатывающей промышленности [56].

Добавлю, что именно уже в 1806 г. эта скудность топлива была призраком, который угрожал *полным параличом* всей итальянской металлургии. Страдали брешианские железообрабатывающие мастерские, страдала кремонская фабрика снарядов

Кадолино, которая даже временно прерывала из-за этого работу, страдали и другие металлургические заведения [57].

Вообще говоря, расхищение лесов и сопутствующее ему оскуднение древесного угля заставляли (особенно металлургов) все более и более думать о добыче каменного угля. В самом королевстве каменного угля не было, возить его из Истрии пробовали, но это, как сказано, оказалось слишком дорого, и с 1806 г. взоры итальянских промышленников все чаще и чаще обращаются к соседней, южной части Тироля, принадлежащего Баварии. Владелец кремонского завода, выделывающего артиллерийские снаряды, Кадолино, напал на следы каменноугольных залежей в баварском Тироле и очень желал получить концессию на разработку этих залежей. Вице-король Италии выхлопотал для него эту концессию у баварского короля [58].

Недостаточность топлива была одной из причин, почему альпийские металлические рудники королевства при Наполеоне (и долго еще после Наполеона) не могли быть планомерно и полностью использованы.

Глава IV

ДАННЫЕ О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСТВА ИТАЛИИ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Торговля с Англией до установления блокады. Декреты, предшествовавшие блокаде. Предметы английского ввоза и вывоза. Сбыт шелка-сырца в Англию. Сбыт некоторых итальянских фабрикатов в Англию. 2. Данные о торговле королевства Италии с германскими странами и Швейцарией (до блокады). Роль Баварии во внешней торговле Италии. 3. Сношения с Францией. Экономическое преобладание Франции. 4. Таможенная организация и ее действия на итальянских границах в эпоху, предшествующую блокаде. Сухопутная граница между Пармой и Пьяченцой и королевством Италией. Среднее течение реки По как продолжение этой границы. Законодательство Наполеона относительно плавания по реке По. Таможенные действия на берегах реки По. Граница между королевством Италией и Пьемонтом. Значение этой границы для экономической жизни западных частей королевства. Жалобы населения. Развитие контрабандной торговли. Отзывы об общем состоянии экономической деятельности королевства накануне установления континентальной блокады

1

В этой главе мы должны коснуться четырех вопросов: 1) какие меры приняты были до установления континентальной блокады Наполеоном с целью воспрепятствовать торговле англичан с королевством Италией; 2) какова была в эти же годы таможенная политика королевства относительно континентальных стран, кроме Франции; 3) какова была таможенная политика королевства относительно Франции (все в то же время, до провозглашения блокады); 4) каковы были общие условия таможенной охраны границ и влияние этих условий на экономический быт королевства (до блокады).

Рассмотрение этих вопросов, естественно, подведет нас к

рассказу о распространении правил континентальной блокады на территорию королевства и о последствиях этого акта.

Что касается торговли с Англией, то связи, которые возникли между англичанами и Ломбардией еще в XVIII в., долго не порывались. У нас нет никаких общих цифровых подсчетов, которые хоть приблизительно показывали бы размеры английского ввоза в Италийскую республику в первые годы владычества Наполеона. Это объясняется не только тем, что и вообще такие подсчеты о торговле с другими странами стали составляться сколько-нибудь систематически лишь в позднейшие годы царствования Наполеона, но еще и тем, что за вычетом осени и зимы 1802 и весны 1803 г., т. е. кратковременного Амьенского мира, торговля с англичанами *всегда* являлась в глазах закона и властей торговлей контрабандной и никаких показаний о ней, естественно, не давалось и не могло регистрироваться никаким учреждением.

Но у нас есть ряд свидетельств, устанавливающих, с одной стороны, что англичане в эти (рассматриваемые в настоящей главе) годы, 1800—1806, продолжали — хотя и медленнее, и меньше, и с большими затруднениями — сбывать свои товары в Италии, а с другой стороны, что они в это же время являлись очень крупными скупщиками производимого королевством сырья, прежде всего шелка-сырца, затем зерновых продуктов, а также вина и, кроме того, некоторых особых местных фабрикатов. И впечатление, остающееся от этих утверждений в наших документах,— то, что в качестве скупщиков итальянского товара англичане в эти годы играли в экономической жизни королевства более крупную роль, чем в качестве импортеров, сбывающих в королевстве свои провенансы. Но во всяком случае и в качестве импортеров они являлись могущественными конкурентами всех континентальных купцов и фабрикантов.

Здесь нужно остановиться на некоторых бытовых, так сказать, обстоятельствах, которые сильно облегчали англичанам дело завоевания итальянского рынка до Наполеона и упорную борьбу с французской конкуренцией при Наполеоне, борьбу, которую они вели в самых неблагоприятных, казалось бы, условиях, из контрабандного подполья. На их стороне было коечто, кроме дешевизны и прекрасного качества товаров, кроме владычества над морями, кроме огромных размеров береговой линии всего Апеннинского полуострова и т. д., и т. д. Нам раскрывает это особое обстоятельство в своем докладе по начальству агент французского правительства, командированный для изучения экономической жизни королевства Италии. Он сам долго разузнавал, в чем тут дело, так как его поразило это упорное предпочтение, оказываемое итальянцами *всем* английским фабрикатам, даже таким, которые по своим качествам уступают

французским, вроде, например, тонких сукон. Итальянские купцы разъяснили ему это. Система английского коммерсанта, по их словам, заключается в том, что лучше потерять часть ожидавшейся выгоды, чем расстроить сделку: «...ему достаточно, чтобы вода шла на его мельницу то больше, то меньше, но чтобы она все шла» [1]. А француз, напротив, «если он предположил заработать 25%, то скорее откажется от любой сделки, чем от этих 25%». Это замечание очень характерно. Английский торгово-промышленный мир, более денежный, более привыкший к торговым сделкам в чужих и далеких странах, более богатый опытом и навыками капиталистического ведения дела, имел много таких невесомых, но очень существенных преимуществ в борьбе с французскими импортерами даже там, где *все* было сделано для облегчения французской победы, как в королевстве Италии.

Наполеон повел систематическую борьбу с целью вытеснить англичан с рынка Италийской республики — тотчас же после расторжения Амьенского мира.

4 июня 1803 г. в Милане был издан декрет, объявлявший под секвестром английские товары, находящиеся в Италии [2]. Этот декрет был подтвержден 27 июля 1805 г. [3]. Спустя год, 10 июня 1806 г., Наполеон воспретил ввоз товаров уже не просто «английских», но «английского происхождения» (riputati provenire dalle fabricche inglesi, как сказано во 2-й статье декрета), кто бы ни был их владелец. А товарами английского происхождения был признан целый ряд разных сортов хлопчатобумажных тканей и ситцев и других товаров [4].

Все эти товары объявлялись «английского происхождения», *если* они не ввозятся в Италию из Франции с фабричным французским клеймом и удостоверением от префектов. Другие товары (ножевой, металлический товар, часы, беленые и крашеные полотна, шерстяные и бумажные шапки) пропускаются в королевство только через определенные итальянские таможни. Воспрещаются к ввозу какие бы то ни было колониальные товары, если их владельцы не могут представить удостоверения *французских* властей о неанглийском происхождении этих товаров. Нарушение правил декрета влечет за собой: 1) конфискацию корабля со всеми товарами, 2) наложение штрафа, равного ценности товаров, и 3) трехмесячное тюремное заключение. Доносчики получают $^5/_6$ штрафной и вырученной от продажи конфискованного товара суммы, а $^1/_6$ идет в казну [5].

10 декабря 1806 г. последовала публикация в Италии ноябрьского общего декрета Наполеона о блокаде британских островов [6].

Таково было законодательство времен *до* блокады. Что касается административной практики, то она соответствовала ему по своей суровости.

Насколько сурово изгонялись из Италии английские или даже английского происхождения товары еще до провозглашения блокады, явствует из такого характерного случая, о котором нам рассказывают документы миланского архива. *Венецианский* купец Буттарелли (живущий, значит, в 1804 г. еще под австрийским владычеством) просит в феврале 1804 г., чтобы ему позволили ввезти (конечно, с уплатой всех пошлин) из Венеции в королевство Италию восемь тюков разных товаров, купленных им у англичан еще в начале 1803 г., до разрыва и прекращения Амьенского мира, причем он представляет свидетельства и доказательства, что действительно он купил эти товары и уплатил деньги, когда еще был мир между Наполеоном и Англией, следовательно, эти товары уже больше года принадлежат ему, а не англичанам. Резолюция: отказать [7]. Это дело характерное, но отнюдь не единственное в бедственное для итальянского купечества время, наступившее после расторжения Амьенского мира [8].

Судя по многим признакам, действительно, *сбыт* английских товаров в королевстве был сильно затруднен еще до блокады и хотя не прекратился, но уменьшился.

Купцы г. Милана впоследствии весьма убедительно доказывали властям, что уже после предшествовавших блокаде декретов 1803, 1805 и 1806 гг. у них не было и не могло быть английских и, в частности, колониальных товаров [9]. У нас есть еще и еще свидетельства о том, что уже задолго до блокады английский сбыт в королевстве стал возможен только посредством сложных и дорогих контрабандных операций, а потому и стал все же падать.

Но зато прекратить или даже заметно сократить скупку англичанами итальянских товаров оказывалось гораздо труднее, и эта часть задачи представлялась безусловно труднейшей. Могло быть, несомненно, и то, что Наполеон не преследовал английского экспорта из Италии с той же суровостью, как английский импорт в Италию; что по крайней мере относительно некоторых предметов английского вывоза (вроде вин и фабрикатов) он придерживался той же сравнительно терпимой точки зрения, которую впоследствии проявил касательно вопроса о продаже голландских водок англичанам. И это весьма понятно: прекращение сбыта итальянских товаров в Англию само по себе отнюдь не могло, конечно, способствовать осуществлению основной задачи — разорению Англии. Что касается вывоза шелка-сырца из Италии в Англию, что решительно противоречило позднейшему стремлению Наполеона обеспечить французских шелкоделов дешевым сырьем, то в первые годы Наполеона французские мануфактуры, еще только оправлявшиеся от революционного разорения, не так нуждались в подвозе сырца из

Италии, и итальянский шелк сбывался в огромных количествах именно англичанам. Во всяком случае *вывезти* шелк-сырец из королевства, пока такой вывоз еще не был воспрещен, являлось предприятием технически гораздо более легким, чем *ввезти* английский товар; вывезти его возможно ведь было в первые годы Наполеона, на имя какого угодно получателя, который мог играть роль подставного лица от английской фирмы.

В конце XVIII в. и в первые годы наполеоновского владычества даже и сбыт английских товаров на севере Апеннинского полуострова сильно облегчался именно тем обстоятельством, что Англия, со своей стороны, была *главной* и щедрой покупательницей итальянского шелка, шелковой пряжи, шелковых полуфабрикатов. По показаниям итальянских купцов, относящимся к последним годам перед континентальной блокадой, Англия закупала *более* $^{9}/_{10}$ всего годового выхода шелковых коконов [10]. Напротив, с Францией в эти годы сколько-нибудь больших дел итальянские шелководы не делали, и это весьма понятно: лионские шелковые мануфактуры в это время еще только оправлялись от разгрома, который они пережили в революционную пору, их производство еще только вставало на ноги и им *пока* хватало того шелка-сырца, какой они получали из Пьемонта, присоединенного к Империи, тем более, что по своим качествам пьемонтский сырец был лучше, чем ломбардский. Да и цены казались тогда французским фабрикантам слишком дорогими. При дальнейшем увеличении шелкового производства во Франции неминуемо должен был встать вопрос об обеспечении Франции хотя бы и не столь превосходным, *но дешевым* итальянским сырцом. Но пока, до поры, до времени, Наполеон не ставил себе непосредственной задачей удешевить итальянский сырец, и немногие французы, почему-либо пытавшиеся купить этот продукт в королевстве Италии, находили цены слишком дорогими [11]; а цены эти именно и создавались англичанами, которым выбирать было не из чего, так как контрабандные закупки шелка в Пьемонте, не говоря уже о южной Франции, были гораздо труднее.

По-видимому, вплоть до провозглашения континентальной блокады, т. е. до самых последних месяцев 1806 г., торговля королевства Италии с англичанами не только не прекращалась, но в некоторых существенных отношениях даже не уменьшилась заметно, поскольку речь идет о сбыте шелка англичанам. По крайней мере у нас есть определенное показание, что *почти весь* шелк-сырец, собранный за 1805 г., все-таки еще попал в Англию [12]. И до сведения французского правительства даже доводилось, что существуют торговые дома, которые специально занимаются скупкой шелка-сырца по всему королевству — исключительно для англичан. Особенно много таких сделок

с англичанами делалось в Болонье и Бергамо[13]. Пока, с одной стороны, Наполеон не остановился окончательно на мысли о всеобщей экономической войне против Англии, а с другой стороны, французская шелковая промышленность не нуждалась в итальянском сырце, довольствуясь пьемонтским, император, повторяю, по-видимому, не относился к английскому *вывозу* из королевства Италии с той же суровой бдительностью, как к английскому *ввозу* в Италию. И уж, понятно, очень чуткое к настроениям владыки итальянское правительство не считало нужным особенно свирепствовать против этой замаскированной торговли с англичанами, обогащавшей и население, и казну звонкой монетой, в которой ощущалась такая нужда.

Отдельные показания сильно подтверждают вышеприведенное общее свидетельство. Мы узнаем, например, что шелк-сырец добывается в очень промышленной северной области — департаменте *Серио* (гл. гор. Бергамо). Здесь его добывается меньше, чем, например, в соседнем департаменте Меллы (гл. гор. Брешиа) — всего 192 тысячи фунтов в год, но пряжа в Бергамасской области выходит гораздо лучше, чем в Брешианской. Репутация области Бергамо в этом отношении была чуть ли не самой громкой во всем королевстве. В бергамасские шелкопрядильни свозился шелк не только местный, но и из Брешии и Брешианской области, из Кремы, из Кремоны, из Комо, и в продажу эта пряжа поступала под названием бергамасской. В Бергамо (в начале 1806 г.) насчитывалось до 80 шелкопрядилен, куда поступало ежегодно до 480 тысяч фунтов шелка.

Куда же сбывается эта пряжа? Документ и здесь дает совершенно определенный ответ: прежде, т. е. до войны, *почти все* шло в Англию, теперь, со времени войны с Англией, т. е. с весны 1803 г., открылись было новые рынки «чрез Германию», но война с Пруссией (1806 г.) и «в особенности» декрет о континентальной блокаде нанесли этому новому сбыту чувствительный удар[14]. Совершенно ясно, что должно обозначать это странное выражение: «новые рынки *чрез Германию*». Англия, конечно, несколько переплачивая, по-прежнему закупала бергамасский шелк, но уже через посредство немецких купцов. Это объяснение разрешает весьма удовлетворительно и другую загадку: почему после 3,5 лет войны с Англией и *запрещения* вести с ней торговлю декрет 21 ноября 1806 г. о континентальной блокаде мог нанести «чувствительный удар» (да еще «*в особенности*» именно этот декрет)? Ясно, что торговля с Англией все эти 3,5 года продолжалась, а декрет о блокаде в самом деле мог ее сильно затруднить, или по крайней мере на первых порах так могло казаться.

Шелк и шелковая пряжа были *главным* предметом итальянского сбыта в Англии, но отнюдь не единственным.

Были такие особые товары королевства Италии, которые в колоссальных количествах шли именно в Англию, пока была возможна хоть какая-нибудь торговля с ней. К ним относились, например, соломенные шляпы, центром производства которых были Буастала и область Реджио (в департаменте Кростоло). В г. Реджио образовалась большая мануфактура соломенных шляп, причем муниципалитет города дал даже предпринимателям в виде поощрения ссуду в 60 тысяч франков на три года. Там работало постоянно 200 рабочих и выпускалось в продажу около 17 тысяч шляп ежегодно. Когда торговля с Англией прекратилась, этот сбыт переместился во Францию, и производство в Реджио в общем не пострадало заметно [15]. Кроме Реджио, была еще одна большая мануфактура той же специальности, были и мелкие, разбросанные по департаменту. По-видимому, за границей эти шляпы были в рассматриваемую эпоху в большой моде: на месте производства они стоили приблизительно 4,5 лиры штука, а в Англии продавались по гинее (и даже якобы по *две* гинеи, что, впрочем, сомнительно) [16].

Нужно сказать, что фабрикация шляп как соломенных, так и из деревянной массы была давним и очень широко развитым промыслом в этой местности, т. е. в старой Модене. Возник этот промысел, как передавалось со слов местных людей, еще лет за 200 до наполеоновского периода и возник именно в городке *Карпи,* вошедшем при Наполеоне в состав департамента Панаро. Занимались там этим делом *все,* все население, а «не рабочие какой-либо фабрики», как с ударением поясняет нам документ [17]. Перед появлением Наполеона дело было организовано так: хотя заниматься выделкой этих шляп могли все, но *продавать* шляпы потребителям была дана герцогом привилегия одному торговому дому (Бони и Ноцци), откупившему у герцога это право. Они зато *обязаны* были покупать еженедельно не менее 1500 штук этих шляп у работающего над этой выделкой населения. Все это очень любопытно для характеристики донаполеоновских экономических порядков на Апеннинском полуострове, но, к сожалению, иных подробностей никаких и нигде более об этом я не нашел [18].

Известно лишь, что эти монополисты-скупщики Бони и Ноцци накопили за три года огромный запас товара, «как вдруг началась мода в Англии» на эти шляпы, и с той поры Англия сделалась главной покупательницей всего этого товара. Конечно, монополия Бони и Ноцци прекратилась. Провозглашение континентальной блокады сразу уменьшило этот сбыт, цена шляп упала на 40%. А перед декретом 21 ноября 1806 г. производство было в полном расцвете и выделывалось в департаменте Панаро будто бы уже до 3 тысяч шляп *еженедельно* [19].

Кроме всех этих продуктов и фабрикатов, в Англию сбывалось из королевства Италии немало стеклянных и хрустальных вещей, фаянсовых, майоликовых и терракотовых изделий. Но никаких сколько-нибудь точных сведений о размерах этого сбыта у нас в распоряжении не имеется. Бесспорно одно: до самого конца 1806 г., вплоть до появления декрета о блокаде, старые торговые отношения королевства с Англией вполне не порывались, несмотря на то, что уже с весны 1803 г. эти отношения с поданными воюющей державы были «нелегальными» и должны были таиться от властей.

2

Относительно торговли королевства с континентальными странами (кроме Франции) у нас для первых лет наполеоновского владычества нет в распоряжении тех общих подсчетов, какие составлялись для позднейших лет и частично дошли до нас. Но самое существование и довольно широкие размеры этой торговли не подлежат никакому сомнению и неоднократно подтверждаются документами. Торговые сношения с германскими странами и вообще с центральной и северной частями континента шли обычно через Баварию, причем активную роль играли не итальянские, а баварские купцы. Это обстоятельство нужно иметь в виду, когда документы говорят нам о торговле королевства Италии «с Баварией»: сплошь и рядом Бавария *фактически* играла лишь роль передаточного пункта, хотя формально, на бумаге, именно она скупала в королевстве значительные партии товара. Приняв к серьезному соображению эту оговорку, ознакомимся с показаниями одного весьма любопытного документа, касающегося именно этой торговли «с Баварией».

Циркуляром от 12 сентября 1806 г. министр финансов королевства Италии запросил всех префектов о торговле, какую ведут их департаменты с Баварией, и о способах увеличить размеры этой торговли. По получении ответов (основанных на показаниях местных торговых палат) в министерстве была составлена сводка всех этих ответов [20]. Вот самые существенные факты, с которыми она нас знакомит (цифровой материал совершенно отсутствует в ней). Из департамента *Верхнего По* в Баварию вывозятся «продукты почвы», прежде всего зерновые продукты, затем рис, лен и сыры. Из департамента *Нижнего По* — шелк-сырец, зерно, пенька; особенно много зерна идет в Тироль, который в нем нуждается. Из департамента *Ларио* в Баварию вывозится шелк-сырец и шелковые материи, причем часть этих товаров сбывается непосредственно в Баварию, а часть идет транзитом на лейпцигскую и франкфуртскую

ярмарки. Этот департамент является также торговой артерией, по которой движутся в Германию колониальные товары из портов королевства. Из департамента *Меллы*, кроме сыров, «произведений почвы» — лимонов, риса, зерновых продуктов, овощей, пеньки, льна, шелка-сырца, идущего транзитом в Вену,— ничего не вывозится, если не считать холстов или, точнее, льняной пряжи. Очень обширна торговля, которую ведет с Баварией департамент *Минчио*, но исключительно занята сбытом сельскохозяйственных продуктов: риса, хлебных злаков, конопли, шелка-сырца и вообще *prodotti tutti di suole*. О произведениях обрабатывающей промышленности нет речи. Из департамента Панаро не вывозится в Баварию почти ничего, кроме большого количества полотен и мелкого железного товара. Из департамента *Рено* — тоже «почти ничего», кроме парусины. Из департамента Олоны (гл. гор. Милан) в Баварию, кроме небольшого количества шелка-сырца, не вывозится ничего, но зато *ввозится из* Баварии очень много: тонкие полотна, более грубые холсты, аугсбургские сукна, кожаные изделия, шерстяные ковры, часы, галантерейные товары и т. д. *Прежде* из департамента *Адды* вывозились в Тироль вина, водки, сухие каштаны, рис. *Прежде* из департамента *Пассариано* вывозилось много шелковых материй; но это было, когда «процветали шелковые мануфактуры», теперь же ничего не вывозится, кроме небольшого количества (qualche poca quantità) шелка-сырца и вина; еще есть некоторая транзитная торговля, идущая через этот департамент из Венеции и Триеста на север. Существует *ввоз* некоторых мелких товаров из Аугсбурга и Нюрнберга. Из департамента *Тальяменто* вывозится разное сельскохозяйственное сырье и шелк-сырец, а также шелковая пряжа. Из департамента *Агоньи* пишут неясно: «главный сбыт, который обитатели нашего департамента делают *или могли бы делать»* (fanno o potrebbero fare) в Баварии, заключается в шелковой пряже, шелковых тканях, шелковых лентах. Но пожелание ли это, или действительность? Из документа неясно. Из департаментов *Пьяве, Адижа, Рубикона* в Баварию идет почти исключительно сельскохозяйственное сырье, из департамента *Серио* показан также вывоз сукон. В департаменте *Бренты* выделываются сукна, «но они не продаются ни в Германии, ни в Баварии (sic!), а сбываются больше морем в южные порты Италии». Из *Адриатического* департамента в Баварию направляется торговый поток двумя рукавами: с одной стороны, туда сбываются произведения департамента (зерновые продукты, шелк-сырец, воск, мыло, стекла, краски), с другой стороны, то, что привозится по морю в самый департамент, иначе говоря, в Венецию: табак, хлопок, вина, ликеры, всякого рода колониальные продукты и пряности. Но все эти товары лишь отчасти сбываются

в Баварии: часть их идет транзитом через Баварию «до самого севера».

Из департамента *Баккильоне* в Баварию сбываются: шелк, шелковая пряжа, сукна, соломенные шляпы, полотна, пенька, майоликовые изделия.

Есть департаменты (Crostolo), либо совсем не имеющие никаких торговых сношений с Баварией, или получающие лишь ввоз из Баварии.

Такова общая картина.

Вообще между королевством Италией и германскими странами еще в первые годы наполеоновского владычества существовали оживленные и многообразные экономические сношения, на которые правительство Наполеона не обращало особого внимания в тех случаях, когда они казались ему безразличными с точки зрения интересов французской промышленности; но историк экономической жизни Италии не может не отнестись с большим интересом к этим сношениям, потому что они доказывают, вообще, налаженность, обычность итало-германского торгового обмена. Обратим внимание, например, на торговлю гранатовыми изделиями, бусами и т. п. Вот торговый «круговорот» граната в тогдашней Европе: гранатовый камень в необработанном виде поступает из Персии и стран Леванта в Европу, проходя, конечно, в значительной мере через все итальянские порты — до начала наполеоновского владычества, через Венецию и Триест — до конца 1805 г., только через Триест — до 1809 г. Он отвозится на север Германии (указан именно Гамбург), где подвергается первоначальной обработке; из Гамбурга он отправляется *через Венецию или Ливорно* в г. Кремону, где из этого граната (уже обработанного и полированного в Гамбурге) выделываются браслеты, перстни и особенно бусы. Эти изделия (в частности ожерелья из бус неравной величины) вывозятся из Кремоны на продажу в германские страны и в Австрию — и вывозятся в огромных, прямо *неисчислимых,* как выражается наш документ, количествах [21]. Достаточно проследить путь этого граната, который совершает двойное путешествие из Италии в Германию, пока доходит до потребителя, чтобы вообще многое понять в итало-германских торговых отношениях.

Английские фабрикаты под влиянием гонений и запрещений еще до блокады становились в королевстве реже и дороже; туземная промышленность удовлетворить потреблению всецело еще не могла. При этих условиях не мудрено, что без германских и швейцарских товаров королевство в первые годы наполеоновского царствования обходилось с трудом. В начале войны 1806 г. против Пруссии Наполеон разрешил итальянским купцам ввозить в Италию до начала 1807 г. те товары, которые ими

были заказаны во враждебных или нейтральных странах до середины 1806 г. (точнее — до декрета 10 июня и в первые три дня после декрета). Благодаря этой отсрочке в Италии накопились за полгода большие склады мануфактурных товаров. Неожиданности и неровности наполеоновской таможенной политики ставили при этом итальянских купцов в чрезвычайно рискованные положения: то великое герцогство Берг (т. е. одна из промышленнейших стран Германии) получало в виде милости право ввоза своих фабрикатов в Италию по уменьшенному тарифу, то разносился слух [22], что эту же милость получат еще Бавария, Вюртемберг и все государства Рейнского союза, и цены на уже имевшиеся в Италии германские товары сразу падали, то слух оказывался ложным и даже у Берга отбиралась данная ему льгота.

Очень много ввозила в королевство также Швейцария, где промышленное развитие намного опередило Италию. Сукна, а также ситцы и вообще бумажные материи, металлические товары — вот фабрикаты, ввозившиеся из Швейцарии. Вывозили швейцарцы из королевства прежде всего шелк-сырец, зерновые продукты, отчасти воск, дешевые сорта вин. Заметим, что, кроме фабрикатов, Швейцария снабжала также королевство отчасти крупным скотом. Швейцария, официальным протектором которой был Наполеон, с давних пор домогалась на этом основании понижения тарифа, но напрасно.

Правительство Италийской республики еще в 1802 г. решительно отказалось понизить тарифные ставки для ввозимых в Италию из Швейцарии товаров. При этом была выражена мысль, что, во-первых, хлопчатобумажные и шерстяные товары доставляются в Италию отнюдь не только из Гельветической республики, но также из Германии, из (тогда еще австрийской) Венеции, а во-вторых, нужно поощрять и свое внутреннее производство, тем более, что в Италии уже есть «хорошие фабрики», а сырье получается из Веронской и Моденской областей [23].

Заметим, в заключение, что и германские южные страны, и Швейцария были передаточным пунктом для сбыта в Европе главного богатства королевства Италии — шелка.

Ведь, кроме Англии, шелк-сырец и шелковая пряжа вывозились из Италии еще во многие другие страны: в Швейцарию, в Австрию, в Пруссию, в Россию, в ганзеатические города. Средоточием швейцарских закупок был Милан, направлялся же шелк-сырец, предназначавшийся для Швейцарии, главным образом в Базель. Торговля (этим продуктом) с Австрией была стеснена наложением огромной пошлины на ввозимый из Италии сырец — 50% ad valorem. Австрия до войны 1805 г. надеялась на шелководство, довольно широко распространенное в Тироле; этим и объясняется запретительная пошлина против

итальянского шелка. Но, потеряв по Пресбургскому миру как раз те части Тироля, которые производили шелк, Австрийская империя должна была рано или поздно опять обратиться к Италии за этим продуктом. Что касается Пруссии, России и тех северных и восточных областей Европы, которые получали с юга шелк через посредство Гамбурга, Бремена и Любека, то эти страны прежде старались выписывать шелк еще и из Пьемонта. Но Наполеон, желая сохранить пьемонтский сырец для французских мануфактур, обложил его вывозной пошлиной, доходившей до 3—4 франков за килограмм, чем и уничтожил этот экспорт, и с того времени северные и восточные страны Европы добывали шелк только из королевства Италии [24]. Близилось, однако, время, когда Наполеон наложил свою руку и на этот итальянский экспорт. Это случилось уже в более позднюю эпоху, как увидим в своем месте.

Но зато еще до блокады император постарался нанести удар сбыту германских, австрийских и швейцарских товаров в королевстве и как раз тех, которые шли на итальянском рынке особенно бойко.

10 июня 1806 г. последовал декрет Наполеона, воспрещавший ввоз в королевство хлопчатобумажных, шерстяных и некоторых других фабрикатов откуда бы то ни было, кроме Французской империи. Но при этом, как уже было упомянуто в другой связи, в виде снисхождения было разрешено ввезти в последний раз те товары из «дружественных его величеству» стран, которые были заказаны в течение первых трех дней после издания упомянутого декрета (предполагалось, что декрет не мог сразу же стать известным). Эта отсрочка была расширена и точно определена декретом 30 сентября, по которому последним днем для ввоза в Италию иностранных товаров было определено 31 декабря 1806 г.: позднее этого числа уже нельзя было ввезти товары, даже заказанные в первые три дня после 10 июня. Правда, германские купцы, импортировавшие товары в Италию, не могли полностью этой отсрочкой воспользоваться, потому что декрет 30 сентября появился, когда уже шла война Наполеона с Пруссией: передвижения армий, общие ненормальные условия, вызываемые близкой войной и вторжением неприятеля, участие, которое должны были принимать в событиях, nolens-volens, дружественные Наполеону или нейтральные германские государства,— все это не давало никакой возможности продолжать обычную торговую деятельность. Не только погрузка и транспортирование кладей, но и промышленное производство в германских странах осенью 1806 г. было подорвано и частично возобновилось лишь к самому концу этого года (и то кое-где только). Но даже при этих неблагоприятных условиях у границ королевства Италии скопилось к началу 1807 г. более по-

лутора тысяч тюков с товарами из Германии. Правда, по усиленной просьбе миланского купечества и после представлений министра таможен Ламбертенги вице-король отважился дать еще трехнедельную отсрочку (после 31 декабря 1806 г.) для ввоза этих товаров в Италию, но это была последняя милость [25].

Обратимся теперь к сношениям королевства Италии с Францией.

3

После всего сказанного выше излишне было бы распространяться о том, что Наполеон определенно желал сделать из королевства Италии монопольный, огражденный от конкурентов рынок сбыта для произведений французской промышленности. Все ограничения и гонения на провенансы средней Европы имели исключительно эту цель; все гонения на английские товары и их сбыт в королевстве имели *также* и эту цель, кроме главной — общеполитической, состоявшей в разорении Англии.

Здесь только остается добавить для характеристики положения вещей несколько подробностей.

Для обрисовки общих воззрений французского правительства на смысл и цель экономических сношений с Италией любопытно все, вплоть до деталей. В рукописях донесений агентов французского правительства иногда встречаются в этом отношении курьезнейшие черты. Один такой посланец недоволен слишком высокой пошлиной, которой в Италии обложены ввозимые шляпы французского производства; и особенно его огорчает (это ему кажется *существенным*), что по самому существу дела в данном случае французским импортерам никак не может удаться обмануть итальянскую таможню: размеры шляпы таковы, что ставят «непреодолимые препятствия» всякой попытке как-нибудь сфальшивить [26]. То есть чиновник императора Наполеона в официальной бумаге, подаваемой по начальству, жалуется на трудность обмануть таможню Наполеона, короля Италии! В те времена этот парадокс не смутил решительно никого среди сановников имперского правительства. Но если бы хоть один историк, писавший об Италии в эпоху Наполеона, даже случайно знал цитированное только что место, оно много и много разъяснило бы ему в природе франко-итальянских отношений в те годы.

Не говоря уже о том, что интересы французской промышленности всегда без исключения преобладали над интересами промышленности итальянской, в глазах имперских властей малейшая непосредственная выгода имперского фиска должна была стоять выше так или иначе понимаемых интересов итальянского национального производства. Итальянский министр Лам-

бертенги жаловался, например, в 1806 г., в частном разговоре с агентом французского министерства внутренних дел, на такое обстоятельство. Случилось французской таможне в Верчелли конфисковать привезенные из Швейцарии бумажные материи как товар, воспрещенный к ввозу во Францию. Конфискованные материи были тут же проданы с публичного торга (в пользу имперской казны), но с обязательством для покупателя немедленно вывезти этот товар из пределов Франции. Конечно, материи были тотчас же перевезены через границу — в королевство Италию, но не через итальянскую таможню, которая бы их не пропустила, так как ввоз их в Италию тоже был запрещен, а помимо таможни, другими словами, в порядке контрабандной переправы (что было, разумеется, облегчено тем, что дело делалось с благословения французских властей). И Ламбертенги даже не смел бумаги об этом написать, а удовольствовался устными сетованиями [27].

Таков был общий *тон* отношений. Энергичнейший натиск страны, гораздо более богатой и промышленной, на страну, где многие отрасли производства были еще чрезвычайно мало развиты, уже сам по себе был бы страшен для более слабой промышленности. Если же добавить к этому полное политическое подчинение, в котором находилось королевство Италия относительно Французской империи, то мы поймем, к чему на практике должна была свестить «взаимная» торговая благожелательность обеих стран.

Результаты стали сказываться еще до провозглашения континентальной блокады.

У нас есть заслуживающее доверия показание, согласно которому перевес французского ввоза в Италию над вывозом из Италии достигал в 1805 г. 19—20 миллионов франков. При этом подчеркивается, что этот «пассив» Италии *значительно* увеличился со времени присоединения Пьемонта к Франции, и определенно объясняется почему: главные продукты, которыми королевство Италия может снабжать Францию, это шелк-сырец, рис и пенька, и как раз эти самые продукты доставляет Франции принадлежавший ей теперь Пьемонт, а между тем Италия покупает у Франции множество нужных ей фабрикатов — тонкие сукна, лучшие сорта шелковых материй, шерстяные изделия, шляпы, кружева, часы, драгоценные вещи и ювелирные изделия, скобяной товар, галантерейный товар [28] и т. д. Относительно французского вывоза из Италии наш документ допускает в высшей степени важное упущение: Франция нуждалась еще и в зерновых продуктах Италии, так что, называя шелк-сырец, рис и пеньку seuls articles... que l'Italie puisse offrir à la France, он безусловно ошибается; целый ряд иных документальных свидетельств, которые читатель найдет в моей работе, доказывают другое.

Но, может быть, автор неточно построил фразу, может быть, он имел в виду констатировать, что *пока*, до сих пор, до 1805 или до 1806 г., ввоз зерновых продуктов из Италии во Францию не играл особой роли. Тогда его показание заслуживало бы внимания; и во всяком случае оно свидетельствует, что вывоз зерновых продуктов из Италии во Францию был в 1805—1806 гг. еще настолько незначителен, что мог быть совсем не вспомянут и не принят в соображение человеком, внимательно изучавшим на местах экономическое положение королевства, лично посетившим ряд департаментов королевства, расспрашивавшим о вывозной и ввозной торговле Италии и главного директора итальянских таможен, и итальянских сельских хозяев, и купцов-экспортеров Италии и их французских контрагентов.

Уже в 1805—1806 гг. сколько-нибудь беспристрастные наблюдатели (даже французские чиновники) видели, что королевство Италия находится в решительной экономической зависимости от Франции. Это до такой степени бросалось в глаза, что даже высказывалась *с французской* стороны мысль о ненужности никаких новых торговых соглашений с Италией. Все равно, полагали приверженцы этого взгляда, никаких начал взаимности в торговых отношениях Франции и Италии нет. Франция, по их мнению, говорит Италии: приобретайте у меня то, что вы приобретаете в другом месте. А Италия должна повиноваться, и этим все и ограничивается. Но с своей стороны, Франция не может обещать Италии приобретать у нее больше того, что уже приобретает [29]. Писавший ошибался: у Наполеона была определенная мысль — сделать королевство Италию не только монопольным французским рынком сбыта, но и по возможности столь же монопольным рынком закупки нужного Франции сырья. Это во-первых. А во-вторых, еще много можно было сделать в пользу французского экспорта за счет итальянского фиска, в направлении уменьшения ввозных пошлин в Италии. В эту сторону и направились изыскания Isnard'a, работавшего по поручению французского правительства в Италии в то же самое время, что и анонимный автор большого доклада министру внутренних дел; Isnard имел несомненные связи с этим докладчиком, но отнюдь не разделял его мнения о ненужности нового торгового договора между Францией и Италией. Правда, докладчик вовсе не настаивает на этом своем мнении. Экономическое завоевание Италии Францией ему не менее по душе, чем Isnard'y и пославшему их обоих французскому министерству внутренних дел.

За единственным исключением, в эти первые годы наполеоновского владычества мы не можем указать документального свидетельства о сколько-нибудь успешной борьбе итальянской

промышленности с французским импортом. Вот этот исключительный случай.

Накануне революции в Ломбардии, Венецианской области и других землях, вошедших при Наполеоне в состав королевства Италии, сбывалось шляп, фабриковавшихся в Лионе, на миллион ливров. Но ко времени утверждения наполеоновского владычества это положение вещей изменилось. Существенную роль в этом уменьшении французского сбыта сыграло то обстоятельство, что в самом королевстве открылись «многочисленные шляпные мануфактуры», с которыми французам, как доносило посланное сведущее лицо в 1806 г., трудно было конкурировать; и этот их вывоз оценивался в 1806 г. уже только в 100 тысяч франков. Французы жаловались на высокую пошлину, которую взимала итальянская таможня: 18 франков за дюжину шляп (ценой от 10 до 24 франков штука). Кроме этой пошлины, приходилось считаться с накладными расходами, доходившими до одного франка за штуку; все это вместе необычайно удорожало цену французского товара на итальянском рынке. Между тем итальянские мануфактуры, во-первых, были избавлены от этих добавочных расходов, а, во-вторых, поставляли менее дорогие сорта шляп, которые легче расходились среди небогатого населения. Но все-таки наиболее целесообразным средством для успешного завоевания этой части итальянского рынка агенты французского правительства склонны были считать радикальную таможенную реформу: уничтожение какой бы то ни было пошлины на французские шляпы, ввозимые в королевство Италию. Если же все-таки будет признано необходимым оставить таможенный барьер между королевством и Империей, то следует пошлину низвести с 18 до 6 франков за дюжину, т. е. до того уровня, на котором эта пошлина держалась в XVIII столетии, в дореволюционные времена [30].

Все, о чем еще можно было мечтать с точки зрения интересов французского импорта в Италию, было сделано уже в ближайшие годы.

Очевидец, посетивший Италию в 1806 г., рисует картину кипучей торговли, которую ведут французы с королевством; еженедельно в Милан прибывают возы французских товаров из ближайшей таможни в Верчелли. За один только февраль 1806 г. прибыло из Франции только в Милан около 800 тюков, в марте — 1200 тюков разного товара, из коих было 398 тюков сукна, 168 скобяного товара, а остальные были полны бумажными материями, полотнами, шелковыми материями, готовыми шерстяными изделиями, обувью, шляпами, галантерейным товаром, ювелирными изделиями, винами и ликерами... [31]

Эта картинка, выхваченная из жизни, была характерной для момента, когда она записывалась наблюдателем, и не менее характерной для всей дальнейшей эпохи наполеоновского владычества.

4

Характеристика положения, предшествовавшего провозглашению блокады, была бы не полна, если бы мы не сказали ничего о таможенной цепи, опоясавшей со всех сторон королевство Италию. Вчитываясь в документы, мы обретаем в данном случае то понимание бытовых сторон, ежедневных явлений экономической жизни, без которого многое осталось бы для нас пустым звуком.

Таможенная организация в королевстве Италии была чрезвычайно похожа на французскую (с которой и была скопирована), но так как итальянский тариф, по крайней мере в первые годы Наполеона, не был в Италии столь высоким и вместе с тем столь детально разработанным и так как на итальянских таможнях в общем не было таких нестерпимых и раздражающих придирок, как на таможнях французских, то участь французских импортеров в Италии была несравненно лучше участи итальянских импортеров во Франции. Даже французские чиновники должны были согласиться с тем, что на имперских таможнях царят порядки, невыносимые для представителей торговли, и что королевство Италия стоит в этом отношении гораздо выше [32]. Действия французских пограничных с Италией таможен напоминали, даже по отзывам итальянских и *французских* официальных лиц [33], прямой разбой (un véritable brigandage). По словам конфиденциальных рапортов, подававшихся имперским властям, подобные порядки прямо поощряли контрабанду. Главный очаг контрабанды находился в местности Нови и по той границе, которая отделяла королевство Италию от бывшей территории Лигурийской республики (Генуи), с 1805 г. присоединенной Наполеоном к Французской империи,— но неистовые действия французской таможенной полиции быстро умножили число таких очагов. Не довольствуясь притеснениями тех лиц, которые привозили товары для досмотра, французские таможенные чины, нарушая объявленную свободу торгового плавания по реке По, арестовывали любой груз, сплавлявшийся по реке, под предлогом, что везомый товар английского происхождения, отвозили этот груз в помещение таможни, несмотря на совершенно очевидное неанглийское происхождение товара. И это несмотря на существование изданного самим Наполеоном закона 30 апреля 1806 г., согласно которому таможни должны подвергать досмотру только те грузы, сплавляемые по реке По, которые пристанут к берегу [34]. На-

рушая свободу торгового плавания по итальянским рекам, французские таможенные чины нисколько не стеснялись невозбранно хозяйничать на итальянской территории, нарушая границу всякий раз, когда это им представлялось целесообразным, конфискуя товары [35], производя обыски, арестуя лиц, которые казались им подозрительными. И этим занимались отнюдь не только слишком усердные низшие служащие (agents subalternes, на которых сваливается много вины), но и большие таможенные начальники, вроде *главных* директоров целых таможенных округов. Да и не посмели бы маленькие чиновники по собственной инициативе предпринимать все эти противозаконные набеги; во всяком случае толчок и пример должны были им быть даны свыше. Случалось, что итальянские чины задерживали беззаконно хозяйничающих у них французских таможенных, но «*из уважения к французским властям*» отпускали задержанных с миром на все четыре стороны, а те, конечно, «*спустя несколько дней начинали то же самое*» [36]. Это «уважение» к соседу (égard pour les autorités françaises) было надежнейшей гарантией для всех французских таможенных, жандармов, полицейских, простых воинских чинов, которые почему-либо желали нарушить итальянскую границу. *Итальянский король* охотно, как видим, прощал обиды, которые чинил ему *император французов...*

Произвол имперских таможенных чинов, действовавших на границах Империи и королевства Италии, не останавливался ни перед чем. Например, под предлогом, что воспрещено вывозить из Империи звонкую монету, они обыскивали путешественников, отнимали у них деньги и взамен выдавали квитанцию. Чтобы получить понятие о том, какого рода были те капиталы, вывоз коих оказывался опасным для Французской империи, достаточно привести пример, не подлежащий сомнениям и заподазриванию, так как речь идет о показании очевидца, который пишет об этом в служебном докладе по начальству, в качестве *французского* чиновника, посланного для изучения экономического быта Италии. Он видел путешественника, направлявшегося в Венецию, у которого на имперской таможне в Верчелли таможенные чиновники отняли 18 луидоров (т. е. 360 франков) золотом, бывшие при нем, и выдали соответствующую квитанцию [37]. Можно себе легко представить, как уверенно могли себя чувствовать торговые люди, экспортеры и т. д., которым приходилось по коммерческим делам переезжать франко-итальянскую границу. В те времена почти полного отсутствия прессы и в особенности *совершенного* отсутствия возможности напечатать в газете хотя бы даже намек на таможенные безобразия, подобные глубоко характерные и важные факты погребались в секретных докладах, в папках министерства внутренних дел

или главного управления таможнями. Но тем менее права пройти мимо них имеет исследователь, который их найдет. Факт, вроде вышеприведенного, очень много объяснил мне в природе франко-итальянских торговых и вообще соседских отношений в эпоху наполеоновского царствования.

Деятельность таможенных властей очень вредила и двум главным ярмаркам королевства — в Синигалии и особенно в Реджио.

В мае ежегодно еще в конце XVIII столетия происходила огромная, имевшая значение для всего королевства и для соседних областей чужих земель ярмарка в г. Реджио. До установления владычества Наполеона эта ярмарка пользовалась значительными привилегиями: все товары, привозимые на ярмарку и увозимые с нее, избавлялись от уплаты как ввозной, так и вывозной пошлины [38]. При Наполеоне эти привилегии были отменены, но все же дело было организовано так, что привозимые на ярмарку из-за границы товары уплачивали пошлину только в том случае, если они оставались в пределах королевства; если же они на ярмарке продавались для немедленного вывоза за границу, то за них никакой пошлины не уплачивалось. Так по крайней мере было на бумаге; но в действительности помещение, где должны были складываться такие избавленные от пошлины привозные товары, было столь убого по своим размерам и столь сыро, что импортеры мало им пользовались и покорялись необходимости платить пошлину. Да и всякие проверки и ревизии подозрительных таможенных властей тоже сильно уменьшили цену дарованной императором милости [39]. Уже в 1805—1806 гг. ярмарка настолько пала, что из 85 складов, которые образовались там в былые, хорошие годы, удержалось ничтожное количество.

Вице-король Италии не скрывал от французских чинов, посылавшихся в королевство с целью исследования экономического положения, что французские таможни сильно вредят итальянским торговым делам [40]. У королевства Италии был по крайней мере хоть человек, который, правда, не смел особенно много пускаться в откровенности перед своим грозным вотчимом, но был достаточно высоко поставлен, чтобы, не особенно стесняясь, высказывать время от времени отдельным представителям и агентам имперского правительства свое огорчение. В еще худшем положении были Парма и Пьяченца, присоединенные к Империи: за них и словечка замолвить было некому. А между тем они страдали жестоко. Испокон веков эти области были проезжей дорогой, соединявшей Болонскую область с Миланом и вообще северными частями Ломбардии. Между тем таможенные порядки, заведенные имперским правительством, круто изменили налаженный стародавний торговый путь, отбросивши его к

востоку; стало более выгодным проезжать, направляясь с севера на юг или с юга на север, через Мантую; дорога сплошь и рядом оказывалась продолжительнее, но зато путь шел все время по итальянской территории. Терпели убытки итальянские купцы, но гораздо более страдали от этого перенесения торгового пути Парма и Пьяченца. По прозрачному признанию французского агента министерства иностранных дел [41], Парма и Пьяченца сделались несчастными именно потому, что сделались французскими. Что касается королевства Италии, то это изменение главного торгового пути с севера на юг очень чувствительно для Милана, Бергамо, Брешии, Новары, но не имело последствий для Венецианской области и вообще восточных частей королевства, которые все равно при своих сношениях с югом не нуждались ни в Парме, ни в Пьяченце.

Мало помогало Парме и противолежащим частям королевства и то обстоятельство, что часть границы между ними составляла река По.

Лучшая судоходная артерия королевства Италии, река По, отделяла в некоторой части своего среднего течения королевство от Пармской области, присоединенной к владениям французского императора. При бездорожье, от которого страдало королевство, река По имела поистине громадное торговое значение, соединяя крайний восток королевства с крайним его западом. Понимая это, Наполеон и издал, как сказано выше, закон, которым провозглашалась свобода торгового плавания по этой реке, но фактически купеческие суда были под постоянной опасностью со стороны Пармы, т. е. имперской таможенной речной полиции, которая их арестовывала, не обращая внимания ни на какие оправдания, под самыми неосновательными предлогами, и отводила к своему берегу. А дальше дело всегда могло повернуться очень худо, так как то, что не считалось контрабандой на итальянском берегу, было таковой на берегу пармском, по имперскому законодательству. Таким образом, фактически торговое значение судоходства на По уничтожалось почти вовсе. Дошло до того, что купцы г. Кремоны и других прибрежных городов и областей, лежащих у По, стали обращаться к другим длинным, объездным, дорогим путям, лишь бы не видеть, как их товар «грабят или портят» (характерно, что последние выражения принадлежат французу-чиновнику, пишущему служебный доклад по начальству: так он понимал последствия таможенной задержки товаров на реке По) [42].

Я нашел следы целого законодательства Наполеона относительно реки По. Река По омывала и имперские владения и королевство, и ясно было, что если всякую барку будут осматривать таможенные чины и того и другого берега, а останавливать ее будут как французская, так и итальянская речные полиции,

то какому бы то ни было торговому судоходству по великой итальянской реке придет конец. Наполеон избегал притеснений там и постольку, где и поскольку они ему казались бесполезными, и 30 апреля 1806 г. он декретировал, чтобы река По была отныне свободна для торговых и всяких иных судов обеих наций. Если барка подойдет к итальянскому берегу — она будет осмотрена итальянскими таможенными, если к имперскому берегу — французскими таможенными, но пока она плывет по реке, никто не должен ее останавливать и обыскивать. Но уже в том же 1806 г. был издан императором другой декрет, объявлявший реку По до впадения в нее Тичино «французской собственностью», причем все острова, расположенные на высоте этого места, тоже отходили к Франции. Хотя итальянское главное таможенное управление «горько жаловалось», но в конце концов с этим королевство примирилось (тем более, что все равно ничего нельзя было поделать); однако итальянские министры хотели бы, чтобы по крайней мере основной закон о реке По (30 апреля 1806 г.) толковался шире, чем то делали французские власти. Дело в том, что французские власти понимали закон так: река По свободна для плавания только от впадения в нее реки Сезии до моря, но не на той части реки, которая находится в пределах Французской империи, т. е. в Пьемонте, от истоков до впадения реки Сезии, образующей границу между обеими державами; по их толкованию свободу плавания по реке По нужно понимать так, что никакое судно не может быть остановлено ни итальянскими таможенными, ни теми имперскими, которые находятся в уже присоединенных к Империи Парме и Пьяченце, т. е. на правом берегу реки, по среднему ее течению. Нечего и говорить, что итальянцам так и не удалось утвердить нужное им распространительное толкование «свободы» реки По [43].

Здесь тоже контрабанда являлась прямым последствием притеснений. Королевство Италию от Пармы отделяла, кроме реки По, очень извилистая граница с разными чересполосицами. Отчасти эту границу составляла река Энца, отчасти граница была «идеальная», без естественных рубежей и преград. Это были благодатные места для контрабандистов, за которыми не могла угнаться ни имперская (пармская) таможня, ни королевская (итальянская). Особенно много скота вывозилось контрабандой в Парму, так как с ней граничил как раз департамент Кростоло, центр скотоводства в королевстве Италии. Перевозилось контрабандным образом и вино из королевства [44].

Наконец, необычайно тяжелым гнетом легло на экономическую жизнь королевства таможенное отделение Италии от Пьемонта и Генуэзской области.

Таможенная преграда, отделившая Италийскую республику от Пьемонта, вошедшего в состав Франции, а также от Генуи и прилегающей территории, образовавшей Лигурийскую республику, жесточайшим образом дала себя почувствовать с первых же лет консульства. До той поры, до нового и прочного завоевания Италии первым консулом, все было шатко, неясно, временно, неуверенно. Только с окончательным упрочением наполеоновского владычества как во Франции, так и в Италии таможни стали функционировать с полной исправностью, и население Италийской республики увидело, что оно должно распроститься с очень многими привычками экономического соседства и сожительства, вырабатывавшимися в продолжение многих столетий. Особенно тяжело отражались новые крутые порядки на границе, разделявшей теперь Пьемонт от Италии. *Самый дух фискального соперничества, таможенной борьбы был* глубоко чужд населению этих стран; оно не понимало сначала всей умышленности и планомерности той системы таможенного гнета и стеснений, которая была выработана Наполеоном и диктовалась из Парижа. Для итальянцев, жителей Ломбардии, Пьемонт был все еще Пьемонтом, а не Францией; так же, как они сами — были новарцы, миланцы, а не жители республики Италии, которую Франция желала и могла эксплуатировать по мере сил. Поэтому на первых порах в дошедших до нас жалобах и сетованиях заинтересованных лиц мы находим некоторое раздраженное недоумение по поводу «духа соперничества», «ребяческой боязни», благодаря которым искусственно разъединяются области, экономически нуждающиеся одна в другой [45]. Только спустя некоторое время они сообразили, в чем дело, и пугливо воздерживались от каких бы то ни было квалификаций и нетерпеливых замечаний.

Едва ли не болезненнее всего было крутое сокращение сношений с Пьемонтом для западной части Италийской республики, т. е. былой Новарской области, а в рассматриваемую эпоху — департамента Агоньи. По документам французского происхождения мне всегда казалось, что на этой границе таможенный надзор стал особенно крут только с 1806—1807 гг.; но документы итальянские утверждают совершенно категорически, что уже в 1802 г. торговый обмен здесь был не сокращен, а *прекращен,* парализован почти окончательно [46]. Западные части Италийской области Новары, область Виджевано и др. были богаты зерновыми продуктами, в которых нуждались пограничные округа Пьемонта (да и весь Пьемонт не был богат хлебом); с другой стороны, указанные части Италийской республики нуждались в пьемонтских винах, в пьемонтском скоте; добавим, что Италийская республика временами нуждалась и в сыромятных кожах для своих дубилен. Эти страны — запад

Италийской республики и восток Пьемонта,— как бы созданные для тесного экономического сожительства и сотрудничества, целыми столетиями приучались не обходиться друг без друга. Теперь же сразу нужно было мириться с полной ломкой всего хозяйственного уклада. Сначала все надежды возлагались на контрабанду: контрабандисты взяли на себя осуществление принципа свободного обмена, выдвинутого «Смитом, Кондильяком и Дженовези» [47], и, недоумевая касательно мотивов воспрещения торговых сношений, местные люди скорбели, что те торговые операции, которые следовало бы «награждать», превращены в преступление [48].

Население этих западных частей Италийской республики, искусственно разлученное с Пьемонтом, мечтало о том, что ему позволят заниматься меновой торговлей. Земледелие преобладало на западе республики, скотоводство — на востоке Пьемонта, экономическая жизнь всей области (или, вернее, обеих областей, разделенных таможенной стеной) была довольно примитивна, и эта мысль не казалась смешной. Ведь вообще наполеоновская эпоха заставила многих и по разным поводам вспоминать о меновой торговле: система сложнейших затруднений, искусственных и огромных препятствий, которые ставились международным торговым сношениям, обращала мысль к давно изжитым формам торгового обмена. Мне удалось доказать (в I томе «Континентальной блокады»), что сам Наполеон, в разгаре блокады, считаясь с падением курса русского рубля, проектировал меновую торговлю России с Францией при посредстве и деятельном участии французского правительства. Известный русский историк М. Н. Покровский, касаясь этого места моей главы о сношениях России и Франции в эпоху блокады, справедливо отмечал грандиозную фантастичность мечты Наполеона. У итальянских крестьян, ремесленников, мелких торговцев, живших по обе стороны франко-италийской границы, не было никакого размаха мысли, никакого полета фантазии, когда они проектировали тоже меновую торговлю. Мотивировка их была весьма проста: кто-то упорно мешает двум областям, всегда жившим в тесном экономическом общении, продолжать торговлю. Почему он это делает? Очевидно потому, что боится, как бы из его страны не ушла звонкая монета, если торг будет совершаться на деньги [49]. Меркантилистические представления и реминисценции — вот что на первых порах помогало населению не одной только Италии уяснить себе, по мере сил, наполеоновскую экономическую политику. Но, считаясь с этим предполагаемым непременным желанием власть имущих не выпускать из своей страны драгоценных металлов, итальянское население должно было еще решить, так как власть имущим в обеих странах было одно и то же лицо, откуда именно не желает выпускать

звонкой монеты Наполеон: из Франции или из Италии? — так как ведь оба казначейства находились в одинаково полном распоряжении «гражданина первого консула», «гражданина президента республики Италии». Уяснению положения в этом смысле мало могло бы помочь даже ставшее скоро очевидным предпочтение, которое всегда и во всем Наполеон оказывал именно Франции в ущерб Италии, потому что нужно было еще высчитать точно, какие именно статьи ввоза и вывоза благоприятны *здесь,* на этой границе, французским интересам (понимая эти интересы с меркантилистической точки зрения). Все это еще не было вполне приведено в ясность, и вот, желая парировать предполагаемое главное возражение, итальянцы пограничной области просят самым серьезным образом, чтобы им разрешили только чисто меновую торговлю, *без посредства денежных знаков,* причем в торговлю не вмешивались бы никакие «спекулянты», а торг происходил бы непосредственно между собственниками, которые бы отдавали то, чем изобилует их земля, и получали бы то, чего им недостает [50].

Правда, проектирующие сами находят, что предлагаемая ими мера — необыкновенна, лежит вне *«избитого пути»* политики (battuta strada), но пока правители не решатся на этот смелый эксперимент, до той поры останутся недоказанными неудобства указанного проекта и будет продолжаться «вреднейшая для блага общества неуверенность» [51].

Но увы! главный совет департамента Агоньи, по-видимому, предчувствует, что Наполеон не пожелает свернуть с «избитого пути», и просители поэтому ходатайствуют в конце концов лишь о том, чтобы правительство проделало описанный «эксперимент» в скромной форме временного и чисто местного разрешения жителям пограничных областей — Новарской, Виджеванской, Лумеллинской со стороны республики Италии и Монферратской и Верчеллинской со стороны Империи обмениваться нужными им предметами и продуктами, причем, перевозя свой товар через границу, собственники уплачивали бы «умеренные пошлины». Пусть это разрешение будет дано лишь на ограниченное время с тем, чтобы взять его назад, если опыт обнаружит какие-либо неудобные стороны, пусть самые сделки будут ограничены лишь соседними, недалеко от границы расположенными рынками (mercati limitrofi), риска не произойдет никакого [52]. Представители департамента Агоньи находят, что подобный опыт был бы хорош уже тем, что он показал бы «публике, управляемым» (al pubblico ed ai loro governati), что фискальные законы уже не вдохновляются «вышеуказанным духом соперничества, эгоизма». Что эти законы, вообще говоря, «деспотичны и произвольны» — этого петиционеры не скрывают нисколько. Но они прибавляют, что уже прямо «враждеб-

ный» вид эти законы принимают при отмеченных местных условиях. В самом деле, жители Монферрато со своих холмов могут наблюдать богатый урожай на нивах Италийской республики, сами даже принимают участие в обработке полей на территории республики (нанимаясь в качестве сельских рабочих, что было в большом ходу), между тем не могут получить из этого урожая ничего, хотя они нуждаются в хлебе. С другой стороны, жители Новарской области могут любоваться на пышный виноград, произрастающий в областях Монферрато и Верчелли, могут видеть бесчисленные стада скота, пасущиеся в этих местах, и им запрещено пользоваться этими близкими и «столь необходимыми» им благами [53]. В эти первые годы наполеоновского владычества еще возможно было подавать подобные петиции; но уже довольно хорошо было известно, какие аргументы могут скорее подействовать на владыку. Об одном из аргументов — указании на неизбежную контрабанду — я уже говорил; этот аргумент повторяется снова. Контрабанда есть, она неизбежна, пока доставать необходимое возможно лишь тайком, нарушая законы обоих пограничных государств *и нанося ущерб их финансам*; и притом эта контрабанда вредна еще тем, что она заволакивает «непроницаемым покровом» всякие сведения о количествах выходящих из страны товаров. Другой аргумент — невозможность платить тяжкие государственные налоги, не имея права сбывать свои продукты за границу [54].

Излишне прибавлять, что ни малейших последствий ни эта петиция, ни им подобные не имели. Правда, как раз эти просители, новарцы, обитатели хлебного департамента, неоднократно за время наполеоновского владычества получали полную возможность совершенно беспрепятственно сбывать свой хлеб не только в пограничном Пьемонте, но во всей Французской империи: это происходило, как я уже выше сказал, тогда, когда во Франции был или ожидался неурожай. Наполеон зорко следил, чтобы цена на хлебные злаки в Империи не поднималась выше известного уровня, и едва этот уровень бывал достигнут — разом для зерновых продуктов рушились все таможенные преграды. Труднее было получать из имперских земель скот, в котором нуждался запад Италийской республики, потому что, во-первых, Наполеон не любил, чтобы и на мясо цены в Империи были слишком высоки, а во-вторых, французские кожевники и дубильщики не переставали в течение всего наполеоновского царствования жаловаться на недостаток нужного для их производства сырья.

Но во всяком случае ни о каких опытах либеральной таможенной политики, ни о каких хотя бы временных и местных разрешениях меновой торговли и речи быть не могло. Страна вступала в тот период своего существования, когда основным

принципом должна была надолго сделаться максима такого рода: экономическая польза Италии должна приниматься в расчет лишь там и тогда, где и когда она не противоречит экономической пользе Франции.

Но указание на развитие контрабанды также и *на этой* границе отнюдь не было выдумкой заинтересованных лиц.

Это «преувеличенное усердие» таможен к блюдению интересов фиска не только не мешало, но и прямо благоприятствовало, в самом деле, широкому развитию контрабанды. Контрабанда, по самым разнохарактерным, но единодушным показаниям наших источников, приобрела на франко-итальянской границе вид и усвоила все приемы правильно действующего, вполне легального, коммерческого предприятия, точнее, приобрела характер одного из фундаментальных институтов всей торговой жизни страны. Была полная возможность застраховать товар, отправляемый контрабандным путем (против риска конфискации), был тариф премий, которые выплачивались страхователями, практиковалась исправная выдача страховой суммы в случае задержки товара на таможне. Одним из излюбленных путей контрабандной торговли, кроме области Нови, были горные склоны, идущие к Генуе и к окружающей ее небольшой долине. Эта местность была стародавним и очень прочным приютом горных бандитов и для обычного проезда считалась малопригодной и небезопасной. Кто здесь занимается контрабандой? *Все население,* категорически заявляет уполномоченный агент французского правительства. Прежде это население перетаскивало и перевозило товары из Лигурийской республики в Италийскую; затем переменились только названия, Лигурийская республика (Генуя) присоединена была к Французской империи, Италия превратилась в королевство, но контрабанда нисколько не уменьшилась [55]. Чрезвычайно прибыльным был контрабандный ввоз английских и иных запрещенных товаров из Швейцарии и из германских стран сначала в королевство Италию, а потом из Италии через этот хорошо знакомый контрабандистам путь, по юго-западному альпийскому склону в Геную, в Пьемонт, т. е. во Французскую империю. Правда, главный директор итальянских таможен жаловался в свою очередь на то, что и из Франции английские товары контрабандным путем доставляются в Италию, с фальшивыми клеймами: например, указывается, что сукно — из Лиона, а в Лионе-де никаких суконных фабрик нет [56].

Желая обезопасить от контрабанды, проникавшей в Пьемонт, «старые департаменты» Франции, Наполеон, вопреки всякой формальной логике и справедливости, долго не уничтожал даже и таможни между Францией и присоединенным к ней Пьемонтом.

Только в сентябре 1802 г. была уничтожена таможня, отделявшая давно завоеванный Наполеоном Пьемонт от Франции. Эта таможня была по словам итальянского министра одним из наибольших источников путаницы, мешавшей итальянской торговле [57].

В общем, уже накануне провозглашения континентальной системы положение торговли и промышленности королевства Италии представлялось стесненным. «Блокада портов Адриатического и Средиземного морей закрывает все рынки», *рекрутские наборы лишают королевство рабочих рук*, нужных промышленности, капиталы прячутся, их владельцы боятся вкладывать их в промышленные предприятия, и прямым последствием всех этих условий является упадок мануфактур [58]. И сравнительно слабым утешением в этом для Италии могло явиться то обстоятельство, что в 1805 г. таможни королевства дали казне 10 797 803 лиры, при общем бюджете в 100 473 594 лиры дохода за этот год [59]. Закончим несколькими строками из позднейшего донесения вице-короля императору, где говорится об интересующем нас тут периоде, предшествовавшем блокаде: «Произведения почвы изобилуют во всех департаментах. В продолжение 12 лет цены на припасы держались на таком уровне, что без большого ущерба возможно было истребовать уплату налогов на земельные имущества и возвратить капиталы, затраченные за границей. В 1805 г. вывоз стал заметно уменьшаться. В 1806 г. он увеличился немного, что касается шелка и зерновых продуктов, но не настолько, чтобы возможно было сбыть все, находившееся в складах» [60]. К этому документу мы вернемся еще в следующих главах, так как он относится в главном своем содержании уже к первым месяцам континентальной блокады. Кончая же эту главу, мы хотим лишь подчеркнуть, что еще до провозглашения блокады королевство Италии заметно подвергалось воздействию тех факторов, которые при блокаде лишь усилились.

В следующих главах мы систематически ознакомимся с тем положением, которое создалось благодаря усилению этого воздействия.

Глава V

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ И КОРОЛЕВСТВО ИТАЛИЯ

1. Распространение декрета 21 ноября 1806 г. на королевство Италию и непосредственные его последствия. 2. Осуществление декрета. Таможенная практика. 3. Обострение экономической борьбы Наполеона с Англией. Трианонский тариф и его последствия для королевства Италии. Вопрос о certificati d'origine. Вопрос об ограничении права выписывания колониальных товаров из-за границы. Имперские склады. Показания о последних годах блокады в королевстве Италии

1

Берлинский ноябрьский декрет 1806 г. о континентальной блокаде, тотчас же распространенный Наполеоном, конечно, на Италию, произвел там самое гнетущее впечатление [1]. Дело в том, что, как читатель знает из предшествующей главы, торговля королевства с Англией была вплоть до того момента *деятельной*, по показаниям и утверждениям наших документов, не поясняющих, каким образом этой торговле мало вредило то обстоятельство, что Наполеон с 1803 г. находился с Англией в непрерывной войне. И, конечно, сразу все это оборваться не могло. Англия *извлекает* из Италии большое количество шелка, пишет в *настоящем времени* директор полиции Гвиччарди в январе 1807 г. в своем донесении вице-королю, докладывая ему о первом впечатлении, произведенном на итальянцев декретом о блокаде. Очевидно, это ему самому не казалось странным, и самый факт был небезызвестен также вице-королю. Точно так же оказалось, что Англия попрежнему не только вывозит из Италии в больших количествах шелковый товар, но и ввозит туда собственные свои мануфактуры, и все эти разнообразные операции в таком оживленном ходу и так переплетаются между собой в итальянской экономической действительности, что часто англичане переводят свои долги (за шелк) итальянским контрагентам через другие итальянские же торговые дома, которые должны им, англичанам

(за английские товары). Но долго это длиться не могло. Декрет о блокаде в корне разрушал все эти коммерческие отношения. Отныне становилось форменным преступлением вести с англичанами какие бы то ни было дела; об имуществе и *кредите*, которым располагают английские подданные в Италии, велено было немедленно довести до сведения полиции на предмет наложения запрещения, и в первую голову должны были пострадать те итальянские купцы, которым приходилось получить кое-что с англичан [2].

Для осторожности, конечно, сделки с англичанами в Италии происходили через посредствующих нейтральных и вообще разных подставных лиц, но теперь, после провозглашения блокады, этот секрет полишинеля становился уже очень опасным, по крайней мере на первых порах. В особенности щекотлив был вопрос об английских фабрикатах, которых в момент провозглашения блокады в королевстве оказалось более чем достаточно. Правда, директор полиции (прекрасно знавший об этом) называет их политично «мануфактурными товарами английского происхождения» (manifatture di provenienza inglese), которые де могли быть приобретены и не от англичан, а от нейтральных лиц, но при строгости, с которой решено было проводить блокаду, это различие являлось чисто стилистическим. *Английские* ли, или *английского происхождения* товары подлежали конфискации. Но полиция не скрывала от вице-короля, что едва ли можно рассчитывать на добровольные заявления купцов, что у них есть товары английского происхождения, так как это грозило немедленной же конфискацией (да и ставило их в очень опасное положение явных нарушителей изданного Наполеоном еще 27 июля 1805 г. декрета о воспрещении ввоза в королевство Италию каких бы то ни было английских товаров).

Как же в таком случае быть с английскими товарами? Директор итальянской полиции, до сих пор, по-видимому, весьма легко мирившийся с фактически продолжавшейся деятельной торговлей (commercio attivo) между итальянцами и англичанами, и впредь не намерен был особенно свирепствовать: он решил обратиться ко всем префектам полиции королевства с циркуляром, в котором, с одной стороны, разумеется, рекомендовал «величайшую суровость» по отношению ко всем, кто будет утаивать английские товары, имущество и кредит, а с другой стороны, внушал им, что надлежит действовать мягко против «простых держателей или владельцев» этих товаров. Все это весьма путано: какая разница между «простыми» владельцами и не простыми? Ясно было одно: душой начальник полиции был не с Наполеоном, а по-прежнему с итальянскими купцами, и не взирая на императорские декреты все-таки стремится противопоставить *английские* товары — принадлежащие

англичанам или только что у них купленные — товарам *английского происхождения*[3]. Нельзя, впрочем, отрицать, что с точки зрения не только милосердия, но и простой справедливости такое противопоставление было вполне основательно. Вице-король всецело одобрил точку зрения директора полиции. От себя он внес еще одно смягчение, избавив от преследования и от конфискации товара мелких торговцев рыбой, у которых окажутся консервы (съестные припасы), привезенные англичанами. Но торговцы оптом должны были подпасть всецело под действие закона о блокаде[4].

Но были обстоятельства, помимо всего затруднявшие немедленное исчезновение английских товаров с италийского рынка.

Для королевства Италии провозглашение континентальной блокады последовало всего через несколько месяцев после присоединения Венеции. До этого присоединения Венеция не только торговала с Англией вполне беспрепятственно, но австрийское правительство именно через Венецию и Триест получало от англичан все, что ему и стране было нужно. Несмотря на все меры предосторожности, принятые Наполеоном, присоединение города и области, с переполненными складами английских товаров, не могло пройти без ощутительных последствий для всего королевства. Через все рогатки, мимо всех запретов часть, и довольно значительная, по отзыву итальянского министра финансов[5], попала в Милан и другие города. Несомненно, что много этих товаров поглотило и в 1806, и в 1807, и в следующие годы внутреннее потребление. Но обострившиеся после декрета о блокаде преследования напугали все же многих купцов королевства и заставили их подумать о том, чтобы отделаться по возможности от опасного хранения[6]. Лучшим способом на первых порах казалась отправка этих товаров в Тоскану, где декрет о блокаде был введен в действие несколько позже и где, пользуясь сравнительной отдаленностью от наполеоновских глаз, местное правительство в первые месяцы не очень усердствовало в истреблении английской торговли. С другой стороны, по той самой причине, по которой купцы королевства Италии старались сбыть опасный товар в Тоскану, купцы Французской империи стремились сбыть его в королевство Италию; Тоскана была дальше от Наполеона, чем королевство Италия, но королевство было дальше от него, чем Французская империя. Всякими правдами и неправдами французским купцам это и удавалось иногда, а уж затем, естественно, и эти товары отчасти уходили из королевства в Тоскану. На что надеялись лица, старавшиеся поскорее отправить эти товары в Тоскану, или те, которые в Тоскане скупали у них все это оптом? Конечно, не на то, что можно будет сбыть все эти английские товары в самой Тоскане: нелепо было об этом и мечтать в небольшой и небо-

гатой стране. Но в Тоскане товар мог (так казалось в первые месяцы после берлинского декрета) полежать в безопасности, а потом из Тосканы можно было его сплавить контрабандным (как сухим, так и морским) путем либо в другие государства Апеннинского полуострова, либо (только морским путем) в страны Леванта, вплоть до Черного моря и Одессы, в Испанию, наконец, на Мальту в чаянии новых, более широких возможностей, так как Мальта была центром, откуда контрабандная торговля расходилась бесчисленными радиусами по всему югу Европы. Вследствие этих причин в тосканском порту Ливорно в течение всей первой половины 1807 г. происходило большое движение товаров, и в каждый данный момент в этом городе накоплялись массы английских товаров, привезенных из королевства Италии или прошедших через это королевство транзитом. Но после Тильзитского мира Наполеон вернулся в Париж и внимание свое, до сих пор поглощенное войной с Пруссией и Россией, всецело устремил на дела, связанные с континентальной блокадой. Посыпались грозные приказы, гневные выговоры, аресты, конфискации, наказания, смены начальствующих лиц. В сентябре (1807 г.) неблагосклонный взор императора упал на Ливорно. В порту были арестованы целые склады явно английских товаров. При дальнейшем анализе оказалось, что очень много этого товара пришло из Италии; вице-король получил выговор, министры оправдывались и объяснялись (настаивая, между прочим, на возможных ошибках, на том, что не всякие товары, которые *считаются* английскими — riputate inglesi — суть на самом деле английские) [7], но результат должен быть получиться тот, который требовался императором: строгость в преследовании английских товаров, зоркость таможенных властей не только при ввозе, но и при выпуске товаров из королевства с конца 1807 г. очень заметно усилились.

После переполоха, вызванного ливорнскими арестами, в королевстве были введены особые строгости. Все таможни, все склады, все магазины королевства подверглись общей ревизии, причем владельцы были предупреждены, что эта мера будет от времени до времени повторяться. Еще только проектируя эти меры, министр финансов докладывал вице-королю, что подобные мероприятия наведут «полезный страх» [8]. Но, конечно, такие ревизии в конце 1807 г. не могли дать результата, на который тоже рассчитывало [9] правительство: показать, насколько согласны с истиной были те заявления об имеющихся товарах английского происхождения, которые должны были сделать купцы, согласно специальному распоряжению, еще в январе того года. За год очень много воды утекло и очень много английских товаров было пущено в потребление и вывезено в Ливорно, а через Ливорно —дальше...

Самые ожесточенные преследования обрушились на тосканских укрывателей «английских товаров».

В Тоскане конфискация этих товаров и продажа их дала такие результаты, что в Париж было отправлено 1,5 миллиона франков (в начале марта 1808 г., т. е. меньше чем через 14 месяцев после начала применения правил блокады в средней части Апеннинского полуострова)[10]. А ведь в Париж отсылалась лишь небольшая часть выручаемой при конфискации товаров суммы: главное оставалось в распоряжении местных властей и много выдавалось в виде награды доносчикам.

Так или иначе, английские товары и прежде всего фабрикаты должны были все же становиться реже и реже в королевстве.

2

По наблюдениям итальянского министерства финансов, уже к октябрю 1807 г. обнаружились экономические последствия континентальной блокады, и обнаружились прежде всего как во вздорожании в стране тех фабрикатов, которые «по своим качествам приближаются к английским», так и в том, что швейцарские фабриканты, выделывавшие подобные «приближающиеся к английским» товары, перенесли свои мануфактуры и свои капиталы в королевство Италию; одновременно усилился импорт из Франции. Показание о швейцарских фабрикантах в высшей степени важно[11]. Тщетно искал я в итальянских и французских архивах дальнейших свидетельств об этом факте, свидетельств, которые позволили бы составить хоть приблизительное представление о размерах этой промышленной иммиграции в Италию в 1807 г. Но самый факт очень характерен для наполеоновской эпохи. В I томе «Континентальной блокады» я говорил о подобной иммиграции промышленников великого герцогства Бергского во Французскую империю, с правого берега Рейна на левый: цель была ясна, желание приобщиться к колоссальному имперскому рынку руководило этими иммигрантами. Ясно было и то, что левобережные фабриканты (Кельна, Крефельда и т. д.) должны были посмотреть на новых конкурентов далеко не дружелюбно, что и наблюдалось на самом деле. Здесь, в Италии, то же явление (иммиграция промышленников) происходило при иных условиях, хотя вызвано было аналогичными причинами. Рынок королевства Италии был гораздо больше и благодарнее, чем рынок швейцарский; усиленное гонение на англичан и товары английского происхождения делало для таких иммигрантов перспективы еще более светлыми. И кроме того, можно было не опасаться особой враждебности со стороны итальянских промышленников по той простой причине, что в целом ряде отраслей производства италь-

янская промышленность либо вовсе не подавала признаков жизни, либо была еще в зародыше. Единственным настоящим соперником на итальянском рынке для всякого такого промышленника-иммигранта являлась Франция.

Декрет о континентальной блокаде исполнялся вице-королем Италии, если не чиновниками, с необычайным рвением [12]; вице-король приказал даже конфисковать соленое мясо и соленую рыбу, если только эти продукты подозревались в «английском происхождении», хотя бы они в данный момент составляли *«итальянскую собственность»*. И уже конфисковав мясо и рыбу, Евгений Богарне спохватился и написал Наполеону доклад, где спрашивает, как поступить с конфискованными продуктами, которые от долгого пребывания в карантине могут испортиться (вопли купцов, очевидно, навели его на эту мысль) [13]. Рвение вице-короля было так велико, что, не доверяя заявлениям миланских купцов о неимении английских товаров, он приказал производить систематически обыски у всех, кого полиция заподозрит во лжи. И поступая так, он все-таки думал, что поступает осторожно и «не тревожит коммерции» [14].

Несмотря на все эти усилия вице-королю постоянно приходилось считаться с неудовольствием императора, упрекавшего своего наместника в послаблениях и небрежном исполнении правил блокады. Так, например, император 13 ноября 1807 г. выразил вице-королю свое решительное неудовольствие по тому поводу, что он разрешает провозить через королевство транзитом колониальные товары из Швейцарии, довольствуясь только удостоверениями местных швейцарских властей. Отныне и в Италии должно было требовать удостоверений французских *консулов* тех мест, где первоначально приобретены эти товары (т. е. колоний). Вместе с тем Наполеон требовал, чтобы вице-король усилил надзор, так как английские товары все-таки проникают в страну [15]. Нечего и говорить, что наблюдавшаяся и раньше бесцеремонность французских властей в их действиях на итальянской границе усилилась после введения континентальной блокады до необычайной степени и давала себя чувствовать до самых последних лет царствования Наполеона.

Французские таможенные чины и жандармы, как и до блокады, распоряжались, разумеется, совершенно как у себя дома в Италии, и все жалобы итальянского правительства оставлялись без уважения [16].

Французские агенты всюду, где они находили нужным, и всякий раз, когда поведение итальянских властей казалось им слишком инертным и мало усердным, сами производили обыски в торговых складах и на кораблях, приходивших в порты королевства, не обращая никакого внимания на местных чиновников. Когда пререкания, возникавшие по этому поводу между

местными властями и французскими консульствами, восходили — в окончательной инстанции — на рассмотрение вице-короля, Евгений Богарне обыкновенно становился на сторону французских агентов и поощрял их к тому же и на будущее время [17]. Беззаветная его преданность императору делала для него вопрос о борьбе с контрабандой делом личной чести.

Чем дальше шло время, тем более свирепствовало правительство против контрабанды.

В подписанном 19 октября 1810 г. декрете Наполеона о *сожжении* всех английских товаров, какие будут найдены в его землях, статья 4-я прямо относится к Италии [18]. Сожжения происходили в течение нескольких месяцев, причем сжигались товары лишь по внутреннему убеждению властей в том, что они — английского происхождения. Всего к началу 1811 г., т. е. за два месяца и несколько дней, по официальным сведениям, «английских» товаров было сожжено в королевстве на 230 109 франков. Эту цифру я нашел в докладе министра финансов вице-королю от 7 января 1811 г.[19]

Но справиться с контрабандой было нелегко.

Английские товары проникали в королевство прежде всего со стороны длинной и пустынной адриатической береговой полосы, а привозились туда с о. Мальты.

В деле борьбы, которую Англия вела против континентальной блокады, Мальта на юге играла точь-в-точь такую же роль, как Гельголанд на севере. Этот остров был складом английских товаров, которые отсюда провозились контрабандным путем в Италию, Иллирийские провинции, Константинополь, Одессу. Мальта богатела в годы блокады не по дням, а по часам [20]. Нечего и говорить, что именно страны Апеннинского полуострова прежде всего пользовались услугами мальтийских контрабандистов.

Через Адриатическое море эта контрабанда проникала в королевство Италию непосредственно; но приходилось бдительно охранять также южные и западные границы государства от ввоза этой же мальтийской контрабанды, проникавшей на полуостров со стороны западной и южной береговой полосы и проходившей предварительно через Неаполитанское королевство, Церковную область, Тоскану.

Велико было также развитие контрабанды сухопутной со стороны севера и северо-запада. Но здесь наблюдается некоторая перемена: отмеченная в одной из предшествующих глав (где речь шла о периоде *до* провозглашения блокады) граница пьемонтско-италийская отходит, в смысле размеров контрабанды, на задний план. Первое место с 1806—1807 гг. в этом отношении переходит постепенно к границе швейцарско-италийской.

Контрабанда была весьма деятельной именно на швейцарско-италийской границе. Власти здесь иногда колебались — признать ли арестуемые товары английскими, но выходили из затруднения весьма скоро, иногда совсем неожиданным способом. Достаточно припомнить историю кантона Тичино.

В швейцарском кантоне Тичино, правда, не смели устраивать складов *английских* товаров, но там оказалось много швейцарских, причем эти товары были таковы, что все равно их ввоз в Италию был воспрещен. Между тем охранять эту границу стоило дорого, а потому вице-король и спросил императора, не присоединить ли лучше на всякий случай этот кантон к Италии? [21] За согласием Наполеона в таких случаях никогда остановки не было, и Швейцария лишилась большого кантона.

Но и после присоединения Тичино контрабанда не прекращалась, она только перенеслась на другие части итало-швейцарской границы. Ввозились колониальные товары, ввозились и фабрикаты. Когда власти ловили эту контрабанду, они прежде всего убеждались — не английского ли производства фабрикаты? В случае положительного разрешения этого вопроса, товар сжигался; в случае отрицательного — отвозился в Милан и продавался с публичного торга в пользу казны [22]. Но выгоды от контрабандной торговли были так велики для швейцарцев, что они с этим риском, присущим ремеслу, мало считались. Одним из излюбленных контрабандистами местечек была Беллинцона, и о подозрительной «небрежности» местных таможенных чинов доходили известия до самого вице-короля [23]. Для целого ряда фабрикатов требовались удостоверения в их неанглийском происхождении, а для многих товаров и прямо удостоверения во *французском* их происхождении, так как ниоткуда, кроме Франции, их нельзя было привозить в королевство. Но это ничуть не смущало контрабандистов: свидетельства постоянно (и очень ловко) подделывались.

Мошенничества с этими «certificats d'origine» происходили постоянно, и вице-король с большим интересом и раздражением, как и сам император, следил за каждым таким возникавшим делом. Мошенничества были двух родов: 1) подделывались самые документы, самые *certificats* («faux materiellement»), 2) либо с подлинными *certificats* препровождались товары, к которым эти *certificats* вовсе не относились. Много об этом переписывались высшие власти, но без видимых результатов [24].

В конце 1810 г. Наполеон приказал (заняв предварительно войсками часть итальянской Швейцарии — кантон Тичино) *сжечь* все английские фабрикаты, какие там найдутся, а колониальные товары, *уплатившие* уже по трианонскому тарифу, допустить в королевство Италию, оказавшиеся же контрабандными — продать в Милане с публичного торга [25]. Между про-

чим, среди товаров, заподозренных в английском происхождении и захваченных в Тичинском кантоне, находилось 3325 штук нанкиновых ситцев, и владелец представил удостоверение от французского консула во Франкфурте, что эта материя куплена владельцем ее у голландцев. Евгений Богарне не решался поэтому сжечь материю, но и боялся не сжигать ее. Он обратился к Наполеону за разрешением вопроса. Наполеон на докладе вице-короля написал: «Ces certificats d'origine sont faux. Faites confisquer toutes ces marchandises». Бумага Евгения помечена: Milan, le 21 décembre 1810; резолюция Наполеона на этой бумаге помечена: Paris, le 27 décembre 1810. При тогдашних путях сообщения ясно, что бумага только успела прийти в Париж и император *никоим образом* не имел времени добыть нужные справки, которые позволили бы ему утверждать, что удостоверение франкфуртского консула было подложно[26]. Но он тут и сам действовал, очевидно, «по внутреннему убеждению», которым столь часто руководились его жандармы и таможенные чиновники.

27 ноября 1810 г. Наполеон совершенно неожиданно приказал *в отмену* прежним своим распоряжениям секвестровать *все* товары, шерстяные и бумажные, в былое время ввезенные в Италию как из Швейцарии и Германии, так и из Франции и Берга, и освободить их не раньше, нежели будет произведена *новая проверка* происхождения этих товаров, причем император приказывает произвести эту проверку с особой суровостью. Декрет дышит гневом к предполагаемым нарушителям императорской воли. Ясно было также, что никакие удостоверения и сопроводительные документы не могут спасти иностранного, даже французского купца, рискующего торговать с Италией, от мгновенного разорения, ибо подобные декреты о внезапных проверках, во-первых, не поддавались никакому предвидению, а во-вторых, влекли за собой *в лучшем* случае многомесячную задержку товара в таможне. В лучшем случае, так как, по духу декрета, таможенные чины скорее должны десять невинных задержать, нежели одного виновного выпустить из рук[27].

Эта упорнейшая борьба с контрабандой еще более обострилась именно со второй половины 1810 г., когда на королевство Италию был распространен знаменитый «трианонский» тариф.

3

В первом томе «Континентальной блокады» я подробно говорю о тех широких замыслах Наполеона, осуществлению которых должны были способствовать подписанные в Трианоне декреты 5 августа и 12 сентября 1810 г., введшие новый тариф

на колониальные продукты во всех подвластных Наполеону и даже просто зависимых от него странах. Император имел в виду прежде всего окончательно подорвать английскую торговлю. Он знал, что берлинский декрет 21 ноября 1806 г. (декрет о континентальной блокаде) мог сильно затруднить, а местами и вовсе прекратить сбыт английских фабрикатов, но что он не был в состоянии нанести английской торговле, взятой в целом, окончательного удара. Англия ввозила на континент, кроме фабрикатов, огромные количества иного товара, без которого Европе обойтись было труднее, чем без фабрикатов: колониальные продукты. Хлопок, тростниковый сахар, кофе, пряности, индиго и иные окрашивающие вещества — все это в колоссальных количествах производилось английскими колониями и ввозилось во все страны Европы. Узнать *«английское»* происхождение колониальных продуктов было невозможно, так как они добывались не только в английских колониях, но и во владениях других держав, и прежде всего во владениях Северо-Американских Соединенных Штатов. Увеличивая трианонским тарифом в некоторых случаях в 10—12 раз пошлину на эти заморские товары, Наполеон имел в виду нанести страшный удар именно такой замаскированной контрабанде: отныне Европа должна будет получать хлопок и другие продукты с Леванта, пытаться выращивать их дома, заменять другими веществами, но заокеанские товары, привозимые якобы из Америки, а на самом деле из британских владений, осуждены будут на постепенное исчезновение. Другая мысль заключалась в том, что поскольку страны, подвластные императору, абсолютно не в состоянии будут обойтись без колониальных продуктов, постольку императорская казна получит огромные барыши от этих колоссальных налогов. Это соображение стояло на втором плане: главное заключалось в изгнании колониальных продуктов из Европы, но император не упускал из вида и возможных выгод для казны.

В *этом* отношении, во всяком случае, именно королевство Италия его очень разочаровало.

В августе 1810 г., как раз в тот момент, когда он издал трианонский декрет и носился с мыслью о его скорейшем распространении на всю континентальную Европу, извещая Евгения о предполагаемых для Италии мерах, император уже наперед заявляет, что результатом этих мер будет приобретение казной 20—25 миллионов франков [28]— вместо 10—12—15 миллионов обыкновенного дохода от таможен.

Трианонский тариф ровно ничего не дал казне королевства, и Наполеон, рассчитывавший получить через итальянские таможни лишних *десять* миллионов, был разочарован, когда оказалось, что не получит ничего [29]. Италии не под силу оказалось

получать в большом количестве колониальные товары по той неслыханно высокой цене, которая явилась прямым последствием трианонского тарифа.

Наполеон «удивлялся», что после издания трианонского тарифа итальянские таможни не получили никакого дохода от ввоза в королевство колониальных товаров. Вице-король поставил своему министру финансов на вид это удивление его величества [30], но ни министр, ни вице-король не могли удовлетворить императора своими объяснениями.

Наполеон все требовал отчета: почему колониальные товары не ввозятся в Италию? Вице-король указывал на то, что вообще в силу императорских декретов колониальные товары могут быть ввезены в королевство *только* из Франции, и он почтительно предлагал императору запросить французские таможни, много ли через них прошло в Италию колониальных товаров [31]. Наполеон приказал, чтобы *ничего* не пропускалось в Италию путем каботажного торгового мореплавания. Это убивало окончательно каботажную морскую торговлю (некаботажная была уже давно убита: выйти в открытое море давно уже нельзя было из-за англичан). Вице-король мог только ответить, что приказы его величества будут выполнены в точности [32]. Наполеону казалось наперед подозрительным происхождение всякого колониального товара, который прибывает на морских судах, хотя бы и путем каботажного плавания.

Нужно сказать, что в последнее время перед изданием трианонского тарифа колониальные товары большими массами шли в Италию из Генуи и Ливорно, двух портов полуострова, которые оба находились в непосредственной власти Наполеона. Но как только был издан трианонский тариф, не только прекратилась пересылка колониальных продуктов из этих портов в королевство, но даже те партии, которые уже были *отправлены* (до издания трианонского тарифа) в Италию, были по спешному распоряжению владельцев возвращены с полдороги. Этим и объяснялось то явление, которое так неприятно поразило Наполеона: что итальянской казне трианонский тариф ничего не принес [33].

Вице-король с самого начала введения трианонского тарифа в действие боялся вообще пропускать в королевство колониальные продукты, даже по взыскании с них новых пошлин. Так, он недоумевал, нужно ли, или не нужно спрашивать *certificats d'origine* при пропуске в Италию товаров, пересчитанных в трианонском тарифе (т. е. колониальных продуктов). Его вводили в недоумение следующие обстоятельства: 1) в декрете 5 августа 1810 г. допускается бразильский, кайенский и суринамский хлопок, хотя эти местности «заняты неприятелем»; в официальной имперской газете «Le Moniteur» от 3 сентября

было указано, что французским консулам воспрещается выдавать какие бы то ни было *certificats d'origine* владельцам колониальных товаров [34].

Частично казна стремилась все же получить выгоду от нового тарифа. Уже в октябре 1810 г. Наполеон приказал, чтобы эти новые пошлины были взысканы также с тех колониальных товаров, которые уже находятся *«в магазинах наиболее крупных негоциантов главных городов королевства»* (dans les magasins des premiers négociants des principales villes du Royaume). Итальянский министр финансов обратил внимание вице-короля на всю несправедливость этой меры, подвергавшей неожиданному *вторичному* обложению те товары, которые уже раз уплатили таможне полагавшиеся до издания трианонского тарифа пошлины [35]. И вице-король согласился с министром и решился повергнуть дело на усмотрение императора [36]. В бумагах я не нашел императорской резолюции по этому делу.

Но эта мера может еще назваться скромной сравнительно с практикой, которую установили было таможни и с которой расстались очень нескоро.

Запуганные Наполеоном таможенные власти королевства требовали при ввозе в Италию из Швейцарии колониальных товаров вторичной уплаты пошлины по трианонскому тарифу, хотя бы эти товары, идя транзитом через Швейцарию, уже успели оплатить пошлину при ввозе в Швейцарию. *Двойная* уплата пошлины по трианонскому тарифу была хуже, нежели конфискация самих товаров, и торговая палата Милана умоляла правительство освободить колониальные товары от этой вторичной уплаты [37]. Они, конечно, преклоняются перед «возвышенными и глубокими видами его величества, вытекающими из государственных соображений, которые заставили его беспредельную мудрость принять действительные меры против общего врага», но эти меры «бьют и его подданных» [38]. В самом деле, итальянские купцы оказались после издания трианонского тарифа в чрезвычайно затруднительном положении. Они закупили и должны были получить из германских стран и из Швейцарии известное количество колониальных товаров. Эти товары были (как и везде, где действовали наполеоновские распоряжения) секвестрованы, и с тех, кто считался в данный момент их владельцами, были взысканы новые пошлины по трианонскому тарифу. Но этим дело не кончилось. Было объявлено, что при ввозе в королевство Италию за эти самые товары должно будет уплатить *еще раз* ту же пошлину. Это распоряжение ставило итальянских купцов в чрезвычайно затруднительное положение. Неважно было даже то обстоятельство, принадлежали ли товары уже формально им, или же они еще не уплатили за эти товары всех денег. Ясно было, что все равно даже

в последнем случае им придется приобрести товар по гораздо более высокой цене, чем они предполагали, заказывая его. Не одни они очутились в 1810 г. в таком же точно затруднении. Французские купцы, поджидавшие хлопок и другие колониальные продукты из германских стран во второй половине 1810 г., должны были серьезно считаться с подобными же претензиями таможен. Не следует удивляться этой явной несправедливости и даже нелепости поведения французских и итальянских таможен: Наполеон нисколько не скрывал, что основной его целью является по возможности полное изгнание заморских товаров из Европы, так что все, могущее посильно способствовать достижению этой цели, приветствовалось и поощрялось. Итальянские купцы очень политично и осторожно говорили в своих петициях по поводу всех этих неистовств фиска в связи с введением трианонского тарифа, что «всеобщность мер», предпринятых его величеством, «быстрота в действиях», не считающаяся с различными положениями,— вредят торговле, наносят ей ущерб, который не может входить в виды его величества [39]. В том-то и дело, что в данном случае они ошибались и, как я упомянул выше и старался обстоятельно показать в I томе этого исследования, Наполеон прежде всего хотел уничтожить *всю* торговлю колониальными товарами. Трагизм положения заинтересованных лиц и заключался в этом внезапном повороте императорской политики от преследования *английских* колониальных товаров к идее полного изгнания *всяких* колониальных товаров, вследствие признанной невозможности прекратить иначе провоз английских товаров под видом американских и вообще нейтральных. Миланская торговая палата прямо указывает, что ведь до издания трианонского тарифа правительство само способствовало покупке колониальных продуктов частными лицами, продавая с публичного торга все товары, конфискованные у англичан; тогда-то и некоторые итальянские купцы закупили за границей эти товары, вследствие чего и очутились теперь в отчаянном положении, так как не могут ввезти свои покупки в Италию. Как и всегда, так и в данном случае император был все же милостивее к своим французским, чем к итальянским подданным. Когда парижская торговая палата просила через министра внутренних дел, ввиду «несчастного положения» купцов, разрешить ввести закупленные ими в германских странах и затем секвестрованные французскими властями товары, то 22 ноября 1810 г. министр уведомил палату, что император согласился оказать эту милость; но вместе с тем было сообщено, что это разрешение — «специально», и публиковать об этом «благодетельном и отеческом» распоряжении было *воспрещено* [40]. Конечно, воспрещение последовало именно затем, чтобы другим (например, итальянцам) было не-

повадно просить о том же. Но «одно частное письмо» известило миланскую торговую палату о милости, которой добилась палата парижская, и итальянцы почувствовали под собой некоторую почву в своих скромных домогательствах. Столь же основательным было и указание на то обстоятельство, что если за один и тот же товар, приобретенный итальянцами, например, в Швейцарии, будут требовать *дважды* уплаты трианонской пошлины (один раз в Швейцарии, а другой раз на итальянской таможне), то Италия окажется в чрезвычайно невыгодном положении сравнительно с Швейцарией. Мало того. Купцы королевства просят не только о снятии секвестра, наложенного на их покупки за пределами Италии, не только избавления от вторичной пошлины, но и о том, чтобы при ввозе в королевство колониальных товаров с владельцев не спрашивали «удостоверения в происхождении» этих товаров. Где им было взять эти *certificati d'origine?* Швейцарцы продавали им товар, не давая при этой операции никаких удостоверений. Не довольствуясь этими строгостями, имперские чиновники (очевидно, не доверяя точности итальянских таможен) склонны были производить перепись колониальных товаров, находящихся в Швейцарии, но принадлежащих нешвейцарцам, чтобы затем конфисковать те из них, при которых не окажется «удостоверений» в неанглийском происхождении. Здесь тоже итальянцев поражала несправедливость, так как швейцарцы опять-таки оказывались в более благоприятном положении, чем подданные королевства; эта мера была тем более вопиющей, что ведь итальянцы могли закупить в свое время в Швейцарии колониальный товар вовсе не затем, чтобы ввезти его в Италию, а может быть, чтобы перепродать его на месте или продать в другую страну [41]. Значит, тут и речи не может быть о предохранении внутреннего итальянского рынка от возможного проникновения товаров английского происхождения, но просто обнищают итальянские купцы «без пользы для видов его величества» [42]. Здесь опять петиционеры обнаруживают излишний оптимизм: после издания трианонского тарифа «виды его величества» всецело заключались в скорейшем изгнании любой ценой, любым средством всех видов заморского колониального привоза, в замене американского и индийского хлопка левантийским и южноевропейским, в замене индиго — вайдой, в замене тростникового сахара — свекловичным, в замене, если понадобится, бумажных материй — холстом, в изгнании чая, кофе и какао из европейского быта. Если при этом готовившемся фантастически-огромном перевороте, осужденном силой вещей на неудачу, но серьезно предпринятом, должны были погибнуть несколько итальянских торговых фирм, могло ли это особенно встревожить Наполеона?

У императорского правительства еще оказалось возможным в конце концов выпросить одну уступку (данную декретом 10 октября 1810 г.): в гаванях Генуе, Ливорно и бывшей Церковной области (Анконе) были образованы находившиеся под строжайшим контролем властей склады колониальных продуктов, откуда итальянские купцы получили право выписывать в королевство эти товары, *не* уплачивая вторично пошлины по трианонскому тарифу. Но это вовсе не устраивало дела так, как того желали итальянцы. Они не переставали домогаться, чтобы им было позволено на тех же основаниях приобретать колониальные продукты также в Марселе, Гамбурге и Амстердаме, так как в складах Генуи, Ливорно и Церковной области совершенно нельзя было достать очень важных для промышленности сортов колониальных красящих веществ. Итальянские купцы жаловались, что, таким образом, им приходится отказываться от закупки товара в указанных правительством складах и обращаться к частным лицам (там же, во Франции), а в этом случае при ввозе товара в королевство за него взимается вторичная пошлина [43]. Просьба, казалось бы, была очень скромна: ведь и Марсель, и Амстердам, и Гамбург в ту эпоху, о которой идет речь, не только фактически, но и юридически входили в состав имперских владений, почему же было им отказывать в том доверии, которое было проявлено относительно Генуи или Ливорно?

Разрешить итальянским торговцам и промышленникам выписывать из Франции, от кого им заблагорассудится, колониальные красящие вещества, не платя вторичной пошлины, не желало и само итальянское министерство финансов. Оно исходило при этом из чисто фискальных интересов, откровенно об этом заявляя; но министерство имело в виду, что итальянский торгово-промышленный мир не удовольствуется этими пресловутыми «*entrepôts*», которые ему указываются, но захочет обратиться к менее ограниченному, более разнообразному и, несомненно, более дешевому рынку: к тем французским негоциантам, где бы они ни жили, у которых окажется запас красящих веществ. А потому в избавлении от уплаты вторичной пошлины выписывающим *не* из entrepôts было наотрез отказано [44] и даже не доведено было об этой их просьбе до сведения Наполеона.

Нужно заметить в заключение, что случайно королевство Италия оказалось сравнительно обильно снабженным колониальными продуктами именно в первые времена после введения трианонского тарифа. Эти продукты, конечно, должны были продаваться несравненно дороже, чем до появления нового тарифа, но во всяком случае они *были налицо* в королевстве. Вот как это объясняется.

Тотчас после того, как совершенно неожиданно появился на свет трианонский тариф (5 августа 1810 г.), всеми купцами Французской империи, у кого были колониальные товары, овладел панический страх. Им предстояло либо уплатить новые, удесятеренные пошлины, либо немедленно же лишиться принадлежавших им запасов. Они пускались на всевозможные хитрости и уловки, которые, однако, были весьма нелегки. Сравнительно лучше оказалось положение тех французских купцов, которые только еще поджидали закупленных ими партий колониальных товаров: они могли пытаться направить эти партии не в Империю, а в те страны, на которые трианонский тариф еще не был распространен. Так поступили некоторые французские негоцианты с принадлежавшим им колониальным товаром, лежавшим пока в тосканской гавани Ливорно и в Генуе. Правда, Ливорно — фактически, а Генуя и формально находились в полнейшей власти Наполеона, но купцы воспользовались близостью Италии и направили свой товар в королевство, полагая, что новый тариф там еще не введен. Однако, пока товары шли в Италию, Наполеон распространил трианонский тариф и на это королевство. Огромные массы колониальных товаров, пришедших таким образом из Генуи, скопились в павийской таможне, а пришедших из Ливорно — в таможне болонской. Купцы просили у вице-короля по крайней мере хоть позволения провезти эти товары дальше, транзитом, в Швейцарию, но Евгений отказал наотрез на том основании, что из Швейцарии эти же товары проникнут обратно в королевство Италию контрабандным путем. Прекратить контрабанду со стороны Лугано, от швейцарской границы, вице-король, по-видимому, считал себя не в силах [45]. И товары на неопределенно долгий срок остались в королевстве.

Зато о притоке новых, сколько-нибудь обильных партий колониальных товаров в королевство мы больше не слышим.

Время от времени (в 1811—1812 гг.) Наполеон разрешал отдельным лицам ввезти в Италию определенное количество колониальных товаров из Швейцарии, но с тем условием, чтобы они на такую же сумму вывезли из королевства за границу шелковых материй [46]. Ввозились на тех же основаниях колониальные товары и лицами, получавшими лицензии в портах королевства, в 1811, 1812 и 1813 гг.

Но все-таки главным образом приходилось получать эти продукты из портов и складов Французской империи. Это обходилось чрезвычайно дорого, хотя в конце концов купцам королевства и удалось добиться, чтобы пошлина по трианонскому тарифу взыскивалась с покупаемого ими товара только в том случае, если еще не была уплачена при ввозе этого же самого товара во Францию. Зато оставалась все-таки одна лишняя по-

шлина, от которой итальянцам никак не удалось избавиться. Дело в том, что колониальные товары, вывозимые из Франции в Италию, платили две пошлины: одну, вывозную, при вывозе из Франции, другую — при ввозе в Италию. Это все страшно удорожало товары, но долго министры королевства Италии боялись заикнуться о подобном порядке вещей, так как дело шло об интересах двух казначейств (первая пошлина поступала в имперскую казну, а вторая — в королевскую), и только в 1813 г. вопрос о ненормальности такого порядка вещей был возбужден в правительственных сферах королевства [47]. Не говоря уже о необычайной дороговизне тех колониальных товаров, которые непосредственно поступали в продажу, что отзывалось прежде всего на потребителях, этот порядок, по справедливой жалобе итальянских купцов, делал *навеки* невозможной конкуренцию местной, национальной промышленности с французским импортом в целом ряде производств, именно в тех, где необходимо колониальное сырье. В самом деле: ведь это сырье законным образом по крайней мере могло получаться в королевстве *только* из Франции, значит, могло продаваться в Италии только после уплаты вышеупомянутых *двух пошлин!* [48] Купечество полагало (и с ним принципиально соглашался министр внутренних дел), что, если подобное положение продолжится, то национальная промышленность в королевстве погибнет безвозвратно («...lo stato vedrà rovinate senza speranza di risorgere le sue manifatture, con infinito pubblico e privato danno»,— как энергично выражается наш документ).

Но Наполеон оставался глух ко всем этим просьбам. В общем, несмотря на все окрики и выговоры, он не скрыл однажды своего удовлетворения по поводу исправного исполнения властями правил блокады. А что правила исполняются, это он с удовольствием замечал по неслыханной дороговизне колониальных товаров в королевстве: это был лучший критерий, по его мнению [49]. Королевство казалось, несмотря на контрабанду, довольно прочно отгороженным от остального мира, кроме, конечно, Франции.

Только когда дни наполеоновского владычества в королевстве были сочтены, пала эта китайская стена.

Уже измена неаполитанского короля Наполеону потрясла все здание императорской экономической политики на Апеннинском полуострове.

11 ноября 1813 г. Мюрат отменил особым декретом *все* прежние распоряжения, касавшиеся морской торговли и внешней торговли Неаполитанского королевства вообще, и разрешил, без всяких особых формальностей, свободную ввозную и вывозную торговлю всех «нейтральных и дружественных стран» с Неаполем [50]. В тот же день Мюрат издал еще один декрет, уничто-

жавший трианонский тариф для Неаполитанского королевства и заменявший его очень умеренными пошлинами на хлопок (130 лир), сахар (песок — 110 лир, в головах — 150 лир за квинтал), кофе (115 лир), индиго (150 лир), какао (120 лир), кошениль (600 лир) и т. д. [51]

Эта фактическая отмена континентальной блокады в Неаполе королем Мюратом не только возбудила восторг в неаполитанском населении, но и дала смелость *миланскому* купечеству громко говорить о необходимости и *в королевстве Италии* сделать то же самое, вернуться «к здравым идеям» финансовой и экономической политики [52]. Весьма прозрачно при этом говорилось о последствиях блокады «для Неаполя» (хотя, конечно, все это применялось и к королевству Италии): блокада обесценивала продукты почвы страны, уничтожала их сбыт, уничтожала труд, капиталы, промышленность, порождала нищету [53]. Необходимо возвращение к *разумной* системе (le retour à un système raisonnable).

Чем хуже шли военные дела, тем охотнее правительство преклоняло свой слух к жалобам и представлениям купцов.

21 февраля 1814 г. министр финансов доложил вице-королю о необходимости, ввиду «потребности фабрик и потребителей», разрешить «временно» ввоз из Швейцарии «многих предметов, которые декретом 10 октября 1810 г. повелевалось брать исключительно во Франции». На другой день, 22 февраля 1814 г., Евгений подписал декрет о ввозе в королевство из Швейцарии как бумажных, шерстяных и кожаных товаров, так и «*сырья всякого рода,* необходимого для фабрик и мануфактур». На всякий случай решено было этот декрет *не* публиковать, а под рукой сообщить о нем заинтересованным [54]. Характерно, что министр на этот раз очень лаконичен в своем докладе; очевидно, он понимал, что Евгений и без него хорошо знает, насколько необходимо дать вздохнуть населению хоть в этот критический миг [55].

Прошло еще несколько недель, и вице-короля уже не было в Милане, австрийцы овладевали постепенно королевством, а 20 апреля 1814 г. министр финансов Прина был растерзан восставшей миланской толпой.

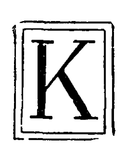

Глава VI

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ПОРТЫ КОРОЛЕВСТВА ИТАЛИИ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Общее положение торгового мореплавания королевства Италии в эпоху Наполеона. Показания о размерах этой торговли. Генуя и уничтожение самостоятельности Лигурийской республики. Второстепенные адриатические порты. 2. Триест и его значение для морской торговли королевства Италии. 3. Венеция при Наполеоне. Торговля и промышленность в Венеции в последние годы XVIII в. и в первые годы наполеоновского владычества. Налоги в Венеции при австрийском владычестве и при Наполеоне. Конфискация английских товаров. Упадок морской торговли. Значение Истрии и Далмации для экономической жизни Венеции и отторжение их от королевства Италии. Данные о различных отраслях венецианской промышленности при Наполеоне. Исчезновение капиталов. Банкротства в Венеции 1813 г. Лиценции

1

акую бы историческую эпоху мы ни рассматривали, раз речь идет об экономической жизни государства Апеннинского полуострова, мы непременно должны раньше, чем говорить о состоянии торговли и промышленности, посвятить особое внимание вопросу о состоянии торговых портов, служивших для этого государства выходом к морю, и об условиях морской торговли в данный момент. *Сравнительная* близость моря от любого пункта территории, стародавние навыки, многовековые связи, облегчавшие торговое мореплавание, относительная огромность береговой полосы, наличность таких портов, как Венеция, близость к королевству таких, как Триест, с одной стороны, Генуя и Ливорно, с другой,— все это такие предпосылки, которые уже сами по себе заставили бы исследователя выискивать данные для характеристики состояния морской торговли, какой бы эпохой этот исследователь ни занимался, раз объектом его исследования является Ломбардия и вообще север и отчасти центр Апеннинского полуострова.

Что при нескончаемой ожесточеннейшей борьбе с Англией, единственной и неоспоримой владычицей морей во всю рассматриваемую эпоху, морская торговля стран, подвластных Наполеону, должна была тяжко страдать,— это понятно. В I томе своей работы я старался показать, каковы были последствия создавшегося положения вещей для портов Французской империи. Картина, которую дают нам документы относительно портов королевства Италии, не многим отличается по существу от той, которая дается относительно портов Империи. Города, жизненный нерв которых подрезан,— вот к чему сводится главное, что можно в данном случае сказать о портах Италии.

Любопытно, что Наполеон еще в первые годы своего владычества над Италией думал о возможности дать выход итальянской торговле на юг, через Средиземное море, в Африку и даже заключил с Тунисом соглашение, которое облегчало морскую торговлю Италии с Тунисом. Миланская консульта не преминула в льстивых и высокопарных выражениях благодарить первого консула за эти милости [1], но вице-президент республики Италии Мельци (тоже принося благодарность) ввернул тогда же в свой доклад довольно ядовитую фразу, указывавшую на полную невозможность для Италии воспользоваться при настоящем положении дел этими чисто дипломатическими соглашениями генерала Бонапарта с африканскими державами [2].

Ни на юг, ни на север, ни на восток, ни на запад нельзя было отплыть ни из Генуи, ни из Венеции, ни из Анконы, ни из Триеста, чтобы не рисковать попасться в руки англичан.

Не довольствуясь преследованием итальянского дальнего мореплавания, англичане по мере возможности мешали также и каботажному плаванию, нападали на итальянские торговые суда, шедшие вдоль берегов и т. д. Они делали это с особенной настойчивостью всякий раз при открытии весенней навигации [3]. Отметим, к слову, что именно упрочение англичан на о. Мальте сыграло чрезвычайно серьезную роль в установлении неоспоримого и суровейшего контроля Англии над торговой деятельностью портов Апеннинского полуострова. Впрочем, ведь еще при Конвенте была вполне ясно понята большая важность о. Мальты для французской торговли со странами Леванта [4], а со времени подчинения Апеннинского полуострова власти Франции все порты полуострова должны были в той или иной степени разделить участь портов французских.

Все-таки преувеличением будет сказать, что этот риск попасться на глаза англичанам *совершенно* убил всякие признаки морской торговли в эту эпоху. Торговля, хоть и в ничтожных размерах, все же шла. Приведем одно редкое отрывочное показание. Морская торговля регистрировалась в восьми портах

королевства: Анконе, Фермо, Ферраре, Форли, Мачерате, Римини, Удине и Венеции. У нас есть подсчеты, относящиеся к 1810 и 1811 гг.; взяты *вторые* триместры (апрель, май, июнь), разгар навигации.

За это время во все восемь портов вошло:

во 2-м триместре 1810 г. 2787 судов с общим водоизмещением	в 43 634 тонны
во 2-м триместре 1811 г. 2719 судов с общим водоизмещением	» 75 840 тонн

Вышло из этих портов:

во 2-м семестре 1810 г. 3072 судов с общим водоизмещением . . . . »	41 193 тонны
во 2-м семестре 1811 г. 2062 судов с общим водоизмещением	» 61 427 тонн

Но в этом числе *иностранных* судов вошло в означенный срок в 1810 г. всего 195, в 1811 г.— 330; *вышло* иностранных судов в 1810 г. (2-й триместр) 144, в 1811 г.— 244 [5]. Судя по общей сумме топнажа, эти суда были ничтожны в большинстве случаев.

Могло быть (такие подозрения иногда высказывались правительственными соглядатаями), что некоторые из этих «иностранных», а может быть, и местных судов под рукой работали фактически на тех же англичан; так или иначе, уцелевшая морская торговля была, сравнительно с нормальными временами, ничтожна.

До Наполеона Ломбардия морем сбывала свои продукты и получала нужное больше всего через два порта: Геную на западе, Венецию на востоке.

С гибелью Генуэзской (Лигурийской) республики погибла и генуэзская морская торговля. Впрочем, экономически Генуя была подорвана еще раньше, чем Наполеон уничтожил ее самостоятельность.

Уже к началу вторичного нашествия Наполеона на северную Италию Генуя и вся Лигурия с ней были совершенно разорены принудительными «займами» французских властей, непрерывным передвижением войск по территории Лигурийской республики, причем *она*, а не Франция, должна была кормить их, довольствуясь сомнительными расписками и удостоверениями (а иногда и не получая ничего взамен, даже расписок). Генуэзцы молили первого консула о пощаде, указывая на полное свое разорение и истощение [6].

В самом деле, с 1797 г. по июнь 1800 г. Франция взяла у республики Лигурийской деньгами 6 208 102 лиры, припасами —

на 28 011 069 лир [7]. И это *не* считая, конечно, разных «чрезвычайных контрибуций» и т. п. и не считая длительной оккупации и всяких легальных и экстралегальных поборов.

Финансы Лигурийской республики находились уже в 1799 г. в отчаянном положении: доходы (за год) были равны 4 647 922 франкам, а расходы — 13 742 775 франкам. Эта огромная цифра расходного итога составилась из 8 378 100 франков на военное и морское министерства и 5 364 675 франков на *все* остальные ведомства вместе. А военные расходы почти все были обусловлены содержанием стоявших в Генуе и близ Генуи французских отрядов, вооружением граждан и наймов войск (тоже по требованию французского правительства) [8].

Таким образом, Генуя была разорена еще до своего окончательного присоединения к Франции, ее совсем разорило упорное нежелание французского правительства хоть отчасти ослабить те путы, которыми окружали со всех сторон эту несчастную «Лигурийскую республику» таможни. Другие средиземные и адриатические порты, при всех своих бедствиях, держались все же дольше, чем Генуя, и Генуя с завистью говорила, что Ливорно, Триест и Венеция обогащаются за ее счет [9].

Наконец, Наполеон решил участь Генуи: она была присоединена к Французской империи, после соответствующего церемониала якобы добровольной «отдачи» города.

4 июня 1805 г. официальная депутация, состоявшая из генуэзского дожа, членов сената и представителей населения, «просила» Наполеона о присоединении города к Империи, на что последовало, конечно, согласие в милостивых выражениях (присоединение Генуи было решено Наполеоном всего за несколько недель до того, как этой депутации приказано было явиться). Император многого ждал от этого приобретения: «Весь лес, пенька, деготь, железо Италии прибывают в Геную»,— с удовольствием писал он вице-адмиралу Декрэ в самый день присоединения [10].

В недрах французского министерства иностранных дел была составлена статья («article pour un journal»), которая должна была пояснить генуэзцам, почему им необходимо ликовать по поводу присоединения Генуи к Франции: упадок торговли, нападения варварийских пиратов на берега, невозможность выдерживать борьбу против англичан — все это заставляет-де Геную обратиться к покровительству Франции, владениями которой Генуя окружена со всех сторон. Франция «одна только может защитить наши берега и нашу торговлю». Что англичане только потому и сделались «непримиримыми врагами» Генуи, что еще до формального ее присоединения она фактически попала во власть Наполеона — об этом статья молчит; так же как молчит она и о том, что ни в каком случае Франция не в состоя-

нии обеспечить восстановление морских торговых сношений между Генуей и ее былыми контрагентами [11].

С этого времени положение Генуи становится крайне трудным. Англичане блокировали имперские порты несравненно внимательнее, чем порты только зависимые или полузависимые от Наполеона, даже чем порты королевства Италии. С другой стороны, имперская жандармерия и таможенная охрана, распространив непосредственную свою власть на Геную, чрезвычайно затруднили контрабандный морской подвоз (с английской Мальты и из других мест). Наконец, суровый таможенный барьер отделил наглухо бывшую Лигурийскую республику от королевства Италии.

Итальянским купцам и промышленникам приходилось искать сбыта по иным морским путям, через Ливорно, Анкону, Триест, Венецию.

Ливорно принадлежал Тоскане, которая в конце концов была присоединена к Империи.

В документах иногда еще в 1809 г. попадаются утверждения, будто именно через посредство Ливорно происходит «большей частью» торговый обмен королевства Италии с Францией и другими державами [12]. Но в последние годы царствования Наполеона таких отзывов мы уже не встречаем. По-видимому, оживленность торговли с Ливорно обусловливалась главным образом каботажными сношениями с французским берегом, поскольку эти сношения были возможны при постоянном крейсировании английских судов в этой части Средиземного моря.

Другой порт, которым тоже пользовались отчасти купцы королевства Италии, была папская Анкона, присоединенная к королевству в 1808 г. вместе с прилегающими областями Романьи.

Население областей и городов Анконы, Мачераты, Урбино и Фермо было равно 710 тысячам душ, и дохода обладание ими давало казне 7140 тысяч лир. Ни малейшей вывозной торговли собственно *фабрикатами* эти области не знали, они вывозили исключительно хлеб и сырье; торговлю (внешнюю) вели почти исключительно с Триестом, откуда получали товары *немецких* мануфактур [13]. С присоединением этих областей (в 1808 г.) к королевству Италии, а Триеста (в 1809 г.) к Французской империи эта торговля весьма сильно сократилась. То же самое нужно сказать о других, меньших адриатических портах. Такие гавани, как Феррара, Римини, тоже находились в тесной зависимости от торговых сношений с двумя главными портами Адриатики — Триестом и Венецией. Что же рассказывают нам документы об этих двух портах? Начнем с Триеста, который хоть и не вошел формально в состав королевства Италии, но *экономически* был тесно с королевством связан.

2

До изменений, произведенных Наполеоном на Апеннинском полуострове, Триест поддерживал живейшие торговые сношения с побережьем полуострова и прилегающими областями. Через Триест больше вывозилось в итальянские порты, чем в него ввозилось из этих портов. В торговом балансе триестского порта перевес вывоза над ввозом исчислялся в пользу триестского порта в 3 миллиона франков относительно Ниццы и Генуи и в 9 миллионов относительно других портов Апеннинского полуострова (кроме Генуи) [14]. Но Триест имел серьезное торговое значение только пока он принадлежал Австрии: австрийские товары — хлеб, разное сельскохозяйственное сырье, а из фабрикатов — железный товар — шли из Австрии через триестский порт. Правда, что после захвата Наполеоном (в тех или иных формах) власти над всем Апеннинским полуостровом Триест и для Австрии потерял прежнее значение, так как порты, с которыми он торговал, все попали в руки Наполеона и дальнейшая торговля с ними всецело уже зависела от воли французского императора [15].

При австрийском владычестве Триест пользовался некоторыми привилегиями; за многие привозные товары и прежде всего колониальные продукты уплачивалась там меньшая пошлина, сравнительно с тарифом общеавстрийским. Поэтому в первые годы Наполеона королевство получало колониальные товары по преимуществу из Триеста, где они были дешевле. Другим портом, откуда эти товары транзитом следовали в королевство, была Генуя, но товары из Генуи, за которые платилась полностью имперская французская пошлина, оказывались, разумеется, дороже триестских. Так шло дело недолго; присоединение Триеста к Французской империи, с одной стороны, обострившееся гонение со стороны Наполеона на колониальные товары, с другой стороны, совершенно подкосили триестский экспорт в Италию. Но в первые годы наполеоновского владычества Триест ввозил много колониальных товаров в королевство. Когда Ломбардия и Венеция принадлежали Австрии, то триестские экспортеры пользовались еще и другой важной привилегией: при ввозе из Триеста в ломбардо-венецианские области они уплачивали лишь половинную пошлину (против того внутреннетаможенного тарифа, который в те времена существовал для товаров, ввозимых из коренной Австрии в тогдашние австрийские владения на Апеннинском полуострове). Это в свое время, до прихода Наполеона в Италию, создавало привычку обращаться именно в Триест за колониальными товарами, и привычка удержалась и тогда, когда давно исчезли вызвавшие ее обстоятельства [16].

Уже отторжение Венеции и Венецианской области от Ав-

стрии нанесло жестокий удар морской торговле Триеста, и прежде всего торговым сношениям Триеста с королевством Италией. Война Наполеона с Австрией в 1809 г. была началом конца триестской морской торговли вообще: ведь Триест больше всего держался именно торговыми связями с англичанами.

Когда французская армия приближалась к Триесту, среди купечества возникла паника. Более 100 кораблей, нагруженных товарами, которым угрожала конфискация, ушли в открытое море, под конвоем и охраной английской флотилии. Около 20 богатых купеческих семейств навсегда эмигрировало из Триеста. Прежде всего они укрылись на о. Мальте, где должны были потерпеть большие убытки, как предполагает автор документа о Триесте, ибо Мальта и без того была как раз тогда завалена английскими товарами, гонимыми Наполеоном, т. е. именно теми самыми, которые были увезены их владельцами из Триеста [17].

Режиму «большой свободы торговли» [18], наличность которого в Триесте в эпоху австрийского владычества констатировали задним числом чиновники итальянского правительства, был нанесен смертельный удар.

Наполеон прежде всего приказал конфисковать все колониальные товары и все товары «английского происхождения», которые будут найдены в Триесте. Купцы г. Триеста надеялись, однако, что по крайней мере некоторым из них — и именно лицам итальянской национальности — товары со временем будут возвращены *итальянским королем,* каковым считался Наполеон: предполагалось, что он не пожелает обидеть ни в чем не повинных новых своих подданных. Поэтому они на первых порах заботились только об одном: чтобы эти товары вообще уцелели, не затерялись бы, не попали бы в руки англичан. Последнее опасение имело основания, так как Наполеон приказал перевезти конфискованные товары из Триеста в Венецию, а между тем на Адриатическом море крейсировали британские военные суда. Поэтому триестские купцы просили главного интенданта Жубера, чтобы перевозка товаров совершалась сухим путем, а так как этот путь стоил дороже, то они взяли на себя все расходы по транспортированию и, сверх того, внесли в казну 10% стоимости тех товаров, которые у них были конфискованы. То и другое они сделали по требованию главного интенданта, который, очевидно, и сам был убежден, что эти товары в конце концов будут возвращены их владельцам. Между тем время шло, купцы просили, писали петиции, хлопотали, но результаты не обнаруживались. Вдруг, 9 февраля 1810 г., Наполеон приказал особым декретом вице-королю Италии продать конфискованные в Триесте товары в пользу казны. Даль-

нейшие попытки триестских купцов спасти свое имущество становились явно бесполезными. Тогда они начали просить, чтобы им по крайней мере были возвращены те суммы, которые были ими внесены авансом в казну по требованию главного интенданта Жубера, когда и они и Жубер еще могли думать о возвращении товаров владельцам. Долгие месяцы хлопотали они об этом и перед имперскими министрами, и перед вице-королем, и перед министрами итальянского королевства, пока, наконец, в одном из лиц, от которых зависело дело, не заговорило чувство сострадания и справедливости. Конечно, этим лицом оказался вице-король Евгений Богарне [19]. Правда, он не посмел самостоятельно распорядиться, не заручившись авторитетом какого-либо имперского чиновника: он переслал одну петицию от группы триестских купцов французскому имперскому консулу в Венеции, чтобы узнать его мнение. Консул тоже согласился, что просители совершенно правы, и тогда только вице-король решился. Но и тут оказалось, что он слишком понадеялся на свои силы: он приказал уплатить просителям сумму в 216 414 франков, а казначей, от которого зависело это сделать, отказался исполнить приказ. Дело в том, что деньги должны были быть выплачены из той суммы, которая получилась от продажи этих самых триестских конфискованных товаров, заведовал же в данном случае денежной отчетностью французский имперский чиновник. Тогда Евгений обратился уже от себя лично к императору, прося его об «окончательном» разрешении вопроса... В сентябре 1810 г. деньги еще не были получены триестскими купцами.

Вся эта история необыкновенно характерна для того положения, в котором очутился торговый класс Триеста в первые же времена после завоевания города Наполеоном.

Немудрено, что наполеоновские преследования отвращали триестское купечество от нового властителя.

Среди сорокатысячного населения Триеста задавали тон главным образом купцы и люди, прикосновенные к мореходству. Наши документы, даже исходящие от французских и итальянских чиновников, вынуждены с сокрушением признать, что это триестское население предано душой «прекратившемуся» (т. е. австрийскому) правительству. Объясняют они это обстоятельство не только «слепой привычкой к повиновению относительно австрийских государей», но и в еще большей степени — экономическими интересами города. До подчинения Наполеону Триест был открыт для английской морской торговли, и поэтому пользовался исключительными ресурсами. Он снабжал запретными английскими товарами не только Германию, но и Италию. Эта «неприличнейшая» преданность (smodatissima affezione) г. Триеста австрийскому правительству накануне присоедине-

ния к Франции дошла до того, что горожане на свой счет содержали во время борьбы Австрии с Наполеоном отряд ландвера в 2 тысячи человек, а в начале кампании 1809 г., когда пронеслись слухи об успехах австрийского оружия, триестинцы толпами переходили через границу и оскорбляли итальянских подданных [20]. Но любопытно, чем хотели в первые времена после завоевания воздействовать на триестинцев наполеоновские чиновники, чтобы прекратить это австрофильство: они указывали на то, что во времена австрийского владычества позволение торговать с англичанами давалось не всем, а лишь некоторым купцам, и это было *несправедливо.*

Администрация, однако, чувствовала, очевидно, что трудно утешить разоренный город указаниями на подобные былые австрийские «несправедливости». Она согласна была признать, что хотя за свои не совсем лояльные тенденции триестинцы и не заслуживают особой предупредительности со стороны итальянского правительства, но во имя «сострадания» необходимо что-нибудь для них сделать. Город, живущий морской торговлей и попавший во власть Наполеона, *должен* был захиреть; это было ясно до очевидности. Но, может быть, этот процесс замедлился бы, если б ввести там порто-франко, т. е. уравнять Триест с Венецией, Анконой и маленькой, не имеющей значения в качестве порта Синигалией? Эти соображения, высказывавшиеся в 1809 г., лучше всего показывают, до какой степени безвыходным было на самом деле положение Триеста: ведь морская торговля названных трех городов в описываемый момент, несмотря ни на какие призрачные порто-франко, была в глубочайшем упадке! И еще нужно было, чтобы Наполеон согласился распространить на подозрительный, покоренный только что город эту милость, которой пока пользовались благонамеренные, «добрые» города... [21]

К 1811—1812 гг. Триест как крупный центр адриатической морской торговли был конченным, безнадежно разоренным городом, безнадежно по крайней мере в пределах возможного предвидения. С единственно нас тут интересующей точки зрения, в качестве порта, в котором была заинтересована внешняя торговля королевства Италии, Триест окончательно утрачивает в последние годы Наполеона всякое значение.

Триест был до 1809 г. австрийским, с 1809 г.— французским городом, и поэтому говорить о других сторонах экономической жизни этого города в рассматриваемую эпоху было бы неуместно в работе, посвященной *только* королевству Италии.

Мы должны теперь перейти к другому крупному адриатическому порту, который с конца 1805 г. фактически, а с весны 1806 г. формально принадлежал королевству Италии — к Венеции.

3

Уже за двести пятьдесят, за триста приблизительно лет до описываемой эпохи в экономической политике Венеции стал наблюдаться поворот в сторону развития промышленности; вернее, промышленность стала занимать в экономической жизни города относительно бо́льшее место, нежели до тех пор. Торговое мореплавание — причем Венеции доставалась роль *посредницы* — перестало считаться главным источником богатства населения. «Тогда как в период своего полного расцвета венецианский обмен носил искусственный характер монополии, поддерживаемой силой оружия и трактатов и направленной к тому, чтобы обеспечить собственным подданным исключительный торг чужим восточным товаром, в XVIII столетии он принял форму нормального соперничества с промышленными странами Европы в качестве и дешевизне производимых самой страной продуктов»,— справедливо говорит М. М. Ковалевский в названной во введении работе [22]. Отсылая к этой работе читателя, желающего ознакомиться с экономическим и общественным строем Венеции в последний период ее самостоятельности, мы должны только подтвердить, что политические удары, которые один за другим испытала Венеция в 1797 и 1805 гг., жестоко отразились как на ее промышленности, так и на морской торговле, являвшейся в это время, правда, уже не единственным, но все же огромной важности фактором ее богатства. И из этих ударов самым жестоким было, с точки зрения экономических последствий, именно присоединение Венеции к королевству Италии после войны Наполеона с Австрией в 1805 г.

Первый приход генерала Бонапарта уничтожил самостоятельность Венецианской державы, просуществовавшую непрерывно в течение более 1300 лет. Мало того: победоносный вождь и следовавшая за ним в этом вопросе Директория распорядились Венецией, как выморочным имуществом, сделали из нее объект компенсации, которой по дипломатическим соображениям решено было вознаградить побежденную Австрию за сделанные уступки. Затем, после восьмилетнего пребывания во власти Австрии, Венеция была отторгнута вновь Наполеоном и в конце 1805 г., после Аустерлица, присоединена к королевству Италии. Полная пассивность Венеции при всех этих коренных переменах ее участи, совершенное политическое бессилие, собственно, и укрепили прежде всего мысль о безнадежном экономическом ничтожестве Венеции во весь период, предшествовавший катастрофе. Документы, которые я нашел в Миланском и Парижском национальных архивах, не позволяют принять это мнение целиком. Дело рисуется так: Венеция до первого прихода генерала Бонапарта обладала промышленностью, отнюдь

не ничтожной, если сравнивать ее не с английской и не с западногерманской (великого герцогства Берг), а, например, с французской, конечно, считаясь с масштабом и помня, что с громадной империей сопоставляется *один* город с небольшой округой, далеко не облагодетельствованной природными дарами. Что касается торговли, то торговля имела вплоть до политической катастрофы обширные размеры, порт Венеции жил деятельной жизнью, сношения юга Европы с турецким Левантом все еще шли в значительной степени по этому стародавнему пути, хотя, конечно, далеко не с такой интенсивностью, как в века былого величия. Венецию конца XVIII столетия нужно сравнивать не с Венецией XIII—XIV—XV вв., а с остальной континентальной Европой того же конца XVIII столетия, и тогда оценка получится более ясная и правильная. Правда, поразительно скудна документация, которая была бы датирована началом, срединой или концом XVIII столетия и позволила бы в сколько-нибудь точных цифрах и вообще точных данных установить размеры торговой и индустриальной деятельности республики в это время.

Когда Наполеон, окончательно завоевав Венецию, пожелал узнать, каковы ее ресурсы в настоящем и чего можно ждать в этом отношении в будущем, то все расследования и анкеты, предпринятые с целью удовлетворить любопытство императора, естественно, говорили о прошлом лишь вскользь, давая самые общие характеристики. Но по этим беглым, общим замечаниям, вполне сходящимся между собой, явствует, что современники считали началом упадка Венеции именно год потери ею самостоятельного политического бытия, а вовсе не какую-либо более далекую дату. Современники видели нечто такое, чего не видели историки первой половины XIX в., для которых не только XVIII, но и XVII и даже XVI века́ — все это некий серый, однотипный, неинтересный период «упадка», и которые не желали принимать во внимание, что за триста лет, от Васко де Гама и Колумба до прихода Бонапарта в Венецию, этот «упадок» переживал разнообразные фазы.

Впрочем, нас сейчас интересует не Венеция в XVIII в., но Венеция в тот период своей истории, когда она была включена в состав наполеоновской итальянской монархии и жила под режимом континентальной блокады.

«Венецианская торговля процветала в эпоху прежней республики. Богатство, многочисленные венецианские фактории, устроенные на Леванте и в варварийских странах, цветущее состояние ее торгового флота доказывали это. *Она значительно пала под австрийским владычеством*»,— вот свидетельство сведущего лица, посланного французским правительством в 1806 г. в Венецию для справок о торговле этого города [23]. Печальные

последствия австрийского владычества объяснялись при этом тяжестью налогов, отсутствием «покровительства и поощрений» со стороны австрийских властей.

Как это бывает сплошь и рядом с официальной статистикой в рассматриваемый период, она дает не совсем совпадающие в разных документах показания о количестве населения отнятых Наполеоном в 1805 г. у Австрии земель.

В феврале 1806 г. в Венецианской области вместе с Истрией, Далмацией и Албанией насчитывалось 1 941 433 жителя; собственно в *городе* Венеции насчитывалось в последний год перед тем, как он отошел к Франции, около 122 072 человек, в Далмации — 159 186 человек, в Албании — 29 187, в Истрии — 82 477, на островах — 48 032 человека, остальное население в Венецианской *области*.

Так говорит документ Национального архива [24]. Несколько иные показания находим мы в документе французского министерства иностранных дел. Вот его свидетельство.

Население Истрии в момент присоединения ее к королевству было равно (по «приблизительным» подсчетам) 105 818 человекам, население Далмации — 219 961 человеку [25] (Венеции и прилегающей к ней terra ferma — 1 348 592 человекам). Всего же по Пресбургскому миру Италия получила нового населения — 1 694 371 человека [26].

Мы видим, что этот второй документ не дает отдельной цифры населения собственно *города* Венеции.

Но уже для 1807 г. у нас есть еще один официальный подсчет, именно относительно г. Венеции, сильно расходящийся с показанием первого цитированного документа. Оказывается, что правительство считало в г. Венеции в 1807 г. 160 тысяч жителей [27]. Никаких причин, почему в один год или полтора население тяжко пострадавшего города могло возрасти с 122 тысяч до 160 тысяч, конечно, привести нельзя. Ясно, что либо в 1807 г. присчитано население части terra ferma, либо просто подсчет сделан небрежно, с произвольными допущениями. В самих документах не дается твердого критерия для суждения об их относительной достоверности. Во всяком случае первая цифра (122 тысячи) взята из специального документа, посвященного вопросу о народонаселении, а вторая (160 тысяч) — из общего отчета о «настроении» обитателей королевства; мне лично первая цифра представляется более близкой к истине, чем вторая.

Тотчас по присоединении венецианских земель Наполеон заинтересовался вопросом о том, сколько можно с них получить.

Доходы республики Венеции накануне вторжения генерала Бонапарта в 1797 г. были равны 8 миллионам дукатов, или 32 миллионам франков [28]. Те земли, которые были отняты Наполеоном еще до 1805 г. и вошли в состав Италийской респуб-

лики, несли на себе (когда они входили еще в состав Венецианской республики) только $^1/_5$ часть всего этого обложения; остальное доставляли те части былой республики — с г. Венецией во главе,— которые по Кампоформийскому миру 1797 г. отошли к Австрии, а после Аустерлица, по Пресбургскому миру, были отняты Наполеоном у Австрии и присоединены к королевству Италии. Такое соотношение в чисто фискальном смысле существовало между первоначально доставшейся Наполеону частью венецианских владений и той, которую он получил спустя восемь лет. Эти присоединенные фактически уже в конце 1805 г. части былых венецианских земель давали, таким образом, в 1796—1797 гг. около 25 миллионов франков. Таковы были последние сведения, имевшиеся у Наполеона относительно платежеспособности завоеванных им в 1805 г. владений: что извлекали австрийцы за те годы, когда они владели Венецией, было в точности сначала неизвестно, но по произведенным дальнейшим подсчетам обнаружилось, что австрийское правительство получало от Венецианской области *чистого* дохода 8 125 053 ливра (миланской монетной системы) [29], а при Наполеоне, на первый же год, смета была исчислена так, что казне отчислялось 25 687 477 ливров (в миланской монетной системе), или 19 641 559 французских франков [30]. Но действительность не вполне оправдала эти упования, и уже очень скоро пришлось довольствоваться 15 412 726 франками чистого дохода [31] и даже 13 705 тысячами [32].

Но и независимо от регулярного обложения, как мы видим, *втрое* превысившего то, что страна платила австрийскому правительству, Наполеон наложил на Венецианскую область после завоевания Венеции в 1805 г. контрибуцию в 5 миллионов и притом еще вице-королю конфиденциально приказывал так собирать эту контрибуцию, чтобы вышло 7 миллионов [33].

Затем наступили естественные последствия завоевания. Порт опустел, торговля с Англией оборвалась сразу, морская торговля вообще оказалась под дамокловым мечом со стороны тех же англичан, только что бывших чуть не главными контрагентами венецианских фирм.

Торговля Венеции (морская) быстро свелась к каботажному преимущественно плаванию до Триеста и обратно. За февраль 1806 г. из Венеции в Триест вышло 35 торговых судов, груженых разными товарами.

В высшей степени характерно то, что с первых же времен владычества Наполеона в Венеции обнаружилось стремление Триеста вести торговые дела не с Венецией, а с Анконой, т. е. портом, расположенным значительно южнее и, следовательно, дальше от Триеста, чем Венеция. Опасности в пути от англичан были при этом далеком путешествии больше, но таможня

в Анконе взыскивала меньше пошлины за транзит товаров, чем таможня в Венеции; а этот триестский товар именно и был рассчитан не столько на королевство Италию, сколько на Рим, Неаполь, Тоскану. Путаница и сложность транзитного тарифа, дававшие полный простор произволу таможенных властей и фактически очень разнообразившие размеры взимаемой в разных портах пошлины, оказались достаточно сильными мотивами, чтобы изменить направление триестского транзита и этим нанести новый ущерб и Венеции, и Болонье, через которую прежде направлялись товары, выгруженные в Венеции и предназначенные для центра и юга полуострова, а также для дальнейшего вывоза через порт Ливорно [34].

Начались, конечно, поиски английских товаров, обыски и конфискации.

В Венеции декреты об изгнании английских товаров, предшествующие ноябрьскому декрету 1806 г. о блокаде, естественно, позже вошли в силу, нежели в других местах Италии, а потому при введении блокады там оказалось немало товаров английского происхождения, в изобилии ввезенных в Венецию еще при австрийском владычестве. Венецианские купцы постарались поскорее и по самой дешевой цене сбыть их в Тоскану, где декрет по разным причинам вначале плохо исполнялся [35].

В Венеции по заявлениям купцов (таких заявлений было подано в полицию 325) товаров английского происхождения оказалось в общей сложности на сумму 15—16 миллионов франков. Эти товары *все* оказались уже «итальянской собственностью», и вице-король их не конфисковал [36]. Но власти доносили вместе с тем Наполеону, что, пока Триест и Фиуме не в руках императора, англичане все равно будут провозить все, что им заблагорассудится в Венецию [37].

Начался таможенный террор, столь знакомый в те времена всем портам, находившимся во власти Наполеона.

Вопреки очевидности представители французского правительства утверждали, что Венеция выиграла, в конечном счете, от присоединения к Италии; что она превратилась, таким образом, в «лучший цветок италийского венца»; что это ее «естественное положение», тогда как во времена австрийского владычества Венеция представляла собой лишь завоеванную провинцию. Они указывали, что все равно сбыт из германских стран шел не через Венецию, но через Триест даже в те годы, когда Венеция была австрийской, и не уставали пророчить, что вся восточная торговля рано или поздно перейдет в руки венецианцев, так как давнишнее господство царицы Адриатики памятно еще на Востоке [38].

«Бедствия велики, но мир излечит их все»,— утешались они, говоря о положении Венеции. Те из них, которые особенно

склонны были к официальному оптимизму, утверждали в первое время после присоединения этого города к королевству Италии, что Венеции суждено со временем расцвести на развалинах Триеста, «как Триест возвысился на ее развалинах». Это говорилось в те годы, когда Триест еще не попал под власть Наполеона и когда большой торговый подъем этого пока еще австрийского города, свободно торговавшего с Левантом, с англичанами, со всем побережьем Средиземного моря, представлял собой яркий контраст почти полному запустению венецианского порта [39].

Одним из самых роковых последствий подчинения Венеции государю, находившемуся в бесконечной войне с англичанами, было перенесение многих торговых капиталов из Венеции в Триест, и в этом отношении тоже можно было лишь утешиться надеждами на будущее и указывать, что расцвет Триеста якобы призрачный, дутый, ибо капиталы — венецианские [40].

Были и еще надежды, довольно, впрочем, смутные, на то, что былая патрицианская знать Венеции, которая во времена самостоятельности республики участвовала в управлении и часто разорялась на этом, теперь, когда она избавлена от участия в управлении, будет рада вложить свои капиталы в торговлю [41]. Но это утверждение было весьма гипотетично, и все это было — в будущем, а в настоящем капитал либо прятался, либо перекочевывал в Триест.

В одном коротеньком, но в высшей степени содержательном документе, показания которого мне уже приходилось цитировать по самым разнообразным поводам в этой работе, есть беглое указание, чрезвычайно интересное. Оказывается, что уже в первые два года после присоединения Венеции к королевству Италии *самые крупные* купцы этого города обратили свои капиталы в недвижимость, и именно в земельные владения (документ называет фамилии); другие крупные негоцианты ликвидировали совершенно свои дела; а многие только ждут окончания уже предпринятой ими ликвидации, чтобы тоже уйти от дел. Три торговых дома просто обанкротились. Полиция, от которой исходит это показание, осторожно высказывает мнение, что «слишком строгая система» со стороны агентов фиска могла способствовать этому печальному обороту дел [42]; она же констатирует исчезновение звонкой монеты — правда, из королевства вообще, но в *особенности* из этих новых департаментов (образованных из отнятых у Австрии в 1805 г. владений). При этих условиях некоторым утешением могла звучать фраза (не будь она так туманна) о том, будто если и потрясено благополучие крупных торговых домов, зато маленькие купцы, лавочники, ремесленники идут в гору и становятся в своей деятель-

ности «все независимее». Не говорится, от кого и как им нужно было освобождаться [43].

Самое интересное здесь, конечно, указание на это стремление превращения капитала из движимого в недвижимый, в землю. При малой доходности, которой отличалось сельское хозяйство во всем королевстве, а особенно в северо-восточной части, подобная метаморфоза обусловливалась, конечно, не мечтами о больших прибылях, а просто желанием спасти хоть часть имущества.

Наполеон сделал, правда, Венецию порто-франко, но, во-первых, с долгими проволочками, а во-вторых, какую особую роль могло играть порто-франко при общих условиях, в которые была поставлена морская торговля Венеции?

В январе 1807 г. президент венецианской торговой палаты Раведин высказывал ряд пожеланий: во-первых, нужно было бы поторопиться с фактическим введением уже декретированного порто-франко; во-вторых, определить, в чем будут состоять новые таможенные ставки; в-третьих, ввести торговый кодекс так же, как морской; определить, наконец, будет ли общая с Францией монетная система. При этом он констатировал полнейшее уничтожение венецианской торговли и упадок промышленности. Мало того, он в чрезвычайно прозрачных выражениях указывал, что и не надеется на близкое воскрешение венецианской торгово-промышленной деятельности при таких условиях, когда вечная война и блокада изолируют нации и заставляют их довольствоваться лишь тем, что сами они могут произвести. Словом, Наполеон и торговое процветание суть понятия несовместимые — таков прямой вывод Раведина, хотя он, конечно, не смеет его открыто высказать [44]. Он довольствуется поэтому просто перечислением тех отраслей промышленности, которые свойственны Венеции, но остерегается приводить какие бы то ни было цифровые указания. Он констатирует, что в Венеции есть (или были в ближайшем прошлом, «при аристократии») производство шерстяных, кашемировых, саржевых материй и изделий (шапок, одеял); производство всякого рода шелковых материй; производство парусины; зеркальное и стекольное производство; кружевное производство; сахарно-рафинадная промышленность; канатное производство.

Французские власти имели наивность именно его, президента венецианской торговой палаты, представителя венецианского купечества, запросить, «какого рода конкуренции может *бояться* французская промышленность со стороны венецианской?» Венецианский патриотизм в нем возобладал над официальным, французским, и он отказался ответить на этот вопрос [45].

Венеция разорена, ее торговля *убита,* доносят чиновники и агенты непосредственно самому императору в феврале 1807 г.

в самых секретных рапортах, пересылавшихся *помимо* и без ведома вице-короля [46]. Убивает Венецию — таможенная политика, затруднения, которые чинит правительство движению товаров. Налоги *теперь*, в 1807 г., *в три раза больше*, чем были при самостоятельном существовании Венеции, т. е. еще за каких-нибудь десять лет до того [47]. Венеция становится «трупом». Нищета царит страшная, монастыри, прежде дававшие кое-какую милостыню и пропитание, теперь уничтожены. *Мануфактуры бездействуют.*

Приобщение Венеции к экономической жизни обширного итальянского королевства мало компенсировало город за все его потери. Любопытно, что еще в 1807 г. купцы королевства наиболее охотно пользовались не Венецией и не каким-либо другим своим портом, а тосканским портовым городом Ливорно, в тех случаях, когда желали экспортировать крупные партии товара. Путь через Ливорно считался наименее убыточным в таких случаях [48]. Так продолжалось, пока Ливорно не попал окончательно в руки Наполеона. Но и после этого события купцы считались с тем, что Ливорно, лежащий на широком Средиземном море, более выгодно расположен, чем Венеция, находящаяся в самой глубине узкого Адриатического рукава и поэтому тщательнее блокируемая англичанами.

Временное утешение Венеция могла найти в том, что, попав в состав королевства, она таким образом *воссоединилась* с нужными ей землями на восточном берегу Адриатики.

Уже в 1797 г., когда Истрия и Далмация были заняты австрийцами, не было недостатка в голосах, утверждавших, что Венеция после этой потери — погибший город. Все, что нужно для постройки торгового флота, она извлекала из Далмации; то, что нужно для военного флота, она извлекала из Истрии; экипаж, нужный и для военного и для торгового флотов, она извлекала из этих двух стран. Наилучшие матросы были именно оттуда. При этих условиях еще до Кампоформийского мира смотрели так, что теперь, прямо из жалости, «par respect humain», Австрия должна завладеть еще и самой Венецией, чтобы вернуть городу возможность опять получать все нужное из Истрии и Далмации [49]. Кто не знает этих документов, характеризующих настроение 1797 г., тот никогда не поймет, какое впечатление должно было произвести *изъятие* Наполеоном Истрии и Далмации из состава королевства Италии, формально последовавшее в 1810 г.

Если в 1797 г. Австрия, по исходящему из Венеции мнению, должна была *по доброте* [50] взять уже и Венецию, чтобы не разлучать ее с Истрией и Далмацией, то, конечно, и в 1809—1810 гг. аналогичная мысль о присоединении к Франции должна

была зародиться в Венеции. Конечно, эта мысль могла быть продиктована только отчаянием.

Что Истрия гнетуще нужна была Венеции, в этом все показания вполне единодушны. Венеция, говорят даже некоторые из наших документов, в «почти абсолютной зависимости от Истрии», и всякая попытка ослабить эту теснейшую связь может лишь окончательно подорвать Венецию [51]. Истрия не только дает богатейший лес для судостроения, но и оливковое масло, скот, даже овощи и молочные продукты, *потребляемые в Венеции* [52].

Остаться без Истрии для Венеции значило похоронить свое судостроение.

Венецианский порт известен был широко развитым судостроением. Судостроение там процветало даже в ту эпоху, когда торговая деятельность была уже далеко не в зените: репутация Венеции в этом отношении стояла очень *высоко* и в XVII и в XVIII вв., и недаром Петр I после Голландии и Англии стремился все-таки попасть в столицу Адриатики. Были некоторые экономические условия, которые, помимо профессионального традиционного искусства мастеров, строителей и простых рабочих, содействовали процветанию этого дела. Во-первых, Венеция получала дешево и в изобилии прекрасный строевой лес из земель, лежащих к северу и востоку от Адриатического моря; во-вторых, столь же изобильны и дешевы были пенька и пеньковые изделия (канаты и пр.): весь пеньковый материал доставлялся из департамента Рено (Болонской области) и других богатых пенькой мест, так что даже во времена оживленного спроса пенька стоила в Венеции 45—50 франков за квинтал, а, например, во Франции вдвое больше — 90 франков; в-третьих, наконец, в Венеции был дешев и рабочий труд, сравнительно с Францией по крайней мере [53].

В первые месяцы после присоединения Венеции к Италии в порту стоял громадный, принадлежавший венецианским купцам коммерческий флот приблизительно в тысячу судов [54]. Временно и этот флот был отчасти иммобилизован, и постройка новых судов приостановилась. Торговое мореплавание на севере Адриатического моря не прекратилось совершенно, но сократилось сильнейшим образом.

Судостроение же испытало страшный удар именно тогда, когда Истрия и Далмация были снова потеряны для Венеции по воле императора, которому Истрия понадобилась как необходимая составная часть «Иллирийских провинций».

Только что я указал, что Венеция получала еще из Истрии некоторые нужные ей для собственного потребления продукты питания. Лишиться их или даже испытывать затруднение в получении их было для города тем чувствительнее, что с са-

мого начала наполеоновского владычества Венеция лишилась и других продуктов, к которым она привыкла.

Солонины и соленой рыбы всякого рода чрезвычайно много потреблялось в Венеции и во всей Италии в ту эпоху, которую мы рассматриваем. Это бросалось в глаза лицам, которые по обязанностям службы должны были присматриваться к экономическому быту королевства [55]. Англичане вплоть до конца 1805 г. прочно и *всецело* [56] держали в своих руках эту отрасль торговли; в самой Италии рыбное соленье сравнительно мало изготовлялось в продажу даже в приморских рыбных местностях, а солонину (мясную) знали только привозную, английскую. Этой английской торговле вплоть до конца 1805 г. весьма мало мешало то обстоятельство, что всякая торговля с Англией была в королевстве строго воспрещена: соленья всякого рода привозились англичанами в австрийскую Венецию и оттуда, под видом австрийских продуктов, сбывались в королевстве. Но вот грянула война Наполеона с Австрией. Еще до Аустерлица, в ноябре 1805 г., Венеция попала в руки французов, и привоз английских солений в Венецию прекратился. Это не значит, что англичане вовсе отказались от этого ввоза, а население королевства — от пищи, к которой привыкло. Англичане стали пользоваться другими портами полуострова — Ливорно и «*особенно* Чивита-Веккиа, которая является главным складом» [57]. Конечно, и эти порты прямо или косвенно были во власти Наполеона, и здесь нужно было провозить эти товары под чужой, неанглийской этикеткой или просто контрабандным путем, но таможенный надзор был тут гораздо слабее, чем в Венеции. Нужно отметить, что документ, который нам говорит об этом, *не* поминает Триеста между портами, куда была перенесена эта отрасль английской торговли (хотя Триест до 1809 г. был австрийским, мог сколько угодно торговать с англичанами и являлся вместе с тем наиболее близким к королевству Италии). Во всяком случае Венеция лишилась и этой дешевой пищи, и одного из важнейших предметов своей торговли именно с королевством Италией.

Переходим от вопроса о торговле Венеции к вопросу о ее промышленной деятельности.

Конечно, такой город, как Венеция, должен был и в промышленном отношении страшно пострадать от бесконечной морской войны. До наполеоновского вторжения Венеция оживленно торговала со странами Леванта, и именно этой торговлей держалось большинство промышленных заведений города; с другой стороны, оттуда же, из стран Востока, Венеция добывала дешевое, привозимое по морю сырье; морская война все это разрушила, и как раз тогда, когда на Леванте многие венецианские товары успели сделаться «абсолютно необходимыми» [58].

В момент перехода Венеции от Австрии к королевству Италии в этом городе еще существовала в довольно заметных размерах (особенно по сравнению с другими итальянскими городами) промышленная деятельность. В Венеции существовало много ювелирных и золотых дел мастерских, золототкацких заведений, сбывавших златотканые шелковые материи и парчу в города Леванта, в особенности же в Каир и Константинополь. На этот же самый далекий вывоз работали в Венеции заведения, изготовлявшие шерстяные шапки и грубоватые, но очень ходкие на востоке шерстяные материи; эти венецианские товары на всем турецком Леванте ценились больше, чем аналогичные изделия, которые изготовлялись в Брешии, Бергамо и Бергамасской области [59]. Столь же победоносно конкурировала Венеция и в выделке писчей бумаги с другими областями Апеннинского полуострова, где была развита эта отрасль промышленности: с Тосканой, Луккой, Генуей, которые тщетно старались достигнуть в этом деле той же степени совершенства [60]. Существовало там и старинное, давно составившее славу Венеции, стекольное и хрустальное производство. «Венецианские острова в лагунах почти все полны стекольных мануфактур»,— доносил французский осведомитель, но прибавлял при этом, что богемские и германские фабрики выделывают лучший товар и их конкуренция с каждым днем все более сокращает венецианский сбыт. Только в одном венецианские стекольщики не знают конкуренции: в выделке стеклянных бус, разноцветного стекляруса; этот товар составляет очень важную статью вывозной торговли, которую ведет Венеция [61]. Вывозится он в Индию, а также в Алеппо, в Каир; в мирные времена также в Амстердам и Лиссабон (т. е. в столицы двух колониальных держав). По этому поводу нужно вспомнить, какую большую роль играли бусы и вообще стеклянные разноцветные украшения в меновых сделках между европейцами и аборигенами в Африке, Австралии, на островах Тихого и Индийского океанов. Для Индии же на зеркальных мануфактурах Венеции изготовлялись особые зеркала и другие предметы. Вывозились на восток также некоторые медикаменты и снадобья, лекарственные препараты и т. п. С востока в Венецию привозились: кофе (мокко), кипрское вино, смирнский, салоникский и кипрский хлопок, оливковое масло из Крита, Мореи, Митилены и еще кое-какие товары. До какой степени эта торговля Венеции с восточным и южным побережьем Средиземного моря и даже с более далекими Персией и Индией была оживленной, явствует, между прочим, и из того, что самой ходкой монетой во всех странах турецкого Леванта, в варварийских странах (на севере Африки), в Персии и Индостане были в XVIII и начале XIX в. *цехины,* точнее называвшиеся *венецианскими цехинами,* причем монета эта че-

калилась в Венеции. Торговля этой монетой, ее вымениванне и т. п. давало венецианским купцам большую прибыль [62]. Торговля Венеции с восточными странами не ограничивалась даже еще в тот момент, когда город переходил от Австрии в руки Наполеона, одними лишь венецианскими провенансами. Через Венецию отправлялись на восток и чужие товары, и это питало и усиливало коммерческий флот города. Постройка флота стоила мало, и строились суда превосходно; торговый флот был «очень велик». Владельцы торговых судов часто занимались также транспортированием товаров, принадлежавших турецким купцам; эта служба вознаграждалась чрезвычайно щедро. В этом деле у венецианцев были соперники в лице судовладельцев французских, а также и из Дубровника (Рагузы), но так как турки-купцы, естественно, отдавали предпочтение тому флагу, под которым было безопаснее путешествовать [63], то при затяжной войне Наполеона с Англией французский флаг должен был постепенно исчезнуть с морей. Зато, как только Венеция попала в руки Наполеона, ее судам стала грозить при встрече с англичанами такая же опасность, как судам французским, потому что англичане не делали ни малейшей разницы между флагами французским и королевско-италийским.

Современники очень хорошо понимали, что присоединением Венецианской области в королевству Италии промышленные заведения присоединяемой области, выигрывая итальянский рынок, проигрывали прежний сбыт, во-первых, в Австрии, а во-вторых, и это было еще важнее, в странах Леванта, так как морская торговля становилась почти невозможной [64]. Вопрос был только в том: что перевешивает, что значительнее: приобретаемые выгоды или утрачиваемые блага? Приобретаемые выгоды оказались несравненно менее значительными, чем утрачиваемые.

У нас есть цифровые данные, касающиеся венецианской промышленности в первый год наполеоновского владычества в Венеции.

Стекольно-хрустальное и зеркальное производство на о. Мурано (в Венеции) некогда кормило «3/4 всего населения» этого острова, которое состояло из 8 тысяч душ [65]. Но уже в 1806 г. констатируется некоторый упадок этого производства; зато еще держится торговля перлами и жемчугом [66]. В упадке — производство мыла, бутылок, ювелирное, суконное, красильный промысел, тесно соединенный в своих судьбах с текстильным производством. Шелковое производство в Венеции в упадке еще с 1785 г., когда пошла «мода» на бумажные ткани. Война, потеря самостоятельности окончательно подкосили эту отрасль промышленности.

В общем вот какое изменение произошло в *количестве* промышленных заведений в Венеции (таблица, цитируемая нами, берет для сравнения два года: 1780 и 1806, но, к сожалению, не дает никаких показаний относительно 1797 г., когда генерал Бонапарт уничтожил самостоятельность Венецианской республики).

	1780 г.	1806 г.		1780 г.	1806 г.
Стекольных заведений	36	12	Сахароварен	3	ни одной
Суконных мануфактур	11	8	Заведений, изготовл. белый винный камень (cremor di tartaro)	6	4
Шелковых мануфактур	6	4	Дубилен	10	6
Красилен	7	5	Веревочных мастерских	9	5
Воскобоен	9	5			
Мыловарен	6	4			

В сентябре 1812 г., согласно показанию венецианской торговой палаты, главными промыслами, дававшими еще работу значительному количеству рабочих и «дававшими жизнь и движение торговле», были следующие: 1) стекольное производство; 2) шелковое; 3) выделка воска; 4) мыловарение; 5) канатное; 6) шерстяное; 7) красильни; 8) сахарно-рафинадное производство; 9) изготовление белого винного камня (cremor di tartaro); 10) судостроение. Из всех этих главных промыслов на первом месте, по словам палаты, стоит стекольное и хрустальное, исстари знаменитое венецианское производство. Но именно это производство много потеряло в последние годы в своей репутации, и заграничный сбыт прекратился. Рабочие Венеции не усвоили технических усовершенствований своего ремесла, которые стали известны за границей. Шерстяной промысел сравнительно недавно занесен в Венецию, но держится, хотя и тут торговая палата взывает к восстановлению «дисциплины» и обузданию рабочих. Шелковое производство стоит, по мнению палаты, на втором месте в мире, сейчас же после французского. Прочно стоит и дело окраски материй, тесно связанное с шелкоделием и сукноделием; при этом Венеция, по замечанию палаты, всегда была поставлена в благоприятные условия, благодаря оживленной торговле с Левантом и возможности доставать краски с Востока [67]. Держатся и другие перечисленные промыслы, но никаких подробностей палата не дает.

Однако сбыт всех этих товаров падал все более и более.

При описанных условиях немудрено, что из всех городов полуострова именно Венеция относилась к Наполеону с наибольшим раздражением. Венецианцы жаловались, что император обращается с ними, как с покоренным народом. Вице-ко-

роль сначала склонен было объяснять это раздражение тем, что Венеция мечтала опять стать независимым государством, и приписывал эти чувства горечи и разочарования только аристократам, богачам, gros bonnets, как он выражался. Но в этих же первых своих донесениях императору он сам вынужден был сознаться, что «злонамеренные» пользуются в целях пропаганды также дороговизной некоторых припасов, увеличением прямых налогов [68]. В 1809 г., во время войны Наполеона с Австрией, в Венецианской области было очень неспокойно, бродили шайки разбойников, кое-где образовывались даже инсургентские группы.

Весной 1810 г. французские агенты доносили из Салоник о том, что англичане стараются «создать партию» в Далмации и Венеции [69].

Как указано выше, собственно, Наполеон никогда не забывал, что Италию он завоевал мечом и что это уже его милость, если он не продолжает относиться к ней, как завоеватель к добыче, а все-таки хочет быть благосклонным государем. Но особенно подчеркивал он этот насильственный характер приобретения относительно Венеции и Венецианской области, полученных им по Пресбургскому миру. «Несомненно, я обошелся с Венецией, как с завоеванной страной; но разве я получил ее иначе, нежели победой? Не надо поэтому слишком гнать эту мысль»,— писал он Евгению весной 1806 г. Он наложил на Венецию контрибуцию, а на все жалобы саркастически отвечал: «Послушать венецианцев, так нельзя ли было бы сказать, что они отдались мне по доброй воле?» [70]

О Венеции он отзывался с пренебрежением, считал венецианцев отвыкшими от войны, с презрением говорил о «трусости», с которой будто бы они еще в первой половине XVIII в. сносили обиды со стороны иностранцев [71]. Напротив, о славянах-далматинцах, служивших Венецианской республике, он отзывался с большим одобрением [72].

Бедственный 1813 год, принесший войну и вторжение неприятеля, нанес экономической деятельности Венеции новый, страшный удар.

В 1813 г. в Венеции одни банкротства следовали за другими [73].

Уже весна 1813 г. ознаменовалась страшным крахом торгового дома Виванте в Венеции, и это банкротство (с пассивом *в три миллиона* франков) повлекло за собой ряд других [74]. К концу мая 1813 г. пять новых крупных банкротств разразилось в Милане, Болонье, Венеции [75].

Спустя несколько месяцев австрийская армия вступила в Венецию.

Очерк состояния портов и морской торговли королевства был бы неполон, если бы обошли молчанием вопрос о лицензиях (об общем значении лицензий см. I том «Континентальной блокады»).

Когда Наполеон начал давать лицензии, то прежде всего их получили на Апеннинском полуострове купцы Триеста, Ливорно и Генуи, но отнюдь не Венеция и не другие порты королевства Италии. Так продолжалось дело довольно долго, и еще в сентябре 1810 г. вице-король обращал внимание Наполеона на это обстоятельство [76].

Впрочем, когда Наполеон стал окончательно возводить в систему лицензии, он принципиально не исключил итальянцев из числа лиц, которые могут рассчитывать на эту милость. Они получили возможность вывозить хлеб, сыр и некоторые другие продукты и торговать хотя бы с Англией (или Мальтой, тоже принадлежавшей англичанам) на аналогичных основаниях, как и французские лиценциаты. *Отплывать* эти корабли могли из Венеции или Анконы, но, возвращаясь из Англии, обязаны были *прежде всего* разгрузиться в Нанте, во Франции; а возвращаясь из Мальты — в Генуе, Тулоне или Марселе, т. е. непременно в имперском, а не итальянском порту [77]. Лиценциаты вывозили также шелк, парусину и тому подобные фабрикаты из Италии [78]. Но, собственно, до возвращения из русского похода Наполеон довольно скупо выдавал лицензии своим итальянским подданным.

1813 год был годом широчайше практиковавшихся выдач лицензий, так как в этом году Наполеон уже совершенно открыто высказал взгляд на необходимость возможно больше получить для казны от этих выдач. Лицензии охотно выдавались и купцам королевства Италии. Это до такой степени сильно начало влиять на торговлю и промышленность, так облегчило получение колониальных товаров с моря непосредственно, а не с суши, через Французскую империю, что уже в июне, например, в разгаре навигации, министру внутренних дел королевства Италии благоприятное разрешение вопроса об избавлении итальянских товаров от вторичной уплаты пошлины представлялось нужным лишь *принципиально,* как постоянное правило, а уже вовсе не как гнетущая надобность момента [79]. Но в 1810—1812 гг., когда лицензии итальянским купцам и судовладельцам выдавались чрезвычайно скупо, положение вещей было несравненно хуже. Да и в 1813 г. каждый момент можно было ждать прекращения или сокращения выдачи лицензий. Ни для кого не являлось секретом, что император, вообще говоря, склонен рассматривать лицензии как милость и выгоду для *французских* купцов и промышленников и что особая щедрость 1813 г. объясняется единственно временными затруднениями

фиска, вызванными новой, грандиозной войной Наполеона со всей Европой.

Весной 1813 г. Наполеон велел выдать 40 лиценций королевству Италии с тем, чтобы они были распределены между портами Венецией и Анконой; при этом лиценциатам разрешалось ввезти в королевство именно наиболее в тот момент недостававшие колониальные красящие вещества. Министерство финансов, стоявшее из всех итальянских ведомств больше всех на точке зрения щепетильного соблюдения всех предуказаний Наполеона, полагало, что путем такого подвоза на судах лиценциатов красящих веществ королевство будет достаточно снабжено этими товарами [80].

Впрочем, год, когда Наполеон начал сравнительно щедро давать лиценции итальянцам, был последним годом его владычества в королевстве. Эта щедрость не успела сказаться сколько-нибудь заметно на экономическом состоянии итальянских портов.

Глава VII

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КОРОЛЕВСТВА ИТАЛИИ В ГОДЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Торговые сношения королевства с Францией. Торговый договор. Декрет 10 октября 1810 г. Пожелания Главного торгового совета в 1813 г. 2. Торговые сношения с другими державами, Швейцарией, германскими странами. 3. Транзитная торговля. Два направления транзита: с севера на юг и с запада на восток. 4. Состояние торговли королевства Италии в эпоху континентальной блокады: общие характеристики, даваемые документами, и цифровые подсчеты. Банкротства в 1813 г.

1

Установление блокады, распространение на королевство трианонского тарифа, таможенные строгости, имевшие целью изгнать из королевства все товары английского происхождения и по возможности сократить потребление колониальных продуктов,— все эти факты, анализу которых посвящена предшествующая глава, при всей своей важности, все же не могут дать вполне законченного представления об обстановке, в которой должна была развиваться торговля королевства Италии после берлинского декрета 21 ноября 1806 г.

В настоящей главе мы дополним сделанную выше характеристику некоторыми фактами, касающимися вообще торговой политики королевства (или, точнее, навязанной королевству) в эти годы блокады, и приведем общие показания о размерах внешней торговли королевства с разными странами в данную эпоху.

Прежде всего в эти годы деятельно развивалась и укреплялась политика экономического закрепощения королевства, превращения его в колонию Французской империи. После всего вышесказанного незачем повторять, каким основным принципом руководился Наполеон в этих своих действиях. Нам уже

известно, чтó он успел в этом смысле сделать *до* установления блокады; посмотрим теперь, как он продолжал свое дело.

С первых лет завоевания Италии французское правительство ставило всегда перед собой совершенно конкретные цели относительно этой страны: во-первых, нужно захватить по возможности исключительно во французские руки всю торговлю королевства, а во-вторых, конечно, совершенно изгнать англичан из итальянских портов. В частности, с ударением отмечалась желательность эксплуатации производимого Италией и нужного французской промышленности сырья: шелка-сырца, оливкового масла, пеньки и т. п.[1] Вопрос об общем торговом договоре с Италией выдвигался уже давно; именно от общего трактата, где возможно принципиальное, радикальное, последовательное проведение основного принципа, ожидалась существенная польза [2]. Что самый принцип будет продиктован французской силой и беспрекословно принят беспомощными итальянцами, в этом ни малейшего сомнения не было.

В 1805—1806 гг., как было выше указано, агенты французского правительства производили расследование относительно того, что можно сделать для скорейшего установления полного господства французской промышленности на рынке королевства. В 1807 г. начались подготовительные работы по изготовлению проекта торгового договора между королевством и Империей.

20 июня 1808 г. Наполеон санкционировал этот выработанный по его повелению франко-италийский торговый договор [3]. Основным содержанием этого договора являлось условие, по которому товары Франции платят при ввозе в королевство Италию *половинную* пошлину и, обратно, итальянские товары при ввозе в Империю пользуются той же милостью. *Фактически* почти вся выгода при таких условиях, конечно, была на стороне Франции как страны с более развитой промышленностью. Нужно сказать, что Наполеон считал еще и то великой для Италии милостью, что французские товары платят при ввозе королевства половинную пошлину: на самом деле, по его мнению, они бы не должны были ничего платить [4].

Но главное для французских промышленников заключалось даже не в этом.

Я нашел совершенно определенное указание, что французские промышленники гораздо меньше были заинтересованы в половинной пошлине на ввозимые ими в Италию товары, нежели в исключительном обладании итальянским рынком, в полном изгнании всякой иностранной конкуренции оттуда: а половинная пошлина якобы больше шла, по их мнению, на пользу итальянским продавцам и потребителям [5].

Правительство, впрочем, было в этом отношении совершенно с ними согласно.

10 октября 1810 г. Наполеон подписал декрет, воспрещавший ввоз в Италию полотен, бархата, хлопчатобумажных материй и изделий, а также сукон и иных шерстяных изделий откуда бы то ни было, кроме Французской империи. Вывоз шелка-сырца из Италии во Францию был объявлен совершенно свободным; вывоз шелка-сырца из Пьемонта во Францию мог производиться только через Генуую и Пьемонт и был в первом случае обложен пошлиной в 4 франка 50 сантимов, во втором — 3 франка за килограмм. Пенька при вывозе из Италии обложена пошлиной в 4 франка, а лен в 8 франков за квинтал.

Этот декрет отчасти (относительно хлопчатобумажных материй) лишь подтверждал прежние воспрещения, отчасти же устанавливал новые.

Министры королевства Италии пробовали хоть немного отстоять экономические интересы своей страны, но их попытки были осуждены на неудачу. Напрасно, например, они указывали, что общий тариф Империи и королевства неодинаков (а потому и «половинные» ставки сплошь и рядом неодинаковы); напрасно просили возвысить ставки итальянского тарифа в уровень со ставками тарифа имперского.

Весной 1811 г. итальянский министр финансов Прина сделал попытку убедить императора повысить пошлину, взимаемую с ввозимых в Италию французских товаров, с $^1/_2$ до $^3/_4$ той (полной) пошлины, которая взималась со всех других иностранных товаров, ввозимых в королевство. Одновременно он напоминал, что ведь 1) все хлопчатобумажные и шерстяные фабрикаты, производимые где бы то ни было, кроме Франции, совершенно воспрещены к ввозу императорским декретом 10 октября 1810 г.; 2) все остальные нефранцузского происхождения товары уплачивают при ввозе в Италию полную пошлину, которую, если угодно, можно еще удвоить. Министр указывал, что при настоящих порядках итальянская только зарождающаяся промышленность осуждена на полную гибель, а казна осуждена терпеть тяжелые убытки [6].

Все было напрасно: французские промышленники и купцы через посредство своих главных органов (Главного совета мануфактур и Главного торгового совета) решительно запротестовали.

Французское правительство оказалось решительно настроенным против введения в Италии такого же точно таможенного тарифа, какой был в Империи, и весьма откровенно объясняло почему: именно потому, что французский тариф, направленный к воспрещению *ввоза* иностранных фабрикатов во Францию и *вывоза* сырья из Франции, очень благоприятен развитию

французских мануфактур; вводить же подобный тариф в Италии — значит покровительствовать *итальянским* мануфактурам в ущерб французским. Во-первых, Франция нуждается в итальянском сырье: пеньке, шерсти, шелке, коже и т. п., нуждается также в привозе лошадей и т. д. Нельзя поэтому повышать вывозные пошлины на сырье [7].

Во-вторых, как же ввести в Италии те самые запретительные пошлины, которые существуют во Франции и препятствуют ввозу во Францию иностранных фабрикатов? Ведь это значило бы убить французский сбыт в Италии, так как именно Франция импортирует в Италию большинство фабрикатов и товаров вообще. Например, за французские водки и спиртные напитки платится «теперь» итальянским таможням пошлина в 5 франков 76 сантимов за квинтал, а если приравнять итальянский тариф к французскому,— будут платить от 20 до 45 франков; оливковое масло пока обложено пошлиной в 4 франка 23 сантима при ввозе из Франции в Италию, а в случае проектируемого изменения должно было бы быть обложено пошлиной в 20 франков за квинтал. Пошлина на французские тонкие кружева возросла бы с 6 франков 91 сантима за *килограмм* веса до 2 франков за *метр!* (А за «простые» кружева платили всего 2 франка 31 сантим за килограмм веса и *тоже* должны были бы платить 2 франка за метр). Точно так же непомерно возросли бы и другие пошлины. Поэтому ассимилировать тарифы никак нельзя. Если угодно, пусть Италия изменяет свой тариф относительно всех других наций, но для Франции должны быть сделаны крайне многочисленные и разнообразные изъятия. Французскую промышленность иначе постигнет «гибельный удар» и притом без пользы для итальянской казны, так как просто ввоз товаров в Италию почти прекратится и таможни королевства ничего не получат [8].

Вообще же имперское правительство именно в 1811 г. не только не намерено было ослабить, но скорее готово было усилить экономическую эксплуатацию королевства Италии. Министр внутренних дел Франции обращал внимание императора на то, что торговый мир переживает кризис; что Россия как рынок сбыта потеряна для Франции, как вследствие обесценения бумажных денег, так и вследствие декабрьского (1810 г.) манифеста императора Александра; что сократился сбыт в Германии; что испанская война закрыла тоже перед французским производством пути к былым рынкам; что морская торговля не существует (из-за англичан). Словом, только Неаполитанское королевство да королевство *Италия* остаются почти исключительно рынками сбыта для Франции [9].

Бдительно следя за целесообразным с точки зрения *имперских* интересов ведением итальянской таможенной политики,

французское правительство в то же время заботилось и о других условиях успешного развития французского сбыта в королевстве. Так, имперские власти делали все от себя зависящее, чтобы коммивояжеры из Франции не испытывали в Италии никаких неудобств, чтобы образчики французских товаров без всяких препятствий и широчайшим образом распространялись в королевстве [10].

Правда, следует тут же заметить, что интересы таможенного надзора сплошь и рядом при этом ставились все же выше интересов французского сбыта.

Так, Наполеон страшно затруднил многих французских купцов, повелев, чтобы товары непременно ввозились в Италию только через две французские таможни: Верчелли и Касатиме. Выходило, что, например, французские товары, побывавшие на германских ярмарках и там не проданные, чтобы попасть в Италию и там попытать счастья, должны были предварительно возвратиться во Францию [11]. Получалась нелепость, мешавшая прежде всего французскому купцу.

Но во всяком случае только французский купец из всех иностранцев мог смотреть на королевство Италию как на рынок, где он является, в глазах властей, желанным гостем.

Что могли поделать итальянские министры, видевшие, как страдают потребители и промышленники королевства от этого монопольного положения французского купца и производителя?

На насилие итальянцы, где могли, отвечали хитростью. Вот один из их приемов, пускавшихся в ход, чтобы хоть несколько защитить Италию от наводнения французскими товарами. Согласно статье 4-й франко-итальянского торгового договора 20 июня 1808 г., за все шерстяные и иные материи, выделанные внутри Империи, при ввозе в Италию уплачивалась половинная пошлина; но, конечно, их владельцы, чтобы воспользоваться льготой, должны были предъявить удостоверения от властей соответствующего города Империи (certificats d'origine). Итальянское таможенное управление, ссылаясь на желание суровоточно выполнять закон, так придирчиво относилось к этим удостоверениям, ставило такие препятствия, прибегало к таким длительным проверкам и т. д., с такой легкостью отвергало французское происхождение этих товаров и так часто требовало на этом основании полной, а не половинной пошлины, что французское правительство прямо забрасывалось жалобами потерпевших французских экспортеров [12].

Таким образом, итальянские власти, прикрываясь желанием в точности исполнять правила, касающиеся континентальной блокады, всеми мерами сокращали ввоз имперских товаров в Италию; при этом они торопились не только конфисковать, но по возможности и сжигать привозимые из Империи мануфак-

турные товары, притворяясь, будто не верят предъявляемым импортерами удостоверениям. Например, весной 1811 г. итальянская таможня конфисковала таким путем 3224 штуки нанкиновых материй и сожгла их, хотя бумаги были в полнейшем порядке. Имперские власти протестовали, но итальянскому министру иностранных дел Марескальки удалось отписаться ничего не значащими объяснениями [13].

Был и еще один мотив, заставлявший итальянские власти особенно придираться к этим французским *certificats d'origine:* по чисто фискальным соображениям ввоз иностранных, но нефранцузских материй, платящих не половинную, а полную пошлину, был, конечно, гораздо предпочтительнее с точки зрения интересов итальянской казны. Французское правительство превосходно это понимало [14]. Оно знало также, что невзирая ни на какие императорские запреты, попустительством итальянских властей германские и вообще иностранные сукна продолжают проникать в королевство через Лугано, часто под видом французских [15]. Французский генеральный консул в Италии добивался около года безусловного воспрещения ввоза в Италию сукон и вообще шерстяных материй откуда бы то ни было, кроме как через таможни, разделявшие Францию от Италии: наконец, декретом 10 октября 1810 г. (ст. 7) Наполеон удовлетворил его ходатайство.

Бывало и так, что вдруг итальянское правительство ставило препятствия, а то и вовсе воспрещало транзит товаров, особенно колониальных, направляющихся во Францию, и делало это с явной целью заставить французов покупать итальянский товар, а также в интересах итальянского фиска. Конечно, следовали жалобы со стороны заинтересованных лиц имперским властям, и итальянцы брали назад свои распоряжения, но, пока шла переписка, транзит фактически не существовал. Любопытно, что итальянским властям удавалось устраивать таким путем довольно долгие проволочки [16].

Но все это были слабые попытки исподтишка отвечать булавочными уколами на удары, направленные против итальянской торговли. Очень уж много накопилось обид вследствие безжалостной эксплуатации со стороны французов. Когда после русского похода стало возможно чуть-чуть возвысить голос, итальянцы поспешили сообщить императору свои чаяния и просьбы. Этот документ прекрасно резюмирует и дополняет вышесказанное.

В начале 1813 г. центральное учреждение, представительствовавшее за весь итальянский торговый и промышленный класс (Главный торговый совет — il Consiglio Generale di commercio), выработало петицию, которую представило правительству и в которой изложило вкратце чаяния и пожелания всего

торгово-промышленного мира королевства [17]. Вот к чему сводились их нужды: 1) Они просили, чтобы за все те продукты французской почвы и также те французские полуфабрикаты, которые необходимы для работы на итальянских фабриках, при ввозе во Францию уплачивались пошлины в тех размерах, которые были предусмотрены тарифом 1803 г. Эта просьба характерна в одном отношении. Интересно констатировать, что тариф 1803 г., уже продиктованный всецело волей Наполеона, казался спустя десять лет идеалом умеренности, палладиумом итальянских интересов, к реставрации коего вообще можно было стремиться. 2) Главный торговый совет желал бы, чтобы все нужное для ремесел и мануфактур сырье (кроме колониального) из каких бы то ни было стран было разрешено к ввозу в королевство Италию на тех же тарифных основаниях, на которых оно ввозится во Французскую империю. Этим пунктом петиционеры делали попытку выбиться из гнетущей зависимости их промышленности от монопольной власти французских импортеров сырья. 3) Высказывается желание, чтобы колониальные красящие вещества — сандаловое дерево, индиго, кошениль, которые попадут во Францию после уплаты полагающейся пошлины, ввозились из Франции в королевство Италию уже без уплаты вторичной пошлины. Это, как мы видим, повторение той просьбы, которая высказывалась в первые же месяцы после введения трианонского тарифа относительно хлопка. Очевидно, петиционерам казалось, что на красящие вещества Наполеон посмотрит иначе и не придаст такого значения этому вопросу. 4) Они просят о воспрещении ввоза в королевство Италию мыла из-за границы (кроме, конечно, ввоза его из Франции: без этой оговорки опасно было бы даже поднимать этот вопрос); 5) о воспрещении вывоза из Италии сырой, сушеной и просоленной кожи (*не* дубленной), за исключением овечьей и козлиной. Этот пункт не содержит никаких оговорок, хотя если куда и уплывало из Италии в больших количествах это сырье, то именно во Францию; при Наполеоне Франция, не имевшая подвоза из Южной Америки и находившаяся годами в войне с населением бо́льшей части испанской территории, довольно серьезно нуждалась в сырой коже, и ввоз из королевства Италии (как и других стран Апеннинского полуострова) служил в этом отношении ценным подспорьем. Между тем кожевенные фабриканты и дубильщики королевства прекрасно знали, что постоянные и огромные заказы со стороны военного ведомства им обеспечены, что вообще в их промысле вопрос о сбыте должен был беспокоить гораздо меньше, чем вопрос об обильном и дешевом сырье. 6) Главный торговый совет высказывает далее пожелание, чтобы итальянские железные изделия ввозились в так называемые заальпийские департаменты Франции (Пье-

монт, Тоскану, Церковную область) после уплаты половинной пошлины (против той, какую платят сейчас). Он ссылается при этом на то, что многие французские изделия ввозятся в королевство по уплате половинной пошлины, а также на один благоприятный прецедент: итальянские сукна уже дозволено ввозить за половинную пошлину в эти заальпийские департаменты Французской империи. Говорить о том, что при соблюдении принципа взаимности итальянцы могут претендовать на половинную пошлину при их импорте во *всю* Французскую империю,— совет не решился. В остальных пунктах петиции излагаются пожелания, чтобы пошлина за пеньку и моченую и чесаную коноплю, уплачиваемая при ввозе из Италии во Францию, была понижена с 4 до 2 лир за квинтал, а за чесаный лен — с 8 до 4 лир, за льняную пряжу — до 2 лир. Нужно заметить, что пошлина за эти изделия была повышена в 1811 г., и торговый совет добивается лишь возвращения к прежним тарифным ставкам. Таковы были desiderata итальянских торговцев в 1813 г., в самом конце рассматриваемого периода.

Прошло почти три месяца, но на эти скромные пожелания не было обращено внимания. В самом конце мая 1813 г., когда банкротства следовали за банкротствами во всей Италии, вице-король осмелился указать императору, что двумя главными, может быть, причинами этих несчастий являются: 1) запрещение свободного вывоза шелка и 2) запрещение свободного вывоза зерновых продуктов [18]. Италии искусственно ставились препятствия при реализации этих двух ее главнейших богатств. Этими причинами вице-король объяснял и затруднительное состояние казны королевства, редкость звонкой монеты в стране [19].

Это было совсем не то, о чем просил Главный торговый совет, но о бо́льшем не осмеливался и заговаривать вице-король. Впрочем, близилась вторая половина 1813 г. и с ней и начало конца владычества Наполеона в Италии.

2

Мы видим, что, помимо стремления изгнать английские товары из королевства Италии, Наполеон непреклонно шел и к другой цели, к удалению в той или иной мере вообще каких бы то ни было торговых конкурентов Франции с итальянского рынка. Насколько это ему удалось?

Правда, в некоторых отраслях производства (и прежде всего в металлургическом производстве и всех, связанных с ним) Франция и не могла претендовать на монопольное удовлетворение итальянского рынка и не претендовала в действительно-

сти. Но у нас есть документальные данные, позволяющие утверждать, что и в области текстильного производства, несмотря на все усилия Наполеона, французам приходилось считаться с опасной для них германской и швейцарской конкуренцией.

Прекратить вообще торговые сношения итальянцев с немцами и швейцарцами было уж потому трудно, что итальянский *вывоз* на север почти весь должен был проходить через руки либо немецких, либо швейцарских купцов.

Главными опорными пунктами для торговых сношений Италии с северогерманскими странами, с Польшей и Россией были города Аугсбург и Нюрнберг. Купечество этих двух городов либо покупало итальянские провенансы, либо брало их на комиссию, авансируя при этом итальянцам крупные суммы; и это было тем выгоднее для итальянцев, что сами аугсбургские и нюрнбергские купцы должны были оказывать своим северным контрагентам, особенно русским, с которыми они сносились через Любек, весьма долгосрочный кредит: русские им уплачивали через 6—10 месяцев, даже через год после получения товаров. Но вот, медиатизация Аугсбурга убила аугсбургскую торговлю, и итальянские торговые круги были весной 1806 г. сильно обеспокоены, как бы та же или подобная участь не постигла и Нюрнберг. При этом итальянские купцы (особенно волновались венецианские) старались внушить правительству, что независимость германских торговых городов есть незаменимое благо для итальянской торговли. Они приводили очень интересные примеры: «Города Росток и Висмар на Балтийском море и город Брауншвейг внутри Германии были в эпоху своей независимости из числа самых важных торговых мест на севере. Они пали с тех пор, как были медиатизованы, хотя их государи оставили им всю видимость независимого строя... Город Данциг, самое значительное торговое место на севере после Амстердама и Гамбурга, почти уничтожен (в смысле морской торговли) с тех пор, как подчинился Пруссии». Медиатизация германских городов *губит* их торговлю, а это обстоятельство в свою очередь тяжко отражается на Италии. Гибель независимости Нюрнберга закрост для итальянской торговли последний выход на север [20]. Указываются и причины этого явления: при самоуправлении и самостоятельном суде вольного торгового города является больше чувства обеспеченности у торгующих с этим городом иностранных купцов, становится тверже кредит [21] и т. д.

Из всех германских держав, торговавших с Италией, Наполеон должен был считаться несколько более с Баварией не только вследствие дружественных политических и родственных отношений (Евгений Богарне был женат на баварской принцессе), но и вследствие важности Баварии как передаточного

пункта для сбыта итальянских товаров. Был даже заключен договор, предоставлявший обеим державам (Баварии и Италии) права наиболее благоприятствуемой стороны.

Баварское правительство, однако, не слишком спешило ввести в действие этот торговый договор между Баварией и Италией, подписанный в Милане 2 января 1808 г. По крайней мере еще 25 декабря 1810 г. итальянский министр иностранных дел Марескальки жалуется Наполеону, что договор не осуществляется на деле и что проволочки исходят со стороны Баварии. Но министр должен тут же признать, что Бавария отчасти права, что обстоятельства изменились, так как ныне, после 1809 г., часть баварского Тироля отошла к Италии и баварцы лишились прежнего важного рынка сбыта *соли;* они просят, чтобы им этот сбыт был обеспечен специальным разрешением ввозить соль в итальянский Тироль. И еще одно (характерное) желание проявляет, между прочим, Бавария: чтобы были *в точности перечислены* товары, ввоз которых в Италию воспрещен. Тенденция Наполеона запрещать ввоз *всяких* товаров в Италию из *всех* стран, кроме Франции, давала о себе знать вполне ясно [22]. Не верилось государственным людям Баварии, что Наполеон допустит много ее товаров в Италию! [23]

Другие германские страны могли себя чувствовать еще менее уверенно, когда дело шло о торговле с Италией. Еще до запретительного декрета 10 октября 1810 г. торговля их с королевством могла идти успешно, так как их текстильное производство, как я старался показать в I томе «Континентальной блокады», было дешевле французского. Выписывались также и ввозились контрабандным путем запрещенные еще в 1806 г. хлопчатобумажные материи.

Итальянские владельцы ситценабивных мастерских нуждались в беленых материях и, пока не было запрещено, выписывали их из германских стран. Но самые-то материи эти изготовлялись сплошь и рядом из контрабандной английской пряжи; и вице-король не знал, что с этим поделать, когда несмотря ни на какие *certificats*, которыми были снабжены эти беленые материи, было все-таки вполне ясно, что они сделаны из *английской* пряжи [24].

То же самое нужно сказать и о швейцарских текстильных товарах в эти годы, и не только до декрета 10 октября 1810 г., но и после этого декрета, сделавшего невозможным легальный ввоз в королевство Италию каких бы то ни было текстильных товаров откуда бы то ни было, кроме Франции.

Ведь даже суровая бдительность и надзор за таможнями итальянского королевства со стороны французских властей объяснялись в значительной мере тем, что таможням *швейцарским* эти власти совсем не доверяли: они знали, что дешевая

английская хлопчатобумажная пряжа при попустительстве швейцарских властей ввозится в очень больших количествах в Швейцарию, где существует напряженнейшая деятельность на бумаготкацких и ситцевых мануфактурах, деятельность почти необъяснимая, если не знать об этой контрабанде. Французские агенты прекрасно это знали. Знали они также, что из Швейцарии ситцевые и вообще хлопчатобумажные материи контрабандным путем ввозятся в Италию и даже в Империю [25].

Наполеон не переставал подозревать итальянские таможни в том, что они, несмотря на запрет 10 июня 1806 г. и следующие декреты того же характера, вроде декрета 10 октября 1810 г., продолжают пропускать в королевство бумажные и шерстяные материи из Швейцарии и из Германии. Итальянские таможни очень обижались и уверяли высшее начальство, что они в бдительности не уступают никому и что, кроме того, после декрета 10 октября 1810 г. вышеупомянутые товары могут проходить в Италию *исключительно* через две таможни на франко-итальянской границе, так что уж поэтому немыслимо провезти эти товары из Швейцарии или Германии [26].

Наполеона страшно раздражала непрекращающаяся контрабанда.

Во второй половине 1810 г. император даже начинает как бы невзначай говорить о присоединении Италии к Империи. Он высказывает эту угрозу в письме к Евгению от 23 августа и спустя три дня повторяет ее, грозит Италии участью Голландии — и все по тому же поводу: итальянские таможни небрежно выполняют запретительные декреты императора. Италия наводнена швейцарскими ситцами и бумажными материями, а между тем во Франции этих товаров очень много, и нужно, чтобы Италия покупала их *только* во Франции, но не в Швейцарии и не в Германии [27].

В декабре 1810 г. Евгений извещает своего министра финансов, что император вообще требует, чтобы *никогда* не допускались никакие удостоверения о происхождении товаров, ввозимых не через французскую границу в Италию, чтобы ни сукна, ни колониальные товары, ни хлопчатобумажные товары «и т. д.» из Швейцарии и Германии не пропускались ни в каком случае в королевство. Это «etc.» очень характерно в данном случае (Sa Majesté me renouvelle d'ailleurs ses ordres pour qu'il ne soit jamais admis aucun certificat d'origine, qu'on ne laisse rien entrer de la Suisse et de l'Allemagne — en draps, denrées coloniales, marchandises de coton etc.) [28]. Да и в самом деле перечет был бесполезен, все равно ничего не должно было допускаться в Италию *фактически,* если даже юридически и были оставлены некоторые лазейки.

Из Германии и Швейцарии в королевство Италию ввози-

лись, однако, до той поры не только фабрикаты, но и колониальные товары.

Конечно, появление трианонского тарифа почти вовсе прекратило этот ввоз. Для ввоза колониальных товаров из Швейцарии и из стран Рейнского союза в 1811 г. итальянским купцам нужно было запасаться особыми разрешениями и тоже обязываться при этом вывезти из Италии соответствующее по цене количество шелковых материй [29],— как это делали арматоры и купцы при получении лицензии для морской торговли.

Но вскоре и эти удостоверения тоже потеряли в глазах Наполеона всякую цену; стали требоваться особые именные повеления. Император в 1812 г. был уже недоволен, если вице-король пропускал колониальные товары из Германии без особого всякий раз императорского *декрета о том* [30].

3

Такова была торговая политика королевства в годы блокады относительно других держав, кроме Франции. Остается еще сказать несколько слов о транзитной торговле, шедшей через королевство Италию.

По своему географическому положению королевство отделяло империю Наполеона от стран Леванта и, в частности, от Балканского полуострова, северо-западная полоса которого попала в руки Наполеона под названием *Иллирийских провинций*. Кроме того, королевство Италия отделяло германские страны, Швейцарию и другие державы средней Европы от юга и центра Апеннинского полуострова.

При этих условиях транзитная торговля должна была играть немалую роль в экономической жизни страны. Наполеон некоторое время довольно терпимо относился к этому транзиту, обогащавшему итальянский фиск.

18 января 1807 г. в Варшаве Наполеон подписал декрет, разрешавший транзит товаров «дружественных и нейтральных стран» через королевство Италию, причем такие товары должны были быть сопровождаемы надлежащими и надежными удостоверениями соответствующих правительств (касательно *не*английского происхождения этих товаров) [31].

В течение некоторого времени транзит с севера на юг был, таким образом, возможен, и Наполеон не чинил ему препятствий. Так, земли, отторгнутые от папских владений, присоединенные к королевству в 1808 г. и составившие новые три департамента (Metauro, Musone и Tronto), были почти тотчас же после присоединения особым декретом (2 июля 1808 г.) включены в число местностей, через которые разрешался транзит товаров «дружественных и нейтральных стран» [32].

Но уже 10 октября 1810 г. транзит текстильных товаров через Италию был воспрещен, и швейцарские и германские товары были лишены возможности сбыта на Апеннинском полуострове. Транзит из Германии и Швейцарии на юг Апеннинского полуострова оборвался почти вовсе.

С этих пор оставалось главным образом другое направление транзитной торговли — с запада на восток, из Франции на Балканский полуостров. Тут Наполеон оказался, конечно, гораздо терпимее.

Декретом 16 ноября 1809 г. королевству разрешалось торговать с Иллирийскими провинциями под условием уплаты положенных пошлин [33]. При всей своей скромности и этот новый рынок был приобретением для сбыта итальянских продуктов. По крайней мере итальянский министр финансов делился с Евгением Богарне надеждой, что хлеб и пенька, а отчасти канаты и полотна могут быть сбываемы в Иллирию. При полном уничтожении торговли, при падении промышленности, при страшном обесценении земледельческих продуктов итальянцы ухватились за торговлю с Иллирией, как утопающие за соломинку [34].

Но Наполеона больше интересовала в данном случае роль Италии как передаточного пункта для имперских товаров, сбываемых в Иллирию и дальше, в страны Леванта.

Транзит французских товаров, направляющихся в Иллирию, в Турцию, в страны Леванта, Наполеон желал устроить именно через Италию и сделать его возможно дешевле [35].

Но при этом император во всяком случае желал, чтобы выгоды самого транзита, какие будут, доставались его королевству, а не какой-либо другой стране.

Он установил свободный транзит французских товаров в Иллирийские провинции, Боснию и Турцию, причем эти товары *непременно* должны проходить по утвержденному императором маршруту через Милан, Кассако, Брешию, Верону, Виченцу, Венецию, Фриуль — до Изонцо [36]. Точно так же устанавливался свободный транзит и даже вводилась сбавка в уплате ввозной пошлины в некоторых случаях для товаров (хлопка, железа, свинца и др.), отправляемых из Иллирийских провинций во Францию, *если* эти товары будут провезены по территории Италии. Этот транзит существовал беспрепятственно до последних месяцев 1813 г., т. е. до вторжения австрийских войск в Иллирийские провинции.

4

В заключительном параграфе этой главы нам остается выяснить, каково было при указанных условиях общее состояние

торговой жизни королевства в годы континентальной блокады. В следующих главах мы систематически рассмотрим положение обрабатывающей промышленности в эту эпоху; здесь же только дадим общую картину положения торгового обмена, размеров внешней торговли, взятой в целом. В предшествующем изложении мы старались выяснить возможно полно те условия, в которые был поставлен сбыт; теперь мы должны рассмотреть, к чему именно привели эти условия. В дальнейших же главах читатель ознакомится с тем, как положение, в которое была поставлена торговля, отразилось на отдельных отраслях промышленной деятельности королевства Италии. Таким образом, этот заключительный параграф настоящей главы послужит естественным переходом к следующим главам предлагаемого исследования.

Нужно сказать, что общую картину состояния внешней торговли в 1807—1813 гг., в те годы, когда действовал декрет 21 ноября 1806 г. о континентальной блокаде, мы можем нарисовать на основании некоторых общих характеристик и свидетельств компетентных современников и также на основании нескольких дошедших до нас «торговых балансов», т. е. общих официальных цифровых подсчетов о торговле королевства, составлявшихся итальянским министерством финансов для доклада Наполеону.

К сожалению, у нас мало и тех и других документов. В особенности мало документов первой категории, и это тем более жаль, что к свидетельствам второй категории, т. е. к общим цифровым подсчетам, необходимо относиться с весьма большой долей скептицизма. Повторю то, на чем неоднократно настаивал, когда речь шла о Франции (в I томе «Континентальной блокады»): подобные общие цифровые итоги, если принять во внимание тогдашнее состояние статистики и целый ряд других обстоятельств, несомненно расходятся с действительностью, иногда, быть может, и в серьезной степени; но пренебречь ими вовсе — никак нельзя. Они, во всяком случае, показывают нам, как смотрели на положение дел те, больше которых никто тогда знать не мог в данных вопросах. Это — иллюстративный материал, претендующий, правда, на полное доверие к его точности, но отнюдь этого доверия не заслуживающий; такой материал, однако, пройти мимо которого без внимания столь же недопустимо, как и принять его содержание за абсолютную истину.

Первые наблюдения над ближайшими последствиями провозглашения блокады в королевстве Италии были весьма безотрадны. В середине сентября 1807 г. обнаружилось, что вывоз главных богатств страны — зерновых продуктов и шелка — *«почти вовсе»* прекратился, что такая же участь постигла и

13*

вывоз других продуктов, вроде пеньки и сыров. Цена на все эти продукты уменьшилась, на некоторые — почти вдвое; что же касается шелка, то он все-таки отчасти вывозился «до июля» (1807 г.) в Голландию, Пруссию, Россию и «даже в Вену». Так доносил вице-король императору спустя десять месяцев после появления декрета о блокаде [37]. Здесь не совсем ясно, почему «до июля» возможно было вывозить шелк в Пруссию и Россию, а после июля — нельзя, тогда как именно до конца июня 1807 г. Наполеон воевал с Пруссией и Росссией, а в это время — помирился с ними?

Но, впрочем, и относительно сбыта шелка в будущем вице-король не предается никаким иллюзиям: думают, что впредь Голландия уже не будет делать закупок, а остальные страны в этом отношении не имеют значения сравнительно с Голландией [38].

Читателя, помнящего, что англичане вплоть до провозглашения блокады являлись главными скупщиками шелка в королевстве Италии [39], не удивит эта огромная роль Голландии в сбыте итальянского шелка: известно, что в первые месяцы блокады король голландский Людовик Бонапарт, пользуясь отсутствием императора (занятого войной с Пруссией и Россией), смотрел сквозь пальцы на то, как его подданные тайком посредничали в торговых делах между Англией и континентом; известно и то, что после Тильзитского мира суровый надзор императора за действиями его брата сразу сократил голландскую контрабандную торговлю. Вот почему вице-король Италии и полагал, что отныне (сентябрь 1807 г.) шелк уже не будет сбываться «в Голландию».

Но все-таки шелководы страдали менее других: они «обыкновенно» бывали более денежными людьми, чем сельские хозяева, и могли ждать, пока цена на их товар поднимется [40]. Внезапный и резкий упадок вывоза главных продуктов земледелия и скотоводства королевства, вообще говоря, сейчас же отразился на финансовом мире страны: в разных городах разразился ряд банкротств [41].

Что касается первых последствий декрета о континентальной блокаде для итальянской промышленности, то в этом отношении дело обстояло на первых порах якобы лучше: запрещение английских фабрикатов (а также *«предполагаемых»* английских) пошло на пользу мануфактурам королевства, констатирует вице-король. Беда только в том, что капиталы прячутся, что никто в королевстве не хочет вложить свой капитал в промышленное предприятие. До какой степени редки стали деньги и до́рог кредит, доказывается уже тем, что в некоторых департаментах процент по ссуде дошел до 2% в *месяц*, и даже больше [42]. Заметим, что вице-король (пишущий донесение в

сентябре 1807 г.) утверждает, что в королевстве мануфактур вообще очень мало, да и те большей частью лишь «нарождаются». Таково его общее впечатление. Оно не совсем отвечает действительности, как мы могли констатировать в предшествующих главах и как будем иметь возможность доказать в последующем изложении. Во всяком случае, ни о шелковой, ни о шерстяной промышленности этого нельзя было сказать.

Такова общая характеристика экономического состояния королевства Италии по истечении первых месяцев действия берлинского декрета. Больше всего смущали умы многочисленные банкротства, как сказано, сопровождавшие в королевстве осуществление берлинского декрета.

В 1807 г. в Болонье произошло «более десяти очень значительных банкротств, и можно утверждать, что в этом году они не были злостными»; в г. Бергамо в том же году было пять больших банкротств, три в Брешии, одно — в Удине и три — в Венеции [43].

Но когда велено было произвести большой подсчет торгового баланса, то все-таки оказалось, что и вывоз был и вообще торговля держалась... Кто же более прав — авторы общих характеристик (вполне пессимистично настроенные) или оптимистические составители торгового баланса за первый (1807) год блокады? Могло быть, что вице-король недостаточно оценил размеры сбыта в Голландию и что эти *quelques expéditions* на самом деле были грандиозными закупками англичан, желавших поскорее обеспечить себя шелком? Во всяком случае торговый баланс, представленный Наполеону в конце 1807 г., весьма определителен в своих показаниях.

В 1807 г. в Италию было ввезено из-за границы товаров на 119 820 138 лир, а вывезено товаров на 112 112 185 лир, так что «пассив» (la passività del nostro commercio) оказался равным всего 7 707 153 лирам. Транзитных пошлин королевство получило за этот год 354 344 лиры. Конечно, шелк и шелковые изделия оказываются и тут *основой* вывоза: «...essa (seta) è il palladio della nostra ricchezza»,— с чувством поясняет начальник таможен в докладе министру финансов. Шелка-сырца было в 1807 г. продано за границу на 54 189 219 «миланских» лир, шелковых *материй* на 17 349 861 лиру (миланской монетой), а вместе — на 71 539 080 «миланских» лир, или, как переводит наш документ, на 54 907 209 «итальянских» лир (= франков) [44].

Так обстояло дело в первый год блокады. Второй год (1808) принес начало испанских смут и затруднений, третий год (1809) принес тяжелую и упорную войну с Австрией.

Сплошь и рядом уже с 1808 г., указывая на упадок тех или иных производств, наши источники называют, как одну из главных причин общее сокращение торговли. И это говорится не

только о шелковой или шерстяной промышленности, но даже о таких отраслях промышленной деятельности, на которые, казалось бы, совсем не могли оказать воздействия сокращение или вздорожание сырья и т. п. Страдали воскобойни, шляпные мастерские, веревочные мануфактуры и именно в самых промышленных департаментах [45].

По имеющимся у нас данным за 1809 г. в королевство было ввезено товаров на 112 752 566 лир, а вывезено — на 104 021 741 лиру, так что год окончился с «пассивом» в 8 730 825 лир.

Общая сумма *ввоза* из-за границы в королевство была равна в 1810 г. 140 374 708 лирам, а сумма *вывоза* из королевства — 144 337 565 лирам, и торговый «баланс», к удовольствию министерства финансов, показывал таким образом «актив» в 3 962 887 лир в пользу Италии. Предшествующие годы заключались с «пассивом» [46]. Конечно, *главными* статьями вывоза показаны зерновые продукты и шелк-сырец [47].

Баланс 1810 г., как видим, оказывался благоприятнее баланса предшествующего года: по подсчетам министерства, *ввоз* в Италию был на 27 622 141 лиру больше, чем в 1809 г., а *вывоз* на 40 315 823 лиры больше, чем в 1809 г. Восхищаясь балансом 1810 г., министерство признается, что для него эти успехи были *«неожиданны»*. Объяснение оно находит в том, что Франция и вообще соседние государства нуждались в 1810 г. в *хлебе*, а, кроме того, во Франции ощущалась (до октября 1810 г.) надобность в больших закупках шелка-сырца [48]. Таким образом, разумеется, не обрабатывающей промышленностью добыт этот актив в пользу Италии. Напротив, фабрикатов было ввезено больше, нежели вывезено; шерстяных материй — и вместе с тем шерсти, которая тут посчитана в одной цифре,— было ввезено на 10 801 974 лиры больше, нежели вывезено; бумажных и полотняных материй, а также хлопка и льна (тоже посчитанных вместе) было ввезено на 12 484 513 лир больше, нежели вывезено; металлов и металлических изделий — на 2 295 981 лиру больше, нежели вывезено; кожаных изделий — на 3 838 889 лир больше, нежели вывезено [49]. Из другого документа узнаем, что разница между ввозом в Италию и вывозом из Италии оказывается:

не в пользу		Иллирийских провинций	на	сумму	2 259 500	лир
» »	»	Австрии	»	»	21 702 890	»
» »	»	Германии	»	»	9 769 000	»
» »	»	Швейцарии	»	»	13 736 000	»
» »	»	Римской области	»	»	521 700	»

Заметен, сравнительно с 1809 г., большой рост ввозной и вывозной торговли именно с Французской империей, говорит составитель доклада Germani: ввоз из Франции в Италию увеличился на 21 миллион, вывоз удвоился («и несмотря на это мы в пассиве на 27 479 000»,— замечает со скорбью докладчик) [50].

Торговая деятельность королевства в 1811 г. была слабее, нежели в 1810 г. Это констатирует и министр финансов Италии. Он полагает, что вывоз в окончательном балансе оказался в 1811 г. на 11 миллионов, а ввоз — на 12 миллионов лир меньше, чем вывоз и ввоз 1810 г., и приписывает это уменьшение трианонскому тарифу. По его исчислениям, ввоз колониальных товаров в Италию в 1811 г. был равен всего $^1/_4$ или, точнее, $^6/_{23}$ суммы ввоза этих товаров за 1810 г. [51]

Кризис 1811 г. не сказался в королевстве Италии так сильно, как он сказался во Франции, уж потому, что Франция вообще была страной, где промышленность была больше развита, чем в королевстве. Были даже кое-какие признаки, как будто свидетельствовавшие о другом.

Так, в 1811 г. ежегодная ярмарка в Синигалии сошла несколько лучше, чем в 1810 г.; таможни королевства заработали на привезенных туда товарах 123 тысячи лир. Большей частью продавались итальянские товары (из королевства): 10 тысяч тюков из 12 200, которые вообще были привезены и проданы. Продавались разные текстильные товары, а также мелкий металлический товар и сырье. Вице-король, давая отчет о ярмарке, успокаивал императора, что почти все эти товары имели надлежащие удостоверения о происхождении и что прибыли они сушей, а немногие, прибывшие морем, были привезены на небольших барках. Товары остались в большинстве в самом королевстве: за границу было отправлено лишь 2600 тюков (из 12 200, поступивших в продажу). Почти весь проданный за границу товар состоял из полотен, кожаных изделий и железа [52].

Но были факты, более существенные и зловещие.

К концу 1810 г. в Виченце 2 тысячи человек, работавших в шелковых мастерских, осталось без работы. Одновременно и миланские бумаготкацкие мануфактуры приостановили работу: не было ни хлопка, ни, что еще важнее, бумажной пряжи, которую Италия выделывала мало и плохо, за отсутствием машин. Наполеон тогда распорядился, чтобы нужная пряжа, а также беленые бумажные материи (поступившие в ситценабивные мастерские) были доставлены из Франции. Его интересовало при этом, «чтобы они (итальянские мануфактуры — *Е. Т.*) не были принуждены прибегнуть к Швейцарии» [53]. А когда вице-король заикнулся о том, что швейцарская пряжа и швейцарские материи более подходят в данном случае, чем французские, то Наполеон ответил резким напоминанием, что об этом *«нечего и думать»*: нужно выписывать из Франции, и только из Франции [54]. А из Швейцарии или из Германии получать товар «не подходит» (de Suisse ou d'Allemagne, cela ne convient pas). Возражения были бы, конечно, излишни. Да на них вице-король уже и не осмелился.

Вице-король предупреждает (еще в декабре 1810 г.) императора, что экономические (а потому и фискальные) дела королевства в неприглядном положении. *Совершенно* прервана торговая жизнь; немногие шелковые и бумажные мануфактуры, какие были в королевстве, погибают; таможни мало получают как вследствие ограничений и запрещений ввоза иностранных товаров откуда бы то ни было, кроме Франции, так и вследствие слишком ничтожной пошлины, какую уплачивает французский ввоз (фактически монопольный); вот главные причины дефицита [55].

Но на самом деле 1811 год не осуществил всех пессимистических предвидений Евгения, по крайней мере относительно дохода казны от таможен.

В общем таможни принесли казне королевства в 1811 г. 14 009 721 лиру валового дохода, на 2 381 463 лиры больше, чем в 1810 г. Министерство финансов объясняло этот счастливый результат увеличением ввоза из Франции, развитием каботажного плавания и торговли между Италией и Иллирийскими провинциями, Неаполем и Левантом «и особенно» объясняло эту удачу трианонским тарифом с дополняющими его декретами. Но доходы с *вывозных* пошлин уменьшились. Объясняется это уменьшением вывоза шелка в Швейцарию и Германию, изъятием от вывозного обложения зерновых, хлебных продуктов и риса, вывозимых во Францию (этих продуктов было вывезено из Италии во Францию 1 012 579 гектолитров), освобождением от вывозной пошлины (в этом году) шелка-сырца и шелковой пряжи, отправляемых из Италии во Францию (их было вывезено 4 308 408 фунтов). Однако успехи иностранного *ввоза* в Италию были таковы, что с избытком вознаграждали фиск [56].

Администрация таможен обошлась казне в 1811 г. в 1 833 748 лир, так что *чистый* доход от таможен был исчислен в 12 175 973 лиры [57].

В 1812 г. полгода царил мир, а во второе полугодие шла война Наполеона с Россией, но вся остальная Европа либо была в союзе с Наполеоном, либо нейтральна, либо прямо подчинена Наполеону. В течение всего 1812 г., таким образом, итальянская торговля не ощущала почти никаких неудобств, свойственных военному времени.

До нас дошел «приблизительный» торговый баланс королевства Италии за 1812 г. Ни раньше, ни позже за все наполеоновское царствование не составлялось (или по крайней мере не дошло до нас) столь обстоятельных и интересных статистических подсчетов, как те, которые дает нам эта рукопись [58]. До этого времени долго налаживался самый сбор сведений, мешала война 1809 г. с Австрией, затронувшая королевство больше, чем Французскую империю, мешал кризис 1811 г.; после этого вре-

мени — в 1813 г.— не до того было, чтобы заниматься обстоятельными подсчетами; раньше чем 1813 г. окончился, французское владычество во многих частях королевства уже было сломлено. 1812 год был годом — несмотря на далекую войну с Россией — нормальным *для королевства Италии,* значительно лучшим, чем 1811 год; вместе с тем к этому времени окончательно налажена была статистическая работа в префектурах, исправно действовал Главный торговый совет и торговые палаты, неутомимо собирались сведения во всех странах, с которыми торговала Италия, наконец, под явным давлением со стороны незадолго до того образованного во Франции по повелению Наполеона министерства торговли, итальянскому правительству были поставлены более требовательные и детальные вопросы. Так или иначе, рассматриваемый документ явился подведением общих итогов тому, что вообще можно было знать об экономической жизни королевства Италии в рассматриваемую эпоху. Этот документ составлялся не для публики, но для Наполеона, который желал знать все, и из этой рукописи он мог узнать в самом деле многое. Узнать больше — не было во всяком случае возможности. Но, конечно, математической точности от баланса, который его авторы сами называют приблизительным, требовать нельзя,— снова и снова повторяю это. И еще нужно оговориться, что вследствие войны с Россией, сведения о торговле с «Moscovia», как выражается наш документ, неполны: в графе вывоза в Россию находим пропуск. Конечно, неопределенная, но важная «поправка на контрабанду» тоже не должна быть забываема читателем.

Вот к чему сводилась торговля королевства Италии с иностранными землями в 1812 г. (в лирах).

	Ввоз в королевство Италию	Вывоз из королевства Италии	Пассив	Актив
Французская империя	80 294 000	66 340 000	13 954 000	—
Неаполитанское королевство . .	11 325 000	3 237 000	8 088 000	—
Левант	6 820 000	2 000 000	4 820 000	—
«Московия» (Moscovia)	2 750 000	—	2 750 000	—
Германия (Allemagna)	16 070 000	7 524 000	8 546 000	—
Иллирийские провинции и Ионические о-ва . .	12 030 000	16 675 000	—	4 645 000

	Ввоз в королевство Италию	Вывоз из королевства Италии	Пассив	Актив
Австрийская империя	2 650 000	21 625 000	—	18 975 000
Гельветическая республика (Швейцария)	5 910 000	15 354 000	—	9 444 000
Мальта	—	7 380 000	—	7 380 000
Вывоз и ввоз товаров в разные страны и из разных стран, по неопределенному назначению (d'incerta provenienza e destinazione)	218 143,78	589 461,09	—	371 317,31
Итого	138 067 143,78	140 724 461,09	38 158 000	40 815 317,31

Перевес вывоза из Италии над ввозом определялся, таким образом, в 2 657 317 лир 31 чентезимо.

В этой таблице не должно удивлять упоминание о торговле с Мальтой, которая являлась британским владением. Показан только *вывоз* в Мальту, причем имеются в виду лиценции, благодаря которым возможен был легальный вывоз на о. Мальту итальянских провенансов. Неизвестно, почему не показан ввоз с Мальты, тоже легализованный этими лиценциями. Едва ли потому, что его не было. Может быть, сведения, которые исчезли из графы, посвященной Мальте, попали в последнюю, неопределенную графу.

Таким образом, мы видим, что из общего оборота (т. е. суммы ввоза и вывоза) внешней торговли королевства Италии в 1812 г., выражающегося в цифре около 278 791 600 лир, на долю Французской империи (*без* Иллирийских провинций и Ионических островов) приходится больше половины — 146 634 тысячи лир. Из всего ввоза в Италию (138 067 143 лиры) на долю Франции приходится 80 294 тысячи лир, из всего вывоза (140 724 461 лира) на долю Франции приходится 66 340 тысяч лир. Эти цифры характеризуют ту теснейшую экономическую связь, в которой жили обе монархии Наполеона в течение его царствования, в особенности же в последние годы. За этим самым значительным торговым оборотом следует непосредственно

торговый оборот Иллирийских провинций и Ионических островов (28 705 тысяч лир), что выставляет экономическую связанность всех этих наполеоновских владений в еще более ярком виде.

На третьем месте по общему обороту торговли с королевством Италией должна быть поставлена Австрия (24 275 тысяч лир), факт новый и очень многозначительный, принимая во внимание как упорное стремление Наполеона разрушить былые экономические связи между Австрией и северной Италией, так и несколько кровопролитных войн между Наполеоном и Австрией, выпадающих на рассматриваемый период (причем Италия и пограничные австрийские области всегда были либо главным, либо второстепенным театром военных действий). На 2650 тысяч лир австрийского ввоза в королевство Италию приходится 21 625 тысяч лир австрийского вывоза из Италии, и итальянский баланс показывает 18 975 тысяч лир в «активе». На четвертом месте стоит Германия (23 594 тысячи лир общего торгового оборота). На пятом месте по цифре общего оборота стоит Швейцария (21 264 тысячи лир), на шестом — Неаполитанское королевство (14 562 тысячи лир), на седьмом — Левант (8820 тысяч лир общего торгового оборота), на восьмом — о. Мальта (7380 тысяч лир) и на девятом — Россия (2750 тысяч лир).

Сопоставим теперь, в заключение, показания о размерах внешней торговли королевства за те два года наполеоновского царствования, относительно которых мы осведомлены документами более или менее обстоятельно. 1810 и 1812 годы представлялись современникам *сравнительно* нормальными годами. По разным причинам подсчеты за эти два года кажутся нам вместе с тем относительно менее удаляющимися от действительности.

Ввоз в королевство Италию из разных стран характеризуется такими цифрами (в лирах) [59].

	1810 г.	1812 г.
Из Франции	63 013 000	80 294 000
» Германских стран	16 718 000	16 070 000
» Неаполитанского королевства	14 718 000	11 325 000
» Иллирийских провинций	9 901 000	12 030 000 (посчитаны вместе)
С Ионических о-ов	5 760 000	
Из Швейцарии	9 280 000	5 910 000
С Леванта	6 753 000	6 820 000
Из Церковной области	4 340 000	(присоед. к Франции)
» Голландии	4 015 000	(присоед. к Франции)
» Австрии	3 267 110	2 650 000
» России	1 631 500	2 750 000
» Испании	870 060	не показано

Если мы даже примем во внимание, что в 1812 г. и Церковная область, и Голландия вошли в состав Французской империи, то все же окажется довольно значительное увеличение французского ввоза (т. е. французских департаментов *без* Голландии и Церковной области) в 1812 г. сравнительно с 1810 г. Согласно показаниям итальянской таможни, ввоз 1810 г. (из Франции) увеличился сравнительно с 1809 г. на 21 миллион лир [60], так что мы видим непрерывный рост французского сбыта на внутреннем рынке королевства в течение последних лет наполеоновского царствования.

Ввоз из королевства Италии в главные страны, куда он направлялся, выражался в таких суммах (в лирах):

	1810 г.		1812 г.	
Во Францию	35 534 000		66 340 000	
В Германию	26 487 000		7 524 000	
» Австрию	24 970 000		21 625 000	
» Швейцарию	23 616 000		15 354 000	
» Иллирийские провинции	12 160 800	16 636 800	15 675 000	(дана лишь общая сумма)
На Ионические о-ва	4 476 000			
» Левант	5 646 000		2 000 000	
В Папские владения	4 861 700		(присоед. к Франции)	
» Неаполитанское королевство	4 104 500		3 237 000	
» Голландию	2 850 000		(присоед. к Франции)	
» Россию	—		—	
На Мальту	—		7 380 000	

Общие итоги всего вывоза из королевства Италии исчислялись для 1810 г. в 104 021 741 лиру, для 1812 г.— в 149 720 461 лиру [61].

Если мы сопоставим сведения за эти два года, то должны будем констатировать несколько весьма любопытных фактов. Прежде всего бросается в глаза значительное увеличение вывоза во Францию, даже если принять во внимание, что цифра 1812 г. должна была механически увеличиться приблизительно на 7,5 миллионов, вследствие присоединения к Империи как папских владений, так и Голландии. Зато необычайно уменьшился (более чем в три раза) вывоз в германские страны, на $1/3$ уменьшился вывоз в Швейцарию. Эти страны, гораздо более промышленные, чем королевство Италия, получали оттуда почти исключительно сырье, с вывозом которого из Италии далеко не всегда мирился Наполеон, иногда месяцами закрывавший итальянские границы для вывоза зернового хлеба, овощей, льна, пеньки, не говоря уже о шелке-сырце и шелковой пряже.

Замечается и легкое *абсолютное* уменьшение вывоза в Австрию, но все же Австрия в 1810 г. стоит на 3-м, а в 1812 г. на 2-м месте по значительности закупок итальянских товаров, и *относительное* ее значение в вывозной торговле королевства не уменьшилось, а увеличилось. Больше чем вдвое уменьшился вывоз в страны Леванта в 1812 г., сравнительно с 1810 г. Отчасти это может быть объяснено тем, что в 1810 г. лиценции не играли еще той роли в торговле по Средиземному морю, как в 1812 г., и вывоз на о. Мальту еще вовсе не фигурирует в балансе 1810 г.; а между тем, весьма вероятно, часть товаров, обозначенных в 1810 г. как вывезенные на неопределенный «Левант», попадала на ту же Мальту, откуда и шла в британские владения. Английские негоцианты и до лиценций смотрели на Мальту как на передаточный пункт, через который провенансы южных владений Наполеона могли попадать в их руки. Широкое развитие лиценций сделало возможным «легализацию» части этой торговли, и Мальта была введена в официальные подсчеты. Достойно быть отмеченным отсутствие показаний о вывозе в Россию (что касается ввоза из России, то, как мы видели, он засвидетельствован как для 1810, так и для 1812 г.) [62]. Несомненно, итальянские товары доходили до России, но проследить за ними при переходе из рук в руки, учесть истинное их происхождение и сосчитать их было крайне трудно. Сосчитать ценность русского ввоза было легче, потому что русские провенансы были слишком исключительны по природе своей (пушнина, особенно драгоценные сорта пушных шкурок, особые сорта кожи, сафьяна, которые нигде тогда не выделывались, кроме России и Польши, и т. п.). Нужно отметить еще, что в графе ввоза в 1810 г. фигурирует Испания, которая совершенно отсутствует [63] в графе вывоза за 1810 г. и в обеих графах за 1812 г.

Таковы данные за 1812 г. В 1813 г. уже было не до торговли. Упорная война кипела в центре Европы, королевство Италия подвергалось сначала угрозе, а потом и нашествию неприятеля. Паралич стал охватывать экономическую жизнь королевства. Одно за другим рушились и крупные, и мелкие коммерческие предприятия. Прекращение платежей сделалось ежедневным явлением.

Вице-король доносил Наполеону лишь о самых крупных банкротствах, с пассивом в 5 миллионов лир, 3, 2, 1½ миллиона, от полумиллиона до миллиона, реже — меньше миллиона; и к началу июня 1813 г. число таких крупнейших банкротств *только* в Милане и Венеции дошло до девятнадцати. И вице-король, с печалью донося об этом императору, отнюдь не выражал надежды на прекращение бедствий. Непосредственными причинами этих банкротств, по мнению запрошенных вице-королем торговых палат Милана и Венеции, были: 1) редкость в стране

звонкой монеты; 2) то обстоятельство, что сборщики податей секвеструют у купцов, если те не могут внести деньги немедленно, их товар, закладывают его и вносят в казначество должную сумму. Товар портится, остается непроданным и т. п.; 3) прекращение морской торговли, повлекшее неудачные спекуляции с закупкой колониальных товаров, которые затем внезапно подешевели, когда Наполеон стал выдавать лицензии и когда счастливцы, получившие такие лицензии, привезли массу этих товаров с о. Мальты [64]; 4) запрещение вывоза зерновых продуктов за границу; 5) запрещение вывоза шелка за границу (кроме Франции); 6) неаккуратная уплата правительством денег казенным поставщикам.

Жалобы не имели реальных последствий.

К концу наполеоновского царствования торгово-промышленная деятельность под влиянием войны, свирепствовавшей на полуострове, совсем почти приостановилась. Такое положение дел застали в 1814 г. австрийцы, когда окончательно оккупировали королевство [65].

Мы видим, таким образом, что в 1807—1812 гг. внешняя торговля королевства, при всех испытываемых ею препятствиях и бедах, все же не прекращалась. Она в сильнейшей степени зависела от ввоза во Францию и вывоза из Франции, но не прерывались, хоть и в гораздо меньшей степени, торговые сношения также с другими странами.

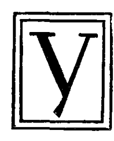
Теперь обратимся к анализу вопроса о состоянии отдельных отраслей обрабатывающей промышленности королевства в эту эпоху. Кое-что нам уже могли дать в этом отношении факты, рассмотренные в иной связи в предшествующем изложении. Но для возможно полного выяснения вопроса необходимо и специальное, систематическое его рассмотрение и привлечение новых документальных свидетельств.

Глава VIII

СОСТОЯНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА, ШЕЛКОПРЯДИЛЬНОГО И ШЕЛКОТКАЦКОГО ПРОИЗВОДСТВ В КОРОЛЕВСТВЕ ИТАЛИИ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Общее значение шелковой промышленности в экономической жизни королевства. Данные о количестве предприятий и числе рабочих в наполеоновскую эпоху. Значение вывоза шелка для внешней торговли королевства. 2. Шелководство и шелкоделие в отдельных областях королевства. 3. Политика Наполеона относительно итальянской шелковой промышленности. Поощрение вывоза шелка-сырца из Италии. Конкуренция французских шелкоделов с итальянскими. Кризис в истории шелковой промышленности при Наполеоне. Последние годы царствования

1

Уже из предшествовавшего изложения, которое имело целью представить результаты исследования общих условий экономической жизни королевства Италии и обстоятельств, при которых был распространен на Италию и проводился там декрет о континентальной блокаде, читатель мог убедиться, какую огромную роль играли шелководство и шелкоделие в рассматриваемую эпоху. Это такой яркий и бросающийся в глаза факт, который не дает о себе забыть, о чем бы ни шла речь в работе, подобной настоящей; факт, которого постоянно, по самым разнообразным поводам, касаются наши документы.

В этой главе мы постараемся дать возможно более отчетливую картину судеб шелковой промышленности в Италии в эпоху континентальной блокады.

Мы знаем, что шелкоделие было промыслом более старым на Апеннинском полуострове, чем во Франции; знаем, что лишь со второй половины XVIII столетия лионские и иные французские мануфактуры стали затмевать итальянское шелкоделие и

количественно и качественно; знаем также, что это соперничество продолжалось вплоть до революции и что, когда в эпоху революции Лион и другие центры французского шелкоделия пострадали и производство там временно пало, ломбардские шелкоделы усиленно сбывали свой товар в средней и северной Европе. Но общих подсчетов, следов попыток определить точнее размеры этого ломбардского и венецианского шелкоделия я нигде не нашел.

Зато мы располагаем документом статистического характера, касающимся как последнего года перед континентальной блокадой (1806 [1]), так и пяти следующих годов (1807—1811). Этот подсчет, найденный мной в миланском архиве и составленный в декабре 1812 г. в министерстве внутренних дел, дает сведения по таким рубрикам: 1) количество собранного за год шелка-сырца; 2) число рабочих, занятых первоначальной обработкой шелковых коконов и шелка-сырца до пряжи; 3) число прядильщиков шелка; 4) число шелковых мануфактур в королевстве; 5) число рабочих (ткачей) на этих мануфактурах; 6) сумма, вырученная шелкоделами за продажу шелковых материй как внутри страны, так и за границей. Когда я в одной из предыдущих глав говорил о рабочем классе в королевстве и его приблизительной численности, я привел, между прочим, цифры, относящиеся к прядильщикам и ткачам шелка, и пояснил, что прядильщики посчитаны как бы вне всякой связи с мануфактурами, так как и в действительности с определенными мануфактурами в качестве постоянных работающих на нее рабочих были связаны *ткачи*, но никак не прядильщики, часто *продававшие* выработанную ими пряжу, а не работавшие по определенному, наперед данному заказу. Здесь прибавлю только, что рубрика вторая возбуждает немало сомнений с точки зрения вопроса о точности приводимых в ней свидетельств. Если сосчитать прядильщиков было задачей бесконечно более трудной, чем сосчитать мануфактуры и ткачей, то определить число всех тех крестьян-шелководов, членов их семейств и сельских работников, которые производят первоначальные манипуляции над шелковым коконом *перед тем*, как шелк поступит в руки прядильщиков, было делом еще более затруднительным. Сомнительны свидетельства первой и последней рубрик: ни шелководы не отличались откровенностью при показаниях касательно количества собранного сырца, ни шелкоделы — касательно размеров своих барышей, те и другие умышленно лгали, и министерство даже не приняло в расчет цифр этих рубрик [2]. Со всеми этими оговорками печатаемые свидетельства весьма интересны; мы узнаем, как представлялись современникам колебания и перемены в судьбах шелководства и шелкоделия почти за все время существования континентальной блокады и вообще в каких приблизительно

размерах представляло себе наполеоновское правительство развитие шелководства и шелкоделия в королевстве Италии (цифры относятся *ко всему* королевству в целом).

	1806 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Число рабочих, занятых первоначальной обработкой шелка (до пряжи) . . .	70 349	70 636	70 435	67 268	64 655	56 079
Число прядильщиков шелка	44 683	44 834	46 607	43 779	37 974	32 050
Число шелковых мануфактур и фабрик	489	499	497	484	438	401
Число рабочих (ткачей) на мануфактурах	25 152	23 355	23 068	20 364	16 968	14 274
Продано было шелковых изделий (внутри страны и за границу) на сумму (в лирах) . .	14 586 100	13 458 428	12 174 974	11 480 508	10 147 344	6 288 096

О том, как было организовано шелковое производство в королевстве, сколько было рабочих в отдельных департаментах, сколько в каком департаменте приходилось в среднем рабочих на каждую мануфактуру и т. д., я уже подробно говорил во второй главе, посвященной вообще вопросу о промышленниках и рабочих королевства Италии и о преобладавших формах промышленной деятельности. Там сведения о рабочих, занятых в шелковой промышленности, вошли как необходимая составная часть в общую характеристику рабочего класса в королевстве. Здесь же нас интересует исключительно вопрос об *изменениях* в общих размерах производства и сбыта шелковых товаров в королевстве в эпоху блокады, и с этой точки зрения общее впечатление, остающееся от документа [3], заключается в том, что самое провозглашение блокады не сыграло той катастрофической роли

(в деле сбыта шелковых материй), которую приписывают этому факту другие наши документы. В 1807—1808 гг. число рабочих, число мануфактур — почти то же, что и в 1806 г.; только в 1809 г. наступает немного заметное ухудшение. В 1810 г. это ухудшение принимает довольно серьезный характер, который еще более обозначается в 1811 г., в год кризиса, отчасти захватившего Италию.

Если мы теперь зададим себе вопрос: какие именно шелковые мануфактуры особенно пострадали от кризиса 1811 г.— крупные или помельче? — то прежде всего должны будем констатировать, что перед нами не один кризис, а два: 1) 1810 г. и 2) 1811 г. В самом деле: после временного небольшого повышения, которое дают цифры, обозначающие общее количество шелкоткацких мануфактур в королевстве в 1807 и 1808 гг. (сравнительно с 1806 г.), в 1809 г. положение опять становится таким, как оно было в 1806 г.:

в 1806 г.		489 мануфактур
» 1807 »		499 »
» 1808 »		497 »
» 1809 »		484 мануфактуры

В 1810 г. наступает сразу резкое уменьшение: исчезают 44 мануфактуры, и общее число их становится 438. В 1811 г.— новый скачок вниз: вместо 438 оказывается уже 401, т. е. закрылось еще 37 мануфактур. Если перейдем к графе, где обозначено число ткачей-рабочих, то окажется, что даже и временного улучшения в 1807—1808 гг., на которое как бы намекают цифры, относящиеся к общему количеству мануфактур, не было, и число рабочих с 1806 по 1809 г. не переставало уменьшаться.

Мы видим, что в 1807—1808 гг. несколько умножилось количество мелких предприятий при общем, правда небольшом, *ухудшении* положения дел сравнительно с 1806 г. Ухудшение это еще более обозначилось в 1809 г., а в 1810—1811 гг. резкое ухудшение продолжалось [4].

В 1810 г. работало на 3396 человек меньше, чем в 1809 г.; в 1811 г.— на 2694 человека меньше, чем в 1810 г. Рассматривая соответствующие показания по департаментам, находим, что от кризиса больше всего пострадали крупные мануфактуры, т. е., точнее, те три департамента, где в среднем на мануфактуру приходилось больше рабочих. В департаменте Агоньи (среднее количество рабочих — 150 человек на каждой мануфактуре), где в 1806 г. числилось 6 тысяч человек, в 1811 г. оказалось 3500 (и в 1811 г.— столько же), а из 40 мануфактур, действовавших в 1806 г., уцелело лишь 25. В департаменте Баккильоне (среднее количество рабочих на каждой мануфактуре 136 человек) из

3 тысяч человек, бывших в 1806 г., в 1810 г. оказалось всего 800, а в 1811 г.— 400; количество же мануфактур осталось почти прежнее (в 1806 г.—22, и 1810—1811 гг.—21). В департаменте Ларио (среднее количество 125 человек) кризис разразился не в 1810 г., а в 1811 г., и от 2375 человек, работавших в 1806 г., от 2037 человек, еще оставшихся в 1810 г., в 1811 г. уцелело 1078 человек (число же мануфактур осталось тоже почти без изменений — 19—17). В департаменте Рено (среднее количество рабочих — 227 человек) из 4321 человека, бывших в 1806 г., в 1810 г. осталось 2660, а в 1811 г.— 1854 человека (количество предприятий уменьшилось с 19 до 14 в 1810 г. и 12 — в 1811 г).

Любопытно, что в тех департаментах, где шелкоткацкая промышленность вообще была представлена незначительными цифрами, кризис не ощущался сколько-нибудь резко; то же в общем можно сказать и о тех местах, где это производство было ни очень велико, ни слишком мало. Но как раз почти все наиболее крупные в интересующем нас отношении департаменты пострадали весьма чувствительно, безотносительно к тому, сколько рабочих приходилось в них на каждую мануфактуру. Кроме только что перечисленных, к этой категории относится, как было уже указано, департамент Олоны. В нем из 2940 рабочих, числившихся в 1806 г., осталось 1707 человек в 1810 г. и 1398 в 1811 г. Только в двух из этой категории наиболее важных в рассматриваемом отношении департаментов положение вещей осталось почти стационарным: в департаменте Бренты в 1806 г. было 3010 человек, в 1810—1811 гг.— 3008; в департаменте Адижа в 1806 г. было 1176, в 1809 г.— 1300, в 1810 г.— 1230, в 1811 г.— 1000 человек.

Еще более ярко вырисовывается кризис, пережитый шелководством и шелкоделием королевства в 1811 г., если обратиться к показаниям относительно внешней торговли, отбиравшимся правительством от таможенных властей.

Сырца было вывезено меньше на 438 225 килограммов (=на сумму 24 342 112 лир), нежели в 1810 г., а шелковых материй было вывезено на 5 976 785 лир меньше. Министерство финансов королевства Италии усматривало в этом грустном факте последствия экономической политики грозного «короля» Италии, который, во-первых, уничтожил морской сбыт, а во-вторых, постарался во имя интересов Франции затруднить и уменьшить торговлю королевства с Германией и Швейцарией, так что немцы и швейцарцы, не имея возможности ввозить в Италию свои товары, потеряли охоту и средства в обмен вывозить оттуда шелк [5]. Таким образом, *«главная»* статья итальянской промышленности находится в опасно-критическом положении, и единственная надежда на «лиценции его величества» [6].

Вот цифры, которые приводятся министром в подтверждение его пессимистического вывода.

Шелковых материй и разного рода изделий было вывезено из королевства за границу:

в 1807 г.	на	17	миллионов лир
» 1808 »	»	15,5	» »
» 1809 »	»	12	» »
» 1811 »	»	10	» »

(1810 г. в этом докладе почему-то пропущен).

Таким образом, дела обстоят в 1811 г. еще хуже, чем в 1809 г., хотя 1809 г. был исключительно неблагоприятен: шла война с Австрией, и Италия была одним из театров войны, передвижения войск и т. д.[7]

Итак, Наполеон подорвал торговлю Италии с Германией и Швейцарией, а тем самым и сбыт итальянских шелковых товаров на севере Европы.

Вот итоги, полученные министерством внутренних дел, желавшим установить в середине 1811 г., сколько шелка вывезено (для дальнейшей обработки) из королевства Италии в первые пять месяцев 1811 г. сравнительно с первыми пятью месяцами 1810 г. В таблице показаны *четыре* страны, куда вывозился шелк-сырец и шелковая пряжа из королевства (в килограммах).

	Январь		Февраль	
	1810 г.	1811 г.	1810 г.	1811 г.
Швейцария	59 276	12 280	55 659	16 716
Германия	31 497	8 877	40 047	22 972
Французская империя	16 829	8 906	9 815	6 211
Иллирийские провинции	34	759	439	371
Итого	107 636	30 822	105 960	46 270

	Март		Апрель		Май	
	1810 г.	1811 г.	1810 г.	1811 г.	1810 г.	1811 г.
Швейцария	65 427	44 744	42 721	26 698	55 629	19 845
Германия	60 450	30 433	28 536	29 157	35 977	20 701
Французская империя	12 001	4 101	4 206	3 028	3 364	2 967
Иллирийские провинции	65	253		87	573	42
Итого	137 943	79 531	75 610	58 970	95 543	43 555

Всего было вывезено из Италии за первые пять месяцев:

1810 г.	522 692 кг
1811 г.	259 148 »[8]

Сравнивать ли 1811 г. с 1810 г. или с 1812 г., все равно вывод будет один: 1811 год был явно годом исключительно неблагоприятным для итальянской шелковой промышленности. Кризис, свирепствовавший в Империи, коснулся (и довольно чувствительно) также второй монархии Наполеона — королевства Италии, особенно в области этого производства. Вот в каких цифрах рисуются нам опустошения, произведенные кризисом 1811 г. в области шелкоделия и шелководства, точнее — в области экспортной торговли шелком-сырцом и шелковой пряжей (простой и крашеной),— для этого достаточно сопоставить уже не первые пять месяцев, но *весь* 1811 г. с другим, более или менее нормальным — 1812 г.[9]

Было вывезено из королевства Италии за границу:

	весом (в килограммах)	стоимостью (в лирах)
1811 г.	654 833	30 764 966
1812 г.	927 397	46 015 993

Документ, дополняющий наши сведения как раз относительно 1811 и 1812 гг., вообще дает нам некоторые детали, которых напрасно мы стали бы искать в других рукописях, раньше цитированных и относящихся к предшествующим годам. Рассмотрим его.

Этот документ дает представление об общих размерах вывозной торговли королевства Италии как в области шелководства, так и в области шелкопрядильного производства. Мы узнаем данные относительно итальянского вывоза 1) в Швейцарию, 2) в Германию (Germania, под которой в Италии понимались государства Рейнского союза, Вестфальское королевство, Пруссия, Саксония), 3) во Французскую империю и 4) в Иллирийские провинции. Почему Иллирийские провинции показаны отдельно от Французской империи, в состав которой они входили, это понять легко: географически королевство Италия отделяло Империю от этих провинций, и таможни на итало-французской и итало-иллирийской границах давали министерству финансов совершенно отдельные, самостоятельные показания. Для нас это тем любопытнее, что дает возможность еще с одной весьма существенной стороны подойти к вопросу о значении завоевания Наполеоном Иллирии и для экономической жизни королевства Италии.

Вот главные показания, которые дает нам этот официальный документ, составленный главным таможенным управлением королевства [10]. Вывезено из Италии в 1812 г. (в килограммах):

	Шелка-сырца	Шелковой пряжи	Шелка, окрашенного в нитях	Шелка, окрашенного в пасмах
В Швейцарию	315	159 653	1155	—
» Германию	4 697	170 092	88 702	512
Во Французскую империю . . .	70 797	264 978	3 451	—
В Иллирийские провинции . . .	87 245	75 021	613	166

В *общем же* шелка-сырца и шелковой пряжи указанных категорий *вместе* было в 1812 г. вывезено из Италии:

	Весом (в килограммах)	Ценностью (в лирах)
В Швейцарию	161 123	8 068 592
» Германию	264 003	14 357 569
Во Французскую империю	339 226	16 299 516
В Иллирийские провинции	163 045	7 290 316
Итого	927 397	46 015 993

Мы видим, что при всех усилиях Наполеона предоставить как шелк-сырец, так и шелковую пряжу, вырабатываемую в королевстве, в монопольное пользование французских мануфактур, это удалось ему не всецело: Швейцария и Германия (вместе) [11] вывозят из Италии в 1812 г. *больше* сырца и пряжи, чем Французская империя (без Иллирийских провинций). Мы видим также, какое колоссальное, совсем несоизмеримое с общим своим «удельным весом» значение для итальянского шелкоделия и шелководства получила только что присоединенная к Империи Иллирия; конечно, это объясняется не потребностями бедного и редкого населения этой страны, но тем простым обстоятельством, что через Иллирию шелк перевозился... в английскую Мальту и перевозился как лиценциатами, о которых говорит наш документ [12], так и контрабандистами, о которых он молчит, но которые чувствовали себя весьма привольно у диких иллирийских берегов. С Мальты этот драгоцен-

ный, происходивший почти исключительно из наполеоновских владений товар отправлялся в Англию, в лондонские, манчестерские и иные шелкоткацкие мануфактуры для дальнейшей обработки.

Эти отдельные разнохарактерные цифровые показания, по которым мы пытаемся определить хоть приблизительно размеры шелкового производства в королевстве, закончим данными общей сводки торгового баланса. Огромная роль шелководства и шелкоделия в вывозной торговле королевства выяснится для нас вполне наглядно.

Шелководство и шелкоделие подсчитывались нераздельно в торговых балансах королевства Италии. Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении документы, относящиеся к 1809, 1810 и 1812 гг., мы находим следующие показания, касающиеся ввоза и вывоза шелка-сырца, шелковой пряжи и шелковых материй вместе (в лирах, чентезимо отброшены):

	Ввоз в Италию	Вывоз из Италии	Актив Италии
В 1809 г.	2 570 618	55 840 195	53 269 576
» 1810 »	3 201 351	76 937 318	73 735 966
» 1812 »	3 765 480	59 382 502	55 617 021

Из пояснений, которыми авторы баланса 1812 г. снабдили составленный ими документ, мы видим то, что, впрочем, понято уже из всего вышеизложенного: ввоз в Италию ограничивается сработанными тканями и шелковой пряжей, а вывозится из Италии шелк-сырец, чесаный и размотанный шелк, шелковая пряжа и тоже шелковые материи. Соединение всех этих разнородных предметов в одну графу не дает нам возможности из самого документа точнее определить, какова сумма вывоза сырца и вывоза шелковых мануфактуратов. В этом нам могут помочь, но лишь отчасти: 1) другие пояснения того же документа, касающиеся отдельных стран, куда ввозятся и откуда вывозятся шелк и шелковые мануфактураты; 2) те общие сведения, которые у нас имеются благодаря другим документам, относящимся к шелковому производству (о них речь отчасти уже была выше). Почти весь ввоз в Италию шелкового товара шел из двух мест: из Франции (на 2490 тысяч лир) и из Германии (на 1260 тысяч лир) [13]. Значит, на долю этих стран вместе приходится 3750 тысяч лир из 3 765 480 лир. Мы знаем из других документов, что как из Франции, так и подавно из германских стран в королевство Италию никогда шелк-сырец *не* ввозился, так же как из Франции *почти* никогда, а из Германии, кроме того, никогда не ввозилась и шелковая пряжа. Следовательно, ввозились в Италию (почти на всю сумму ввоза) только шелковые материи и изделия из шелковых материй.

Обратимся теперь к странам, куда направлялся итальянский экспорт. Вывезено было шелка и шелковых товаров из королевства Италии в 1812 г.:

во Францию	на	16 870 000 лир
в Иллирийские провинции	»	1 775 000 »
» Австрийскую империю	»	13 380 000 »
» Германию	»	10 950 000 »
» Швейцарию	»	8 980 000 »
на Мальту «с лиценциями»	»	7 380 000 »

Это в общей сложности и составит почти весь показанный выше итог вывоза (59 382 502 франка). Всматриваясь в эти цифры, мы на основании замечаний и показаний других документов можем, без риска ошибиться, признать, что во Францию и в Швейцарию вывозился, вероятно, большей частью лишь шелк-сырец, чесаный шелк и шелковая пряжа, так как в этих странах существовало самостоятельное и очень активное шелкоделие; в Иллирийские провинции (а оттуда в страны Леванта) вывозились, несомненно, также шелковые материи; в Австрию — и сырец и материи, так как там шелкоделие было еще не на особенно высоком уровне; что касается Германии, то нужно различать отдельные страны, объединенные под этим неопределенным названием (Allemagna, или Germania). Такая «Германия», как Саксония, Вестфальское королевство, отчасти Пруссия, могла более желать ввоза сырца и пряжи, а такая «Германия», как Бавария или Баден, или Вюртемберг, нуждалась в готовых материях; наконец, не следует забывать, что через Германию же шел экспорт в страны восточной и северной Европы — в Россию (здесь *не* показанную), в Польшу, в скандинавские державы [14].

Наконец, что касается британской Мальты, торговля с которой (по крайней мере легальная) была возможна исключительно через посредство «лиценциатных» купцов и судохозяев [15], то сюда могли сбываться и шелковые материи, и шелк-сырец с шелковой пряжей. Англия и английские владения, быть может, покупали и то, и другое. Но у нас есть некоторые основания предполагать, что Англия (Соединенное королевство *без колоний*) больше скупала сырец и пряжу, чем шелковые материи. Документы, которыми я пользовался, когда в I томе этого исследования анализировал состояние шелкоделия во Франции в эпоху блокады, говорят совершенно ясно, что французские лиценциаты сплошь и рядом выбрасывали в море те шелковые материи, которые обязывались сбыть на основании правил о лиценциях, так как *все равно,* жаловались они, *англичане не пропускают к себе этого товара.* (Привезти же обратно эти материи было нельзя, не подвергаясь риску конфискации всего

привезенного колониального сырья и других ценностей, да еще и судебного преследования за мошенничество). Но если англичане не пропускали французских шелковых материй, то почему бы они стали пропускать тот же товар из другой наполеоновской державы, из королевства Италии? А в шелке-сырце и шелковой пряже они нуждались чрезвычайно, так как шелкоделие у них существовало, нужных же сортов шелка-сырца нигде, кроме Италии и южной Франции, раздобыть было невозможно.

Эти общие подсчеты, которыми я заканчиваю *цифровую* характеристику итальянского шелкоделия и шелководства, даваемую документами, представляют глубокий интерес. Дополняю сказанное одним важным указанием, которое находим не в разобранном документе, а в другом, и которое относится к 1810 г., но, конечно, проливает свет и на предшествующие и на последующие годы.

Мы только что видели, что в 1810 г. из королевства за границу было вывезено шелка-сырца и шелковых фабрикатов на сумму 76 937 318 лир. Оказывается из пояснительных подсчетов министерства [16], что эта сумма составилась из двух слагаемых:

шелковых метерий и изделий всякого рода (manifatture di seta) было вывезено . . .	на 15 734 340 лир 73 чентезимо
шелка-сырца	» 61 202 977 » 95 »

Таким образом, блестящий перевес вывоза над ввозом по этой *общей* (IV) статье баланса (sete, loro attinenze e manifatture), перевес, выражающийся в сумме 73 735 966 франков, главным образом должен быть отнесен на счет шелководства, а не шелкоделия.

Ни до, ни после 1810 г. в королевстве за всю эту эпоху в области шелкоделия не произошло никаких резких (и вообще уследимых) изменений в смысле техники и т. п. Следовательно, можно признать, что и в другие годы шелка-сырца вывозилось на сумму в несколько раз большую, чем шелковых фабрикатов. В 1810 г. это соотношение, как видим, было равно 4 : 1.

2

От этих общих подсчетов и цифровых данных обратимся к характеристикам, замечаниям, наблюдениям очевидцев-современников. Постараемся прежде всего определить, в каких областях королевства шелководство и шелкоделие были более распространены, каковы были общие условия сбыта.

В главе, где речь шла о рабочих вообще и где мы пытались установить средние размеры предприятий в разных производ-

ствах, уже было указано, что шелкопрядильное дело в королевстве почти целиком сосредоточивалось в семи департаментах: Серио (гл. гор. Бергамо), Адижа (гл. гор. Верона), Пассариано, Верхнего Адижа (гл. гор. Триент), Баккильоне (гл. гор. Виченца), Меллы (гл. гор. Брешиа), Ларио (гл. гор. Комо) и Рено (гл. гор. Болонья). Мы видели, что из общего количества шелкопрядильщиков королевства (44 683 человека) подавляющее большинство (42 933 человека) живут в этих семи департаментах. Там же было указано, что и шелкоткацкое дело тоже сосредоточивается лишь в семи департаментах (из 23, которые вообще показаны в подсчетах 1806 г.),— именно, в департаментах: Агоньи (гл. гор. Новара), Рено (гл. гор. Болонья), Бренты (гл. гор. Падуя), Баккильоне (гл. гор. Виченца), Олоны (гл. гор. Милан), Ларио (гл. гор. Комо) и Адижа (гл. гор. Верона). В этих департаментах числятся 22 822 ткача из 25 152, которые вообще насчитывались в 1806 г. в королевстве.

Гораздо неопределеннее данные о шелководстве, но и о нем иной раз даются сведения, претендующие на точность.

Помня только что приведенные цифровые данные, посмотрим, какие дополнительные сведения можно почерпнуть относительно шелководства и шелкоделия из показаний очевидцев, посетивших и изучавших Италию, и из иных документов.

Около 1805—1806 гг. средний годовой выход шелковых коконов в королевстве Италии измерялся 10 миллионами фунтов веса. Но по всем отзывам и по прямым и по косвенным свидетельствам, общие качества шелка, производимого королевством Италией, уступали качествам шелка пьемонтского. Это было до такой степени ясно, что стоило где-либо в королевстве завестись шелковому производству сколько-нибудь высокого типа, чтобы тотчас обнаружились попытки промыслить хоть немного пьемонтского шелка. В области Виджевано в западном углу королевства (тогда еще «республики») Италии в первые годы наполеоновского владычества процветала выделка шелковых черных и разноцветных платков, причем работали на вывоз, преимущественно в германские страны. Как раз такого рода изделия не вырабатывались в Лионе, так что товар «имел бы очень большой сбыт во Франции, если бы благоприятствовали его ввозу» [17]. Но в том-то и дело, что ввозу шелковых мануфактуратов из Италии во Францию Наполеон не только никогда не благоприятствовал, но всеми мерами старался ему помешать.

Шелкоделы этой области очень стремились запастись именно пьемонтским, а не своим «домашним» шелком, но пришлось в конце концов отказаться от этого намерения вследствие мер, принятых императором, который не довольствуясь высокой пошлиной, которой он обложил *вывоз* шелка-сырца из Пьемонта (как сказано, 3—4 франка за килограмм), наложил еще на

ввоз его в Италию пошлину в 20 франков за *фунт,* что в корне уничтожало возможность пользоваться им в Италии [18].

Чуть ли не больше всего шелка-сырца добывалось в департаменте Меллы (гл. гор. Брешиа); в 1806 г. годовой сбор шелка-сырца здесь исчислялся в 500 тысяч фунтов. Этот шелк подвергается первоначальной обработке (кручению и пряже) и затем почти весь вывозится в Германию, а *оттуда в Англию* [19], в департаменте же остается на нужды собственного шелкоделия всего 14 тысяч фунтов. Шелкопрядильни департамента дают работу 2542 рабочим [20], а ценность этого вывоза равна почти 7 миллионам лир в год [21]. Что же касается *шелкоткацких* мануфактур, то здесь их ничтожное количество: в общем над выделкой шелковых тканей в департаменте работают всего 80 станков и вырабатывают товара на 300 тысяч лир в год; шелковые чулки изготовляются 36 станками на 100 тысяч лир в год, шелковые ткани на 106 тысяч лир в год. Таким образом, мы видим тут подтверждение факта, что шелкоткацкое дело бывало мало связано территориально с шелководством и с шелкопрядением.

Шелк-сырец добывается и департаментом Верхнего По (гл. гор. Кремона), но он не обрабатывается на местах, а полностью вывозится из департамента в королевство и за границу (особенно в Тоскану и Геную) [22]. Шелководство в области Реджио (в департаменте Кростоло) давало около 1805—1807 гг. до 30 тысяч фунтов ежегодно, и почти все это количество вывозилось из департамента [23].

Что касается департамента Панаро (гл. гор. Модена), то шелководство ему давало в первые годы наполеоновского владычества около 30 тысяч фунтов шелка-сырца, который почти весь и вывозился без предварительной обработки из пределов департамента. Во всем департаменте существовало всего пять мастерских для размота коконов и сучения шелка [24].

В департаменте Рено (гл. гор. Болонья) шелка-сырца собирали ежегодно до 443 тысяч фунтов [25], и англичане вплоть до самого времени провозглашения континентальной блокады умудрялись скупать очень много болонского сырца [26]. В изобилии давала шелк часть Романьи, отторгнутая в свое время Наполеоном от Церковной области и присоединенная к Итальянской республике. Этот шелк не обрабатывался на месте, но вывозился в Болонью и Болонскую область, и много шло в Тоскану; вывозился этот романский шелк также (через порт Анкону) по морю за границу [27]: можно с большой уверенностью предполагать, основываясь на показаниях других документов, что этот анконский вывоз попадал, отчасти, если не целиком, на Мальту. Англичане не переставали деятельно скупать весь шелк-сырец, какой только они в состоянии были заполучить. Цена этого романского шелка была около 16—17 франков фунт, а вывозная

пошлина, которая платилась при экспорте из королевства, равна была еще в 1806 г. 1 франку за фунт. Производит в большом количестве, но не обрабатывает шелка также и департамент Нижнего По (бывшие герцогства Феррара и Ровиго): оттуда вывозится шелка до 2 тысяч квинталов ежегодно [28].

Шелкоделие в департаменте Ларио (гл. гор. Комо) весьма развито; более или менее крупных прядилен насчитывается до 48. Здесь работают не только шелкопрядильни, но и шелкоткацкие мастерские. Шелковая *пряжа* и крученый шелк, а также и шелк-сырец вывозятся отсюда в Швейцарию, Германию, Францию, Австрию и *Англию* (sic!) [29]. Речь идет, очевидно, о том, что не могло делаться по строгой точности закона, но делалось в действительности накануне провозглашения континентальной блокады. Шелка-сырца департамент производит до 195 тысяч фунтов, а фунт стоит здесь в продаже 23—25 лир. Только часть этого шелка обрабатывается на месте, остальное вывозится [30]. Шелкопрядильщиков в департаменте числится 1545 человек, ткачей — 2375 человек, работающих на 19 мануфактурах.

Шелковые *материи,* выделывавшиеся в этом департаменте Ларио (область Комо) вывозились в германские страны и в Россию, «где они очень ценились». Весь этот сбыт шел *только* через посредство ярмарок во Франкфурте и Лейпциге. Работало в департаменте до 920 шелкоткацких станков, вырабатывавших ежегодно 9600 штук шелковой материи по 50 локтей каждая. По уверению нашего документа, все это и продавалось в Лейпциге и Франкфурте и давало департаменту 3 миллиона лир ежегодно [31].

Миланские шелковые мануфактуры славились в королевстве не меньше, чем мануфактуры Комо; особенно хороши были цветные шелка миланского производства. Вывоз из Милана за границу был очень велик. Товар отсюда тоже больше всего направлялся в германские страны и в Россию, и лейпцигская и франкфуртская ярмарки были для миланских шелков тоже непременным передаточным пунктом; в Россию шло особенно много атласных материй из Милана. Красящие вещества получались миланскими мануфактурами из Триеста, конечно, лишь до той поры, пока Триест не попал в руки Наполеона и не лишился прежнего подвоза по морю из английских колоний, из Америки и из Египта (из Египта доставлялся шафран) [32]. Миланское шелковое производство при всей своей общей значительности все разбросано по множеству мелких мастерских. К более крупным можно отнести лишь очень немногие. Самой большой в Милане считалась шелковая мануфактура *Orsa* и *Pensa,* где числилось до Наполеона 600 станков, а к 1806 г. осталось всего 160; эта мануфактура потребляла ежегодно

до 40 тысяч фунтов шелка (фунт шелка-сырца стоил в Милане в 1806 г. 15 лир); но ни одного предприятия, которое бы приближалось к этому по своим размерам, документ не называет. Он говорит еще о мануфактуре Пикколи, имеющей 36 станков и потребляющей ежегодно 9 тысяч фунтов шелка, еще о двух мануфактурах, из которых на каждой работает по 25 станков и потребляется 7—8 тысяч фунтов, а затем ограничивается указанием, что существуют еще «маленькие незначительные фабрики по несколько станков» каждая, причем самые эти станки «разбросаны» по городу, по домам работающих. В Милане есть еще большое количество станков для выделки шелковых чулок, но и эти станки разбросаны по жилищам ремесленников [33]. И при всем этом отсутствии крупных мануфактур Милан ежегодно вывозит за границу на *20 миллионов лир* шелковых товаров [34]. Но в эту цифру входит также стоимость шелковых товаров, скупаемых миланскими экспортерами в разных частях королевства.

Во всем этом «департаменте Олоны» числилось в 1806 г. 2950 ткачей, работавших на 105 мануфактурах. Что же касается шелкоделия, то здесь оно было ничтожно развито (во всем департаменте числилось всего 222 шелкопрядильщика).

Болонская область производила шелк-сырец среднего качества, и стоил он (в 1806 г.) около 20 франков фунт [35]. Его вывозилось отсюда всего 6 тысяч фунтов, на 120 тысяч франков в год. Весь остальной сбор шелка поступал в местную обработку [36]. Привозится шелк-сырец в Болонью и из других частей королевства.

Шелковое производство вообще было старинным промыслом в Болонье и всей Болонской области. Специальностью была выделка шелкового крепа, вуалей из шелкового газа. В течение долгого времени Болонья не знала соперников во всей Европе в этой отрасли шелкового производства, и в особенности много этого товара сбывалось во Францию. Но сделки с Францией прекратились с тех пор, как лионские мануфактуры научились делать газовый креп (это случилось еще во второй половине XVIII в.), а в особенности с начала наполеоновской эпохи, когда высокие пошлины на привозной шелк сплошь и рядом расстраивали сделки между французскими купцами и болонскими промышленниками.

Пока морская торговля была свободна для многочисленных флагов отдельных держав Апеннинского полуострова, шелковые материи и газы Болоньи сбывались также в странах Леванта; туда вывозилось ежегодно до 14 тысяч фунтов этого товара; этот вывоз, конечно, сильно сократился, но все-таки еще в 1805—1806 гг. в страны Леванта вывозилось из Болоньи шелкового товара на 50—60 тыс. лир ежегодно [37]. Эти разнохарактерные оценки, сплошь и рядом даваемые нашими документами, одни

раз — в мерах веса, другой раз — в денежных единицах, очень затрудняют всякие сравнения. Мы не знаем и не можем высчитать, какова была ценность 14 тысяч фунтов разнообразных шелковых товаров, а потому и не можем точно сказать, насколько сократился левантинский вывоз под влиянием сокращения морской торговли. Во всяком случае вывоз из Болоньи в страны Леванта был значительнее вывоза в какое бы то ни было иное место из этого города. В 1806 г. в Болонье и прилегающем к ней департаменте работало по официальным исчислениям 1203 прядильщика шелка и существовало 19 шелкоткацких мануфактур, на которых работало 4321 человек.

Производством шелкового крепа в г. Болонье еще в 1806 г. занимались 13 мануфактур. Вывозилось из Болоньи крепа на продажу в другие департаменты королевства и за границу 50 тысяч штук ежегодно, на сумму в 2,2 миллиона франков; шелковой пряжи вывозилось 20 тысяч фунтов, стоимостью в 500 тысяч франков, шелковых материй — на 200 тысяч франков [38].

Несмотря на то, что Лион уже давно научился изготовлять шелковый креп, Болонья еще и при Наполеоне продолжала вывозить этот товар во Францию. Пошлина, которую при этом взыскивали французские таможни, была огромна и для некоторых сортов доходила до 50% ad valorem. Ходатайства болонцев перед Наполеоном об уменьшении этой пошлины увенчались неожиданным успехом: император уменьшил ее на $^2/_3$, с прежних 18— до 6 франков за штуку [39]. Эта редкая милость, объясняемая отчасти соображением о предстоявшем общем торговом договоре с Италией и введении половинных пошлин, однако, не приводила к желанным результатам: дело в том, что император повелел, чтобы этот товар провозился во Францию *исключительно* через одну лишь таможню в Верчелли. Подобные ограничения были очень в духе времени и встречались беспрестанно: сложность, изменчивость и пестрота таможенного законодательства были таковы, что для правительства представлялось технически более удобным подобное приурочение определенного импорта к определенной таможне; с другой стороны, иногда тут играли роль и те или иные экономические соображения. Так или иначе, болонцы со времени присоединения Пармы к Французской империи попали в очень тяжелое положение: вместо того, чтобы провозить товар в таможню, которая была совсем от них близка, они должны были не только везти свой креп в далекое Верчелли, но еще и оказывались отрезанными от прямой дороги в Милан и принуждены были пользоваться далеким объездом через Мантую. Дело доходило до полной нелепости: чтобы провезти креп, например, в самую Парму, где этот сбыт тоже с давних пор был велик, болонцы, для которых Парма была в ближайшем, непосредственном соседстве, должны были объез-

жать все королевство, чтобы через Мантую, Милан, «роковое» Верчелли, Алессандрию и Пьяченцу въехать в Парму, т. е. вместо 20 лье пути делать 150! [40]

Специальная мануфактура шелкового крепа существовала еще в Модене; создалась она лет за двадцать до Наполеона. Там работало во времена Наполеона 80 станков, занято было 200 рабочих и вырабатывалась в год тысяча кусков материи; товар этот главным образом направлялся в страны Леванта. В обработку поступал почти исключительно местный шелк-сырец. Была в Модене еще одна небольшая мануфактура шелковых материй и лент [41].

В области Трентино шелководство и шелкоделие долго не были особенно заметны, так как Триент и вся прилегающая территория, образовавшая, по повелению Наполеона, департамент Верхнего Адижа, занимались до французского завоевания главным образом разведением и обработкой табака и продажей табачных изделий не только на местах, но и за границу. Это было очень существенной статьей в бюджете местного населения [42], но после завоевания и введения там действовавшей в королевстве системы табачной монополии эта отрасль промышленности была подрезана в корне. И только тогда здесь несколько более заметными оказались шелководство и шелкоделие. Департамент производил в эпоху Наполеона ежегодно около ста тысяч фунтов шелка-сырца, из которых вырабатывалось около сорока тысяч фунтов шелковой пряжи и трощеного шелка. Шелкопрядением занималось главным образом население Триента, Кадине, Кальяно, Ровередо и Мори; в общем в департаменте числилось 25 шелкопрядильных предприятий, работало же на них ежедневно 2500 человек. Этот стародавний местный промысел влачил в интересующую нас эпоху довольно жалкое существование. Современники приписывали это обстоятельство трудности сбыта, непосильной для департамента конкуренции с пьемонтским и бергамасским производством, а также конкуренции соседней Швейцарии [43].

Но если в Триенте и Триентской области сохранилось хоть и в довльно скудном виде шелкопрядильное производство, то шелкоткацкое исчезло почти без следа. Я должен заметить, что документы говорят о выделке шелковых материй и шелковых товаров как о явлении давно прошедшем: когда Триент был одним из полусамостоятельных церковновладельческих центров, когда там у епископа был пышный двор, существовали и мануфактуры, выделывавшие шелковый бархат, дамасскую ткань, шелковые чулки и береты потому, что князья церкви живали роскошно и «Триент был маленьким Римом» [44]. Еще до Наполеона эти условия былого процветания изменились; завоевание же Триентской области Наполеоном нанесло данной отрас-

ли промышленности окончательный удар: в Австрию вывозить бархат нельзя вследствие запретительных пошлин, установленных австрийским правительством; в королевство Италию, к которому вся эта область была присоединена, тоже ввозить подобные товары не стоит вследствие могущественной конкуренции со стороны французского ввоза. Таким образом, наблюдатели признавали положение шелкоткацкого дела в завоеванном Тироле безнадежным [45]. Есть, по их словам, и еще одна причина, окончательно убивающая шелковое и бархатное производство в итальянском Тироле: это — почти полное отсутствие красилен [46]. Правда, на бумаге числится восемь красилен в Триенте, три в Роверeдо, три в Больцано, четыре в других коммунах области, но на самом деле все эти заведения погибают. Некогда сюда доставлялись для окраски не только туземные шелковые и бархатные материи, но даже из Неаполя и из Церковной области; теперь же, при Наполеоне, эти заведения осуждены на почти полное бездействие из-за необычайной дороговизны и недоступности нужного сырья, т. е. красящих веществ [47]. Мы уже знаем из I тома «Континентальной блокады», до какой степени губительно сказалась блокада на красильном деле во Франции; такие же последствия она имела и для Италии. Подвоз индиго и других колониальных красящих веществ стал невозможным; опыты с вайдой и другими суррогатами не приводили к ощутительному результату. Дольше других пыталась еще бороться с неизбежной судьбой большая красильня некоего Ланги в Роверeдо: она красила беленые бумажные материи. Когда же область отошла к королевству Италии и на нее был распространен давно уже действовавший в Италии декрет о воспрещении ввозить какие бы то ни было бумажные материи из-за границы, то и эта красильня лишилась всякого смысла существования [48].

В присоединенной к королевству Италии области Модены ни шелкоделие, ни шелководство не были распространены.

Так, уже к 1806 г. шелковое производство в Реджио (и во всем департаменте Кростоло) совершенно пало, хотя прежде оно процветало в этих местах и самые богатые обыватели департамента именно шелкоделию и были обязаны своим состоянием [49].

Были такие места, где шелк-сырец добывался в изобилии, но где не умели его даже прясть и сучить, а так, совсем сырьем, и вывозили в соседние департаменты и за границу. К таким областям относилась Романья, отнятая Наполеоном у папы [50].

Так в общем обстояло дело в первые годы царствования Наполеона.

Французский наблюдатель еще в 1806 г. с прискорбием усматривал в итальянской шелковой промышленности опасного

конкурента в борьбе прежде всего за внутренний итальянский рынок. В городах Милане, Виджевано, Комо, Бергамо, Брешии, Вероне, Виченце, в Венецианской области он констатирует наличность мануфактур, выделывающих разные сорта шелковых материй, атласа, тафты, бархата, шелковых платков и т. д. По своим качествам все эти материи не могли равняться с лионскими выделками, и, однако, еще в первые годы наполеоновского царствования французская шелковая промышленность *с трудом боролась* против туземной на итальянском рынке [51]. Причин этого явления французы указывали несколько. Прежде всего, по их мнению, итальянцы, не неся никаких расходов, пользуются разными французскими изобретениями и усовершенствованиями, новыми рисунками, появляющимися в Лионе и Париже, а расходы французских промышленников по этой части — значительны. Далее, итальянцы располагают сырьем в таком изобилии, что уже это одно удешевляет их шелковое производство, сравнительно с французским, на 12—15%. Наконец, появляясь на внутреннем рынке, итальянские шелковые материи, естественно, не отягчены никакими ввозными пошлинами, тогда как оплата этими пошлинами французских шелковых материй при ввозе в Италию удорожает их в среднем на 25% их стоимости; что же касается златотканых и сребротканых шелковых материй, то пошлина, наложенная на них, удорожает их на 12%. Накладные расходы по упаковке и транспорту определяются в 4% стоимости; так что в среднем наш документ определяет вздорожание французских шелковых материй, вывезенных на итальянский рынок, приблизительно в 30% против их первоначальной стоимости. При этом он, очевидно, имеет в виду исключительно лионские (или лионские и парижские) шелка, так как перевозка из Нима или Генуи, или Авиньона должна была бы быть дешевле вследствие их близости к Италии; между тем в этом же документе все эти южные города Империи тоже поминаются как места, производящие шелковый товар на вывоз в Италию [52]. Во всяком случае разница в расстояниях особенно большой роли в данном случае не играла.

Итак, еще в 1806 г. итальянская шелковая промышленность оказывается довольно хорошо защищенной от единственно возможной (в этой области) конкуренции. Но именно поэтому французские агенты были решительно недовольны положением вещей. Борьба за понижение тарифа была ими поставлена на очередь дня. Курьезно, что они не стесняются в официальном докладе указывать на контрабандный ввоз в Италию как на естественный и полезный для Франции корректив, избавляющий французские шелковые материи от слишком отяготительной пошлины. Только на этот корректив (благодаря которому

часть французского ввоза может быть пущена в продажу не по очень доргой цене), да еще на «хороший вкус» потребителей и возлагается при этом все упование [53]. Весь пассаж необычайно характерен, если принять во внимание, с какой свирепостью преследовало наполеоновское правительство всякую контрабанду, направляющуюся во Францию.

Лионские фабриканты живейшим образом просили об уменьшении этой ввозной пошлины и жаловались при этом, что при настоящем положении вещей королевство Италия закупает у них мало и больше затем, чтобы по лионским образчикам «копировать» эти материи в туземных мануфактурах. Но с французской же стороны констатировалось, что «жалобы лионских фабрикантов немного преувеличены», ибо все-таки французский ввоз производится в больших размерах и общее количество французских шелковых материй, отправляемых ежегодно в королевство Италию, определяется цифрой во всяком случае более чем в 2 тысячи квинталов веса. Эта цифра 2 тысячи квинталов дается статистикой, собранной только в г. Турине, через который шла в Италию *«большая часть»* французских шелковых товаров; были и другие передаточные пункты помимо Турина.

Но французским промышленникам всего этого казалось недостаточно; и в императоре они нашли могущественнейшего союзника.

3

Нужно сказать, что как раз, когда во Франции шелкоделы просили о новых льготах и мечтали вполне завоевать итальянский рынок, в королевстве обнаруживалось желание, напротив, оградить отечественную промышленность от могущественной французской конкуренции.

Итальянский министр финансов подумывал о желательности возвышения таможенных ставок на разные сорта шелковых материй, ввозимых из Франции в Италию. Он имел в виду при этом и интересы итальянского фиска, и потребности самостоятельного развития шелкоделия в королевстве. Первые интересы еще могли привлечь внимание Наполеона, вторые — очень мало.

Вот в каких размерах министр считал в 1806 г. возможным увеличить таможенный сбор с различных сортов шелковых материй:

для обложенных 10 франками 57 сантимами за килограмм повысить пошлину до 15 франков, а для некоторых даже до 18 франков;

для	обложенных	14 франками	09 сантимами	повысить	до	20—25	франков
»	»	4 »	24 »	»	»	8—10	»
»	»	1 франком	77 »	»	»	4—6	»

Что касается позументов и шелковых лент, то проектировались такие повышения ставок (во франках и сантимах):

для	обложенных	7,05 (за кг)	повышение	до	10
»	»	3,53 » »	»	»	5
»	»	1,07 » »	§	‹	2
»	»	1,77 « »	»	»	3
»	»	35 (за квинтал)	»	»	50—60—75 (за квинтал)

Все это, конечно, осталось в области предположений и мечтаний; добиться у Наполеона проведения подобных мероприятий, направленных впользу итальянских промышленников против французских, было совершенно немыслимо [54]. Французские докладчики иронически привели в этой сравнительной таблице справку, из которой явствовало, что даже австрийский император взимает за некоторые сорта французских шелковых товаров меньшие пошлины, чем те, которые предполагает взимать итальянский министр.

Франция производила не только гораздо лучшие по качеству шелковые черные и цветные ткани, но и целый ряд изделий из шелковых материй — чулки, ленты и т. п. Весь этот товар мог бы уже с первых лет наполеоновского владычества сбываться в Италии, не встречая серьезной конкуренции, но мешали ввозные пошлины королевства. В среднем этот товар был обложен пошлиной от 9 до 13 франков за фунт. Эта пошлина признавалась еще сносной для очень дорогих товаров, но совсем нестерпимой для материи средней цены, а между тем небогатый итальянский покупатель был заинтересован именно в снабжении не особенно дорогими товарами. Дешевый бумажный бархат, стоивший 4—5 франков локоть, был обложен при ввозе в Италию пошлиной, доходившей до 30% стоимости [55]. Торговый договор Империи с Италией, установивший для французских товаров *половинные* пошлины, разрешил целый ряд подобных вопросов к полной выгоде для Франции.

Могла ли Италия найти некоторую компенсацию в открывающейся возможности сбыта в странах Леванта — через вновь завоеванные Наполеоном Иллирийские провинции? Нет, по мнению итальянских властей: этот рынок захвачен французскими фабрикантами, которые обогащаются за счет Италии и губят итальянскую промышленность [56]. Может быть, это было и так; мы видели во всяком случае, по данным торгового баланса, что Италия сбывала туда очень много *шелка-сырца* и *шелковых материй*, но в своем месте уже было замечено, что главной статьей этого ввоза в Иллирию был, вероятно, шелк-сырец (для англичан, которые вели оживленную контрабандную торговлю с Иллирией); только что цитированный документ подтверждает эту гипотезу.

Наполеон поставил себе целью: 1) возможно более облегчить французским промышленникам получение дешевого сырца из королевства Италии и 2) широко раскрыть двери для ввоза в Италию французских шелковых товаров.

По тарифу 22 декабря 1803 г. *вывозная* пошлина за один фунт среднего итальянского шелка была равна 76 чентезимо, а декретом 2 августа 1810 г. Наполеон повысил ее до 2 лир [57]. Цена фунта шелка в 1811 г. в Италии была равна 32 лирам 50 чентезимо: 38 лир — первый сорт и 27 лир 50 чентезимо — 30 лир — второй сорт [58], так что и пошлина в 2 лиры была незначительной. Самое повышение этой пошлины Наполеон потому, конечно, и произвел, что оно могло только дать доход казне, нисколько не уменьшая вывоза шелка-сырца в Империю.

Но и эта пошлина иногда отменялась вовсе.

Когда Наполеону это казалось полезным с точки зрения интересов французской промышленности, он наносил беспощаднейшие удары интерасам не только итальянских промышленников, но даже итальянского фиска. Так, упорно стремясь по мере сил направить экспорт итальянского шелка-сырца и шелковой пряжи во Францию, годами принимая все меры в этом смысле, он совершенно произвольно то менял тариф, уменьшая *вывозную* пошлину, которую уплачивали владельцы этих товаров итальянской казне, то вовсе отменял эту вывозную пошлину (чтобы сделать, таким образом, более дешевым это нужное французским шелкоткацким мастерским сырье и полусырье). Так он поступил 26 сентября 1810 г., повелев не взыскивать впредь до распоряжения никакой вывозной пошлины с этих товаров. Это распоряжение действовало не только в 1811, но и в 1812 г., и вот каковы были результаты для итальянской казны, согласно подсчету, сделанному главным директором итальянских таможен: из королевства Италии в 1812 г. было вывезено шелка и шелковой пряжи в общей сложности на 46 015 993 лиры и в том числе во Французскую империю на 16 299 516 лир. Получено было вывозной пошлины в общем 2 133 429 лир, причем за шелк, вывезенный во Французскую империю, согласно повелению Наполеона, не было взыскано *ничего,* а если бы не это повеление, то должно было бы быть взыскано еще *1 368 212 лир!* В этой огромной по тому времени цифре выразилась чистая потеря итальянской казны, или, если угодно, та субсидия, которую королевство Италия, нисколько этого не желая, выдало по воле императора в 1812 г. французской шелковой промышленности [59].

Бывало и так, что Наполеон на целые месяцы воспрещал вывоз из Италии шелка-сырца куда бы то ни было, кроме Империи. Это случалось, когда почему-либо французский сырец становился дорог.

Попытки Евгения отстоять хоть немного интересы итальянских шелкоделов ни к чему не приводили. Наполеон возражал (и весьма неубедительно), что запрет вывоза сырца куда бы то ни было, кроме Франции, может повредить единственно только Англии, «так как в Германии шелка не делают» [60]. Почему? Неизвестно. Император прекрасно знал, что это неверно и что в Германии выделывается много шелковых материй, а еще лучше знал, что итальянцы сбывают сырец не только в Германию, но и в Швейцарию, где шелковая промышленность была очень серьезно развита. Впрочем, император редко снисходил до лицемерия. Как бы спохватившись, он *тут же* поясняет, что это мероприятие полезно для *французских* мануфактур. «Мой принцип — Франция прежде всего» (Mon principe est: *la France avant tout*). Иными словами: горе побежденным! Император развивает дальше свою мысль: «Вы не должны упускать из вида, что если английская торговля торжествует на море, то потому, что англичане на море сильнее всего; следовательно, подобает, чтобы Франция, так как она сильнее всех на суше, доставила торжество на суше своей торговле» [61]. Затем император приводит еще один аргумент: Италия вообще не должна отделять своего благополучия от благополучия Франции, тем более, что она обязана французским победам своей «независимостью». И, наконец, Италия вовсе не вправе требовать милостей от императора: ведь Венеция сражалась против Франции. Всех этих пестрых, противоречивых аргументов Наполеону кажется мало. Он прибегает к угрозам. Да не подаст Италия мысли, что ее нужно присоединить к Империи! Потому что, кто бы мог этому воспрепятствовать? *Франция — прежде всего,* и император требует, чтобы вице-король тоже проникся этим девизом [62].

Впрочем, полное воспрещение вывоза шелка-сырца из королевства куда бы то ни было, кроме Франции, практиковалось редко. Не забудем, что ведь Империя всегда имела к своим услугам сырец из присоединенного Пьемонта, а пьемонтский сырец был лучше итальянского. И мы видели по документам, приведенным в первом параграфе, что именно сбыт сырца за границу был главной доходной статьей торгового баланса королевства Италии.

Но гораздо худшими последствиями ознаменовались для итальянского шелкового производства и безудержная французская конкуренция на внутреннем итальянском рынке, и сокращение рынка внешнего. Итальянские шелковые материи далеко не так были нужны странам средней и северной Европы, как итальянский сырец.

Робкий голос, который возвысила миланская торговая палата в 1812 г., прозвучал бесследно, без каких бы то ни было практических последствий; он интересен, между прочим, и потому,

что раздался еще тогда, когда Наполеон был в апогее своего могущества.

Миланская торговая палата прежде всего констатирует общий упадок шелкового производства в королевстве и приписывает это явление сокращению сбыта, отсутствию заграничных заказов, общему «прозябанию» торговли, а «больше всего» — расчленению стран, куда прежде больше всего направлялся сбыт [63],— другими словами, присоединению ряда стран и городов полуострова к наполеоновской империи.

Об «австрийском» периоде, о положении дел до вторжения генерала Бонапарта в 1796 г. купцы вспоминают как об эпохе *процветания* шелкоделия, так как в австрийские владения ввоз был тогда очень легок и производство было громадным. Но вот потери, которые с тех пор миланское шелкоделие испытало: «мал город Павия, но велик был недавно еще сбыт туда наших материй» [64], так как оттуда эти товары расходились по всем соседним областям. А теперь эти области присоединены к Французской империи и тем самым закрыты для итальянского сбыта [65]. Закрыт доступ по той же причине в Парму, Пьяченцу, присоединенную к Империи часть Романьи. «Фатальным» для итальянской шелковой промышленности также оказался указ русского императора, запретивший ввоз в Россию иностранных шелковых материй...

С каждым годом замечался, по утверждению купцов, все больший и больший упадок шелкового производства в королевстве Италии. Правда, итальянские промышленники признавали, что качественно итальянские шелковые материи уступают французским, но беду свою они объясняли отнюдь не этим обстоятельством. Дело было, по их словам, в общем упадке сбыта, в прекращении вывоза за границу, в жалком прозябании торговли вообще. Кроме этих причин, общих не только для Италии, но и для Франции (как я старался доказать в I томе «Континентальной блокады»), в королевстве действовали еще некоторые условия, особые, чисто местные. Дело в том, что Наполеон искусственно разделил те страны, которые до него либо составляли части одного государства, либо жили в тесном экономическом общении.

До того самого момента, когда Наполеон впервые появился в Италии, до 1796 г., ломбардские шелкопрядильни *процветали,* так как громадные количества материй шли в другие австрийские владения, куда их пропускали с уплатой незначительной пошлины [66]. После 1796 г. и начала французского завоевания бедствия обрушивались на шелковую промышленность одно за другим. Велика была продажа итальянских материй в области верховьев По, которая теперь присоединена к Французской империи и почти совершенно отрезана (от Италии) «тяжкой ввоз-

ной пошлиной»[67]. Теперь этот сбыт уничтожен. Так жаловались промышленники королевства в 1812 г. В такой же степени отрезанными от королевства Италии оказались, как уже сказано, Парма и Пармская область, Пьяченца, часть Романьи. Все эти страны были предоставлены в качестве монополизированного рынка французским шелкоделам. Что касается тяжкого удара, который был нанесен итальянской шелковой промышленности запретительным манифестом, изданным в декабре 1810 г. императором Александром I, то этот удар был тем более жестоким, что итальянцы, подобно лионским шелкоделам, сбывали большие количества своего товара на лейпцигских ярмарках, откуда этот товар направлялся в значительной мере в Россию[68]. Впрочем, итальянским шелкоделам мудрено было особенно сетовать на императора Александра, когда император Наполеон, подданными коего они были, не менее крутыми и неожиданными мерами ограничивал сбыт их товаров в собственных своих владениях: в самом конце 1810 г. он присоединил к Империи ганзейские города, а уже в июле 1811 г. обложил итальянские шелковые материи, ввозимые в Гамбург, Бремен, Любек и окружающие их новые департаменты, пошлиной в 15—16 франков за килограмм[69]. Эта беспощадно протекционистская, направленная исключительно в пользу французов, экономическая политика Наполеона, конечно, влекла за собой естественные последствия: даже побаивавшиеся Наполеона правители повышали таможенные ставки, направленные против итальянского ввоза. Если «король Италии» не допускал итальянские товары в другие свои владения или затруднял их ввоз, то почему бы стал стесняться относительно итальянцев, например, король Баварии? И действительно, в том же 1811 г. Бавария повысила пошлину на ввозимые из Италии шелковые материи на 20%. А ведь Бавария была одной из ближайших к королевству Италии стран, и эта мера очень больно отозвалась на итальянском шелкоделии[70].

Представители итальянского торгово-промышленного мира не скрывали от правительства, что если все будет продолжаться так, как оно идет пока, то итальянское шелкоделие превратится в промысел, который уже будет питаться исключительно внутренним, местным сбытом; что же касается до вывоза итальянских шелковых материй за границу, то это явление отойдет в область преданий. Да и внутренний сбыт подвергается серьезной опасности от конкуренции «иностранных» шелковых товаров, ввозимых слишком свободно в Италию. Речь идет, конечно, о *французских* товарах, так как только они платили «легкую пошлину»[71].

Затруднительные условия, в которых очутилась итальянская шелковая промышленность, не позволяли и мечтать о новых

технических усовершенствованиях в этой области: все усилия заинтересованных лиц были направлены к тому, чтобы не погибнуть, чтобы удержать за собой хоть ту клиентуру победнее, которая гналась не столько за качеством, сколько за дешевизной, и лишь очень немногие, с явным риском разорения, старались еще тянуться за лионскими шелкоделами [72]. Впрочем, не только явная безнадежность в деле конкуренции с Лионом убивала в итальянских шелкоделах энергию: им приходилось считаться еще и с другими неблагоприятными условиями, которые возникли после первого же появления Наполеона на Апеннинском полуострове. Дело в том, что до Наполеона ломбардские шелковые мануфактуры скупали шелковую пряжу и трощеный шелк у пьемонтских крестьян и мелких мастеров, проделывавших эту предварительную работу весьма хорошо; после завоевания Пьемонта и присоединения его к Франции пьемонтская предварительная обработка шелка уже всецело была рассчитана на лионские мануфактуры, которые оказались, таким образом, вполне обеспеченными нужными им материалами. По убеждению итальянских промышленников, красота лионских тканей в значительной степени обусловливалась превосходными качествами этих пьемонтских полуфабрикатов. Промышленники королевства просили поэтому правительство принять ряд мер, необходимых, по их мнению, для улучшения качеств шелковой пряжи в Италии: установить обязательный регламент и точный надзор за прядильщиками шелка; установить премии за лучшие способы окраски материй; далее, они домогаются точной регистрации всех лиц, занимающихся этим промыслом, формального воспрещения употребления некоторых материалов (при фабрикации шелковых тканей), вредящих прочности и красоте вырабатываемой ткани, а также некоторых мероприятий, направленных против чрезмерной, по их мнению, свободы рабочих. Об этом было сказано в своем месте, в той главе, где речь шла об отношениях между рабочими и работодателями. Здесь же достаточно сказать, что все пожелания и жалобы, с которыми обратились к правительству шелкоделы осенью 1812 г., не привели ни к каким практическим последствиям. Вплоть до конца наполеоновского царствования не были не только устранены, но даже сколько-нибудь ограничены в своем действии основные причины упадка итальянского шелкоделия: не расширился рынок внешний, не был защищен (от французской конкуренции) рынок внутренний, не были допущены в королевство пьемонтская шелковая пряжа и пьемонтский трощеный шелк...

Глава IX

СОСТОЯНИЕ ШЕРСТЯНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОРОЛЕВСТВЕ ИТАЛИИ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ

1. Данные о количестве предприятий, рабочих и сумме выручки за продажу шерстяных фабрикатов во всех департаментах королевства. Перемены, испытанные производством за время континентальной блокады. Торговый баланс. Роль вывоза шерстяных товаров во внешней торговле королевства. 2. Центры итальянского сукноделия. Выделка тонких сукон. Бергамо, Комо, Венеция. Простые шерстяные материи. Вопрос о сырье. Шерсть из Апулии, из стран Леванта. Попытки добыть мериносов. Отношение императорского правительства к этим попыткам. Овцеводство Дандоло. Условия сбыта итальянских шерстяных товаров во Франции. Заключение

1

Шерстяное производство, конечно, гораздо более старинное на севере и в центре Апеннинского полуострова, чем шелковая промышленность, даже и отдаленно не играло той роли в вывозной торговле королевства, как производство шелковое. Но на внутреннем рынке итальянское сукноделие и производство дешевых и грубоватых сортов шерстяных материй имели серьезное значение. У нас есть данные, показывающие, если они даже и не вполне точны, что эта отрасль промышленности была широко распространена в королевстве. Эти же данные, относящиеся к 1806—1811 гг., дают нам возможность проследить, в каких размерах представляли себе итальянские власти те перемены, которые пережило шерстяное производство под влиянием континентальной блокады и других условий.

Это документ, дающий подсчет по департаментам: 1) числа мануфактур, занятых шерстяным производством, 2) числа рабочих, работающих на этих мануфактурах, и 3) размеров выручки за продажу шерстяных материй всеми мануфактурами

данного департамента (в лирах). Цифры этой последней рубрики [1] — наиболее сомнительны. Шерстобиты и суконщики были с властями, собиравшими статистику, столь же мало откровенны, как и шелкоделы. Первые две рубрики заслуживают более доверия.

Вот эти свидетельства, собранные в 1812 г. министерством внутренних дел королевства Италии [см. табл. на стр. 236—239].

Таковы более или менее полные показания, касающиеся 18 департаментов, где констатируется наличность шерстяного производства. Даже при беглом просмотре этих цифровых показаний бросаются в глаза странности и несоответствия: то показано ничтожнейшее количество рабочих и очень крупная выручка (департамент Минчио), то подозрительно огромные скачки в показаниях касательно выручки за разные годы; есть цифры, которые очень и очень хотелось бы проверить, но, к сожалению, нет сколько-нибудь достойных веры иных свидетельств, с которыми можно было бы сравнивать и сопоставлять вышеприведенные. Некоторые департаменты вовсе не вошли в эту таблицу. О департаменте *Верхнего Адижа* сказано только, что в 1802 г. там было 2 мануфактуры с 140 рабочими, а «теперь» есть 90 ткачей, из которых часть работает весь год, а часть только зимой; кроме того, есть 130 прядильщиков. Относительно департаментов *Верхнего и Нижнего По* констатируется отсутствие шерстяного производства, так же как относительно департамента Кростоло, знаменитого, как мы видели в своем месте, огромным развитием скотоводства; нет ничего и относительно департамента Пассариано. Отсутствует будто бы шерстяная промышленность также и в департаменте *Рубикона*.

Мы видим, что, собственно, шерстяное производство королевства сосредоточено главным образом в департаментах: Баккильоне, Серио, Бренты, Адижа, Адриатическом и Тальяменто. В этих департаментах сосредоточивается около 79 тысяч рабочих, работающих на шерстяных мануфактурах, а на всех остальных вместе взятых только около 3500 человек. Другими словами — бывшие венецианские области (особенно область около г. Виченцы — департамент Баккильоне и департамент Бренты, а также область Бергамасская — департамент Серио) стоят впереди всех других областей, вошедших в состав королевства Италии.

Если верить показаниям этого документа, то можно усмотреть, что в сущности провозглашение блокады не сопровождалось сколько-нибудь резким падением шерстяного производства, да и вообще в течение всех лет, относительно которых у нас есть данные, шерстяная промышленность не переживала ни крутого падения, ни подъема [2]. Кроме обычной оговорки касательно точности цифровых данных, в пояснение этого факта можно

привести еще и то, что, работая больше всего на внутренний рынок, итальянские шерстобиты и суконщики сравнительно меньше зависели от условий, в которые была поставлена Наполеоном внешняя торговля королевства.

Хотя общее количество рабочих в королевстве, занятых шерстяным производством, нисколько не уступает общему количеству ткачей и прядильщиков, занятых шелкоделием [3], тем не менее, как сказано, роль шерстяной промышленности и сбыта шерсти в вывозной торговле королевства не может идти ни в какое сравнение с ролью шелкового производства и шелководства. Это весьма понятно: шелк-сырец можно было в тогдашней Европе получить почти исключительно из Французской империи и из Италии; но так как Наполеон противился вывозу этого драгоценного сырца из своей Империи, то оставалось выписывать его из Италии. И итальянские шелковые материи, хотя и гораздо менее нужные Европе, так как и Швейцария, и Австрия, и германские страны уже имели свои шелковые мануфактуры, все же находили себе сбыт; уступая качественно французским, итальянские шелковые фабрикаты были во всяком случае не хуже швейцарских или германских.

Но в итальянской *шерсти* мало кто нуждался; тонкое руно было там почти неизвестно, да и вообще обилия этого сырья в королевстве не замечалось. Австрия, Саксония располагали шерстью нисколько не худшего качества и в достаточном количестве; Англия получала тонкую шерсть из Испании. В шерстяных фабрикатах, изготовляемых в королевстве Италии, подавно немногие чужие земли не могли особенно нуждаться. Итальянские шерстобиты и суконщики работали, таким образом, больше всего на внутренний рынок. Конечно, был и вывоз, но при относительной дешевизне вывозимого товара он не играл большой роли.

Вот какие данные дает нам торговый баланс за три года.

Общее состояние ввоза и вывоза шерсти и шерстяных материй и изделий характеризуется в наших документах [4], относящихся к 1809, 1810 и 1812 гг., в цифрах, составные части которых не даются отдельно, так что нет возможности точно сказать, сколько из этих общих сумм приходится на ввоз и вывоз шерсти (в сырье), а сколько на шерстяные и суконные материи.

Приведем сначала эти свидетельства. Шерсти и шерстяных мануфактуратов было (чентезимо отброшены):

	Ввезено в Италию	Вывезено из Италии	Пассив Италии
В 1809 г.	на 13 247 161 лиру	3 771 230 лир	9 475 931 лира
» 1810 »	» 15 761 130 лир	4 959 156 »	10 801 974 лиры
» 1812 »	» 21 084 715 »	4 043 289 »	17 041 426 лир

Департамент		1806 г.	1807 г.
Баккильоне	Число мануфактур . . .	169	171
(гл. гор. Вичен-	Число рабочих	32 372	32 237
ца)	Выручка (в лирах)	3 722 358	5 493 314
Серио	Число мануфактур . . .	129	141
(гл. гор. Берга-	Число рабочих	20 785	20 863
мо)	Выручка (в лирах) . . .	7 167 370	7 358 610
Бренты	Число мануфактур . . .	16	15
(гл. гор. Падуя)	Число рабочих	15 200	14 305
	Выручка (в лирах) . . .	791 227	920 663
Адижа	Число мануфактур . . .	10	9
(гл. гор. Веро-	Число рабочих	4 500	4 000
на)	Выручка (в лирах) . . .	585 350	553 350
Адриатический	Число мануфактур . .	35	35
(гл. гор. Вене-	Число рабочих	2 230	2 220
ция)	Выручка (в лирах) . . .	998 370	958 230
Тальяменто	Число мануфактур . . .	17	18
(гл. гор. Тре-	Число рабочих	3 862	3 888
визо).	Выручка (в лирах) . . .	526 287	509 101
Музоне (часть	Число мануфактур . . .		не п
бывш. Церков-	Число рабочих	2 426	2 623
ной обл.)	Выручка (в лирах) . . .	480 598	521 187
Олоны	Число мануфактур . . .	1	1
(гл. гор. Ми-	Число рабочих	1 035	1 081
лан)	Выручка (в лирах) . . .	151 165	149 351
Ларио	Число мануфактур . . .	2	2
(гл. гор. Комо)	Число рабочих	710	770
	Выручка (в лирах) . . .	255 755	178 502
Метауро	Число мануфактур . . .	41	41
(часть бывш.	Число рабочих	680	660
Церковной обл.)	Выручка (в лирах) . . .	175 600	172 000
Меллы	Число мануфактур . . .	67	65
(гл. гор. Бре-	Число рабочих	641	629
шиа)	Выручка (в лирах) . . .	290 535	281 143

1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
182	188	205	225
32 277	30 740	30 876	30 418
5 777 521	5 241 386	5 656 188	5 818 817
146	138	128	142
19 411	20 245	19 948	20 140
6 849 810	6 681 590	6 470 540	6 812 890
15	13	13	13
13 860	13 865	14 050	13 330
869 348	907 673	1 216 831	871 336
9	9	6	6
4 000	3 500	2 900	2 500
522 130	474 908	434 900	293 350
28	29	35	35
2 820	2 540	2 700	3 460
836 530	5 100 820 (sic)	3 888 320 (sic)	779580
17	18	20	21
3 869	3 954	3 189	3 987
513 834	505 301	513 027	473 580
казано			
2 469	1 986	1 344	1 524
500 119	506 432	545 900	1 272 874 (sic)
1	1	1	1
1 004	1 101	1 145	1 018
180 313	194 469	187 388	117 355
3	3	3	3
808	808	810	875
291 143	257 245	287 927	223 097
39	35	27	25
581	532	450	345
154 000	140 000	98 000	83 000
63	59	60	57
663	609	624	637
292 176	281 465	268 115	279 676

Департамент		1806 г.	1807 г.
Рено (гл. гор. Болонья)	Число мануфактур	3	3
	Число рабочих	218	248
	Выручка (в лирах)	170 828	174 997
Пьяве (часть Венецианской обл.)	Число мануфактур . . .	10	10
	Число рабочих	180	160
	Выручка (в лирах)	227 856	293 464
Панаро (гл. гор. Модена)	Число мануфактур . . .	1	2
	Число рабочих	78	75
	Выручка (в лирах) . . .	34 679	31 098
Адды (гл. гор. Сандрио)	Число мануфактур	36	36
	Число рабочих		не по-
	Выручка (в лирах)	40 812	41 512
Тронто (часть бывш. Церковной обл.)	Число мануфактур	5	5
	Число рабочих	30	25
	Выручка (в лирах)	11 386	11 390
Агоньи (гл. гор. Новара)	Число мануфактур . . .	не показано	1
	Число рабочих	20	36
	Выручка (в лирах)	не показано	5 425
Минчио (гл. гор. Мантуя)	Число мануфактур . . .	1	1
	Число рабочих	10	12
	Выручка (в лирах)	236 849	188 822

Как и следовало ожидать на основании всего вышесказанного, Италия за время царствования Наполеона все более и более впадала в положение как бы данницы, зависевшей от ввоза, который быстро увеличивался, в то время как вывоз оставался почти стационарным, то слегка повышаясь, то слегка понижаясь. Присматриваясь к этим цифрам и считаясь с пояснениями, которые имеются во втором из цитируемых документов [5], мы видим, что ввозящими странами являются три и что в 1812 г. в королевство Италию было ввезено шерсти и шерстяных материй:

из Франции	на	15 390 000 лир
» Неаполитанского королевства	»	3 960 000 »
» Леванта	»	1 650 000 »

Ко всем этим показаниям осторожно прибавлена оговорка о *приблизительности* исчисления (circa), и для этого есть уважительные основания, ибо если мы попробуем сосчитать, сколько вывозится из указанных трех мест, то получится итог в 21 мил-

1808 г.	1809 г	1810 г.	1811 г
4	4	4	4
281	296	313	298
187 429	190 663	198 142	178 514
10	10	10	10
140	100	70	50
194 675	159 825	118 997	101 425
2	2	2	2
68	60	57	59
36 264	36 794	27 746	30 059
35	34	31	31
казано			
40 513	39 659	39 518	40 757
4	4	2	2
20	20	10	8
6 111	3 588	1 444	1 440
1	1	1	3
45	50	61	101
8 420	10 400	12 600	73 086
1	1	2	1
8	9	100	74
181 076	180 975	209 774	208 326

лион лир, т. е. почти все, что составляет тут же указанная (и выше мной приведенная) цифра общего ввоза из всех стран в Италию (21 084 715). Так или иначе, только указанными тремя странами и должно ограничить перечень мест, откуда ввозятся шерсть и шерстяные материи в Италию (наш документ тоже только их и называет). Исчезновение Швейцарии из этого списка более нежели подозрительно, но ясно, что если подсчеты и грешат, если из Швейцарии, а может быть, и еще откуда-либо ввозилось и больше, нежели на 84 715 лир в год, то во всяком случае только указанные три страны существенно важны в данном отношении. Да у нас для 1812 г. нет и корректива, при помощи которого можно было бы внести авторитетную поправку в приведенное показание. Что же означают эти цифры? Сказано, что из Франции ввозится на 15 390 тысяч лир. Основываясь на предшествующих свидетельствах, мы можем смело утверждать, что в большей своей части эта цифра создалась ввозом сукон и шерстяных материй, фабрикантов, а *не* сырья. Вся политика Наполеона была к этому направлена, и нельзя не сказать, что она

увенчалась блестящими результатами (с единственной тут интересовавшей Наполеона точки зрения интересов французской промышленности). В 1812 г., как явствует из сопоставления вышеприведенных цифр, одна только Франция ввезла в королевство Италию столько этого товара, сколько в 1810 г. все страны вместе взятые, включительно с Францией.

Не возбуждает особых сомнений и смысл той цифры, какая относится к ввозу из Неаполитанского королевства. Неаполитанская шерстяная промышленность, при своей убогости, никогда и не пыталась проникнуть на рынок королевства Италии, но зато в шерсти неаполитанских стад королевство Италия нуждалось, особенно с тех пор, как Испания стала малодоступной по условиям войны, а Пьемонт, прежний рынок этого сырья, закрылся почти вовсе для Италии волей Наполеона. Овцы, бродившие в Апулии, давали руно, чрезвычайно ценившееся на севере Апеннинского полуострова. Конечно, это сырье и создало цифру почти в 4 миллиона лир ввоза из Неаполитанского королевства. Несколько трудно с такой же определенностью высказаться относительно ввоза с Леванта. Под Левантом наши документы понимают европейскую, азиатскую и африканскую Турцию, часто, сверх того, Персию и варварийские владения на севере Африки. У нас есть определенные указания, что королевство Италия (и в частности Венеция) охотно употребляло в дело шерст, которую доставали из Салоник, отчасти из Сирии; с другой стороны, мы знаем, что торговля с Левантом способствовала всякими правдами и неправдами проникновению в королевство отчасти австрийских (богемских), отчасти даже английских мануфактуратов. Во всяком случае, судя по общей цифре левантинского ввоза, вся эта торговля не была значительна.

Переходим теперь к вывозной торговле шерстью и шерстяными фабрикатами [6]. Мы уже видели, как скромна общая цифра этого вывоза сравнительно с цифрой ввоза. Королевство вывозит в 1812 г. шерсти и шерстяных товаров всякого рода на 4 043 289 лир. Документ указывает нам при этом в пояснениях не все, но три главные составные части этой цифры:

вывоз во Францию равен	1 350 000	лир
в Иллирийские провинции и на Ионические о-ва	930 000	»
на Левант	1 410 000	»

Вывоз во Францию состоял, вероятнее всего, почти исключительно из шерсти, так как именно на это опустошение итальянского рынка сырья и жалуются в последние годы царствования Наполеона сукноделы королевства, а с другой стороны, итальянские сукна во всю эту эпоху и не пытались бороться с

французскими на внутреннем имперском рынке. На Левант вывозились, конечно, исключительно сукна, так как в шерсти страны Леванта нисколько не нуждались и сами поставляли отчасти это сырье в Италию. Торговля сукнами на Леванте была налажена еще Венецией, как мы видели из предшествующего изложения. Едва ли не исключительно шерстяные мануфактураты ввозились и в Иллирийские провинции и на Ионические острова. Эти области в шерсти нисколько не нуждались, собственная же их промышленность была ничтожна.

2

Эти общие подсчеты, говорящие нам как о состоянии шерстяного производства, так и о ввозе и вывозе шерсти и шерстяных мануфактуратов, можно дополнить кое-какими пояснениями и характеристиками, которые находим у современников, посещавших и изучавших тогдашнюю Италию, а также некоторыми другими документальными свидетельствами, прямо относящимися к судьбам шерстяного производства в этот период.

Наши документы дают основание восстановить следующую картину. Население северной Италии в XVIII столетии не вырабатывало собственными средствами того количества шерстяных материй, которое было необходимо для одежды, и притом дело шло о недостаточности не только тонких сукон, но отчасти и грубых сортов шерстяных тканей, потребных простому народу. Недостающие шерстяные материи и сукна получались в конце XVIII столетия из Англии, Австрии, германских стран, Франции и Нидерландов, а одним из главных передаточных пунктов служила Женева. Самые дорогие, тонкие сорта сукон получались из таких французских центров суконного производства, как Лувье, Эльбеф и Седан, а также из Богемии и Саксонии, из Бельгии (Вервье, Льежа), западной Германии (Ахена); сорта попроще (саржа и т. п.) доставлялись из Лангедока, а также из Саксонии и других промышленных мест Германии; камлотовые и другие легкие шерстяные материи ввозились из Лилля, Амьена и Реймса [7]. В каких, приблизительно, количествах производился весь этот ввоз в XVIII столетии, об этом ни малейших данных, никаких, даже предположительных, показаний нет.

Когда наступила революция и под влиянием всякого рода потрясений и прежде всего установления закона о *максимуме* [8] производство тонких сукон во Франции пришло в упадок, северная Италия стала получать эти сорта из Англии; и после революции сбыт французских тонких сукон в былых размерах уже не восстановлялся. Завоевание Италии Наполеоном и война нового владыки Италии с англичанами помешали, правда, развитию английской торговли в королевстве, но зато сюда хлынули шерстяные товары (главным образом средние и низшие сорта)

из Бельгии, Богемии, Силезии. Товары, шедшие из Богемии и Силезии, продавались очень дешево и широко распространились в итальянском простом народе.

Во всяком случае эта отрасль промышленности была стародавней и устойчиво державшейся на севере полуострова.

Сукноделие более тонкое уже существовало местами в весьма развитом виде в северной Италии в XV—XVI вв. Оно держалось перед наступлением французского владычества в Ломбардии и других областях, вошедших потом в состав Италийской республики, но какие бы то ни было точные данные о нем отсутствуют в наших документах, отсутствуют также в бумагах, относящихся к XVIII столетию вообще (как сказано во введении). Во всяком случае, уже в первые годы наполеоновского владычества мы можем констатировать наличность и распространение суконного производства в Бергамо, в Брешии, в Виченце, в Вероне, кое-где еще. Суконные мануфактуры не только существовали, но и стойко держались в борьбе за внутренний рынок королевства Италии против упорной и грозной для них конкуренции сукон как австрийских (из Моравии и Богемии), так и французских (из Лувье, Лилля, Седана, Эльбефа, Руана, Аббевиля, Монжуа, Реймса, Монпелье, а также из «новых департаментов» Франции, т. е. из Ахена, Штольберга, Вервье и т. п.). От конкуренции австрийских сукон (по крайней мере открытой) избавил итальянских промышленников запретительный декрет Наполеона от 10 июня 1806 г., но конкуренция французская (для торжества которой император и издал свой декрет) осталась в полной силе [9]. Правда, губительное значение этой французской конкуренции сильно умерялось двумя обстоятельствами. Во-первых, французы привозили преимущественно тонкие, и поэтому дорогие сорта сукон, которые были недоступны широким слоям населения; во-вторых, те французские сорта попроще, которые все-таки ввозились (из Монпелье и из Крэста, городов в Дофинэ, а также из Лилля) оказывались значительно дороже итальянского товара. Пошлина, взимавшаяся с них при ввозе в Италию, была, по отзывам французов, весьма обременительна (она доходила по тарифу 1803 г. за сорта подороже до 3 франков за локоть, за сорта попроще 1 франк — 1 франк 20 сантимов — 1 франк 50 сантимов за локоть, до 15—20% стоимости товара) [10].

Но это являлось для итальянского производства не особенно крепким и прочным обеспечением: уже в 1805 г. был поставлен вопрос о таком резком понижении тарифных ставок на все французские товары, ввозимые в Италию, при котором эти французские товары не могли бы, поступая на рынок королевства, возвышаться в цене сколько-нибудь значительно. Были другие условия, более надежно ограждавшие итальянский внутренний рынок от полного захвата французскими импортерами. Сукно-

вальни и шерстобитные мануфактуры королевства располагали дешевым сырьем, которым и пользовались, прибегая в первые годы наполеоновского владычества сравнительно мало к более дорогой шерсти, какую могли доставать как в Романье, так и на юге полуострова в Апулии. Они только слегка подмешивали кое-что из этих высших сортов шерсти к тем грубым, которые находили у себя в стране. Затем, дешевизна рабочих рук, обусловливаемая большей дешевизной жизни в Италии, сравнительно с Францией, еще более способствовала установлению низких цен на итальянский товар, с которыми французам очень трудно было бороться. К этому присоединялось влияние транспортных расходов на вздорожание французского товара. В среднем соответствующие сорта итальянских шерстяных материй стоили в продаже в королевстве Италии на 25% дешевле французских. И это было, действительно, крайне серьезным препятствием для распространения французского импорта [11]. Все-таки *тонкие* сорта, не знавшие конкуренции, распространялись даже при тарифе 1803 г. в Италии *«в довольно значительном количестве»*, в прямую противоположность сортам погрубее [12]. Высший класс в Италии до Наполеона одевался преимущественно в английские, французские и отчасти австрийские тонкие сукна; с начала наполеоновского владычества — во французские и австрийские; со времени декрета 10 июня 1806 г.— во французские и отчасти в итальянские. Так можно было бы охарактеризовать положение дел с неизбежной в эпоху континентальной блокады «поправкой *на контрабанду»*, как выражаются новейшие статистики.

В общем, еще в 1806 г. французы склонны были считать свое положение в Италии почти безнадежным, в смысле экономической борьбы с конкурентами, даже в таких отраслях производства, как суконное, могущественно возродившееся при Наполеоне. Главное затруднение было в цене. Французское производство за каких-нибудь 10—15 лет необычайно удорожилось; цены на сукна к 1805—1806 гг. возросли на *30—40*% сравнительно с предреволюционным периодом. Состязаться с богемскими и швейцарскими суконщиками, наводнявшими Италию дешевыми, грубыми сортами шерстяных материй, нечего было и думать. Казалось даже, что самая беспощадная, запретительная таможенная политика ровно ни в чем не может помочь французским сукноделам. «Даже если совершенно воспретить ввоз их (богемских сукон — *Е. Т.*), то все же контрабандистам будет выгодно их ввозить, даже платя очень высокую страховую премию» (на случай конфискации этих контрабандных товаров) [13]. И шерсть во Франции дороже, и рабочий труд дороже, и французский способ производства таков, что при нем потребляется больше шерсти [14]. А между тем шерстяные материи еди-

согласно признаются одной из главнейших статей итальянского потребления.

Но в 1810 г. Наполеон пришел на помощь французским промышленникам.

Декретом 10 октября 1810 г. Наполеон воспретил ввоз в Италию шерстяных и суконных материй и изделий откуда бы то ни было, за исключением Французской империи.

Кроме этой могущественной иностранной конкуренции, с которой французским промышленникам пришлось столкнуться в *первые* годы наполеоновского царствования в Италии, там оказывалось необходимым, повторяем, считаться (и довольно серьезно) с самостоятельным национальным производством, даже в области выделки самых тонких сортов. Здесь уже в 1805—1806 гг. беспокойное и ревнивое внимание французов привлекали к себе два огромных предприятия: одно, расположенное недалеко от Виченцы, другое — в г. Бергамо. Первое представляло собой мануфактуру, дававшую работу 1500 станкам, из которых каждый вырабатывал ежегодно 25 штук сукна в 30 локтей длины каждая [15]. Эта мануфактура выделывала и тонкие, и более простые сорта. До присоединения венецианской территории к королевству Италии, когда Виченца принадлежала австрийцам, изделия этой огромной мануфактуры распространялись в Италии, несмотря на ввозные пошлины, которыми они были обложены. После 1805 г., когда Виченца вместе с Венецией вошла в состав королевства, это затруднение пало, и мануфактура могла рассчитывать на широчайший сбыт.

Что касается до бергамасской мануфактуры, которая выделывала очень прочные и добротные сукна, по своему качеству соперничавшие с английскими и французскими, то мы не знаем ни точного числа ее рабочих, ни размеров производства. Знаем только, что французские сведущие лица считали ее очень серьезной конкуренткой имперской промышленности. Нужную шерсть в сырье мануфактура в Бергамо получала из Турции и с юга Апеннинского полуострова — из Апулии.

Вообще Бергамасская область (Bergamasco) задолго до Наполеона была одной из самых промышленных в Ломбардии.

Город Бергамо считался одним из самых денежных, наиболее богатых торговым капиталом во всей Италии. Шелковая промышленность, процветавшая здесь перед приходом Наполеона, пострадала от сокращения торговых сношений с Голландией, через которую прежде шел сбыт на север, от полного прекращения торговли с Англией [16]. Но знаменитые местные суконные мануфактуры держались в течение всего наполеоновского царствования.

В этой области сукноделие *некогда*, т. е. до наполеоновского владычества, составляло главный источник процветания и бо-

гатства. Эта область, вошедшая при Наполеоне в состав департамента Серио, оставалась, как сказано, сравнительно с другими частями королевства Италии одной из наиболее промышленных, но главный промысел — сукноделие — испытал много невзгод. Суконщики жалели о прошлом, надеялись на будущее. Но сокрушались о настоящем [17].

Они еще в 1802 г. жаловались на упадок своего промысла и приписывали это обстоятельство трем причинам: 1) обременяющим его налогам (налог на ввозимую шерсть-сырье, на мыло, на красящие вещества и т. п.); 2) иностранной конкуренции, проникающей на внутренний рынок Италии; и 3) отмене прежних цеховых регламентов, недисциплинированности рабочих и общему понижению качества выделываемых сукон как прямым последствиям этой отмены [18].

Но несмотря ни на что сукноделие в течение всей этой эпохи устойчиво держалось в Бергамо.

Бергамо был не единственным в королевстве центром выделки тонких сукон, и не из Бергамо выходили высшие сорта сукон, какие изготовлялись в королевстве.

Самые лучшие сукна не только королевства Италии, но и всего Апеннинского полуострова, выделываются в департаменте Ларио (гл. гор. Комо). Сукноделие этого департамента могло соперничать с французским, славившимся с давних пор [19].

Сырье, поступающее на здешние мануфактуры, привозится главным образом из Испании [20]. Другими словами, мануфактуры департамента Ларио пользуются лучшей (мериносовой) шерстью, какая вообще была тогда на свете, той самой, которой Наполеон при завоевании Испании хотел лишить Англию и облагодетельствовать Францию. Но беспрепятственно доставать испанскую шерсть итальянские суконщики могли только до 1808—1809 и следующих годов, до начала испанской гверильи, направленной против французского завоевания. После начала гверильи торговые сношения между Пиренейским и Апеннинским полуостровами почти совсем прекратились. Французская промышленность от прекращения торговли с Испанией страдала меньше, так как Наполеон приказывал угонять из Испании целыми стадами мериносовых овец и баранов во Францию, но итальянцы могли с тех пор раздобывать испанское руно только случайно. Кроме испанской шерсти, в обработку на мануфактурах департамента Ларио поступает также шерсть из Римской области; эта шерсть считается даже несколько лучше той (более обильной и более дешевой), которая привозилась из Апулии; между прочим, указывается на то свойство шерсти из Апулии, что она не так поддается окраске, как римская [21].

Но тонкое сукноделие в королевстве каждый год сокращалось весьма значительно с самого начала наполеоновского пе-

риода, еще до провозглашения континентальной блокады. В особенности это могло быть заметно в этом самом департаменте Ларио, *единственном,* как утверждают некоторые наши документы, где выделывались самые высшие сорта сукна. Громадная суконная мануфактура Гуаита (в г. Комо), самая крупная из всех, давала до Наполеона работу 1000 рабочих, а в 1806 г. на ней работало всего 300—400 человек; прежде на ней выделывалось до 1000 штук сукна в год, теперь (в 1806 г.) выделывается едва-едва 400 штук [22]. А эта мануфактура была предприятием прочным, знаменитым во всем королевстве и относительно старинным (существовала с 1754 г.).

В столице королевства, Милане, существовали две мануфактуры шерстяных тканей и изделий, обе принадлежавшие французскому выходцу Ле Солье (Le Saulier). Это — самые большие заведения в данной отрасли производства, какие существовали во всей области. Правительство деятельно этому Ле Солье покровительствовало: и военное, и морское министерства давали ему заказы для армии и флота. По-видимому, мы тут имеем дело с одним из нескольких пионеров французской промышленности, пустившихся тогда искать счастья за Альпами. Наполеоновское правительство всегда оказывало им поддержку. Например, Ле Солье, едва начиная свою деятельность, уже имел 800 рабочих, т. е. являлся владельцем самого крупного предприятия в этой отрасли не только в Милане, но и одного из крупнейших во всем королевстве, и правительство, обеспечивая его огромными заказами, даже *требовало,* чтобы он вел дело в возможно широком масштабе [23]. Ле Солье получал шерсть из Туниса через Триест (пока Триест пользовался морским подвозом). Руно, которое ему, конечно, дешевле было бы получать из Апулии, оказалось слишком коротким и мало пригодным для требовавшихся изделий [24].

Выделка простых и дешевых шерстяных материй была сильно развита в городах былой Венецианской области; в самом г. Венеции, сверх того, выделывались и более дорогие сорта.

В первые же месяцы после присоединения Венеции к королевству Наполеон пожелал узнать, сколько штук шерстяной материи, нужной для обмундирования войск, может поставлять ежегодно венецианская промышленность. Оказалось, что в Венеции выделываются больше тонкие сорта и вообще такие, которые не пригодны для данного назначения. Тонкие же сорта выделывались здесь для сбыта в Турцию [25], пока возможна была беспрепятственная морская торговля с этой страной. Существовавшая в Венеции с начала XVIII столетия большая фабрика, выделывавшая солдатские сукна, шерстяные материи грубых сортов (шедших на одежду для арестантов и т. п.), пала при уничтожении самостоятельности Венеции и переходе ее по Кам-

поформийскому миру во власть австрийцев. Австрийское правительство не желало давать заказов этой мануфактуре, а без казенных поставок ей оказалось трудно существовать, и она захирела.

Я искал следов существования и сведений о положении этой большой мануфактуры, которая вырабатывала солдатские сукна, и особенно интересовался вопросом, что с ней было в недолгие годы австрийского владычества. Но другие документы дают еще меньше, чем тот, на который я только что ссылался. Подтверждают, что она работала в эпоху самостоятельности республики; но, по-видимому, при австрийцах она дошла до полнейшего ничтожества, потому что, когда правительство королевства Италии в первые же месяцы после присоединения Венеции хотело получить сведения об этом заведении, то ни сведений никаких не получило, ни даже не могло раздобыть образчика сукна этого погибшего производства [26]. Во всяком случае весной 1806 г. в Венеции не оказалось ни единой сукновальни требовавшегося военным министерством типа. Но вообще суконное производство, очень сильно, правда, сократившееся, продолжало существовать в Венеции. Это были остатки былого венецианского сукноделия, дававшего очень дорогие прочные ткани из наилучших испанских сортов шерсти и работавшего весьма много на восточные рынки [27]. Еще в первые годы наполеоновского владычества, в 1806, 1807 гг., Венеция могла, хоть и с трудом, продолжать получать драгоценную испанскую мериносовую шерсть; но с 1808, а в особенности с 1809 г., по мере того, как крепчала гверилья на Пиренейском полуострове и сокращались торговые сношения с Испанией, это сырье стало почти недоступным для далекой Венеции. Точно так же затруднено было и получение окрашивающих веществ (традиционным цветом дорогих венецианских сукон был красный) [28].

Вообще сукноделие держалось крепко на северо-востоке королевства. Оно являлось главным промыслом в департаменте Бренты (и в частности в г. Падуе); если оно оказалось в начале 1813 г. в упадке, то главным образом из-за конкуренции «соседних городов» [29], а политические условия прекратили совершенно всякий сбыт падуанских сукон за границу [30].

Веронские шерстяные мануфактуры — значительны, их всего шесть, но работают на них (в 1808 г.) — 1883 человека (на главной 1000 человек, на остальных от 300 до 77 человек на каждой). Эти мануфактуры вырабатывают грубоватые шерстяные ткани, которые большей частью рассчитаны на крестьянство как на главного потребителя; веронские шерстяные материи распространялись в крестьянстве чуть не по всему королевству. Но уже в том же 1808 г. констатируется упадок сбыта и дается (торговой палатой г. Вероны) определенное объяснение этого

упадка: вздорожала шерсть, вздорожали красящие вещества, и серому крестьянскому потребителю стало не по средствам покупать дальше этот товар, к которому он было привык [31]. По общему подсчету, приведенному в первом параграфе этой главы, мы видим, что и помимо г. Вероны шерстяное производство было широко развито во всем этом департаменте.

Простые сорта выделывались также в городах, не имевших большого значения в данной отрасли производства, и эти товары расходились в окрестном населении.

В г. Модене существовала одна старая и некогда крупная суконная мануфактура; шерсть, которая в эпоху Наполеона шла в выделку, была здесь отчасти местная (от 5 до 6 тысяч фунтов ежегодно), отчасти привозная из Феррары и Падуи (14 тысяч фунтов). Сукно было грубое и дешевое, стоило (самый *дорогой* сорт) 1 лиру и 35 чентезимо за локоть и сбывалось исключительно на местном рынке. Эта мануфактура процветала еще в середине XVIII столетия. Когда моденский герцог выставил в эпоху войн Фридриха II шеститысячный отряд в пользу Марии Терезии, то все эти солдаты были одеты в сукно, выработанное местной мануфактурой. В те времена мануфактура давала работу 500 рабочим и вырабатывала более 500 штук сукна в год; в 1806 г., когда о ней идет речь, она вырабатывает всего 120 штук. Сколько на ней рабочих — не говорится [32]. Военные поставки прекратились, конечно, с падением старого правительства. Отныне они могли перепадать итальянским мануфактурам только, если французские были очень уж завалены заказами, а работа случалась спешная [33].

В Болонье существовали в 1805 г. две, а в 1806 г.— три суконные мануфактуры [34], не имевшие особенного значения и выпускавшие сукно простых сортов, рассчитанное исключительно на местный рынок. Шерсть они достают отчасти местную, для самых уж грубых сортов, отчасти же выписывают ее из Падуи и из Рима. Падуанская шерсть была в три раза дороже местной [35], но и значительно лучше, хотя, конечно, не могла сравниться с тонкими сортами шерсти испанской и даже австрийской.

Вообще вопрос о дешевой шерсти иногда являлся одним из важных вопросов для итальянских шерстобитов и суконщиков. В горном департаменте Меллы (гл. гор. Брешиа) существует в 1806 г. шерстяное производство в довольно небольших размерах, но все же оно нуждается в подвозе шерсти из-за границы, именно из левантийских стран, правда, подвозе незначительном (до 25 тысяч фунтов в год). Производство разбросано по деревням горных долин; изготовляется здесь до 30 тысяч штук шерстяных одеял, в общем на сумму в 600 тысяч лир. Сверх того, есть производство сукон в г. Брешии, но товар этот и очень груб, и выделывается его настолько мало, что приходится выписывать

сюда сукно из германских стран. Не хватает даже шерстяных шапок, которые тоже тут изготовляются, и недостающее (около 6 тысяч штук ежегодно) выписывается из Триеста [36]. Очевидно, доставка из-за границы в этот пограничный департамент королевства оказывалась дешевле, чем из внутренних департаментов королевства.

Иногда местные условия были таковы, что овцеводам выгоднее было сбывать шерсть в соседние чужие земли. Например, в департаменте Метауро было овцеводство, но жители продавали шерсть в прежнюю Церковную область, т. е. в «нынешние» департаменты Французской империи — Тибрский и Тразименский, и покупали шерстяные материи, сработанные из проданной ими шерсти в этих департаментах [37]. Есть отдельные промышленные предприятия, но это не может заставить изменить общий безотрадный взгляд на положение промышленности департамента. Из ближайших причин, препятствующих здесь вообще развитию промышленности, анконская палата обращает внимание на полное отсутствие нужных капиталов.

Уже к концу 1809 г. дороговизна шерсти стала сильно беспокоить итальянских суконщиков, и эта дороговизна обострилась с почти одновременно быстро прогрессировавшим оскудением запасов красящих веществ колониального происхождения, необходимых в суконном производстве. Цены на сукна быстро росли, и сообразно с этим сокращался сбыт. С другой стороны, искусственно затруднялся вывоз шерстяных материй из королевства Италии в те части Апеннинского полуострова (Пьемонт, Тоскану), куда *прежде* сбывался этот товар из Ломбардии и Венецианской области и которые *теперь* вошли в состав Французской империи [38].

С этим последним обстоятельством бороться было невозможно, но касательно недостатка шерсти принимались кое-какие меры.

17 сентября 1808 г. Евгений Богарне установил вывозную пошлину на шерсть (вывозимую из Италии) в 18 лир за квинтал; до той поры эта пошлина была равна 7 лирам 38 чентезимо за низший сорт и 9 лирам 21 чентезимо за высший [39]. Вице-король мог это сделать только потому, что французские суконщики не особенно ценили итальянскую шерсть и сравнительно мало в ней нуждались.

Но вот за попытками королевства завести у себя в больших размерах выделку сукон тонкого качества, из *высших* сортов шерсти, во Франции следили довольно зорким и неприязненным взором.

Итальянский министр иностранных дел Марескальки просил у французского правительства, чтобы оно дозволило отправить в Италию 300 испанских тонкорунных баранов и 500 овец (дело

было в эпоху завоевания Испании); но ответа на свое ходатайство *не* получил и был принужден непосредственно молить его величество об этом «новом благодеянии», которое, правда, уже «ничего не может прибавить к чувствам признательности и любви, переполняющим сердца» итальянцев, но может увеличить благосостояние населения [40]. Мы не нашли в документах указания относительно того, привело ли это красноречие к желанному результату.

Были и попытки частной инициативы в том же направлении.

Венецианский патриций Дандоло в своем поместье в Варезе, между Лаго-Маджоре и Лаго-ди-Гарда, завел, и не без успеха, мериносов. Его стада давали превосходную шерсть, которая уже в 1806 г. стала понемногу поступать в производство [41]. Но стоила она столько же, сколько привозная из Испании, почему, конечно, вытеснить испанскую шерсть в то время не могла. Почти несомненно, овцеводство Дандоло должно было сыграть особенно большую роль после начала завоевания Испании Наполеоном и прекращения торговых отношений между Испанией и Италией, но случилось ли так в действительности — об этом никаких сведений в документах я не нашел.

Отсутствие дешевого и обильного сырья породило в королевстве Италии большое распространение особых тканей (которые изготовлялись тогда также и во Франции).

Кроме обычной грубой шерстяной материи, в Италии «в довольно значительном количестве» стали выделываться материи из шерстяной пряжи, смешанной с льняной и бумажной, и итальянские министры тщились доказать своим французским коллегам, что этой туземной итальянской промышленности не под силу бороться с французским ввозом той же материи; что на основании франко-итальянского торгового договора половинной пошлиной обложены только сукна и шерстяные материи, а не смешанные, о которых идет речь; что поэтому следовало бы взыскивать с французских, ввозимых в Италию, материй этого сорта полную пошлину [42]. Ничего из этих представлений, конечно, не вышло.

Этот недостаток шерсти не был, впрочем, очень уж грозным и постоянным явлением. Департаменты Панаро и Кростоло (бывшая Модена) и некоторые другие департаменты, где было развито скотоводство, все-таки могли давать и давали довольно много шерсти. Шерстью был чрезвычайно богат также департамент Рубикона (область Форли), образованный из части Романьи, которая была отнята Наполеоном от папских владений и присоединена к королевству (тогда еще республике) Италии. Шерсть романских стад была в большом ходу и спросе у суконщиков королевства, хотя они и находили, что привозная левантийская (из Туниса и Смирны) лучше по своим качествам [43].

Конечно, год на год не походил, и иногда приходилось выписывать шерсть из Апулии, а также из стран Леванта. Но в общем те итальянские суконщики, производство которых было рассчитано на местный рынок, которые имели в виду давать только простые и дешевые сорта, часто могли обойтись и местной шерстью и не выписывать ее из-за границы. Зато в инструментах, в красящих веществах, во многом еще, что им было необходимо, они зависели от привоза [44].

Необходимейшие инструменты и вещи, без которых нельзя было обойтись в шерстяном производстве, в королевстве почти не выделывались, приходилось их выписывать из-за границы. Только в 1806 г. уже упомянутый французский выходец Ле Солье завел первую в королевстве машину (в г. Милане) для выработки чесальных приборов, да и то первоначально только для нужд своих собственных шерстяных мануфактур [45].

Казалось бы, при этих условиях французской шерстяной промышленности нечего было бояться, что итальянская отобьет у нее внутренний имперский рынок, и однако император все усилия свои направил к тому, чтобы, обеспечив за французскими суконщиками, как указано выше, обладание итальянским рынком, в то же время, если, правда, не запретить, то всячески затруднить проникновение итальянских товаров на французский рынок. Так, итальянские промышленники могли ввозить во Францию свой товар исключительно по специальному, каждый раз *именному* разрешению министра внутренних дел.

От середины октября 1810 г. до конца мая 1811 г. министр внутренних дел выдал *пятнадцати* купеческим фирмам разрешения на ввоз суконных и шерстяных материй из Италии во Францию, в общей сложности в размере 99 960 метров [46].

Общее заключение, к которому нужно прийти на основании всего материала, рассмотренного в этой главе, может быть выражено так: 1) шерстяная промышленность королевства не пострадала от континентальной блокады сколько-нибудь ощутительно; 2) главным рынком для этой промышленности был рынок внутренний, на котором она довольно стойко держалась против французской конкуренции; 3) главным товаром, производимым итальянскими шерстобитами и суконщиками, были грубые, дешевые, рассчитанные на народную массу сорта материй; 4) ощущался временами некоторый недостаток в простых сортах сырья и довольно острый недостаток в мериносовой шерсти; 5) почти вся шерстяная промышленность сосредоточена в 6 департаментах королевства, и среднее количество рабочих, приходящееся в этих департаментах на каждое предприятие, довольно велико, достигает 100—150—200 человек. В тогдашней Франции подобные предприятия считались крупными.

Подавно нужно счесть их крупными для королевства Италии.

Глава X

ОСТАЛЬНЫЕ ОТРАСЛИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЕ И ПОЛОТНЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВА. ПЕНЬКОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

1. Общий подсчет прядильщиков и ткачей. Показания торгового баланса. Ввоз в отдельные страны. Вывоз. Анализ цифр вывоза. 2. Хлопчатобумажное производство. Степень его распространенности в королевстве Италии. Вопрос о машинах. Вопрос о сырье. Неаполитанский хлопок. Французская конкуренция. Нужда в бумажной пряже. Сокращение производства. 3. Полотняное производство. Разведение льна. Значение льноводства в Кремонской области. 4. Пеньковое производство. Болонская область. Разведение конопли и пеньковое производство в других частях королевства. Препятствия к сбыту итальянской пеньки за границей. Пожелания заинтересованных лиц в 1813 г. Общее свидетельство о положении дел в рассмотренных отраслях текстильной промышленности

1

Пряжа и тканье полотен были распространены на севере Апеннинского полуострова и в Венецианской области с конца средних веков, и, конечно, этот промысел был несравненно более развит в стране, чем хлопчатобумажное производство, которое едва только здесь возникало в последние годы перед приходом Наполеона. Но и полотняное, и хлопчатобумажное, и пеньковое производства, все отрасли текстильной промышленности, кроме шелкового и шерстяного производств, сосчитаны вместе в документах официальной статистики, касающихся как 1) распространения этих промыслов в королевстве, так и 2) роли их во внешней торговле Италии.

Первый подсчет составлен не так, как аналогичные документы, относящиеся к шелковому и шерстяному производствам. Даны три рубрики: число прядильщиков, число ткачей и число

рабочих, занятых окраской материи (для краткости назовем их красильщиками; в подлиннике эта категория названа так: operai impiegati nelle stamperie e tintorie).

Необходимо особенно настойчиво оговориться, что именно в этих отраслях текстильной промышленности деревенские кустарные производители играли чрезвычайно крупную роль, и сосчитать их сколько-нибудь точно было чрезвычайно трудно. Как читатель сейчас увидит, здесь особенно велико число *пропусков* в показаниях.

Подсчет дан тоже за 1806—1811 гг. и, следовательно, захватывает еще последний год перед введением в действие декрета о блокаде. Часто рубрика красильщиков вовсе отсутствует; показания о прядильщиках отсутствуют гораздо чаще, чем данные о ткачах. Как и в других отраслях текстильной промышленности, в этих также прядильщики были гораздо менее на учете, гораздо слабее связаны с отдельными предприятиями, чем ткачи. Число предприятий не дано вовсе.

Вот эта таблица.

Департамент		1806 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Баккильоне	Прядильщики	не показано					
	Ткачи	2 395	1 795	1 401	1 441	1 241	1 167
	Красильщики	не показано					
Серио	Прядильщики	не показано					
	Ткачи	1 260	1 230	1 215	1 250	1 240	1 250
	Красильщики	270	205	208	215	216	207
Бренты	Прядильщики	4 680	4 700	4 820	3 930	4 915	5 468
	Ткачи	5 081	4 747	5 212	4 894	5 544	4 139
Адижа	Прядильщики	не показано					
	Ткачи	4 887	4 660	4 660	4 600	4 300	4 000
	Красильщики	4	—	—	—	—	—
Верхнего Адижа	Прядильщики	не показано					
	Ткачи	61	60	60	61	62	62
	Красильщики	12	12	12	12	12	12
Верхнего По	Прядильщики	не показано			53	36	28
	Ткачи	15 008	13 901	11 289	7 912	8 050	9 474
	Красильщики	79	79	79	77	77	77
Адриатический	Прядильщики	не показано					
	Ткачи	1 200	1 000	950	850	850	850
	Красильщики	60	50	30	20	20	20

Департамент		1606 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Музоне	Прядильщики . .	100	525	525	не показано		
	Ткачи	40	40	40			
Олоны	Прядильщики . .	130	130	110	60	45	40
	Ткачи	19 871	19 959	20 835	16 430	13 924	12 953
	Красильщики . .	553	558	630	576	550	533
Ларио	Прядильщики . .	не показано					
	Ткачи	—	48	66	88	92	74
	Красильщики . .	26	30	33	27	28	39
Метауро	Прядильщики . .	11 531	10 051	11 572	10 502	10 594	10 306
	Ткачи	11 254	11 682	11 792	12 886	12 746	12 437
	Красильщики . .	809	818	807	815	854	860
Меллы	Прядильщики . .	33 096	33 977	33 115	24 043	22 144	27 950
	Ткачи	2 418	2 493	2 715	2 276	2 562	2 158
Рено	Прядильщики . .	470	456	450	1 788	1 733	1 870
	Ткачи	1 064	1 035	954	1 003	1 103	939
Панаро	Прядильщики . .	не по-	78	170	229	278	177
	Ткачи	казано	36	60	76	54	61
Адды	Прядильщики . .	не показано					
	Ткачи	474	478	474	475	475	475
Агоньи	Прядильщики . .	75	75	75	75	75	75
	Ткачи	862	893	893	926	941	932
Кростоло	Прядильщики . .	18	18	18	18	18	18
	Ткачи	32	32	32	32	32	32
Пассариано	Прядильщики . .	4 741	4 438	4 336	4 244	4 147	4 045
	Ткачи	1 200	1 289	1 244	1 198	1 173	1 160
	Красильщики . .	68	66	66	67	67	66
Рубикона	Прядильщики . .	*не показано*					
	Ткачи	106	107	110	112	117	109

Относительно других департаментов либо вовсе нет показаний, либо определенно констатируется полное отсутствие этих отраслей производства (например, департамент Нижнего По), либо, наконец, указывается на полную невозможность сосчитать разбросанных по деревням ткачей, прядильщиков и прях [1]. Есть также департаменты, где деревенское население занимается пряжей и тканьем не на продажу, а для собственного потребления. О таких тоже не дается никаких цифровых указаний [2].

Как видим, при всех подобных пропусках мудрено полагаться на какие-либо общие итоги и довольно бесцельно сосчитывать

число всех рабочих, занятых в данных отраслях текстильной промышленности; нечего и говорить, что даже там, где приводится число прядильщиков в данном департаменте, это число бывает сплошь и рядом подозрительно невелико (например, в департаменте Олоны на 19 871 ткача приходится... 130 прядильщиков!). Ясно, что при существовавшей организации труда сосчитать лиц, доставлявших пряжу в ткацкие мастерские и мануфактуры, оказывалось до последней степени трудным. Цифры, касающиеся ткачей, и полнее, и более заслуживают доверия. Мы видим, что рассматриваемые отрасли текстильной промышленности сильно распространены в департаментах: Верхнего По, Олоны и Метауро. В каждом из этих департаментов число ткачей превосходит 10 тысяч человек. Обращает на себя внимание показанная огромная цифра прядильщиков в департаменте Меллы: 33 096 человек (в 1806 г.).

Сравнивая цифры, относящиеся к разным годам, мы почти во всех департаментах наблюдаем такую картину: некоторое понижение в 1807 г., сравнительно с 1806 г., а иногда стационарное положение; продолжающуюся стационарность или легкое понижение в 1808 г., а в трех случаях даже легкое повышение; затем, в большинстве случаев, тенденцию к повышению или стационарность в 1810—1811 гг. В общем, судя по этим цифрам, можно констатировать довольно прочную устойчивость. Уже это одно могло бы нам показать, насколько слабым ингредиентом в приводимый общий подсчет входила хлопчатобумажная промышленность: иначе, провозглашение блокады и трианонский тариф сказались бы гораздо ярче на данных, относящихся к 1807 и к 1810—1811 гг.

Переходим теперь к другого рода вопросу: какова была роль рассматриваемых отраслей прядильно-ткацкого производства во внешней торговле королевства?

Все отрасли текстильной промышленности, кроме шелкового и шерстяного производств, объединены в одну графу в итальянских торговых балансах; при этом, как и всюду, торговля сырьем и торговля мануфактуратами не отделяются. Лен, конопля, хлопок и все, что выделывается из этих материалов (холст и полотна, беленые бумажные материи и ситцы, бумазейные ткани всех видов, пеньковые ткани и т. п.),— все эти товары при сведении торгового баланса посчитаны вместе.

Всех этих продуктов и выделываемых из них фабрикатов в королевство Италию ввозилось в те годы, относительно которых у нас есть более или менее полные и достоверные сведения [3], на такие суммы (чентезимо отброшены):

в 1809 г.		на 20 767 034 лиры
» 1810 »		» 27 233 014 лир
» 1812 »		» 23 729 484 лиры

Вывозилось этих товаров из королевства Италии:

в 1809 г.		на 12 067 301 лиру
» 1810 »		» 14 748 800 лир
» 1812 »		» 17 189 565 »

Перевес ввоза над вывозом (т. е. пассив Италии) выражался в таких цифрах:

в 1809 г.		8 699 752 лиры
» 1810 »		12 484 513 лир
» 1812 »		6 539 918 »

Относительно 1812 г. даны указания [4], касающиеся стран, с которыми королевство Италия ведет торговлю этими продуктами и фабрикатами.

Оказывается, что почти весь этот ввоз идет из четырех мест:

из Франции на сумму около	14 490 000 лир
» Неаполитанского королевства на сумму около	610 000 »
» Леванта на сумму около	850 000 »
» Германии на сумму около	7 750 000 »

Если обратимся к лаконическому пояснению, даваемому нашим документом, то увидим, что главными предметами ввоза являются: бумажные материи, *тонкие* полотняные материи и хлопок в сырье. После всего вышесказанного ясно, что хлопок в сырье мог (легально) доставляться в королевство Италию прежде всего и больше всего из Франции (считая также порты Геную и Ливорно французскими имперскими портами в это время); отчасти, но в малых количествах это сырье могло получаться и из Леванта и (самые низкие сорта и в очень небольшом количестве) из Неаполя. Можно даже предполагать, что из Леванта и Неаполитанского королевства только и ввозился на показанные небольшие суммы хлопок в сырье, так как ни во льне, ни в пеньке из этих мест (да и вообще ниоткуда) королевство не нуждалось, а мануфактурное производство в этих странах не так было развито, чтобы думать о ввозе в Италию полотна (бумажные материи были воспрещены к ввозу откуда бы то ни было, кроме как из Франции). Из Германии могли ввозиться по преимуществу тонкие полотна, а также пеньковые изделия. Ни бумажных материй, ни (в сколько-нибудь значительных размерах) хлопка в сырье германские страны легально ввозить, как мы знаем, не могли, а в германских льне и пеньке не было нужды.

Львиная доля ввоза, как мы видим, принадлежит Франции. Несомненно, что эту цифру (14 490 тысяч лир) дали как хлопок

и хлопчатобумажная пряжа, так и бумажные и ситцевые материи; королевство Италии было отдано, согласно твердой воле Наполеона, в качестве монопольного рынка сбыта французским фабрикантам бумажных материй и ситца. И в сырье, и в мануфактуратах хлопка королевство, бесспорно, нуждалось.

Относительно ввоза и вывоза этих продуктов и товаров у нас есть одно любопытное указание, относящееся, однако, не к 1812, а к 1810 г., но проливающее некоторый свет на положение дела вообще [5]. Мы видели, что весь ввоз в Италию этих товаров в 1810 г. был равен 27 233 014 лирам. Из этой суммы сырья и пряжи (посчитано вместе) было ввезено:

льна и льняной пряжи	на	273 875 лир
пеньки и пеньковой пряжи	»	124 009 »
хлопка и хлопчатобумажной пряжи . . .	»	4 484 935 »

Вся остальная сумма ввоза составилась из тканей, готовых материй (холстов, полотен, бумажных материй, ситцев). Эти цифры чрезвычайно показательны: мы видим, что, в сущности, единственное сырье, в котором королевство испытывало действительно нужду, был хлопок; мы видим также, что из $27^1/_4$ миллионов лир Италия заплатила чужим странам около 5 миллионов за сырье и полуфабрикаты льна, пеньки, хлопка, а больше 22 миллионов лир за готовые материи. Как изменилось это соотношение в 1812 г., для этого у меня не было достаточно верных и ясных сведений. По указаниям, идущим и из Франции, и из Голландии, и из королевства Италии, можно заключить, что последнее десятилетие XVIII в. и первые десятилетия XIX в. были временем, когда бумажная ткань, особенно ситец, победоносно вытесняла полотна со всех почти европейских рынков. Во всяком случае можно думать, что бо́льшую часть французского ввоза составляли именно бумажные и ситцевые материи. Труднее всего разобраться в цифре германского ввоза. Документ наш поясняет, что вообще в Италию ввозятся, между прочим, тонкие полотна. Вероятно, именно германские тонкие полотна и ввозились преимущественно, так как французские полотна, как мы знаем, были гораздо дороже. Полотняное производство в западной и северной Германии было весьма развито в эту эпоху; Бавария, Баден и Вюртемберг давали холсты и полотна попроще. Но все же трудно думать, что королевство могло на все 7 750 тысяч лир покупать в Германии полотна, которые, даже при дешевой цене, все же были дороже ситца и не могли стать столь широко распространенным материалом для одежды. Может быть, при всей незначительности тех количеств хлопка, которые оказывалось возможным, несмотря на все запреты и стеснения, привезти из Германии в Италию, суммы, какие приходилось уплачивать за этот товар, оказывались весьма значи-

тельными и заметно влияли на общий итог. Не забудем, что после трианонского тарифа цены на некоторые сорта хлопка удесятерились сравнительно с предшествующим временем. А из германских стран в 1812 г. могли попадать в Италию именно самые лучшие сорта американского и английского хлопка, проходившие из Кронштадта, Риги и Архангельска, с одной стороны, из Одессы, с другой стороны, в Пруссию и Австрию и оттуда распространявшиеся по Европе [6].

Перейдем теперь к вывозу всех этих продуктов и фабрикатов из королевства Италии в чужие страны. Вот как распределяется почти вся цифра (17 189 565 лир) общего вывоза в 1812 г.:

во Францию — около	9 470 000 лир
в Неаполитанское королевство	1 090 000 »
на Ионические о-ва и в Иллирийские провинции	4 830 000 »
в Германию	1 530 000 »
в Швейцарию	240 000 »

Что же вообще вывозится по этой части из королевства Италии? Лен, пенька, грубые полотна и бумазейные материи, говорит нам с обычным лаконизмом документ [7]. У нас и относительно вывоза льна, пеньки, хлопка есть такое же пояснение, как относительно ввоза, тоже относящееся не к 1812, а к 1810 г. [8] Мы уже видели, что общая сумма *вывоза* всех этих продуктов и фабрикатов в 1810 г. была равна 14 748 тысячам лир.

Из этой суммы Италия вывезла:

льна и льняной пряжи	на 2 629 866 лир
пеньки и пеньковой пряжи	» 6 997 522 лиры
хлопка и хлопчатобумажной пряжи . .	» 37 590 лир

Значит, в общем сырья и полуфабрикатов из льна и конопли Италия вывезла на 9 664 978 лир, а на фабрикаты (готовые ткани) приходится всего около 5 083 тысяч лир. Нисколько не может считаться неожиданной и совершенно ничтожная цифра вывоза хлопка: мы знаем, как жестоко нуждалась сама Италия в этом сырье. Если, запомнив эти указания документа 1810 г., мы обратимся к только что приведенным цифрам, обозначающим вывоз всех этих продуктов и товаров из Италии в различные страны в 1812 г., то для нас станет ясным, что во Францию, в Германию и Швейцарию ввозилось, несомненно, сырье — лен и пенька (сырье и пряжа),— а на Ионические острова, в Иллирийские провинции и в Неаполитанское королевство именно и шли указанные в документе 1812 г. «грубые полотна и бумазейные материи», так как эти последние страны нуждались отнюдь не в данном сырье (которого у них было в изобилии), но как

раз в грубых и дешевых мануфактурах. Мы знаем из разных показаний, о которых здесь не место распространяться, что Швейцария нуждалась и во льне, и в пеньке. Если из королевства Италии, откуда она могла бы получать это сырье и скоро, и дешево, она получала его на ничтожную сумму в 240 тысяч лир, то это объясняется красноречивой цифрой 9 470 тысяч, обозначающей сумму французских закупок этого товара в королевстве Италии: Наполеон, как мы знаем, принимал все меры, чтобы обеспечить Французскую империю нужным ей дешевым сырьем, а Франция с давних пор не обходилась собственным льном и пенькой. Соответственные движения таможенного аппарата королевства Италии, аппарата, рукоятка которого находилась в Париже, затрудняли вывоз этого сырья в Германию и облегчали вывоз в Империю. Результаты оказались налицо.

Обратимся теперь к другим свидетельствам, которые помогут нам дополнить эти наши общие сведения отдельными указаниями, относящимися к каждой из рассматриваемых отраслей текстильной промышленности порознь.

2

Как я уже выше заметил, хлопчатобумажное производство было совсем внове в королевстве Италии в последние годы XVIII столетия и при Наполеоне. Ни в городах, ни в деревнях еще не успели привыкнуть к обработке хлопка.

Итальянская деревня пряла, а кое-где и ткала шелк, пряла лен и ткала полотна, выделывала пеньковые ткани, пряла шерсть, но, по крайней мере в первые годы владычества Наполеона, еще не привыкла к работе над хлопком. Дело это было настолько внове, что это новшество было мыслимо «скрывать», если подобная тайна была почему-либо выгодна. В Милане существовала бумаготкацкая и ситценабивная мануфактура Крамера. Этот Крамер выписывал беленые бумажные материи из Швейцарии и подвергал их у себя уже дополнительной обработке. Когда ввоз бумажных материй в Италию был воспрещен в 1806 г. декретом Наполеона, то Крамер распустил слух, что он запасся таким количеством швейцарских материй, какого еще надолго хватит для потребностей его мануфактуры. Но этому не верили и утверждали, что он дает хлопок для обработки в окрестные деревни, скрывает же это «из страха конкуренции», т. е. чтобы и другие не последовали его примеру [9].

В более далекие, расположенные отчасти в горах части королевства уже в первые годы континентальной блокады, еще до трианонского тарифа, хлопок и краски если и проникали, то в каком-то попорченном виде или очень уже низкие сорта. В департаменте Адды, в г. Кьявенна, существовало небольшое про-

изводство бумажных носовых платков; уже в 1809 г. заинтересованные жалуются на материал, над которым им приходится работать, и приписывают его дурным свойствам упадок производства [10].

Свидетельства об отдаленных предприятиях, занятых выделкой хлопчатобумажных материй, крайне редки и скудны.

В Милане хлопчатобумажное и ситценабивное производство было сосредоточено главным образом в двух мануфактурах: Крамера (о котором только что была уже речь) и Морози. Обе эти мануфактуры имели уже в 1806 г. «очень большой сбыт и снабжали страну» товаром, но более точных сведений мы в документах не находим. Мануфактура Морози обладает машинами и выделывает прекрасную *пряжу*; владелец предприятия, очень знающий техник, совершивший путешествие по Франции и Голландии по поручению министра внутренних дел, привез оттуда «драгоценнейшие сведения» и «постоянно занимается усовершенствованием своих машин». Но какие именно эти «машины», не говорится, так же как не указываются размеры обеих миланских мануфактур [11]. После декрета 10 июня 1806 г., сделавшего невозможным легальный привоз бумажных материй из Швейцарии и вообще из-за границы (кроме Французской империи), и в прямом расчете на последствия этого декрета открылась в Милане еще одна хлопчатобумажная мануфактура французским выходцем Делипом, специализировавшимся на выделке бумажных платков. Правительство дало ему даровое помещение для его заведения, но мы не знаем, что вышло из намерений предпринимателя [12].

Есть у нас сведения и относительно другой промышленной области королевства, и притом сведения особенно интересные.

Принимая во внимание новизну и относительную распространенность хлопчатобумажного производства, а еще более принимая во внимание неумелость официальных собирателей статистики в королевстве Италии, мы не будем удивляться, что полотняная и хлопчатобумажная промышленность посчитаны вместе. Эти сведения оказываются весьма важными для характеристики состояния текстильной промышленности вообще, но такой метод собирания данных тогдашними чиновниками лишает нас возможности отдать себе ясный отчет в степени развития хлопчатобумажного производства. Тем интереснее данные, имеющиеся у нас относительно одного из самых промышленных (если не *самого* промышленного) департаментов королевства, департамента Баккильоне (гл. гор. Виченца). Здесь полотняное производство (совсем ничтожное, дающее работу в 1808 г. 83 человекам) показано отдельно от хлопчатобумажного. Хлопчатобумажная промышленность достигла в департаменте весьма серьезного развития. У нас имеются данные для трех лет. Вот

они (нужно сказать, что показаны лишь общие количества, не говорится ничего о числе предприятий в департаменте) [13].

Оказывается, что в департаменте Баккильоне в хлопчатобумажном производстве работало:

	Мужчин	Женщин	Детей	Всего
В 1806 г.	210	4790	90	5090
» 1807 »	240	4900	98	5238
» 1808 »	200	4800	110	5100

Машинное производство в этой отрасли промышленности было в Италии почти неизвестно.

В 1807 г. на *все* королевство Италию существовала одна, да и то «маленькая», бумагопрядильня, имевшая «машины», какие именно — не сказано. Итальянские чиновники министерства финансов политично намекали, что хорошо бы «умножить» такие заведения, дабы избавиться от зависимости от «иностранных» фабрик [14].

Но мы уже видели, как явно недоброжелательно относился Наполеон к такого рода стремлениям своих итальянских подданных.

Хотя, как мы видим, хлопчатобумажное *производство* существовало в Италии в очень скромных размерах, но отсюда не следует, что столь же незначительно было и *потребление* тканей, выделываемых из хлопка. Напротив, у нас есть положительные сведения, что это потребление было далеко не ничтожно еще до интересующего нас периода.

Муслиновые и вообще более или менее тонкие бумажные материи получались в северной Италии, пока она не зависела от Наполеона, а затем в короткий промежуток между заключением и расторжением Амьенского мира — из Англии. Со времени возобновления затяжной войны Наполеона с Англией этот товар стал получаться Италией из Швейцарии, и только после запретительного декрета 10 июня 1806 г.— из Франции [15]. Кроме этих материй, англичане доставляли и иной товар.

Так, до прочного завоевания Италии французами эта страна получала так называемый бумажный бархат (плисовые материи) больше всего из Англии, где этот товар вырабатывался с несравненно меньшими затратами, чем во Франции. Кроме Франции и Англии, плис производился также еще в Пруссии и Саксонии, но обе эти страны долго не могли конкурировать в этой области ни с Англией, ни даже с Францией: Англия получала хлопок в неограниченных количествах, машины, необычайно удешевлявшие производство, были в эти времена распространены сколько-нибудь значительно только в Англии; что касается Франции, то здесь машин почти вовсе не существовало, но хлопок до начала войны с Англией поступал тоже в

огромных количествах, а когда при Наполеоне, после революционных бурь и бедствий, французская промышленность вообще стала оправляться, то плисовое производство стало крепнуть весьма заметно. Это производство успешно развивалось в Руане, Амьене, Лилле, Сен-Кантене, но дешевизна английского плиса делала борьбу с английской конкуренцией на иностранных рынках в высокой степени затруднительной, и в первые годы наполеоновской эпохи английская контрабанда, доставлявшая плис в Италию, была самым сильным врагом соответствующей отрасли французского производства. Локоть руанского или амьенского бумажного бархата поступал в продажу в Милане по цене на 5—6 франков дороже, чем локоть английского товара. Декрет 10 июня 1806 г., безусловно воспретивший ввоз бумажного бархата в Италию откуда бы то ни было (кроме Франции), затруднил контрабанду, и английский плис уже не мог ввозиться, как прежде, под видом швейцарского или германского [16]. Французская промышленность была сильно заинтересована в сбыте на итальянском рынке бумажного бархата, потребление которого в королевстве получило весьма крупные размеры [17].

Но ожидания французских промышленников не осуществились в полной мере. Правда, после декрета 10 июня 1806 г. покупать эти товары Италии стало возможным только во Франции, но *с этого времени потребление названных товаров в королевстве значительно упало.* В числе других причин этому способствовала очень высокая ввозная пошлина, которую Наполеон установил в королевстве, рассчитывая, что от этого французская промышленность не пострадает, так как выписывать эти материи откуда бы то ни было, кроме Франции, запрещено, а в самой Италии хлопчатобумажное производство в младенчестве, казна же от высоких пошлин только выиграет. Но расчет не совсем оправдывался; потребление бумажных материй в Италии быстро сокращалось [18]. Нужно было либо отказаться от мысли укрепить французское хлопчатобумажное и ситценабивное производство, обеспечив за ним итальянский рынок, либо пожертвовать частью доходов итальянского фиска. Наполеон предпочел сделать второе.

Не только англичане снабжали донаполеоновскую северную Италию бумажными материями.

Еще в эпоху революции Ломбардо-венецианская область получала в весьма больших количествах швейцарские ситцы. Швейцария, считая с Нефшателем и Женевой, ввозила ситцевых материй в области, которые потом вошли в состав королевства Италии, на 30 миллионов франков ежегодно, причем один только женевский ввоз определялся в 3 миллиона. Когда затем Женева была отторгнута от Швейцарии и присоединена к Фран-

ции, то женевские ситценабивные мануфактуры сразу испытали такой удар, от которого они не могли окончательно оправиться вплоть до конца наполеоновского царствования: они не могли уже получать, как прежде, в достаточных количествах и по дешевой цене беленые бумажные материи, выделывавшиеся в Швейцарии, так как в первые годы наполеоновского владычества ввоз этих беленых материй из Швейцарии в Империю был обложен огромной пошлиной, а императорским декретом 22 февраля 1806 г. совершенно воспрещен [19]; заменить же эти необходимые для ситценабивного производства полуфабрикаты французскими оказывалось трудным: и качеством они были похуже, и ценой подороже [20]. Итак, Женева отпала. Но остальная Швейцария продолжала снабжать своими ситцами королевство Италию; она же была передаточным пунктом, через который направлялись в Италию и английские ситцы (принявшие по дороге, так сказать, «швейцарское происхождение», без чего им даже и до декрета о блокаде немыслимо было легально проникнуть в Италию). Точно так же, как присоединенная Женева, не могла конкурировать с Швейцарией в этой отрасли и вся Французская империя, где, по разным причинам, ситцевое производство оказывалось на 30—40% дороже швейцарского. Эту относительную дороговизну современники склонны были объяснять дороговизной рабочих рук во Франции и пошлиной в 60 франков за квинтал ввозимого во Францию хлопка [21] — и относились скептически к закону 30 апреля 1806 г., согласно которому всякий купец, вывозящий за границу квинтал бумажной материи, получал 50 франков премии, если он докажет, что эти материи сработаны из хлопка, за который была в свое время уплачена пошлина в 60 франков. Этот скептицизм, судя по свидетельству наших документов, был широчайше распространен и основывался на чрезвычайной трудности всех этих «доказательств». Да и слишком, в самом деле, длинен путь от хлопка к ситцу, чтобы можно было запастись какими-либо вполне неопровержимыми доказательствами [22]. Французский наблюдатель, видевший Италию и писавший свои доклады до декрета 10 июня 1806 г., усматривает весьма существенную пользу в предлагаемой им мере — воспрещении ввоза в королевство Италию каких бы то ни было ситцевых и бумажных материй, кроме французских. Пока его доклад попал в министерство, эта мера уже была проведена, и на полях рукописи в соответствующем месте читаем пометку: *c'est fait, décret du 10 juin.* Второе необходимое мероприятие докладчик видит в полном освобождении ввозимых из Франции материй от уплаты какой бы то ни было пошлины на итальянских таможнях. Но и этого всего мало. Оказывается желательным точно так же воспретить даже транзит иностранных материй через королевство Италию в Тоскану и дру-

гие державы Апеннинского полуострова, находящиеся южнее. Эта мера мотивируется двумя аргументами: во-первых, транзит дает все же возможность обманным путем распространять в самом королевстве часть тех товаров, которые якобы должны лишь проследовать через территорию королевства на юг; во-вторых, зачем вообще пропускать и на юг полуострова чужие товары, когда есть надежда захватить и южный рынок для французской промышленности? [23] В частности, подозрителен транзит, направляющийся в Тоскану: было дознано, что *большая часть* иностранных материй, провозимых через королевство в Тоскану, потребляется вовсе не в Тоскане, а во французских, заальпийских департаментах, куда они ввозятся из Тосканы контрабандным путем. По-видимому, в самом деле проникнуть в эти заальпийские департаменты (т. е., другими словами, прежде всего в Пьемонт) непосредственно из Франции. с севера, было слишком трудно для контрабандистов; с востока, из королевства Италии, тоже не легко; с юга же, из Тосканы, представлялись некоторые географические и иные удобства. До поры, до времени и таможенный надзор со стороны Тосканы был небрежнее. Как и в других местах в эпоху континентальной блокады, здесь тоже действовало правильно поставленное (разумеется, нелегальное) *страхование* товаров, перевозимых контрабандным путем, на случай ареста таможенными властями. Премия (на этой границе) была сравнительно невелика: 10—12% и никогда не выше 15—20%; да и то лишь в тех случаях, когда таможенный надзор бывал особенно бдителен [24]. Полное воспрещение транзита через королевство Италию в Тоскану, конечно, должно было нанести сильный удар Тоскане, которая отныне могла получать нефранцузские товары исключительно длинным, кружным, морским путем из Триеста в Ливорно. Впрочем, не только интересы Тосканы затрагивались этим мероприятием: от воспрещения транзита много теряла и итальянская королевская казна, как теряла она и от воспрещения ввоза иностранных материй, кроме французских. Терял и итальянский потребитель, оказывавшийся в монопольной власти французских импортеров [25]. Но все это, с точки зрения имперских властей, всего имперского правительственного механизма, начиная от монарха и кончая разъезжавшими по Италии чиновниками финансового ведомства, не могло иметь значения; Франция, по их мнению, *заслужила,* чтобы королевство несло для нее эти жерты [26]. Да и не вечно придется итальянцам переплачивать за ситцы: французская промышленность, поощряемая и питаемая захваченным итальянским рынком, так разовьется, что производство подешевеет, и тогда, пожалуй, можно будет восстановить и ввозную пошлину [27]. Все это — утешения для будущего. А пока те «25—30 миллионов», в которые оцени-

валось ежегодное потребление ситцев в королевстве Италии, должны были целиком попадать в карманы французских фабрикантов.

Правда, в деле сбыта бумажных и ситцевых товаров в королевстве Италии французская промышленность должна была считаться некоторое время с разрешением, данным Наполеоном 12 января 1807 г. великому герцогству Бергскому,— ввозить эти товары в Италию. Это разрешение создавало в пользу великого герцогства благоприятное положение, выводя его из-под действия общего имперского декрета 10 июня 1806 г. Берг сильно вытеснял Францию с итальянского рынка [28]. Главной причиной этого явления была относительная дороговизна французских товаров. Французские сведущие лица высчитывали, что дюжина больших ситцевых платков французских мануфактур продавалась в Милане по 40 франков, а такие точно изделия бергских мануфактур продавались там же по 24 франка 17 сантимов дюжина; локоть французской материи стоил в Милане 66 сантимов, а локоть такой же точно бергской материи — 51 сантим и т. д. Эта разница зависит от больших издержек производства и транспорта во Франции, но есть причина, которая в одинаковой мере удорожает и французские, и бергские материи: это — пошлина, взыскиваемая на итальянских таможнях. От этой пошлины французам и желательно было избавиться, но с тем, чтобы для Берга она оставалась в полной силе. Еще важнее, по-видимому, для них была бы отмена того разрешения, которое Бергу было дано не в пример прочим 12 января 1807 г. В скором времени обе эти цели были достигнуты.

По собственному признанию агентов французского правительства, бумажный бархат был в Италии в чрезвычайном ходу «почти во всех классах общества», и, конечно, можно было бы думать, что широкий спрос вызовет к жизни туземные мануфактуры: но именно, чтобы помешать этому и преградить возможность местной промышленности бороться с французским импортом, ввозная пошлина на этот товар (около 20% ad valorem) была сочтена чрезмерной [29]. Неоднократно находим мы указания на большую привычку населения королевства Италии к бумажным материям как дешевым, так и более дорогим.

Но несмотря на эту предпосылку, много обещавшую, казалось бы, развитию туземной промышленности в королевстве, она испытывала жестокие затруднения, борьба с которыми оказывалась ей не под силу.

Об отсутствии машин мы уже говорили. Еще хуже было отсутствие дешевого и достаточно обильного сырья. Хлопок при Наполеоне являлся товаром, раздобыть который было не так-то легко. Правда, на юге полуострова разводились некоторые сорта хлопка (похуже), и получить *этот* хлопок, конечно,

королевству было ближе, чем Империи, но не следует забывать, что имперское правительство зорко наблюдало за тем, чтобы сырье, в котором нуждались французы, никак не могло миновать их рук [30].

Итальянские власти и тут принуждены были пускаться на хитрости.

Например, в 1808 г., когда французские хлопчатобумажные мануфактуры переживали хлопковой голод и их владельцы решительно не знали, как им достать необходимое сырье, обнаружилось, что идущий с юга полуострова, а также из портов через королевство *транзитом* хлопок не пропускается во Францию! Почему? Потому что в Италии таможенное управление ссылается на приказ: остановить вывоз хлопка. Министр внутренних дел пишет министру иностранных дел, что он удивлен этим, что он даже не поверил в возможность подобного воспрещения, но оказалось, что оно есть, и он просит своего коллегу принять меры к выяснению дела. Он изумлен [31], но оказывается, что так распорядился главный директор итальянских таможен, и не только распорядился, но и не желает отменять своего распоряжения. Министр внутренних дел полагает, что следовало бы «успокоить торговый мир» и доложить императору,— но предпочитает, чтобы этот доклад сделал кто-нибудь другой, лишь бы не он сам. Например, он уступил бы эту честь министру иностранных дел [32].

И не забудем, что тут все дело началось из-за воплей парижских, лионских и руанских промышленников, излюбленных людей наполеоновского правительства!

А на этот раз оказалось, по наведении справок, что директор итальянских таможен желал обеспечить хлопком *итальянские* мануфактуры, воспрещая транзит и задерживая хлопок в Италии [33].

Конечно, когда *эти* соображения были сообщены в Париж, когда на одну чашку весов легли интересы французских промышленников, а на другую — итальянских, то исчезло всякое сомнение в том, какая чашка перетянет. Чтобы повредить англичанам, можно было прибегать к каким угодно циркулярам и усугублениям запретов; но принимать меры к защите интересов итальянских мануфактур в ущерб мануфактурам французским — это терпимо быть не могло.

Вообще этот неаполитанский, правда, очень невысокого сорта хлопок все больше и больше входил в употребление. (Хлопковые засевы, произведенные в Анконской области уже после издания трианонского тарифа, не удались) [34].

Болонская ткацкая мануфактура Пеллегрини-Мартини, выделывавшая также, кроме полотняных и пеньковых тканей, и хлопчатобумажные, получала уже в 1806 г. хлопок из Неаполя [35].

Но, вообще говоря, этот хлопок становится особенно ходким сырьем лишь после трианонского тарифа.

Отсутствие или недостаточное количество хлопка не имело бы еще таких серьезных последствий для выделки ситцев и других материй в Италии, если бы возможно было откуда нибудь получать готовую пряжу. Но и этот исход был прегражден.

Декретом 10 октября 1810 г. Наполеон воспретил ввоз в королевство Италию как хлопчатобумажной пряжи, так и полуфабрикатов, беленых хлопчатобумажных материй. Это обстоятельство поставило в весьма затруднительное положение три «довольно значительные» (по отзыву вице-короля, не указывающего точных размеров) ситценабивные и хлопчатобумажные мануфактуры, существовавшие в тот момент в королевстве, а также несколько промышленных заведений той же специальности, но поменьше. Им угрожала почти немедленная гибель, за отсутствием этих полуфабрикатов, так как в это время в королевстве *не было ни одной бумагопрядильни* [36]. Были пряхи и прядильщики, доставлявшие пряжу в ткацкие мастерские, но *бумагопрядильни* не оказалось. Исчезла даже та, которая была еще в 1806 г. в Милане (см. стр. 260). Вопрос о сохранении существовавших ситценабивных мануфактур представлялся вице-королю в высшей степени важным, во-первых, потому, что они давали работу «большому количеству бедных людей», а во-вторых, потому, что они выделывали дешевые и грубые ткани, в которые одевался простой народ, и для «бедного класса это имело бы последствием лишение возможности дешево одеваться». Как сказано выше, вице-король не указывает точных размеров этого производства, числа рабочих и т. д. Только в одном месте своего донесения Наполеону он говорит, что одна из ситценабивных мануфактур, имевшая 52 станка в работе, сократила производство настолько, что теперь там работает лишь 27 станков. Вице-король просил Наполеона разрешить ввезти в Италию хотя бы такое количество пряжи и полуфабрикатов, которое было бы в строгой точности необходимо для спасения итальянских ситценабивных мануфактур и для сохранения их в течение *одного* года. За этот год, надеется вице-король, может быть удастся открыть несколько прядилен в королевстве, а может случиться и так, что французские прядильни будут в состоянии давать нужную пряжу итальянским ситценабивным мануфактурам. Тут для нас раскрывается все, и исчезает кажущаяся на первый взгляд загадочность наполеоновского декрета. Дело в том, что французские бумагопрядильни вырабатывали для вывоза большей частью тонкие сорта пряжи (около так называемого «№ 200» и еще тоньше), а эти сорта совсем не подходили для итальянских грубых ситцев, которые нуждались

в пряже погрубее («№ 100», не тоньше) [37]. Таким образом, издавая свой запрет, Наполеон этим вредил только ситценабивным итальянским мануфактурам, но не французским прядильням. Является новый вопрос: откуда же до этого запрета итальянцы добывали нужную им пряжу «№ 100»? Очевидно, под видом французской ввозилась какая-то иная. Какая именно? Вице-король, по-видимому, очень хорошо понимал, куда метил декрет 10 октября 1810 г., потому что он спешит успокоить императора: «Грубость хлопковой пряжи, которой пользуются здесь, мне кажется, может служить перед вашим величеством лишней гарантией, что милость, о которой итальянская промышленность умоляет ваше величество, не поможет английской бумажной пряже проникнуть (в Италию —*Е. Т.*), так как английская пряжа по крайней мере столь же тонка, как и французская, и не могла бы тут никоим образом пойти в дело». Он обещает всячески наблюдать, чтобы императорская милость «не была обращена во зло» [38]. Наполеон знал, что, во-первых, англичане вырабатывают (и вывозят) не только тонкую пряжу, но и погрубее и даже совсем грубую, во-вторых, кроме английских прядилен существуют и швейцарские, и саксонские, и чешские, столь же заинтересованные в контрабандном ввозе своих товаров в Италию, как и английские, и столь же искушенные в подделках всяких удостоверений, печатей и т. п. Оттого-то он и издал свой категорический приказ. Тем не менее, по-видимому, вице-королю удалось добиться кое-каких смягчений декрета 10 октября.

Исследователь постоянно наталкивается на следы нарушения или некорректного соблюдения франко-итальянского торгового договора со стороны имперских властей в тех случаях, когда это им казалось выгодным с точки зрения интересов французской промышленности. Только этим можно объяснить, например, такие годами длившиеся недоразумения и qui pro quo, которые обнаружились в вопросе о ввозе французской хлопчатобумажной пряжи в королевство Италию в 1813 г., когда итальянский Главный торговый совет предпринял ряд ходатайств перед правительством. Главный торговый совет просил о понижении пошлины на те французские товары, которые необходимы для итальянских мануфактур; к числу последних именно и относилась хлопчатобумажная пряжа, поступавшая в бумаготкацкие и ситценабивные мануфактуры. Главный торговый совет просил о том, чтобы за эти французские товары уплачивалась хоть полная пошлина по тарифу 1803 г., но не больше. Между тем министерство финансов королевства Италии с видимым недоумением обращает внимание просителей, что за французскую хлопчатобумажную пряжу, ввозимую в Италию, *уже* должно платить, согласно франко-итальянскому торговому договору,

всего *половину* той пошлины, какая следовала по тарифу 1803 г.! В чем было дело? Как могли торговцы и промышленники в таком случае просить о том, о чем они просили? Это было возможно только потому, что фактически, путем придирок, путем приравнения хлопчатобумажной пряжи к колониальным товарам [39], таможенные чины (которые по *обе* стороны границы, правда, не всегда, но именно в последние годы царствования Наполеона, были всецело и одинаково орудиями, подчиненными имперским фискальным интересам) умудрялись не пропускать этой пряжи из Империи в Италию [40].

Это было хуже всего: Италия, как мы видели, нуждалась в полуфабрикатах, и для ее *бумаготкацких* мануфактур готовая и, конечно, возможно дешевая пряжа и беленые материи были и как бы необходимым *сырьем*, поступавшим уже в дальнейшую обработку в руки итальянских ткачей. Французы, сделавшись монополистами в деле поставки пряжи в Италию, конечно, воспользовались своим положением и возвысили цены, да и то, как мы видели, раздобыть эту пряжу было необычайно трудно. Сравнительно с этими фактами, второстепенное значение имел для Италии даже трианонский тариф, страшно затруднивший ввоз хлопка: Италия нуждалась больше в пряже, чем в хлопковом сырье. Во всяком случае хлопчатобумажная промышленность в Италии с году на год уменьшалась. Министерство финансов добыло сведения, что в 1807 г. в королевство поступило в обработку хлопка и хлопковой пряжи вместе 25 236 квинталов, а в 1811 г. всего 4539 квинталов, т. е. без малого в 6 раз меньше! [41]

При всех этих условиях немудрено, что французская хлопчатобумажная промышленность самым победоносным образом боролась на итальянском рынке с туземным производством. Если французские промышленники встречали здесь врага, то главным образом в неуловимой швейцарской, английской, саксонской контрабанде. Но итальянской промышленности от этого, конечно, легче не было...

В последние годы царствования представители хлопчатобумажного производства не перестают горько жаловаться на невозможность иметь прежний сбыт своего товара вследствие необычайного вздорожания хлопка, что неминуемо влечет за собой необходимость назначать слишком большие цены на товар [42].

3

Полотняное производство было несравненно более развитой отраслью текстильной промышленности в королевстве, чем хлопчатобумажное. Сельское хозяйство королевства Италии давало в очень больших количествах лен. Левый берег верхнего и

среднего течения По особенно славился льноводством. Одна только Кремонская область давала столько льна, что его, по мнению наблюдателя, могло бы хватить на всю Италию и Францию [43], и королевство вывозило много льна за границу. Не менее огромно разведение конопли; пенька отправляется в больших количествах за границу через ливорнский, анконский, венецианский порты, а до присоединения Генуи к Французской империи (что подкосило генуэзскую морскую торговлю) итальянская пенька, как и лен, как и зерновые продукты, вывозилась также через Геную [44].

Это огромное льноводство Кремонской области (департамент Верхнего По) давало превосходные сорта льна. Кремонского льна хватает не только на королевство Италию, но и на широкий вывоз: в Тоскану, Романью, а «наибольшая часть» идет в страны Леванта через Венецию. Необычайно тонкий, превосходный лен дает округ г. Кремы (*не* г. Кремоны, который занимается больше пряжей льна, чем льноводством). Этот округ почти ничем больше и не занимается, и, между прочим, отмечается, что из Кремы чуть ли не весь лен закупается генуэзскими полотняными мануфактурами [45]. Крема и Кремона были городами, через которые шла торговля этим сырьем с другими департаментами и чужими землями.

В этом департаменте Верхнего По дело было организовано так, что лен (экспортировавшийся в общем в чрезвычайно больших количествах за границу) вывозился из пределов департамента, обыкновенно уже подвергшись некоторой предварительной обработке и пряже. Часть этой пряжи поступала в дальнейшую обработку в Кремоне и других городах и деревнях Кремонского округа: там льняную пряжу смешивали с некоторыми сортами хлопчатобумажной и ткали затем особые материи, называвшиеся fustamio и бывшие в большом ходу в крестьянском быту. Один лишь этот промысел давал (в 1805 г.) работу приблизительно 1000 человек в Кремонской области [46]. Но, конечно, главным промыслом было изготовление чистой льняной пряжи, славившейся не только по всей Италии, но и в чужих землях.

Добывался лен и в областях Феррары и Ровиго (департамент Нижнего По), но в сравнительно меньшем количестве. Считалось, что его вывозится из этого департамента около 3 тысяч квинталов ежегодно. Он шел и на туземное холстяное производство, существовавшее в этих местах. Эти холсты тоже отчасти вывозились из департамента (вывозилось их больше 5 тысяч квинталов ежегодно).

Добывали лен и в северном департаменте Меллы. Его там собиралось около 25 тысяч квинталов в год, на сумму в 960 тысяч лир.

Лен этот, который производила Брешианская область (департамент Меллы), по своим качествам был хуже того, какой добывался в департаменте Верхнего По. Часть его вывозилась, а другая часть поступала в обработку на месте, но при этом смешивалась с лучшим льном, привозимым из других департаментов, и отчасти с хлопком. Таких «смешанных» тканей вырабатывалось в год на 1,7 миллиона лир, причем сбыт направлялся главным образом в Венецию и Венецианскую область. Занято было этой отраслью промышленности в департаменте Меллы около 1200 рабочих [47]. Но и здесь, конечно, в позднейшие годы блокады, особенно после трианонского тарифа, необходимо было отказаться от работы над изготовлением этих смешанных тканей, так как хлопчатобумажная пряжа сделалась редким и дорогим товаром.

Изготовление льняной пряжи и полотен погрубее было исстари широчайше распространено в крестьянском быту северных и средних частей Апеннинского полуострова.

Деревня работает над выделкой полотен даже там, где собственного льна далеко не хватает, где приходится его закупать в других частях королевства. Так было, например, в департаменте Серио (Бергамасской области), где пряли и ткали в деревне лен, выписываемый из Кремы, Кремоны и Лоди. При этом не отмечается (например, в Серио) существование полотняных мануфактур: крестьянские изделия непосредственно поступали в продажу [48].

Что касается более тонких полотен, то они выделывались прежде всего, конечно, в самой же Кремонской области, а также и в области Веронской, обрабатывавшей как свой собственный, так и специально выписываемый кремонский лен. Большое полотняное производство, существовавшее в г. Вероне и остальном департаменте Адижа и представленное 15 мануфактурами с 2238 рабочими, сильно пострадало уже в 1808 г. от вздорожания окрашивающих веществ, которые, как и все колониальные товары, стали необычайно редки и дороги уже в первые годы после провозглашения континентальной блокады. Этот недостаток отзывался (не только на веронском полотняном производстве) двумя последствиями: во-первых, материи вздорожали и, сообразно с этим, сократился сбыт, во-вторых, приходилось либо прибегать к неудовлетворительным суррогатам красящих веществ, либо умышленно понижать общие качества выделываемых материй, чтобы можно было выпустить их на рынок не по совсем уже недоступной для потребителя цене [49].

По сбыту тонкой льняной пряжи Кремонская область все время продолжала занимать первое место.

Но и помимо льняной пряжи, там, как только что упомянуто, изготовлялись полотняные материи, которые сбывались не

только в королевстве, но отчасти и за границу[50]. В полном упадке к концу царствования Наполеона оказалось здесь изготовление полотняных *изделий* (не материй, а готовых частей одежды и вообще товаров, непосредственно идущих в потребление). Причина — высочайшие пошлины, преграждающие доступ этим товарам во все те места, где прежде был сбыт, и которые теперь, при Наполеоне, были присоединены к Французской империи: в Романью, Тоскану, Генуэзскую область, в Парму.

Из отдельных предприятий, занятых изготовлением грубых сортов холста и парусины, следует отметить парусинную мануфактуру в г. Монца, открытую Ле Солье в 1806 г., которая получала заказы от морского министерства и поддерживалась этим ведомством. Вообще говоря, купцы, пускавшие в продажу сорта полотняного товара погрубее, по-видимому, не жаловались на недостаток сбыта. Торговля тонкими сортами была поставлена в несколько худшие условия.

В общем итальянские тонкие полотна с большим трудом выдерживали конкуренцию с ввозимым в королевство иностранным товаром.

Тонкие полотна доставлялись в Италию не из Франции (т. е. не из «старых департаментов»), но из Фландрии, входившей, впрочем, в состав Французской империи, а сверх того, и больше из Голландии и из Германии. Голландия издавна славилась лучшими в мире полотнами и полотняными изделиями; что же касается «Германии», то здесь имеются в виду, конечно, преимущественно земли западной и северной Германии, прежде всего герцогство Берг, области, которые вошли в 1807 г. в состав Вестфальского королевства, затем области по Эмсу и Везеру, округи ганзейских городов: все эти германские земли производили прекрасный лен и тоже известны были прекрасной местной пряжей и тонким тканьем, хотя их репутация в этом отношении и не может быть сопоставлена со всемирной славой голландского полотняного производства. Агент французского министерства внутренних дел указывал на возможность для Франции принять некоторые меры к захвату итальянского рынка сбыта, и сама же Италия, по его мнению, может дать для этого средства: королевство в изобилии производит лен, следует поощрять устройство полотняных мануфактур в южной Франции и в Пьемонте (присоединенном к Империи). Тогда имперский ввоз «легко» преодолеет голландскую и германскую конкуренцию[51]. «Легко» победить и вытеснить несравненные голландские товары французам, впрочем, так и не удалось до самого конца наполеоновского царствования. А когда в 1810 г. Наполеон присоединил Голландию к Империи, то сбыт голландских полотен в Италии стал еще беспрепятственнее.

Конечно, присоединение Голландии к Французской империи должно было, таким образом, нанести тяжкий удар итальянскому производству тонких сортов полотна.

4

Конопля произрастала в королевстве Италии в чрезвычайно больших количествах, и производство пеньки и пеньковых изделий было заметным (и тоже стародавним) промыслом в Ломбардии и Венецианской области.

В богатом и промышленном департаменте Рено (гл. гор. Болонья) разведение конопли составляло одну из самых важных статей всей экономической деятельности населения. Считалось (в 1805—1806 гг.), что департамент производит ежегодно до 166 тысяч квинталов пеньки, и все это количество вывозится либо в сырье, либо в обработанном виде. Пенька еще в 1803 г. ценилась в 44—45 лир (квинтал), но война с Англией и другие обстоятельства, неблагоприятные для торговли, понизили эту цену вдвое, до 22 лир. В общем пеньки в сырье из департамента внутрь страны, а также за границу вывозилось 14 миллионов фунтов ежегодно, на сумму в 7852 тысячи лир, пеньковых изделий вывозилось на 600 тысяч лир, веревок (посчитано отдельно) на 320 тысяч лир, так что коммерческое значение обработки в данном случае несравненно меньше значения торговли сырьем [52]. Город Болонья являлся средоточием торговых сделок по скупке и экспорту пеньки и пеньковых изделий. Сбыт направлялся внутрь королевства и за границу. Главные массы этого товара, предназначенные для внутреннего сбыта, а также для сбыта в Тоскане, Парме, отвозились на обе главные ярмарки королевства — в Реджио и Синигалью; товар, предназначенный к вывозу морским путем, шел в портовые города — Анкону, Ливорно, Венецию, Неаполь, а также в Геную и другие порты Империи [53]. Не забудем, что по характеру товаров многое (пеньковые мешки, канаты) раскупалось в самих же портах судохозяевами, грузоотправителями и т. д.

В этой особенно богатой пенькой (Болонской) области канатное производство было очень заметно. В одной Болонье было 48 канатных мастерских, в г. Сан-Джованни — 15, в Будрио — 1, и от 5 до 6 миллионов фунтов пеньки обрабатывалось во всем департаменте. В общем, как сказано, пеньковых изделий отсюда вывозилось на продажу как в королевстве Италии, так и за границу на 920 тысяч лир в год [54].

Болонская мануфактура Пеллегрини-Мартини, занимавшаяся выработкой пеньковых тканей и изделий, потребляла до 40 тысяч фунтов пеньки в год [55]. Славились канатные мастерские всего департамента Рено [56].

Разведение конопли является очень значительной статьей дохода деревенского населения в целом ряде южных департаментов королевства. Например, все крестьянство департамента Кростоло (гл. гор. Реджио) разводит коноплю, и оно же занимается выделкой пеньковых мешков, матрацев, пеньковых частей корабельной снасти и т. п. Население этого департамента работает на вывоз и продает этих пеньковых изделий на сумму около 25 тысяч цехинов в год (цехин = 12 франкам). Вывоз (еще в 1805—1806 гг.) направляется в приморские города, по преимуществу, например, в Геную. Но до той поры, как Генуя попала во французские руки, сбыт туда пеньковых изделий был гораздо значительнее [57], что весьма понятно, если принять во внимание почти полное прекращение генуэзской морской торговли вследствие владычества английского флота на Средиземном море.

В соседнем с Кростоло департаменте Панаро, также входившем прежде в состав герцогства Моденского, находим большое развитие конопляных засевов и пеньковой выделки. Здесь также этим занимается «все население» департамента, и общий ежегодный доход этого промысла в департаменте считался в 1805—1806 гг. равным приблизительно 3 миллионам лир. Вывоз этих изделий направляется не только в Геную, но и в Венецию [58].

В такой области, как департамент Нижнего По (гл. гор. Феррара), где разводилось много конопли и откуда вывозилось ежегодно до 200 тысяч квинталов пеньки, естественно развилось канатное производство. Этого товара вывозилось из департамента до 3200 квинталов ежегодно.

Разводилась конопля и в земледельческой Мантуанской области; там добывалось ежегодно более 3100 квинталов пеньки, из которых вывозилось за пределы департамента очень мало (в 1805 г. всего 225 квинталов), остальное же шло в обработку на месте [59].

Много конопли разводилось и в департаменте Рубикона (части бывшей Романьи).

Наполеон не особенно благоприятствовал вывозу пеньки из королевства Италии за границу. Но, чиня этому вывозу некоторые препятствия, он все же не воспрещал его. А в дешевой итальянской пеньке нуждались многие, как и в дешевом льне.

По данным, которые были в распоряжении министерства финансов, выходило, что повышенная вывозная пошлина на лен и пеньку, установленная декретом 10 октября 1810 г., не помешала нисколько вывозу этого сырья за границу; мало того, в 1811 г. было льна вывезено больше, чем до того времени. Те же данные позволяли министру утверждать, что если пеньки (которая тоже была обложена в 1810 г. повышенной вывозной

пошлиной) было вывезено в 1811 г. и меньше, чем до установления новой пошлины, то уменьшение было незначительно. Впрочем, были обстоятельства, более важные, чем повышение вывозной пошлины, которые складывались весьма неблагоприятно для итальянской вывозной торговли пенькой. Во-первых, Наполеон воспретил транзитное следование итальянской пеньки через Иллирийские провинции; это было сделано затем, чтобы оградить балканские и австрийские рынки от возможной конкуренции со стороны Италии в том случае, если и вывоз французской пеньки также туда направится. Во-вторых, как раз в эти годы, 1810—1813, замечается широкое распространение русской пеньки в германских государствах, куда раньше ввозилась пенька итальянская [60]. При этих условиях еще удивительно, что уменьшение экспорта пеньки оказалось «незначительным» (di poca considerazione).

Чинились препятствия и к вывозу пеньки морским путем (чтобы прекратить незаконную скупку ее англичанами, нуждавшимися в этом товаре).

К 1813 г. у сведущих лиц (с итальянским министром финансов во главе) сложилось вполне определенное представление о причинах, вредящих сбыту итальянской пеньки на иностранных рынках: во-первых, этому сбыту мешает воспрещение (да и фактическая невозможность) вывозить пеньку по морю; когда это было в ходу, *огромные количества* названного продукта непрерывно вывозились за границу [61]. Во-вторых, император поставил решительные препятствия транзиту пеньки через Иллирийские провинции в Австрию, куда до того времени сбывался этот продукт [62].

Промышленники и купцы в Италии, торговавшие пенькой и пеньковыми изделиями, уже в конце царствования просили о понижении французских пошлин, препятствовавших итальянскому ввозу во Францию; их ходатайство было поддержано министром внутренних дел королевства Италии, но так они до самого конца царствования ничего в этом смысле и не добились.

В последние годы наполеоновского царствования победоносная французская конкуренция стала очень заметно отзываться также на всех указанных отраслях текстильной промышленности в королевстве: на размерах обработки льна, пеньки, хлопчатой бумаги. Количество рабочих, занятых в отраслях промышленной деятельности, стало ощутительно уменьшаться. Французские текстильные изделия, платившие ничтожнейшую пошлину, продавались в королевстве по самым низким ценам [63].

Глава XI

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КОРОЛЕВСТВЕ ИТАЛИИ

Общее положение кожевенно-дубильного производства в королевстве. Конкуренция со стороны Франции, Швейцарии, германских стран, России. Недостаток в сырье. Просьбы о воспрещении вывоза сыромятной кожи из королевства Италии. Ввоз и вывоз сырья и выделанной кожи

Кожевенно-дубильное дело в королевстве Италии было одной из заметных отраслей промышленности еще до Наполеона. Это производство давало здесь преимущественно сорта погрубее и подешевле, но вообще было не в состоянии удовлетворить самостоятельно запросам рынка. Французский ввоз широко развился еще в первые годы наполеоновского владычества в Италии. Дубленая кожа ввозилась в Италию из Парижа, Тура, Нанта, Женевы (присоединенной к Империи), из Прованса и Пьемонта. Опаснее всего для итальянской кожевенно-дубильной промышленности была конкуренция именно Женевы, Прованса и Пьемонта, так как из этих мест ввозились те самые сорта, которые больше всего были в спросе среди населения королевства. В Пьемонте, например, с давних пор, задолго до его присоединения к Французской империи, кожевники работали на соседний ломбардский рынок, знали все его вкусы, его средства, и, кроме того, вследствие близости расстояний, расходы по транспорту были равны 4 су за фунт товара (а расходы по перевозке из Парижа, Тура и Нанта равнялись 6 су). Ввозная пошлина для иностранного товара этого рода была равна от 20 до 40 франков за квинтал. Имперский ввоз довольно успешно справлялся с туземной конкуренцией, да и с конкуренцией других стран, которые тоже ввозили в королевство кожевенно-дубильный товар. Прежде всего в этом ввозе участвовала Швейцария (особенно Базель), германские страны (Франкфурт на Майне, Аугсбург). Нелегко было итальянской промышлен-

ности бороться за существование с этими конкурентами. Такой богатый и верный заказчик, как военное ведомство, обращалось со своими заказами не к местной, а к имперской, французской дубильной промышленности [1]. Это делалось, конечно, не вследствие предпочтительных качеств французского товара, а из желания угодить императору, исполняя его непреклонную волю, всегда направленную к поддержке французских производств за счет казны всех подвластных императору стран.

Кожевенно-дубильное дело было очень развито в богатых скотом департаментах, составлявших прежде герцогство Моденское: Кростоло и Панаро. Особенно много дубилен и кожевенных мастерских было в Панаро, как в г. Модене, так и во всем департаменте. Товар производился простой, сбыт его был чрезвычайно велик как в королевстве, так даже и за границей [2]. Было развито это дело также на востоке королевства; из западных частей — в Миланской области.

Кроме вышеназванных стран, королевству Италии приходилось считаться еще с конкуренцией и более далеких земель.

Некоторые дорогие сорта выделанной кожи ввозились из Польши и из России.

У нас есть прямое свидетельство, что, например, сафьян получался в королевстве Италии только из России, так что в Италии еще в первые годы царствования Наполеона были убеждены, что он выделывается исключительно в Российской империи и нигде больше [3]. К концу наполеоновского царствования документы говорят уже и о русском, и о польском сафьяне. Современники приписывали вообще русской конкуренции губительное влияние на развитие кожевенного производства в некоторых частях королевства. Вот пример.

Кожевенно-дубильное производство было представлено в присоединенном Тироле девятью предприятиями, но из них почти все оказались уже в 1812 г. в упадке, исключение — одна мануфактура некоего Рунга (в Триенте). Эти мануфактуры выделывали шагреневую кожу, изготовляли кожаные части одежды, очень некогда распространенные в этой местности. Упадок этого производства наш документ приписывает «прекращению *моды* на кожаные штаны» и исчезновению «обычая носить шагреневые сапоги». Но есть и более осязательные причины, тут же указываемые: тяжелые пошлины, которыми обложен ввоз кожаных изделий во Францию, где некогда эти товары южного Тироля успешно сбывались. Что касается дубления воловьей кожи, то в 1812 г. этот промысел получил «смертельный удар» вследствие распространения в Италии польского и русского сафьяна [4]. Речь идет о конце 1811 и *первой* половине 1812 г.

В департаменте Тальяменто констатируется существование кожевенного промысла, впрочем, ограниченного по размерам и имеющего узкоместное значение [5]. Кожевенно-дубильное дело вследствие возрастающей дороговизны сырой кожи и других материалов испытывает затруднение, товар выходит слишком дорогим, кожевникам приходится бороться с конкуренцией, идущей из Аугсбурга и Гамбурга. Они просят поэтому о повышении пошлин на товары, ввозимые в итальянское королевство из германских (но уже включенных в состав наполеоновской империи) стран [6]. Совершенно ясно (и подтверждается другими документальными указаниями), что Гамбург сбывал в королевство Италию, да и в другие страны южной и центральной Европы кожу, которую получал из России: кожа была с давних пор одним из существенных предметов русского вывоза в Гамбург, Бремен и Любек.

Вредила кожевникам королевства Италии также и французская конкуренция, но на это в те времена можно было намекать, можно было даже при случае констатировать, *жаловаться* же на этот факт было не совсем удобно, по крайней мере в официальных бумагах. Хуже всего было то, что, ввозя свободно и при уплате минимальной пошлины свои кожаные товары и выделанную кожу в Италию, французы в то же время всячески затрудняли ввоз итальянской выделанной кожи во Францию (*французская* «половинная» пошлина была гораздо выше *итальянской*). И чем больше земель Апеннинского полуострова включал Наполеон непосредственно в состав своей империи, тем более сокращался и беднел рынок, некогда доступный кожевникам областей, называвшихся «королевством Италией». Например, как мы знаем, в 1808 г. император отнял у папы области, образовавшие по его повелению три департамента: Тронто, Музоне и Метауро. И вот, кожевникам этих оторванных областей оказалось невозможным сбывать свой товар в своем прежнем отечестве, т. е. в Церковной области, которую вскоре после того Наполеон присоединил уже не к королевству Италии, а к Французской империи.

Вот характерное для данного случая свидетельство документа. Департамент *Musone* занимается главным образом двумя промыслами: полотняным и кожевенным; есть еще и второстепенные. Но все эти промыслы в полном упадке и являют лишь «плач и отчаяние» [7]. В частности, кожевенный промысел тяжко страдает вследствие запретительного тарифа, преграждающего итальянским кожаным изделиям доступ во Французскую империю (т. е., другими словами, в те соседние с «королевством» страны Апеннинского полуострова, которые были непосредственно присоединены Наполеоном к Империи). Вообще местная торговая камера очень откровенно заявила, что никакие «рег-

ламенты» делу не помогут, если не будет установлена «неограниченная свобода» торговых сношений между Итальянским королевством и Французской империей и не будут уничтожены высокие пошлины [8].

С другой стороны, вредила кожевникам королевства также относительная скудость сырья. Мы знаем уже, что, наряду с обильными скотом департаментами, в королевстве были и такие, которые вовсе были лишены скотоводства. Присоединение Пьемонта, присоединение Церковной области к Французской империи были тяжкими ударами для итальянского кожевенно-дубильного производства.

«Критическое положение» кожевенно-дубильного производства, сосредоточенного в Фаббриано и Перголе и лишенного, со времени присоединения Церковной области к Французской империи, возможности получать нужное сырье, заставило министра иностранных дел королевства Италии даже хлопотать перед французским правительством о разрешении вывозить сырую кожу из «бывшего римского государства» в королевство Италию [9] (одновременно он хлопотал и о ввозе шерсти оттуда же). Итальянские кожевники неоднократно жаловались на слишком свободный вывоз сыромятной кожи за границу и просили о запрете. В данном случае их интересы были диаметрально противоположны интересам скотоводов, и правительство колебалось, на чью сторону встать. В конце концов решено было просить императора о запрещении вывоза сыромятной кожи.

Во всяком случае министерство финансов королевства Италии только с тем условием и бралось хлопотать о запрещении вывоза сыромятных кож из Италии, чтобы из этого запрещения было сделано определенное исключение в пользу Французской империи [10]. А между тем именно этот пункт был капитальным: война с Испанией и прекращение трансатлантической торговли лишили Францию значительного подвоза этого сырья, и с каждым годом Империя стремилась все больше и больше закупать его у королевства Италии.

Закончим эти общие указания подсчетом ввоза и вывоза кожи и кожаных изделий, даваемым в документах «торгового баланса».

Кожевенный и пушной товар, кожа и пушнина, кожевенные и меховые изделия посчитаны вместе в торговых балансах королевства. Вот в каких размерах рисуется нашими документами, относящимися к 1809, 1810, 1812 гг., эта торговля (в лирах, чентезимо отброшены) [11]:

	Ввоз в Италию	Вывоз из Италии	Перевес ввоза над вывозом
В 1809 г.	3 706 782	529 842	3 176 839
» 1810 г.	4 582 545	743 655	3 838 889
» 1812 г.	6 851 802	910 981	5 940 721

Относительно 1812 г. даются указания, из которых ясно, что почти весь ввоз шел из следующих стран:

из России (*dalla Moscovia*)	на сумму	2 750 000	лир
» Франции	» »	2 420 000	»
» Германии	» »	830 000	»
» Неаполитанского королевства . .	» »	430 000	»
» Швейцарии	» »	420 000	»

Из России шла вся пушнина, отчасти готовые меховые изделия, сафьян и много сыромятной кожи (pelli greggi). Собственно, все эти товары и были единственной статьей русского ввоза в Италию. Работая в итальянских архивах, я упорно, но совершенно тщетно пытался найти сведения о том, каковы были размеры этого русского ввоза в Италию до наполеоновской эпохи. Мешала при этих поисках не только пестрота былого политического положения отдельных частей той державы, которую впоследствии создал Наполеон под названием сначала республики, а потом королевства Италии, и не только сопутствующий этой пестроте хаос в организации таможен и в составлении разных таможенных отчетов, но и просто отсутствие цифровых показаний, касающихся торговли с Россией. Отдельные упоминания (часто беглые, вскользь) говорят нам, что в течение всего XVIII столетия северная Италия не переставала получать «московскую» пушнину и хорошие сорта «московской» кожи, но сколько? Какие именно области северной Италии? Этого определить не удалось. Больше всего вредило при этих поисках то обстоятельство, что русский товар проходил через много рук, пока добирался до итальянского покупателя, и русские провенансы сплошь и рядом записывались (когда вообще записывались) в актив Австрии или Баварии, или Швейцарии, или иной страны, через которую в последней стадии они проходили. А с другой стороны, еще труднее установить по русским документам, что именно отправлялось в Италию. Даже относительно Франции сделать это бывает сплошь и рядом затруднительно, потому что и в XVIII в., и при Наполеоне Франция получала большую часть русских товаров через посредников; об Италии же и говорить нечего: *прямые*, непосредственные русско-итальянские торговые сношения были незначительны даже и до той эпохи, когда на морях должен был из страха перед англичанами исчезнуть итальянский флаг и когда Иллирийские провинции со своим двойным таможенным кордоном отделили Италию от Австрии на протяжении большей части прежней итало-австрийской границы. Таким образом, приведенная выше цифра 1812 г. есть первое по времени *сколько-нибудь определенное цифровое показание о русско-итальянской торговле*, какое встречает исследователь; как мне кажется, оно

в качестве такового может заинтересовать также и тех, кто не занимается специально экономической историей западной Европы в эпоху Наполеона. На втором месте (по общей цифре ценности ввоза) стоит, как мы видели, Франция; предметами французского ввоза были, конечно, в самой значительной части (если не исключительно) выделанные кожи и кожаные вещи [12], но не кожи сыромятные и не пушнина, ибо этих материалов самой Франции нехватало весьма заметно. Из Германии и Швейцарии, несомненно, ввозились те же в общем товары, что и из Франции, так как эти страны сыромятной кожей богаты, собственно, не были; может быть, впрочем, из Баварии ввозилось отчасти и это сырье. Из Неаполитанского королевства едва ли ввозились мануфактураты: кожевенно-дубильное дело стояло там не на высоком уровне; но сыромятная кожа могла ввозиться и, несомненно, ввозилась, так как стада Калабрии и Апулии были обильны. В этом 1812 г., с показаниями о котором мы тут имеем дело, неаполитанские провенансы могли попадать в королевство Италию (сухим путем) исключительно через французские имперские владения — либо через присоединенную Тоскану, либо через присоединенную же бывшую Церковную область. Может быть, этим объясняется сравнительная скромность цифры неаполитанского ввоза: французский император вообще, а особенно в последние годы своего царствования недолюбливал транзитного торгового движения по своим владениям, и часть по крайней мере неаполитанских провенансов, вероятно, поступала на рынок королевства Италии уже в качестве имперского, французского ввоза.

Итальянский вывоз этого рода товаров, как мы отметили выше, был очень незначителен: в 1812 г. ценность его достигала всего 910 981 лиры. Вывоз этот направлялся главным образом в следующие страны:

во Францию	на	сумму	около	250 000	лир
в Германию	»	»	»	250 000	»
» Швейцарию	»	»	»	150 000	»
» Иллирийские провинции . .	»	»	»	130 000	»
» Неаполитанское королевство	»	»	»	110 000	»

Франция, Германия, Швейцария умудрялись получать из Италии кожу в сырье, что и возбуждало горькие жалобы итальянских промышленников; остальные из перечисленных здесь стран получали, конечно, фабрикаты. Мы видели выше, что итальянские кожевники и дубильщики как раз в этом самом 1812, а также и в 1813 гг. мечтали о воспрещении вывоза кожи в сырье куда бы то ни было, кроме Франции (просить еще и об этом, о запрещении вывоза во Францию, они не смели, да и министерство не соглашалось даже с мыслью о постановке такого рода задачи).

Глава XII

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. Области, богатые рудой. Область Брешии. Размеры добычи брешианских рудников. Промышленные предприятия этой области. Оружейные заводы. Бергамасская область и ее металлургическая промышленность. Выделка кос. Департаменты Ларио (область Комо) и Адды. Сведения о металлургии в присоединенном Тироле. Французская конкуренция. Австрийская конкуренция. Причины успехов австрийской металлургии на итальянском рынке. 2. Общие размеры ввоза и вывоза металлов и металлических изделий по данным торговых балансов. Значение Австрии и Франции в этой отрасли внешней торговли королевства

1

Металлургия королевства была развита почти исключительно в северной, горной полосе, где находились рудники. В этой отрасли производства наличность на месте или близость сырья оказывались решающими аргументами в пользу основания в данном округе промышленного предприятия. На первом месте должны быть в этом отношении поставлены области Брешианская и Бергамасская, на втором месте — область озера Комо (департамент Ларио) и область по течению Адды.

Железо и свинец добывались в горах, разбросанных в области Брешии и во всем департаменте Меллы, главным городом которой была Брешиа. Этот департамент, несмотря на довольно посредственные условия для земледелия, считался одним из самых богатых в королевстве, и только вследствие обилия железной руды в его горах [1]. И население, и представители правительственной власти были притом убеждены, что эксплуатируется только малая часть существующих в этой части Альпийских гор подземных богатств и что одной только группы Вальтомбрия могло бы хватить для снабжения железом всего королевства Италии. Но методы поисков и разработки были примитивны; при столь часто случающемся в горах затоплении галерей водой, их бросали, не делая попытки удалить воду; вообще особых усилий к использованию щедрого дара природы

здесь не прилагалось. В королевстве сильно ощущалось отсутствие горного института [2], который мог бы явиться рассадником столь необходимых знаний. Прикладная химия, гидравлика и т. п.— все это отсутствовало почти вовсе в образовательном багаже лиц, добывавших железную и свинцовую руду в этой северной, горной части королевства.

В общем из рудников, расположенных в горной части департамента Меллы, извлекалось ежегодно около 200 тысяч квинталов железа. «Половина населения» департамента Меллы, по словам наблюдателя, занималась как добыванием руды, так и железообрабатывающим производством. В департаменте насчитывалось в 1806 г. 11 доменных печей и 99 плавильных заведений. Из металлических товаров здесь выделывались больше всего: сельскохозяйственные орудия, кухонная утварь, оружие, ножи, вилки, щипцы, молотки и всякого рода скобяной товар. Всех этих товаров департамент продавал на 2 миллиона лир в год.

Но и за границей, и в королевстве эти брешианские товары должны были выдерживать труднейшую конкуренцию. Недостаточность и дороговизна топлива сильно удорожали итальянский железный товар. Баварцы покупали руду в департаменте Меллы, отвозили ее на мулах к себе домой через горы, и хотя в трудной дороге много поклажи терялось понапрасну, все же предприятие оказывалось выгодным: в лесистой Баварии не было недостатка в топливе, и из итальянской руды там вырабатывалось дешевое железо, потом успешно конкурировавшее с итальянским даже на внутреннем рынке королевства Италии. Еще опаснее была конкуренция австрийская: в Каринтии не только топлива было изобилие, но и руда находилась в гораздо больших количествах, чем в северной Италии, да и рабочий труд в Каринтии был дешевле, чем в королевстве [3].

Оружейное мастерство сосредоточено было в Брешии, главном городе департамента и местном коммерческом центре. До Наполеона здесь выделывалось очень много оружия (между прочим, очень дорогие сорта также). Это оружие сбывалось в страны Леванта, Турцию, острова Архипелага, в Тунис, варварийские земли (Северной Африки); шло некоторое количество этого товара также в Испанию. Считалось, что в год сбывалось отсюда за границу до 30 тысяч штук ружей и другого оружия, на сумму более 1 миллиона франков. Но война с англичанами закрыла доступ к морям и сократила этот сбыт. Еще, впрочем, и в 1805—1806 гг. поступали заказы (например, из турецкой Албании) [4], но, конечно, левантийский сбыт был серьезнейшим образом затруднен.

Наполеоновское правительство, всегда деятельно вмешивавшееся в дела оружейного производства, установило особую

ревизионную комиссию, которая проверяла качество оружия, вырабатываемого в Брешии, и накладывала на каждую штуку особый штемпель: без этого штемпеля оружие не могло поступить в продажу. Правительство открыло там же за свой счет оружейный завод, управление которым вверило офицеру французской службы Левассеру; этот завод был открыт около 1803 г. и уже к 1806 г. процветал. В этом заведении настойчиво проводился принцип разделения труда, что особенно подчеркивает документ [5]. Это разделение труда проводилось даже и в той фазе производства, которая протекала вне стен завода. Дело в том, что первоначальная обработка руды и первая выплавка производились еще в горах, недалеко от рудников, и вот, оружейный завод давал заказы на отдельные части особым поставщикам, которые доставляли каждый свой специально ему данный заказ на завод, где уже эти части металла поступали в дальнейшую обработку. Нечего и говорить, что у каждого из рабочих, работавших на самом заводе, тоже была своя специальность, строго отграниченная и точная. В те времена в Италии все эти приемы были еще совершенным новшеством [6].

Этот казенный завод изготовлял и представлял правительству ежемесячно 600 ружей; каждое обходилось казне в 36 франков. В помещении самого завода работало до 200 рабочих, вне помещения завода 500—600 человек, и, наконец, *две тысячи* человек делали, как сказано, первоначальные части работы и жили в горных долинах близ рудников.

Частные оружейные заводы Брешианской области находились не только под формально установленным наблюдением со стороны администрации большого казенного завода, но и в деловой связи с этим заводом, для которого они тоже изготовляли отдельные заказы. В департаменте существовали два частных завода, изготовлявших холодное оружие, один завод, изготовлявший штыки «прежде из железа, теперь (1806 г.— *Е. Т.*) из стали»; есть две фабрики метательных снарядов и одна, сверх того, специально выделывающая картечь. Наконец, есть завод в Кардоне, специально выделывающий ружейные дула, работающий за счет правительства и дающий занятие 1300 рабочим. На этом заводе введены были усовершенствования, каких не знали тогда и во Франции, и действовал, между прочим, молот, приводившийся в движение особой машиной [7]. Рабочий день здесь длился 12 часов.

Металлургия Брешианской области не ограничивалась обработкой только местного сырья — железа. В местности Вальтромбии были медники, изготовлявшие —отчасти на вывоз — медные товары, причем медь выписывалась из Каринтии. Рабочих-медников насчитывалось там в 1806 г. около 1500 человек. В г. Брешии было много мастерских золотых и серебряных дел; золотых

и серебряных вещей там выделывалось в общем на 400 тысяч лир в год [8]. Ни числа этих мастерских, ни числа рабочих документ не сообщает. Оружейное производство, несмотря на уменьшение (и «значительное») внутреннего сбыта и совершенное прекращение сбыта оружия в страны Леванта, держалось здесь в течение всего рассматриваемого периода. Во всяком случае фабрики холодного и огнестрельного оружия, работавшие в Брешии, как сказано, под надзором инспекторов от правительства, процветали, согласно свидетельству наших документов, еще в 1812 г.[9]

Укажу, что один значительный оружейный завод королевства находился не у самых мест, где добывалась руда.

В Кремоне уже в 1805 г. существовала фабрика снарядов (бомб, ядер и т. п.), устроенная местным капиталистом Кадолине. Он получал от правительства громадные заказы. Когда агент французского министерства внутренних дел посетил это заведение, оно кончало один из таких заказов: ему было поручено выработать 180 тысяч ядер, и из них 160 тысяч уже были сданы правительству (каждое ядро было весом в 25 миланских фунтов; миланский фунт = 12 унциям). Нужное сырье эта фабрика получала из Брешии [10]. При общих условиях, в которых протекало царствование Наполеона, такого рода производство имело в глазах правительства серьезное государственное значение и всегда поощрялось. Тут уж принцип преимущественного покровительства французской промышленности не играл ни малейшей роли: оружейные заводы поощрялись во всех частях владений Наполеона без различия. Правительство давало субсидию Кадолине и предлагало ему открыть еще и пушечный завод [11].

Велика была добыча железной руды, и параллельно с этим развито было металлургическое производство также в соседней северной области — Бергамасской, вошедшей в состав департамента Серио.

В департаменте Серио было 15 доменных печей и 80 железоделательных заведений. Железной руды там добывалось (в 1805—1806 гг.) 1010 тысяч *пезо* (пезо — местная мера веса = 25 фунтам), или 25 250 тысяч фунтов; обработанного чугуна получалось 515 тысяч пезо (= 12 875 тысячам фунтов). В Бергамо и других городах департамента выделывались гвозди и другой железный товар, продававшийся между прочим в Парме, Романье, Неаполитанском королевстве. *Сталь*, по отзывам, изготовлялась здесь лучшая, чем в главной области металлургического производства — Брешианской. Но и здесь уже с 1806 г. наблюдается длительный кризис топлива: скудны леса, недостает древесного угля; это зло, с которым и здешние металлурги, так же как и брешианские, не знали, что

делать. Впрочем, об этой стороне дела уже говорилось выше, там, где речь шла о лесоводстве в королевстве Италии.

В г. Кастро (этого же департамента Серио) по воле Наполеона была открыта в 1804 г. специальная фабрика кос [12]. До той поры подобного заведения не существовало в королевстве, и косы приходилось выписывать из-за границы, чего Наполеон не любил (что выписывать этот товар будут не из Франции, которая сама нуждалась в сельскохозяйственных металлических орудиях, это император знал прекрасно). Это казенное заведение пошло очень хорошо и уже спустя два года начало конкурировать с иностранным ввозом [13]. Ежедневно на этой фабрике выделывалось 150 кос. Сталь изготовлялась в семи мастерских, которые работали исключительно за счет этой фабрики кос [14]. Дело было организовано так, что правительство поручило все ведение предприятия одному лицу (выписанному из Каринтии) и платило ему определенную сумму за каждую готовую косу, а он уже рассчитывался с рабочими. В общем каждая коса обходилась правительству в 3 лиры 5 чентезимо. Почти по той же цене (3 лиры 15 чентезимо) косы поступали в продажу, так как правительство сознательно желало, работая даже в убыток, отвоевать рынок для туземного производства и вытеснить привозные косы, которые, конечно, не могли продаваться по столь дешевой цене: например, косы, привозившиеся из Австрии (Каринтии), продавались по 5 лир, и только после открытия этой правительственной итальянской фабрики австрийцы понизили эту цену до 4 франков [15]. Для этой цели правительству показалось возможным терпеть и такой длительный убыток и истратить на первоначальное обзаведение до 213 тысяч лир, и постоянно нести расходы на ремонт здания и инструментов, на покупку новых инструментов [16].

Итальянское правительство не щадило (не окупавшихся) затрат на эту фабрику кос. Оно имело гораздо более широкие цели, по-видимому, чем инициатор всего предприятия — Наполеон: обозначалось даже намерение проникнуть на имперский рынок, посылались образцы в Пьемонт и в Париж, за два года изготовлено было *29 тысяч* кос, предпринимались через вице-короля хлопоты перед императором о понижении французской ввозной пошлины на стальные изделия и т. п. При этом на Наполеона старались повлиять указанием, что эта пошлина была определена, когда имелся в виду главным образом ввоз кос из Каринтии во Францию, теперь же ввозить собирается уже не Каринтия, а «братская» Италия [17]. Но когда это *братство* должно было принести пользу не французской, а итальянской промышленности, императорское правительство не спешило с ним считаться.

Нужно сказать, что самое производство стальных предметов в Каринтии было гораздо дешевле, чем в королевстве Италии, и, например, коса обходилась в Каринтии производителю всего в 1 лиру 13 чентезимо; но пошлина при ввозе в королевство и расходы по транспортированию сильно повышали цену. Пошлина на стальные *изделия* была значительно выше, чем на *сталь*. Нужно сказать, что недостаток в топливе делался иногда настолько ощутительным, что металлурги северных департаментов королевства приходили к решению выписывать готовую сталь из Каринтии и ограничиваться приготовлением изделий из этой готовой стали, другими словами, они соглашались отказаться от эксплуатации собственной железной руды из рудников, находившихся на территории департаментов Серио и Меллы. Выяснялось, что если считать уже и пошлину при ввозе в королевство, и транспорт («до самых ворот» фабрики), привозная каринтийская сталь будет обходиться почти вдвое дешевле стали собственного итальянского производства (7 франков за один *пезо,* вместо 13 франков) [18].

Железоделательный промысел считался некогда довольно развитым также в расположенном в горах департаменте Адды. Но в городке Тузине и его окрестностях в этом департаменте мы находим (в 1809 г.) всего только «около» 50 (так и сказано в документе: circa 50) рабочих, занятых в железоделательных мастерских. Эти мастерские находились в это время в довольно неутешительном состоянии: недостаток и дороговизна топлива, слишком высокая заработная плата, которую требовали рабочие, падение цен на чугун — вот с какими затруднениями и отрицательными условиями приходилось считаться этим заведениям. К сожалению, мы не знаем ничего более об этих мастерских: ни какую именно плату рабочие требовали, ни чем объясняется падение цены на чугун. Документ наш скуп и скуден, но приходится довольствоваться тем, что он дает [19]. Интересно еще следующее указание: в главном городе того же департамента Адды — в Сандрио — есть медники, которые тоже жалуются на падение производства, но указывают другую причину — «морские войны». Кроме этих лаконических слов (la guerre maritime), в соответствующей графе не находим никаких пояснений. Эта местность экономически тяготела не к «Тирренскому» морю, а к Адриатическому, не к Генуе, а к Венеции, и медные товары, вырабатываемые в Сандрио, могли через венецианский порт сбываться в странах Леванта. Присоединение Венеции к королевству Италии, конечно, должно было сократить или вовсе прекратить этот сбыт. В 1809 г., в сущности, можно считать, что этот промысел в департаменте почти не существует.

Железо добывалось также в департаменте Ларио, в области

озера Комо и прилегающих горных кряжей. Добыча железной руды здесь определяется (в 1806 г.) в 117 900 *пезо* (1 пезо = = 25 фунтам). Есть также и свинцовые рудники, но эксплуатируются из них всего два [20]. Железная руда сравнительно мало обрабатывается в самом департаменте, где насчитывается всего 8 доменных печей.

Но медью природа не одарила недр северных частей королевства, и медные товары больше получались из-за границы.

Медные и латунные изделия привозились в королевство Италию еще в 1805—1806 гг. из Гамбурга в таком количестве, что компетентный наблюдатель итальянской экономической жизни в этот момент даже и не называет других мест за границей, откуда такого рода ввоз идет в королевство [21]. На самом деле, судя по позднейшим свидетельствам и указаниям, эти предметы получались еще из Австрии и отчасти из Франции и из западной Германии. В конце 1806 г. на Гамбург была наложена тяжелая рука Наполеона, и с тех пор торговля Гамбурга с Швецией совсем почти замерла, а между тем медь и латунь и изделия из них Гамбург получал именно из Швеции.

В присоединенном Тироле в момент присоединения было пять предприятий медников и бронзовщиков (все — в г. Триенте). Присоединение оказалось для них гибельным. Дело в том, что они добывали до этого момента топливо и медную руду из Баварии; отторжение от Баварии преградило возможность дальнейшего снабжения дешевым сырьем. Производство вследствие этого настолько вздорожало, что даже новый обширный рынок — королевство Италия — не мог сколько-нибудь компенсировать расходы предпринимателей, и медные товары из присоединенного Тироля, вследствие своей дороговизны, оставались часто непроданными во внутренних областях королевства [22]. Что касается железоделательного производства, то оно оказалось представленным одной мануфактурой, дела которой шли плохо, вследствие дороговизны сырья, недостаточности топлива, трудности транспортирования товаров из этой обширной, горной, малонаселенной местности. Железные товары из области Брешии и Бергамо вытесняли даже с местного, тирольского рынка произведения этой единственной мануфактуры. Да и пошлины на иностранный ввоз были, по мнению местных промышленников, слишком малы в этой отрасли [23].

Мелкий металлический товар в королевстве мало выделывался, по словам французских агентов, но получался главным образом до войны с Англией — из Англии, Франции и германских стран, а после начала войны с Англией — только из Франции и германских стран (по крайней мере легально) [24]. Франция доставляла более тонкие сорта, германские же страны — сорта погрубее.

Железные предметы, вроде орудий земледелия и садоводства, кухонной утвари и т. п. выделывались отчасти в Бреши и Брешианской области, но вообще и в этом товаре королевство сильно нуждалось, и очень много его выписывалось из Германии [25].

Великое герцогство Берг доставляло клинки, ножи, вилки; города Нюрнберг и Аугсбург, так же как французские центры (Париж, Лион, Седан, Легль, Сент-Этьенн), доставляли кольца, иглы, булавки, из Сент-Этьенна ввозились также скобяные изделия и т. п. По-видимому, в этой торговле мелкими металлическими изделиями Германия успешно конкурировала с Францией на итальянском рынке, по крайней мере до 1806 г. Франция ввозила этих товаров в Италию в среднем ежегодно (*до* 1806 г.) 20—30 тысяч килограммов. И в этой области также итальянский рынок ценил прежде всего и больше всего дешевизну [26], а потому и здесь самым существенным средством для борьбы с конкуренцией германских товаров выставляется понижение пошлины на французские товары, причем эта пошлина *непременно* должна быть ниже той, какой обложены или будут обложены германские провенансы. Пока итальянские таможни будут одинаково относиться к германским и французским товарам, до той п ры ничего достигнуто не будет [27]. А это специальное покровительство французской промышленности в Италии представляется справедливым во всех отношениях, «вследствие уз, которые столь тесно соединяют королевство Италию с Французской империей» [28].

Но железоделательным производством Франция не была богата ни в эпоху революции, ни в царствование Наполеона, как я и старался показать во II томе «Рабочего класса во Франции в эпоху революции» и в I томе «Континентальной блокады». В особенности нуждались в железном товаре заальпийские департаменты Империи, наиболее близко расположенные от границы королевства Италии. Итальянские промышленники, всецело поддерживаемые королевским правительством, домогались до самых последних лет наполеоновского владычества, чтобы пошлина на ввозимые хоть в эти департаменты итальянские железные товары была сбавлена наполовину. При этом указывалось как на то, что эти товары, вследствие близости заальпийских департаментов от королевства, могли бы сбываться по дешевой цене, так и на тот (больной для Наполеона) пункт, что «значительная часть французских потребителей» нуждается в железном товаре [29].

До какой степени разумны были соображения итальянцев о далеко не полной насыщенности внутреннего французского рынка железными товарами, явствует из показаний, которые уж никак не могут быть заподозрены в тенденции к умалению

размеров французского производства. Я нашел их в документе, собственно даже и не относящемся прямо к Италии: в докладной записке, представленной Наполеону министерством иностранных дел вскоре после Пресбургского мира и содержащей соображения в пользу заключения торгового договора между Францией и Австрией. В этом конфиденциальном докладе читаем, что в случае заключения такого договора Франция могла бы получать от Австрии железный товар, обработанное железо. При этом указывается, что еще в 1784 г. Англия доставляла Франции этого товара на 14 миллионов ливров (в год), — теперь же, вследствие прекращения сношений с Англией, Австрия могла бы иметь «часть этой прибыли» [30].

На самом деле с австрийской конкуренцией французским металлургам бороться было трудно, а итальянским еще труднее.

Чтобы уяснить себе всю трудность для итальянской металлургии успешно бороться с австрийской конкуренцией как на итальянском, так и на имперском рынках, нужно только взглянуть на сравнительную таблицу цен, которую находим в докладе агента, посланного французским министерством внутренних дел и изучавшего в 1806 г. экономическое состояние Италии. Он сравнивает стоимость стали, угля и рабочих рук в королевстве Италии и в Австрии: в обеих странах он берет для сравнения области, наиболее богатые рудой и известные широким развитием металлургической деятельности, с одной стороны, — департамент Серио (область Бергамо), с другой стороны, Каринтию.

	В королевстве Италии	В Каринтии
Один пезо (1 пезо = 25 фунтам)[31] *стали* стоил (в 1806 г.)	13 франков	4 франка
Одна мера (sac) *угля*	8 »	4 »
Рабочий труд (сдельная плата за одну и ту же изготовку) . . .	6 »	3 »

Немудрено, что при этих условиях, как мы видели, например, одна стальная коса обходилась производителю в Италии 3 франка 5 чентезимо, а в Каринтии — 1 франк 13 чентезимо [32].

В отношении технического образования итальянские металлурги также не всегда могли успешно соревноваться с австрийскими. Королевское правительство это открыто признавало.

Железоделательная промышленность в некоторых отраслях переживала в Италии период детства, и итальянцы старались учиться делу в Каринтии и Штирии, наиболее близких к ним странах, где эта отрасль производства стояла на большой высоте [33].

Вообще без ввоза из-за границы итальянское потребление в этом отношении обойтись никак не могло.

Общее впечатление от изучения наших документов таково: итальянской металлургии приходится бороться с сильной австрийской и сравнительно более слабой французской конкуренцией; это производство не может удовлетворить всех потребностей внутреннего рынка; оно не вполне обеспечено топливом, но довольно изобильно обеспечено рудой (железом и свинцом); в общем оно довольно стойко держится в течение всего периода. Заметим, что для *вывоза* все-таки руды хватало не всегда. Вот пример.

В конце 1809 г. австрийское правительство обложило высокой пошлиной вывоз из Австрии в Иллирийские провинции стали и обработанного железа; что было еще хуже — это одновременно последовавшее совершенное воспрещение вывоза в Иллирию необработанной железной руды. Это последнее обстоятельство поставило железоделательную промышленность Триеста и окружающей области в безвыходное положение. По картинному выражению итальянского министра внутренних дел, эта промышленность совершенно «села на мель». А между тем железоделательным промыслом при австрийском владычестве кормилась в Триесте и Триестинской области чрезвычайно значительная часть населения [34]. Это показывает, что соседний северо-восток королевства Италии совсем не мог снабжать необработанным железом даже близко лежавших иноземных областей, в данном случае Триест и Триестинскую область, включенные в состав Французской империи.

2

Закончим общей картиной ввоза и вывоза как сырья, так и предметов металлургического производства, даваемой «торговыми балансами» королевства.

Королевство Италия и ввозило, и вывозило не только произведения металлургии, но и металлическое сырье. В торговых балансах королевства, дошедших до нас, и металлы, и металлические фабрикаты подсчитаны вместе, и вот какие итоги дают эти документы относительно ввоза и вывоза всех металлических товаров как в сырье, так и обработанных (в лирах, чентезимо отброшены):

	Ввоз в королевство	Вывоз из королевства	Перевес ввоза над вывозом (пассив королевства)
В 1809 г.	3 037 700	2 011 040	1 026 689
» 1810 »	4 416 789	2 120 808	2 295 981
» 1812 »	5 206 422	2 773 091	2 433 331

Мы видим постоянное увеличение зависимости королевства от ввоза, хотя вместе с тем, правда, гораздо медленнее, чем ввоз, увеличивается и вывоз.

Если обратимся к странам, ввозящим в королевство Италию металлы и металлургические фабрикаты, то найдем, что в 1812 г. в королевство было ввезено этого товара:

из Австрии	на	2 370 000	лир
» Франции	»	2 270 000	»
» Германии	»	510 000	»
» Иллирийских провинций	»	20 000	»

Таким образом, из этих четырех стран и ввозится почти весь товар *(5 170 000* лир из показанной общей суммы ввоза в 5 206 422 лиры).

Ввоз из Австрии оказывается самым крупным. Это немудрено, так как австрийские владения снабжали этим товаром с давних пор даже самою Францию, не говоря уже о странах с еще менее развитой металлургической промышленностью. Что касается «Германии», то здесь, разумеется, на первом плане стояло великое герцогство Берг и другие части западной Германии, исстари знаменитые своим металлургическим производством. Франция ввозила не руду, которой у нее было недостаточно, но фабрикаты, и, по всей видимости, именно к французскому ввозу относится пояснение в соответствующей графе настоящего документа в пересчете предметов ввоза lavori d'oro e d'argento, lavori di bronzo [35]. Золотые и серебряные украшения, металлические предметы роскоши, наконец, бронзовые изделия — вот что ввозилось в больших количествах из Франции в королевство Италию. Сельскохозяйственные орудия шли больше из Австрии; ножи, утварь, очасти оружие — из германских стран, отчасти же — из Франции.

Обратимся к вывозу. Нам даются сведения о тех странах, ввоз в которые составляет бóльшую часть всего итальянского металлического и металлургического экспорта [36].

В 1812 г. этого товара было из королевства Италии вывезено:

во Францию	на	590 000	лир
в Неаполитанское королевство	»	480 000	»
на Ионические о-ва и в Иллирийские провинции	»	980 000	»
в страны Леванта	»	120 000	»
» Германию	»	480 000	»
» Швейцарию	»	110 000	»

Мы ясно видим из этой таблицы, что главный экспорт итальянской *металлургии* направлялся на Ионические острова

и в Иллирийские провинции, в некоторые страны Леванта, в Неаполитанское королевство, так как в этих странах собственное металлургическое производство было в общем развито чрезвычайно слабо (мы тут должны считаться, конечно, со всей неопределенностью обозначения *Левант*: в Дамаске, например, ни малейшей нужды в итальянском металлургическом ввозе не было). С такой же уверенностью можно сказать, что в Германию и Швейцарию сбывался большей частью металл в сырье, в необработанном виде, туда именно и шли metalli sodi, о которых говорится в пояснениях нашего документа [37]. Труднее всего определить скрытые от нас составные части цифры 590 тысяч лир, обозначающей экспорт во Францию. Туда тоже, конечно, ввозился необработанный металл, в котором Франция никогда не ощущала особого изобилия, но вместе с тем ввозились, бесспорно, и фабрикаты, и мы даже знаем, что Наполеон в отношении к *этой* отрасли импорта не был непримиримым протекционистом, как, например, относительно всех отраслей текстильного производства. Но точно определить, чего ввозилось из Италии во Францию больше, а чего меньше — металла в сырье или обработанного, сказать трудно. Во всяком случае, даже и в этой отрасли итальянский ввоз во Францию (590 тысяч лир) далеко уступал французскому ввозу в Италию (2 270 тысяч лир).

Королевство не могло в течение всей рассматриваемой эпохи всецело воспользоваться своим драгоценным преимуществом: сравнительным изобилием руды. Но итальянская металлургия, повторяю, относится к числу тех отраслей промышленной деятельности королевства, которые оказались в общем устойчивыми, несмотря ни на какие превратности.

Глава XIII

МЫЛОВАРЕНИЕ. МОСКАТЕЛЬНЫЕ И АПТЕКАРСКИЕ ТОВАРЫ, ОКРАШИВАЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. Мыловарение. Конкуренция со стороны Франции. Попытка итальянских мыловаров избавиться от этой конкуренции. Конкуренция со стороны Триеста. Вопрос о сырье. Меры к облегчению получения сырья. Мыловарение в области Комо. Мыловарение в Венецианской области. Упадок венецианского мыловарения в рассматриваемую эпоху. 2. Москательные и аптекарские товары и окрашивающие вещества. Размеры ввоза и вывоза. Роль Франции в импорте окрашивающих веществ в королевство Италию

1

Мыловарение было довольно распространенной отраслью промышленности в Италии перед приходом французов; в особенности славилось венецианское мыло, вывозившееся в Австрию, южногерманские страны, на Левант. Обилие и дешевизна оливкового масла спасли итальянское мыловарение от совершенного упадка; внутренний рынок оказался достаточным, чтобы обеспечить до известной степени сбыт простых, дешевых сортов мыла, когда сбыт заграничный сократился. Но качество мыла, выделывавшегося при Наполеоне в королевстве Италии, сильно понизилось. Это объяснялось недостаточным подвозом другого сырья, нужного для мыловарения: соды. Сода доставлялась до Наполеона из Сицилии и Испании [1]. Сицилия осталась в руках Бурбонского дома, и торговые сношения с ней для всех стран, находившихся под властью Наполеона, сделались совершенно невозможными; в Испании с 1808 г. шла почти непрерывная народная война против Иосифа Бонапарта, и вывозная торговля Испании, и до того времени ничтожная, свелась к нулю.

В этой отрасли тоже Италии нужно было считаться с конкуренцией прежде всего со стороны Франции: Франция была

сильнейшей из всех возможных соперниц, так как нигде в тогдашней Европе, не исключая и Англии, не производилось таких тонких, превосходных сортов, как во Франции, да и самое производство стоило не дороже, чем в Италии, так как все же Франции легче было раздобыть нужную соду, а оливковое масло Италии было фактически столь же в распоряжении французских мыловаров, как и мыловаров королевства. Следовательно, Франция могла и ввозом простых сортов мыла тоже с успехом отвоевывать у итальянских мыловаров их внутренний рынок. Вся надежда итальянцев (и то сомнительная) была на небольшую пошлину, которую все-таки платили французские импортеры [2].

Торговый договор 1808 г., согласно которому французское мыло начали ввозить в королевство, платя при этом лишь половинную пошлину, поставил итальянское мыловарение в невыгодное положение. Итальянские мыловары не переставали думать о том, как бы это положение хоть немного улучшить.

Собственно, так как главного конкурента итальянских мыловарен — Францию, все равно нельзя было и думать лишать основного ее права ввозить за половинную пошлину в Италию свой товар, то, значит, все дело было в недостаточности пошлины на ввозимое из-за границы неимперское мыло. Эта пошлина, однако, была равна 15 ливрам 30 сантимам за квинтал, т. е. вовсе не отличалась очень уж малыми размерами. Министерство финансов воспротивилось дальнейшему повышению этой пошлины, ссылаясь на то, что нельзя приносить в жертву интересы потребителя. И во всяком случае министерство делало оговорку, что если бы даже оно и согласилось начать ходатайство перед императором о воспрещении ввоза иностранного мыла или повышении пошлины, то исключение должно быть сделано не только относительно Франции, но и относительно Иллирийских провинций. Эти провинции, хотя и были в 1810 г. включены Наполеоном в состав Французской империи, но к ним применялись особые таможенные правила, так что эта оговорка сама по себе не могла бы удивить. Любопытнее то, что сам министр финансов, вспоминая о донаполеоновских временах, указывал на контрабандный ввоз триестского мыла в область, которая была предоставлена тогда в монопольное пользование венецианской торговле мылом. Теперь, значит, должна была быть сделана специальная оговорка в пользу Триеста (Иллирийских провинций), которая отнюдь не могла быть приятна итальянским протекционистам [3].

В то время, как Триест перешел в руки Наполеона, в 1809 г., там существовало не совсем незаметное мыловаренное производство. Поминаются четыре предприятия, выделывающие как простые, так и высшие сорта мыла. Триестское

мыло было значительно дешевле того, которое выделывалось в Венеции, и особенно годилось для нужд некоторых отраслей промышленности. Оно в *весьма значительных* количествах экспортировалось как в германские страны, *так и в державы Апеннинского полуострова*, в частности в королевство Италию; сбывалось оно и в Америку — на американских кораблях, заходивших в триестскую гавань[4].

Нужно тут заметить, что мыло, которое ввозилось в королевство Италию из Триеста и из стран Леванта, не могло по своим качествам соперничать с французским (марсельским) мылом, которое считалось все же лучшим. Впрочем, некоторые наблюдатели полагали, что французский сбыт облегчается теми относительно высокими пошлинами, которыми были обложены левантийские провенансы в королевстве Италии[5]. Восточные мыла, правда, были еще в XVIII в. в большой моде не только на всем юге Европы, но даже во Франции. Марсельское мыло — даже на внутреннем рынке — успешно боролось с этой конкуренцией только со второй половины XVIII в.

Итальянские мыловары стремились обеспечить себя обильным и хорошим сырьем, которое позволило бы им хоть с какой-нибудь надеждой на успех бороться против захвата рынка королевства французами.

Декретом 7 декабря 1807 г. Наполеон, бывший тогда в Венеции, вняв мольбам венецианских мыловаров, распорядился понизить пошлину на ввозимое в королевство Италию оливковое масло. Не следует забывать, что до наполеоновской эпохи оливковое масло доставлялось в Ломбардо-венецианскую область, с одной стороны, из Пьемонта, Тосканы, Церковной области и других территорий северной и средней Италии, которые теперь все были присоединены к Французской империи, а с другой стороны, из Крита, Пелопоннеса и других мест турецкого Леванта, откуда этот продукт привозился на венецианских торговых судах в Венецию. Стремление императора обеспечить для марсельских и других имперских мыловарен достаточное количество хорошего и дешевого сырья выражалось в высоких вывозных пошлинах, которые налагались на оливковое масло, вывозимое из Империи; в то же время завоевание Венеции Наполеоном прекратило подвоз в Венецию масла левантийского. Правда, оставалось еще собственное масло, добываемое в королевстве, но, во-первых, оно было хуже по своим качествам, а во-вторых, все было сделано, чтобы и оно по возможности уходило в Империю. Декрет 7 декабря 1807 г. и должен был несколько помочь итальянским мыловарам, оказавшимся в слишком тяжелом положении. Но пользы от этой милости оказалось все же довольно мало, и к 1813 г. венецианские, например, мыловарни оказались в полнейшем упадке[6].

Главный торговый совет и власти королевства объясняли это непосильной для итальянских мыловарен конкуренцией французского мыла и тщетно ходатайствовали перед Наполеоном о воспрещении ввоза в королевство какого бы то ни было «иностранного» мыла [7]. Прежде процветавшие венецианские мыловарни принуждены были, за недостатком сырья, довольствоваться лишь улучшением тех грубых сортов неаполитанского и иного мыла, какие попадали в Венецию [8].

Трудно с уверенностью назвать все области королевства Италии в рассматриваемую эпоху, где было сколько-нибудь широко распространено производство мыла. Два пункта во всяком случае можно назвать с уверенностью. 1) Мыловарение существовало в городе и области Комо. Там выделывалось особое черное и «мягкое» мыло, употреблявшееся для умывания и для стирки белья, но непригодное для надобностей фабричной работы. По-видимому, это *комское* мыло было распространено и известно по всему королевству [9]. Мыловарен в департаменте Ларио, где находится область Комо, было четыре; по некоторым признакам, эти предприятия были велики по своим размерам и торговому обороту. 2) Более тонкие сорта выделывались в Венеции и былой Венецианской области, но мы в точности не знаем, каковы были размеры этого производства в эпоху Наполеона.

Говоря (в 1813 г.) об упадке венецианского мыловарения министр внутренних дел королевства Италии с полной уверенностью утверждал, что *прежде* венецианские мыловарни кормили *«бесконечное количество семейств»*, т. е. констатирует громадное развитие этого промысла [10]. Но когда «прежде»? Как давно? Выражение per lo addietro не обозначает в точности «недавно», но, по всему построению этого места в тексте документа, мы вправе думать, что речь идет о непосредственно предшествовавших Наполеону временах. Министр в этом документе занимается не историческими исследованиями, а указывает на вредные последствия тех мер, которые прошли уже в эпоху наполеоновского царствования.

Неудивительно, что Наполеон никак не мог добиться сколько-нибудь обстоятельных и точных сведений о венецианской экономической жизни в эпоху, непосредственно предшествующую его появлению на Апеннинском полуострове, когда более близко стоявшее к делу министерство финансов королевства Италии само ограничивалось на этот счет какими-то слухами и преданиями. Венецианское мыловарение, по всей видимости, по всем отзывам, являлось весьма немаловажной отраслью промышленной деятельности в былой столице Адриатики. Венецианские мыловары пользовались, *«кажется»*, в эпоху самостоятельного существования республики, а также при австрийском

владычестве монопольным правом сбыта в принадлежавших Венеции областях по ту сторону реки Адижа, и этой монополии вредил только контрабандный провоз мыла из Триеста; но, по-видимому, потребители были не очень довольны этой венецианской монополией, так как иностранное, запретное мыло было лучше по качествам и дешевле. Слово: *кажется,* подчеркнутое мной выше, обозначает неуверенность не со стороны исследователя, пишущего в 1915 г., но со стороны министра финансов королевства Италии, писавшего официальную бумагу в 1813 г.[11] Самый факт монополии не подтверждается указаниями других документов, имевшихся в моем распоряжении; излишне прибавлять, что не нашел я свидетельств о существовании такого рода монополии и в той небольшой литературе по экономической истории Венеции в XVIII в., какая вообще имеется. Но для нас важно отметить, что самое процветание торговли мылом в Венеции недавних, донаполеоновских дней признает и министр финансов: он только приписывает это монополии, хотя тут же признает, что при всем том *качества* товара не улучшались и потребители на это *жаловались* [12].

Упадок итальянского мыловарения в конце царствования Наполеона признавали не только торговцы и промышленники королевства, но и правительство. Расходились только в определении причин этого явления. Первые приписывали большое и роковое значение иностранной конкуренции; правительство настаивало на том, что виноваты сами мыловары, которые стали выделывать товар низкого качества. От протекционистских или даже просто запретительных мер министр финансов королевства не ждал в данном случае добра [13], но его коллега, министр внутренних дел, присоединился к ходатайству Главного торгового совета и высказался за желательность оградить отечественное мыловарение от тяжких для него последствий иностранной конкуренции [14].

Мы не можем установить сколько-нибудь точно, много ли вывозилось из Италии мыла или ввозилось этого товара, так как в дошедших до нас итальянских «торговых балансах» мыло попало в самую неопределенную графу тех предметов, которые составители балансов не знали, куда отнести. Товары этой графы самими составителями так просто и характеризуются: merci non comprese nelle precedenti sezioni. Ни в смысле технически-промышленном, ни в каком бы то ни было другом смысле между товарами, перечисленными в этой графе, нет ровно ничего общего. Мы узнаем, что в Италию в 1812 г. было ввезено на 5 084 302 лиры следующих товаров: струн, восковых свеч, угля, *бумаги,* печатных книг, китового уса, фарфора, *простого мыла,* различных семян и чернильных орехов. Вывезено было

в том же году из королевства Италии (по той же неопределенной графе) на 4 476 207 лир следующего товара: футляров, соломенных шляп, *мыла*, воска, картин и т. д. Что же можно извлечь из подобных показаний? Только тот вывод, что ни ввозная, ни вывозная торговля мылом в королевстве Италии не была особенно развита, так как и эти общие цифры, даваемые документом для пересчитанных многочисленных и разнороднейших статей ввоза и вывоза, довольно скромны [15].

2

Относительно мыловарения, таким образом, в нашем распоряжении есть кое-какие отдельные указания и характеристики, но нет особых подсчетов ввоза и вывоза; относительно же столь важных для текстильной промышленности красящих веществ у нас есть цифровые подсчеты (так же, как относительно всякого рода москательных и аптекарских товаров), но зато нет никаких иных свидетельств.

Москательных и аптекарских товаров, красящих веществ, пряностей всякого рода и т. п., товаров, «необходимых для промышленности и для медицины», ввезено было в 1812 г. в Италию на 19 993 470 лир, а вывезено на 4 946 877 лир. В 1812 г. все эти товары (drogherie per uso delle arti e medicina) показаны в одной общей графе; для нас тут было бы интересно знать, сколько именно ввозилось и вывозилось окрашивающих веществ, особенно нужных для промышленности и прежде всего для всех отраслей текстильного производства. Зато прямой ответ на этот вопрос нам дают балансы 1809—1810 гг. Там показано, что москательных товаров ввозилось (в 1809 г.) на 17 317 564 франка, медицинских средств — на 1 131 285 лир и окрашивающих веществ (tintorie) — на 4 329 577 лир; а вывезено было первых на 1 597 359 лир, вторых — на 1 129 471 лиру и третьих — на 1 047 140 лир. Что касается 1810 г., то тут показан ввоз москательных товаров на 25 610 201 лиру, медицинских — на 2 466 942 лиры и окрашивающих веществ — на 4 451 509 лир; а вывоз: по первой графе — 2 017 496 лир, по второй — 2 180 440 лир и по третьей — 490 337 лир. Мы видим, что при сравнительно очень небольшом вывозе Италия много покупала этого нужного ей разнообразного товара; видим также, что окрашивающие вещества занимают скромное место, сравнительно с общей суммой выписываемых москательных товаров. Откуда же выписываются все эти москательные, аптекарские товары и окрашивающие вещества? На это нам отвечает документ 1812 г.: из Франции выписывается на 17 340 тысяч лир, из Неаполитанского королевства — на 945 тысяч лир, из Иллирийских провинций — на 1670 тысяч лир. Если эти три

цифры вычесть из общей суммы ввоза (т. е. из 19 993 470 лир), то останется ничтожная сумма, приходящаяся, очевидно, на другие державы, которых, однако, наш документ не поминает [16]. Что касается вывоза этих товаров, то почти весь он направляется в пограничные с королевством Италией французские департаменты (на 2790 тысяч лир) и в Иллирийские провинции и Ионические острова (на 2130 тысяч лир).

Главными предметами ввоза являются среди товаров этой категории: какао, кофе, корица, воск, гвоздика, ладан, мед, смола, перец, щелочная соль, шафран, сахар, хина, медицинские травы, камедь, резина, кошениль, индиго, красящее дерево, самородные квасцы (allume di rocca), красильный корень марена (robbia), сода и др. Кое-что из этих товаров и вывозится из королевства (воск, мед, камедь, резина, лекарственные травы и корни и еще кое-что); вывозится, сверх того, купорос, сера, миндаль и т. д. В снабжении товарами этой категории королевство безусловно зависит от иностранного ввоза; пассив его в 1812 г. равен по этой графе 15 046 592 лирам; а в 1809 и 1810 гг. еще больше. В особенности сильна была эта зависимость именно относительно красящих веществ. В тех двух балансах, где этим веществам отведена особая графа, факт зависимости Италии от заграничного привоза выступает ясно: в 1809 г. пассив Италии был равен 3 282 437 лирам (на общую сумму привоза в 4 329 577 лир!), а в 1810 г. пассив был равен 3 961 171 лире 31 чентезимо на общую сумму привоза в 4 451 509 лир, так как вывезено было всего на 490 337 лир 80 чентезимо. Мы видим, кроме того, что подавляющая масса привоза идет из Франции и Иллирийских провинций (т. е. из Французской империи в точном смысле слова); с другой стороны, вывоз направляется опять-таки во Французскую империю и Ионические острова, тоже находящиеся во власти Наполеона [17].

После всего сказанного в предшествующих главах о стремлении Наполеона заставить Италию получать красящие вещества *только* из определенных складов во Французской империи, то, что говорит нам торговый баланс относительно именно этого товара, не должно нас удивлять.

Глава XIV

ЧАСОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО. ПИСЧЕБУМАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. ВЫДЕЛКА ТЕРРАКОТОВЫХ, ФАЯНСОВЫХ И МОЗАИЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ. СРАВНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КОРОЛЕВСТВА

Нам осталось сказать несколько слов о некоторых производствах, не имевших особого значения в экономической жизни наполеоновской Италии, но все же отмеченных, правда, скудно и случайно, в документах. Дело в том, что даже и такие черты отрицательного характера, как, например, отсутствие или скудное развитие того или иного промысла, некогда процветавшего, могут способствовать уяснению общей картины экономического состояния данной страны в определенную эпоху.

Были производства, которые еще в 1805—1806 гг. совсем отсутствовали в королевстве Италии. К их числу принадлежит выделка часов. Часовщики Женевы и Невшателя, отчасти Парижа снабжали предметами своего производства Италию. Но, вообще говоря, часовщики старых французских департаментов не могли конкурировать на итальянском рынке с женевским и невшательским производством. Если Париж отправлял некоторое количество этого товара в Италию, то, во-первых, очень небольшое количество, а во-вторых, очень дорогие, роскошные вещи; что касается центра французского часового производства — г. Безансона, то он работал, если говорить об экспорте, исключительно на север Европы. Женева прочно завоевала итальянский рынок в этой отрасли. И здесь тоже Женева, отторгнутая от Швейцарии, брала больше всего тем, чем брала и вся Швейцария: дешевизной товара, обусловленной сравнительно низкими ценами на предметы первой необходимости. Но были и другие споспешествующие обстоятельства: часовой промысел был старинным, излюбленным, известным с давних пор

на весь мир промыслом женевцев, они издавна работали на иностранные рынки, и прежде всего на страны Апеннинского полуострова, прекрасно приспособились к вкусам, потребностям, платежеспособности итальянского покупателя [1]. Бороться с ними было невмоготу ни Франции, где этот промысел был довольно развит, ни, конечно, королевству Италии, где он еще находился в зародышевом состоянии. В более или менее спокойные времена женевцы сбывали в королевстве Италии часов на сумму около 2 миллионов франков в год; в 1805—1806 гг. они жаловались, что этот сбыт сократился почти наполовину [2].

Итальянское правительство в эти первые годы, по-видимому, очень не прочь было несколько затруднить этот женевский ввоз, в корне, казалось бы, убивавший всякую надежду на развитие туземного производства. Сделать это было тем безопаснее, что итальянские министры прекрасно знали, какое резкое различие проводится императором Наполеоном между «старыми» и «новыми» департаментами Империи. То, чего нельзя было бы посметь сделать с парижскими или бордоскими купцами, можно было позволить себе относительно женевских или брюссельских, или — позднее — амстердамских, или гамбургских купцов, хотя все они одинаково были подданными Наполеона и обитателями Французской империи. Так было в течение всей наполеоновской эпохи, так понимали дело и итальянские таможни. Женевские купцы жаловались на высокий тариф, принятый в королевстве Италии, а также на придирки, мелочные и многочисленные формальности, на злостное к ним отношение со стороны итальянских чиновников [3]. Они утверждали при этом, что совсем недавно (дело шло о 1806 г.) пошлина на часы, ввозимые в Италию, была вдруг так повышена, что теперь они не находятся ни в каком соответствии с ценностью самого товара. Любопытно, что ни единого экземпляра как старого, так и этого видоизмененного тарифа ни в Женеве, ни в Лионе посланец французского министерства внутренних дел ни у кого не мог найти; это тоже характеризует беспомощность женевских импортеров в борьбе с итальянским фиском, который в данном случае едва ли был чужд произвола и недоброжелательства [4]. Если бы дело шло не о женевских интересах, а об интересах «старых департаментов», не были бы возможны ни внезапные повышения тарифа, ни канцелярская тайна в таком важном вопросе. Все эти обстоятельства привели к широкому развитию контрабандного ввоза часов в Италию,— что сравнительно удобно вследствие небольших размеров этих предметов. Особенно заметна была эта роль контрабанды на примере Венеции: до конца 1805 г., когда Венеция принадлежала Австрии, таможенные ставки на ввозимые часы были сравнительно невелики, и венецианская таможня получала от этой статьи довольно боль-

шой доход. Но едва Венеция была включена в границы королевства Италии, как все переменилось: в то время как прежде (по авторитетному свидетельству женевских купцов) почти все часы, ввозимые в Венецию, проходили через таможню, теперь (в 1806 г.) оказывается гораздо выгоднее прибегать к контрабандному ввозу, страхуя товар от всякого риска (ареста на таможне) и уплачивая страховую премию, которая гораздо меньше, чем взимаемая по итальянскому тарифу пошлина [5]. Если женевцы выбрали Венецию как пример, то не потому, что контрабандный ввоз часов не практиковался и в иных пунктах королевства Италии, но потому, что внезапное подчинение Венеции общеитальянским порядкам, переход ее от австрийского к итальянскому режиму и тарифу делали всякие изменения в венецианской экономической жизни особенно показательными и заметными на первых порах. Что дело идет не только о Венеции, но о *всем* королевстве, это ничуть не скрывается в нашем документе, напротив, высказывается совершенно категорически [6], и женевские купцы ни в малейшей степени не затруднялись признавать всеобщность этого факта («les négociants ne dissimulent pas ce qui se passe à cet égard»,—признает французский уполномоченный, собиравший справки об итальянской торговле). Меры, предпринимавшиеся итальянским королевским правительством, особенно больно били женевское производство еще и потому, что затрудняли транзит, направлявшийся в Тоскану, в Неаполитанское королевство и другие области Апеннинского полуострова, так как и для транзита не делалось никаких снисхождений. При этом итальянские власти неукоснительно требовали от продавцов так называемых «свидетельств о происхождении» товара (certificats d'origine), что тоже затрудняло торговые операции и подавало повод к новым придиркам; в сущности же, если где можно было обойтись без этих *certificats*, то именно в данном случае, так как Англия вовсе часов не сбывала в Италии ни до, ни во время владычества Наполеона, и всем было известно, что часы ввозятся почти исключительно из Женевы, Парижа, Невшателя.

Весьма мало было развито в королевстве и писчебумажное производство.

Лучшие бумажные фабрики королевства, числом до сорока (sic!) [7], находились в Брешианской области в департаменте Меллы, у рек Сало и Вальтромбии. По отзывам, до нас дошедшим, эти-то фабрики и снабжали главным образом все королевство Италию бумагой. Одна из них изготовляла специально веленевую бумагу, славившуюся в Италии. К сожалению, никаких более точных подробностей об этих фабриках я в документах не нашел, кроме указания, что все эти фабрики, точнее

мастерские, продают ежегодно товара всего на 900 тысяч лир.

Были писчебумажные фабрики также в Милане, Бергамо, Венеции, но, кажется, совсем ничтожные по размерам. Из французских документов мы узнаем, что французские писчебумажные фабрики работали отчасти и на королевство Италию. К сожалению, торговые балансы королевства не дают никаких цифровых указаний, касающихся этой отрасли промышленности.

Неясны сведения также о производстве стародавнего североитальянского товара — фаянсовых и терракотовых вещей.

Мы знаем из неитальянских источников, что во Франции, в Австрии, в южногерманских государствах, в Швейцарии, в Англии разносчики из Ломбардии и Венецианской области, торговавшие фаянсовыми, терракотовыми, мозаичными и тому подобными вещицами, были в XVIII и начале XIX в. явлением очень распространенным. Но тщетны были мои попытки найти в документах сколько-нибудь точные указания о размерах этого производства и этой торговли.

Нужно сказать, что в самой Фаэнце (в департаменте Рубикона, бывшей Романье), давшей свое имя фаянсовому производству, это производство уже в первые годы Наполеона оказалось в упадке и было представлено двумя небольшими мануфактурами [8]. Но куда перешло это производство? Есть сведения о Кремоне, о Вероне и Виченце, где выделывались фаянсовые вещи, но эти сведения крайне общи и неопределенны.

В Болонье была одна мануфактура фаянсовых и терракотовых изделий. В 1806 г. она еще только начинала развивать свою деятельность, но ужа брала перевес над Фаэнцой, где стародавнее производство, как только что сказано, пришло в первые годы [правления] Наполеона в упадок. Нужный сорт земли Болонья получала из Виченцы, где это мастерство тоже было в ходу [9].

Столь же скудны сведения о мозаичном производстве.

Император пожелал воскресить в Милане пришедшее там в полный упадок мозаичное искусство. Он повелел выписать из Рима одного из искуснейших художников по этой части — Рафаэли, которому и платил из казны 21 тысячу франков в год, возложив на него обязательство готовить мастеров мозаичного дела; но, по-видимому, ничего сколько-нибудь значительного из этого не вышло. Наш документ объясняет неуспех попытки тем обстоятельством, что Милан — не Рим, куда ездят богатые путешественники, покупающие подобные предметы роскоши. Во всяком случае было констатировано, что экономического значения для миланского населения (comme une ressource) выделка подобных предметов роскоши не имеет [10].

Сопоставим теперь 1) цифры вывоза из королевства Италии всех продуктов и мануфактуратов и 2) цифры пассива и актива

внешней торговли по отдельным статьям. Это сопоставление даст нам ясное представление о том, как современники (наиболее осведомленные) оценивали относительную роль отдельных отраслей производства в наполеоновском королевстве. По указанным выше причинам берем цифры 1812 г. (в лирах).

	Сумма вывоза	Перевес вывоза над ввозом (актив Италии)
Шелк и шелковые товары	59 382 502	55 617 021
Зерновые продукты, кормовые травы и овощи	34 234 004	31 163 667
Дерево, дрова, деревянные изделия .	1 232 538	160 799

Только по этим трем статьям и показан актив королевства Италии. По всем остальным статьям королевство больше ввозит, чем вывозит.

	Сумма вывоза	Перевес ввоза над вывозом (пассив Италии)
Съестные припасы (commestibili) . . .	10 470 300	23 325 658
Шерсть и шерстяные товары	4 043 289	17 041 425
Москательные и аптекарские товары, окрашивающие вещества, колониальные продукты	4 946 877	15 046 592
Скот	1 065 102	13 348 428
Лен, хлопок, пенька, полотняные, хлопчатобумажные, пеньковые ткани и изделия	17 189 565	6 539 918
Кожа и кожевенный товар	910 981	5 940 721
Металлы и металлические изделия	2 773 091	2 433 331
«Товары, не вошедшие в предшествующие рубрики» (merci non comprese nelli precedenti sezioni): бумага, мыло, свечи, соломенные шляпы, фарфоровые изделия, гранатовые изделия	4 476 207	608 095

Сумма всего вывоза равна, как мы уже знаем, 140 724 461 лире, а сумма ввоза равна 138 067 143, и, таким образом, в общем итоге королевство (в 1812 г.) заключает свой торговый баланс с активом в 2 657 317 (чентезимо во всех подсчетах отброшены, чем и объясняется цифра: 2 657 317, а не 2 657 318).

Мы видим ясно, какую колоссальную роль играло шелкоделие и шелководство в экономической жизни страны, сравнительно со всеми другими отраслями промышленности и сельского хозяйства: из 86 941 480 с лишком лир общего «актива» коро-

левства больше 55,5 миллионов лир даны перевесом вывоза шелка и шелковых товаров над ввозом!

На втором месте по своей роли в вывозной торговле стоит земледелие (31 163 677 лир «актива»).

Собственно, эти две отрасли хозяйственной жизни королевства и дают почти весь «актив».

Зато наглядно выступает вся зависимость королевства от иноземного ввоза: в самых важных отраслях, в кожевенном, металлургическом, шерстяном, полотняном и хлопчатобумажном производствах, в деле снабжения скотом и различными съестными припасами королевство оказывается в серьезной зависимости от иностранцев (не говоря уже, конечно, о колониальных товарах всякого рода). И хотя в документе о торговом балансе, как уже неоднократно мной указывалось, сырье и мануфактураты посчитаны (по всем отраслям) в одной графе, но целый ряд других свидетельств, приведенных в изобилии во всех почти главах моей работы, показывают ясно, что в большинстве случаев эта зависимость от иностранцев создавалась не недостатком сырья, но нуждой в мануфактуратах. Выражаясь терминами торгового баланса, не сельское хозяйство, а промышленная деятельность главным образом создавала цифры «пассива».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постараемся формулировать главные выводы, к которым позволяет прийти исследование привлеченных источников. Частичные, более детальные выводы делались уже в отдельных главах настоящей работы. Чтобы избегнуть, по возможности, повторений, будем стремиться к наибольшей краткости.

1. Королевство (а ранее республика) Италия было поставлено Наполеоном в такие политико-географические рамки, в которых оно могло лишь с трудом жить, так сказать, полной экономической жизнью, беспрепятственно развивать свои богатые производительные силы. Присоединение Пьемонта к Франции, отторжение Истрии и Далмации от королевства, присоединение к Империи также Пармы, Пьяченцы, Тосканы, Церковной области — все это, с одной стороны, лишало королевство нужных ему скота, строевого леса и леса для топлива, шерсти и иного сырья, а с другой стороны,— привычных, стародавних соседних рынков сбыта своих товаров.

2. Эти последствия производившихся Наполеоном непрерывных аннексий отдельных частей Апеннинского полуострова к Французской империи усугублялись в своем вредном для королевства значении еще и тем обстоятельством, что все так называемые «заальпийские департаменты» своей Империи Наполеон тщательно отгородил от своего же королевства Италии таможенной стеной и с беспощадной суровостью следил за тем, чтобы королевство, с одной стороны, не воспользовалось нужным сырьем (если это сырье могло быть необходимым также самой Империи), а с другой стороны, чтобы королевство получало, по возможности, все необходимые ему мануфактуры исключительно из Франции. По его мысли, королевство должно было

превратиться в экономическую колонию Французской империи.

3. Для достижения намеченных целей император не останавливался решительно ни перед чем. Запретительными декретами он лишил королевство права выписывать самые необходимые текстильные товары откуда бы то ни было, кроме Франции. Он, по мере возможности, препятствовал проникновению в королевство также и других товаров. Попытки итальянской промышленности встать на ноги, сделаться самостоятельнее встречались им без малейшего доброжелательства. Точно так же упорно и последовательно он лишал королевство возможности пользоваться имперским сырьем, нужным для мануфактур, и когда разрешил вывоз шерсти из Церковной области (присоединенной к Империи) в королевство Италию, обусловив этот вывоз сравнительно небольшой пошлиной, то этот поступок понимался как великая милость.

4. Земли, вошедшие в состав королевства Италии, были сравнительно богаты хлебными злаками, рисом, льном, коноплей и обильным шелководством, имели (на севере) железную и свинцовую руду; они были гораздо менее обеспечены скотом, и как кожевенное, так и шерстяное производство это ощущали иногда весьма явственно. Давал себя чувствовать (особенно в металлургии) и недостаток топлива. Сельские хозяева меньше терпели от наполеоновской торговой политики, так как император смотрел на итальянский хлеб, да и вообще на все сырье, производимое итальянской почвой, как на резерв, которым можно и должно воспользоваться в тех случаях, когда французский потребитель или французский промышленник перестанет находить это сырье в достаточном количестве у себя дома. Поэтому нередко перед итальянским хлебом, рисом, шелком-сырцом широко распахивались двери в Империю. Но если от этого выигрывали итальянские сельские хозяева, то сплошь и рядом теряли, конечно, итальянские потребители и мануфактуристы. В особенности тяжко это ощущалось шелкоделами королевства Италии, лишавшимися местного шелка-сырца. В этом случае как раз не выигрывали даже производители сырья, так как Наполеон в те времена, когда Франция почему-либо начинала испытывать недостаток в шелке-сырце, *воспрещал* вывоз этого продукта из Италии куда бы то ни было, кроме Франции, и тогда уж французские промышленники, в качестве монопольных обладателей рынка, назначали за итальянский сырец произвольно малые цены.

5. Перед появлением Наполеона области, вошедшие при нем в состав республики (а потом королевства) Италии, представляются нам сравнительно малопромышленными, но все же имеющими некоторые важные по существу отрасли производ-

ства. Зерновые продукты и шелк — вот основное богатство этой страны и в начале, и в конце рассматриваемого периода. Из отраслей производства на первом плане стоит шелкоделие, затем полотняное и пеньковое производство, отчасти шерстяное производство, заметно производство некоторых особых местных товаров, широко сбываемых на заграничных рынках (тонкие сыры, некоторые вина, соломенные шляпы). До Наполеона и в первые годы его владычества замечается также на севере, в горных частях королевства, довольно большое развитие металлургического производства, которое, однако, было стеснено как недостаточностью топлива, происходившей от обезлесения севера королевства, так и малой распространенностью технических знаний.

6. Провозглашение континентальной блокады нанесло тяжкий удар прежде всего шелкоделию и шелководству королевства, так как англичане, несмотря на то, что с расторжения Амьенского мира в 1803 г. находились в непрерывной войне с Наполеоном, тем не менее вели оживленную торговлю с королевством. Эта торговля стала решительно и упорно преследоваться только после провозглашения блокады и распространения ее в декабре 1806 г. на королевство Италию.

7. С того же времени наблюдается резкое падение морской торговли королевства. Блокада берегов английскими судами становится все решительнее и реальнее. До 1809 г. австрийский Триест ведет оживленную торговлю с Англией, со странами Леванта, и оттуда часть подвозимых с моря товаров сбывается в королевстве. После 1809 г., когда Триест попадает в руки Наполеона, морская торговля этого порта гибнет. Губя морские порты королевства, уничтожая морскую торговлю Италии, блокада наносила вред не только шелкоделию и шелководству, но отчасти, хотя и в гораздо меньшей степени, и другим производствам, поскольку они были рассчитаны на сбыт в странах Средиземного бассейна.

8. Но так как большая часть итальянских производств была рассчитана прежде всего на внутренний рынок, то блокада сравнительно мало отразилась на всех прочих отраслях текстильной промышленности (кроме шелковой), а также на металлургии. Всем этим производствам вредила не столько блокада, сколько вредили вышеотмеченные упорные и планомерные усилия Наполеона, направленные к превращению королевства в незащищенный рынок сбыта для французских товаров.

9. Что эти усилия реально угнетали экономическую жизнь королевства, доказывается не тем, что в 1810 г. из 140 337 565 лир (сумма общего ввоза) на долю Франции пришлось 68 013 000 лир, на 21 миллион больше чем в 1809 г.; не тем, что

в 1811 г. этот французский ввоз был равен почти 70,5 миллионам (из 129,5 миллионов общего ввоза); не тем, что в 1812 г. Франция ввезла уже на 80 294 000 [лир] из общей суммы ввоза в 138 067 143 лиры, но прежде всего именно явной невозможностью для королевства *воспользоваться* изгнанием английских фабрикатов с итальянского рынка. То, что потеряли в Италии англичане, выиграли не итальянцы, но французы. Такая, например, великая экономическая перемена, как совершавшееся повсеместно в Европе в конце XVIII и начале XIX в. вытеснение полотняных товаров хлопчатобумажными, коснулась и королевства Италии, но только в том смысле, что изменился *спрос, предложение* же последовало (после изгнания англичан) не со стороны итальянской, туземной, но со стороны французской промышленности, и Наполеон делал все зависящее, чтобы Италия не обзавелась собственным хлопчатобумажным производством, а также, чтобы итальянский потребитель не мог воспользоваться швейцарским, германским, австрийским и каким бы то ни было иным предложением, кроме французского.

10. Королевство Италия является в эпоху Наполеона страной мелкого ремесла и рассеянной, разбросанной, часто по деревням, домашней промышленности. Тем не менее в целом ряде производств мы обнаруживаем бесспорно доказываемое документами существование некоторых довольно крупных предприятий, дающих заработок сотням рабочих. Но и в этих случаях есть признаки, позволяющие утверждать, что рабочие работали преимущественно на дому и в мелких, подручных мастерских, а не в здании самой мануфактуры.

11. Введение гражданского и торгового кодексов, гораздо более совершенных, чем старое законодательство, широко поставленное проведение и улучшение путей сообщения, решительная (хотя и не приведшая к полному достижению цели) борьба с разбойничьими шайками, общее улучшение полицейских порядков — все это были благоприятные для торговли и промышленности условия, созданные Наполеоном в королевстве Италии. Но их благое действие серьезно парализовалось другими факторами: а) постоянными войнами, расстраивавшими общую торговую жизнь Европы, а иногда и непосредственно затрагивавшими королевство Италию; б) постоянными рекрутскими наборами, от которых страдало больше всего именно городское, рабочее население; в) общим торгово-промышленному классу и настойчиво констатируемым документами чувством беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне, что вызывалось произвольными арестами купцов и конфискацией товаров, обысками, внезапными решениями императора в области таможенной и общей политики, постоянными слухами об уничтожении даже чисто внешней «самостоятельности» коро-

левства и т. п.; г) придирками, насилиями и всяческими препятствиями, чинимыми таможенными властями на всех границах королевства, где оно соприкасалось с владениями Наполеона (на границах с Пьемонтом, с Иллирийскими провинциями, с Пармой и Пьяченцой, с бывшей Церковной областью); д) прежде всего и больше всего вышеуказанной общей экономической политикой Наполеона, направленной на пользу Франции и *во вред* Италии (если это требовалось интересами Франции).

12. Все эти отрицательные условия в глазах торгово-промышленного класса королевства Италии перевешивали вышеотмеченные благие последствия наполеоновского владычества. Здесь не замечается антагонизма между торговцами и промышленниками, того неодинакового отношения к блокаде и ко всей экономической политике императора, которое так заметно было во Французской империи, где промышленники были в общем довольны, а торговцы роптали. В королевстве Италии и купцы, и промышленники были обижены, и те, и другие чувствовали себя угнетенными, понимали, что их интересы одинаково приносятся в жертву интересам чужой нации. Больше, чем какой-либо иной слой итальянского общества, класс торгово-промышленный на вопросы: чем держится и для чего существует наполеоновское владычество в королевстве? — склонен был ответить: держится мечом, а существует для эксплуатации страны.

Мы видели, что сам Наполеон вполне открыто признавал справедливость первого ответа и всеми действиями своими доказывал и подразумевал основательность второго...

13. Что касается Англии и ее экономических отношений с Италией, то, в свете тех фактов, которые я привожу в настоящей книге, становится более понятным упорное нежелание английского кабинета отказаться от о. Мальты, нежелание, дошедшее в 1803 г. до готовности нарушить Амьенский мир и способствовавшее решению вступить в новую, тяжкую борьбу с Наполеоном. Без Мальты затруднительно было бы организовать в нужных размерах ту широкую контрабандную торговлю с Италией, которая только и снабжала Англию шелком-сырцом. *Все* английское шелкоделие без этого контрабандного вывоза итальянского шелка было осуждено на неминуемую гибель. С другой стороны, без Мальты контрабандный ввоз на Апеннинский полуостров колониальных продуктов тоже был бы очень труден. Что касается контрабандного ввоза своих мануфактуратов в Италию, то в *этом* отношении англичане были заинтересованы значительно меньше, чем а) в получении итальянского сырца и б) в ввозе в Италию колониальных товаров.

14. Из всех стран, вошедших в состав королевства Италии, наиболее болезненно чувствовала разрыв с англичанами именно

Венеция и Венецианская область. Воссоединение с Истрией и Далмацией ненадолго дало надежду на возможные в будущем экономические компенсации как для Венеции, так и для всего королевства Италии, на возможное развитие торговых сношений с востоком, на воскрешение и укрепление стародавних экономических связей со странами Леванта. Эта надежда потухла, когда император отнял от королевства Истрию и Далмацию. С этих пор королевство окончательно оказалось сдавленным почти со всех сторон владениями Французской империи, отрезанным от главных, стародавних своих торговых путей.

С 1810—1811 гг. королевство окончательно попадает, таким образом, в положение французской имперской колонии — в экономическом отношении. Исчезает единственный залог лучшего будущего, залог возможного распространения и усиления экономического влияния на Балканском полуострове. С этих пор королевство покорно, как и прежде, переносит свою участь, но уже утрачивает последние основания дорожить наполеоновским владычеством, поскольку дело идет об экономическом развитии страны.

1916 г.

Падение абсолютизма в Западной Европе

Исторические очерки

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1

Проблема о причинах смены одних государственно-правовых начал другими, как и всякая иная социологическая проблема, в весьма серьезной степени затрудняется часто не вполне ясной постановкой вопроса. Там, где нужно еще только стремиться приблизиться к пониманию главного, весьма нередко предлагаются объяснения деталей, которые выяснять и невозможно, и не так непосредственно необходимо. Это понятно, если принять во внимание, что в этой сфере ученому приходится часто бороться с политиком, что поэтому иной раз второстепенные и третьестепенные подробности, которые социологически и не уследимы или мало уследимы и не интересны, поглощают все внимание исследователя только по причине их политической злободневности. Писались же при Второй империи во Франции глубокомысленные рассуждения о том, что французам свойствен монархический «дух», каковой будто бы и объясняет двукратное крушение республиканского образа правления, тогда как на первом плане должно было бы стоять выяснение происхождения длительной реакции имущих классов, а не одна из форм этой реакции — империя. Социологически империя была тут феноменом второстепенным, но, конечно, не всем ученым, пережившим 50—60-е годы XIX в., одинаково легко было бы проникнуться мыслью, что империя и Наполеон III — это нечто второстепенное. Таких иллюстраций можно было бы привести достаточно. Задача исследования в данной области должна иметь отношение прежде всего к двум коренным вопросам социальной эволюции. Эти коренные вопросы играют такую огромную роль, что на них следует остановиться несколько обстоятельнее.

Среди мыслей Гельмгольца, собранных учеником его Лео Кенигсбергером, есть одна, имеющая внутреннюю связь с тем, о чем у нас сейчас пойдет речь [1]. По словам Гельмгольца, задача естественных наук заключается в поисках того, что остается неизменным в смене явлений. По его убеждению, этому требованию лишь отчасти удовлетворило развитие понятия о силе, с таким теоретическим последствием этого развития, как установление закона смены явлений. Дальнейший шаг должен был состоять в том, чтобы найти химические элементы, т. е. материю, одаренную свойствами неуничтожаемости и неизменности.

Социология также стоит пред проблемой, аналогичной той, о которой говорит Гельмгольц. Здесь также необходимо прежде всего выяснить то неизменное, что есть в непрерывной эволюции исторических явлений; здесь также для решения указанной задачи нужно, во-первых, стремиться выяснить движущую силу, природу этой силы, творящей эволюцию, а во-вторых, стараться разглядеть те простейшие элементы, на которые разлагаются исторические явления. Это и есть те коренные вопросы обществоведения, без решения которых, в том или ином смысле, абсолютно немыслима никакая мало-мальски цельная социологическая теория.

По общепринятому определению, энергия есть способность силы производить известную работу. Социальная энергия есть способность силы произвести известную социальную работу. О какой силе тут идет речь? Штаммлер говорит, что все движения социальной жизни совершаются исключительно при посредстве (durch das Medium) социальных феноменов [2]. Продолжая начатую мысль, скажем, что социальные феномены, называются ли они реформами, или революциями, или еще иначе, являются именно формами проявления социальной энергии; самая же социальная энергия есть способность психической и физической силы общественных масс производить в тех или иных размерах работу давления на окружающий общественный уклад. Как мы уже неоднократно имели случай сказать, нам кажется наименее произвольным и наиболее обоснованным тот взгляд, что эта психическая и физическая сила общественных масс и управляется, и направляется царящими в каждый данный момент условиями производства и распределения экономических благ. Естественно, что если социальная энергия начинает напирать на стенки сосуда, на формы общества, иначе говоря, на те правовые условности, которые перестали соответствовать новым, становящимся все интенсивнее, экономическим потребностям, то она, эта энергия, не может в конечном счете не произвести требуемых изменений социально-юридического и политического характера, предполагая, конечно, что экономическая эволюция в данной общественной группе не примет иного направле-

ния и не начнет регрессировать (ибо и эта возможность логически не должна быть исключена).

Употребив в только что написанной фразе выражение «в конечном счете», мы должны раньше, нежели продолжать свое изложение, ответить на возражение, которое делает Штаммлер по поводу этой постоянно встречающейся и не нравящейся ему оговорки. Он — один из самых серьезных критиков исторического материализма, высоко ставящий, впрочем, методологическое значение этой теории, а пункт, о котором мы хотим говорить, по-видимому, представляется ему существенным. Сущность взглядов Штаммлера по этому поводу сводится к следующему: оговорка, что экономические новые условия только «в конце концов» побеждают и вызывают требуемые правовые изменения,— эта оговорка лишает материалистическое воззрение на историю значения непреложного закона. Ибо, как долог будет период, предшествующий этому «концу концов»?[3]. И кто поручится, что в течение этого периода не проявятся в экономической жизни новые производительные силы, которые вызовут новую борьбу еще раньше, чем закончена будет старая борьба, которые устремятся к новым целям еще раньше, чем достигнуты цели, прежде намеченные? А если так, то, значит, нельзя утверждать, что обусловленные экономическими причинами стремления к социальным переменам всегда, с точностью естественно-научных законов, приводят к осуществлению этих перемен. Ибо закон в строгом смысле не знает и не допускает никаких исключений, и поэтому оговорка «в конце концов» именно и не дает права говорить тут о непреложном законе исторических явлений. Если бы этот закон был на самом деле законом, то стремления к перемене должны были бы возыметь непосредственный успех, «ибо содержание и обоснование этих стремлений нисколько не повышаются от того обстоятельства, что их приверженцы в состоянии развить несколько бо́льшую силу; на шатком вопросе о силе не может быть основана никакая социальная закономерность». Если одни и те же стремления в одном историческом случае приводили к победе, а в другом историческом случае еще только ждут победы и надеются «в конце концов» победить, то здесь значит, ни о каком законе говорить нельзя, ибо закон никаких «если» не признает (kein Wenn und kein Aber). Так дело обстоит, например, в механике. Ведь не гласит же, например, закон тяжести, что земля притягивает тела, *если* ничто не станет между ней и этими телами. Таковы мысли Штаммлера, рассмотрим их.

Когда Штаммлер говорит, что период борьбы новых стремлений со старым укладом может быть продолжителен и что за это время могут возникнуть новые стремления и изменить направление и конечную цель борьбы, то это совершенно

верно; но что же отсюда следует? Ведь эти новые стремления будут в свою очередь обусловлены ходом социально-экономической эволюции, и новые цели тоже будут целями, нужными социально-экономической эволюции, а самое возникновение этих новых целей будет свидетельствовать о том, что цели старые стали ненужны, упразднились ходом социально-экономической эволюции, растворились, интегрировались целями новыми, что, значит, по существу своему те старые препятствия, против которых началась было борьба, не оказались в состоянии остановить ход экономической эволюции, хотя видимая победа и не была еще над ними достигнута, хотя формально они еще не были низвержены.

Именно продолжающееся существование этих старых препятствий при наступившем изменении целей социальной борьбы и будет свидетельствовать о том, что для социально-экономической эволюции эти былые «препятствия» стали безвредны по существу. Экономика — не Ахиллес, а политика — не Гектор; у стихии нет самолюбия, желания торжества ради торжества, стремления к видимой, кричащей победе. Капиталистическое развитие Германии не произвело нужных ему изменений в государственно-правовом быте германских государств, именно в 1848 г., и в полном объеме, предполагавшемся тогдашней буржуазной идеологией, но «в конце концов» в такой ничтожный исторический миг, как какие-нибудь 20 лет с небольшим, то, что на самом деле было неодолимым тормозом экономического развития страны, исчезло как дым, а то из старого порядка, что являлось несущественным, хотя и больше всего кричавшим на авансцене, благополучно осталось.

Далее Штаммлер, как мы видели, полагает, что содержание и обоснование стремлений к перемене правового уклада должны были бы всегда обусловливать *неизбежность* этой перемены независимо от несколько большей или меньшей силы, которой располагают приверженцы названных стремлений, если бы в самом деле материалистическое воззрение было законом, ибо вопрос о силе так шаток, что на нем не может быть основана никакая закономерность. А между тем, говорит он, исторический опыт указывает, что такой *неизбежности* нет.

Этого возражения принять нельзя ни в каком случае. Если вследствие «шаткости» вопроса о силе оставить этот вопрос в стороне при анализе проблемы о социальных переменах, тогда лучше и всю проблему отложить в сторону, ибо без этого вопроса она теряет всякую реальность и превращается в более или менее искусно замаскированную игру слов. Устранить этот вопрос из социологии значит вынуть душу из этой науки, ибо что же такое история, как не наука о перемещениях и видоизменениях социальной силы? Что такое социология, как не

наука об общих причинах этих перемещений и видоизменений? Правда, социология все еще представляется «шатким» зданием, но вовсе не потому, что самый *вопрос* о силе шаток, а потому, что недостаточен запас фактов и выводов, которые бы облегчили полное и окончательное уразумение того, как в каждом конкретном историческом случае распределилась в обществе социальная сила. Строгий и точный юрист, Штаммлер захотел понять в этом вопросе исторический материализм так, как если бы эта теория покоилась на наивнейшей идеологической уверенности в фатальном торжестве известных «стремлений» самих по себе, независимо от всей исторической обстановки, среди которой они возникли и которая в *разные* моменты дает им *разную* силу. То есть, вернее, Штаммлер захотел навязать этой теории именно такое истолкование; желая же отрезать противникам всякую возможность отступления с такой явно слабой позиции, он протестует, как мы видели, против всяких оговорок (насчет торжества «в конечном счете» и т. п.), говоря, что при этих оговорках и закон не есть закон. Но попробуем отнестись к аргументам Штаммлера с той же точностью и строгостью, с какой он ухватывается за все слова, когда-либо брошенные Энгельсом, и мы тотчас же увидим, что точность есть палка о двух концах и что эти аргументы более образны, нежели несокрушимы. Желая иллюстрировать, что такое настоящий научный закон, до которого далеко историческому материализму, Штаммлер, как мы видели, приводит следующее соображение: закон тяжести гласит, что земля притягивает тела, и этот закон не делает никаких оговорок (например: «если ничто не станет между землей и этими телами»). Применяя тут штаммлеровскую точность, скажем: если между землей и притягиваемым телом станет какой-либо предмет, то *результат* притяжения *изменится,* ибо тело упадет не на землю, а на этот предмет.

Мало того. Если, постепенно отдаляя притягиваемое тело от земли, отдалить его, наконец, от нее настолько, что оно приблизится к солнцу, то земля перестанет его притягивать, и оно упадет не на землю, а на солнце. Но прав ли будет критик, который скажет: «Если приходится на таком *шатком* вопросе, как вопрос о большей или меньшей отдаленности того или иного тела от земли, основывать свои соображения, упадет ли это тело на землю, или не упадет, то закон тяжести не есть закон; истинный закон не знает никаких «если» и т. д. и т. д. Не будем же от социологии требовать того, чего не дает и точнейшая из естественных наук. Для приложимости своей к каждому конкретному явлению, к каждому отдельному случаю всякий закон, даже естественнонаучный, требует определенной обстановки, определенных условий. Еще большее количество разных «если»

требуется для предсказания конечных результатов действия такого закона. И переходя теперь к формулировке нашей задачи, мы скажем, что такой частный случай в истории социальных перемен, как падение абсолютизма, именно и интересен с методологической стороны, ибо при его изучении сравнительно более отчетливо выступают и те условия, которые создают историческое *неизбежное*, и те, которые замедляют наступление этого исторического неизбежного. Анализируя перемещения социальной силы в эпохи острых кризисов, историк часто в состоянии отметить в этих явлениях то «постоянное», что для социологии единственно ценно среди пестрого и непрерывно усложняющегося хода исторической жизни человечества.

Нам нужно уяснить, что может дать анализ падения абсолютизма для понимания природы социальной эволюции вообще. Скажем теперь несколько слов о материале, который более или менее доступен попыткам такого анализа.

2

Как показывает самое название настоящего очерка, мы тут интересуемся абсолютизмом как определенным социологическим феноменом и не ограничиваемся рассмотрением его судеб в какой-либо одной стране. Но и при такой постановке вопроса материал, который возможно использовать, чрезвычайно ограничен, ибо необычайная сложность исторических явлений, с одной стороны, и скудность точно установленных сведений — с другой, заставляют оставить вне кругозора целые эпохи. Покойный английский историк Крейтон говорит в своем (посмертном) мемуаре, что читателя интересует обыкновенно не столько правдивость научных обобщений, сколько их приложимость к его собственным политическим убеждениям. «Он (читатель — *Е. Т.*) впадает в нетерпение от сложности человеческих дел и подходит к истории в том же настроении, как идет на политический митинг» [4]. Никаких предвзятостей, никаких притягиваний за волосы аналогий исследователь допускать не имеет права; прибавим, что именно априорное убеждение в необычной сложности исторических явлений заставляет нас почти вовсе отказаться от пользования таким материалом, который слишком «прост» потому только, что слишком скуден. Еллинек в своем труде «Право современного государства» заявляет, что в исторический обзор государственных форм совсем не может ввести тех фактов, которые добыты исследователями первобытной культуры, а также древневосточного мира, ибо он считает эти факты скудными и не всегда достоверными. Такого рода решение представляется нам чрезвычайно серьезно обоснованным. Юристу-государствоведу едва ли возможно

ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Е. В. ТАРЛЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «ПАДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ»

извлечь много полезного из анализа такой государственности, об организации которой существуют лишь самые общие указания, и поэтому ему незачем останавливаться на древнейшем периоде, если только он не гонится за чисто внешней «полнотой» исследования.

Если же действительно хозяйство и право относятся одно к другому, как содержание к форме, если действительно «право без хозяйства пусто, а хозяйство без права бесформенно» [5], то и социологу древневосточная история может сказать слишком немного: ведь одна из самых основных задач социологии именно и заключается в открытии законов, обусловливающих изменения правовых норм в зависимости от хозяйственной эволюции общества; так что же делать с эпохой, правовые институты которой почти вовсе не известны, а хозяйственный уклад и того меньше?

Мы знаем, например, с одной стороны, о многотысячелетнем абсолютизме ассиро-вавилонских царей; с другой стороны, все более и более накопляются данные, вроде открытых в Сузе в 1901 г. законов Хаммураби, заставляющие признать, что уже за две с лишком тысячи лет до Р. Х. в Вавилоне существовал развитый торговый обмен, и вообще возможно предполагать сложную экономическую жизнь. Законы Хаммураби по времени древнее библии, но по внутреннему содержанию библия архаичнее, это признают вслед за Лодсом все ориенталисты. Экономическое развитие Месопотамии сильно опередило экономический быт израильского народа,— в этом сомнений быть не может. Но как в Месопотамии возник и укрепился абсолютизм,— это так же темно, так же не вытекает из каких бы то ни было данных социально-экономического характера, как и сказания Книги царств о превращении еврейского царства «в обыкновенную восточную деспотию» [6]. Ничего, кроме догадок и домыслов, обрывков и намеков, в этом смысле пока нет. Раскопки идут, и новые и новые клинописи расширяют знание о месопотамских державах, но в подавляющем большинстве случаев это расширение сведений касается лишь внешней культуры и военной истории: экономическое развитие остается пока чрезвычайно мало выясненным. То же можно сказать и о Египте, несмотря на ряд исследований о социально-экономических древностях Египта. Пессимистическое отношение Еллинека к результатам, добытым пока относительно древнего Востока, к сожалению, вполне основательно.

Поясним нашу мысль. Никто не станет спорить, что теперь историческая наука знает о Востоке много такого, о чем еще каких-нибудь 50 (не говорим уже 100) лет тому назад не имела ни малейшего представления. Сами по себе ее завоевания обширны, но их пригодность в качестве материала для детальных

социологических сближений и сопоставлений более нежели сомнительна. Там, где прежде в науке было пустое место, теперь появились обломки, обрывки, как бы остатки былых социальных построек, но каковы были самые постройки, этого все-таки даже и приблизительно сказать нельзя. И что хуже всего, так это полное бессилие ориенталистов воссоздать хотя бы общие черты *динамики* экономической жизни, изменений в хозяйственной эволюции той или иной страны в разные эпохи. Многомного, если возможно дать (с догадками, фантазиями и домыслами) самую общую гипотезу об экономическом укладе древнего Египта, о его «феодализме» и т. п., но об эволюции этого уклада даже и фантазировать не решаются. Представим же себе социолога, который, желая оперировать над русской историей, считал бы себя вправе давать «общую» характеристику России в эпоху от нашествия татар до Александра III и полагал бы, что за весь этот период Россию можно признать неподвижно стоявшей на одном месте; представим себе, что Галлию времен Цезаря и Францию времен президента Фальера смешивают воедино и тоже дают этой стране суммарную характеристику. Обладали ли бы эти характеристики социологической ценностью, даже если бы ученые действительно были поставлены в такое положение, что имели бы полное основание оправдываться страшной скудостью дошедшего до них материала?

А ведь египетская история длилась по самому умеренному исчислению (считая до персидского завоевания) больше двух с половиной тысяч лет; неужели же все *изменения*, происшедшие в жизненном укладе Египта за этот колоссальный период времени, сводились к тем незначительностям, которые пока уловила наука?

Итак, причины, по которым возникал, крепнул и развивался *самый долговечный* абсолютизм, какой только знает история, абсолютизм восточный,— остаются пока скрытыми, невыясненными; силы, которые его выдвинули, препятствия, которые он должен был преодолеть,— обо всем этом возможно лишь строить догадки. Тот здоровый скептицизм, который наука в последнее время применяет, например, хотя бы к истории Греции [7], камня на камне не оставил бы в археологии и историографии древнего Востока, если бы мыслимы были хоть попытки мало-мальски «округленного» и искусственно связного рассказа о социально-экономической эволюции древневосточных обществ. Но даже и для попыток таких оснований никаких не представляется...

Монархия персов, монархия Александра Македонского, а особенно Римская империя, Византия, разумеется, известны полнее и со стороны экономического состояния, и со стороны политического развития, хотя, конечно, в истории всех этих держав (*даже* и Римской империи), особенно в их истории

экономической, темных пунктов несравненно больше, нежели вполне выясненных [8]. Огромные заслуги новейших исследователей (особенно немецких и русских) в деле разработки экономической истории Римской империи слишком громко говорят за себя, чтобы их возможно было хотя бы только пытаться отрицать, но они же первые признают, что целые столетия в экономической истории Рима в последние времена его существования еще слишком темны и в особенности, что совсем пока не начерчена мало-мальски полная и обоснованная схема экономической *эволюции*, которую пережил этот колоссальный конгломерат народов за время принципата.

Известно обо всех этих монархиях кое-что. Это «кое-что» дало недавно возможность Бюхеру и Мейеру построить две в сущности друг друга отрицающие гипотезы: о том, что весь древний мир за все время своего существования не вышел из стадии домашнего хозяйства, и о том, что древний мир не только из этой стадии в известные эпохи вышел, но что им переживалась также отчасти стадия народного хозяйства, не говоря уже о ступени хозяйства городского. По-видимому, второму (мейеровскому) мнению суждено получить в науке преобладание, но нас тут занимает не разбор этих мнений по существу, а печальный смысл того факта, самого по себе, что подобный спор еще мыслим, что подобное разноречие возникло между двумя первоклассными аналитиками, оперировавшими над одним и тем же материалом. Если даже такие главные, основные вехи еще не вполне установлены и не всем кажутся ясными и одинаковыми, то что же сказать о более сложных, менее общих вопросах относительно частностей экономической эволюции, пережитой *отдельными* государствами древнего мира в *отдельные* эпохи?

Можно с жадностью следить за поступательным движением науки в этой области, можно радоваться каждому новому ее завоеванию, но пока приходится отказаться от соблазна строить фантастические предположения, насиловать факты, давать им распространительное толкование, «модернизировать» искусственно древнюю историю, ибо все это было бы зданием, построенным на песке.

И не только скудость фактов заставляет нас поступить так. Падение абсолютистской формы правления не может быть ясно прослежено там, где одновременно с абсолютизмом гибло и все государство как самостоятельное целое. Так погибла Ассирия, завоеванная персами; так погиб завоеванный ими же Египет; так погибла Персия под ударами Александра Македонского; так погибли те монархии, на которые распалось наследство Александра Македонского; так погибла Римская империя под влиянием далеко не одних только внутренних причин,

какое бы значение им ни придавать, но и под влиянием событий, связанных с распространением германцев в римских пределах. Так, наконец, погибла и пережившая западную империю Византия от руки османлисов. Во всех этих случаях абсолютизм погибал вместе с государством, и, следовательно, при исследовании причин его гибели центр тяжести вопроса переносится на анализ экономического и политического состояния той *посторонней* социальной группы, которая военной экспедицией или всенародным походом покончила с *чужим* абсолютизмом в *чужом* государстве; выдвигается и проблема о причинах большей силы победителей и меньшей силы побежденных, и проблема о причинах, обусловивших самое столкновение, и т. д. и т. д. Но вопрос о том, что было бы без этого столкновения, каковы были бы судьбы данного абсолютизма, не произойди крушение всего государства, этот вопрос, конечно, должен быть оставлен ибо цена таким гипотетическим размышлениям не может быть особенно высокой.

Вследствие отмеченных только что обстоятельств материал, который возможно привлечь к рассмотрению даже для такого краткого, общего очерка, как предлагаемый, до крайности суживается и почти весь сосредоточивается в периоде последних полутораста лет. (Говорим «почти», потому что английский XIII век — время крушения абсолютизма в Англии, как и английский XVII век — время неудачной попытки воскресить его, также не могут быть вполне пройдены молчанием.)

Весь этот материал тоже не особенно легок для пользования, если подойти к нему с классическим требованием *полноты*, правды и совершенного отсутствия фактичных ошибок, с девизом: ne quid falsi audeat; ne quid veri non audeat historia. Из всего этого материала история французского старого режима, казалось бы,— одна из самых разработанных частей. Но и это мираж. Мы совершенно не находим возражений против таких слов новейшего исследователя административной истории предреволюционного периода [9]: «Если бы разработанность известного предмета измерялась количественным богатством его «литературы», то относительно старого порядка во Франции, казалось бы, не могло более оставаться места для исследования. Несмотря, однако, на это поразительное обилие литературы, приходится признать, что существующие в ней сведения о старом порядке вообще и о провинциальной администрации в частности далеки от того, чтобы не оставлять желать ничего более ни в количественном, ни в качественном отношении... Общее, господствующее впечатление, которое выносишь из этого изучения, это впечатление хаоса и тумана, в которых все труднее и труднее становится разобраться по мере того, как углубляешься в дебри этой литературы. Проверив и проанализировав это

впечатление, действительно замечаешь, *что нет почти ничего ясного, ничего несомненного* в наличных сведениях о предмете, что нет почти ничего вполне установившегося и бесспорного в существующих представлениях о нем, что вообще в этой области *нет почти ни одного вопроса,* относящегося к предмету, начиная с *самых общих* и кончая самыми детальными, который бы не был спорным и не имел бы несколько взаимно друг друга исключающих решений».

Такова значительная часть имеющегося у нас материала, и с этим нужно считаться. Но и такой материал лучше, чем те обрывки и отрывки, которые сохранились с более отдаленных времен. Эти последние полтораста лет видели падение абсолютизма во многих странах, начиная с Франции, и этот период времени все-таки известен лучше, нежели предшествующая эпоха, как бы мало ни был он известен, говоря безотносительно.

3

Эти вводные замечания мы хотели бы закончить еще несколькими словами. После характеристики общей задачи этого очерка и материала, относящегося к теме, нам необходимо коснуться еще одной стороны дела.

Речь идет о том архаическом, но удивительно живучем явлении, которое называется морализмом в истории. Что скрытый Плутарх слишком часто оказывается живым и здравствующим в ином современнике Моммзена и Роджерса, что потаенный Геродот иногда совсем неожиданно выглядывает вдруг из наисовременнейшего реферата, читаемого на социологических съездах, с этим было бы трудно спорить. Конечно, эти пережитки некогда царившего метода теперь не так наивно и грубо дают о себе знать, но дело от того существенно не меняется. Ибо морализм есть именно прежде всего и больше всего *метод,* и от этого проистекает его особенная вредоносность.

Атавистическое порождение теологии, морализм, в той или иной форме, сознательно или бессознательно, подменяет вопрос «почему?», вопрос «как?» вопросом «за что?». И раз эта подмена произошла, дело морализма сделано. В XVIII столетии откровенные моралисты писали, что Римская империя погибла вследствие пьянства, разврата и вообще предосудительного поведения императоров и высшего общества; в XIX в. тайные моралисты писали, что она погибла, дабы дать место юному, могучему, девственному и проч. германскому элементу; в XVIII в. исторические моралисты объясняли возникновение религий обманом и своекорыстием жадных попов; в XIX в. падение папской власти в конце средних веков ставилось ими в зависимость от распутства пап и т. д. Фантомы очень медленно

исчезали из исторической науки и не совсем исчезли и теперь, ибо фантомом называется не только восхваление героизма Вильгельма Телля (которого никогда не существовало), или мудрости Ликурга (которого также никогда не существовало), но и другое, например, все эти размышления о свежих, девственных элементах, являющихся будто бы непременно на смену старым, отжившим, о «духе» свободы, свойственном одним нациям и не свойственном другим, о «духе» индивидуализма, побеждающем своей правдой «дух» стадности, и тому подобных «духах». И кроме таких «духовидцев», историография знает более тонких и иногда высокоталантливых писателей, которые не сочли возможным (или нужным) воздержаться от введения моралистического элемента.

Историография падения абсолютизма в разных странах не вполне свободна от этого элемента. Слишком соблазнительной казалась мысль о возможности применить здесь категории преступлений и наказания, чтобы моралисты пренебрегли такой темой, и было одно обстоятельство, которое именно в этой области доставило морализму известный успех. Это обстоятельство заключалось в том, что публицистика всеми мерами старалась тут поддержать и использовать моралистическую точку зрения: публицисты тех стран, где абсолютизм находился накануне исчезновения, старались то пригрозить властям за их упорство примерами из истории раньше бывших революций, то использовать эту историю для восхваления симпатичного им направления политической мысли или для опорочения направления антипатичного и т. д. Такого рода обстоятельство и давало популярность и широкое распространение моралистической точке зрения на исторические события революционного характера.

Интересно, что человек, сам часто тяготевший к морализму, живший во время широкого господства этой точки зрения, иногда наносил ей решительные удары. Мы говорим о Вольтере, одна мысль которого невольно приходит в голову, когда дело касается падения абсолютных правительств.

«Пробегая историю мира, можно видеть, что слабости бывают наказываемы, но большие преступления счастливы, и вселенная есть обширная сцена разбоя, предоставленная своей участи» [10]. Тут, невзирая на употребленные термины, нет и тени морализма, и именно поэтому подобные тезисы у самого Вольтера часто затемняются и извращаются: ему случалось такими положениями обмолвиться, но нужны они ему не были. Мы привели эту мысль Вольтера потому, что она заключает в себе иллюстрацию к только что высказанному. Ведь одно из шаблоннейших указаний моралистов-историографов именно и заключается в том, что предшествующие преступления приводятся в причинную связь с последовавшими наказаниями, и можно

сказать, что Вольтер par anticipation возражает целой плеяде историков и публицистов XIX столетия, начиная с Маколея и кончая некоторыми современными деятелями. Маркс упрекал Маколея в том, что тот «подделал историю» в интересах партии вигов. Не разбирая тут этого мнения по существу, скажем, что моралисты *всегда* подделывают историю, и чем они добросовестнее, тем бессознательнее делают это дело, а чем талантливее, тем тоньше, художественнее и незаметнее у них это выходит. Морализм оптимистичен по самому существу своему, оттого он так цепко держится; он элементарен, и потому так быстро распространяется; он заслоняет собой слепую и грозную стихию, и поэтому его спешат под тем или иным видом возвратить на то место, откуда он казался уже навсегда устраненным. Слепая и грозная стихия не становится понятнее от того обстоятельства, что между ней и человеком поставлен заслон, но ведь и до, и после Паскаля слишком многим казалось более важным и насущным уйти от стихии, нежели понять ее.

Вольтер попробовал взглянуть поверх заслона и поскорее отвернулся и всякий раз, как взглядывал, делал это на миг и отворачивался. Но историческая наука давно сознала свою прямую обязанность изучать прошлое, не вводя в изучение морализации в том или ином виде, и нынешний морализм не есть открыто провозглашаемый принцип, а лишь атавистический пережиток в науке, хотя, вероятно, ему суждено еще долгое процветание в исторических воззрениях широких кругов. Мы уже сказали, почему во вводных замечаниях именно к настоящей работе особенно необходимо было упомянуть о моралистических пережитках. В истории мы видим и «счастливые преступления», и наказанную добродетель, и торжествующий порок, и кровь, никогда не отомщенную, и многое другое, что делает в глазах некоторых историю арсеналом аргументов для пессимистической доктрины. Но нас тут будут интересовать только причинная связь событий и открывающаяся в ней та сила, энергией которой движется здесь жизнь человечества. Чем более удается разложить сложные исторические явления на простейшие элементы, тем яснее выступает вперед значение этой силы и тем быстрее тускнеет всякая явная или замаскированная морализация, вносимая или вносившаяся в историческое описание и объяснение событий.

Глава I

АБСОЛЮТИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

1

Почему абсолютизм погибал именно революционным путем чаще, нежели всякая иная форма правления? Почему именно революционная обстановка гибели является для него типичной? С рассмотрения этого *социологически второстепенного* вопроса мы и начнем.

Первые глухие содрогания, первые подземные сотрясения доходили до сознания абсолютизма не всегда в виде революционных угроз. Экономический распад, хроническое голодание нации, сопряженное с уменьшением доходов фиска,— все это давало о себе знать непосредственно. Ни голодающие классы общества, ни правительство, ни самые выдающиеся приверженцы реформ и не думали приводить хоть в какую-нибудь связь экономическое состояние страны с существованием абсолютизма. Вобан и Баугильбер при Людовике XIV, физиократы при Людовике XV в своих планах не трогали абсолютизма и даже прямо к нему обращались с проектами экономических и финансовых преобразований; ни инстинкт, ни сознание нации не направлялись еще против абсолютизма. И бедствия представлялись «общими», и меры к их устранению также предполагалось возможным обсудить сообща, а осуществить их должен был, конечно, тот же абсолютистский правительственный аппарат. Абсолютизм в качестве экономического бедствия, в качестве логической предпосылки к государственному банкротству был понят далеко не сразу, далеко не в начале своего предсмертного периода. Этот период любопытен больше всего тем, как сам абсолютизм реагировал на действительность. Экономические затруднения были первыми, которые он встречал на пути к отдаленной, к не видимой еще никому своей гибели. Уже при регентстве во Франции денежная нужда обступала абсолютизм с настойчивостью, исключавшей возможность поставить на оче-

реди дня что-либо иное, кроме финансовых реформ. О революционном движении и помину тогда еще не было, монархическая традиция всегда бывала во Франции особенно могущественна в начальные моменты нового царствования, ибо наивнейшая надежда на благость и мудрость новых правителей с прямо эпидемической быстротой охватывала широкие слои народа. У абсолютизма и время еще было в избыточном количестве, и полное сознание необходимости что-нибудь сделать (ибо денежная нужда била его самого непосредственно), и... ничего он не сделал. И регент, и номинальный президент финансового совета маршал Вильруа, и фактический президент того же совета герцог Ноайль превосходно понимали, что с наступающим гнетом общего разорения нужно тотчас же вступить в борьбу; в советчиках со стороны также недостатка не было. И вот мы видим сначала растерянное метание, а потом успокоение (правда, по самому существу дела лишь временное) на авантюризме.

Среди этого первоначального метанья промелькнула мысль о созыве Генеральных штатов, которые 100 лет уже не созывались и которым суждено было еще 74 года не быть созванными. Как известно, старый режим так и не ушел в конце концов от обращения к Генеральным штатам (и тоже под непосредственным давлением финансовой нужды), но 1715 г. был еще слишком далек от 1789 г., и абсолютизму еще предстояла долгая агония. Тем более любопытны мотивы, по которым не праздный мечтатель, а член совета регентства, т. е. правительственное лицо (герцог Сен-Симон), выступил с предложением созыва Генеральных штатов. По его мысли, народные представители должны были собраться затем, чтобы торжественно объявить короля свободным от всяких долговых обязательств. Другими словами, голос штатов нужен был в качестве санкции затеваемого абсолютизмом государственного банкротства. Но регент усомнился и отверг. Затем герцог Ноайль сделал несколько «улучшений» мелкофискального характера, отнюдь не затрагивая системы обложения. Бросаясь во все места за деньгами, Ноайль учредил также «chambre de justice», т. е. особое судилище, которое должно было привлекать к ответственности всех чиновников, подозреваемых в вымогательстве и присвоении податных сборов, а также и вообще всех, кого можно было обвинить в утайке казенных денег и причинении вреда казенному интересу. Главным образом дело шло о том, чтобы под разными правосудными предлогами отнять у возможно большего количества лиц возможно бо́льшую сумму денег и этой суммой пополнить истощенное казначейство. Это часто случалось и прежде, и прав историк, сказавший, что вся финансовая история старого режима представляет собой либо грабеж народа, производимый финансистами (особенно, державшими на откупе

сбор податей), либо насилия над этими финансистами со стороны властей[1]. Но в данном случае сказалось вполне отчетливо то проклятие абсолютизма, что он в эпоху упадка *не может* уже, оставаясь самим собой, помочь себе сколько-нибудь полно, ибо не только сам он в сердце своем сгнил, но и все члены его сгнили, и он не может возложить на них никакой серьезной работы. Сначала chambre de justice принялась за дело рьяно, с той привычкой к насилиям, с тем разгулом произвола и презрением ко всякой законности, которые были вполне естественны в бюрократах, прошедших школу службы при Людовике XIV. Объявлены были награды доносчикам ($^{1}/_{5}$ часть конфискации) и такие наказания, как смертная казнь всякому, кто будет угрожать или *оскорблять* доносчика или совращать доносчика с пути истинного. Страшные наказания (пожизненная каторга и т. д.) угрожали всем обвиняемым, скрывающим свое имущество, их «сообщникам» и т. д. Начались смертные казни, некоторые подозреваемые покончили с собой сами, другие бросили все и бежали, спасая жизнь. Казалось бы, абсолютизм, *все* пустив в ход, воспользовавшись в данном случае *всем* своим арсеналом устрашений, *всей* бесконтрольной властью над человеческой жизнью, честью и достоянием, мог бы каких-нибудь нужных ему результатов достигнуть? Но нет, он достиг очень мало. Спохватившиеся финансисты стали подкупать, а никогда и не терявшиеся придворные, публичные женщины, имевшие влияние на регента, и наконец сами члены «chambre de justice» стали подкупаться. Дело окончилось к обоюдному и полному удовольствию. Из 4470 подсудимых 3 тысячам удалось совсем ни одного су не заплатить казне, а остальные в общем уплатили не 220 миллионов, а всего 70 миллионов. И правительство в эдикте, изданном в марте 1717 г., объявляет о закрытии chambre de justice по нижеследующим мотивам: «Чем больше желали мы *углубиться в расследование причины и прогрессирующего хода* (этого — *Е. Т.*) *зла*, тем более признавали мы, что порча столь распространилась, что почти все сословия ею заражены таким образом, что нельзя было употребить самую справедливую строгость для наказания столь большого числа виновных, не причиняя опасного перерыва в торговых сношениях и своего рода общего потрясения во всем государственном организме». И это наивное признание совершенно правильно оценивает положение вещей по существу. Абсолютизм должен был либо перестать быть самим собой, либо примириться с совершенной невозможностью бороться против явлений, прямо вытекающих из его природы. Всякий раз, когда абсолютизм желал «approfondir la cause et les progrès du mal», ему приходилось отступать с уроном от этого предприятия, ибо результаты «углубления» оказывались самыми беспокойными и злокачественными.

Никто не будет спорить, что высшая власть в России, пожелавшая в конце 70-х годов XIX в. расследовать и наказать казнокрадство, проявившееся в таких почти волшебных размерах в эпоху русско-турецкой войны, на самом деле желала в данном случае правосудия уже потому, что это было в прямых интересах силы и боевой готовности русской армии. Столь же мало может быть сомнений в том, что когда в 80-х годах администрация разворовала башкирские земли с совершенно неприличной торопливостью, то высшая власть решительно захотела и в этом деле суда и наказания виновных. Что результаты получились сравнительно с этими предположениями в обоих случаях совершенно ничтожные, даже совестно было бы доказывать особенно обстоятельно. Эта иллюстрация менее ярка, нежели французская, ибо уже смертные казни, пытки и прочие приемы даже и в начале судебного преследования к подсудимым не применялись, но, ведь зато и казна у нас не получила тех 70 миллионов, которыми должен был удовольствоваться регент. А за вычетом этого и других различий обстановочного характера, за вычетом самой остроты финансового кризиса, сущность остается одна и для Франции, и для России, и для королевства обеих Сицилий, и для меттерниховской Австрии: главное и самое тяжкое «ограничение», которое к удивлению и гневу своему начинает раньше всего ощущать абсолютизм в последний период своей жизни, заключается в невозможности помочь себе, не отказываясь от своей сущности. Еще и признака нет ни то что «девятого вала», но даже легкого движения воды, а уже абсолютизм начинает тонуть «на якоре». Всякое его самостоятельное движение с целью помочь себе ускоряет погружение; дело будущей бури начинает облегчаться задолго до того, как первые ее признаки показываются на горизонте. Но, как будем еще иметь случай заметить далее, преувеличивать значение финансовой нужды в данном случае не следует.

2

В этот начальный период агонии абсолютизма к нему и только к нему обращаются за помощью, ибо без него еще *не мыслят* общества. К нему взывают, как к суинберновскому «Последнему оракулу»: «Ты — слово, свет, жизнь, дыхание, слава, ты можешь помочь и излечить, облегчить и убить!» [2] В таком духе обращаются к абсолютизму и Вобан, и Буагильбер, и впоследствии д'Аржансон, и физиократы, и другие, менее заметные советодатели. Все они решительно убеждены в необходимости коренных реформ, и все они даже и не ставят вопроса об уничтожении абсолютизма. Мало того, д'Аржансон, например, имеет прямое тяготение к ослаблению бюрократического всевластия, он любит слово «демократия», но нельзя лучше

охарактеризовать сущность его идей, как напомнив название главного его труда: «Размышления о правительстве Франции, или до какой степени демократия может быть допущена в монархическом образе правления». Хотя эти «Considérations» писались еще в 1737 г., но д'Аржансон предворяет абсолютизм насчет возможной опасности: «Следует быть столь же настороже относительно реформы, как и относительно злоупотреблений!» [3]. Вот типичный язык реформистов этого периода, продолжавшегося бо́льшую часть царствования Людовика XV. (После Семилетней войны заговорили иначе.) Так говорил человек, которого Жан-Жак Руссо называл «un vrai citoyen»; и повторяем, и тон, и содержание произведения д'Аржансона типичны для всей начальной эпохи падения абсолютизма.

Что касается абсолютизма, то, еще не приступая к последним попыткам спасти себя, еще вполне бездействуя (кроме моментов особенно гнетущего обострения финансовой нужды, когда начинались судорожные метания за деньгами), самодержавное правительство окончательно проникалось, отчасти под влиянием настойчивой, хотя и почтительной «литературы советов», той мыслью, что нищета народа имеет и с точки зрения интересов абсолютизма свои дурные стороны, перевешивающие стороны «хорошие». Тот, кто знаком с историей Ришелье, не изумится только что написанной нами фразе и не усомнится в возможности для абсолютного правительства таких «парадоксов», как признание за бедностью народа положительных качеств. Да, в эпоху силы своей и расцвета абсолютизм позволял себе роскошь открытого цинизма и вслух выговаривал свои мысли. Ришелье держался того мнения, что усиление народного благосостояния, влекущее за собой поднятие просвещения в народных массах, имеет вредную сторону для государства, ибо подобно тому, как нет животного, у которого все тело было бы покрыто глазами, так и народу незачем самому все видеть и все знать. Бедность народа многими абсолютными правителями считалась не лишенной серьезных выгод, так как она сопрягалась с невежеством и покорностью.

Эдуард Майкльсен утверждает, ссылаясь на имевшийся у него в руках дипломатический документ, что министр Николая I граф Канкрин сказал следующие слова: «Нет необходимости улучшать положение народа, так как, согласно русской поговорке, *с жиру собака бесится»* [4]. Из комментариев читатель может убедиться, что тут действительно в точности переведена на английский язык русская поговорка, да и весь этот пассаж в книге Майкльсена отнюдь не носит характера вымысла. Что же касается внутреннего содержания приписываемых Канкрину слов, то оно всецело согласуется с политическими принципами

и нравами этой эпохи. Русский абсолютизм не только обходился тогда со своими верноподданными по-плантаторски, как выражался Герцен, но он при всяком удобном случае и изъяснял им это свое отношение. Когда «дни Аранжуэца» для русского абсолютизма миновали, тогда он стал, во-первых, совсем по-другому говорить о благосостоянии народа и о необходимости его поднять, а во-вторых, начал и на самом деле борьбу против общего обнищания — теми, конечно, мерами, на которые был способен, а в 30—40-х годах еще являлось возможным дозволить себе роскошь построения собственной идеологии, где к трехчленной формуле «официальной народности», к лозунгам религиозному, политическому и национальному, смело мог быть прибавлен еще лозунг экономический: народная нищета, возведенная в государственный принцип.

Но подобно тому, как, например, в 60-х, 70-х, 80-х или 90-х годах XIX столетия русский абсолютизм уже вполне ясно понял, что общее обнищание и для него лично есть зло, не уравновешивающееся никакими «положительными» соображениями, так и абсолютизм французский в первой половине XVIII в. уже не мог придерживаться мнений кардинала Ришелье о народной бедности. Но, ясно уразумев, что для него хорошего в экономическом упадке страны мало, правительство Людовика XV как бы инстинктом понимало, что коренные реформы для него не только не по плечу, но прямо невозможны без отказа от абсолютной власти. И все, что оно делало,— это боролось с ближайшими и особенно острыми проявлениями финансового оскудения; однако и тут область возможных поправок все суживалась.

Если вся народная масса и даже реформисты еще не мыслили Францию без абсолютизма и если абсолютизм, не имея возможности без полного самоотрицания провести коренные социально-экономические реформы, вместе с тем уже так был гнил, что при всех усилиях, при всей строгости не мог наказывать или предупреждать систематическое расхищение государственного достояния, то что же ему и оставалось, кроме авантюр, кроме житья изо дня в день? История с Джоном Ло и вся финансовая история французского правительства в XVIII в. и есть почти сплошная летопись авантюр и житья изо дня в день. Теперь можно считать вполне доказанным историческим фактом, что Джон Ло был виновен не в сознательном обмане, не в грандиозном мошенничестве, в чем его долго обвиняла традиция, но прежде всего и больше всего в том, что он затеял при соучастии абсолютного правительства такое дело, которое требовало именно в силу своего широкого (до рискованности) масштаба особенно строгого контроля и особенно щепетильного отношения к принятым пред обществом обязательствам. Утопичнейшая из идей Джона Ло в том и заключалась, что он как бы

поверил в какую-то внутреннюю сдержку, которая не позволит французскому правительству воспользоваться выпуском бумажных денег для возможно скорейшего обмана частных лиц и обогащения казны, без всякой тревоги насчет близкого и неминуемого банкротства. Сложную кредитную операцию, всецело основанную на доверии общества, Джон Ло проводил при помощи того самого правительственного организма, один из руководящих членов которого (он же друг регента), кардинал Дюбуа, так определял абсолютную монархию: «Правительство, которое прибегает к банкротству, когда хочет (un gouvernement qui fait la banqueroute quand il veut)». Конечно, при подобных условиях, если бы дело с системой Ло не окончилось банкротством, то это было бы чудом, а так как чудес не бывает, то банкротство и произошло. Правительство, теоретики, апологеты и практические деятели которого проводили идею о том, что король имеет права собственника на всю французскую землю, правительство, по своему желанию секвестровавшее те земельные угодья, которые ему хотелось, под нелепыми предлогами, вроде, например, недостаточности актов о приобретении (хотя бы это приобретение было совершено предками владельца за 100 лет до того и никем никогда не оспаривалось), правительство, принуждавшее людей по нескольку раз уплачивать за одни и те же права, открыто обманывая покупщика,— это правительство ни в каком случае банкротства бояться не могло. Частичное банкротство оно, например, и произвело в мае 1717 г., незадолго до развития деятельности Джона Ло: правительство разделило по собственному усмотрению своих кредиторов на четыре категории, и одним заплатило $^{4}/_{5}$, другим — $^{3}/_{5}$, третьим — $^{2}/_{5}$ своего долга. Протестовать никто не посмел, так что, кроме выгоды, ничего от этой операции не получилось. Таковы были «ауспиции», при которых Джон Ло начал свою деятельность; надо было быть таким мечтателем, как он, чтобы не разглядеть сразу своих контрагентов и их обхождения с чужим имуществом.

Характерно, что слуга того же абсолютизма, герцог Ноайль, сначала всеми мерами противился планам Джона Ло: ему хотелось избежать слишком широкой и рискованной авантюры. Тут сказывалась больше бюрократическая рутина, нежели что-нибудь более «возвышенное», ибо, например, против государственных банкротств Ноайль ничего не имел и даже сам их производил, так что перспектива нового банкротства его пугать не могла. Но нас тут интересуют не мотивы его оппозиции, а то, что Ноайль вздумал указать регенту на возможность поправить дела иным путем: именно, сокращением расходов. Он предложил, между многим прочим, уничтожение бесчисленных пенсий и неизвестно за что выдававшихся жалований. Конечно, решительно ничего отсюда не получилось: страшная борьба

закипела вокруг регента, и Филипп должен был совершенно отказаться от всякой мысли об экономии. Абсолютизм кормил вокруг себя такую массу людей, что для борьбы с ними ему нужно было бы опереться на сочувствие и поддержку народной массы. И тогда эти сочувствие и поддержка еще, несомненно, были бы получены абсолютизмом: стоит лишь вспомнить, как злорадствовала и ликовала толпа в 1716—1717 гг., во время начавшихся было неистовств chambre de justice, когда народу внушалось, что правительство преследует финансистов и откупщиков за обиды и притеснения, чинимые беднякам. Но демагогизм был в те времена еще совершенно ненужной роскошью для абсолютизма, и потому он лишь случайно и вполне небрежно, слегка только и без особой обдуманности прибегал к этому средству. А возбуждать массы против царедворцев герцог Ноайль, конечно, и сам ни за что не согласился бы, и регент не позволил бы, и исполнители не нашлись бы: ведь все эти люди во главе с регентом и Ноайлем совершенно убеждены были в самоценности абсолютизма, *для которого* существует народ, и никакие факты еще не нарушали полноты и спокойствия этого убеждения; следовательно, вмешивать народ в семейную распрю слуг абсолютизма было бы совершенно бестактно. Если же распре нужно было остаться семейной, то, конечно, победа должна была быть одержана большинством, т. е. всеми терявшими от планов Ноайля, над меньшинством (сводившимся на деле чуть ли не к одному Ноайлю).

Вскоре после крушения плана об экономии и устранения Ноайля от дел Джон Ло окончательно завладел ареной. Нам совершенно не нужно передавать здесь всей короткой истории системы Джона Ло. В глазах абсолютизма эти 3 года, с января 1717 г. по 14 декабря 1720 г., когда Ло бежал из Парижа, были только эпизодом, временем любопытного эксперимента. Система Ло погибла так быстро именно вследствие совершенно произвольного и сначала грубонасильственного, а потом столь же грубонедобросовестного поведения правительства в этом деле. Вина Ло, кроме вышеуказанной принципиальной его ошибки, заключалась главным образом в том, что сам он, все желая основать на кредите, не гнушался пользоваться указами правительства, имевшими целью поддержать принудительным путем обращение кредитных ассигнаций, а затем не имел мужества настоять на прекращении явно гибельного злоупотребления кредитом, которое представляли собой чуть ли не все меры со стороны вмешавшегося в дело регента. Абсолютизм, надо это помнить, боялся банкротства несравненно меньше, нежели Джон Ло, и пострадал в конце концов тоже несравненно меньше, нежели Джон Ло. То есть с точки зрения тогдашнего правительства, с точки зрения житья изо дня в день, абсолютизм,

можно сказать, даже и вовсе не пострадал: ни Филипп, ни его дочери, ни маленький король не понесли убытков материальных, а об ущербе нравственном они не заботились. Ло умер в бедности, до конца оставаясь мечтателем и теоретиком, до конца твердо веря в свою погибшую систему. А правительство регента прибегло к новому государственному банкротству. Правительство устроило себе самому широчайшие льготы и самые либеральные отсрочки по уплате своих долгов; часть долгов совсем была оставлена без уплаты, другая часть стала погашаться весьма выгодным для правительства и столь же невыгодным для кредиторов образом, и дело тем окончилось. Разорение, самоубийства разоренных, страшное потрясение кредита — все это реальной и непосредственной опасности для строя не представляло, а больше ничего и не требовалось. По-прежнему потекла изо дня в день, без плана, без руководящей мысли, без будущего жизнь правительственного аппарата, от случайности к случайности, от авантюры к авантюре, с единственной заботой — перехватить где-нибудь денег, ибо дефицит продолжал оставаться на очереди дня.

3

Существуют такие истины, которые необыкновенно быстро поддаются вульгаризации, фатально влекущей за собой неточность и резкость формулировки, а из-за этого истины перестают быть истинами и превращаются в предрассудок и поверье. Совершенно несомненно, что абсолютизм (как и всякое иное правительство) слабеет от последовательных дефицитов и сила его *будущего* сопротивления *будущей* революции постепенно в течение всего последнего периода его существования все уменьшается. Столь же несомненно, что дело тут не в дефицитах самих по себе, а в ненормальности всего жизненного уклада, характеризующегося несоответствием политического и социального строя с экономическими потребностями. Но говорить о том, что именно финансовая нужда *вызывает* революцию, есть предрассудок и поверье. Если бы, например, русское самодержавие должно было считаться *только* с финансовой нуждой, то оно, конечно, существовало бы и в наше время столь же благополучно, как при Аракчееве, когда рубль стоил около 20 копеек (в 1814 г.), или как при Елизавете Петровне, когда русскому правительству иностранцы отказывали в ссуде в несколько сот тысяч флоринов.

Этот предрассудок возникает по весьма понятным причинам: как уже сказано, борьба с безденежьем обыкновенно начиналась у абсолютизма в то время, когда не было еще революции, и эта борьба со всеми ее главными перипетиями особенно глу-

боко поэтому запечатлевалась в памяти современников и потомства. Все сознательные элементы оппозиции в России 70—80-х годов внимательно следили за ростом финансовых затруднений правительства, и ядовитые замечания Щедрина о своевременности переименования рубля в полтинник и т. д. как в зеркале отражают в себе эту черточку оппозиционного настроения. Но 90-е годы принесли французский союз, и французские миллиарды почти на полтора десятка лет избавили абсолютизм от острых финансовых беспокойств. За это время страна вынесла две большие и несколько средних голодовок, крестьянство продолжало нищать, промышленность искусственно вздувалась на счет нищего народа, ряд грозных вопросов скоплялся в России, но правительство не чувствовало себя от этого хуже, и *его* финансовые дела до поры до времени устраивались из года в год, и к началу революции государственного банкротства вовсе не было. Война с Японией проглотила все это дутое благополучие, т. е. ускорила то, что и без нее не могло не случиться при данном социально-экономическом состоянии России, и вот уже скоро 2 года *, как наше правительство находится в хроническом искании новых кредиторов; а так как за это время успела вспыхнуть революция, то наблюдается любопытный феномен: в моменты подъема революции вопрос о финансовой нужде правительства отходит сразу на второй план и заслоняется в глазах общества другими, а в моменты отлива или сравнительного затишья, в моменты торжества реакции он опять выступает на авансцену. Опять начинаются в обществе размышления о том, даст ли Мендельсон денег, или не даст, не пошлют ли вторично г-на Коковцова путешествовать и т. д., и т. д. Этот переживаемый нами психологический опыт подтверждается и историей: финансовые злоключения французского ancien régime считались в 1789 г., еще *до начала* революции, при нотаблях и в *первый* момент собрания Генеральных штатов, до такой степени серьезным двигателем ожидаемого прогресса, что Жорес в своей «Истории Учредительного собрания» прямо объясняет холодную встречу, оказанную сравнительно оптимистическому докладу Неккера, именно боязнью штатов, как бы и в самом деле шансы двора не оказались против ожидания слишком хорошими. «В дефиците— надежда нации, ее будущее, ее освобождение!» Эта парадоксальная (только на первый взгляд) мысль владела многими умами в начале борьбы, а Неккер вздумал очаровать Собрание успокоительными финансовыми перспективами. Ясно, что именно по этому пункту он особенно должен был ошибиться в своей аудитории. Но стоило революции развить свою силу, и

* Написано в 1906 г.— *Ред.*

финансовый вопрос отошел в тень, что особенно замечательно, если принять во внимание действительно критическое положение казначейства в продолжение всей революционной эпохи и весьма важных мер по этой части, предпринятых по очереди всеми представительными собраниями революции. Но эти меры при всей важности их не владели уже умами современников: веяние могучей силы исторического реализма, столь свойственное революционным эпохам, уже охватило французское общество 1790-х годов, и люди типа Кондорсе поняли сознанием, а люди типа Анахарсиса Клотца уразумели инстинктом, что дело идет о столь глубокой и грандиозной перемене, при которой анализ состояния в данный момент государственных финансов есть занятие по меньшей мере второстепенное. Подчиненное значение вопроса о финансовом положении правительства еще более бросается в глаза, если вспомнить историю Пруссии, Австрии, России.

История агонии абсолютизма в этих странах, а особенно в России показывает, что, являясь серьезной, иногда колоссальной поддержкой освободительного движения уже во время развития революции, финансовая нужда правительства вовсе не служит непосредственным толчком *к началу* революции, к ее первому взрыву.

Что касается Австрии, то вплоть до мартовской революции 1848 г. бюджет не обнародовался вовсе, и кроме Меттерниха и придворной камарильи (и то не всей, а только той части ее, которая не находилась в антагонизме с Меттернихом), никто не имел понятия об австрийских государственных финансах, но кредит государства стоял в общем твердо. Проверить те «указания», которые правительство заблагорассудило дать уже после начала революции, сразу было невозможно, а по этим указаниям выходило, будто бы за 1841—1847 гг. не только не было дефицита, но даже получился избыток в 38 миллионов с лишком, и только в 1847 г. был маленький дефицит, всего в 5 миллионов флоринов [5]. На самом деле дефицит был ежегодным явлением, хотя очень ловко маскировался и тщательно скрывался от посторонних взоров. Иначе и быть не могло: абсолютизм становился на всех путях препятствием для естественно развивающейся хозяйственной жизни страны и, разоряя страну, неуклонно подкапывал собственное свое благополучие. Но тем не менее до поры до времени концы сводились, и до финансового краха в момент начала революции было еще очень далеко.

Едва ли не самым худшим для венского правительства бюджетным годом был именно последний предреволюционный год; в 1847 г. дефицит был равен 57 миллионам (процентов по государственному долгу в этом году пришлось уплатить 46 мил-

лионов с небольшим). Однако, как уже сказано, даже и тут не только удалось скрыть совершенно эту цифру до мартовского взрыва, но удалось уже *после* мартовского взрыва всенародно солгать, заявив о дефиците в 5 миллионов, и удалось скрывать истину не только в течение 1848—1849 гг., но и значительно дольше. И вопроса о финансовом положении правительства серьезно не подымалось в бурные мартовские дни [6], так что нет ни малейшей возможности говорить о дефиците (которого никто к тому же в точности и не знал) как о причине или хотя бы об одном из поводов, вызвавших революцию. Мало того. Все жесточайшие свои затруднения по части борьбы с Веной, с Италией, с Венгрией за весь этот 1848 г. правительство пережило, главным образом лишь увеличив на 46 миллионов (со 132 миллионов до 178) свой долг государственному банку и прибегнув к ограничению в размене бумажных денег, а потом и к прекращению его. *Вообще же особенно серьезные затруднения обступили правительство именно уже после начала революции и ее развития*, когда нужно было ликвидировать венгерское восстание, финансовые последствия войны с Пьемонтом и т. д. Но это уже касается другого фазиса борьбы абсолютизма за свое существование, отнюдь не фазиса начального, и поэтому выходит из рамок настоящей главы.

Не финансовое положение государства вызвало и мартовские дни 1848 г. в Берлине. В противоположность Австрии, в Пруссии (с 1821 г.) публиковались сметы расходов и доходов, но в самых общих чертах и к тому же заведомо ложные, так как наряду с публикуемыми во всеобщее сведение составлялись тайные бюджетные сметы (geheime Etats) для действительного соображения высшей правящей бюрократии. Нечего и говорить, что в публикуемых сметах все обстояло наиблагополучнейшим образом, но уже самая возможность длительного обмана и утаивания в *этой* области отчасти указывала на то, что правительство не стоит *накануне* финансового краха. Напротив, прусский абсолютизм был, бесспорно, наименее разложившейся из всех тех политических организаций, которым пришлось выдержать удары революции 1848 г., и в прусской налоговой системе, как в прусском финансовом управлении, было гораздо более отчетности и контроля, гораздо менее хаоса и легальных растрат народных денег, чем хотя бы, например, в Австрии меттерниховского периода. «Финансы пользовались завидным процветанием, это всегда оставалось сильной стороной правления Фридриха-Вильгельма»,— говорит один из историков эпохи [7]. Тут следовало бы только внести «поправку»: *казалось*, что финансы пользуются завидным процветанием. Мнение Блосса, что прусское государство *казалось* (накануне революции) чрезвычайно крепким [8], довольно справедливо. В подобных утверждениях

историки-националисты, вроде Трейчке, сходятся часто с историками-социал-демократами, вроде Блосса.

Конечно, невозможно допустить «процветание» финансов, как это склонен делать Трейчке. Факты показывают, что в 1846 г. не удался заем и что вообще приходилось сильно и тщетно искать денег. Маркс в своей «Германии в 1848—1850 гг.» *в несравненно большем согласии с фактами и их логикой* склонен считать, что хотя Фридрих-Вильгельм IV нашел при вступлении на престол государственные финансы действительно в сравнительно благоустроенном состоянии, но уже через 2 года положение ухудшилось, и финансовые затруднения чем далее, тем более возрастали. Впрочем, и a priori можно сказать, что при экономическом расстройстве страны, обусловливаемом продолжающимся существованием старого порядка, финансы как прямое отражение общих экономических условий и не могут «процветать». Но до государственного банкротства Пруссии во всяком случае было еще далеко; не финансовые затруднения страны стояли на первом плане у *общества*, которое к тому же, кроме лживых смет и неясных слухов, ничего в этой области не знало, не финансовые затруднения сыграли в истории прусского абсолютизма *роковую* роль, не финансовые затруднения вызвали революцию, хотя *они* главным образом вызвали к бытию «Соединенный ландтаг», мирно разошедшийся до революции.

Все это показывает, что преувеличенного значения финансовой нужде правительств как фактору, вызывающему революцию, придавать не следует. Революционное стремление к реформе строя наступало там и тогда, где и когда нуждающиеся в этой реформе социальные слои были в силах преодолеть на время или уничтожить вовсе противившийся реформе строй. Экономическое расстройство страны, обусловленное несоответствием социально-политического строя с развитием производительных сил, вот что составляет совершенно необходимую логическую предпосылку революции, независимо от состояния государственных финансов в момент революционного взрыва. Конечно, государственные финансы именно ввиду вышеуказанных экономических причин *и не могут* в таком государстве быть поставлены нормально, но, как мы видели, далеко не всегда *к началу* революционного взрыва наблюдается *та степень финансового разорения правительства, которая бы находилась в полном соответствии с экономическим упадком страны.* Во Франции к 1789 г. это соответствие было в большей или меньшей степени достигнуто, и старый режим принужден был собственными руками взять в руки заступ и начать рыть себе могилу; в Пруссии и Австрии ни пред 1848 г., ни в 1860-х годах, когда старый режим в обеих странах окончательно провалился,

эта степень финансового оскудения достигнута еще не была, наконец, финансы России за все пятнадцатилетие, предшествовавшее *началу* революции, были еще далеки от полного соответствия с истинным экономическим состоянием русского народа. И в этих трех последних странах революция началась с восстания народа, за которым последовало вырванное у власти решение созвать представительство, а во Франции власть еще *до* революции созвала представителей народа, которые должны были уладить финансовый вопрос, и этот факт послужил как бы сигналом к восстанию. Это характерное отличие *начала* трех названных революций XIX—XX вв. от начала французской революции XVIII в. и зависело ближайшим образом от того, что во Франции пред 1789 г. абсолютизм *уже* не располагал возможностью *препятствовать* установлению полного соответствия между своим финансовым положением и экономическим состоянием народа, той драгоценной возможностью, какой еще располагал абсолютизм Пруссии, Австрии, России в соответствующие исторические моменты, пережитые этими странами. Те биржевые и всякие иные trucs и манипуляции, которыми возможно некоторое время спасать благообразие финансового «лица», когда страшный недуг пожирает все экономическое существо народа, немного, разумеется, стоят и ничего не предотвращают. Они только обусловливают возможность для данного правительства не «начать» революцию по собственному, так сказать, «почину» — прямым обращением к нации, а продолжать жить изо дня в день, ожидая, когда революция «сама» наступит.

4

«Абсолютизм, несогласный более с новыми требованиями, с новыми экономическими и социальными нуждами нации, приводит к финансовому краху, финансовый крах влечет неминуемо начало революции, следовательно, для абсолютизма революционная обстановка гибели типична». Этот силлогизм в силу вышесказанного совершенно не может быть принят: вторая посылка не выдерживает исторической критики, ибо неоднократные финансовые банкротства абсолютизма проходили ему часто даром и никакой революции не вызвали, а, с другой стороны, революции нередко начинались тогда, когда еще финансового краха вовсе не было. Этот силлогизм подвергся широкой вульгаризации именно под влиянием поразившего умы начала французской великой революции; это не мешает силлогизму быть грубоискусственным и неправильным.

Но, отвергая его, мы остаемся все при том же вопросе: каковы причины, делающие для абсолютизма типичной именно революционную обстановку гибели?

Ни одна форма правления не дает такого *видимого* преобладания значению отдельных личностей, как абсолютизм, и поэтому во времена процветания «культа героев» в историографии обыкновенно указывалось на свойства лица, сидевшего в момент революции на престоле, как на главную причину, которая и обусловила насильственный характер событий. Морализм, со своей стороны, и в науке, и в публицистике всегда старался указывать и подчеркивать ошибки и преступления верховной власти с целью либо предупредить, либо напугать властителей новейших «дурным примером» властителей старинных; для пущей же поучительности значение этих ошибок и преступлений расширялось до полной неправдоподобности.

Слишком заманчива была тема; с внешней стороны обстояло дело так: от широты взгляда, уступчивости, искренности и других добродетелей монарха зависело спасти и себя, и отечество от революции, но вот ничего этого проявлено не было, и все окончилось гибелью и бурей. Мог ли морализм не воспользоваться, могла ли политическая литература не увлечься подобным сюжетом?

История революций знала два главных типа монархов, с противодействием которых приходилось считаться восставшему народу. Образцом первого типа может считаться Карл Стюарт, разновидностью этого типа является, например, Мария-Каролина, неаполитанская королева конца XVIII и начала XIX в. Люди этого типа обладали натурой энергичной и решительной, пойти на уступки они могли только в виде военной хитрости и всегда после этих уступок проявляли при наступлении удобного момента еще более неукротимую, еще более смертельную ненависть к противникам. В случае победы, хотя бы временной, не было жестокости, пред которой они остановились бы; в случае поражения они удивляли врага своим холодным презрением и стойкостью. Обыкновенно это были люди, убежденные в правильности отстаиваемых ими начал. Карл I, человек, погибший на попытке превратить конституционную монархию в неограниченную, *уже стоя на эшафоте* утром 30 января 1649 г., сказал составлявшим его последний кортеж Джекстону и Томлинсону, что не дело подданных принимать участие в управлении [9]. Вероломство и коварство, жестокость и неутомимая ненависть по отношению к врагу были с их точки зрения обязательными, диктовались самым смыслом их существования. Погибали они, лишь исчерпав все средства к продолжению борьбы.

Ко второму типу относятся такие люди, как Людовик XVI. Они бывают не злы по натуре, но не это характерно для данного типа (ибо разновидности этого типа бывали иной раз вполне и безнадежно равнодушны к людским страданиям и жесто-

ки от собственной трусости, т. е. злы самой беспощадной злостью). Они терялись, застигнутые обстоятельствами, и когда делали уступки, то иной раз пресерьезно бывали убеждены, что все это делается ими прочно и искренно, а когда нарушали свое слово и подкапывались под собственные обещания, то столь же серьезно полагали, что никакого вероломства не совершают. Основная из их личных бед заключалась в том, что они обыкновенно не понимали первой буквы во всем, что вокруг них творилось, и продолжали не понимать впредь до окончательной гибели. Собственная растерянность и нерешительность сначала их обыкновенно мучили, но потом, как бы вполне убедившись в невозможности что-нибудь понять и кому-нибудь довериться, они замыкались в броню странной апатии, равнодушия, как бы нравственного и умственного онемения. Не по своей инициативе Людовик XVI решился на бегство и сел в карету, которая повезла его к границе, машинально ел персик в Законодательном собрании 10 августа 1792 г., в день падения монархии, совершенно апатично выслушал он приговор, отправлявший его на гильотину. Но это было уже в 1791—1793 гг., а Людовик 1789 г. или Людовик эпохи Тюрго — человек, еще не сложивший рук, еще не отчаявшийся уразуметь положение вещей. Душевное онемение, охватывавшее их по мере развития революции, характерно для людей этого типа. Защищало ли это душевное онемение от сумасшествия или отчаяния (как, быть может, защищало оно Людовика XVI) или же чаще само являлось особой формой душевной болезни (как это было в 1848 г. с австрийским императором Фердинандом I) — это вопрос, нас тут не интересующий.

К этим основным двум типам примыкают разновидности, на характеристике которых останавливаться подробнее не к чему. Вывод же, который историк вправе сделать после анализа характера самых разнообразных монархов революционных эпох, заключается в следующем: к какому бы из вышеописанных двух типов ни принадлежал носитель верховной власти, это никогда не имело *существенного* значения и влияния на события, ибо разнороднейшие представители абсолютизма одинаково оказывались неспособными в подавляющем большинстве случаев произвести без революционного давления те социально-политические изменения, которые повелительно требовались нуждами нации. Дело тут всегда было в свойствах всего правительственного организма, в свойствах, которые обусловливали почти полную неизбежность революционного взрыва. Не тогда только абсолютизм погибал *насильственно*, когда постигал его финансовый крах, и не оттого, что его представители были слишком упорны или слишком нерешительны, слишком мягки или слишком жестоки, но прежде всего от того, что ему всегда бывало

труднее, нежели всякой иной форме правления, выполнить выпавшую ему на долю задачу, так как для него она выражалась в том, чтобы добровольно отказаться от собственного существования.

Ибо именно это фактически требуется от него в определенный момент социально-экономической эволюции общества, именно это ведут с собой те политические и юридические перемены, которые должны явиться результатом реформы или революции после долгих или непродолжительных перипетий борьбы. Трудность задачи, можно сказать, *противоестественность* такого самоубийства, уже сама по себе являлась почти непреодолимой преградой для мирного разрешения вопроса в подавляющем большинстве случаев; и еще тяжелее было преодолеть эту преграду тогда, как вплоть до начала революции задача эта во всем ее объеме недостаточно ясно была осознана и поставлена. Пред падением французского абсолютизма задача уничтожения абсолютизма не пользовалась таким вниманием общества, как другие сопряженные с ней и подчиненные ей задачи, не так была сознана, не провозглашалась так страстно и убежденно. Когда революция вспыхнула, тогда в этом смысле произошел крутой перелом (о чем мы уже вскользь упоминали в самом начале этой работы и о чем подробнее речь будет впереди), но в период, непосредственно предшествующий революционному взрыву, можно сказать, что к самому же абсолютизму обращались не только за решением задачи, но и за вполне ясной ее постановкой. Об уничтожении абсолютизма отчетливо и громко масса заговорила лишь тогда, когда он уже de facto пал. Тогда и только тогда буржуазия как класс примкнула к мысли Мирабо, который заявил, что конституция должна *ограничивать* королевскую власть «только затем, чтобы сделать ее сильнее». Но так заговорила буржуазия, когда уже вихрь событий сломил абсолютизм, а еще за несколько лет дело обстояло не так. «В 1774 г., когда умер Людовик XV, желания были гораздо скромнее»,— говорит Сорель в полном согласии с огромным большинством исследователей идеологии времен старого порядка [10],— «народ доверял королю, и общественное мнение не стало бы торговаться с ним из-за власти, если бы он воспользовался ею для желанных реформ. Никогда еще не говорили так много о Генрихе IV и никогда не расхваливали в такой степени Ришелье. Воображение рисовало идеальный образ короля-законодателя, и в силу какого-то странного атавизма философы придавали государю будущего черты легендарного героя средних веков». Быть может, последняя фраза возбудит удивление, но Сорель не выдумал ничего: общая неясность в постановке вопроса об абсолютизме *даже* иной раз на верхах умственной жизни, *даже* иногда среди некоторых деятелей просветительной фило-

софии доходила действительно до того, что порой реставрировался образ Карла Великого (конечно, мифического, а не настоящего, ибо историография средних веков находилась тогда в весьма плачевном состоянии). Эта неясность была так велика, что, как мы уже видели, теоретик народовластия Жан-Жак Руссо хвалил типичного апологета просвещенного абсолютизма — д'Аржансона, а ведь несомненно, что никто из философов XVIII в. в такой мере, как Руссо, не ставил своей задачей нанести решительный удар всем политическим принципам, противоречащим принципу народного суверенитета. Но если мы признаем, что критика общественных отношений, представленная философами XVIII в., в конечном счете бесспорно стремилась расшатать все устои, на которых еще держался абсолютизм, и поэтому логически, eo ipso, требовала его упразднения, если мы даже закроем глаза на все неясности и недоговоренности, которые в этом отношении были так характерны для воззрений тогдашней политической литературы, если забудем такие многозначительные факты, как например, то, что еще в 1789 г. полемическая публицистика *реакционного* лагеря ссылалась на Монтескье в защиту существующего образа правления против революционных нападений [11], если мы, словом, согласимся даже признать, что в общем просветительная философия будто бы явственно стремилась уничтожить абсолютизм и отчетливо выражала эти свои стремления, то и тогда вышеуказанный факт отсутствия в дореволюционном *обществе* сколько-нибудь распространенной и заметной тенденции именно к уничтожению абсолютизма еще более оттеняется наличностью громкого, резкого, решительного и проникнутого страстью протеста против других сторон старого порядка, вроде пережитков феодализма, сословных привилегий, религиозной нетерпимости и т. д.

Правда, некоторые деятели просветительной философии (вроде Вольтера, предсказавшего, что произойдет «un beau tapage») пророчествовали в самых общих словах гибель *всему* строю, и гибель насильственную, но каково могло быть практическое значение этих пророчеств? В своей интересной (как и почти все, что им написано) книге «La société future» Жак Грав очень хорошо выяснил, какова подобным пророчествам реальная цена [12]: «Философ, который приходит к заключению о необходимости революции для преобразования общества, может работать сколько угодно над разъяснением этой идеи тем, к кому он обращается, но не его предсказаниям приблизить революцию хотя бы на одну иоту. И, предполагая совершенный абсурд, если бы ему удалось убедить всю массу в необходимости революции, эта революция произойдет, только когда обстоятельства сделают ее неизбежной... И сколько есть людей, теперь полагающих,

что они никогда не должны принять участие в революции, которые, когда день наступит, явятся, быть может, самыми горячими ее защитниками!» И пророчества просветительной философии ни на иоту не приблизили революцию. Она наступила, когда силы враждебных старому режиму слоев населения созрели настолько, что могли предпринять решительную борьбу против старого строя, и когда вполне выяснилось бессилие и нежелание правительства ликвидировать старый строй мирным путем.

Первое обстоятельство обусловило решительную постановку вопроса о реформах; второе обстоятельство придало революционную окраску всему историческому моменту.

Генеральные штаты требовались общественным мнением, и правительство после колебаний решилось на эту меру, потому что прежде всего ожидало от нее поправления финансов. Что эта мера может посодействовать гибели старого строя и прежде всего *оформить* гибель абсолютизма, что Генеральные штаты возьмут в свои руки всю полноту фактической власти, об этом еще в эпоху 1786, 1787, 1788 гг. не было и речи. Ни абсолютизм этого не боялся, ни общественное мнение так вопроса не ставило; колебания же двора были больше от рутины и от смутного беспокойства, всегда внушавшегося мыслью об этом старинном представительстве. Ведь, как уже было сказано, еще в начале XVIII в., когда общество ни о каких Генеральных штатах не помышляло, само правительство регента Филиппа Орлеанского по собственной инициативе подумывало о созыве штатов (и тоже под непосредственным влиянием финансовой нужды), но и тогда столпы системы забили тревогу. Дюбуа прямо высказал, что недаром короли всегда старались подальше держать эти штаты, именно потому, что король без подданных — ничто, и подданные могут ясно это увидеть, когда их представители соберутся вместе. «Это было бы истинным отчаянием для вашего высочества, если бы вводить сюда английские порядки»,— заявлял с жаром старый развратник. Его послушали, и мысль была оставлена. И это беспокойство проявлялось тогда, когда только что схоронили человека, говорившего: «L'état c'est moi» — и благосклонно взиравшего на то, как под мордой лошади его конной статуи (при жизни ему поставленной) возжигались благоговейные лампады. Это говорилось, когда еще абсолютизм был за 75 лет от своей гибели, когда оппозиционного общественного мнения почти не существовало. Ибо Дюбуа, с негодованием ссылавшийся на английские порядки, смотрел в сущности на общественное мнение так, как, например, русский канцлер Нессельроде в аналогичную эпоху существования русского абсолютизма (кстати, Нессельроде тоже не одобрял английских порядков). «Если во Франции и в Англии,— говорил министр Николая I посланнику

Второй республики Ламорисьеру,— вы принуждены считаться с общественным мнением, то здесь, у нас, есть император, непоколебимую твердость которого вы знаете» [13]. Удивительным, значит, могло бы скорее показаться не то, что абсолютизм пред своим концом некоторое время колебался насчет Генеральных штатов, а то, что он так мало предчувствовал опасность. Ведь конец XVIII в. уже видел общественное мнение, которое всегда так презирают всякие Дюбуа и Нессельроде в более счастливые времена абсолютизма; оно еще не проявило всей своей силы, но с ним уже считались.

И если все-таки абсолютизм был далек от истины, то виноваты не только его беспечность и непредусмотрительность. Мы сказали, что вопрос о реформе решительно был поставлен на историческую очередь, когда созрели силы тех слоев, которым необходимо было эту реформу осуществить. Стихийный характер надвигавшихся событий яснее всего сказывается в том, что не только правительство, но и эти враждебные старому порядку слои *тоже* были далеки от понимания истинного взаимоотношения сил. Эти слои были сильны и в полной мере не знали этого, подобно тому как правительство было слабо и тоже в полной мере не знало этого. Мы только что сказали, что лишь *некоторые* деятели просветительной философии в общих словах предсказывали в течение XVIII в. революцию: подтвердим же это выражение, приведем часто цитируемые слова, показывающие, что иные философы диаметрально противоположным образом оценивали будущее. За 5 лет до взрыва революции один из философов, наиболее радикально настроенных, заявил: «Ах, кончено! Мы слишком низко пали, правы слишком ослабели. Никогда, о, никогда уже не придет революция!» Сказал это Мабли в 1784 г. Никогда за все царствование Людовика XVI придворно-аристократическая клика не чувствовала себя такой торжествующей, как именно в эти годы, от отставки Неккера в 1781 г. до того предвестия революции, каким было созвание нотаблей. Первый исследователь, который обстоятельно отметил этот совсем просмотренный наукой факт, был Шере, автор двухтомного исследования, посвященного исключительно истории двух лет, предшествовавших революции (1787—1789 гг.). Сопоставляя ряд данных, он пришел к неопровержимому выводу, что среди оппозиционных слоев, среди буржуазии и вообще во всем народе, за вычетом ликовавшей кучки царедворцев, аристократов и аристократических прелатов, настроение было самое подавленное. Уныние и апатия воцарились в тех общественных слоях, которые до 1780-х годов, т. е. до полного торжества реакции, все надеялись на королевские реформы и милости. (А ведь *другой* надежды за все царствование Людовика XVI, с самого 1774 г., в массе оппозиционной буржуазии и

не проявлялось.) Если бы возглас Мабли, уже понявшего, что от Людовика XVI ждать нечего, и вместе с тем отчаявшегося в возможности революции, стоял одиноко, можно было бы сказать: testis unus — testis nullus, одно свидетельское показание и для истории не всегда может иметь много веса. Но вот, помимо него, иллюстрации положения вещей [14].

Вот картина Франции накануне созыва нотаблей и, значит, за 2 года до начала революции: эта картина, по словам очевидца, «была верным изображением того, чем еще теперь являются все деспотические государства. В деревнях люди работают, страдают и молчат. В провинции мало есть голосов, настолько сильных, чтобы заставить себя выслушать; в столице великие мира сего интригуют, богачи тешат себя увеселениями, академики — игрой ума». Общественная апатия замечалась и в литературе: в 1786 г., например, по вопросам современности вышло всего 6 брошюр (сохранившихся). В трех из них восхваляется путешествие Людовика XVI из Парижа в Шербург; в четвертой Людовик XVI просто восхваляется, не по поводу поездки в Шербург, а вообще, причем он называется «отцом народа»; в пятой предлагается рассмотрение проекта памятника благополучно здравствующему Людовику XVI; шестая (озаглавлен. «Quelle nation! Elle va toute seule») столь же бессодержательна. Вот и все, что сохранилось от 1786 г. Но, может быть, были сочинения, подвергшиеся преследованию и поэтому не поступившие в обращение или изъятые? Обращаемся к списку осужденных сочинений, приложенному к книге Рокена [15], и видим, что за весь 1786 г. два печатных произведения было запрещено и одно сожжено, значит политическая мысль в этом году шевелилась очень слабо.

Это можно сказать и обо всем периоде от 1781 г. до созыва нотаблей; кроме единичных (2—3) исключений, та же мертвая глушь в области политической литературы. Настроение буржуазии повсюду рисуется подавленным. Один современник говорит, что «без призыва, изошедшего от престола, третье сословие продолжало бы склонять голову и молчать». Таково было впечатление, производимое на современников этим сословием, которое заявило на весь мир 2—3 года спустя, что оно желает быть *всем.* Это впечатление подтверждается и другим современником (Болье): «Если исключить эту манию к получению дворянства... то среднее сословие мало чего желало. Оно хотело некоторого облегчения налогов или только более упорядоченного их распределения и некоторого улучшения в отправлении правосудия; его желания далее не распространялись». Об уничтожении или *даже изменении* монархии никто не думал, говорит этот свидетель. В провинции всюду являются взору за этот период следы всеобщей летаргии, как бы охватившей страну.

Реакция была так уверена в себе, что привилегированные сословия ничего не боялись, и именно этим Шере объясняет ряд ошибок, беспечно совершенных правящими кругами: если бы всякая тень опасности не отсутствовала, то знать не афишировала бы своего сочувствия восставшей Америке; «Женитьба Фигаро» не была бы поставлена и не получила бы такого ласкового приема со стороны аристократов; домашние дрязги по поводу дела об ожерелье не были бы нарочно вынесены на улицу, если бы можно было бояться, что улица хоть сколько-нибудь беспокойно настроена; и, несмотря ни на какие финансовые затруднения, Калонн, может быть, и не решился бы созвать нотаблей. «Бóльшая часть ошибок, совершенных привилегированными и правительством 1781 г., объясняются *только* полной уверенностью, а эта уверенность в свою очередь объясняется пассивным поведением среднего сословия... Что верно, это то, что в конце 1786 г. никто не верил в возможность близкой революции и что даже после события современники остались при убеждении, что ее легко было тогда избежать» [16].

Самая реакция, наступившая после падения Неккера в 1781 г. и явственного отказа правительства произвести хоть какие-нибудь реформы, сопровождалась поспешным, как бы злорадным восстановлением тех злоупотреблений, которые успели было уничтожить Тюрго, а затем отчасти Неккер; мало того, вводились новые оскорбительнейшие для буржуазии ограничения по военной службе, реставрировались самые безобразные и ненавистные фискальные меры времен Людовика XV, словом, король действительно, по выражению Рокена, «как бы насмехался над обществом». Таковы факты. Вывод вытекает отсюда до такой степени сам собой, что после всего вышесказанного он может показаться тавтологией: накануне революции обоим противникам одинаково мало известно было взаимоотношение их сил, и ни та, ни другая сторона к мысли о близком конфликте вовсе не готовилась и конфликта этого не желали. Повторяем: будущие революционеры-победители не знали, что они будут революционерами и победителями, а двор и правительство не знали о себе, что им предстоят борьба и поражение. Стихия, несшая одним торжество, а другим гибель, надвинулась на тех и на других одинаково неожиданно.

Теперь возвращаемся к высказанной мысли. Абсолютизму во Франции было трудно предупредить революцию не только потому, что ему необходимо было для этого отказаться от себя самого, но и потому, что, как мы только что видели, даже и противники его (как класс) ясно этой задачи ему не ставили, с этим требованием к нему не подходили, а кроме того, именно накануне схватки совсем почти умолкли, совсем как бы впали в уныние, все разрешили абсолютизму. Все было готово, все

созрело для их торжества, нужен был внешний толчок только, чтобы их сила и слабость абсолютизма мигом обнаружились, и как раз перед этим толчком они как бы покорно примирились со своей участью.

Они и сами обманывались насчет истинных размеров своих сил, *и абсолютизм обманывали.* Ясно, что если политическое самоубийство без всяких принуждений представляет собой трудность, граничащую с невозможностью, то такое политическое самоубийство, к которому не только никто *не принуждает,* но даже вопроса о котором никто не ставит, явилось бы для любой формы правления nonsens'ом. Таким nonsens'ом был бы и в глазах французского социально-политического старого порядка добровольный отказ от самого себя *накануне* революции. А так как ввиду всего комплекса социально-экономических отношений этой эпохи старый порядок дальше существовать не мог, то роль добровольного «самоубийства» фатально должно было сыграть насилие. Логика событий вела к вполне обусловленному результату: перемене всего социально-политического строя; новое *хозяйство* должно было сотворить и сотворило на самом деле новое *право.* Если человеческая логика абсолютизма медлила понять эту более сложную и скрытую логику истории, если момент добровольного отказа от себя самого был абсолютизмом пропущен *(и не мог не быть пропущен),* тем хуже должно было оказаться для людей, поддерживавших осужденную на гибель систему и вокруг нее питавшихся. Результат был предрешен всей исторической эволюцией французского народа, революционному поколению оставалось выполнить продиктованную задачу.

Абсолютизм рук на себя не наложил, и сотни тысяч рук поднялись на него: только слащавый либеральный морализм мог видеть материал для нравоучений в первом обстоятельстве, и только партийная откровенно реакционная идеология пыталась отрицать неизбежность второго.

5

По замечанию одного современного ученого, воззрение Лайеля на катаклизмы как на простые случаи частичного и местного характера применимо не только к геологии, но и к истории человечества [17]. С методологической точки зрения при изучении катаклизмов социальных, это надо понимать так, что *причины* частичного и местного характера обусловливали наступление в данной стране в данный момент революционного кризиса, почему эти причины именно и нужно изучать, если хотят понять их детерминирующую в этом смысле силу. Тезис, согласно которому абсолютизм *не может* сойти со сцены иначе, как револю-

ционным путем, никогда не удалось бы сделать социологическим законом, даже если бы умышленно забыть Данию, Японию, Черногорию и т. п. Этот тезис был бы ложен в корне, в самой основе своей, ибо стремился бы возвести в закон то, что всегда зависело и зависит от причин «частичных и местных», от причин, вся *второстепенность*, вся *социологическая* незначительность которых вполне отчетливо вырисуется, если сравнить их с причинами, обусловившими конечный *результат* кризиса. Какие причины вызвали изменения в социально-политическом строе, этот вопрос всегда премирует в обществоведении над вопросом: какие причины привели к тому, что эти изменения были достигнуты вот таким, а не другим путем? Речь теперь у нас идет, как сказано, о том, за какими именно из обстоятельств (частичных и второстепенных по самому характеру своему, по самой своей социологической роли) возможно на основании исторического опыта признать значение причины, обусловившей революционный характер кризиса там, где подорванный исторической эволюцией абсолютизм был уничтожен путем насильственным, а не мирным. Решение этого вопроса разъяснит нам и проблему, поставленную в начале настоящей главы: почему революционная обстановка гибели является для абсолютизма типичной, столь часто (хотя и не всегда) кончающей его исторический путь?

Мы уже отметили, что личность верховного представителя системы в этом смысле решающей роли не играла, что явствует уже из разнородности психологических типов монархов революционных эпох, не говоря уже о методологической наивности и бесплодности всяких попыток воскрешения (такой постановкой вопроса) культа героев [18]; мы видели также, что роль *решающей* причины во внезапном *наступлении* революций не играла даже и та язва, разъедавшая в большей или меньшей степени абсолютистский организм, которая называется перманентным дефицитом, ибо факты не позволили бы обобщить такое утверждение; наконец, было сказано, что такой причиной может быть признана вполне естественная и весьма могущественная черта, встречающаяся всюду: необычайная трудность, в подавляющем большинстве случаев доходившая до невозможности, для абсолютизма решиться на отказ от собственного существования, не сделав предварительно попыток померяться силой с врагами. Такого рода отказ от себя был всегда труден для всякой формы правления, но в конце настоящей главы мы остановимся на том, почему именно для абсолютизма задача эта не могла не явиться особенно непосильной, особенно неразрешимой; почему для мирного решения этой задачи абсолютизм по своей социологической природе оказывался *особенно* неприспособленным в подавляющем большинстве случаев.

Теперь же необходимо показать, что самый вопрос в беспримесном виде ставится именно так. На примере французского абсолютизма мы видели, что трудность задачи мирного самоуничтожения осложнялась в данном случае для этой формы правления еще тем, что класс, которому суждено было ее уничтожить, сам еще в массе своей накануне революции далеко не отчетливо представлял себе именно *эту* часть своего будущего дела (т. е. разрушения старого порядка); мы видели, что еще пред созванием нотаблей, т. е. за 2 с небольшим года до революции, оппозиционное течение казалось особенно подавленным и особенно покорным своей участи, а реакция — особенно торжествующей; мы напомнили, что в общественном мнении бродили накануне революции смутные (и идеализированные иногда до сентиментальности) образы «благожелательных» властителей: Карла Великого, Генриха IV, Ришелье.

Но как обстояло дело, когда *этого* осложнения не было, т. е. когда абсолютизм прекрасно знал, что именно его хотят уничтожить и что именно его упорство в самообороне — причина разгорающейся революции? История говорит, что и при наияснейшей постановке этого вопроса абсолютизм оказывался не способен на выполнение мирным путем поставленной перед ним задачи. Напротив, бросая уступки наступающему восстанию, он всеми силами заботился лишь об одном: чтобы механизм угнетения не был сломлен, не был обессилен и чтобы после временного бездействия его возможно было пустить в дело полным ходом. «Весь аппарат контрреволюции в немецком, венгерском и специфически австрийском вопросе лежал поблизости и наготове»,— так выражается Вальтер Рогге, объясняя быстроту реакции в 1848—1849 гг. [19]. Эта забота о сохранности «аппарата контрреволюции» характерна и для последнего (по времени) абсолютизма, агонию которого уже успела отчасти занести на свои скрижали всемирная история. И эта забота, дающая о себе знать в то же самое время, как делаются уступки, показывает нагляднее всего, что сравнительно ясно понимающий свое положение абсолютизм оказывается столь же неспособным примириться со своей участью, как и такой абсолютизм, который вплоть до начала революции еще может искренно льстить себя мыслью о возможности примирить собственное существование с требуемыми реформами. Для абсолютизма *типично* не то непонимание своей несовместимости с требованиями жизни, которое было налицо при дворе Людовика XVI до 1789 г., а то желание лучше все поставить на карту, нежели подчиниться своей судьбе, которое сказывалось в действиях того же двора после 1789 г., которое проявлялось в еще более трагическом виде позже, в аналогичные эпохи при разных других дворах.

6

Повторяем, нет организации, которой труднее было бы мирным путем сойти с исторической сцены, нежели абсолютной монархии. Прежде всего потому, что никакой другой форме правления *история* не ставит этого требования в столь категорическом виде (даже там, где эта категоричность вплоть до начала революции совершенно отсутствует *в речах, мыслях и чувствах* оппозиционных классов). Чтобы дать выход и удовлетворение новым нуждам и стремлениям, чтобы прекратить противоречие между старым правом и новым хозяйством, абсолютизм в определенный момент своего существования должен не измениться, а уничтожиться, примириться не с модификациями, а с самоубийством. Штаммлер назвал социальную историю историей целей: абсолютизму и предъявляется в такой момент (и предъявляется иногда внезапно) требование, чтобы захваченному кризисом поколению, идущему к этим целям, он дал перешагнуть чрез свой труп. Землевладельческая аристократия, с 1817 по 1832 г. упорно отказывавшая Англии в парламентской реформе, чуть не довела страну до открытой революции, а между тем ей, этой аристократии, нужно было примириться вовсе не с полным своим уничтожением, а лишь с дележом своей власти.

Для абсолютизма же предъявление требования, чтобы он поделился властью, чтобы он превратился в ограниченную монархию, равносильно предъявлению смертного приговора, ибо абсолютизм *ограниченный* есть логический и фактический абсурд, как бы хитроумно возможность его ни доказывалась иными красноречивыми и преданными перьями. И если неуступчивым, чуть не вызвавшим насильственного кризиса историческим ответчиком оказалась, например, даже английская аристократия, которой был предъявлен менее суровый, менее фатальный счет, то что же удивительного, если еще более неуступчивым оказывался в истории сплошь и рядом абсолютизм, когда исторические истцы ставили ему требование покончить с собой добровольно и немедленно? «Я никогда не могла поверить в конституционное призвание короля, который рожден при деспотизме, воспитан для деспотизма и привык им пользоваться» [20],— читаем мы у г-жи Ролан, близко наблюдавшей карьеру Людовика XVI. Еще труднее допустить «конституционное призвание» у многовекового политического организма, в котором все от начала до конца, от сердца до всех точек периферии складывалось для удовлетворения других потребностей и достижения других целей. Если для г-жи Ролан затруднительно было согласиться с ее мужем и с Клавьером насчет возможности перерождения *абсолютного монарха*, то еще затруднительнее было бы верить в самоотречение (без попыток борьбы) со стороны самого *абсо-*

лютизма. Ибо монарх увидел смерть только в 1793 г., а *абсолютизм* увидел смерть прямо пред собой еще весной 1789 г., когда люди, *его* поражавшие и *его* хоронившие, еще кричали: «Vive le roi!»; монарху была дана отсрочка, абсолютизму — нет; от монарха требовалось, чтобы он примирился с ограничением власти, от абсолютизма — eo ipso, чтобы он немедленно уничтожился. На деле, конечно, монарх отождествил себя с абсолютизмом и разделил его участь, но существенно не это: существенно то, что без попыток борьбы абсолютизм продать свою жизнь не захотел.

Не хотел он сделать это и во всех революциях XIX—XX столетий и боролся тем яростнее, чем больше к тому имел возможности. Он боролся остатками физической силы, обрывками старых народных суеверий, производил диверсии, устраивал засады, притворялся и гримировался, предавал своих слуг, лобызался с врагами, он делал все, чтобы отсрочить гибель. И тот, кто будет удивляться тому, что абсолютизм все это делал, обнаружит удивление во всяком случае не «философское», которое так ценит Шопенгауэр, ибо несравненно удивительнее был бы *отказ* от этой последней борьбы. Кроме трудности задачи, кроме категоричности и рокового характера требования, с которым история обращается к абсолютизму в решительный момент, есть еще одно обстоятельство, подготовлявшее почти всегда невозможность мирного разрешения кризиса. Это обстоятельство коренится в тех же основных, генетических чертах неограниченной монархии: именно вследствие сознания или предчувствия того, что всякая коренная реформа политического строя для него равнозначуща с самоупразднением, абсолютизм еще задолго *до* кризиса так упорно гонит от себя мысль о реформе и помощь реформаторов. Он до последней минуты не начинает уступать, до последней минуты либо не обращает внимания на предостерегающие голоса, либо — гораздо чаще — их преследует всеми имеющимися средствами. Он отстраняет от себя Вобанов, Тюрго, даже Неккеров, потому что в них чует предвестников гибели. Он сжигает за собой мосты, не ищет спасительных тропинок, потому что для него всякий шаг вперед даже по обходной тропинке есть шаг к гибели. Заблаговременно, исподволь приготовиться к своей участи ему трудно, потому что, снова и снова, участь эта есть исчезновение со сцены. На компромиссах он всегда теряет и ничего не выигрывает, ибо по существу дела компромиссы его [21] ослабляют, отнюдь не отдаляя гибели, и весь (иногда долгий) период пред обострением кризиса проходит в топтании на месте и в тщетных попытках обманом или насилием, или обманом и насилием вместе задержать наступление решительного момента. А свобода в действиях, которой он пользуется при самозащите, превосходит свободу в

действиях, свойственную всякому иному режиму. Только одна Венецианская республика в конце средних веков и начале нового времени (из других режимов) может в этом отношении сравниться с абсолютизмом. И эта доступность и легкость самых устрашающих насилий, это естественное во всяком абсолютистском государстве сближение борьбы внутренней с войной внешней, это приравнение врагов режима к врагам отечества — все это свойственно абсолютизму более, чем всякой иной форме правления. И все это воспитывало и укрепляло почти всегда решимость в руководителях абсолютизма понимать политическую борьбу со своими противниками в чисто военном смысле, переводить эту борьбу, пока не поздно, на язык пушек и ружей. Ни один режим по существу дела не являлся (в эпоху кризиса) никогда в такой степени похожим на обособленный стан завоевателей среди покоренного народа, как именно абсолютизм: и появление, например, довольно широко распространившегося в былые времена истолкования французской революции как восстания побежденных галлов против покорителей-франков *психологически* вполне понятно [22]. И если у погибающего абсолютизма теплилась еще вера во что-нибудь, то это обыкновенно была вера в насилие, в остатки былого могущества, в борьбу, где это еще было возможно, не на жизнь, а на смерть со своими врагами. Больше всякой иной формы правления он и привык к беспримесному насилию и держался в эти предсмертные эпохи преимущественно насилием, и так как ему ставилась задача исчезнуть, то насилие оставалось не только самым привычным, но и единственным средством попытать счастья или хоть отсрочить гибель, если решимости на мирное самоустранение не хватало. Это естественное предрасположение абсолютизма к насилию, со своей стороны, способно было, конечно, лишь ускорить открытую пробу сил.

Таковы общие причины, делающие для абсолютизма типичной именно революционную обстановку гибели. Теперь нам необходимо обратиться к рассмотрению другого вопроса: какие обстоятельства в революционные эпохи делали абсолютизм как бы центральной мишенью борьбы? Мы говорили о том, какими свойствами обладал абсолютизм в качестве исторического ответчика; посмотрим же теперь, как созревало решение именно *ему* предъявить фатальный для него иск.

Но так как падение абсолютизма есть лишь частный случай социальной эволюции, то прежде всего необходимо остановиться на общих причинах, по которым классовая борьба всегда тяготеет к тому, чтобы принять вид борьбы за политическое преобладание, и почему это тяготение усиливается в подавляющей степени параллельно с ростом интенсивности переживаемого кризиса.

Глава II

АБСОЛЮТИЗМ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

1

Политические революции в самом главном и существенном обусловливаются тем, что известная форма управления не только перестает отвечать материальным и моральным потребностям общества, но что дальнейшее ее существование становится прямой угрозой для нормального удовлетворения нужд и интересов социально сильных слоев народа. Социально сильный союз буржуазии, крестьянства и городского пролетариата произвел революцию 1789 г. во Франции; социально сильный, хотя и мимолетный, союз буржуазии, рабочих и крестьян произвел германские революции 1848 г. Политические революции, обусловливаются социально-экономическими трансформациями народной жизни: это их основная причина, их корень; *характер* может зависеть уже от иных причин. Но их неизбежные, обусловленные социально-экономической эволюцией общества, *результаты*, т. е. требуемые этой эволюцией изменения политического строя, могут быть достигнуты со сравнительно небольшим количеством насильственных актов, тогда это революция «мирная», наподобие английской избирательной реформы 1832 г., или путем целого ряда насильственных актов, а иногда и целых гражданских войн. И вот, если будет поставлен вопрос об условиях, придающих данному кризису физиономию «мирной» реформы или насильственной революции, то здесь мы тотчас же почувствуем необходимость сузить или, вернее, разбить на части поле исследования; ибо если по-своему прав Генрих Риккерт, видящий характерную черту исторической науки в воспроизведении и познании *однократного и индивидуального*, то правы также и те, которые дальнейший прогресс обществоведения усматривают в выделении из этого однократного и индивидуального повторяю-

щихся и общих черт. Однократен и индивидуален тот пестрый хаос событий, который застыл в памяти человечества под названием французской революции, «великого английского бунта» XVII в., объединения Италии и т. д., и сколько бы мы не выделили из этих сложнейших клубков общих нитей, все равно каждый из них сохранит нечто только ему свойственное и нигде более не встречавшееся. Но отказаться от аналитической работы отделения общих черт от черт индивидуальных значило бы отчаяться в возможности установления и в далеком будущем обществоведения на сколько-нибудь прочных основаниях.

Каждая революция имела видимой и сознанной целью передачу политической власти из рук одного общественного класса в руки другого или других общественных классов, и чуть не все революции показывают, что именно завоеванная этими революциями для облагодетельствованных ими общественных классов политическая власть является наиболее хрупким из всех приобретенных. Английский средний класс уже управлял Англией в эпоху долгого парламента, в 40-х годах XVII в.; он же, путем вторичной революции, в 1688 г. опять отстоял конституционную свободу, и спустя 150 лет ему же ценой долгой и яростной борьбы пришлось опять настаивать на своем праве участвовать в управлении государством. Буржуазия, сознавшая себя во Франции силой, провозгласившая, что она должна быть «всем», захватившая в революционную эпоху политическую власть в свои руки, принуждена была спустя 40 лет после своего краткого политического всемогущества снова завоевывать себе его в июльские дни 1830 г. Шведская аристократия дважды за один (XVIII) век завоевывала и теряла политическую власть, не утрачивая в мало-мальски серьезной степени ни единого из своих социальных преимуществ и феодальных прерогатив, хотя всегда видимой, непосредственной, главенствовавшей в сознании целью аристократических революций была именно политическая власть. Число этих примеров весьма легко было бы умножить, и все они показывают одно: обусловленные повелительной материальной необходимостью социально-экономические изменения остаются прочным достоянием пережившего революцию общества, а изменения политического строя лишь постольку бывают прочны, поскольку нужны для закрепления и торжества этих социально-экономических изменений.

Вот почему потеря внезапно достигнутой политической власти обыкновенно тревожила лишь отдельные единицы, а не весь утрачивавший ее класс, если только в этом классе существовала уверенность в обеспеченности социально-экономических перемен. Послушаем апологета французской буржуазии, любящего хвалить ее за свободолюбие и прочие качества. Пришел солдат и забрал всю власть в свои руки. «Нужно это кон-

статировать,— буржуазия, очень далекая на другой день после 18 брюмера от беспокойства, была полна спокойствия и доверия. Она надеялась тогда на все, даже на сохранение обеспечивающих правовых норм со стороны необыкновенного человека, от которого прежде всего она требовала освещения революции гражданского быта» [1]. Еще отчетливее выражена эта мысль в следующих словах: «Буржуазия тогда задала себе вопрос: что же она должна сохранить от революции? Эти люди... уже не верили в республику и свободу. Они придавали меньше важности форме правления, нежели составу общества. Лишь бы общество осталось на основе равенства, лишь бы влияние духовенства было подавлено, лишь бы старая дворянская аристократия была уничтожена, и *существенное* из революции казалось им сохраненным [2]. Эту последнюю фразу) l'essentiel de la Révolution leur parut conservé) приходится вспоминать, читая любую историю любой послереволюционной реакции. Эта слишком хорошо известная черта революций особенно интересна именно потому, что политические завоевания, захват власти, являющиеся такими хрупкими и кажущиеся такими *«несущественными»* на другой день *после* революции, представляют собой часто один из самых ярких и шумных лозунгов *до* и *во время* революции. Что тут такое происходит? От чего зависит это изменение и какова его психология? В центре поставленного нами вопроса стоит сложное понятие, играющее в обществоведении огромную роль,— понятие правительственной власти.

Правительство являлось главной из тех видимых цитаделей, в которые била революционная волна в начале движения, а *правительство* отступало в общественном сознании на задний план, переставало интересовать после движения; это второе правительство иногда усваивало себе очень многие аллюры и черты первого правительства, и все-таки это не возбуждало прежней бури. Таков факт, к рассмотрению которого мы обратимся, а рассмотрение это не может не привести нас прежде всего к проблеме о социологической роли правительственной власти. Мы далеки, конечно, от намерения в этой небольшой работе представить сколько-нибудь полный анализ этой проблемы: мы отметим лишь то, что непосредственно необходимо для нашей темы, и начнем с правительств абсолютных.

Никто не будет спорить против того положения, что правительственная форма являлась в истории порождением экономически преобладающих сил и что в свою очередь она долженствовала закрепить и продолжить на неопределенное время (молившиеся за него лица выражались: «во веки веков») это социальное господство представляемых ею класссов населения. Так оно было всегда в теории, но не всегда на практике, потому что на практике встречались отклонения. Мы не назвали бы эти

отклонения «уродливыми», потому что уродлив горб, выросший на спине Аполлона Бельведерского, но совершенно естествен он на спине верблюда, родившегося с зачатками этого горба. Абсолютные правительства, как бы ни была прочна и социологически вполне ясно определима та почва интересов и нужд, которая их вызвала к жизни, в силу самой природы своей не могли не обнаружить вышеупомянутых отклонений. Суть и смысл этих отклонений заключались в том, что в известный момент своей долгой жизни (ибо в истории они были почти всегда из числа долговечных) абсолютные правительства начинали утрачивать понемногу (а с течением времени все быстрее и быстрее) свой характер классового представительства и все более и более превращались в самостоятельную социальную группу со своими особыми интересами, со своей индивидуальностью, со своей отдельной от *всех* классов общества духовной жизнью. Их существование становилось как бы самоцелью, и так как эта эпоха обыкновенно хронологически совпадала с началом политического пробуждения тех общественных классов, которые издавна находились в социальной приниженности, то подобное деклассировавшееся правительство в момент решительной схватки лишено было возможности развить все средства самозащиты, которые были бы в его распоряжении, если бы оно не превратилось в оторванное от взростившей его почвы растение. Но это уже касается обстановки гибели этих правительств, теперь же мы должны подробнее остановиться на характерных чертах названного периода их жизни. Оговоримся: мы не видим серьезного возражения в таком, например, указании, что если всякая правительственная форма есть порождение и представительство тех или иных общественных классов, то как же мыслим период, когда она перестает этим представительством быть? Во-первых, *за это* она и гибнет, и подобный период является именно предвестником сторожащей ее гибели; во-вторых, для немедленной гибели даже не многовекового, а эфемерного правительства необходима не только слабость защиты, но и наличность и сила нападения, а это последнее обстоятельство зависело всегда от того, насколько ускоренно пойдет политическая мобилизация новых общественных слоев, выступающих на арену, т. е. уже от цепи причин другого порядка. А от начала пробуждения этих слоев до решительного выхода их на арену борьбы может пройти и 100 лет, и больше; подобные промежуточные периоды — тоже история, хотя и не «сразу» укладывающаяся в какую бы то ни было «строгую» теорию. Вторая наша оговорка касается следующего. История политической идеологии учит, что именно тогда, когда абсолютное правительство отрывалось от своей классовой почвы и становилось самоцелью, оно и его проповедники и апостолы начинали особенно усердно поучать и провоз-

глашать, что тем-то оно и хорошо, что оно заботится не об отдельном сословии, но обо всех, что для него все классы одинаковы, что оно «вне» классов, что подобно любвеобильному отцу семейств, и пр., и пр. Другими словами, совершенно очевидно, что деклассировавшееся и *поэтому* ослабевшее правительство убеждено было, что оно не ослабело, а стало крепче вследствие пережитого им изменения. Это очевидно. Но обществоведение должно, следуя совету Гарднера, «учиться не доверять очевидному и смотреть под поверхностью, ценить факт более, чем мнение, и тенденции более, нежели аргументы». Поэтому, хотя очевидно, что деклассировавшиеся правительства выставляли своей силой то, что было их слабостью, хотя по своим «мнениям» и «аргументам» они очень радовались, что стоят «вне классов», но их *тенденции* всегда направлялись в сторону судорожно-поспешной реставрации классовых начал, а *факты* их предсмертной деятельности (там, где еще это было возможно) сводились к возможно скорейшему водворению, например, дворянской политики и дворянской «эры» и т. п. Разумеется, эти конвульсивные содрогания уже ни к чему привести и ничего спасти не могли, но мы только указываем, что сами обреченные правительства, говоря одно, хвалясь одним, *делали другое,* инстинктом понимая, *что* именно было для них важно в невозвратном прошлом.

Эти золотые слова совета [3]—«ценить факт более, чем мнение, и тенденции более, нежели аргументы», постольку необходимо помнить историку, поскольку инстинкт (и особенно инстинкт самосохранения) играет роль в исторической эволюции наций, классов и общественных институтов.

2

«Praesis ut prosis!»— восклицал св. Бернард, обращаясь к папе Евгению IV, и в этой сжатой формуле он выразил всю *логику* происхождения всякой власти. Власть поставлена выше всех, *чтобы* она «всем» была полезна, или, иначе, *потому что* она «всем» нужна. И до, и после Гоббса эта мысль подвергалась многочисленным комментариям и разнообразным формулировкам. Абсолютная власть, пока выдвинувшие ее «все» (т. е. социально сильные круги населения, которым она была необходима) за нее держались, ею дорожили и свое кровное сродство с ней чувствовали, была сильна и полна жизни. Римские императоры первых веков, Людовик XI во Франции, Вильгельм Завоеватель в Англии, Фердинанд Католик или Филипп II в Испании, московские князья и цари XIV—XVII вв.— вот некоторые из примеров этой полноты жизненных сил, которая била ключом в абсолютистских правительственных организмах, когда они не

переставали сознавать свою социальную роль и свою классовую или общенациональную задачу. Ни пережитки более свободного строя не являли опасности для римского принципата или победителя англо-саксов Вильгельма или испанских королей, ни могущественные феодалы ничего не поделали с Людовиком XI, ни уделы, ни татары не продержались пред Москвой. И этой исторической юности, бодрости, полноты жизненных сил абсолютизму хватало на века, потому что агония начиналась обыкновенно далеко не сразу после того, как социальная функция абсолютной власти была уже выполнена. Абсолютизм погибал не тогда, когда становился бесполезен, даже не тогда, когда становился вреден, а тогда, когда начинал угрожать дальнейшему существованию либо всей нации как самостоятельной единицы, либо значительных слоев населения, доведенных им до близкой перспективы голодной смерти. Но если тогда он *погибал*, то *разлагался* он именно со времени завершения своей социальной функции, а в истории разложение вовсе не однозначуще с гибелью, что может подтвердить хотя бы благополучное существование повелителей правоверных, как Абдул-Гамида, так и долгого ряда его предков и т. п. Это разложение знаменовалось или, точнее, обусловливалось вышеуказанной деклассацией абсолютной власти, и замечательно, что никогда политическая идеология, поэзия, церковные проповеди так не возвеличивали, не воспевали, не обожествляли абсолютную власть, как именно тогда, когда она переставала быть нужной, когда она начинала становиться неистощимым пандориным ящиком всяких социальных бедствий. Никогда Людовику XI не льстили с таким упоением и в стихах, и в прозе, и с церковного амвона, как Людовику XIV или даже Людовику XV; никогда первые Габсбурги не имели при себе таких славословящих хвалителей, какими были куртизаны Франца II или меттерниховские журналисты. И важно отметить даже не столько это, т. е. наличность хорошо оплачиваемых хвалителей, сколько то, что их слушали и им в общем верили. Монархизм в чувстве и в мысли широко распространялся именно тогда, когда уже начиналась долгая эпоха социальной ненужности абсолютной власти. Бесспорно, одним из ингредиентов, создававших этот психологический феномен, являлось то обстоятельство, что абсолютная власть, только что оказавшаяся сильной, только что сослужившая службу, возбуждала преувеличенные и розовые надежды. Даже о французской буржуазии предреволюционного периода ее историк (и историк восторженный) говорит, что «традиции их были сервилистическими», и приписывает это проникшему в душу буржуазии преклонению пред монархией [4]. И насколько эти чувства и традиции крепко укоренились, показывает вся история первых лет революции с ее крестьянами, жгущими замки при криках: «Vive le roi!»; с ее

буржуазией, упорно сваливающей всю вину за все поползновения к предательству на «аристократов» и «дурных советников»; с голодными пролетариями Парижа, убежденными, что все зло только от одной «австриячки». Мы решительно не можем найти возражений против мнения Жореса, высказанного им в его «Истории Учредительного собрания», что французская монархия должна была уже после начала кризиса совершить ряд ошибок одна другой непоправимее, чтобы погибнуть, иначе же она могла бы стоять и стоять, конечно, применившись к обстоятельствам и став искренно конституционной. Мы только сказали бы: став снова классовым представительством, которым она давно перестала быть, но уже на этот раз не дворянства, а буржуазии. Как монархия абсолютная она, конечно, погибла с момента собрания Генеральных штатов.

Но если таким образом абсолютизм поддерживается (и долго и сильно поддерживается) монархической идеологией и монархическими традициями, если в этот период долгого разложения, когда он уже никому, кроме своих креатур, не нужен и почва из-под него уходит, он продолжает проживать моральный и материальный капитал, накопленный в предыдущую эпоху, то, с другой стороны, есть могущественная и непреодолимая сила, которая деятельно борется с идеологией и с традициями, которая с расточительностью и слепотой стихии растрачивает капитал абсолютизма, которая бьет абсолютизм тем более страшно, что делает это его же собственными руками. Эта враждебная абсолютизму сила коренится в стремлении абсолютизма к деятельности, к проявлениям своего могущества, к использованию своих средств в течение всего разбираемого периода — периода его разложения.

Поясним сказанное. Эмпирический закон обществоведения, который может быть подтвержден на многочисленных примерах, заключается в том, что никакое социальное могущество, избавленное от своей первой заботы (т. е. заботы о самосохранении), *не может* оставаться праздным, спокойным, неиспользованным. В области духовных верований этот закон привел римское папство к провозглашению догмата непогрешимости; в области экономических отношений он приводит капитал к эпохе трестов и к мечтам о «едином тресте»; в области политической он приводил обыкновенно абсолютные правительства к нанесению себе самим страшных, дезорганизующих ударов в форме самых безумных и чудовищных предприятий. Пока папы боролись с непокорными епископами сначала, с соборными притязаниями затем, пока они не совсем были уверены в своем духовном абсолютизме в католической церкви, догмат о непогрешимости не провозглашался, и именно, когда фактически этот абсолютизм давно уже установился, догмат был провозглашен,

потому что Пию IX нужно были идти до конца, до последней точки последнего предела. Абсолютизм же политический тоже всегда хотел идти до конца, но несчастье его было, во-первых, в недостижимости цели, во-вторых, очень часто даже в неясном ее понимании.

Абсолютная власть, переживающая *начало* отмеченного нами периода, всегда почти представляет собой грандиознейшее социальное могущество, какое только возможно вообразить. Враждебные силы внутри страны сломлены, бояться соперников нечего, все они повержены в прах, все войны, нужные для государства или для господствующих классов, окончены с желательными результатами. Инстинкт самосохранения, может быть, впервые после столетий наконец замолчал. Огромная сила освободилась.

Это и есть обстоятельство, полное величайших опасностей, сначала только для государства, а в конце концов для самого абсолютизма. Сила освободилась, но не остановилась и не может остановиться ввиду самой своей громадности. Как сорвавшаяся с цепей пушка на корабле, описываемая Виктором Гюго, она бьет в стены качающегося корабля, который ее носит, слепо разрушает и этот корабль, и подвертывающихся людей, и себя. И далеко не после первых шагов ее разрушительной карьеры жертвы этой силы начинают сознавать, что все несчастье не в ее неудачах, не в ее необдуманностях, даже не в ее преступлениях, а в самом *факте ее существования.* Эта окончательная мысль приходит обыкновенно слишком поздно, хотя она очень проста. Но совершенно справедливо повторяет за Аристотелем Зиммель, что самое важное в предмете является нашему познанию позже всего; совершенно справедливо говорит он, что *простейший результат* мышления именно и *не есть* результат *простейшего мышления*[5]. Вот почему, прежде чем обратить внимание на существо машины, целые поколения сначала не перестают ей же приносить жалобы на ее собственные функции, не перестают почтительнейше сетовать пред костром, который когда-то был разложен их желавшими согреться предками и который во-время не был потушен, на пожары, им теперь распространяемые. Абсолютизм становился вреден с того самого времени, как становился бесполезен, потому что по природе своей он в покое не мог оставаться. И все эти исторические сумасшествия, которые он проделывал, все эти «великодушные» войны, «принципиальные» походы, истребление религиозных диссидентов, порывания к всемирной гегемонии и т. д. — все это были аргументы, которыми чудовищная социальная сила неустанно доказывала людям, что если им уже не нужно ее утилизировать, то они *обязаны* ее разбить, потому что без дела она стоять не может и не будет.

3

Мы приведем лишь очень немногие иллюстрации для пояснения вышесказанного.

Борьба абсолютизма с его внутренними врагами, все его ухищрения на этой почве, все это намеренно нами устраняется из числа подобных иллюстраций. Тут самооборона, тут абсолютизм подчиняется другому порядку импульсов, о чем у нас речь будет дальше. Мы берем его в пору полного спокойствия за свою жизнь, в эпоху свободы от забот самосохранения. И мы видим, например, что редко какой абсолютизм в такой счастливый период своего существования воздерживался от преследования еретиков и диссидентов, хотя это не вызывалось решительно никакими потребностями ни его самого, ни тех классов, которые являлись его поддержками, и притом, чем могущественнее еще чувствовал себя абсолютизм, тем яростнее были преследования, разорявшие иногда не только гонимых, но и правоверных, наносившие тяжкий удар торговле, промышленности, всему государству в его целом. Но даже не жестокость, а именно полная бессмысленность этих преследований при названных условиях характернее всего. Ибо далеко *не* всегда и не при всех обстоятельствах религиозные преследования могут быть названы бессмысленными, как бы гнусны и отвратительны для нашего нравственного чувства они ни были.

В психической жизни, прожитой человечеством, вопрос о религиозных преследованиях оставил странные (иногда до дикости) и сложные следы. И гонимые, и гонители смотрели на этот предмет в разные времена разно, но при всем разнообразии их взглядов возможно рассмотреть в них две главные точки зрения: религиозную и государственную. Точка зрения религиозная характеризуется, например (со стороны гонимых), мыслью Тертуллиана, полагавшего, что первопричина религиозного преследования есть испытующая божья воля, а «дьявол», т. е. в данном случае преследователи, является лишь орудием испытания мучеников в крепости их веры [6]. Со стороны гонителей религиозная точка зрения в самом беспримесном своем виде выражена, по нашему мнению, в одной фразе, вычитанной нами среди документов, относящихся к истории вальденсов и катаров и собранных покойным Деллингером: «Кому же больше верить, Христу или еретику?» [7] В этом отчаянном вопросе психология гонителей в века веры. Другая точка зрения — государственная. Ею вдохновлялись, например, Вильгельм III, гнавший и разорявший «католиков» Ирландии, потому что они стояли за Стюартов, неаполитанские Бурбоны, преследовавшие всякое религиозное разномыслие, потому что усматривали в нем признак вражды к установленной форме правления, Карл V, всю свою жизнь тщетно желавший потушить реформацию, в которой он

видел ослабление императорской власти. Иногда к этим побуждениям примешивалось (в качестве вспомоществующего психологического фактора) и личное суеверие гонителей, иногда этого и вовсе не было, как не могло его быть, например, у *католика* лорда Бристоля, подавшего голос в палате лордов за лишение католиков всяких политических прав (хотя эта мера изгоняла его самого из парламента), так как, по его мнению, католики были угрозой для государственного блага и спокойствия Англии. Часто эти два побуждения проявлялись одновременно, содействуя общему результату, например, государственная власть по своим соображениям начинала преследования, а духовенство, подчиняясь собственным импульсам, продолжало, расширяло и усиливало начатые гонения.

Но те религиозные преследования, о которых мы начали говорить как об одной из характерных эманаций абсолютизма, не знающего, на что употребить свою силу, представляют собой явление иного порядка, и мы нарочно отметили выше два главных вида преследований, чтобы оттенить особые черты феномена, о котором теперь будет речь.

Совершенно очевидно, что безгранично жестокое преследование гугенотов государственными надобностями при Людовике XIV уже не вызывалось и не оправдывалось. Со времени Ришелье и тени сепаратистских тенденций у гугенотов не было, и признаков былой политической силы у них не оставалось; поползновения к союзу с Англией, республиканские мечты, требование крепостей — все это было и быльем поросло, и в 80-х годах XVII столетия гугеноты являлись смирным и чуждым всяким политическим интересам слоем населения, склонным не менее остальных народных масс в это время относиться с глубочайшим почтением к личности короля и существующему политическому строю. Но преследовать их было не только вполне бесполезно [8] для правительственной власти, а наносило ей еще существеннейший вред. Недаром Кольбер всю свою жизнь умолял короля не трогать гугенотов, потому что это страшно вредило планам торгово-промышленного развития Франции. Но еще при жизни его начались преследования, а стоило ему закрыть глаза, как король, madame Ментенон и Лувуа вплотную принялись за дело искоренения ереси. Так как все безмолвствовало и раболепствовало перед королем, то принялись выискивать обиды и нашли обиду королю в исповедовании не той религии, к которой принадлежал «великий» монарх. Это выискивание обид — характернейшая черта абсолютизма, избавленного от реальных забот и желающего занять свои досуги. Если не было революционеров, преследовались умеренные реформисты; не было реформистов — преследовались вообще всякие лица, даже идеализующие данный строй, но осмеливаю-

щиеся делать это хоть немного не по-казенному, хоть немного по-своему [9]; не было и таких — преследовались религиозные отщепенцы, еретики и сектанты; казалось их мало — преследовались круглые шляпы, курение папирос на улицах, участие в масонских ложах и т. д., и т. д. Такова историческая логика абсолютизма, который был в движении не только потому, что ему нужно было двигаться к известной цели, а и потому, что он не мог не двигаться.

Истребление гугенотов сопровождалось, как известно, такими ужасами, пред которыми побледнеет содержание любого бульварного романа; оно длилось десятилетия, разорило сотни тысяч семейств, которых не успело уничтожить, потрясло французскую промышленность и торговлю, обессилило королевскую казну как раз тогда, когда нужны были деньги на две последние войны Людовика XIV, значительно ухудшило дипломатическое положение Франции, так как облегчило Вильгельму английскому образование коалиций с протестантскими державами, возбудило отчаянную гражданскую войну в Севеннах, словом, могущественно содействовало и в непосредственных, и в более далеких своих последствиях моральному крушению абсолютизма. Вся бессмыслица преследования гугенотов была вполне очевидна даже тем многочисленным придворным авантюристам, которые наживались на избиении и грабеже этих людей, и как только они почувствовали, что уже кормящему их государственному организму пора думать о собственном своем сохранении, что красные деньки абсолютизма прожиты, так сейчас же нечестивую ересь «de la religion prétendue réformée» они оставили в покое, забросили, забыли и принялись резать уши и клеймить плечи продавцам революционных памфлетов, появившимся в XVIII в., и ссылать на галеры разносчиков нелегальных книг и брошюр, отпечатанных в Голландии.

Абсолютно ничем не вызванное преследование оборвалось столь же абсолютно немотивированно, как и началось. Остальная Франция так же безучастно отнеслась к концу этого каприза, как и к его началу и его страшным последствиям. И только в революционную эпоху некоторые органы печати злорадно заметили, что отменой Нантского эдикта монархия сослужила большую службу освобождению Франции, так как эта мера наглядно разъяснила целым поколениям все безумие старого строя.

Как раз, когда во Франции свирепствовали драгоннады, в Московском государстве шла борьба с расколом. Но мы намеренно оставим в стороне раскол XVII столетия, когда он мог еще возбуждать известные опасения политического характера, когда у него была сила несколько лет оборонять Соловецкий

монастырь, когда, словом, борьба против него могла иногда казаться самозащитой государственной власти (мы говорим тут лишь о возможных тогда воззрениях на раскол). Поэтому, несмотря на соблазнительное хронологическое совпадение, русский раскол конца XVII в. и борьба против него не могут здесь быть сопоставлены с гугенотами и отменой Нантского эдикта. Мы берем раскол в XIX в., когда политические опасения исчезли совершенно.

За все существование Российской империи не было эпохи более кипуче деятельной по части мероприятий против раскола, нежели время Николая I. Не говоря уже об Александре II, отменившем очень многое из этой области и сильно облегчившем положение раскольников, но и Александр I оставлял их сравнительно в спокойствии. Вот что читаем об этом у противника раскола [10]: «Внешне окрепший в предшествовавший период, раскол теперь вызвал обширную систему мер, и прежде всего гражданских. Царствование Николая Павловича является выдающимся в этом отношении. В это время законов по части раскола было издано очень много, более снисходительных в начале царствования и более строгих под конец его. Были учреждены секретные совещательные комитеты с центральным комитетом в Петербурге. Сам государь император неустанно следил за общим чтением раскольнических дел, которые доводились до сведения его величества особо установленным для них порядком». Всякий, кто хотя бы только приступал к изучению царствования Николая I, очень хорошо знает, что эти мероприятия далеко не оставались только на бумаге. Сложнейшая система приводила к тому, что все существование раскольника было обставлено сетью преград и препятствий. Хотел ли он отлучиться из места приписки, хотел ли начать торговлю, собирался ли жениться, рождались ли у него дети, нужно ли было хоронить отца, приходилось ли даже чинить сгнившую крышу в молельне —все это сопровождалось придирками, запрещениями, условными дозволениями, грабительскими взятками, и еще счастье, что брали взятки, ибо закон стремился совсем сделать жизнь раскольника невыносимой. Даже среди царившего рабства раскольник был парией, жестоко и деятельно преследуемым. Кто изучал историю раскола в николаевскую эпоху, тот едва ли может забыть получающееся при этом впечатление, будто некто зорко и неустанно бдит над раскольниками из месяца в месяц, из года в год и все боится что-нибудь из быта этих загнанных людей оставить без полного своего внимания. Но если задать себе при этом вопрос: зачем? cui prodest? Какой государственной надобности или даже какому классовому эгоизму все это должно удовлетворять? — то так при этих вопросах и останешься. И чем больше углубляться в конкретные подробности, тем ярче, тем

нагляднее (почти до карикатурности) становится это характерное политическое искусство для искусства.

«В 1836 г. томский прокурор дал знать губернатору, что переселившийся из оренбургской губернии в 1825 г. и причисленный к деревне Ас крестьянин Абабков привез с собой человека, коего ложно выдает за отца своего Варфоломея, и что этот мнимый Варфоломей проживает где-то в лесных горах, куда для богомолья приходят к нему какие-то другие люди, затем неизвестно куда скрывающиеся» [11]. Разумеется, государственная власть обеспокоилась и стала искать. «Нашли его в избушке, в 50 верстах от деревни», затем нашли еще более грозную опасность для существовавшего социального строя в лице раскольника Паисия, «устроившего себе помещение в кедровом дупле, среди неприступных скал», где ни он никого, ни его никто не видел...

Этот образ могущественнейшей в мире власти, считающей для себя непереносным, чтобы в кедровом дупле среди неприступных сибирских скал от нее спрятался раскольник, и просовывающей за ним туда «государственный меч»,— этот образ при всей своей карикатурности замечательно ярко символизирует внутренний смысл рассматриваемых явлений. Этот внутренний смысл — социальная бесцельность — в подобных случаях заслоняет в глазах исследователя другую любопытную черту, присущую «психологии» описываемых фактов: безграничную и наивную веру во всемогущество насилия, и возможность где угодно и когда угодно пустить эту панацею в ход, ибо то, что рассказывает в своих «Письмах о России» Молинари о губернаторе, просвещавшем язычников, характерно не для страны, а для исторического фазиса, переживавшегося в разное время всем европейским континентом [12]: «хотят ли знать, как понимаются религиозные вопросы некоторыми высшими сановниками? Вот *достоверный* анекдот, который позволит об этом судить. В царствование Николая I, был послан управлять западной Сибирью один почтенный немец, ультраформалист, каковым и должен быть всякий добрый немец. Узнав, что язычество еще существует в его губернии, он почел долгом своим его искоренить. Прежде всего он произвел расследования о состоянии язычества и положении язычников. Это расследование ему показало, что не только каждое племя имело своих особых богов, но также, что одно племя имело их больше, другое меньше. Он начал с прекращения этой недопустимой анархии путем приведения язычества к единообразию. С этой целью он издал приказ, устанавливающий каталог *официальных* богов, которых разрешалось почитать, при исключении всех прочих богов. Таков был первый шаг к прогрессу, но этого было недостаточно. Дело шло о привлечении мало-помалу язычников в лоно православной

церкви. Как поступить? Между идолопоклонством, даже регламентированным и единообразным, и православием расстояние было, положительно, слишком велико. Сразу его перешагнуть было невозможно. Требовалась переходная ступень. Хорошо об этом подумав, наш бюрократ пришел к заключению, что он разрешил дело, и обратился к правительству с длинным мемуаром, в котором доказывал необходимость постепенно обращать язычников в христианство, путем *предварительного* их обращения... в магометанство. Не было ли разрешение этой задачи столь же ново, как и прекрасно, и не свидетельствовало ли оно лишний раз о наивной вере бюрократии в свою врожденную способность разрешать всякого рода вопросы, вплоть до вопросов религиозных?» Таким вопросом кончает Молинари свое повествование о губернаторе с апостольскими тенденциями [13]. Но, точнее, это — вера во всеобщую приложимость и пригодность насилия, соединенная с фатальной необходимостью для власти, не знающей препон, бросаться всюду, ища точек приложения своей силы.

4

Не выходя из области «внутренней политики», мы могли бы и помимо религиозных преследований указать на целые категории фактов, подтверждающие высказанную выше мысль. Но мы перейдем теперь к другому порядку явлений, иллюстрирующих саморазрушительную работу абсолютизма, когда он превратился в особый надобщественный организм. Ничто так эту работу не характеризует, как предприятия и авантюры военно-дипломатического свойства.

Абсолютная власть часто предпринимала наступательные войны тогда, когда это требовалось в интересах приобретения нужной населению территории или для упрочения и усиления возникающей торгово-промышленной деятельности, или для обеспечения таким путем государства от грозящего в будущем удара. Такие войны обыкновенно и получали характер «национальных», и целесообразность их с точки зрения государственного благосостояния или хотя бы с точки зрения нужд определенных классов бывала вполне доступна общественному сознанию. Такого рода войны, конечно, должны быть совершенно устранены от нашего рассмотрения. Точно так же мы здесь не коснемся пока и другого рода войн, которыми пестрят анналы истории абсолютных правительств: войн, предпринимавшихся для так называемого «отвлечения внимания» общества от внутренних дел (вроде войн Наполеона III и тому подобных). О такого рода предприятиях придется говорить, когда речь будет идти о самообороне абсолютизма. Здесь же нас интересуют те войны, которые предпринимались абсолютизмом реши-

тельно без всякой нужды как для государства, так и для него самого.

Противоречит ли самое утверждение, что были мыслимы такие войны, основному нашему воззрению на зависимость политических феноменов от соотношений социальных классов в данной нации? Не противоречит нисколько. Подобные войны имели непосредственной причиной своей психологические свойства абсолютизма, о которых выше шла речь, а *возможны* они были потому, что социально-экономические условия общества в данный исторический момент допускали не только беспрепятственное существование абсолютизма, но и давали ему нестесняемый простор для проявления этих его психологических свойств. Определенная классовая структура общества детерминирует лишь *возможность* того «однократного и индивидуального», каким, по мнению Риккерта, является всегда всякое историческое событие; но spiritus movens, который обусловливает *неизбежность* этого или однородного события, есть сила производная, хотя в конечном счете и вытекающая из того же источника, т. е. из социально-экономической структуры данной среды. Эта психологическая производная сила в данном случае и есть то состояние абсолютизма, уже отслужившего свою историческую службу, но еще не отправленного в отставку, которое *не позволяет* ему *не* растрачивать самым хищническим образом накопленный раньше капитал.

Иногда эти военно-дипломатические конвульсии абсолютизма получали вид стремления к европейской гегемонии (как это было, например, во второй половине царствования Людовика XIV), иногда они никакого вида не получали, а так и оставались откровенными капризами двора (как это было при Людовике XV и его фаворитках), иногда, наконец, они являлись миру в качестве «великодушных» попыток спасти угрожаемый принцип, выручить «соседа», и т. п. Тут область примеров и иллюстраций вообще ограничена, ибо роскошь подобных проявлений силы мог себе позволить, по самому существу дела, не всякий абсолютизм, а лишь такой, который водворился в могущественном национальном организме.

Собственно внешняя схема такой политики сводилась обыкновенно в конечном счете к тому ироническому определению, которое Вольтер дал истории крестовых походов: «Государи, после ограбления своих королевств, с целью выкупить страну, которая никогда им не принадлежала, окончательно разоряли свои земли уже для личного своего выкупа» [14]. Иногда могли быть удачны отдельные периоды этих войн, но, вообще говоря, удача тут являлась исключением и во всяком случае к прочным результатам не приводила. Мы не будем останавливаться на причинах этих неудач, разбирать, играла ли тут главную роль

апатия солдат, которых вели на бойню по непонятным для них соображениям, или органическая неспособность абсолютизма в разбираемый период его жизни создать и поддержать на требуемой высоте сложную и дееспособную военную машину, или еще иные какие-либо причины. Достаточно указать на результат, *почти* всегда, но не всегда наносивший серьезный удар моральному и материальному престижу инициаторов подобных войн. Вся французская внешняя политика за шестидесятилетнее царствование Людовика XV (особенно же со времени королевского совершеннолетия) была почти сплошной бессмыслицей. Ненужные и нелепые войны с Англией, еще более нелепое вмешательство в Семилетнюю войну, неумелая и неудачная оппозиция политике Екатерины II — все это именно и было тем стихийно расточительным пожиранием ранее накопленного капитала, о котором мы говорили раньше. Абсолютизм в свое время создавался и креп на внешних войнах и на них же в рассматриваемый период обнаруживал яснее всего свою истинную дряхлость, прикрытую обманчивой репутацией силы и бодрости, и нередко война, начатая абсолютизмом как бы от избытка силы, кончалась таким крахом, который открывал собой период агонии. Тут давно существовавший в скрытом виде факт разом переходил в сознание и абсолютистских верхов, и всех окружающих: социальная опасность строя обнаруживалась в одно время с его слабостью, и иногда это влекло за собой предъявление накопившихся счетов. Но чаще внешние войны не имели столь непосредственно решающего значения и только становились одним из самых внушительных и крепких звеньев в той цепи, которая медленно, но с фатальной неуклонностью обвивалась вокруг абсолютизма, чтобы его задушить в момент развязки борьбы. Войны Людовика XV отозвались впоследствии, когда настал тот «потоп», о котором, по преданию, так весело говорил старый король.

Русский правительственный организм достиг кульминации своего могущества к концу царствования Екатерины II, и затем, после некоторого перерыва, этот момент для него повторился после низложения Наполеона I. Русское правительство екатерининских времен было правительством классовым, дворянским по преимуществу, но этот свой характер оно в следующую эпоху стало утрачивать, хотя и не сразу, а постепенно. Но организм, уже начинавший жить своей совсем особой самодовлеющей жизнью, уже становился *надобщественным,* уже не упускал при случае подчеркнуть свой взгляд на *все* сословия как на нечто имеющее, так сказать, лишь пьедестальное значение. Павел Петрович заявлял, что у него знатен тот, на кого он смотрит, и до тех пор, пока он на него смотрит. «Вы видите, дети, что с

людьми следует обходиться, как с собаками»,— внушал Павел своим детям [15], и беспристрастный историк всегда признает, что тут слово редко расходилось с делом и что это специфическое «уравнение» дворянства с прочими классами общества проводилось довольно усердно на основе высказанного Павлом государственного принципа. В течение всей первой половины XIX в. русское правительство не может быть названо, с полной точностью, представительством дворянских интересов, потому что надобщественный его характер становился все рельефнее.

Но разобщенность между отдельными социальными группами была так велика, отсутствие какой бы то ни было организации среди угнетенных классов — столь полным, разбросанность населения так мешала подготовке к борьбе, земля до такой степени являлась подавляюще преобладавшей формой капитала, общий уровень материальной и умственной культуры был таким низким, что строй мог себя чувствовать спокойным. Он, собственно, не был силен, но он не был атакуем ни изнутри, ни, до Крыма, извне, а это обстоятельство субъективно, в сознании правивших кругов, вполне компенсировало отсутствовавшую в самом деле силу.

Что внешняя политика этого периода расходилась очень часто с прямыми или косвенными интересами России, это признают теперь, кажется, все мало-мальски беспристрастные историки; многие (например, Шильдер) даже расширяют хронологически этот период, но мы тут остановимся лишь на эпохе, начавшейся пушечной пальбой на Сенатской площади и кончившейся пушечной пальбой у Малахова кургана.

Прежде всего необычайная *деятельность* бросается в глаза при изучении истории российской дипломатии в эту эпоху. Враг режима Герцен отмечает, что никогда русское правительство не было столь поглощено чужими делами, никогда не давало столько советов, так во все не вмешивалось. Друг режима (и отчасти автор «советов») граф Нессельроде, министр иностранных дел, в течение всего периода, по существу, совершенно согласен в этом вопросе с Герценом. Никогда не поймет *психологию* тех явлений, о которых у нас идет речь, тот, кто поленится прочесть произведение пера этого маленького старого куртизана, помеченное 20 ноября 1850 г. Это — французская записка, написанная той изящнейшей прозой, какой владели с таким искусством дипломаты добисмарковского периода, и представленная графом Нессельроде Николаю Павловичу по поводу исполнившегося двадцатипятилетия царствования. Почтительный восторг проникает всю записку, имеющую целью вкратце охарактеризовать политику России с 1825 по 1850 г. Вот небольшие из нее выдержки [16].

«...Вскоре перевороты, вызванные в 1830 г. падением стар-

шей линии Бурбонов, открыли новый период в политике вашего величества. Они придали царствованию вашего величества истинный характер, который в грядущем будет его отличать. Вследствие этих революций ваше величество сделались для мира представителем монархической идеи, поддержкой принципов порядка и беспристрастным защитником европейского равновесия. Но многотрудные усилия, но беспрерывно возобновляющаяся борьба были связаны с этой благородной ролью...» Нессельроде самую значительную и характерную часть именно и отводит благородной роли, так что перед читателем Россия и ее интересы отходят куда-то даже не просто на второй план, а совсем в даль и мрак. Заботы о том, чтобы пагубные принципы где-нибудь на краю света не восторжествовали, явственно предстают в виде главных движущих пружин. Даже тихая грусть по тому поводу, что «географическая отдаленность» не позволила России поддержать голландского короля в борьбе с бельгийскими мятежниками, до такой степени звучит в тон всему красноречию русского канцлера, что как-то уже и в голову не придет естественный вопрос: а какое было России дело до голландского короля и бельгийских мятежников? Тут психология совсем особая, тут роскошь фантазии в политике, далеко превосходящая всякие «объявления войны тиранам», о которых шла речь в эпоху Конвента.

Когда в Петербург пришли первые известия о провозглашении во Франции республики в 1848 г., государь сказал гвардейским офицерам, чтобы они седлали коней. Это первое намерение сменилось выжиданием по мере того, как революция охватывала весь континент. Затем, усмирение июньского восстания рабочих в Париже до такой степени понравилось Николаю I, что отношение его к Франции переменилось. Любопытно, что на него произвел особенно отрадное впечатление такой совершенно побочный факт, как генеральский чин усмирителя [17]. Сейчас же канцлеру Нессельроде было приказано написать любезнейшее письмо, которое Киселев и вручил генералу Кавеньяку. Затем начались чрезвычайно ласковые отношения к французскому послу, тогда как, например, в течение всего царствования Луи-Филиппа Николай I, а за ним и весь петербургский свет упорно «не замечали» французское посольство на том основании, что Луи-Филипп — «король баррикад», принял корону из рук июльской революции и т. д. Но эта внезапная милость к Франции была вновь положена на гнев, когда Луи-Наполеон Бонапарт захватил престол. Казалось бы, с точки зрения торжества «принципов», лучше ничего и пожелать нельзя было, но нет: согласно договорам 1814—1815 гг. Бонапарты не имели прав на французский престол, а посему восстановление Империи одобрения и не получило. Начались взаимные колкости [18], замена обыч-

ного «mon cher frère» обращением «mon bon ami», без всякой нужды обострялись отношения с могущественной державой, и ко времени столкновения с Турцией страшнейший из союзных врагов был для России окончательно приготовлен ее же собственной «принципиальной» дипломатией.

Но если по отношению к первоклассной военной державе можно было очень долго позволять себе капризы, внезапности и неожиданности, если отношения к Франции за весь этот долгий период обусловливались в каждый данный момент не интересами России, а внутренними делами французского государства, до которых России не было ни малейшего основания касаться, если эта политика только к самому концу периода принесла свои горькие плоды, то относительно других менее важных и сильных держав подобное принципиальное поведение было тогда совсем безопасно и иногда даже (как в 1849 г.) увенчивалось триумфом. Нужно, кстати, по поводу 1849 г. отметить, что *военное* свое выступление режим на этот раз счел долгом как бы оправдывать чем-то вроде нужд государственных: венгров надо было усмирить на всякий случай, чтобы со временем и поляки не взбунтовались и т. п. Но все это выходило весьма сбивчиво. Интересно, что, впрочем, этот последний мотив упоминался не на первом плане. Вот что сказал Николай по поводу венгерского похода французскому послу Ламорисьеру: «Не думайте, чтобы я хотел защищать поведение Австрии в этом деле. Она нагромоздила самые серьезные ошибки одни на другие. Но в конечном счете *она допустила наводнение Венгрии самыми субверсивными учениями.* Правительство в Венгрии попало в руки людей беспорядка, а они призвали к себе на помощь поляков. Это было восстание у моих дверей, обеспеченное убежище для тех, кто хотел бы *сеять* восстание у меня. Нужно было его потушить или постоянно быть им угрожаемым» [19]. Уже из этих слов видно, что Николай не боялся *непосредственного* восстания в Польше и что *прежде всего* он думал о гибельных лжеучениях, коим отдана на жертву Венгрия. Окончательно эта мысль торжествует в словах Николая I, обращенных к тому же Ламорисьеру 15 августа 1849 г. после получения известия о победе Людерса над Бемом: «Генерал, дело, из-за которого мы только что сражались, *есть то самое, за которое бились вы в июне прошлого года;* против анархии и демагогии боролись мы» [20]. Здесь в терминах, решительно ничего не оставляющих желать в смысле ясности и откровенности, борьба русских войск против венгров приравнивалась к борьбе французских войск против парижских рабочих в июне 1848 г., и заявлялось, что вся эта война была предпринята для подавления торжествовавших *в Венгрии* политических принципов, антипатичных русскому правительству. Спустя пять лет «спасенная» венская бюрокра-

тия в мрачный финальный момент Николая заняла явно враждебную и сильно повредившую России позицию, а венгры открыто выражали тогда же по этому поводу свой полный восторг. Вот на какой почве впервые после усмирения 1849 г. произошло минутное «единение между пастырем и пасомыми» в габсбургской монархии, то единение, о котором столь сладостно пели газетные рептилии, аплодировавшие восстановлению в Венгрии старого порядка в 1849 г.: оно произошло на почве их общей ненависти к России. Таковы были реальные последствия этой политики. В виде «реванша» остались, впрочем, следы поэтические: «Прочь, прочь — австрийского Иуду — от гробовой его доски»,— восклицал поэт Тютчев по поводу прибытия австрийского эрцгерцога во главе депутации на похороны Николая. Столь огорчены были придворные и дипломатические круги, представителем которых являлся Тютчев, забвением русских национальных интересов, обнаруженным австрийскими правительственными лицами.

5

Мы в этих предварительных, вводных заметках только вскользь отметили образчики того, что считала своей задачей русская дипломатия в период Николая I. В общем она столь же мало заботилась в эту эпоху об оправдании своих капризов в глазах общества, как и в годы Павла I, сегодня отправлявшего в Италию Суворова поражать французскую гидру, а завтра замышлявшего в союзе с этой же гидрой изгнать из Индии англичан. Sic volo, sic jubeo, sic pro ratione voluntas,— таков был при Павле I и остался еще на очень долгое время после него принцип русской внешней политики. Этот самый принцип торжествовал в аналогичные эпохи и в других государствах. Бэкон был того мнения, что смелость очень опасна при обсуждении и полезна только в действии, что при обсуждении хорошо видеть опасности, но при выполнении дела их следует потерять из вида, если только они не грозят совсем уже непосредственно. Вышеуказанная политика грешила не только фантастичностью и ненужностью целей, которые она себе ставила, но именно безграничной «смелостью» при обсуждении способов и средств. Это и вело к тому, что действительнейшими (в смысле быстроты действия) предприятиями, которые абсолютизм, повинуясь своей природе, пускал в ход для собственного своего разрушения, были обыкновенно предприятия военно-дипломатические.

Так тратился огромный капитал и ускорялась эволюция политических форм. Но это была лишь одна сторона дела: отмеченные черты психологии абсолютизма действовали на него ослабляющим образом, уменьшали в будущем его способность к самообороне, подтачивали те исторические корни, на которых он

держался, разъясняли и демонстрировали наглядно всю степень опасности его дальнейшего существования для государства и т. д. Тем не менее никогда политические формы не погибали *только* вследствие своей ненужности, вредности и даже внутренней слабости, а всегда для этого должны были пред ними еще предварительно вырасти новые враждебные силы. Если же этого налицо не было, старое правление продолжало в мире и тишине свое дальнейшее гниющее существование. Обществоведение имеет дело с таким необъятным материалом, как вся человеческая жизнь в ее прошлом и настоящем, что же удивительного, что термины здесь часто оказываются недостаточно точными? Мы уже имели случай подчеркнуть, что в истории понятие *разложение* и понятие *гибель* отнюдь не совпадают, напомним же об этом снова и снова. Когда произносится такая фраза: «Данный режим насквозь прогнил и испортился, а *потому* не мог не смениться новым, свежим» и пр. и пр., то можно утвердительно сказать, что это не научное утверждение, а словесный шаблон, с которым истинная наука n'a rien à faire. Почему «не мог не смениться»? Только потому, что сгнил?

Дело в том, что к истории, где так много стихийного и бессознательного, где так много природы и так мало телеологии, до сих пор часто подходят с готовыми прописными формулами даже те, которые считают себя за тысячу верст от них. Так как живой организм, пораженный внутренними недугами, начавший заживо разлагаться, неминуемо и скоро гибнет, то «значит» так происходит или должно происходить и с правительственным строем,— подобная аналогия (даже часто в устах тех, которые давно и категорически отвергли *метод* биологических аналогий) лежит в основе всех подобных выводов. Африканские царьки с незапамятных времен продавали своих подданных за сходную цену, германские государи делали то же самое в XVIII столетии. Теперь африканские царьки продолжают это занятие, а германские прекратили. Но кто же будет отрицать, что существенная причина, обусловившая эту перемену, заключается в силе сопротивления, обнаружившейся в Германии и не обнаружившейся в Африке? Кто будет отрицать вместе с тем, что африканский строй может продолжать благополучно гнить еще новую серию веков, отнюдь не разрушаясь окончательно и не погибая? В 1782 г. один наблюдатель писал (не об одной Франции, но о *всей* Европе): «Европа представляется мне накануне ужасной революции. Масса так испорчена, что кровопускание могло бы быть необходимо» [21]. Но ведь «масса» была не менее испорчена хотя бы в эпоху Тридцатилетней войны, и однако никто не говорил, подобно Форстеру в 1779 г.: «Дела не могут оставаться, как теперь, все симптомы на это указывают». Симптомы на это указывали не потому, что «масса» была

«испорчена», и не потому, что «строй сгнил», а потому, что в конце XVIII в. было то, чего не было в эпоху Тридцатилетней войны, было в широких общественных классах сознание необходимости изменить социально-политическую структуру, мешавшую их свободному материальному и моральному развитию, и была вместе с тем уверенность в достаточных для того силах.

Возводить себя в перл создания и в закон истории, смотреть на всякие попытки к перемене как на святотатство свойственно всякому слишком зажившемуся в свете политическому строю. Чаще всего в это заблуждение впадал абсолютизм, но случалось это и с конституционным порядком. Например, ганзардовское собрание парламентских дебатов дает читателю, просматривающему его за 1817—1832 гг., много курьезных образчиков того, с каким восхищением противники парламентской реформы в Англии говорили о достоинствах старых, предназначенных к сломке порядков, которые на всякий непредубежденный взгляд являлись глумлением над здравым смыслом. Любопытно также, что господствующие слои, в какие бы разнообразные политические формы ни было облечено их владычество, охотно при всяком случае адресуют «низшие» классы к провидению, когда речь заходит о невыносимой их нужде. После 1812 г. петербургская бюрократия расхватала в виде наград и поощрений себе самой весьма много народных денег, что же касается до народа, то она отделалась указанием, что *господь бог воздаст* мужикам должное за их патриотическое поведение. В таком же духе и Тьер заявил в 1850 г., в эпоху Второй республики, очевидно, для назидания рабочему классу: «Нищета есть неизбежное условие в общем плане провидения: нынешнее общество, покоясь даже на самых справедливых основах, не могло бы быть улучшено» [22].

Но даже и без таких заявлений, всем своим поведением правящие слои, за которыми была сила и традиция, иной раз прямо говорили, что они даже и согласны признать наличность самого вопиющего зла, на которое указывают их враги, но категорически отказываются видеть в этом зле нечто поправимое и вообще зависящее от воли человеческой. Другими словами: грибок, производивший гниение в социальном организме, не только себя самого, но и производимое им гниение склонен был торжественно объявлять искоренению *не* подлежащими и существующими в силу предвечных, перманентных законов. И если бы политическая эволюция зависела от одного только желания правивших еще в XVIII в. кругов спасти общество от разложения заживо, то нет никаких оснований предполагать, что Европа уже давно не превратилась бы в огромное болото, полное миазмов и оглашаемое благодарственными и иными молебнами. Поэтому, когда

социолог ставит вопрос о причинах *гибели* абсолютизма, то он должен все внимание направить именно на всестороннее освещение вопроса: что ускорило политическую мобилизацию враждебных абсолютизму общественных сил?

6

«Знать свои интересы и заботиться о них есть то, что называется политикой»,— читаем мы у одного из выдающихся физиократов, аббата Бодо [23]. Проведение в жизнь логических последствий этого тезиса и заставляет в известные моменты тот или иной класс или временный союз тех или иных классов заявлять: «Устранение существующей формы правления есть то, что называется в настоящее время нашей политикой». Как общее правило, может быть констатирован тот факт, что политические формы всегда интересовали классовое сознание ближайшим образом: 1) либо как орудие, при помощи которого возможно удержать и расширить уже имеющееся социально-экономическое преобладание, 2) либо как препятствие которое нужно преодолеть и уничтожить для достижения такого преобладания в будущем. Всемирно-историческая драма между буржуазией и абсолютизмом была обусловлена вторым соображением, нынешний роман той же буржуазии с бренными останками былого абсолютизма, где таковые еще сохранились, объясняется первым соображением. «На самом деле,— говорит Каутский,— надежды буржуазии в Германии уже не покоятся на парламентаризме, она уже не надеется более, что эта система ей обеспечит господство при всяких обстоятельствах, ее надежды покоятся на *слабости* германского парламентаризма, я хочу сказать — на фактическом владычестве в Германии абсолютизма и феодализма» [24]. Именно это обстоятельство и вдохнуло жизнь и силу в абсолютистские пережитки прусско-германского строя, хотя «абсолютизм» и в Пруссии, и в Германской империи, конечно, не существует, именно эти «надежды» и сообщили бренным останкам абсолютизма в Германии весьма существенное «фактическое» значение.

В истории последних столетий явственно могут быть отмечены два течения: первое характеризуется борьбой буржуазии против вредного для свободного развития капиталистических интересов общественного строя, второе характеризуется борьбой пролетариата против буржуазии, во имя собственной социально-экономической эмансипации. Оба течения в свое время принимали и принимают характер борьбы против данных политических форм, но по обстоятельствам возникновения этой борьбы оба течения резко отличны одно от другого.

Имущий класс всегда и всюду *кончал* борьбой против поли-

тических форм, а класс неимущий либо *начинал* такой борьбой свою самостоятельную историческую карьеру, либо уже очень скоро после пробуждения классового самосознания к этой борьбе переходил. Для класса, владеющего орудиями производства, для класса, являющегося представителем того стремления капитала к прибыли, которое Зомбарт считает конечной движущей силой современного хозяйственного развития, для класса буржуазного по преимуществу всегда характерна первоначальная тенденция не только не разрушать данный правительственный аппарат, не только всячески пытаться отделить и спасти его, разрушая в то же время главные основы всего социально-юридического строя, но по возможности именно им, этим правительственным аппаратом, воспользоваться как орудием для разрушения и правовых, и социальных, и традиционных норм, вредящих капиталистическим интересам. Только там и тогда, где и когда правительственный организм решительно обнаруживал неспособность к этой новой навязываемой ему роли, капиталистический класс обращал все свои силы против него, и первоначальная тенденция сменялась новой целью: разрушить старое правительство и захватить нужную для осуществления классовых стремлений власть в собственные руки. Могущественный выразитель революционного начала в области экономической и социальной, капиталистический класс в области чисто политической являлся революционером malgré lui, революционером, делавшим все, чтобы таковым не стать или поскорее перестать таковым быть. Класс же пролетарский вступал на дорогу политической революционной борьбы весьма скоро после первого своего самостоятельного выступления на историческое поприще и сходил с этой дороги лишь после упорной борьбы, при явной бесполезности дальнейших усилий в указанном направлении и до более удобного ближайшего случая. Раньше, нежели мы остановимся на логическом объяснении обоих отмеченных явлений, напомним некоторые исторические иллюстрации и примеры, сюда относящиеся. Начнем с класса имущего.

7

Известная парламентская формула, упразднившая 7 февраля 1649 г. королевскую власть в Англии, краткая и сухая до небрежности, читается в главной своей части так: «...было найдено на опыте, что должность короля этой нации и принадлежность власти над ней какому-либо одному лицу — не необходимы, обременительны и опасны для свободы, безопасности и общественных интересов народа и что, следовательно, (эта должность — *Е. Т.*) должна быть уничтожена»[25]. Холодная деловитость, не менее пуританского фанатизма характерная для кромвелевского поколения, вся сказалась в формулировке этого

акта: после упорной десятилетней борьбы, после нападений открытых и из-за угла, после междоусобицы, разожженной в стране самым сильным принципиальным врагом, какого только знала когда-либо английская конституция, спустя всего восемь дней после того, как этому врагу отрубили, наконец, голову,— парламент, уничтожая королевское звание, на *первом* месте среди мотивов к такому акту ставит «найденное на опыте» *отсутствие необходимости* иметь короля! *Король не необходим*, unnecessary — это прежде всего, а что он «обременителен» и «опасен» — это уже на втором плане. Кромвелевский парламент знал, что те самые широкие слои средних имущих классов, которые столь решительно до сих пор боролись против попыток Карла I сокрушить английские вольности, далеко не с восторгом относятся к казни короля и к республиканизму «святых» из кромвелевских казарм; законодатели 1649 г. как бы предвидели, что пройдет несколько лет и эти самые средние слои уже громко заявят о «необходимости» иметь короля, о правильности монархических чувств аристократии и т. д. И вот для кого, для каких читателей акта 7 февраля нужно было прежде всего успокоительное внушение, что король «не необходим».

Эта-то беспокоящая мысль о необходимости короля в конце концов и погубила английскую республику, когда не стало человека, который заменял собой короля с 1649 по 1658 г. Стоило Оливеру Кромвелю закрыть глаза, как все старые тревоги имущих классов всколыхнулись с новой силой, и монархическая реставрация стала вопросом месяцев. Оказалось, что мало декретировать: «король не необходим», чтобы этим обеспечить существование республики.

В Англии мы видим, что имущие классы не разубедились в необходимости для них монархии даже после того, как эта монархия рядом агрессивных действий довела страну до междоусобной войны. В предреволюционной Франции буржуазия упорно закрывала глаза на тесную связь между абсолютизмом и всем остальным ненавистным ей социально-юридическим строем и до последней минуты щадила абсолютизм, даже после того как этот абсолютизм довел страну до полного упадка и истощения.

Мы не будем останавливаться на том, что популярнейший из «философов» XVIII в. Вольтер часто мог казаться сторонником «просвещенного абсолютизма», что в «Энциклопедии», этом коллективном памятнике общественной мысли XVIII в., едва ли не доминирующая политическая нота — пристрастие к принципам, практически весьма близким тому же «просвещенному абсолютизму» (насколько вообще возможно говорить о доминирующей ноте в таком пестром сборном труде, каким была «Энциклопедия»); мы не станем тут говорить о всех этих ярких людях, наносивших такие меткие и непоправимые удары

католицизму, иезуитам, феодальным пережиткам,— но не столь для нас здесь интересных, как другие, более забытые теперь, но не менее влиятельные тогда деятели. «Философы эмансипировали умы, показали свой идеал, но не принесли ни догмы, ни системы, не усвоили твердо сколько-нибудь ясные решения главных политических или социальных проблем. Исключение пришлось бы сделать только для физиократов»,— справедливо сказал недавно один из знатоков революционной и предреволюционной эпохи Э. Шампион [26]. И не только поэтому мы остановимся здесь исключительно на физиократах, отстранив остальных деятелей литературы XVIII в. Физиократы поучительны тут для нас не только ясностью своих политических рецептов, но и тем, что именно их школа являлась истинной идеологией имущих средних слоев Франции во второй половине XVIII столетия, именно их школа сделала определенную попытку отвести абсолютизм от пропасти, к которой он шел, и превратить его в боевой таран, который уничтожил бы социально-юридические препятствия и прочистил бы свободный путь развитию нового общества.

Никогда и нигде уже имущие классы не создавали и не создадут доктрины, которая напомнила бы хоть отдаленно физиократизм: *такое* предсказание можно сделать с уверенностью. Des Lebens Mai blüht einmal — und nie wieder! Всякая попытка реставрации рыцарской поэзии в XVII—XVIII вв. была бы смешна и тщетна, потому что феодализм себя изжил, всякая попытка воскресить дух и тон физиократов в XIX или XX вв. была бы точно так же смешна и тщетна, потому что имущие классы себя вполне уже познали и их враги их тоже вполне познали. Только класс, который история неудержимо влекла к торжеству и самосознание которого не успевало расширяться и проясняться в уровень с быстротой приближения кризиса,— только такой класс мог создать эту торжествующую песнь эксплуатации земли, эту поэму частной собственности и капиталистического накопления, ибо если бы социально-экономическое торжество средних классов не надвигалось так фатально-неуклонно, в физиократизме не было бы столько пророческой уверенности в неизбежном торжестве главных его стремлений, а если бы самосознание этих классов было бы всесторонне развито, у физиократов не оказалось бы того проникновенного и радостного энтузиазма, который мыслим только при *самом искреннем* смешении своих классовых целей с «общечеловеческими» идеалами. В XIX—XX вв. идеология имущих классов многократно пыталась набросить на себя этот чарующий (на расстоянии) «общечеловеческий» покров, она не раз стремилась подставить вместо слова «буржуазия» слово «нация», вместо слова «капитал» — слово «идеал», и ровно ничего из этого не

выходило. Попытки бывали у их авторов отравлены ядом неуверенности в собственной своей искренности, сознанием вражды и подозрений со стороны тех обездоленных, у которых судьба взяла все и которые не хотели, чтоб у них украли их единственное наследство и их последнее достояние: светлые слова, дававшие надежду и поднимавшие дух.

Физиократы же искренно думали, что они своим учением стремятся восстановить нарушенный историей закон природы, что все человечество от короля до последнего нищего заинтересовано в осуществлении их идей и что осуществление это начнет благодатную для всех эру во всемирной истории. И во всем этом они были убеждены настолько, что выражали мысли свои целиком, гнушаясь каких бы то ни было фиговых листков. «Liberté, propriété, autorité» [27],— таков был девиз, с которым они явились и которого они непоколебимо держались. Свобода, собственность, власть — вот правда буржуазной предреволюционной идеологии, свобода, равенство, братство — вот ложь буржуазной революции. Второй девиз настолько же более велик и возвышен, чем первый, насколько первый был ближе и нужнее имущим классам, нежели второй. Вот почему «liberté, égalité, fraternité» — есть «возвышающий» буржуазию «обман», а «libérte, propriété, autorité» — есть одна из «тьмы» важных и нужных ей «низких истин».

И основатель физиократической школы Кенэ, и все его последователи постоянно подчеркивают всеобщность и одинаковость интересов и стремлений, которые они отстаивают, благость этих стремлений для «всех», и характернее всего поясняется эта мысль, например, там, где речь идет о налогах. «Собственники, государь, и вся нация весьма заинтересованы в том, чтобы налог целиком падал непосредственно на земельный доход» и т. д.— читаем мы у Кенэ [28]. На первом плане собственники, затем страж собственности, государь, а за ним «вся нация», и все одинаково заинтересованы в том-то и в том-то — таков *способ мышления* у физиократов, ибо это у них больше, чем фраза, больше, чем формула. Быть может, из последователей теории естественного права физиократы больше всех остальных могут назваться последовательными оптимистами. Они утверждают, что «законы природы» так хороши, так полно и разумно могут устроить человеческую жизнь, так рассчитаны на водворение всеобщего счастья, что наилучшим законодателем в людском обществе всегда будет тот, который будет лишь формулировать эти предвечные тезисы естественного права, а не выдумывать свои законы. Но что же такое естественное право? «Естественное право есть право человека на вещи, годные для его пользования» [29],— высшие нравственные понятия вытекают отсюда логически: «Справедливость есть естественное

и верховное, признанное светом разума правило, которое явно определяет, что принадлежит тебе и что — другому»[30]. Установление правительственной власти, общественные формы «зависят от большего или меньшего количества имуществ, которыми каждый обладает или может обладать и которые он хочет сохранить в своей собственности и в целости». Устройство государственного союза выгодно людям, ибо они, отдаваясь под опеку власти[31], «сильно расширяют для себя возможность быть собственниками». Формы правления бывают различны, но все они одинаково никуда не годятся с того момента, как перестают защищать собственность и свободу. Но что же это за «свобода»? Физиократы прежде всего понимают свободу как нестесняемое никем и ничем право пользоваться всеми своими физическими и духовными способностями для законного добывания и увеличения своей собственности и как обеспеченность вместе с тем своей личности от посягательств произвола. Но произвол у физиократов обыкновенно мыслится лишь со стороны частных лиц дурной нравственности, а не со стороны «опекающей власти», и они не устают доказывать, что одно из серьезнейших условий для целесообразного функционирования власти есть именно ее полнота и неограниченность. Один из самых талантливых и увлекающихся физиократов, Дюпон де Немур, написал в 1768 г., т. е. как раз в эпоху самого наглого произвола Людовика XV, трактат «О происхождении и успехах новой науки». В этом трактате мы читаем следующие, взятые в виде эпиграфа, восторженные слова: «Думать, что все уже открыто, есть глубокое заблуждение, это значит принимать горизонт за край света». И действительно, Дюпон де Немур, со столь характерным для физиократов энтузиазмом, силится установить новые перспективы жизни, новые идеалы, открыть родник неиссякаемого счастья для человечества и т. д.— и делает все это, излагая доктрину Кенэ с собственными пояснениями. И вот что мы читаем в этой книге, которой предпослан столь смелый эпиграф и которая написана с таким подъемом духа: «Социальные законы, установленные высшим существом, предписывают единственно сохранение права собственности и неразлучной с ним свободы»[32]. Что же должна делать верховная власть? Дюпон де Немур, как все другие физиократы, ему современные, и как все манчестерцы, в следующем веке явившиеся, склонен больше останавливаться на том, чего *не* должно делать правительство, а не на том, что оно *должно* делать. Правительство должно не мешать пользованию правом собственности: «Если приказы государей противоречили бы законам социального порядка, если бы эти приказы воспрещали почитать собственность, если бы они требовали сожжения жатвы, если бы они предписывали принесение в жертву маленьких детей, то это не

были бы законы, это были бы безумные акты, ни для кого не обязательные»[33]. Итак, государи не должны воспрещать почитание собственности, не должны распоряжаться насчет уничтожения жатвы и маленьких детей: при этом легко выполнимом условии власть их со стороны смелого энтузиаста ничем более не ограничивается. Власть исполнительная, как и власть законодательная, должны быть сосредоточены в едином лице государя, которому должны принадлежать безраздельно и исключительно. Если судьи должны быть самостоятельны, то также затем, чтобы лучше служить государю, охраняя его от невольных ошибок. Ибо государи, по мнению Дюпон де Немура, могут ошибаться лишь ненамеренно, невольно. «Когда у государей вкрадывается ошибка в их положительные распоряжения, то это может случиться лишь невольно, и судьи служат им (государям.— *Е. Т.*) полезно, верно и *религиозно,* давая им заметить эти невольные ошибки»[34]. Интересы монарха (и именно наследственного[35]) вполне тождественны с интересами его подданных, а посему, естественно, подданные вовсе и не нуждаются в ограничении или умалении власти монарха, да и монарх с «арифметической» необходимостью всегда будет стараться делать все на пользу общую, каковая общая польза есть eo ipso его польза личная.

Другой выдающийся последователь доктора Кенэ — Мерсье де ла Ривьер, придерживался подобных же воззрений насчет существа политической власти. Он с любовью и восторгом останавливается на «легальном деспотизме» как на идеальной форме правления, и резко противопоставляет его «деспотизму произвольному»[36]. Какая же разница? Вот какая: «легальный деспотизм» основывает все действия свои на «очевидности» пользы этих действий для людей, легальный деспотизм есть средоточие всех людских воль и орудие осуществления общих желаний, он согласен с «законами природы», он необходим и поэтому непоколебим и незаменим. Как известно, по рекомендации князя Голицына, восхитившегося книгой Мерсье де ла Ривьера, Екатерина II вызвала этого физиократа в Россию для советов и соображений (дело было как раз, когда собиралась в Москве знаменитая «комиссия для составления проекта нового уложения»). Но оба эти лица — и Екатерина, и ее гость — расстались холодно, и весь эпизод ни к каким последствиям не повел. Судя по всему, «деспотизм» Екатерины II показался физиократу не вполне «легальным». А так как и современный ему французский абсолютизм тоже вовсе не удовлетворял желаниям физиократов, то тем характернее их вечная, неослабевающая привязанность к этой форме правления, идеализация ее. Для физиократов преимущество абсолютизма пред всякой иной формой правления есть такая неоспоримая истина, принцип

неограниченности государя заключает в себе такую нетленную красоту, что никакие «преходящие», «случайные», отклонения и эксцессы не в силах никогда были поколебать это почтение к абсолютизму. Он для них нужен и важен как охрана собственности, как наилучший, по их мнению, вид и способ этой охраны. Физиократ еще более талантливый и влиятельный, нежели Мерсье де ла Ривьер, аббат Бодо, не только уподобляет, но прямо приравнивает государя к отцу семейства [37] и, признавая необходимость бюрократии (он чиновников называет — agents mandataires или représentants du souverain), вполне отчетливо устанавливает, что исполнители верховной воли за свои поступки по части службы ответственны пред этой же верховной властью. В виде образца того, «до какого совершенства может быть доведена администрация» [38], в виде достойного всяческих подражаний примера «благого и мудрого управления», Бодо с полным восторгом указывает на египетских фараонов и других представителей древневосточного абсолютизма. При этом абсолютизме создавались плотины, проводились каналы, устраивались прочнейшие сооружения, обеспечивалось правильное орошение земли, прокладывались дороги, а потому и управление, существовавшее в этих странах в древности, должно быть признано идеальным. В Месопотамии, в Египте, в древнеамериканском Перу, в Китае — вот где нужно искать идеал государственной мудрости. И идея о величии этого управления «есть коренная идея, которую необходимо прочно запечатлеть в уме всем тем, кто желает заниматься экономической философией». Бодо поэтому недоволен излишним увлечением классическими народами, которых столь чтит «педантизм», царящий в коллежах. Нужно восхищаться не греками и римлянами, а «четырьмя нациями, истинно славными: халдеями, египтянами, перувианцами и китайцами»[39]. Беспристрастный Бодо хвалит за хорошее управление и Голландию, но все же, по его мнению, эта страна только «приблизилась» к вышеназванным четырем нациям.

Возвращаясь уже совсем в другой связи и в другом месте своего обширного трактата к вопросу о формах правления, Бодо, не колеблясь, признает лучшей из них «теократию», в пример каковой берет монархию китайского императора, «сына Неба» [40]. Принцип, по которому государь есть представитель бога на земле и выразитель воли божией, есть принцип «святой и возвышенный», и Бодо с любовью останавливается на том, с каким обожанием и покорностью китайцы относятся к повелениям своего властителя. Но вот зато к республикам древней Греции, «которые никогда не знали законов природы», наш автор относится с явным недоброжелательством и находит, что «их летописи представляют лишь непрерывное зрелище ужасных посягательств против мира и счастья человечества» [41]. И хотя он в

конце концов склонен признать право на существование и иных форм правления, но наследственный абсолютизм, вроде китайского, самым явным образом имеет на своей стороне все симпатии аббата Бодо. Нечего и говорить, что, подобно всем другим физиократам, он все время силится отделить от этой формы правления понятие «произвола» и «деспотизма», но, как и они, ограничивается в этом смысле лишь декламацией о сообразности благодетельной власти с «законами природы» и т. д. О психологической сущности этой декламации, столь пустой и ненужной на первый взгляд, у нас речь пойдет несколько дальше: этот предмет тесно связан с идейным разрывом между tiers état и абсолютизмом Бурбонов, а самый разрыв этот совершенно неуяснимо без анализа исторической роли Тюрго. К Тюрго, этому выдающемуся физиократу-теоретику и самостоятельному физиократу-практику, мы теперь и обратимся.

8

Конечно, Тюрго нас здесь интересует исключительно с точки зрения отношения к абсолютизму, все остальное в этой сложной и разносторонней индивидуальности будет оставлено нами в стороне. Исторические судьбы как будто нарочно захотели в лице явившегося во дворце физиократа-министра свести лицом к лицу абсолютизм с «третьим сословием», с представителем самой законченной доктрины, какую только создало за весь XVIII в. классовое чувство имущих средних кругов Франции. Ибо физиократическая доктрина владела всецело этим замечательным человеком, и еще его служба в качестве лимузэнского интенданта была одной долгой попыткой применять на практике экономические заветы Кенэ и его учеников. Типично для Тюрго (как и для всей этой школы), что во всех своих действиях он исходил из убеждения в универсальной благости рецептов физиократизма. «Облегчение страждущих людей есть общий долг и общее дело»,— так начинается одна его инструкция к подчиненным благотворительным учреждениям [42]. К королевской власти он с молодости относился с благоговением. «О, Людовик! — восклицал он, обращаясь риторически к тени Людовика XIV,— какое величие тебя окружает! Какой блеск распространила твоя рука в области всех искусств! Твой счастливый народ стал центром изящества» [43]. Даже и Людовик XV иной раз кажется ему на самом деле достойным названия «bien-aimé» [44], и, обращаясь к этому человеку, он с жаром настаивает, будто сердце «возлюбленного монарха» ценит трон лишь как средство делать людей счастливыми...

И вот в 1774 г. Тюрго зовут в королевский кабинет, и он выходит от Людовика XVI облеченный властью делать то, что

найдет нужным для спасения страны от разорения и банкротства. Никогда ни один абсолютизм не находил в трудную для себя минуту таких бескорыстных и умных помощников и слуг. Прусский абсолютизм 1848 г. имел, правда, при себе в качестве верного рыцаря фон Радовица, но фон Радовиц, отличаясь бескорыстием, умом отнюдь не блистал и ни малейшего представления об исторической сущности своей эпохи не имел (и так и скончался, ни разу «не прийдя в сознание», если можно употребить здесь подобное выражение); абсолютизм в других странах в последние свои минуты не имел даже и таких людей, как Радовиц. Были алчные и свирепые дельцы, неразрывно связавшие свою судьбу с судьбой защищаемой ими формы правления, были воры и грабители, оборонявшие свой притон, был иногда полный комплекс лиц, как бы взятых непосредственно из альбома Ломброзо, были иной раз курьезные литературно-политические археологи, силившиеся подыскать сентиментально-«историческое» оправдание и возвести в культ деспотическую власть, но толку и истинной помощи абсолютизму от них всех было довольно мало. Все они наперебой, с торопленной ретивостью крали, лгали, убивали и думали, что этим задержат революцию или, еще лучше, уничтожат ее окончательно. Но Тюрго рядом с ними не было.

Тюрго был силен тем, что для него спасение абсолютизма было делом не второстепенным, а делом первостепенным и, по его мнению, предрешающим спасение абсолютизма было уничтожение тех пут и препятствий, которые мешали правильному развитию новых экономических отношений. На самом деле специально-экономическое преобладание буржуазии неминуемо должно было привести и к политическому ее владычеству и, следовательно, к крушению абсолютизма, но сделать менее болезненным процесс этот могла бы только мирная ликвидация старого гражданского права и старых пут, лежавших на экономической жизни страны, та ликвидация, первые шаги к которой сделал Тюрго в короткое свое министерство. Его сила, повторяем, была в постановке вопроса, в том, что он понял *непосредственные* требования жизни, предъявленные к абсолютизму, и попытался эти требования удовлетворить, а его слабость заключалась в том, что Тюрго, как и все физиократы, рассчитывал без хозяина, не принимая вовсе в расчет генетических свойств абсолютистского организма и полагая, что абсолютизм с требованиями жизни примирится и подчинится без предварительной пробы сил в борьбе.

Мы не полагаем, чтобы возможно было физиократической школе приписать хоть в самом условном смысле материалистическое истолкование истории, у этой школы вполне выработанной и определенной историко-философской системы вообще

было бы напрасно искать. Но они до такой степени колоссальное, всеобусловливающее значение придавали постановке земледельческой культуры, так много связывали с вопросом о землевладении, этой преобладавшей в тогдашней Франции форме капитала, так всецело строили всю свою систему на краеугольном камне святости частной собственности и ее охраны,— что иной раз чтение их трактатов может внушить мысль о близости их мышления к историко-материалистическому *методу*. Во всяком случае Тюрго и прочие физиократы от последовательного применения этого метода были далеки, они знали, что нужно землевладельцам, но они упорно отказывались признавать реальность факта, стоявшего у них пред глазами: обособленности интересов абсолютизма от интересов растущего капитала и его представителей. Кучка людей, управлявшая Францией, бравшая себе и оделявшая своих слуг всем тем, что можно было взять и чем можно было одарить, эта кучка, жившая привилегиями и своим унаследованным исключительным положением, не хотела и не могла расставаться с существующими порядками. Нельзя даже сказать, что абсолютизм был окружен всем дворянством и всем духовенством. Нет, это было бы не вполне точно. Революция показала даже, что очень многие члены сельского духовенства, как и многие члены дворянского сословия, были вовсе не на стороне абсолютизма. При дворе и от двора питались высшие аристократические роды, всеми богатствами церкви пользовались высшие духовные лица, абсолютизмом держалась рать высших административных лиц военного и гражданского ведомства, откупщики государственных налогов, наконец, просто мириады авантюристов обоего пола, получавших пенсии или еще только мечтающих получать таковые. Все это вместе составляло как бы отдельный класс, пополнявшийся представителями большей частью из двух высших сословий, но имевший, кроме общесословных, свои обособленные интересы. *Этот* класс твердо знал, что уж ему-то — гибель от всякой серьезной попытки изменить порядок вещей. Это были из привилегированных привилегированные, абсолютизм для них был не только жандармом-охранителем привилегий, как общей массы дворянства и духовенства, но и непосредственным источником доходов, подателем средств к существованию. Для *этого* класса примириться с реформами Тюрго было совершенно немыслимо, и Тюрго, еще не приступая к деятельности, знал a priori, что борьба предстоит с этими людьми жесточайшая. Он только ошибся, полагая, что сможет их победить, и надеясь, что возможно будет направить абсолютизм против интересов того класса, который был с этим абсолютизмом связан многовековыми теснейшими материальными и моральными узами. Подобно всем физиократам, Тюрго мыслил абсолютизм в виде

какого-то острого меча, которым свободно можно рассечь запутанные узлы социальной жизни,— стоит только, чтобы какой-нибудь подходящий l'homme de la vertue взялся за рукоятку. Что это вовсе не так, что абсолютизм на самом деле превратился в своеобразную компанию на паях, эксплуатирующую экономические силы Франции, что абсолютизм уже не отделится от тех, которые около него питаются и из среды которых он вербует себе слуг и помощников,— это Тюрго окончательно узнал не в 1774 г., когда он вступал в должность, а в 1776 г., когда король отпустил его с неудовольствием. Искренняя фантазия или «условная басня», но теория физиократов о мудрой монархии, не похожей, невзирая на свою неограниченность, на монархию «произвольную»,— эта теория физиократов, посредством которой они как бы давали урок и увещание французскому абсолютизму, владела и умом Тюрго, когда он начинал свою деятельность. Он отделял абсолютную монархию от той реальной почвы, на которой она высилась, и полагал, что ее с этой почвы сдвинуть, не разрушая, будет возможно. Монархия с этой почвы была сдвинута и разрушена — уже революцией, а план Тюрго остался невыполненным.

Тюрго, трезвый и методический Тюрго, в 1774 г. был еще мечтателем, носившим в своем воображении физиократическую сказку о мудрой монархии. Возвратясь от короля после того свидания, когда Людовик XVI вручил ему власть, Тюрго написал королю письмо, имеющее большой исторический интерес [45]. В этом письме, написанном, как он признается королю, в первом волнении после принятия своего многотрудного поста, Тюрго категорически заявляет о необходимости ввести строгую экономию и не расточать деньги в пользу тех, которые об этих милостях просят короля и вечно получают искомое.

Тюрго прямо называет это множество просьб «одним из величайших препятствий» в экономии. «Нужно, государь, вам вооружиться против вашей доброты — вашей же добротой, нужно рассмотреть, откуда приходят к вам деньги, которые вы можете раздавать вашим придворным, нужно сравнить нищету тех, у которых приходится иногда эти деньги вырывать при помощи самых суровых мероприятий,— с положением лиц, предъявляющих больше всего прав на ваши щедроты». Тюрго знает, что он обидит огромную, могущественную и алчную толпу, кормящуюся около абсолютизма, и надеется при этом на... абсолютизм.

«Принимая должность,— пишет он королю в том же письме [46],— ...я чувствовал всю опасность, которой я подвергал себя. Я предвидел, что мне придется одному бороться против злоупотреблений всякого рода, против усилий тех, которые пользуются выгодами от этих злоупотреблений, против массы предрас-

судков, противящихся всякой реформе и являющихся столь могущественным средством в руках тех людей, которые заинтересованы в увековечении беспорядков. Мне придется бороться даже против природной доброты, против благородства вашего величества и лиц, наиболее вам дорогих. Меня будут бояться, я буду ненавидим большей частью двора, всеми теми, кто хлопочет о милостях. На меня будут сваливать вину за все отказы, меня будут изображать суровым человеком, потому что я буду представлять вашему величеству, что вы не должны обогащать даже тех, кого вы любите, на счет народных средств».

Так писал Тюрго в 1774 г. А в 1776 г. он уже был сломлен, и почти тотчас же главнейшие его реформы были взяты назад, и старые злоупотребления и хищения возобновились. Все попытки хоть немного справедливее разложить подати и повинности, уничтожить цехи, облегчить внутренний торговый обмен, все (первые только) приступы к осуществлению задуманного плана — превратить абсолютизм Бурбонов в мудрую «экономическую монархию», о которой мечтали физиократы,— все это погибло после падения Тюрго почти всецело (за вычетом несущественных, непринципиальных частностей); погибли и планы экономии в расходовании сумм на аристократических просителей. И впоследствии, в министерство Неккера, эти суммы расшвыривались еще шире и опрометчивее, чем даже при Людовике XV; когда же в 1781 г. пал и Неккер и воцарилась уже откровенная, ничем не прикрытая реакция, это расхищение народных денег стало практиковаться поистине в грандиозных размерах.

Новый класс, класс, которому суждено было будущее, который уже был силен экономически и должен был стать силен в политическом отношении, послал парламентера — Тюрго — в стан абсолютизма. Сделка не состоялась, абсолютизм от всего старого строя жизни оказался неотделимым. Политическая часть теории физиократов оказалась легендой, утопическим вымыслом. И вся масса привилегированных и особенно небольшой, но могущественный класс людей, кормившихся непосредственно при абсолютизме, явились непреоборимыми для Тюрго врагами и победили его.

Как нами было отмечено еще в первой главе этого очерка, неизбежность политической революции массой общества, даже оппозиционной, вовсе не была понята ни после падения Тюрго, ни после отставки Неккера, ни в эпоху реакции 1780-х годов. И тем не менее революция стала на очереди дня. Абсолютизм загородил собой путь к разрушению старых феодальных пережитков, старого уклада жизни — и этим самым принял на себя первые удары. Участь Тюрго и его реформ являлись наглядным доказательством всей тщеты и искусственности физиократиче-

ских воззрений на абсолютизм. И понадобилось всего несколько лет, чтобы мысль о возможности употребить абсолютную власть короля себе на пользу сменилась у имущих кругов общества мыслью о непригодности и архаичности этой власти и сознанием необходимости за нее приняться и ее уничтожить. Эта мысль распространялась постепенно, и только уже после созыва Генеральных штатов и явно выраженной королем тенденции стать на сторону привилегированных сословий, вопрос об уничтожении абсолютизма стал окончательно в центре общественного внимания, наряду с вопросом об уничтожении сословных привилегий.

9

Если история Франции во второй половине XVIII в. показывает, что заинтересованные в реформе социально-правового строя имущие круги стремятся, насколько возможно, избежать конфликта с государственной властью и, напротив, чуть не до последней минуты надеются сделать эту власть орудием нужной им реформы, если, как уже было упомянуто, история Англии в XVII столетии показывает, что даже в разгаре революции имущие классы с опаской относились к уничтожению старого политического строя и всеми силами постарались его реставрировать, как только к этому представился случай,— то аналогичные факты дает нам история и иных западноевропейских стран. Буржуазия всюду в Западной Европе толкалась к политической революции как бы против воли, потому только, что абсолютизм явственно становился в положение защитника всех основ старого социально-юридического порядка и делал, таким образом, свое низвержение логической предпосылкой ко всякому мало-мальски существенному изменению общественного быта. История Пруссии и Австрии, например, дала в 1848 г. образец того, до какой степени именно эта сторона дела — *политическая часть* революции — беспокоит буржуазию в моменты острых кризисов: реакция 1850-х годов слишком ясно показала, до каких размеров может дойти этот испуг имущих классов пред делом, которое они только что готовы были с гордостью называть делом рук своих,— пред низвержением абсолютизма, если только имущие круги видят на арене борьбы угрожающее присутствие еще и «третьих лиц», т. е. пролетариата. В свете истории 1848—1849 гг. особенно ясной становится и психология лондонского Сити, ликовавшего по поводу гибели республики в 1660 г., и психология физиократов, так убедительно и настойчиво предлагавших абсолютной монархии перейти на сторону их идей, не утрачивая прерогатив своей неограниченности. Таковы факты. Психология их весьма проста и понятна: потрясение политической власти колебало все государственное здание,

грозило долгой смутой, было чревато опасностями для существовавшего распределения имуществ. Миновать «чашу сию», приспособить мирным путем правительственный организм к своим потребностям в коренной общественной реформе — вот что было всегда и всюду мечтой имущих классов в предреволюционный период; эта же психология обусловливала в серьезнейшей степени наступление политических реакций и реставраций в период послереволюционный.

Позволительно ли, применяя метод аналогии, сказать, что в русской революции этот момент, момент готовности буржуазии к хотя бы частичной реставрации старого строя уже наступил? Нет, непозволительно. Непозволительно прежде всего потому, что, как предостерегает совершенно справедливо Джемс Брайс, метод аналогий способен очень легко ввести в невылазные дебри ошибок и произвольностей — стоит только слишком ему довериться. Русская революция особенно сложна, и поэтому особенно трудна для оперирования над ней при помощи метода аналогии. Революция наступила в России в такой момент ее экономического развития, который уже сам по себе страшно затрудняет аналогии. Ведь для русской капиталистической буржуазии уже и речи быть не может о том, чтобы оставить всю полноту власти в бюрократических руках, потому что для нее дело идет вовсе не об уничтожении тех или иных вредных стеснений (вроде цехов XVIII в. и т. п.), а о действительном и решительном влиянии на всю экономическую политику. Капиталистическое развитие России находится теперь уже в той стадии, когда значение *торговой политики* слишком повелительно, слишком громко и недвусмысленно о себе заявляет, более повелительно, нежели во Франции 1789 г. или в германских государствах 1848 г. «Правильная или неправильная торговая политика,— говорит Шмоллер,— являлась и является причиной первого порядка для возвышения и гибели народов и государств вообще» [47]. Что такое была торговая политика самодержавной бюрократии, известно в России многим, а чувствуют это в большей или меньшей степени все. Торговый договор, заключенный в 1904 г. после свидания Витте с Бюловым в Нордернее и закабаливший Россию на много лет, является лишь одним из многочисленных образчиков этой торговой политики. Насколько можно при полной политической самостоятельности известного государства закабалить его в экономическую неволю, настолько самодержавная бюрократия это с Россией делала путем торговой политики. Не ее вина, если та кабала не оказалась вполне законченной к моменту начала крушения абсолютизма. Капиталистическая буржуазия, проникнутая, по собственным ее заявлениям на съездах и собраниях, глубоким недоверием к экономической политике старого режима, не может считать своих самых гнету-

щих *классовых* потребностей удовлетворенными, пока власть окончательно не будет вырвана из прежних рук, пока ей, этой буржуазии, не будет обеспечен действительный и постоянный контроль над направлением торговой и общегосударственной политики. Представитель типичной капиталистической монархии нашего времени сказал как-то [48], что нынешняя эпоха требует большего уменья со стороны политических деятелей быстро отзываться на вопросы дня, нежели в былые годы, когда держава по двадцать пять лет копалась все над одним и тем же главным вопросом международной политики; теперь каждый миг возникают, исчезают и вновь появляются разнороднейшие проблемы, из которых каждая может разрешиться острым кризисом. Это весьма понятно: расхват рынков становится все интенсивнее, международное соперничество, вопреки оптимистическому предсказанию Бокля, не думает ослабевать с развитием цивилизации, и в этой все обостряющейся борьбе за существование позволить себе сохранить абсолютизм есть слишком большая «роскошь», за которую капиталистическая буржуазия столь же мало склонна расплачиваться, как и остальные слои населения. Для этого класса пока абсолютизм *опаснее* революции, опаснее потрясения государственного здания, потому что он есть опасность постоянная и ежеминутная, и вот почему у нас может существовать испуганная революцией «торгово-промышленная партия» и нет пока испуганного торгово-промышленного класса, вот почему эта «партия» оказалась столь растерянной и столь жалко провалившейся на выборах 1906 и 1907 гг. «Ее» класс ее не поддержал, и эта «партия» оказалась состоящей из главнокомандующих, но без рядовых. Эта партия оттого и провалилась, что она была выдумкой, а не ответом на истинные злободневные потребности своего класса. Капиталисты весной 1906 г. социалистического переворота не боялись; но они знали очень хорошо, кто для них вреден как чума, как изнурительная язва, они знали и помнили и торговую политику, и «общую» внешнюю политику, и превращение внутреннего рынка в скопище миллионов нищих, а пред ними бормоталось нечто невразумительное о том, что Путиловский завод намерен провозгласить диктатуру пролетариата и что Родичев желает образовать польскую республику. Могло ли получиться от этого бормотания что-либо реальное, хоть какой-нибудь успех? Смешно было и рассчитывать на это.

В противоположность Франции *пред* 1789 г., буржуазия в России борется против абсолютизма не только потому, что он поддерживал «привилегированных» и старые социально-юридические пережитки, а потому, что он сам по себе есть в ее глазах главное, коренное *экономическое бедствие*, от которого нищает внутренний рынок, утрачивается надежда на внешние, от кото-

рого стране грозит опасность попасть в экономическое рабство к иностранцам; вот почему буржуазия с абсолютизмом никак сторговаться не могла бы, и никакие Тюрго наш абсолютизм даже и не тревожили своим появлением. В противоположность Пруссии и Австрии 1848—1849 гг., буржуазия в России, благодаря несравненно большей интенсивности в современном международном соперничестве, благодаря гораздо большему развитию капитализма, совершенно лишена возможности, не совершая своего рода классового самоубийства, мириться хотя бы временно с нынешним абсолютизмом и спасать его от уничтожения, ибо абсолютизм в том виде, как он еще силится удержаться, по существу своему есть полное отрицание всех тех условий, которые капиталистическому производству необходимы, как воздух. Мы только что сказали, что «роскошь» сохранения абсолютизма капиталистическая страна теперь позволить себе уже не может, прибавим, что столь же теперь недоступна и роскошь десятилетней реакции и фактической реставрации абсолютизма, вроде германской или австрийской реакции 1850-х годов. Предполагать, что в конце концов в дальнейшем развитии движения капиталистическая буржуазия не «предаст» революцию и не встанет стеной пред стремлениями пролетариата, есть, конечно, социологический абсурд; но такой же социологический абсурд предполагать, что это предательство совершится теперь и в пользу нынешнего абсолютизма. Капиталистическая буржуазия, быть может, и много рабочей крови прольет, но не в союзе с нынешним абсолютизмом, а в других комбинациях. Такова одна сторона дела, позволяющая утверждать, что кризис у нас еще далек от своего конца. Есть и другая сторона, на которой также нужно остановиться.

Французский абсолютизм вплоть до своей гибели аграрного вопроса решить не мог и не хотел; он погиб, не сделав попытки привлечь на свою сторону крестьян уничтожением сеньериальных прав. Мало того. Даже первые победоносные времена революции этот вопрос сразу не уладили, и несмотря на якобы «великодушное» и несколько театральное принесение привилегированными сословиями на алтарь отечества своих преимуществ в ночь на 4 августа 1789 г., крестьянству понадобилось много упорства и самодеятельности, чтобы фактически покончить с феодальными пережитками [49]. Абсолютизм в Пруссии и Австрии в эпоху 1848—1849 гг. успел дать крестьянству ряд уступок, которые, облегчая юридическое и экономическое положение крестьян в серьезной степени, вдохнули в правительственный организм новые силы, и вместе с испугом имущих классов пред пролетариатом это обстоятельство чрезвычайно содействовало длительной реакции 1850-х годов. Что же может сделать русская бюрократия в нашем аграрном вопросе?

Центр тяжести нашего аграрного вопроса в малоземелье или безземелье крестьян, и в этом главное несчастие правительства. Капитал возможных для него уступок уже истощился в 1861 г. Реформа 19 февраля действительно подкрепила, выражаясь словами Герцена, «подкладкою пугачевского кафтана» такое одеяние, которое бюрократия в целом виде долго бы уже не проносила. Это была прежде всего и больше всего (рассматривая дело с точки зрения абсолютизма) умная и своевременная реформа. Умная потому, что абсолютизм в данном случае решил посторониться, решил не принимать на свою грудь ударов неизбежной классовой войны, мало того, решил вообще эту войну сделать на известное время ненужной — единственным средством, которое являлось целесообразным. Своевременная потому, что абсолютизм принялся за эту реформу, когда он сам, несмотря на Крымскую войну, вовсе еще не был затравлен, когда он еще имел под собой крепкую почву, когда соотношения общественных сил делали его господство непоколебимо сильным и полным. Была предотвращена возможность в близком будущем крестьянской революции (освобождения «снизу», как выразился Александр II в речи к московскому дворянству), правовое положение самого многочисленного слоя населения было приведено в соответствие с требованиями все более развивавшейся промышленной жизни, прежде всего с требованием на свободный труд, на рабочие руки,— и абсолютизм на долгие десятилетия оказался обеспеченным в своем существовании. Но что же может он дать крестьянам теперь, когда для них речь идет не только об устранении еще остающихся юридических пут, а прежде всего и больше всего о земле, о том или ином изъятии земель от помещиков, о более или менее насильственном, принудительном отчуждении частной земельной собственности? Разве правящая бюрократия не является собранием крупных земельных собственников? Разве крестьянам нужно еще знакомиться с подсчетами Рубакина, математически это доказывающими, и с другими данными в этом роде, разве они это не чувствуют по злобной и отчаянной обороне, которая противостоит всем их попыткам найти выход из заколдованного круга? Разве бюрократию, являющуюся мечом и щитом крупного землевладельческого класса, не окружает и не поддерживает всеми силами этот класс и разве неверно рассчитывает бюрократия, что если и этот класс от нее отойдет, то она останется окончательно одинокой? Она не может приняться за добровольную экспроприацию себя самой и всего своего класса, и притом за экспроприацию в тех размерах, которые мало-мальски серьезно удовлетворили бы крестьянский голод по земле, даже если бы по каким-нибудь расчетам это сулило бы ей продление ее власти. Ибо ей больше власть нужна для удержания земли, нежели земля для удер-

жания власти, а кроме того, уже теперь крестьянские депутаты в I и II Думе заявляли, что им, кроме земли, нужна «воля» и нужны права, хотя бы уже затем, чтобы эту будущую землю за собой закрепить. Значит, и в неминуемой все-таки борьбе за власть между бюрократией, с одной стороны, и неудовлетворенной буржуазией и городским пролетариатом, с другой стороны, бюрократия, *даже* решившись на экспроприацию своих земель и земель своих близких, все-таки может очень сильно ошибиться, рассчитывая, что крестьянство непременно будет на ее стороне. Взвесив все, она и не уступает. Логика истории с фатальной неизбежностью дает классовым стремлениям крестьянства, как и классовым интересам буржуазии, одно направление, один вид: направление, враждебное фактически господствующему еще правительству, вид борьбы за уничтожение старого политического строя. И та же логика истории не позволяет этому политическому строю предпринять теперь с надеждой на успех те шаги, которые создали бы настоящую и мало-мальски длительную общественную реакцию.

Чем больше зажился на свете абсолютизм, чем развитее капиталистическое хозяйство в той стране и в ту эпоху, где и когда ему доводится погибать, тем быстрее протекает процесс преображения классовой борьбы в борьбу против абсолютного строя. Широкий успех доктрины, вроде физиократической, был бы немыслим ни в средней Европе пред 1848 г., ни, тем менее, в России пред 1905 г. После только что сказанного это понятно. В атмосфере капитализма жизнь течет шумнее и быстрее, и все приобретает, как будто в увеличительном стекле, отчетливые формы и грандиозные размеры. Абсолютизм как экономическое бедствие пред 1848 г. разглядели и оценили быстрее, нежели пред 1789 г., а пред 1906 г.— быстрее, нежели пред 1848 г. Мы говорили до сих пор об имущих классах в Западной Европе и России и коснулись также крестьянства. Обратимся теперь к городскому пролетариату.

10

Никогда не существовало класса, который так скоро, почти непосредственно после выступления своего на историческую *арену*, связывал бы борьбу за свои классовые интересы с борьбой за политическую власть, как класс рабочий, такой, каким создал его современный капитализм. Это обстоятельство давно уже было отмечено и вызвало ряд яростных комментариев, особенно в первые три четверти XIX в., когда даже в так называемой научной литературе принято было, говоря о рабочих и социализме, делать большие глаза и пугать читателя указаниями на грядущее варварство, уничтожение культуры, порабощение индивидуума и т. д. В особенно острые моменты, напри-

мер, после июньских дней 1848 г. или после коммуны 1871 г., это становилось на некоторое время прямо правилом хорошего литературного тона. В лучшем случае распространялись о сумасшествии, эпидемически овладевающем рабочими вследствие скученности и нездоровой жизни и т. п., и этим сумасшествием объясняли отчаянные попытки рабочих масс. Что ж, по поводу этого курьеза можно только вспомнить слова, повторяемые Сигеле вслед за Сеттембрини: «Во всякой революции нужны сумасшедшие и разумные, как во всех великих делах нужны смелость и благоразумие; но в начале всегда нужны сумасшедшие»[50]. Эти периодические «сумасшествия», овладевающие рабочим классом, были ли они «нужны»? Социологический метод требует, чтобы прежде всего был поставлен вопрос не о том, «нужно» ли для чего либо известное явление, а чем оно вызывается.

Мы говорили, что буржуазия давала своим классовым стремлениям форму борьбы за политическую власть после того, как убеждалась в невозможности приспособить уже существующую политическую власть к своим нуждам; что при этом, чем выше бывал уровень капиталистического развития страны, тем скорее это убеждение среди буржуазии появлялось и превращалось в idée-force. Но это свойство превращения классовой борьбы в политическую наблюдается в истории решительно всех классов, вообще игравших хоть какую-нибудь историческую роль. «Уже это свидетельство истории,— читаем мы по этому поводу у одного из знатоков психологии классовой борьбы[51],— должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство, то ясно, что политический строй общества представляет собой далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике», если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собой такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным».

Рабочий класс и не составил исключения, и подобно всем другим классам, сознав себя, устремился на борьбу за политическое влияние. Но, как уже было сказано, в отличие от буржуазии, у рабочего класса первые же моменты пробуждения классового самосознания сопровождались выступлением на поприще политической борьбы. В частности, там, где их проснувшееся самосознание заставало еще абсолютизм, революционное развитие рабочих совершалось поистине гигантскими шагами. Характерно, что абсолютизм в эпохи, даже самые далекие от настоящего политического выступления рабочих, начинал их инстинктивно подозревать, бояться и ненавидеть. Французское правительство в течение всего XVIII в., свирепствуя при сборе податей в деревнях, разоряя жесточайшим образом целые деревни для удовлетворения фиска, избегало чинить эти притеснения и неистовства в городских рабочих кварталах, где жили пролетарии, составлявшие ту же податную массу, что и крестьяне. Уйти в город и там поселиться означало для крестьянства в очень серьезной степени укрыться от агентов фиска. Боясь обращаться с рабочими вполне так, как с крестьянами, старый режим пробовал весьма аляповато бороться со злом, стараясь по мере сил ограничивать разными искусственными мероприятиями рост рабочего населения городов, мешая росту промышленных заведений (вроде, например, запрещения фабрикам употреблять более известного количества топлива и т. д.). Хотя рабочие ассоциации были и редки, но скопление рабочих в одном и том же месте — за работой, позволяло им сговариваться относительно защиты своих интересов [52], а это-то и казалось «опасным», несмотря на то, что речь шла тогда исключительно об отстаивании интересов экономических и что ни о каком мало-мальски отчетливом классовом сознании рабочих не было и помину. Также рано начинал бояться и подозревать рабочих абсолютизм и в других местах. При Николае I, например, некоторые правительственные лица (вроде Канкрина) весьма неблагосклонным оком взирали на еще только зародившийся, в сущности, русский рабочий класс. Инстинкт их не обманывал, если не относительно настоящего, то относительно будущего; абсолютизм и сильный рабочий класс суть вещи несовместимые, «ceci tuera cela» можно сказать о них. Несовместимые прежде всего потому, что многочисленный рабочий класс логически предполагает существование крупного капиталистического производства, которое уже само по себе требует для нормального и свободного своего развития более усовершенствованный аппарат, нежели представляемый абсолютизмом; но несовместимы абсолютизм и многочисленный рабочий класс еще и потому, что для борьбы за свои насущнейшие классовые интересы рабочие самым гнетущим образом нуждаются в правовом строе,

в известной степени политической свободы. Буржуазия *всегда* — и во Франции, и в германских государствах, и в России — имела возможность и при абсолютизме оказывать известное давление на власть своим экономическим могуществом и значением в государстве, и как ни было слабо это давление, оно все-таки существовало; рабочие же при абсолютизме связаны по рукам и ногам, и для них вплоть до свержения абсолютизма не существует и не может существовать ни малейшей надежды на прочное улучшение своего положения, на *возможность* какой бы то ни было систематической борьбы за свои интересы. Вот почему свержение абсолютизма так быстро становится всегда у них очередной задачей. *Их* классовая борьба переходит в политическую, повторяем, быстрее, нежели борьба буржуазии, и особенно там, где их самосознание проснулось при абсолютизме. Они никогда и нигде не шли к абсолютной власти с предложением компромисса, ибо слишком уж отчетливо била в глаза логическая несовместимость абсолютизма с их стремлением,— а власть сама шла к ним с подкупом и растлением, не понимая всей тщеты своих мечтаний о сделке. Вот почему для попыток компромисса между буржуазией и абсолютизмом характерны физиократы и Тюрго, а для попыток компромисса между абсолютизмом и рабочими характерны покойный подполковник Судейкин и ныне здравствующий статский советник Зубатов.

Абсолютизм пред гибелью бывает склонен к мечтаниям и утопиям, особенно если исторические обстоятельства дают ему для этого достаточно времени. И все эти утопии обыкновенно основываются на вере в возможность перехитрить и обмануть, купить и перепродать. Но перехитрить чужой голод, не давая хлеба, обмануть чужие раны, чтоб они не болели, купить, ничего не давая,— все это возможно на бумаге за номером, подаваемой в виде проекта одним политическим авантюристом другому политическому авантюристу, и все это до бессмыслицы невозможно в действительности. *Это* абсолютизму никогда не удавалось, хоть и удавалось ему на его веку очень многое, на первый взгляд затруднительное: удалось же ему приспособить к себе, например, христианскую церковь. «Не Константин был обращен в христианство, но христианство было испорчено Константином»,— читаем характерную фразу у одного современного ученого [53]. Но если Константину нужно было христианское общество начала IV в., то и сам Константин, т. е., точнее, римский государственный организм, был очень нужен и важен для руководящих кругов христианских общин. Принцип «do ut des» был тут соблюден, обе стороны остались довольны, обратная же сторона дела — борьба с возникшими сектами, не желавшими мириться с господствующей церковью, не перевешивала для обеих сторон выгод достигнутого соглашения. Но

что может дать погибающий абсолютизм рабочему классу, которому устранение абсолютизма нужнее и полезнее всех его даров? Он не может дать рабочим даже того законодательства о рабочем труде, которое дала бисмарковская Германия, страна, где правительство сумело согласиться с имущими классами на скупой, но ни разу не нарушенной конституции и сплотить империю всеобщим избирательным правом. Даже такая скромная социальная работа на пользу рабочих (хоть и из корыстных видов) под силу только крепкому правительству, а не погибающему. Погибающее же все больше надеется на «идеологию», на свои словесные внушения и демагогическую агитацию, но никак не на реальное исполнение хотя бы части обещанного. Все эти старания, конечно, не приводят ни к чему, кроме разве ускорения политического воспитания и развития рабочих; ибо абсолютизм этими своими подходами окончательно себя обнажает, и подобная рекомендация самого себя со стороны абсолютизма иногда бывает для малокультурной части рабочей массы довольно полезна, так как нагляднее всякой пропаганды иллюстрирует всю нелепость каких бы то ни было надежд на эту форму правления.

Соглашение с рабочими для абсолютизма *социологически* невозможно; не понимает же он этого потому, что ко времени своей гибели вообще он многое перестает понимать. «Виг *может* быть дураком, а тори *должен* быть таковым»,— сказал английский остроумец в XVIII в. [54]. Он хотел этим выразить, что позиция и принципы, на которых стояли и которые отстаивали тори в его время, уже не могли привлечь к себе умного человека. Вернее не это, вернее то, что отжившие свой век принципы внутренно бессильны использовать полностью ум тех умных людей, которые по разным соображениям хотели бы этим принципам послужить. Вот почему умные люди, попадавшиеся еще в кадрах служителей абсолютизма пред его падением, говорили и делали так много неумных вещей. К числу этих вещей и принадлежат опыты с рабочими.

11

Итак, и у имущих классов, и у неимущих классовая борьба неизменно переходит рано или поздно — у первых позже, у вторых раньше — в борьбу политическую, и едва ли какая-нибудь иная форма правления способна оказывалась так быстро и естественно создавать в моменты кризиса враждебную себе кооперацию нескольких классов, как именно абсолютизм. Он, по сущности, по идее своей, отрицает всякую динамику, всякое движение, всякую эволюцию в истории. Всякую пуговицу всякого камер-лакейского фрака он склонен провозглашать незыблемой,

исконной, непоколебимой и т. д. Он возводит себя не только в закон истории, но и в нечто «высшее», в закон природы, не подлежащий упразднению или изменению. Когда мы вспоминаем, что управлявший делами печати Михаил Лонгинов воспретил было Дарвина и дарвинизм, то должны признать, что этот поступок, несмотря на всю нелепость свою, а точнее, благодаря своей нелепости, является в высшей степени «символистичным»: *идея* эволюции с *идеей* абсолютизма совершенно непримирима [55].

Это обстоятельство, как и другие умственные привычки абсолютизма, конечно, есть факт второстепенный сравнительно с социологической невозможностью для абсолютизма удовлетворить требованиям времени иначе, как самоустранением, и сравнительно с огромной трудностью для него добровольно совершить это дело (о чем у нас шла речь в первом очерке). Но эти умственные привычки тоже накладывали, обыкновенно, свою характерную печать на предсмертные поступки и слова абсолютизма. Французский абсолютизм, созывающий Генеральные штаты в 1789 г., полагающий, что и они будут действовать в рамках и формах доброго старого времени; Фридрих-Вильгельм IV, заявляющий в 1847 г., что он никогда не позволит, чтобы исписанный лист бумаги (т. е. конституционный акт) стал между ним и его народом; Меттерних, пишущий о себе самом, что добро победило зло и революционная гидра навсегда уничтожена и что в потомстве достойные люди высоко оценят работу австрийского канцлера; министры Франциска II Неаполитанского, говорящие иностранным посланникам в 1859 г., за несколько месяцев до того, как Гарибальди навсегда выгнал вон из королевства и Франциска, и всех его слуг: «Нужно начинать с давления, чтобы заставить уважать власть» [56],— все эти и им подобные люди отчасти оттого и произносили и делали так много самых жалких нелепостей пред самым концом своей системы, что эта система приучила их смотреть на себя, как на носителей вечного (и чуть ли не предвечного) начала в жизни человеческих обществ. Вся пышная, часто наглая, всегда смешная словесность, пускавшаяся в ход погибавшим абсолютизмом, в очень значительной мере была основана на этой привычке считать себя категорией вечной. И когда темп эволюции ускоряется, абсолютизм в конечном счете вступает в коллизию со всеми классами, которые вообще с исторической эволюцией хотят так или иначе считаться.

Свержение абсолютизма становится очередной задачей всех тех, кто желает получить возможность осмыслить громоздящиеся факты, перевести язык стихии на членораздельную человеческую речь. И все классы, кроме того или тех, которые чувствуют, что историческая эволюция сметает их прочь вместе с их

интересами и былыми выгодами, начинают в такой момент понимать, что абсолютизм превратился в социальное бедствие, от которого необходимо избавиться прежде всего. Если имущие классы приходят к этому заключению не так скоро после пробуждения классового самосознания, как рабочий пролетариат, то абсолютизму от этого не легче: враждебная против абсолютизма коалиция классов все же образуется и решает его судьбу. Во Франции пролетариат достиг известной высоты классового сознания лишь в XIX в., когда абсолютизм уже был низвержен, но уже в эпоху великой революции, еще не вполне осмысливая обособленность своих интересов, он помогал весьма деятельно буржуазии в ее победоносной борьбе; в Германии и Австрии в 1848 г., в России в 1905 г. буржуазия — после долгого периода развития самосознания, рабочий пролетариат — после очень и очень короткого — вступили в коллизию с абсолютизмом и до известного момента, до формальной капитуляции врага, шли вместе. Затем в германских государствах и в Австрии капитуляция фактическая несколько замедлилась и завершилась позже, осложненная внешними войнами, удачными для Пруссии, неудачными для Австрии, но и в том и в другом случае посодействовавшими окончательному упразднению былого абсолютизма в средней Европе. У нас фактическая капитуляция тоже замедлилась и тоже в известной, хотя и более слабой степени по той же причине, как в Пруссии и Австрии в 1848 г.: вследствие опасений и колебаний имущих классов, убоявшихся усиления рабочего пролетариата; были у нас и иные причины, анализ которых был бы тут пока не к месту. Что самое предположение, будто эта фактическая капитуляция может совсем не воспоследовать, есть социологический абсурд, что даже *продолжительность* замедления этой капитуляции у нас ни в каком случае не может быть такой, как в 1849—1859 гг. в средней Европе, и что этому прежде всего противоречит более высокая степень капиталистического развития России — обо всем этом было уже сказано.

У нас, как и везде, классовая борьба приняла форму борьбы политической и направилась против абсолютизма; у нас, как и во Франции, в государствах средней Европы, державах Апеннинского полуострова пред объединением — абсолютизм на добровольное самоустранение не пошел и вызвал революцию. Но нигде абсолютизм не оказал такого отчаянного, яростного сопротивления наступившей на него революции, как у нас. После всего сказанного в предшествующих двух очерках незачем повторять, что эта разница обусловливается вовсе не какими-либо психологическими особенностями нашего абсолютизма сравнительно с абсолютизмом в других странах, а прежде всего неизмеримо лучшей «боевой готовностью», обилием и совершенст-

вом технических средств к самозащите. Нигде и никогда борьба государственно самостоятельного народа против своего правительства до такой степени не напоминала восстания какой-либо покоренной страны против чужеземных завоевателей, как борьба России против абсолютизма.

Но вопрос этот — о средствах абсолютизма к самозащите, вместе с другими связанными с ним вопросами,— уже выходит из рамок настоящей главы.

Глава III

САМОЗАЩИТА АБСОЛЮТИЗМА

1

В предшествующем изложении мы видели, что классовая борьба, переходя неизбежно в борьбу политическую, направляется против абсолютизма, что абсолютизм более всякой иной формы правления способен создать враждебную себе кооперацию классов и довести кризис до революционного взрыва. Мы имели также случай указать, что для абсолютизма в финальный момент его существования особенно характерно стремление перевести дело поскорее на язык пушек и ружей там, где это еще для него возможно. Теперь нам нужно коснуться вопроса о том, каким образом, в конечном счете, пушки и ружья переставали иногда стрелять во врагов абсолютизма и окончательно решали этим его участь.

Австрия — почти, а Пруссия совершенно не знала момента колебания воинской «преданности» престолу в 1848—1849 гг.; в предшествующих очерках мы уже говорили, что страшный удар, понесенный абсолютизмом в 1848 г., повлек за собой его смерть не сразу, а лишь в 60-х годах, причем эта окончательная его гибель была осложнена массой разнородных обстоятельств (прежде всего — внешними войнами). В этих странах переход к конституционализму совершался постепенно, с долгими перерывами, без возобновления революционных вспышек, а не в процессе единой длительной революции, как это происходило в конце XVIII в. во Франции и происходит в настоящее время в России,— и в обеих странах, как в Австрии, так и Пруссии, верность войск абсолютизму не подвергалась мало-мальски длительному искусу. И в Пруссии, и в Австрии революционная вспышка 1848 г. была вне всякого сравнения слабее и мимолетнее, нежели во Франции 1789 г. или России 1905—1906 гг., и хотя эта вспышка ясно показала, что абсолютизм себя изжил, но и Гогенцоллернам, и Габсбургам удовлетворение части

крестьянства, испуг буржуазии пред «красным призраком» и слабость и неорганизованность пролетариата дали отсрочку и передышку, чем обе династии и воспользовались. Ценой отказа от абсолютизма, конечно, тоже не «добровольного», и уже *после* революционных вспышек[1] они не только спасли себя от гибели, но и укрепились на престоле, приспособившись к нуждам развившегося капитализма и его политическим потребностям. Во Франции же и в России революция сразу приняла огромные размеры и уже не прерывалась, пока абсолютизм от себя не отрекся,— во Франции de jure и de facto, в России,— пока только de jure (причем и процесс революционный у нас еще не кончен). Поэтому на истории Франции и России удобнее можно наблюдать, как борется абсолютизм за собственное существование там, где он предоставлен своей участи, где на близкое исчезновение вражеского лагеря надежд основательных у него нет, где революция душит его мертвой хваткой и где ему остается защищаться всеми остающимися в его руках физическими силами.

Весной 1906 г. один французский военный авторитет, пишущий под псевдонимом Bernet в газете «Temps», заявлял, что революция может достигнуть победы лишь там, где армия не против нее, и в этом смысле приписывал победы французской революции чуть ли не больше всего поведению французской армии в ту эпоху, а поражения русской революции в конце 1905 г.— поведению русской армии. Так ли это?

Нет спора, что революционный порыв России в 1905—1906 гг. не был много слабее революционного порыва во Франции в 1789 г.; нет спора, что самое требование уничтожения абсолютизма ставилось перед 1905 г. несравненно отчетливее и решительнее, нежели перед 1789 г., и если фактическая капитуляция абсолютизма во Франции произошла чрез каких-нибудь несколько недель после начала революции, а у нас ее еще не было налицо к собранию II Думы, т. е. спустя два года после начала почти непрерывных кровопролитий,— то, значит, разница обусловлена неодинаковостью сопротивления, встреченного революцией в 1905 и в 1789 гг. В *этом* смысле, в смысле продления или ускорения кризиса, неодинаковое поведение армии в том и другом случае, бесспорно, сыграло решающую роль. Но если мы хоть на минуту припишем армии роль решающего судьи вообще в деле самого исхода революции, роль Иисуса Навина, останавливающего время, поворачивающего историческую эволюцию в другую сторону, тогда мы обнаружим не историческое понимание, а склонность к историческому фетишизму и ту лень мысли, которая заставляет людей прятаться за слова, чтобы не объяснять себе явлений. А именно это и делает Bernet, не доводя до логического конца свои рассуждения.

Почему поведение французской и русской армий в соответственные моменты истории обеих стран было неодинаково? Едва мы зададим себе этот вопрос, как уже сделаем шаг вперед в понимании событий, ибо это понимание всегда будет скрыто от нас за семью печатями, если мы удовольствуемся словами: «армия была за», «армия была против», «армия действовала вяло», «армия действовала лихо» и т. д. Армия в истории нигде не была «беззаконной кометой в кругу расчисленном светил», и ее поведение социологически так же уследимо, как поведение других больших общественных групп. «Cent mille hommes et la loi martiale»,— вот какой рецепт давала Екатерина II для уничтожения французской революции, забывая, что «сто тысяч человек» для подавления революции не выкопаешь в 1791—1792—1793 гг. из-под той самой земли, которая не дала их королю в наиболее нужный для него момент — весной и летом 1789 г., и что «военное положение» может легко прийти в голову, когда сидишь в качестве государыни в Зимнем дворце, а не в качестве пленника в Тюльери или Тампле. Никаких мускулов Алексея Орлова не хватило бы для удушения конвента, и свирепейшие усмирители Пугачева не усмирили бы революцию — вот о чем слишком часто забывали в Петербурге и тогда, и впоследствии.

«Сто тысяч», «военное положение» — вот альфа и омега мудрости абсолютизма в борьбе с революцией, и чуть первых не оказывается, а второе невозможно — так и приходит гибель.

Французский король имел в момент начала революции в своем полном (de jure) распоряжении даже не сто, а полтораста тысяч человек (на бумаге было еще больше — 182 тысячи, но войсковые части никогда не были в законном комплекте); кроме этих 150 тысяч, у короля для несения внутренней службы было 120 тысяч человек провинциальной милиции, т. е. войско, которое было вооружено и обучено хоть и хуже линейных войск, но лучше революционных народных масс. И вся эта сила выдала головой своего повелителя надвинувшейся революции и даже не сделала мало-мальски существенных попыток задержать или отсрочить гибель старого строя. Таков бесспорный факт: революция победила абсолютизм, не наткнувшись ни разу на сопротивление, сколько-нибудь значительное, со стороны вооруженных сил, которыми еще располагал в начале 1789 г. старый режим.

Случилось это прежде всего потому, что армия отражала в себе всю ту глубокую и непримиримую классовую рознь, ту закоренелую ненависть непривилегированных к привилегированным, которая составляла душу революции 1789 г. Для солдат и унтер-офицеров доступ к офицерским чинам был окончательно закрыт еще с 1781 г., когда королевским указом пове-

лено было требовать от всякого аспиранта, желающего попасть в офицеры, прежде всего доказательства, что уже за четыре поколения предки его принадлежали к дворянскому сословию. Этот указ резкой и непроходимой гранью делил армию на две части: привилегированную, которой доставались все почести и материальные выгоды, и непривилегированную, которая должна была подчиняться, терпеть, голодать и холодать, не мечтая даже об улучшении своей участи. Но и привилегированная часть, комплектовавшаяся исключительно из дворянского сословия, была проникнута далеко не однородным настроением. Генералитет и вообще высшие места пополнялись обыкновенно из рядов высшей придворной знати. Эти аристократы в военном деле смыслили в подавляющем большинстве случаев весьма мало, занимались охотой, придворными развлечениями, поездками на потсдамские маневры в Пруссию и на лошадиные скачки в Англию (то и другое требовалось хорошим тоном их круга) и в вверенных им частях появлялись крайне редко, в виде случайных гостей, со своей особой штатской свитой лакеев, дворецких, поваров и т. п.,— появлялись только мимолетно, чтобы снова надолго исчезнуть. Король Людовик XVI пытался бороться с невероятной распущенностью военной золотой молодежи, но и в этом намерении не преуспел. Один из историков французских военных установлений прямо утверждает, что первые посягательства против дисциплины, первые примеры неповиновения изошли именно из этого высшего слоя армии [2]. От начальников систематический абсентеизм переходил и распространялся среди офицерства, не столь щедро взысканного судьбой и составлявшего менее знатную категорию военного дворянства; те, которые имели материальную возможность, также старались при первом удобном случае отлучиться от полка. В подавляющем большинстве офицерские должности покупались (имевшими вышеозначенные генеалогические права) за деньги, причем по стародавнему обычаю, еще со времен Людовика XIV утвердившемуся,— когда правительству нужны были деньги и их неоткуда было непосредственно получить, создавались и в военном (как и в гражданском) ведомстве новые и новые совершенно ненужные должности для продажи. На полтораста тысяч солдат приходилось больше одиннадцати с половиной тысяч офицеров (собственно — 11 672, т. е. по одному офицеру приходилось на каждых 13 солдат) [3]. Офицерская масса завидовала высшей военной аристократии и ненавидела ее за слишком быструю и легкую карьеру, за то, что аристократы никакого дела не делали, в полку не бывали, а между тем заполняли лучшие места, но эти чувства все-таки не могли сблизить офицерскую массу с подчиненной ей непривилегированной частью армии. Унтер-офицеры, навсегда и безнадежно

отделенные от офицеров указом 1781 г., были поставлены в такое положение, что для них мечта об избавлении от жизни впроголодь, мечта о повышении логически должна была сопрягаться с мечтой о крушении всего существовавшего режима, основанного на привилегиях рождения и на неравенстве. А в настоящем жизнь их сулила им мало радости. Капралы, сержанты и сержант-майоры (за вычетом 3—4 должностей в полку) получали от 9 до 14 су в день, тогда как рабочие на фабриках получали тогда нередко 20—25—30 су в день[4]. Работа на них взваливалась тяжелая, уже вследствие систематического безделья среди офицеров, обращение же с ними было немногим лучше, нежели с простыми солдатами. Что касается солдат, то их положение было еще хуже и безнадежнее. Вербовались солдаты отчасти из крестьян, отчасти из отбросов городского населения, которым некуда было деться и которые решили поэтому закабалить себя на восемь лет за 80 франков единовременного вознаграждения при поступлении на службу и за 7—8 су ежедневного жалования. Это была голодная и беспорядочная жизнь, с вечными побоями, ибо телесные наказания составляли душу дисциплины, с постоянным попиранием человеческого достоинства, без всякого просвета в будущем. Для них еще больше, нежели для унтер-офицерского состава, революция явилась избавлением и счастьем. Таков был состав всей французской армии, поделенной классовыми перегородками, разъединенной противоположными интересами. Она решительно не могла стать «опорой трона», когда трон в ней ощутил надобность, но были еще обстоятельства, которые способствовали особенно быстрому разложению этой армии, распадению ее и сведению к нулю ее силы пред лицом надвинувшейся революции.

2

Ибо сказать, что солдаты и унтер-офицеры страдали, а офицеры отличались невежеством и бездельем, друг другу завидовали и высшие из них почти вовсе не бывали в полку и ничего о полку не знали, сказать все это значит указать на коренные причины, способствовавшие беспрепятственной передаче революционного настроения из недр народа в войсковую массу, но вместе с тем нужно кое-что добавить, так как всего этого недостаточно, чтобы объяснить столь *быстрое* разложение армии пред лицом революции, как то, что произошло в 1789 г. Тут действовали и еще чрезвычайно важные причины. Французскому абсолютизму никогда не удавалось сделать то, что долго удавалось делать абсолютизму русскому: прочно загипнотизировать если не всю армию, то хоть избранную часть ее личной близостью к власти, лучшим материальным положением хоть

этой избранной части, сравнительно с состоянием всей народной массы; наконец, и это не менее важно, французский абсолютизм и приблизительно не предвидел своей участи, не взвешивал опасности и не сделал даже попытки на первые же революционные проявления ответить *систематической* вооруженной борьбой, ибо нельзя назвать такой попыткой призыв к оружию 23 июня, сделанный помимо короля и не поддержанный никем. Конечно, он скоро спохватился, но этот первый момент нерешительности окончательно разложил военную силу и уже сделал ее неспособной для той роли, которую двор страстно хотел бы навязать армии ко времени взятия Бастилии и после этого события. Разумеется, если бы в июне и июле 1789 г. какой-нибудь еще оставшийся за правительством полк и стрелял бы даже усиленно в народ, абсолютизм все равно спасен бы не был, но армия в его руках вероятно еще на некоторое время осталась бы, как об этом справедливо писали некоторые наблюдатели. Ибо в революционную эпоху армия должна без перерыва убивать революционеров, чтобы самой не перейти к революции: средины тут нет и быть не может. Только обособляя армию от нации активной вооруженной борьбой, только отъединяя войско в военный лагерь, стоящий среди чужой враждебной страны, только оглушая солдат пушками, из которых им же самим приказывают стрелять, правительство, застигнутое революцией и не желающее сразу сдаваться, может (на коротенький, правда, исторический миг) отсрочить свою гибель. Французский абсолютизм, подобно русскому, желал оружием себя спасти, когда понял, что дело идет о его жизни и смерти, но в то время как русский был *подготовлен к решимости* в деле самообороны всей долгой предшествовавшей борьбой, абсолютизм французский все еще вплоть до взятия Бастилии ясно *не понимал,* что вокруг него творится, и не решался, а когда сообразил и решился, то армии у него уже не было — она, и без того враждебная старому строю, растаяла в момент колебаний. И пришлось ограничиваться скрежетом зубовным, собиранием волонтеров-эмигрантов в Кобленце, мольбой о присылке армий чужих, иностранных, ибо своей уже не существовало. Русский абсолютизм, собственно, ни одной минуты не колебался, но он попытался только осенью 1905 г. несколько меньше стрелять, нежели это необходимо для удержания (хотя бы на время) за собой стреляющих,— и по всей России прокатилась небывалая волна военных бунтов. Но когда абсолютизм с декабря 1905 г. стал усиленно вознаграждать себя за момент воздержания, бунты эти прекратились и начавшееся было разложение армии приостановилось, чтобы возобновиться в мае 1906 г., когда стрельбы стало чуть-чуть меньше, нежели было в декабре, январе и феврале. Эта необходимость стрельбы для

абсолютизма погибающего есть необходимость не «стратегическая», а социологическая. *Нужно* стрелять в людей, в пень, в карету Красного креста, в типографию Сытина, во что угодно, но только стрелять не переставая, ибо процесс стрельбы тут важнее, нежели ее непосредственные «стратегические» результаты. Думать, что армия, которая хоть на минуту в революционную эпоху перестанет себя чувствовать военным лагерем среди завоеванной страны, что такая армия останется спокойной и далекой от брожения, есть, конечно, утопия. Еще бóльшая утопия, однако, думать, что если революционный кризис затягивается на годы, то и армию можно годами держать на положении враждебного лагеря. Тут дело именно только в отсрочке, в замедлении процесса разложения военной силы абсолютизма, а не в том, что этот процесс à la longue может быть избегнут. Французская армия и, в частности, гвардия были совершенно чужды королю[5] и королевской семье, внимания на них со стороны абсолютизма не обращалось никакого, и вообще не делалось ровно ничего для создания из армии или хотя бы из гвардии обособленной и расположенной к монарху общественной группы. Мы рекомендуем всякому, интересующемуся психологией абсолютизма, готовящегося к самозащите, постоянно думающего о самозащите, почитать внимательно хотя бы «Русскую старину», «Русский архив» и обратить внимание на литературу воспоминаний генералов и адмиралов наших, как бы эти адмиралы и генералы сами по себе незначительны ни были, и пусть при этом читатель не ограничивается улыбкой и иронией, читая о сердечных любезностях к пажам, юнкерам, «фельдфебелям» военно-учебных заведений — о внимании и участии Олимпа к мелочам полкового быта, о дружеском, теплом тоне отношений Олимпа к приближенному офицерству, о демонстративной любви к тому или иному мундиру, об аффектированной близости и фамильярности Олимпа к гвардейцам — словом, о всем том комплекте чувств, который герценовский доктор Крупов назвал «марсоманией». «Rira bien qui rira le dernier»,— может сказать абсолютизм всем, кто будет смотреть на всю эту проделанную им в XIX в. работу в армии только как на нечто курьезное, заслуживающее оценки с точки зрения юмористической. И *пока* «смех» остался еще не за его врагами, хотя, может быть, нужна склонность к оптимизму слуг абсолютизма, чтобы верить в долговечность этого «пока».

Всех этих ласк, ухаживаний, привлечений, очарований и обольщений не знала ни армия, ни гвардия Бурбонов, и все по той же причине: французская династия понятия не имела об опасности, над ней висевшей, а абсолютизм русский получил 14 декабря 1825 г. такой предостерегающий окрик (и как раз из военной среды), что он даже в самые блаженные вре-

мена уже *никогда* не забывал о необходимости обеспечить за собой достодолжную силу на всякий случай.

Итак, отсутствие моральной и материальной заинтересованности хотя бы части армии в продолжении существования абсолютизма, отсутствие связи и близости между гвардией и королевской семьей уже само по себе необычайно затруднило бы все попытки высшего военного начальства заставить солдат оказать в столице и в Версале энергичное сопротивление толпе. Вышеотмеченная классовая рознь и ненависть непривилегированных к привилегированным, царившие в армии, ничем, таким образом, не умерялись и не смягчались даже в самом важном для правительства разряде войск — в гвардии, стоявшей в столице и Версале. Растерянность же и нерешительность абсолютизма в начале революции окончательно потрясли дисциплину и ускорили переход войск на сторону восставшего народа. Отметим тут в нескольких словах главные моменты, когда этот гибельный для абсолютизма процесс в войсках проявился.

Еще не задолго до открытия Генеральных штатов в Париже, где тогда в общем на улицах еще было сравнительно спокойно, обратил на себя внимание следующий случай. Рабочие Сент-Антуанского предместья, обманутые слухом, будто фабрикант Ревельон сказал, что рабочим достаточно жить на 15 су в день, напали на его дом и разграбили его. К концу действия подоспели войска и перестреляли очень многих из нападавших. Дано было несколько залпов, среди пострадавших были и женщины. Эпизод был скоро забыт, потому что открытие Генеральных штатов и начавшаяся борьба буржуазии со старым строем заслонили собой совершенно одинокий случай проявления пролетарского раздражения против одного из представителей той же буржуазии, героини исторического момента. Но для изучения настроения войск этот эпизод интересен: он показывает, что войска пред самым началом революции без всяких колебаний стреляли в рабочих. Их жертвы, убитые у дома Ревельона, являлись для них, несомненно, грабителями и только. Во всяком случае, если мы примем во внимание, что у самих рабочих в 1789 г. классового самосознания вовсе не было в сколько-нибудь определенной форме и что громадное большинство нации считало своими смертельными врагами именно «привилегированных», «аристократов» и высшее духовенство, то не будем удивляться, что люди, спокойно расстреливавшие себе подобных 27 апреля в Сент-Антуанском предместье, не выказали никакой склонности противодействовать тем же парижским рабочим, когда те вместе с людьми других слоев брали спустя одиннадцать недель Бастилию. Случай с домом Ревельона особенно оттеняет поэтому дальнейшее поведение войск. Характерно, что

среди слухов, ходивших в Париже по поводу этого инцидента, была и такая версия: правительство будто бы нарочно позволило грабежу начаться и развиваться, чтобы «показать пример» и на кровавом усмирении дать упражнение войскам, т. е., с одной стороны, испугать оппозицию перспективой беспорядков, а с другой, испытать верность солдат. Если бы подобная мысль и была у придворных кругов, то поведение войск пред домом Ревельона ничего им не дало для понимания ближайшего будущего.

В первый раз революция и армия стали лицом к лицу 20 июня 1789 г., когда члены третьего сословия во главе с Бальи нашли запертой залу заседаний в версальском дворце, а перед дверьми гвардейцев. Офицер почтительно отнесся к пришедшим, хотя в залу и не пустил, Бальи упросил депутатов силой не врываться и уйти вместе с ним в зал для игры в мяч, а офицер снискал себе даже похвалу за сдержанность своего поведения. Когда раздались голоса наиболее крайне настроенных, что нужно идти пешком в Париж и там возобновить заседание, то большинство отказалось от этого плана, потому что по дороге опасались встречи с вооруженной силой. И знаменитая клятва состоялась в Версале, в зале Jeu de paume. Это все показывает ясно, что еще насчет армии никто толком не знал, как она себя поведет, не окажется ли исправным и послушным орудием в руках двора. День 20 июня, таким образом, еще ничего не показал обеим враждующим сторонам. Но через три дня, 23-го, после знаменитого королевского заседания, когда по уходе короля, дворянства и духовенства третье сословие осталось, а церемониймейстер Дре-Брезэ предложил оставшимся покинуть зал, наступил один из решающих моментов борьбы: депутаты отказались исполнить требование, а «штыки», силе которых только они и уступили бы, не явились. Двор не решился пустить в ход насилие, а спустя несколько часов уже наткнулся на неповиновение. Когда вечером толпа раздраженного народа, узнав о поведении короля и двора, окружила дворец, то в 11 часов вечера было решено пустить в ход оружие, но гвардейцы отказались исполнить приказание. Пред нами лежат документы и летучие листки, прямо относящиеся к этому поступку солдат: эти сырые материалы лучше всяких историков говорят о смысле происшествий. «Вся толпа,— читаем мы в одном из сейчас же вышедших после 23 июня памфлетов [6],— вся толпа помчалась к дворцу и окружила его: кричали, угрожали, наконец, в 11 часов вечера показались принцы и закричали команду к оружию, но... (многоточие в подлиннике — *Е. Т.*) французские гвардейцы не могли забыться, они почувствовали, что они французы и что они не должны бесчеловечно проливать кровь своих братьев и своих отцов...

Ах, благородные и храбрые солдаты, какой прекрасный поступок вы совершили... Этот один день принесет вам больше славы и чести, чем самая лучшая победа, какую только вы могли бы одержать над врагами... *Мы вам обязаны спасением Франции...*» Указывая далее, что на другой же день король уступил всем требованиям собрания и что привилегированные стали «кротки, как барашек», автор памфлета говорит: «О, храбрые и славные солдаты!.. этот момент, столь желанный, есть ваше дело!». Снова и снова он повторяет эту благодарность, распространяя ее и на провинциальные части армии: «Я не перестану повторять, что мы обязаны всем войскам королевства, раскинутым во всех провинциях, войскам, которые, не сговариваясь [7], единодушно проявили те же чувства и выказали на пользу отечества ту же храбрость и ту же преданность». Автор с горячим чувством настаивает, что гвардейцы своим поведением избавили страну от страшнейшей междоусобной войны. Ни одна история революции, начиная со старых Луи-Блана, Минье и Тьера и кончая новыми Оларом и Жоресом, не может дать такое ясное представление о том восторге, какой пробудило в оппозиции поведение войск в эти первые решающие мгновения великого кризиса. Нужно было жить и писать в 1789 г., чтобы так выразить свое счастье, как автор цитированного памфлета. Историки слишком много писали о словах Мирабо «allez dire à votre maître etc.», но слишком мало о том обстоятельстве, которое сделало эти слова для двора не смешными, а страшными: о поведении гвардейцев. А современники яснее чувствовали, в чем истинное значение рокового для старого режима дня 23 июня. Вот другое изъявление благодарности гвардейцам [8]: «Осмеливались надеяться, что французский солдат забудется до того, что обратит свое оружие против отечества. Все граждане были погружены в ужасающее оцепенение... Деспотизм уже подал сигнал к резне. Желали, чтобы вы стали орудиями его ярости и чтобы вы вонзили кинжал в грудь ваших братьев и представителей славной нации. Эти кровавые приказания возмутили нас. Вы оказали им благородное сопротивление, которое восстановило порядок и породило надежду на более счастливое будущее». Дальше идет знаменательнейшая фраза: «Вы ниспровергли преступные заговоры министров тирании, вы заставили их дрожать, вы потрясли их наглую гордость, и то, чего не могли получить от этих извращенных сердец ни сила разума, ни всемогущий голос природы и философии, то произвели ваша храбрость и ваш патриотизм. Вы вернули народу его права. Вы спасли Францию... Ни столь прославленные римские солдаты, ни даже те, которые помогли Александру покорить Азию, не представили равного тому героическому поступку, который вы только что совершили, когда, тронутые нашими несчастьями,

вы отказались предоставить ваши руки в распоряжение тирании... О, солдаты-граждане! благодарность, которой вам обязаны, вечно будет жить в сердцах французов». На это письмо последовал ответ гренадера гвардии следующего содержания: «Когда французская гвардия и швейцарская гвардия отказались повиноваться кровавым приказаниям, они советовались только с голосом чести. Вся французская армия была бы одушевлена тем же самым чувством. Я не боюсь поклясться от ее имени, что каждый воин готов пролить свою кровь до последней капли в защиту короля и отечества, но что он никогда не поднимет оружия для поддержки надменной аристократии и проклятого угнетения, которое она применяет к наиболее многочисленной части самой несчастной и самой добродетельной нации». Тут одинаково ярко сказывается и дружелюбное к народу настроение солдат, и то нежелание (характерное для первых лет революции) смешивать короля с остальным «старым строем», о котором у нас шла речь в предшествующих очерках. Те же чувства проникают и другие солдатские отклики по поводу 23 июня. Вот что, *по уполномочию всех своих товарищей,* пишет другой гренадер своему полковнику герцогу дю Шатле[9]: «Мои храбрые товарищи и я — мы далеки были от мысли, что нам придется оправдываться в своем поведении. На нас клевещут, к нам относятся, как к бунтовщикам, нам даже угрожают; но люди, руководимые честью и любовью к своим братьям, мало боятся несправедливой власти и предпочитают самое суровое обхождение позору и низости вооруженной борьбы против своей собственной семьи. Да, г-н герцог, какие бы подлые и корыстные мотивы за нами не предполагались, мне поручено всеми моими товарищами уверить вас, что всякий раз, как вы прикажете нам быть преступниками, вы найдете нас непослушными. Умереть за нашего короля и отечество — вот наш долг, другого мы не знаем, и звание французского гвардейца не налагает на нас необходимости обагрять руки в крови сограждан по малейшему сигналу тиранов, которые окружают наилучшего и добрейшего из королей; военная субординация, которую вы нам справедливо проповедуете, не может принуждать нас к братоубийству, и наше неповиновение не только далеко не есть преступление, но покрывает нас честью, а на вас ложится укором. И как, г-н полковник, осмелились вы требовать от нас страшной клятвы резать тех, которые платят нам, чтоб мы их защищали? Если бы мы на вас походили, если бы убийство не стоило нам больше, нежели вам, то мы ответили бы на это ужасное предложение не молчанием нашим, а тем, что расстреляли бы вас. Неужели вы воображаете, приказывая нам убивать, что ваша жизнь будет для нас более священна, чем жизнь наших сограждан? Чтобы мы уби-

вали тех, кто поливает своим потом хлеб, который мы едим! Тех, кто поддерживает наше существование затем, чтобы мы их защищали!» Дальше идут горькие жалобы на солдатскую жизнь, подтверждающие то, что сказано было выше: что французский абсолютизм, гораздо менее предусмотрительный, нежели русский, не позаботился даже сделать жизнь хотя бы одних гвардейцев мало-мальски сносной — и этим не обеспечил за собой той небольшой, исторически неважной, но для самого абсолютизма весьма существенной отсрочки, которая обеспечивается за всяким падающим строем, если армия не сразу его покидает. Солдат, пишущий к герцогу, сам сознается, что уклоняется от предмета [10], но «негодование внушает ему» эти жалобы. «Вы обходитесь с храбрыми молодцами, как с американскими неграми, но эти несчастные — рабы, а мы свободны. Вы бьете людей, которые вам братья, равны вам, часто превосходят вас храбростью и которые избавились бы от этой обиды, если б они не рисковали быть повешенными, меряясь с вами». Далее указывается, что полковник выгнал со службы старого сержанта, прослужившего 30 лет, за то, что тот «отказался быть убийцей» (еще до 23 июня, по другому поводу, но на что намекает тут письмо, сказать трудно). Вся корпорация сержантов обложила себя взносами, чтобы старик не остался без куска хлеба, это известие иллюстрирует то, что выше было сказано о настроении унтер-офицерства. «Если вы осмелитесь нас наказать,— продолжает письмо,— то это наказание не запятнает людей, которым рукоплещет нация, и эти рукоплескания наших сограждан более лестны для нас, нежели все награды, которые вы бы нам дали за стрельбу по согражданам. Вы нам также грозите гневом нашего короля, но разве он не лучший из отцов? Вы его представляете таким же злым, как вы сами, но мы вам не верим. О, г-н герцог, если бы какой-нибудь отец приказал одним своим детям зарезать их безоружных и беззащитных братьев и если бы его дети отказались повиноваться столь варварскому приказу, то разве были бы они преступниками, были бы они бунтовщиками, если вместо взаимного избиения они бы все пришли и бросились к ногам их общего отца и сказали бы ему: «Не делайте нас палачами тех, кого долг и сама природа заставляет нас любить и защищать! Если мы сегодня вас послушаемся, то завтра вы с основанием будете бояться за себя самого, ибо дурной брат не может быть хорошим сыном».

В еще более энергичных, часто бранных, выражениях составлена была резолюция гвардейцев на другой день после памятных событий, т. е. 24 июня 1789 г. Эта резолюция, *единогласно* принятая на собрании в кордегардии первой роты, также сохранилась в Национальной библиотеке [11]. В этой

резолюции, между прочим, читаем: «...мы клянемся и обещаем отечеству не повиноваться никакому приказу, все равно от кого бы он ни исходил и кем бы он ни был нам дан, который клонился бы к тому, чтобы лишить нашего доброго короля хоть единого из его верноподданных, в случае же, если бы нам приказали стрелять в народ, nom d'un diable! мы клянемся бросить на землю наше оружие и затем отдаться под покровительство г-на Неккера, который никогда не потерпит, чтобы храбрые солдаты сражались против своих отцов, братьев и друзей». Резолюция дальше бранит дурных советников короля, клянется, что ничего не предпримет против дворца, где заседает Национальное собрание, «на которое мы смотрим... как на отцов отечества, как на друзей третьего сословия», наконец, заявляется в конце, что «изменник чести, изменник гвардейскому полку и неспособен служить в королевских войсках тот солдат этого полка, который откажется подписать настоящее постановление или который, подписывая его, не выпьет за здоровье короля, Неккера и Генеральных штатов».

Ясно было, что для абсолютизма эти солдаты потеряны. 25 июня в Париже 3 тысячами солдат была произнесена клятва «защищать отечество, свободу, государя, обойденного маленькой кучкой злодеев, защищать против всяких насилий сограждан вообще и каждого из членов Национального собрания в особенности и не потерпеть, чтобы кто-либо из них, солдат, был арестован или наказан за этот патриотический акт»[12]. Новые взрывы восторга приветствовали это известие, открывавшее пред революцией грандиозные и светлые перспективы. Но тут же разнеслось известие, что двор сначала колебался: не призвать ли на помощь другие войска для усмирения войск ненадежных, или лучше воздержаться от насильственных действий. Возобладало последнее мнение. На самом деле король и Неккер были решительно против кровопролития, а принцы и королева, настроенные гораздо более агрессивно, тоже не могли чувствовать особенной самоуверенности после поведения солдат 23—24—25 июня, хотя все-таки значительная часть двора склонялась к крутым мерам. Эти колебания окончательно убили в армии всякую мысль о возможности в близком будущем каких бы то ни было решительных столкновений с революцией, и новое течение, обнаружившееся в гвардии, распространялось все шире и шире. Каждый день колебаний уменьшал число еще верных абсолютизму солдат.

3

Революционно настроенные люди после событий 23 июня взялись за активную пропаганду в войсках, стоявших в Париже. Все поведение двора говорило о том, что борьба не кончена,

а может быть, только еще начинается; обеспечить за собой армию, увериться в ней окончательно являлось весьма серьезной заботой для оппозиции. «Солдат водили в сад Пале-Рояля, место наиболее многочисленных собраний и пункт, где сходились крупнейшие агитаторы, и здесь их осыпали ласками и подарками, спрашивали у них, будут ли они иметь несчастное мужество омочить свои руки в крови сограждан, друзей, братьев. Солдаты, растроганные, отвечали криками: да здравствует нация, да здравствуют парижане! — и возвращались в свой полк, чтобы приобрести новых сторонников народного дела» [13]. В это же время и в памфлетной литературе, читавшейся нарасхват, указывалось на все ужасы солдатской жизни, на розги, палки, всевозможные издевательства и притеснения офицеров и т. д. «Не принадлежим ли и мы (солдаты — *Е. Т.*) к тому третьему сословию, которое унижают, оскорбляют и которое дворяне хотели бы теперь раздавить?» — спрашивает в одном таком памфлете один старый ветеран [14]. Распространялся листок с выгравированной частью резолюции гвардейцев, стоявших в Париже [15]: «Мы — рабы чести и родины, наша клятва связывала нас с корпорацией, которую мы составляем. Но злоупотребление властью, которую над нами имели, только что нас освободило. Никогда мы не поверим, что мы можем лучше доказать повиновение нашему доброму королю, как объявив себя солдатами нации. Это — имя, которое мы просим, чтобы нам дали, хотя оно немного и отличается от того имени, которое мы носим. Кроме того, мы требуем смягчения военной дисциплины, уничтожения наказания сабельными ударами плашмя, увеличения жалованья, чтобы оно равнялось жалованью иностранных полков [16] и чтобы повышения давались по заслугам и по старшинству лет, а не по благоволению».

Парижане во французских гвардейцах были более или менее уверены, они больше боялись тех полков «швейцарских гвардейцев» и «королевско-немецкого полка», которые были дальше от народа и среди которых дисциплина была гораздо тверже. Кроме того, носились беспокойные слухи, что двор стягивает войска из провинции к Парижу. Убрать из Парижа войска — стало лозунгом дня в последних числах июня. Сообразно с общим тоном этих дней, с просьбой об удалении войск обращались самым умильным и верноподданическим образом к королю. «О наилучший король! — восклицает автор типичнейшего летучего листка, по этому поводу появившегося [17], — ты царствуешь над народом, которого верность к своим королям есть излюбленное право, а ты хочешь его раздавить под своим железным скипетром. По твоему приказу вооруженные братья двигаются против своих братьев, мирных и спокойных вследствие веры в твои обещания. Если твои наме-

рения хороши, если они дышат соглашением, то нужны ли военные приготовления, чтобы заставить их одобрить? Если же они деспотичны и враждебны счастью людей, *то что сделает неуверенное мужество и нерешительная храбрость твоих недовольных солдат* против ярости и отчаяния двадцати трех миллионов твоих подданных?»

Как раз в эти дни общее внимание было с особенной силой приковано к вопросу об отношениях между войсками и народом следующим фактом. В своих метаниях и колебаниях двор делал одну непоследовательность за другой. Не решившись ни настоять на своем призыве к оружию вечером 23 июня, ни начать систематическое преследование солдат и розыск по поводу их собраний и резолюций в ближайшие дни, военное начальство сочло необходимым вдруг арестовать несколько солдат за неповиновение властям (все по поводу отказа пустить в ход оружие 23 июня) и засадить их в военную тюрьму в Сен-Жерменском аббатстве. Приказ был отдан все тем же ненавистным для гвардии полковником герцогом дю Шатле, письмо к которому мы приводили выше. Во вторник, 30 июня, в 6 часов вечера, толпе, собравшейся по обыкновению в Пале-Рояле, где ежедневно происходили огромные сборища, было сообщено, что одиннадцать гвардейцев сидят в тюрьме за то, что не стреляли в народ, и что их ждет смертная казнь. Эти слова страшно взволновали народную массу, и толпа ринулась к Сен-Жерменскому аббатству. С яростными криками, быстро увеличиваясь в числе, толпа, достигнув аббатства, взломала ворота и освободила всех арестованных, которых с триумфом и радостными криками понесла в Пале-Рояль. Уже когда они шли из тюрьмы, навстречу прискакал отряд драгун, вызванный часовым, который помчался за помощью еще при начале атаки. Отряд скакал галопом, с обнаженными саблями, но толпа (ее было по описанию очевидца около 10 тысяч) яростно угрожала их истребить всех, если они не вложат сабли в ножны [18]. Впрочем, драгуны и сами стали дружелюбно снимать свои каски, появилось вино, и драгуны вместе с толпой «выпили за здоровье короля и нации» [19]. Экспедиция вся продолжалась около полутора часов и не стоила ни капли крови.

Отношение к королю, отделение короля от двора, идеализация короля — вот почва, на которой революционная толпа ближе всего сходилась с солдатами. Вот освобожденные гвардейцы и торжествующая масса их освободителей в Пале-Рояле. Какие же речи там произносятся наряду с предложениями самого бурного характера?.. «Броситься толпой к подножью трона, умолять короля о милосердии к освобожденным гвардейцам...» [20] В конце концов решено было выбрать из числа собравшихся 20 депутатов и отправить их в Версаль, чтобы

они обратились к Национальному собранию с ходатайством об участи освобожденных гвардейцев. Чувствовалась необходимость легализовать положение этих солдат. Депутация отправилась в ту же ночь, а рано утром уже представила петицию. В этой петиции депутация просит о справедливости, которую и надеется получить «от доброты благодетельного монарха, намерения которого столь чисты и столь известны, и от энергии представителей французской нации».

Характернейшее место петиции, по нашему мнению, составляют следующие слова: «Еще вспоминается с тревогой и умилением ужасная сцена 23 июня: быть может, покончено было бы с французской свободой (il en était fait peut-être de la liberté française), если бы благородные воины, которых осмелились призвать на помощь против их соотечественников, не отказались обагрить народной кровью оружие, которое они должны пускать в ход *только против врагов отечества*». Собрание после долгих прений постановило, выразив скорбь по поводу беспорядков [21], происшедших в Париже, просить обывателей столицы немедленно успокоиться, а к королю отправить делегацию, чтобы «умолять его во имя восстановления порядка пустить в ход непогрешимые средства милосердия и доброты, столь свойственные его сердцу, а также доверие, которое его добрый народ всегда заслужит». Неккер отнесся к ходатайству с полнейшим благоволением. Он даже пригласил к себе депутацию, прибывшую от палерояльского собрания, и заявил им (в большинстве это были совсем молодые люди) следующее [22]: «Есть, господа, возраст драгоценный, любящий добродетель,— это ваш возраст, и я с удовольствием взираю на поступок, который он вам внушил». Что касается до короля, принявшего уполномоченных от Национального собрания, то Людовик XVI, только что находивший мудрым не противиться решению полковника дю Шатле, тотчас же нашел мудрым и то, что говорила ему депутация собрания.

«Ваше постановление весьма мудро,— заявил его величество,— я очень доволен, что знаю желания собрания, и всякий раз, как нация мне доверится, я надеюсь, что все пойдет хорошо; я сообщу о своих окончательных намерениях». 2 июля король прислал собранию извещение, в котором сначала высказывает полное порицание толпе, взломавшей тюрьму, а затем говорит: «Однако в этом случае, когда порядок восстановится, я уступлю чувству доброты и надеюсь, что мне не придется упрекать себя из-за моего милосердия». Письмо кончалось указанием на дурные стороны беспорядка и распущенности. После этого уклончивого ответа освобожденные гвардейцы еще прожили два дня в Пале-Рояле, где никто из властей не делал попытки их тревожить. Дело стояло так, что требо-

валось, чтобы солдаты сами вернулись в тюрьму: это и было бы «восстановлением порядка», о котором говорил король как о предварительном условии для проявления своей милости. Члены избирательной коллегии г. Парижа (со времени выборов в Генеральные штаты они остались как очень влиятельная и продолжавшая собираться коллегия) взяли на себя дальнейшие ходатайства, но 4 июля вечером гвардейцы сами ушли из Пале-Рояля и явились в свою тюрьму, отдаваясь на милость короля, а 6 июля им было объявлено полное королевское помилование. Сейчас же появился в печати листок с благодарностью гвардейцев, адресованной королю. «О, великодушный и благородный государь! — читаем мы там [23],— вы, кого обожает Франция, вы, желающий только счастья ваших народов и любви подданных!.. Великий король, как могли мы уклониться от ваших справедливых законов и нарушить воинскую дисциплину!.. Если сердце наше могло ввести нас в неповиновение относительно вас, то не потому, чтобы мы пошли за другими знаменами,— все наше намерение заключалось лишь в том, чтобы служить нации и вместе с тем нашему королю! Наше сердце естественно отказалось поднять оружие для убийства наших братьев, а ваших детей, и мы не можем поверить, чтобы такой приказ мог быть дан королем таким нежным, таким добрым, показывающим одно только желание делать добро!» Далее говорится, что «мы готовы пролить всю нашу кровь за трон и отечество» и что они дают «нерушимую клятву никогда не забывать того, чем обязаны августейшему монарху». Сент-Юрсэн, член делегации, хлопотавшей 1 июля в Версале о гвардейцах, накануне освобожденных, говорит с неудовольствием [24] о каком-то листке, выпущенном аристократией от имени гвардейцев, и именно недоволен по поводу слишком «напыщенных» выражений. Имеет-ли он в виду только что цитированный нами листок, единственный подобного содержания, сохранившийся в Национальной библиотеке, или какой-нибудь другой? Во всяком случае выражения самого Сент-Юрсэна немногим отличаются от «напыщенных» слов, написанных гвардейцами или от имени гвардейцев. «Обожаемый монарх», «le monarque adoré», «отеческая доброта» короля и т. д., и т. д. попадаются у этого человека, бесспорно революционно настроенного, чуть не на каждой странице. В том-то отчасти и был секрет отношений между войском и революционной массой в начале революции, что революционеры в массе искренно верили в то, во что верили войска: что борьба идет не против короля, а против общих — его и нации — врагов; это выдергивало из-под старого режима единственное подобие моральной силы, на которую он мог бы ещё некоторое время опереться в кругах солдат, и это ускоряло и страшно облегчало дело его разрушения.

4

История с освобождением и прощением заключенных гвардейцев нанесла новый тяжкий удар дисциплине в войсках. Смятение и колебания, борьба взглядов и планов, царившая при дворе, сказались с необычайной яркостью на всех перипетиях этого инцидента. Вместе с тем революционная мысль в Париже достигла 30 июня 1789 г. того, к чему стремилась революционная мысль в Петербурге в ноябре 1905 г., выдвигая, в качестве одного из мотивов ко второй забастовке, требование отмены полевого суда над кронштадтскими матросами. Связать общей порукой, сознанием дружбы и солидарности, взаимной помощью народ и вооруженные силы страны, такая задача рано или поздно становится пред революционным сознанием масс и разрешается с большими или меньшими трудностями, но при затяжной революции не может не разрешиться в пользу народа. Ибо сделать армию *совсем* чужой нации, мыслить ее вне времени и пространства может только та институтская наивность, сопряженная с глубочайшим невежеством, которая гнездится часто под наиболее расшитыми вицмундирами. К счастью для французской революции, подобные надежды полковника дю Шатле и ему подобных оказались несостоятельными сразу же, в первые моменты столкновений между народом и солдатами. Дальше предстояли в этом смысле новые разочарования.

Командующий войсками маршал герцог Брольи пробовал принимать меры против все усиливающегося общения между армией и народом, но ничего из этого не вышло. Вот голос жизни, доносящийся до нас из летучего листка [25], помеченного 13 июля, т. е., значит, речь идет о тех критических двух неделях, которые отделяют описанное нами освобождение гвардейцев (30 июня) от взятия Бастилии (14 июля). Маршал, говорит листок, решил стрелять в общественное мнение из пушек. Он боится, чтобы солдаты с этим общественным мнением не сошлись. И так как г. маршал близорук, то он подумал, что чудеса произведет, запрещая храбрецам, которые находятся под его начальством, всякое сообщение с публикой. Это все равно, как Арлекин держал Коломбину запертой на чердаке, чтобы отнять у нее желание смотреть на улицу. В пятницу несколько солдат королевского артиллерийского корпуса, которым надоел режим, установленный г. генералиссимусом, весело перепрыгнули чрез стены дома инвалидов и пришли погулять в Пале-Рояль. Там они были приняты гражданами с распростертыми объятиями. Солдаты разных полков присоединились к ним. Видели там соединенными артиллерию, инфантерию, кавалерию, французских гвардейцев, драгун. Публика предложила

им прохладительные напитки. Они пили за здоровье короля и Национального собрания... Они повторили пред публикой обещание никогда не поднимать оружия против отечества — обещание, пример которого первые имели случай представить гвардейцы. В том же духе высказались и бывшие здесь сержанты артиллерии. А что сказал на это генералиссимус? Он держал совет со своим духовником. А что решил духовник? Что нужно отослать этот полк и выписать сюда другой. Бедный человек! Позавчера 40 человек вентимильского (вновь выписанного) полка, несколько драгун и других солдат, все перемешанные с французскими гвардейцами, явились также в Пале-Рояль для ознаменования своего патриотического появления. Они были приняты там так, как накануне их товарищи, они пошли танцевать в Елисейские Поля, как накануне их товарищи. А духовник? Он говорил те же глупости, что говорил накануне. А генералиссимус? *Он их слушал, как слушал* их накануне. Бедный человек!

Этот «бедный человек», маршал Брольи, в эти же дни, когда всенародно осмеивали его бессилие в борьбе с духом времени, заявлял в письме к принцу Конде, что «пушечный залп или ружейная стрельба быстро рассеяли бы этих аргументаторов и восстановили бы исчезающую абсолютную власть». Двор, руководимый королевой, принцами, бароном Бретейлем, очень полагался на этого Брольи: после всех своих колебаний, отчасти происходивших от неуверенности в войсках, отчасти от нерешительности короля, отчасти от не сразу пришедшего сознания опасности,— после всех этих колебаний, в свою очередь, как уже было сказано, окончательно подкапывавших «надежность» войск, абсолютизм решил, наконец, сделать попытку вооруженной борьбы. У абсолютизма были еще полки (gardes suisses, Royal-allemand и др.), на которые он сильно надеялся, наконец и истинных размеров революционизации даже самых «подозрительных» полков никто не мог знать в точности. В Париж с первых же дней июля стягивались непрерывно новые и новые полки. Аристократия уже наперед вслух торжествовала победу над «дерзкими» и «злодеями», которые не переставали в последние два месяца, с самого открытия Генеральных штатов, смущать ее покой. В прямолинейном скудоумии своем двор одинаково лютой ненавистью ненавидел и ораторов Пале-Рояля, и Мирабо, и министра Неккера, и всем им грозил ссылкой, Бастилией, виселицей, хотя буржуазия во главе с Мирабо уже усиленно открещивалась от всевозможных «мятежных» планов и «мятежников», которые бы вздумали помогать собранию, хотя собрание не жалело самых низкопоклонных фраз и формул, чтобы польстить королю и войти с ним в соглашение. Абсолютистская организация очень хорошо знала, что *с ней*

соглашения не будет, аристократия знала то же самое. Они желали теперь, в начале июля, пустить в ход еще оставшееся, по-видимому, в их распоряжении орудие насилия, не видя, что оно плохо было еще до начала кризиса и совсем надломилось в эти месяцы растерянности и нерешительности.

12 июля в Париже с быстротой молнии разносится слух об отставке Неккера. В этот же день произошли кровавые столкновения. Печать неуверенности в себе лежит на всех распоряжениях военной власти начиная с этого дня. Из Пале-Рояля идет процессия во главе с молодым человеком, несущим бюст. Войска на Вандомской площади преграждают дорогу. Раздается с их стороны выстрел, молодой человек убит, но бюст Неккера подхвачен и толпа идет дальше, а войскам приказано отступать уже не стреляя. Тогда толпа смешивается с войсками, очищающими ей путь, в одну беспорядочную массу. У сада Тюльери отряд королевско-немецкого полка под начальством князя Ламбеска оттеснил толпу, причем многие пострадали от давки, а затем стреляли из пистолетов и пустили в ход сабли, расчищая себе путь. Толпа отвечала камнями, бутылками, стульями, взятыми в саду. Число пострадавших, конечно, было шуточным, сравнительно с кровавыми банями, которыми в таком изобилии ознаменована, например, русская революция, но от непривычки столкновение с Ламбеском выросло в народном воображении в нечто неслыханное, а самого Ламбеска печатно сравнивали с Нероном [26]. Вскоре после этого, к вечеру того же дня, случилось событие весьма серьезное: отряд французских гвардейцев во главе с капралом напал на деташемент королевско-немецкого полка, стоявший в Монморанси, и заставил его уйти. Это был уже открытый переход части гвардии на сторону революции, переход не пассивный, но активный. На другой день войскам, занимавшим площадь близ Тюльери, вдруг было приказано отступить. Колебания военного начальства происходили не только вследствие неуверенности в солдатах, но и по причине полного отсутствия сколько-нибудь ясно выработанного плана действий. Народ уже разобрал все оружейные склады, какие мог, часть войск явно была на стороне инсургентов, а комендант Бастилии Делонэ писал в Версаль, что он вовсе не берет на себя ответственности за целость крепости. У него в распоряжении против огромного восставшего и вооружившегося города оказалось всего 32 швейцарских гвардейца и 82 инвалида, хотя он уже несколько дней ожидал осады, а с 12 июля это стало делом решенным.

Люди, умевшие в Версале непечатно бранить революцию и сулить ей виселицы, радовавшиеся с первых чисел июля, как дети, своему мнимому близкому торжеству, были совершенно неспособны даже измерить все размеры сопротивления,

на которое они наткнутся, у них не хватило ума даже на то, чтобы хоть извлечь возможный максимум пользы из ненадежного и надломанного орудия, каким являлась уже в их руках армия. Безнадежное скудоумие и ослепление — вот что сказывалось во всех их поступках, вплоть до нелепой «стратегии» 14 июля 1789 г., удивившей даже их врагов.

Нас тут этот день интересует только как завершение процесса разложения королевских военных сил — того процесса, отдельные моменты которого мы старались проследить в предшествующем изложении. Две черты особенно характерны для этого заключительного момента указанного процесса: во-первых, массовый открытый переход гвардейцев на сторону осаждавшего Бастилию народа и, во-вторых, глубочайшая растерянность и инертность, проявившиеся со стороны всего военного начальства, высшего, среднего и низшего, начиная с Брольи и Безанваля, не попытавшихся снять осаду с Бастилии и ограничившихся в этом смысле только обещанием помочь к вечеру.

Командовавший парижскими войсками барон де Безанваль имел в своем распоряжении немало сил, но, сообразно с царившей при дворе путаницей мнений, он толком не знал, что ему делать. Вот что он рассказывает об этих днях: «Так как беспорядок увеличивался с часу на час, то и мое затруднение также удваивалось. За какое решение мне ухватиться?» Он боялся «возжечь гражданскую войну». «Должна была пролиться кровь драгоценная, с которой бы стороны она ни текла,— притом без какого-либо полезного результата для общественного спокойствия. К моим войскам, почти на моих глазах приступали со всевозможными обыкновенными обольщениями, я получал известия, которые внушали мне тревогу насчет их верности, в Версале меня забыли в этом жестоком положении и упорно смотрели на 300 тысяч взбунтовавшихся людей как на сборище, а на революцию как на волнение[27]. Рассмотрев все это, я решил, что самое благоразумное — это отвести войска и предоставить Париж собственной участи. Я решился на это в час утра». Страх и растерянность охватывали все военное начальство. Все говорили о ненадежности войск и все ждали приказаний от Безанваля, который в свою очередь ждал их от главного начальника армии и военного министерства — маршала Брольи. А Брольи ровно ничего на письмо Безанваля не ответил. В 5 часов утра (14 июля) к Безанвалю пришел человек, заявивший, что сопротивление будет излишне. Сказав это, он ушел. «Я должен был его арестовать и не сделал ничего подобного», — с сокрушением вспоминает Безанваль. К полудню уже был разграблен революционерами арсенал дома инвалидов, причем охрана арсенала помогала напавшим в поисках оружия

и чуть не повесила коменданта на решетке. Собрался военный совет, причем все генералы были того мнения, что волнение подавить нельзя, что войска колеблются, что «невзирая на нашу бдительность их распропагандировали»[28]. Один полковник уверял Безанваля «со слезами на глазах, что его полк не пойдет». Безанваль в полном смятении опять пишет начальству в Версаль. «Я написал маршалу Брольи, чтобы он указал мне, какого поведения мне придерживаться, он мне не ответил... Второй курьер, которого я отправил к маршалу, был перехвачен шпионами народной армии. Я находился в самом беспокойном и критическом положении. Пушки, расположенные на другом берегу Сены и обслуживаемые французской гвардией, угрожали лагерю».

И Безанваль с теми войсками, которые еще у него были, не решался подойти к осажденной Бастилии и попытаться снять осаду,— идти с Марсова поля на другой конец города с войсками, явно не желающими сражаться, могло действительно показаться затруднительным. Но вместе с тем Безанваль обнадежил губернатора Бастилии, чтобы тот продержался до вечера, а вечером придет помощь... На самом деле Бастилия с первой минуты была предоставлена собственной участи, т. е. энергии Делонэ, его 32 швейцарцев и 82 инвалидов.

Что касается до инвалидов, то они с начала до конца очень нехотя исполняли приказания и громко выражали желание прекратить оборону и сдаться. Швейцарцы же стояли за сопротивление. Собственно, только они и пытались отражать нападающих.

Утром 14 июля толпа пришла к дому инвалидов за оружием, и солдаты без сопротивления выдали требуемое и указали, где находились спрятанные 28 тысяч ружей в погребах. Когда народ толпился вокруг Бастилии, и осажденные, насколько глаз мог охватить пространство, видели сплошное море голов, в этой толпе с самого начала виднелись там и сям гвардейцы, помогавшие осаде, и среди всей массы осаждавших они одни вносили в дело известный порядок, последовательность и дисциплину. В час дня уже большой отряд гвардейцев под предводительством своих капралов двинулся к Бастилии на помощь революционерам.

«Они обнаружили такое мужество и такую радость,— говорит очевидец[29],— что можно было бы сказать, что они скорее идут на празднество, чем на сражение». В течение всех часов осады этот отряд проявлял замечательную храбрость и расторопность и принес серьезную пользу делу. Так, первым существенным своим успехом осаждающие обязаны были двум солдатам, которым удалось с безумным риском проникнуть в первый двор и сбросить подъемный мост со стены к толпе, которая

сейчас же и ринулась по этому мосту в Бастилию. Всякий раз, как возобновлялась борьба после некоторого роздыха, во главе начинающих видели солдат. Когда борьба приостановилась и среди осаждающих раздавались самые разнородные и часто фантастические предложения насчет того, что бы лучше теперь предпринять, «положение оставалось бы все тем же неопределенное время, если бы не подкрепление из трехсот гвардейцев дезертиров, которые прибыли на место действия в сопровождении пушек, забранных ими накануне в цейхгаузе. Это войско, составленное из людей решительных, из которых некоторые были приучены к сражениям, состояло под начальством сержанта Эли из французского гвардейского полка и Юлэна, служившего в придворной белильне» [30]. С ними были пушки и канониры, умевшие из пушек стрелять.

С этого-то появления и началась агония Бастилии. Делонэ, вокруг которого часть гарнизона уже громко настаивала на сдаче, который (как и Безанваль) не решался произвести максимум убийств, какие еще мог произвести, ибо не мог знать, как на это посмотрит король,— сдался на капитуляцию. Через полчаса его голова уже колыхалась над толпой на острие пики, а король Людовик XVI громко заявил на следующий день, что он заслужил свою участь; после взятия Бастилии король опять заговорил о своем доверии к нации и отдал войскам приказ уйти из Парижа и Версаля.

Вечером 14 июля и на другой день, 15-го, войска отступили из Парижа. Они столь быстро и охотно это сделали, что оставили на Марсовом поле амуницию, несколько пушек, что очень пригодилось начавшей еще 13 июля образовываться национальной гвардии. В эту гражданскую милицию массами переходили солдаты всех полков, оставлявшие свои части, чтобы открыто присоединиться к революции. А 21 июля король санкционировал этот переход, признав законным прием солдат в национальную гвардию, которые поступают туда из регулярных полков. Этим он окончательно и бесповоротно признал себя побежденным революцией.

Армия как защитница абсолютизма после взятия Бастилии окончательно перестала существовать. С новой силой повторились восторги пред поведением войск, целый ряд предложений был сделан относительно того, как бы французскому народу достойно отблагодарить своих друзей и защитников-гвардейцев [31]. Двор был вне себя от ярости, правда, вполне бессильной. Не было того бранного эпитета, который не применялся бы к «дезертирам», «изменникам» и «предателям», т. е. к солдатам, окончательно показавшим реакции, что ей надеяться на них нельзя. Но оппозиционная пресса решительно выступила на защиту солдат. «Говорите, чудовища,— обращается автор одной

такой брошюры к обвинителям солдат [32],— перестали ли эти солдаты, служа своей родине, посвящая себя ее спасению, служить своему монарху? Какое преступление лежит на них? Нежность сына к своей матери?.. В том ли их преступление, что они способствовали уничтожению несправедливых претензий нескольких презренных существ...» (привилегированных?) Согласно общему тону этого времени, о поведении солдат говорится так, что они оказываются действовавшими вовсе не против короля: «Всегда оставаясь верными их достойному господину, если они отказались исполнять кровавые приказания, то потому, что были уверены в сердце Людовика, и поэтому не могли, по справедливости, верить в то, что таковы были *его* приказания; они хотели, чтобы Людовик царствовал не над грудой окровавленных трупов...» Но уже полная победа народа сказывается кое в чем, уже проскальзывают фразы, ставящие точки над i: «Если интересы великого народа затронуты, если монарх соблазненный, введенный в заблуждение, необдуманно упорствует в малоблагоприятных намерениях, то разумно ли, чтобы его народ, его солдаты стали жертвами тех хитростей и той лести, которые вводят монарха в заблуждение? Какие права на войско, извлекаемое из недр того же народа, имеет тогда подобный монарх? Не утрачивает ли он все эти права? Должны ли когда-либо интересы одного человека перевешивать интересы великого народа?» [33] Далее указывается на «адскую интригу» придворной камарильи, которая «тщетно искала своего спасения в оружии 30 тысяч человек», согнанных ею в Париж в начале июля. В конце снова и снова превозносится как величайший в истории Франции подвиг поведение солдат, отказавшихся стрелять «в своих отцов и братьев» и облегчивших дело освобождения народа.

О том, как даже те солдаты, на которых особенно полагался двор, точно так же не спасли монархию от нового жестокого удара 5—6 октября, мы тут говорить не станем потому, что абсолютизм был уже значительно к тому времени сломлен и даже в самом благоприятном для себя случае мог бы оказать разве только мимолетное сопротивление при помощи нескольких сот еще не вполне явно его покинувших солдат. Но даже и этого не случилось: толпа женщин, мужчин и детей, беспрепятственно пошедшая 5 октября в Версаль и на другой день заставившая силой короля с ней вместе отправиться в Париж, увидела вполне ясно, что король не *почти,* а *совершенно* беззащитен пред лицом революции.

Своей армии у абсолютизма не стало. Центр тяжести всех надежд перенесся на иностранное вмешательство; эти надежды и связанный с ними образ действий двора вели долгой, но прямой дорогой к эшафоту.

5

Самозащита абсолютизма в других странах была сильнее. Разнообразные причины этому содействовали. Убогая экономическая культура королевства обеих Сицилий дала неаполитанским Бурбонам и их клевретам, вроде кардинала Руффо, возможность, систематически организуя «пролетариат в лохмотьях», лаццарони в городах и разбойничьи шайки вокруг деревень, противопоставлять освободительному движению то угрозу общей анархией, то непосредственную перспективу страшной смерти от рук руффианцев, натравленных полицией. В 1860 г., в решительный момент, все эти «маленькие средства» абсолютизма оказались негодными, но до того времени клерикально-абсолютистские шайки, несомненно, свою роль в задержке движения сыграли. Абсолютизм в Австрии пользовался не только аналогичными средствами (вроде избиения помещиков крестьянскими руками в Галиции в 1846 г.), но и другим, еще более существенным методом: натравливанием одних подвластных национальностей на другие (в 1848 и последующих годах). Это последнее средство тоже не спасло абсолютизма в его целом, но способствовало как тому, что его сдача произошла медленно и по частям, так и тому, что австрийская конституция — одна из худших (в смысле обеспечения прав народа и его представителей), какие только знает Западная Европа. В Пруссии самозащита абсолютизма с внешней стороны больше всего облегчена была армией, не знавшей даже и тех единичных, мимолетных колебаний, которые можно отметить в поведении некоторых представителей австрийской армии в 1848 г., а подобное поведение армии является лишь прямым последствием других, основных причин, задержавших гибель абсолютизма: буржуазия так быстро сложила оружие и почувствовала себя ближе к армии, нежели к пролетариату, крестьянство до такой степени поспешно было удовлетворено в серьезнейших требованиях и вышло из числа революционных факторов, революция так скоро ослабела и замерла, что армии даже не представилось сколько-нибудь длительного искуса, и абсолютизм очень скоро уже мог отдохнуть от своей тревоги. Фактическое и окончательное воцарение конституционного порядка вещей тесно сплелось в дальнейшей истории Пруссии с войнами, приведшими к объединению Германии, и прусская монархия стала гегемоном общегерманской капиталистической буржуазии в борьбе за мировое торгово-промышленное преобладание, т. е. ей удалось примениться к велениям экономической эволюции и благодаря этому сделаться столь крепкой, какой она не была никогда при абсолютизме.

Как уже сказано, самозащиту русского абсолютизма нельзя

сравнивать с самозащитой абсолютизма в Австрии и Пруссии 1848 г. уже потому, что длительность революционного кризиса у нас не идет ни в какое сравнение с длительностью его в Австрии и Пруссии: отличие это не только «количественное», но и «качественное», ибо и средства самозащиты требуются при затяжной революции совсем иного свойства и калибра, нежели при кризисах скоротечных, и общий характер кризиса сильно меняется.

Почему наша революция не оказалась скоротечной, какие общие причины обусловливали и обусловливают грандиозные размеры и длительность кризиса у нас, обо всем этом было уже сказано во втором очерке. Как же длительность кризиса отражается на самозащите абсолютизма?

Прежде всего отметим, что самодержавная бюрократия у нас хоть и была застигнута революцией, как она жаловалась устами своих рептилий, «внезапно», но это неверно. Конечно, такого крутого оборота вещей, как тот, что начался после убийства Плеве, она не предвидела, но с конца Николая I вплоть до 1905 г. она никогда (кроме, может быть, первых шести лет царствования Александра II) не чувствовала себя свободной от необходимости бороться против принципиальных и непримиримых своих врагов. Временами их было больше, временами — ничтожная (количественно) горсточка, но, за исключением немногих моментов, за последние 30—40 лет внимание правительства даже в самые, казалось бы, «безопасные» времена было поглощено больше всего именно борьбой против своих «внутренних врагов», притом даже так, что усилия правительства находились в полнейшей несоразмерности с реальной опасностью, для него являвшейся. Можно сказать, что едва ли хоть одно крупное мероприятие в политической и экономической области было проведено за это время, особенно же с 1881 г., без задней мысли, без страхов или надежд касательно вреда или пользы для самодержавия от этого нового мероприятия. Растление погибающей теперь системы в России особенно выпукло именно и сказалось в этом постоянном тревожном озирании по сторонам, в этом полном бессилии хоть временно отрешиться от мыслей о самообороне и понять, что законодательство должно руководиться кое-чем еще, помимо интересов бюрократического самосохранения. И так как наше самодержавие зажилось на свете дольше, нежели всякое иное, то ни в одной стране не накопилось столько законодательных авгиев стойл, нигде решительно памятники законодательства не являются до такой степени прежде всего и больше всего памятниками страха, тревожного предвидения грядущих опасностей для правящей кучки. Никогда не поймет наших законов, новелл к этим законам, новелл к этим новеллам и т. д. тот будущий

историк, который, положив на своем письменном столе текст изучаемого закона по левую руку, не положит по правую руку донесения департамента полиции за те месяцы, которые соответствуют времени зарождения и изготовления данного закона. Ни один абсолютизм, не исключая даже абсолютизма неаполитанских Бурбонов, не переживал в предреволюционном фазисе такой долгой борьбы с предтечами революции, такого полного, безраздельного подчинения всех своих сил полицейской функции, такой непрестанной то глухой, то явно акцентированной, но непрерывной тревоги за собственное существование, как именно абсолютизм в России.

Вот почему нигде и никогда абсолютизм в такой мере не развил всех своих средств к самозащите. Прусский фон Рохов, австрийский Меттерних, неаполитанские Делькаретто или Каноза — это, так сказать, были только намеки истории на то, что она дала впоследствии в лице Дмитрия Толстого и Плеве, Судейкина и Зубатова, Дурново и Рачковского и т. д., и т. д., usque ad infinitum. Не в моральной тут разнице, конечно, дело; мораль у перечисленных иностранцев находилась в полицейском смысле на вполне подходящем уровне, но, с одной стороны, им всем (даже в Неаполе) не приходилось вести столь долгой и упорной предреволюционной борьбы, а с другой стороны, им (по этому самому) и не пришлось целыми полицейскими поколениями вырабатывать столь совершенных и разветвленных, столь дорогих и сложных, столь дееспособных и исправных аппаратов для защиты строя, как те, что были выработаны русской действительностью. Такие полицейские chefs d' œuvre, как так называемые черносотенные выступления и погромы, показали ясно всю ценность для абсолютизма созданных им орудий самозащиты. Конечные результаты этих выступлений, разумеется, сводятся к нулю, но это уже общая участь всех мероприятий, направленных к достижению социологически нелепой цели: к прекращению кризиса, когда не устранены причины, его вызвавшие. Но quod potui feci,— может сказать самому себе русский абсолютизм, вспоминая все, что он сделал для отсрочки собственной окончательной гибели. В самом деле: ведь если мечтой всякого абсолютизма, застигнутого революцией, является успешный демагогизм, возбуждение междунациональной или междуклассовой вражды, то у нас это являлось делом вовсе не таким простым. Хорошо было Меттерниху возбуждать галицийских крестьян против польских помещиков; при положении аграрного вопроса у нас подобная политика грозила бы сейчас же разрастись во всероссийскую аграрную революцию, от которой прежде всего пострадала бы сама же бюрократия и ее класс, крупные землевладельцы. Значит, самый серьезный по размерам опыт пришлось оставить

именно вследствие его опасности. Хорошо было кардиналу Руффо в Неаполе возбуждать народ против свободомыслящих, когда народ и без того в массе своей ненавидел их как пособников и друзей иноземных завоевателей-французов и когда ни крестьяне, ни городская голытьба ничуть не чувствовали себя в материальном отношении лучше во время французского нашествия. В России это все было труднее и сложнее. Погромы евреев и армян — наиболее легкая часть дела, конечно, не могли всецело удовлетворить поставленной задаче, ибо оставалась коренная Россия, те места, где евреев и армян нет. И вот, в Твери, в Томске, Вологде, в Москве, в целой массе других мест, как по мановению волшебного жезла, в одинаковых формах, по явно заранее установленному шаблону прокатилась волна убийств, грабежей, неистовств самых ужасающих. И все это — там, где спустя немного времени, почти поголовно прошли только кандидаты самой оппозиционной из всех партий, принимавших участие в парламентских выборах, там, где в подавляющей массе своей народ был настроен и в деревнях, и в городах резко оппозиционно, там, где одновременно с этими мнимонародными выражениями консервативных чувств, разыгрывавшимися по дирижерской палочке, в деревнях засекались крестьяне, доведенные голодом до отчаяния, до революционной страсти, а в городах тюрьмы ломились от рабочих. Словом, контрреволюцию пришлось организовывать без контрреволюционеров, мало того, в явно революционную эпоху. И что можно сделать при столь неблагоприятной конъюнктуре, бесспорно, было сделано.

Чтобы оттенить все неблагоприятные условия, среди которых пришлось работать в России невидимым дирижерам, инсценировавшим контрреволюцию, остановимся на том явлении, о котором только что упомянули и которое до росссийских опытов с черной сотней справедливо считалось самой крупной в истории попыткой обдуманного, искусственного возбуждения контрреволюционных неистовств.

6

«В 1799 г. все обстоятельства благоприятствовали либеральной партии (в Неаполе), недоставало только народа» [34],— вот весьма точная характеристика положения, при котором должны были начать свои действия самые выдающиеся в истории предшественники наших черных сотен. Примитивная земледельческая культура, убогое развитие обрабатывающей промышленности и торговли, отсутствие сколько-нибудь значительной и влиятельной буржуазии — все это делало тогдашнее Неаполитанское королевство страной, где для действительно серьезного натиска на абсолютизм народ вовсе подготовлен не был. Цар-

ствование Карла III, а затем Фердинанда IV (вернее, управлявшей всем жены его Каролины) нанесли ряд тяжких ударов пережиткам феодализма и феодальной знати, сильно способствовали облегчению тягот, лежавших на земледельческом классе, и этим серьезно содействовали популярности династии. Можно сказать, что неаполитанские Бурбоны после не были никогда уже так популярны, как именно в 1790-х годах и ранее. Реформы, произведенные неаполитанским «просвещенным абсолютизмом» и связывавшиеся еще с именем министра Тануччи, гремели в Европе XVIII в. Фердинанд IV, кроме того, и лично очень нравился массе своих верноподданных; ленивый, невежественный, болтливый, суеверный, неспособный ни к какому напряжению мысли и воли, проводивший жизнь в самых тривиальных удовольствиях и ничем, кроме них, не интересовавшийся, грубо чувственный,— он получил издавна название «короля лаццарони», и неаполитанские оборванцы на самом деле чувствовали к нему нежность. Пролетариат в лохмотьях был единственным пролетариатом Неаполя в конце XVIII в., и король был среди этого очень многочисленного слоя населения чрезвычайно популярен вследствие своей обходительности, доступности, разговорчивости и тех качеств, которые делали его умственно и нравственно близким к лаццарони. Интеллигентное общество, в передовой части своей увлекавшееся французской революцией, не нашло в народе ни малейшей поддержки, и свирепые преследования и неистовства Каролины и ее ставленников, обрушившиеся в 1792—1798 гг. на всех подозреваемых в якобинстве, ничуть не повредили правительству в глазах массы населения. Но вот вспыхнувшая в 1798 г. война с Францией привела к крушению, к внезапной катастрофе; в конце декабря королевская семья на кораблях эскадры Нельсона бежала из Неаполя, а 23 января 1799 г. Неаполь уже был в руках французского главнокомандующего Шампионнэ. Республикански настроенная интеллигентная кучка с радостью приветствовала поступательное движение французов, от которых ждала превращения Неаполитанского королевства в республику. Мало того, имущая часть городского населения тоже ждала с нетерпением французов: лаццарони неистовствовали страшно со времени начала войны, они убивали, сжигали заживо, пытали и калечили всех, на кого им показывали как на якобинцев и как на друзей французов. В эти же месяцы (декабрь — январь 1798—1799 гг.) происходило разграбление имущества всех подозреваемых в сношениях с французами и успевших куда-нибудь скрыться. Вообще, безнаказанный грабеж являлся, по-видимому, одним из серьезнейших стимулов к этим «патриотическим» буйствам. В конце концов в этих озверевших людей «якобинцы» стреляли всюду, где только

могли, помогая в то же время французам в скорейшем взятии города. Даже уже когда всякое сопротивление французам оказалось бесполезным и забранный в плен предводитель лаццарони (Michele il Pazzo) без особого труда стал кричать viva la repubblica, vivanoi francesi, vivo San Gennaro, обнаруживая, таким образом, одинаковое расположение и к республике, и к французам, и к святому Януарию,— даже тогда лаццарони не сразу решились оставить грабеж чужого имущества, и их пришлось еще разгонять выстрелами. Даже дворец короля был разграблен этими монархистами. Когда Шампионнэ, окруженный блестящим штабом и пышно разодетой французской кавалерией, въехал в город, то эти самые лаццарони с детским любопытством бежали по сторонам, глазея на невиданное зрелище. С первого же дня к французам отношение установилось у толпы лаццарони самое дружественное, как будто ничего раньше между ними и не было, как будто еще недавно по подозрению в дружбе к французам лаццарони не сожгли живьем герцога Торре и других лиц. Все это мы приводим для характеристики того человеческого материала, из которого спустя несколько месяцев сделали орудие контрреволюции.

Была провозглашена республика, а династия Бурбонов объявлена в Неаполе низложенной. Случилось это исключительно вследствие того, что такова была воля французов-завоевателей: без них горсточка либерально настроенных людей, разумеется, и мечтать не могла о чем бы то ни было подобном. Но радость в образованном обществе была великая, и она разделялась даже теми имущими кругами, которые в приходе французов и установлении нового твердого порядка вещей видели избавление от буйств лаццарони, столь измучивших и ужаснувших весь город своими безобразиями. Сами лаццарони, притихшие и «ставшие овечками», по выражению одного современника, не только примирились с французским завоеванием, но сами принимали участие в сажании деревьев свободы. Что грабить теперь уже нельзя, они поняли и тоже окончательно с этим примирились, хотя это и было труднее, нежели примириться с республикой. С этого времени, с 23 января 1799 г., для Неаполя наступило опьянение так легко полученной свободой — эпоха, о которой пережившие ее с умилением вспоминали в глубокой старости. Но нас не эта эпоха тут занимает, а то, что за ней последовало.

Двор, убежавший в Сицилию, с яростью смотрел на то, что делалось в Неаполе. Королева Каролина, которая, кроме всех недостатков сестры своей, французской королевы Марии-Антуанетты, еще обладала чрезвычайно злобным и мстительным нравом, была в бешенстве, что ненавистной республиканской кучке так легко и быстро удалось ее дело. «Я никогда не пойму и не утешусь,— писала она своей дочери в это время,— что 16—

20 тысяч злодеев могут подчинить себе 4 миллиона людей, которые ничего о них не хотят знать»[35]. Это была женщина гордая и решительная, умная и самолюбивая, не муж ее, а она стала душой реакции. «Король, да благословит его господь,— философ, но королева живо чувствует, что случилось»,— писал Нельсон лорду Спенсеру. Положение казалось для королевской семьи отчаянным, и вот тогда-то выступил на первый план человек, задумавший создать контрреволюцию.

Кардинал Фабрицио Руффо был человек решительный и предприимчивый, авантюрист и кондотьер по натуре, ловкий организатор, боец по темпераменту, человек вместе с тем свободный от серьезной привязанности к каким бы то ни было политическим убеждениям, но всеми своими материальными интересами связанный со старым порядком. Когда Бурбоны бежали в Сицилию, он тоже туда укрылся от надвигавшихся на Неаполь французов. Когда в Неаполе была провозглашена республика, Руффо составил план начать против нее систематическую борьбу, фанатизируя население и настраивая его против новой формы правления, для чего решил начать с формирования шаек среди темного невежественного населения Калабрии, состоявшего из пастухов, крестьян-землепашцев, рыбаков и профессиональных разбойников. Королева Каролина заставила мужа дать кардиналу Руффо все полномочия, и предприятие началось. Высадившись в Калабрии, Руффо чрез духовенство широчайшим образом распространил ряд воззваний, которые расклеивались, раздавались, читались с церковного амвона и т. д. В этих воззваниях жители приглашались защищать церковь, кровь св. Януария, честь своих жен и дочерей, собственное имущество от буйных республиканцев и их нечестивых друзей французов. Роялистские банды быстро собирались. В деревнях проявлялись все чаще случаи самосуда над «якобинцами»; убивать, хотя бы из-за угла, республикански настроенных людей рекомендовалось там, где еще нельзя было делать это открыто,— и подобные действия провозглашались деяниями богоугодными. Мы уже выше отметили, что в социально-экономическом отношении свержение абсолютизма еще не составляло тогда неизбежной необходимости, что масса деревенского населения чувствовала благодарность к династии за освобождение от феодального гнета. Это необычайно облегчило дело кардиналу Руффо в деревнях и селах. Немногие передовые люди должны были, спасаясь от мучительнейшей смерти, бежать в города, где опиравшаяся на французов республика чувствовала себя несколько тверже. Под знамена кардинала Руффо сбегалась самая пестрая публика. Тут были и беглые каторжники, и дезертиры, и разбойники, и разоренные помещики, и монахи, и священники, и публичные женщины,

и полицейские, уволенные республиканским правительством, и контрабандисты. Это сборище получило от своего вождя название «христианская армия», armata christiana. Назывались они также «сантафедистами» (Santa fede — св. вера). Все эти лица свирепствовали самым страшным образом, убивая якобы за республиканизм тех, кого рассчитывали с большей или меньшей пользой ограбить. Достаточно было им в каком-либо доме найти республиканскую кокарду, чтобы подвергнуть этот дом полнейшему разграблению. Когда уже больше ничего грабить не оставалось, начались поджоги. Нечто трудновообразимое творилось в городах и местечках, куда вступали «руффианцы»: насиловались женщины, избивались по соображениям личной мести или выгоды все, кто не успевал убежать в Неаполь и в другие места, занятые французами. Руффо учреждал в занимаемых им местах военно-полевые суды, но не для того, чтобы судить свои шайки, конечно, а для вешания мнимых и действительных «якобинцев», которых еще не успели истребить его подчиненные. Виселицы, изнасилования, грабежи, пожары, пытки, молебствия, убийства, церковные процессии — вот чем ознаменовывалось поступательное движение руффианской контрреволюции. Ряд городов подвергся полнейшему разграблению и сожжению. Награбив вдоволь, отдельные шайки стали уходить по домам, чтобы припрятать добычу, и Руффо приходилось умолять их, чтобы они повременили, и напоминать об их обязанностях к Фердинанду, Каролине и св. Януарию. «Сантафедисты», «христианская армия» — оказывались глухи к этим призывам, многих, впрочем, удавалось удерживать или возвращать (уже с пути) перспективами новых благополучий. Бесспорно, впрочем, что часть руффианцев действовала под влиянием фанатической ненависти к «безбожникам» и иноземцам и их друзьям республиканцам. Республика же пока ничего не сделала такого, что могло бы сколько-нибудь серьезно содействовать ее популярности в народе. От начала до конца она держалась на французских штыках, убогой реакционно-демагогической проповеди Руффо она ничего не противопоставила, кроме высокопарных восхвалений свободы, плохо понятых городскими лаццарони (в деревнях же ее эмиссары со времени начала успехов Руффо уже почти не появлялись, кроме ближайших к Неаполю мест). Агенты Руффо, шнырявшие близ Неаполя и в самой столице, пробуждали в лаццарони уснувшего было зверя. Начались ночные нападения на республиканцев и убийства. Открыто выступать они еще не смели, боясь французов. Руффо, возбуждавший к грабежам и убийствам, все позволявший и прощавший за истребление республиканцев, сделался для них божком, еще когда только начались его успехи в провинции. Чем больше становились успехи Руффо, тем наглее и страшнее неистов-

ствовали его шайки. Они уже избивали без разбора всех, кто под руку попадется, при вступлении в новое село, в новый город; они нападали на женские монастыри и насиловали монахинь; пожары освещали всю юго-западную Италию, от южной оконечности Калабрии до Неаполя. Королева Каролина, следившая из Сицилии за действиями своего друга, была в решительном восторге, который и выражала в письмах к нему и к другим лицам. Тогда было больше простодушия и меньше дипломатии: разбой, чинимый Руффо, казался Каролине выгодным для нее, она этому разбою и радовалась без притворных воздыханий и корректных оговорок. Когда, ввиду общего положения вещей на итальянском театре войны, французское правительство приказало своим войскам идти из Неаполя к северу (в первых числах мая того же 1799 г.), то скоро наступила развязка. Своими силами держаться против Руффо, его шаек и флота Нельсона, помогавшего Бурбонам, республиканцы, конечно, не могли. Когда явились в Италию присланные Павлом I русские подкрепления, час неаполитанской свободы пробил окончательно. В конце июня Неаполь сдался, и Руффо вошел в него. Началась дикая, свирепая вакханалия казней и расправ, причем широкое участие было предоставлено «самодеятельности» и почину руффианских шаек и торжествующих лаццарони, хотя справедливость требует заметить, что полное нарушение коекаких выговоренных республиканцами условий (при сдаче) было нарушено благодаря Каролине и Нельсону, а не Руффо. Неистовствам королевы, ее судей, палачей и руффианских шаек конца не было[36]. «Лишившись пары тысяч мошенников,— писала королева,— мы слабее не станем». Злодеяния лаццарони над совершенно неповинными людьми, наконец, заставили самого Руффо взмолиться, чтобы поскорее приехала королевская семья и как-нибудь образумила бы лаццарони, ибо улицы покрыты трупами невинно убиенных. Но Каролина не торопилась. Вообще, сравнительно с ней сам Руффо мог казаться человеком сентиментальным. Дав лаццарони вдоволь натешиться, правительство их остановило.

Таков был грандиозный и вполне удавшийся опыт неаполитанской контрреволюции. Через 6 лет Наполеон Бурбонов низложил, а в 1815 г. они вернулись. Династия неаполитанских Бурбонов продержалась на престоле с 1815 г. еще 45 лет, за эти десятилетия революционное движение то воскресало, то потухало, и чем шире распространялась потребность в устранении абсолютизма, тем более эта потребность переплеталась со столь же сознанной потребностью в объединении Италии; словом, чем серьезнее становилось положение династии, которой угрожала в лучшем случае потеря самодержавной власти, а в худшем — потеря неаполитанской короны, тем усерднее рабо-

тала явная и тайная полиция и всевозможные следственные комиссии, суды и застенки. Тупая и беспощадная свирепость, обнаруженная Бурбонами при самозащите, окончательно лишила династию той личной популярности, которой, как сказано, она пользовалась среди низших слоев населения в конце XVIII в., еще более этому способствовало, конечно, быстро прогрессировавшее обнищание и общее недовольство народной массы. Поэтому новые поползновения воскресить руффианство с 20-х годов XIX в. уже делались бегло и случайно и не приводили к каким-либо крупным результатам. Впрочем, некоторые факты поощрения частной контрреволюционной деятельности неаполитанского правительства в XIX в. были настолько ярки, что обратили на себя внимание даже за границей. Так, в своем знаменитом (1-м) письме к лорду Эбердину Гладстон говорит об одном либеральном депутате неаполитанской палаты (избранной согласно недолговечной «конституции» 1848 г.), который был убит общеизвестным священником Пелузо, причем убийцу не только не обеспокоили, но даже дали за это убийство пенсию. (Заметим мимоходом, что эти два письма Гладстона к Эбердину, произведшие в свое время столь подавляющее впечатление на Италию и всю Европу, наверно, прочлись бы с интересом и у нас, будь они переведены на русский язык).

В 1805 г. правительство Бурбонов, только что потерявшее снова власть в Неаполе, деятельно старалось возобновить все ужасы 1799 г., для чего рассылало эмиссаров и агитаторов, подстрекавших народ к грабежам, поджогам и убийствам. Каноза взял на себя деятельную организацию этих погромов и убийств и поставил провокационное дело на широкую почву; за эти заслуги по водворению Бурбонов в Неаполе (после свержения Мюрата) Каноза был сделан министром полиции. Образовалась особая «секта» (dei calderari), при помощи которой Каноза, ставший в 1816 г. во главе полиции, решил бороться против карбонариев и либералов. По составу своему «секта» эта была столь же недоброкачественна, как и былые руффианские шайки. Полиция раздавала им оружие и разные удостоверения и бумаги, которые могли бы обеспечить им безопасность и повсеместное покровительство властей. Каноза был почти постоянно пьян и готов к буйству и насилию, и чтобы угодить ханжеству короля, постоянно же прикидывался необычайно набожным. Он ревностно поддерживал в стране анархию, грабежи, убийства, и всякого рода уголовные преступления, если от них страдали «подозрительные», оставались безнаказанными. Жалобы, приносимые двору, не достигали цели. Даже посланники иностранных держав протестовали (ирония судеб захотела, чтобы одним из первых запротестовал посланник русского правительства), и когда, наконец, король с ним расстался, то наградил

его богатейшей пенсией. Любопытно, что многие из организованных Канозой реакционных calderari (медники) в ближайшие годы перешли к карбонариям[37]: также одно из нередких явлений в истории массовой провокации, которая, вызывая дух организованного политического действия в темной массе, часто не в состоянии уже бывает его заклясть. При революционной вспышке 1820—1821 гг. и ее подавлении руффианство уже к жизни призвано не было, во время реакции 1849 г. и следующих годов правительство также довольствовалось, кроме единичных и случайных фактов, вроде вышеуказанного убийства либерального депутата, своим войском, полицией, судами, тюрьмами и легальными убийствами по приговорам официальных судилищ. Счастливые для абсолютизма времена Руффо и Канозы миновали. Приходилось довольствоваться усиленной пропагандой чрез посредство церкви, усиленными посевами ненависти и отвращения к либералам и конституционалистам посредством проповедей, духовных брошюр и т. д., но организовывать банды для разбоев и убийств уже стало затруднительно и небезопасно. Бурбоны уже начали опираться исключительно на армию. До 1848 г. она была равна 40 тысячам человек, после 1848 г. ее довели до 100 тысяч, причем на ее содержание из 30 миллионов дукатов, получаемых государством ежегодно, тратилось 18 миллионов. За этой армией Бурбоны сильно ухаживали, всячески стараясь превратить ее в чуждое народу и преданное династии орудие. Для этого они не гнушались самым явным образом фамильярничать с ней и заискивать в казарме[38] — черта, свойственная наученному горьким опытом абсолютизму разных стран в XIX в., но, как уже было сказано, несвойственная абсолютизму Франции пред революцией. Характерно, что и неаполитанский абсолютизм во время Руффо, когда его поддержка была не только в армии, но и в народной массе, меньше заискивал в солдатах, нежели в 30-х и 40-х годах XIX в., когда осталась одна армия, а на *активную* помощь народа уже рассчитывать стало трудно. Всемогущая полиция и подчиненная ей армия — вот что охраняло династию вплоть до начала объединения Италии и до высадки Гарибальди в Сицилии. Быстрота и легкость, с какой королевство перешло на сторону Гарибальди, показали лишний раз, что сами по себе полиция и армия судьбами нации управлять не могут, какой бы твердой надеждой на это ни ласкал себя тот или иной двор.

7

Возвращаясь к анализу контрреволюционной деятельности абсолютизма в России, мы видим, что задачи полицейских агентов у нас были гораздо труднее задач Руффо в 1799 г. и Ка-

нозы в 1806—1815 гг. и в 1816—1817 гг. После сказанного много говорить об этом не приходится. Руффо и Каноза действовали в темной, далекой от революционного состояния массе, наши провокаторы действовали в революционной стране. Неаполитанские долго прикрывались знаменем борьбы против иноземного завоевателя; у наших этого мотива в распоряжении не имелось. Неаполитанские действовали в обстановке совсем некультурного земледельческого государства, где почти не было печати, где борьба с провокацией была страшно затруднена полной безграмотностью населения, где духовенство, всецело стоявшее на стороне Руффо и Канозы, пользовалось огромным влиянием,— наши провокаторы устраивали свои погромы и разбои в цивилизованной державе XX в., где о них писали и пишут со всеми деталями в газетах, где население в самых темных низинах своих стоит гораздо выше в умственном отношении, нежели неаполитанские лаццарони и калабрийские пастухи, где, наконец, духовенство далеко не играет той роли и не пользуется тем почти суеверным почетом. В 1848 г., в 1860 г. неаполитанские провокаторы уже не посмели повторить свои опыты, а наши в 1905—1906 гг. посмели. И мы нарочно остановились на руффианстве, чтобы показать, что у нас провокация выдержит с затмевающим успехом сравнение с самыми яркими проявлениями провокации, какие только отметила история абсолютизма в Западной Европе.

Повторяем, нигде и никогда абсолютизм не имел в своем распоряжении такого дееспособного и сильного орудия, как абсолютизм русский в лице политической полиции. И он этим орудием пользовался и пользуется исчерпывающим образом.

Нигде и никогда абсолютизм не имел такой огромной военной силы, ибо он один только дожил до эпохи полного развития современного милитаризма, до эпохи колоссальных армий, вооруженных самыми усовершенствованными орудиями. Нигде и никогда, наконец, абсолютизм не имел возможности так оттягивать свое финансовое банкротство, как наш, ибо только он один дожил до современной эпохи, богатой свободными, выбрасываемыми ежегодно на денежную биржу Западной Европы миллиардами, ищущими сбыта даже в рискованных аферах.

Словом, все внешнее, искусственное, все суррогаты жизненных сил — все это в неслыханных никогда размерах оказалось в распоряжении нашего абсолютизма в его смертный час. Полное же сознание угрожающей опасности и долгая подготовка к ее встрече дали возможность абсолютизму пустить почти без колебаний в ход все свои силы, «палить из всех батарей», как выражался Меттерних.

Но все суррогаты, все «видимости» не могут заменить жизненной силы, когда она отсутствует. Вандеи у нашего абсолю-

тизма не было и быть не могло, ибо Вандею не сочинить, как черную сотню. Мы в предшествующих очерках отметили, что абсолютизм ненавистен всем классам, кроме маленькой кучки крупных аграриев, что он мешает всему народу не то что свободно развиваться, а прямо существовать. И если крупнокапиталистический характер переживаемой миром теперь исторической эпохи сослужил службу абсолютизму, дав ему колоссальнейшую армию, усовершенствованный и сложнейший полицейский аппарат и прежде всего готовые миллиарды в кредит на их содержание,— если все это в невиданной нигде и никогда степени усилило механическое сопротивление абсолютизма, дало ему чудовищные средства самозащиты, то, с другой стороны, тот же крупнокапиталистический характер эпохи, повторяем, *не позволит ни при каких условиях общественной реакции у нас быть теперь сколько-нибудь продолжительной, даже если бы она у нас могла наступить впредь до уничтожения абсолютизма.* Повторяем то, что было сказано во втором очерке настоящей работы: роскошь длительной реакции при абсолютизме у нас уже недоступна даже капиталистической буржуазии, т. е. классу более всего к ней исторически склонному. Для страны XX в., решительно вступившей на путь капиталистического развития, абсолютизм опаснее всего, опаснее даже революции: эта истина для буржуазии в России яснее в 1906 г., нежели она была для буржуазии запада в 1848—1849 гг. А следовательно, ни единый мало-мальски значительный класс не будет наш абсолютизм поддерживать.

Разложение остающейся еще за абсолютизмом механической силы сопротивления — вот что может составить существеннейшее содержание текущего исторического момента. В каких именно конкретных формах это разложение проявится, мы можем о том только предполагать и догадываться. Всякая попытка конкретизации повела бы тут к гаданиям, произвольным со стороны автора, и по тому самому совершенно неинтересным для читателя. Но, с другой стороны, утверждать, что где бы то ни было и когда бы то ни было организованная сила может совершенно не подвергнуться процессу разложения при длительной национальной революции,— значит фантазировать на консервативные темы, тут все дело в годах или месяцах, или неделях. А с точки зрения исторической эволюции, годы, месяцы, недели и дни — почти одинаково ничтожные хронологические деления.

Тургенев проникновенно понял эту не нашу хронологию, когда писал разговор между Юнгфрау и Финстерааргорном, быть может, самое тоскливое из всех его стихотворений в прозе. Но история последних лет отучила нас от излишнего пессимизма.

1906 г.

Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страною?

Экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории. И когда те же лица, которые вполне признают этот бесспорный факт, проходят мимо вопроса, базировалась ли эта мощь на каком-либо хоть сколько-нибудь широком экономическом фундаменте, и отделываются от этого вопроса повторением стереотипной фразы о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России, то естественно для всякого, обладающего даже минимальной долей научной любознательности, отнестись к подобным утверждениям с априорным скептицизмом и потребовать фактических доказательств. Но этих доказательств нет уж потому, что документы, на основании которых можно было бы с непререкаемой очевидностью решить вопрос, большей частью не только не использованы, но даже и не описаны. Достаточно сказать, что лишь недавно внимание русских историков было привлечено к источнику громадной, судя по всему, важности, правда, не для истории русской промышленности, но для истории внутренней русской торговли в первой половине XVIII столетия. Я разумею замечательную статью проф. А. А. Кизеветтера «Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник» (в сборнике «В. О. Ключевскому». М., 1909). За профессором Кизеветтером этими документами заинтересовался и другой московский историк, Ю. В. Готье (см. Сборник в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911). Весь этот клад ждет еще исследователей. Несомненно, что и для истории промышленности тоже существуют нетронутые залежи. В обширной книге, например, М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика» мы находим лишь

56 страниц на весь XVIII в.: это лишь введение, собственно, в историю фабрики XIX столетия согласно с общим планом исследования. «История русского народного хозяйства XVIII столетия до сих пор еще очень мало разработана» [2], — говорят нам авторитетные историки России.

А пока эта колоссально важная для науки задача не будет окончательно решена исследователями сокровищ, хранящихся в русских архивах, интересно припомнить, как смотрели иностранцы-современники на екатерининскую Россию и ее экономическое развитие. Эти свидетельские показания радикально расходятся со взглядом, ставшим впоследствии шаблонным, и именно в силу единодушия своего позволяют предполагать, что окончательное решение вопроса может не совпасть с популярным суждением.

Напомнить вообще о показаниях современников по этому важному вопросу побуждает меня найденная мной неизданная французская бумага официального происхождения, относящаяся ко второй половине екатерининского царствования.

Работая в парижском Национальном архиве над документами серии F¹², заключающей данные по истории французской торговли и промышленности, я натолкнулся в административной переписке 1790 г. на одно беглое указание, что в бумагах бюро торгового баланса должны быть следы каких-то подготовительных трудов по заключению русско-французского торгового договора 1786 г. Обратившись к связке, где эти бумаги находятся (F¹² 1835), я нашел письмо генерального контролера Калонна о русской торговле, относящееся именно к 1786 г.

Это письмо оказалось неизданным и, судя по совершенному отсутствию ссылок на него, даже и неизвестным, что, впрочем, неудивительно, принимая во внимание, что документы этой серии (F¹²), не описаны, не каталогизированы, и, например, исследователь, специально занимающийся экономической историей России, мог бы найти письмо Калонна совершенно случайно, так как масса документов, содержащаяся в трех больших связках, обозначена в общем инвентаре Национального архива половиной строчки: «F¹² 1834—1835. Balance du commerce» — и больше нигде ни малейших указаний на все эти документы не имеется.

Содержание письма Калонна, интересное и само по себе, заслуживает того, чтобы с ним ознакомиться, хотя бы уж потому, что оно является новым показанием современника, характеризующим состояние русской торговли. Мнение о России XVIII в. как о стране преимущественно «натурального хозяйства», как о стране, экономически самой отсталой в Европе того времени, это мнение, довольно прочно укоренившееся в воззрениях западноевропейской экономической историографии, являет-

ся одной из наиболее распространенных и принимаемых на веру легенд. По поводу этого письма Калонна мне хотелось бы вообще отметить, что указанное суждение — в значительной степени плод позднейших домыслов и ретроспективных оценок и что современники в западной Европе совсем иначе смотрели на экономическое состояние России.

1

В XIX в., в самом деле, темп экономического развития — сначала в Англии, потом отчасти во Франции — настолько ускорился, что Россия (так же, впрочем, как и государства Германского союза, как Австрия, Италия) явственно отошла в разряд экономически зависимых стран, так что реальная почва для мнения об экономической отсталости явилась. Некоторые побочные причины сообщили этому мнению особенную категоричность и заставили говорить о России не как *об одной из отсталых* в экономическом смысле стран континента, но как *о самой отсталой*. Дипломатическое соревнование между Россией и западными державами, страх и вражда, которые питали известные общественные слои к политическим принципам Николая I, более твердое и заметное в социальной жизни страны господство крепостного права — все это заставляло забывать, что крепостное право или его пережитки (очень заметные) продолжали существовать до самого 1848 г. также и в некоторых других странах, заставляло забывать, что в экономической зависимости от Англии находятся все страны, которые с тем или иным запозданием ввели у себя машинное производство, и Россия в конечном счете оказывалась страной якобы почти исключительно натурального хозяйства, страной исключительно помещиков и их крепостных.

С тем, что можно назвать средним общественным мнением Европы, повторилось (относительно России) в этом отношении то, что уже было при Наполеоне I со средним общественным мнением Англии (относительно Франции).

Ненависть и страх, которые Англия питала к Наполеону за все время его царствования, нашли себе выражение во многих газетных статьях и памфлетах, и мне приходилось там читать курьезнейшие утверждения, что французам грозят страшные бедствия и даже гибель из-за континентальной системы, так как Франция без английских товаров жить не в состоянии. Подобные публицистические преувеличения — явление обыденное и давнишнее, достаточно вспомнить известный английский памфлет XV столетия «Libell of english polycie», где весьма патетически доказывается, что если Англия захочет, то фламандцы умрут голодной смертью.

Подобные же преувеличения, старания непременно показать, что ненавистное чужое правительство никак не может просуществовать ресурсами одной только своей страны,— все это, конечно, способствовало часто сгущению красок, когда во Франции или Англии в эпоху Николая I заходила речь об экономическом состоянии России.

Это бросается в глаза особенно ясно всякий раз, когда удается сравнить подобные преувеличения с показаниями лиц, которые в самом деле беспристрастно передавали свои наблюдения и передавали их не для публики, а в строжайшей интимности. Например, быстрый рост купеческого капитала, происходивший параллельно с уже замечавшимся разорением части дворянства, был отмечен (и отмечен с сожалением) французским посольством в Петербурге в одном докладе французскому министру иностранных дел в 1830 г., до июльской революции. Тогдашние правящие сферы (при Полиньяке) были настроены консервативно и стояли за сохранение и восстановление старинных привилегий дворянства вообще; понятен, поэтому, тон сожаления в упомянутом документе. (Самое письмо хранится в архиве министерства иностранных дел в Париже [3]). «Должно с сожалением смотреть на близкое разорение части русской аристократии, тогда как некоторые крепостные, так же, как купцы, которые прежде были крепостными и выкупили себя, обогащаются чудовищным образом»,— вот что читаем мы в этой бумаге. Это показание пригодится историку, который вздумает пересмотреть вопрос о начале так называемого «дворянского оскудения» и о значении движимого капитала в России в первой половине XIX в. Когда иностранцы смотрели повнимательнее, они переставали думать, что Россия состоит из помещиков и крепостных. Но, повторяю, мнение об экономической отсталости России, хоть и чрезвычайно преувеличенное, уже имело в средине XIX в. известную почву. Я хочу только сказать, что это мнение ретроспективно было тогда перенесено на XVIII в.— и благополучно утвердилось в историографии. Сейчас речь пойдет не о том, чтобы установить точную дату, когда именно экономическое развитие России начало отставать от развития некоторых других континентальных стран Европы, а о том, что, по-видимому, эту дату нужно искать не раньше XIX столетия.

В этом отношении ходячие мнения (особенно в европейской историографии) относительно России XVIII столетия не выдерживают критики. Еще существование и крупные размеры торговли в России признаются иной раз — очевидность иной раз бросается в глаза, но зато о русской промышленности в XVIII в. часто упоминается лишь затем, чтобы заявить об ее ничтожности, а иногда и совсем не говорится.

Примером такого отношения к русской промышленности

XVIII в. может служить хотя бы известная четырехтомная «История всемирной торговли», написанная Беером [4]. Внимательный и добросовестный читатель Беера принужден будет сделать вывод, что вообще русская промышленность в XVIII в. не существовала, если не считать нескольких заведений учебно-образцового типа. «Суконное производство в России существует с Петра Великого, и учрежденные им суконные фабрики служили в позднейшие времена в качестве образца. Число их (суконных фабрик) в продолжение нашего столетия (XIX — *Е. Т.*) сильно возросло» и т. д., и больше о русском суконном производстве в XVIII в.— ни слова [5]. О полотняном производстве в России в XVIII в. Беер не говорит ни слова. Относительно шелкового замечает только, что «приготовлением шелковых материй в России занимались с давних пор, так как довольно значительное количество шелка употреблялось в облачениях священников и церковной утвари» [6]. О других промыслах — полное молчание.

Ни слова нет о русской индустрии и на тех 12 страницах (504—517) II тома, где речь идет о русской торговле в течение всего XVIII в.

Мы нарочно приводим популярного Беера, потому что, с одной стороны, его труд выражает общепринятые в средине XIX столетия суждения относительно истории торговли и промышленности, а, с другой стороны, эта книга способствовала, в свою очередь, укреплению и дальнейшей популяризации подобных мнений.

Но если мы попробуем отрешиться от этих позднейших оценок и обратимся к показаниям современников, то сейчас же увидим, что они к экономическому состоянию екатерининской России вообще и к ее промышленности в частности относятся с несравненно большим почтением.

Как общее правило, может быть высказано следующее: почти все иностранцы-современники, писавшие о русской торговле и промышленности в конце XVIII в., вовсе не считают Россию страной экономически отсталой и зависимой в хозяйственном отношении от Запада.

Приведем отзывы некоторых географов, статистиков, путешественников, на которых в те времена часто ссылались на Западе, когда речь шла о России. Обратимся сначала к свидетельствам, касающимся торговли. Конечно, больше всего нас тут интересует внешняя торговля.

Бюшинг, который, как известно, четыре года пробыл в России, пишет в своей всеобщей географии [7], что хотя Россия может еще сильно увеличить количество своего вывоза, но уже и теперь (т. е. в 1770-х годах) этот вывоз значителен. Он отмечает силу и рост русской промышленности, причем говорит

очень одобрительно о качестве шелковых, ковровых, кожаных и некоторых других изделий, и указывает, что в 1775 г. было вывезено за границу товаров на 32 196 тысяч рублей. «По-видимому,— прибавляет он,— русский вывоз сильно превышает ввоз» [8] (тут он приводит цифры на основании таможенных справок и делает оговорку о контрабанде, о чем у нас речь еще впереди). Общий вывод его о русских как о торговой нации в высшей степени благоприятен: «Можно, конечно, сказать,— пишет он,— что ни один народ в мире не имеет большей склонности к торговле, нежели русские» [9].

Burja, учитель-француз из французского коллежа в Берлине, бывший некоторое время гувернером у Татищева, в подмосковном имении последнего, и поездивший по России, говорит о способностях русских к фабричному производству [10], и характерно, что права русской нации на уважение он мотивирует так: «Нельзя у них оспаривать, что они — народ, заслуживающий почтения вследствие своих сил, своих ресурсов, своей торговли и вследствие того, что они создали самую обширную империю, какая когда-либо существовала» [11]. Его, по-видимому, так поражает состояние русской торговли и промышленности, что он ищет объяснения этому факту и находит его в том, что в России совсем не так чувствовался гнет цеховой системы, как в Западной Европе; отмечает он и свободу торговли, царящую в России, где товары не платят никаких внутренних пошлин при ввозе в город [12]. Нужно вспомнить, что его книга вышла за четыре года до начала французской революции и что избавление от цехов и от внутренних таможен было мечтой всех прогрессивно настроенных людей во Франции. Заметим кстати, что даже и революция далеко не сразу отменила цехи; что же касается до внутренних таможен, то частичное их сокращение вызывало уже в течение самой революции самые бурные восторги. Например, довольно вспомнить ликования парижского народа, когда весной 1791 г. власти отменили пошлину, уплачивавшуюся за ввоз съестных припасов в стены столицы. Цехи тоже были уничтожены во Франции 2 марта 1791 г., т. е. лишь через два года после начала революции. Когда Burja писал свою книгу, у всех образованных людей, следивших за политикой, особенно у французов, жива была в памяти попытка Тюрго уничтожить тиранию цехов и освободить хлебную торговлю от мешавших ей пут; памятно было и решительное сопротивление французского двора планам Тюрго, его падение и крушение всех его начинаний. Немудрено, что Burja обратил большое внимание на то обстоятельство, что идеалы Тюрго уже были в России (в некоторых, по крайней мере, отношениях) живой действительностью.

С большой хвалой говорит об отсутствии стеснений для тор-

говли также и Шторх, автор многотомного статистического описания России [13]. «Может быть, нет в мире государства,— читаем мы у него, где внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограничений и поборов, чем Россия» [14]. Он указывает на ничтожное количество монополий, на отсутствие так называемых Stapelstädte, т. е. городов, имевших исключительную привилегию быть складочным местом известного рода товаров или же обязательным для известных местностей рынком сбыта и этапом. Такие города были тогда и в германских государствах, и во Франции. Прованская торговля избавилась от угнетавших ее привилегий г. Марселя лишь при революции. Отмечает Шторх и отсутствие дорожных пошлин (также, прибавим, разорявших французскую торговлю).

В 1774 г. в заседании английской палаты общин было засвидетельствовано, что без русского полотна, ввозимого в Англию, бедные классы английского народа обойтись не могут и что сырые материалы, получаемые из России, «существенно необходимы» для английского флота и английской торговли» [15].

Джон Ричард также удостоверяет, что баланс в англо-русской торговле решительно склоняется в пользу России [16].

Еще с большим ударением говорят о том же десятью годами позднее и другие свидетели [17].

Мысль о том, что торговля Европы с Россией нужнее Европе, чем России, проводится и Le Clerc'ом, который именно этим объясняет, что баланс всегда оказывается выгодным для русской торговли [18].

Автор предисловия к изданию 1789 г. «Истории русской торговли» Шерера приписывает именно в очень значительной степени торговому развитию России ее огромные политические успехи [19].

Таковы характерные показания современников о русской торговле. Я бы мог еще увеличить число цитат, если бы не боялся повторений: упомянутые сочинения (особенно Шторха и Германа), с упоминанием или без упоминания имен их авторов, легли в основу многих современных им и позднейших компиляций. Просматривая как в берлинской королевской библиотеке и в Британском музее, так и в отделении «Rossica» Публичной библиотеки в Петрограде всю литературу по истории торговли России в конце XVIII в., а также работы путешественников за этот период, я неоднократно встречался с повторением уже известного материала, и все в том же указанном освещении.

К этим показаниям современников, выраженных в их печатных трудах, позволю себе присоединить еще одно, рукописное, о котором уже напоминал вначале, хранящееся в связке F^{12} 1835 во французском Национальном архиве. Это — письмо генераль-

ного контролера Калонна к министру иностранных дел графу Верженну, написанное 25 апреля 1786 г. и посвященное вопросу о русско-французских торговых отношениях[20]. Письмо это не издано, и мне, повторяю, даже не случалось ни разу встретить какую бы то ни было ссылку на него ни во французской, ни в русской литературе, а так как никакого описания документов серии F¹² не существует, то этот документ даже и не упоминается ни в каких каталогах архива. Связка 1835-я этой серии вместе со связкой 1834-й заключает в себе уцелевшие документы так называемого «bureau de la balance du commerce», которые относятся к внешней торговле Франции. В своем небольшом реферате об официальной торговой статистике Англии и Франции в XVIII в., напечатанном в «Sitzungsberichte» Берлинской академии наук за 1898 г.[21], Фридрих Ломан пользовался связкой F¹² 1834, а о связке 1835-й и он ничего не говорит; впрочем, там и нет нужных для его темы материалов. Только этим полным отсутствием указаний можно объяснить, что названный документ не привлек ничьего внимания. Я стал искать его, как сказано, только вследствие одного беглого упоминания в официальной переписке за 1790 г., что в 1785 г. производились какие-то специальные работы над документами «balance du commerce» ввиду подготовлявшихся торговых договоров Франции с Англией и Россией.

Бюро торгового баланса, учрежденное в 1713 г., обязано было составлять ежегодные сводки сведений как о ввозе, так и о вывозе товаров на основании отчетов таможенных чиновников (точнее — чиновников, служивших по откупам этих таможенных доходов, les receveurs des fermes, как они назывались)[22]. Бюро составляло обстоятельную сводку о торговле Франции с иностранными державами за год, причем конечный результат этой работы заключался в том, что из суммы, на которую Франция вывезла своих товаров в данную страну, вычиталась сумма импорта во Францию из данной страны или же наоборот, смотря по тому, какая цифра была больше. Если французский вывоз был больше, то пред результатом такого вычитания ставился +, и это должно было обозначать, что торговля Франции с данной державой выгодна Франции и приносит ей столько-то в год; если французский вывоз был меньше ввоза во Францию из данной страны, то к разнице прибавлялся знак —, обозначавший ущерб для Франции от торговли с этой страной. Меркантильная система еще всецело царила в официальных кругах Франции, и с показаниями этого бюро стремилось сообразоваться правительство в случаях, когда ему нужно было предпринять какой-либо шаг в своей торговой политике. С Россией французы уже давно хотели заключить торговый договор, который обеспечил бы им такое же положение, которое за-

нимали англичане: речь должна была главным образом идти об уменьшении русских таможенных ставок и об уменьшении пошлины, взимавшейся с французских судов, приходящих в Россию. Отголосок этой тенденции мы находим, между прочим, у Леклера, в его уже цитированной выше истории России, где он глухо жалуется, что привилегии, данные англичанам, убивают конкуренцию [23].

Добиваясь заключения выгодного для Франции торгового трактата, министр иностранных дел Верженн натолкнулся на шедшее с русской стороны возражение, что франко-русская торговля для России невыгодна (опять-таки с точки зрения теории «торгового баланса»). Верженн обратился к главе ведомства финансов (и фактическому первому министру) генеральному контролеру Калонну за справками по этому вопросу. Калонн препроводил ему при особом письме справку о торговле с Россией из бюро торгового баланса. Это-то препроводительное письмо Калонна нас тут и интересует.

По словам Калонна, русские мотивируют свое мнение так: «Они видят в своей империи большое обращение французских продуктов, в то время как подсчеты их таможен показывают, что французы вывозят их товары лишь в очень небольшом количестве».

Как сам Верженн, так и Калонн убеждены в неправильности подобного взгляда. Ввоз русских товаров во Францию был за последний год (1785) очень велик (Калонн с умыслом при этом подчеркивает, что количество *французских* кораблей, перевозивших эти товары, было ничтожно: «quatre ou cinq de nos bâtiments» — и что суда, участвовавшие в торговом обмене между Францией и Россией, принадлежали англичанам, голландцам, гамбуржцам и др.). Для доказательства Калонн и препровождает выписку о состоянии франко-русской торговли. Ввоз из России во Францию в 1785 г., оказывается, был равен 6 412 329 ливрам, а вывоз из Франции в Россию — 5 485 675 ливрам, и, следовательно, торговый баланс сводился в пользу России на сумму в 926 664 ливра.

Что касается торгового мореплавания, то из России во Францию пришло в 1785 г. 140 судов вместимостью в 24 892 тонны, а ушло из Франции в Россию всего 74 судна вместимостью в 14 391 тонну.

И это еще сравнительно хороший для Франции год: во время войны Франции с Англией (из-за независимости Северо-Американских Штатов) Россия получила еще больше выгоды: так, в 1782 г. Франция получила непосредственно из России товаров на 9721 тысячу ливров, а вывезла в Россию всего на 4802 тысячи ливров, что дало России перевес в 4919 тысяч ливров. И хотя этот перевес несколько уменьшился в 1785 г., но

все же остался за Россией, так же как и в 1784 и в 1783 гг. Благодаря этому Россия увеличивает свой запас звонкой монеты в ущерб Франции. Если русские видят у себя большое количество французских товаров, то они должны были бы уже поэтому завести с Францией более тесные сношения, даровав французам те же льготы, какими пользуются англичане, голландцы и австрийцы: до сих пор, утверждает Калонн, торговля между Францией и Россией находилась особенно в руках голландцев, которые и получали от нее выгоду. Они покупали во Франции товары и перевозили их в Россию, где и продавали, конечно, по более дорогой цене, а затем нагружали свои корабли в России льном, веревками, строительным лесом, кожами, мехами и т. д. и перевозили все это во Францию. Немудрено поэтому, что русские в своих таможенных книгах не видят, сколько их товаров ввозится во Францию, так как голландцы только тогда заявляют, что едут во Францию, если не имеют в виду остановиться либо у берегов своей родины, либо где-нибудь еще по дороге. А между тем Калонн говорит, что бывают годы, когда ценность русского ввоза во Францию превышает 10 миллионов ливров. Пусть русские изменят свою систему (т. е. пусть заведут более прямые сношения с Францией), и их ошибочное мнение исчезнет, и они убедятся, что Франция является выгоднейшим рынком сбыта для продуктов русского земледелия и русской промышленности. При прямых сношениях цены на привозные продукты уменьшатся и потребление увеличится. Между прочим, Калонн особенно подчеркивает, что французский флот будет тогда получать нужный строительный лес из первых рук. (Заметим, кстати, что Калонн в конце своего письма уже признает, что количество французских судов, торгующих с Россией, не четыре-пять, а десять, в 1784 г. их было семь, 1783 — одно, а в 1782 — ни одного.)

Таков этот документ. Он подтверждается данными бюро торгового баланса за 1785 г. Общие показания бюро относительно русского ввоза такие: парусного холста из России во Францию ввезено на 98 тысяч ливров, сырых продуктов — на 4280 тысяч, продуктов индустрии — на 1412 тысяч, пшеницы, ржи и овса — на 472 тысячи и разных мелких товаров (без более точного обозначения) — на 150 389 ливров. Итого ввоз русских товаров во Францию равен 6 412 339 ливрам.

Что касается французского вывоза в Россию, то из общей цифры (5 485 675 ливров) главная сумма падает на вина (1 156 009), водки (609 тысяч), фрукты (126 тысяч), соль (117 тысяч) и на неопределенную категорию les divers petits objets (225 675), под которыми в данном случае можно понимать отчасти и предметы роскоши. Что касается вывоза продуктов французских мануфактур, то цифры, относящиеся сюда,

сравнительно незначительны: сукон было вывезено из Франции в Россию всего на 94 тысячи, полотна — на 56 тысяч и т. п.

Таковы эти цифры. Каково их реальное значение? Всецело верить полной точности этих цифр нельзя. Дело в том, что, как совершенно справедливо заметил Ломан в своем докладе берлинской академии наук об официальной торговой статистике Англии и Франции в XVIII в. [24], Эльзас-Лотарингия, епископства Мец, Туль, Верден, затем так называемые Pays de Gex, а также гавани Марсель, Байонна, Лориан, Дюнкерк и (не упоминаемый почему-то Ломаном) Saint-Jean de Luz не давали сведений общему «бюро торгового баланса», ибо их таможни подчинялись особой регламентации и действовали на особом основании. Далее.

Ведь почти все произведения французской промышленности были избавлены от вывозной пошлины, а поэтому, хотя для целей статистики и приказано было вести им счет, но, конечно, это исполнялось не особенно аккуратно, ибо главной своей задачей таможенные чиновники считали регистрацию товаров, за вывоз которых полагалось пошлину взимать. Точно так же, с другой стороны, ввоз во Францию целой массы сырья был освобожден от всякой пошлины (например, все, что нужно для ткацкой и прядильной индустрии, для споспешествования сельскому хозяйству и т. д.). Так что и статистика ввоза по этой же причине могла вестись неаккуратно. Неточности проистекали и от того, что денежная оценка вывозимых количеств (так же, как и ввозимых) делалась иногда довольно ошибочно — да и трудно было тут соблюсти полную точность,— делалась на основании приблизительных расчетов, объявляемых самими владельцами товаров или же таможенными служащими.

Несмотря на все это, нам представляется верным мнение Ломана [25], что при всех этих неточностях отношение между ввозом и вывозом во французской официальной статистике передавалось довольно правильно, соответственно реальной действительности, хотя абсолютно цифры и ввоза, и вывоза получались меньше действительных. Этот вывод методологически правилен потому, что ведь все эти «источники ошибок» действовали одинаково и при исчислении ввоза, и при исчислении вывоза. Если же после этих оговорок перейдем, в частности, к цифрам, касающимся торговли Франции с Россией, то должны будем прибавить еще и следующее.

Если в цифрах, сообщенных Калонном, есть ошибка, то в том отношении, что перевес баланса в пользу России еще больше, нежели указывается в этих цифрах. В самом деле, русское правительство указывает, что в империи замечается масса французских товаров, но в русских таможенных книгах следа об этом нет, ибо Калонн в своем письме непременно привел бы русские

цифры, если бы эти цифры были ему даны, но он просто говорит: «L'aveu que font les russes qu il y a parmi eux une grande circulation du produit de notre sol et de notre industrie» и т. д. Значит, единственная цифра для определения французского вывоза в Россию есть та, какую дает Калонн. Мы можем предположить на основании вышесказанного, что она ниже действительной, но у нас нет возможности сказать: «Вот другая цифра, цифра русского происхождения, составленная на основании более действительных исчислений»,— ибо, если французская таможня могла не особенно аккуратно исчислить вывозимые из Франции мануфактурные, скажем, изделия или вина, или водки, ввиду почти полного отсутствия вывозной пошлины, то уж русская таможня, для которой все эти товары являлись ввозом, обложенным часто высокой пошлиной, наверное, отметила бы точнее их количество. Следовательно, предполагая, что цифра французского вывоза, даваемая Калонном, меньше действительной, мы так или иначе не можем все-таки забыть, что заинтересованная сторона прямо не опровергла этой цифры. Если же перейдем к цифре русского ввоза, то мы тут уж, действительно, можем счесть цифру 6 412 339 ливров минимальной. Вглядимся в составные части этой цифры. Конечно, произведений русской мануфактуры французские тарифы не пропускают почти вовсе, их ввезено во Францию на ничтожную сумму. Но зато леса, железа, льна, пеньки ввезено на 4280 тысяч, воска, кож, сала ввезено на 1412 тысяч, т. е. почти весь русский ввоз состоит из таких продуктов, которые во Франции не были обложены пошлиной и, следовательно, регистрировались неаккуратно. Но если во Франции не обложен их ввоз, то и в России подавно не обложен их вывоз, так что ни во Франции, ни в России никто не был заинтересован в точной их статистической регистрации. И нужно было, действительно, очень уж большие количества этих товаров ввести во Францию, чтобы во французских регистрах остался хоть такой след, как цифра в 6 412 339 ливров.

В XVIII столетии Россия была в Европе страной, откуда едва ли не легче всего было вывозить сырье, ибо почти всюду (не говоря уже об Англии и Франции) вывоз многих сырых продуктов был либо прямо запрещен, либо обложен высоким тарифом.

Поэтому именно относительно торговли Франции с Россией нужно признать, что перевес России был еще гораздо больше, чем указывал Калонн на основании французской официальной статистики.

Отметим к слову, что в той же связке (F^{12} 1835) имеется подсчет результатов торговли Франции со всеми иностранными державами за 1788 г. [26]. Согласно цифрам этого документа Россия в 1788 г. ввезла во Францию больше товаров (6 871 900 лив-

ров), чем Пруссия (3 547 700), Швеция (5 581 100), Дания с Норвегией (4 068 800), Швейцария (6 561 900), Милан, Тоскана, Лукка и Венецианская республика вместе взятые (3 607 700 + 1 577 900 + 136 800), и больше, чем Северо-Американские Штаты (3 189 500). Из 19 государств, с которыми Франция в 1788 г. вела торговлю, всего 8 держав больше ввезли во Францию, чем вывезли из нее — и в их числе Россия. Не нужно при этом забывать, что и в 1788 г. далеко не все товары, проходившие во Францию из России, регистрировались как русские провенансы: английское, голландское, ганзеатическое мореплавание отнюдь не перестало играть роль во франко-русском обмене.

Заметим, что торговый договор, о котором хлопотал Калонн, устроился к концу того же 1786 г. [27]. Со стороны Франции уполномоченным был граф Сегюр, со стороны России — графы Воронцов, Остерман и Безбородко и действ. ст. сов. Марков. 31 декабря 1786 г. договор был подписан.

Договор уменьшал пошлины на французские товары (на бургонские вина вместо 50 — 40 коп. за бутылку, на шампанское вместо 60 — 50 коп., на остальные вина вместо 15 — 12 рублей за груз в 240 бутылок, за марсельское мыло вместо 6 рублей — 1 рубль за пуд), вообще же Франция причислялась к «наиболее благоприятствуемым нациям», и прямые торговые сношения между ней и Россией сильно этим договором облегчались.

Этот договор в общем, с точки зрения «торгового баланса», оказался, по-видимому, более выгодным Франции, чем России. По крайней мере так говорят некоторые документы, хранящиеся в архиве французского министерства иностранных дел (см., например, рукопись Edmond Genet «Observations statistiques sur la Russie», в 35-м регистре серии «Russie» в архиве министерства иностранных дел в Париже, помеченную 30 октября 1792 г.).

Чтобы уж покончить с франко-русским договором 1786 г., нужно еще отметить, что англичане пришли в большое раздражение по поводу успеха, достигнутого французской дипломатией, и лондонский двор именно после этого договора повел борьбу против политики Екатерины, и, по мнению некоторых, турецкая и шведская войны были ускорены благодаря интригам Англии [28].

Впрочем, Франции не пришлось долго пользоваться выгодным для нее договором. При революции дипломатические отношения между обеими державами были прерваны, а высочайшим указом 8 апреля 1793 г. всякие торговые сношения с Францией были воспрещены. В этом смысле Екатерина II еще более круто ответила на казнь Людовика XVI, нежели Алексей Михайлович на казнь Карла I Стюарта.

Прибавлю в заключение, что французы после разрыва торговых сношений отдали себе ясный отчет, до какой степени русская торговля важна для них. Когда в 1800 г. Павел I завел дружественные отношения с генералом Бонапартом и речь зашла даже о союзе, то некий Guttin подал мемуар, в котором доказывает пользу подобной комбинации. Этот мемуар до сих пор не издан и хранится в министерстве иностранных дел в Париже. Поговорив в общих словах о том, что русские не могут обойтись без французских продуктов (причем он не называет ни одного такого продукта), Гюттэн уже вполне определенно заявляет, что Россия есть единственная страна, которая могла бы доставить французам средства возродить их флот. (Он имеет в виду строительный лес, веревки, коноплю, парусный холст и т. д. [29]).

Калонн говорит только о торговле России с Францией. Как обстояло дело с общим русским торговым балансом?

Как было уже сказано, таможенная статистика в XVIII в. находилась в довольно неутешительном состоянии, и цифры ее необходимо принимать с оговорками. То, что выше я сказал о статистике французской, применимо с еще большим основанием к нашей. Поэтому не буду долго задерживаться на цифровых показаниях, которые даются современниками относительно общей суммы ежегодного ввоза и вывоза.

Герман, пользовавшийся официальными данными, говорит, что в 1790 г. ввоз в Россию был равен 22,5 миллионам рублей, а вывоз — 27,5 миллионам рублей, так что торговый баланс был в сумме в 5 миллионов рублей в пользу России [30].

Вильгельм Фрибе, член вольно-экономического общества, издавший в самый год смерти Екатерины книгу о земледелии, торговле и промышленности в России, в общем не особенно благоприятно судящий о торгово-промышленном преуспевании России, определяет цифру вывоза только из гаваней Балтийского и Белого морей в 40 миллионов рублей и утверждает, что перевес в торговом балансе «большей частью остается на стороне русских» [31].

Но достаточно вспомнить то, что было раньше сказано о невозможности произвести точный учет товарам, вывоз которых не обложен пошлиной, достаточно вместе с тем принять в соображение, что огромное большинство товаров, вывозимых из России, пошлины за вывоз не платили, чтобы уже убедиться в неточности этих цифр. Конечно, они были еще больше.

Существует, впрочем, и совершенно прямое указание, исходящее от министра финансов Румянцева, что до начала XIX столетия никакой работы по сведению торгового баланса в финансовом ведомстве не предпринималось и что даже не были приведены в систему те материалы, которые могли бы для этой

цели служить, да и самые материалы были совершенно недостаточны [32].

Румянцев, как мы видим, не считает нужным даже упомянуть о проводившихся в разных сочинениях цифрах. Но если поэтому позволительно скептически относиться к точности цифр ввоза и вывоза, то, согласно с вышеприведенным методологическим указанием Lohmann'a, все же и эти подсчеты баланса могут правильно указать общее соотношение между ввозом и вывозом. А тут показания современников почти единодушны: Россия больше вывозит, нежели ввозит, заграничные страны несравненно больше зависят от России в торговом отношении, чем Россия от них. Приведенное письмо Калонна в этом смысле не составляет диссонанса, но существенно подкрепляет разбросанные там и сям суждения современных Екатерине авторов.

Таковы свидетельства, касающиеся внешней торговли России. Из всего вышеизложенного ясно, что современные екатерининскому царствованию показания совсем не говорят о России как об отсталом и зависимом в экономическом отношении государстве; мало того, мы видели из приведенных рукописей официального происхождения, что торговый баланс сводится в пользу России, мы видели также на примере французского торгового баланса, что Россия занимала далеко не последнее место в ряду других европейских держав по сумме своего ввоза во Францию.

2

Переходим к показаниям о промышленности.

Состояние промышленности в России в конце XVIII в. Шторх рисует в самом благоприятном свете: «Возникло множество новых фабрик и мануфактур, из которых многие превосходно процветают, дух индустрии распространился повсеместно в самых отдаленных частях огромного государства» [33]. Правда, он отмечает, что Россия еще не избавилась от заграничного ввоза, особенно предметов роскоши. «Россия, конечно, фабрикует теперь несравненно деятельнее (fabriziert jetzt gewiss unendlich thätiger), чем сорок лет тому назад», но и потребности «действительные и воображаемые» также бесконечно возросли. Однако он уверен, что не за горами то время, когда и эти «утонченнейшие потребности» будут удовлетворяться предметами роскоши, производимыми русской индустрией: после всех уже достигнутых успехов поруку в том он видит в талантливости русского народа, «в промышленном, утончающем духе нации» (der betriebsame, rafinierende Geist der Nation), в ее склонности ко всякому мастерству, в «достойной удивления способности к

подражанию», а также он надеется на «живое соревнование при усиливающейся конкуренции фабрик» [34].

Говоря о талантах русского народа, Шторх между прочим дает в немецком переводе выдержку из сильно читавшегося в 80-х и 90-х годах XVIII в. сочинения Levesque'a «Histoire de la Russie». Мнение Левека в самом деле интересно, хотя нужно заметить, что Шторх неточно в одном месте переводит французский подлинник (по-видимому, по соображениям характера цензурного).

Левек [35] очень высокого мнения о некоторых отраслях русской индустрии. «Русским удаются фабрики и ремесла,— говорит он.— Они делают тонкие полотна в Архангельске, ярославское столовое белье может сравниться с самым лучшим в Европе. Стальные тульские изделия, быть может, уступают только английским. Русская шерсть слишком груба, чтобы можно было фабриковать из нее тонкие сукна, но некогда получали от иностранцев все сукно для обмундирования войск, а теперь иностранцы начинают сами получать его из фабрик этой страны (России — *Е. Т.*)».

По мнению Левека, русские «более, чем многие другие нации, приближаются к совершенству формы... Заставьте русского состязаться с иностранцем, и можно биться об заклад, что русский будет работать с меньшим числом инструментов так же хорошо и выработает те же предметы с менее «сложными машинами» [36]. Русские настолько даровиты, что они сравняются или превзойдут в смысле индустрии» другие народы, «если они когда-либо получат свободу». Эти слова Левека — «s'ils obtiennent jamais la liberté» — Шторх, очевидно, счел нецензурными и заменил их более затейливым оборотом: «...если судьба даст им все те преимущества, которые в других странах благоприятствуют промышленности» [37].

Возьмем даже автора, который в общем не так благоприятно смотрит на русскую промышленность, именно Friebe. Правда, Friebe не может быть для нас так авторитетен, как, например, Storch или Herrmann, ибо на 17 небольших страницах, которые он посвящает промышленности, он больше делает общих замечаний, чем фактических сообщений. Но и он отмечает ту счастливую особенность русской промышленной организации, что цехи не подавляют талантов, не делают помехи труду (хотя и сетует при этом на недостаточный надзор за доброкачественностью работы) [38]. Не может он не признать также «бесконечно» большого роста русских фабрик за время от Петра до конца XVIII в. и даже за последнюю половину XVIII в. [39] Русские кожевенные фабрики, по мнению этого (в общем строгого) судьи, так усовершенствовались, что другие страны тщетно пытаются в этом отношении сравняться с Россией [40]. Убедительные

подтверждения и иллюстрации этого факта я нашел в документах, касающихся судеб кожевенного производства в Италии конца XVIII и начала XIX в.: русской конкуренции в этой области (даже на чисто итальянских рынках) приписывалось огромное значение [41].

Теперь нам хотелось бы сказать несколько слов о русской промышленности в конце XVIII в. сравнительно именно с промышленностью французской.

Если я беру для сравнения именно французскую промышленность, то считаю нужным напомнить, что ведь Франция считалась страной крупной промышленности, самой индустриальной из всех держав европейского континента в конце XVIII в. или, точнее, самой индустриальной страной в тогдашнем мире, кроме Англии. Когда пятнадцать лет тому назад я начинал разбираться в документах, касающихся истории французской обрабатывающей промышленности, когда я приступал к чтению документов серии F^{12} в Национальном архиве, то для меня постепенно стала выясняться все более и более решительная необходимость совершенно отрешиться от вычитанных понятий о французской промышленности.

Начать с того, что самая эта серия F^{12} оказалась очень мало и очень поверхностно исследованной. А между тем без этой серии нельзя себе составить никакого точного представления о французской промышленности XVIII в.

И вот, во время этой работы мне постоянно приходило в голову, до какой степени выиграла бы русская экономическая историография, если бы европейская была лучше разработана и если бы, таким образом, сравнительный метод мог с известной уверенностью быть пущен в ход.

В самом деле, я беру с умыслом книгу ученого, вовсе не склонного уменьшать роль русской индустрии и собравшего в своей книге так много материала для доказательства серьезных размеров развития русской промышленности в прошлом и настоящем. Я говорю о «Русской фабрике» М. И. Туган-Барановского. Эту книгу упрекали в том, что она слишком сгущает краски в пользу своего тезиса. Я бы упрекнул ее в отсутствии (там, где речь идет о XVIII в.) иллюстраций из западноевропейской исторической жизни, если бы не знал, что автор сошлется на недостаточность и необработанность экономической истории Запада в этот период (кроме, разве, Англии).

И для меня, когда я знал, например, французскую промышленность по книгам вроде German'a Martin'a, которая так и озаглавлена: «La grande industrie sous Louis XV», и тому подобным работам,— тоже казалось, что и сравнивать нельзя Россию XVIII в. с Францией в смысле индустриального развития. Но

когда я стал знакомиться с настоящей действительностью, которая оставила свои реальные следы в серии F^{12}, то понял, что решительно нет никаких оснований считать, что Россия екатерининского времени в самом деле сколько-нибудь сильно отстала от наиболее передовой в индустриальном отношении страны европейского континента. М. И. Туган-Барановский говорит, что крупное производство было в эпоху Петра Великого новостью в России, но такой же точно новостью оно было за сорок лет до Петра — во Франции при Кольбере. Точно так же, если нам говорят, что в течение XVIII в. русская фабрика не сделала технических успехов, можно указать, что и во Франции до самого XIX столетия технические успехи были до последней степени убогими и (не говоря уже об отсутствии паровых машин даже в последнее десятилетие XVIII в.) только с конца 1780-х годов английские прядильные и ткацкие усовершенствования очень медленно и туго спорадически появляются во Франции [42].

Нужно читать документы серии F^{12}, где речь идет об этих усовершенствованиях: о каждом экземпляре уведомляют министра, приглашают то одного, то другого англичанина и чуть не золотом осыпают его за согласие остаться на службе во Франции, министр финансов знает по имени 15-летнюю работницу (из одной парижской мастерской), которая умеет обращаться с одной машиной, и речь идет о том, чтобы послать ее в провинцию начальствовать над мануфактурой, и власти все тоскуют (в своей переписке), что эта девушка слишком молода для начальственных функций. Прожектеры, самые фантастические авантюристы удостаиваются серьезного отношения, проекты их обстоятельно рассматриваются, и иногда им дается даже субсидия. Самое ясное представление выносится читателем этих документов: механические усовершенствования, шедшие из Англии, были до самого XIX в. для Франции совершенно случайным новшеством, экзотическим явлением. В этой области делались эксперименты, нащупывалась почва, но не более. В этом отношении Франция времен Людовика XVI гораздо ближе к екатерининской России, чем к Англии Аркрайта и Уатта, и недаром уже в эпоху революции слышны ревнивые жалобы, что Екатерина II («La despote du nord») очень успешно отовсюду переманивает к себе на службу самых искусных рабочих и французским ремеслам грозит от этого оскудение: обе державы нуждались одинаково в таких «искусных рабочих», бывших в те времена во всех континентальных странах наперечет. Прибавлю, что и за все наполеоновское царствование положение во Франции в этом отношении не изменилось (см. мое исследование — «Континентальная блокада», гл. II, III, IV).

Туган-Барановский говорит далее, что покровительство рус-

ской фабрике к концу XVIII в. уменьшилось, а фабрика все-таки продолжала развиваться. Он мог бы прибавить, что русская промышленность при Екатерине и понятия не имела о том деятельнейшем правительственном покровительстве, которым пользовалась промышленность французская при Людовике XVI и даже при революции.

В России в течение всего екатерининского царствования не было ничего похожего на непримиримый протекционизм, столь характерный для французского старого режима вплоть до последних его годов. «Чрезмерное покровительство,— констатирует А. С. Лаппо-Данилевский относительно России в екатерининскую эпоху,— которым первоначально пользовалось крупное производство, в это время стало излишним. В течение первой половины XVIII в. русское производство сделало заметные успехи. Число фабрик увеличилось в несколько раз, и обороты на некоторых из них заметно возросли» [43]. А в это самое время строжайшие протекционистские принципы продолжали считаться во Франции альфой и омегой государственной мудрости, и стоило правительству в 1786 г., при заключении договора с Англией, несколько от этих принципов отклониться, чтобы со стороны представителей целой массы отраслей промышленности посыпались градом жалобы, упреки, мольбы об уничтожении договора, который «губит» национальную индустрию. Дело доходило до того, что, как я уже старался показать в другом месте [44] на основании подлинных данных, промышленники иной раз просили правительство даже не остановиться перед объявлением войны Англии, если это нужно в видах расторжения ненавистного договора. Нечего далее и сравнивать положения русских промышленников времен Екатерины с положением их французских товарищей — хотя бы, например, времен революции — относительно всякого рода казенных субсидий и вспомоществований: мне приходилось читать прямо целые сотни просьб и молений владельцев индустриальных предприятий в Париже и провинции, молений о денежной помощи, обращенных к правительству и в последние годы старого режима, и при Учредительном и Законодательном собраниях, и при Конвенте, и при Директории. Некоторые картоны серии F[12] почти целиком из такого рода документов и состоят. И правительственная власть нередко удовлетворяет эти просьбы, а владельцы сплошь и рядом подкрепляют свои домогательства ссылкой на то, что они «кормят» столько-то десятков «pères de famille», которые в случае краха предприятия останутся на улице. И любопытнее всего в этих просьбах сознание своего *права* на эти милости, привычка к субсидиям, обратившаяся явственно во вторую натуру. Этого явления в екатерининской России не заметил никто из писавших о состоянии тогдашней индустрии.

3

Но несмотря на то, что в конце XVIII в. русская промышленность не пользовалась таким покровительством со стороны правительства, как промышленность французская, цифровые данные, касающиеся русской индустрии, не дают никаких оснований ставить тогдашнюю Россию в ранг отсталой и экономически зависимой державы. Для нас не так важно даже число мануфактур в тех или иных городах и губерниях, показываемое современными писателями. Но нельзя обойти молчанием, что самые авторитетные и внимательные наблюдатели дают очень внушительные цифры.

Бюшинг считает, что «лучшие мануфактуры в России — полотняные» и что они «доставляют большую массу полотна для внутреннего потребления и для вывоза» [45]. Шелковых мануфактур в России было в 1762 г.— 26, а в 1775 г.— ровно вдвое больше (52), причем они вырабатывали «красивейшие» сорта шелка. По словам Германа (в 1780 г.), в России было 64 полотняных мануфактуры; говоря о других промыслах, он не дает точных цифр. Шторх в одной Московской губернии насчитывает (в 1787 г.) 761 фабрику (Fabriken und fabrikmässige Anstalten — «Sawoden») и подчеркивает, что в эту цифру не входят мелкие предприятия [46], в Петербурге — 120 мануфактур, в Ярославле — 21 («sehr bedeutende»,— настаивает автор). Относительно общего числа мануфактур в России напомним, что, например, М. И. Туган-Барановский считает наиболее точной цифру, приводимую на основании данных мануфактур-коллегии Бурнашевым (в его «Очерке истории мануфактур», 1833), т. е. что в 1762 г. в России было 984 фабрики, а в 1786 г.— 3161, «Материалы по истории и статистике русских мануфактур», изданные ведомством финансов в 1865 г., дают для первого года екатерининского царствования 984 фабрики, а для последнего — 3129.

Замечу, что я лично не спешу признать ни цифру Бурнашева, ни цифру «Материалов» для конца екатерининского царствования — непререкаемой. Дело в том, что в VIII томе «Записок императорской академии наук» («Mémoires de l'Academie des sciences» за 1817 г.) был помещен академиком Германом, строгим и осторожным статистиком, общий обзор истории русских мануфактур, причем он дает [47] для 1802 г. цифру 2270. Правда, по общим отзывам при Павле вывоз сократился и вообще промышленная деятельность не была оживленной, но трудно предполагать, чтобы за пять лет из 3161 или даже 3129 фабрик закрылось около 900. Разногласие между цифрами Бурнашева и министерства финансов, с одной стороны, и цифрой Германа, с другой стороны, можно объяснить себе так, что

Герман не принимал в расчет более или менее мелкие предприятия, которые более походили на мастерские («Werkstätte»), нежели на «Fabriken und fabrikmässige Anstalten», как выражается Шторх. Отметим еще, что Petri считает, что в 1806 г. в России было 2378 фабрик более или менее крупных («ohne die zahlreichen kleinen Etablissements»,— оговаривается он) и на этих 2378 фабриках работало будто бы более полумиллиона рабочих [48]. Если последняя цифра и составляет преувеличение, то подсчет фабрик не особенно противоречит вышеприведенным показаниям, и цифра, даваемая Германом, отчасти подтверждается цифрой Петри. Герман, заметим, в своей «Russlands statistische Schilderung» явно интересуется именно только большими промышленными предприятиями. Но в таком случае цифра Германа (2270) особенно для нас интересна: пусть нам назовут державу континентальной Европы, которая в 1802 г. имела больше 2270 сколько-нибудь крупных мануфактур, и тогда согласимся, что Россия была «отсталой» в индустриальном отношении страной. Были целые города, носившие явно выраженный фабричный характер. Читая описание путешествия известного Палласа, отъезжавшего в Россию по поручению академии наук в конце 60-х и начале 70-х годов XVIII в., я был поражен впечатлением, которое путешественник вынес от посещения Арзамаса: при всей нечистоте и внешней неприглядности города, он показался Палласу *необыкновенно* благоденствующим и многолюдным, причем город своим процветанием обязан обрабатывающей промышленности, все его население, кроме купцов и чиновников, состоит из представителей промышленности, и Паллас даже приводит этот город в доказательство того, насколько и для всего государства выгодны фабрики и мануфактуры [49].

Но, конечно, самое интересное — это общее впечатление, которое путешественник получил от Арзамаса, впечатление чисто фабричного города. Напрасно мы стали бы у Артура Юнга или у других авторов, оставивших описание путешествий во Франции в конце XVIII в., искать чего-либо подобного при описании не столицы, даже не провинциального центра, а третьестепенного города.

Не менее интересны цифры рабочих, занятых на отдельных фабриках.

Можно сомневаться в статистических итогах, подводившихся в XVIII в., например в подсчетах торгового баланса и т. п., но какое основание есть у нас для сомнений в отдельных сообщениях относительно числа рабочих на той или иной фабрике, особенно если эти сообщения исходят от такого добросовестного и серьезного писателя, как Герман, объездившего Россию. Есть огромные шелковые мануфактуры: в Москве — Михаила

Милетина — 988 рабочих, Лазарева (близ Москвы) — 500 рабочих, Семена Бабушкина — 351 рабочий; огромные суконные мануфактуры, например, Гарденина (в Воронеже) — 435 рабочих, Алексея Иванова (в Москве) — 453 рабочих, Ивана Кожина (в Лебединске) — 589 рабочих, Суровщикова (в Москве) — 545 рабочих, Якова Тулинина (в Тамбове и Воронеже) — 2250 рабочих, цифра огромная и для двух мануфактур, Юстинова (в Малороссии) — 756 рабочих, наследников Ивана Дребеля (в Казани) — 1128 рабочих, Алексея Гурьева (в Шацке) — 1700 рабочих. Но самые огромные мануфактуры попадаются среди выделывающих холст и полотно. «Они очень многочисленны и частью значительны и велики»,— говорит Герман. Цифры, которые он приводит [50], с избытком подтверждают это мнение. Приведем выдающиеся образчики (статистика относится к 1780 г.): на мануфактуре Демидова (в Перемышле) — 472 рабочих, у Зерского (в Суздале) — 599 рабочих, у Михайлы Гусятникова (в Зарайске) — 795 рабочих, у Петра Хлебникова (в Пронске) — 1059 рабочих, у Ларпона Лугинина (в Туле) — 1295 рабочих, у Данилы Земского (в Московском уезде) — 1031 рабочий, в Ярославле (у наследников Яковлева) — 2637 рабочих, у Гончарова (в Малоярославце) — 2559 рабочих, у Гончарова (в Москве) — 3479 рабочих; относительно некоторых точная цифра рабочих не приведена, но ее легко можно хоть приблизительно восстановить, например, когда Герман говорит, что на мануфактуре Трапезникова работает 706 станков (в Ярославле), то, вспоминая, что в том же Ярославле на мануфактуре наследников Яковлева работают 2637 человек при 690 станках, читатель может заключить, что у Трапезникова рабочих было больше 2600 во всяком случае. На парусно-полотняных мануфактурах Калуги в 1793 г. работало 8860 рабочих, и работали для вывозной торговли [51].

Относительно многих промыслов Герман и вообще не дает цифр, а ограничивается указанием, что таких мануфактур в России много и они — велики. Например, о мануфактурах, выделывающих парусный холст, он говорит: «Dergleichen sind im russischen Reiche sehr viele und sehr grosse» [52]. О производстве мыла он говорит, что «его в России выделывается так много, что значительная часть его может вывозиться за границу [53]. Нельзя тут, кстати, не упомянуть, что все обращения французских фабрикантов мыла к своему правительству в последние годы XVIII в.— это один непрерывный вопль о гибели производства, о недостатке необходимого сырья, причем и со стороны населения слышатся те же жалобы и просьбы, чтобы правительство предприняло какие-нибудь меры против такого зла, как отсутствие мыла [54].

Приведенные выше цифры являются в сравнении с цифрами

рабочих на французских мануфактурах поистине чудовищными. Мы не теряем из вида (хотя прямых указаний в этом смысле и мало, но нужно представлять себе дело — раз речь идет о XVIII в.— так), что эти тысячи рабочих, занятых на русских предприятиях, конечно, далеко не все работали в здании мануфактуры. Этим, между прочим, и объясняется разительное противоречие в общих подсчетах, причем одни утверждают, что в России было чуть ли не более полумиллиона рабочих, а другие — для тех же приблизительно лет довольствуются цифрой в 100 тысяч. Замечу, что и во французской статистике XVIII в. наблюдаются такие же колебания. Не подлежит сомнению, что в подсчеты очень часто входили все рабочие, как работавшие в здании мануфактуры, так и получавшие работу на дом. Но ведь и для Франции конца XVIII в. эта оговорка совершенно необходима; во Франции, судя по прямым, несомненным доказательствам, большинство сколько-нибудь крупных предприятий было организовано именно по такой системе, что предприниматель давал рабочим материал и часто орудия производства, а работали они на дому.

Во Франции «промыслы, рассеянные по деревенским хижинам», о которых говорит Артур Юнг, путешествовавший в 1790 г., играли очень важную роль в индустрии, и знакомясь с документами серии F^{12}, я на каждом шагу вспоминал это показание Юнга. В 1910 г. в своем исследовании «L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime» я постарался доказать повсеместность и полное господство этого явления во Франции. Мало того. Не подлежит никакому сомнению, что мнение об экономической отсталости России, укоренившееся в европейской литературе в средине XIX в., деятельно поддерживалось у нас известным течением общественной мысли, возводившим эту отсталость в идеал и усматривавшим в ней залог самобытного развития и лучезарного будущего. Противники этого течения восставали против оценки этой отсталости России, но не пробовали по этому случаю указать, что если Россия и могла назваться во второй половине XVIII столетия «отставшей» от Англии страной, то для конца XVIII в. эту «отсталость» делила с ней и самая промышленная страна континента — Франция. Разве не знакомую нам идиллию рисует (и критикует) Артур Юнг, гражданин опередившей весь мир индустриальной державы, когда он говорит о французском крестьянине [55]: «Крестьянин, живущий со своей семьей на своей земле, удовлетворяющий всем своим нуждам своим собственным промыслом, не прибегая к обмену, независимый ни от кого, представляет, правда, картину сельского счастья, но счастья, несовместимого с потребностями современного общества»,— и если бы Франция состояла только из подобного населения, она, по мнению Юнга,

пала бы жертвой иноземного завоевания. По типу своему французская промышленность конца XVIII в. отнюдь не была более развитой, чем промышленность русская, она не была и достаточно сильной, чтобы совершенно изменить стародавний быт крестьянства, как не была для этого достаточно сильной и современная ей русская индустрия.

Во Франции конца XVIII в. фабрика, на которой (или, точнее, на которую) работает 100—150—200 человек, считается очень крупной, больше 300—400 человек попадается в виде единичных исключений. Очень промышленный город Tourcoing (в северном департаменте) хлопочет, чтобы правительство помогло фабрикам, ибо — пишут администраторы — все эти фабрики вместе кормят 1000—1200 рабочих [56]. G. Martin в своей книге «La grande industrie en France sous le règne de Louis XV» [57] любит приводить большие цифры рабочих, работающих в той или иной местности: в Сэн-Шамоне работают над выделкой лент 8 тысяч женщин, в Руане с окрестностями занято 3495 станков и т. д.

Имея дело с этими цифрами, надлежит помнить, что сюда входят не только такие рабочие, которые, получая от хозяев материал и заказ, работают у себя на дому, но также и все ремесленники и все крестьяне, которые просто вырабатывают товар у себя дома и продают его в городе. Сам Мартэн признает, что во время жатвы все эти станки, разбросанные по деревням, не работают вовсе [58]. Во II части своей диссертации «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» * я привожу целый ряд документальных указаний, обнаруживающих, что весьма часто деревня занималась промышленным трудом только в зимние месяцы.

Типична эта связь с землей для индустриального быта XVIII в. не только во Франции, но и на всем континенте. Достаточно вспомнить, например, характернейшее место у Мирабо в его описании прусской монархии: рассказав, что во всей Померании на всех промыслах — 6681 человек, он поясняет, что, в сущности, эти рабочие вырабатывают товар дома и затем продают его купцу, который и сбывает его [59].

Но как велико число рабочих, занятых на отдельных мануфактурах? Есть ли большие фабрики и много ли их? Мартэн в высшей степени неясно и неопределенно говорит: «Достоверно, что со средины XVIII столетия существуют очень большие фабрики. Одни занимают 1800 рабочих, как в Лиможе, другие — 1500, как в Puy en Velay. Марсель имеет 40 шляпных мастерских с 500 рабочих, 38 фабрик мыла и 1000 рабочих». Уже эти отрывочные, не идущие одно к другому сообщения показывают, как неясен цифровой материал у автора. Но если допустить

* См. наст. изд., т. II — *Ред.*

полную точность цифр (1800 и 1500 человек) и если прибавить знаменитую аббевильскую мануфактуру Ван-Робе, где работало 1500 человек, то вот пред нами три едва ли не крупнейшие заведения Франции. Чтение документов, содержащихся в серии F^{12}, дает нам полную уверенность, что во Франции конца XVIII столетия мануфактуры, где работало более 500 человек, были очень большой редкостью, а большими предприятиями считались уже те, где работало 100—200 человек. Обильные документальные подтверждения читатель найдет во второй части книги «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». И русские мануфактуры того времени были далеки от современного типа, но число предприятий, действительно громадных по количеству занятых рабочих в России было, по-видимому, больше, чем во Франции.

Часть рабочего населения России была в крепостной зависимости от владельцев фабрик и заводов: это было возможно, если эти владельцы были дворяне, и что некоторые предприятия в России держались именно крепостным трудом, не подлежит сомнению. Но как велик был процент рабочих крепостных — установить в точности едва ли особенно легко. Герман утверждает [60], что в 1812 г. на больших подсчитанных им фабриках работало 119 093 рабочих: из них 31 160 — государственных крестьян, 27 292 — помещичьих крепостных и 60 641 — свободных.

Как в этом отношении обстояло дело к концу царствования Екатерины — мы не знаем. Думается, что в русских архивах должны быть данные, по которым будущий исследователь установит ясную картину распределения рабочих между категориями крепостных и свободных. Нужно заметить, что при перечислениях именно крупных фабрик владельцы-дворяне упоминаются очень редко, а, как известно, с 1762 г. промышленники недворянского происхождения потеряли право владеть крепостными. Ясно одно: по мнению иностранных наблюдателей, фабрики и заводы к концу екатерининского царствования отнюдь не были тепличными растениями, и обрабатывающая промышленность достигла такого развития, что если и не составляла сколько-нибудь существенной статьи русского вывоза, то во всяком случае делала Россию, по смыслу неоднократных утверждений самих иностранцев, страной, в общем экономически независимой от соседей.

Сделаем вывод. Иностранцы-современники, по-видимому, ясно видели то, о чем забыло потомство: что Россию нет никаких оснований считать страной, в промышленном отношении отсталой от большинства других стран европейского континента в XVIII столетии.

Вспомнив обо всех этих показаниях современников, мы можем лишь пожелать, чтобы экономическая жизнь России в

эту пору была освещена возможно скорее — и освещена исчерпывающим образом. Только это позволит дать вполне точный ответ на поставленный тут вопрос.

Критический анализ материалов скажет, конечно, со временем и здесь свое решающее слово.

Многое заставляет думать, что легенда об экономической «отсталости» тогдашней России не выйдет вполне невредимой из подобного испытания.

Слово за исследователями русской экономической истории.

Ведь для истории русской промышленности, а также и торговли во второй половине XVIII столетия не сделано и приблизительно того, что успели сделать для истории, например, крестьянства XVIII в. и сельского хозяйства в крепостную эпоху покойный В. И. Семевский, В. А. Мякотин, П. Б. Струве и другие (тоже, впрочем, еще пока немногочисленные) исследователи; не сделано и того, что для истории русской промышленности XIX в. сделал М. И. Туган-Барановский. Это явление обычное: и в английской, и во французской, и в германской, и в итальянской научной историографии обстоятельные, нередко капитальные исследования по аграрной истории уже существовали тогда, когда история промышленности была еще почти terra incognita.

Будем надеяться, что и в русской историографии этот пропуск — явление преходящее.

1910 г.

Английский посол и Екатерина в 1756-1757 гг.

Лондонский Record Office поражает своей скудостью по части документов, относящихся к знаменитому «Reversal of alliances», т. е. к дипломатическим событиям 1755—1756 гг., предшествовавшим взрыву Семилетней войны. Вся интимная, наиболее конфиденциальная сторона истории этих лет обходится документами английского хранилища весьма тщательно. Может быть, именно поэтому так слабо освещен указанный момент (во всем, что касается Англии) также и в специальной литературе, не исключая и лучшей из имеющихся монографий — т. е. книги Corbett'a «England in the Seven Years War», вышедшей в двух томах в 1908 г. Теперь, довольно неожиданно, пришла помощь со стороны русского архива министерства иностранных дел, и в распоряжении ученого мира оказались важные документы, многое дающие именно для освещения указанного критического момента европейской истории. В «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», кн. 229, управляющий Государственным архивом и архивом министерства иностранных дел С. М. Горяинов издал секретную переписку Екатерины (в бытность великой княгиней) с английским послом в Петербурге, сэром Чарльзом Уилльямсом. Эта переписка опубликована с той тщательностью и знанием дела, которые уже неоднократно проявлены были С. М. Горяиновым при подобных (очень ответственных) работах.

Специалисты прочтут с пользой эти документы. До сих пор, кроме очень немногих, этой переписки никто не видел. Могли ее читать только царствующие особы, а с момента поступления ее в архив, она хранилась там под особыми печатями и была вытребована оттуда лишь дважды: императорами Александром II и Александром III.

Переписка эта длилась почти год (с 31 июля 1756 г. по июнь 1757 г.). Сложные и очень опасные интриги, в которых деятельнейшую роль играла Екатерина и Уилльямс, вынудили обоих корреспондентов к соблюдению ряда конспиративных предосторожностей. Уилльямс должен был возвращать письма Екатерины одновременно с присылкой своего на них ответа, оба — не подписывались никогда. Екатерина говорила о себе в мужском роде; лицам, о которых шла речь, давались иногда условные клички и т. д. И за всем тем — переписка (особенно со стороны Екатерины) поражает прямо отчаянной своей смелостью, доходящей кое-где до дерзости, до вызова судьбе, ибо Нарышкин и другие почтальоны могли, разумеется, попасться с поличным (или просто предать),— а то, что писала великая княгиня, конечно, должно было показаться Елизавете во сто крат преступнее, нежели те слова, которые побудили ее с такой жестокостью покарать в свое время Н. Ф. Лопухину, Бестужеву и др.

Эти документы бросают новый свет на многое: теперь нужно окончательно оставить мысль, будто только невозможное поведение Петра III в шесть месяцев его царствования заставило Екатерину перейти от неопределенных мечтаний к делу. Оказывается, что уже в 1756—1757 гг. она совершенно определенно думала о захвате престола и принимала самые решительные меры с той целью, чтобы события не застали ее врасплох. Рушится и общепринятое суждение о необыкновенной будто бы осторожности Екатерины, которая якобы до последнего момента принимала участие в заговоре больше попустительством: опубликованные документы говорят о нелегальных сношениях Екатерины с гвардией еще в 1756—1757 гг. Наконец, вырисовывается, что душой пруссофильского течения при петербургском дворе в эту памятную эпоху начала Семилетней войны была едва ли не Екатерина: восторженное отношение к Фридриху II со стороны Петра Федоровича играло в этом течении, может быть, меньшую роль, чем деятельные интриги его жены, побуждаемой английским послом, союзником прусского короля. Екатерина была нужна Уилльямсу для содействия его планам: его целью было помешать участию России в коалиции против Фридриха, помешать, другими словами, дружественным и совместным действиям России с ненавистной и враждебной англичанам Францией. Но зачем был нужен Уилльямс Екатерине? Переписка дает на этот вопрос вполне удовлетворительный ответ. Во-первых, Уилльямс был другом и покровителем фаворита Екатерины Станислава Понятовского, и только через посредство Уилльямса Екатерина могла надеяться на возвращение Понятовского в Петербург, несмотря на то, что Елизавета Петровна к молодому поляку решительно не благоволила. Во-вторых,—

и это самое важное — английское золото и влияние могли быть далеко не лишними при выполнении тех опасных планов, какими полна была уже тогда голова великой княгини.

Оба корреспондента с надеждой подхватывают каждый слух о болезни государыни и с самой обезоруживающей искренностью предаются нетерпеливому ожиданию ее смерти. Вот Уилльямс обнадеживает Екатерину, что у государыни водянка: «Завтра говеют, но я прошу мне объяснить, как совмещаются говение и колдовство. У кого вода поднялась в нижнюю часть живота, тот уже обреченный человек, и я знаю из хорошего источника, что кашель вернулся и что дыхание очень коротко» (стр. 13). Екатерина удваивает свою любезность... «Насколько обязана я провидению, которое послало вас сюда, как ангела-хранителя, чтобы вы соединились со мной дружбой. Я знаю, что у вас есть дружба ко мне. Вы увидите, что если когда-нибудь я буду носить корону, я буду ею отчасти обязана вашим советам» (стр. 18). Осторожный Уилльямс больше настаивает на чисто дипломатических вопросах, но его корреспондентка не из тех людей, которые теряют из вида главную нить. «В ответ (на то, что вы пишете) о ваших собственных делах, я вам скажу: сделайте меня императрицей, и я вас утешу» (стр. 26, письмо от 9 августа 1756 г.). Читатель явно улавливает, что Екатерина убаюкивает Уилльямса надеждой, будто можно еще расстроить вступление России в коалицию против Фридриха, особенно, если не скупиться на подкуп: «Предубеждение вице-канцлера (М. И. Воронцова — *Е. Т.*) против Пруссии будет легко устранить,— особенно, опустивши руку в карман» (письмо от 12 августа). Но все ее интересы — не в дипломатии, а в спальне больной государыни. 18 августа (1756 г.) Екатерина пишет Уилльямсу: «Вы позволили мне называть вас своим другом. Ваш титул меня смущает, но так как мои намерения далеки от всякого злого умысла, я беру смелость вам сообщить и просить вашего совета насчет мыслей, возникших у меня ввиду усилившихся за двадцать четыре часа недомоганий некоторых лиц. Вот мои мечты. Когда я получу предупреждение настолько верное, что нельзя будет допустить ошибки, о начале предсмертных припадков, я прямо пойду в комнату моего сына. Если я встречу или смогу очень скоро заполучить обер-егермейстера (А. Г. Разумовского — *Е. Т.*), я оставлю его при сыне с людьми, находящимися под его начальством. Если нет, я возьму его к себе в комнату. Равным образом пошлю верного человека предупредить пять гвардейских офицеров, на которых я могу положиться: каждый из них мне приведет пятьдесят солдат (в чем уже условлено по первому сигналу), которых, может быть, я не пущу в дело, но которые будут сопровождать меня в виде запаса во избежание всяких помех. Заметьте, что они получат

приказание только от великого князя и от меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена, чтобы они пришли ко мне, а в ожидании их я войду в покои умирающей, куда велю позвать капитана, командующего караулом, и я лично приму его присягу и удержу его при себе. Мне кажется, что будет лучше и безопаснее оставить обоих великих князей вместе, чем если бы один из них меня сопровождал, равным образом я думаю, что местом сбора моих людей будет моя передняя. При каком-либо движении, и самом малейшем, которое я бы заметил[а], я велю как своим людям, так и солдатам караула взять под стражу Шуваловых и дежурного генерал-лейтенанта. Прибавьте к этому, что младшие офицеры лейб-кампанцы — люди надежные, и хотя я не имею сообщений со всеми, но я могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставлю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен. Как друг, исправьте и предпишите мне то, чего не достает в моих соображениях, и то, что я не предвидел[а]... молите небо, чтоб оно мне дало свободную голову».

Тут интереснее всего разработанность плана до последних подробностей и явное указание, что с гвардией уже имелись определенные сношения, силы были наготове, а инициатива должна была всецело исходить от Екатерины. Знаменательна фраза, что офицеры «получат приказание только от великого князя и от меня». Сличая это место с другими, там и сям разбросанными замечаниями, нужно прийти к заключению, что прежде всего Екатерина хотела обезопасить себя от Шуваловых и Иоанна Антоновича (ср. стр. 50) и что в этот первый момент она действовала бы от имени своего мужа, но вместе с тем ей, по-видимому, представлялось, что власть непосредственно перейдет в ее руки. Как этот второй момент сложится, она избегает пока говорить своему корреспонденту. Уилльямс тревожится за нее. И она сама сознает, что если бы те, против кого она кует ковы, были более проницательны и «злы», то ей могло бы прийтись плохо: «Шлю вам всю благодарность за вашу дружбу и за опасения насчет меня. Верю, что нам могли бы нанести более вреда, чем мы терпим до сей поры. Но малодушие всех этих людей, риск, наконец, правило Маккиавелли, который говорит, что человек редко бывает настолько злым, насколько он должен был бы быть для своей безопасности, позволяют мне быть более спокойным, чем следовало бы по внешним признакам» (стр. 62, письмо от 21 августа 1756).

Мечты о короне не покидают Екатерину. Ее дружба с Уилльямсом заставляет ее вспомнить о переписке Ивана Грозного с английской королевой Елизаветой: «Несколько лет тому назад я видел[а] подлинный договор за подписью Елизаветы, за-

ключенный этой королевой с Иваном Васильевичем. Он находится в московских архивах. Этот государь, хотя и был тираном, был великим человеком, а так как я постараюсь, насколько мне позволит моя природная слабость, подражать великим людям этого края, я надеюсь также украсить когда-нибудь ваши архивы моим именем, и я буду очень гордиться тем, что заблуждалась, следуя за Петром Великим» (стр. 91, письмо от 27 августа).

А императрица все не умирает. Оба корреспондента все-таки не перестают обнадеживать друг друга: «Императрица не вышла вчера, так как она только с трудом может вытянуться, вследствие болей в теле... снова прибавился кашель. Она, однако, волочится к столу, чтобы могли сказать, что видели ее, но в действительности ей, должно быть, очень плохо»,— сообщает Екатерина Уилльямсу 30 сентября (1756 г.). Больная суеверная государыня тревожится по поводу смерти царедворцев, боится кометы, и Екатерина спешит обрадовать английского посла: «Так как вы хотите новостей, знайте, что комета была видна третьего дня и вчера среди белого дня, что внезапная смерть Строганова, оплакиваемого вообще ввиду доброты его сердца, и эта комета наводит такой страх на императрицу, что усилилось задыхание, что боли в нижней части тела в связи с постоянными недомоганиями, которые, вы знаете, дают повод опасаться рака, усилились, что ноги не менее опухли и водянка несомненна, кашель был так силен после вторника, что не встала с постели на следующий день...» (стр. 194, 4 октября).

Известно, какие заботы и какую нежность наружно расточала Екатерина относительно Елизаветы Петровны во время болезни. Из разбираемых документов видно, что она сумела окружить больную целой системой шпионства, причем каждый соглядатай ничего не знал об остальных: «Вчера среди дня случилось у императрицы три головокружения или обморока. Она боится, очень пугается, плачет, огорчается, и когда спрашивают у нее, отчего, она отвечает, что боится потерять зрение. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее. Говорят, однако, что она хорошо провела ночь... Мой хирург, человек очень опытный и разумный, высказывается за апоплексический удар, который сразит ее безошибочно. У меня имеются три лица, которые не выходят из ее комнаты и которые не знают, каждое в отдельности, что они меня предупреждают, и не преминут в решительный момент сделать это» (стр. 211, 17 октября 1756 г.).

Нетерпение друзей Екатерины столь же велико, как и ее собственное. Понятовский пишет ей письмо, в котором восклицает: «Ах, бревна, вы действительно приводите нас в бешенство, скорее бы она умерла». Екатерина после слова «бревна»

(poutres) вставляет своей рукой (очевидно, поясняя потомству) слово «l'Imp.»,— чтобы не оставалось сомнения, что речь идет именно об императрице (стр. 213).

Уилльямс достает для великой княгини деньги, всячески ее поддерживает, а она с уверенностью говорит о близком будущем, когда надеется захватить власть и вознаградить Англию: «Весна (1757 г.— *Е. Т.*) может легко доставить средства, чтобы привести все вещи в порядок, и раз я буду там (на престоле — *Е. Т.*), я обеспечу вам друзей... а это обратите на пользу вашего отечества и вашего дела. Мой друг! Мой советник! Сказано, что ваше великодушие будет использовано мной полностью» (стр. 318, 8 января 1757 г.)... Те же уверения она повторяет уже отъезжающему из России Уилльямсу спустя полгода: «Моя дружба и моя благодарность к вам дошли до того, что в самом деле, милостивый государь, я никогда не буду в состоянии ничем расплатиться с вами. Я обращу поэтому, коль скоро я смогу, мои обязательства к вам на благо вашей родины. Да, милостивый государь, никогда, ничего не отвлечет меня от главной задачи — восстановить прежнее положение и весь блеск (Англии — *Е. Т.*), чего Россия должна ей пожелать для собственной своей выгоды... Я всегда буду противником французов, лишь бы господу богу было угодно захотеть этого»... Непоколебимая настойчивость, огромное честолюбие, размеры которого она сама прекрасно сознавала, сказываются в каждой фразе этого последнего письма, так же, как твердая уверенность, что ей суждено царствовать. «Я обязана вас благодарить за хорошее мнение, которое вы имеете о той малой доле здравого ума, которым небо наделило меня; может быть, вы предполагаете его слишком много во мне, по дружбе, которую вы питаете ко мне? По этому поводу я знаю две вещи: одно,— что я имею столько честолюбия, сколько человек может иметь, а другое,— что я сделаю добро вашему отечеству» (стр. 342—343, 2 июля).

Громадная, широко раскинутая сеть интриг, в центре которых стояли Екатерина и Уилльямс, вырисовывается в высшей степени ярко в этой переписке,— и ни один историк, который занимается Семилетней войной, не вправе будет оставить эти документы без внимания. Отвлечь Россию от союза с Францией и Австрией не удалось, и Уилльямс навсегда покинул Петербург (летом 1757 г.).

Но не только для истории европейской дипломатии и не только для биографа Екатерины, занятого выяснением ее психологии и ее роли, интересны эти документы. Там и сям в них разбросаны отдельные черты, любопытные с бытовой стороны, с точки зрения нравов эпохи. Приведем в заключение рассказ Уилльямса о том, как он подкупил великого канцлера Российской империи, графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина.

Вот эта сцена с натуры, сообщаемая английским послом Екатерине (стр. 77—78, 23 августа 1756 г.). «Уже с некоторого времени великий канцлер просил меня предоставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему дают здесь ежегодно лишь семь тысяч рублей и что на такое жалование он не может жить по своему положению, что ему известны интересы его отечества, что он знает, что они связаны с интересами Англии и что, таким образом, он мог бы служить (английскому — *Е. Т.*) королю, не действуя против своей совести и не нанося вреда своему отечеству, что если бы король желал дать ему возможность жить сообразно с высоким чином, которым он облечен, руки у него были бы свободны и он служил бы всегда только Англии и России. Я ему ответил на это, что с некоторого времени он, правда, оказал только очень незначительные услуги королю, но что я его друг, что я пользуюсь при моем дворе гораздо большим кредитом, чем он предполагал, и что в надежде на то, что он сдержит свое слово, я готов ему услужить. Он продолжал, однако, все не верить моим словам. Но он страшно удивился, когда я в понедельник, по окончании разговора с ним по вашему делу, сказал ему: «Я служу не одному вашему покровителю (т. е. Екатерине — *Е. Т.*), но я сделал также и ваше дело. Король жалует вам пожизненную пенсию в двенадцать тысяч рублей в год». Он меня не благодарил и при моем уходе не обратил никакого внимания на свою пенсию, хотя я ему сказал, что уплата по ней должна была начаться с этого дня. Но вчера он позвал к себе Вольфа (великобританский консул и банкир, через которого посол Уилльямс передавал деньги, кому было нужно — *Е. Т.*) и ему сказал все то, что я доверил ему, и все-таки выразил Вольфу недоверие к моим известиям. Вольф заметил ему: «Ах, милостивый государь, если он вам это сказал, то оно не может быть иначе, вы не знаете ни посла, ни кредита, которым он пользуется при своем дворе. Если вы в самом деле сомневаетесь в правде, я ручаюсь за платеж пенсии».— «Думаете ли вы,— возразил канцлер,— что он бы начал немедленно производство платежа и что он мне уплачивал бы по тысяче рублей в месяц?» — «Я же вам их буду уплачивать,— воскликнул Вольф,— если посол вам это сказал, и не попрошу у него приказаний на то». И вот великий канцлер еще более изумился. Но он опомнился и сказал тотчас Вольфу: «Прошу вас сходить сейчас к послу и благодарить его от моего имени за всю его дружбу ко мне. Скажите ему, что *мы заживем вместе наилучшим образом,* что я сделаю возможное для него» и т. д.

Самому Уилльямсу эта совершаемая им же покупка великого канцлера, по случаю, за 12 тысяч рублей кажется настолько курьезной, что, рассказав все это Екатерине, он не может воздержаться, чтоб не прибавить: «Вот сцены, поспешно

описанные, которые показались бы красивыми анекдотами для будущего столетия» (стр. 78).

Не нужно забывать, что великий канцлер Российской империи собирался *«зажить наилучшим образом»* с послом враждебной державы, ибо Россия была в войне с Пруссией, а Англия в дружбе и союзе с Пруссией,— и речь шла о том, чтобы всячески мешать русским войскам действовать сколько-нибудь энергично против Фридриха II и чтобы тормозить ту политику, которую официально вел этот же самый великий канцлер по прямому приказу Елизаветы Петровны. Но Елизавета Петровна, как жаловался канцлер, платила ему всего 7 тысяч в год, а Георг II предложил 12 тысяч. Арифметика восторжествовала.

Долгую светско-дипломатическую школу прошла Екатерина пред тем, как пробил, наконец, долгожданный ею час, и одним из самых почитаемых ею учителей и руководителей на этом пути, конечно, нужно признать теперь Уилльямса. Но ему не пришлось дожить до выступления своей ученицы на мировую арену (он покончил с собой в конце 1759 г. на родине, уже в отставке).

Что дают эти документы для истории возникновения Семилетней войны?

1756 год был решительным моментом в создании обеих комбинаций великих держав, которым суждено было с осени того же года вступить в длительную между собой борьбу. В январе 1756 г. был подписан договор между Англией и Пруссией, фактически делавший Англию союзницей Пруссии. С этого момента Пруссия получала надежду на мощную денежную поддержку. Англия же, обеспечивая своим вмешательством продолжительность предстоявшей на континенте войны, тем самым надолго связывала Францию и, следовательно, получала свободу действий на севере Америки против колониальных французских сил. Вслед за этим дипломатическим событием капитального значения произошло другое, не менее важное: 1 мая (того же 1756 г.), в ответ на действие Англии, французский двор подписал так называемый Версальский договор с Австрией.

Итак, пред тем моментом, когда начинается переписка между Уилльямсом и Екатериной, великие державы уже выстроились враждебными парами: Англия и Пруссия против Франции и Австрии. Вопрос шел о том, на чью сторону станет Россия,— и так как императрица Елизавета совершенно определенно и многократно заявляла о твердом намерении поддержать Австрию, то весьма понятно, что все усилия Уилльямса направились в сторону создания внутреннего разлада при русском дворе.

Работа Уилльямса сильно осложнялась тем, что ему, в сущности, приходилось спешно разрушать сложную постройку, ко-

торую с таким трудом создавал один из ближайших его предшественников на посольском посту в Петербурге, полковник Гай Дикенс, интереснейшие донесения которого (за 1750—1753 гг.) тоже лишь недавно впервые опубликованы[1]. Гаю Дикенсу приказано было создать союз между Англией и Россией против Пруссии, ибо Фридрих II тогда угрожал ганноверским владениям английского короля Георга II. Теперь же, в 1756—1757 гг., Уилльямсу нужно было стремиться как раз к обратному: к заключению соглашения *в пользу* прусского короля. Эта задача не была решена Уилльямсом в благоприятном смысле, и война между Россией и Пруссией началась уже осенью 1756 г. Но во всяком случае, войдя в доверительные отношения к Екатерине и подкупив великого канцлера Бестужева, Уилльямс мог рассчитывать, что явится возможность в дальнейшем влиять на ход военных действий и дипломатических выступлений России в желательном для Англии и Пруссии смысле. И, как известно, он не ошибся.

Замечу, кстати, что английский кабинет уже с давних пор давал взятки Бестужеву, еще задолго до прибытия Уилльямса в Петербург. Любопытно при этом, что в то же время англичане зорко следили и за другими получками канцлера. Так, например, 18 марта 1753 г. Гай Дикенс спешит уведомить герцога Ньюкэстльского, что австрийское правительство прислало Бестужеву взятку в 30 тысяч флоринов, а саксонское правительство дает канцлеру еще 8 тысяч рейхсталеров. Деньги же эти, по мнению посла, явятся очень кстати для Бестужева, ибо канцлер сможет покрыть ими растрату, которую он произвел разом по двум ведомствам.

Мы видим, что Уилльямс, действовавший спустя три года после Гая Дикенса, нашел почву для переговоров о деньгах с Бестужевым достаточно подготовленной. Но при Гае Дикенсе молодая великая княгиня еще не смела никому признаваться в своих опасных, честолюбивых мечтах. Уилльямсу же удалось, по-видимому, возбудить полнейшее к себе доверие и с ее стороны.

Восторженный почитатель Фридриха II — наследник престола Петр Федорович, честолюбивая жена наследника, явственно готовая оказать Англии (а потому и Пруссии) любую услугу за возможную в будущем помощь при попытке овладеть престолом, наконец, великий канцлер, глава русского дипломатического ведомства, состоящий на жаловании у Англии,— таковы были лица, окружавшие больную Елизавету Петровну, когда начиналась война с Пруссией.

Измена гнездилась в Петербурге с первых дней войны. Когда впоследствии Фридрих II получил известие о смерти Елизаветы, он, как мы знаем, выразил свою радость итальянскими

словами: «Morta la bestia — morto il veneno» (в письме к барону Книпгаузену). Переписка Уилльямса с Екатериной показывает, что русский «яд» уже с самого начала войны был значительно обезврежен, к жестокому ущербу для всех союзников России.

«Тайная дипломатия» XVIII столетия жертвовала интересами страны. Подробности «тайной дипломатии» XVIII в. мы узнаем лишь теперь. Граф Бестужев, несомненно, полагал, что его операции останутся навеки сокрытыми от любопытных глаз. Конечно, ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX вв. одними деталями в больших исторических событиях ничего не объяснишь, но отсюда не следует, что без этих деталей можно обойтись. Задача истории — не довольствоваться кое-чем, если можно узнать многое, но и не довольствоваться многим, если можно узнать *все*. Ne quid veri non audiat historia!

1910 г.

Печать во Франции при Наполеоне I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование внутренней жизни Франции и Европы в эпоху наполеоновского владычества еще только начинается в исторической науке, хотя истории Наполеона посвящена уже необозримая литература на всех языках. В частности, малоизвестна культурная история времен Первой империи.

Тот вопрос культурной истории этой эпохи, который я пытаюсь исследовать в предлагаемой небольшой работе, принадлежит к весьма и весьма существенным. До сих пор наука не пыталась дать себе вполне ясный отчет в том, как жила пресса, как работали литераторы в годы наполеоновской эпохи.

Мне показалось важным предпринять специальные изыскания в Национальном архиве, где в разных картонах (иногда самых неожиданных серий) удалось найти, в сущности, все нужные элементы для точного ответа на этот вопрос.

Вот этот ответ: нельзя сравнивать положение печати при Наполеоне ни с положением ее в той же Франции при старом режиме, ни с положением ее, например, в России хотя бы в эпоху Николая I (даже в годы бутурлинского комитета), ни с состоянием прессы в Неаполе при Фердинандах или в Австрии при Меттернихе. Ни Бомарше или физиократы, ни Белинский или Гоголь, или Аксаковы, ни даже реакционный австрийский публицист Гентц, ни совсем аполитичные неаполитанские кропатели стихов и прозы в последние годы злостного деспота, «короля бомбы», были бы абсолютно немыслимы при Наполеоне. Ничто так наглядно не доказывает теснейшей связанности Империи с революцией, как точное и углубленное изучение данного вопроса во всех деталях. Не традиционный устоявшийся быт — пред глазами исследователя, но продолжающаяся гигантская катастрофа, при которой необходимы решительно выходящие из всех рамок и пределов меры, чтобы удержать руль в своих руках и не поддаться урагану, временно притих-

шему, но могущему возобновиться. В этом отношении Наполеон — прямой продолжатель и наследник традиций Комитета общественного спасения. Ни Директории, как склонен думать Вандаль, ибо сравнительно с эпохой Консульства и Империи времена Директории могут показаться в этом смысле идиллическими и широко либеральными, но именно — Комитета общественного спасения. Никакого урагана, никаких внутренних бурь и непогод при Наполеоне (особенно с 1803 г.) уже не было, но та же ревнивая подозрительность, то же недоверие к льстецам, утверждающим, будто диктатура прочна, та же глубокая и беспредельная вера в необходимость и полную возможность искоренить мысль, искореняя ее выражение,— все те явления, которые печать переживала в 1793—1794 гг., она пережила и в 1799—1814 гг. Я упомянул только что о недоверии к прочности собственной диктатуры. Эти слова требуют пояснения: диктатура Наполеона, покоившаяся на решительных симпатиях крестьянства и подавляющей массы буржуазии, на первой в свете армии, на упорядоченных, процветающих финансах, на подчинении чуть не всего европейского материка, была несравненно прочнее, чем диктатура людей 1793—1794 гг. И несмотря на это, подозрительность императора была нисколько не меньше, чем подозрительность якобинцев. Их подозрительность сопрягалась с холодной суровостью; его подозрительность с гневливым презрением. Из всех своих потенциальных врагов прессу он презирал больше всех. При анализе всех этих явлений знаменателен и другой факт: читатель увидит, до чего дошла пресса народа, среди которого за двадцать лет до начала наполеоновской эры умер Вольтер, какую привычку к безгласному повиновению воспитало в себе уже к началу Консульства все это много пережившее писательское поколение.

Всякий историк, которому приходилось работать над наполеоновским периодом, знает, что пресса времен Первой империи решительно ничего ему дать не может, занимается ли он политической, экономической или культурной стороной этой эпохи. Всякий, кто хоть раз просматривал газеты наполеоновского времени, согласится, что трудно себе представить более бесплодную пустыню, нежели область «интересов», касаться которых было возможно в печати в эти памятные годы. Но, конечно, самый вопрос о положении печати никогда не может быть безразличным при анализе культурного состояния общества, и, в частности, отношение наполеоновского правительства к прессе уже рассматривалось в 1882 г. в книге Henri Welschinger'а («La censure sous le Premier Empire»). Эта книга, собственно, единственная серьезная попытка научного исследования вопроса [1]. Но автор, конечно, даже и в малой степени не

исчерпывает своей темы. Мне приходилось и приходится, работая над документами, касающимися самых разнообразных сторон истории Первой империи, постоянно наталкиваться на любопытные свидетельства и показания, ускользнувшие от внимания Welschinger'а или просто не вошедшие в намеченный им план исследования. Немало такого же интересного материала попадалось мне и во время долголетнего и непрерывного просматривания и чтения по разным поводам тридцатидвухтомной «Correspondance» Наполеона — настольного издания для всякого, кто занимается западноевропейской историей начала XIX в. Этот постепенно накоплявшийся материал я дополнил более специальным изучением особых картонов Национального архива, где хранятся документы управления по делам печати и другие бумаги того же порядка, касающиеся прессы (особенно F^{18} 414—415—416—417—418 и F^{7} 3452 до 3463).

В результате у меня получилась картина бытового, так сказать, характера — изображение повседневного быта печати и отношения власти к печати при Наполеоне, и в предлагаемой небольшой работе я хочу ознакомить читателя с этими документальными свидетельствами. При этом я стараясь либо вовсе не касаться предметов, уже более или менее известных (вроде преследований против г-жи Сталь) и выясненных в достаточной степени вышеупомянутым французским историком (о личности цензоров, о театральной цензуре и т. п.), либо касаться их как можно более сжато. Моя цель — осветить новыми фактами вопрос о состоянии французской прессы в ту эпоху, когда, по выражению Пушкина, «новорожденная свобода, вдруг онемев, лишилась сил».

Глава I

ВОЗЗРЕНИЯ НАПОЛЕОНА НА ПЕЧАТЬ

Как всегда, когда речь идет о правительственной политике во Франции в эпоху Первой империи, нужно начинать с воззрений самого императора на тот или иной предмет. Он, правда, и в этой области, в деле обуздания печати, нашел ряд очень активных помощников и исправных исполнителей (достаточно назвать министров полиции — сначала Фуше, потом Савари, и директоров управления по делам печати — сначала Порталиса, потом генерала Поммереля); но и здесь, как и во всех других областях государственной политики, Наполеон не только царствовал, но и управлял, и его железная воля господствовала и в главном, и в частностях.

Как же Наполеон относился к печатному слову?

Не буду много распространяться о *книгах*, о философско-политических направлениях. Наполеон, как известно, ненавидел «идеологию», ненавидел всю общественно-философскую литературу XVIII столетия и все умственное течение, характерное для революционной эпохи, вышедшее из литературы XVIII в. и еще не исчезнувшее из жизни, несмотря на всю реакцию в обществе. В частности,— как я имел случай выяснить в другом месте [1],— он с особым отвращением и презрением относился к социально-экономическим построениям физиократов и их эпигонов. Поэтому нечего много говорить о том, что все книги и статьи, имевшие какое-либо идейное отношение (даже враждебное, но сопряженное со сколько-нибудь обстоятельной критикой) к литературе философской и философско-религиозной XVIII столетия, сплошь и рядом запрещались, уничтожались новые издания, конфисковывались при случае старые. Придирчивость при этом обнаруживалась немалая. Например, в августе 1811 г., когда нашествие на Россию было уже делом месяцев и когда Наполеон, казалось, всецело был поглощен дипломатической и военной подготовкой гигантского предприятия, он все же нашел время рассмотреть каталог старых книг, которые распродавались

наследниками одного библиофила, и приказал *изъять* при этом восемнадцать названий [2]. Вот некоторые из этих опальных книг: издание труда публициста XVI столетия Бодэна, вышедшее в 1755 г. в сокращенном виде; сочинение Мирабо-отца «Lettres de législation», вышедшее в 1775 г.; сочинения Мабли, Мерсье де ла Ривьера, свободно появлявшиеся при Людовике XVI; «Похвала Монтеню», написанная Ла Димери и вышедшая в свет в Париже в 1771 г.; целый ряд книг чисто религиозного и, в частности, деистического содержания второй половины XVIII столетия и т. п. Все это Наполеон приказал немедленно *изъять даже из каталога.* В таком духе он действовал в течение всего царствования.

Кроме этой общей и постоянной тенденции, у Наполеона, сообразно с потребностями и текущими задачами политики, появлялись те или иные симпатии и антипатии, с которыми обязаны были считаться не только живые авторы, но и произведения минувших веков. Так, *нельзя* было писать о революции, о последних Бурбонах, с 1809 г. нельзя было писать с хвалой о римской курии, о папе Пии VII, и вообще рекомендовалось поменьше писать о папах; до 1807 г. можно было писать о России, но по возможности бранное, после 1807 г. тоже можно, но непременно похвальное, с 1811 г. опять можно, но больше бранное, нежели похвальное. При этом, сообразно с колебаниями в настроениях Наполеона, иногда оказывался подлежащим конфискации даже царь Соломон со своими притчами, ибо и в этих притчах усматривались подозрительные намеки,— и никто из издателей и авторов не мог предугадать ближайшего поворота, никто не мог уверенно ответить на вопрос, что именно в предстоящем месяце окажется неподходящим.

Наполеон понимал, что с книгами, с трактатами, имеющими несколько отвлеченный характер, бороться труднее, нежели с газетами, именно потому, что нельзя же писать циркуляры, которые бы через известный промежуток времени указывали, как смотреть на церковь, на историю всех европейских стран и т. п. В таких случаях император либо вообще запрещал касаться того или иного предмета, либо приказывал написать и издать два, три примерных, так сказать, труда, по которым должна была бы равняться вся пресса.

Стоя в центре разгромленной Австрии, в 1809 г. Наполеон, уже предрешивший долгое пленение римского папы, спешит заказать два «исторических» труда, которые бы подготовили оправдание всех мероприятий французского императора. Первый труд должен называться: «История конкордата Льва X» (в XVI столетии), а другой так: «История войн, которые папы вели против держав, имевших преобладание в Италии, и особенно против Франции». Немного неуклюже, но император за

изяществом стиля не гонится, ему важно, чтобы точно понята была его мысль. Нужно, чтобы написал эти труды человек, «который постоянно остается в принципах религии», но вместе с тем «строго» различает пределы светской и духовной властей. И чтобы вообще автор вставлял «поменьше своего» (qu'en général il mette peu du sien), но чтоб умел ловко цитировать,— император даже указывает, что именно: документы, исходящие от врагов папской власти. В письме Наполеона министру указывается точно, какие именно *выводы* должен получить тот автор, который возьмет на себя этот заказ [3].

Я сказал, что иногда, вместо издания таких примерных трудов, император прибегал к простому запрещению касаться данной темы. В особо трудных случаях оба способа комбинировались. В данном случае почва для появления этих заказных трудов была предусмотрительно расчищена.

Когда Наполеон полагал, что тот или иной его поступок настолько громко говорит за себя, что никакими газетными статьями его не оправдаешь, тогда он призывал министра полиции хранить глубокое молчание. Так было и тут: ряд насилий над папой и вообще римские дела — все это как-то плохо выходило в газетных апологиях, и император не любил этой скользкой темы. «Я вижу с неудовольствием, что вы хотели составить статьи о Риме. Это дурной путь. Не следует об этом говорить ни в хорошую, ни в дурную сторону, и об этом не должно быть речи в газетах. Люди осведомленные знают, что не я напал на Рим, а ханжей (les faux dévots) вы не переменитe...» [4] На фоне этого полного молчания заказанные Наполеоном труды должны были остаться, вне каких бы то ни было критических отзывов, единственным голосом науки и общественного мнения о римском первосвященнике и об истории папской власти вообще. И не только нельзя было писать о папской курии,— нет, еще раньше император категорически воспретил газетам *вообще* говорить о церкви. Было это еще в 1807 г.

Едва только вернувшись из Тильзита, Наполеон приказал арестовать журналиста Герара, осмелившегося написать в газете «Le Mercure» статью, в которой были усмотрены нападки на галликанскую церковь (с точки зрения интересов папского преобладания). Вот именно по этому поводу император и подчеркнул, что «церковью можно заниматься только в проповедях», но отнюдь не в газетах [5].

Нельзя писать ни книг, ни статей о политике, нельзя касаться ничего связанного с церковными вопросами и темами, рекомендуется поменьше писать даже об отвлеченных вопросах философии и не трогать политико-экономических сюжетов, дабы не заговорить даже нечаянно о «вредной секте» физиократов.

Таково было отношение Наполеона к книгам, к работам

тяжеловесным более или менее абстрактного содержания. В дальнейшем я представлю некоторые иллюстрации того, как цензура осуществляла эти основные тенденции императора, а пока обратимся от книг к газетам и установим, к чему сводились наполеоновские воззрения на роль прессы.

Наполеон смотрел на газеты, как на такое зло, без которого *вовсе* обойтись уже, к сожалению, невозможно. Мне всегда казалось, что когда он выражал скорбь по тому поводу, что его деятельность протекает не на востоке, что он не может, подобно Александру Македонскому, провозгласить себя сыном бога [6] и т. п., то он имел при этом в виду, между прочим, именно прессу, больше всего виновную самым фактом своего существования в таком стесненном положении французского императора сравнительно с македонским царем. У Наполеона антипатия к периодической печати всегда смешивалась с презрением. Он этой печати как будто не боялся и вместе с тем зорко, с болезненной подозрительностью следил за ней, выдумывал небывалые вины. Он начисто изъял из сферы обсуждения *всю* внутреннюю и *всю* внешнюю политику и считал великой милостью дозволение редким уцелевшим при нем органам прессы помещения лишь самых коротеньких чисто информационных заметок «политического характера», т. е. попросту заметок о новостях, коротеньких сообщений о фактах. И все-таки эти запуганные льстивые газеты, не смевшие ни о чем иметь свое суждение (даже, как увидим, в театральных и чисто литературных статьях и рецензиях, т. е. в единственной области, остававшейся в их распоряжении), даже эти жалкие листки казались всемогущему властелину все-таки ненужными и неприятными, и вечно он возвращался к мысли, нельзя ли из многих газет сделать немногие, а из немногих одну. И то приказывал из 73 газет сделать 13, а из 13 — четыре, то намечал еще дальнейшие планы уничтожения. В течение всего его царствования, над немногими уцелевшими редакциями висел дамоклов меч, тем более грозный, что решительно нельзя было догадаться, за что именно и когда именно он упадет и убьет.

Не было того унижения, на которое бы не шли редакторы и издатели, и все напрасно. Только к нерасположению, которое питал к ним Наполеон, все более прибавлялось презрение.

Ежедневно трепеща за свою участь, редакторы уцелевших газет выбивались из сил, чтобы внушить правительству самое твердое убеждение в их беспредельной преданности императору. Они, например, повадились вставлять, ни с того, ни с сего, в самых даже неподходящих случаях, раболепные панегирики Наполеону, превозносили новую династию в ущерб Бурбонам, обличали друг друга в недостаточном рвении и усердии. Но Наполеону все это тоже не нравилось: в газетной поддержке

он вовсе не нуждался, а доносы, по крайней мере печатные, представлялись ему излишними. «Все читают «Journal de l'Empire», и если он станет стремиться причинить зло государству, то мы не нуждаемся в том, чтобы «Courrier Français» нас об этом предупреждал» [7],— писал император министру полиции в апреле 1807 г., в промежуток времени между сражениями при Эйлау и при Фридланде. Он намерен даже закрыть *«Courrier Français»* за его излишнюю ретивость, за то, что он смеет вообще говорить о новой династии, хотя бы восхваляя ее, и о Бурбонах, хотя бы пороча их. «В первый же раз, как эта газета заговорит о Бурбонах или о моих интересах, закройте ее». Вообще ему не нравится, когда газеты полемизируют, даже если полемика касается совсем посторонних политике сюжетов. «Я не придаю никакого значения спорам этих дурачков»,— говорил он,— и однако грозил прогнать редактора *«Journal de l'Empire»* и заменить его другим именно вследствие полемических увлечений: «Придет время, когда я приму меры и отдам эту газету, единственную, какую читают во Франции, в руки более разумного и хладнокровного человека» [8].

Как увидим дальше, смертный час для всех почти газет пробил в 1811 г. Издатели были объяты трепетом, едва только пронесся слух о предстоящем закрытии почти всех газет. Некоторые бросились с самыми униженными мольбами в министерство полиции, другие обнародовали торжественные манифесты с изъявлением своих чувств к правительству. Вот образчик: «„Journal du soir" существует уже двадцать лет... Никогда он не был ни приостановлен, ни арестован. У него четыре тысячи подписчиков... *Его дух* — в том, чтобы не высказывать политических мнений, кроме тех, которые правительство считает подходящим распространять (слова *son esprit* набраны курсивом в цитируемом листке — *Е. Т.*)... Он обязан своим процветанием своему постоянному беспристрастию и своей осторожности, именно этим, кажется, он приобрел права на благосклонное покровительство правительства, которому никогда не был в тягость, в котором никогда не возбуждал неудовольствия». Но и этого мало: «Journal du soir» хотел бы отныне стать совсем правительственным (le pamphlet du gouvernement) и быть еще полезнее казне [9] и т. д. Все эти изъявления чувств не помогли, и «Journal du soir» был, в числе прочих, уничтожен. Вообще на Наполеона никакие унижения со стороны представителей прессы нисколько не действовали. Общий тон насмешливой грубости и нескрываемого презрения к печати никогда у него не менялся сколько-нибудь заметно.

Излишек усердия ему вообще не нравился ни в прессе, ни в академии. В академии поговорили о Мирабо, поговорили, конечно, в самом благонамеренном тоне и с лестными сравнения-

ми между Империей и предшествующей эпохой. Наполеон недоволен. Делится он своим неудовольствием с лицом, которому надлежит и за академией посматривать: с министром полиции. «Есть в этом заседании академии такие вещи, которые мне не нравятся: оно было слишком политическим, не дело президента ученого общества говорить о Мирабо. Если уж он должен говорить о нем,— он должен был говорить о его слоге, только *это* могло его касаться... Когда же каждый человек будет иметь достаточно здравого смысла, чтобы замкнуться в круг своих обязанностей? Что общего у французской академии — с политикой? Не больше, чем у грамматических правил с военным искусством» [10]. Но закрыть академию он не хотел, а закрыть газеты, которые бы провинились в том самом, в чем провинилась академия,— в «ненужных», хотя бы и благонамеренных разговорах о Мирабо, император всегда был готов.

1 апреля 1811 г. «Gazette de France», отличавшаяся необычайным низкопоклонством и льстивым тоном, сочла долгом своим напечатать следующую заметку: «Передают, что в день разрешения от бремени ее величества императрицы было подано его величеству императору прошение, адресованное римскому королю (т. е. новорожденному наследнику — *Е. Т.*). Император, находившийся вблизи колыбели новорожденного принца, прочел прошение вслух и прибавил с добротой: «Кто ничего не говорит, тот согласен. Согласен за римского короля» [11]. Заметка была в том духе и тоне слейного подобострастия, в каком вообще писались в те времена статьи и заметки, касавшиеся императорской семьи. Но Наполеон рассердился: он не любил умиленного и почтительно-игривого тона. Редактора прогнали в тот же день. «Господин герцог Ровиго, кто позволил «Gazette de France» поместить очень глупую статью, которая сегодня напечатана там, обо мне? Не господин... (пропуск слова — *Е. Т.*)? Поистине, этот молодой человек делает слишком много пошлостей (trop de niaiseries). Отнимите у него редактирование газеты!» Так писал Наполеон министру полиции Савари, как только прочел статью [12].

Газеты с первых же месяцев 1811 г. не переставали печатать самые низкопробные вирши в честь *беременности* ее величества, самые читаемые органы вроде «Gazette de France» печатали: «С 1 января в Медоне родилось 24 детей, из них 19 мальчиков. Отсюда извлекают вывод, благоприятный для чаяний Франции» [13] и тому подобные нелепости. А уж когда родился наследник, то не помещать стихов в честь события, а выражать свое счастье прозой стало для газет небезопасно. Вот какое nota-bene читаю я на полях ежедневного бюллетеня, представлявшегося министром полиции императору с вырезками из газет: «Все газеты публикуют стихи и песни о рождении римского

короля. Единственно лишь «Journal des Curés» не дает их» [14]. Но эти славословия сделались столь чудовищно безвкусными и курьезными по беспредельному сервилизму своему, что министр полиции уже 31 марта 1811 г. *запретил* без разрешения его превосходительства печатать стихи и прозу о римском короле [15], т. е. обыкновенного надзора показалось мало для необузданной лести, сердившей властелина.

Вообще отсутствие всякой меры в лести и низкопоклонстве очень часто раздражало его. Нет года, когда бы несколько таких случаев не было отмечено в полицейских делах. Очень было хлопотливо полиции с этими слишком ретивыми хвалителями, особенно хлопотливо потому, что император сильно сердился. Не довольствуясь непрерывным, ежедневным воспеванием побед, походов, подвигов Наполеона, отдельных полков и всей армии, разных родов оружия и т. д., поэты писали оды по самым прозаическим, самым неподходящим поводам. Дошло до того, что 14 августа 1813 г. в «Journal de la Marne» появилась ода в честь *свекловичного сахара*, производство которого, как известно, Наполеон весьма поощрял (надеясь изгнать этим привозной колониальный сахар). Полиция обозлилась: «Ведь стихи кончаются четверостишием, похожим на эпиграмму» [16]. Но нет, это не было эпиграммой, это была благонамереннейшая ода в полуказенной провинциальной газете, которая уже давно выбивалась из сил, чтобы стать образцом верноподданнического органа. Прямо становилось серьезной задачей полиции: умерить слишком необузданные восторги прессы.

Но рвение более ловких авторов восторженных стихов на разные случаи не оставалось без награды, хотя далеко не все ею пользовались. Вот доклад, который находится в бумагах министра полиции за 1811 г. (подписан министром полиции 14 августа 1811 г.): «Государь, в эпоху женитьбы вашего величества большое количество авторов составили разные стихи (diverses poésies)... Ваше величество благоволили отпустить в мое распоряжение сумму в 88 400 франков, каковая сумма была распределена согласно прилагаемой при сем таблице. В момент рождения римского короля я предложил тем авторам, которые обнаружили больше таланта, чтобы каждый из них в своем жанре чествовал это памятное событие. Я имею честь, государь, представить на ваше благовоззрение произведения, которые они опубликовали. Я присоединяю при сем те произведения, которые были написаны в предшествующие царствования Кино, Лафонтеном и Жан-Батистом Руссо, и, если ваше величество возьмете труд сравнить их, ваше величество убедитесь, что преимущество бесспорно принадлежит нынешней эпохе». А потому не соблаговолит ли его величество отпустить министру полиции еще 30 тысяч франков? Из этих денег можно было бы наградить

поэтов. «Я разделяю на два класса авторов, работавших более или менее удачно»: лица первого разряда за свою более удачную работу получат по 2400 франков, а второго разряда за менее удачные стихи по 1200 франков каждый. «Это новое благодеяние вашего величества еще усилит их усердие и превзойдет все их надежды!» Кредит был отпущен [17].

Особенно раздражало Наполеона то обстоятельство, что газеты, желая льстить, иногда вредят делу. Например, в последние недели царствования, когда шли битвы за битвами между наступающими союзниками и изнемогавшим уже Наполеоном, парижские газеты, превознося одну победу императора, писали с восторгом, что эта победа тем славнее, что на каждого француза приходилось три неприятеля. «Газеты редактируются без смысла,— гневно пишет Наполеон Савари.— Прилично ли в настоящий момент говорить, что у меня было мало войска, что я победил, внезапно нагрянув на неприятеля, что мы были один против трех? Нужно, действительно, чтобы вы в Париже потеряли голову, чтобы говорить подобные вещи, когда я всюду говорю, что у меня 300 тысяч человек, когда неприятель этому верит и когда нужно говорить это до пресыщения. Я создал бюро для руководства газетами, что же оно не видит этих статей? Вы могли бы... знать, что здесь идет дело не о пустом тщеславии и что одно из первых правил войны заключается в том, чтобы преувеличивать, а не уменьшать свои силы. Но как заставить понять это поэтов, которые стараются польстить мне и национальному самолюбию вместо того, чтобы стремиться делать дело. Мне кажется... если бы вы отнеслись к этому с некоторым вниманием, то подобные статьи, которые суть не просто глупости, но губительные глупости, никогда не были бы напечатаны» [18].

Вообще и в лести, и в богобоязненности — всюду нужна мера, и император постоянно находил, что газеты этой меры не соблюдают (не желая замечать, что их редакторы просто теряют головы от запуганности и торопливого желания угодить.

Император был недоволен излишним «ханжеством», проявлявшимся в газетах, например в «Journal de l'Empire» и в «Mercure» (в конце 1806 и начале 1807 г.). Эти газеты слишком нападают на «философию и человеческие знания» вместо того, чтобы «здоровой критикой» бороться только против «излишеств» философии. «Все это не может так продолжаться». А потому нужно, «наконец, иметь разумного человека во главе этих газет» [19]. Наполеоновский анализ литературных направлений часто кончался подобным конкретным выводом.

Основной наполеоновский принцип, между прочим, состоял в том, что газеты *обязаны* не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, о чем прикажут, и главное, как прикажут говорить. И любопытно, что Наполеон требует, чтобы все

газеты в строгой *точности* так мыслили, как он в данный момент мыслит: со всеми оттенками, со всеми иногда весьма сложными деталями, чтобы и бранили, кого нужно, и хвалили, кого нужно, с теми самыми оговорками и пояснениями, которые находит нужным делать сам император, браня или хваля данное лицо, данную страну, данную дипломатию.

Курьезно, что однажды случилось ему пожалеть человека, и он сейчас же распорядился приказать, чтобы и газеты безотлагательно этого человека пожалели. Дело было в 1808 г., и жалко Наполеону стало испанского государственного деятеля, известного дона Годоя («князя мира»); император как раз тогда готовился низвергнуть испанских Бурбонов и передать Испанию Иосифу Бонапарту. «Сегодня вечером прибудет князь мира. Этот несчастный человек возбуждает жалость... Прикажите написать статьи, которые не оправдывали бы князя мира... но вызвали бы сострадание к этому несчастному человеку»,— так повелевал император своему министру иностранных дел Талейрану [20]. Но как укажешь газетам *точную* меру дозволенного сострадания. И уже спустя несколько дней Наполеон должен распорядиться, чтобы жалеть — жалели, но не особенно: «Не нужно, однако, доходить до того, чтобы хвалить князя мира и говорить о нем хорошо, его управление в самом деле возмутило всю Испанию» и т. д. [21]

Вообще газеты не умеют в меру ни жалеть, кого нужно, ни насмехаться, над кем нужно. «Недурно было бы осмеять жалобный и слезливый тон голландских министров. Это следует сделать с маленьким тактом»,— приказывает он Фуше [22]. В самом деле: все-таки в Голландии как-никак царствует пока брат Наполеона Людовик. Правда, его участь предрешена, Голландия доживает последние дни, но нельзя же совсем необузданно высмеивать жалобы родного брата императора. А он знал ретивость и усердие газет! Льстить нужно, но делать это необходимо с умом, и Наполеон дает иногда соответствующие указания.

Среди жестокого завоевания бунтующей Испании Наполеон находит время давать парижской прессе чрез Фуше заказы общего содержания.

Наступил 1809 год. «Я полагаю, что было бы полезно приказать написать несколько хороших статей, которые бы сравнивали несчастье, угнетавшее Францию в 1709 г., с цветущим состоянием Империи в 1809 г.» И Наполеон намечает схему: «Нужно рассмотреть вопрос с точки зрения территории и населения, внутреннего преуспеяния, внешней славы, финансов» и т. д. «У вас есть люди, способные написать на эту очень важную тему 5—6 хороших статей, которые дадут хорошее направление общественному мнению». И дальше намечается параллель: Людовик XIV строил Версаль да охотничьи домики, а он,

Наполеон, улучшает и перестраивает Париж. «Начав с этого, можно говорить об усовершенствовании в наших учреждениях», о счастливой перемене во всем: Людовик XIV преследовал протестантов — Наполеон ввел терпимость и т. д. «Можно писать по статье каждый месяц, под одним и тем же названием: 1709—1809» [23].

Желая деспотически руководить прессой, Наполеон в то же время, в светлые свои моменты, понимал, что чем больше публика будет замечать направляющую руку полиции, тем меньше будет верить фабрикуемым этой рукой известиям. «Так как все газетные статьи, говорящие об армии, написаны бестактно, то я думаю, что лучше, чтобы они вовсе не говорили об этом, тем более, что знают, что эти статьи написаны под полицейским влиянием. Большая ошибка воображать, что во Франции можно таким путем проводить идеи»,— писал император министру полиции после своей люценской победы [24]. И, однако, всю свою жизнь он, между прочим, и «таким путем» пользовался, чтобы «проводить идеи».

Итак, пресса, раз уже она должна существовать, должна быть не только совершенно обезврежена, но и сделаться органом правительственных мнений, и только. Да и то польза от нее сомнительна.

В одном только пресса может быть иногда положительно полезна: когда она дает ложные преувеличенные показания о французских военных силах. «Я не знаю, почему «Journal de l'Empire» осведомляет неприятеля о том, что генерал Дюфресс может выставить против неприятеля на острове Э две тысячи солдат? Разве дело газет давать такие точные указания? Это очень глупо. Если б еще газета учетверила число,— еще можно было бы допустить!» [25] Император неоднократно гневается, что газеты, при всем усердии, даже лгать с умом не умеют, а если солгут, то некстати. Напечатали в «Le Publiciste» подложное письмо Костюшки, когда вовсе в этом нет надобности, когда поляки и без того на стороне Наполеона. Зачем это? «К чему служит ложь, когда так хорошо сказать правду!» — насмешливо корит император министра полиции [26]. Он вообще корит в таких случаях Фуше, полагая, очевидно, что все нелепости в газетах происходят от их безмерной запуганности, но вместе с тем, разумеется, и не помышляет хоть немного ослабить беспредельную власть полиции над прессой. И еще злит его, что когда авторы лгут, то не умеют скрыть этого (т. е. собственного недоверия к своим словам). «Это жалко!» — восклицает император; все это так пишется, «как если бы автор сам думал, что его слова — неправда... Лучше враждебный писатель, чем глупый друг» [27].

Он деятельно руководит прессой, приказывая писать по внешней политике то, что ему сейчас необходимо.

«Прикажите написать в газетах статьи, в которых говорилось бы, что прусский король прогнал от себя Цастрова... и истинных пруссаков; что им теперь руководит всецело Гарденберг и что он вполне во власти России. Дайте почувствовать, что этот монарх в своем унижении еще более умален своим поведением, чем своими несчастиями; что в свите русского императора,— при котором он менее, нежели адъютант,— он часто слышит самые жестокие слова о своей нации и о своей армии... что его армия состоит приблизительно из 12 тысяч человек... что немногое, что у него осталось, разорено, сожжено, разграблено казаками»[28]. Словом, дается тема и содержание, а уж дело полиции приказать всем газетам создать немедленно узоры по высочайше утвержденной канве. Но вот не успели газеты исполнить приказ, как уже война с Россией кончилась, и император (называющий редакторов «дурачками») опасается, как бы они не вздумали — впредь до нового формального приказа — продолжать печатать небылицы о России.

Едва только заключен Тильзитский мир, как император распоряжается приказать газетам прекратить печатание статей и заметок против России, которые только что им столь же категорически приказывалось печатать. При этом Наполеон считает совершенно излишним стесняться со своим министром полиции: «Смотрите, чтобы больше не говорилось глупостей ни прямо, ни косвенно о России»[29]. Вот и все. Записочка в 3,5 строчки, отправленная из Тильзита в Париж, к Фуше, диаметрально и *мгновенно* изменила «настроение» всей французской прессы относительно России.

Весьма часты приказы Наполеона (чрез министра полиции), чтобы пресса сбивала с толку неприятеля ложными известиями.

В ноябре 1808 г. ему хочется отвлечь внимание англичан ложной диверсией, внушить им мысль, будто король неаполитанский Мюрат, вассал Наполеона, намерен овладеть Сицилией, куда укрылись изгнанные Наполеоном неаполитанские Бурбоны. И вот он приказывает Фуше, чтобы в голландских, германских и французских газетах появились статьи о готовящейся якобы экспедиции, он даже, не надеясь на понятливость Фуше, наперед дает резюме этих заказываемых ложных известий. В общем — заканчивает император — «это должно быть хорошо проведено, должно явиться как бы результатом общего мнения, идти со всех сторон и быть делом дюжины хорошо скомбинированных статей в разных газетах»[30].

Особенно внимательно следил Наполеон за тем, чтобы в общественном мнении нарушителем мира пред каждой войной являлся не он, а его противник. «Приказывайте помещать в газетах статьи обо всем вызывающем и оскорбительном для фран-

цузской армии, что делается в Вене... Нужно, чтобы ежедневно была такая статья в «Journal de l'Empire» или в «Publiciste», или в «Gazette de France»[31],— распоряжался император пред войной с Австрией, в 1809 г. Париж, Франция могут узнавать о политике из победоносных бюллетеней армии, из официальных сообщений, но в покоряемых странах нужно прибегать к деятельной пропаганде посредством прессы.

Большое значение поэтому император приписывал газетам, предназначенным для покоренных народностей. Он обратил благосклонное внимание, например, на выходившую в Париже газету «Corriere d'Italia»: «Мало наберется литературных предприятий, более важных. Следовало бы обильно распространять эту газету»[32] и т. д. Зато горе было стране зависимой или полузависимой, если какая-либо местная газета осмеливалась напечатать подозрительную статью. Швейцарская «Gazette de Lugano» провинилась в этом смысле. Сейчас же летят приказы из Познани, где в то время был Наполеон (дело было в разгаре войны с Пруссией и Россией 1806—1807 гг.), вице-королю Италии Евгению Богарне, министру иностранных дел Талейрану: запретить немедленно газету, арестовать редактора[33], арестовать автора, арестовать даже директора почт в Швейцарии (за то, что не догадался задержать номер газеты), объявить, «что *при малейшем замедлении»* (курсив мой — *Е. Т.*) в осуществлении всех этих арестов, император отторгнет от Швейцарии Лугано и две прилегающие области присоединит к своему Италийскому королевству[34].

Едва только началось завоевание Испании, как Наполеон уже приказывает Мюрату, находящемуся в Мадриде: «Наложите свою руку на печатное слово (в подлиннике сильнее: sur tout ce qui est imprimerie — *Е. Т.*)... Существенно внушить хорошенько общественному мнению, что — нет короля»[35]. (А короля нет лишь потому, что Наполеон арестовал всю королевскую семью вместе с королем.) «Завладейте газетами и управлением»,— твердит Наполеон Мюрату в этот начальный период порабощения Пиренейского полуострова[36]. Он приказывает наводнить Испанию памфлетами против низвергнутой им династии и восхвалением вводимого нового порядка. Маршал Бессьер полагает, что это бесполезно. Но император не желает лишать себя этого орудия — официальной лжи: «Вы говорите,— пишет он Бессьеру,— что памфлеты ни к чему не служат в Испании; это россказни. Испанцы — как все прочие народы — и не составляют особого класса. Распространяйте в Галисии писания, которые я вам послал»[37].

Он непрестанно требует от брата своего Иосифа, чтобы ему послали «тысячу экземпляров газет» (из Мадрида, конечно казенно-французского направления) для раздачи в постепенно

завоевываемых местностях [38], хвалится, что его воззвания приносят пользу, приказывает сочинять новые памфлеты на испанском языке «с изображением печального состояния Испании, предоставленной английскому коварству» [39]. Готовясь к войне с Австрией, он приказывает немецким газетам зависимых от него стран «высмеивать все статьи венских и пресбургских газет, направленных против Франции» [40]. А когда война началась, он торопится приказать наводнить Германию памфлетами против Австрии, описаниями австрийских жестокостей, совершаемых якобы в Баварии и Вюртемберге.

В Кассель, в Гамбург, в Ганновер, в Аугсбург, в Мюнхен летят приказы в этом смысле [41]. Но на одну эту полемику он не надеется: у него есть средства более существенные, чтобы заставить замолчать заграничную прессу.

10 февраля 1810 г. он приказывает отправить в Баварию «официальную и спешную» ноту, в которой обращает внимание баварского правительства на «дерзости» баварских газет [42]. На деле «дерзости» были такими робкими и плотно закутанными в самые хитросплетенные словесные покровы, что едва ли кто-либо их и мог разглядеть, кроме придирчивой императорской дипломатии. Почти в то же время он приказывает обратить внимание прусского правительства на зловредную литературную деятельность Коцебу; при этом император повелевает, чтобы вообще его посол в Пруссии читал «все газеты», печатаемые там, и «заботился об уничтожении зла, которое среди них найдет» [43]. Франкфуртская газета тоже слишком много говорит: следить за ее поведением! [44]

Иногда приказы отдаются общего характера — для всех газет той или иной покоренной страны. «Позаботьтесь, чтобы все хорошо написанные статьи наполнили все газеты Амстердама»,— и в таком же роде [45]; иногда подобные тоже общие и неопределенные, но категорические повеления отдаются государям зависимых или полузависимых стран: «Король (прусский — *Е. Т.*) и прусские власти должны бдить над тем, чтобы газеты не печатали ничего, что могло бы нарушить добрый порядок и спокойствие внутри государства» [46]. Бывало и так, что Наполеон категорически *требовал* от зависимых правительств, чтобы они лгали в своих газетах, и со свойственной ему точностью даже определял, во сколько раз, так сказать, нужно солгать в том или ином случае. Вот, например, что он приказывал из Москвы — австрийскому, баварскому, вюртембергскому государям: «Я не только желаю, чтобы посылались подкрепления (в великую армию — *Е. Т.*), но я желаю также, чтобы преувеличивались эти подкрепления и чтобы государи заставили свои газеты печатать о большом числе отправляемых войск, *удваивая* это число» [47].

Перепечатки из газет тех держав, которые хотя были и в

мире с Наполеоном, но не вполне еще от него зависели, воспрещались часто без всякого видимого повода: ни малейшей враждебности к ваграмскому победителю австрийские газеты конца 1809 г. не обнаруживали, однако император распорядился, чтобы ничего из них во Франции не перепечатывалось [48]. Он, собственно, мог смело не бояться этих перепечаток: во-первых, какая имперская газета осмелилась бы дозволить себе перепечатку, которая бы сколько-нибудь могла не понравиться полиции и цензуре? А во-вторых, с Тильзитского мира и особенно с разгрома Австрии в 1809 г. не было на всем европейском континенте ни одной страны, где местное правительство позволило бы прессе не то что нападать на Наполеона, но даже сдержанно критиковать те или иные последствия наполеоновской супрематии в Европе. Достаточно вспомнить отмеченную мной (в моей работе «Континентальная блокада») убогость немецкой, датской, голландской, австрийской литературы наполеоновской эпохи по вопросу о континентальной системе.

И все-таки Наполеон не желал, чтобы во Франции перепечатывалось что-либо из заграничных газет: все-таки за границей пресса не была так вымуштрована, так запугана, как в Париже.

Он сильно рассердился однажды, что французские газеты смеют перепечатывать из иностранных газет сведения о нем, императоре! Правда, эти сведения весьма почтительно и даже раболепно изложены, но все равно: пусть будет *«точный и абсолютный закон»* — не сметь ничего перепечатывать об особе императора [49]. Но спустя несколько дней «Gazette de France» с верноподданническим умилением перепечатала подробности о канарейке и собачке императрицы Марии-Луизы, жены Наполеона (и тоже из заграничной прессы). Император опять в гневе: все это может быть хорошо для немцев, но неуместно во Франции. И вообще «редакторы наших газет очень глупы» [50].

И вот в огромной Империи и в зависимой, полупокоренной и «союзной» Европе водворилась гробовая тишина. В газетах писали о чем угодно, кроме того, что всех интересовало. Можно было терпеть и молчать — вне Империи, терпеть и славословить — в Империи, ибо Наполеон далеко не всегда позволял молчать.

Он чувствовал все же желание услышать правду, узнать ее из единственной прессы, которая была от него независима, и он следил за английской печатью. Ему доставлялись вырезки и переводились целые статьи. Иногда он приказывал доставлять ему английские книги, английские парламентские издания [51]. В бумагах его секретариата мне постоянно приходилось встречать вырезки из английских газет, толстые пачки этих вырезок, тетради с французскими переводами из английской прессы.

Когда уже Европа поднялась против угнетателя, он заинтересовался прессой враждебных ему, восставших против него стран, потому что мог *теперь* и из нее вычитать что-либо правдивое и поэтому нужное ему.

В разгаре страшной войны 1813 г. Наполеон требует, чтоб ему немедленно доставили и доставляли впредь петербургские, рижские, стокгольмские, варшавские и берлинские газеты. Он грозит министру иностранных дел, что будет его считать ответственным, если не получит эти газеты. А зачем они ему нужны, явствует из того же письма: ведомство иностранных дел столь «бездарно», что не может дать ему надлежащее представление о настроении северных стран.

Но в самой Империи гнет нисколько не был смягчен даже в эти кровавые 1813—1914 гг., годы крушения наполеоновского владычества сначала в Европе, затем во Франции.

Известны часто цитируемые [52] слова, сказанные Наполеоном графу Беньо, когда тот весной 1813 г. заикнулся о смягчении гнета в Империи: «Я понимаю вас, вы мне советуете уступки... и, особенно, большое почтение к общественному духу... вы — из школы идеологов, вместе с Ренью Редерером, Луи, Фонтаном; нет, я ошибаюсь, Фонтан — тот из другой шайки дураков (il est d'une autre bande des imbéciles). Полагаете ли вы, что я не схватываю существа вашей мысли сквозь покрывала, в которые вы ее облекаете? Вы — из тех, которые в глубине души вздыхают по свободе печати, по свободе трибуны, которые верят во всемогущество общественного духа. Ну, так знайте же мое последнее слово... (и, положив правую руку на эфес сабли, он прибавил): пока *она* висит у меня сбоку — и пусть провисит она еще долго,— вы не получите ни одной из тех свобод, по которым вы вздыхаете...»

Правда, в 1815 г., в эпоху Ста дней, Наполеон уже не рискнул уничтожить или сковать ту прессу, которая народилась при Бурбонах и успела за год царствования Людовика XVIII привыкнуть к некоторой, совершенно немыслимой прежде степени свободы. Впрочем, дав «Acte additionnel», решившись сделаться на этот раз «конституционным» монархом, Наполеон, по убеждению своему, не считал уже уместным угнетать прессу по-прежнему.

Разговорившись как-то с Ласказом на о. Св. Елены о свободе прессы, Наполеон высказал мысль, что при *представительном* образе правления отсутствие свободы прессы — есть «разительный анахронизм, истинное безумие» (un anachronisme choquant, une véritable folie). Он при этом вспомнил, что по возвращении своем с о. Эльбы он даровал печати полную свободу [53]. Самый же принцип свободы печати казался ему уже стоящим вне спора, остается только решать, *возможно ли* отказать в осуществле-

нии этого принципа общественному мнению или невозможно [54].

Но так как сам он мог считать «представительным» только тот строй, который он дал Франции, вернувшись с о. Эльбы, а отнюдь не тот, который был налицо в течение всего *первого* его правления с 1799 до 1814 г., то, очевидно, он и не считал себя непоследовательным, задавив окончательно прессу в эти долгие годы не ограниченного ничем военного абсолютизма.

Мы видели, каковы были воззрения Наполеона на печать. Посмотрим теперь, какие органы государственной машины должны были проводить эти воззрения владыки в жизнь, осуществлять его непреклонную волю.

Глава II

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАПОЛЕОНА ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Сделаем обзор наполеоновского законодательства о печати. Нужно сказать прежде всего, что знакомство с документами отнюдь не подтверждает — по крайней мере в этой области государственной политики — того общего взгляда, который так прочно привился во французской историографии со времен покойного Альбера Вандаля. По воззрению Вандаля и его школы, генерал Бонапарт не уничтожил никаких свобод и не попрал никаких прав французских граждан после 18 брюмера на том простом основании, что уже до 18 брюмера никаких свобод и никаких прав фактически не существовало. Этот общий приговор основывается на примерах необузданного произвола Директории, ссылок и арестов без суда, закрытия тех или иных неугодных органов и т. д. Конечно, если история скажет так: режим Директории был гораздо ближе к режиму Наполеона, нежели к режиму английской политической жизни, то такая оценка будет совершенно справедлива. Но отсюда еще не следует, чтобы между режимом хотя бы постоянно и грубо нарушаемой конституции и режимом откровенной военной диктатуры возможно было ставить знак равенства. То, что при Директории считалось нарушением закона со стороны властей, сделалось при Наполеоне законом; при Директории карались доказательства непокорности или оппозиционного духа — при Наполеоне они стали в «легальной» жизни совершенно невозможными, в частности при Директории время от времени закрывались те или иные органы печати за недружелюбное отношение к правительству — при Наполеоне сразу были закрыты 60 органов (из 73), и не потому, что они были опасны или оппозиционны, но потому, что их было слишком много, а по мнению властителя, чем газет было меньше,

тем лучше. 18 брюмера похоронный звон раздался по французской печати, для нее начался период, которого она не то что при Директории, но никогда со смерти Людовика XIV не переживала.

К чему сводилось действовавшее *законодательство о печати* в тот момент, когда генерал Бонапарт насильственным путем уничтожил Директорию и оба законодательных собрания и захватил верховную власть? К семи законам: по крайней мере таково было мнение сената, учрежденного Наполеоном [1]. Первый закон — 21 июля 1792 г.— гласит, что «все журналисты — поджигатели и памфлетисты —должны быть преследуемы». Но как их преследовать, как именно карать? Как отличать «поджигателя» (incendiaire) от обыкновенного журналиста? Об этом закон молчит [2].

Второй закон (18 августа 1792 г.) собственно вовсе не есть закон о печати, хотя его впоследствии и счел таковым наполеоновский сенат: согласно этому закону, в распоряжение министра внутренних дел отпущена была сумма (100 тысяч франков) на печатание и распространение сведений, способных «просветить умы» и опровергать клевету «врагов отечества» [3]. Третий закон, изданный Конвентом 29 марта 1793 г., повелевает наказывать смертью всякий призыв к насилиям, если этот призыв породит преступление, и шестилетней тюрьмой, если за призывом не последует самое преступление [4]. Четвертый «закон» имеет частное значение — это декрет, отменяющий некоторые постановления департаментских властей (департамента Луарэ, муниципалитета Марселя, департамента Устьев Роны), «нарушающие свободу прессы». Пятый закон — 19 июля 1793 г.— относится к авторским правам. Шестой (1795 г.) повелевает «арестовывать и предавать уголовному суду лиц, которые своими писаниями или мятежными речами будут вызывать унижение народного представительства и возбуждать стремление к возвращению королевской власти» [5].

Наконец, последний закон, относящийся к печати и созданный первой Французской республикой, издан был в 1797 г.— это закон 27 жерминаля IV г. Собственно, этот закон относится вообще «к охранению общественной и личной безопасности от всякого преступления, направленного против нее».

Согласно первой статье, «объявляются виновными в преступлении против внутренней безопасности республики и против личной безопасности граждан и подлежат смертной казни, согласно 612-й статье свода о проступках и преступлениях, все те, которые своими речами или печатными произведениями... будут призывать к уничтожению национального представительства или Исполнительной Директории, или к убийству всех или одного из их членов, или к восстановлению

королевской власти, или к восстановлению конституции 1793 г., или конституции 1791 г., или всякого иного правительства, кроме установленного (действующей — *Е. Т.*) конституцией, или к разграблению, или разделу частной собственности, под именем ли аграрного закона, или иным способом».

Смертная казнь будет заменена ссылкой на каторгу в случае, если суд найдет смягчающие обстоятельства. Но судить преступления эти должен суд присяжных, и судить безотлагательно, *прекращая для этого все другие дела,* причем промедление в преследовании виновных со стороны власти приравнивается к государственной измене [6].

На другой день, в прибавление к этому закону, был издан еще один закон — 28 жерминаля, согласно которому ни один печатный листок, ни одна брошюра, книга, газета и т. д. не могут выйти в свет, если на них нет имен: 1) автора, 2) типографщика. За нарушение этого постановления виновные подвергаются в первый раз шестимесячному, а во второй раз — двухлетнему тюремному заключению. В случае преступности содержания, если автор неизвестен, привлекаются (и *арестуются*): продающие, разносящие, расклеивающие инкриминированное печатное произведение, и они обязаны указать типографщика и автора, после чего автор наказуется согласно закону 27 жерминаля (т. е. смертью или каторгой). Если же нельзя будет добраться до автора, то «разносчики, продавцы, расклеивающие» преступное произведение, равно как и типографщики, подвергаются в первый раз двухлетнему заключению, во второй раз — ссылке на каторгу [7].

Таково было положение дела, когда генерал Бонапарт уничтожил Директорию и захватил власть в свои руки.

Первым делом нового самодержавного (фактически, если еще пока не юридически) властителя Франции было закрытие *60* газет из 73 существовавших. Постановлением 27 нивоза VIII г. генерал Бонапарт уничтожил *все* парижские политические газеты, кроме тринадцати. Но «спустя несколько лет правительство признало в принципе, что исключительное право публиковать периодические издания не может быть предоставлено частным лицам и что государство должно требовать деньги за привилегию», т. е. за то, что оно *терпит* существование уцелевших (la tolérance qui le protège et qui est un privilège tacite) [8]. Тогда-то Фуше и постановил [9], что правительство имеет право требовать в пользу казны $^2/_{12}$ части дохода; одновременно в каждую редакцию более распространенных газет было назначено по одному редактору-цензору, который должен был получать жалованье из *средств газеты* тоже в размере $^2/_{12}$ доходов газеты. Оба распоряжения Фуше не были обнародованы (хотя и неукоснительно осуществлялись), так что, когда

Наполеон в 1810 г. задумал новые меры к угнетению печати, то в докладе, представленном ему, указывалось, что *единственным* опубликованным актом, касающимся прессы, за все его правление является декрет 27 нивоза, изданный еще когда он был консулом [10].

Уцелевшие органы прессы были отданы в полную власть министра полиции и префектов, которые — каждый в своем департаменте — могли закрывать издающуюся там газету и только доносить о последовавшем закрытии в Париж. Книги и брошюры также были отданы в бесконтрольное распоряжение этих властей, хотя для книг и брошюр была создана некоторая фикция, якобы ограждавшая их от произвола. 64-й статьей сенатус-консульта 28 флореаля XII г. (1804 г.) было постановлено следующее: «Комиссии из семи членов, избранных сенатом из своей среды, поручается бдить над свободой прессы. Не входят в круг ее ведения произведения, которые печатаются и раздаются по подписке и в периодические сроки. Эта комиссия будет называться сенаторской комиссией свободы прессы».

Через две недели после учреждения этой комиссии в заседании сената 13 прериаля были избраны членами ее сенаторы: Гара, Жокур, Редерер, Деменье, Шассэ, Порше и Даву [11]. Комиссия начала функционировать. Но ознакомившись с ее бумагами, я удостоверился окончательно в том, что должно было быть ясно a priori, т. е. что комиссия эта никакого значения не имела.

Как и следовало ожидать, эта столь пышно названная сенаторская комиссия не имела ни малейшего влияния и, в общем строе наполеоновского государства, ни малейшего смысла. Вот все дела этой комиссии за период Консульства и Империи: 1) «Дело Деккера». Этот Деккер, явный графоман, прислал в комиссию несколько рукописей о всевозможных предметах — о торговле, о дворянстве, о lettres de cachet, стихи, прозу и т. п. Эти рукописи аккуратно сохранены в соответствующем картоне [12], и я мог убедиться, что автор — человек, безусловно ненормальный. Очевидно, что рукописи были задержаны цензурой,— он их и прислал в сенаторскую комиссию. Резолюции комиссии никакой в деле нет, да она по только что указанным обстоятельствам была бы в данном случае и неинтересна. 2) Дело Драпарно (1805 г.). Вдова профессора медицинского факультета в Монпелье просит комиссию снять арест, наложенный полицией на брошюру, которую, она, вдова Драпарно, издала в память своего мужа. Арест был наложен по проискам врага покойного, который боялся, что в брошюре о нем говорится неодобрительно. Резолюция комиссии неизвестна. 3) Президент гражданского суда в г. Кламси обращает внимание комиссии на то, что в одном печатном произведении «оскорбляется

суд», и просит обуздать это «злоупотребление печатью» [13]. 4) Некто Жоссэ просит комиссию обуздать его врага по частной тяжбе, Адана, который издает направленные против него памфлеты. Тут же приложены памфлеты сутяжнического характера, не имеющие никакого отношения ни к чему, кроме этого тяжебного дела [14]. 5) Дело Легюби, который хотел издать брошюру, касающуюся организации податного дела в Голландии, а заведующий этим делом Сезо задержал брошюру, подействовав на соответствующие власти. Ответ сенаторской комиссии гласил: пусть жалобщик обратится к министру полиции [15]. 6) Кредитор Шошар жалуется, что ему не позволяют напечатать брошюру, направленную им против своих неисправных должников [16]. 7) По другому сутяжному делу на запрос комиссии, почему не разрешают некоему Фонашону выпустить мемуар, относящийся к его судебному делу, министр полиции ответил, что это сделано по причине напечатания в мемуаре двух «конфиденциальных писем», принадлежащих «частному лицу» [17]. Больше ничего комиссия не узнала, но дело на том и кончилось. 8) Наконец, Дезодоар просит, чтобы сняли арест с последнего тома его «Истории Франции». Запрошенный министр внутренних дел Монталиве указывает, что, во-первых, автор получил зато от министерства как бы компенсацию (indemnité) — 2400 франков, а во-вторых, он, министр, «подробно поговорит об этом деле с кем-либо из членов комиссии... *если я буду иметь честь беседовать с ним»* [18]. Больше ничего об этом деле нет.

После Тильзита строгости относительно печати усиливаются. Окончательно усваивается принцип, что вообще следует поменьше давать известий в газетах о том, что делается в стране. Даже чисто фактические заметки бесполезны: «Зачем осведомлять врагов о том, что я делаю у себя?» — раздраженно осведомляется император у Фуше. Не писать о Моро, эмигрировавшем в Америку, о сношениях англичан с ним [19], не писать о передвижениях войск, не писать об армии вообще ровно ничего; иногда, напротив, приказ министру полиции заставит все газеты напечатать о Ламбере, что он изменник. Даже раболепнейше-невиннейшие заметки возбуждают неудовольствие. Газеты не должны знать ничего касающегося сановников. «Откуда эти детали в сегодняшних газетах о приеме Коленкура?» — с неудовольствием вопрошает император [20].

Я отказываюсь дать точное представление о степени запуганности прессы в 1807—1808 гг., скажу только, что, например, времена императора Николая I (до и после учреждения бутурлинского комитета) могут показаться эпохой необузданного радикализма печати сравнительно с разбираемым моментом. Наполеон гневался не только по поводу того, о чем писали,

но и по поводу того, о чем молчали газеты. «Le Publiciste», например, не ежедневно бранил англичан, он же слишком «ухаживал за швейцарцами», и Наполеон усмотрел в этом ущерб для французов. И вот Фуше получает записку: «Сен-Клу, 24 марта 1808. Небрежность, которую вы вносите в дело надзора за газетами, в эту столь важную часть ваших обязанностей, заставляет меня закрыть «Le Publiciste». Это сделает (многих — *Е. Т.*) несчастными, и вы будете тому причиной. Если вы назначили редактора, то вы и должны его направлять. Вы пошлете копию моего декрета другим газетам и скажете им, что я закрыл этот орган за то, что он обнаруживал английские чувства... Вы дадите новые инструкции «Journal de l'Empire» и «Gazette de France» и вы уведомите их, что если они не хотят быть закрытыми, то они должны избегать всего, что противно славе французской армии и клонится к оклеветанию Франции и ухаживанию за иностранцами (à faire leur cour aux étrangers)» [21]. Дело окончилось, впрочем, более милостиво: был немедленно прогнан редактор, назначен полицией другой, и газета уцелела. Беспощадный и придирчивый сыщик Фуше оказывался в глазах Наполеона излишне либеральным блюстителем прав печати.

5 февраля 1810 г. Наполеон учредил должность особого «главного директора», который должен был находиться под прямым начальством министра внутренних дел и заведовать «всем, что относится к печатанию и к книжной торговле». Тем же декретом устанавливалось, что число типографий в Париже не должно превосходить 60, число типографий в департаментах тоже должно быть впредь фиксировано (но точная цифра пока не приводилась). Министр должен был решить, какие именно из существующих типографий должны закрыться; предусмотрительно указывалось, что владельцы этих внезапно закрываемых типографий получат вознаграждение из средств тех типографий, которые не будут закрыты. О всякой поступившей для печатания рукописи тотчас же должно быть заявлено властям, которые могут воспретить печатание вовсе или прервать его. Главный директор может требовать не только уничтожения отдельных мест в печатаемой книге, но и изменений в ней. Кроме того, если печатается нечто, касающееся вопросов, интересующих то или иное министерство [22], то это министерство может потребовать рукопись на просмотр (сверх общей цензуры). Не только владельцы типографий, которых выбирает само министерство, но и простые книгопродавцы обязаны (*отдельными* статьями декрета — ст. 9 и 33) представить доказательства: 1) доброй жизни и нравов и 2) «привязанности к отечеству и государю».

Таковы были главные пункты этого декрета. Как же были

вознаграждены разоренные внезапной бедой владельцы уничтоженных типографий. 2 февраля 1810 г. в Тюльерийском дворце император подписал новый декрет, в котором объявлялось: «Типографщики, сохранившиеся в нашем добром городе Париже, обязаны купить станки типографщиков уничтоженных» (по-французски это звучит еще энергичнее: les imprimeurs conservés dans notre bonne ville de Paris sont tenus d'acheter les presses des imprimeurs supprimés); 2) кроме того, каждый из «уничтоженных» получит около 4 тысяч франков, каковые суммы будут взысканы правительством с шестидесяти «сохранившихся». Главным директором печати был назначен Порталис, а в подмогу ему — девять «императорских цензоров».

Печать была задавлена окончательно. Тем не менее Порталис счел долгом в особом циркуляре, разосланном во все типографии, обратить внимание на «либеральные и благодетельные взгляды его величества» [23]. Циркуляр весьма откровенно поясняет, к чему стремится правительство: ставя типографщиков в полнейшую зависимость от благорасположения министра, Наполеон делает их самыми суровыми цензорами, каких только можно себе представить. В самом деле, даже в прошедшем сквозь все испытания печатном произведении может встретиться нечто, проскользнувшее сквозь все преграды и обличающее зловредный дух. Тогда министр, который может дискреционно определять недостаточность «привязанности к отечеству и государю», закрывает типографию без объяснения причин. Порталис все это и поясняет в корректной форме в параграфе первом своего циркуляра: «Как только типографщик получает из рук автора рукопись, он должен приняться за чтение ее, чтобы убедиться, что она не заключает в себе ничего такого, что могло бы посягать на обязанности подданных относительно государя и на интересы державы. Это предварительное рассмотрение есть своего рода цензура, которую производит типографщик и за которую он должен браться с внутренним сознанием благородства своего положения и важности своих функций. Поэтому он должен, не колеблясь и оставив в стороне всякие корыстные расчеты, отказать в своих услугах по распространению произведения, которое кажется ему опасным». Несмотря на эту смесь суконного канцелярского языка с претензиями на красноречие, основная мысль совершенно ясна. Уже после *этой* цензуры начинаются мытарства и сношения с цензурой официальной.

Но 1810 году суждено было вообще стать памятным в истории французской печати. Наполеон стоял на вершине могущества и славы, весь континент пред ним преклонялся, и льстецы уверяли его, что одинокий, неукротимый, брошенный всеми союзниками враг — Англия — близок к финансовому краху, сле-

довательно, к гибели. И Наполеон решил покончить с тем чужеродным и ненужным растением, которое он выкорчевывал энергично с самого начала своего правления.

3 августа 1810 г. Наполеон подписал в Трианоне декрет, которым: 1) разрешал издавать в каждом департаменте (кроме департамента Сены) лишь одну газету, 2) ставил эту газету под власть местного префекта, который мог дискреционно разрешать или воспрещать выход номеров, 3) допускал издание листков объявлений («о движении товаров, о продаже недвижимостей»,— заботливо пояснялось в тексте декрета); а также префекты получали право «временно разрешать» выход органов, посвященных *исключительно* искусствам, науке и литературе [24]. Но и это показалось слишком либеральным. 14 декабря того же 1810 г. Наполеон особым декретом утвердил два выработанных министрами полиции и внутренних дел списка: 1) городов, в которых «окончательно разрешен листок объявлений»,— таких счастливых мест оказалось 28 на всю колоссальную Империю (из них очень немного — вне пределов старой Франции: Ахен, Антверпен, Брюссель, Кельн, Рим, Турин); 2) другой список заключал в себе перечень «окончательно разрешенных» в провинции научных и литературных органов; таковых оказалось ровно 20 (считая «Annales des mathématiques», четыре журнала, посвященных земледелию, два медицинских, пять чисто юридических справочников и т. п.).

Департаментские газеты с появлением декрета 3 августа 1810 г. состояли не только под бесконтрольной и безграничной властью местного префекта, но префект даже назначал главного редактора,— и в административный обычай вошло, чтобы редактором был секретарь префектуры, и даже префект указывал, в какой типографии должна печататься местная газета [25]. Но это было лишь половиной дела. Все-таки еще издавалось несколько газет в Париже. И император затребовал новые сведения о печати,— эти его статистические ознакомления никогда не предвещали прессе ничего хорошего.

Во второй половине 1810 г., по сведениям, представленным Наполеону директором печатного дела и книжной торговли, в Империи существовало 205 периодических изданий. Из них газет, которым было разрешено печатать «политические новости», было 96, газет, посвященных торговым объявлениям и сообщениям,— 81, «судебных» газет — 9, научных журналов — 19 [26]. Конечно, подавляющее большинство из этих 96 «политических» газет были департаментские, т. е. редактировавшиеся, как сказано, секретарем префекта, но оставалось все-таки несколько парижских газет. Эти газеты были запуганы, полиция назначала им в главные редакторы своих чиновников, они не смели даже заикнуться о чем-либо «либеральном»,— и все-таки

Наполеон был недоволен. Он читал между строк и *хотел* найти там ковы и интриги, хотя там решительно ничего подобного не было и не могло быть.

Чего же еще было ему нужно? Министр полиции понял мысль Наполеона. Первая цель, чтобы нигде в пределах Империи, ни во французских, ни в итальянских, ни в немецких, ни в голландских ее частях, ни в одной газете не встречалось и не могло бы встретиться никаких *тайных* «козней», намеков, «тайных надежд». «Конечно, никто не посмел бы делать это открыто», но «мы видели, что издатели и редакторы надевают всякие маски, принимают всякие *тоны* (sic! — *Е. Т.*— prendre toutes les masques, emprunter tous les tons) и успевают при помощи этих ухищрений бросить неблагонамеренную мысль. Нужно не просто обуздывать, но раз «навсегда удостовериться в *чувствах»* редакторов. Недостаточно повиновения по принуждению. Нужно, чтобы можно было рассчитывать на истинную преданность священной особе вашего величества, династии и правительству вашего величества» [27]. Вторая цель — бороться с *заграничными* лжеучениями и, в частности, «распространять в Германии и на севере Европы, посредством наших газет, французские принципы, мнения и дух» (т. е. дух бонапартовского абсолютизма).

Как же достигнуть этих целей? По мнению министра полиции, «средства к исполнению — просты и легки». Одно из таких средств — не позволять *вовсе* парижским газетам перепечатывать что бы то ни было из иностранных газет иначе, как по приказанию министра, который также будет им приказывать опровергать то, что найдет достойным опровержения в иностранных газетах. А главное — осуществить повеление императора: «Ваше величество повелели, чтобы право собственности на «Journal de l'Empire» (он же «Journal des Débats») перешло к верным подданным, на которых во всякое время можно рассчитывать»,— оставалось, значит, распространить этот принцип на все другие газеты, отнимать их у одних издателей и передавать другим.

Уже в октябре 1810 г. министр полиции Савари представил императору доклад о «французских газетах», но Наполеон велел дополнить этот доклад всеми деталями, касающимися материального положения газет.

Как только эти детали будут представлены, «я,— заявляет он,— приму одну общую меру, которая упрочит право собственности, поместит ее в надежные руки и, наконец, даст политическому управлению газетой то влияние, которое бы эту собственность обеспечивало» [28]. Эта довольно неясная фраза императора скрывает целую программу действий: 1) правительство так или иначе, в той или иной мере желает стать *собственником*

части акций газет, и, 2) окончательно поработив прессу, правительство не будет уже закрывать те органы, которые уцелеют, и собственники газет *тогда* будут спокойнее за свою собственность. Пока что император начинает с еженедельной газеты «Le Mercure». Он согласен ей помочь денежно, но приказывает изменить программу. Газета должна давать провинции резюме столичных газет за неделю, она же должна еженедельно опровергать английскую прессу — и все это делать «зрело и хладнокровно». Тогда она в провинции сможет конкурировать с ежедневными газетами [29].

В конце 1810 г. был составлен проект декрета о газетах, издающихся в Париже. Вот некоторые статьи его. «Art. 2: Число газет в Париже, публикующих политические или внутренние (sic!) известия, сводится к трем, начиная с 1 января 1811 г.: «Journal de l'Empire», «Le Publiciste» и «La Gazette de France». Art. 3: в этих газетах впредь не должно быть фельетона... Art. 4: они должны появляться три раза в неделю». Но этого мало. Наполеон повелевает, чтобы издавалась лишь *одна* газета, посвященная торговле, *одна* по медицине, *один* листок объявлений, *один* дамский (модный) журнал. А что же делать с остальными журналами и газетами?

«Наши министры внутренних дел и полиции представят в пятнадцатидневный срок на наше одобрение все меры, необходимые для *соединения* уничтоженных газет с сохраненными» [30].

Это любимое наполеоновское выражение, когда речь идет о журналах и газетах: императору, по-видимому, представлялось, что можно «соединять» пять газет в одну, как он устраивал сводную батарею из двух или трех, очень пострадавших в бою.

В 1811 г. дело было завершено: декретами 18 февраля и 17 сентября 1811 г. император просто конфисковал эти уцелевшие четыре газеты, т. е. экспроприировал их у собственников и передал право владения казне и им же самим назначенным «акционерам». Мотивировалась эта экспроприация тем, что ведь не было никогда дано прежним собственникам «концессии» от государя, а между тем такая «концессия» необходима. Почему необходима? На основании какого закона? Неизвестно.

Воля Наполеона заменяла и законы, и прецеденты и совершенно избавляла министров от необходимости мотивировать проводимые мероприятия. Правительство помимо всего оказалось, таким образом, отчасти собственником парижских газет. Из 24 акций, из которых составлялся капитал «Journal de l'Empire» (бывш. «Journal des Débats»), наиболее читаемой газеты, 8 принадлежали правительству, из 24 акций «Petites Affiches» — тоже 8, из 12 акций «Gazette de France» — 3, из 24 акций «Journal de Paris» — 9. Так обстояло дело в последний отчетный год Империи — в 1813 г. Монопольное положение этих уцелевших

газет приносило и этому главному «акционеру», и другим акционерам большие доходы. Приведу любопытные данные из официального документа, озаглавленного «Résumé général de la comptabilité des journaux de Paris depuis le 1 janvier 1813 jusqu'au 31 décembre 1813»,— я его нашел в картоне F 18/412 [табл. 1].

Таким образом, для всех четырех счастливых монополистов 1813 год окончился превосходно, что особенно наглядно представлено во второй половине того же документа [табл. 2].

В общем, таким образом, наполеоновское правительство получило в 1813 г. с парижских газет 309 394 франка с сантимами (в последней графе сантимы отброшены). Этот 1813 год был вторым годом монополии; первый год монополии (1812) дал тоже блестящие с финансовой точки зрения результаты, хотя и не такие: чистого дохода газеты дали в общем в 1812 г. на 148 436 франков меньше, нежели в 1813 г. [31]

По другому документу валовой доход со всех четырех «реорганизованных» газет в 1812 г. был равен 2,5 миллионам франков; расход — 1686 тысячам франков; чистого дохода оставалось 814 тысяч франков, из каковой суммы приходилось правительству 281 тысяча франков [32]. Чтобы уж покончить с этими немногими цифровыми показаниями, прибавлю, что самая распространенная из этих четырех уцелевших газет (современники даже называют ее иногда «единственно читаемой»), «Journal de l'Empire», имела в январе 1812 г. 21 тысячу подписчиков, а в сентябре того же года — 23 500 [33]. При строжайше монопольном положении уцелевших органов их процветание с точки зрения коммерческой было обеспечено. Немудрено, что попасть в редакторы хотелось очень многим.

Правительство назначало в газеты редакторов, которые в то же время были и цензорами и так себя и называли: rédacteurs-censeurs. Они при случае жаловались министру полиции на издателей, просили министра, чтобы он заставил издателей повысить им жалованье и т. д. «Соблаговолите принять во внимание, Monseigneur, что другие редакторы-цензоры, которые получают больше жалованья..., ограничиваются, однако, простым просмотром своих газет, почти ни в чем не участвуя в редактировании, тогда как я в своей газете один доставляю ежедневный материал» и т. д. Так жаловался еще в 1807 г. министру полиции редактор одной из читавшихся, более крупных газет («Courrier de l'Europe») Жиро, прося прибавки. Фуше приказал издателям платить ему 3600 франков в год, но этого редактору показалось мало [34].

Постоянно попадаются прошения вроде, например, того, которое подал в 1811 г. некий Даммартен, чиновник казенной типографии: он покорнейше просит его превосходительство госпо-

Таблица 1

Название газет	Актив к 1 января 1813 г.	Подписка за 1813 г.	Общий актив	Расход
1) «Journal de l'Empire»	29 510 фр. 62 сант.	1 459 345 фр. 82 сант.	1 488 856 фр. 44 сант.	931 292 фр. 16 сант.
2) «Gazette de France»	—	343 542 фр. 42 сант.	343 542 фр. 42 сант.	255 586 фр. 81 сант.
3) «Petites Affiches», или «Journal Général»	—	300 306 фр. 02 сант.	300 306 фр. 02 сант.	133 228 фр. 02 сант.
4) «Journal de Paris»	39 310 фр. 26 сант.	522 053 фр. 95 сант.	561 364 фр. 21 сант.	389 955 фр. 11 сант.

Таблица 2

Название газет	Перевес доходов над расходами	Доход на каждую акцию	Общее распределение доходов	
			частным акционерам	правительству
1) «Journal de l'Empire»	557 564 фр. 28 сант.	21 832 фр. 87 сант.	349 325 фр.	174 662 фр.
2) «Gazette de France»	87 955 фр. 61 сант.	7 329 фр. 63 сант.	65 966 фр.	21 988 фр.
3) «Journal Général», или «Petites Affiches»	167 078 фр.	6 961 фр. 58 сант.	114 015 фр.	53 062 фр.
4) «Journal de Paris»	171 409 фр.	6 631 фр. 34 сант.	99 470 фр.	59 682 фр.

дина министра полиции герцога Ровиго назначить его «либо соредактором какой-либо газеты, либо литератором, причисленным к министерству его превосходительства»[35]. К этим прошениям в министерстве полиции относились в общем весьма благожелательно. Впрочем, правительство, сделавшись собственником всех газет, и без того достигло всех целей, какие только оно себе поставило в этой области.

Даже сановники раболепствовавшего перед Наполеоном Государственного совета признали, что управление по делам печати довело угнетение прессы до крайних, решительно ничем не вызываемых и не оправдываемых стеснений, и указывали, что нельзя же Францию превратить «в монастырь», что «малейшая интрига в полицейских бюро может в настоящее время скомпрометировать свободу и нарушить права собственности граждан», что «правосудие — безоружно пред полицией» и т. д.[36] Они же отметили факт «всеобщих жалоб» на то обстоятельство, что правительство дает цензорские места профессиональным журналистам, которые по личным соображениям одних собратьев по перу преследуют, а к другим благосклонны. Даже в странах стародавней неограниченной власти дивились безоглядочности и беспощадности, какие проявил Наполеон в деле уничтожения периодической печати. Приведу два примера.

Реакционный австрийский журналист, друг Меттерниха, Гентц, в частном письме к Меттерниху негодовал на безудержный произвол по отношению к прессе, узаконенный Наполеоном в 1810 г.[37]

Русский генерал Сакен, одинаково ненавидевший как Наполеона, так и аракчеевщину («солдатоманию», по его выражению), ядовито писал в своих записках в 1810 г.: «В настоящее время ничто так хорошо не организовано в Европе, как редакции газет во Франции и ведение парадов в России. И тут, и там замечается редкое в истории единство действия. *Там* — тиран убивает, грабит, обманывает всех, кто ему ни попадется, друзей и врагов, брата и сестру, и все газеты от Стокгольма до Неаполя в один голос передают черта за чертой сии преступления в самых светлых красках. *Здесь* — ребенок одевает и раздевает... 300 000 человек, коих называет солдатами, заставляет их танцевать то менуэты, то контрадансы»[38].

В первой главе мы ознакомились с основными воззрениями Наполеона на печать, во второй — с теми законами, которыми он задавил окончательно прессу, с теми учреждениями, которые он призвал к жизни, чтобы осуществить свою политику касательно печати.

Теперь познакомимся с фактами, характеризующими существование периодической печати, положение журналистов, положение авторов книг и брошюр в эпоху наполеоновского режима.

Глава III

БЫТ И НРАВЫ ПЕЧАТИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ: ЖУРНАЛИСТЫ И ГАЗЕТЫ

Мы видели, что наполеоновская эра открылась для печати единовременным уничтожением 60 органов (из 73).

Протестовать никто не посмел. Только один печатный листок нашел я в полицейских делах 1800 г., где можно усмотреть — в тоне добродушной иронии — неодобрение распоряжения генерала Бонапарта (нечего прибавлять, что листок был тотчас же конфискован). Называется этот листок «Feuille de littérature» [1], а интересующая нас статья озаглавлена «Некролог». Вот несколько фраз статьи: «28 нивоза, ровно в 11 часов утра, различные газеты, мучимые воспалением, скончались в цвете лет, вследствие опаснейшей эпидемической болезни. Некоторые из них обращались к знаменитым врачам и обещали хорошее вознаграждение за избавление от опасности. Все оказалось тщетным, открылась гангрена, пришлось умереть. Некоторые из них скончались в состоянии невыразимого бешенства, другие, всегда следовавшие учению Пифагора, умерли тихо, надеясь на метампсихоз... Когда в городе узнали о плачевной участи восьмидесяти [2] несчастных, их близкие... были крайне подавлены... Так как покойники скончались внезапно, то у них не было времени сделать завещание, их наследство, по праву, переходит к тринадцати, оставшимся в живых» и т. д.

Вот, собственно, что сказала легальная (уцелевшая) печать о погибших собратьях, значение же нелегальной было совсем ничтожно.

1 февраля 1800 г. вышел нелегальный журнал «L'Avant-coureur ou retour à l'ordre», но уже на 3-м номере (1 марта 1800 г.) этот орган роялистов прекратился [3]. «Узурпатор, управ-

ляющий нами, хотел бы сковать общественное мнение, и все его действия направлены к уничтожению неправящихся ему истин. Несколько журналистов осмелились стать в оппозицию некоторым его поступкам, и тотчас железный жезл поразил их. Эта мера есть преступление, она разорила множество людей, у которых были только те средства к существованию, какие у них отнимают, эта мера вызвала много банкротств... но эти соображения не остановили тирана... он хочет, чтобы иссякли источники народного просвещения, он хочет царствовать над рабами».

В таком же смысле высказались и издания эмигрантов в Лондоне; впрочем, они высказались об этом предмете лишь попутно. Ни одной специальной брошюры эмигрантского происхождения, посвященной вопросу о закрытии парижских газет, я не нашел ни в Национальной библиотеке, ни в Британском музее.

Наполеон и на эмигрантскую прессу, впрочем, обратил внимание.

Когда шли переговоры об Амьенском мире, министр полиции довел до сведения Иосифа Бонапарта, французского уполномоченного, что в Лондоне издается французскими эмигрантами, «людьми испорченными и бессильными», газета «Paris», осмеливающаяся нападать на первого консула. Ее запрещения и должно было домогаться у английского правительства. «Если бы в Париже существовала газета, которая позволила бы себе печатать против английского правительства и его главы малейшую часть бранных выражений, которые печатаются в газете Пеллетье («Paris» — *Е. Т.*) против первого консула и республики, то она была бы немедленно закрыта, а авторы подверглись бы преследованию» [4]. Но из этой попытки ничего не вышло.

Наполеон не установил для газет предварительной цензуры в точном смысле. Это было ему ненужно: во-первых, ни одна газета не осмелилась бы напечатать что-либо в самом деле дерзкое, во-вторых, всегда можно было успеть заарестовать номер *до рассылки*, в-третьих, газеты были еще более запуганы, чувствуя всю полноту своей ответственности. Он не хотел «разрешать к печати», чтобы это не имело как бы вида *одобрения* напечатанного в газете.

Наполеоновское правительство всегда подчеркивало, что оно вовсе не желает указывать редакторам, за что именно оно их карает, какие именно мысли, ими проводимые, должны считаться вредными. При том паническом страхе, в котором жила пресса за весь период Консульства и Империи, при той железной диктатуре, которая царила в стране, странно даже было бы и предполагать возможность чего бы то ни было, отдаленно похожего на систематическую оппозицию или, скажем, на последо-

вательно проводимое философское вольномыслие и т. п. Но Наполеон не желал даже позволить газете *молчать* о том, что она не могла или не хотела говорить. В таких случаях звали в полицию собственника газеты или кого придется (но материально заинтересованного в издании) и предупреждали, что газета будет закрыта, если не переменит свой *дух*. А как и в чем его менять — призванный должен был уже сам догадаться. Что могло быть смиреннее запуганного «Journal des Débats»? Но вот что оказывается с ним случилось в сентябре 1800 г. «Согласно письму вашему от 3 числа сего месяца (пишет префект министру полиции — *Е. Т.*), я послал за собственником «Journal des Débats», чтобы объявить ему, что его газета будет закрыта, если она по-прежнему будет составляться в дурном духе (être rédigée dans un mauvais esprit). Так как мое письмо не могло быть доставлено собственнику газеты, то в префектуру явился владелец типографии и обещал, что впредь газета будет иметь ту окраску, какая понравится правительству (que dorénavant le journal aurait une couleur qui conviendrait au gouvernement). Привет и братство. Префект полиции Дюпуа» [5]. Я нарочно привожу подлинные фразы, чтобы показать, как умышленно неопределенно изъяснял свои претензии префект и как не смел не понимать его невольный собеседник. Этот «mauvais esprit», дурной дух, фигурирует беспрестанно, когда пугают издателей или даже закрывают их газеты, так что, например, префект департамента Ду (Doubs) еще может считаться администратором словоохотливым, когда, воспрещая своей властью единственную местную газету, выходившую в Безансоне, он так мотивирует свое решение: «Принимая во внимание, что эта газета составляется в духе дурных принципов, что она стремится возбудить партийный дух, ненависть между согражданами и ослабить уважение и доверие, какие должно питать к правительству, префект постановляет» и т. д. [6] Конечно, если есть хоть какая-нибудь возможность указать ясно на провинность газеты, это делается охотно. Но делалось это не часто. Гораздо более принято было просто указывать на общий «дух» газеты.

В министерстве полиции существовало специальное «бюро общественного настроения» (bureau d'esprit public du ministère de la police générale — так называлось в точности это учреждение), и туда газеты еще со времен Директории обязаны были неукоснительно представлять все выходящие номера [7]. Это бюро было страшнее всякой предварительной цензуры, так как оно конфисковало номера за такие слова и фразы, которые только казались подозрительными или неуместными,— и конфискация всегда происходила вовремя: дело было так организовано, что газета не могла быть разосланной одновременно с представлением номера в полицию. «Бюро общественного настроения»

отнюдь не ждало каких-либо проявлений нежелательного духа в том или ином органе: достаточно было узнать от тайных соглядатаев о частной жизни, встречах, сокровенных убеждениях редакции — и судьба органа бывала решена. Для этого в широчайших размерах пользовались негласно служившими в полиции литераторами, услуги которых полиция высоко ценила.

Бывало в первые годы наполеоновского владычества даже так, что у владельца газеты отбиралось право на издание — и потом возвращалось, если издатель обязывался давать полиции секретные сведения о сотоварищах. Особенно ценились в таких случаях указания об авторах нелегальных памфлетов, о которых, конечно, люди, прикосновенные к журналистике, могли кое-что выведать. Предо мной лежит такое, например, официальное письмо министра полиции префекту полиции (дело было в сентябре 1800 г.): «Я предупреждаю вас, гражданин префект, что я только что разрешил Леклеру продолжать издавать его вечернюю газету «Courrier de la république française». Это разрешение дано ему под условием, чтобы он продолжал доставлять сведения, какие сможет добыть, о памфлетах, которые впредь будут появляться. Привет и братство (salut et fraternité)» [8].

Пресса в первый же год Консульства была задавлена быстро и бесповоротно. Все бумаги следивших за печатью полицейских чинов, все преследования, возбуждавшиеся властями, вся междуведомственная переписка характеризуют этот факт с необычайной яркостью. Каковы преступления печати в этот первый год восстановления фактического абсолютизма? Приведу образчики. «Courrier Universel» напечатал статью о браке, в каковой статье обнаруживает непочтительное отношение к светскому (нецерковному) бракосочетанию и тем самым становится подозрительным по части «фанатизма» (т. е. клерикализма): арестовать номер на почте, куда он уже сдан [9]. Префект полиции доносит министру, что некий гражданин Дюлак вознамерился издавать листок, в котором будет обличать игорные дома и игроков: министр находит, что подобный листок был бы чрезвычайно опасен: воспретить [10]. Тулузская газета «L'Observateur Républicain» напечатала невиннейшую статейку, о которой месяц спустя воспоследовал чей-то донос министру; министр приказывает префекту Верхней Гаронны призвать редактора, распечь его (le réprimander) и объявить, что его газета при первой же провинности будет закрыта (речь в статейке — очень смиренной и скромной — шла исключительно о местном муниципалитете) [11]. Но так как префект решил уничтожить эту газету за «подрывание уважения» к его «подчиненным» (т. е. к муниципалитету), то газета вскоре все-таки была закрыта [12]. «Journal de Reims» напечатал благонамеренную по существу петицию рабочих к префекту с просьбой разъяснить, что десятые дни

(décades), установленные республиканским календарем вместо воскресений, суть праздники. Префект за это закрыл газету [13].

Министр полиции был неограниченным владыкой прессы. Из других министров имел право и возможность непосредственным приказом уничтожить любую газету министр внутренних дел, а провинциальные газеты — соответствующий префект. Так как за политические прегрешения карал специально министр полиции, то громы из министерства внутренних дел падали на печать больше всего за такие, например, преступления, как известия о вздорожании съестных припасов и т. п. Люсьен Бонапарт, в бытность свою министром внутренних дел, был в этом отношении особенно беспощаден [14]. Ему донесли, что существует в г. Ош газета «Républicain démocrate», которая «имеет очевидную тенденцию» вызвать восстание «под предлогом вздорожания хлеба». «Необходимо безотлагательно сломить столь опасное оружие в руках агитаторов. Поэтому я вам приказываю,— пишет министр префекту,— закрыть газету, о которой идет речь, не обращая внимания на возможные жалобы со стороны редакторов или заинтересованных лиц» [15].

«Опасное оружие» быстро вырывалось из рук издателей за самые ничтожные провинности.

В 1802 г., при заключении Амьенского мира, Институт (собрание пяти академий) послал Наполеону приветствие, в котором всячески восхвалял качества и заслуги первого консула. Руанская газета «La Vedette» перепечатала этот адрес и снабдила его следующим примечанием: «По этому поводу я вспоминаю, что читал следующее место в XXI книге *Телемака*». И дальше идут строки из Фенелона, где автор говорит, что когда Телемака все цари стали хвалить, то молодой человек просил хвалителей перестать и ничего не ответил на все похвалы [16]. Сейчас же префект донес об этом министру полиции, указывая, что он сам не запретил немедленно газеты, лишь не желая обращать внимание общества на выходку редакции. Министерство приказало газету закрыть, что немедленно и воспоследовало [17]. В том же году была закрыта «Gazette de Bruges» за невиннейшее известие о предстоящих изменениях в конституции: ни единого слова осуждения, хотя бы скрытого, не было. Закрыли газету за эту статью, но не поясняя причин [18].

Когда правительству в эпоху Консульства не нравился почему-либо дух газеты, оно иногда поджидало некоторое время, пока наберется, так сказать, партия,— и министр писал префекту парижской полиции такую, например, бумагу: «Я вам поручаю, гражданин префект, уведомить редакторов газет «Tableau de la France», «Le Bulletin littéraire» и «Journal du soir», что их газеты не должны более появляться, начиная с сегодняшнего дня» [19]. Объяснений не давалось и не допускалось. Это еще

было, сравнительно, более мягкой манерой. Ибо нередко бывали случаи иного рода, например такой. Полиция явилась в типографию, где издавалась газета «Le Miroir», произвела обыск у типографщика и наложила печати на машины. Газета была закрыта, а печатей еще долго не снимали, и разоренный типографщик слезно просил министра полиции об этой милости, указывая, что сама полиция удостоверила безрезультатность обыска,— газета же состояла исключительно из выдержек из других газет [20]. Таких случаев очень много, особенно в 1800—1802 г. [21] Бывало и так, что министр полиции просто приказывал на почте задерживать ту или иную газету, а в редакцию не давал знать ничего. И собственники газет молили полицию, чтобы она только сообщила причину немилости,— и они-де немедленно исправят «невольную ошибку» [22], буде таковая за ними нашлась.

Иногда просто начальству начинало казаться, что тот или иной орган слишком интересуется, скажем, флотом или другим ведомством. Тогда газету запрещали и разрешали вновь с условием, что уже ни одного слова о делах, интересующих данное ведомство, там никто писать не будет. Так, например, было поступлено с «Journal du commerce du Havre», смирнейшей, чисто торговой газетой, которая повадилась помещать сведения,— показавшиеся неуместными,— о судах военного флота. Газету запретили, а потом разрешили, причем издатель *письменно* обязался «хранить глубокое молчание о флоте» [23]. При этом следует заметить, что, конечно, и раньше, до запрещения, все дело было в известиях о стоянке, о приходе судов, а отнюдь не в каких-либо обличениях непорядков во флоте и т. п. Об этом и думать никто из редакторов не смел.

Иногда даже трудно уразуметь, почему те или иные известия казались полиции неблагонамеренными. В «Journal du département de Seine-et-Oise» появилась заметка об одном акушере (фамилия не была названа), который потребовал у одной крестьянской девушки 80 франков, а она не могла заплатить, он сделал какую-то небрежность, и она умерла. Решение полиции: обратить внимание министерства внутренних дел, чтобы оно приняло меры против акушера, и в то же время написать префекту Сены-и-Уазы, чтобы он обратил внимание на «неприличие» этой заметки [24]. Заметку я читал: это самое сдержанное и корректное *письмо в редакцию* (а не статья), какое только можно себе представить [25]. Нельзя было писать, что в Риме большая смертность, что возле Неаполя водятся разбойники [26] и т. д.

Департаментские журналы, руководимые префектами, и полуофициальные издания разрешались по одному на департамент, по представлению подлежащего префекта, и не входили в число тех, которые были оставлены в живых декретом 27 нивоз-

за [27]. Впрочем, в этом вопросе долго царила путаница: «на всякий случай» внезапно прекращали департаментские газеты и потом недоуменно справлялись в Париже, относится ли декрет 27 нивоза только к парижским или ко всем вообще газетам [28]. Префекты дрожали за себя, они твердо знали, что в случаях колебаний необходимо прежде всего закрыть газету, что за это из Парижа им будет воздана хвала, даже если закрытие было неосновательное. Над префектами был министр внутренних дел, следивший за тем, как они следят за прессой, за министром внутренних дел следил министр полиции, за министром полиции следил император.

У Наполеона были осведомители помимо Фуше, и, например, воюя в восточной Пруссии, император узнал, что некоторые литераторы осмелились пообедать у опальной г-жи Сталь. Император сурово пишет об этом министру полиции, грозя ему, что он поручит отныне г-жу Сталь заботам жандармерии [29]. Наполеон знал о глухой ведомственной вражде между министерством полиции и жандармерией, подчиненной военному министру. Дело в том, что г-жа Сталь, получившая временно разрешение побывать в Париже, очень хотела там остаться, и Фуше не прочь был ей посодействовать, но неофициальные соглядатаи осведомляли императора непрерывно обо всем. «Эта дура г-жа Сталь пишет мне письмо на шести страницах, представляющее собой бормотанье (un baragouin), в котором я нашел много претензий и мало смысла. Она мне пишет, что купила землю в долине Монморанси, и заключает отсюда, что может остаться в Париже. Я вам повторяю, что оставлять ей эту надежду — значит только напрасно мучить эту женщину. Если б я вам подробно изложил все то, что она делает в деревне в продолжение двух месяцев, которые она там проводит, вы были бы удивлены, ибо, хотя я нахожусь в 500 лье от Франции, но знаю лучше, что там делается, нежели министр полиции» [30]. Император знает даже, кто именно был на обеде у «литераторов», где была также г-жа Сталь [31].

Защиты ни от кого ждать было нельзя, консульская и императорская «конституция» давала еще менее гарантий печатному слову, нежели конституция 1795 г.,— гарантий даже чисто теоретических.

Вообще ссылок со стороны того или иного притесняемого автора на конституцию Фуше не допускал. «Дорогой мой,— говорил он,— конституция — это красивая женщина, на которую позволяется, проходя мимо, бросать взор восхищения, но которая не принадлежит публике» [32]. Этот же министр, судя по всему образу его действий, был вообще склонен скорее перечислять предметы, которых *разрешено* касаться, оставляя все прочее под запретом.

Полиция при Наполеоне не только следила за газетами, она управляла ими, она прекрасно была осведомлена обо всем, что делается и говорится в литературных кругах, и охотно вмешивалась во все интриги. Например, я нашел среди бумаг министерства полиции один курьезный факт, который до сих пор оставался, кажется, неизвестным никому из бесчисленных авторов, писавших о Шатобриане. В 1812 г. вышел направленный против Шатобриана памфлет «Parallèle entre M. le Chateaubriand et M. de Chénier». Этот памфлет был казенного происхождения и написан был, как явствует из бумаг полиции, по поручению главного директора по делам печати Поммереля одним из чиновников этого ведомства. Но это еще не так любопытно, как то, что министр полиции не одобряет такого поступка со стороны Поммереля, ибо это обстоятельство позволит Шатобриану «представлять себя преследуемым человеком» и «это сделает его интересным в глазах партии» (подразумевается, в глазах приверженцев папы, соболезнующих пленнику Наполеона Пию VII). Как же поправить дело? Весьма просто: приказать газетам (точнее «Journal de l'Empire» как наиболее читаемой) напечатать «умеренную защиту» Шатобриана: это «было бы очень полезно, так как лишало бы его ореола мученика» [33].

И газеты беспрекословно и немедленно исполняли эти поручения.

Трудно даже себе представить, пока не столкнешься в документах с конкретными фактами, до какой придирчивости, до какого мелочного вмешательства доходила полиция в своем управлении прессой.

Характерен официальный (хотя и негласный) выговор редактору «Journal des Débats» (или, как он тогда назывался, «Journal de l'Empire»), сделанный полицией в конце 1811 г. Дело было затруднительное, и вот в чем оно состояло. Газеты, запуганные правительством, наперерыв расхваливали до небес все, что только появлялось на подмостках казенного театра. И пьесы были бесподобны, и актеры выше всяких похвал. Министр полиции решил, что и эта крайность имеет свои неудобства, и приказал своему чиновнику изъявить неудовольствие его превосходительства по поводу слишком большой снисходительности критики. «Если излишняя строгость обескураживает, то безграничная снисходительность (une indulgence sans borne) не менее вредна. Все сведения, доходящие до его превосходительства, свидетельствуют о том, что театральное искусство начинает падать с каждым днем все более. Это приписывают вообще той легкости, с которой актеров хвалят в газетах» и т. д., и т. д. Словом, критика нужна для блага дела, для лучшей постановки театрального искусства. А потому впредь — быть в газетах беспристрастными [34].

Принцип: пресса должна не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, что прикажут сказать,— проводился во всех случаях неукоснительно и притом вовсе не путем разговоров с редакторами, путем «советов» и т. п., а просто официальными приказами. Вот главный директор по делам печати генерал Поммерель в затруднении: появился труд Табаро (Tabaraud) под названием «Essai sur l'institution canonique des évêques». Труд этот трактует об истории возникновения епископата в том духе, как это нужно правительству (угнетавшему в этот момент папу). А между тем журналисты, хотя и реферировали эту книгу, но ничего от себя не прибавляли, не хвалили ее, т. е. поместили articles du rapport, и ни один не поместил compte rendu [35]. «Это произведение было цензуровано и одобрено: я его представил его превосходительству министру исповеданий пред тем, как позволить печатание, я предложил рукопись до напечатания вашему превосходительству (т. е. министру полиции — *Е. Т.*) и его превосходительству министру внутренних дел, после стольких предосторожностей отказ журналистов мне кажется неизвинимым (inexcusable)». Поэтому «я прошу ваше превосходительство приказать гг. журналистам по этому поводу то, что найдете подходящим». На полях министром полиции начертано: «Согласно вашей просьбе, я отдал приказ редакторам главных парижских газет поместить статьи о сочинении Табаро» [36], и сочинение это получило желаемую оценку.

При всей запуганности и всем подобострастии парижских газет, они считались все-таки слишком либеральными для провинции. Департаментским органам строго внушалось, что перепечатывать известия должно только из «Moniteur'a». В январе 1808 г. *единственно* за перепечатку известий из парижских газет была закрыта антверпенская «Gazette heft Antwerps» [37]. Та же участь постигла за то же преступление и майнцскую газету [38]. Строгий запрет перепечаток постоянно повторяется в письмах, отношениях, циркулярах [39].

Газеты в провинции постоянно закрывались (в 1807—1809 гг. особенно) то на срок, то навсегда; но вины их были крайне однообразны: перепечатка политических известий не из «Moniteur'a», помещение известий о том, что в Швеции собирается армия, что в России произошло то-то и т. д. Целые картоны набиты такими ничтожнейшими «делами» о преступлениях печати. С 1809 г. участились притом и аресты редакторов провинциальных газет [40]. Специальные циркуляры воспрещали газетам печатать что бы то ни было «могущее встревожить торговлю», «волновать умы», запрещали писать о вопросах церкви, о церковнослужителях [41].

Циркуляром 18 фримера X года (1801 г.) министр полиции

предписал абсолютное молчание всем газетам обо всем, касающемся вопроса о продовольственных средствах [42]. Издатели и авторы терялись в догадках относительно того, что именно считать запретным или опасным предметом печатного обсуждения.

В 1802 г. Наполеону был представлен анонимный доклад о том, что газеты позволяют себе писать о самоубийствах и что следовало бы воспретить им это делать. Это анонимное рассуждение нашло себе живейший и сочувственный отклик в правительственных сферах. Префекту полиции было приказано следить, чтобы эти «вредные публикации» прекратились, ибо от них только «вред для общественной нравственности». Но наполеоновское правительство редко довольствовалось лишь приказами отрицательного характера. Так вышло и тут. Префект должен был озаботиться еще и тем, чтобы вместо предосудительных известий о самоубийствах впредь печатались известия благонадежные. «Я возлагаю на вас обязанность впредь следить, чтобы журналисты заменяли известия о самоубийствах такими известиями, которые могут возбудить бодрость французов и служить к чести национального характера. Примеры добродетели одни только могут произвести действие, примеры отчаяния и безумия ведут к противоположному результату. Благоволите уведомить меня о ваших мерах к исполнению сего» [43],— так приказано было префекту полиции (за № 133) поддерживать в стране бодрость духа.

В том же 1802 г. шла переписка, и власти жалели о недостаточной бдительности цензуры, которая пропустила книжку врача Маттэ (по гигиене), где была фраза с выражением удивления по поводу отсутствия в Париже бань с теплыми ваннами «для бедных ремесленников» [44].

Когда «Le Citoyen français» осмелился (в 1803 г.) поместить статью, в которой почтительнейше просил правительство об отмене смертной казни, то это вызвало негодование властей и приказ замолчать («что бы было с нашим драгоценным освободителем, что бы было с обществом, если бы безнаказанность благоприятствовала всем убийцам и заговорщикам!») [45].

В высшей степени опасно было даже в почтительнейшем тоне не согласиться с официальным органом печати. С «Moniteur'ом» и даже просто с особенно преданными и близкими правительству газетами никто не смел полемизировать даже по невиннейшим вопросам. Так, «Le Publiciste», напечатавший 15 декабря 1803 г. заметку невиннейшего содержания, в которой указывал на неправильно переведенную с английского языка фразу в «L'Argus», навлек на себя немилость префекта и вызвал очень для себя опасную переписку между подлежащими властями. (Самая фраза решительно ничего «политического» в себе не заключала) [46].

Нельзя «нападать» на театры, на школы, даже частные пансионы [47], на сословие присяжных, стряпчих и адвокатов [48]; нельзя увлекаться полемикой друг с другом по поводу тех или иных книг литературного или философского содержания, и вообще настоятельно рекомендуется не полемизировать; нельзя решительно *ничего* писать о внутренних и внешних делах Империи, кроме перепечатки казенных новостей и чисто осведомительных известий, да еще (и то с опаской) восторженных излияний в стихах и в прозе; нельзя — как это уже тогда вошло было в обычай в некоторых газетах — напоминать в двух-трех строках о событиях, бывших в данный день и месяц сто лет тому назад: «вообще цитаты этого рода в газетах кажутся мне небезопасными, вследствие сближений... и я полагаю, что было бы осторожно запретить их» [49]. Сказано — сделано. «Цитаты» прекратились. Нужно быть против папы, но бранить его с умеренностью: так, писать анекдоты о папессе Иоанне не рекомендуется [50]; нужно хвалить казенный театр, но тоже с умеренностью, дабы не убаюкать лестью актеров и не лишить их ревности и усердия; нужно льстить императору, но соблюдать меру, считаться с чувством смешного; нужно династию Бонапартов ставить выше Меровингов, Каролингов, Капетингов, Валуа, Бурбонов, но помнить при этом грозный окрик Наполеона: «Я солидарен со всеми, начиная от Хлодвига и кончая Комитетом общественного спасения».

Строжайше преследовались, между прочим, «ложные новости», особенно идущие из-за границы. Писались суровые циркуляры, вроде того, который был разослан 27 июля 1801 г. [51], запрещались газеты, виновные в помещении того или иного «ложного слуха» о заграничных делах, об Англии, о германских дворах и т. п., конечно если этот слух почему-либо казался Наполеону невыгодным или неудобным.

Весьма не жаловалось в течение всего этого кровавого царствования оплакивание в печати ужасов войны. Когда пришли подробные известия о Бородинской битве, одна голландская газета («Staatskundig Dagblad», от 3 октября 1812 г.) после хвалебнейшего для французской армии описания «победы» позволила себе прибавить: «Верные подданные императора, именно обитатели этого департамента, возрадуются новой славе, полученной французским оружием. Они не перестанут уповать, что горестная потеря стольких их соотечественников и всех умерших с честью поможет, в путях божественного провидения, наметить путь ко всеобщему миру, который даст спасение страждущему человечеству, завершит славу Наполеона Великого и обеспечит за ним благодарность самого отдаленного потомства». Сейчас же возникла переписка, и префект департамента Верхнего Эйсселя призвал редактора и поставил ему

на вид *неприличие,* выразившееся в словах о горестной потере [52].

Когда в 1811 г. «Journal du soir» вздумал печатать перевод кое-каких стихов из Ювенала, то министерство полиции положило этому конец [53]. Ни Ювенал, ни Тацит не пользовались расположением наполеоновской цензуры.

В июле 1813 г., наконец, французские газеты осмелились навести справки в министерстве полиции: можно ли писать о предполагаемом мире, о будущем конгрессе, о котором писали немецкие газеты и который, по их словам, должен был привести к свиданию Наполеона с другими европейскими монархами и к общему замирению. На это последовала категорическая резолюция министра полиции: «Предупредить редакторов газет, чтобы они молчали об этом, написать им об этом официально» [54].

Немудрено, что при таких условиях уже с первых месяцев нового режима полиция в общих своих рапортах министру отмечает с удовлетворением, что газеты «с некоторых пор» мало занимаются политикой или во всяком случае эта их политика не вызывает «особых замечаний» [55].

А очень скоро уже незачем было даже отмечать это само собой понятное явление.

Министерство полиции *до самого конца Империи* сплошь и рядом отказывало в разрешении издавать самые невинные журналы, часто литературные, и лицам, за которыми решительно никаких провинностей не числилось. Постоянно попадаются отказы на том основании, что предполагаемый орган будет «бесполезен». В июне 1813 г. некий Лаблэ просит позволения возобновить некогда им издававшийся журнал (специально стихотворного содержания) под названием: «Le Journal des Muses». Министерство полиции ему отказало. Почему? «Я не думаю, чтобы этот журнал мог иметь малейший успех. Публике немного надоели стихи, и, кажется, что очень трудно дать ей двенадцать сборников хороших стихов, когда «Almanach des Muses», который выходит лишь один раз за год, с большим трудом достает стихотворения, достойные быть предложенными публике, и принужден помещать много очень посредственных» [56]. Такого рода замечания беспрестанно попадаются в рапортах, представляемых директорами отделов министерства полиции своему министру и иногда в самых резолюциях последнего. Иногда прибавляются и другие мотивы: *жаль* [57] повредить уже существующему органу, увеличивая конкуренцию. О причинах подобной жалости можно в отдельных случаях догадываться: редакторы некоторых органов были совсем своими людьми в министерстве полиции.

Собственно, одной из основных мыслей императорской администрации был следующий принцип: должны существовать

только надежные, преданные правительству органы, но еще лучше, если и их будет как можно меньше. Некий Ларивальер просит дозволения издавать газету «La Corvette française», специально направленную против англичан, врагов отечества; он указывает, что его газета будет печатать то, что почему-либо официальный «Moniteur» счел бы неудобным печатать (дабы не очень связывать правительство), но что все-таки желательно опубликовать. Казалось бы, что может быть благонамереннее? Но нет! Ибо уже есть для этих услуг газета «L'Argus» [58], которая тоже специально занимается борьбой с англичанами,— а потому лучше бы не плодить новых органов печати.

Разрешение издавать новый орган, даже не политический — об этом и просить было иногда целыми годами совершенно бесполезно,— обставлялось необычайными трудностями.

Можно ли позволить отставному кавалерийскому капитану Мартэну издавать в Бордо «Journal des dames», посвященный специально «дамам, любви, красоте и грациям»? Можно, но все-таки для этого нужны справки о капитане, переписка, торжественное разрешение со стороны министра полиции [59]. Это только один из нескольких десятков не менее курьезных документов, которые постоянно попадались мне в соответствующих картонах. Конечно, излишне было бы загромождать статью дальнейшими образцами.

Издатель, затевая газету, пускался на очень сложные хитрости: например, испрашивается сначала у министра полиции разрешение на издание чисто театральной газеты «L'Observateur des spectacles»; но при этом в прошении обозначаются имена будущих сотрудников, которые часто не имеют решительно ничего общего ни с драматургией, ни с театральным делом вообще, но зато известны полиции с наилучшей стороны (как обозначает их сам министр полиции). Это— первый этап. Когда разрешение получено, возбуждается новое ходатайство: в униженнейших выражениях редакция нового органа умоляет его превосходительство «во имя славы героя» (т. е. Наполеона) или во имя интересов «мудрого и просвещенного правительства» разрешить помещать «политические новости». Иногда при этом указывается, что-де муза истории Клио — родная сестра Мельпомены, а потому вполне естественно, чтобы театральный орган помещал политические известия и т. п. [60] И изредка разрешения давались, но гораздо чаще все эти шитые белыми нитками хитрости прекрасно разгадывались полицией — и следовал отказ. При этом нужно иметь еще в виду, что речь шла только об *известиях*, об осведомительных заметках, а вовсе не о чем-либо, напоминающем передовые статьи или собственные рассуждения. Об этом и просить не смели.

Я не помню среди всей массы бумаг, сохранившихся в кар-

тонах полиции (и впоследствии — главной дирекции печатного дела), за весь наполеоновский период, *ни одного* прошения о разрешении нового органа печати без самой откровенной и грубейшей лести. Никогда проситель не ограничивается изложением дела, даже изложением программы, даже изложением своей profession de foi,— хотя это официально не требовалось. Он непременно должен начать лестью по адресу властей. Я уж не говорю об эпохе Империи. Но почти то же самое было налицо с первых лет Консульства. Желает некто Брассер открыть научно-педагогический орган «Journal de l'instruction publique». И вот как он почитает долгом своим начать свое прошение министру полиции Фуше: «Правительство 18 брюмера дало Франции мир, министр полиции немало этому содействовал, поддерживая бдительным наблюдением внутреннее спокойствие». И этого ему кажется еще мало — кончается прошение так: «Вот исповедание веры редактора: полные восторга, любви и признательности к правительству, которое спасло Францию и затем дало ей внутренний и внешний мир, мы постоянно будем стремиться возбуждать и поддерживать те же чувства в сердцах всех граждан» [61]. Это типичное прошение; бывали и такие, что по сравнению с ними вышеприведенное является примером благородного мужества и горделивой независимости. И все-таки цели своей просители добивались крайне редко.

В духе времени было не открытие новых органов, а закрытие существующих.

Мы видели, что в начале правления Наполеона к специальным (научным, например) органам правительство относилось сравнительно милостивее. Но и тут после учреждения главного управления пошли придирки и стеснения.

Бдительность императорской цензуры отнюдь не обманывалась внешней, так сказать, формальной принадлежностью тех или иных органов к числу специальных. Конечно, медицина была в смысле политической благонамеренности выше всяких подозрений, но, например, относительно юриспруденции дело обстояло совсем не так. То-есть, конечно, речи не могло быть о том, чтобы, скажем, тот или иной юридический орган пустился в критику существующих законов, деятельности судебных учреждений, обнаруживал бы подозрительный интерес к государственно-правовым вопросам и т. п. Такой орган, да и его издатель и редакция не уцелели бы и одного дня. Но все-таки юридическая газета может незаметно, украдкой, в самый невинный текст вставить двусмысленное словцо, бросить намек. И вот министерство внутренних дел сообщает министру юстиции, что положение юридической прессы ненормально и что министерство внутренних дел вознамерилось упорядочить эту прессу. Юридических газет в Париже семь: две идут хорошо, три сводят

концы с концами, а две едва существуют [62]. Это — неудобно (т. е. *неудобно, что их так много*), ибо, «таким образом, юриспруденция имеет различных истолкователей и притом не имеющих на то поручения». Они, правда, занимаются главным образом лишь перепечаткой судебных приговоров, но делают это «неточно» и могут этим дурно влиять на читателей. А потому соображения государственной пользы, и соображения важные (d'utilité majeure), повелевают: закрыть все семь юридических органов и заменить их (leur substituer) одним, но уж зато правительственным, где редакторы были бы люди «способные и выбранные правительством», а гонорары им следует назначить такие, чтобы «люди признанного таланта могли стремиться занять эти места» [63].

Я только что сказал, что, например, медицинские органы были по существу вне всяких подозрений относительно благонадежности. Но это вовсе не значит, что они были в полной безопасности. Мания к обузданию, сокращению, нивелированию не знала удержу. Не только в недрах самого министерства внутренних дел истощались в усилиях изобрести что-либо, окончательно убивающее прессу, но со всех сторон присылались добровольцами из общества новые и новые проекты. Так, небезызвестный Сулави тоже внес свою лепту. Он именно предложил вообще свести число издаваемых в Империи органов к десяти. Почему? Потому что читателю трудно все равно читать все эти газеты, даже специально научных органов расплодилось слишком много. «С другой стороны, лицо, которое по своей профессии обязано углубляться в известную отрасль человеческих знаний, принуждено бывает прибегать к нескольким органам, занимающимся одним и тем же предметом. Натуралист обязан справляться с «Journal de physique», «Journal des mines», «Annales de chimie», «Bulletin des sciences». Медик, который желает следить за наукой, должен читать девять органов» и т. д. Какой же вывод? «Каждая из этих отраслей требует сокращения числа журналов, которые ею занимаются,— сокращения во имя интересов науки и публики» [64].

И все это писалось с полной авторитетностью и категоричностью и находило в министерстве благожелательный прием.

Остается добавить несколько слов о периодической прессе покоренных стран. Конечно, культурный север был более в подозрении, нежели Испания, Италия, Иллирия.

Вообще императорская полиция точно ничего не могла выведать, но чуяла в немецкой прессе неблагонадежный дух. Расстрел книгопродавца Пальма в 1806 г. было началом отношений между Наполеоном и немецкой прессой. «Политические статьи, печатающиеся в Германии, всегда будут требовать внимания со стороны французского правительства... Немец лю-

бит политические рассуждения; он читает с жадностью свои многочисленные газеты, ежемесячники, альманахи и календари, не говоря уже о брошюрах, драмах и романах, в которых ловкие авторы умеют представить Рейнский союз как рабство, союз Франции и Австрии как результат взаимного истощения, Англию как непобедимую страну, русских как наследников всемирной монархии» [65]. Голландия, присоединенная окончательно к Империи, имеет газеты, даже слишком много газет,— и эти газеты, правда, очень робки, но все-таки партийный дух, тенденция (l'esprit de parti) проявляется в них вот как: они «как бы *нехотя*» перепечатывают известия из французских газет, а *охотнее* из иностранных [66].

Немецкие газеты были на точном учете и под вечным наблюдением. О них представлялись периодически бюллетени и доклады по министерству полиции, и за малейшую провинность, за всякий намек, во-первых, делалось внушение соответствующему королю, а во-вторых, данная газета воспрещалась к ввозу в завоеванные Наполеоном части Германии. Особенно свирепствовал правитель ганзейских городов маршал Даву. В 1811 г. он даже запретил ввозить в Гамбург, Бремен и Любек *журнал дамских мод*, издававшийся в Лейпциге, за то, что в этом органе «проступает вредный дух» (le mauvais esprit a percé dans divers articles) [67]. Более подробных указаний от администрации не требовалось: le mauvais esprit было мечом, рубившим все гордиевы узлы. Нечего и говорить, что Лейпциг, как и вся Саксония, был в совершенно вассальных, чтоб не сказать больше, отношениях к Наполеону,— и ни в модном, ни в каком другом журнале ничего враждебного Наполеону никто не посмел бы напечатать.

Даву в конце концов решил с чрезвычайной простотой вопрос о немецких журналах и газетах, получавшихся во вверенной ему области: он запретил 24, потом постановил, чтобы были запрещены *все* без изъятия иностранные органы, ввозившиеся доселе в Гамбург, Бремен, Любек и во всю область так называемой 32-й дивизии, подчиненной маршалу; при этом сначала было установлено, чтобы запрещать к ввозу *еженедельно* по 12 газет впредь до полного их искоренения. Но «его высочество (т. е. маршал Даву, герцог Экмюльский — *Е. Т.*) нашел, что эта мера — слишком медленна, и это его побудило запретить их разом все» [68].

К 1812 г. во всей огромной области «32-й дивизии» осталось всего *две* местные газеты («политические», т. е. имевшие право перепечаток политических известий из парижских газет): одна в Гамбурге («Korrespondent») и другая в Бремене [69]. Обе издавались с двойным, параллельным франко-немецким текстом, поэтому даже для перепечаток сколько-нибудь обстоятельных

у них нехватало места. Впрочем, гамбургской газете хотели было разрешить выходить без французского текста, но Наполеон промолчал, когда министр внутрених дел ему об этом доложил [70].

В октябре 1811 г. возник план распространить распоряжение Даву на всю Империю, т. е. вообще *запретить* ввоз в Империю немецких газет. «Не то, чтобы эти газеты были враждебны Франции, но они предаются часто размышлениям, которые могут ввести общественное мнение в заблуждение». Это во-первых. А во-вторых, протекционизм и тут играет роль: «из-за этих газет бесполезно уходят из Империи деньги, которые могли бы пригодиться для поддержки книжной торговли, установленной на территории Империи». Не следует только запрещать ввоз чисто научных органов, «так как это возбудило бы, без всякой пользы для государственного дела, глухое недовольство (un sourd mécontentement) в классе людей, которые имеют большое влияние на общественное мнение» [71]. Но дело до поры до времени ограничилось тем, что Наполеон запретил ввоз лишь 13 немецких газет (хотя никакой уловимой вины за ними не было) [72].

С 1811 г. подозрительное внимание Наполеона было обращено на голландскую прессу и брошюры, издававшиеся в Голландии. Особенно неблагонадежными оказались протестантские церковные псалмы. Почему они так печальны? Почему составители полагают, что господь отвратил лицо свое от Голландии и покарал ее? Посыпались конфискации и воспрещения невиннейших произведений печати. Брошюры необычайно уменьшались в количестве. «Государь, — докладывал министр полиции,— большая часть этих брошюр занимается религиозными вопросами, интерес к которым в Голландии больше, нежели в остальной Европе; и почти все они обращаются к фанатизму протестантов, который теперь, по-видимому, не менее активен и так же опасен, как фанатизм католиков» [73]. (Слова о фанатизме католиков станут понятны, если вспомнить, что в это время, в 1811 г., не только Рим был уже окончательно отобран французским императором, но и лично с папой Наполеон начал обращаться, как с политическим арестантом,— и все это порождало глухую злобу и отчаяние в преданных церкви кругах европейского общества.) Император не оставался никогда глухим к голосу, направленному против печати. Тотчас же повелено было, во-первых, усилить бдительность цензуры в Голландии, а во-вторых, изъять особенно подозрительные псалмы из обращения [74].

В частности, газеты Швейцарии, Голландии, некоторых германских частей Империи были под подозрением во вражде к континентальной системе. Постоянно бдительное внимание властей направлялось в эту сторону, выискивались и карались

статьи, говорившие о разорении купцов, о торговом застое, о прекращении морской торговли [75]. Всякий раз, когда я говорю «статьи», прошу помнить, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о чисто осведомительных заметках, о более или менее красноречивом подборе говорящих за себя фактов. Осуждать открыто континентальную систему было так же немыслимо, как, например, открыто бороться против наполеоновского абсолютизма.

Несмотря на то, что все газеты в пределах Империи были в одинаково беспощадных тисках, особенно в недавно завоеванных странах, всякий раз, когда, скажем, какая-либо голландская или бельгийская газета хотела перепечатать что-либо из гамбургской или страсбургская из женевской,— в министерстве полиции шла переписка, местные префектуры сносились с Парижем [76] и т. д. Это были, так сказать, дополнительные гарантии, которые оставляло в своем распоряжении императорское правительство.

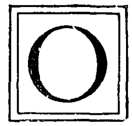
Для психологии наполеоновской администрации характерна, между прочим, полнейшая убежденность, что, *истребляя печать*, они в самом деле делают нечто в высокой степени полезное для блага Империи. В чисто политических делах, в преследовании тех или иных индивидуумов, роялистов ли или якобинцев,— такого сознания профессиональной гордости, такого удовлетворения честолюбия мы в исполнителях императорской воли не замечаем. Вот, например, директор голландской полиции горько жалуется своему начальнику, министру полиции, что приехал в Амстердам инспектор книжной торговли, который принялся самолично уничтожать газеты, а его, директора полиции, к этому делу не подпускает. «Я слышу со всех сторон, что число газет будет сокращено... Я не знаю, сделают ли мне честь посоветоваться со мной, но ведь нельзя же забывать, что когда еще никто, по-видимому, не занимался этой реформой и даже никто не подозревал ее необходимости, я имел честь часто о ней докладывать вашему превосходительству... Я никогда не воображал, что должен охотиться для другого, и очень хотел бы... чтобы мне по крайней мере оставили малую часть славы этой реформы» [77]. Ибо закрывать газеты, по серьезному убеждению наполеоновской администрации, есть *слава* для чиновника.

Императорское правительство, задавив во Франции и в покоренной Европе всякие признаки сколько-нибудь самостоятельной печати, само почувствовало от этого ущерб. Стоял 1810 год, самый тяжкий период наполеоновского ига. И вот в министерстве полиции с грустью начинают замечать, что император лишен возможности «узнать общественный дух» северных стран. Правда, нужно прежде всего иметь под рукой все политические газеты Германии, Венгрии, Польши, Пруссии, Дании и Швеции.

Но этого мало: «Даже самое полное собрание политических газет этих стран дает лишь очень несовершенную и часто ложную (illusoire) картину общественного духа обитателей. Прежде всего эти газеты, состоя под надзором, обыкновенно хранят осторожное молчание, часто они говорят по приказу своих правительств», а «при нынешнем подчинении Европы... нет такого пункта на европейском континенте, где бы власти разрешили печатать известия, прямо враждебные Франции. Все немецкие газеты повторяют буквально французские газеты» [78]. И вообще «они (иностранные органы печати — *Е. Т.*) все — даже самые лучшие — похожи на наши провинциальные газеты», которые, кроме объявлений и коротеньких перепечаток из парижских газет, ничего не давали. Что же все-таки делать? Следить за отдельными брошюрами, за книгами, улавливать намеки и т. д. Ибо можно выловить таким способом немало: «например, кто бы мог ждать, что в описании *Японии*, напечатанном в «Альманахе путешествий Циммермана», встретится восхваление Англии и англичан или что в одной академический диссертации, которая защищалась недавно в Копенгагене, развиваются принципы свободы церкви и речь идет о папских притязаниях?» Или вот еще, например, мистицизм. «Мистическая секта, образовавшаяся в Берлине и в Гейдельберге, относится с весьма подозрительным восхищением к Густаву-Адольфу» (подозрительным это могло показаться потому, что по старой протестантской традиции герой Тридцатилетней войны считался как бы *освободителем* Германии от императорского австрийского ига). Курьезен тут вывод наполеоновской полиции: «Если мистицизм является тайным союзником врагов Франции, то отсюда следует, что деизм и философский дух могут быть с пользой ему противопоставлены». Вот к каким скудным материалам нужно было обращаться всемогущему императору, чтобы уловить настроение угнетенной им Европы. Этот документ [79] в высокой степени любопытен: мы тут воочию видим, какого могущественного орудия сам Наполеон лишил себя, когда он уничтожил всякую возможность предостерегающих отзвуков жизни, и как вместе с тем, стоя на вершине неслыханного в истории могущества, он все-таки *нуждался* в правдивых голосах, *нуждался* в не совсем рабской прессе, хотя только такую прессу и терпел!

Глава IV

АВТОРЫ И КНИГИ

Остается сказать немногое о книгах и брошюрах. «Les brochures étaient rares sous le Grand Napoléon», ядовито писал (уже при Реставрации) П.-Л. Курье. Их, действительно, притесняли еще хуже, нежели сколько-нибудь «толстые» книги. Но и «толстым» книгам пришлось круто. Я не буду говорить подробно, что было строго воспрещено касаться политических вопросов (кроме официально рекомендуемых трактатов), религии, церкви, вопросов общественной жизни, истории революции, последних Бурбонов, запрещено было касаться иностранных держав иначе как с угодными правительству целями и т. д. Все это в общих чертах известно из сказанного выше, и поэтому распространяться много нечего. Я ограничусь только несколькими конкретными примерами, потому что, не зная их, читатель все-таки не поймет реального положения дел.

Предварительно скажу, что так как книги писались поневоле на более отвлеченные и общие темы, нежели газетные статьи, то здесь правительству еще более нужны были частные осведомители, которые вовремя указали бы на скрытые цели автора.

Чуть не в каждом картоне, набитом делами министерства полиции и дирекции печатного дела, я встречал время от времени доносы одних литераторов на других с подписями и без подписей. Они обличают друг друга в свободомыслии, разврате, потрясении основ нравственности, тайном якобинстве, тайном роялизме, отсутствии надлежаще горячих чувств к его императорскому величеству и т. д., и т. д. Иногда авторы патетически заявляют, что они-де сначала пробовали полемизировать (с теми, на кого ныне доносят), но слов не хватает (les paroles nous manquent!), чтобы выразить весь свой ужас пред

гнусностью и преступностью противника, а потому они умолкают и лишь считают своим долгом гражданина «заключительным жестом» указать министру полиции на опасность. Эти «заключительные жесты» пользовались широчайшей распространенностью в царствование Наполеона. Задавленный, запуганный литературный мир должен был очень считаться с этим явлением.

Наполеон и министр полиции поэтому всегда были в курсе дела и знали подноготную о любом авторе и его книге, если она почему-либо их интересовала.

Наполеону давали знать и о впечатлении, которое производит та или иная книга.

Из Пултускского лагеря, через пять дней после сражения, Наполеон пишет министру полиции о новой трагедии Ренуара «Тамплиеры»: собственно, пьеса хороша, но не мешало бы в ней выразить мысль, что «политика часто ведет к катастрофам» даже без вины со стороны виновников этих катастроф. «Если бы автор следовал этому принципу, Филипп Красивый (у него) играл бы хорошую роль, его бы жалели, поняли бы, что он не мог поступить иначе» [1] (т. е. не мог не сжечь и не ограбить тамплиеров). Император только намечает свою мысль, не в Пултуске же ему этими вопросами заниматься. «Вы понимаете, что мне есть о чем другом думать» [2].

В 1808 г. Фуше конфисковал издание Расина с комментариями Жоффруа. Сделал он это по проискам литературных врагов Жоффруа; ни малейшего отношения к политике, конечно, это издание не имело. Наполеон узнал о конфискации и на сей раз разгневался. «Это совершенно напрасный произвольный поступок... Это те поступки, которые огорчают людей со смыслом больше, нежели серьезные вещи. Говорят, что это вследствие ссор некоторых литераторов. Это очень жалко. Мое намерение, чтобы из этого произведения ничто не было изъято, если только оно не содержит чего-нибудь против правительства. Если частные лица могут на него жаловаться,— на то есть суды. Поступок, подобный тому, который вы сделали, терпим только в том случае, когда дело идет о государственном интересе» [3].

Этого примера полнейшего произвола полиции и влияния тайных доносов на участь книги достаточно.

Между прочим, меня интересовал вопрос, позволялось ли при Наполеоне критиковать в печати такие учреждения, которые не долюбливал сам император, но которые он все же терпел до поры, до времени, например трибунал (до его уничтожения Наполеоном) или суд присяжных, к которому императорское правительство относилось весьма холодно. Собственно, a priori можно было предполагать, что в такой критике, в «подготовке общественного мнения» к уничтожению неугодных институтов

правительство, даже наиболее диктаторское, не могло бы видеть ничего для себя нежелательного. Но уже отсутствие статей подобного характера в газетах наполеоновской эпохи говорило о том, что мое априорное предположение неправильно. И действительно, в одной из бумаг дирекции по делам печати, в отчете цензора и в резолюции главного директора, я нашел точный, фактический ответ на этот вопрос. Речь шла о представленной в цензуру в ноябре 1810 г. рукописи члена уголовного суда департамента Сены — Ж. Б. Сельва, под названием «Весьма почтительные возражения против суда присяжных» («Remontrances très respectueuses contre le Jury»).

Автор, находившийся на действительной службе судья, всецело проникнутый видами правительства, хотел напечатать сводку аргументов против жюри,— но то, что могло бы возбудить милостивое внимание, если бы было представлено в виде докладной записки, показалось неуместным в печати. «Автор нападает прямо на установление суда присяжных... Он полагает, что этот суд не представляет никаких преимуществ в той стадии цивилизации, в какой мы находимся... он утверждает, что это учреждение несовместимо с монархическим правительством». А вот мнение цензора: «Цензор, хотя и разделяя по существу (quoique partageant au fond) мнение автора, полагает, что так как установление суда присяжных, хорошо ли оно или дурно, санкционировано законом, то оно не может быть предметом открытых нападений в печати; что если сегодня позволить печатать что-либо против суда присяжных, то ничего не помешает, чтобы завтра не вздумали писать против набора, налогов... Наконец, что нужно особое разрешение его величества, чтобы допустить подобный спор». Главный начальник всецело одобрил цензора: «Главный директор по делам печати принимает мнение цензора; он полагает, что нужно повиноваться законам потому, что они законы, как говорит Паскаль, а не потому, что они согласны с теми или иными мнениями об их пригодности или полезности, и только государю принадлежит право отдавать на суд публики важные предметы, составляющие часть государственного законодательства» [4]. Книга Сельва не была пропущена.

Еще любопытная черта: если в рукописях было что-нибудь вроде, например, самой сдержанной критики состояния Франции или жалобы на слишком частые наборы, или говорилось о войне как о биче божием и т. п.,— то, конечно, не только эти рукописи не пропускались, но еще цензор отмечал на докладе: «Это сумасшедший!» (c'est un fou, c'est un esprit mal réglé). Выдержки, которые цензоры при этом приводят (да и изложение содержания), вовсе не свидетельствуют о ненормальности авторов, но цензорам, очевидно, казалось, что только в умопомешательстве

человек может думать, что такие дерзкие вещи пройдут чрез цензуру! [5]

Профессор мюнстерского университета Кистмахер за сочинение о супрематии престола св. Петра был схвачен и засажен в тюрьму, так как сочинение показалось властям ультрамонтанским и слишком в духе папской курии. Случилось это в средине июля 1811 г.; спустя месяц власти убедились, что они ошиблись и никакого ультрамонтанства в книге нет (а просто заглавие было подозрительное). Напротив, Наполеону был представлен (полицией же) доклад, в котором говорилось: «Это сочинение написано в очень хорошем духе, оно не только не содержит ультрамонтанских принципов, но и ведет против них сильную борьбу». Наполеон приказал (20 августа 1811 г.) выпустить профессора из тюрьмы [6].

Был воспрещен «Сонник» (толкователь снов — «Explication des songes»), так как подобные суеверия могут повести низший класс «к более опасным суевериям» [7]. Роман «Erreur et mystère» цензура в общем склонна была допустить, ибо «его мораль — чиста», но все-таки вернула для «некоторых изменений» и даже указала погрешность: роман «не представляет счастливой развязки» [8]. Путеводители и описания городов разрешались с тем непременным условием, чтобы было выброшено все напоминающее о революционных событиях [9]. Воспрещались почти сплошь невиннейшие политико-экономические рассуждения, не только те, которые делали страшное преступление и «повторяли физиократов» (этого совсем не переносила цензура), но и вообще всякие сочинения по политической экономии, в которых можно было подметить тайное желание дать совет властям в том или ином вопросе экономической политики. Это цензура иронически приписывала стремлению авторов «управлять царями». Эти слова «régenter les rois», «régenter les gouvernements» я постоянно встречал в цензорских бумагах [10]. Этой дерзости они не прощали никому.

Не уцелели и притчи Соломоновы, ибо над стихом о повиновении властям было заглавие: «Страх божий и законная власть. Здесь идет речь о добром и законном правительстве, которое является слугой господним». А потому: «Имею честь предложить вашему превосходительству прекратить обращение этого произведения» [11]. Полиция не поясняет, почему именно. Она увидела, по-видимому, в словах *законное* правительство указание на подразумевающуюся *незаконность* власти Наполеона в завоеванной Голландии.

Запрещая некую «Песнь барда» на рождение римского короля, наследника Наполеона, цензор раздраженно докладывает директору по делам печати: «Все неуместности собраны в этом сочинении. Это — поток похвал... Восхваления так грубы, что

они походят на иронию» — и могут возбудить общие насмешки [12]. Или вот, например, тоже пришлось запретить книгу «Некоторые черты из жизни великого человека». Правда, автор «хотел воздать хвалу его величеству, но не должно было примешивать сатиру против Людовика XV, оскорбления по адресу Бурбонов» [13]. Запретили и песнь «Умирающего гренадера», который, правда, долго и горячо восторгается, умирая, его величеством, но одновременно изрыгает неслыханные ругательства против непокорных испанцев. Это показалось все вместе как-то неприлично [14]. Не пропустили и восторженного превознесения Наполеона в представленной в цензуру книге некоего Грубера — и тоже за отсутствие такта (denué de tact) [15]. И так — без конца.

Цензура требовала переделки романов, в которых конец не был благополучен для добродетели, но еще суровее она расправлялась с теми беллетристическими произведениями, в которых порок не бывал наказан: она их воспрещала безусловно. Вот, например, был представлен в цензуру в декабре 1811 г. роман «La jeunesse de Rosette». Безнравственная Розетта после многих предосудительных похождений выходит замуж и живет припеваючи. «Роман не бесстыден, в точности говоря, но он по меньшей мере дает худую мораль. Здесь порок ведет к процветанию» [16]. Роман поэтому был запрещен. Я мог бы привести еще и еще примеры из цензорских рукописей, но довольствуюсь этим, так как здесь вполне *точно* указана мотивировка: роман может быть написан вполне благопристойно, но нельзя, чтобы порок не получил от автора достодолжного возмездия.

Очень зорко следила цензура, в частности, за учебниками и детскими книгами, появлявшимися в тех завоеванных странах, за которыми было республиканское прошлое,— например в Голландии, в присоединенных частях Швейцарии. Беспощадно запрещались все такие книги, как, например, «Les soirées de famille» женевца Маллэ, за то, что в них «детям внушается энтузиазм к женевской свободе и сожаление о потере швейцарской независимости» [17]. Нечего и говорить, что все это — «общий дух» книги, ибо ни одной выдержки цензор не может представить (а где есть тень такой возможности, цензоры с особой охотой наполняли доклады цитатами).

В декабре 1812 г. цензура остановила печатание нового издания книги Левека «Histoire de Russie» (свободно вышедшей первым изданием еще в 1782 г.). Мотив был тот, что Левек слишком сочувственно отзывается о России, а кроме того, преувеличивает ее средства, и это «может обескуражить поляков и наших воинов» [18]. В том же 1812 г. не разрешили выпуска в свет биографии Сюлли, написанной Sissot, так как автор «слишком много говорит о Генрихе IV». Не пропущен был и рассказ (Regnault-Varin'a) о воспитании сына Карла Великого, ибо он

говорит в одном месте, что король может стать тираном, если его дурно воспитать (дело было щекотливое, ибо могли думать, что имеется в виду воспитание наследника; маленького «римского короля»)[19]. В феврале 1811 г. цензура запретила французский перевод некоторых псалмов Давида, ибо «злонамеренные» (les malveillants) могли бы увидеть в плаче Давида намек на угнетение папы Наполеоном. «Как поэт, Давид мог дать переводчику лучшие вещи». «На латинском языке, который мало людей понимают, все это не очень опасно; но на французском — сочинение может показаться заманчивым для злонамеренных»[20]. И царь Давид был воспрещен.

Через полицию и пьесы попадали на сцену театров. Так, Depuntis написал трагедию «Хлодвиг» и поясняет министру полиции, что в этом произведении есть много параллелей между основателем монархии Хлодвигом и восстановителем ее — Наполеоном: «С каким восторгом будут подхвачены естественные намеки зрителями, когда наш великодушный император вернется в столицу, покрытый новыми лаврами и сопровождаемый прославленными спутниками!» И драматург скромно «предоставляет его превосходительству оценить, до какой степени подобный мотив может привлечь внимание» министра полиции и побудить его «рекомендовать» пьесу театру[21]. (Дело было в августе 1812 г., и автор поэтому говорит в своем письме о «новых лаврах»).

Преследование английских книг дошло до того, что министр полиции, к величайшему своему возмущению, узнал, что цензура конфискует даже и книги, которые он сам выписывает, для пользы службы, из Англии! Савари написал очень язвительное письмо по этому поводу министру внутренних дел Монталиве; могло быть, что Монталиве мстил таким путем своему коллеге за перлюстрацию своих писем и другие неприятности, которые, как известно, министр полиции при Наполеоне всегда мог делать и делал своим товарищам и другим высокопоставленным лицам.

«Ваше превосходительство, разрешите мне заметить вам, что я всегда получал из Лондона большое количество книг, что его величество знает об этом и что только его величеству я обязан отчетом о тех способах, какими я достаю эти книги»,— писал обиженный министр полиции[22].

Буквально *недели* не проходило начиная с 1811 г., когда бы одно, чаще два-три духовных сочинения не воспрещались цензурой за ультрамонтанство, за преувеличение власти папы, за «мистицизм», за «аскетизм», словом, по подозрению в том, что авторы стоят не на стороне Наполеона, а на стороне Пия VII, в борьбе императора с папой, и не одобряют насилий над Пием VII.

Очень не жаловала наполеоновская полиция книг, посвященных истории французской революции. Я, конечно, считаю излишним много распространяться о том, что в царствование Наполеона о временах революции говорилось *только* в тоне ужаса и негодования,— об иных точках зрения даже и слыхом не слыхали. Но и такие сочинения были не в милости. Например, в 1810 г. некто Barruel-Beauverd издал книгу «Actes de philosophes et des républicains», где яркими красками живо писал зверства, совершенные за период 1789—1799 гг. Мало того. Он ставил там и сям восторженные похвалы «герою, которому мы обязаны возвращением порядка»,— и все-таки книгу конфисковали за «тягостные воспоминания», которые она пробуждает [23].

Полиция не только бдительно высматривала, что делается в типографиях, не только следила за авторами рукописей, которые не были приняты типографиями, но следила и за *покупателями*, которые чрез букинистов покупали «зловредные» книги, вышедшие иногда еще в XVIII столетии. К числу таких неодобряемых книг относилась, например, и «Biographie moderne», которую, как разузнала полиция, «разыскивал и купил» один саперный офицер [24].

Книжные лавки были под постоянным, пристальным наблюдением властей. Вообще с чисто коммерческой стороны занятие книжной торговлей или типографским делом было при Наполеоне средством быстро обанкротиться.

После роковых для печати распоряжений 1810—1811 гг. положение владельцев типографий сделалось окончательно невыносимым. Мы могли бы это априорно предполагать, но секретные полицейские сообщения, основанные на передаче слухов и разговоров, подтверждают это предположение всецело. «Печатное дело и книжная торговля чрезвычайно походят на больного, состояние которого безнадежно и который борется в последние мгновения с самим собой». «На владельцев типографий смотрят, как на лакеев, их заставляют приходить, зовут снова и т. д., ничем не пренебрегают, чтобы сделать их положение неприятным». Цензоры назначают три дня в неделю для аудиенций, да и то являются на 5—6 минут, и нужно снова и снова приходить, пока добьешься чего-нибудь [25] и т. д.

Все это читаем в полицейских донесениях. Нечего и прибавлять, что в прессе никто не смел заикнуться о создавшемся положении. Вот обанкротилась большая книжная торговля Артюра Бертрана. «Это не удивительно,— констатирует полицейский агент,— все должны будут рано или поздно этим кончить» [26]. Книжная торговля — в отчаянном положении. Полиция является в эти обнищавшие склады для ревизий, устраивает облавы на книгонош, требуя предъявления разрешения и бляхи, а за бляху нужно платить 5 франков, которых у тех нет [27]. «Пока

это царствование будет продолжаться, ничего нельзя будет сделать... Книжная торговля погибла»,— так откровенничал один неосторожный приказчик книжного магазина Гальяни с переодетым полицейским [28].

Неслыханные притеснения, обрушившиеся на печать в 1810—1812 гг., сильно отразились на состоянии бумажного производства: искусственное сокращение числа типографий, закрытие книжных магазинов сказывалось на бумажных фабриках, владельцы которых «впадали в отчаяние»,— как конфиденциально сообщали министру полиции подведомственные ему чины в своих донесениях [29].

Летом 1811 г. непрерывные жалобы на разорение и близкую гибель типографий и печатного дела еще могли отчасти объясняться мертвым сезоном; но вот зима подошла, а положение нисколько не переменилось. «Хотя зима приближается, книгопродавцы не продают больше,— констатирует полиция 28 октября 1811 г.,— зимний сезон, который возвращает писателей в столицу... не внес никакого изменения в состояние типографских работ» [30]. Так прошла зима, а весной 1812 г. положение стало еще безнадежнее. «Мертвый сезон приближается, на что же они могут надеяться? Большей частью они (типографщики — *Е. Т.*) в отчаянии» [31]. Чем же все-таки торговали книгопродавцы в 1811—1812 гг.? Полиция и на это дает ответ (т. е. давала своему начальству): «На бульварах выставляют «Pucelle» с картинками, старое издание. Предлагают анекдоты, истории о красивых женщинах, списки красивых женщин»... Порнография идет хорошо («les cochonneries se débitent toujours: on vous les offre»). Полиция отмечает при этом отрадный факт: «они (книгопродавцы — *Е. Т.*) говорят, что стараются удаляться от политики и не осмеливаются держать политических книг» [32].

Я старался отдать себе более или менее ясный отчет в том, было ли положение книжной торговли в 1810—1813 гг. стационарно или ухудшалось, и у меня сложилось, на основании изучения полицейских донесений и других документов, такое представление, что в 1811 г. положение стало хуже, чем было в 1810 г., но что в 1812 г. оно не изменилось сравнительно с 1811 г. Однако, судя по передаваемому в одном донесении якобы *общему* мнению книгопродавческого класса, дело обстояло несколько иначе: «В октябре 1810 г. зло ухудшилось и казалось неисцелимым, к октябрю 1811 г.— все шло хуже и хуже; теперь (в ноябре 1812 г.— *Е. Т.*) рана сочится, примешивается гангрена...» [33], т. е. в 1812 г. дело обстояло еще хуже, чем в 1811 г.

1812 год был, как я старался показать в другом месте [34], временем общего улучшения в экономическом положении Империи. Но, как мы видим, книжной торговли это улучшение не косну-

лось ни в малейшей степени: «печаль» (tristesse) — этим словом пестрят бюллетени полиции, когда речь идет о книгопродавцах и владельцах типографий. И зимой, и тем более летом 1812 г. положение все ухудшалось: «Типографское дело превратилось во вдову, оплакивающую своего мужа» [35]. Что касается книгопродавца, то «все они говорят только одно: не нужно нам новых правил, хотели организовать печатное дело — и погубили его». Мне пришлось бы исписать десятки страниц, если б я вздумал приводить однообразное содержание этих бюллетеней, повествующих о «бесконечно печальном» [36] положении вещей в книжной торговле.

К весне 1813 г. оказывается, что и того ограниченного количества типографий, какое Наполеон определил в своем декрете, слишком много; работы не хватает, «погибает класс типографщиков» [37]. Зимний сезон 1812/13 г. оказался ничуть не лучше предыдущего [38]. В бюллетене 6 июня читаем: «Распространяется фраза: книжная торговля уже не существует».

В 1813 г. языки немного развязались: если пресса была задавлена ничуть не меньше, нежели в предшествующие годы, то в частных разговорах (особенно с переодетыми полицейскими агентами, искусно вызывавшими на откровенные объяснения), книгопродавцы и типографщики стали говорить, как люди, которым все равно уже нечего терять: «Всюду говорят, что профессия типографщика — погибшее занятие, которое и в сто лет не поправится, говорят... что авторы не станут больше печатать в Париже, потому что цензоры — ужасны... можно будет немного печатать еще в Германии, но все рукописи будут отправляться в Филадельфию; еще долго не разрешат во Франции истинной истории французской революции; не разрешат и истории царствований Людовика XIII, Людовика XIV и истории смутных времен. Что же можно будет печатать? Незначащие романы, труды по химии, по математике, научные труды, работы об искусстве? Не позволят и работ полемического характера — католиков и протестантов» [39]. И распространяется мысль об эмиграции владельцев типографий.

Падение Империи Наполеона было спасением не только для типографий и книжного дела во Франции и в покоренных Наполеоном странах, но и для печати вообще. «Мир молчал пятнадцать лет», и теперь периодическая пресса и книжное дело пробудились к новой жизни. Реставрационная эпоха, каковы бы ни были ее социально-политические реакционные устремления, в *этой* области была истинным освобождением из мертвой петли. Стал возможен Бенжамен Констан, стал возможен Поль-Луи Курье, стала мыслима хоть и сдержанно говорившая, но легально существующая оппозиционная печать. Стали возможны *процессы* по делам прессы, т. е. нечто совершенно невообразимое

при Наполеоне, процессы с речами сторон и иногда с оправдательными вердиктами.

Поэтический покров, который так быстро, сейчас почти после Ватерлоо, а в особенности после кончины императора, стал обволакивать грандиозную эпопею его царствования, скрыл от целого ряда поколений очень многое. Впоследствии, уже при Реставрации, протестуя против реакционного закона о печати (в ответ на указания, что при Наполеоне было хуже), Ройе-Коллар сказал в палате депутатов, что деспотизм еще переносится Францией, если он «покоряет и громит вселенную», но переносить от пигмеев то, что прощалось гиганту, слишком тяжело. Эта точка зрения на режим Наполеона возобладала в публицистике 20-х, 30-х и 40-х годов, а рост наполеоновской легенды ее утвердил окончательно. Но историки, если они хотят не принять что-либо на веру, а *понять* во внутренней жизни Первой империи, обязаны ознакомиться с документами, на которые я указываю. Картина идеального, *законченного* уничтожения всяких признаков независимого печатного слова встанет пред ними во всей полноте.

1913 г.

К истории 1904-1905 гг.

Перед нами лежат телеграммы, которыми в 1904—1907 гг. обменивались германский и русский императоры. Многое в этой корреспонденции весьма любопытно, с точки зрения истории международной политики; для истории внутренних русских событий, происходивших в это время, переписка дает меньше. Хранились эти телеграммы в так называемой Собственной е. в. походной канцелярии [1].

Император Вильгельм II обрисовывается в этой тайной корреспонденции в более благоприятном и ярком виде, чем его тогдашний друг. Перед нами человек, зорко и умело блюдущий интересы своей родины, ставящий себе точную дипломатическую задачу и неуклонно и разумно стремящийся к ее разрешению. Ему нужно во что бы то ни стало образовать против Англии союз трех великих континентальных держав; достижение этой цели в момент, с которого начинается переписка, значительно облегчено тем, что Россия находится в войне с Японией и в резкой дипломатической вражде с Англией. Значит, речь идет только о том, чтобы заставить Францию порвать заключенное с Англией 8 апреля 1904 г. соглашение и примкнуть к русско-германской комбинации.

Но как это сделать? Император Вильгельм понимал, конечно, что Франция ни за что не согласится совершить этот акт, который поставил бы ее в вассальную зависимость от Германии. Он пришел к этому заключению не только путем чисто логическим, но на основании самых положительных и многочисленных фактов. Ведь, в течение почти десяти лет, с 1894 по 1903 г., германский император не щадил усилий, чтобы привлечь Францию в фарватер своей политики. Любезность, предупредительность,

обещания — все было пущено в ход, и временами, особенно в эпоху фашодского инцидента (1898—1899) и бурской войны (1899—1902), могло казаться, что задача, поставленная себе германским императором, вовсе не так уж далека от разрешения. Но едва только дело доходило до приступа к более положительным и принципиальным соглашениям, как все расстраивалось, и выведенная с большими усилиями дипломатическая постройка разлеталась, как карточный домик. С того момента, как взошел на английский престол король Эдуард VII, а в особенности со времени образования англо-французской entente cordiale (в 1904 г.), для Вильгельма II, по-видимому, стало ясно, что к делу нужно попытаться подойти иным путем. Нужно заключить сначала тайно формальный договор с Россией, а уж затем внезапно поставить правительство Французской республики пред совершившимся фактом. Тогда Франции нужно будет либо немедленно примкнуть к уже создавшейся комбинации — и континентальный союз против Англии будет налицо,— либо разорвать франко-русский союз и считаться с близкой перспективой германского нападения. Император имел все основания рассчитывать на то, что Франция выберет первый исход.

Что Вильгельм II усматривал 99 процентов успеха всей комбинации именно в соблюдении строжайшей предварительной тайны — это весьма понятно. Что русский император, союзник Франции, с готовностью на это пошел, что тайный договор между двумя монархами был подписан без ведома Франции, с которой у Николая продолжали сохраняться наисердечнейшие отношения, что этот тайный договор делал Германию госпожей положения в Европе и прочно отдавал в ее руки Россию — это, конечно, было результатом, которым германский император был вправе гордиться. Правда, обстоятельства сложились так, что оказалось более целесообразным использовать этот договор несколько иначе, чем предполагалось, он не был внезапно предъявлен Франции с требованием примкнуть к комбинации. Но все равно, фактически франко-русский союз с этого времени на несколько лет прекратил свое существование. Что получила Россия от этого тайного деяния ее монарха? Решительно ничего, напротив, этот договор дипломатически завершил то, что путем войны начала Япония: вывел Россию из строя держав, с интересами которых нужно считаться. Если бы Россия тогда открыто порвала с Францией и вступила в союз с Германией в 1904—1905 гг., это имело бы много невыгод и некоторые выгоды, но вступать в договор тайный значило получить *только* ущерб, уж без всяких возможных выгод. Именно это и было сделано императором Николаем II.

Таково главное дело, к которому стремился Вильгельм II в эти годы. Конечно, переписка занята вовсе не только этим

одним. Между монархами существовали еще те дружеские личные отношения, которые ни для кого не были секретом. «Дядя Альберт», «дядя Берти» (т. е. король Эдуард VII), родственник обоих корреспондентов, поминается императором Вильгельмом в уважительном тоне, император даже высказывает уверенность в его миролюбии. Но уже с 1906 г. тон Вильгельма становится все более сухим: влияние короля на русское правительство делается все заметнее. Печатая английский текст телеграмм [2], я ограничусь здесь указаниями на те из них, которые представляют сколько-нибудь существенный интерес.

Пачка, находящаяся в моем распоряжении, начинается телеграммой из Киля, от 16 июня 1904 г.; дело было в разгар русско-японской войны, и германский император не устает расточать соболезнования, поздравления, советы. Николай благодарит, поясняет и снова благодарит. Бегло упоминает о договоре, подписанном Витте и канцлером Бюловым,— том самом торговом договоре, который на десять лет значительно закабалил Россию, и выражает по этому поводу надежду, что Вильгельму приятно крейсировать (тот, по обыкновению, в это время совершал на своей яхте прогулку по Северному морю). Но Вильгельм говорит совсем иным тоном, когда интересы его страны сколько-нибудь затронуты: «Русский пароход, назвавшийся крейсером «Смоленском», остановил пароход германского Ллойда «Принц Генрих» и отобрал все почтовые тюки, содержавшие корреспонденцию в Японию. Этот акт, нарушение международного права, вызовет большое удивление и раздражение в Германии. Принимая во внимание дружественные чувства, обнаруживаемые нашей страной по отношению к России, в случае повторения, я боюсь, что это посодействует значительному уменьшению симпатии, которую еще питает Германия к вашей стране». Николай извиняется. Но проходит еще несколько дней, русский крейсер захватывает немецкий пароход «Скандию», и Вильгельм уже резко требует прекращения этих случаев, говорит о «пиратстве» и грозит «международными осложнениями». Даже подписывается не «Вилли», как всегда, а строго: «Вильгельм». Николай опять извиняется. Очень интересна телеграмма Вильгельма от 8 октября 1904 г. Вильгельм выражает надежду, что запертый в Порт-Артуре русский флот нападет на японский флот и, хотя сам может и погибнуть, но так ослабит врага, что подготовит этим «победоносный успех» Балтийского флота, который, придя в восточные воды, «легко» одержит успех над японцами. «Тогда власть над морем вернется к вам,— и японские сухопутные силы — в ваших руках, тогда вы возглашаете «общее наступление» вашей армии,— и враг — hallali!...» Что это такое? Германский император всегда был окружен морскими специалистами и отлично был осведомлен о всех условиях дальневосточной вой-

ны. Не будем же оскорблять его воинской репутации предположением, что он мог искренно верить в успех этого плана победы над японцами.

Вполне естественно также, что император Вильгельм слышать ничего не хочет о преждевременном мире России с Японией: столь дорога ему честь России! Извещая Николая о дошедших до него сведениях касательно японских попыток начать мирные переговоры, он пишет (8 октября 1904 г.): «Это показывает, что Япония приближается к пределу своих сил в людях и деньгах... Насколько я знаю ваши идеи о дальнейшем развитии войны — и еще после тяжких неудач,— вы, конечно, никогда не приложите руки к подобному делу...» Император Николай спешит успокоить своего друга: «Вы можете быть уверены, что Россия будет в этой войне сражаться до конца, и пока последний японец не будет изгнан из Маньчжурии. Сердечно благодарю за вашу лояльную дружбу, которой я верю больше всего».

Отправкой эскадры Рожественского германский император чрезвычайно интересовался и даже сделал попытку на этой почве сразу, без всяких тайных договоров, оторвать Францию от Англии. Речь шла о протесте Японии и Англии против снабжения углем русской эскадры во время следования ее на Восток. Вильгельм предлагает Николаю «напомнить вашей союзнице Франции» об ее обязательствах перед Россией, если же она попытается уклониться от дела снабжения русской эскадры углем в своих портах, то он, Вильгельм, согласен с своей стороны пригрозить: «Хотя Делькассе ярый англофил (un anglophile enragé), но он будет достаточно благоразумен, чтобы понять, что британский флот совершенно неспособен спасти Париж». И таким-то образом и «образуется могущественная комбинация из трех сильнейших континентальных держав».

Он простирает при этом свою заботливость о русских интересах до того, что снова напоминает о необходимости выстроить несколько новых линейных судов, чтобы к моменту окончания войны располагать значительными силами: «Наши частные фирмы были бы очень рады получить заказы... Уверяю вас в моей абсолютной лояльности. Привет с любовью Алисе. Вилли». Как раз подоспел инцидент с случайной стрельбой русской эскадры в гулльских рыбаков (в Доггербанке), и Николай решительно становится на точку зрения Вильгельма: нужно образовать германо-русское соглашение, а когда оно состоится, «Франция обязана будет присоединиться к своей союзнице». «Эта комбинация,— признается он,— часто приходила мне в голову, она означает мир и спокойствие для света. Привет с любовью от Алисы. Ники». Нечего и говорить, что германский император тотчас же отправил Николаю проект договора. Одновременно, он по мере сил раздувает гулльский инцидент (передает слухи,

будто среди рыбачьей флотилии находился таинственный «чужой пароход», следовательно «там была нечистая игра», foul play), сообщает о готовящейся будто бы экспедиции англичан в Афганистан, укоризненно говорит о стремлениях, замечающихся во Франции и Англии, поскорее прекратить русско-японскую войну, снова уверяет Николая, что кадры японских войск близки к истощению и т. д. Вильгельм узнал, между прочим, что Англия даже не прочь дать России компенсацию в Персии за потерю Маньчжурии, но он предостерегает русского императора, чтобы тот не поддавался на это, ибо все равно Англия не подпустит Россию к теплому морю. Он, напротив, старается вдохнуть в своего корреспондента военный энтузиазм. Все это писалось в ноябре 1904 г., накануне падения Порт-Артура, когда еще можно было, в самом деле, выйти из войны без крупного ущерба. Во всяком случае спустя несколько месяцев, после Мукдена, ни о каких персидских компенсациях уже и слуха не могло возникать.

Между тем дело с тайным договором, о котором с таким жаром писал Николай еще 16 октября, задержалось. Русского императора взяло, по-видимому, сомнение насчет того, как поведет себя Франция, когда ей предъявят этот сюрприз. И вот, 10 ноября 1904 г. он вдруг спрашивает Вильгельма, не лучше ли, прежде чем подписать договор, все-таки показать его французам? А иначе ведь «покажется, будто мы хотим навязать силой этот договор Франции».

Но ведь все дело было именно в этом! Вильгельм совершенно справедливо полагал, что Франция ни за что не согласится на подписание подобного договора, если у нее спросят заблаговременно ее мнения. Весь успех затеянного предприятия покоился на строжайшей предварительной тайне и потом на внезапно предъявленном требовании к французскому правительству примкнуть к договору. Император Вильгельм спешит сообщить Николаю II «твердое свое убеждение, что было бы абсолютно опасно уведомлять Францию», пока они оба не подписали договора. «Это имело бы диаметрально противоположное нашим желаниям действие». Он обстоятельно поясняет свою мысль. Только абсолютная уверенность в том, что Вильгельм и Николай уже связаны обещанием взаимной помощи, может заставить французов удержать Англию от решительных шагов. «Если же Франция будет знать, что русско-германский договор только в проекте, но еще не подписан, то она немедленно уведомит об этом своего друга, если не тайного союзника, Англию, с которой она связана «entente cordiale»... Последствием такого уведомления, несомненно, явится нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию как в Европе, так и в Азии. Их огромное морское превосходство быстро справится с моим

небольшим флотом, и Германия временно будет преодолена». А это нарушит мировое равновесие к ущербу и для Германии, и для России, ибо тогда, к моменту окончания русско-японской войны, Россия останется без поддержки лицом к лицу с Японией и ее «торжествующими друзьями».

Итак, «предварительное уведомление Франции поведет к катастрофе»! Вильгельм согласен уж лучше всего оставить это дело и молчать о всех этих переговорах. Дальше в телеграммах упоминается о письме императора Николая к Вильгельму, о беседе германского императора с Шебеко, но ни письма, ни содержания беседы мы не знаем. По-видимому, император Николай опять стал обнаруживать колебания, но на этот раз уже в сторону, благоприятную подписанию тайного договора. 27 ноября (1904 г.) германский император телеграфирует, что времени больше терять нельзя, и снова настойчиво подчеркивает, что никакая третья держава не должна услышать «даже шепота» об этих намерениях, пока не будет подписана конвенция между обеими державами касательно снабжения углем русской эскадры. Император Вильгельм внушительно прибавляет, что последствия разглашения могут быть очень опасными и что он вполне надеется на лояльность Николая. Царь совершенно с этим согласился.

Затем в нашей пачке телеграмм большой незаполненный промежуток — от 29 ноября (12 декабря) 1904 г. до 1 февраля 1905 г.: ни одной телеграммы за все это время в нашем распоряжении пока не имеется, да и в телеграмме от 1 февраля находим лишь указание на трудности в снабжении углем эскадры Рожественского, идущей на Дальний Восток. Любопытна телеграмма от 26 мая, в которой Николай II уведомляет германского императора о визите американского посла Мейера (относительно прелиминарных переговоров о мире), причем русский император упоминает о полученном от Вильгельма письме с аналогичными предложениями.

Несколько телеграмм (в июле 1905 г.) относятся к наделавшей в свое время много шума неожиданной для всей Европы встрече обоих монархов в Бьоркезунде. Нужно только вспомнить, при каких обстоятельствах произошло это достопамятное свидание. Вильгельм II с весны 1905 г. вел определенно враждебную дипломатическую кампанию против Франции. Его путешествие в Танжер, демонстративное провозглашение нерушимого суверенитета марокканского султана, угрозы в официозной печати Германской империи— все это заставило кабинет Рувье пожертвовать министром иностранных дел Делькассе, который имел репутацию решительного врага Германии. В течение всего мая и июня 1905 г. над Францией и ее столицей витал призрак возможного нападения со стороны Германии. Уступив пе-

ред неожиданной угрозой, французское правительство деятельно готовилось к дипломатическому отстаиванию своих марокккских позиций, и вот, в этот чрезвычайно хлопотливый момент еще далеко неулегшейся тревоги во Франции с изумлением узнали о том, что Николай II отправился на личное свидание с германским императором, крейсировавшим у входа в Финский залив. Ничего успокаивающего в этом известии для Франции не было. Толки о фактическом распадении франко-русского союза распространились по всем европейским канцеляриям: до такой степени этот визит казался непонятным.

Наши телеграммы рисуют дело так: инициатива свидания исходила от Вильгельма, пожелавшего вдруг «явиться как простой турист» к царю. Но ясно и то, что Николай принял это предложение с полным восторгом. Он сам выбрал местом свидания Бьоркезунд, так как «в эти серьезные времена» не желал удаляться от столицы. Оба монарха предупредили друг друга, что держат все дело в полной тайне (Вильгельм не сказал решительно никому, кроме командира своей яхты). Очевидно, опять можно было опасаться помех и неприятных представлений со стороны Франции. Германский император наперед заявлял царю, что имеет для него «весьма важные новости».

О чем говорили монархи в Бьорке — это до сих пор остается их тайной. Среди бесчисленных догадок, заполнявших в течение всего июля 1905 г. европейскую прессу, довольно настойчиво распространялась версия о тех советах касательно русских внутренних дел, какие будто бы дал Вильгельм Николаю во время этого свидания. По-видимому, эта версия правильна. По крайней мере в первом же телеграфном приветствии, которое германский император послал русскому [императору] после того, как они расстались (16/29 июля 1905 г.), Вильгельм выражает весьма определенно свое мнение по наиболее жгучему вопросу тогдашней русской действительности: речь идет о булыгинском проекте Государственной думы.

И вот, мы должны совершенно беспристрастно признать, что на этот раз влияние, которое пытался оказать Вильгельм на колеблющуюся волю своего корреспондента, было вовсе не реакционным. Германский император зрело обдумал вопрос и дал весьма разумный совет, исходя, конечно, из стремления содействовать консолидации монархического принципа в России, но при этом обнаруживая вполне государственное понимание невозможности спасать этот принцип одной только щедростью в расходовании патронов. «Вы получите от меня письмо сегодня. Я смею советовать обнародовать булыгинский проект как можно скорее, таким образом, чтобы представители русского народа были скоро избраны. Пока это будет происходить, откроется мирная конференция, и условия станут известны обеим сторонам. При том

настроении, какое сейчас преобладает в России, раздраженные массы возложат всю ответственность за все невыгодные последствия (мира — *Е. Т.*) на ваши плечи, а всякий успех сочтут результатом личных действий Витте. Было бы превосходно, если бы в виде первой работы вы бы дали этим представителям на голосование мирный договор после того, как он будет формулирован,— таким образом возлагая odium за *решение* на *страну* и предоставляя русскому народу голос в вопросе его собственной судьбы, чего он так сильно хочет. Результат (в таком случае) *был бы его* делом и, следовательно, был бы заткнут рот оппозиции (would ...stop the mouths of the opposition). Привет с любовью Алисе».

Это — необычайно характерное письмо. В нем — весь Вильгельм. Тут и вполне искреннее желание указать носителю монархической власти разумный выход из трудного положения, и верное понимание натуры корреспондента, на которого лучше всего повлиять, указывая ему на непосредственные личные выгоды от народного представительства, и ревнивая, чисто монархическая индивидуальность, даже вчуже не желающая, чтобы подданный (Витте) затмил собой своего государя.

Но далеко не только о булыгинской думе шел разговор на императорских яхтах. После свидания в Бьорке Вильгельм уже прямо пишет Николаю об *их союзе*, об осуществленном между ними договоре. Германский император в это лето много носился с мыслью об объявлении Балтийского моря «закрытым» для военных флотов всех держав, кроме тех, берега которых омываются этим морем. По-видимому, именно в Бьорке император Николай примкнул к этому плану. Английское правительство поспешило, узнав об этих предположениях, послать эскадру именно в Балтийское море без установленных визитов и обычных знаков официального дружелюбия и именно послало ее в германские воды. Сообщая об этом Николаю, Вильгельм пишет: «Или Англия встревожена известием о нашей встрече, или они желают меня испугать!». Поездка германского императора в Копенгаген еще более возбудила подозрительность англичан, так как после Бьорке этот визит производил впечатление готовящегося объединения прибалтийских держав. Николай, со своей стороны, находил, что визит Вильгельма в Копенгаген произошел «очень кстати», и надеялся, что император «будет удовлетворен результатом своих бесед там». Вильгельм условился с Николаем, что будет говорить с датским королем об их решении насчет Балтийского моря, но нашел неудобным заговорить об этом: до такой степени, сообщает он Николаю, датский король был запуган, а общественное мнение Дании встревожено слухами, сеявшими недоверие к Вильгельму и шедшими главным образом из Англии. «Британский посол, обедая с одним из лиц моей свиты

(one of my gentlemen — фамильярный термин для обозначения свитских — *Е. Т.*), прибегал к очень резким выражениям против меня, обвиняя меня в гнуснейших интригах и планах и объявляя, что каждый англичанин знает и убежден, что я работаю для войны с Англией и для уничтожения Англии. Вы можете себе представить, какие вещи может подобный человек внедрить в умы датской (королевской — *Е. Т.*) фамилии, двора и народа. Я сделал все зависящее, чтобы рассеять тучу недоверия, ведя себя совершенно просто и не делая даже намеков на серьезную политику; принимая также во внимание большое количество каналов, идущих из Копенгагена в Лондон, и вошедшую в поговорку нескромность датского двора, я боялся дать знать что бы то ни было о нашем союзе, так как это было бы немедленно сообщено в Лондон, а это — самая невозможная вещь, пока договор должен оставаться секретным.

После долгого разговора с Извольским во всяком случае я мог добиться, что нынешний министр иностранных дел граф Рабен и много влиятельных лиц уже пришли к убеждению, что в случае войны и грозящего нападения на Балтику со стороны иностранной державы, датчане ожидают,— так как их беспомощность и неспособность поддержать даже тень нейтралитета при нашествии очевидны,— что Россия и Германия немедленно предпримут шаги к охране своих интересов, наложив руку на Данию и заняв ее на время войны. Так как это явилось бы в одно и то же время обеспечением территории и дальнейшего существования династии и страны, то датчане понемногу подчиняются этой альтернативе и настраиваются на этот лад (and making up their minds accordingly). Так как это и есть именно то, чего вы желали и на что вы надеялись, то я подумал, что лучше не затрагивать этого предмета (в разговоре — *Е. Т.*) с датчанами и воздержался от каких бы то ни было намеков, так как лучше дать этой идее развиваться и созревать в их головах и предоставить им самим извлекать конечные выгоды, так что они, по собственной воле, подчинятся побуждению положиться на нас и идти вместе с нашими двумя странами. Все достается тому, кто умеет ждать» (последняя фраза — по-французски: Tout vient à qui sait attendre).

В этом письме характерно не только категорическое констатирование существования *союза* между обоими императорами, но и строжайше личный характер всего предприятия: Извольский не знает ни о чем, и Вильгельм как бы хвалится пред Николаем, что ему удалось, работая для их общего дела, раздобыть путем «долгого разговора» кое-какие важные данные от Извольского! А речь шла не более и не менее, как о подготовке войны с Англией, причем Россия должна была бы выступить вместе с Германией. Очевидно также, что, когда в Бьорке Вильгельм за-

явил о необходимости в случае войны с Англией оккупировать Данию несмотря на ее нейтралитет, то Николай высказал пожелание в таком духе, что хорошо бы поговорить предварительно об этом намерении с датским королем. Но Вильгельм и тут вполне резонно (со своей точки зрения) пожелал сохранить полнейшую тайну, рассуждая так, что все равно, при внезапной оккупации Дании, датчане не будут в силах оказать сопротивление. Николая же он успокоил соображениями о том, что для самих же датчан, в сущности, эта оккупация будет полезна и что они якобы «понемногу» уже сами привыкают к этой мысли. Мы видим, что доктрина «Noth kennt kein Gebot» предназначалась к осуществлению первоначально в Дании, а не в Бельгии (ибо в 1905 г. имелась в виду война с Англией, а не с Францией). Как бы затем, чтобы совершенно успокоить своего корреспондента, его новый, хотя и тайный союзник пишет ему о старых союзниках: «Что вы скажете о программе празднеств в честь ваших союзников в Коусе?» (Речь идет о торжественном братании английского и французского флотов в июле 1905 г.) «Все крымские ветераны приглашены встретиться с «братьями по оружию», которые вместе с ними сражались против России! В самом деле очень деликатно! Это показывает, что я был прав, когда я предупреждал вас два года тому назад относительно возобновления старой «Крымской комбинации»...» В ответе Николай «горячо благодарит за интересные подробности» и находит, что Вильгельм прекрасно сделал, что ничего не сообщал об их союзе. О датском же нейтралитете и о том, что Вильгельм об этом не говорил ни с кем,— русский император не пишет вовсе.

Во всяком случае союз, хоть и тайный, налицо, и в ближайшее время интересы Николая и интересы Вильгельма совпадают. А потому германский император решительно стоит за две меры, которые, как он правильно и вполне разумно полагает, диктуются прежде всего интересами его друга: за скорейший созыв Думы и поспешное окончание проигранной войны с Японией. «Мой посол,— пишет он 7/20 августа 1905 г.,— уведомил меня только что, что вы приказали опубликовать указ о созыве «Великой Думы» (sic: «Great Duma» — *Е. Т.*). Статуты ее, которые должны быть образованы на основаниях, отчасти сходных с нашим Staatsrath'ом, дают ей формы совещательного учреждения. Я прошу вас принять мои самые горячие поздравления по поводу этого великого шага вперед в развитии России. Из газет я узнаю, что в общем мирные переговоры идут удовлетворительно, но что есть некоторые пункты, которые представляют коекакие трудности для соглашения. Прежде чем вы примете ваше окончательное решение относительно мира или продолжения войны — последнее будет иметь далеко идущие последствия, которые трудно предвидеть до последнего их результата, и будет

стоить безграничного количества жизней, крови и денег,— мне бы представлялось превосходным образом действий, если бы вы подвергли вопрос предварительному обсуждению Великой Думы. Так как она представляет русский народ, то ее ответ был бы голосом России. Решил бы он в пользу мира — вы были бы *уполномочены нацией* заключить мир на основании предложений, сделанных вашим делегатам в Вашингтоне, и если *Россия сама* считает, таким образом, что ее честь не потерпела ущерба, то вы можете вложить ваш меч в ножны со словами Франциска I: tout est perdu fors l'honneur. Никто в вашей армии или стране, или в остальном свете не имеет права порицать вас за этот акт. Если, с другой стороны, Дума сочтет, что предложение неприемлемо, а японское правительство откажется вести переговоры на других основаниях, тогда опять-таки это Россия устами Думы приглашает вас, своего императора, продолжать борьбу, беря таким образом ответственность за все последствия *на себя самое* и защищая вас раз навсегда перед светом и перед историей в будущем от упрека, что вы пожертвовали тысячами сынов России, не спросив страну, или даже против ее желания. Это послужит большим стимулом и придаст силу вашим личным действиям, так как вы почувствуете, что воля всего вашего народа вас толкнула на решение бороться до рокового конца, не обращая внимания на время, потери и лишения, что является единственным возможным образом действий, если нужно продолжать войну. Я бы на вашем месте не пропустил этого первого и лучшего случая войти в тесное общение с чувствами и желаниями вашей страны относительно мира или войны, давая русскому народу давно желанную возможность решить или принять участие в решении своего будущего, на что он имеет положительное право, и предоставляя Думе прекрасный случай немедленно начать работать и показать, что она способна сделать и достойна ли она тех ожиданий, которые все возлагают на нее. Решения, которые приходится принять, так страшно серьезны в своих последствиях и так далеко идут, что совсем невозможно для какого-либо смертного государя брать ответственность за них только на одни свои собственные плечи, без помощи со стороны своего народа! Да будет господь с вами! Не забывайте очередного производства по гвардии. Вилли».

Ответ Николая не менее любопытен, чем эта телеграмма Вильгельма. Конечно, он обиделся: «Il déteste les conseils»,— сказал о нем один хорошо его знающий французский политический деятель. По-видимому, ему особенно не понравилось, что Вильгельм придает такое серьезное значение Думе и что он хочет, чтобы царь разделил с ней свою ответственность. Во-первых, Николай не сразу ответил (что и мотивирует участием на маневрах в Красном Селе), во-вторых, пишет: «Интерес, с кото-

рым вы относитесь к будущему созыву Думы, доставляет мне большое удовольствие»,— и тут же подчеркивает, что это учреждение чисто совещательное: «Я верю, что лояльность и здравый смысл моего народа серьезно помогут в этом совещательном учреждении развитию России». Что касается мира, то он невозможен, если японцы будут настаивать на получении хотя бы одного вершка русской территории или одного рубля контрибуции. Личной ответственности он, Николай, ничуть не боится. «Вы знаете, как я ненавижу кровопролитие, но все же оно предпочтительнее позорного мира, когда вера человека в себя, в свое отечество — разбивается в куски. Может быть, завтра вопрос будет решен. Я готов принять всю ответственность *на себя самого,* так как моя совесть чиста, и я знаю, что большая масса моего народа стоит за мной. Я прекрасно осведомлен об огромной серьезности момента, который переживаю, но я не могу действовать иначе. Благодарю вас за участие, которое вы принимаете в моих тревогах. Привет с любовью от Алисы. Ники». Но вот Вильгельм узнает о состоявшемся прелиминарном соглашении между японскими и русскими представителями. «Я выражаю самые сердечные свои поздравления, что найдено решение, позволяющее России выйти из войны с полной честью и которое во всех отношениях воздает должную дань храбрости вашей армии и вашему постоянству в отстаивании прав и национальной чести России. Я слышал, что Япония уступила всем вашим требованиям. Президент Рузвельт, я слышал, делал почти сверхчеловеческие усилия, чтобы побудить Японию уступить. Он в самом деле сделал великое дело для вашей страны и для всего света, тем более, что, как я слышал от него, Англия положительно отказалась пошевелить пальцем, чтобы помочь ему побудить ее союзников японцев уступить его предложениям. Еще раз — искреннейшее поздравление. Я рад, что оказался способен быть вам кое в чем полезен в это время. Привет с любовью Алисе».

Когда Витте возвращался из Портсмута, Вильгельм просил Николая, чтобы тот разрешил ему посетить проездом Берлин, так как германский император намерен был наградить его орденом за торговый договор России с Германией. Царь согласился. За два дня до ожидаемого приезда Витте, 11/24 сентября 1905 г., Вильгельм спрашивает царя (о Витте): «Осведомлен ли он о нашем договоре? Могу ли я сказать ему об этом, если он не осведомлен?». Николай ответил: «До сих пор осведомлены относительно договора великий князь Николай, военный министр, начальник генерального штаба и Ламсдорф. Ничего не имею против того, чтобы вы сказали о нем Витте». Речь идет о тайном «союзном» договоре, заключенном лично между обоими монархами. Характерно, что до подписания этого тайного договора

Вильгельм настаивал на строжайшем секрете, а Николай предлагал поделиться этой тайной (с французами), после подписания — и когда для германского императора стало уже ясно, что царь не хочет этот договор пустить внезапно в ход для давления на Францию,— Вильгельм, очевидно, пришел к заключению, что если так, то все же хоть какая-нибудь польза от тайной сделки может быть реализована только, если об ее существовании будет кое-кто знать.

Что касается Николая, то после окончания войны, когда он уже несколько менее нуждался в Вильгельме, он как будто стал задумываться относительно того, что скажут французы, когда узнают об его новом, тайном союзе с германским императором? По крайней мере 29 сентября 1905 г. Вильгельм считает своевременным отправить Николаю длинную телеграмму, в которой делает все усилия, дабы умиротворить слишком чуткую совесть своего друга. Оказывается, что выработка условленного в Бьорке договора нисколько не противоречит франко-русскому союзу, «конечно, если только он не направлен прямо против» Германии. «С другой стороны, *обязательства* России относительно Франции могут идти лишь настолько далеко, насколько Франция заслуживает этого своим поведением». А между тем оказывается, что Франция, по авторитетному мнению германского императора, не заслужила, чтобы Николай считался с ней! Она оставила Россию в трудную минуту, «в то время как Германия помогала вам всеми путями, насколько это было возможно без нарушения законов нейтралитета. Это морально тоже налагает на Россию обязательства относительно нас: do ut des». Кроме того, Франция желала «среди мира» внезапно напасть на Германию, соединившись с Англией. И когда? Как раз, когда Вильгельм изо всех сил старался помочь России, союзнице Франции! «Это — эксперимент, который она не должна более повторять и против повторения коего — я должен ждать — вы защитите меня. Я вполне с вами согласен, что побудить Францию присоединиться к нам обоим будет стоить времени, труда и терпения, но разумные люди в будущем сумеют заставить себя выслушать и *почувствовать*». Во всяком случае уже и сейчас этот тайный бьоркезундский договор приносит благие результаты; Франция, и не зная о нем, его *чувствует:* «Наше марокканское дело улажено к полному удовлетворению, так что расчищена атмосфера для лучшего соглашения между нами». Словом, договор в Бьорке столь хорош, что император Вильгельм поминает даже имя господне по его поводу: «Наш договор — очень хорошая основа для того, чтобы на нем строить (дальше — *Е. Т.*). Мы соединили наши руки и подписали его пред богом, который слышал наши обеты». Вильгельм признает за Николаем право внести известные изменения или оговорки

(например, в случае абсолютного отказа Франции примкнуть к договору), но пока эти оговорки не представлены Николаем и не приняты Вильгельмом, до той поры — настойчиво подчеркивает германский император — договор *должен* соблюдаться. А между тем «вся ваша влиятельная пресса — «Новое время», «Русь» и др., уже две недели как стали резко антигерманскими и англофильскими (pro-british). Отчасти они подкуплены большими суммами английских денег, несомненно». Во всяком случае это тягостно действует на германский народ. Вообще времена стоят неспокойные, нужно ясно выбрать линию поведения. И снова уверения, что договор не противоречит франко-русскому союзу: «Что подписано, то подписано! И бог — свидетель!». Обычный best love Алисе заканчивает эту телеграмму.

Дело было не только в газетных статьях, и уже с октября 1905 г. Вильгельм как будто начинает замечать признаки начинающегося англо-русского сближения. Подозрительным оком следит он за поездкой Бенкендорфа из Лондона в Данию — по вызову находившейся там Марии Федоровны. Всюду император видит руку «великого творца злых козней», the great mischief-maker, т. е. дяди Берти, как его называют переписывающиеся любящие родственники; английский король Эдуард VII начинает своей тенью закрывать перед Вильгельмом чуть не полгоризонта.

Николай старается уверить императора, что на него, царя, «ничто не в состоянии повлиять, кроме интереса безопасности и чести его страны», уверяет, что Бенкендорф «лояльный подданный и действительный джентльмен» и не может никогда пойти ни на какие интриги. Вильгельм сообщает царю о «разоблачениях Делькассе» (т. е., конечно, о появившихся в газетах известиях, что Делькассе получил в бытность свою министром обещание Англии произвести высадку на континенте в случае войны между Германией и Францией). Николай, со своей стороны, политично указывает на отрицательное влияние газетных интервью Бюлова (вероятно, тут намек на вдохновляемую тогда канцлером Бюловым газетную кампанию относительно Франции как «заложницы» Англии: канцлер заявил, что войны Германии с Англией один на один не будет, ибо в такой войне Германия ничего не может выиграть,— если же Англия нападет на Германию, то Германия нападет на Францию и на суше обильно вознаградит себя за все потери на море). Вообще полемика начинает все более проглядывать в телеграфной переписке императоров. Николай что-то очевидно писал Вильгельму о Таттенбахе (германском представителе в Марокко, очень резко боровшемся против французского влияния в этой стране). Вильгельм отвечает (в ноябре 1905 г.), что сведения Николая о Таттенбахе — неточны. Удостоверяя, что из-за Марокко не нужно трево-

житься, Вильгельм в то же время обращает внимание царя на опасность предпринимаемой Францией и Англией морской демонстрации против Турции, ибо это раздражит мусульманский мир, и опять с порицанием напоминает о «крымской комбинации», т. е. об англо-французской entente. Спустя несколько дней, 19 ноября, Николай, благодаря за письмо (пока до нас не дошедшее), считает долгом телеграфировать: «Наш союз с Францией — оборонительный»,— и говорит дальше о какой-то посылаемой им декларации, которая должна остаться в силе, пока Франция не примет «нашего нового соглашения». В чем тут дело — неясно, пока у нас нет дополнительных документов и прежде всего писем обоих монархов, которыми они обменивались в эти же дни. Телеграмма кончается уверением, что Николай сделает все от него зависящее, чтобы довести марокккскую конференцию до выработки общего соглашения. На этом обрывается имеющаяся у нас телеграфная переписка 1905 г.

Телеграммы, относящиеся к 1906 г., и немногочисленны, и сравнительно не столь значительны по своему содержанию, как депеши 1904 и 1905 гг. Да и общий дух и тон корреспонденции какой-то другой. Ласковые последние строчки, best loves Алисе и т. п. — остались, а самая душа дружбы куда-то испарилась. Есть коротенькие уведомленьица — нет прежних интимных разговоров и советов. Наиболее ранняя дата пачки 1906 г.— 10 июня. Уведомляя Вильгельма об отставке Ламсдорфа и замене его Извольским, царь считает долгом извиниться, что должен пользоваться услугами Извольского не в Берлине в качестве посла, а в Петербурге в качестве министра. Вильгельм успокаивает его: он, Вильгельм, хорошо понимает резоны царя. Это любопытно, если принять во внимание более поздние чувства решительной вражды и антипатии, которые питал и питает в настоящее время германский император к Извольскому. О роспуске I Государственной думы Николай впервые сообщил Вильгельму лишь за четыре дня до самого события, 6 июля 1906 г., и то только вследствие необходимости мотивировать отмену своего обещанного визита. «Вы знаете,— пишет он,— как я ждал нашей встречи в первые дни августа. Но дела оборачиваются так серьезно, что я решил в непродолжительном времени разогнать (to disband) Думу. Я уверен, вы поймете, что при таких обстоятельствах я не могу покинуть мою страну. С искренним сожалением я должен отложить свой визит к вашим берегам на некоторое время. Невольная отсрочка еще увеличивает мое нетерпение видеть вас. Привет с любовью от нас обоих». Вильгельм ответил на другой же день 7 июля: «Я глубоко скорблю, что мы не можем встретиться, но вполне понимаю причины, которые препятствуют вам покинуть вашу страну в этот момент. Я горячо надеюсь, что мы сможем встретиться позже,

в более спокойные времена. Да будет с вами бог и да хранит он вас. Привет с любовью Алисе. Вилли». В последней строке как будто намек на беспокойство за Николая, стоявшего тогда перед одним из самых роковых решений своей политической жизни. Но так как Вильгельма не спрашивают, что он думает о предстоящем роспуске Думы, то он и не считает, очевидно, уместным хоть одно слово сказать по этому поводу. Точно так же сдержанно, лаконично и строго официально звучат и телеграмма Вильгельма (от 3/16 августа 1906 г.) о визите английского короля и ответ Николая по этому поводу. Первый находит, что дружеские отношения между Германией и Англией благодетельны не только для этих двух стран, но и для всего мира,— второй совершенно с этим мнением согласен, и оба уделяют этим своим мыслям по пяти строк. Все подобные банальности, уместные в официальных сообщениях, производят курьезное впечатление, когда пересылаются в зашифрованном виде и когда ни посылающий, ни получающий явственно не верят ни единому звуку их. Особенно это странно читать после длинных, конспиративных посланий Вильгельма к царю в 1904—1905 гг., когда он создавал антианглийскую комбинацию на континенте и готовил закрытие Балтийского моря, а тот же «дядя Берти» отправлял в виде угрозы свой флот к германским берегам. «Я обрадован этим результатом визита дяди Берти»,— пишет со своей стороны Николай. В этой крутой перемене тона рельефно сказываются быстрые успехи начавшегося после Портсмутского мира англо-русского сближения. Прежняя интимная откровенность относительно Англии сделалась для Вильгельма уже невозможной. Да и многое прежнее стало, очевидно, невозможным. Что-то оборвалось навсегда. Еще менее богаты содержанием три телеграммы, относящиеся к 1907 г. В первой (из Травемюнде, 17/30 июня 1907 г.) Вильгельм благодарит царя за намерение приехать в Свинемюнде на свидание 6 августа и только просит, если возможно, изменить эту дату и прибыть 3 августа; во второй (от 18 июня) Николай соглашается на это предложение; в третьей (предположительно помеченной 2 августа 1907 г.) Вильгельм уведомляет о новом свидании своем с английским королем: «Встреча с дядей Берти удовлетворительная. Дядя в хорошем расположении и настроен миролюбиво. Видимо под влиянием македонских дел (в подлиннике неразборчиво слово во фразе: visibly impressed by the... in Macedonia — *Е. Т.*) считает необходимыми солидарные представления в Афинах. Спрошенный королем относительно настоящего состояния России, я был счастлив уведомить его, что я слышал от вас, что все идет хорошо, роспуск же Думы вами является таким же актом, как роспуск португальского парламента его кузеном Карлосом». Речь шла о роспуске II Государственной думы.

Замечу, кстати, что в германской прессе в те годы неоднократно сравнивали Карлоса с Николаем, а португальского министра Франко, специализировавшегося на борьбе против народного представительства, со Столыпиным. Когда Карлос был убит, когда Франко бежал, когда впоследствии преемник Карлоса был низвергнут и пала монархия в Португалии, эти параллели — по крайней мере в консервативной прессе — прекратились. Престол Романовых тогда казался неизмеримо крепче, чем престол последней линии Браганца.

Таковы эти телеграммы, сохранившиеся в бумагах походной канцелярии. При всей их беглости и отрывочности они, как уже было выше отмечено, привносят кое-какие очень интересные черты и недостававшие штрихи в картину русско-германских отношений времен русско-японской войны и ближайших дней после ее окончания. В настоящее время я имею все основания утверждать, что со временем возможным окажется дать гораздо более полную документальную характеристику этих отношений за все время царствования императора Николая II. Несомненно, и годы 1904—1906 будут освещены гораздо полнее, чем это возможно было бы сделать на основании уцелевших (или, точнее, пока найденных) телеграмм, которые тут предлагаются вниманию читателя. Во всяком случае уже из содержания этих телеграмм можно сделать несколько выводов: 1) император Вильгельм очень серьезно рассчитывал в 1904—1905 гг. образовать германо-франко-русский союз против Англии. 2) Средством осуществления этой комбинации он считал предварительное заключение тайного договора между ним и Николаем — и затем воздействие, путем прямого давления, на французское правительство («спасать Париж»). 3) Николай II не решился на доведение этой комбинации до логического ее конца, предусмотренного Вильгельмом, и заключив тайный договор с германским императором, все же не согласился пустить в ход этот договор как средство устрашения Франции; таким образом, договор (или даже *союз,* как выражается Вильгельм) между обоими императорами остался в строгой тайне. 4) После свидания в Бьорке германский император на основании соглашения с царем принялся за реализацию своей давнишней мечты об объявлении Балтийского моря закрытым, но, натолкнувшись на препятствия со стороны датского двора и правительства и на угрожающую позицию, занятую англичанами, удовольствовался лишь решением, в случае войны с Англией, просто оккупировать своими войсками нейтральную Данию, чтобы получить этим упрощенным и ускоренным путем все те выгоды, которые не желала ему предоставить Дания добровольным присоединением к тайной русско-германской комбинации. О своем плане нарушить нейтралитет Дании император

Вильгельм, как мы видели, прямо и сообщил царю, своему тайному союзнику, не вызвав этим со стороны последнего ни малейших возражений. 5) Что касается области русской внутренней политики, то Вильгельм является, разумеется, приверженцем принципа сильной монархии, но приверженцем разумным, понимающим опасность положения Николая и желающим искренне эту опасность уменьшить; сам же Николай нисколько этой опасности не учитывал и даже с некоторой похвальбой давал понять Вильгельму в ответ на его серьезные и дельные советы, что вовсе не желает разделить с кем бы то ни было свою ответственность. Нужно обратить внимание, что Вильгельм с ударением называет членов Государственной думы (даже булыгинской) представителями русского народа, желает, чтобы им было дано право голосовать мирный договор с Японией, подчеркивает, что русский народ совершенно прав, если желает иметь голос по вопросу о собственной участи, а Николай, как мы знаем, в это же лето 1905 г. выражал желание, чтобы Дума называлась не «Государственной», а «государевой», т. е. именно стремился принизить даже с внешней стороны ее самостоятельность и авторитетность. Вильгельм разумно понимал, что Дума может принести пользу Николаю, взяв на себя часть его ответственности; Николай этого не понимал, не желал и вообще не боялся за себя так, как за него боялся Вильгельм, глубже и серьезнее смотревший на вещи. Еще одну черту нужно отметить: в 1904 г. русско-японская война нужна Вильгельму, и он всячески раздувает и поддерживает пламя пожара, летом 1905 г. эта война ему уже не нужна, напротив, у него есть надежда, при возвращении России к европейским делам, вовлечь ее в орбиту своей антибританской политики. И он сообразно с этим действует: по мере сил препятствует миру в 1904 г., когда мир еще возможен для России на сравнительно мягких условиях, и всецело поддерживает в 1905 г. усилия Рузвельта, хотя мир после Мукдена и Цусимы уже гораздо более тягостен для его корреспондента. Вообще Вильгельм рисуется в этой переписке деятельным, беспокойным, зорким дипломатом, заботящимся и о большом, и о малом, помнящим о великодержавных задачах Германии, но не забывающим кстати ввернуть словечко и о том, что германские частные фирмы «с удовольствием» получили бы заказ на русские линейные суда. И чувствуется, что это удовольствие частных фирм в полной мере будет разделено германским императором.

Самый слог телеграмм Вильгельма особый: твердые законченные фразы, ясные доводы, точные цели, никакой расплывчатости, где можно — ласка, где нужно — угроза. А с той стороны: да, согласен, очень счастлив, узнал с радостью, совершенно верно, желаю приятного путешествия etc.— и все же, при бесспор-

ном влиянии сильной индивидуальности на более слабую, не было, вероятно, ни одного момента, когда Вильгельм мог бы окончательно положиться на эту внешне податливую, но внутренне упорную, самолюбивую, ускользающую натуру.

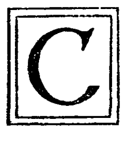
Бумаги министерства иностранных дел, над которыми в настоящее время работает пишущий эти строки, дают более обильный материал для истории сношений обеих империй за остальное время царствования Николая II. Но эти пока публикуемые телеграммы, которые царь оставил в своей походной канцелярии, не передавая их в архив министерства, настолько важны и характерны и носят настолько резко выраженный индивидуальный отпечаток, что представляется уместным опубликовать их теперь же. Да и самый момент был особенным, уже не повторявшимся в истории отношений обоих монархов.

1918 г.

Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842-1847 гг.

Среди поисков в архиве французского министерства иностранных дел мне пришлось натолкнуться на некоторые данные, которые могут представить известный интерес для изучающих историю крестьянского вопроса в России при Николае I, а еще более — историю дворянских настроений в эту эпоху.

В предлагаемом очерке я попытаюсь дать читателю представление о содержании и характере этих документов.

Не могу при этом не отметить необычайную бюрократичность и подозрительность администрации именно этого архива: этими качествами Французский архив министерства сильно превосходит, например, наш Государственный архив, не говоря уже о парижском Национальном архиве.

Во Французском архиве иностранных дел, после долгих стараний, хлопот, многомесячных ожиданий, после, наконец, полученного разрешения от министра, оказалось, что очень многого мне все-таки не выдадут. В частности, читатель этого очерка должен принять к сведению, что мне не выдали ничего, касающегося 1845 г. Почему? «C'est réservé». Почему «réservé»? «C'est réservé». На этом объяснения и кончились. Кроме 1845 г., я не получил и еще нескольких регистров серии «Mémoires et documents», тоже относящихся к царствованию Николая I. Мало того: даже в выданных мне регистрах кое-какие документы оказались завернутыми в толстую оберточную бумагу, а бумага прикреплена особыми шнурками к корешку, и по некоторым соображениям, на которых здесь излишне было бы останавливаться, я мог заключить, что эти таинственные документы относятся тоже отчасти к внутренним русским делам. Наконец,

документы позднее 1848 г. не выдаются никому, по общему правилу. Эти оговорки читатель предлагаемой работы должен иметь в виду: feci quod potui.

1

Рукописи, с которыми я хочу познакомить читателей, совершенно неизвестны. Не знал их и автор капитальной общей истории крестьянского вопроса в XVIII—XIX вв. в России, В. И. Семевский. Они касаются крестьянского вопроса при императоре Николае, но, конечно, не по ним возможно отдать себе отчет об истинном ходе дел в официальных учреждениях, они не чужды наивностей, иногда граничащих с абсурдом (где речь идет, например, о том, что Николай непременно хотел в свое царствование освободить крестьян и т. п.). В чем эти бумаги, действительно, интересны, это в передаче дворянских настроений: историк русской общественности, наверное, пожелает с ними ознакомиться, так как они безусловно являются любопытным показанием иностранцев-современников о проявлениях дворянской фронды, ознаменовывавшей кое-какие моменты царствования Николая.

Те документы, о которых сейчас будет речь, если не считать бумаг Баранта, никогда ни изданы, ни даже цитированы нигде, как сказано, не были. Эти документы бросают весьма яркий свет на отношение Николая I к крестьянскому вопросу и дают понятие о победоносной борьбе дворянства против всякой попытки сколько-нибудь облегчить положение крепостных. Попутно интересны и отзывы о характере Николая I. Конечно, при этом я сравнительно мало касаюсь тех суждений посла Баранта (1837—1841), которые тоже нашел в архивных регистрах, но которые почти все напечатаны в его «Souvenirs».

Период, к которому относятся разбираемые документы (1842—1847), был, в смысле оживления крестьянского вопроса, самым интересным за все царствование императора Николая. Первые пятнадцать лет были заняты внешними войнами, кипучей дипломатической деятельностью, усмирением и затем ликвидацией польского восстания, кодификационными работами, униатским вопросом; последние годы (с 1848 г.) отмечены были воинственными дипломатическими выступлениями, затем венгерской войной, восточным вопросом, наконец, обострением внутренней реакции. Что же касается до этих средних лет царствования, то именно тогда, по-видимому, у императора проявилось стремление хоть отдаленно подойти к исторической задаче, огромность которой он вполне сознавал. Замечу, кстати, что в документах с 1825 г. до конца 1830-х годов мне не встречались вовсе донесения о крестьянском вопросе.

Посмотрим же, какое впечатление производили эти шаги Николая I на внимательных и совершенно посторонних наблюдателей.

Прежде всего необходимо напомнить общую позицию этих наблюдателей в Петербурге. Французские послы чувствовали себя в Петербурге, с самой июльской революции и вплоть до 1848 г., как во враждебном стане. Даже к Второй республике Николай отнесся гораздо сочувственнее и уважительнее, чем к Луи-Филиппу. «La comédie jouée et finie, et le coquin à bas!» — так отозвался он в 1848 г. о конце царствования французского короля. Желающих ознакомиться с тем, как Николай отзывался о короле в интимной беседе, можно отослать, например, к интереснейшей переписке государя с Паскевичем, напечатанной в «Русском архиве» за 1909 г., здесь же об этом распространяться излишне. Временами (при бароне де Баранте) эта вражда несколько как бы утихала или по крайней мере смягчались ее внешние выражения, временами (при Перье, Андрэ, Рейневале) отношения доходили до пределов допускаемой церемониалом холодности. Все послы Луи-Филиппа относились к Николаю, как к признанному и непоколебимому врагу, руку которого они распознавали во всякой дипломатической неудаче Франции. Русский двор, русская аристократия во главе с салоном графини Нессельроде, сообразуясь с политикой государя, относились к французскому посольству с «ледяной вежливостью», и для членов посольства создавалась сама собой позиция посторонних наблюдателей, которые имели тем не менее много встреч, много сношений, позволявших им быть au courant, если не русской жизни, то петербургских придворных и великосветских настроений. Сначала несколько слов об отзывах посольства о Николае. Нужно начать с того, что в общем отзывы французских дипломатов скорее благоприятны Николаю I.

Им нравилась прежде всего его храбрость, которую они усматривали в поведении его в 1825 и 1831 гг., его твердость, решительность и прямота в обращении, и все они утверждали, будто он искренне хочет уврачевать многие болезни, от которых страдает Россия, но что кругом себя он не видит людей, на кого можно было бы положиться. Даже просто честные люди — наперечет. Барон де Барант (бывший послом с 1837 г. до 21 августа 1841 г.), сообщая, например, 30 декабря 1837 г., что в Грузию будет назначен генерал Головин, прибавляет: «Это человек безукоризненной честности, качество, весьма редкое в России. Несомненно, именно это побудило императора выбрать его, до такой степени государь был поражен во время своих путешествий по Грузии всеми хищениями и гнусностями (de malversations et de vilainies), которые были ему раскрыты»[1].

Барант не одобряет Николая I за его «манию всем рисковать» для быстрых передвижений по стране, за «недостойную государя» быстроту езды по самым опасным и непроезжим дорогам. Вообще Барант считал императора человеком очень храбрым. Однажды речь зашла между ними о 1831 г., времени холерного бунта и мятежа военных поселений. «Я сделал намек на храбрость и твердость, которые он выказал при волнениях по поводу холеры и во время бунта поселений»,— доносит Барант французскому министру иностранных дел и передает ответ государя: «Мне дешево создали эту славу, тут не было никакой храбрости и никакой заслуги. Я не подвергался никакой опасности, я знал, что ее нет» [2] и т. д. Барант утверждает положительно, что государь полагает свою силу в симпатии к нему низших классов, а как к нему относятся высшие классы — «он о том мало заботится». Фрондирующие или несколько независимые помещики, живущие в Москве, мало его в этом отношении интересуют [3]. Тут Барант, отмечая (так же настойчиво, как и другие послы), что государь не любит дворянства и в конце концов рассчитывает на народ, спрашивает себя: правильно ли учитывает император относительную силу классов общества? Правда, он инстинктом понимает народ, и между ним и народом есть симпатия. «Но если бы неразумным и крайним деспотизмом ему привелось вывести из терпения высший класс общества, мнением которого он, по-видимому, часто пренебрегает, то именно этот высший класс его погубил бы, причем класс низший не подал бы ему никакой помощи». Это не только Барант, но и преемники его не перестают подчеркивать: ссориться с дворянством русскому государю решительно опасно, народ ему вовремя никак не поможет. Впрочем, Барант оговаривается, что непосредственной опасности в положении государя он не видит. «Его повеления могут быть суровыми, его воля — абсолютной и слишком быстрой (sa volonté — absolue et trop prompte), но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях иногда нет достаточно зрелого размышления, и это придает часто его правлению тиранический вид ...Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благостояние его подданных» [4].

Барант отмечает в одном месте, что государь желает приготовить отмену крепостного права, «великий переход» (la grande transition», но, в полном согласии с только что отмеченным мнением о силе дворянства, посол полагает, что к этому делу «нужно приступать с крайней осторожностью» [5]. Спустя некоторое время после этого первого замечания (вызванного, между прочим, особыми милостивыми знаками внимания к Киселеву),

французский посол сообщает своему министру: «Император очень надеется, что в его царствование во владениях, принадлежащих государству, можно будет установить режим, который сделает крепостного крестьянина арендатором определенной части земли, платящим арендную плату». За казной должны будут, по мнению Баранта, последовать по тому же пути также частные владельцы: это последнее обстоятельство «всякий предвидит» [6].

2

Но при Баранте постороннему, хотя и очень внимательному наблюдателю возможно было лишь говорить о надеждах и предположениях государя. Дело с указом об обязанных крестьянах разыгралось уже при преемнике барона — Казимире Перье (отце будущего президента республики), который заведовал делами посольства с 21 августа 1841 г. до 14 августа 1842 г.

Напомню сначала, как рисуется история указа об обязанных в воспоминаниях свидетеля и соучастника всего дела — барона Корфа. Государь передал еще зимой 1840/41 г. в особый комитет одобренную им записку, составленную министром государственных имуществ графом П. Д. Киселевым. Этот проект предусматривал ряд мер, которые клонились к уничтожению крепостного права [7]. Поднялись толки, «тревожная молва», и уже в комитете проект был сильно урезан: по свидетельству барона Корфа, проект был встречен «сильной оппозицией», «основа проекта — свобода крестьян» «была отстранена» [8], и было решено предоставить помещикам право, *в случае желания их*, заключать с крестьянами сделки, причем земля оставалась бы собственностью помещика, а получающий свободу крестьянин, становясь *«обязанным»*, должен был бы платить помещику условленные повинности деньгами или натурой. «Вследствие этого весь внесенный графом Киселевым проект обширного закона сам собой пал и был заменен одним, очень небольшим проектом указа, в котором с намерением избегли не только слова свобода, но и всякого о ней намека» [9]. В этом виде проект перешел в Государственный совет, где первоначальная мысль государя и Киселева подверглась дальнейшему искажению.

Известно из записок барона Корфа, что государь явился в заседание 30 марта 1842 г.— впервые после девяти лет (пред тем он присутствовал в Совете 19 января 1833 г., при окончательном утверждении Свода законов). В его речи (записанной и напечатанной бароном Корфом) [10] было прямое опровержение слухов об освобождении («я также никогда на это не решусь»), и вообще речь явно клонилась к успокоению встревоженных,— но тем не менее в ней были слова: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть

зло, для всех ощутительное и очевидное», но «нынешнее положение таково, что оно не может продолжиться»; «необходимо... приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей и, не устрашаясь перед всякой переменой, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия» и т. п. Государь счел нужным подчеркнуть, что он не решился покончить дело по собственному своему произволению: «Не скрывая перед собой всех его трудностей, я не решился подписать указ без нового пересмотра в Государственном совете. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и верноподданническое усердие, приглашаю вас изъяснить ваши мысли со всей откровенностью, не стесняясь личным моим убеждением». В заключение император заявил: «Одно только не могу не поставить с прискорбием в виду Совета — именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источник отношу к неуместным разглашениям со стороны лиц, облеченных моим доверием и обязанных, самым долгом их присяги, хранить государственную тайну». Он так был раздражен этим, что прямо грозил (в последних словах речи), в случае новых «разглашений», «судить тотчас виноватых по всей строгости законов, как за государственное преступление». Но все равно, цель «разглашений» уже была достигнута: не только на заседании в редакции указа был усилен элемент факультативности [11], но государь, уже когда все было окончено, счел уместным прибавить: «...я, с моей стороны, не предвижу от указа ничего, кроме последствий самых благодетельных. Но как некоторые из вас все еще опасаются от него какой-то тревоги, то чтоб вполне всех успокоить, я велел заготовить пояснительный циркуляр губернаторам. Он разошлется от министерства внутренних дел одновременно с обнародованием указа, и надеюсь, вконец уже предупредит всякие превратные толки, а с ними и всякий повод к волнению». И тут же велел прочесть уже заготовленный циркуляр [12]. Заседание окончилось. Указ об обязанных был подписан 2 апреля государем, циркуляр — 3 апреля — министром внутренних дел Перовским. Оба акта были распубликованы одновременно (7 апреля 1842 г.). Теперь посмотрим, что писало обо всем этом в своих шифрованных донесениях французское посольство.

Посольство прежде всего не может скрыть своего удивления, донося сначала о слухах (еще до издания указа). Правда, Казимир Перье говорит, что Барант еще в 1840 г. сообщал ему, что император подготовляет «проект освобождения крестьян», но подробнее не указывает, о чем именно у них шла речь. Во всяком случае, судя по всему, подготовление и издание указа об обязанных явилось для Перье неожиданностью. На его донесениях министру иностранных дел Гизо подтверждается рас-

сказ Корфа: 1) первоначально указ должен был — по мысли государя — быть гораздо шире и определеннее и, действительно, мог затронуть самые основы крепостного права; 2) первоначальный проект натолкнулся на серьезную оппозицию и был изменен весьма существенно, в благоприятном для владельцев крепостных душ смысле. С точки зрения французского дипломата, первоначальный проект был со стороны государя предприятием слишком смелым и радикальным и неудача этого проекта еще усилила позицию дворянства.

Обратимся к первому, относящемуся сюда, длинному, расшифрованному в Париже донесению Казимира Перье министру иностранных дел Гизо [13]. «Уже давно некоторые хорошо осведомленные лица знали, что император, усвоив, отчасти, мысли графа Киселева и следуя своей естественной склонности к мере, которая должна поразить умы и привлечь внимание Европы, питал в уме своем обширный проект освобождения крепостных... Но никто не думал, конечно, что речь идет о немедленном выполнении этого гигантского предприятия и что для него будет выбран настоящий момент, когда русскому правительству приходится преодолевать не одно затруднение, устранять не одну опасность, разрешать не одну трудность». Перье пишет под свежим впечатлением слухов, будто прошла первоначальная более радикальная редакция указа: «Вдруг начинает распространяться еще наполовину таинственная новость, что освобождение — решено и что через несколько дней появятся необходимые указы [14]. Признаюсь вам, что я принял первый слух с недоверчивостью», но источник сведений, детали и т. п.— все это удостоверило Перье, что слух основателен. Это решено, и подобная мера, по мнению французского дипломата, открыто направлена к социальной революции, а может привести и к политической [15]. Позавчера (т. е., значит, 12 апреля/31 марта) император явился в Государственный совет и сообщил остолбеневшим членам (à ses membres stupéfaits), что он предлагает им на обсуждение меру, которая в принципе уже решена, но для осуществления которой он просит их содействия и их мнения. «По-видимому, прежде всего и несмотря на повелительную форму сообщения, проявилась довольно оживленная оппозиция». Некоторые сановники [16] «заявили с энергией, что это значит ставить на карту судьбу империи, что они не перестанут возвышать голос, чтобы заклинать государя отказаться от его решений или по крайней мере отсрочить выполнение его».

Перье говорит, что ему неизвестны детали заседания. Но зато он весьма определенно и ярко характеризует настроение высших кругов. «Дворянство живейшим образом взволновано предстоящим посягательством на его богатство и на его могущество. Прямо заинтересованное в удержании существующего.

оно в то же время находит сильные аргументы в священных правах собственности, в отсталом состоянии низших классов, в опасности сразу сказать о свободе тридцати миллионам полудиких людей». Перье сам считает эти мнения дворянства «des arguments puissants». Он, посол либеральной монархии и сам либеральный конституционалист, становится на сторону крепостнической оппозиции, так как и ему борьба Николая I против крепостного права кажется тоже неосторожной и субверсивной; оговорки, которые он при этом считает все-таки нужным сделать даже в шифрованном донесении, ничуть не ослабляют самого факта этого любопытного совпадения мнений. Конечно, пишет он, мера эта благородна в принципе, и, может быть, даже одним из мотивов государя было заслужить похвалы Европы. Правда, он указывает тут же и на другой мотив (и даже называет его «главной целью») — стремление разрушить «настоящий, хотя и неполный феодализм» и обосновать на преданности народа силу и прочность монархии. В то же время «он бы ослабил дворянство, которое является для императорской власти самой непосредственной и самой постоянной опасностью». Но каковы бы ни были мотивы государя, «остается еще рассмотреть, стоит ли он на высоте задачи, достаточно ли зрело он ее обдумал, подходящий ли он выбрал момент, хорошо ли подготовил ход дела». Казимир Перье не скрывает от Гизо своих опасений: он сомневается, понял ли государь, что «малейший ложный шаг на той скользкой почве», на которую он вступил, может его погубить [17]. «Император Николай, верный своему характеру, увлекается личными своими желаниями, необдуманно бросается на путь приключений», не имеет точной цели, соблазняется славой реформатора и основателя нового общества [18]. Французский посол не уверен в том, что дворянство подчинится желанию государя. С другой стороны, «в какой степени русский народ подготовлен к тому, чтобы принять благодеяние, которое ему предназначается? Когда уже не будет нынешнего государя с его железной рукой, не завещает ли он своему наследнику, кроме тяжести венца, еще и трудно исполнимую задачу?» Кончает Перье тем, что государь предпринимает дело, похожее на совершенное во Франции Людовиком XI, а затем Ришелье (сокрушителями дворянства), и что, если, «может быть», он и не рискует подвергнуться участи Павла I, то все же он дерзает на многое [19].

Посылая 8/20 апреля своему министру второе донесение, а с ним уже текст и перевод указа 2 апреля и циркуляра Перовского, Перье сообщает о дворянской победе, плодом которой явился этот указ, столь далекий от первоначальных намерений государя. Он называет то, что произошло, «печальной сценой комедии»: государь «отступил, не желая признаваться в

этом, пред затруднениями, которых не предвидел, пред недовольством дворянства, которое взволновалось, когда оно увидело посягательство на свои богатства и старинные права» [20]. Борьбу против первоначального проекта Перье изображает так: «Я уже сообщил вашему превосходительству, что император на этот раз натолкнулся на живую оппозицию в Государственном совете, хотя он и пытался сначала ограничить обсуждение простым рассмотрением средств, которые нужно употребить, и форм, которым нужно следовать, чтобы осуществить решенный им план, но члены Совета не побоялись выйти из этих границ. Великий князь Михаил и принц Ольденбургский подали пример, князь Меньшиков, морской министр, барон Ган, граф Гурьев высказались энергично (se sont prononcés avec force), и лица, обыкновенно самые послушные императорской воле, Рибопьер, Бутурлин и другие, хранили молчание. В городе или, лучше сказать, в салонах было любопытное и необычное зрелище. Люди встречались с испуганными лицами, говорили только о разорении и грабеже». Впрочем, французский дипломат и тут считает нужным стать отчасти на сторону встревоженного дворянства. «Наряду со слухами, без сомнения, преувеличенными, высказывались также некоторые истины».

В чем же заключались эти истины, услышанные Казимиром Перье в петербургских салонах? Первоначальный проект Киселева налагал на владельца обязательство освобождать всех тех крепостных, которые могли уплатить ему сумму, равную капитализации оброка (сообщает Перье министру). Но так как прежде всего имелось в виду освободить крестьян удельных и государственных, то частные владельцы имели основание бояться, что после этого освобождения их крестьяне просто взбунтуются. Перье хочет высказать мысль, что крестьяне не захотели бы платить сумму, равную капитализации оброка, видя, что удельные и государственные освобождены на более льготных основаниях. И тут Казимир Перье переходит к воззрениям русского крестьянства на землю. Эти воззрения он приписывает крестьянскому невежеству и относится к ним с неодобрением. «Самое серьезное препятствие заключается в состоянии нравственного огрубения или по крайней мере совершенного невежества сельского населения. Почти всюду оно воображает, что, будучи лично в рабстве, оно одно имеет реальные права на обладание землей. Очень часто владельцу, желающему переселить земледельцев, отправить их из одной губернии в другую, противопоставляется страшная сила инерции, подкрепляемая следующими словами, в которых заключается кодекс русского крепостного: наша жизнь принадлежит тебе, ты можешь ее взять, но ты не имеешь права отнимать у нас землю, которая нам принадлежит. Этот опасный предрассудок (ce préjugé dangereux) укоренился

в умах миллионов людей, и не указами он будет побежден. Это могло бы быть делом цивилизации, нравственного совершенствования, для которого еще ничего не сделано»[21]. Эти строки живо напоминают о позднейших усилиях Герцена сделать русские крестьянские воззрения на землю более понятными западным европейцам, и особенно французам; ведь не нужно также забывать, что Казимир Перье писал в 1842 г., до книги Гакстгаузена, которая уже не объясняла опасный предрассудок русских крестьян только нравственным огрубением и совершенным невежеством. Так или иначе, Казимир Перье боится последствий даже такого шага, как урезанный закон 2 апреля: «Эти люди (крестьяне — *Е. Т.*) не поймут ни того, что свыше декретируют сегодня, ни того, что хотели декретировать вчера. Они услышат, что император хотел их освободить; должно опасаться, чтобы они не потребовали страшного отчета у помещика за лишение их того благодеяния, которым они и воспользоваться не сумели бы. Из всего предыдущего легко заключить, насколько опасна и ненадежна всякая преждевременная или легкомысленно затеянная попытка изменить нынешний порядок вещей». Поэтому Казимир Перье понимает, почему при первых же слухах об указе некоторые помещики отправились в свои деревни, чтобы там выждать, какой оборот примут события, и, если понадобится, предотвратить печальные последствия этой меры добровольными уступками, если и не добровольными, то по крайней мере «благоразумными». Весь этот переполох подействовал на государя, которого Перье теперь, после неудачи, уже решительно осуждает за поспешность действий и нетерпеливость в аболиционистских стремлениях.

«Император, поверхностный и абсолютистский ум которого наверное не вошел в рассмотрение этих важных вопросов и который даже не счел уместным посоветоваться с теми из своих интимных доверенных лиц, мнение которых могло бы его просветить, сразу увидел, какая мрачная картина развертывается пред его глазами во время прений в Государственном совете; в этих прениях боязнь не угодить уступила на сей раз более серьезным опасениям. Он встретил оппозицию, не уступить которой было бы слишком опасно»[22]. Итак, «государственный переворот» не удался, но Казимиру Перье кажется, что издание даже этого урезанного, обезвреженного с дворянской точки зрения указа — все же большая ошибка. «Нужно было спасти лицо: уступая в действительности, не желали, чтобы вышло, что уступают и формально,— и указ появился в том виде, как ваше превосходительство его получите. Осмеливаюсь сказать, этот указ — серьезная ошибка. Следовало сделать больше — или ничего не делать. В такой стране, как эта, полумеры гибельны, опыт и история показали, что ничего не может быть опаснее,

чем неполная реформа или неудавшийся государственный переворот (un coup d'état avorté)». Дворянство — слишком сильный враг, чтобы следовало его раздражать. «Неблагоразумно делать бессильное покушение на такого врага, с которым следует завязать борьбу только с тем, чтобы победить. Нужно было бы поколебаться пред тем, как возбуждать столько тревоги, поднимать столько жгучих вопросов, и все это для столь незначительного результата... С точки зрения интересов и принципов правительства этой страны, было ошибкой привлекать внимание к рассмотрению тех трудностей, устранить которые не чувствовали себя в силах». Какие могут быть непосредственные последствия этой «злосчастной попытки», спрашивает себя дальше Казимир Перье. Самая попытка является, «наверное, за многие годы наиболее важным событием русской внутренней политики», и дворянство не так легко забудет пережитую большую тревогу, тем более, что эти наклонности императора уже давно известны [23], и, например, разные попытки перемен в положении государственных крестьян давно сеяли недовольство среди помещиков. Государь отступил, но дворянство знает его характер, знает, как его раздражает и побуждает к сопротивлению всякое противодействие, знает, что он от своих идей не отказывается. Дворянство чувствует, что гроза только отдалилась, но ненадолго [24]. В заключение Казимир Перье передает также об огорчении уже не только принципиальных сторонников крепостного права, но «самых благоразумных людей, которые просвещенно желают прогресса цивилизации своей стране и которые с грустью видят, что желательная мера, трудная, но возможная, мера, которую время сделает необходимой, скромпрометирована так с самого начала». Таково, по уверению Перье, также чувство иностранцев и всего дипломатического корпуса. В post-scriptum'е Казимир Перье добавляет еще несколько слов о только что появившемся «распоряжении обер-полицмейстера». (Речь идет об уже упомянутом выше циркуляре Перовского о том, что не нужно в указе искать какого-либо иного значения, кроме прямо вытекающего из смысла пунктов его, что указ 2 апреля укрепляет за помещиками право собственности на землю, что искать в указе иное, скрытое значение значит идти против воли государя и т. д. Кокошкин уже от себя разослал особый приказ по полиции — всеми мерами препятствовать распространению ложных слухов). По мнению Перье, это распоряжение окончательно аннулирует указ 2 апреля и доказывает всю полноту победы дворянства. Подобный шаг должен был недешево обойтись императору [25]. Очень уж повелительная необходимость, полагает Перье, могла заставить государя сделать подобную уступку во имя успокоения дворянских тревог [26], и он думает, что и дворянству эта победа может со временем дорого обойтись. По-

добный акт всюду вызвал бы много комментариев, а в России при этих обстоятельствах он вдвойне любопытен, по мнению французского дипломата.

Прошло два месяца, и за это время в европейской прессе была речь об указе, а в России — все обошлось тихо. Но Казимир Перье не верит в то, что об этой мере будто бы забыли. Ни та, ни другая сторона не оставили своих стремлений, ни император, ни дворянство [27]. Крестьяне — «самые заинтересованные — оказываются наиболее индифферентными. До сих пор, благодаря ли принятым суровым предосторожностям, или благодаря апатии и невежеству, народ мало взволновался». Это спокойствие народа, по мнению Перье, можно было бы счесть благоприятным симптомом для будущего, «если бы самые опасные препятствия можно было предвидеть с *этой* стороны». Но в томто и дело, что опасность не в народе, а в сопротивлении дворянства [28]. И тут Перье — в иных выражениях, но столь же убежденно — повторяет мысль своего предшественника Баранта: дворянство способно быть более опасным врагом, чем народ надежным другом, оно одно способно к согласованным действиям несмотря на свою малочисленность, оно одно умеет разумно и ловко вести себя в этом полускрытом поединке [29].

3

Свою тревогу дворянство, в самом деле, не так скоро простило, если поверить любопытному донесению, которое Гизо получил осенью того же 1842 г. (уже не от Казимира Перье, а от д'Андрэ, который 14 августа 1842 г. сменил Перье на его посту).

Д'Андрэ считает, что он нарушил бы свой долг, если бы не уведомил министра «о царящем в России недовольстве». Весь дипломатический корпус озабочен этим явлением, и д'Андрэ пишет, что подверг вопрос о причинах недовольства серьезному обследованию [30]. Самый факт недовольства он считает очевидным, и особенно отмечает это явление в отношениях между государем и дворянством. Недовольство это давнишнее, «но совсем недавно оно возросло». Дело в том, что со времени своего восшествия на престол государь «не терял ни одного случая уменьшить значение дворянства, ограничить привилегии, какие были дворянству даны еще императрицей Екатериной». Ему всегда было тесно от этого скрытого сопротивления, слишком хотелось найти опору в народе. Дворянства он не любит и не уважает (il n'a pour la noblesse ni goût, ni considération). «Со своей стороны дворянству, ревниво относящемуся к своим привилегиям, не нравятся тенденции государя, которых он и не скрывает». Дворянство мало любит государя. «Император это

знает, но, может быть, не отдает себе в точности отчета о положении вещей». Во всяком случае, «кажется, он предвидит те затруднения, которые могли бы возникнуть вследствие подобных отношений между государем и дворянством в будущем, особенно если у его преемника не окажется характера, столь же твердого, как его собственный характер. Пока он царствует, он считает себя достаточно сильным, чтобы удерживать в повиновении тех, которые бы желали от него освободиться, но что произойдет после него, это всегда его живейшим образом озабочивало». Сыну своему он нередко говорил: «Tandis que nous vivons tranquilles, Dieu sait quel événement le sort te réserve». Д'Андрэ, как и предшественники его, категорически настаивает на том, будто Николай I положительно желал освободить крестьян. Он хотел побороть самое огромное из всех затруднений, с которыми пришлось бы считаться его сыну, и решил совершить самый громадный акт, какой только может быть совершен в России: освобождение крестьян. По своему обыкновению, он хотел и эмансипацию совершить вдруг (il l'a voulu soudaine comme il veut toutes choses). В согласии с министром государственных имуществ он прежде всего предложил Государственному совету проект, по которому помещик принужден был бы дать на известных условиях определенное количество земли крестьянину. «Вашему превосходительству известно, какую сильную оппозицию встретил этот первый проект в Государственном совете. Самые робкие в обыкновенное время члены сделались самыми смелыми. Вне Совета волнение было не менее сильным. Отовсюду слышны были вопли о разорении и грабеже. В Москве дворяне заявляли, что если этот указ пройдет, то они постараются продать остаток имений и удалятся в Германию, так как они не желают быть свидетелями страшного смятения, которое, по их словам, должно произойти в империи». Некоторые помещики уже стали закладывать свои имения, другие брали из банков свои капиталы. «Ужас пред появлением такого указа был огромен. Сопротивление проявлялось открыто. По этим признакам император понял, что следует остановиться. Но он не хотел, чтобы показалось, будто он всецело отказывается от своих идей. Он изменил проект указа и объявил, что эта мера — факультативна» (т. е. что сделка между крестьянином и помещиком совершается лишь при желании обеих сторон). Что касается циркуляра Перовского (который д'Андрэ неправильно называет le règlement du grand-maître de police), то эта декларация, подчеркивавшая, что помещики остаются собственниками земли, была даже выгодна дворянству, так как этот принцип помещичьего права собственности на землю нелишне было напомнить крестьянам [31]. «Борьба была жаркой, дворянство вышло из нее торжествующим». По мнению д'Андрэ, также дальнейшее со-

противление со стороны государя было сопряжено с «величайшими опасностями».

На помощь помещикам пришло и то обстоятельство, что как раз произошло несколько случаев волнений среди государственных крестьян: правительство произвело именно среди них коегде опыт, дало им землю в собственность на известных условиях, так что крестьянам пришлось уплачивать вдвое против прежнего. «Крестьяне увидели в этой перемене лишь увеличение податей, без всякой для себя выгоды, так как каждый русский крестьянин совершенно убежден, что земля, которую он обрабатывает, и так ему принадлежит». Дворяне же не преминули воспользоваться этими волнениями среди государственных крестьян и указали, что сами крестьяне предпочитают, чтобы старый порядок вещей не подвергался изменениям.

«Но я предоставляю вашему превосходительству судить о чувстве, оставшемся у дворянства от всех этих треволнений. И вот тогда-то дворянство вспомнило все свои неудовольствия против императора и, всегда столь сдержанное, заговорило таким языком, что это удивило людей, которые уже давно живут в России. Никогда общество не говорило в столь свободном тоне о том, что воля императора часто оказывалась гибельной для истинных интересов страны, что его царствование вовсе не было славным для России, что его вкус к военному делу разорителен для государства, что вместо того, чтобы тратить сотни миллионов для сбора столь большого количества бесполезных людей, было бы гораздо лучше употребить часть этой суммы на устройство дорог, хороших путей сообщения, что Московская железная дорога, которую он выстроил, не была столь настоятельной необходимостью и что странно видеть, как отстраняются русские поставщики рельсов, а предпочтение отдается рельсам английским». (Здесь к слову нужно заметить, что вообще обсуждение вопроса о Николаевской железной дороге прошло не без больших прений, и французское посольство еще в феврале 1842 г. извещало Гизо, что Москва ропщет, ибо находит более нужной и выгодной такую железную дорогу, которая соединяла бы ее с югом, а не с Петербургом [32].)

Перечисляя дальше, что ставится недовольными в вину государю, д'Андрэ пишет, что говорят о «министрах, которые вместо того, чтобы благоприятствовать развитию национальных богатств, стараются остановить это развитие и стремятся лишь обогатиться и удержаться в фаворе», жалуются и на то, что торговля и промышленность не получают никакой настоящей помощи, жалуются на то, что бессрочноотпускные солдаты являются внутри государства элементом брожения и беспорядков, жалуются и на то, что государь слишком предается религиозным преследованиям [33]. О настроении государя говорят, что он

иногда целые недели проводит в глубокой печали и упадке духа, что нервы его ослабели, что приступы гнева происходят чаще, чем прежде, и чаще случаются приливы крови к голове. Посла поражает, с каким хладнокровием рассуждают о возможной смерти государя. О наследнике держатся того мнения, что он — характера нерешительного, и посол полагает, что дворянство при нем постарается вернуть себе все то, что потеряет при Николае Павловиче, «если только великие события не изменят предвидений будущего». Д'Андрэ кончает свое длинное донесение словами: «Вот до какой степени проявилось неудовольствие дворянства после борьбы, из которой оно вышло победоносным, по крайней мере до настоящего времени». Центр неудовольствия — Москва, и в Москве (сообщает он уже в post-scriptum'е как самую свежую новость) «прием, который сделали императору, был самый холодный». Д'Андрэ в заключение советует все-таки не преувеличивать значения резкого тона недовольных: с одной стороны, русские — народ изменчивых настроений, а с другой стороны, государь понимает свою страну и, может быть, найдет способ примириться с теми, кого отдалил от себя [34].

Впрочем, на этот раз неудовольствие дворян прошло во всяком случае не так скоро. Через год, 23 сентября 1843 г., д'Андрэ опять извещает министра иностранных дел, что о государе выражаются очень резко. Он опять поражен неизвестной прежде «свободой языка» [35] в этом отношении. Его удивляет также ненасытность царедворцев и приближенных, осыпаемых неслыханными в Европе милостями и все-таки недовольных. Например, по случаю крещения внука государя (вел. кн. Николая Александровича) *тридацать четыре* человека получили чин полного генерала, и все-таки «много недовольных» [36].

В последнем интересующем нас донесении д'Андрэ говорит опять о слухах, касающихся освобождения дворовых. Д'Андрэ еще не знает (дело было весной 1844 г.) подробностей обсуждаемого мероприятия, но снова повторяет, что государь не оставляет всего «огромного вопроса» об уничтожении крепостного права и хочет, чтобы этот вопрос разрешился в его царствование.

4

История указа о дворовых изложена тем же бароном Корфом («Сборник Русского исторического общества», т. 98, стр. 208—248). Вопрос возник в зиму 1843/44 г., когда государь объявил Перовскому о своем желании постепенно превратить дворовых в «новое сословие вольных слуг». Был образован особый комитет, и, конечно, опять поднялась оппозиция и пошли тревожные слухи. Государю указывали на трудность дела. «Знаю,— прервал государь с некоторым раздражением,— знаю, что тут *есть* трудности и даже *множество* трудностей [37]. Я восемна-

дцать лет занимаюсь этим делом, восемнадцать лет взвешиваю его трудности, борюсь с ними и надеюсь их превозмочь. Главная цель моя — *изменить крепостное у нас состояние* [38]. Мысль о том никогда меня не оставляла» и т. д. После одного заседания комитета «государь схватил себя за голову и, обратясь к Васильчикову, сказал: c'est singulier qu'il m'est impossible d'attaquer des questions d'une nature aussi grave sans que le sang ne me monte d'abord à la tête» [39]. Между прочим, во время обсуждения этого нового указа государь жаловался, что указ об обязанных фактически почти свелся к нулю; и однако новый указ о дворовых (опубликованный 10 июля 1844 г.) тоже вышел из рук комитета факультативным [40] и обреченным на ту же участь, хотя в собственноручно написанном первоначальном плане государя предполагалось ряд мер [41], рассчитанных на *понуждение* помещиков. И это дело — с дворовыми — тоже привлекло внимание французского посольства [42].

О появлении указа, касающегося дворовых, известил Гизо уже Рейневаль, сменивший летом 1844 г. д'Андрэ в качестве chargé d'affaires французского посольства. Рейневалю кажется, что этот указ мог бы быть более приемлемым для помещиков, чем указ 2 апреля 1842 г.: дело в том, что дворовый при освобождении не получает земли, а остается должником — на срок или на всю жизнь — своего помещика, если не выплачивает ему всей суммы выкупа разом. По этому поводу Рейневаль заводит речь об освобождении крестьян вообще [43]. Он тоже усматривает «великую трудность вопроса в той идее, врожденной у русских крестьян, что они — неразлучны с землей», что гораздо больше земля принадлежит им, нежели они принадлежат земле [44]. Рейневаль (после беседы с графом Киселевым) передает свое мнение, что освобождение государственных крестьян (Киселев сообщил ему, что они — свободны) должно сильно подвинуть вперед и освобождение крестьян помещичьих [45]. Но хотя император уже «хотел бы избежать всякого потрясения, приведя постепенно дворянство к необходимости освободить крестьян», однако помещики «мало расположены войти в намерения императора». Так, даже указ о дворовых, казалось бы, вполне приемлемый и удобный для помещиков, «принят ими плохо, как и все, что направлено к изменению существующего порядка вещей». Но, конечно, такой бури, как первоначальный проект указа об обязанных, мера, касавшаяся дворовых, не вызвала и вызвать не могла.

С этого времени лишь два раза посольство доносит в Париж о крестьянском вопросе. «Вопрос об освобождении все еще на очереди»,— пишет Рейневаль в ноябре 1846 г. «Я узнал, что заняты тем, чтобы даровать крепостным законное право владеть движимым имуществом, право, которым они теперь пользуются

только в силу терпимости и добросовестности своих помещиков. В самом деле, они могут иметь собственность лишь на имя помещика. Нужно признать, что помещик никогда не злоупотребляет этим доверием крестьянина и что крестьянин в некоторых отношениях, например в смысле защиты от часто придирчивых действий властей, чувствует себя хорошо при этой комбинации. Но ее большое неудобство заключается в том, что она препятствует развитию в уме крестьянина истинных понятий о собственности и личной независимости». Наконец, 27 ноября 1847 г. посольство извещает Гизо, что опять заговорили об освобождении крестьян. По инициативе государя в Государственном совете обсуждается вопрос о споспешествовании крестьянам при выкупе их на волю и прежде всего о помощи и кредите из казны крестьянам, в случае если бы они желали купить заложенные и назначенные к продаже имения (к которым они принадлежат). Напомним, что, в самом деле, в 1847 г. возник вопрос о распространении на всю империю уже действовавшего в Грузии закона, по которому крестьяне имений, продаваемых с публичного торга за долги помещиков, имели право, внеся должную сумму, купить, таким образом, имение и тем самым приобрести личную свободу. Заходила речь о государственном кредите, который бы при этом облегчал крестьянам покупку продающихся имений, но эта мера не прошла (и только Киселеву был открыт ежегодный кредит в 300 тысяч рублей, из которых уже он мог бы в тех случаях, когда признает нужным, ссужать выкупающихся крестьян). Дело окончилось изданием указа 8 ноября 1847 г. [46], тоже не имевшего никаких реальных последствий, но опять несколько всполошившего дворян.

Эта мера кажется французскому дипломату важной именно потому, что «она, по-видимому, связана с планом эмансипации, которая безусловно повлекла бы за собой разорение дворянства» [47]. Он «не смеет утверждать», что этот план уже существует, но ему «позволительно думать это и тревожиться этим, так как известны чувства императора и его пламенное желание приурочить уничтожение крепостного права к времени своего царствования» [48]. Дипломат беспокоится и тоже находит, что государь слишком торопится. Правда, и он считает необходимым даже в шифрованном письме оговориться, что и «русские высших классов признают нынешний порядок вещей позором для их страны и препятствием для цивилизации», но, с другой стороны, «они находят в нем выгоды, от которых не хотели бы отказаться, например, что этот порядок вещей предотвращает пауперизм, пролетариат и т. д.». К сожалению, он не говорит точнее, что понимать под etc. и какие именно представители «высших классов» ему это говорили. А главное, он «двух лиц не нашел, которые были бы между собой согласны

«относительно средств» к уничтожению крепостного права. Государь же слишком спешит: «если он хочет достигнуть этой большой цели раньше, нежели это будет достаточно подготовлено (что потребовало бы, может быть, больше времени, чем он может предвидеть), то ему с трудом удастся избежать необходимости пожертвовать интересами и даже правами дворянства». Правда, государь не питает к дворянству никакой симпатии. О наследнике, напротив говорят, что он благоприятствует знати и в Государственном совете борется против правительственного проекта [49] (о котором идет речь в начале этого донесения).

Любопытно в заключение заметить, что, не одобряя религиозных преследований, произвола в расправе с провинившимися (например в деле с Головиным), с укоризной говоря о политике в Польше, французские дипломаты признавали самый факт существования абсолютной власти совершенно необходимым для России. Это можно отметить едва ли не у всех послов и chargés d'affaires за рассматриваемый период. Так, Рейневаль признает, что «император обходится со своей империей, отчасти, как с полком и рассматривает малейшее неповиновение своим приказаниям как самое важное нарушение правительственной дисциплины», но вместе с тем представитель Франции утверждает, что «пассивное повиновение — есть единственная связь, которая может соединить в единую массу и сделать *управляемыми* (gouvernables) многочисленные народы, рассеянные по неизмеримым пространствам, нецивилизованные или почти нецивилизованные, которым нечего сообща ни защищать, ни завоевывать» [50].

Тем интереснее отметить, что, признавая необходимость неограниченной власти в России, французские представители, как мы видели, невзирая ни на какие неопределенные и ни к чему не обязывающие оговорки, решительно не одобряли эту самую неограниченную власть в тех случаях, когда она слишком поспешно, по их мнению, выступала против дворянства и на защиту закрепощенной массы. Послы Луи-Филиппа в *этих своих интимных, шифрованных,* скрытых от нескромного глаза донесениях не перестают *беспокоиться* по поводу слишком радикального, слишком нетерпеливого умонастроения, которое они подозревают в императоре Николае относительно крепостного права. Отложить, отложить и отложить реформу — вот общий их мотив, при известной неодинаковости в выражениях, которыми они пользуются. Так судили представители самой либеральной из тогдашних континентальных монархий. Таков один из неожиданных выводов, который сам напрашивается при чтении этих документов. Что касается настроения высшего петербургского круга, то оно также рисуется здесь вполне ясно и ярко. К сожалению, нельзя того же сказать о свидетельствах, касаю-

щихся предрасположений государя, его отношения к крепостному праву и к дворянству. В этой области многое в донесениях французских дипломатов сбивается на домыслы и легковесные гипотезы. Во всяком случае тут краски слишком сгущены. Следует еще отметить слова французских дипломатов о воззрениях русского крестьянина на землю, на право собственности: эти слова почти буквально совпадают со свидетельством барона Августа фон-Гакстгаузена, как раз в 1843—1844 гг. путешествовавшего по России [51]. Иностранцев эти народные воззрения поражали прежде всего. Не только официальные представители короля Луи-Филиппа, но и представители радикально-республиканского течения во Франции были совершенно чужды духу этого своеобразного строя понятий русского крестьянства.

1918 г.

Национальный архив в Париже

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые лекции были прочитаны мной на курсах архивного дела, открытых в осеннем семестре 1918 г. при Петроградском археологическом институте. На мою долю выпало ознакомить слушателей с историей парижского Национального архива и постановкой дела в этом учреждении. Стенограмма этих лекций, просмотренная мной, и предлагается тут вниманию читателя, интересующегося архивоведением на Западе. Устроителями архивных курсов в их решении стенографировать и печатать лекции, вошедшие в программу курсов, руководило, очевидно, убеждение, что самая программа может заинтересовать не только тех, кто имел возможность прослушать весь цикл лекций, читавшихся viva voce.

Во всяком случае читатель каждой из книжек этой серии должен иметь в виду, что лекторы умышленно избегали повторений, и поэтому не касались тем, которым были посвящены особые лекции. Так, например, лекциям о Национальном архиве предшествовал отдельный курс по истории французских архивов, подводивший аудиторию вплоть до эпохи революции. Ограниченность времени, отведенного на лекции по истории великого парижского хранилища, обусловила неизбежную краткость в изложении; пришлось сознательно опустить ряд деталей, которые были бы, однако, в подобном курсе небезынтересны. Прибавлю еще, что комиссия, организовавшая эти курсы, желала, чтобы я предпослал занятиям на курсах особую лекцию о смене направлений в исторической науке за XIX в. По разным обстоятельствам я не исполнил этого желания комиссии, но ввел в свой курс по истории Национального архива некоторые прямо относящиеся к теме курса элементы, которые должны были бы в

более детальном виде войти в предположенную особую лекцию. Департаментским архивам Франции я предполагаю отвести особый курс, так что в предлагаемых лекциях упоминаю о них лишь попутно. Наконец, я счел излишним говорить о тех не получивших санкции предположениях по реформе архивного дела вообще во Франции, которые высказывались неоднократно в 1903—1912 гг. Об этом речь будет у меня идти в особой связи, в другой работе.

В основу лекций положены заметки, которые в свое время по разным поводам автор делал, просматривая документы серии АВ секции секретариата, прямо относящиеся к истории архива, а также текст распоряжений и законодательных актов, напечатанных в журнале «Bibliothèque de l'Ecole», особенно с 1884 г.

Литература, особенно по *истории* архива,— весьма невелика. Отмечу очень старую, но хорошую и осведомленную книгу Henri Bordier «Les archives de la France» (Paris, 1855) и более новую Richou «Traité historique et pratique des archives publiques» (Paris, 1883).

Довольно часто поминаемая книга Laborde «Les archives de la France, leurs vicissitudes» etc. (Paris, 1867) особого интереса не представляет. На русском языке можно указать книгу Д. Я. Самоквасова «Централизация государственных архивов Западной Европы», где говорится также и о Национальном архиве.

Что касается инвентарей, то здесь нужно, конечно, прежде всего назвать «Etat sommaire » (in 4°, Paris, 1891), затем более старый «Inventaire sommaire et tableau méthodique des fonds conservés aux Archives Nationales» (1871), из еще более ранних — «Inventaire général sommaire, 1867».

Упомяну еще о небольшом, прекрасно составленном подручном пособии Ch. Schmidt'а «Les sources de l'histoire de France aux Archives Nationales» (Paris, 1907), но, конечно, этот небольшой (288 стр.) справочник не заменяет собой трех только что названных больших инвентарей. Полезна книга L. Panier (к сожалению, давно уже превратившаяся в библиографическую редкость) «Etat des inventaires sommaires et des autres travaux relatifs aux diverses de la France» (Paris, 1875). Она дает представление об имеющихся специальных инвентарях кое-каких отдельных серий. Из журналов, внимательно следящих за всем, что делается во Франции в области архивного дела, следует отметить «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes» и «Annuaire des bibliothèques et des archives». Конечно, этот ежегодник носит официальный характер, и, читая его, знакомишься с фактами в довольно розовом, оптимистическом освещении,— тогда как «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes» старается посильно влиять на улучшение архивного дела, указывая на промахи и

недостатки. Как общее справочное пособие, можно, наконец, указать на книгу Ch. Langlois'a et Stein «Les archives de l'histoire de France» (Paris, 1893), где около сорока страниц посвящено именно Национальному архиву; эти сорок страниц почти целиком заняты сжатым перечислением шифровых указаний и сжатыми характеристиками серий на основании «Etat sommaire» и других инвентарей, собственно же *истории* архива посвящено всего четыре очень беглых страницы (5—9). Юридического характера сведения, относящиеся к правовой стороне архивного дела во Франции, собраны в V томе «Répertoire général du droit français» в статье Lelong'a «Archives».

Вообще, полной истории Национального архива еще не существует, хотя материалов имеется для выполнения этой задачи чрезвычайно много и они сохранены в самом же архиве, в уже упомянутой серии АВ секции секретариата. Нужно надеяться, что назначенный незадолго до войны директором архива Шарль Ланглуа возьмет на себя когда-нибудь эту благодарную задачу, от которой он в свое время почему-то отказался при составлении только что названной справочной книги.

1

Задача данного курса — охарактеризовать положение вещей в самом значительном из западноевропейских архивов — в Archives Nationales, чтобы затем остановиться, со временем, в других курсах, и на некоторых иных архивах, которые организовывались по тому же образцу. Поставленная тема — тема трудная и важная, достойная гораздо более обширного, большого курса. Хотя, за отсутствием времени, материал на организованных ныне курсах приходится давать, вообще говоря, в очень сжатом виде, но все же миновать характеристику Национального архива нельзя, прежде всего потому, что архив этот стал руководящим для других больших архивов в XIX столетии; кроме того, сама судьба как Национального, так и других французских государственных архивов чрезвычайно для нас интересна, особенно в данный момент: Россия переживает огромную революцию, которая во многом подобна Великой французской революции конца XVIII столетия. Революция эта круто порвала с порядком делопроизводства и вообще внутренней жизнью старых учреждений, точно ножом отрезала прошлое от настоящего. Как некогда во Франции, так и в России теперь, масса бумаг осталась в беспризорном состоянии, и сам собой встает жгучий вопрос: как поступит с этими бумагами тот режим, который водворится и в настоящем, и в дальнейшем? Вот почему нам сейчас так интересна судьба французских сокровищ в эпоху революции и после этой эпохи. Но прежде чем обратиться к поставленной нами теме,

необходимо остановиться на другом вопросе, а именно: надо *характеризовать тот перелом, который постиг историческую науку в XIX в.* Перелом этот не мог не отразиться на жизни архивов, так как, с точки зрения научной деятельности, архив всегда занимал и занимает зависимое место, и его научная роль определяется всецело господствующими в данный момент тенденциями историографии. Лишь обрисовав, хотя бы в схематическом виде, тот перелом, который постиг историческую науку, можно будет приступить к выяснению судеб французских архивов.

До XIX столетия историческая наука, *как мы понимаем ее сейчас*, не существовала вовсе, не существовала в наиболее важном, что она может дать, чем она жива и важна,— в том методе, который от нее требуется. Были большие отдельные историки, были крупные таланты; XVIII век даже, век преимущественно антиисторический по всему своему умонастроению, дал ряд выдающихся историков, из которых каждый мог бы сделать честь любой эпохе. XVIII век видел Гиббона, видел Юма. Но метод, который делает историю наукой, тогда отсутствовал. *Что тогда считалось источником?* К источникам, в нашем смысле слова, не обращались почти вовсе; в лучшем случае раскладывали перед собой произведения историков, писавших в те времена, которые желательно было изучить, и пересказывали их иногда с некоторой критикой, иногда без критики. При изучении древней истории это, в некоторых случаях, было тогда — до систематического изучения надписей и до возникновения папирологии — единственно возможным методом; там, конечно, приходилось часто ограничиваться критическим в той или иной мере пересказом, того, что говорили Плутарх, Геродот, Фукидид и др. Но с этим методом стали подходить и к изучению средних веков, и к изучению нового времени.

В XVIII в., антиисторическом по преимуществу, история являлась наукой второстепенного ранга: XVIII век, с его рационалистическим направлением, склонен был смотреть на историю, на исторические традиции и пережитки, как на грузный балласт, от которого следует избавиться; историческая наука была в полном загоне. Пользовались успехом в то время только те писатели, которые, основываясь на произведениях прежних историков, приходили к казавшимся разрушительными выводам. Читали, например, с увлечением «Историю упадка и гибели Римской империи» Гиббона; книгу эту, при всей ее устарелости, с большим интересом читаем и мы, но по совершенно иным мотивам. Значительная часть читающего общества XVIII в. ценила ее нередко лишь потому, что видела в ней почему-то как бы логическую и художественную демонстрацию против христианства вообще. При отсутствии внутреннего интереса к исто-

рии как к науке, полном равнодушии к ней, немудрено, что источниковедение было заброшено, и основные источники оставались нетронутыми.

Так обстояло дело до XIX столетия.

В XIX в. наблюдается значительный переворот в умственной жизни Европы. Интерес к истории делается господствующим. Исторический метод торжествует во всех гуманитарных дисциплинах. Уже при Наполеоне начинает сказываться этот поворот. Начало XIX в. — решительная реакция против умонастроений XVIII столетия; это сказалось не только в страстном интересе к историческим романам, но и в появлении огромных коллекций средневековых изданий — «Monumenta Germaniae historica» и т. п.

Это сказалось в возобладавшей во всех юридических дисциплинах исторической тенденции; это обнаружилось в появлении и громадном успехе таких трудов, как монументальная история крестовых походов, написанная Мишо, многотомная история итальянских республик, написанная Сисмонди, повествования из эпохи Меровингов, написанные Огюстеном Тьерри, и т. п.

Одновременно с этим в недрах самой исторической науки произошел сдвиг.

В 1824 г. молодой двадцатидевятилетний учитель гимназии во Франкфурте-на-Одере Леопольд Ранке издал свое первое историческое сочинение: «Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494—1535». Приложенный к этой «Истории романских и германских народов» критический очерк «Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber» положил начало новой эпохе в исторической науке.

Каковы *основные воззрения Ранке?* Теперь эти воззрения могут нам показаться азбучными, слишком уж они неоспоримы. Но для того времени это было своего рода открытием научной Америки.

Приступил было Ранке к работе с методом, унаследованным от XVIII в.: положил перед собой труды Гвиччиардини, Макиавелли и других историков XV—XVI столетия, писавших об Италии, но, начав сличать и анализировать их и открыв целый ряд противоречий, понял, что из простого пересказа и даже из посильной критики этих сочинений ничего особенно производительного выйти не может. При серьезных требованиях, предъявляемых к историческому бытописанию, ни в коем случае прежний метод не может привести к неоспоримым и исчерпывающим результатам. Историк, писавший даже почти одновременно с тем, как происходили описываемые им события, не является авторитетом; в некоторых случаях, конечно, всецело приходится на нем основываться, так как другого источника нет,— почти все, что мы знаем, например, о Пелопоннесской войне, мы знаем

лишь со слов Фукидида; но относительно новой истории дело обстоит совершенно иначе. На это и указал Ранке. Кроме литераторов-историков, существуют еще исторические официальные акты, к ним и нужно *прежде всего* обратиться. Верить нужно не столько тем произведениям, которые писались современником-историком или публицистом для будущего историка, сколько тем документам, которые создавались для текущих потребностей и составлялись путем повседневных, мелких, чиновничьих работ. Этим они и ценны, из них надо извлечь весь исторически важный материал, и лишь тогда можно взяться за историков-литераторов. Так, прежде следует познакомиться с документами Флорентийской республики, с архивами и документами Синьории и всевозможных флорентийских цехов; на основании этого материала следует создать собственную схему — и тогда лишь взять Гвиччиардини и Макиавелли, посмотреть, правдивы ли они, не расходятся ли с официальными и неофициальными документами. Если окажется противоречие — caeteris paribus — верьте скорее документу.

Вот метод, выдвинутый школой Леопольда Ранке, сыгравший такую решительную роль в воззрениях на архивное дело. Прежде чем приступить к изложению истории Национального архива, укажем на то, как постепенно метод Ранке завоевал всю историческую науку.

Ранке не сразу оказался победителем, но его метод был все же так внутренно силен и логически неопровержим, что до полемики в прессе почти не дошло. Критики Леопольда Ранке указывали, что метод его хорош для новой истории — для XIX, XVIII, XVII вв., но для XVI, XV, XIV вв. он уже значительно менее применим, еще менее применим для более ранних веков и, наконец, совсем неприемлем будто бы для древнейших времен. Даже для ранних средних веков метод этот представляется почти невозможным, так как официальных документов от этой эпохи сохранилось чрезвычайно мало и volens nolens надо сплошь и рядом довольствоваться историческими писателями и летописцами. С этой оговоркой был принят метод Ранке. Тогда сразу утратили часть своего значения или по крайней мере часть обаяния прежние издания и коллекции. Век XIX оказался требовательней предшествовавших столетий. В XVII и XVIII вв. те немногие, кто вообще интересовался историей, с наслаждением перечитывали, например, сборники, созданные действительно гигантской эрудицией бенедиктинских монахов из конгрегации св. Мавра (некоторые из этих замечательных сборников не утратили своего значения и до наших дней), но когда новые взгляды и методы восторжествовали, произведения эрудитов XVII в. стали уже часто казаться неудовлетворительными. Что собой представляют в большинстве случаев сборники конгрегации

св. Мавра? Это отчасти агиографические произведения — жития святых; отчасти церковная и попутно общая история Франции, построенная почти исключительно на трудах старых писателей, или собрания, дающие текст этих старых писателей. Но, с точки зрения новых требований, нельзя ограничиться одними историческими писателями, надо искать документы, которые в изданиях бенедиктинцев играли очень подчиненную роль. Под прямым воздействием новых идей в Германии за эту задачу взялись самые выдающиеся ученые. С жадностью стали также французские историки выискивать те документы, которые не были изданы ни конгрегацией св. Мавра, ни другими великими эрудитами прошлых веков. Тут натолкнулись на ряд любопытных явлений. Приведу пример. Ренан, который, как известно, интересовался не только историей древней церкви, историей израильского народа, жизнью Иисуса Христа и апостолов, но и историей Франции, первый обратил внимание на удивительный факт, дававший полное торжество взгляду Ранке. Поводом к этому явилась книга Guérard'а «Polyptique de l'abbé Irminon». «Полиптик аббата Ирминона» — чрезвычайно ценный документ, без него немыслимо правильное понимание социально-экономической структуры франкского общества в половине средних веков, в эпоху Каролингов. По значению этот документ в некоторых отношениях может быть приравнен mutatis mutandis к таким произведениям, как английский «Domesday book» («Книга страшного суда»), без которого мы бы так мало знали о земельных отношениях Англии в XI столетии. Без «Полиптика» Ирминона мы очень мало знали бы о земельных отношениях и вообще экономическом быте каролингской эпохи, без понимания чего, в свою очередь, нет понимания средних веков. Другие (очень немногие) уцелевшие «полиптики» каролингской эпохи далеко не дают того, что дает «Полиптик» Ирминона. Этот документ, содержащий счета и хозяйственные записи аббатства St. Germain des Prés, изданный и анализированный Guérard'ом, стал настольной книгой для ученого, изучающего средние века. И вот Ренан, при случае, указал, что «Полиптик» Ирминона был в руках конгрегации св. Мавра, но ее члены — люди, бескорыстно преданные исторической науке — все же не поняли ценности этой рукописи и бросили ее в хлам, который пролежал нетронутым до XIX в. Этот факт, подмеченный Ренаном, замечательно ярко иллюстрирует необходимость идти дорогой Ранке, доверяться документу и архиву, а не только писателю и изданию летописных преданий. Учрежденный в 1833 г. по мысли Гизо «Комитет исторических работ» с неутомимой энергией принялся за систематизацию и издание документов, хранящихся в Национальном и департаментских архивах. Весы ко второй половине XIX в. окончательно склонились в сторону воззрений

Ранке и его последователей. Критерий был установлен: без архивного документа нет сколько-нибудь полной и достоверной истории. Там, где документ имеется,— он должен быть безусловно привлечен. Методологическое первенство дипломатики, документа над литературным источником было утверждено. Взоры научного мира обратились к тому, что еще уцелело, и этот интерес сделал архивы тем, чем они являются теперь.

Огромное научное движение коснулось архивов, но и до этого в жизни архивов произошло нечто новое. Независимо от Ранке и от связанного с его именем указанного поворота в воззрениях на исторический источник, архивы пережили свою собственную историю с конца XVIII в., и чтобы понять, *чем был и чем стал архив*, надо проследить не только линию сдвига в исторической науке, но и судьбы самого архива. Мы ставим в центре внимания огромнейший из архивов континентальной Европы — Национальный архив в Париже.

2

Революция сместила старую власть во Франции; возник гнетущий вопрос — что делать с бумажным наследством старой власти? В течение двух-трех недель после взятия Бастилии, вплоть до ночи на 4 августа 1789 г., в центральной и восточной Франции горели замки, а где не горели замки, там сжигались замковые архивы. Можно сказать, что французский аграрный вопрос для крестьянства в тот момент состоял в уничтожении всех документов, говорящих о праве на землю тех, кто ею не владел, но взимал феодальные подати и повинности на основании того, что этой землей некогда владели предки. Клубок феодально-правовых противоречий сосредоточился для деревни в том пергаменте, который хранился в столе того или иного феодала. Вот почему толпы крестьян, летом 1789 г., подходя к замку, прежде всего требовали предъявления документов и сжигали их,— устраивалось торжественное аутодафе. Если документов не выдавали, поджигался замок. Документов погибло больше, чем замков. Сжигая «les titres», крестьяне были убеждены в том, что уничтожают феодализм. Это аграрное движение и заставило представителей дворянства в ночь на 4 августа спешно отречься от своих прав и привилегий.

Но за эти же 2—3 недели депутаты в Учредительном собрании с ужасом и смущением увидели, что погибают неоценимые бумаги: рядом с бумагами, которые дают помещику право на землю, сжигались и другие важные и нужные бумаги. Депутаты поняли, что надо озаботиться о сохранении этих документов — не в интересах науки, конечно, а в целях чисто практических.

Депутат Camus, юрист по специальности, первый возымел мысль о необходимости сохранить архивы, но из его первых попыток ничего бы не вышло, если бы ему не помогло случайное обстоятельство. В эти дни (около 29 июля) в собрании возник план, как будто простой и ничтожный по своему существу,— отвести место в помещении Собрания для документов, которые будут проходить через Собрание и так или иначе будут иметь касательство к его деятельности. Сюда должны были войти проекты, адреса, письма, наказы из провинций, речи, словом, все бумаги, сопряженные с внутренней жизнью Собрания. Вопрос был вотирован и разрешен положительно, и скромное предприятие получило громкое название учреждения Archives Nationales, ввиду того, что самое Собрание именовалось Assemblée Nationale. Так создался маленький, домашний архив; архивариусом его был выбран Camus, и выбор этот оказался счастливым для судьбы всего архивного дела Франции. Камюс, человек просвещенный, задался целью привлечь к этому архиву и другие документы Франции, которые удастся спасти от погромов и пожаров революции. С этой своей идеей он заставил считаться все Собрание. Положение Камюса вначале было очень трудным,— он должен был себя чувствовать бессильным. Дали ему 2—3 комнаты и несколько человек для переноски документов, все пришлось организовать ему одному. Но, вскоре было признано, что многие документы имеют практическое значение.

Уже с 1789 г. стало обнаруживаться, что есть документы, которые надо сохранить ради чисто деловых надобностей. Были выдвинуты две категории вопросов, с которыми нельзя было не считаться:

1) Необходимо было при конфискации земель эмигрировавших дворян иметь не только список имен эмигрантов, но и сведения об их владениях и их правах на ту или иную собственность; также и при секуляризации церковных имений нужны были документы, так как при тогдашней чересполосице во Франции документы должны были явиться единственным орудием будущей разверстки, будущего кадастра. Надо было, следовательно, образовать целую коллекцию, специальные documents domaniaux, собрать документы, доказывающие право на землю церкви, дворян, государства.

2) Революция уничтожила старые судебные палаты, ветхие по существу учреждения, но игравшие в государственно-правовом быту старой Франции большую роль, знаменитые Parlements, во главе которых стояла парижская палата. У парламентов были свои богатейшие архивы, свои дела; эти бумаги должны были быть переданы теперь в новые суды — гражданские, апелляционные, суды присяжных и др. Постановили в Учредительном собрании, что все судебные документы должны

быть сохранены; за их сохранность должно отвечать определенное лицо. Единственным знатоком этого дела является Камюс; решено было и эти документы поручить ему; понятно, что Камюс всеми силами старался привлечь в свой маленький архив новые документы: 1) titres domaniaux, касающиеся вопросов землевладения, и 2) titres judiciaires, касающиеся судебного ведомства.

Так перед Камюсом ставился вопрос о сохранении архивов в первые годы революции. Ему удалось в этом направлении сделать очень многое: 2 ноября 1793 г. (по «закону 12 брюмера») Конвент окончательно признал за Камюсом право верховного надзора за обеими категориями документов — titres domaniaux и titres judiciaires. Камюс сделался Archiviste National. Но тут на архив надвинулась новая опасность: если Национальное учредительное собрание интересовалось документами лишь со специально деловой, отнюдь не научной точки зрения, если сменившее его Законодательное собрание совсем ими не интересовалось, то Конвент — к тревоге Камюса — отнесся к ним с большим вниманием. Отголосок старого антиисторизма сказался именно в том подозрительном внимании, с каким Конвент относился к скоплению бумаг. Все больше и больше развивается в Конвенте тенденция уничтожать архивы, уничтожать все то, что напоминает ancien régime, сохраняя лишь самое необходимое, «le strict nécessaire». Как вытравляли королевские лилии, столь же неумолимо склонны были уничтожать все, что не было непосредственно необходимым, что напоминало ненавистное рабство и угнетение. С этой тенденцией Конвент переходит из 1793 в 1794 г. И в эту-то эпоху самого грозного, мрачного террора и подозрительности Камюсу удается провести закон, памятный в истории архивного дела,—7 мессидора. При анализе этого закона надо все время принимать во внимание те условия, среди которых он создавался; приходится удивляться тому, как много было достигнуто Камюсом в обстановке, казалось бы, вполне безнадежной.

Дело началось с того, что весной 1794 г. возник вопрос — нужно ли поддерживать созданное в 1789 г. учреждение — Archives Nationales? Не лучше ли просто истребить все документы, относящиеся ко времени, предшествующему революции? Не важны детали того, как эта мысль возникла; но необходимо принять во внимание, в какую эпоху она возникла, в какой атмосфере она приняла определенные контуры. Июнь месяц — мессидор — 1794 г.— момент самого жестокого разгара террора. В одном Париже казнили от 30 до 40 и более человек ежедневно. И вот в этот момент зарождается грозная мысль — следует уничтожить всё, все бумажные следы того, что относится к ненавистному старому порядку. Вся опасность для дела Камюса и дела исторической науки заключалась в том, что *формально*

Конвент был прав. Ведь, как мы видели, в 1789 г. Национальное собрание постановило учредить свой домашний архив (национальным он был назван исключительно потому, что учрежден был Национальным собранием); Камюс, между тем, стал втихомолку спасать те документы, которые решительно никакого отношения не имели ни к Национальному собранию, ни к Законодательному, ни к Конвенту. Следовательно, Конвент формально был прав, когда требовал уничтожения тех документов, которые с его деятельностью не были связаны. А кроме того, вне этого архива во Франции продолжали существовать целые тысячи мелких и крупных архивных собраний — упраздненных корпораций, учреждений, нотариальных контор, конфискованных имений. Что было делать с этими бумагами? Для решения этого вопроса Конвентом была выбрана специальная комиссия. Камюс, несмотря на то, что был мало популярен в Конвенте, сумел внедриться в эту комиссию. Депутаты вначале не представляли себе всей трудности дела, когда же они поняли, что им с этой задачей не справиться, то стали искать человека, который бы мог им помочь. Единственным знатоком, как мы видели, был Камюс; на нем и остановились, предложив ему принять участие в составлении *текста декрета*. Наступила чрезвычайно опасная минута; Камюс проявил большую осторожность. Составленная при его участии депутатом арденского департамента Бодэном докладная записка начиналась рядом общих соображений; он стал якобы на точку зрения Конвента и до известной степени оправдывал его действия по отношению к документам старого режима. Безусловно, говорил он, все исторические документы, напоминающие угнетение и рабство, должны быть уничтожены: «наше первое движение — сжечь все». Но за этим сейчас же возникает вопрос: все ли документы без исключения должны быть уничтожены, или же среди них есть и такие, которые могут понадобиться при конфискации земель, и потому уничтожению подлежать не должны? Многое в записке и декрете Бодэна и Камюса было выражено крайне неясно, сшито белыми нитками. Авторы отдавали дань революционному настроению Конвента и, очевидно, старались скрыть свои настоящие намерения, но мало-помалу основная мысль — стремление сохранить документы — стала выясняться и совсем определенно выразилась в законе 7 мессидора.

По проекту Бодэна должны были быть образованы четыре категории, или секции. I секция, так называемая section domaniale, в которую вошли бы все документы, относящиеся к землевладению и являющиеся необходимыми при решении вопроса о том, какие земли непосредственно принадлежат республике. Таким образом, I секция должна была стать как бы «рабочим инструментом» для мероприятий по конфискации.

Существуют, говорил автор проекта, и документы судебного характера, которые также не подлежат уничтожению. Ведь эти документы необходимы для охраны прав собственности частных лиц; многие процессы длятся целыми десятилетиями и для них каждая бумага имеет значение. Итак, все документы всех судов должны быть объединены во II секции — section judiciaire.

Надо образовать и III секцию — section historique, которая будет сохранять документы, нужные для истории науки и искусств во Франции. Об этих документах говорится очень глухо, представляется не совсем ясным, что следует под ними разуметь.

В IV категорию войдут документы, которые имеют феодальный характер. Эти «documents purement féodaux», как они ни были древни, подлежат уничтожению. Спрашивается, как отграничить documents domaniaux от documents féodaux? Ведь доманиальные документы так или иначе являются и феодальными документами и относятся они к быту дворянского землевладельческого сословия. Очевидно, слова purement féodaux никакого конкретного значения иметь не могут. Авторами категория эта была явственно создана лишь для отвода глаз, они хотели совершенно очевидно продемонстрировать свою благонамеренность перед Конвентом — и этим самым спасти, что можно.

Кроме документов IV категории, должны были быть уничтожены и документы, признанные бесполезными, так называемые «documents inutiles». На вопрос, что же это за документы, комиссия дала простой ответ: это те, которые не вошли ни в одну из предыдущих категорий. Чем руководствоваться при отграничении одних документов от других — на это не было дано никаких указаний.

Во всяком случае тем, что комиссия, во главе с Бодэном выработавшая декрет, настаивала на уничтожении лишь двух категорий документов: «documents purements féodaux» и «documents inutiles»,— этим самым она уже спасала большое количество других документов. Но кто будет производить разборку? Таков был первый вопрос, поставленный и решенный комиссией. Для этого основывается l'agence temporaire de triage, которая с этого момента играет во внутренней жизни архивов существенную роль.

Слово «le triage» означает выборку, отбор, производимый на основании того или иного критерия. В состав agence, или bureau de triage, входят 9 человек, которые должны быть как бы верховным судилищем над всеми документальными сокровищами Франции. Они должны разобраться в том, под какую серию подходят данные документы, которые из них надо отнести к documents féodaux или к documents inutiles, и поэтому уничтожить и т. д. Выбирает этих лиц Конвент. Но это еще не все: Камюс указал на то, что в провинции сохраняется масса

документов департаментских архивов, которые никогда в Париж не попадут. Надо вспомнить, что Франция составлялась медленно, постепенным включением провинций путем договоров или завоеваний. Собирание Франции хотя шло и не совсем так, как шло собирание Московского государства, но общие черты между тем и другим явлением безусловно есть; хронологически же они почти совпадают. Особенностью, характерной именно для Франции, является то обстоятельство, что во французских провинциях местные традиции были чрезвычайно крепки и прочны, они додержались до самой революции. Вот почему документы этих провинций, документы провинциальных архивов представляют огромный интерес и имеют большое значение не только для эпохи средневековья, но и для XVIII в. Без них, работая над местной историей, нельзя писать о средних веках, нельзя писать и о XIV—XVIII столетиях, документов общего значения для этого мало.

Вот на эти документы, хранящиеся в департаментских архивах, и обратили внимание авторы проекта. По их мнению, выборка, т. е. triage, должна быть произведена и в провинции, и там материалы должны быть разобраны и распределены по категориям, а для этого в каждый департамент следует послать особых préposés de triage из трех лиц. Триаж будет производиться по принципу, установленному в Париже для Национального архива.

Проект был внесен в Конвент 7 мессидора. Конвент в этот день был занят другими гнетущими злободневными вопросами, и в течение пятнадцати минут, при общем невнимании, декрет был принят. С этого момента — 7 мессидора (1794 г.) — начинается новая полоса истории архива, в которой много как светлых, так и темных сторон.

Закон 7 мессидора имеет не только историческое значение, он затрагивает теорию архивного дела и в течение долгого времени сохранял свое значение в этой области. Благодаря тому любовному отношению к законодательным традициям, которое всегда являлось характерным для Франции, даже революционной, многие черты этого закона сохранились до наших дней, причем дурные стороны его были постепенно обезврежены, а положительные — удержались.

К хорошим сторонам закона 7 мессидора следует прежде всего отнести проявившееся стремление объединить те архивы, которые в данный момент были разбросаны по всей Франции. Централизация в архивном деле, особенно в тот опасный момент, была в высшей степени полезна и благотворна. Другой светлой стороной этого закона является проведение принципа сообщения документов частным лицам. До того момента для частных лиц архивы были наглухо закрыты. Если и теперь, например,

в Отдел пропаганды Ватиканского архива можно проникнуть лишь в том случае, если даст на это разрешение Совет кардиналов,— а для этого нужно, чтобы Совет признал данного человека дужественным католицизму,—то в прежнее время, до революции, подобное явление, недоступность архивов, было обычным для всех хранилищ. Теперь с этой традицией решено было порвать. То, что было милостью, теперь стало правом каждого гражданина. Документы отныне должны сообщаться всем, если на то нет специального запрещения; архив должен быть открыт, по проекту Бодэна, 6 дней в течение декады, по декрету Конвента — 4 дня.

Все же гибельные последствия закона 7 мессидора сосредоточены в самом принципе triage'a, выборки. Установление этого принципа объясняется не только страхом Камюса и Бодэна перед Конвентом. Камюс, этот образованный юрист, но отнюдь не ученый и не историк, в данном случае не отдавал себе отчета в том, что делал, не понял всей гибельности принципа, который вводил. Принцип отбора документов — самый вандальский принцип, в архивном деле совершенно не допустимый. Всякий документ ценен прежде всего как отражение когда-то живой действительности; если архивист, получив из какого-нибудь ведомства ряд документов, станет распределять эти документы по разным папкам и одни из них будет уничтожать, а другие сохранять,— он совершает преступление, так как он разрушает фонд. Цельность фонда ни в коем случае нарушать нельзя; нельзя разъединять те бумаги, которые приняты были в одной папке, в одной связке, в одном картоне; мало того, нельзя разъединять и те папки, связки, картоны, которые вышли из одного ведомства. Вот от этого принципа отступили авторы декрета. Почему? Прежде всего, конечно, потому, что самое архивное дело лишь зарождалось и много в нем было неясного и неустойчивого. Но, кроме того, внося свое предложение относительно triage'a, Камюс имел за собой определенную традицию. Традиция эта шла с двух сторон: во-первых, от официальных казенных учреждений, а во-вторых, от великих эрудитов XVII столетия.

1. В каждом отдельном ведомстве происходил свой «триаж»; чиновник распределял документы по различным папкам, объединял их в те или иные группы, одним словом, распоряжался ими по своему усмотрению. Камюс это знал; но он не понял, что то, что имеет право делать чиновник по отношению к документу, он — архивист — делать не вправе, для него документы должны быть священными, ибо для будущего исследователя именно важно уловить, что чиновник ведомства считал в свое время целостным, неразъединимым делом. Камюс этого не понял — отсюда его пренебрежение к принципу целостности архивных фондов.

2. Другое течение шло от традиции великих эрудитов — бенедиктинцев конгрегации св. Мавра. Деятельность бенедиктинцев ценилась эрудитами XVII—XVIII вв. чрезвычайно высоко, ей всячески старались подражать. Вспомним, что Наполеон впоследствии носился с планом института «гражданских бенедиктинцев», нужных для архивной службы. В чем же заключалась эта деятельность? В издании документов. Но здесь следует сделать очень важную оговорку: бенедиктинцы издавали далеко не все документы, которые были в их распоряжении; они делали предварительно выборку — тоже своего рода triage,— издавали лишь то, что считали наиболее важным. И здесь, следовательно, Камюс находил тот же принцип. Но опять-таки не понял того, что дело бенедиктинцев было делом историков и издателей исторических материалов, а не архивистов. В этом сила историка: выбирая те материалы, которые могут ему пригодиться, он отметает те, которые ему не нужны, но, отметая, он их не бросает в огонь, не уничтожает, он ими лишь не пользуется. Архивист же, причисляя данный документ к разряду féodaux или inutiles, тем самым уничтожает его, т. е. делает нечто непоправимое.

Итак, принцип triage'а был внесен во французский архив и имел самые гибельные последствия. Правда, из documents féodaux погибло не так уже много, зато documents inutiles были уничтожены в большом количестве. Так как даже сам Камюс, не говоря уже о его помощниках, имел довольно смутное понятие о требованиях истории, то под видом бесполезных документов погибла масса ценного материала. Мы имеем примеры, указывающие на чудовищные размеры расхищения; так, через тридцать лет после революции, в эпоху царствования Людовика-Филиппа, драгоценнейшие материалы встречались в виде оберточной бумаги на рынках и покупались за гроши любителями,— это всплывали почему-либо не сожженные documents inutiles.

И все же мы должны быть благодарны Бодэну и Камюсу за то хорошее, что удалось им сделать для французского архива, а отчасти и для других архивов и, приняв во внимание ту атмосферу, в которой им приходилось работать, простить им указанные темные стороны их деятельности.

После закона 7 мессидора судьба французского архива оказалась на несколько лет обеспеченной. Через месяц после издания декрета пал Робеспьер, террор прекратился и архив мог развиваться в сравнительно спокойной обстановке. При Наполеоне положение снова изменилось: 8 февраля 1800 г., по предложению того же Камюса, издан был закон об отделении архива от Законодательного корпуса; отныне архив получает самостоятельное от законодательных учреждений бытие. Тут же Наполеон решил дать архиву и новое помещение; Камюс не дожил

до выполнения этого плана: он умер в 1804 г. Но Наполеон все же не оставил этой мысли и в 1808 г. велел отвести под архив, который уже с 1804 г. стал называться Имперским, дворец герцогов Субизов; главным архивистом был назначен Дону (Daunou). Наполеон хорошо относился к Дону, и это дало возможность этому последнему провести штаты, по которым у него, вместо прежних 4, оказалось 8 помощников. С 1809 г. Наполеон стал пристально интересоваться архивом. С этого момента вообще начинается новая полоса как в деятельности Наполеона, так, в зависимости от этого, и в жизни архивов. Наступает блестящая эпоха 1809—1812 гг., носящая в новейшей историографии наполеоновского царствования специфическое название «Le grand Empire». Все почти противники императора повержены; европейские народы или побеждены, или вовлечены в тесный союз,— весь континент у его ног. Уже с 1806 г. Наполеон любит называть себя императором Запада и мечтает о всемирной монархии. Но только с 1809 г., после нового разгрома Австрии, эта мысль крепнет. В атмосфере этого величия, безграничного самовластия, раболепства и безусловной покорности окружающих у него рождается и созревает грандиозный план — *образовать в Париже единый европейский архив,* заключающий в себе архивы всех покоренных наций. В этой концепции Имперский архив — только часть общеевропейского архива.

Мысль Наполеона о едином общеевропейском архиве тесно связана с его воззрениями на историю вообще. Чтобы показать, как понимал он историю и свою историческую роль, приведем пример; когда однажды цензор пропустил книгу, в которой встречались неодобрительные отзывы о Людовике XIV, Наполеон приказал сделать ему резкое замечание; когда же начальство цензора стало оправдываться, говоря, что Людовик жил за сто лет до того и принадлежал к другой династии, следовательно, императору не на что обижаться,— Наполеон заявил, что «он ответственен за всех, начиная с Хлодвига и кончая Комитетом общественного спасения». Наполеон — государственник до мозга костей, он не мыслит интереса жизни вне рамок государственности, а поэтому архивы, которые интересуют его, это архивы государственные. В этих архивах отразилась вся история государственного воздействия на индивидуум, поэтому они и дороги Наполеону. Его внимание устремляется не на историю Франции в эпоху Хлодвига, а на историю самого Хлодвига, на историю его, наполеоновых, предшественников по государственной власти, на историю самой этой государственной власти.

Мысль Наполеона не была уж так фантастична; при тогдашнем положении вещей она вполне могла возникнуть. Вспомним, что в эту эпоху Наполеон царствовал непосредственно или властвовал через посредство вассалов над Францией, Бельгией, Испа-

нией, Италией, Нидерландами, Западной Германией, Центральной Германией, Польшей, Рейнскими государствами, Гамбургом, Бременом и Любеком и отчасти над Балканским полуостровом, где владения его доходили до Новобазарного Санджака. Раз он мог повелевать Мадридом и Варшавой, Данцигом и Неаполем, Антверпеном и Иллирией, у него могла возникнуть мысль об «ответственности» не только за Хлодвига, но и за правителей тех держав, которые он завоевал. Не народ той или другой страны интересовал Наполеона, его интересовали прежде всего и почти исключительно правители, правительственная деятельность, а следовательно, и правительственные архивы. В 1810 г. объявил он свою волю, повелел вассальным королям, князьям, герцогам отправлять архивы в Париж. Даже к тому, кто формально от него не зависел, обратился он с тем же приказом,— и император Франц I Австрийский, трепетавший от одного звука голоса Наполеона, поторопился снарядить 30 тысяч повозок для отправки в Париж Венского архива. Было перевезено в Париж очень многое и из Ватиканского архива, и из германских архивов; кое-что успели перевезти из северной Италии. Только падение наполеоновской империи помешало осуществлению этого плана; тем не менее громадное количество материалов оказалось уже перевезенным.

Идея Наполеона чрезвычайно интересна: ни до, ни после него не была она так близка к осуществлению. Лишь Наполеон сумел дать своей мысли — о соединении всех европейских архивов — такое конкретное выражение. После него она отошла в область сказки и фантазий. Ученые разошлись в оценке этой стороны деятельности Наполеона: некоторые из них определенно считали, что план централизации архивов являлся безусловно полезным и даже якобы осуществимым.

Но так или иначе, с падением наполеоновской империи рухнул и этот грандиозный план. Парижский архив с этого момента вступает в новую фазу своего развития.

3

Для Парижского архива, с 1814 г. называвшегося «Королевским», *эпоха Реставрации* оказалась довольно бедственной в разных отношениях.

Во-первых, было произведено сокращение штатов, и это гибельно повлияло на бытие архива в течение пятнадцати лет реставрационной эпохи. Сокращение это не было случайным: при Бурбонах в придворных и бюрократических кругах носились с мыслью о полной, «интегральной» реставрации, возвращения к тому, что было до революции. На архивное дело в этих кругах смотрели неблагосклонно, им нисколько не интересовались.

Особенно враждебно относились к Национальному, с 1814 г. Королевскому архиву, справедливо считая его произведением революционной и наполеоновской эпохи. Далее: во время революции у многих дворянских семей отняты были их фамильные архивы. Эмигранты, вернувшиеся с Бурбонами, потребовали свои документы назад, и это им было с полной готовностью уступлено. Началось расхищение архивных сокровищ; пользуясь своим положением при дворе и среди аристократии, вернувшиеся во Францию эмигранты стали являться в архив в неурочное время, брали все документы, которые им казались нужными, делали всевозможные выборки, распоряжаясь материалами по своему усмотрению. Робкий старший архивист Delarue, сменивший в 1814 г. Дону в должности хранителя архива, не мог отстоять архива, и это весьма понятно: служащие архива находились в самом убогом положении, они были чем-то вроде служителей и жили какими-то жалкими подачками. Сам «хранитель» (т. е. директор) получал при Наполеоне 6 тыс. франков в год, и это считалось хорошим жалованием; его помощник получал 1500 франков, большинство же должно было удовлетворяться 600 франками в год, т. е. 50 франками в месяц, что составляет на наши деньги около 20 рублей. На это жалование должны они были существовать, на государственной службе многие из них при этом не числились и в любую минуту этой службы могли лишиться. Живя под такой угрозой, служащие архива боязливо относились к лицам сколько-нибудь сильным при дворе, могущественным в бюрократических сферах и пользующимся видным общественным положением; естественно, что отстоять архив, положить конец беспощадному расхищению они не могли. С другой стороны, и церковь потребовала свои документы, отобранные у нее во время революции. А в эпоху Реставрации, особенно при Карле X, сановники церкви распоряжались вполне невозбранно даже и в более высоких бюрократических учреждениях, чем Национальный архив.

Наконец, ведь уже с 1810 г. план Наполеона, касающийся централизации европейских архивов, как было сказано, стал приводиться в исполнение: несколько десятков тысяч повозок с документами с разных концов Европы устремились к Парижу. После освобождения Европы от наполеоновского владычества державы, естественно, потребовали отосланные в Париж документы обратно. При этом чужие правительства, вообще мало в те времена интересовавшиеся своими документами, смутно знали, что именно взял у них Наполеон, поэтому некоторые документы австрийские, итальянские и германские так и остались во французских архивах, но зато кое-какие французские исчезли.

С самого конца 20-х годов интерес к архиву несколько оживляется; с 30-х годов, после воцарения Людовика-Филиппа,

архивное дело попадает в более надежные руки, к тому же Дону, который был хранителем архива при Наполеоне,— с этого момента образованное общество как французское, так и вообще европейское начинает присматриваться к Национальному архиву, заметно им интересоваться. В связи с этим по образцу Национального архива начинают преобразовываться некоторые иностранные архивы.

Остановимся несколько подробнее на вопросе — *как смотрело в эти годы, в средине XIX в., на архив образованное общество;* при этом мы будем говорить не о специально ученых кругах, но о широких слоях образованного общества.

До этого момента общество как будто не имело времени определить своего отношения к архиву: в эпоху революции ему было не до того, при Реставрации также. Лишь в 30-х годах начинает это отношение более или менее выясняться.

Henri Bordier, долго служивший в 40-х и 50-х годах в архиве, в своем труде, названном мной в предисловии и вышедшем в 1855 г., дал сводку статистических данных о том, сколько было посещений архивов в разные годы. Он различает три категории требований, поступавших в архив: в первую категорию входят требования, поступающие от отдельных ведомств; во вторую — требования, поступающие от частных лиц, желающих получить документы (обычно судебного или нотариального характера) для снятия с них копий; в третью — чисто научные требования от исследователей, работающих в архиве. Выводы относительно посещений архива в 30-х годах были таковы: требований первой категории — от ведомств — поступало ежегодно около 70; второй — от частных лиц — около 250; третьей — чисто научного характера — от 15 до 30. Бросается в глаза чрезвычайно странное, как будто бы необъяснимое явление: главная масса требований исходила от частных лиц, которые обращались за справками по деловому поводу. Тут следует сделать оговорку: документы новейшие, наполеоновского времени и даже революционные, на руки выдавались в те времена не всегда. Спрашивается, для чего нужны частным лицам — не историкам — старинные документы, если они ими не пользуются для научных целей? Мы живем в условиях русской действительности, и потому такое явление нам кажется странным. Ведь русская жизнь мало устойчива в своих традициях, не консервативна, и документ поэтому вообще в ней скоро теряет свой злободневный характер, теряет, следовательно, и свое деловое значение. Во Франции же, где социальная жизнь, право, вся сеть юридических норм и все вообще гражданские взаимоотношения гораздо консервативнее, архив играет в качестве места наведения деловых справок роль более значительную, чем может играть любой наш общий архив. Поэтому-то в 30-х годах так много

требований поступало в архив от частных лиц по чисто деловым поводам.

Но тот *факт, что архив настолько редко посещался специалистами-историками,* требует несколько более подробного объяснения. Коренную причину этого явления надо искать в том общем уклоне, который замечается в исторической науке, в средине XIX столетия, в 30-х, 40-х, 50-х, 60-х и отчасти 70-х годах. В свое время толчок, данный Ранке и его школой во Франции и Германии, отразился в значительной степени и на интересе к архивам, но дальнейшая эволюция школы и идей Ранке и его единомышленников во Франции и отчасти в остальной Европе была такова, что на развитии архивного дела, культуры архива, каталогизации архива сказалась далеко не сразу. Историки ряда поколений середины XIX в. все больше склонялись как бы к мысли, что новую историю следует оставить пока в стороне и все внимание обратить на изучение средних веков; с необычайным рвением принялись они искать неизданных документов, касающихся средневековья, решительно пренебрегая новой историей. Мало того: Фюстель де Куланж, например, величайший из французских историков второй половины XIX в., написавший в 70—80-х годах знаменитое исследование «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France» и своим методом, своей манерой ставить и разрешать проблемы положительно предопределивший общий характер научных интересов ряда выдающихся французских историков на годы вперед — и этот ученый занялся, после некоторых как бы колебаний в начале своей научной карьеры, исключительно средними веками, в скудных материалах средневековья стараясь отыскать историческую истину. Материалов этих сравнительно так немного для самого раннего средневековья, например, иногда по несколько рукописей на столетие,— что в XIX веке они уже все оказались изданными, некоторые из них издавались даже многократно и одно издание оказывалось лучше и полнее другого. Понятно, что при таком положении вещей, при почти исключительном интересе к средним векам, обращаться в архив часто не имело цели — ученые сплошь и рядом могли вполне довольствоваться изданными источниками. Не занимаясь новой историей, большинство тогдашних авторитетных историков не могли преподать того метода, который способен был бы двинуть вперед архивное дело, не могли потому, что рабочая манера, уместная при изучении средних веков, оказывается сплошь и рядом неподходящей для исследования проблем новой истории и наоборот. Ученый, работающий над историей средневековья, имеет в своем распоряжении очень небольшой, часто прямо скудный материал. Каждый источник при таких условиях представляет ценность, каждое слово имеет значение, из одной стро-

ки порой приходится воссоздавать не только физиономию того монаха, который начертал тот или иной документ, но и природу описываемого факта. В совершенно ином положении находится в очень многих случаях историк, занимающийся новой эпохой. Здесь материала часто оказывается так много, что приходится делать выбор,— брать лишь то, что более важно для выяснения того или иного вопроса, и отметать все, что для данного исследования непосредственного интереса не представляет. Этим объясняется то обстоятельство, что только новые историки ощущают такую гнетущую нужду в каталогизации архивного материала, так часто принуждены прибегать к помощи знатока-архивиста. Этим отклонением в сторону изучения средних веков отчасти объясняется, таким образом, то обстоятельство, что долго не было такого толчка со стороны исследователей, который заставил бы приступить к созданию правильной каталогизации. Отсюда становится ясным, почему Национальный архив так редко в эту, да и позднейшую эпоху, посещался учеными, на что и указывают нам вышеприведенные данные. В то самое время, когда блистал Фюстель де Куланж и средние века чуть ли не казались поколениям историков, выходивших из Сорбонны и из École des Chartes, единственной областью, достойной научной обработки, когда изучение новой истории многими университетами Франции считалось преждевременным, уже стали обнаруживаться те признаки, по которым можно было предсказать, что новые историки вскоре обратятся к архиву с усиленными запросами. Пионером в этом отношении стал сначала Токвиль, долго работавший в архиве над своим исследованием «L'ancien régime et la révolution», а за ним Ипполит Тэн, имевший в смысле влияния на многих французских историков в области новой истории значение не меньшее, чем в области средних веков имел Фюстель де Куланж. По силе, глубине и добросовестности анализа, научной проницательности, суровости запросов, предъявленных к документу, тонкости и разносторонности в исследовании — этих двух ученых, конечно, даже и сравнивать нельзя: Фюстель де Куланж бесконечно выше Тэна, и самое сопоставление могло бы казаться неуместным, но общее влияние Тэна на французское образованное общество оказалось по разным причинам сильнее и заметнее. Гюстав Лансон справедливо учитывает размеры и глубину этого влияния, когда называет Тэна «одним из умственных руководителей поколений, живших между 1860 и 1890 гг.». Почти одновременно с «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France» Фюстель де Куланжа стала выходить и многотомная книга Тэна, озаглавленная «Les origines de la France contemporaine». Эта книга читалась нарасхват и имела огромное влияние на умы читающего общества.

Тэн пошел в архив с обширными планами, провел там многие годы; он понял, что нельзя писать историю французской революции, не имея в руках архивных документов, и в этом он был глубоко прав,— можно было думать, что он стремился исправить ошибку Луи Блана, написавшего историю революции, не выезжая из Лондона, где он находился в эмиграции, и ни разу не посетив парижского великого хранилища. Но и для Тэна архив был не тем, чем он должен был быть; причину этого надо искать в методе, которым пользовался в своих работах Тэн, в его манере подходить к материалу. В Национальный архив Тэн пришел со своей готовой схемой, с этой же схемой он и ушел из архива; он искал не фактов, которые бы его учили, но лишь иллюстрации к своей готовой схеме,— а эта манера представляет собою наихудший вид фальсификации науки. Его метод обращения с архивным материалом был шаг за шагом прослежен одиннадцать лет тому назад другим видным историком — Оларом. Олар на эту работу критической проверки потратил много упорного труда: он перебрал те документы, которыми пользовался Тэн, рассмотрел много картонов, которые были у Тэна в руках; это дало ему возможность наглядно выяснить манеру Тэна, охарактеризовать его метод. Тэн брал картоны, наполненные доверху документами, касающимися революции, и производил тщательнейшую выборку, останавливаясь лишь на тех материалах, которые могли быть нужными для оживления и иллюстрации наперед выработанной схемы; все, что с этой точки зрения не подходило, не укладывалось в схеме или противоречило ей, оставалось в стороне и во внимание нисколько не принималось. Архив в этом случае играл лишь вполне подчиненную роль. Понятно, что приохотить ученых к работе в Национальном архиве Тэну не удалось, он этого сделать не сумел, да это его нисколько и не интересовало; историческая наука выиграла вообще очень мало, несмотря на весь литературный и общественный успех этой книги.

Итак, ученые этой эпохи, прославившей столь по существу неравноценные имена Фюстель де Куланжа и Тэна, занимались ли они средними веками или новой историей,— и в том и в другом случае архивом или не пользовались вовсе, или мало и методологически неудовлетворительно им пользовались: в одном случае архив им был не нужен, в другом они, поскольку подчинялись влиянию Тэна и его школы, часто неправильно к нему подходили.

Были, конечно, и отдельные блестящие исключения, но, в сущности, лишь в 80-х годах XIX столетия Национальный архив занял окончательно то место в общей экономии научной работы, которое ему по праву принадлежит. Олар, занявший тогда ка-

федру в Сорбонне, и школа молодых историков, сгруппировавшаяся вокруг него, много этому способствовали.

Как при этой научной атмосфере жил архив? Развиваться особенно быстро, конечно, не мог; мы уже видели, что не было в середине XIX в. тех побудительных толчков со стороны представителей науки, которые бы заставили служащих архива много думать о каталогизации. Но некоторый прогресс все же стал обнаруживаться. Этот прогресс раньше всего и больше всего обнаружился в отношении к так называемым *архивам департаментским.* Для них 30-е и 40-е годы оказались чрезвычайно важными: в то время как Национальный архив развивался сравнительно слабо, департаментские архивы становились на правильный путь и начинали жить полной жизнью.

В департаментские архивы вошли все провинциальные архивы, сосредоточенные в главных городах; с 1800 г. они были отнесены к префектурам, где их разместили по темным комнатам и чердакам,— в таком состоянии пробыли они там до 1838 г. Точного подсчета разнообразным французским провинциальным архивам произведено не было, по одним данным, их было около 5700, по другим — более 10 тысяч. Имеются сведения, что существовало очень много, несколько тысяч отдельных складов. Трудно было ждать, чтобы документы сохранились в эпоху революции вполне благополучно, уж потому, что закон 7 мессидора коснулся и их. По этому закону в каждый департамент было послано три лица, которые должны были сделать выборку материала — le triage — и предать сожжению вредные или бесполезные документы. Интересно было бы установить (но теперь это уже невозможно), что успели они сделать, много ли документов было ими уничтожено. Старые поколения архивистов, судившие по воспоминаниям, склонны были думать, что пострадало лишь очень небольшое количество, но на самом деле это едва ли так: за 1789, 1790, 1791, 1792 и 1793 гг. в большинстве департаментских архивов были произведены торжественные аутодафе; сохранились даже описания этих церемоний: костер устраивался обычно в праздничный день, собиралась масса публики, на тележках привозили документы, причем особенно ценились документы, писанные на пергаменте: «пергамент веселее горит»,— замечали зрители. Даже описей сожженных документов не осталось; погибло, вероятно, много драгоценного материала. В 1793 г., кроме того, был издан декрет о снабжении артиллерийского ведомства старой бумагой и пергаментами из архивов (бумажная масса понадобилась при производстве снарядов). Этот декрет опустошил многие провинциальные архивы. Наполеон решил было собрать воедино рассеянные по Франции архивы, но с его падением мысль эта была оставлена, о провинциальных архивах забыли. Так просуществовали они до 1838 г.,

когда благодаря Гизо архивы попали в значительно лучшее положение.

Гизо, вообще очень много сделавший для споспешествования изучению истории Франции, так сумел повлиять на министра внутренних дел Дюшателя, что этот последний приказал составить новые штаты, отвести для архивов специальные помещения в префектурах и назначить архивариусу и его помощникам жалованье. Это скромное дело сохранило архивы.

В 1841 г. тот же Гизо, ставший руководящим министром, разослал по всем департаментам циркуляр, в котором требовал определенной классификации архивов. Здесь уже проводится не принцип выборки, а принцип ненарушимости и неприкосновенности архивного фонда.

Но лишь с 1884 г., когда все департаментские архивы были переданы в министерство народного просвещения (с Национальным архивом это случилось уже в 1871 г.), архивное дело было окончательно централизовано. Была образована комиссия (Commission supérieure des Archives), устройство которой сохранилось до наших дней. В комиссию входят 14 человек, назначаемые министром народного просвещения; из своего состава она выделяет трех лиц в особое бюро, которое стоит во главе управления всем архивным делом во Франции и имеет еженедельный доклад у министра; далее следуют инспекторы архивов, подчиненные этому бюро,— их три человека, которые находятся в постоянных разъездах, так как на них лежит обязанность производить ревизию провинциальных архивов и осуществлять фактически надзор и контроль. Национальный архив включен тоже в ведение этой Commission supérieure des Archives, куда директор Национального архива входит ex officio.

В 1887 г. были вотированы новые штаты, давшие возможность привлечь к делу серьезных, хорошо подготовленных людей; в Национальный архив и в департаментские архивы стали теперь поступать исключительно лица, получившие специальное образование в знаменитой Ecole des Chartes, первой в мире, по своим качествам, школе архивного дела. Дело архива стало окончательно на твердую почву.

Национальный архив с времен Наполеона не переставал возрастать вследствие распоряжения императора, оставшегося в силе до настоящего времени,— согласно которому министерства сдают периодически в архив все бумаги, за давностью лет ставшие ненужными. Нужно заметить, что это распоряжение исполнялось и исполняется далеко не так строго. Министерствам скорее рекомендуется, чем предписывается сдавать ненужные бумаги в архив. Этому распоряжению не было придано характера категорического приказа, и это не было простой случайностью, но объясняется тем, что и Наполеон и следующие за

ним правительства не хотели стеснять своих министров. Министра никто не должен неволить — таков был принцип,— и только в том случае документ поступает в архив, если на то дал свое разрешение министр. Постановление это не всегда исполнялось и исполняется; так, министерства военное и морское почти ничего в архив не сдавали и не сдают; министерство иностранных дел иногда сдавало, иногда нет. Другие министерства были аккуратнее. На практике при этом установилось правило, по которому в архив сдаются лишь те документы, коим от роду не менее 50 лет.

4

Говоря *о внутреннем быте Национального архива*, мы отметим лишь самое существенное, но именно в архивном деле представляется чрезвычайно трудным отграничить существенное от несущественного, так как каждая мелочь здесь часто имеет большое значение.

Быт архива строился на основании инструкции, изданной еще при Наполеоне, с позднейшими наслоениями и изменениями сохранившей свою силу почти до 1887 г. С 1887 г. Национальный архив управляется на основании декрета президента республики от 14 мая 1887 г., дополненного «распоряжением» министра народного просвещения от 16 мая того же года. Во главе архива стоит директор, прежде «хранитель» (le garde général) архива, в наполеоновские времена назначаемый императором, ныне же — президентом республики по докладу министра народного просвещения. Вначале директор сам выбирал себе помощников, но потом порядок этот несколько изменился. Случилось это потому, что еще Дону, сжалившись над бедствовавшим М.-Ж. Шенье, устроил его на службу в архив; Наполеону, между тем, М.-Ж. Шенье казался подозрительным в смысле политической благонадежности, и хотя никто в данном случае не пострадал, но с этого момента император сам стал назначать архивариусов по представлению министра внутренних дел (в то время архив находился в ведении министерства внутренних дел и лишь позднее, в 1871 г., был отнесен к министерству народного просвещения). Обычай этот сохранился и в дальнейшем; в эпоху Реставрации, правда, положение архивариусов ухудшалось, они большею частью были на положении вольнонаемных служащих, но при Людовике-Филиппе опять восстановился прежний порядок; в настоящее время приказы о назначениях публикуются в «Journal officiel» за подписью министра. Обстоятельство это является чрезвычайно важным, так как оно делает положение служащих в архиве более прочным и устойчивым: человек считается на государственной службе,

отставить его от этой службы не может даже директор: для этого требуется специальное постановление дисциплинарной комиссии министерства народного просвещения. В архив теперь стали определять лиц, не только окончивших университет, но и прошедших затем суровую школу — Ecole des Chartes. На первых порах их отправляют обыкновенно в департаментские архивы, а затем наиболее способные и отличившиеся переходят в Национальный архив.

Жалованье, даваемое архивным служащим, как увидим дальше, невелико; по сравнению с другими окладами жалованье это, быть может, не так плохо, но все же его надо признать очень скромным. Зато должность стала устойчивее, и архивариус является теперь лицом фактически почти несменяемым.

Редкая служба так нуждается в квалифицированных работниках, как служба архивная; это нам станет понятным, если мы познакомимся с тем, *как проходит рабочий день архивиста.*

Архив делится в административно-научном отношении на секции. При Наполеоне их было пять, по декрету 14 мая 1887 г. их всего четыре:

I секция — историческая,
II » — законодательная и судебная,
III » — домaниальная и административная,
IV » — секретариат.

С этим основным делением идет параллельно другое деление — по сериям. Серии обозначаются буквами: картоны одной буквой A, B, C, D...; регистры двумя — AA, BB...; так как букв не хватает для всех серий и подразделений отдельных серий, то вводятся также обозначения A^1, A^2, A^3... Итак, разделение по секциям скрещивается с разделением по сериям таким образом, что в каждую секцию входят серии, отмеченные определенными буквами. Так, в историческую секцию входят серии J, JJ, K, KK, L, LL, M, MM; в судебную и законодательную секцию — A, B, BB, C, CC, D, U, V, W, X, Y, Z, ZZ; в административную — E, F, G, H, N, O, P, Q, R, S, T, TT; в секцию секретариата — AB, AC, AD, AE, AF, AG, AH. Самые богатые секции — историческая и административная. В министерство Альфреда Рамбо был издан 23 февраля 1897 г. декрет, изменивший это деление: в первую секцию вошли документы, относящиеся к эпохе после 1790 г.; во вторую — архивы судебных и административных учреждений старого режима (до 1790 г.); в третью — вся прежняя «историческая секция», наиболее древние фонды; наконец, секретариату Национального архива была придана новая функция: надзор за службой во всех департаментских и общинных архивах.— Но это изменение мало отразилось на внутреннем распорядке архива. Серии остались без перемен. Разделения эти довольно искусственны, ибо в архиве по существу очень редко

бывает возможно деление строго логическое. Классифицировать архивный материал вполне точно по внутренним признакам нельзя, и если бы архивариус попытался предпринять такого рода классификацию, он внес бы полную путаницу в архив и не достиг бы никаких положительных результатов. Надуманная классификация, как бы она ни была стройна и логична, никуда не годится для историка, которому нужен материал во всей его целостности, в том неприкосновенном виде, в каком фонд поступает из министерств. Дело архивариуса — регистрировать документы. Так, если в архив поступают связки (liasses) документов, он их разъединять не должен, его обязанность — написать, к каким годам относится данная пачка документов, из какого министерства получена, какие вопросы в этих документах затронуты. Затем связка должна быть отложена, никакой классификации, никаких произвольных образований новых, отдельных связок производить не следует.

Архивариусу не легко справиться с обязанностями, возложенными на него. Уменье разбираться в получаемой массе материалов, улавливать, при беглом просмотре, суть дела, вкратце излагать содержание документа — это уменье дается лишь долгим опытом, долгой службой в архиве. А просмотр обстоятельный, детальный — совершенно немыслим: ведь в каждой связке многие десятки, иногда больше сотни документов, связок же поступает ежегодно из министерств по много тысяч. Лишь от постоянного обращения с документами получаются те навыки, которые необходимы для архивариуса, дают ему возможность выдавать ценные справки. Ни из одного каталога не почерпнет ученый тех сведений, которые может ему сообщить архивариус, много лет прослуживший в данной секции и хорошо знакомый с тем материалом, который вверен ему. Вот почему во французские архивы берут людей с большим выбором, но раз уж человек попал в архив и оказался пригодным, он получает прочное положение, делает там свою карьеру, постепенно достигает высших должностей. Постоянным штатом Национальный архив чрезвычайно дорожит.

Итак, архив делится на четыре секции, считая с секретариатом; во главе каждой секции стоит начальник (le chef de la section). В руках этого начальника соединяются несколько серий. Ближайшие заботы об этих сериях начальником передаются ряду подчиненных ему лиц — архивистам, которые ведают определенными сериями данной секции, они являются ответственными перед начальником своей секции и обязаны давать ему подробный отчет в своих действиях.

Главная задача, возложенная на весь личный состав архива,— это приведение в порядок и сохранение документов, как уже имеющихся, так и притекающих из министерств,

каталогизация их, пополнение и исправление уже имеющихся каталогов, наконец, выискивание документов, требуемых работающими в архиве исследователями. Первая задача особенно нелегка. Несколько раз в год присылают министерства свои бумаги в огромном количестве; с этими бумагами следует ознакомиться, причем нужно одновременно и спешить, и быть внимательным и зорким,— и в этом вся трудность. Документов так много, что представляется совершенно невозможным подолгу останавливаться на каждом из них — приходится ограничиваться лишь беглым просмотром. Но, бегло просматривая документ, нужно быть в то же время настолько внимательным, чтобы суметь сразу уловить суть того дела, о котором говорит документ, понять и изложить на карточке главную мысль. Это чрезвычайно важная и деликатная миссия, так как здесь не может быть речи о подробной описи; в нескольких кратких и точных словах нужно изложить самую суть. Когда, таким образом, выяснено содержание связки или всего картона, нужно поместить соответствующую заметку о связке или картоне, во-первых, в текущем инвентаре архива, а во-вторых, на отдельной карточке. По тому, что написано на карточке, в каких словах изложено краткое содержание группы документов, можно сразу сказать, справляется ли со своей миссией данный архивариус, или нет. Если он не сумел уловить главную мысль, а остановился на том, что несущественно, карточка окажется бесполезной для ученого, по ней он, а точнее, тот архивист, который будет производить потом поиски, не сможет составить себе представления о том, что содержится в данной связке или картоне, а потому ученый и не воспользуется этой связкой или картоном: навеки, быть может, утеряет, таким образом, для науки значение целая группа документов, которых в картоне бывает по несколько десятков.

Теперь вполне должно быть понятно, как важно то, чтобы документами, поступающими в архив, заведовали опытные, знающие люди; наиболее правильно было бы поставлено дело в том случае, если бы эти документы поступали непосредственно в руки начальника секции, но, к сожалению, начальник слишком занят другими делами, и составление карточек иногда поручается второстепенным служащим, хотя стараются все же не поручать этого дела лицам, лишь недавно вступившим в архив.

В Национальном архиве имеется около 350 тысяч отдельных картонов и регистров, и ежегодно из министерств поступают еще тысячи новых дел. Регистрами называются переплетенные тома, содержащие группу тех или иных документов; картоны — это те помещения, куда вкладываются документы не переплетенные, а лишь связанные в связки (liasses). При таком количестве хранящихся и вновь поступающих документов дела в

архиве всегда очень много; если мы к тому же примем во внимание, что даже в лучшие времена штаты не превышали 40—45 человек вместе с низшими служащими и чиновниками канцелярии, мы поймем, как трудно справиться со своей работой каждому в отдельности архивному служащему. Почти все зависит от личного таланта архивариуса, его чуткости, его уменья отличать важное от неважного, от его служебного опыта. Нельзя поэтому без гнетущей нужды перемещать служащего из одной секции в другую: большую роль здесь играет привычка, и опыт должен создаваться на основании продолжительной работы при одних и тех же условиях, в одной и той же секции.

Трудность дела классификации и упорядочения архивного материала усугубляется еще целым рядом иных условий. Прежде всего необходимо считаться с тем, что за последние 40 лет, с 80-х и 90-х годов, архивы посещаются такой огромной массой исследователей, как никогда раньше. Мало-помалу архив стал обязательным для всякого историка, изучающего как конец средних веков, так и в особенности новую историю; даже кандидатские работы воспитанников Сорбонны часто пишутся теперь на основании архивных данных, не говоря уже о работах питомцев Ecole des Chartes. Понятно, что «salle de travail» в Парижском архиве всегда переполнена. Под архив этот, как мы уже знаем, Наполеон отвел один из лучших дворцов — великолепный дворец герцогов Субизов; внутренние помещения его представляют нечно величественное, изумительное по красоте и тонкости отделки, но зал, предоставленный публике, выбран очень неудачно — самая убогая и темная часть дворца.

Остановимся на вопросе, *как добывают нужные документы те, которые приходят работать в архив.*

Познакомимся с этим довольно длительным для новичка процессом на конкретном примере. Предположим, что вас интересуют отношения между Россией и Францией в определенный момент в начале XIX столетия и для этого вы должны обратиться к архивному материалу. Для этого прежде всего надо добыть разрешение от директора архива: если вы иностранец, вы обязаны представить рекомендацию посольства, если нет, то достаточно представить личную рекомендацию или печатный труд, если у вас таковой имеется. Разрешение получено; для вас тогда заводится специальный «бюллетень», своего рода послужной список, где отмечается точно — кто вы, кем рекомендованы, когда получили разрешение посещать архив. Этот бюллетень заводится лишь один раз навсегда: вы можете десять лет не быть в архиве,— явившись на одиннадцатый год, вы получите в «bureau des renseignements» ваш старый бюллетень. С течением времени к нему подшиваются лишь новые листы для дальнейших записей. Эти бюллетени, никогда не покидающие

стен Национального архива, имеют, иной раз, большой биографический интерес. Только обзаведшись бюллетенем, отправляетесь вы в зал для публики (salle de travail). По стенам расставлены инвентари и каталоги, как специальные, так и суммарные, очень общего характера (Etat sommaire 1891 г. и др.); в них находите вы одну строчку 1800—1814 и далее цифры AF 1640—1690 (для примера). Эти цифры указывают, что документы, которые могут вас интересовать, содержатся в 50 картонах серии AF. Больше никаких указаний вам не дается. Правда, для некоторых серий существуют карточные каталоги, но они никому на руки не выдаются и остаются в самых недрах архива. Печатные же, специальные, более подробные каталоги существуют лишь для очень немногих серий. Вы отправляетесь тогда обратно в bureau des renseignements, берете хранящийся там бюллетень (бюллетень на дом не выдается, унести его из Национального архива вы не можете) и пишете «demande», т. е. вкратце сообщаете интересующую вас тему — отношения между Францией и Россией в такую-то эпоху. Тут же вы помещаете лаконическое указание, которое нашли в инвентаре, и просите детальных сведений. Когда вы затем на 2-й или 3-й день снова заходите в архив, то на бюллетене читаете ответ на ваше требование. Какой же путь прошел за это время бюллетень? В тот же день, когда вы написали требование, бюллетень отправляется к директору архива, который решает, можно ли вам выдать требуемую серию или нет; если в этой серии ничего запретного не имеется, он дает свое разрешение, и бюллетень с его подписью отправляется к начальнику соответствующей секции. Тот, пользуясь карточным каталогом, с помощью кого-либо из подчиненных ему архивистов выискивает нужные вам материалы и делает в вашем бюллетене соответствующую заметку, т. е. он пишет: в таком-то картоне находятся такие-то документы,— затем идет обозначение серии, например: AF, 1645 и ряд еще других номеров. Не выходя из «bureau», вы записываете на отдельном листке помеченные номера, возвращаете бюллетень и идете в зал для публики. Там на особом бланке, разделенном на три части, вы пишете свое имя, фамилию, звание и номер указанного вам нужного картона; если вам при этом нужны 6 картонов, то вы заполняете 6 бланков. Бланки вы вручаете так называемому président de la salle, председательствующему в зале архивисту, который находится тут же неотлучно и внимательно следит за работающими. Некоторые ученые жалуются на то, что их этот бдительный надзор очень стесняет, что неприятно чувствовать себя все время под подозрением. Но надо признать, что дело поставлено правильно, нельзя не следить за теми, кто держит в своих руках документ,— ведь архивная кража есть нечто непоправимое, а между тем многие документы не

переплетены в регистры и лежат в картонах в виде отдельных разрозненных бумаг; такие бумаги украсть не трудно, их и крадут, правда, нечасто, несмотря на установленный как в зале, так и при выходе из архива бдительный надзор. Между тем «председательствующий в зале» берет ваш бланк и посылает его с одним из служащих в недра архива. Там достают требуемый картон и отсылают его вам в залу; на место же, откуда его взяли, кладут бланк, где написано ваше имя, фамилия, звание и адрес. На руки вам выдают одновременно только один картон, во избежание того, чтобы вы не перепутали содержащихся в нем бумаг и не вложили бы бумагу не в тот картон, откуда ее взяли. Если же вы просите регистры, то можете получить одновременно 2—3 регистра, так как документы здесь уже не разрознены, а переплетены в большие тома и перепутать их нельзя. Когда документы вам больше не нужны, вы обязаны аккуратно сложить их,— если вы брали картон, то документы следует связать абсолютно в том же порядке, в каком они были выданы,— и служитель уносит картон. Картон или регистр ставятся на место, бланк, оставленный вместо выданного картона или регистра, уничтожается. В случае, если материалы будут вам нужны и на следующий день,— вы пишете об этом заявление и картон оставляется для вас в отдельной комнате, рядом с залой. Таковы порядки, царящие не только в Национальном архиве, но и в департаментских. По образцу французских архивов стали строиться внутренние распорядки и в других государственных хранилищах. Французские архивы повлияли отчасти на архивы голландские, датские, германские, австрийские и другие. Есть немало черт, позаимствованных у Национального архива также лондонским Record Office'ом, учреждением более молодым, чем парижское хранилище.

В заключение коснемся одного очень сложного, больного вопроса, касающегося как французского архива, так и всех других больших хранилищ. *Как быть с инвентарями и каталогами,* выдавать ли их публике и как их составлять? Часто от историков приходится слышать жалобы на то, что у них на руках нет подробного каталога, и это их ставит в полную зависимость от архивариуса. Правда, архивариус — человек хорошо подготовленный, знаток своего дела, но все же для историка сознание своей полной беспомощности бывает чрезвычайно неприятным. Не раз подымались голоса за то, чтобы в возможно более широких размерах предоставлять публике каталоги, особенно настаивал на этом в последнее время Олар, но от мысли этой пришлось отказаться, в настоящий момент по крайней мере. Нужны непомерные средства для того, чтобы перепечатать такое огромное количество карточек, но и этого мало: почти каждые пять месяцев всю эту трудную, сопряженную с такими издержками

работу приходилось бы для многих серий делать сначала, так как все время поступают в архив новые документы и очень скоро издание оказалось бы устаревшим. Серии, куда уже не поступают присылаемые из министерств архивные фонды, называются «закрытыми»; другие, куда эти фонды продолжают поступать, называются «открытыми» (les séries ouvertes). Каталоги для открытых серий в печатном виде устарели бы, естественно, с чрезвычайной быстротой.

Остановимся еще на одном вопросе, находящемся в тесной связи с предыдущим; дело в том, что не для всех серий существуют даже и в недрах архива карточные каталоги. Это значит, что ни один из архивных служащих, не исключая и старших архивариусов и самого директора архива, *не знает* в полном объеме всего материала, хранящегося в архиве, а следовательно, большое количество документов исключается надолго, быть может, навеки из поля зрения исторической науки. Французские архивариусы объясняют это ненормальное положение вещей тем, что в их распоряжении не было достаточно средств, с одной стороны, с другой же — слишком мал был всегда личный состав.

Все это, быть может, и будет сделано в далеком будущем; для этого нужно увеличить штаты и дать необходимые средства. Нынешние штаты установлены декретом президента республики от 14 мая 1887 г., которым вообще регулируется в настоящее время внутренняя жизнь архива; этот декрет был 16 мая того же года дополнен распоряжением министра народного просвещения (в ведомство которого Национальный архив перешел из министерства внутренних дел еще в 1871 г.). Декрет 23 февраля 1897 г. почти не изменил положения вещей в этом отношении.

Согласно декрету директор архива назначается и увольняется президентом республики; ему вверяется архив и все управление этим учреждением; он получает 15 тысяч франков в год. Во главе каждой из четырех секций архива стоит начальник ее (стоящий во главе секции секретариата называется секретарем); у каждого начальника есть помощник. Начальник секции получает от 8 до 9 тысяч франков в год, помощники — от 6 до 7 тысяч. Кроме помощника, у начальника каждой секции имеется в распоряжении по несколько архивистов (больше всего в секциях административной и исторической). В общей сложности по декрету 1887 г. их должно быть на весь архив 17 человек; но теперь их число доходит до 22. Архивисты в отношении получаемого ими содержания делятся на шесть категорий (classes), причем начинают службу в 6-й категории (2500 франков в год) и постепенно подвигаются к 1-й категории, проходя последовательно через 5-ю (3000 франков), 4-ю (3500 франков), 3-ю (4000 франков), 2-ю (4500 франков); архивисты первой категории получают 5 тысяч франков. Определить на службу в архив возможно

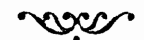
только лиц, имеющих звание архивиста-палеографа, т. е., другими словами, окончивших, кроме университета, еще курс Ecole des Chartes и получивших соответствующий диплом. Кроме архивистов, в архиве есть еще штат чиновников и служителей (по секретариату, казначейской части и т. п.). Их в архиве в общем около 20 человек. Особым пунктом декрета всем служащим в архиве воспрещается занимать какую-либо иную должность, хотя бы в часы вне занятий в архиве; нельзя также без каких-либо исключительных поводов переводить архивиста из низшей категории в высшую, пока он не пробудет в этой низшей категории не менее трех лет. Таким образом, архивист может добраться до 1-й категории лишь после 12 лет службы. Дисциплина — сурова. Архивист, не являвшийся по болезни на службу более трех дней, подвергается освидетельствованию на дому через врача, присылаемого администрацией (согласно распоряжению министра от 16 мая 1887 г.).

Вообще говоря, служба в архиве довольно тяжела, рабочий день от 11 до 4 часов, для некоторых служащих от 10 до 5 часов, и за это время нельзя отлучиться даже на четверть часа без разрешения начальства, причем записывается минута прихода на службу и минута ухода. 5—7 часов, которые длится рабочий день, в самом деле заняты целиком, без перерывов, тяжелой, хлопотливой и ответственной работой. Перед войной 1914 г. заходила речь о повышении окладов, но, кажется, дело осталось без особых изменений. Следует прибавить, что служба в Национальном архиве считается в высшей степени почетной, и должность архивистов занимают сплошь и рядом люди с именем в науке (в настоящее время достаточно назвать Шарля Шмидта, не говоря уже о директоре — Шарле Ланглуа).

Заканчиваем наши беседы пожеланием, чтобы все хорошее, что выработал Национальный архив, перешло и к нам, было воспринято молодыми поколениями русских архивных деятелей. На них, нужно помнить, возлагается одна из наиболее важных для национальной культуры миссий: им вверяется охрана памяти судеб нашего отечества.

1920 г.

Комментарии

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЕВСТВА ИТАЛИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ НАПОЛЕОНА I

Введение

[1] Ср., например, след.: ...on n'a pas fait entrer dans l'état des importations et des exportations la portion qui regarde les départements Vénitiens. Ils sont commencé à faire partie du Royaume au mois de May du 1806 et *par conséquent* on manque des éléments pour en comparer le montant avec les années précédentes. D'ailleurs la guerre maritime et l'activité des corsaires russes et anglais ont interrompu le commerce de Venise et du littoral etc. (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 234 (1807). *Stato delle Importazioni...*).

[2] *Correspondance*, t. XII, стр. 121. Наполеон — Евгению. Paris, 25 février 1806: Mon fils ... je ne connais rien à l'administration de mon royaume d'Italie; si vous ne m'en instruisez pas davantage, je correspondrai avec mes ministres par un secrétaire d'état...

[3] Там же: Enfin, je n'ai rien dans les mains et je connais moins les affaires de mon royaume d'Italie que celles d'Angleterre.

[4] Там же, стр. 130—131. Paris, 27 février 1806: L'art consiste à faire travailler plus encore qu' à se fatiguer beaucoup...

[5] Миланск. гос. арх. *Commercio*, связка № 1 (1802). Начальник III отд.— министру внутренних дел: Sebbene queste tabelle non siano portate alla esatezza numerica, mi supongo che possano bastare al fine che vi siete proposto di avere, cioè un'idea almeno in massa delle richezze dello stato ... Но министр знает, что нужно считаться с трудностями: Ma voi pure conoscete le molteplici e rimarchevoli difficoltà che s'incontrano nell raccolgliere dai dipartimenti le notizie necessarie.

[6] Там же. Venise, janvier 1807: M. Bessières, consul général de France vient de m'engager ... à vous communiquer... quelqu'imparfaits et stériles que puissent être les renseignements désirés.

[7] Там же. № 184. *Lanifici. Dipartimento del Tagliamento, stato delle manifatture di lana* (1806—1811 гг.): ...Operai impiegati nelle fabbriche suddette tanto nel'interno di esse, come fuori per conto delle medesime...

[8] Там же. № 138. *Stato delle manifatture... di Passariano* (1812 г.) Osservazioni: Nel numero degli operai impiegati nei stabilimenti di filatura non si sono indicati se non che vi lavorano; il numero poi delle donne che nelle loro case rispettive filano i lini, i canapi e i cotoni per conto dei fabbricatori è molto più considerabile, ma non si potrebbe indicarlo con precisione. Si può dire però con sicurezza che quasi tutte le donne della campagna atte al lavoro si occupano interpolatamente a filare o per conto proprio, o per conto dei rispettivi fabbricatori.

Глава I

[1] Миланск. муницип. арх. Materie № 284. *Contribuzioni militari.* Прокламация 19 мая 1796 г. (о наложении контрибуции в 20 миллионов): ...cette contribution qui d'abord doit être repartie entre les provinces d'après les proportions sur lesquelles étaient levées les impositions que la Lombardie payait au tyran de l'Autriche, doit individuellement frapper sur les riches, les gens véritablement aisés, sur les corps ecclésiastiques, ceux qui trop longtemps se sont cru privilégiés et avaient su s'affranchir de tout impôt; c'est que la classe indigente doit être ménagée (30 floréal, an IV. Подписано: Bonaparte).

[2] *Memorie-documenti*, t. I, стр. 372—373 (Melzi). Fatto in Milano li 8 Termidoro anno VI della Republica: ... gli ufficiali municipali e *venti dei più ricchi* particolari della Comunità stessa saranno mesi in istato di arrestazione e mandati in Francia...

[3] Миланск. муницип. арх. Materie № 284. *Contribuzioni militari III*, 1790—1796. A Milan, le 2 messidor an IV (Liberté, Egalité): ... a préféré prendre pour base de la taxation autant le cadastre que la commune renommée, à ce moyen qui offre le moins d'abus et d'inconvénients... Любопытен и метод действий по исполнению декрета: il sera formé par toutes les communes de la Lombardie un rôle des citoyens riches et aisés de leur arrondissement... conformément à ce rôle il sera envoyé un billet d'avertissement à chaque citoyen... les contribuables qui n'auront pas satisfait... y seront condamnés militairement.

Имущество менее 25 тысяч ливров освобождалось от этой контрибуции.

[4] Нац. арх. AF. III. 198. *Tableau général de la recette et de l'emploi des sommes provenantes des contributions, mises sur les provinces du Piémont et celles d'Italie... jusqu'au trente frimaire an cinquième.* (Пьемонт уплатил 1 176 968 франков, Рим—5 029 189 франков).

[5] Guyot R. *Le directoire et la paix de l'Europe.* Paris, 1911, стр. 247: Après l'accueil qu'il reçut des milanais, tout était changé.

[6] Нац. арх. A. F. IV. 1684. Turin, le 26 messidor, an VIII (1800) *Ch. Rulhière au Premier Consul*: Il n'y a qu'un cri d'indignation contre les excès de tout genre auxquels se sont livrés les russes en Italie... mais je le répète, les autrichiens sont aussi barbares qu'eux. Les crimes n'ont pas cessé depuis le départ des russes... on évalue à 150 millions les valeurs tant en espèces qu'en nature que les autrichiens ont consommé dans le Piémont ou en ont enlevé.

[7] Там же. Milan, ce 15 octobre 1802. Мельци — Бонапарту.

[8] Там же: Il est de mon devoir de vous le rappeler en vous ajoutant que je suis convaincu en honneur et conscience qu' un pareil système soit dans le sens économique, soit dans le sens politique va devenir extrêmement funeste à ma patrie.

[9] *Memorie-documenti*, t. II, стр. 93. Milan, 19 août 1802. Мельци — генералу Бонапарту: Enfin nous avons bien payé effectivement six millions et six cents livres à la République Française pour les projectiles hors d'usage, nous ne les avons jamais reçu... Vous en jugerez comme vous le trouverez convenable.

[10] Там же, стр. 96 (9 septembre 1802): Je reçois comme un bienfait la justice que vous nous faites.

[11] Архив мин. ин. дел в Париже, серия *Correspondance.* Milan, № 60. *Etat ancien de la Lombardie.* 16 frimaire, an XIII, fol. 407— оборот. стран.: ...on peut constituer comme on voudra la Lombardie. Le régime monarchique est de toutes les formes celle qui lui convient le mieux. Elle n'est pas fondée à réclamer comme un droit de se donner un roi et des lois... elle a été conquise... elle a subi toutes les conditions qu'on a voulu lui imposer; elle obéira au roi qu'on lui donnera.

[12] Там же, fol. 385. Melzi — министру иностранных дел, Milan, ce 19 mai 1804: L'union à la France n'aurait pas un vœu; elle serait regardée comme une extrême calamité.

[13] Наполеон — австрийскому императору. Paris, 1 janvier 1805. *Correspondance*, t. X, стр. 122—123: J'ai sacrifié ma grandeur personnelle, j'ai affaibli mon pouvoir... Там же, стр. 142. Projet de lettre à l'Empereur de Russie. Paris, 14 janvier 1805: je fais le sacrifice de ma grandeur et je renonce à mes droits en faveur d'un prince de ma maison; mais si cette modération à l'approbation de Votre Majesté, je serai content quelque diminution de pouvoir et de puissance que la France en éprouve.

[14] Наполеон — прусскому королю. Malmaison, 16 mars 1805. Там же, стр. 283: Je ne dois pas cacher à Votre Majesté que mon premier désir avait été de me décharger du fardeau du gouvernement de l'Italie, mais l'impossibilité de donner à ces états une véritable indépendance... m'a forcé à ajourner cette résolution.

[15] Driault рекомендует по этому поводу историкам не быть доверчивее, чем были современники императора: Avec une extrême habileté l'Empereur devint roi d'Italie et fit croire pour ne pas effaroucher ses ennemis que c'était par accident, que ce n'était pas le naturel complément de son titre impérial. L'Autriche ne fut pas dupe; il n'est pas nécessaire que nous le soyons.

[16] *Réponse de l'Empereur*. Paris, 26 ventôse, an XIII—17 mars 1805. *Correspondance*, t. X, № 8444, стр. 287: Je la garderai, cette couronne, mais seulement tout le temps que vos intérêts l'exigeront, et je verrai avec plaisir arriver le moment où je pourrai la placer sur une plus jeune tête.

[17] Нац. арх. A. F. IV. 1303. *Rapport fait à S. M. l'Empereur, le 27 ventôse, an XIII en Séance du Sénat par M. de Talleyrand, ministre des Rélations Extérieures*: Sire,— vous ont-ils dit,— il n'appartient à aucun homme quelque grand qu'il puisse être, de subordonner à des vues de modération, les sentiments libres et unanimes des peuples. Il n'appartient à aucun homme quelque puissant qu'il soit, de devancer la marche des temps.

[18] Там же.

[19] Наполеон — Камбасересу. Milan, 27 mai 1805. *Correspondance*, t. X, стр. 556: En prenant la couronne de fer et la mettant sur ma tête, j'ai ajouté ces paroles: «Dieu me la donne, malheur à qui y touche».—J'espère que ce sera une prophétie.

[20] Там же, стр. 527. *Réponse de l'Empereur au discours de M. Aldini, président du collège des possidenti*. A Milan, 19 mai 1805: Abbiate in visto di scegliere coloro che siano commendevoli per i loro principi, e per il loro attacamento alla mia persona.

[21] Там же, стр. 528. *Réponse de l'Empereur au discours de M. Anziani, président du collège des dotti*: siate sempre animati dallo spirito di conservazione dell'ordine sociale e di questo trono, che solo può garantire l'indipendenza, la libertà e tutti i principi liberali, basi della nostra costituzione.

[22] Там же, стр. 528. *Réponse de l'Empereur au discours de M. Bovara, président du collège des commercianti*.

[23] Там же, стр. 608. *Décret*. Milan, 7 juin 1805: Art. I. Le Pô jusqu'à l'embouchure du Tessin, de même que la Sesia jusqu'à son embouchure serviront de limites entre le Royaume d'Italie et l'Empire Français.

[24] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 14 avril 1806. Там же, t. XII, стр. 345—346: Quant à l'établissement de l'hérédité, je n'ai point d'habitude de chercher mon opinion politique dans les conseils des autres, et mes peuples d'Italie me connaissent assez pour ne devoir point oublier que j'en sais plus dans mon petit doigt qu'ils n'en savent dans toutes leurs têtes réunies...

[25] *Allocution de l'Empereur aux trois collèges* etc. Milan, 20 décembre

1807. Там же, t. XVI, стр. 237: Citoyens d'Italie, j'ai beaucoup fait pour vous; je ferai plus encore. Mais de votre côté unis de cœur comme vous l'êtes d'intérêt avec mes peuples de France, considérez-les comme des frères aînés. Voyez constamment la source de notre prospérité, la garantie de nos institutions, celle de notre indépendance, dans l'union de cette couronne de fer avec ma couronne impériale.

[26] Наполеон — Мельци, Saint-Cloud, 23 juin 1804. Там же, t. IX, стр. 502—503.

[27] Наполеон — Мельци. Ostende, 13 août 1804. Там же, стр. 588.

[28] Наполеон — Евгению. Bayonne, 18 mai 1808. Там же, t. XVII, стр. 182: En France tout est à Paris; en Italie tout n'est pas à Milan.

[29] *Instructions pour le prince Eugène, vice-roi d'Italie.* Milan, 7 juin 1805. Там же, t. X, стр. 604 и сл.: Quand vous aurez parlé d'après votre cœur et sans nécessité, dites-vous en vous-même que vous avez fait une faute, pour n'y plus retomber.

[30] Там же, стр. 606—607.

[31] Наполеон — Евгению. Bologne, 21 juin 1805. Там же, стр. 683: L'armée russe n'a été organisée par l'empereur Paul et les troupes prussiennes par le grand électeur que parce qu'ils s'occupaient ainsi eux-mêmes des détails.

[32] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 23 août 1810. Там же, t. XXI, стр. 71: Si je perdais une grande bataille, un million, deux millions d'hommes de ma vieille France accouraient sous mes drapeaux, toutes les bourses m'y seraient ouvertes,— et mon royaume d'Italie lâcherait pied.

[33] Наполеон — Евгению. Brescia, 12 juin 1805. Там же, t. X, стр. 634—635.

[34] Наполеон — Евгению. Château de Montirone, 14 juin 1805. Там же, стр. 651: Ce pays a déjà l'esprit assez étroit sans l'étrécir davantage.

[35] Наполеон — Евгению. Paris, 15 février 1806. Там же, t. XII, стр. 63: Il ne s'agit pas de faire des chemins et des canaux; il faut d'abord nourrir mon armée... Je vais augmenter mes forces; je suis obligé de me tenir dans une situation très forte; il me faut donc beaucoup d'argent.

[36] Наполеон — Евгению. Paris, 16 février 1806. Там же, стр. 67: Il est indispensable que cette somme rentre en caisse, vu que j'en ai besoin.

[37] Там же: Je remarque que vous dépensez beaucoup trop d'argent en Italie.

[38] Наполеон — Евгению. Paris, 25 février 1806. Там же, стр. 122: Ne changez rien dans le pays vénitien sans que je vous en donne l'ordre. Laissez le pays comme il était sous l'administration des autrichiens qui ont de l'économie... Il est bien question dans ce moment — ci de s'occuper de desséchements et de ces branches de dépenses aux extrémités du royaume! Tout cela n'est que ridicule.

[39] Ср. характерное в этом смысле письмо к Евгению от 8 февраля 1808 г. (там же, t. XVI, стр. 409—410).

[40] *Décision* (№ 13501. Там же, t. XVI, p. 336). Paris, 28 janvier 1808: Le général Dejan... demande à l'Empereur si la division des troupes italiennes actuellement en France doit être à la charge de la France.— Резолюция императора: Tant qu'elle sera en France, elle sera à la charge du royaume d'Italie. Quand elle sera dans un pays étranger, elle ne sera plus à la charge de l'un ni de l'autre des deux pays (т. е. будет содержаться за счет страны, где будет находиться,— в этом последнем случае).

[41] Наполеон — Евгению. Gênes, 4 juillet 1805. Там же, t. XI, стр. 4—5: ... les peuples sont toujours effrayés d'un nouvel impôt.

[42] Там же, стр. 5.

[43] Наполеон—Евгению. Saint-Cloud, 25 juillet 1805. Там же, стр. 45: Si la loi sur l'enregistrement ne passe pas, je la prendrai de ma propre autorité, et tant que je serai roi, le Corps législatif ne sera point réuni... faites

leur bien entendre que je puis me passer du Corps législatif, et que je leur apprends, comment je puis m'en passer, puisqu'ils se comportent ainsi envers moi.

[44] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 26 juillet 1805. Там же, стр. 52—53.

[45] Наполеон — Марескальки. Saint-Cloud, 26 juillet 1805. Там же, стр. 53.

[46] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 27 juillet 1805. Там же, стр. 58: J'avais trop bonne opinion des Italiens; je vois qu'il y a encore beaucoup de brouillons et de mauvais sujets... Ce n'est pas l'autorité du Corps législatif que je voulais, c'est son opinion... Vous avez tort de penser que les Italiens sont comme les enfants. Il y a là dedans de la malveillance. Ne leur laissez pas oublier que je suis le maître de faire ce que je veux; cela est nécessaire pour tous les peuples et surtout pour les Italiens, qui n'obéissent qu'à la voix du maître. Ils ne vous estimeront qu'autant qu'ils vous craindront, et ils ne vous craindront qu'autant qu'ils s'apercevront que vous connaissez leur caractère double et faux. D'ailleurs votre système est simple: l'empereur le veut. Ils savent bien que je ne me dépars pas de ma volonté.

[47] Наполеон — Евгению. Camp de Boulogne, 5 août 1805. Там же, стр. 77: Quand ces législateurs auront un roi pour eux, il pourra s'amuser à ces jeux de barres; mais comme je n'en ai pas le temps, que tout est passion et faction chez eux, je ne les réunirai plus.

[48] Наполеон — Таверна, президенту Законодательного корпуса в Милане. Camp de Boulogne, 11 août 1805. Там же, стр. 93—94.

[49] Quant à la révolution de Naples... elle eut le privilège de le mettre de bonne humeur.— Pour celle-là, dit-il à cette occasion — je l'avoue, je ne m'y attendais pas. Qui jamais eût imaginé que ces maccheronai voudraient singer les Espagnols, afficher leurs principes, rivaliser de bravoure avec eux? (Las-Cases. *Le Mémorial de Sainte-Hélène*, t. II. Paris, 1835, стр. 687).

[50] Наполеон — генералу Бертье. Liège, 2 août 1803. *Correspondance*, t. VIII, стр. 546—547: Les craintes que témoigne le général Murat... me paraissent ridicules... et surtout qu'il ne se laisse point aller à un misérable espionnage; n'y aurait-il point de troupes françaises, il n'y aurait rien à craindre de la République Italienne avec un seul régiment de cavalerie.

[51] Наполеон — Евгению. Paris, 24 septembre 1810. Там же, t. XXI, стр. 167: La question des blés est la plus importante et la plus délicate pour les souverains. Les propriétaires ne sont jamais d'accord avec le peuple. Le premier devoir du souverain dans cette question est de pencher pour le peuple sans écouter les sophismes des propriétaires.

[52] Наполеон — Марескальки. Saint-Omer, 28 août 1804. Там же, t. IX, стр. 618—619: J'ai reçu la lettre du viceprésident. Je n'y réponds pas, parce que je pense qu'elle est écrite sans réflexion. Elle me donnerait une bien mauvaise opinion de la patrie italienne et de Lombardie en particulier, si j'en pouvais penser qu'elle désirât retourner à l'Autriche par la seule raison, qu'elle payait moins... c'est mal connaître le genre humain et l'esprit des nations, même les plus dépravées et les plus lâches que de croire qu'elles puissent considérer leur existence politique d'après le plus ou moins de charges.

[53] *Le Mémorial de Sainte-Hélène*, t. II, стр. 678: Une des choses qui prouve le plus évidemment la conscience de Napoléon sur le bien-être qu'il aurait voulu procurer à sa *chère Italie*, comme il l'appelait autrefois, c'est l'illusion qu'il se faisait encore à Sainte-Hélène relativement à la reconnaissance qu'il supposait aux Italiens, tant des pays annexés à l'Empire, comme le Piémont, la Toscane et plus tard l'état romain que de ceux qui composaient le royaume d'Italie proprement dit. Nous qu' avons vu ces

peuples de près à l'époque de la domination française, nous admirons les illusions de l'Empereur; mais nous ne les partageons pas.

[54] Там же, стр. 687: Je voulais déraciner ces habitudes locales, ces vues partielles, étroites; modeler les habitants sur nos mœurs, les façonner à nos lois, puis les réunir... De la mer jusqu'aux Alpes on n'eût connu qu'une seule domination... Je me proposais de faire de ces états agglomérés une puissance compacte... J'avais déjà commencé l'exécution de ce plan que j'ai conçu dans l'intérêt de la patrie italienne.

[55] *Correspondance*, t. VII, стр. 473. *Discours prononcé devant la consulte extraordinaire*. Lyon, 6 pluviose, an X: Vous n'avez que des lois particulières: il vous faut désormais des lois générales. Votre peuple n'a que des habitudes locales; il faut qu'il prenne des habitudes nationales.

[56] Там же. Enfin, vous n'avez point d'armée... mais vous avez ce qui peut les (les armées) produire, une population nombreuse, des campagnes fertiles et l'exemple qu'a donné dans toutes les circonstances essentielles le premier peuple de l'Europe.

[57] Нац. арх. A. F. IV. 1710. Donné à Milan le 24 avril 1806. Peuples du Royaume d'Italie et de l'Etat de Venise, Sa Majesté vous l'ordonne — *vous serez unis comme des frères* (подчеркнуто в рукописном тексте декрета).

[58] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 21 avril 1806. *Correspondance*, t. XII, стр. 361: Mon intention n'est pas d'appeller aucun Italien ni aucun Vénitien aux duchés, qui doivent être la récompense exclusive de mes sodats... Je vous défends de jamais laisser espérer qu'aucun Italien, ni Vénitien puisse être nommé à aucun des duchés.

[59] ...Nel recento suo rapporto delli 25 febbraio il ministro dell'interno ha fatto sentire che se le mercanzie di egual specie fabbricate in alcuni stati d'Allemagna e particolarmente nel Gran Ducato di Berg erano ammessi in Italia, non vi era veramente motivo di respingere quelli che il commercio dei dipartimenti francesi del Reno spediva per il Regno in transito per la Svizzera e l'Allemagna... sarebbe stato in più casi di pregiudizio al commercio francese... и т. д. (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11, 27 Mar. 1811. Министр финансов — вице-королю).

[60] Ср., например, *Conversation avec M. Marescalchi* (подписано: d'Hauterive). 1805. Архив мин. ин. дел, серия *Correspondance*. Milan, № 61, fol. 9—10: La tendance de sa conversation a été de persuader que la Lombardie devoit être entièrement séparée de la France, gouvernée par un prince indépendant, garantie... contre la France par un traité qui fixât d'une manière extrêmement libérale la subvention temporaire et très modérée que ce pays aurait à payer à la France pendant la guerre actuelle.

[61] Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*: Le mérite de M. Lambertenghi est connu, c'est d'ailleurs un homme plein d'honneur, il croit servir son souverain en prenant en main les intérêts de la France, en tant qu'ils ne sont point en opposition avec ceux de son pays... Ce sont des égards qui devraient toujours avoir lieu entre des états amis, bien plus entre des états frères comme la France et l'Italie...

[62] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., картон № 183. Milano, li 29 maggio 1812. *Il senatore Ministro delle finanze a. S. E. il. sig. Conte Vaccari, Ministro dell'Interno*:... potendo quest'occasione aprir la via ad una domanda di reciprocità...

[63] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 25 juillet 1805. *Correspondance*, t. XI, стр. 44: Vos principes la dessus ne valent rien et seraient destructifs de l'autorité du prince. Si vous continuiez ainsi, vous verrier bientôt toute l'influence se diriger sur les ministres; ils ne tarderaient pas à en abuser et les inconvénients en seraient immenses pour le gouvernement.

[64] Ср. там же, t. XII, стр. 390. Saint-Cloud, 26 avril 1806: и мн. др. в том же и след. томах.

[65] Наполеон — Евгению. Gênes, 3 juillet 1805. Там же, t. XI, стр. 3: Vous verrez qu'il y a eu du tripotage. Dans le fait il était difficile de penser que Melzi qui a de l'esprit et de la tenue pût se comporter si mal. C'est une raison de plus qui prouve combien il faut être en garde dans ce pays-là.

[66] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 25 juillet 1805. Там же, стр. 43: Il y a dans votre conduite quelque chose de chevaleresque qui est de votre âge, mais non de votre place... Je connais mieux les Italiens que vous. Je protégerai ceux qui me professent de l'attachement, mais je ferai une sévère justice de ceux qui seraient d'une catégor'e différente.

[67] Нац. арх. A. F. IV. 1711. 6 avril 1808. Вице-король — императору: Je dois avoir l'honneur de le dire à Votre Majesté, j'ai cru voir dans quelques unes des demandes des ministres de France la source de l'anéantissement de plusieurs branches importantes de l'industrie Italienne, et ce qui ne serait pas moins funeste à votre trésor d'Italie, la diminution d'une assez grande partie de ses revenues... Votre Majesté... verra sans doute mieux que moi ce qu'il sera le plus utile de statuer pour le bien de ses deux Etats.

[68] Наполеон — Евгению. Camp de Boulogne, 6 août 1805. *Correspondance*, т. XI, стр. 82:... vous ne devez, sous aucun prétexte, la lune menaçât elle de tomber sur Milan, rien faire de ce qui est hors de votre autorité.

[69] Там же, стр. 83: Ne croyez pas que ceci m'empêche de rendre justice à la bonté de votre cœur; mais je ne veux pas avoir mauvaise opinion de votre caractère; pour cela, n'écoutez pas les sottises de quelques coteries de Milan.

[70] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 21 juin 1806. Там же, t. XII, стр. 585: Mon fils, il faut imprimer peu... En général le moins que vous ferez imprimer, sera le mieux.

[71] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 16 septembre 1805. Там же, t. XI, стр. 251:... Je ne vois pas pourquoi vous y trouvez de la répugnance; je suis surpris que le ministre de la guerre ne vous ait pas éclairé là-dessus... Il ne faut pas vous épouvanter des cris des Italiens: ils ne sont jamais contents... Montrez de la vigueur.

[72] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 22 septembre 1805. Там же, t. XI, стр. 291: On crie, mais on ne pense pas ce qu'on dit... Pour le bien de l'armée ayez de la sévérité etc.

[73] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 12. 12 ottobre 1806. Доклад министра финансов. Сверху — резолюция вице-короля, помечена 13 октября 1806.

[74] Ср. Нац. арх. A. F. IV. 1711. Milan, le 2 mars 1810. Евгений — Наполеону: Ce ne sera jamais, dans un pays ou je serai qu'on se permettra d'enfreindre, ou même de modifier les ordres de Votre Majesté. И раньше: Il m'est pénible que Votre Majesté trompée me témoigne son mécontentement etc.

[75] Наполеон — Евгению. Paris, 9 mars 1806. *Correspondance*, t. XII, стр. 211: Mes peuples d'Italie ne doivent s'attendre à aucune décharge d'imposition; je ne puis les traiter plus favorablement que mes peuples de France; mes dépenses sont trop considérables tant pour la marine que pour la terre.

[76] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 14 avril 1806. Там же, t. XII, стр. 344: On voudrait dans ce pays-là l'impossible: payer peu de contributions, avoir peu de troupes et se trouver une grande nation; tout cela est chimère. Les gens de sens doivent s'en rapporter à moi etc.

[77] Наполеон — Евгению. Paris, 22 novembre 1809. Там же, т. XX, стр. 49: J'ai trouvé ici mes affaires de finances bien dérangées... Les nouvelles levées et les immenses armements que je fais pour l'Espagne continuent de me ruiner. Vous comprenez donc que je ne puis alléger en rien le fardeau de mon royaume d'Italie.

[78] En résultat l'Italie ne produira d'autres avantages que d'entretenir au delà des Alpes une grande armée.

[79] Наполеон — контр-адмиралу Decrès. Saint-Cloud, 26 mai 1804. *Correspondance*, t. IX, стр. 480.

[80] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 22 septembre 1805. *Correspondance*, t. XI, стр. 290—291.

[81] Нац. арх. A. F. IV. 1069. *Rapport à Sa Majesté Impériale et Royale*. Février 1810. *Recettes et dépenses locales de l'Italie*.

[82] Нац. арх. A. F. IV. 1711. 1 août 1808. Евгений — Наполеону: la vérité est que l'or est aujourd'hui devenu très rare et que le dernier envoi à faire en Dalmatie a dû être différé de quelques jours...Ainsi voilà près de 20 millions qui ont été envoyés sur un même point et dont il n'est pas revenu un écu dans votre royaume; dont il n'est pas même resté un écu en Dalmatie. L'Autriche et la Bosnie ont tiré à elles toutes ces espèces.

[83] Там же. *Etats fournis par le ministre de la guerre* (2 février 1810). *Armée d'Italie*.

[84] Там же, № 2. *Armée d'Illyrie*.

[85] Там же, № 3. *Etats Romains*.

[86] Там же, № 4. *Gouvernement des Isles Ioniennes*.

Документы наши строго различают *armées d'Italie*, т. е. французские имперские войска, расположенные в Италии, от *armées italiennes*, или — реже—armées du Royaume d'Italie,— что означает *итальянские* войска, принадлежащие *королевству* Италии.

[87] Нац. арх. A. F. IV. 1712. 25 novembre 1811. Вице-король — императору: Le ministre de la guerre et marine a été particulièrement obligé à des dépenses chaque année qui ne pouvaient pas être prevues... tels que les envois de vivres et munitions à Corfou qui ont coûté... de 6 à 800 000 par année etc.

[88] Там же. *Rapport présenté à Sa Majesté l'Empereur et Roi par le ministre-directeur, 8 mai 1811*.

[89] Нац. арх. A. F. IV. 1711. Евгений — Наполеону. Milan, ce 26 décembre 1810: En effet il n'est plus possible de lui imposer une charge plus forte (l'interruption totale de commerce; l'état de déperissement où va tomber le peu des manufactures tant de soie que de coton qui existaient dans le royaume etc.).

[90] Наполеон — Годэну. Schönbrunn, 10 septembre 1809. I, 358.

[91] Нац. арх. A. F. IV. 480. *Conti dell'amministrazione delle finanze*. Для первых двух бюджетов — A. F. IV. 487.

[92] Нац. арх. A. F. IV*. 487, 21. Esercizio, 1811. Ср. также Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11, 28 Gennaio 1812. Не вошли, очевидно, еще кое-какие мелкие суммы чрезвычайных расходов. Ср. дальше, стр. 43

[93] Нац. арх. A. F. * IV. 486—36. *Imposte indirette* (1809).

[94] Нац. арх. A. F. * IV. 486, 8. *Situazione delle spese per l'esercizio dell'anno* 1809.

[95] Нац. арх. A. F. * IV. 487, 33. *Stato delle spese*. В эту цифру не вошла указанная мной на стр. 42 сумма чрезвычайных расходов, вызванных подготовкой войны с Россией.

[96] Там же. *Conto dell'amministrazione delle finanze del Regno d'Italia, capo primo*.

[97] Мельци — Евгению. Milan, 19 octobre 1813. *Memorie-documenti*, t. II: L'état du Trésor royal est effrayant... le Trésor est vide, et ne trouve même de quoi suffire aux dépenses ordinaires... Les services les plus importants de la guerre sont au moment de manquer tous ... Hier celui des vivres a déclaré la cessation de ses fonctions....

[98] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 60, fol. 407. 16 frimaire, an 13. *Etat ancien de la Lombardie*, fol. 407: Pour rappeller en Lom-

bardie une partie de numéraire ... L'Autriche s'était engagée à tenir habituellement dans les garnisons de ce pays 25 000 hommes ... Le Milanais était dispensé de fournir des recrues aux armées autrichiennes.

[99] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 19 septembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 159.

[100] Наполеон — Жерому. Valladolid, 16 janvier 1809. Там же, t. XVIII, стр. 278.

[101] Нац. арх. A. F. IV. 1711. *Etat de situation des troupes de terre au 16 juin 1810* (подписано: Dannay).

[102] Нац. арх. A. F. IV 1430 (régistre). *Libretto della situazione generale delle truppe di terra all'epoca del 1 Agosto 1811.*

[103] Нац. арх. A. F. IV. 1431 (régistre). *Situazione dell'armata di terra* (févr. 1813).

[104] Там же. *Situazione dell'armata di terra, stabilita all'epoca del 1 Maggio 1813.*

[105] Там же. Parigi, 12 Maggio 1813. Альдини — императору.

[106] Вот картина с натуры: J'ai vu cette fabrique intéressante dans la consternation. C'était l'époque de la conscription, ses deux premiers ouvriers allaient lui être enlevés... M. le préfet du Sério qui m'avait accompagné dans ce petit voyage... fut témoin comme moi des inquiétudes et de la douleur du directeur... Речь идет о *казенной* фабрике кос. (Нац. арх. F[12] 535. Département du Serio. *Rapport à S. E.*, 1806).

[107] ... il est très malheureux pour la fabrique de ne pouvoir les exempter de la conscription Non seulement elle se voit enlever les bras les plus précieux, mais elle ne trouve même pas à les remplacer... Un très bon ouvrier est plus difficile à former qu'un bon soldat... ne pourrait on le considérer comme conscrit dans la fabrique et s'assujetir à tant d'années de travail? Il en résulterait une émulation avantageuse... (Нац. арх. F[12] 535. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806).

[108] Il n'est pas étonnant que la main d'œuvre soit si chère, les bras manquent tous les jours davantage... ce n'est pas seulement son contingent que le pays se voit enlever, c'est toute la génération c'est toute sa jeunesse qui émigre... (Нац. арх. F[12] 535. Département du Panaro, *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806).

[109] Там же:... ils sont dans l'usage de passer l'hiver hors de chez eux, ils font travailler dans la maremme toscane et depuis la conscription ils ne reviennent plus, j'ai entendu le commandant de la gendarmerie se plaindre très amèrement de ce que la Toscane donne asile aux conscrits et même aux soldats déserteurs qu'elle reçoit avec armes et bagages.

[110] Ces deux vallées jouissaient des plus grands privilèges sous le gouvernement vénitien. Les habitants avaient toutes franchises et immunités. A l'entrée de la vallée s'élève encore une barrière qui avant la révolution n'avait jamais été franchie par un archer ou un agent fiscal, il y règna toujours un esprit d'indiscipline et d'insurrection propre aux pays de montagne. La conscription y cause aujourd'hui des grandes émigrations dans les montagnes du Tyrol... (Нац. арх. F[12] 535. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806).

[111] Нац. арх. A. F. IV, 1711. *Quadro generale numerativo degli individui disertati etc.* Milano, li 9 ottobre 1810.

[112] Там же. *Stato generale numerativo dei coscritti di ciaschedun dipartimento che si sono resi refrattari nelle leve degli anni 1807—1810.*

[113] Ср., например, Наполеон — Евгению. Paris, 23 novembre 1809. *Correspondance*, t. XX, стр. 50: Mon fils, le brigandage continue en Italie etc.

[114] Нац. арх. A. F. IV. 1718. *Notes transmises à Sa Majesté par le prince Borghese, Gouverneur Général.* Turin, le 22 juillet 1808: Le département de la Stura, foyer perpétuel de brigands, qui avait été quelque temps

en paix, plutôt par effet de l'absence de la fameuse bande de Narzole que par le succès des poursuites dirigées contre elle, et de nouveau infecté aujourd'hui sur plusieurs points.

[115] Ср. Наполеон — Евгению. Anvers, 30 septembre 1811. *Correspondance*, t. XXII, стр. 581.

[116] Ср. Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 18 novembre 1811. Там же, t. XXIII, стр. 24.

[117] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 30 avril 1812. Там же, стр. 460.

[118] Нац. арх. A. F. IV. 1710 (1806).

[119] Архив мин. ин. дел в Париже. *Correspondance*. Milan, № 61, fol. 84. *Etat du Royaume d'Italie, tel qu'il existait avant le traité de Presbourg et des accroissements qu'il reçoit par ce traité.*

[120] Там же. *Observations.*

[121] Нац. арх. A. F. IV. 1695, № 6. *Dalle stanze del Quirinale*, 19 Maggio 1808 (подписано кардиналом Gabrielli). Эти провинции папа называет *la più bella porzione de suoi rimanenti dominii.*

[122] Нац. арх. A. F. IV. 1711. Parigi, 27 dicembre 1809. *Rapporto a Sua Maestà* (подписано: Antonio Aldini).

[123] Нац. арх. A. F. IV. 1680. Евгений — Наполеону. Paris, 6 avril 1810.

[124] Нац. арх. A. F. IV. 1711. Евгений — Наполеону. Milan, le 28 février 1810: A mon retour ici j'ai trouvé l'esprit public extrémement agité. Tout le monde y croyait à un changement prochain, non seulement dans le monde du gouvernement, mais dans la division du territoire italien ... Ainsi par exemple on a conclu des décrets successifs qui ont rétiré au royaume la Dalmatie et l'Istrie et plus encore de la commission, établie à Paris pour rectifier les confins entre la France et le Royaume, que le Royaume allait disparaître; que toute la Lombardie serait réunie à l'Empire ... les craintes, Sire, étaient si générales, que les transactions entre particuliers étaient suspendues.

[125] Там же. Евгений — Наполеону. Paris, 4 janvier 1810.

[126] Там же. Donné à Milan, le 26 février 1810. *Message adressé par S. A. I. le prince vice-roi au Sénat d'Italie*: Ainsi donc, respectez en silence quelques combinaisons nouvelles qui semblent écarter en ce moment de vous la Dalmatie et l'Istrie etc. etc... Heureux le peuple qui peut comme vous, reduire toute sa politique à la confiance la plus absolue dans le génie et dans l'amour de son fondateur.

[127] Там же: Dans le cœur de Sa Majesté ses peuples d'Italie ne sont point séparés de ses peuples de France.

[128] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Stati Esteri*, картон № 235. Paris, le 12 mai 1810 (подписано: Champagny, duc de Cadore).

[129] Там же.

[130] Архив мин. ин. дел. *Mémoires et documents. Italie*, № 12—125. *Notes sur l'Italie.* An IV: Tant que les français ne conquerront pas pour gouverner, ils paraîtront aux peuples ce qu'ils sont, des libérateurs. S'ils voulaient s'établir en Italie, remplaçant les autrichiens, ils seraient à peu près aussi haïs qu'eux.

Там же другой доклад: *Apper,u des relations politiques et commerciales de la République française etc.*, fol. 116 (на оборот. стор.): La France sera toujours chère aux peuples d'Italie si elle s'attache à des principes de modération et renonce à l'idée de les subjuguer... Les Italiens nous rechercheront comme amis, mais ne nous reconnaîtront qu'impatiemment pour maîtres.

[131] Нац. арх. A. F. IV. 1715. *Mémoire sur le duché d'Urbin et les trois marches* etc. (21 mars 1808): Esprit public: il est dirigé par les prêtres et les moines; il est donc bien mauvais. Cependant il est vrai de dire que de-

puis la paix avec la Russie on se montre généralement un peu moins antifrançais... Il est sans doute peu d'habitants qui désirent que le pays soit réuni au Royaume...

[132] Нац. арх. A. F. IV. 487, 55. *Esercizio*, 1811. *Stato degli esercenti professioni liberali nell'anno 1811 e confronto col 1810.*

[133] *Lettres inédites de Napoléon I* (изд. L. de Brotonne), стр. 304. Наполеон — Евгению. Paris, 2 janvier 1811: je ne veux plus communications avec le pape.

[134] Нац. арх. A. F. IV. 1712. Milano, 21 aprile 1813. *Il duca di Lodi alla Sua Maestà*: ... e d'altronde quelle provincie sembrano le più soggette all'oscillazione delle opinioni...

[135] Нац. арх. IV. 1684. 11 septembre 1801. *Notes sur l'Italie et Venise. Pour Sa Majesté l'Empereur et Roi, Lui seul* (подчеркнуто — *E. T.*): Plus on leur accorde, plus ils exigent,—et plus ils se plaignent, à quelques exceptions près. L'esprit de Milan et de plusieurs de ses autorités principales a toujours été plus qu'équivoque, même pour Votre Majesté, quoiqu'on fasse tant pour cette ville essentiellement froide et ingrate.

[136] Нац. арх. A. F. IV. 1710. 24 juin 1807. Вице-король — Наполеону: Sire, je surveille autant que je le puis non seulement dans le Royaume d'Italie, mais aussi dans tous les états limitrophes...Il résulte de mon observation que le Royaume d'Italie est, sans contredit, au milieu de tous les pays dont il est environné celui, dont l'esprit public est le meilleur.

[137] Там же. Lugano est toujours mauvais; l'Etrurie — pas meilleure, l'Etat romain — pire, le Tyrol — très peu attaché à son nouveau souverain.

[138] Нац. арх. A. F. IV. 1711. Milan, 29 janvier 1808. Евгений — Наполеону.

[139] Нац. арх. A. F. IV. 1710. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie. Année* 1807: Si on excepte quelques fous, quelques vieillards attachés à l'Autriche, murmurant en secret, on peut affirmer avec franchise que tous les sujets de Napoléon donneraient corps et biens pour sa conservation.

[140] Там же (об этом месте рукописи я говорю в другой связи, в этой же книге).

[141] Там же: Si les peuples sont moins vifs, ils sont aussi moins méchants etc.

[142] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 17 août 1808. *Correspondance*, t. XVII, стр. 521—522: Redoublez d'activité pour la police; si vous n'êtes pas content de votre directeur de police, nommez en un autre. Il faut user de beaucoup de sévérité car les anglais jettent du trouble partout.

[143] Нац. арх. A. F. IV. 1695. 15 juillet 1809. *Notes transmises à Sa Majesté Impériale par le Prince Borghese, gouverneur général.*

[144] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 62, fol. 48—49. *Bulletin des nouvelles* ... du 5 juillet 1809: ... les populations des campagnes sont au désespoir pour la multiplicité des nouveaux impôts et pour le mode de perception qu'on emploie. Celui par exemple de *dazio consumo* leur coûte le double de ce que le gouvernement en retire...

[145] Нац. арх. A. F. IV. 1712. 6 Marzo 1813, Milano (подписано: il duca di Lodi). *Alla Maestà* etc.: Il carnevale ora terminato sebbene fosse incominciato alquanto freddamente, dapertutto però è finito con allegria. La cita di Venezia si è in questo particolare distinta sopra le altre...tutti i divertimenti...sono stati colà brillantissimi sempre.— Il concordato col Papa è stato generalmente accolto con giubilo e soddisfazione...

[146] Наполеон—Евгению. Saint-Cloud, 18 novembre 1813. *Lettres inédites de Napoléon I*, t. II, стр. 298: Ne vous laissez pas abattre par le mauvais esprit des italiens. Il ne faut pas compter sur la reconnaissance des peuples; le sort de l'Italie ne dépend pas des italiens.

[147] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 63, 440. *Discours du président des collèges électoraux à l'ouverture de la séance du 22 avril 1814.*

Глава II

[1] Нац. арх. A. F. IV.* 487. *Stato degli esercenti arti o ramo di commercio nel 1811* etc.

[2] Нац. арх. A. F. IV.* 487, № 53. *Stato del contributo delle arti e commercio* etc. (1811).

[3] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 1. *Estratto da registri del consiglio legislativo, seduta del 24 giugno* 1802.

[4] Ср. *Estratto da registri* генерального совета департамента Agogna, заседавшего в г. Новаре 31 октября 1802 г. (там же, связка № 11): ... le richezze e le produzioni delli privilegiati paesi, non dovrebbe al dire di Smith, di Condillac, di Genovesi e di tanti altri incontrar veruno ostacolo.

[5] Нац. арх. A. F. IV. 1710. *Elenco dei signori membri dei collegi elettorali convocati in Milano per giorno 10 dicembre* 1807.

[6] Там же. 1710—1807 (адреса). *Collegio de commercianti*. Tributa a Vostra Maestà l'ommaggio di riconoscenza, una parte industriosa de suoi sudditi che il sublime suo genio ha saputo togliere dalla passata oscurità, ammetendola a parte dell'onorevole rappresentanza dello Stato (и т. п.).

[7] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 7. *Quadro delle fabbriche di manifatture esistenti nel dipart. dell'Adda* (9 febbraio 1809). *Candele*, графа: *Quali sono le cause del decadimento*: soppressione delle confraternità...

[8] Вот оригинальная форма этого повеления: Napoleone per la grazia di Dio... vista la traduzione in lingua italiana del Codice di commercio di Francia, decretiamo ed ordiniamo quanto segue... il codice di commercio sarà posto in attività a contare dal giorno 1 settembre 1808 (Dato da Bajona, questo di 17 luglio 1808).

[9] Ср. Johnston. *The Napoleonic Empire in southern Italy and the rise of the secret societies*, vol. I. London, 1904, стр. 35.

[10] Нац. арх. F^{12} 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— Voitures.*

[11] Там же: L'Allemagne introduit bien quelques voitures dans ce Royaume, mais celles de France y sont préférées à cause de l'élégance des formes, de la bonté et de la solidité de l'ouvrage et de l'économie.— О самой же Италии говорится лишь: Le royaume d'Italie est également tributaire de la France pour les voitures de luxe et de voyage qui lui sont nécessaires. La fabrication des voitures est un genre d'industrie qui y est peu connu.

[12] В самых этих жалобах рисуется кипучая деятельность Наполеона по части проведения дорог в королевстве: ... tandis que dans le voisinage on n'entend parler que de routes plus merveilleuses les unes que les autres, déjà tracées ou au moins projetées et qu'aucun sacrifice ne parait coûter pour percer en tous sens les Apennins, on est étonné de voir abandonner une route superbe qui a coûté des peines et des sommes immenses, qui traverse l'Apennin dans la plus grande largeur et offre la communication la plus directe avec Livourne... и т. д. и т. п. (Нац. арх. F^{12} 535, Département de Panaro. Rapport à S. E., 1806).

[13] Bologne est une ville d'Italie qui a le plus perdu à la stagnation du commerce, son commerce est tombé avec celui de Venise, d'Italie méridionale... И дальше: Bologne est déchue avec Venise, elle se relevera avec Venise,— et quelle plus belle position pour le commerce de l'intérieur? C'est le point de centre de toute l'Italie, il réunit la haute Italie avec la basse... (Нац. арх. F^{12} 535. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806).

[14] Там же.

[15] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 10 (март 1809). *Prospetto delle principali fabbriche commerciali esistenti nel dipartimento del Reno*: ... Bologna è centro alle mercanzie dell'Adriatico e del Mediterraneo и т. д.

[16] Нац. арх. F^{12} 535. Département du Mincio. *Rapport à S. E.*, 1806.

[17] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à S. E.*, 1806,— см. все эти рассуждения о значении проектированной дороги, которая бы соединяла оба моря,— в части рукописи, касающейся département du Crostolo.

[18] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 184. Bergamo, li 30 dicembre 1809. *Il Consigliere di Stato prefetto del dipartimento del Serio a S. E. il Sig. Conte Senatore Ministro dell'Interno* (за № 18488/21405):

A questa difficoltà principale ne aggiungono un'altra, quella cioè della spesa notabile che occorrerebbe per attivare le macchine, dello stipendio che converrebbe pagare a delli istitutori forestieri necessari ad istruire i manifattori nostrali affatto rozzi e privi d'ogni teoretica cognizione.— Да и вообще, фабриканты не преминули выдвинуть ряд возражений (*varie* difficoltà).

[19] Ср. там же: rifflettono poi che dopo il consumo di vistosi capitali impiegati nell'attivazione suddetta, se l'esito non avesse a corrispondere all'aspettazione per qualche uno di quegli impensati accidenti che d'ordinario sogliono avvenire nei principi di tutte le istituzioni, il loro danno sarebbe certo e troppo grave nelle suesposte loro circostanze, già poco favorevole.

[20] Там же. № 182 (Lanefici). Milano, 22 febbraio 1805. *Ministro dell'Interno*: ... E dimostrato che i nostri fabbricatori senza l'ajuto di queste ultime (macchine) non potranno sostenere la concorrenza delle fabbriche forestiere nè spingere le proprie opere a quel grado di perfezione a cui pure potrebbero pervenire.

[21] Там же. № 2. Brenta. *Rapporto della Camera di commercio di Padova al Prefetto* (март 1813).

[22] Там же. Basso Po (Ferrara, li 23 aprile 1813 и др.).

[23] Нац. арх. A. F. IV. 1712, 9 mai 1811. *A Sa Majesté l'Empereur* etc. (подписано: Marescalchi). Самый декрет там же: Dato dal Nostro Palazzo Imperiale di Fontainebleau, questo di 24 ottobre 1810.

[24] Там же.

[25] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 63. Paris, le 18 février 1812. *Le ministre des manufactures et du commerce à Son Excellence Monsieur le duc de Bassano*: ... beaucoup d'ouvriers français passent en Italie ... cette émigration se multiplie ... vraisemblablement elle ne se bornera pas à améliorer l'industrie du Royaume d'Italie, mais qu'à en juger par la direction que prennent plusieurs des ouvriers sortant de France, cet avantage sera partagé par le Royaume de Naples. En conséquent ... je viens d'écrire au Ministre de la police générale et d'inviter Son Excellence à donner des ordres, pour qu'il ne soit plus delivré de passeports aux ouvriers.

[26] Нац. арх. F[12] 1612. Paris, le 21 septembre 1810. *Rapport présenté au ministre de l'Intérieur* (резолюция императора). Ср. *Континентальная блокада*, т. I (см. наст. изд., т. III. стр. 238, примеч. 11. —*Ред.*)

[27] Нац. арх. A. F. IV. 1711. Paris, 15 janvier 1810. *Rapport à Sa Majesté.*

[28] Это-то больше всего, по-видимому, и изумляло потерпевших, что они *никакого* закона не нарушили и *все* сделали по правилам (... ne potendo immaginare quali sieno li motivi di tale per loro dannosa misura ...). Они подробно указывают, что не только оплатили все, что полагалось, но и *не могли* не оплатить. Да им, впрочем, и не было указано никаких мотивов. Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 12, № 1378. Li 28 novembre 1810. *La camera primaria di commercio del dipartimento del Reno, residente in Bologna — A S. E. il Sig. Conte Ministro dell'Interno.* Там же приложена петиция потерпевших, поданная в торговую палату, за 16 подписями.

[29] Там же. № 7. Milano, li 20 ottobre 1807. *La Camera di commercio a S. E. il S. Ministro dell'Interno.* Там же и длинная переписка по этому поводу (о посылке депутатов в Ливорно).

[30] Там же. *Avviso al commercio*: Sua Maestà Imperatore e Re si degna sempre rivolgere un occhio paterno verso li suoi buoni popoli d'Italia e quelli sue Provincie Illiricche, compiacendosi in ogni occasione, multiplicare in loro favore le prove della sua sovrana benignità!

[31] Там же, № 2. *Il presidente dei collegi elettorale al presidente della reggenza del governo provisorio*. Milano, 1 maggio 1814: Il sistema politico ora cessato ha inceppato ogni genere di commercio.

[32] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 2. S. d. (подписано: Ricardi, Staurenghi, Grassi, Ronchi): ... rimosse ora queste cagioni dai portentosi avvenimenti che si sono succeduti ... deve pur cessare di sua natura ed in massima parte ogni incaglio ed ogni inceppamento alla libertà del nostro commercio e sembra che siasi già'sostanzialmente ottenuto questo grande scopo.

[33] ... proveduto peró sempre al bisogno di sussidiare l'interno consumo de generi di prima necessità ... (наполеоновская школа сказывалась в этой оговорке).

[34] Там же: ... per lo contrario piuttosto sostenuti li diritti daziari sulle manifatture straniere e segnatamente sopra di quelle che piu'servono al lusso, con che si avvia un conveniente prodotto pel publico erario.

[35] Il lusso e la sensualità avendoli resi un articolo quasi di prima necessità ... И выше (на той же странице рукописи): Le derrate coloniali ed altri generi d'oltre mare resi oramai d'un generale consumo...

[36] ... quantunque sottoposti ad un diritto non tenuissimo, non lascierebbero d'avere un grandissimo consumo e di formar oggetto di un commercio attivissimo.

[37] Там же.

[38] Комиссия тут даже философствует с одушевлением: ... il commercio, preso come ente morale ha il suo istinto и т. д., и т. д.

[39] ...Non si puo individuare il numero degli operai ... А причина та, что они — крестьяне, посвящающие только свои досуги промышленному труду (agricoltori del dipartimento, nelle epoche che non lavorano). Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 184. Lanifici. Dipartimenti (приписка при показании числа шерстобитов и суконщиков департамента Адды).

[40] Там же, № 138. *Lino, cotone, canapa*. Департамент Tagliamento: le donne in campagna specialmente nel inverno somministrano le filature alle fabbriche ed ai fabbricatori.

[41] Там же, № 10. *Quadro generale delle manifatture più rimarchevoli nel dipart. del Serio* (стр. 23 рукописи): ... impossibile per cosi dire ne sei poter nemmeno per approssimazione dare qui il numero verosimile delle persone occupate nelle manifatture del lanificio. Se volessimo dedurle delle spese che importano le manifatture stesse ascenderebbe il loro numero a cinque mila circa; e se dalla voce publica a venticinque mila. Qual disparità mai!

[42] Там же. Bergamo, li 6 Marzo 1805. *La Prefettura del dipartimento del Serio al Ministro dell'Interno*: Ad ogni tratto si conferma deversi il dipartimento del Serio riputare il più commerciante ed industrioso della Repubblica.

[43] Там же, № 184. *Lanifici, Dipartimenti.*

[44] Там же, № 319. На полях: La presente tabella era allegata ad una minuta del ministro dell'Interno a S. A. I. del dicembre 1811.

[45] Документ полностью напечатан мной в приложении. Там даны точные цифры для *всех* департаментов, в алфавитном порядке.

[46] См. предыдущее примечание.

[47] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 138. *Lino, cotone, canapa*.

[48] Там же, картон № 10 (приложена к докладу префекта департамента Рено министру внутренних дел, 1 марта 1809, № 4248). *Prospetto delle*

principali fabbriche commerciali esistenti nel dipartimento del Reno. В этом документе есть еще показания о кое-каких 5—6 мастерских по 2, 3, 4 и по 1 человеку в каждой, не представляющих для нас интереса.

[49] Относительно холстяного производства подобная оговорка и сделана: пояснено, что на два имеющихся предприятия работают 100 *donne di campagna.*

[50] Миланск. гос. арх. *Governo,* р. m., *Commercio,* картон № 319, приложение к докладу министра внутренних дел вице-королю от 9 декабря 1811 г. В этом документе посчитаны отдельно прядильщики—их в 1806 г.|было| 3934 человека, и рабочие шелкоткацких мануфактур (ткачи и др.) — их в том же году 3000 человек. В общем, следовательно, занято в этой отрасли промышленности 6934 человека (в 1807 г.—3661 + + 2800 = 6461 человек). В документе, относящемся к одному только департаменту Bacchilione — см. след. примечание,— даны лишь общие цифры для всех, занятых в шелковой промышленности; прядильщики не выделены в особую графу. Оттого и нужно при сравнении показаний обоих документов предварительно произвести указанное сложение в первом из них.

[51] Там же, № 8. Bacchilione. *Stato dimostrante la quantità degli individui che attualmente sono occupati nelle principali fabbriche del dipartimento del Bacchilione e prospetto complessivo delle medesime del 1806 con quello del 1807, ordinato da S. E. il Sig. Ministro dell'Interno ...*

[52] См. только что цитировавшийся документ (*Stato dimostrante* etc., графа: *drapi di seta,* под сл. *Vicenza*).

[53] Миланск. гос. арх. *Commercio,* р. m., картон № 7. *Elenco delle principali fabbriche che esistono nel dipartimento dell'Adige.* Документ был приложен к отношению за № 24603, 26 октября 1808 г., префекта департамента Adige к министру внутренних дел.

[54] Там же, № 2. *Stato delle fabbriche ... nell'Alto Adige*: ... devessi alla mancanza assoluta od almeno, all'eccessivi prezzi delle merci da tintoria.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Там же: La cessazione dei dazi del principato di Trento e quelli dell'Italia cui in oggi il dipartimento trovasi aggregiato, e la gravosa tassa imposta dalla tariffa sopra i cristalli e vetri procedenti dall'estero, sono i moventi della prosperità e perfezionamento di queste fabbriche.

[58] Там же, картон № 9. *Elenco delle fabbriche esistenti nel dipartimento del Mincio.* Внизу: questa tabella era allegata alla nota № 14646 del 15 sett. 1808 da Mantova, del prefetto del Mincio al ministro dell'Interno.

[59] Там же, № 2. Mantova, 6 agosto 1813. Префект — министру внутренних дел.

[60] Там же. Mantova, 3 agosto 1812. Палата — префекту Минчио: ... è triste infatti la ricordanza per noi di tante fabbriche...

[61] Там же. Префект — министру (6 agosto 1813): ... alcune fortuite combinazioni delle passate circonstanze che hanno colpito in diversi modi le professioni industriosi, per cui fattasi ... una diminuzione di fondi ... difficile e in alcuni riguardi impossibile d'avere certe materie necessarie all'andamento delle fabbriche ... decaduto il credito.

[62] Там же, № 7. *Stato delle principali fabbriche del dipartimento dell'Alto Po.* Графа: *Numero degli operai* (1811).

[63] Там же: ... la circonstanza di esservi in Vigevano oziosi migliaia di testitori da seta ...

[64] Там же. 16 dicembre 1811. Dipartimento dell'Agogna.

[65] Там же, № 2. Verona, li 17 febbraio. 1813. *Il prefetto alla Sua Eccelenza il Sign. Ministro dell'Interno.*

[66] Там же. *Osservazioni della camera di commercio, arti e manufatture di Cremona* (15 октября 1812 г.).
[67] Там же. Vicenza, 20 gennaio 1813.
[68] Там же. Schio, 14 Settembre 1812.
[69] Там же. Brenta. *Rapporto della camera di commercio di Padova al ... Prefetto* (март 1813 г.).
[70] Там же. Novara, li 30 dicembre 1812. Префект — министру внутренних дел.
[71] Там же. Lario. Como, li 24 febbraio 1813.
[72] Там же. Milano, li 29 maggio 1812. Префект полиции департамента Олоны — главному директору полиции: sapendo che anche sotto il governo austriaco della Lombardia furono emanate delle disposizioni e fatti de'progetti per tenere in freno gli operai ... mi sono quindi fatto carico di richiamare dall'archivio generale tutti questi documenti...
[73] Ни в Италии, ни в Австрии мне не посчастливилось найти ни этого эдикта, ни проекта. Ни разу нигде я не встретил более упоминаний об этих документах; согласно показанию разбираемого тут донесения, оба эти документа относились главным образом к рабочим, занятым шелковым производством (там же).
[74] Там же, Milano, li 29 maggio 1812: ... tutti que' sensali, conosciuti volgarmente sotto la denominazione di malossari, i quali sono soliti a sovvertire gli operai...
[75] Там же. *Regolamento che si propone dalla direzione generale di polizia*: Viaggiando senza il libretto o non avendo munito di una tale vidimazione sarà riputato vagabondo e potrà essere arrestato e punito come tale.
[76] Там же, titolo IV.
[77] Там же. Milano, li 31 agosto 1812. *Camera di commercio, arti e manifatture*. Вообще замечается сильное стремление воскресить также зависимость рабочего не только от хозяина, но и от торговой палаты и ее должностных лиц. Постоянно подчеркивается важность формальной стороны дела: *certificato nelle dovute forme*, или *questa* (*licenza*) *dovrà essere vidimata dal commissario della camera* etc. Хозяевам, по-видимому, мечталось о перенесении на торговую палату кое-каких функций былой цеховой организации (насколько вообще подобное приравнение двух столь непохожих институтов было мыслимо).
[78] Там же: sarebbe da proibire a lavoranti di pretendere dippiù di quello che verrà loro assegnato settimanalmente da loro padroni etc.
[79] Главную причину таких пререканий торговая палата видит в отсутствии предварительных *особых* соглашений между хозяином и рабочим: trattandosi di una stoffa di nuova invenzione o di una altezza non usuale, sarebbe bene che il padrone e capo tessitore fissassero primo il prezzo della fattura.
[80] Тарле Е. В. *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, ч. II, passim (см. наст. изд., т. II.— *Ред.*).
[81] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 2. *Camera di commercio* etc.: ... sarebbe da proibirsi a qualunque di comperare stoffe sotto qualunque titolo o pretesto da persone non aventi la patente di fabbricatori per proprio conto.
[82] Там же: ... fuorchè da chi precisamente fa un tel commercio, oppure da fabbricatori per proprio conto di conosciuta integerrima probità.
[83] Sarà della saviezza del governo il dare quella valutazione che il medesimo crederà a questi tenui suggerimenti ... ed accompagnarli ove creda di adottarli in tutto od in parte della conveniente sanzione penale ...

Глава III

[1] Вот типичное в этом смысле показание современника, очень осведомленного, очень осторожного и долго служившего в Италии при Евге-

нии Богарне: Le paysan est demeuré colon ou, en d'autres termes, le valet des maîtres qui l'emploient; il n'est pas élevé au rang de propriétaire. La majeure partie du territoire était avant 1796 entre les mains des grands seigneurs et du clergé. Ils le partagent aujourd'hui avec un petit nombre d'hommes adroits qui ont su profiter, pour s'enrichir, des chances qu'offrent toujours les convulsions politiques (ср. *Mémoires sur la cour du prince Eugène et sur le royaume d'Italie, par un français attaché à la cour du vice-roi d'Italie*. Paris, 1824, стр. 192).

[2] Encore un département fertile et par conséquent agricole. L'industrie manufacturière naît en tout pays de la nécessité de se former des ressources; lorsque la culture de la terre fournit une occupation suffisante à la population, il est naturel que l'idée d'en chercher de nouvelles ne se présente point (Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à Son Excellence*, 1806).

[3] Нац. арх., AF. IV.* 491. 1809—1810. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro valore numerario*. Для 1812 г.— Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno* 1812, sezione XI.

[4] См. миланский документ (в предыдущем примечании) — sezione XI, графы: *osservazioni relative all'importazione* и *osservazioni relative all'esportazione*.

[5] Нац. арх. AF. IV. 1710. Année 1807. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie*: Ce pays n'est qu'agricole et sera toujours essentiellement différent des pays commerçants et industrieux. On ne regarde en Italie que la terre, on ne s'attache qu'à elle.

[6] Нац. арх. AF. IV. 1711, № 162. 13 septembre 1810. Евгений — Наполеону: ... mais je dois observer à Votre Majesté qu'il résulte de l'examen des registres des douanes que la presque totalité des grains qui sortent du Royaume est expédié dans l'Empire.

[7] Там же. *Tableau comparatif du prix des denrées à Milan depuis le 29 juillet jusqu'au 15 septembre 1810, calculé par quintal*. Там же письмо вице-короля Наполеону 19 сентября 1810.

[8] Там же. Евгений — Наполеону. Milan, le 9 novembre 1810.

[9] Там же. 15 novembre 1810.

[10] Там же. Евгений — Наполеону. Rimini, 13 octobre 1810: Votre Majesté remarque avec étonnement la différence qui existe dans le prix des bleds des divers départements du royaume ... il n'a jamais existé et il n'existe pas encore de grandes relations commerciales d'un département du royaume à l'autre.

[11] Там же. Евгений — Наполеону. Milan, le 20 novembre 1810: Votre Majesté me fait l'honneur de me dire qu'*Elle ne peut prohiber l'exportation pour l'Empire* (подчеркнуто в рукописи — *Е. Т.*). Sire, je me serais bien gardé de proposer une semblable prohibition etc.

[12] Там же. Евгений — Наполеону. Milan, 30 novembre 1810.

[13] Ср. Нац. арх. AF. IV. 1712. Евгений — Наполеону. Milan, ce 25 mai 1813: Parmi les objets qui me paraissent mériter une prompte résolution de Votre Majesté est l'exportation du riz et du bled. Les demandes des propriétaires et du commerce sont unanimes et générales à cet égard. Les magasins regorgent de ces denrées dont le prix diminue tous les jours davantage. *On ne fait aucune demande du côté de la France* etc.

[14] Нац. арх. AF. 1710. Année 1807. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie*: Le langage dans cette année dans la bouche des propriétaires est celui-ci: *on a trop appuyé de protection et de dépenses l'accessoir et on a regardé avec indifférence le principal* (подчеркнуто в рукописи).

[15] Там же.

[16] Dans le Milanais surtout et tout ce qui composait l'ancienne Lombardie l'art des irrigations est poussé à la perfection, les ruisseaux s'y croisent

en tous sens. Tel spéculateur a creusé un canal; vous le croiriez propriétaire des champs voisins qu'il a voulu fertiliser par cette entreprise? point du tout: il n'a d'autre propriété que son canal, mais il sait la faire valoir; il accorde à ses voisins à droite et à gauche une ouverture sur son canal contre une rente de mille, deux mille livres, plus ou moins, suivant l'épaisseur du filet d'eau qu'il leur délivre (Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence*).

[17] Там же. Département du Mincio. *Rapport à S. E.*, 1806.

[18] Там же. *Rapport à S. E.*, 1806.

[19] Там же. Département du Bas Pô. *Rapport à S. E.*, 1806.

[20] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. *Il prefetto ... a Sua Eccelenza*: La tenuità delle manifatture e lo scarso numero degli operai stessi non presenta il bisogno di disciplinare la loro condotta.

[21] Там же. *Converrebbe allora difficoltare di pui l'introduzione delle pelli e corami dell'Impero.*

[22] Нац. арх. F[12] 535. Département du Haut Pô. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[23] Там же: La soie est la première source des revenues de l'Italie, la seconde sont les grains, rizières ...

[24] Там же. Département du Bas Pô. *Rapport à S. E.*, 1806.

[25] Там же. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[26] Там же. Département du Panaro. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[27] Там же. Département Sério. *Rapport à S. E.*, 1806: Le département n'a de grains que pour six mois; on tire le reste de Crème, Lodi et Crémone.

[28] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze*, *Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno* 1812. Графа: *animali quadrupedi. Osservazioni relative all'importazione.*— Почему-то вовсе не указаны цифры, касающиеся ввоза из Австрии (точнее, из Венгрии), хотя мы имеем положительные сведения, что этот ввоз был. Ср. дальше, стр. 102.

[29] Нац. арх. AF. IV.* 491. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro valore numerario* etc. Графа: *animali quadrupedi* (1810).

[30] Нац. арх. F[12] 535. Département Sério. *Rapport à S. E.*, 1806: ... la laine des brebis du pays coûte moitié moins, mais elle reste presque toute entière en Piémont où elle vont pâturer une partie de l'année... И выше: elles (les fabriques de draps — *E. T.*) consomment environ 300 balles de laine de Pouille ...

[31] Там же. Département du Crostolo. *Rapport à S. E.*, 1806: Le législateur a craint que le bétail du Royaume ne suffit pas à sa consommation ... cependant ... le pays de Reggio suffirait pour fournir tout le Royaume.

[32] Она настолько нуждалась в этом, что за телят при ввозе их в Тоскану не уплачивалось никакой пошлины: Cette exportation est immense,— настаивает наш документ.

[33] Там же.

[34] Там же. Département du Panaro. *Rapport à S. E.*, 1806.

[35] Там же.

[36] Там же. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806: ... tous les pâturages se convertissent en rizières ... On est déjà dans l'obligation de tirer des bestiaux du Crostolo et du Panaro. И выше (на той же странице рукописи): le pays était aussi fort abondant en bestiaux, mais le nombre en diminue tous les jours à mesure que la culture se tourne davantage vers le riz.

[37] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 2; *A S. E. Sign. Conte Ministro delle finanze* (27 aprile, 1813): ... non si tratta già di buona o cattiva manifattura; anzi il consiglio e fermamente persuaso che da molto tem-

po in quà le nostre manifatture di pelli abbiano migliorato assai, ma si tratto piuttosto che le nostre fabbriche mancano di alimento ...

[38] Там же: ... non si farebbe che adottare il sistema dell'Impero che viete l'uscita delle pelli non lavorate.

[39] Для 1809—1810 гг.— Нац. арх. AF. IV.* 491. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro valore* etc. Для 1812 г.— Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno 1812, sezione XII, commestibili.*

[40] Ср. миланский документ (см. предыдущее примечание), *Sezione XII*, графа: *osservazioni relative all'importazioni.*

[41] К сожалению, нет возможности определить, сколько товара и через какие границы королевства ввозилось во Францию и, в частности, какую роль играл Пьемонт в качестве потребителя итальянского хлеба, сыра и итальянской рыбы и живности. Есть все основания предполагать, что тесные, многовековые экономические связи Пьемонта с Ломбардией не могли быть оборваны и при Наполеоне.

[42] Нац. арх. F[12] 535. *Copie de la pétition de la Chambre du commerce de Reggio à S. M. l'Empereur et Roi.* Département du Crostolo. *Rapport à S. E.*, 1806.

[43] Там же. Département du Mincio. *Rapport à S. E.*, 1806.

[44] Там же. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[45] Там же. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806. Прежде в Гуастале существовала монополия водочного производства: Il y avait à Guastala trois établissements de distillation d'eau de vie appartenant au prince. Les habitants étaient tenus d'y apporter leurs vins et raisins dont la récolte est considérable et qu'on leur pressait à un prix reglé ... Эта регалия была отменена декретом Наполеона от февраля 1806 г.

[46] Там же. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806.

[47] Там же. Département du Reno.

[48] Там же. *Rapport à S. E.* (Les fromages sont fameux etc. в конце общей части доклада). Во Францию сбывалось итальянских сыров сравнительно мало.

[49] Les fromages si fameux sous le nom de *parmesan* se font dans le pays de *Lodi*, il ne s'en ait jamais fait un seul à Parme, mais les maisons de *Parme* étaient en possession exclusive de ce commerce, elles en faisaient des envois considérables pour toutes les parties de l'Italie ... (Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806).

[50] Там же: ... les habitants tirent leurs vaches de Suisse ce qui fait sortir tous les ans du pays une somme considérable. В виде единственного исключения назван: M. Cadoline, le plus riche négociant de Crémone qui tient sur des prairies plus de 80 vaches, est le *seul* qui ait cherché à améliorer l'espèce nationale; il est parvenu à se passer entièrement de l'étranger.

[51] ... les exportations des fromages sont si diminuées que le prix est baissé de moitié.

[52] Там же. Département du Bas Pô. *Rapport à S. E.*, 1806.

[53] Там же. Département du Rubicon. *Rapport à S. E.*, 1806.

[54] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno* 1812. Графа; *legnami* etc., *osservazioni relative all'importazione.*

[55] Нац. арх. F[12] 535. Département du Serio. *Rapport à S. E.*, 1806.

[56] Там же. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806.

[57] Там же: ... la fabrication totale du pays est menacée d'une paralysie prochaine si l'on ne prend les précautions nécessaires. Déjà plusieurs usines sont dans l'inaction, la fabrique de projectiles de Cadolino . . a été forcée d'interrompre ses travaux, faute de charbon ...

[58] Там же. Копи эти находились недалеко от реки Адиже.

Глава IV

[1] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'I nté rieur*, 1806: Le système anglais ... est de toujours conclure marché, plutôt renoncer à une partie du bénéfice qu'il s'était promis que de manquer le marché; il lui suffit que l'eau vienne au moulin, tantôt plus, tantôt moins, pourvu qu'elle vienne toujours.

[2] *Decreto*. Milano, 4 giugno 1803, anno II (подписано: Melzi).

[3] Au Palais de Saint-Cloud, le 27 juillet 1805: Art. I. Les marchandises anglaises sont prohibées dans notre royaume d'Italie. Art. II. Toutes celles qui se présenteront aux douanes seront confisquées et passée l'époque du 1 octobre toutes celles qui se trouveront dans l'intérieur seront saisies comme contrebande.

[4] Миланск. гос. арх. *Estratto dei registri*. Dato in St. Cloud, il di 10 giugno 1806: art. III ... I velluti di cotone, le stoffe et panni di lana, di cottone et di pelo, o misti di queste materie, ogni sorta di piqué, di lassini, di nankini et di mussoline, le fettucie i veli, i bottoni d'ogni specie. Qualunque maiolica conosciuta sotto il nome di terra da pipa, ossia terraglia d'Inghilterra.

[5] Там же, декрет 10 июня 1806 г.

[6] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 7. Декрет Евгения Богарне. 10 декабря 1806 г.

[7] Там же. № 12. Milano, li 4 febbraio 1804. *Il Ministro delle finanze della repubblica Italiana al Vice-Presidente*. Там же вся переписка по этому делу.

[8] Ср., например, там же, *Udienza del Vice-Presidente del di 12 settembre 1803* и др.

[9] Там же. № 7. *A Sua Altezza Imperiale* (10 gennaio 1807): Espongono i ricorrenti che comunque dopo gli ordini 22 maggio 1803, 27 luglio 1805 e 10 giugno 1806 non abbiano, ne passon vi avere ne'loro magazzini delle merci provenienti da colonie o da manifatture inglesi... Евгений Богарне на полях того же документа выражает свое благоволение по поводу усердия (le zèle) миланских купцов и на всякий случай успокаивает купцов, что объявление о товаре английского происхождения—еще не равносильно конфискации этого товара у объявителя (*les déclarations ne sont pas des confiscations* — подчеркнуто Евгением Богарне).

[10] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806: Une grande raison portait encore l'Italie à soigner ses relations avec l'Angleterre, c'était le débit de ses soies; la consommation qu'en faisait l'Angleterre est surprenante; tant écrues qu'en trames et en organzins elle enlevait tout. J'ai interrogé des négociants qui estimaient sa consommation à plus des $^{9}/_{10}$ de la récolte...

[11] Там же: ...il ne c'est jamais fait de grandes affaires en ce genre avec la France, on ne s'entendait jamais sur le prix, d'ailleurs Lyon a toujours préféré — et avec raison — les soies du Piémont.

[12] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: Malgré toutes les entraves qu'éprouve le commerce anglais il est cependant certain que la récolte de l'année dernière est encore passée presqu'en entier en Angleterre.

[13] Там же, на той же странице рукописи.

[14] Там же. Département du Serio. *Rapport à S. E.*, 1806: La presque totalité du commerce des soies se faisait avec l'Angleterre; depuis la guerre il s'était ouvert de nouveaux débouchés par l'Allemagne, mais la guerre de Prusse et surtout le décret du 21 novembre viennent de lui porter des coups sensibles.

[15] Там же. Département du Crostolo. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[16] Там же: ...la prodigieuse consommation qu'en faisait l'Angleterre où ils se vendirent une ou deux guinées la pièce.

[17] Там же. Département du Panaro. *Rapport* à *S. E.*, 1806: ... la fabrication ... y occupe non pas les ouvriers d'une fabrique, mais tous les individus composant la population.

[18] Наш документ излагает это не как рассказ о старине, а как безусловно точный и очень недавний факт: L'ancien duc en avait donné le privilège à M. M. Boni et Nozzi, c'est à eux seuls que l'on pouvait vendre, mais ils étaient obligés d'acheter 1500 chapeaux par semaine. Под l'ancien duc понимается последний герцог, сидевший на моденском престоле пред французским нашествием.

[19] Там же.

[20] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. *Tabella dimostrante i riscontri dati dai prefetti dipartimentali ai quesiti loro proposti colla circolare* 12 *settembre* 1806, № 10756.

[21] Нац. арх. F[12] 535. Département du Haut Pô. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806: ... l'exportation qui s'en fait pour l'Allemagne et les pays autrichiens n'est pas calculable. Этот сбыт был рассчитан на простой народ германских и австрийских стран. Более изящные гранатовые изделия вывозились из Кремоны в Милан и в Тоскану (в Ливорно). Много сбывалось (сортов попроще) также на ярмарках в Реджио и Синигалье.

[22] I negozianti medesimi che aveano speculato sull'ammasso di dette merci, furono atterriti dalla voce corsa, che S. M. andava ad accordare alla Baviera, al Virtemberghese ed a tutti gli stati della confederazione del Reno il favore ... come fu accordato al Gran Ducato di Berg ... (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 12. Милано, li 7 ottobre 1807. Прина — вице-королю).

[23] Там же № 306. *Daziaria. Rapporto, li* 9 *agosto* 1803.

[24] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[25] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 11. Ce 31 décembre 1806. Signé: Lambertenghi. Там же резолюция Евгения Богарне.

[26] Il est essentiel d'observer sur les droits de douane qu'ils sont d'autant plus onéreux aux taux tres élévés où ils se trouvent portés que dans leurs acquittement nulle circonstance n'en peut modifier le montant et qu'il n'est pas possible de les éluder par la fraude, le volume de la marchandise y mettant un obstacle insurmontable (Нац. арх. F[12] 535).

[27] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieür*: ... Ces mêmes marchandises sont prohibées en Italie, c'est donc autoriser la contrebande en Italie,— укоризненно соглашается с Ламбертенги его французский собеседник, доносящий об этом разговоре своему начальству.

[28] Там же. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[29] Там же. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806: ... le commerce de l'Italie avec la France ne paraît point susceptible de recevoir d'extention par de nouvelles transactions. Il n'y a point de reciprocité ... toutes ces transactions ... se bornent de la part de la France à dire à l'Italie: prenez chez moi ce que vous prenez ailleurs; mais alors c'est la France qui exerce son empire sur l'Italie à qui il ne reste qu'obéir. Ce n'est point là un traité de commerce, puisque la France ne peut pas lui promettre de prendre chez elle plus que ce qu'elle n'y prend.

[30] Там же. *Rélations commerciales de la France avec les divers pays qui composent le Royaume d'Italie. Des principaux objets d'importation.— Chapeaux.*

[31] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806. Тут речь идет только о том, что он видел в Милане в тюках, прибывших из таможни в Верчелли. Кроме Верчелли, был целый ряд других тамо-

жен, чрез которые шли французские товары, и направлялись они не только в Милан. Но и частичные наблюдения, ограниченные в месте и времени, которые этот документ в данном случае передает, очень живы и характерны.

[32] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: ... les tarifs sont moins exagérés et à cause de cela le service non moins actif, non moins vigilant, est moins pénible pour les employés, moins onéreux à l'Etat et surtout beaucoup moins odieux aux particuliers qui ne sont point excités à la contrebande par des vexations inouïes comme celles qu'on éprouve aux douanes françaises.

[33] Там же: Il n'y a qu'une voix là dessus et les plaintes; je les ai recueillies dans toute l'Italie, non seulement des négociants les plus honnêtes, mais des autorités italiennes et même des autorités françaises.

[34] Там же. Вот конец дела: Le directeur de Vogherre les a rendus sous caution et en a référé à son directeur général. D'ailleurs aux termes de la loi du 30 april 1806 la navigation est libre et, par conséquent, les douaniers n'ont de visite à exercer que sur les bâteaux qui s'approchent pour débarquer sur leurs côtes.— Ни о каком наказании за явное нарушение закона не могло быть в данном случае и речи.

[35] Там же: ... ils vont même enlever les marchandises sur la rive italienne ...

[36] C'est tout à fait par égard pour les autorités françaises qu'il les a relâchés. Peu de jours après ils ont recommencé.

[37] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806. Он подчеркивает, что это было сделано именно при ссылке на закон о воспрещении вывоза звонкой монеты: ... sous prétexte de s'opposer à la sortie du numéraire ils leur enlèvent même le nécessaire ... un voyageur passant à Verceil et se rendant à Venise n'avait sur lui que 18 louis en or, on lui a inhumainement enlevé cette modique somme et pour continuer sa route on lui a donné une quittance.

[38] Там же. Département du Crostolo. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806:... toutes les marchandises entraient et sortaient sans aucune contrainte, c'est-à-dire que pendant le temps de la foire les droits de douane étaient suspendus.

[39] Там же: ... ce serait accorder au commerce toute la faveur qu'il peut espérer dans un grand état si cet entrepôt était véritable, mais le local est si petit et si humide qu'il devient imaginaire; de plus les visites successives qu'éprouvent les marchandises á l'entrée du royaume, à l'entrée du magasin, puis à la sortie de l'un et de l'autre leur font éprouver des dommages notables et écartent les marchands accoutumés à jouir des franchises des plus complètes...

[40] Там же: ...Je ne me serais pas autant appesanti sur ces détails si je ne les tenais *du vice-roi lui même* (подчеркнуто в рукописи).

[41] Там же: D'ailleurs des effets trop funestes s'en font déjà sentir dans un pays qui ne devait pas se trouver malheureux d'être devenu français. Je parle des états de Parme et Plaisance qui devaient encore un reste de richesses à leur situation sur la route qui réunit la haute à la basse Italie; ils l'ont perdu et la perdent encore tous les jours, la route a changé de direction, négociants, rouliers et voyageurs tous se dirigent sur Mantoue ... on allonge le chemin, mais on évite les douaniers de Parme et de Plaisance ...

[42] Там же: Les bateaux ayant déstination pour le royaume d'Italie ... sont arrêtés au milieu des eaux, visités et saisis sous le prétexte le moins plausible. Les prohibitions étant beaucoup plus nombreuses dans le tarif français que dans le tarif italien, une foule de marchandises qui seraient contrebande sur la rive de Parme ne l'est point sur la rive opposée. Par là ce transit se trouve anéanti ... déjà tous les négociants de Crémone et

même une partie de ceux de Milan prennent le parti d'abandonner le Pô et de faire arriver leurs marchandises par l'Oglio, ce qui augmente les frais de transport, mais les sauve du désespoir de voir leurs marchandises pillées ou pour le moins détériorées.

[43] Там же: Il est très vrai que cette décision a été la source d'un grand nombre d'abus ...

[44] Там же: ... plusieurs engrainures qui se trouvent comme autant d'îles entre les deux lignes des douanes,— et tout autant de portofranco pour la contrebande ... l'intendant des finances de Reggio et le directeur de la douane de Parme se plaignent de l'énorme contrebande que font les gens du pays et qui est ainsi favorisée par cette situation topographique.

[45] Un certo spirito di rivalità, un tal qual timore puerile si oppongono per lo più a suoi progressi ... (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. Novara, li 31 ottobre 1802. *Il consiglio generale del dipartimento d'Agogna*).

[46] Там же. Речь идет о торговом обмене: viene paralizzato intieramente sulle nostre frontiere verso il Piemonte, con un manifesto danno delle finanze nostre, delli consumi ... de'popoli finitimi e della buona corrispondenza che dovressimo coltivare con quei vicini.

[47] Там же.

[48] Там же: Per qual mottivo delle leggi proibitive che servono di stimolo e di scusa al contrabando ne proibiscono l'iscambio? e costituiscono in delitto un genere d'industria che altrove verrebbe premiato?

[49] Там же. Novara, li 31 ottobre 1802. *Il Consiglio Generale del dipartimento d'Agogna*: A giudizio di coloro, che spaventa l'idea di una libertà indefinita di commercio sarà forse pericoloso il permettere l'iscambio di quelle derrate contro il loro valore in denaro?

[50] Там же: ... mezzo vi sarebbe di prevenirlo nella sua più sostanziale conseguenza, sottoponendo la sumentovata libertà di esportazione alla rigorosa reciproca condizione di un semplice cambio di derrata, contro derrata del quale dovrebbe risultare per ottenere reciprocamente il libero transito del genere equivalente a quello che si smercierebbe, onde risultandone che li proprietari potrebbero negoziare direttamente; gli monopolisti, li specolatori pecuniosi non anderebbero a gara con essi ...

[51] Там же: Fino a tanto che non si avrà per massima di sottoporre ad esperimento il positivo valore degli inconvenienti che si attribuiscono alla più gran parte dei principi che non van concordi colla battuta strada sul punto dell'amministrazione politica, si viverà in un incertezza dannosissima al ben del pubblico ...

[52] Там же: ... a quale mai rischio una si fatta provvidenza provvisoria esporrebb'ella frattanto l'interesse permanente delle due nazioni?

[53] В нашем документе особенно настаивается (в самом конце рукописи), что именно область Лумеллина совсем не может обойтись без вин и без скота, которые должны бы туда доставляться из Пьемонта.

[54] Там же: càrichi di gravezze non abbiamo altro mezzo per pagarle se non collo smercio all'Estero delle nostre derrate ...

[55] Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: Ce pays est le plus mal famé de toute la haute Italie. C'est le seul où les routes ne soient pas encore sûres. Lorsqu'il faisait partie de l'état Ligurien, toute la population était contrebandière et faisait également contrebande avec les deux états voisins. Il est devenu français, mais il n'a pas perdu ses anciennes habitudes ...

[56] Там же: Mais si les négociants français se plaignent que les marchandises anglaises filtrent d'Italie dans les départements français au delà des Alpes, les négociants italiens à leur tour se plaignent du contraire. J'ai entendu le Directeur général lui même se plaindre que les négociants français envoyent les marchandises anglaises en Italie, comme produit de leur

fabriques ... Утверждение: *il ne se fait pas de draps à Lyon* — грешит преувеличением.

[57] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 306. Milano, li 6 settembre 1802. *Il ministro delle relazioni estere al ministro delle finanze*: ... voi ben vedete che questo era uno de'maggiori imbrogli ...

[58] Такие смелые фразы, как: l'époque d'une guerre générale ne peut être considéré comme un temps propice au commerce, или la conscription enlève les bras à l'industrie et le propriétaire lui refuse ses capitaux,— могли попасть в официальный доклад, который потом министерство внутренних дел должно было представить Наполеону лишь в сопутствии таких оправдательных оговорок: Ce n'est donc pas le moment le plus heureusement choisi pour en tracer le tableau, mais la volonté de Sa Majesté est de savoir ce qui existe et je présente à Votre Excellence le tableau de l'industrie des départements que j'ai parcourus non tel qu'il pourrait être, mais tel que je l'ai vu (Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806).

[59] Нац. арх. AF. IV. 480. *Dogane*.

[60] Нац. арх. AF. IV. 1710, 13 septembre 1807. *Situation générale*. Доклад вице-короля Наполеону; пункты: *Agriculture et commerce*.

Глава V

[1] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., картон № 12, рукопись № 4348. *Direzione della polizia generale a Sua Altezza Imperiale*. Milano, li 20 gennaio 1807: ... si dice che questa misura abbia sparso il più gran timore nella classe dei negozianti di questa città и т. д.

[2] Там же.

[3] Вот эта дипломатическая фраза: Nel raccomandare il massimo rigore contro coloro che avessero occultato de'crediti, od effetti di proprietà inglese, ho insinuato di usar dolcezza contro i semplici detentori o possessori di mercanzie provenienti da manufattura inglese ...

[4] См. там же резолюцию Евгения (Milan, le 22 janvier 1807).

[5] Там же. Министр финансов (Prina) — вице-королю. Milano, li 7 ottobre 1807: ... i negozianti italiani ... in consequenza della riunione degli stati Veneti ... si trovarono naturalmente forniti in non poca quantità di sifatte merci.

[6] Там же: ... quindi hanno cercato a diffarsene ...

[7] Там же. Указывалось, между прочим, что сами купцы, чтобы повысить цену, выдают свои товары за английские и что продавшие этот товар тосканцам могли прибегнуть к этой уловке: ... merci non inglesi, ma *riputate inglesi* (подчеркнуто в рукописи — *Е. Т.*) e che furono per avventura in Livorno giudicate inglesi per la difficoltà di distinguerle congiunta coll'interesse del negoziante speditore di aquistar loro un valor maggiore, spacciandole per inglesi.

[8] Там же: incutere nel tempo stesso un utile timore per l'avvenire.

[9] ... Confrontando il risultato di questa ricognizione colle dichiarazioni che i negozianti sono stati chiamati a fare delle merci inglesi nel gennaio del 1807 ... si potrà giungere a scoprire per quanto è possibile le frodi ...

[10] Нац. арх. AF. IV. 1710. 7 Mars 1808. Евгений — Наполеону.

[11] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 12. Министр финансов — вице-королю. Milano, li 7 ottobre 1807: ... fabricatori svizzeri di dette merci che hanno transportate nel Regno le loro manifatture e i loro capitali ...

[12] Нац. арх. AF. IV. 1710. Milan, le 18 janvier 1807. Евгений — императору: Je puis affirmer à Votre Majesté que j'ai mis tout le zèle qu'il était en moi pour que Sa volonté fût faite.

[13] Там же: ... les réclamations qui m'ont été faites par les négociants, tendantes à obtenir la liberté de rendre les viandes ou poissons salés, provenant du commerce avec l'Angleterre ... и т. д.

[14] Там же. Milan, 24 janvier 1807. Евгений — императору: ... il ne doit être usé de cette mesure qu'avec une grande circonspection, pour ne pas alarmer tout le commerce...

[15] Наполеон — Евгению. Fontainebleau, 13 novembre 1807. *Correspondance*, t. XVI, стр. 190.

[16] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 63, 187; ср. 13 janvier 1813. *Jacob — à M. le duc de Bassano*: ... j'ai dû entretenir plusieurs fois Votre Excellence des violations de territoire et autres entreprises irregulières que se permettent les employés des douanes françaises sur les frontières du Royaume d'Italie ...

[17] Ср. Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 12. 1 dec. 1810, № 6310. *Dietro Rapporto del Ministro delle finanze sopra une contestazione promossa dal Com. Console di Francia in Ancona et la visita fatta da quegli agenti di dogana ad alcuni bastimenti che entrarono in quello porto. S. A. I.*: il principe Vice Re ha dicchiarato che i detti agenti debbono continuare come per lo passato la sorveglianza et le operazioni che loro sono prescritti su tutti i bastimenti che arrivano ne'porti del Regno.

[18] *Extrait des minutes de la Secrétairerie d'Etat du Palais de Fontainebleau le* 19 *octobre* 1810: art. 4. Toutes les marchandises anglaises qui se trouvent dans notre Royaume d'Italie à quelque titre que ce soit seront saisies et brûlées.

[19] Там же. *Rapporto del Ministro delle finanze*. Milano, li 7 gennaio 1811 (сверху пометка Евгения Богарне: Vu. Milan, le 8 janvier 1811. E. N.).

[20] Некоторые английские историки как будто склонны даже до сих пор видеть в этом перст справедливой судьбы, вознаградившей Мальту сторицей за ограбление острова, учиненное в 1798—1800 гг. французами. Ср. Hardmann W., *A history of Malta* (1798—1815). London, 1909, стр. 51: There was something of retributive justice in the events of these years, which poured back into Malta the wealth of which Bonaparte and Vaubois had drained her in 1798—1800.

[21] Нац. арх. A. F. IV. 1684. 21 juin 1810: Depuis la prohibition des marchandises anglaises ou réputées telles de canton du Tessin est devenu un entrepôt de denrées coloniales et de marchandises *suisses* (подчеркнуто — *E. T.*) lesquelles, si elles ne sont pas véritablement anglaises, appartiennent cependant par leur nature telle que les nankins, mousselines, indiennes etc. à la classe des marchandises prohibées par les décrets de V. M. Les dépenses qu'il en coûte pour empêcher l'introduction de ces marchandises dans le Royaume et en général pour surveiller les confins italiens voisins du canton sont aussi considérables qu'inutiles ... Sous tous les rapports la réunion est donc bien désirable.

[22] Ср. Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. Milano, li 5 gennaio 1811, № 159. *Rapporto del Ministro delle finanze sull'esecuzione degli ordini di Sua Maestà per la confisca di una parte di panni, procedenti dalla Svizzera.*

[23] Там же. Milano, li 10 gennaio 1810. *Rapporto del Ministro delle finanze* (вице-королю Евгению).

[24] Ср. Нац. арх. AF. IV. 1712. 3 janvier 1811. Вице-король — императору.

[25] Декрет Наполеона. Donné en Notre Palais des Tuileries, le 7 Décembre 1810 (контрасигновано: Marescalchi).

[26] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. Milan, le 21 décembre 1810. Вице-король — Наполеону.

[27] Ср. ст. II: Tale verificazione non potrà essere fatta che dal consigliere Direttore generale delle dogane, al quale perciò dovranno essere trasmessi i certificati d'origine e le spedizioni delle dogane ... Il direttore ... porterà la massima severità nel esame delle carte et si rivolgerà, occorrendo,

al consigliere di Stato Direttore generale delle dogane del'Impero per constatare con più sicurenza la verità o falsità di dette carte (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11, 27 novembre 1810. Контрасигновано: Marescalchi).

[28] Наполеон — Евгению. Trianon, 6 août 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 28—29.

[29] Наполеон — Евгению. Paris, 18 décembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 381: Mon fils, je suis toujours dans l'étonnement que le tarif du 5 août n'ait rien rendu au royaume de l'Italie ... J'avais compté que le produit de ces droits vaudrait un secours de dix millions au royaume d'Italie.

[30] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. 23 декабря 1810 г.: Sa Majesté s'étonne toujours, Monsieur le ministre des finances, que le tarif du 5 août n'ait rien rendu au royaume d'Italie et que depuis le 5 août il ne soit entré aucunes denrées coloniales. Je vous en préviens afin que vous vous mettiez à mesure de présenter vous même à S. M. tous les éclaircissements qu' Elle jugera convenable de vous demander.

[31] Нац. арх. AF. IV. 1711. Евгений — Наполеону (25 декабря 1810 г.).

[32] Там же.

[33] Там же: Milan, le 11 décembre 1810. Au moment où les expéditions extraordinaires de Gênes et Livourne commencèrent à se présenter aux douanes italiennes, le décret du 5 août fut appliqué au royaume et ... dès lors les expéditions non seulement cessèrent, mais la plupart de celles qui étaient en route rebroussèrent chemin.

[34] Нац. арх. AF. IV. 1711. Prina — Евгению (11 октября 1810 г.).

[35] Там же. Monza, le 13 septembre 1810. Евгений — Наполеону.

[36] Там же. Ancône, ce 20 octobre 1810. Евгений — Наполеону.

[37] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. Milano, li 27 dicembre 1810. *La Camera di commercio a S. E. il Sig. Conte Ministro del' Interno*:... la dupplicazione di questo dazio avrebbe portato un maggiore disastro della confisca delle mercanzie medesime. Еще раньше — там же, 15 dicembre 1810.

[38] Доклад 15 декабря: tuttochè queste (misure) per un effetto secondario vengono a colpire i suoi sudditi ...

[39] Там же. Milano, li 31 dicembre 1810. *La camera di commercio a. S. E. il Sig. Conte Ministro del'Interno*: La universalità delle misure adottate da S. M. l'Imperatore e Re nella rapidità delle operazioni commerciali, nella diversa posizione de'commercianti e nel necessario trasporto delle merci ... puo portare una influenza ben gravosa o danno ... la quale può essere diforme dalle viste che si è proposta la stessa M. S. ...

[40] Там же: ... la camera di commercio di Parigi senza dare alcuna pubblicità a questa benefica e paterna disposizione, era autorizzata ad animare i negozianti a profitare della medesima.

[41] Там же: Se la mancanza di certificato d'origine non importa confisca in riguardo agli Svizzeri, non lo deve nemmeno importare riguardo ai sudditi del Regno d'Italia, i quali come ogni onesto negoziante suole, potevano anche senza certificato d'origine fare delle speculazioni in estero paese, senz'animo di introdurvi generi coloniali nel Regno d'Italia ...

[42] Там же: ... altro non accadderebbe, se non di depauperare i negozianti del Regno, senza servire alle viste di Sua Maestà.

[43] Там же, картон № 2. Министр внутренних дел — министру финансов, 2 июня 1813, за № 11383: ... sussisterebbe sempre per noi il bisogno di ricorrere ai particolare negozianti francesi per avere le derrate tintorie, che dovremmo dunque sempre pagare un doppio dazio con detrimento, anzi con la totale rovina delle nostre fabbriche.

[44] Там же. *Domande del Consiglio generale di commercio* (графа: *osservazioni*): I diritti di dogana in ciascuno dei due stati fanno parte della rendita pubblica rispettiva e parte importantissima per i fortissimi dazii

cui soggeti i generi coloniali: quindi il principio nei termini in cui è proposto ... non è admissibile.

[45] Нац. арх. AF. IV. 1711, № 162. 13 septembre 1810. Евгений — Наполеону: ... on m'a déjà demandé le transit pour la Suisse, et je l'ai expréssement refusé, parce que j'étais convaincu que si elles allaient en Suisse, elles rentreraient bientôt dans le royaume en contrebande. Votre Majesté sait la facilité que présente à cet égard aux contrebandiers la ligne du Royaume du côté de Lugano.

[46] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. № 3137. 1 luglio 1811. S. M. ricorda a diversi individui l'introduzione nel Regno d'Italia d'una certa quantità di derrate coloniali esistenti nella Svizzera.

[47] Там же, p. m. № 2—7684. *A S. E. Conte Senatore Ministro delle finanze* (27 aprile 1813) *minuta del ministro dell'Interno*: ... voi stesso convenite, Eccellenza, che questo dazio *è fortissimo* (подчеркнуто в рукописи — *E. T.*); ma nello stesso tempo non sapete indurvi ad ammettere che si paghi una sola volta pel motivo che i diritti di dogana in ciascuno dei due stati fanno parte della rendita publica rispettiva.

[48] Там же (мнение торгового совета): ... l'assoggettare ad un doppio dazio le derrate coloniali che servono alle fabbriche nazionali è lo stesso ch'escludere per sempre le nostre manifatture dalla concorrenza con le francesi.

[49] *Note sur le blocus continental.* Palais de Saint-Cloud, 13 janvier 1812. *Correspondance*, t. XXIII, стр. 194: Le sucre est monté en Italie à un prix exorbitant, de sorte qu'il se fait un gain considérable sur le sucre qui vient de Koenigsberg et qui paye un droit continental; ce qui prouve que les lois prohibitives sont observées en Italie.

[50] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 306. Napoli, 11 novembre 1813. Этот декрет прямо уничтожал миланские декреты Наполеона 1802 г. (ст. 1 гласила: i bastimenti di tutte le potenze amiche e neutrali potranno *senz'altra previa autorizzazione* approdare liberamente in porti de nostro regno con carichi di qualsiasi prodotti del suolo, di pesca et di derrate.

[51] Там же.

[52] Нац. арх. AF. IV. 1684. *Bulletin commercial.* Milan, 23 novembre 1813: Les habitants du Royaume de Naples ont accueilli ces changements avec des transports de joie, ils les nomment leur libération ... A Milan on désire que ces changements opérés dans un pays si voisin soient pour le royaume d'Italie l'avant-coureur du retour aux saines idées d'administration financière et d'économie politique.

[53] Там же: Les mesures qui avaient été adoptées dans ces dernières années reduisaient au plus bas prix les produits de leur sol qui périssaient sur les lieux où ils croissent, anéantissaient le travail, l'industrie, les capitaux et produisaient enfin dans ces riches contrées la misère publique et particulière.

[54] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. *Rapporto del ministro delle finanze.* Milano, li 21 febbraio 1814 и там же рукописный декрет (помечено: Dal quartier Ponte di Volta, li 22 febbr. 1814).

[55] Там же: Il bisogno delle fabbriche e de'consumatori del Regno esige che in questi momenti possa il Regno provvedersi per la via della Svizzera di molti oggetti che il decreto 10 ottobre 1810 lo obbligava di prendere *esclusivamente* dalla Francia (подчеркнуто самим министром).

Глава VI

[1] Нац. арх. AF. IV. 1684. Milano, 3 gennaio 1803. *A Bonaparte, Primo Console* etc. *la Consulta di Stato.*

[2] Там же. Milan, ce 19 décembre 1802. Мельци — Бонапарту: L'amitié de toutes les puissances africaines est un avantage d'autant plus précieux

pour provoquer nos efforts vers ce commerce maritime, que nous y avons des faibles moyens.

[3] Нац. арх. AF. IV. 1712. Milano, li 6 aprile 1813. *Rapporto giornaliero a Sua Maestà*: ... il nemico ha spiegato in questi giorni un attività straordinaria a danno del cabottaggio. Tale è però il sistema qu'egli segue ogn'anno all'aprirsi della buona stagione ...

[4] Архив мин. ин. дел. *Mémoires et documents*. Italie, № 12. 1794. *Observations sur la neutralité des puissances de l'Italie*: Il ne suffira pas de ces mesures pour conserver notre commerce du Levant; nous perdons ce commerce, si Malte est cédée aux anglais.

[5] Нац. арх. AF. IV. 1711. *Prospetto generale dei movimenti della marina mercantile italiana, seguiti nel 2 tremestre* 1810 *col confronto di quelli del 2 tremestre* 1811.

[6] Архив мин. ин. дел. Серия *Correspondance*. Gênes, № 177. Ligurie, fol. 318 и сл. *Rapport au premier consul* 23 *thermidor*, an VIII (1800):... la Ligurie livrée à la dernière misère ... Bientôt si l'on continue à exiger de la ville de Gênes des efforts qu'elle est dans l'impossibilité de faire, il ne restera plus de son industrieuse population que ceux, que la misère et les maladies attacheront malgré eux à un sol frappé des fléaux les plus terribles ... Les ressources du trésor public sont absolument nulles ... La Commission Ligurienne demande au Premier Consul que les troupes françaises ne soyent plus à la charge de la Ligurie et qu'il soit mis un terme aux contributions extraordinaires et aux réquisitions dont elle est journellement accablée etc.

[7] Там же. Genova, 1800, in luglio. *Credito della Repubblica Ligure verso la Repubblica francese dall'ano* 1797 *a tutto giugno* 1800.

[8] Там же. *Etat actif du 1799. Etat passif.*

[9] Там же. Turin, № 280, fol. 512. Paris, ce 18 septembre 1804. Ferreri — Талейрану: Les malheurs dont la Ligurie se trouve accablée à cause de la privation absolue de son commerce deviennent tous les jours plus graves ... Cette pénible situation est rendue d'ailleurs encore plus sensible, voyant qu'au moment où ... le commerce de Gênes est anéanti, les villes marchandes de Trieste, de Venise et de Livourne triomphent sur nos ruines et s'enrichissent de nos dépouilles.

[10] Наполеон—Decrès. Milan, 4 juin 1805. *Correspondance*, t. X, стр. 592.

[11] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Gênes, № 179, (26 mai 1805), fol. 395. *Article pour un journal*: Depouillés graduellement d'un commerce que les circonstances ne nous permettraint plus de relever, attaqués par les barbaresques jusque sur nos côtes, ne pouvant pas soutenir la guerre contre les anglais qui sont nos irreconciliables ennemis, notre seule ressource était de nous réfugier sous la protection de la France qui environne de toutes parts nos possessions territoriales et qui peut seule défendre nos côtes et notre commerce.

[12] Ср. Нац. арх. AF. IV. 1710. 2 février 1809. *Rapport à Sa Majesté* (подписано: Marescalchi): En effet, quoique le commerce n'ait pu encore acquérir toute l'activité qu'il doit se promettre, les négociants italiens fréquentent toujours la place de Livourne et font beaucoup d'affaires avec elle, d'autant plus que par ce port que leur arrivent la plupart des marchandises étrangères, soit de France, soit d'autres états et qu'ils font expédier eux mêmes celles qu'ils veulent envoyer dehors.

[13] Нац. арх. AF. VI. 1715. *Mémoire sur le Duché d'Urbin, et les trois Marches d'Ancône, de Macerata et de Fermo.— Exportations* (21 mars 1808).

[14] Архив франц. мин. ин. дел. *Correspondance*, Milan, регистр № 61, лист 223. *Négociation pour un traité de commerce entre la France et l'Autriche. Rapport à Sa Majesté Impériale.*

[15] Это прекрасно понимало французское правительство (ср. только что цитированный документ: Gênes et Nice font partie de l'Empire français;

les autres états d'Italie sont liés à la France. Ainsi l'Autriche serait dans le cas de perdre un avantage aussi notable, si elle ne nous offrait un équivalent dans un traité de commerce ...).

[16] Анонимный автор «большого доклада» (картон Нац. арх. F[19] 535) приписывает предпочтение триестских товаров почему-то *только* этой привычке (см. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: ... les denrées coloniales viennent de Gênes en transit, elles viennent aussi de Trieste et même en plus grande abondance; c'est l'habitude seule qui les fait préférer; l'usage en avait été établi par la maison d'Autriche, qui avait accordé diminution de moitié des droits d'entrée en faveur de Trieste). Но ведь дело было далеко не только в этой «привычке»: до самого 1809 г., т. е. до перехода Триеста в руки Наполеона, колониальные товары ввозились туда в огромных количествах, за них уплачивалась при этом малая пошлина, и, конечно, ни из какого другого порта королевство Италия не могло получить их по более дешевой цене.

[17] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 255. *Al signor intendente di Venezia* etc. (8 giugno 1809).

[18] Там же: ... una grande libertà di commercio ...

[19] Нац. арх. AF. IV. 1711, № 161. 13 septembre 1810. Евгений — Наполеону: En conséquence, pressé de tous côtés par les réclamants, ne pouvant me dissimuler que leurs réclamations étaient justes ...

[20] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 235. *Al signor intendente di Venezia breve relazione sopra Trieste* (Trieste, li 8 giugno 1809).

[21] Там же: ... è riserbato alla volontà dell'imperatore il decidere se i triestini divenuti suoi popoli siano degni delle beneficenze accordate alle buone città di Venezia, di Ancona e di Sinigaglia.

[22] Ковалевский М. М. *Происхождение современной демократии*, т. IV, стр. 50.

[23] Нац. арх. F[12] 535. *Premier apperçu du commerce de Venise avec les échelles du Levant.*

[24] Нац. арх. AF. IV. 1710. *Tableau de la population des Etats Vénitiens...*

[25] То есть в общем 325 779 человек. В документе, относящемся к 1809 г., дана несколько бо́льшая цифра — 334 тысячи.

[26] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 61. *Rapport à Sa Majesté Impériale*, fol. 215. *Population des provinces et isles rétrocédés par l'Autriche conformément au traité de Presbourg.*

[27] Нац. арх. AF. IV. 1710. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie.* Année 1807.

[28] Архив мин. ин. дел. *Mémoires et documents*, № 37, fol. 263—1805. *Notice sur les revenus et sur l'état militaire de la ci-devant République de Venise.* По утверждению цитируемого документа, при австрийцах все было в руках военных властей, которые не имели «ни времени, ни желания» организовать финансы.

[29] Нац. арх. AF. IV. 1710. Stato comparativo delle Finanze de Paesi Veneti ceduti a Sua Maestà. Доходы — 35 019 726 ливров, расходы — 26 894 673 ливра, чистый доход — 8 125 053 ливра.

[30] Там же. *Tableau Général du produit des impositions directes et indirectes* etc. Certifié le 26 mars 1806.

[31] Там же. Paris, le 8 avril 1806. *Rapport du ministre des finances.*

[32] Там же. 12 avril 1806. Вице-король соглашается, что предыдущие сметы были «un peu plus brillants».

[33] *Lettres inédites de Napoléon I*, t. I, стр. 65—66. Наполеон — Евгению. Paris, 21 février 1806: Pourvoyez à la rentrée des 5 millions de contributions provenant des provinces de l'Etat de Venise. *Faites la porter jusqu'à 7 millions.*

[34] Нац. арх. F[12] 535. Départament du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806: Il parait d'ailleurs que les droits de transit sont mal répartis dans le tarif italien ... au moins est-il certain que les commerçants de Bologne se plaignent d'avoir perdu le transit de Trieste pour Livourne qui se dirige maintenant par la voie d'Ancône, malgré le peu de sûreté ...

[35] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 7. Milano, li 7 ottobre 1807. Министр внутренних дел — вице-королю: ... stati veneti, dove le merci inglesi lungi dall'essere proibiti erano anzi state favorite dal governo austriaco e dalla vicinanza di Trieste ...

[36] Нац. арх. AF. IV. 1710. Venise, Le 24 février 1807. *Le commissaire-général, chargé de la Police de Venise et d'Adriatique.*

[37] Там же.

[38] Enfin par sa réunion à l'Italie Venise est rentrée dans sa position naturelle; sous la domination autrichienne elle fut toujours considérée comme province conquise et ne put enlever à Trieste le commerce de l'Allemagne ... elle a le souvenir de sa grandeur passée, elle sent qu'un jour elle sera forte des faveurs de son gouvernement et alors que pourra Trieste? L'orient entier n'est-il pas encore habitué à l'ancienne domination de Venise..? (Нац. арх. F[12] 535. Départament du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806).

[39] Там же: Les maux sont grands, mais la paix les guérira tous. Venise n'attend que la paix pour sortir de son inaction et elle renaîtra plus riche et plus florissante que jamais. Un jour viendra où elle s'élèvera sur les ruines de Trieste, comme Trieste s'est élevé sur ses débris.

[40] Там же: ...la splendeur de Trieste est factice, les capitaux sont à Venise, et à la paix le commerce y retournera...

[41] Там же: ... le commerce y retrouvera même des capitaux qui ne lui étaient pas consacrés...

[42] Нац. арх. AF. IV. 1710. Année 1807. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie*: J'ignore si un système trop rigoureux, employé par les agents de la finance n'a pas contribué à ce résultat ...

[43] Там же: Au reste, si la base de ces gros banquiers et négociants s'est ébranlée, les moyens de jouir de la vie se sont répandus chez les petits marchands, boutiquiers, artistes et artisans de tout genre. Leur industrie devient de jour en jour moins dépendante.

[44] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 1. Venise, janvier 1807: *M-r A. Ravedine, président de la Chambre de commerce des Etats vénitiens ... à Monsieur Douzan, auditeur au conseil d'Etat de France*: ... après notre réunion au royaume d'Italie notre commerce s'est tellement anéanti, notre industrie tellement découragée, par les circonstances ... enfin du commerce et de l'industrie futurs on ne peut raisonner d'après le moment actuel, ou ils n'ont pour ainsi dire aucune existence, ni d'après la marche forcée qu'ils ont dû prendre à la suite de la révolution, ni d'après ce qu'ils étaient auparavant quand les échanges des nations avaient essentiellement pour base l'aisance et la prospérité qu'on ne pourra revoir qu'après de longues années; quand les états n'étaient point isolés et forcés à se suffire à eux mêmes, quand ils n'éprouvaient pas le besoin de faire tout, plutôt que de s'occuper de ce qu'ils savaient faire de mieux...

[45] Там же: Vous sentez bien, Monsieur, qu'il ne faut pas demander à un italien et beaucoup moins à un président de la chambre de commerce, quelle espèce de concurrence peut craindre l'industrie française dans le royaume d'Italie: il doit avoir une partialité pour l'industrie de son pays, et il ne peut pas desirer de voir accorder des privilèges à la votre ...

[46] Нац. арх. AF. IV. 1710. *Le commissaire-général, chargé de la Police de Venise et de l'Adriatique. Notes.* На полях: Pour S. M. l'Empereur et Roi, *Lui seul, d'après ses ordres formels* (подчеркнуто).

[47] Мы видели, что они в *три раза больше* также и тех налогов, кото-

рые уплачивались австрийскому правительству, т. е. еще в 1805 г., в конце которого Венеция попала в руки Наполеона.

[48] Si affrettarono perciò di dare sfogo ai propri magazzini, mandando dette merci ai paesi esteri e singolarmente a Livorno, non essendovi altro paese limitrofo, per cui potesse aver luogo senza danno simile esportazione. (Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 12. Министр финансов — вице-королю, Milano, li 7 ottobre 1807).

[49] Архив мин. ин. дел. *Mémoires et documents*. Venise, № 37, fol. 251—258: Quoiqu'il arrive, Venise, par le seul fait de l'occupation de l'Istrie et de Dalmatie par la maison austro-lorraine, perd son existence maritime. Tirant ses matières pour sa marine marchande de la Dalmatie, elle perd avec la Dalmatie sa marine marchande. Tirant ses matières pour sa marine militaire de l'Istrie, elle perd avec l'Istrie sa marine militaire. Tirant de l'Istrie et de la Dalmatie ses matelots pour les vaisseaux de commerce et de la guerre, elle perd ... les istriotes et les esclavons, c'est-à-dire les meilleus marins.

[50] Там же: Après avoir perdu son existence maritime, Venise doit disparaître de la surface de la mer, à moins que la cour de Vienne, après s'être emparée de l'Istrie et de la Dalmatie n'ait, par respect humain, la bonté de s'emparer de la Venise et de disposer les choses de manière qu'on y puisse exister.

[51] Архив. мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 61. *Rapport à Sa Majesté Impériale*, 1806, fol. 213, об. страница: L'Istrie est une province importante par sa richesse, par sa population, par ses relations intimes et journalières avec la ville de Venise, qui pour la majeure partie de ses plus nécessaires consommations est dans une dépendance presque absolue de l'Istrie. Tout établissement qui tendrait à affaiblir cette dépendance à quelque dégré que ce soit ne pourrait qu'être préjudiciable à la prospérité de la ville de Venise et aux intérêts du royaume d'Italie.

[52] Там же.

[53] Нац. арх. F^{12} 535. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[54] Там же: ... il y a encore aujourd'hui 1000 bâtiments appartenant aux commerçants du pays qui n'entendent que la paix pour sortir du port.

[55] Там же. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: Toute l'Italie fait une consommation prodigieuse de salaisons de toute espèce ...

[56] Там же: ... jusqu'au novembre dernier les anglais étaient exclusivement en possession de ce commerce ...

[57] Там же.

[58] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 7. *Adriatico. Cause generali del decadimento* etc. (1806): ... il numero delle nostre manifatture si poteva caratterizzare quasi di assoluta necessità per gli abitatori del Levante.

[59] Нац. арх. F^{12} 535. *Premier aperçu du commerce de Venise avec les échelles du Levant.*

[60] Там же.

[61] Наш документ утверждает, что этот товар производится исключительно в Венеции: Un autre genre d'industrie en verre est uniquement fabriqué dans les dites isles Vénitiennes; ce sont les verroteries, ou petits grains de verre, de toute grosseur et de toute couleur, qui forment une branche très importante de commerce pour l'Inde ... и т. д.

[62] Там же: La fabrication des séquins dits de Venise est une branche de commerce très lucrative; c'est la monnaie la plus courante et la plus estimée dans toute l'Empire Ottoman, en Barbarie, en Perse et dans l'Indostan.

[63] Там же: ... les circonstances politiques, qui influent sur la sûreté ou le danger du pavillon des uns et des autres, déterminent la préférence que les turcs leur donnent.

[64] Ср. там же: *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— Draperies*: Le commerce des mêmes draps avec la Turquie que la république de Venise favorisait par une prime considérable a dû tomber depuis la réunion, mais il est probable qu'en revanche la consommation italienne s'est fort augmentée.

[65] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 7. *Adriatico*. Venezia, 28 maggio 1806. *Il magistrato civile ... a Sua Eccelenza il S. Ministro del'Interno.*

[66] Там же.

[67] Там же. № 2. Venezia, li 13 settembre 1812. *La camera di commercio* etc. *al Prefetto.*

[68] Нац. арх. AF. IV. 1710. Вице-король — императору. Sans date. 17 avril date présumée (приписано, по-видимому, при поступлении бумаги в архив. Во всяком случае вполне ясно, что она относится к весне 1806 г.): Plusieurs circonstances concourent à propager les mauvaises opinions. A Venise les malveillants s'appuyent de la cherté extrême de la viande de la boucherie, de la cherté plus grande encore de l'huile; enfin de l'augmentation de l'impôt direct ... Выше: ... quelques-uns disent que Votre Majesté ne les traite pas comme des sujets, mais comme des peuples conquis.

[69] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 12. Salonique, le 1 Mai 1810. *Le vice-consul, chargé des affaires du consulat général de France à S. E. le ministre de la Guerre et de la Marine du Royame d'Italie.*

[70] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 21 avril 1806. *Correspondance*, t. XII, стр. 361: Ne dirait-on pas à entendre les Vénitiens qu'ils se sont donnés à moi par pure volonté? ... и дальше: J'ai traité Venise comme pays conquis, sans doute; l'ai-je obtenue autrement que par la victoire? Il ne faut donc point trop éloigner cette idée.

[71] *Œuvres de Napoléon à S-te Hélène.— Correspondance*, t. XXIX, стр. 306: La vue d'un fusil faisait trembler ces indignes descendants des Dandolo, des Zeno, des Morosini.

[72] Там же.

[73] Ср. Наполеон — Евгению. Rosnig, 1813. *Correspondance*, t. XXV, стр. 390.

[74] Нац. арх. AF. IV. 1712. 15 mai 1813. *Alla Maestà* etc. (подписано: il duca di Lodi).

[75] Там же. 31 mai 1813. Евгений — Наполеону.

[76] Нац. арх. AF. IV. 1711, № 162. 13 septembre 1810. Евгений — Наполеону.

[77] Наполеон — Montalivet. Rambouillet, 16 juillet 1810. *Lettres inédites de Napoléon*, t. II, стр. 54.

[78] Ср. там же, t. II, стр. 220 (Наполеон — графу Прина. Trianon, 22 mars 1813).

[79] E vero che mediante le licenze di navigazione noi possiamo adesso procurarsi d'altronde che della Francia le derrate coloniali; ma è vero altresi che tali licenze non sono che un provvedimento transitorio, quando invece il Consiglio generale implorò un provvedimento di massima e stabile (Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 2. Министр внутренних дел — министру финансов, 2 июня 1813 г., за № 11383).

[80] Там же. *Ministero delle finanze.* Milano, li 1 maggio 1813. № 6475/1542.

Глава VII

[1] Архив мин. ин. дел, *Italie. Mémoires et documents*, регистр № 12, лист 105. *Italie en général.— Commerce, Moyens de traiter avec l'Italie*

[2] Там же: C'est par un traité général qu'il faut que nous terminions avec l'Italie: tout traité partiel y fera mal nos affaires à moins qu'il ne soit

calqué sur les dispositions qui devraient entrer dans le traité général, c'est-à-dire qu'il ne soit la suite d'un plan général déjà tracé de ce que la république veut que l'Italie soit désormais pour elle.

[3] Ср. I том *Континентальной блокады* (см. наст. изд., т. III, стр. 239. — *Ред.*) — о курьезной внешней форме этого договора, где Наполеон договаривался с самим собою, в качестве императора французов и короля Италии.

[4] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 23 août 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 71: Au lieu de la moitié du droit, les marchandises françaises ne devraient rien payer à leur entrée en Italie.

[5] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 62, fol. 105. Milan, 6 décembre 1809. *Fleury à M-r le Duc de Cadore*: ... ceux de nos fabriquants qui entendent le mieux leurs vrais intérêts attachent beaucoup plus de prix à la conservation entière de l'entrée exclusive, accordée ici à nos étoffes de laine et autres qu'à la diminution des droits dont ils ne profitent pas eux-mêmes parce qu'en dernier résultat elle tourne au bénéfice des débitants au détail ou des consommateurs italiens.

[6] Нац. арх. AF. IV. 1712. Prina — императору, 1811: ... dans l'intime conviction où je suis que l'état actuel des choses ne peut pas être conservé sans la ruine totale des manufactures naissantes du Royaume et sans faire tort aux revenues de l'Etat ...

[7] Там же. Paris, le 25 mars 1811. Доклад Montalivet (*Rapport à Sa Majesté*): ... donner notre tarif au Royaume d'Italie ce serait prohiber de ce pays la sortie des chanvres, de la laine, des soies grèzes sauf quelques exceptions, des cuirs en poil, des cuivres, des peaux et pelleteries non préparées ...

[8] Там же: Il est donc vrai que les combinaisons différentes des intérêts des deux peuples ne permettent pas une assimilation de tarif; et si l'Italie adoptait le nôtre, ce ne pourrait être que vis-à-vis des autres peuples de l'Europe. La France aurait à réclamer tant des modifications que le principe de l'assimilation serait reduit presqu'à rien par l'effet d'éxceptions extrêmement multipliées ... Ce qu'on veut y substituer ... porterait un coup funeste à notre industrie sans produire une amélioration dans ses finances du Royaume d'Italie ... si nous exportons peu ou point en Italie, la perception sera ou réduite de beaucoup, ou nulle.

[9] Там же. *Rapport à Sa Majesté*: Je ne puis trop répéter, Sire, combien dans la situation actuelle du commerce de France, toute innovation tant soit peu défavorable l'alarmerait. Je prie Votre Majesté de considérer que la Russie par l'effet de la dépréciation de son change et du dernier Ukase de l'Empereur Alexandre devient nulle pour nous, que l'Allemagne a considérablement diminué ses demandes ... que le Royaume de Naples et celui d'Italie offrent presque seuls l'aliment à l'activité des nos fabriques, aliment précieux ...

[10] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 62. Paris, le 27 février 1810. *Le ministre de l'Intérieur... à Son Excellence M. le Duc de Cadore*: Elle est relative aux échantillons que portent les commis-voyageurs etc. Этот термин *commis-voyageurs* еще не часто попадается в документах Первой империи.

[11] ... Le merci di Francia spedite alle fiere di Allemagna ... dovevano per entrare in Italia prendere naturalmente la via del Tirol, invece di ritornare in Francia onde essere rispedite per la via di Vercelli nel Regno. (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. Министр финансов — вице-королю. Milano, 10 dicembre 1810).

[12] Архив мин. ин. дел. *Correspondance*. Milan, № 62—106. *Difficultés sur les certificats d'origine et moyens de les lever*.

[13] Там же. *Italie*, № 62. *Marescalchi à M. le duc de Bassano*. Paris, le 26 avril 1811.

[14] Там же. Milan, № 62, fol. 102 и сл. *Fleury à M-g-r le duc de Cadore*. Milan, 6 décembre 1809: et l'on est porté à croire que la surveillance des douanes locales s'exerce bien plus rigoureusement sur les envois immédiats qui jouissent d'une demi-franchise que sur ceux indirects qui payant les droits entiers viennent augmenter la recette du pays ... и дальше: Cette mesure ... éviterait que des titres valables pour la demi-franchise, des articles réellement français ne fussent parfois trop légèrement réfusés par les douanes locales afin d'en venir à la perception totale des droits.

[15] Там же: J'ai été effectivement averti en secret et à plusieurs reprises que malgré le décret prohibitif du 10 juin 1806, l'on introduisait dans ce Royaume par Lugano (frontière helvétique) de fortes quantités de draps d'Allemagne et de Hongrie.

[16] Там же. Milan, № 61. *Le consul général de France... à Son Excellence Monseigneur de Champagny, ministre des affaires étrangères*, Milan, 21 juillet 1808: ... j'ai dû après plusieurs conférences avec le directeur général des douanes et dont le résultat ne m'offrait rien de décisif remettre à M-r le directeur des affaires étrangères à Milan la note etc. etc. И дальше: Dans *l'intervalle* qui s'est écoulé entre la remise de ma note et la réponse ...

[17] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m. № 2. *Domande del Consiglio Generale di commercio nelle quali è interessato il Ministero delle finanze* (рукопись вложена в препроводительную бумагу от министра внутренних дел — министру финансов, за № 5452, от 5 марта 1813 г.).

[18] Нац. арх. AF. IV. 1712. Евгений — Наполеону. 31 mai 1813: ... de pareils événements ne font que rendre plus évidente la nécessité de donner un débouché à ces deux denrées principales, en permettant leur exportation du royaume ...

[19] Там же.

[20] Нац. арх. AF. IV. 1684. *Sur les relations commerciales de la ville libre de Nuremberg avec la France et l'Italie et sur le tort irréparable que la suppression de l'immédiateté de cette ville ferait au commerce de ces deux pays* (... l'Italie perdrait le dernier canal pour son commerce avec le Nord). Там же, Albel — министру иностранных дел Италии, Paris, ce 15 mars 1806.

[21] Там же.

[22] Нац. арх. AF. IV. 1711. 25 décembre 1810. *Rapport à Sa Majesté l'Empereur* etc. (подписано: Marescalchi).

[23] Там же. Письмо Cetto к Marescalchi, Paris, le 21 novembre 1810: Il est également nécessaire qu'on détermine d'une manière précise la forme des certificats d'origine dont les fabrications bavaroises devront être pourvues ...

[24] Ср. Нац. арх. AF. IV. 1710. Вице-король — императору. Monza, ce 4 novembre 1807.

[25] Нац. арх. F^{12} 535. Berne, 2 juin 1811. Доклад Catineau-Laroche'а министру внутренних дел: Cependant depuis notre révolution la Suisse avait perdu ses principaux débouchés ... Il lui restait beaucoup moins de débouchés ostensibles, et ses fabrications avaient plus que doublé depuis la guerre maritime: elle avait donc des moyens secrets de placement: ces moyens étaient la France et l'Italie ...

[26] Нац. арх. AF. IV. 1711. 1) Milan, le 12 novembre 1810. Prina — вице-королю: Votre Altesse peut assurer Sa Majesté que l'administration italienne ne cède à qui ce soit en zèle et en vigilance pour l'exécution de ses ordres etc. 2) Там же, доклад Bargagnani министру финансов, 12 ноября.

[27] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 26 août 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 77: Il faut que les douanes d'Italie soient mises sur le pied des celles de France; sans cela je ne vous cacherai pas que je réunirai le royaume d'Italie.

[28] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. *Copia di lettera di S. A. il Principe Vice Re, in data de li* 23 *dicembre* 1810.

[29] Нац. арх. AF. IV. 1712. *Rapporto a Sua Maestà, 7 ottobre 1811* (подписано: Antonio Aldini).

[30] Наполеон — Евгению. Paris, 10 mars 1812. *Correspondance*, t. XXIII, стр. 352.

[31] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. Dato dal Nostro Quartier generale Imperiale di Varsavia, questo di 18 gennaio 1807. Napoleone. Per l'Imperatore e Re il ministro segretario di Stato Aldini.

[32] Там же. Доклад министра финансов вице-королю, от 2 июня 1808 г.

[33] Там же. Dato in Milano, il di 16 novembre 1809 (подписано вице-королем, контрассигновано Strigelli).

[34] Там же. *Rapporto 13 novembre* 1809: La stagnazione generale del commercio italiano, la sopprabondanza dei prodotti territoriali ed il vilissimo loro prezzo ...

[35] *Correspondance*, t. XXI, стр. 105—106. Saint-Cloud, 5 septembre 1810: Il est donc convenable que le transit pour l'aller et le retour soit permis par le royaume d'Italie en plusieurs sens ... И выше: il faut régler le transit de Gênes, Turin et Livourne par le royaume d'Italie. Il faut qu'il ne coûte presque rien.

[36] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 11. Donné au Palais des Tuileries le 27 novembre 1810.

[37] Нац. арх. AF. IV. 1710. 13 septembre 1807. *Situation générale*. Доклад вице-короля Наполеону. Пункт: *Agriculture et commerce*: En 1807 presque plus d'exportation. Les grains, la soie, le chanvre et le fromage se sont amoncelés dans les magasins et conséquemment les prix ont considérablement diminué. Le prix du froment, du riz et du fromage est de moitié au dessous des prix ordinaires.

[38] Там же: Mais les expéditions pour la Hollande sont considérées comme finies et quant aux autres elles sont si peu de choses, qu'on ne peut attendre d'elles que le prix de soies se relève.

[39] См. главу IV настоящей работы, § 1, passim.

[40] Нац. арх. AF. IV. 1710: Si ce prix ne baisse pas davantage, il faudra l'attribuer à la nature de la denrée dont le propriétaire est ordinairement moins pressé d'argent que celui des grains et des fromages.

[41] Там же.

[42] Там же: La prohibition des marchandises anglaises ou présumées anglaises a été profitable aux manufactures du Royaume, mais ces manufactures sont en petit nombre et presque toutes naissantes ... mais les capitaux, où les prendre? Il n'est pas, je crois, un seul capitaliste en Italie qui eût le courage d'employer ses capitaux au profit de l'industrie...Il est des départements où on place son capital à 2% par mois et quelquefois au délà.

[43] Там же. *Esprit des habitants dans le Royaume d'Italie. 1807.*

[44] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 234 (подписано: Lambertenghi). Документ без заглавия (доклад министру финансов, 1808 г.).

[45] Ср. там же, картон № 7. *Elenco delle principali fabbriche che esistono nel dipartimento dell'Adige* (1808), графа: *cordami*, *cause della decadenza*: L'attuale decadenza del commercio, e le diminuite spedizioni hanno causato il degrado di questo ramo di fabbricazione. Или там же графа *capelli*: si sono diminuiti i consumi, attesa la diminuzione del commercio и т. д.

[46] Там же, № 234, 12935. Milano, li 12 agosto 1811. *Rapporto con cui si accompagna il bilancio politico del 1810.*

[47] Там же.

[48] Там же: La penuria poi'nella quale si trovavano i limitrofi stati esteri e specialmente la Francia di prodotti cereali, e lo spirito di providen-

za dei speculatori contribuirono ad una copiosissima esportazione de'nostri grani e delle sete le quali sostennero questo felice ascendente fino a tutto ottobre 1810.

[49] Там же. Эту оговорку подчеркивает документ: prededotto sopra ciascuno di detti articoli il valore dell'esportazioni dal Regno.

[50] Там же. *Direzione Generale delle dogane, li 6 agosto* 1811 (подписано: Germani).

[51] Там же (bilanci): Milano, li 18 settembre 1812. *Rapporto che accompagna il bilancio di commercio dell'anno* 1811.— Подсчеты за 1811 г., какие у нас имеются, вообще говоря, во многих отношениях кажутся сомнительными. В I томе «Континентальной блокады» я упоминаю о цифрах, даваемых также в книжке Pecchio, служившего при Евгении Богарне. Эти цифры как раз относятся к 1811 г. и взяты им, по-видимому, из официальных бумаг. Самые подлинники подсчетов за 1811 г. далеко не полностью найдены были мной в архивах Милана и Парижа. Может быть они исчезли, а может быть, мне не посчастливилось их найти.

[52] Нац. арх. AF. IV. 1712. 26 septembre 1811. Вице-король — императору.

[53] Наполеон — графу Монталиве, министру внутренних дел. Fontainebleau, 15 novembre 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 322.

[54] Наполеон — Евгению. Fontainebleau, 15 novembre 1810. Там же, стр. 324—325: je ne conçois pas pourquoi 2000 individus de Vicence travaillant en soie manqueraient de travail.

[55] Нац. арх. AF. IV. 1711. Milan, ce 26 décembre 1810: L'interruption totale du commerce, l'état de dépérissement où va tomber le peu des manufactures tant de soie que de coton.

[56] Нац. арх. AF. IV.* 487—62. Articolo III: *Amministrazione delle dogane.*

[57] Там же. 67. Сам Наполеон, впрочем, ждал гораздо больших доходов, высказывал даже мысль об «удвоении» их.

[58] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio, Bilanci politici*, картон № 234. *Bilancio approssimativo per l'anno 1812 sopra il valore dell'Importazione e del Esportazione delle merci per il Regno d'Italia colle osservazioni di provenienza e destinazione*. Я уже цитировал по разным поводам отдельные части этого документа в настоящей книге.

[59] Там же: a) *Direzione generale delle dogane* (за № 1127), li 6 agosto 1811.— Для 1812 г. в том же картоне: b) *Bilancio approssimativo del'anno* 1812.

[60] Там же, первый документ, поименованный в предшествующем примечании.

[61] Там же. *Bilancio per l'anno* 1812.— Для 1810 г.— Нац. арх. AF. IV.* 491. *Bilancio sopra le merci importate dal Regno* etc. и Миланск. гос. арх., указанный картон, *Direzione generale delle dogane*, li 6 agosto 1811. Подписано: Germani (за № 1127).

[62] Ср. *Direzione generale delle dogane* (см. предыдущее примечание): ... la relazione colla Moscovia per 1.631.500 che formano una totale passività non constando che siasi fatto verun concambio cogli articoli del suolo di questo Regno.

[63] Это отсутствие просто констатируется, но не объясняется нашим документом (там же: ... non essendovi alcuna corrisponsione di concambio).

[64] Нац. арх. AF. IV. 1712. № 85. Milan, 7 juin 1813. Евгений — Наполеону: ... les sommes employées à ces acquisitions n'ont pu ensuite être réalisées soit parce que la consommation des denrées coloniales a diminué, soit parce que les licences spéciales en ont amené de Malte une assez grande quantité ...

[65] Миланск. гос. арх., *Commercio*, № 2. Milano, li 13 maggio 1814. *La Camera di Commercio alla Reggenza del Governo Provisorio.*

Глава VIII

[1] Декрет 21 ноября 1806 г. был распубликован в королевстве Италии и вошел в силу лишь в средних числах декабря.

[2] За полной неправдоподобностью многих цифр первой рубрики, я их тут не печатаю, а сопоставляю их с другими, более заслуживающими доверия свидетельствами. До какой степени лживы показания, дававшиеся властям шелководами и шелкоделами, явствует хотя бы из таких сопоставлений. По словам шелководов, они собрали в 1810 г. 963 410 *фунтов* сырца, а в 1811 г. 731 895 фунтов; между тем, по показаниям таможенных властей, в 1811 г. только за границу было вывезено на 438 225 *килограммов* меньше, чем в 1810 г. Или: по показаниям шелкоделов, они выручили от продажи как внутри страны, так и за границей в 1807 г. от продажи шелковых фабрикатов 13 458 428 лир, а по отчетам таможенных только *за границу* было вывезено шелковых материй в 1807 г. на 17 миллионов лир! И такая же курьезная разница во всех показаниях о других годах. Шелкоделы *всегда* до смешного уменьшали в своих показаниях цифру выручки — боясь новых налогов и т. д. Вот почему, если чему можно несколько больше верить в вышеприведенной таблице, то *только* данным о числе мануфактур и рабочих-ткачей и, с настойчивыми оговорками, данным о двух других категориях рабочих.

[3] Миланск. гос. арх. Governo, p. m., *Commercio*, № 319.

[4] См. предыдущее примечание.

[5] Там же. № 234 (bilanci). Milano, li 18 settembre 1812. *Rappo to che accompagna il bilancio di commercio dell'anno* 1811: ... il traffico di questo prodotto dell'industria italiana colla Germania e coll'Elvetia va ogni di più descrescendo ed è ormai ridotto meschinissimo. Derivi ciò dall'-interrotte communicazioni di quei Stati per le vicende politiche coi paesi d'oltremare, o dall'esclusiva delle manifatture estere, o dall'inizitiva d'introdurre nel regno articoli di considerevoli consumo e valore, egli è pertanto evidente che mancando i trafficanti esteri di effetti ad offrire in concambio delle nostre sete, abbandonano questo commercio.

[6] Там же: ... il prodotto principale della nostra industria è minacciato da fatalissima crisi ...

[7] Там же: ... anno di guerra, guerregiata sul territorio del regno.

[8] Там же. № 14. *Prospetto delle estrazioni delle sete dal Regno d'Italia nei primi cinque mesi del 1811 col confronto coi primi cinque mesi del 1810.*

[9] Там же. № 319. *Direzioni generale delle dogane. Stato delle sete esportate dal Regno d'Italia* etc. Milano, li 27 gennaio 1813.

[10] Там же. № 319. *Direzione Generale delle dogane. Milano, li* 27 *gennaio* 1813, *pel consigliere di Stato, Direttore Generale delle dogane indisp., il f. f. di segretario generale Pecorini. Stato delle sete esportate dal Regno d'Italia etc.*

[11] Директор итальянских таможен утверждает, что даже из того количества, которое показано в графе вывоза в Швейцарию, бо́льшая часть в Швейцарии не задерживается, а идет тоже в Германию (см. цит. документ *Osservazioni*).

[12] Там же. *Osservazioni*: ...anche quelle estratte alle Prov. Ill-che nel 1812 sono quasi tutte andate a Malta colle licenze speciali accordate da Sua Maestà.

[13] Там же. *Ministero delle finanze. Commercio. Bilanci politici*, картон № 234. *Sete, loro attinenze e manifatture*. Графа: *Osservazioni relative all'importazione* (*Bilancio approssimativo dell'anno* 1812).

[14] Между тем Россия (*Moscovia*) показана при сведении окончательных итогов ввоза и вывоза. А что в Россию шли именно шелковые товары из Италии, это мы знаем из целого ряда других свидетельств.

[15] Наши документы, касающиеся торговых балансов, даже так и указывают в соответствующей графе: *A Malta con licenze*. Очень жаль, что никто из историков о. Мальты (не говоря уже об историках Англии) не подумал поискать в местных архивах сведений о размерах мальтийской контрабандной торговли в рассматриваемый период: какие-нибудь следы, наверное, нашлись бы. И наперед можно утверждать, что «senza licenze» Мальта торговала несравненно больше, чем «*con licenze*».

[16] Эти подсчеты я нашел уже не в Миланском, а в Парижском (Национальном) архиве: AF. IV.* 491, 12 Sezione, IV.

[17] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806: ... toute la population du petit pays est occupée à faire des mouchoirs de soie noirs et de couleur qui ont un débit considérable en Allemagne. C'est la seule fabrique de ce genre en Italie, on n' en fait point à Lyon, de sorte qu'ils auraient aussi un très grand débit en France, si on en favorisait l'importation

[18] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806. Некогда эта область входила в состав владений сардинского короля.

[19] Там же. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806. Документ в данном случае явственно смотрит на Германию только как на передаточный пункт:...le reste est exporté en Allemagne et passe en Angleterre...

[20] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m. *Commercio*, № 319.

[21] Нац. арх. F[12] 535, та же страница рукописи. *Rapport à S. E.*, 1806. В конце доклада о департаменте дается более точная цифра ценности годового вывоза шелка (очевидно, за 1805 г.): 6755 тысяч лир.

[22] Там же. Département du Haut Pô.

[23] Там же. Département du Crostolo.

[24] Там же. Département du Panaro. *Rapport à S. E., le ministre de l'Intérieur*. Шелкоделие сводится почти к нулю: ... mais ce qui s'y fait en étoffe de soie est très peu de chose.

[25] Там же. Département du Reno.

[26] Там же.

[27] Département du Rubicon. Относительно вывоза в Тоскану подчеркивается, что Тоскана не была для шелка только местом транзита:...il en passe aussi beaucoup en Toscane où elles (les soies) sont travaillées ...

[28] Département du Bas-Pô.

[29] Нац. арх. F[12] 535. Département Lario. *Rapport à S. E.*, 1806.

[30] Там же.

[31] Нац. арх. F[12] 535. Département Lario. *Rapport à S. E.*, 1806: ... *le tout* s'envoie aux foires de Francfort et de Leipzig ...

[32] Нац. арх. F[12] 535. Département d'Olona. *Rapport à S. E.*, 1806.— Уже до 1806 г. в Италии были попытки разводить некоторые виды шафрана у себя: ... un particulier du pays a essayé de cultiver le saffrane qui sert à faire la couleur de rose, il a assez bien réussi et donne une belle couleur.

[33] Там же: ...il y a en outre une grande quantité de métiers à bas de soie, épars aussi dans les maisons ...

[34] Там же.

[35] Из 443 тысяч фунтов, которые, как сказано выше (см. стр. 219), давала эта область.

[36] Нац. арх. F[12] 535. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[37] Там же: ... la mer étant fermée, ce commerce est comme interdit ...

[38] Там же.

[39] Darmstädter в своих *Studien* (см. предисловие к I тому моей «Континентальной блокады») ошибочно пишет: Er willigte in die zollfreie Zulassung von ... seidenen Crêpes ein.

[40] N'est-il pas absurde à penser? — возмущенно спрашивает свое на-

чальство даже агент французского министерства внутренних дел по этому поводу (Нац. арх. F[12] 535. Département du Reno).

[41] Там же. *Rapport à S. E.*, 1806.

[42] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, A — Z, картон № 235. *Quadro dimostrante l'attuale situazione delle fabbriche di manifatture principali ed altri rami d'industria esistenti nel dipartimento Alto Adige, anno* 1812. *Osservazioni generali*: ... Ciò che apportava un vero incremento al ben'essere della popolazione era la coltivazione del tabacco, la sua fabbricazione e commercio.

[43] Там же, в графе: *Cagioni della decadenza delle fabbriche.*

[44] Там же. *Quadro* etc. ... *nel dipartimento Alto Adige, anno 1812*, графа: *Cagioni della decadenza delle fabbriche*: Trento con un principe vescovo era una piccola Roma quanto alla magnificenza del numeroso suo clero. Дальше следует обобщающее замечание, которое должны принять к сведению все, занимающиеся экономической историей средней Европы: questa osservazione è commune a molti principati ecclesiastici della Germania.

[45] Там же: Tante e si forte cagioni non lasciano luogo a sperare che in Tirolo sia giammai per errigersi qualche fabbrica di consequenza che impieghi una parte del suo raccolto di materia primaria.

[46] Там же: ... questa circonstanza influisce anche sulla decadenza delle fabbriche di drappi e veluti in seta.

[47] Там же: ... devesi alla mancanza assoluta od almeno all'eccessivo prezzo delle merce di tintoria la decadenza delle fabbriche di Roveredo e Trento.

[48] Там же.

[49] Нац. арх. F[12] 535. Département du Crostolo. *Rapport à S. E.*, 1806. О шелководстве этого департамента см. стр. 220.

[50] Там же. Département du Rubicon. *Rapport à S. E.*, 1806: Il y a des soies en abondance, mais on ne sait pas les travailler, ni même les filer, elles passent grèzes dans les départements voisins...

[51] Cependant il est malheureusement trop vrai que les fabriques de France malgré leur supériorité, luttent péniblement dans le royaume d'Italie contre la rivalité de celles du pays, qui leur sont très inférieures ... (Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales* etc. *Des principaux objets d'importation dans ce royaume.*— 1-r article sur les soyeries).

[52] Там же, первая страница рукописи.

[53] Les produits de celles de France n'ont pour contrebalancer cet avantage que le goût des consommateurs qui les préfèrent à cause de leur supériorité et la facilité d'être introduits en contrebande, effet inévitable de l'énormité des droits de douanes (там же, предпоследняя страница).

[54] Нац. арх. AF. IV. 1712. *Différence des droits actuels sur les soieries, d'avec ceux proposés pour l'entrée de France en Italie par le ministre des finances de ce royaume.*

[55] Нац. арх. F[12] 535. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[56] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 234 (bilanci). Milano, li 18 settembre 1812. (*Rapporto* etc.): La stessa nuova communicazione col Levante per la via delle Provincie Illiriche, pare, ridondi in discapito di questo ramo di commercio italiano. Le seterie di Francia presso quelle nazioni subentrano alle nostre, ed anche in questa parte la concorrenza delle manifatture francesi rovescia la nostra industria e s'arricchisce delle nostre spoglie.

[57] Там же. № 319. *Dazio di uscita delle sete dal Regno d'Italia.*

[58] Там же. № 321. *Stato delle sete raccolte negli anni* 1811 *e* 1812.

[59] Там же. № 319. *Direzione Generale delle Dogane, stato delle sete esportate dal Regno d'Italia* etc. Milano, li 27 gennaio 1813. Графы: *Destinazione* и *Osservazioni.*

[60] Наполеон — Евгению. Saint-Cloud, 23 août 1810. *Correspondance*, t. XXI, стр. 70.

[61] Там же.

[62] Там же, стр. 71: Mais laissons tous ces faits. J'entends mieux que personne la politique de l'Italie. Il faut que l'Italie ne fasse pas de calculs séparés de la prospérité de la France; elle doit confondre ses intérêts dans les siens; il faut surtout qu'elle se garde bien de donner à la France un intérêt de la réunion; car si la France y avait intérêt qui pourrait l'empêcher? Prenez donc aussi pour devise: *la France avant tout.*

[63] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, № 2. Milano, li 31 agosto 1812. *Camera di commercio, arti e manifatture*:... e più di tutto al seguito smembramento di quelle città e paesi ne'quali solevasi spedire la massima parte de'loro prodotti.

[64] Там же: piccola è la città di Pavia, ma grande era lo smercio delle nostre stoffe ...

[65] Там же: quali ora aggregati all'Impero Francese restano quasi entieramente escluse pel grave dazio d'entrata a cui vanno soggette.

[66] Там же. Milano, li 31 agosto 1812. *Camera di commercio, arti e manifatture*: ... epoche antecedenti il 1796 allorquando le nostre fabbriche fiorivano per l'immensa quantità di stoffe che ne'stati austriaci venivano introdotte con tenue dazio ...

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Там же: ... nelle altre volte Città Anseatiche, ora all'Impero Francese aggregate ... impone un dazio ... fece decrescere lo smaltimento delle nostre produzioni.

[70] Там же: ... incalcolabili danni alle nostre fabbriche ...

[71] ... quantità delle stoffe estere che con facilità e tenue dazio si possono avere. Это — обычный способ выражений в итальянских официальных документах: при жалобах на слишком малую огражденность королевства от наплыва французских товаров итальянцы предпочитали слово *estere* слову *francese.* По-видимому, им этот способ изъяснения казался безопаснее и мягче.

[72] Там же: ... nelle attuali calamitose circonstanze sono invece ridotti soltanto per non abbandonare intieramente i loro manifatturieri a studiare il modo di rendere le stoffe meno costose, onde vendendole a bassi prezzi, animare li consumatori all'acquisto ed alla prelazione ...

Глава IX

[1] Называется она так: *ricavo in danaro ottenuto dalla vendita delle suddette manifatture* (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 184. *Lanifica. Dipartimenti*). В главе, где речь шла о рабочем классе в королевстве Италии, я воспользовался некоторыми данными этого документа (за 1806 г.).

[2] Резкое увеличение в 1809—1810 гг. показанной выручки в Адриатическом департаменте наш документ объясняет тем, что в эти годы работали некоторые фабрики, которые в другие годы не работали.

[3] Но сильно уступает количеству *всех* рабочих, занятых шелкоделием, так как кроме ткачей и прядильщиков обработкой шелка до поступления его в пряжу занималось очень много народа (см. главу VIII).

[4] А. Нац. арх. IV.* 491. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro valore numerario come a quell'allegato diviso in XIII sezioni.* 1809—1810. В. Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo per l'anno 1812 sopra il valore dell'importazione e dell'esportazione delle merci per il regno d'Italia colle osservazioni di provenienza e distinazione.*

[5] Документа В. См. предыдущее примечание.

[6] Там же, графа: *lane, peli e loro manifatture, osservazioni relative all'esportazione.*

[7] Нац. арх. F^{12} 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— Draperies.*— Об общем значении Лангедока и его шерстяной промышленности ср. во II части моей книги *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*: в только что названном документе находим еще одно доказательство, что французские кустари также деятельно участвовали в экспорте, работая для него.

[8] *Особо* поминаемом в только что названном документе (об общей роли максимума в судьбах французской промышленности см. во II части моего *Рабочего класса во Франции*). (См. наст. изд., т. II. —*Ред.*).

[9] Нац. арх. F^{12} 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— 2-me article sur les draperies.*— В министерстве внутренних дел, читая доклад посланного чиновника, где говорилось о конкуренции моравских и богемских сукон, были очень этим удивлены (доклад писался вчерне, очевидно, в первой половине 1806 г. или по крайней мере тогда собирались данные и составлялся черновик); памятником этого удивления высшего начальства осталась приписка на полях: *mais le décret du 10 juin qui les prohibe!* Могло быть, впрочем, что писавший доклад уже знал о декрете 10 июня, но умышленно хотел показать, что контрабанда превращает этот декрет в мертвую букву. Он конструирует свою фразу так, чтобы отметить с особым ударением *дешевизну* товара: sans parler de la concurrence que leur opposent les draps communs de la Moravie et de la Bohême qui peuvent être livrés à des prix bien inférieurs ...

[10] Там же.

[11] Там же: Mais il est encore d'autres obstacles qui s'opposent à leur importation d'une manière presque insurmontable ...Но французы зато утешали себя тем, что не приходится бороться с итальянской конкуренцией за пределами итальянского внутреннего рынка: cependant on ne croit pas que la consommation des draps italiens s'étende au délà de l'intérieur du pays.

[12] Там же: L'importation de ces différentes étoffes est en général assez considérable dans les qualités fines, mais très faible dans les ordinaires.

[13] On frapperait ceux-ci d'une prohibition absolue qu'il y aurait toujours de l'avantage à les introduire même en payant une prime d'assurance très considérable ... On croit qu'il est impossible de fabriquer en France à des prix si bas, ni près de là.— Нац. арх. F^{12} 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— Draperies.*

[14] Там же.

[15] Там же. Каждая штука показана в *soixante brasses* de long, а *la brasse* приравнивается в этом же документе к *demi-aune*.

[16] Там же: ...la ville de Bergame est une de celles d'Italie où il y a plus de capitaux mercantiles accumulés ...

[17] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 184. Bergamo, li 30 dicembre 1809. Префект департамента Серио — министру иностранных дел, за № 18488/21405: ... in questo dipartimento la prosperità di tali fabbriche che altra volta ne formarono la principale sorgente di ricchezza... Там же: loro circonstanze gia poco favorevole ...

[18] Там же. Bergamo, 3 ottobre 1802. Петиция префекту департамента Serio.

[19] C'est à Côme que se font les seuls draps fins, les seuls beaux draps, non seulement du royaume, mais de toute l'Italie... le drap de la fabrique Guaïta s'approche de nos beaux draps de France... (Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à S. E.*, 1806).

[20] Там же: La plus grande partie de la consommation est de laine d'Espagne ...

[21] Там же.

[22] Там же. Département Lario. *Rapport à S. E.*, 1806.

[23] Там же. Département d'Olona. *Rapport à S. E.*, 1806: ... le débit lui est assuré par les marchés passés avec le ministre de la guerre qui lui a donné l'entreprise des fournitures de l'armée et de la marine. Il est obligé par la nature de ses engagements de faire de grands établissements ... Заметим, что здесь названы *две* мануфактуры, тогда как в общем подсчете (в параграфе 1 этой главы) во всем департаменте Олоны показана одна мануфактура. Очевидно, официальная статистика имела в виду, что оба эти предприятия принадлежат одному лицу.

[24] Там же. Отметим, что другие документы очень хвалят шерсть из Апулии.

[25] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 1 (рукопись без названия; подписано: Matteo Compagni, Venezia, 5 maggio 1806).

[26] Там же. Venezia, 4 maggio 1806. *Magistrato civile delle Provincia di Venezia a S. E. il Sig. Ministro dell'Interno* (за № 4544): ... Al tempo della cessata repubblica vi era altresi qualche fabbrica ... (в таких выражениях об ней говорят и другие документы)..... non mi fu nemmeno possibile di trovare un campione per appagare le sue ricerche.

[27] Там же: ...panni fortissimi di finissima lana spanuola, tinte ordinariamente in grana, le quali erano ricercatissime singolarmente nell'Oriente,— ed erano costosissime ...

[28] См. предыдущее примечание.

[29] Там же, № 2, Brenta. *Rapporto della Camera di commercio di Padova al ... Prefetto* (март 1813): ... Ma col volgere degli anni da crescente floridezza delle fabbriche erette nelle vicine città diminuì sensibilmente lo smercio dei nostri panni nel'interno.

[30] Там же.

[31] Там же, картон № 7. *Elenco delle principali fabbriche che esistono nel dipartimento dell'Adige* (приложение к отношению префекта министру внутренних дел, 26 октября 1808, за № 24603), графа: *cause della decadenza*: La maggior fabbricazione fu sempre di calze di lana a varie tinte ad uso della contadinanza di molte provincie; ma l'incaricamento delle lane, ed anco delle droghe ha fatto diminuire i consumi...

[32] Нац. арх. F[12] 535. Département du Panaro. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[33] При старом же моденском режиме (владельцы мануфактуры avaient la fourniture de tous les militaires modenois ...).

[34] Нац. арх. F[12] 535. Département du Reno. *Rapport à S. E.*, 1806 (ср. также подсчеты в § 1 этой главы).

[35] Там же.

[36] Там же. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806: ...il se fai encore à Brescia du drap et des chapeaux, mais très grossiers et pas mêm en suffisance pour la consommation...

[37] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. Ancona, 30 gennaio 1813. *Lanificio*: ... que'buoni abitanti vendevano le loro lane greggie per vi comprarle manifatturate.

[38] Там же, № 184. Bergamo, li 30 dicembre 1809. Префект департамента Серио — министру внутренних дел, за № 18488/21405: L'incarimento extremo delle lane e delle altre materie, segnatamente coloniali ... per cui essendosi aumentato il prezzo de'drappi se n'è in proporzione diminuito lo smercio ...

[39] Там же, № 182. *Rapporto del Ministro delle finanze*. Там же текст декрета 17 сентября 1808 г.

[40] Нац. арх. AF. IV. 1710. Paris, 1 février 1809. *Rapport à S. M.* (подписано: F. Marescalchi).

[41] Нац. арх. F[12] 535. Département Lario. *Rapport à S. E.*, 1806: ...M. Dandolo ... a établi un troupeau de mérinos qui a parfaitement réussi; déjà même ils commencent à s'étendre dans le pays, la laine qui en provient est superbe, elle revient aussi cher que la laine d'Espagne, mais elle produit des draps tout aussi beaux. Guaïta en fait déjà une consommation de 900 K.

[42] Архив мин. ин. дел в Париже. *Correspondance*. Milan, № 63—145; № 108. Министр иностранных дел королевства Италии — герцогу Бассано — в Вильну, 9 октября 1812 г. (подписано за министра: le chef de division Jacob): Il y a ici une observation à faire, Monsieur le Duc, et Votre Excellence l'appréciera sans doute: c'est qu'on fabrique en assez grand quantité dans le Royaume d'Italie les mêmes étoffes ...et que ce serait un détriment des manufactures nationales qu'on accorderait la facilité d'introduction demandée.

[43] Нац. арх. F[12] 535. Département du Rubicon. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur, 1806.*

[44] Там же. Département du Panaro. Modène. *Rapport à S. E.*, 1806: Il tire les ciseaux et les cardes de France, les charbons de Bologne, les castors de Hollande, l'indigo de Livourne; il compte 1 séquin la livre ...

[45] Там же. Département d'Olona. *Rapport à S. E.*, 1806: M. Le Saulier possède ... une petite machine très ingénieuse à l'aide de laquelle il fabrique lui-même ses cardes, à peu de frais et en très peu de temps. Lorsqu'il aura monté sa fabrique, il compte en faire aussi pour les autres, et je ne doute pas qu'il en ait un très grand débit, attendu qu'il ne s'en fait point du tout en Italie et que tous les fabricants de draps sont obligés de les tirer de l'étranger.

[46] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 14. *Stato delle permissioni accordate dal Ministro dell'Interno del Regno d'Italia in conformità dei decreti di S. M.* 10 *ottobre e* 27 *dicembre* 1810 *ai fabbricatori di panne e stoffi di lana del detto Regno per l'importazione nell'Impero Francese delle loro merci.* Вот *все* показания, сохранившиеся в миланском государственном архиве *Commercio*, № 183. *Lanifici. Estrazione*) и относящиеся к ввозу во Французскую империю итальянских сукон:

1) 7 мая 1811 г. министр внутренних дел королевства Италии разрешил трем купцам из Бергамо (департамент Серио) и одному из Гандино (тот же департамент) ввезти в Империю: 5272, 3954, 7051, 3954, 7051, 3954, 3295 и 11 940 метров сукон разного качества.

2) 21 мая того же года разрешено было еще четырем купцам (двум из Бергамо и двум из Гандино) ввезти в Империю 11 898, 5 тысяч, 10 тысяч, 8 тысяч и 5 тысяч метров.

3) 26 июля 1811 г. разрешено было еще 10 купцам (семи из Бергамо и пяти из Гандино) ввезти 5274, 11 898, 5933, 11 898, 7911, 9230, 8000, 5931, 6590 и 9226 метров.

4) 21 августа 1811 г., двум купцам из Бергамо, одному из Гандино, семи из Matelica (департамент Musone) разрешено ввезти — трем по 11 тысяч метров и остальным семи — по 8 тысяч метров. На обложке канцелярского дела пересчитаны номера, за которыми выдавались такие «общие» разрешения, причем в каждом пересчитывалось по нескольк› купцов: оказывается, что за 1811 г. их было выдано семь, за 1812 г.— два. У нас, таким образом, есть в руках из разрешений 1811 г.— четыре, из двух разрешений 1812 г.— ни одного (Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 183: *Elenco delle permissioni state rilasciate a diversi fabbricatori di stoffe di lana per l'importazione delle loro stoffe nell'Impero Francese*).

Глава X

[1] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 138. *Lino, cotone, canapa.— Tagliamento*: non si puo determinare il numero degli operai impiegati nella filatura. (Le donne in campagna etc.)

[2] Там же. *Tronto*. Но прибавлено указание, что иногда из этого департамента, за удовлетворением потребностей семейств самих работающих лиц, остаток вывозился на продажу в соседнюю Церковную область.

[3] Относительно 1809—1810 гг. см. Нац. арх. AF. IV.* 491. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro valore numerario come a quell'allegato diviso in XIII sezioni* 1809, 1810. Относительно 1812 г.— Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo per l'anno 1812 sopra il valore dell'importazione e dell'esportazione delle merci per il Regno d'Italia colle osservazioni di provenienza e destinazione*, графа: *lino, canapa, cotone e loro manifatture*.

[4] Там же ...*lino, canapa, cotone e loro manifatture; osservazioni relative all'importazione (per l'importazione principali oggetti sono: tele di cotone, e tele fine di lino, e cotone sodo)*.

[5] Нац. арх. AF. IV.* 491. Sezione IV (20).

[6] Запрет, который принужден был по приказу Наполеона издать прусский король Фридрих-Вильгельм III (о воспрещении пропуска колониальных товаров из России в Пруссию),— о чем я говорю в I томе «Континентальной блокады», не мог воспрепятствовать фактическому (и деятельнейшему) продолжению этой торговли.

[7] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno 1812*, графа: *lino, canapa, cotone e loro manifatture, osservazioni relative all'esportazione (per l'esportazione — lino, canapa, tele grosse e bambagine)*.

[8] Нац. арх. AF. IV.* 491. Sezione VI (20).

[9] Нац. арх. F^{12} 535. Département d'Olona. *Rapport à S. E.*, 1806: ... il dit qu'il en a une provision capable de fournir longtemps aux besoins de sa fabrique ... mais on prétend qu'il jette son coton lui même et fait faire ses toiles dans la campagne ... et qu'il y met ce mystère dans la crainte de la concurrence.

[10] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., картон № 7. *Quadro delle fabbriche di manifatture esistenti nel dipartimento dell'Adda*. (9 февраля 1809 г.). Fazzoletti, графа: *Quali siano le cause del decadimento*: Sarebbe più prospera se i cottoni ed i colori bleu (sic!) non fossero cosi alterati. Синий цвет (за недостатком индиго) становился особенно редким.

[11] Нац. арх. F^{12} 535. Département d'Olona. *Rapport à S. E.*, 1806.

[12] Там же: ... un français ... vient de faire un établissement aussi de toiles de coton, mais dans le genre des ouvrages de Rouen, surtout en mouchoirs. Cette spéculation est fondée sur le décret du 10 juin qui prohibe l'introduction de toutes les étoffes de coton qui jusque là étaient tirées de Suisse ...

[13] Миланск. госуд. арх. *Commercio*, p. m., № 8. *Stato dimostrante la quantità degli individui che attualmente sono occupati nelle principali fabbriche del dipartimento del Bacchilione, e prospetto complessivo delle medesime del 1806 con quello del* 1807. Графа: *Numero degli operai, cotone*.

[14] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 234. Доклад министру финансов (подписано: Lambertenghi) (1808): ...la nostra industria in questa parte potrebbe estendersi e diminuirsi la dipendenza in cui siamo dalle fabbriche estere. Очевидно, речь идет все о той же прядильне Морози.

[15] Нац. арх. F^{12} 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806. Агент министерства внутренних дел был в Италии как раз пред появлением декрета 10 июня и о самом декрете он пишет коротко: ...les mousselines et toiles de coton ... depuis le décret du 10 juin ne peuvent plus se tirer que de France.

[16] Нац. арх. F^{12} 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie. Velours de coton.*

[17] Там же: ...une étoffe qui est devenue d'un usage indispensable dans presque toutes les classes de la société ...

[18] ...Mais la consommation en a diminué considérablement depuis l'interruption du commerce avec l'Angleterre. Elle serait encore la même avec la France si les droits n'étaient pas aussi éxagérés (Нац. арх. F[12] 535. *Rapport général à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806).

[19] Ср. Тарле Е. В. *Континентальная блокада*, ч. I. (См. наст. изд., т. III, стр. 142—143).

[20] Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie. Toiles peintes*: ...Mais ce genre d'industrie n'ayant point encore acquis en France le degré d'activité et de perfection ... et ses produits ne pouvant se livrer qu'à des prix fort supérieurs... На полях рукописи против этих слов возмущенная пометка (вероятно, кого-либо из сановников министерства внутренних дел): Mais voir les prix courants actuels des tissus blancs fabriqués en France!

[21] Там же.

[22] Там же: ...on compte bien peu sur le paiement de la prime ... cette disposition est généralement considérée comme illusoire par la difficulté qu'il y aura toujours de justifier que le coton qui a servi à la fabrication de ces toiles a payé le droit de 60 fr., difficulté qui existera surtout plus fortement à l'égard des toiles peintes, teintes ou imprimées qui passent par tant de mains, qui subissent tant d'apprêts, d'opérations et de changements avant de se trouver en état d'être exportées.

[23] Эта надежда высказывается в будущем времени: ...il nous opposerait aussi une concurrence dans ces différents états de l'Italie méridionale que nous pouvons parvenir à approvisionner.

[24] Там же.

[25] Там же: On peut sans doute objecter contre ces mesures des raisons prises dans l'intérêt du trésor public italien qui se trouverait privé du produit des droits de douane et dans les convenances des consommateurs auxquels on ferait perdre l'avantage que leur offre la concurrence qui existe actuellement dans les marchés.

[26] Mais la France n'a-t-elle pas toutes sortes de droits de prétendre à être la nation la plus favorisée dans le royaume d'Italie?

[27] Там же.

[28] Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.— Cotonnes, cotonines, siamoises, mouchoirs* etc.: ...ceux fabriqués dans le Duché de Berg... sont infiniment plus recherchés malgré que les couleurs en soient moins vives et moins belles.

[29] Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales* etc.— *Velours de coton.*

[30] Архив мин. иностр. дел. *Correspondance*, Milan, № 61. Paris, le 21 juillet 1808, fol. 454—455.

[31] Там же, fol. 456. Paris, le 29 juillet 1808: A mon grand étonnement je reçois la copie d'une contre-note délivrée à notre consul par le Directeur général des douanes qui maintient la prohibition du transit.

[32] Там же: Votre Excellence jugera s'il est convenable que Sa Majesté soit entretenue de cette affaire ... Votre Excellence jugera qu'il est urgent de tranquilliser le commerce français sur les obstacles aussi inattendus.

[33] Архив мин. иностр. дел. Milan, № 61, fol. 460—461. *Mémoire en réponse à une note de Monsieur le consul général de France à Milan*: Les denrées coloniales particulièrement les drogues de toute espèce se sont tout-à-coup élevées à un prix excessif dans le Royaume d'Italie; la rapidité de leur exportation toujours croissante contribuait à en faire augmenter le prix chaque jour et faisait craindre avec raison de manquer incessamment de la quantité nécessaire aux besoins de la consommation intérieure et aux arts.

[34] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. Ancona, 30 gennaio 1813.

[35] Нац. арх. F[12] 535. Département de Reno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[36] Нац. арх. AF. IV. 1711, № 213. 10 novembre 1810. Евгений — Наполеону: Votre Majesté sait que nous n'avons point de filature dans le Royaume, point de fabrication de toiles de coton écrues ou blanches.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] И подобные недоразумения бывали в таможенной практике времен блокады.

[40] Миланск. гос. арх. Governo, p. m., *Commercio*, № 2. *Domande del Consiglio generale di commercio* (1812). Графа: *osservazioni*: Quali quelli il cui dazio non sia sul piede della tariffa 1803 o del trattato di commercio? I cotoni filati di Francia godono gia del benefizio del trattato e non pagano che la metà del dazio prescritto dalla tariffa 1803.

[41] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 234. Milano, li 14 febbraio 1811. *Rapporto* etc. Вот точные выражения министерства финансов, о необходимости для королевства иностранной пряжи и последствиях декрета 10 октября: ...intervenne il decreto 10 ottobre 1810 ... circonscrisse l'approvigionamento di un articolo indispensabile alla fabbricazione del solo commercio francese, perchè la nostra industria mancante ancora delle filature meccaniche — quivi il monopolio e l'avidità dei trafficanti subentrò all'eccessivo rigore.

[42] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. *Osservazioni della camera di commercio di Cremona* (15 октября 1812 г.).

[43] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence*, 1806: Le pays de Crême et Crémone pourrait approvisionner en lin l'Italie et la France.

[44] Там же; автор как французский чиновник не ставит, конечно, точек над всеми i, а посему выражается так: ...les chanvres... qui vont remplir les ports de Livourne, d'Ancône, de Venise et *autrefois* de Gênes Это *autrefois* и должно обозначать эпоху *до* захвата Генуи Наполеоном.

[45] Нац. арх. F[12] 535. Département de Haut Pô. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: ...son lin est pris entièrement par les gênois qui en alimentent leurs fabriques.

[46] Нац. арх. F[12] 535. Département du Haut Pô. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[47] Нац. арх. F[12] 535. Département de Mella. *Rapport à S. E.*, 1806.

[48] Нац. арх. F[12] 535. Département Serio. *Rapport à S. E.*, 1806: ...on tire ... de Crême, Lodi et Crémone ... les lins ... dont on fait quelques étoffes dans les campagnes...

[49] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., картон № 7. *Elenco delle principali fabbriche che esistono nel dipartimento dell'Adige* (приложение к отношению префекта в министерство внутренних дел, 26 октября 1808 г., за № 24603, графа: *cause della decadenza*): L'aumento di prezzo dei generi coloniali da tintura ha portato una diminuzione di consumi ed un degrado nelle fabbriche...

[50] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. *Osservazioni della Camera di commercio, arti e manifatture di Cremona* (15 октября 1812 г.).

[51] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806; Il me paraît qu'il serait avantageux de favoriser de semblables établissements dans les provinces méridionales de la France ou en Piémont; au moyen des lins que l'Italie fournit en abondance, on obtiendrait facilement la préférence.

[52] Нац. арх. F[12] 535. Département du Reno. Bologne. *Rapport à S. E.*, 1806: C'est ici proprement le pays des chanvres,— так называет автор доклада этот департамент.

[53] Там же. Неизвестно, почему наш документ *удивляется*, что морская война повредила и этой отрасли торговли: ...il semble que la guerre mari-

time devrait donner de l'accroissement à ce commerce, il éprouve cependant la même stagnation que les autres branches.

Слово *cependant* здесь совершенно некстати, и уместнее было бы заменить его словом *donc*. В самом деле: что же мудреного, что прекращение морской торговли и упадок коммерческого судостроения, вызванные морской войной, сократили потребление пеньковых изделий и затруднили морской экспорт этого товара? Удивительно было бы, если этого не случилось.

[54] Нац. арх. F[12] 535. Département du Réno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[55] Там же.

[56] Там же. *Note des fabriques de Bologne.*

[57] Там же. Département du Crostolo: Tout le pays cultive du chanvre et toute la population des campagnes est occupée à faire des toiles pour sacs, vêtements, des matelas et aussi pour la marine ... il s'en exporte considérablement pour Gênes, il s'en exportait beaucoup plus avant la révolution sous le gouvernement des ducs...

[58] Там же. Département du Panaro.

[59] Там же. Département du Mincio, Mantoue.

[60] Ответа на целый ряд вопросов, касающихся торговли сырьем вообще и пенькой в особенности, не получает исследователь и, что более удивительно, не получил и министр финансов в 1813 г. Так, например, министерство финансов живо, но тщетно интересовалось вопросом, каково состояние внутреннего рынка, каковы цены на пеньку в самой Италии и т. д. (... sarebbe nel resto a vedersi se i prezzi della canapa siano egualmente diminuiti nel Regno). Здесь министр финансов, косвенно полемизируя с Главным торговым советом, ходатайствовавшим о понижении вывозной пошлины на пеньку, намекает явственно на то, что следует вспомнить и об интересах итальянского веревочного производства (Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 2. Milano, 1 maggio 1813).

[61] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 2. *Domande del Consiglio generale di commercio*, графа: *Osservazioni*:... alla proibizione dell'uscita per mare, per la qual cosa vi sono state e vi sono quotidiane domande di esportazioni *per quantità illimitate* (подчеркнуто в тексте рукописи).

[62] Там же, последняя страница рукописи.

[63] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 138, на рукописи: № 28361. Milano, 30 dicembre 1812. Характерно, что это — единственная причина, указываемая местными властями (в данном случае — префектом департамента Олоны).

Глава XI

[1] Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales de France avec le Royaume d'Italie.— Ouvrages de tanneries*: Mais en général les importations de France sont plus considérables que celles de Suisse et d'Allemagne ... Le gouvernement italien les préfère pour tout ce qui est relatif à la fourniture des armées.

[2] Нац. арх. F[12] 535. Département du Panaro. *Rapport à S. E.*, 1806.

[3] Это свидетельство находим в описании одного противозаконного ареста французскими таможенными чинами на реке По барки, нагруженной сафьяном: Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: Dernièrement les douaniers du Plaisantin ont saisi une barque naviguant sur le Pô, sous prétexte qu'elle était chargée de marchandises anglaises. Elle était chargée de peaux appellées *bulgari et qui de notoriété publique ne se fabriquent qu'en Russie* (курсив последних слов — мой — *Е. Т.*).

[4] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 235, anno 1812. Alto Adige: La concia delle vacchette ha ricevuto quest' anno un colpo mortale dall'introduzione dei bulgari greggi e tinti della Polonia e della Russia.

[5] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. *Il prefetto del Tagliamento a Sua Eccellenza*, Treviso, li 6 agosto 1812. Там же. *La camera di commercio ... al Sig. Prefetto.* Treviso, li 12 luglio 1812.

[6] Там же. Доклад Giacomo Bortolan'а префекту. Treviso, li 22 luglio 1812.

[7] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. Fabbriano, li 6 luglio 1812. *La camera di commercio al prefetto*: ... decadendo ora tutte, decade il commercio ed altro non presentano che pianto e desolazione.

[8] Там же: ... se non vi è una illimitata libertà di commercio tra l'Impero Francese con Regno italico, perchè i gravosi pesi inceppano quell'attività di commercio che si renderebbe prospero e fortunato, se non vi fossero.

[9] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 13. 1810. *Stati Esteri*. Roma.

[10] Там же, картон № 2. Milano, li 1 maggio 1813, за № 6475/1542.

[11] Нац. арх. AF. IV.* 491. 1809—1810. *Bilancio sopra le merci importate dall'estero nel Regno d'Italia a fronte di quelle esportate all'estero col loro lavore numerario.* Графа: pelleterie, pellicerie e loro manifatture. Для 1812 г.— Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno* 1812.

[12] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, № 234 (см. предыдущее примечание), графа X (*per l'importazione*): ... pelli affaitate e meramente confettate...

Глава XII

[1] Нац. арх. F[12] 535. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806: ...au lieu de plaines fertiles ce sont d'âpres montagnes, mais c'est bien le cas de dire que le fer est la richesse des états. Le Mella est un des plus riches départements d'Italie et c'est à ses minières qu'il le doit ... le Valtombria seul renferme assez de minières pour fournir du fer à tout le royaume, mais les mines les plus riches ne sont point exploitées, ou sont abandonnées dès qu'elles sont noyées. On a découvert depuis peu une mine de plomb qui paraît très abondante: elle n'est point exploitée parce que le propriétaire n'a pas su fondre le minerai. Les procédés chimiques sont inconnus, aussi bien que ceux de l'hydraulique ...

[2] ... il n'y a point de connaissances en ce genre et aucuns moyens d'en acquérir, il manque à l'Italie l'institution d'une école des mines.

[3] Нац. арх. F[12] 535. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806. Но главное все-таки не в заработной плате, а в топливе: ...cependant les ouvrages de Brescia ... ne peuvent soutenir la concurrence avec ceux de Carinthie, à cause du prix de la main d'œuvre et *surtout* de la disette des bois et du charbon.

[4] Там же: ... le commerce a cessé vu le manque de débouché et de communication ... on vient pourtant encore de recevoir récemment une demande assez considérable pour l'Albanie. Несомненно, речь идет о турецком правительственном заказе.

[5] Там же: ... la division du travail y est observée avec le plus grand soin.

[6] Там же: ... différents marchés sont passés avec les gens de la montagne qui font le premier travail et pour chaque pièce il est un marché et des fournisseurs différents. Chaque pièce est apportée à la fabrique, approuvée, poinçonnée et distribuée aux ouvriers qui sont chacun exclusivement chargés de leurs opérations ...

[7] Там же: ...la canne se forge plus vite qu'en France, où elle se forge à bras, tandis qu'ici le marteau est mis en mouvement par une machine fort ingénieuse; c'est une écluse qui accelère ou ralentit le mouvement à volonté ...

Там же.

[9] Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 2. Brescia, li 14 settembre 1812. *La camera di commercio al prefetto.*

[10] Нац. арх.[12] 535. Département du Haut Pô. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806. Эти ядра назывались *rubbe*.

[11] Там же.

[12] Нац. арх. F[12] 535. Département du Serio. *Rapport a S. E.*, 1806: ...Sur une volonté manifeste de l'empéreur il a été établi à Castro sur le lac d'Isco, une fabrique de faux; fabrication toute nouvelle dans le pays et pour laquelle il était jusqu'ici tributaire de l'étranger.

[13] Там же.

[14] Там же. На каждую косу шло около 9 миланских фунтов стали (миланский фунт = 12 унций).

[15] Там же: ...mais le premier but est d'acquérir à la fabrique le crédit et pour cela il était nécessaire de donner au dessous du prix de l'étranger, et c'est déjà un grand avantage qui en est résulté que d'avoir enlévé aux négociants la faculté de faire la loi. La faulx de Carinthie que se vendait 5 l.— le prix est déjà baissé de 20%.

[16] Там же.

[17] Там же: ...en effet ce droit n'avait été porté aussi haut que parce qu'il pésait exclusivement sur les faulx de Carinthie... l'Italie demande à être admise à faire valoir ses droits de fraternité et que ses produits ne soient point traités avec la même sévérité que les produits étrangers. L'introduction en France donnerait à la fabrique un accroissement prodigieux.

[18] ...avec l'acquit des droits (2 fr. par quintal) et tous frais de transport, rendu à la porte de la fabrique, il lui reviendra à 7 fr. de poids de 25 l., c'est-à-dire à moitié prix de celui du pays...

[19] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., картон № 7. *Quadro delle fabbriche di manifatture esistenti nel dipartimento dell'Adda* (при отношении префекта к министру внутренних дел, 9 февраля 1809 г.). *Ferro atto a qualunque manifatture*, графа: *Quali siano le cause del decadimento*: potrebbero essere la mancanza di legna, l'eccessivo di lei prezzo, l'esorbitante mercede degli operai ed il ribasso di prezzo della ghisa.

[20] Нац. арх. F[12] 535. Département du Lario. *Rapport à S. E.*, 1806. Из двух свинцовых рудников один стал эксплуатироваться только с 1804 г.

[21] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[22] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, A — Z, картон № 235. В нашем документе даже выражается удивление по поводу этого прискорбного факта: Parebbe in oggi che l'aggregazione al Regno dell'Alto Adige ... dovesse contribuire alla manutenzione ed aumento di queste fabbriche. Ella non è pero cosi, ed anzi giornaliera apparisce la loro decadenza etc. Дальше выясняются причины, о которых я говорю в тексте.

[23] Там же: ...si attribuisce (la decadenza) alla generosità dei dazi di entrata sul ferro per parte del Regno d'Italia...

[24] Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales de France avec le Royaume d'Italie.— Mercerie et quincaillerie.*

[25] Нац. арх. F[12] 535. Département du Haut-Pô. *Rapport à S. E. le ministre de l'Intérieur*, 1806.

[26] Там же: Cependant il faut dire aussi qu'il est des objets de l'une et de l'autre origine qui sont préférés parce qu'ils coûtent moins cher et d'autres parce qu'ils sont mieux fabriqués. C'est surtout le premier motif qui est le plus déterminant.

[27] Там же: Mais cette uniformité dans les droits de douanes et dans les frais de transport est précisement ce qui s'oppose à ce que les fabriques françaises ayent une supériorité bien décidée sur celles d'Allemagne.

[28] Там же. Конец рукописи.

[29] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m. № 2. Министр внутренних дел — министру финансов, 5 marzo 1813, № 5452. (Soccorrerebbe ai bisogni di una notabile porzione di consummatori francesi).

[30] Архив франц. мин. иностр. дел. *Correspondance*, Milan, регистр № 61, лист 223. *Négociation pour un traité de commerce entre la France et l'Autriche. Rapport à Sa Majesté Impériale.*

[31] Миланский фунт = 12 унций (...livre de Milan c'est-à-dire 12 onces).

[32] Наш документ, хотя имеет в виду именно департамент Серио, обозначает в этой таблице соответствующую графу так: *En Italie*, а для Австрии: *en Carinthie*. Очевидно, цен в других австрийских областях автор документа не знает, да ему, впрочем, и важнее всего дать сведения именно о Каринтии, так как оттуда направлялся металлургический ввоз в королевство Италию (Нац. арх. F[12] 535. Département de Serio. *Rapport à S. E.*, 1806).

[33] Ср. Миланск. гос. арх. *Commercio*, № 156. Ferro. 2 novembre 1809: La superiorità dei forni da ferro della Stiria ... è nota al Governo ... И дальше: Quindi egli impiegò considerabili somme per far istruire alcuni nostri nazionali ai forni di Treybach nella Carintia ...

[34] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 156, 29073. *A Sua Altezza Imperiale* etc. Milano, 10 dicembre 1809: ...quindi la miseria nelle famiglie delle suddette provincie, le quali riconoscono quasi tutte la propria sussistenza dalle manufatture di ferro.

[35] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo dell'anno* 1812, графа: *metalli e loro lavori.*

[36] Там же, графа: *osservazioni relative all'esportazione.*

[37] Там же, графа: *principali oggetti per l'esportazione.*

Глава XIII

[1] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 2. 27 aprile 1813. *A S. E. il Sign. Conte senatore Ministro delle finanze.*

[2] Там же: ...escludendo si dal Regno tutti saponi eccetto quelli di Francia, venendo questi soli in concorrenza ... farebbero una guerra ai nostri ...

[3] Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, картон № 2. *Domande del Consiglio generale di commercio. Osservazioni.* Эта оговорка полемически направлена против министра внутренних дел (поддерживавшего Главный торговый совет). Se cio non ostante il Sig. Minis ro dell'Interno crede conveniente di escludere tutti i saponi esteri fuori quelli di Francia, il Ministro delle finanze presentera il decreto, ma si previene che l'eccezione dovrà comprendere anche i saponi provenienti delle Provincie Illiriche.

[4] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 235. *Al signor intendente di Venezia breve relatione sopra Trieste* (8 giugno 1809).

[5] Нац. арх. F[12] 535. *Rapport à Son Excellence le ministre de l'Intérieur*, 1806: ...et cependant ceux du midi de la France sont reconnus pour être d'une qualité supérieure. Je ne saurais en trouver encore la cause de cette préférence ailleurs que dans le tarif des douanes.

[6] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 2. Министр внутренних дел — министру финансов, 5 marzo 1813, за № 5452.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Нац. арх. F[12] 535. Département du Lario. *Rapport à S. E.*, 1806: Il se fait à Côme un savon qui est connu en Italie sous le nom de savon de Côme, il est noir et mou etc.

[10] Миланск. гос. арх. *Commercio*, p. m., № 2. Министр внутренних дел — министру финансов. 5 marzo 1813, № 5452: Laddove per lo addietro

davano la sussistenza ad infinite famiglie, ora non fanno più quasi che perfezionare il sapone di Napoli e di altri paesi.

[11] Quelle di Venezia godevano, per quanto mi pare, sotto i cessati governi del privilegio esclusivo della consumazione negli stati ex-veneti oltre Adige... (Миланск. гос. арх. *Governo*, p. m., *Commercio*, № 2. *Osservazioni*).

[12] Там же: ...sebbene da questa privativa ne risultasse alle fabbriche un vantaggio non indifferente al loro prosperamento, desse non seppero giammai migliorarne la specie...

[13] Он ссылался на исторический прецедент — Венецию. Об этом месте документа у нас речь идет в другой связи. Вывод делался неутешительный для протекционистских вожделений итальянских мыловаров: ...gli stessi motivi produrebbero gli stessi effetti volendo adottare la proibizione nel Regno dei saponi esteri per vari rami di manufattura (Миланск. гос. арх. *Coverno*, p. m., *Commercio*, № 2. *Domande del consiglio gen. di commercio*, *osservazioni*).

[14] Там же. Министр внутренних дел — министру финансов, № 5452, 5 marzo 1813.

[15] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, № 234. *Bilancio approssimativo. Sezione XIII.* Прибавлю, что и по этой неопределенной графе львиная доля ввоза и вывоза выпадает Французской империи с принадлежащими ей Иллирийскими провинциями и зависимыми от нее Ионическими островами:

	Ввоз в королевство Италию (1812 г.)	Вывоз из королевства (1812 г.)
Франция (приблизит.)	2 030 000 лир	1 950 000 лир
Ионич. о-ва и Иллир. пров.	1 910 000 »	660 000 »
Германия	430 000 »	520 000 »
Швейцария	280 000 »	180 000 »
Австрия	210 000 »	175 000 »
Неаполитанское королевство	190 000 »	480 000 »
Левант	—	470 000 »

[16] Миланск. гос. арх. *Ministero delle finanze. Commercio*, картон № 234. *Bilancio approssimativo per anno 1812* etc., графа: *osservazioni relative all'importazione*.

[17] Там же, графа: *Osservazioni relative all'esportazione*. Под *limitrofi dipartimenti francesi* понимаются в 1812 г. не только Пьемонт и Тоскана, но также бывшая Церковная область, уже отнятая Наполеоном у папы.

Глава XIV

[1] ...l'ancienneté des fabriques qui ont acquis depuis longtemps beaucoup de réputation... (Нац. арх. F[12] 535. *Relations commerciales de la France avec les divers pays qui composent le Royaume d'Italie.— Horlogerie*). Наш документ уверяет, что в Женеве существует «суровый надзор» за качествами драгоценных металлов, употребляемых при производстве.

[2] Там же.

[3] Там же: A cet inconvénient très préjudiciable vient se joindre l'embarras des formalités multipliées et minutieuses qu'on exige dans les bureaux de douane et que les agents du fisc s'attachent par malveillance ... à rendre plus difficiles et pénibles pour les français que pour les étrangers. Здесь женевские жалобщики, очевидно, называли себя français, желая извлечь из своего нового подданства всю возможную пользу и защиту. Кроме них, как сказано, ввозили в Италию небольшое количество этого товара также купцы из Парижа, но те ни на тариф, ни на придирки не жаловались.

[4] Там же.

[5] Там же. Да и стремление избавиться от злостных придирок таможен тоже играло роль в развитии контрабанды: ...aujourd'hui l'avantage qu'on trouve à éviter le paiement de ces droits en acquittant une prime d'assurance qui leur est toujours extrêmement inférieure et celui de se soustraire à l'embarras des formalités font que les négociants préfèrent s'exposer aux inconvénients et aux dangers que présente la contrebande.

[6] Есть даже такая формулировка: ...la plus grande partie des ouvrages d'horlogerie comme ceux de bijouterie est introduite en fraude dans le Royaume d'Italie.

[7] Нац. арх. F^{12} 535. Département du Mella. *Rapport à S. E.*, 1806. Французский агент отзывается так: La rivière de Salo et de Valtrombia renferment une quarantaine de papeteries, ce sont les seules du royaume d'Italie qui fassent de bon papier et peuvent être considérées comme fournissant à sa consommation ...

[8] Нац. арх. F^{12} 535. Département du Rubicon. *Rapport à S. E.*, 1806.

[9] Нац. арх. F^{12} 535. Département du Réno. *Rapport à S. E.*, 1806.

[10] Нац. арх. F^{12} 535. Département d'Olona. *Rapport à S.E.*, 1806:...S.M. l'Empereur avait désiré introduire à Milan l'art des mosaïques ... mais ... cette industrie n'est point propre au pays et d'ailleurs comme elle est uniquement basée sur le luxe et même le caprice du luxe, les gens ne la regardent point comme une ressource. Ce n'est pas comme à Rome où une célébrité déjà acquise excite la curiosité de tous les voyageurs et dont le débit offre une ressource à ceux qui n'en ont pas ...

ПАДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Вводные замечания

[1] Koenigsberger L. *Hermann von Helmholtz.* Braunsch., 1893, стр. 39.

[2] Stammler R. *Wirtschaft und Recht.* Leipzig, 1896, стр. 309.

[3] Wann soll «schliesslich» eintreten? ...etc. (Stammler R. Цит. соч., стр. 425 и сл.).

[4] См. *Historical Ethics*, (*Quarterly Review*, 1905, t. 404, стр. 33).

[5] ... Recht ohne Wirtschaft ist leer, Wirtschaft ohne Recht ist formlos; см. Berolzheimer F. *System der Rechts-und Wirtschaftsphilosophie*, Bd. I. München, 1904, стр. VII (Vorrede).

[6] См. Кареев Н. И. *Монархии древнего Востока.* СПб., 1904, стр. 34.

[7] Укажем хотя бы на Белоха и Мейера.

[8] Бюхер согласен, впрочем, что кое-где уже были в древности явления, присущие зачаточной стадии городского хозяйства; чрезвычайно серьезные ограничения и оговорки к его теории сделаны в капитальном труде: Гревс И. М. *Очерки из истории римского землевладения.* СПб., 1899.

[9] См. Ардашев П. Н. *Провинциальная администрация во Франции 1774—1789 гг. Введение.* СПб., 1900.

[10] Voltaire. *Essai sur les mœurs*, ch. XXIII.

Глава I

[1] L'histoire financière de l'ancien régime n'offre qu'une alternative de deprédations des financiers sur le peuple, et de violences du pouvoir sur les financiers, c'était un cercle d'où l'on ne pouvait sortir (Martin. *Histoire de France*, t. XV, стр. 19).

[2] Thou — the word, the light, the life, the breadth, the glory ... etc. (*The last oracle*).

[3] Il faut être autant en garde contre la réforme que contre les abus. (D'Argenson R. L. *Considérations*).

[4] Michelsen E. *The life of Nicolas I*. London, 1854, стр. 69: ... we have before us a diplomatic memorial of the last thirty years in which Cancrin is reported to have said: There is no necessity to improve the condition of the people, since according to the russian proverb, «*a dog that gats fat, becomes mad*».

[5] См. Beer A. *Die Finanzen Oesterreichs im XIX. Jahrhundert*. Prag, 1877, стр. 202, 203 и сл.; о бумажных деньгах см. Kramar K. *Das Papiergeld in Oesterreich seit 1848*. Leipzig, 1886.

[6] Если не считать прочтенной 13 марта пред толпой вслух речи Кошута, где тот говорит о недоверии к венскому банку; но и тут публика услышала следующее: «Другая причина, почему я не намерен входить в глубокие подробности банковых отношений, заключается в том, что, как известно, биржевой курс государственных бумаг может считаться барометром общего положения, *а в 1830 г. дело обстояло несравненно хуже, чем в настоящее время*; *вообще я убежден, что венскому банку пока еще не угрожает непосредственная опасность, которая могла бы породить основательное беспокойство*, и что такая опасность явилась бы лишь в том случае, если бы ложная политика изо дня в день приводила государство ко все возрастающим жертвам, неизбежным последствием которых будет государственное банкротство» (Бах. *История Австрии*).— И *так* говорил проникнутый революционным настроением человек в Пресбурге 3 марта; *такие* слова слышала революционная толпа в Вене 13 марта. Может ли быть более наглядное доказательство в пользу защищаемого нами взгляда?

[7] Treitschke H. *Deutsche Geschichte*, Bd. V. Leipzig, 1894, стр. 494.

[8] Blos W. *Die deutsche Revolution*. Stuttgart, 1893, стр. 122.

[9] It is not their having a share in the government. (Gardiner. S. *The history of Great civil war*, vol. III. London, 1898, стр. 598.

[10] Сорель. *Европа и французская революция*, т. I. СПб., 1892, стр. 164—165. В подлиннике мысль выражена еще сильнее: les vœux étaient infiniment plus modestes ... etc. (Sorel A. Цит. соч., t. I, p. 208).

[11] Об этом, между прочим, см. и у Koch G. *Beiträge zur Geschichte der politischen Ideen und der Regierungspraxis*, Bd. II. Berlin, 1896, стр. 203.

[12] Grave J. *La société future*. Paris, 1895, стр. 6—7.

[13] Вот подлинные слова: Car si en France et en Angleterre vous êtes obligés de compter avec l'opinion publique, ici nous avons l'empereur, dont vous connaissez l'inébranlable fermeté (см. Bapst E. *L'empereur Nicolas et la deuxième République*. Paris, 1898, стр. 107).

[14] См. Cherest A. *La chute de l'ancien régime*, t. I. Paris, 1884, стр. 75 и сл. У него же о шести брошюрах.

[15] *Esprit révolutionnaire avant la Révolution*. Есть на русском языке: *Движение общественной мысли во Франции в XVIII* в. СПб., 1902.

[16] Cherest A. Цит. соч., т. I, стр. 80.

[17] Pagano G. *Le forme di governo e la loro evoluzione popolare*, t. I. Palermo, 1900, стр. 231: «...i cataclismi sono semplici accidenti parziali e locali...»

[18] Такие попытки иногда встречаются и у выдающихся исследователей; не свободен от них, например, Трейчке. Приступая к рассказу о крушении дореволюционного строя в Германии, он констатирует, что самодержавие (die alte fürstliche Selbstherrschaft) давно уже было готово к гибели, «переход к новому необходимому порядку вещей все еще мог наступить мирным путем». Но «судьба» так устроила, что монархи оказались чужды желаниям народа и пр. При этом предлагается

такая общая философема: «Die grossen Wandlungen der Geschichte kann der Denker wohl aus ihren Vorbedingungen und Nachwirkungen als nothwendig begreifen. Doch niemals vermag er zu erweisen, warum der Umschwung so und nicht anders erfolgen. *Warum im entscheidenden Augenblicke diese und nicht andere Männer an entscheidender Stelle stehen mussten».* Дальше идет речь о «божественном разуме», управляющем законами, коим подчинены действия исторических лиц... (см. Treitschke H. Цит. соч., т. V, стр. 649).

[19] Rogge W. *Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart*, Bd. I. Leipzig, 1872, стр. 3.

[20] *Mémoires de m-me Roland*, t. I. Paris, 1840, стр. 286 (notices historiques sur la révolution).

[21] Не *монархию*, а именно *его, абсолютизм.*

[22] Любопытно, что одной из первых ухватилась за подобное объяснение самодержица всероссийская Екатерина II. Вот что она писала в 1793 г.: «Savez-vous ce que c'est que vous voyez en France? Ce sont les Gaulois qui ont essayé de chasser les Francs; mais vous verrez revenir les Francs et les bêtes féroces avides du sang humain seront ou exterminés ou obligés de se cacher où elles pourront».— Эта фантазия и не могла не понравиться наиболее умному из всех лиц, представлявших в тогдашней Европе абсолютизм, ибо подобная «теория» сводила все значение революции к расовой войне, к продолжению племенной борьбы, начатой еще в эпоху переселения народов. А если так, то грозный всеобщий характер революции, конечно, скрадывался, сводился для других стран к нулю.

Глава II

[1] Bardoux A. *La bourgeoisie française. 1789—1848.* Paris, 1886, стр. 102—103.

[2] Там же, стр. 109.

[3] ...to value fact more than opinion and tendencies more than arguments.

[4] ...Leur admiration raisonnée pour les maîtres qui se sont appelés. Louis XI, Richelieu, Louis XIV — avaient laissé dans leur intelligence politique des traces ineffaçables... Le spectacle d'un despote réalisant les réformes démocratiques avait été leur éducation historique, de telle sorte que dans la pratique les traditions chez eux étaient serviles (Bardoux A. Цит. соч., стр. 45).

[5] Simmel G. *Ueber die sociale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen.* Leipzig, 1890, стр. 3.

[6] См. *Liber de fuga in persecutione*, гл. II (*Patrologiae curs. comp. Migne*, t. II, стр. 125): ...praecedere enim Dei voluntatem circa fidei probationem, quae est ratio persecutionis, sequi autem diaboli iniquitatem ad instrumentum persecutionis, quae ratio est probationis.

[7] «Cui ergo est amplius credendum Christo vel haeretico?» (см. *De VIII haeresibus novis per quas modo dyabolus mulios subvertit, et quomodo cognoscantur haeretici per tria cum venerint ad perventendum*, t. II. *Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters*, von Ign. v. Döllinger. Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer. München, 1890, стр. 313).

[8] Прекрасно говорит об этом Giraud-Teulon: Louis XIV detruisit inutilement les protestants: ceux-ci, depuis Richelieu, n'étaient plus un danger dans l'Etat et contre eux la Royauté absolue ne luttait plus pour son existence (*La Royauté et la bourgeoisie* стр. 49).

[9] Как преследовались III отделением при Николае I славянофилы.

[10] Смирнов П. *История русского раскола — старообрядчества.* Рязань, 1893, стр. 217.

[11] Беликов Д. Н. *Томский раскол. Известия Томск. универс.*, 1901, кн. 18, стр. 73.

[12] *Lettres sur la Russie*, par M. G. de Molinari. Paris, 1877, стр. 105.

[13] Не его ли назвал Герцен «равноапостольным немцем»? Мы не нашли этой заметки, которую знаем лишь по заглавию.

[14] Voltaire. *Dictionnaire philosophique*, слово *Fanatisme*. Изд. 1857, т. V, стр. 562.

[15] Vous voyez, mes enfants, qu'il faut traiter les hommes, comme les chiens (см. Шильдер Н. *Павел I*, стр. 249).

[16] ...Bientôt des bouleversements amenés en 1830 par la chute de la branche aînée des Bourbons ont ouvert une période nouvelle à la politique de Votre Majesté. Ils ont imprimé à son règne le véritable caractère qui le distinguera dans l'avenir. A la suite de ces révolutions, elle est devenue pour le monde le représentant de l'idée monarchique, le soutien des principes d'ordre et le défenseur impartial de l'équilibre Européen. Mais des laborieux efforts, une lutte sans cesse renaissante étaientattachés à ce noble rôle... La Hollande était sacrifiée, dans son conflit avec les Belges à l'extrême partialité de la France et de l'Angleterre. Si notre éloignement géographique et la timidité de nos alliés n'ont malheureusement pas permis qu'elle conservât la possession intacte des provinces qui formaient jadis avec elle le Royaume des Pays-Bas, au moins l'appui de Votre Majesté et son insistance énergique ont-ils servi à obtenir au roi meilleures conditions territoriales allegé poids des ses sacrifices pécuniaires, modifie ce que les clauses qu'on voulait lui imposer présentaient de trop onéreux pour ses intérêts financiers et commerciaux.

Partout où chancelaient les trônes, où la société minée fléchissait sous l'effort des doctrines subversives, le bras puissant de Votre Majesté se fait deviner ou sentir.

Записка целиком была напечатана в *Русской старине* и перепечатана в V томе Treitschke. H. Цит. соч.

[17] L'Empereur qui, avant tout, était un soldat, fut flatté de ce que l'anarchie avait été vaincue par l'armée et la société sauvée par un général. A l'instant il se prit de sympathie pour le général Cavaignac qui venait de triompher de l'émeute et il vint à le féliciter (см. Bapst E. Цит. соч., стр. 11).

[18] О *первом* периоде отношений к Наполеону III можно привести слова Флеровского, как вполне точные: «Наполеон III в его глазах был блудный сын, который стремится исправиться. Он относился к нему высокомерно, покровительственно, считал себя вправе читать ему наставления, порицал его, например, за конфискацию имуществ Людовика-Филиппа. Потом отношения стали еще хуже».

[19] См. Bapst E. Цит. соч., стр. 73.

[20] Général, la cause pour laquelle nous venons de combattre est celle pour laquelle vous vous êtes battus au mois de Juin de l'année dernière; c'est contre l'anarchie et démagogie que nous avions lutté.

[21] Sorel A. Цит. соч., т. I, стр. 103.

[22] La misère est une condition inévitable dans le plan général de la Providence: la société actuelle, reposant sur les bases les plus justes ne saurait être améliorée.

[23] Abbé Baudeau. *Introduction à la philosophie économique*, vol. II, deuxième partie. *Collection des principaux économistes*. Paris, Guillaumin, 1846, стр. 740; ... Connaître ses intérêts et y pourvoir c'est ce qu'on appelle politique.

[24] Kautsky K. *Parlementarisme et socialisme*. Paris, 1900, стр. 163.

[25] ... it has been found by experience... that the office of a King in this nation and to have the power breof in any single person is *unnecessary*, burdensome and dangerous etc.

[26] См. его рецензию на книгу Bayet et Albert. *Les écrivains*

politiqes du XVIII siècle, в [отделе] *Chronique et bibliographie* журнала *La Révolution Française*, т. 48, 1905, стр. 266.

[27] *Physiocrates*, изд. Daire, t II, prem. partie. Paris, 1846, стр. XIV. (*Collection des principaux économistes*). Все дальнейшие ссылки делаются на это издание, четыре тома которого заняты сочинениями физиократов. Эти томы следующие: II — première partie, II — deuxième partie, III и IV (последние два — исключительно сочинениями Тюрго). В дальнейших ссылках цифры: II — 1, II — 2, III и IV, поставленные после названия того или иного сочинения физиократов, будут обозначать соответствующий том указанной коллекции, где сочинение помещено.

[28] Quesnay F. *Analyse du tableau économique*, t. II — 1, стр. 61.

[29] Систематичнее всего взгляды школы на естеств. право выражены в небольшом трактате Кенэ *Le droit naturel*, т. II — 1, стр. 41—55.

[30] Quesnay F. *Le droit naturel*, t. I, II — 1, стр. 43.

[31] ...autorité tutélaire ... (там же, стр. 51).

[32] Dupont de Nemours. *Origine et progrès d'une science nouvelle*, t. II — 1, стр. 347.

[33] Там же, т. II — 1, стр. 347.

[34] Там же, стр. 350.

[35] ...il n'y a que les monarques héréditaires dont tous les intérêts personnels et particuliers, présents et futurs, puissent être intimement, sensiblement et manifestement liés avec celui de leurs nations ..., т. II — 1, стр. 360.

[6] Mercier de la Rivière. *L'ordre naturel des sociétés politiques*, t. II — 2, стр. 469.

[37] Baudeau. *Introduction à la philosophie économique*, т. II — 2, стр. 670: Le clef de la grande famille qui est le souverain ...

[38] Baudeau. Цит. соч., т. II — 2, стр. 680.

[39] Там же, стр. 681.

[40] Там же, стр. 798.

[41] Там же, стр. 800.

[42] *Notice historique*, t. III, стр. XLIV. (указ издан в [серии] *Principaux Economistes*).

[43] Turgot A. *Œuvres diverses. Discours en Sorbonne*, t. III, стр. 611.

[44] Там же, стр. 597.

[45] *Lettre de Turgot au roi contenant ses idées générales sur le ministère des finances qui venait de lui être confié. Actes du ministère de Turgot*, t. IV, стр. 165—169.

[46] Там же, стр. 168.

[47] Schmoller G. *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*, Bd. II. Leipzig, 1904, стр. 466.

[48] *Graf Bülow's Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik*. Leipzig, Pentzler, 1903, стр. 91—92.

[49] Ср. Jaurès J. *Histoire de la Constituante*, t. I, стр. 759: ...sans la tenacité profonde du paysan, la féodalité durerait peut-être encore en partie malgré l'éblouissante nuit du 4 Août. L'expropriation de la féodalité s'est faite par morceaux même en pleine période révolutionnaire.

[50] Sighele S. *La delinquenza settaria*, стр. 84: Ma in ogni rivoluzione ei vogliono i pazzi e i savi; come in tutte le cose grandi ei vuole l'ardire il sonno; al cominciare però, ei vogliono sempre i pazzi.

[51] Плеханов Г. *Социализм и политическая борьба*. СПб., 1906, стр. 3.

[52] Ср. Martin G. *Lois, édits, arrêts et règlements sur les associations ouvrières au XVIII siècle*. Paris, 1900, стр. 86.

[53] Kelly E. *Government or human evolution*. New York, стр. 49.

[54] A whig may be a fool, a tory must be so (из письма Уолпола к Уильяму Мэсону). *Letters of Horace Walpole*, vol. X. Oxford, 1904, стр. 273.

[55] Этот «символизм» создался сам собой: Дарвин должен был страдать лишь за «антирелигиозность».

[56] Il faut commencer par réprimer pour faire respecter l'autorité (R e y R. *Histoire de la renaissance politique de l'Italie.* Paris, 1864, стр. 421).

Глава III

[1] Хотя и не *непосредственно* после этих вспышек.

[2] См. S a i n t e - C h a p e l l e. *L'armée et la patrie ou Histoire générale des institutions militaires de la France pendant la révolution*, t. I, стр. 9.

[3] B l u m e. W. *Die Armee und die Revolution in Frankreich von 1789—1793.* Brandenburg, 1863, стр. 13.

[4] Ср. B l u m e W. Цит. соч.

[5] Хотя, как увидим дальше, солдаты, подобно буржуазии, в начале революции идеализировали короля, противопоставляя его аристократам и «дурным советникам».

[6] *Bravoure des Gardes-Françaises* (анонимн.), 1789, стр. 6 и сл. (Нац. библ. Lb 39—1866).

[7] ... sans s'être entendues... (там же, стр. 13).

[8] *Lettre à messieurs les Gardes-Françaises et Gardes-Suisses*, стр. 4. (Нац. библ. Lb 39—1865, имени автора и места изд. нет).

[9] *Lettre d'un grenadier des Gardes-Françaises à M. le Duc du Châtelet.* (Нац. библ. Lb 39—1868).

[10] Там же, стр. 4 и сл.

[11] Нац. библ. Lb 39—7314: *Arrêté des grenadiers aux Gardes-Françaises, fait et arrêté unanimement au corps-de-garde de la première Compagnie des G.-F.*, Juin 1789.

[12] *Avis aux grenadiers et soldats du tiers-état*, стр. 16 (Нац. библ. Lb 39—1867).

[13] *Journées mémorables de la Révolution*, 12—13 *juillet.* Paris, 1826, стр. 7.

[14] *Avis aux grenadiers*, стр. 5 (Нац. библ. Lb 39—1867).

[15] *Extrait de la Motion des Gardes-Françaises* (Нац. библ. Lb 39—7338).

[16] То есть gardes-suisses и Royal-Allemand, набиравшихся из швейцарцев и немцев.

[17] *Armes bas. Conte que n'en est pas un* (анонимн.), стр. 3 (Нац. библ. Lb 39—1940). Брошюра написана в тоне прозрачной аллегории.

[18] *Récit d'élargissement forcé et de la rentrée volontaire des gardes-françaises.* 1789, стр. 6 (Нац. библ. Lb 39—1883).

[19] *Rélation de ce qui s'est passé à l'Abbaye Saint-Germain, le 30 Juin au soir.* Помечен листок 1 июля 1879 г. (Нац. библ. Lb 39—1882).

[20] *Récit d'élargissement* etc., стр. 7.

[21] L'Assemblée Nationale gémit des troubles etc.

[22] *Récit d'élargissement* etc., стр. 19. Эта брошюра написана Сент-Юрсэном, участником пале-рояльской депутации, сейчас же после события (ее шифр в Нац. библ. см. выше).

[23] *La grâce des Gardes-Françaises accordée et leurs remerciements adressés au Roi, ce 6 Juillet* 1789 (Нац. библ. Lb 39—7351).

[24] *Récit d'élargissement* etc., стр. 29.

[25] *L'Armée citoyenne* (Нац. библ. Lb 39—1935), 13 Juillet 1789.

[26] Ср., например, брошюру *Neron Lambesc vit-il toujours?* (Нац. библ. Lb 39 3654).

[27] Versailles ... s'obstinait à regarder trois cent mille hommes mutinés comme un attroupement et la révolution comme une émeute (B o r d. *La prise de la Bastille.* Paris, 1882, стр. 36).

[28] ... qu'on les *pratiquait* en dépit de notre vigilance ... (курсив Безанваля).

[29] *Révolutions de Paris, dédié au district du petit St. Antoine*, 1789, стр. 14 (Нац. библ. Lb 39—2049).

[30] Bord. Цит. соч., стр. 54.

[31] См., например, листки: *Motion en faveur des M. M. les Gardes-Françaises* (Нац. библ. Lb 39—7556), *Paris aux Gardes-Françaises* (Нац. библ. Lb 39—7557) и т. п.

[32] *La Nation aux Gardes-Françaises*, стр. 5—6 (Нац. библ. Lb 39—2009).

[33] Там же, стр. 7.

[34] Rossi M. *Nuova luce risultante dai veri fatti avvenuti in Napoli pochi anni prima del 1799*. Firenze, 1890, стр. 361.

[35] Helfert J. *Fabrizio Ruffo*. Wien, 1882, стр. 79.

[36] Подробнее о белом терроре см. Fortunato G. *Napolitani del 1799*. Firenze, 1884; Conforti L. *Napoli del 1799* (неизд. докум.).

[37] Ср. Colletta P. *Storia del reame di Napoli*, t. IV. Capolago, 1837, стр. 94.

[38] Ср. De Cesare R. *La fine di un regno*, parte I. Castello, 1900, стр. 154—155.

БЫЛА ЛИ ЕКАТЕРИНИНСКАЯ РОССИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИ ОТСТАЛОЮ СТРАНОЮ?

[1] Доклад, первоначально читанный в заседании «Исторического общества, состоящего при Санкт-Петербургском университете», 14 октября 1910 г. Здесь он появляется с некоторыми вставками и изменениями. Приношу живейшую благодарность за ценные советы и указания А. С. Лаппо-Данилевскому А. А. Кизеветтеру и И. А. Шляпкину, а также А. И. Браудо за помощь при работе в отделении Rossica.

[2] Лаппо-Данилевский А. С. *Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия*. СПб., 1899.

[3] Архив франц. мин. ин. дел. Серия: *Russie, mémoires et documents*, регистр № 36. *Notice abrégée sur la situation actuelle des finances de l'empire de Russie*.

[4] *Allgemeine Geschichte des Welthandels*. Wien, (1860—1864). В ней три части, причем третья в 2-х томах.

[5] Beer. Цит. соч., ч. III, т. 1, стр. 115.

[6] Там же, стр. 140.

[7] Büsching A. *Erdbeschreibung*, Bd. I, стр. 702 (восьмое издание).

[8] Там же, стр. 704.

[9] Там же, стр. 713: Man kann wohl sagen, dass kein Volk in der Welt eine grössere Neigung zum Handel habe, als die Russen ...

[10] Burja A. *Observations d'un voyageur sur la Russie*. Berlin, 1785, стр. 211.

[11] Там же, стр. 219.

[12] Там же, стр. 49: Point de maîtrises qui empêchent un homme industrieux de faire ce qu'il peut et ce qu'il veut ... les productions du pays ne paient aucun droit en entrant dans la ville.

[13] Storch H. *Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts*. Leipzig, 1799.

[14] Storch H. Цит. соч., т. VII, стр. 268.—Как известно, внутренние таможни были отменены по инициативе Шувалова еще в 1754 г.

[15] *Observations on the evidence relating to the Russian trade: as delivered at the bar of the honourable house of commons on the 5th of May 1774 to a committee of the whole house appointed to enquire into the present state of the linen trade of Great Britain and Ireland, by M-r Forster*. London, 1774.

[16] *A tour from London to Petersburgh, by John Richard*. London, 1780, стр. 23: ... the balance of trade is greatly in favour of Russia.

[17] *Voyage de deux francais dans le nord de l'Europe*, t. IV. Paris, 1796, стр. 352: Le commerce de la Russie avec l'Angleterre est extrêmement au désavantage de cette dernière puissance qui perd environ 1 million sterling ...

[18] Le Clerc. *Histoire physique, morale, civile et politique de Russie moderne*. Paris, 1783, стр. 300: ... la balance du commerce est toujours avantageuse à l'Empire. La raison en est palpable: les marchandises que l'on exporte de Russie sont de première nécessité pour toutes les nations de l'Europe; la plupart de celles que l'on importe en Russie...ne peuvent être consommées que par une très petite portion de la nation.

[19] Scherer J. B. *Geschichte und gegenwärtiger Zustand des russischen Handels in einem Auszuge mit Anmerkungen und Zusätzen von Karl Hammersdörfer, Professor in Jena*. Leipzig, 1789.

Russland hat in einem kurzen Zeitraume einen so hohen Grad von Macht und Ansehen erlangt und ist so schnell zum Range einer der ersten Mächte Europas emporgestiegen, dass alles, was dieses Reich angeht, wichtig und wissenwerth ist. So also auch die Geschichte seines Handels, der sehr viel dazu beigetragen hat, dass Russland das wurde was es ist, der von dem Grossen Peter fast aus Nichts hervorgerufen und von der weisen Katharina zu einer erstaunenswürdigen Höhe gebracht worden ist.

[20] Нац. арх. F[12] 1834. *Copie de la lettre de M. de Contrôleur Général des finances à M. le Comte de Vergennes, en date du 25 avril* 1786.

[21] *Die Amtliche Handelstatistik Englands und Frankreichs im XVIII. Jahrhundert, von Dr. Friedrich Lohmann* (Sitzungsber. der Königl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften, 1898, Juli-Dezember), стр. 859.

[22] Об учреждении и судьбах этого бюро см. Нац. Арх. F[12] 1834-B. *Mémoire sur la balance du commerce.*

[23] Le Clerc. Цит. соч., т. I, стр. 14: ... c'est l'Angleterre qui jouit de la plus grande partie de ce bénéfice; le traité de commerce lui accorde les plus grands privilèges; elle y fait les plus grandes affaires et son influence majeure exclut, pour ainsi dire, toute concurrence. C'est cependant cette concurrence entre les nations, c'est l'égalité des privilèges et des prix qui sons les bases naturelles du commerce le plus étendu et le plus avantageux à tous les peuples, les privilèges particuliers ou exclusifs le resserrent, ce commerce, le minent sourdement et le détruisent à la longue.

[24] Lohmann. Цит. соч., стр. 881.

[25] Там же, стр. 887.

[26] Нац. Арх. F[12] 1835. *Résultat de la balance en argent du commerce connu entre la France et chaque puissance étrangère.*

[27] Martens. *Recueil des principaux traités*, t. III. Gottingue, 1791, № 142. *Traité de navigation et de commerce entre S. M. le Roi de France et S. M. l'Impératrice de toutes les Russies.*

[28] Hartwiss. *Précis historique concernant les époques principales du commerce des anglais en Russie*. Dorpat, 1806, стр. 50.

[29] Архив франц. мин. ин. дел. Серия *Russie*, № 35 (подписано: Guttin).

[30] Herrmann: *Stat. Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Landbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel*. Leipzig, 1790.

[31] Friebe W. Chr. *Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte*, Bd. II. Gotha, 1796, стр. 110.

[32] См. *Tableaux du commerce de l'empire de Russie. Années* 1802—1805. St.-Pétersbourg, 1808. За подписью Румянцева в предисловии читаем между прочим следующее: Il parait qu'on ne se soit pas encore occupé en Russie des combinaisons propres à former ce qu'on appelle la balance du commerce. Toutes les connaissances à ce sujet se sont bornées jusqu'ici à une nomenclature générale des marchandises exportées et importées ainsi que du montant en numéraire des droits de douanes qu'on s'attacha à con-

naitre. Encore ces mêmes connaissances demeuraient elles comme couvertes d'un voile mystérieux et n'étant guère classées systématiquement dans les archives où on les gardait, on était privé, si j'ose le dire, des moyens d'en tirer des conséquences utiles.

[33] Storch H. Цит. соч., т. III, стр. 46.

[34] Там же, стр. 47.

[35] Levesque— буква *s* в этой фамилии не произносится.

[36] Levesque. *Histoire de Russie*, t. IV. Paris, 1792, стр. 539.

[37] Storch H. Цит. соч.: ...wenn das Schicksal ihnen alle die Vorteile gewährt, welche die Industrie in anderen Ländern begünstigen.

[38] Friebe. *Ueber Russl. Handel*, Bd. II. Gotha, 1796, стр. 404.

[39] Там же, стр. 405: Vergleicht man die jetzigen Manufakturen, welche Russland besitzt mit denen zum Anfang dieses Jahrhunderts oder auch nur vor fünfzig Jahren, so muss man gestehen, dass dieser Zweig der Industrie in diesem Zeitraume sich unendlich vergrössert hat.

[40] Там же, стр. 414.

[41] Тарле Е. В. *Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I* (см. наст. том, стр. 278, 280).

[42] Ср. мою докторскую диссертацию *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, ч. II, главы 1, 2, 3 (см. наст. изд., т. II. —*Ред.*).

[43] Лаппо-Данилевский А. С. Цит. соч., стр. 121.

[44] Тарле Е. В. *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, гл. 1.

[45] Büsching A. Цит. соч., т. I, стр. 701.

[46] Storch H. Цит. соч., т. III, стр. 212: ... ohne die zahlreichen Etablissements und einzelne Werkstätte in Dörfern.

[47] *Mémoires de l'Académie des sciences*, t. VIII, стр. 451.

[48] Petri. *Russlands blühende Handels-Fabrik und Manufakturstädte in alphabetischer Ordnung*. Leipzig, 1811.

[49] Вот это замечательное место (Pallas. *Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs*. St.-Petersburg, 1771, Th. I, стр. 46—47): ... so unreinlich und schlecht gebaut Arsamas auch sein mag, so ist er dennoch ein ungemein nahrhafter, volksreicher und wohlhabender Ort, welcher seine Aufnahme denen hier im Schwange gehenden Gewerben zu danken hat und im kleinen die Vorteile zeigt, welche einem Staat durch Fabriken und Manufakturen zuwachsen müssen. Fast die ganze Stadt — einige Kaufmannschaft und Canzleybeamten ausgenommen,— wird von Seifensiedern, Gerbern, Blaufärben und Schusters bewohnt, welche letztere einen grossen Theil der allhier bereiteten Ledersorten verarbeiten und zu einem sehr wohlfeilen Preis weit und breit verführen.

[50] *Statistische Schilderung von Russland*. St.-Petersburg und Leipzig, 1790.

[51] Damaze de Raymond. *Histoire de Russie*, t. I. Paris, 1812, стр. 405.

[52] Herrmann. Цит. соч., стр. 379.

[53] Там же, стр. 341.

[54] Нац. арх. F[12] 1505 (Rapport 10 vendem., an III, и мн. др. в этом картоне).

[55] Young A. Цит. соч., т. II, стр. 379.

[56] Нац. арх. F[12] 679. *Le chef de la* 2 *division des bureaux du Ministre de l'Intérieur* (14 floréal, an IV).

[57] Paris, 1900.

[58] Цит. соч., стр. 260.

[59] Mirabeau. *De la Monarchie prussienne sous Frêderic le Grand*, t. III, стр. 53: En général il ne faut pas juger ces sortes d'ouvriers, comme ceux qui travaillent dans une fabrique réunie aux gages d'un entrepreneur. Presque tous ont outre leur métier quelque terrain ... c'est là même le grand avantage de ce genre d'établissement où chaque ouvrier travaille librement pour lui, après quoi il vend son ouvrage au marchand qui le dé-

bite. Да и в Англии XVIII в. эта связь промышленности с деревенским трудом вовсе не была исчезнувшим явлением.

[60] *Mémoires de l'Académie des sciences* (St.-Pétersbourg), t. VIII, стр.462.

АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ И ЕКАТЕРИНА В 1756—1757 гг.

[1] См. *Сб.РИО*, т. 148. Пг., 1916. XXII, 554 стр.

ПЕЧАТЬ ВО ФРАНЦИИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ I

Предисловие

[1] Конечно, я не причисляю к научным работам ни брошюрку Baudoin'а «Notice sur la police de la presse et de la librairie» (Paris, 1852), где перепечатаны кое-какие законодательные акты о печати, ни тем более очерк Armand Bourgeois «Le général Bonaparte et la presse de son époque». Курьезно, что один библиограф, очевидно, знавший очерк Bourgeois только по заглавию, но не потрудившийся даже мельком взглянуть на него, не колеблясь причислил его к числу работ, говорящих о положении печати при Наполеоне. А на самом деле этот очерк состоит исключительно из перепечаток из разных современных Наполеону газет о его деяниях,— и больше ровно ничего там нет! Книга Poitevin'а по истории свободы печати дает гораздо меньше, чем книга Welschinger'а.

Глава I

[1] Тарле Е. В. *Континентальная блокада*. М., 1913 (см. наст. изд., т. III.— *Ред.*).

[2] Нац. арх. F^7 3461. Saint-Cloud, le 4 août 1811. Signé: Napoléon.

[3] Наполеон — графу Биго де Преаменэ, министру вероисповеданий. Schoenbrunn, 3 octobre 1809. *Correspondance*, t. XIX, стр. 638—639.

[4] Наполеон — Фуше. Schoenbrunn, 27 juin 1809. Там же,стр. 213.

[5] Наполеон — Фуше. Saint-Cloud, 1 août 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 578.

[6] «Il a pu se déclarer le fils de Jupiter!» — с горечью и завистью говорил он об Александре Македонском.

[7] Наполеон — Фуше. Finkenstein, 4 avril 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 23—24.

[8] Там же, стр. 24.

[9] Нац. арх. F^{18} 412. *Brèves observations et un mot en faveur du «Journal du soir»* (печатный листок).

[10] Наполеон — Фуше. Finkenstein, 20 mai 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 311.

[11] Нац. библ. Lc^2 I. *Gazette de France*, 1 avril 1811.

[12] Наполеон — Савари, герцогу Ровиго. Paris, 1 avril 1811. *Correspondance*, t. XXII, стр. 6.

[13] *Bulletin des journaux de Paris du* 15 *mars 1811*. Gazette de France (Нац. арх. F^7 3460).

[14] Там же, 24 et 25 mars 1811.

[15] Там же, 31 mars 1811.

[16] Нац. арх. F^7 3463. 17 août (1813). См. *Journal du département de la Marne*, № 248, samedi 14 août 1813:

On peut ici me contredire,—
Mais pour finir je viens au fait:
Vous voilà donc, sucre parfait
De betterave! C'est tout dire!

[17] Нац. арх. F^7 3461: 1) 14 août 1811. Министр полиции—Наполеону, 2) черновик декрета об отпуске 30 тысяч франков.

[18] Наполеон — генералу Савари, герцогу Ровиго, министру полиции. Château de Surville, 19 février 1814. *Correspondance*, t. XXVIII, стр. 241.

[19] Наполеон — Фуше. Varsovie, 14 janvier 1807. *Correspondance*, t. XIV, стр. 239.

[20] Наполеон — Талейрану, Bayonne, 25 avril 1808. *Correspondance*, t. XVII, стр. 45.

[21] Наполеон — Фуше. Bayonne, 1 mai 1808. Там же, стр. 59.

[22] Наполеон — Фуше. Benevento, 31 décembre 1808. *Correspondance*, t. XVIII, стр. 192.

[23] Наполеон — Фуше. Valladolid, 13 janvier 1809. Там же, стр. 238.

[24] Наполеон — Савари. Lutzen, 2 mai 1813. *Correspondance*, t. XXV, стр. 296.

[25] Наполеон — Фуше. Finkenstein, 14 avril 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 86.

[26] Наполеон — Фуше. Pultusk, 31 décembre 1806. *Correspondance*, t. XIV, стр. 157.

[27] Наполеон — Фуше. Osterode, 27 mars 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 689.

[28] Наполеон — Фуше. Finkenstein, 24 mai 1807. Там же, стр. 327—328.

[29] Наполеон — Фуше. Tilsit, 3 juillet 1807. Там же, стр. 476.

[30] ... l'ouvrage d'une douzaine d'articles bien combinés dans différents journaux. Наполеон — Фуше. Burgos, 19 novembre 1808. *Correspondance*, t. XVIII, стр. 83—84.

[31] Наполеон — Шампаньи, министру иностранных дел. Paris, 1 avril 1809. Там же, стр. 497.

[32] Наполеон — Фуше. Saint-Cloud, 28 août 1807. *Correspondance*, t. XIV, стр. 696.

[33] Наполеон — Евгению. Posen, 1 décembre 1806. Там же, стр. 10.

[34] Наполеон — Талейрану. Posen, 1 décembre 1806. Там же, стр. 9.

[35] Наполеон — Мюрату. Bayonne, 25 avril 1808. *Correspondance*, t. XVII, стр. 47.

[36] Наполеон — Мюрату. Bayonne, 1 mai 1808. Там же, стр. 60.

[37] Наполеон — Бессьеру. Bayonne, 6 mai 1808. Там же, стр. 81.

[38] Наполеон — Иосифу, королю Испании. Tordesillas, 27 décembre 1808. *Correspondance*, t. XVIII, стр. 185.

[39] Там же, стр. 189.

[40] Наполеон — Фуше. Valladolid, 13 janvier 1809. Там же, стр. 238.

[41] Наполеон — Отто. Burghausen, 29 avril 1809. Там же, стр. 606.

[42] Наполеон — Шампаньи. Paris, 10 février 1810. *Correspondance*, t. XX, стр. 228.

[43] Наполеон — Шампаньи. Paris, 18 février 1810. Там же, стр. 267.

[44] Наполеон — Шампаньи. Compiègne, 25 avril 1810. Там же, стр. 359.

[45] Наполеон — Лебрену, императорскому наместнику в Голландии. Wesel, 1 novembre 1811. *Correspondance*, t. XXII, стр. 639.

[46] Наполеон — принцу Невшательскому. Saint-Cloud, 25 avril 1811. *Correspondance*, t. XXIII, стр. 453.

[47] Наполеон — Марэ, герцогу Бассано. Moscou, 16 octobre 1812. *Correspondance*, XXIV, стр. 310—311.

[48] Наполеон — Фуше. Trianon, 19 décembre 1809. *Correspondance*, t. XX, стр. 92.

[49] Наполеон — Савари. Paris, 23 novembre 1810. Там же, стр. 333.

[50] Наполеон — Савари. Paris, 28 novembre 1810. Там же, стр. 345: Il parle d'un serin, d'un petit chien imaginés par la nigauderie allemande, mais qui sont déplacés en France ... Les rédacteurs de nos journaux sont bêtes.

[51] Наполеон — генералу Савари. Saint-Cloud, 17 juin 1810. Там же, стр. 484.

[52] Между прочим, Welschinger'ом. Раздражение Наполеона, прибавлю, началось с фразы Беньо: Il y a des moments critiques où l'esprit public d'une contrée a besoin d'être ménagé. См. *Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre* (3-е изд.). Paris, 1889, стр. 377.

[53] *Le Mémorial de Sainte-Hélène*, t. I. Paris, 1842, стр. 689.

[54] Там же. Замечу, что спустя пять дней после въезда в Париж и нового воцарения Наполеон (25 марта 1815 г.) уничтожил звание цензоров. Ср. Нац. арх. F^{18} 414. Paris, 8 avril 1815 (Карно—Фуше).

Глава II

[1] На обложке досье *Loix relatives à la liberté de la presse* сенаторской комиссии (Нац. арх. C. C. 59) почему-то пересчитаны и пронумерованы цифрами от 1 до 7 все законы, кроме закона 28 жерминаля. Очевидно, сенат решил считать его как бы простым прибавлением к основному закону 27 жерминаля.

[2] *Loi qu'ordonne que les libellistes seront poursuivis.* Donnée à Paris le 21 juillet 1792 (... poursuivre tous... journalistes incendiaires et libellistes ...).

[3] *Loi relative aux libelles inciviques.* Du 18 août 1792.

[4] *Décret de la Convention nationale.* Du 29 mars 1793.

[5] *Loi du 12 floréal, an troisième*, пункт IV.

[6] *Loi portant des peines contre toute espèce de provocation* etc. Du 27 germinal, an quatrième.

[7] *Loi contenant des mesures repressives des délits qui peuvent être commis par la loi de la presse.* Du 28 germinal, an quatrième.

[8] Нац. арх. F^{7} 3458. *Projets et rapports sur les journaux de Paris* (1810).

[9] *Arrêtés du ministre de la police générale* от 12 марта 1806 г. и 27 декабря 1807 г.

[10] Там же.

[11] Нац. арх. C. C. 59. *Sénat — Conservateur.* Extrait des registres du samedi prairial, an XII.

[12] Нац. арх. C. C. 59. *Affaire Decker.*

[13] Там же. 5 juillet 1806. *La lettre de Lacan, président du tribunal civil de Clamecy.*

[14] Там же. *Doléances du cit. Adam*, 1802; *Appel à la justice* 1803. *Factum pour M. Adam* (1806).

[15] Там же. Дело *Lehuby.*

[16] Там же. Дело *Chauchard* (5 mai 1813).

[17] Там же. Paris, le 19 août 1813. Министр полиции — членам сенаторской комиссии.

[18] Там же. Paris, le 18 juin 1812.

[19] Наполеон — Фуше. Fontainebleau, 5 novembre 1807. *Correspondance*, t. XVI, стр. 165.

[20] Наполеон — Фуше. Paris, 17 février 1808. Там же, стр. 395.

[21] Наполеон — Фуше. Saint-Cloud, 28 mars 1808. Там же, стр. 514.

[22] Статья средактирована умышленно неопределенно: un ouvrage, qui intéresse quelque partie de leurs attributions ... (Нац. арх. F^{18} 414, № 711. *Décret Impérial, au Palais de Tuileries*, le 5 février 1811).

[23] *Les vues libérales et bienfaisantes de Sa Majesté* (там же). *Instruction sur l'exécution du titre 3 du décret impérial du 5 février 1810.*

[24] Там же. № 849. *Décret Impérial, au Palais de Trianon.*

[25] ... ce sont eux qui ont nommé leurs rédacteurs qui souvent sont les secrétaires généraux des préfectures et désigné les imprimeurs de ces journaux (Нац. арх. F^{7} 3462. Министр внутренних дел — министру полиции. Paris, le 26 mai 1812).

[26] Нац. арх. F^{18} 412. *Rapport à Sa Majesté* (1810).

[27] ... il faut qu'on puisse compter sur un dévouement véritable à la Personne Sacrée de Votre Majesté, à Sa dynastie et à Son Gouvernement. (Нац. арх. F^7 3458. *Rapport général* № 1).

[28] Наполеон — Савари. Fontainebleau, 31 octobre 1810. *Correspondance*, t. XX, стр. 285—286.

[29] Там же, стр. 287.

[30] Nos ministres de l'Intérieur et de la police présenteront sous quinzaine à Notre approbation toutes les mesures nécessaires pour la réunion des journaux supprimés à ceux conservés et en général pour l'exécution des dispositions ci-dessus. (Нац. арх. F^{18} 414. *Projet de décret sur les journaux imprimés et distribués à Paris*).

[31] Нац. арх. F^{18} 412. Таблица, озаглавленная *Comparaison*.

[32] Нац. арх. F^7 3462. *Journaux réorganisés. Produits comparatifs.*

[33] Нац. арх. F^7 3463. *Note pour Son Excellence* (1812). Других цифр (о прочих трех газетах) я не нашел.

[34] Нац. арх. F^7 3456. 1) Giraud — министру; 2) Приказ Фуше. Paris, le 19 décembre 1807.

[35] ... être employé soit comme co-rédacteur d'un journal, soit comme homme de lettres attaché au ministère de Votre Excellence (Нац. арх. F^7 3460. 1) *A S. E. Monseigneur le duc de Rovigo*; 2) *Rapport à Son Excellence*, 6 mars 1811).

[36] *Discussions sur la liberté de la presse ... rédigées et publiées par M. le baron Locré*. Paris, 1819, заседание в декабре 1811 г., стр. 294, 279.

[37] *Briefe an und von Fr. Gentz*, III, Th. 2. Berlin, 1913, стр. 275.

[38] *Русский архив*, 1900, стр. 179. *Из записок фельдмаршала князя Сакена*, 23 октября 1810.

Глава III

[1] Подшит к делу. Нац. арх. F^7 3452. *Ministère de la police générale*, expédié le 18 pluviôse, an 8.

[2] Цифра несколько преувеличена: закрыто было 60.

[3] Нац. библ. Lc^2 1017.

[4] Нац. арх. F^7 3454. Paris, le 27 pluviôse, an X. Министр полиции — Иосифу Бонапарту. Там же, le 16 pluviôse, an X, au cit. Otto.

[5] Нац. арх. F^7 3453. 5 division, № 1692. Paris, le 6 vendémiaire, an 9. *Le préfet de police au ministre de la police générale.*

[6] Нац. арх. F^7 3453. *Extrait du registre des arrêtés du préfét du Doubs.* Besançon, le 11 vendémiaire, an 9.

[7] Нац. арх. F^7 3454. Paris, le 13 vendémiaire, an 6. *Le ministre de la police générale aux commissaires du directoire* etc.

[8] Нац. арх. F^7 3453. 3 vendémiaire, an 9. *Le ministre au préfet de police* (Renvoyé au bureau des journaux).

[9] Нац. арх. F^7 1352. 22 nivôse, an 8.

[10] Там же, 25 messidor, an 8.

[11] Там же, 9 thermidor, an 8.

[12] Там же, префект Верхней Гаронны — министру внутренних дел, 1 фрюктидора VIII г. (1800 г.).

[13] Там же, 18 prairial, an 8.

[14] Ср. Нац. арх. F^7 3453. Paris, le 28 germinal, an 8 (1800 г.). Министр внутренних дел — префекту департамента Gers.

[15] Там же.

[16] *La Vedette*, 10 germinal, an № 10, стр. 5.

[17] Нац. арх. F^7 3454. Rouen, le 15 germinal, an 10. *Le préfet au ministre de la police générale.* (Там и вся переписка по этому делу.)

[18] Нац. арх. F^7 3454, № 179. Bruges, le 18 messidor, an 4.

[19] Нац. арх. F^7 3452. 28 fructidor, an VIII (1800 г.).

[20] Нац. арх. F^7 3452. *Noël Damaka au ministre de la police* (1799 г.).

[21] Ср. еще случай с *Journal des patriotes* и др. (там же и в сл. карт.).
[22] Нац. арх. F^7 3452, случай с *Le Parisien* (3 pluviôse, an VIII).
[23] Нац. арх. F^7 3453, № 499 (подписано: *Gilbert*).
[24] Нац. арх. F^7 3462. *Rapport à Son Excellence*. 10 avril 1812.
[25] *Journal du département de Seine-et-Oise*, jeudi, 9 avril 1812, отдел Variétés (письмо не анонимное).
[26] Нац. арх. F^7 3462. *Note à Son Excellence*, 21 mai 1812.
[27] Нац. арх. F^7 3452. Министр внутренних дел — министру полиции, 29 мессидора VIII г.
[28] Ср. Нац. арх. F^7 3452. Département de la Manche, № 1021. Комиссар — министру полиции. Там же. Sedan, le 10 nivôse, 9 etc.
[29] Наполеон — Фуше. Finkenstein, 7 mai 1807. *Correspondance*, t. XV, стр. 252.
[30] Наполеон — Фуше. 11 mai 1807. Там же, стр. 269.
[31] Наполеон — Фуше. 26 mai 1807. Там же, стр. 333: Soyez bien certain que la personne qui a dîné à Paris avec m-me de Staël chez des hommes des lettres y a certainement dîné.
[32] Welschinger, стр. 60.
[33] Je pense qu'une défense mesurée de M. de Chateaubriand (вставлено: dans le «Journal de l'Empire»— *E. T.*) serait très utile parce qu'elle lui ôterait sa couronne de martyr. (Нац. арх. F^7 3463, 26 novembre 1812).
[34] Нац. арх. F^7 3462 (рукопись черновая, без особого заглавия и без номера).
[35] Нац. арх. F^7 3460. Paris, le 15 juin 1811. *Le général baron de Pommereul à Son Excellence* etc.
[36] Там же, на полях.
[37] ... Suspendue par ordre de Son Excellence pour avoir répeté des nouvelles politiques extraites des journaux de Paris (Нац. арх. F^7 3456. *Rapport à S. E. le Sénateur Ministre*, 15 janvier 1808).
[38] Там же. *Neue Mainzer Zeitung*.
[39] Ср. Нац.арх. F^7 3456. Anvers, le 9 avril 1808 и passim, в том же картоне.
[40] Ср. Нац. арх. F^7 3457. Paris, le 9 août 1809. Инспектор жандармерии — министру полиции. Там же: *Copie du procès-verbal d'arrestation S-r Heuberger, rédacteur du journal «Niederrheinische Korrespondenz»* и др.
[41] Циркуляр 9 и 19 термидора 1800 г. (Нац. арх. F^7 3453).
[42] Нац. арх. F^7 3454. *Réponses à la circulaire du 18 frimaire, an X, relative aux subsistances*.
[43] Нац. арх. F^7 3455. *Division de Police administrative. Le grand juge et ministre de la justice au préfét de Police*. № 133, frimaire, an XI.
[44] Там же. Paris, le 4 fructidor, an XI. Rapport № 6. Там же и инкриминируемая книжка Mattey.
[45] Там же. Besançon, le 4 ventôse, an 12. *A Son excellence le grand juge* (под *notre cher Libérateur* понимался Наполеон).
[46] Там же. Paris, le 23 frimaire, an 12, № 2888. Префект полиции — министру юстиции (там же инкриминируемый номер газеты).
[47] За это на два месяца был закрыт «Journal de l'Indre-et-Loire» в октябре 1812 г.
[48] Ср. переписку по поводу брошюры Selves (Нац. арх. F^7 3463, доклад министру полиции 8 сентября 1812 г. и там же вся переписка).
[49] Там же. Министр полиции — директору по делам печати, 11 сентября 1812 г.
[50] Там же. Дело о «Morgenblatt'е» от 22 августа 1812 г. (обширная переписка о статье «Папесса Иоанна»).
[51] Нац. арх. F^7 3453, см. папку *Réponse à la circulaire du 9 thermidor*, an 9, relative aux journaux.
[52] Нац. арх. F^7 3463. *Rapport à S. E. le Duc de Rovigo*, 14 octobre 1812 (там же инкриминируемый номер и вся переписка).

[53] Нац. арх. F^7 3461. *Bulletin des journaux de Paris du 10 septembre 1811.* На полях доклада: il s'y trouve des vers que l'on ne devait point placer dans un journal.

[54] Нац. арх. F^7 3463, 7 juillet 1813. *A Son Excellence* (резолюция на полях).

[55] Les journaux, du moins pour la plupart, renferment depuis quelque temps peu de discussions politiques susceptibles d'observations particulières (Нац. арх. F^7 3452. *Rapport sur les journaux*, 14 frimaire, an 8).

[56] Нац. арх. F^{18} 412. *Rapport à Son Excellence le duc de Rovigo*, 25 juin 1813.

[57] ... d'ailleurs l'autorisation accordée à tout nouveau journal littéraire ne pourrait que nuire beaucoup au «Mercure de France» qui...mérite du moins qu'on le délivre de toute concurrence fâcheuse (там же). Ср. также Нац. арх. F^7 3456. Rapport 12 janvier 1808.

[58] Нац. арх. F^7 3455. *Bureau des journaux. Rapport au grand juge, ministre de la justice.*

[59] Нац. арх. F^7 1352, 23 messidor, an 8 (1800 г.).

[60] Ср., для примера, одно из таких дел (о *L'observateur de spectacles*, 1801 г.). Нац. арх. F^7 3454. *Le ministre de l'Intérieur au ministre de police* и длинная переписка там же (14 nivôse, an 10; 23 pluviôse, an 10 и т. д.). В том же картоне —дело о закрытии «Courrier des spectacles» (23 ventôse) и др.

[61] Там же. Paris, le 27 frimaire, an 10. Brasseur — министру полиции Фуше.

[62] Нац. арх. F^{18} 412. 6 février 1812. *A Son Excellence le ministre de la justice.*

[63] Нац. арх. F^{14} 412. 6 février 1812.

[64] Нац. арх. F^{18} 412. *M. Soulavie. De l'utilité de la réduction* etc. (2 декабря 1810 г.).

[65] Нац. арх. F^7 3458. Paris, le 29 août 1810 (рукопись не подписана, но явно официального происхождения).

[66] Там же. *Rapport sur les journaux hollandais* (подписано: *Ménard*). Доклад министру полиции.

[67] Нац. арх. F^7 3460. Hambourg, le 2 juin 1811.

[68] Son Altesse a trouvé trop de lenteur dans cette mesure, c'est qui l'a déterminé à les interdire tous à la fois (Нац. арх. F^7 3461, Hambourg, le 1 août 1811. *A S. E. le duc de Rovigo*).

[69] Нац. арх. F^7 3462. Hambourg, le 8 août 1812, № 9755.

[70] См. там же. Письмо министра внутренних дел министру полиции, 8 апреля 1812 г.

[71] Нац. арх. F^7 3460. *Remarques spéciales sur les journaux admis dans l'Empire.*

[72] Там же. Paris, le 2 novembre 1811. Министр полиции — директору по делам печати.

[73] Там же. Rapport à sa Majesté. 4 mars 1811.

[74] Там же. Paris, le 12 mars 1811. *Police générale*, 3 division, № 643.

[75] Ср. Нац. арх. F^7 3462. *Police générale*, le 30 janvier 1812: Depuis longtemps je suis frappé du mauvais esprit qui préside à leur rédaction (des journaux de Suisse) ... les journaux sont écrits dans les principes directement opposés à la cause française et au maintien du système continental.

[76] Ср. Нац. арх. F^7 3463 (1812 г.). Министр полиции — префекту департамента Ду, le 5 août 1812 и мн. др. в картоне F^7 3461—3463.

[77] Нац. арх. F^7 3460. Amsterdam, 4 mai 1811: Je ne m'étais jamais imaginé devoir chassé en quelque sorte pour le compte d'autrui et je voudrais bien... que l'on m'abandonnât au moins une légère portion de la gloire de cette réforme.

[78] Нац. арх. F[7] 3458.

[79] Там же. *Sur les moyens d'observer l'esprit public dans le Nord de l'Europe. 1810.*

Глава IV

[1] Наполеон — Фуше. Pultusk, 31 décembre 1806. *Correspondance*, t. XIV, стр. 158.

[2] Там же.

[3] Наполеон — Фуше. Bayonne, 7 juin 1808. *Correspondance*, t. XVII, стр. 322.

[4] Нац. арх. AF. IV. 1354, № 10. *Bulletin de la seconde semaine de novembre 1810.*

[5] Ср. там же. *Bulletin 8 décembre 1810.*

[6] Нац. арх. F[7] 3460. *Rapport à l'Empereur* (там же резолюция императора. Saint-Cloud, le 20 août 1811). В этой же папке все дело Кистмахера.

[7] Нац. арх. AF. IV. 1354. *Bulletin de la 2-me semaine du mars 1811.*

[8] ... n'offre pas un heureux dénouement (там же. *Bulletin de la 3-me semaine du mars 1811*).

[9] Там же, avril 1811.

[10] Ср., например, отзыв о книге Debrai (там же, juillet 1811).

[11] Нац. арх. F[7] 3460, 27 avril 1811. *Le directeur de la police en Hollande à S. E. duc de Rovigo.*

[12] Нац. арх. AF. IV. 1354, mai 1811. *Chant d'un bard par Théophile Mandor*. Цензор кончает свой доклад так: Un si ridicule hommage ne pourrait passer incognito, il exciterait une risée générale.

[13] Там же, juin 1811.

[14] Там же, octobre 1811.

[15] Там же, novembre 1811.

[16] Там же, № 60. *Bulletin de la 2-me semaine de décembre 1811*: C'est le vice menant à un état prospère.

[17] Там же, № 63. *Bulletin de la 5-me semaine de décembre 1811.*

[18] Там же, 16 décembre 1812. *Rapport du censeur sur l'ouvrage intitulé* «Histoire de Russie» par *Mr. Levesque.*

[19] Там же, № 12.

[20] Там же, février 1811.

[21] Нац. арх. F[7] 3460. Montauban, 17 août 1812. Прошение министру полиции подписано: *Depuntis.*

[22] Нац. арх. F[7] 3461. Paris, le 9 août 1811. Герцог Ровиго (Савари) — графу Монталиве.

[23] Нац. арх. F[7] 3458. 7 décembre 1810 (№ 579, 3-me division).

[24] Ср. Нац. арх. F[18] 418. Bulletin, 20 avril 1813 (и passim).

[25] Там же. Bulletin, 4 juillet 1811.

[26] Там же. Bulletin, 20 juin 1811.

[27] Там же.

[28] Там же. Bulletin, 4 octobre 1811.

[29] Там же. 3 juillet 1811. Bulletin (Imprimerie, librairie de Paris): les marchands de papier se ressentent du sommeil de l'imprimerie, de l'impuissance de la librairie; les manufactures de la Normandie se désolent. Les marchands des chiffons se voient à la veille d'être ruinés.

[30] Там же. Bulletin, 26 octobre 1811.

[31] Там же. Bulletin, 11 mai 1811.

[32] Там же. Bulletin, 21 mai 1811.

[33] Там же. Bulletin, 12 novembre (1812).

[34] Тарле Е. В. *Континентальная блокада.* М., 1913 (см. наст. изд., т. III.— *Ред.*).

[35] Нац. арх. F[18] 418. Bulletin, 14 juillet 1812.

[36] Infiniment triste (там же. Bulletin, 6 juillet 1812).

[37] Там же. Bulletin, 29 mars 1813.
[38] Ср. 9 janvier 1813: la saison du travail n'apporte aucun changement en bien (там же).
[39] Там же. Bulletin, 24 avril 1813.

К ИСТОРИИ 1904—1905 гг.

[1] Эта статья и текст телеграмм были напечатаны в июле 1917 г. в *Былом*.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ ПО НЕИЗДАННЫМ ДОКУМЕНТАМ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ. 1842—1847 гг.

[1] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 192, 30 декабря 1837 г.
[2] Там же, reg. 193, стр. 273 (verso). 22 декабря 1838 г. Барант—Молэ.
[3] Там же: Ce n'est pas les propriétaires frondeurs ou un peu indépendants qui habitent Moscou, dont il est allé ramener l'approbation.
[4] Там же, стр. 274 (verso), 275—276. Барант — Молэ.
[5] Там же, reg. 192, стр. 234. 30 декабря 1837 г.
[6] Там же, reg. 193, стр. 205 (verso). Барант — Молэ.
[7] «Помещики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставляют крестьянам личную свободу и, отделив им определенную пропорцию земель, пользуются взамен того соразмерными от них повинностями или оброком, по особому для каждого имения инвентарю. Мера сия есть общая по всему государству и независящая от воли помещиков» и т. д. (ср. Корф. *Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Сб. РИО*, т. 98, стр. 106).
[8] Там же, стр. 109.
[9] Там же.
[10] Там же, стр. 114—117.
[11] Там же, стр. 120—121: «Чтобы еще более выразить мысль, что вступать или не вступать в договоры зависит от доброй воли каждого, слова в введении: *предоставить помещикам, если они пожелают*, заменены так: *предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают*».
[12] Так как о нем впереди идет речь, напоминаю наиболее характерные пункты этого «Отношения департамента полиции исполнительной господину гражданскому губернатору», от 3 апреля 1842 г. «Настоящий указ, не содержа в себе существенно ничего нового, есть одно развитие и дополнение правил... о свободных хлебопашцах, относительно того рода условий, где крестьяне, оставаясь крепкими земле, обязуются к исправлению известных в пользу ее владельцев повинностей ... теперь как и прежде заключать оные (договоры) с крестьянами, или оставлять их на нынешнем положении зависит совершенно от воли и усмотрения самих помещиков. Единственная цель указа заключается в том, чтобы... самые земли, на коих крестьяне водворены, оставались по-прежнему полной вотчинной собственностью дворянства... За сим, более того, что выражено самыми *словами* указа, не должно в нем и *подразумевать* (курсив подлинника — *Е. Т.*)... изыскивать в указе или внушать другим какое-либо иное значение оного было бы действием законопреступным»... Циркуляр предписывает властям иметь бдительный надзор, чтобы крестьяне пребывали в беспрекословной покорности, а распространителей слухов строго наказывать.
[13] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 198, стр. 113 и сл. (déchiffrement), 2/14 апреля 8142 г. Перье — Гизо. Это

первое донесение написано в самый день, когда подписан был закон 2/14 апреля, но Перье еще его не знает, а говорит о первоначальном проекте.

[14] Там же. Перье — Гизо: Tout à coup la nouvelle encore à demi mystérieuse vient de se répandre que la mesure de l'affranchissement était arrêtée et que les oukases nécessaires paraîtront sous peu de jours.

[15] ... à toutes les proportions d'un coup d'état qui peut conduire à une révolution politique et tend ouvertement à une révolution sociale.

[16] В этом донесении Перье называет в числе врагов реформы князя Васильчикова и князя Меньшикова, но в post-scriptum'е к следующему донесению вносит поправку: Васильчиков вместе с Киселевым были за первоначальную редакцию указа.

[17] Там же. Перье — Гизо: A-t-il tout prévu? S'est il rendu compte à lui-même de l'immensité de son entreprise? A-t-il compris où pouvait le précipiter le moindre faux pas sur un terrain si glissant? Il est permis d'en douter.

[18] Там же: L'empereur Nicolas, fidèle à son caractère, cède à l'entraînement des désirs personnels, se lance à la légère dans la carrière des aventures, semble vouloir sans but précis et entrevoit surtout l'oréole de la gloire dont le double titre de réformateur et de fondateur d'une société nouvelle ferait résonner son nom.

[19] Там же: En rendant à l'Empereur Nicolas toute la justice, qui lui est due, on arrivera facilement dans la circonstance présente à cette conclusion: que s'il impose assez à ceux qui l'entourent pour ne pas avoir à redouter peut être le sort de Paul I, il ose beaucoup и т. д., и т. д.

[20] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 198, fol. 123. 20 апреля 1842 г. Перье — Гизо: Votre Excellence verra par la lecture de ce document embarassé, par l'examen de ces dispositions évidemment incomplètes et tronquées, combien il y a loin de ce qu'on fait à ce qu'on avait projété. Tout ce qui vient de se passer est une triste scène de comédie... Aujourd'hui il récule sans vouloir l'avouer devant les difficultés qu'il n'avait pas prévues, devant le mécontentement de la noblesse qui s'est émue quand'elle a vu l'atteinte portée à sa richesse et à ses droits anciens.

[21] Там же, 20 октября 1842 г. Перье — Гизо.

[22] Там же: Il a rencontré une opposition à laquelle il eût été trop dangereux de ne pas céder.

[23] Там же: La noblesse n'oubliera pas facilement cette chaude alarme et ne sera pas aisément rassurée contre le retour de velléités semblables. Elle sait que l'empereur en a porté depuis longtemps le germe dans sa pensée...

[24] Elle (la noblesse) ne se laisse pas tromper au calme apparent qui succède à l'orage, elle voit cet orage éloigné sans le croire pour longtemps conjuré.

[25] Cette publication qui semble contredire et annuler l'oukase du 2(14) avril et qui a toute l'apparence d'une retractation prouve assez à elle seule que je n'ai point chargé les couleurs du tableau que j'ai l'honneur de vous tracer. Une pareille demarche a du coûter beaucoup à l'empereur.

[26] Elle lui est imposée par une bien impérieuse nécessité ou elle fait pressentir que la noblesse aura plus tard à payer cher la concession momentanée accordée à ses alarmes.

[27] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 198, fol. 138. 7 июня 1842 г. Перье — Гизо: ... on semble presque, ici, les avoir oubliés. Mais il est permis de ne voir là qu'une feinte insouciance, une tranquillité affectée et de ne pas plus croire à l'abandon des vues de l'empereur, qu'à la sécurité de la noblesse.

[28] ... Ces obstacles seront moins dans trop d'empressement de la part des peuples que dans la résistance de la classe privilegiée.

[29] Там же: Celle-là (la classe privilegiée), malgré son immense minorité, est seule capable toutefois d'action, de concert, d'intelligence. Elle agit avec habileté, dissimule ses craintes et retarde la lutte.

[30] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 198, fol. 192. 30 сентября 1842 г. Д'Андрэ — Гизо.

[31] Там же: Ce règlement du grand-maître de police fût même avantageux à la noblesse, parce qu'il servit à constater un principe qu'il était à propos de rappeler aux paysans: celui de la propriété de la terre.

[32] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 198, fol. 48. 6 февраля 1842 г. Перье — Гизо.

[33] ... qu'il s'abandonnait sans mesure aux persécutions religieuses (там же, д'Андрэ — Гизо).

[34] Там же: Le peuple russe a des impressions mobiles, le souverain qui a l'instinct de son pays saura peut être ramener à lui ceux qu'il en a éloignés ...

[35] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 199, fol. 144. 23 сентября 1843 г. Д'Андрэ — Гизо: Quand on a vu la société russe il y a 12 ans et qu'on est frappé de la liberté de langage avec laquelle on s'exprime sur le compte de l'Empereur.

[36] 28 октября 1843 г. Д'Андрэ — Гизо.

[37] Курсив барона Корфа (цит. соч., стр. 227).

[38] Курсив барона Корфа (там же).

[39] Там же, стр. 219.

[40] Первая статья: «Владельцам, желающим отпустить своих людей на волю без земли, дозволяется заключить с ними, по обоюдному согласию, договоры о платеже с ними последними особых сумм в один или несколько сроков, или же ежегодного оброка по смерть владельца или на определенное число лет».

[41] «Сих людей, кроме паспортов, обложить следует четверными подушными, дабы побудить помещиков их отпускать на волю» и т. п.

[42] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 199, fol. 255. 1 апреля 1844 г. Д'Андрэ — Гизо.

[43] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 199, fol. 310. 15 сентября 1844 г. Raynevale — Гизо.

[44] Там же. Рейневаль — Гизо: La grande difficulté de la question de l'affranchissement consiste dans cette idée innée chez les paysans, qu'il est inséparable de la terre dans ce sens que la terre lui appartient bien plus qu'il n'appartient à la terre.

[45] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 201, fol. 58. 7 ноября 1846 г. Рейневаль — Гизо.

[46] Ст. 1: «Когда населенное недвижимое имение, за лежащие на нем долги казенные, частные или в кредитные установления, назначено будет в публичную продажу, крестьянам, к таковому имению принадлежащим, предоставляется выкупать себя вместе с землей и прочими составными оного частями, чрез взнос последне-состоявшейся на торгах цены, при неявке покупщиков, полной оценочной суммы» и т. д.

[47] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 201, fol. 290 и сл. 27 ноября 1847 г.

[48] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg., [201], fol. 293: Je n'oserais affirmer l'existence de ce plan, mais il m'est permis d'y croire et de s'en inquiéter quand on connait les sentiments de l'Empereur et son ardent désir de faire dater son règne d'abolition de servage.

[49] Там же, 27 ноября 1847 г.

[50] Архив мин. ин. дел. Серия *Russie. Correspondance politique*, reg. 199, fol. 336. Rayneval — Гизо: L'empereur traite quelque peu son empire comme un régiment et regarde la moindre désobéissance à ses ordres comme la plus grave infraction à la discipline gouvernementale и т. д., и т. д.

[51] *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*, Bd. I. Hannover, 1847, стр. 154—155 и сл.

Приложения

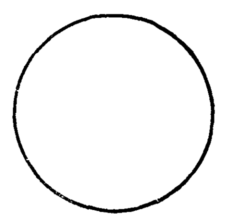
Печатаемые документы представляют собой лишь очень небольшую часть тех материалов, которыми я пользовался, работая над этой книгой. Я хотел выбрать те из них, которые представляют больше интереса, но в конце концов не мог напечатать все выбранное, так как пришлось бы чуть не удвоить объем книги, и без того разросшейся. Я принужден был отказаться от мысли издать некоторые слишком уж обширные документы, как бы интересны они ни были. Но и то, что я здесь печатаю, может послужить для читателя живой и существенной иллюстрацией к основным выводам, к которым я пришел. Как и в приложениях к предыдущим моим работам, я и тут сохраняю орфографию подлинных текстов, исправляя слишком уж явные описки. Орфография и итальянских, и французских документов бывает здесь очень и очень прихотливой (особенно плохо давались многим составителям знаки препинания).

Драгоценную помощь по корректуре этих приложений, как и по корректуре всей книги, оказал мне уважаемый мой товарищ по преподаванию в Юрьевском университете В. С. Шилкарский, любезно взявший на себя этот тяжелый труд; приношу ему здесь искреннейшую мою благодарность. Корректуру приложений просмотрел также и г. Лоренцони, лектор итальянского языка на Петроградских высших женских курсах, которому также выражаю здесь свою благодарность.

I

Муниципальный архив города Милана

Materie № 284: Contribuzioni militari III, pacco 1790—1796 30/6 presso l'Archivio Storico Civico di Milano.

Egalité Liberté

A Milan le 2 messidor an 4me.

Au nom de la République Française Le Commissaire du Directoire Exécutif près l'Armée d'Italie.

Pour effectuer la levée de la contribution militaire de vingt millions tournois, établie sur toute la Lombardie, par le Général en chef et le Commissaire du Gouvernement, suivant leur arrêté du 30 floréal; et voulant remplir la promesse faite par le susdit arrêté que la contribution ne péserait, que sur leur riches et les gens aisés, avait d'abord ordonné de prendre pour base de la répartition de cette contribution, le cadastre des biens fonds comme moyen plus facile et plus prompt; mais s'étant apperçu que le moyen n'atteignait pas entièrement le but proposé, puisque d'un côté plusieurs citoyens quoique non propriétaires de terres, n'en sont pas moins reconnus comme très riches et aisés, soit par leurs fonds tandis que d'un autre côté plusieurs riches propriétaires peuvent être gravés de dettes ou chargés, qui meritent d'être pris en considération; a préféré prendre pour base de la taxation, autant le cadastre que la commune renommée. A ce moyen qui offre le moins d'abus et d'inconvénients on joindra l'attention de peser particulièrement. 1°. Sur les abbayes dont les propriétaires mangent le revenu dans l'étranger. 2°. Sur les couvents et corps religieux en proportion de leur charges. 3°. Sur les célibataires en suivant l'échelle progressive d'un demi pour cent sur toutes les fortunes ou industries de vingt cinq mille livres toujours en croissant par demi, ou aussi jusqu'à dix pour cent pour l'exécution de ce que dessous.

Arrête:

Article premier.

Il sera formé par toutes les communes de la Lombardie un rôle des citoyens riches et aisés de leur arrondissement. Ce rôle fait par les municipaux réunis en présence d'un agent militaire indiquera la fortune présumée par commune renommée et la taxe imposée. Suivant l'échelle progressive indiquée ci dessus, le double du rôle sera envoyé au commissaire du pouvoir exécutif pour le rendre exécutoire par la signature.

Article 2me.

Conformément à ce rôle il sera envoyé un billet d'avertissement à chaque citoyen qui sera tenu de s'y conformer pour les peines qui y sont indiquées. Le billet d'avertissement sera signé par un municipal.

Article 3me.

Tous les citoyens dont la propriété ou l'industrie sera estimée représenter un fond moindre de vingt cinq mille livres, sera exempt de la contribution militaire de vingt millions.

Art. 4°.

Le delay pour la ville de Milan et son arrondissement courra à dater du dix messidor et expirera pour le troisième payement le dix thermidor et pour les provinces à dater du vingt jusqu'au vingt thermidor, passé lequel delay des contribuables qui n'auront pas satisfait y seront condamnés militairement.

Les agents militaires sont chargés de l'exécution du présent arrêté.

P i n s o t.

II

Архив французского министерства иностранных дел

Italie, Mém. et docum., reg. № 12, f. 105.
Italie en général;— commerce.
Moyens de traiter avec l'Italie.

C'est par un traité général qu'il faut que nous terminions avec l'Italie: tout traité partiel y fera mal nos affaires, à moins qu'il ne soit calqué sur les dispositions qui devraient entrer dans le traité général, c'est-à-dire, qu'il ne soit la suite d'un plan général, déjà tracé, de ce que la République veut que l'Italie soit désormais pour elle.

Le but de ce traité général, ou de ces traités partiels résultans d'un plan général, doit être de faire tomber entre nos mains le commerce de l'Italie, et d'exclure les Anglais de ses ports.

Il faudrait nous réserver quelques privilèges particuliers pour l'extraction de certaines matières premières, dont l'Italie est si riche, telles que les soies, les huiles, les chanvres, etc. etc. etc. Nous pourrions encore y interdire l'importation que les Anglais y font de quelques objets de fabrication, tels que les draps, la clinquaillerie, les toiles de coton, etc. etc. etc.

Nous rétablirions ainsi la prépondérance en faveur de nos manufactures: nos établissemens militaires en Corse et dans l'isle d'Elbe acquereraient un nouvel objet d'intérêt, et nous finirions ainsi par enlever l'Italie aux Anglais.

III

Миланский государственный архив

Milano, Archivio di Stato, Commercio, parte moderna,
Busta № 11, fasc. P.G.

Repubblica Italiana. Novara, li 31 ottobre 1802, anno 1° il Consiglio Generale del Dipartimento d'Agogna.

Estratto da Registri del Consiglio Generale suddetto, nella seduta dei 18 ottobre corrente.

Il Cittadino Presidente di questo Consiglio Generale ha letto e pronunciato un discorso contenente un progetto di rappresentanza al Governo per la libera estrazione de Generi all'Estero.

Il Consiglio Generale approva il detto progetto da unirsi al presente atto colla firma del Presidente, contrasegnato dal segretario, e ne decreta l'invio alla Prefettura, acciò si trasmetta al governo per la provvidenza.

Firmati in originale: Ludovico Arborio Breme Presidente, Vornielli L. V. Prefetto Sottoscritt. Corbella segretario.

Segue il tenore del Progetto.

Il Commercio per iscambio di derrate, il solo che convenga a ciascun paese, ad ogni qualunque proprietario, quegli il più semplice, il più utile di tutti, imperciocchè non puo esistere dove non vi ha una sovrabbondanza di generi ed un reciproco bisogno di ricambiarli, cui non figlio dell'Arte, minori somministra li mezzi alla frode, ed al ragiro, codesto dico genio ri-

paratore delle preferenze e dei caprici della natura, giacchè rende communi fra tutti gli uomini, le richezze e le produzioni delli privilegiati paesi, non dorrebbe al dire di Smith, di Condillac, di Genovesi, e di tanti altri incontrare veruno ostacolo. Mapur troppo non è cosi. Un certo spirito di rivalità, un tal qual timore puerile si oppongono per lo più a suoi progressi, e fra gli altri viene paralizzato intieramente sulle nostre frontiere verso il Piemonte con un manifesto danno delle finanze nostre, delli consumi dè popoli finitimi, e della buona corrispondenza, che dovressimo coltivare con quei vicini.

Egli è notario, che per cagion d'esempio la Lumellina, il Novarese, il Vigevanasco abbondano in qualsivoglia genere di granaglie, e che il Monferato ne va scarso; che pel contro esso è ricco in vini ed in bestiami, articoli meno comuni nel Novarese, e di cui la Lumellina poi è totalmente sprovista.— Per qual mottivo delle leggi proibitive, che servono di stimolo e di scusa al contrabando ne proibiscono l'iscambio? e costituiscono in delitto un genere d'industria, che altrove verrebbe premiato? A quale noppo togliere a due nazioni vicine di territorio, che poi anzi ne formavano una sola, a due repubbliche gemelle, figlie dell'istessa Madre, un commercio che ad esse converrebbe ugualmente? Perchè invece di ciò eccittare fra esse uno spirito d'egoismo, che può pur un di diventar funesto, e che frattanto fa privi li due nostri stati del beneficio che ritrarebbero da una tassa conveniente, a cui potrebbe esso sottoporsi.

A giudizio di coloro, che spaventa l'idea di una libertà indefinita di commercio sarà forse pericoloso il permettere l'iscambio di quelle derrate contro il loro valore in denaro?

Che che ne vaglia di quella obbiezione chimerica nel sostanziale, giacchè il numerario attrae sempre a se dal paese ove abbonda, il genere che gli fa bisogno, ma concedendo pure che da ciò potesse risultarne un qualche danno, mezzo vi sarebbe di prevenirlo nella sua più sostanziale conseguenza, sottoponendo la sumentovata libertà di esportazione alla rigorosa reciproca condizione di un semplice cambio di derrata contro derrata, del quale dovrebbe risultare per ottenere reciprocamente il libero transito del genere equivalente a quello che si smercierebbe, onde risultandone che li proprietari potrebbero negoziare direttamente, gli monopolisti, li specolatori pecuniosi, non anderebbero a gara con essi, e sarebbe sempre una derrata superflua contracambiata, contro di una più neccessaria. Fino a tanto che non si avrà per massima di sottorporre ad esperimento il positivo valore degli inconvenienti che si attribuiscono alla più gran parte dei principi, che non van concordi colla battuta strada sul punto dell'amministrazione politica, si viverà in un incertezza dannosissima al ben del pubblico, e si strascineremo a passi lenti un una cariera che esigge pure la maggiore attività.

Se gli Amministratori della Repubblica Italiana e della 27-me Divisione Militare componente ora altrettanti dipartimenti francesi non credono di dover estendere la libertà del commercio, di cui si tratta, alle frontiere nostre tutte che a titolo di prova (fosse solo per un tempo limitato), lo concedono al Novarese, alla Provincia Lumellina, al Vigevanasco per una parte, al Monferato ed al Vercellese dall'altra, che fissino li siti esclusivi, per dove le reciproche derrate de nostri distretti potranno transitare reciprocamente per trasferirsi alli mercati limitrofi, e con che le tasse moderate, alle quali soggiaceranno. Liberi di ritrattare codesto permesso, se dall'esperienza viene scoperto pregiudicevole, a quale mai rischio una si fatta provvidenza provvisoria esporrebb'ella frattanto l'interesse permanente delle due nazioni? Che che ne fosse per risultare, non avrebbero forse i nostri reciproci amministratori dimostrato al pubblico ed ai loro governati, che il sumentovato spirito di rivalità, di egoismo,od il diffetto di esperienza non presiedono più da despoti arbitrari alle leggi fiscali anche senza di ciò odiose e mal accolte, tanto più nel caso attuale ove presentano, diciamolo pure, un aspetto ostile: mentre gli abitanti del Monferato vedono dai loro colli accrescere,

e coltivano in parte essi stessi fra noi le ricche messi, a cui li vien poi vietato di prender parte per sovvenire ai loro bisogni, e che dal canto nostro dalle ripe dei fiumi che ci dividono asistiamo quasi che alle ubertose vendemmie di essi e dei Vercellesi, numeriamo gl'immensi loro armenti, e non possiamo poi godere di questi a noi cosi necessari oggetti, se non se commettendo un delitto, una infrazione alle Leggi de reciproci stati, un furto alle loro finanze, tanto più dannoso, in quanto che con ciò si copre di un velo impenetrabile la quantità de generi che vicendevolmente ne escono.

Vogliate, Cittadino Luogo Tenente, prendere codesto importante oggetto in una seria considerazione, rappresentatelo come tale al Governo, e fattelo riflettere inoltre, che, carichi die gravezze, non abbiamo altro mezzo per pagarle, se non collo smercio all'estero delle nostre derrate, che mancanti di vino e di bestiame in alcune parti del dipartimento non se ne può la Lumellina principalmente provvedere che dal Piemonte, e che finalmente le leggi fiscali proibitive esistenti alle nostre frontiere sono altrettanto contrarie a quei sentimenti paterni che il governo vi comparte, che dannose all'interesse nostro politico interno ed esterno.

Il Consiglio Provinciale ve ne priega per messo mio, e ne spera un esito corrispondente.

Firmato all'originale: Ludovico Arborio Breme Presidente-Sottoscritto: Corbella, Segretario.

Copia conforme (J[to]) Corbella segr[rio].

(Allegato a lettera del Prefetto Del Dipartimento dell'Agogna al ministro del'Interno, in data 15 dicembre 1802).

IV

Миланский государственный архив

Milano, Archivio di Stato, Governo p. m.,

Commercio, cart. № 1.

Regno d'Italia № 4544.

Venezia 4 maggio 1806.

Al Magistrato Civile della Provincia di Venezia A. S. E. il Sig. Ministro del'Interno.

Mentre sono occupatissimo per esaurire le ricerche pervenutemi col pregiato suo foglio 3650, nel rapporto delle manifatture e fabbriche della Provincia, non ho ommesse le più sollecite indagini per soddisfare a quelle ricerche per saglie, bajette, e mezze lane che contemplando in questi lavori li bisogni dell Armata, S. E. il Sig. Ministro della guerra ha voluto interessare l'E. V. per averne le opportune nozioni.

Niente di ciò esiste in questa Provincia. Nella città di Venezia anticamente vi erano rinomatissime fabbriche di cosi dette saglie veneziane, le quali erano panni fortissimi di finissima lana spagnuola, tinte ordinariamente in grana, le quali erano ricercatissime, singolarmente nell'Oriente, ed erano costosissime. Alcune di queste tuttavia esistono; ma il loro smercio, ed il corrispondente lavoro sono attualmente ridotti a minimo oggetto.

Al tempo della cessata Repubblica vi era altresi qualche fabbrica, che precisamente faceva alcuni lavori in lanaggio per uso del militare; ma colle insorte vicende questa presentemente e affatto decaduta, e non mi fu nemmeno possibile di trovare un campione per appagare le sue ricerche.

Se però mi è tolto in questo caso di soddisfare alle premure dell'E. V., non lascierò sfuggirmi questa occasione di avanzarle li miei ringraziamenti per le gentili espressioni del gentilissimo suo foglio № 3847, e per raffermarle li sentimenti costanti della distinta mia considerazione e rispetto. Firmato: Erizzo. L'arrivo in questo momento in Venezia del solo fabbricatore dei generi ricercati da S. E. il Sig. Ministro della guerra, mi apre l'opportunità d'inoltrare all'E. V. l'identica sua informazione, che potrà servire di lume al Ministro della guerra.

Firmato: Erizzo.

V

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.,

cart. № 12
№ 4348

Direzione della Polizia Generale — A Sua Altezza Imperiale.

Il Principe Eugenio Napoleone di Francia Vice. Re d'Italia, Arcicancelliere di Stato dell'Impero Francese. Oggetto:

Compiega per la superiore approvazione un progetto di Circolare prescrivente le misure da adottarsi dai Prefetti contro i contravventori ai decreti di S. A. I. relativi alla notificazione delle merci inglesi, e notifica le voci che circolano su quest'argomento.

Altezza Imperiale.

Sono in dovere di ragguagliare l'A. V. I. delle voci, che corrono dipendentemente dall'ordine delle notificazioni dei crediti, ed effetti appartenenti ai sudditi di S. M. Brittanica, e delle mercanzie provvenienti da manifatture inglesi. Si dice, che questa misura abbia sparso il più gran timore nella classe dei negozianti di questa città,i quali sono perplessi, ed indecisi sul partito, che debbono prendere. Un tale timore, ed una tale perplessità, almeno per quanto ho potuto raccogliere, derivano particolarmente dalle seguenti riflessioni. Il commercio, dicon essi, è attivo in generale coll'Inghilterra, la quale tira dall'Italia una gran quantita di sete, e gia da molti anni non accorda le sue manifatture, che mediante delle pronte rimesse. Per questa ragione se pur accade, che un commerciante qualunque di qui abbia contratto un debito con una qualche casa di commercio in Inghilterra, è certo che vi puo contraporre una somma maggiore di credito ripetibile da altre case di quel Regno. Seguendo la confisca del debito si teme quindi, che il creditore valendosi anche soltanto della via de'tribunali non potesse ciononostante assicurarsi del suo credito sequestrandone l'ammontare presso quelle altre case d'Inghilterra, che fossero all'opposto debitrici di eguale, o maggior somma verso la stessa dita. In questo caso la perdita sarebbe puramente del commerciante suddito del Regno d'Italia, che avesse fedelmente eseguito la notificazione, mentre dovrebbe pagare qui il suo debito, e non potrebbe ritirare i suoi crediti. Tale è il raziocinio de commercianti rapporto ai crediti degli Inglesi.

Quanto alle manifatture di provenienza inglese ecco la sostanza dei loro discorsi. Col decreto del 27 luglio 1805 S. M. I. e R. ha proibito tutte le merci inglesi nel Regno d'Italia, e dipendentemente da tale proibizione ha ordinato, che tutte le merci, che venissero presentate alle dogane dovessero confiscarsi, e tutte quelle, che dopo l'epoca del primo ottobre si trovassero nell'Interno del Regno dovessero essere apprese come di contrabbando. Non e dunque da suporsi, che dopo un ordine cosi formale siansi introdotte delle merci di manifatture inglese. Che se ciò fosse accaduto i possessori delle medesime, facendone la notificazione, sarebbero esposti alla confisca ordinata dal detto decreto Imperiale nello stesso modo, che ora ommettendola incorrerebbero nella confisca prescritta dall'art. 2°, del decreto di V. A. I. 10 dicembre. In tal bivio pare, che la pluralità de commercianti preponderi nel sentimento di non fare alcuna dichiarazione, perche stanno a loro favore la presunzione, che non si potesse contravvenire ad un si preciso ordine sovrano i daziati di finanza, ed i certificati d'origine delle mercanzie presentate alle dogane, senza de quali non avrebbero potuto ritirarle.

Nel portare tutto quanto sopra alla cognizione di V. A. I. mi asterro dall'entrare in alcun esame sul merito delle premesse osservazioni. Restringendomi alle sole ispezioni di mio istituto io ho disposto il qui unito progetto di circolare, che crederei ora opportuno di diramare ai prefetti in tutta l'estensione del Regno, onde con metodi uniformi, colla opportuna

precauzione, e con iscrupolosa esattezza si proceda ovunque alla scoperta dei crediti, ed effetti qualunque appartenenti a sudditi di S. M. Brittanica, e così pure delle mercanzie di provvenienza inglese, che non fossero state notificate. Nel raccomandare il massimo rigore contro coloro, che avessero occultato de crediti, od effetti di proprietà inglese ho insinuato di usar dolcezza contro i semplici detentori, o possessori di mercanzie provvenienti da manifattura inglese riconoscendo molto maggiore il grado di colpa nei primi, che nei secondi.

Attenderò la superiore approvazione di V. A. I. per dar subito corso alla Circolare, ed intanto mi do la gloria di rinovarle il mio più profondo rispetto.

Milano li 20 Gennaio 1807.

Il Consigliere Consultore di Stato, Direttore della Polizia Generale (fto) Guicciardi.

A tergo: P°. 23 Gennaio 1807.

№ 532.

(Подпись Евгения Богарнэ). E.

Je suis très satisfait du projet d'instruction qui m'est soumis par ce rapport.

Le Directeur Général le fera partir sans délai.

Il pourra y ajouter que les salaisons qui seront saisies *pour n'avoir pas êtê dêclarées* ou comme appartenantes à des anglais, seront vendues sur le champ, à la diligence du préfet, du vice-préfet, et que le produit en sera versé dans la caisse de l'intendant des finances. Cette première vente sera d'abord d'un bon exemple, et puis elle previendra l'altération de cette nature de marchandises qui ne pourraient demeurer longtemps sous le sequestre sans se perdre. Au reste il ne faut pas que la rigueur sur les salaisons soit exercée chez les marchands en détail. Il suffit qu'elle le soit chez les marchands en gros.

Milan, le 22 Janvier 1807.

(fto) Eugène Napoléon

Par le Vice Roi

Le conseiller secretaire d'Etat (fto) L. Vaccari.

VI

Миланский государственный архив

Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.,
Busta № 12.

Altezza Imperiale,

Vostra Altezza Imperiale mi ordina che Le renda conto immediatamente dell'esecuzione dei decreti di S. M. e di V. A. I. sulle merci Inglesi, essendo stato rappresentato che molte merci Inglesi sorprese in Livorno vi siano provenute dal Regno d'Italia.

Posso assicurare V. A. I. che tanto io, quanto il Consigliere di Stato Direttore Generale delle Dogane abbiamo posta personalmente una cura particolare per l'esecuzione indistinta e rigorosa di detti decreti. Prova ne sono le circolari ripetute, gli ordini speciali, le invezioni fatte, e la delicatezza di cui V. A. I. è testimonio e giudice, che mi ha mosso in ogni occasione a portare alla di Lei cognizione e decisione i più piccoli dubbi sull'applicazione della proibizione a merci ed a materie prime, che potevano per se stesse riguardarsi come escluse.

Potranno essere seguiti degli abusi ma il prezzo notoriamente cresciuto in tutto il Regno delle merci avvicinantisi alla qualità delle Inglesi, più fabbricatori Svizzeri di dette merci che hanno trasportate nel Regno le loro manifatture e i loro capitali, e le importazioni dalla Francia nel Regno considervolmente cresciute da un anno, bastano per se a far credere esagerati i timori sull'estensione degli abusi medesimi.

Il fatto di Livorno non è difficile a spiegarsi.

Primieramente si dubita, e con fondamento, che le merci trovate a Livorno con bollo delle Dogane del Regno d'Italia siano almeno nella maggior parte di provenienza Inglese. Ne dirò più abbasso i motivi. Qui si supporrà che le merci sorprese a Livorno siano non dubbiamente Inglesi.

I negozianti Italiani all'epoca del Decreto 10 Giugno 1806, massimamente in consequenza della riunione degli Stati Veneti, dove le merci Inglesi lungi dall'essere proibite erano anzi state favorite dal Governo Austriaco e dalla vicinanza di Trieste, si trovarono naturalmente forniti in non poca quantità di siffatte merci, pubblicato il detto Decreto 10 Giugno 1806, ed alcuni mesi dopo quelli di V. A. I. delli 10 Dicembre è 7 Gennaio 1807, che ordinarono la rigorosa notificazione di qualunque merce inglese restante detto nello Stato in esecuzione del Decreto di S.M. delli 21 Novembre, si sono i negozianti convinti che detto merci andavano ad essere perseguitate dovunque e con vigore; quindi hanno cercato di disfarsene, ne'miglior modo si presentava loro che di spedirle in Toscana, dove la proibizione delle merci inglesi fu tardissima a comparire, e non fu giammai, o per speculazione di commercio oservata a rigore.

Dall'altra parte è provato, che vennero di Francia nel Regno non poche merci inglesi con spedizioni delle Dogane Imperiali; tali merci sono apparentemente di quelle, che prese ai contrabbandieri od altrimenti sequestrate in paesi occupati dalle armi Francesi, le leggi dell'Impero comandano di esportare all'estero. Non fa quindi meraviglia, che per il territorio del Regno siano passate a Livorno delle merci inglesi, meno ancora che vi siano passate delle merci non Inglesi, ma *riputate Inglesi*, e che furono per avventura ni Livorno giudicate inglesi per la difficoltà di distinguerle congiunta coll' interesse del negoziante speditore di acquistar loro un valor maggiore spacciandole per Inglesi. Il Decreto di S. M. delli 30 settembre 1806 accordo la facoltà d'introdurre e presentare alle Dogane sino al primo Gennaro 1807 (termine stato poi prorogato dalli art. IV del Decreto della stessa M. S. delli 18 Gennaio 1807 a tutto il successivo febbraio) le merci state commissionate in paesi nemici o neutri anteriormente al Decreto 10 Giugno 1806. I negozianti italiani hanno in consequenza di questa facolta moltiplicate le commissioni e le importazioni delle dette merci. Nel conto dell'Amministrazione delle Finanze del 1806 ho notato questa straordinaria massa d'importazioni, che ha momentaneamente accresciuto in detto anno i prodotti delle dogane.

I negozianti medesimi, che aveano speculato sull'ammasso di dette merci, furono atterriti dalla voce corsa, che S. M. andava ad accordare alla Baviera, al Virtemberghese, ed a tutti gli Stati della Confederazione del Reno il favore d'introdurre nel Regno d'Italia le merci delle loro fabbriche, come fu accordato al Gran Ducato di Berg; il che avrebbe necessariamente prodotto una diminuzione di prezzo nelle merci ammassate. Si affrettarono perciò di dare sfogo ai proprii magazzini, mandando dette merci ai paesi esteri, e singolarmente a Livorno, non essendovi altro paese limitrofo, per cui potesse aver luogo senza danno simile esportazione. Or qui prego V. A. I. di notare che molte di dette merci si avvicinano talmente alla qualità delle merci Inglesi, che i fabbricatori Italiani e gli stessi deputati del commercio di Berg interessati ad escluderle onde rendere più lucrativo il privilegio accordato alle loro manifatture, hanno più d'una volta esitato qui in Milano nel giudicare la qualità delle stesse merci, ed hanno non senza difficoltà

riconosciute definitivamente per non Inglesi quelle che a prima fronte comparivano tali. Può quindi con tutta ragione credersi, che molte delle merci sorprese in Livorno, *e giudicate Inglesi*, fossero di questa provenienza.

Non e per questo ch'io creda, Altezza Imperiale, fuori di proposito una misura straordinaria per scoprire le contravvenzioni, e reprimere coll'esempio della pena de'contraventori ogni speranza d'impunità. Tende a questo fine il Progetto di Decreto, che ho l'onore di sottometterle nel presente Consiglio straordinario, e il cui spirito è di ordinare una visita e ricognizione generale nelle Dogane e nei Magazzini e fondachi privati in tutto il Regno, prevenendo che un'eguale operazione sarà ripetuta di tempo in tempo.

Confrontando il risultato di questa ricognizione colle dichiarazioni che i negozianti sono stati chiamati a fare delle merci Inglesi nel Gennaio del 1807 e quanto alle merci non Inglesi, ma presunte tali, colle formalità dovute osservarsi per legittimare la loro introduzione, si potrà giungere a scoprire per quanto è possibile le frodi, e ad incutere nel tempo stesso un utile timore per l'avvenire.

Ho l'onore di ripetere a Vostra Altezza Imperiale l'omaggio del mio profondo rispetto.

Milano, li 7 Ottobre 1807.

Il Ministro delle Finanze

(f^{te}) P r i n a.

a tergo: P^{ho}. 11 Ottobre 1807.

№ 8311.

Originale, diretto al Principe Eugenio Beauharnais.

VII

Национальный архив в Париже
Archives Nationales, F^{12} № 535.

Relations Commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.

Draperies.

Avant la révolution les pays qui forment aujourd'hui le Royaume d'Italie tiraient de la France et des Pays bas, une grande partie des draps nécessaires à leur consommation.

La Ville de Genève a été longtemps un des points intermédiaires de ce Commerce qui avait beaucoup d'activité.

Il se composait surtout de quatre objets.

1°. Les beaux draps des fabriques situées au nord de la France, celles de Louviers, Elbeuf et Sédan. Ces draps se vendaient en Italie en concurrence avec ceux des manufactures de la Bohême et de la Saxe.

2°. Les draps et casimires des manufactures des villes de la Belgique, telles que Veviers, Aix la Chapelle, Liège.

3°. Les cadisseries du Languedoc, les serges de Mende, de Pierrelatte et qui avaient à soutenir la concurrence des fabriques d'Eisenach, Mulhausen, Gotha et autres lieux de la Saxe.

4°. Enfin les camelots satin sur laine et autres étoffes légères provenantes des fabriques de Lille, d'Amiens et de Rheims.

Pendant les troubles de la France la fabrication des draps de Louviers et de Sédan ayant considérablement diminué et la qualité en ayant été singulièrement altérée par l'effet de la Loi du maximum, les négocians Italiens furent obligés de chercher à remplacer ces qualités fines qu'ils ne pouvaient plus obtenir de la France. Ils firent venir des draps anglais qui les remplacèrent en partie, mais qui ne les égalèrent pas en qualité.

Depuis que les fabriques de Louviers et de Sédan ont repris leur ancienne supériorité et qu'elles peuvent fournir d'aussi beaux draps qu'auparavant, les négocians Italiens les ont recherchés de nouveau, mais seulement pour l'usage des personnes qui peuvent faire une certaine dépense, car leur prix bien plus élevés empêchent, que la consommation en soit aussi grande qu'elle l'était autrefois.

Les secondes qualités ont suppléés aux prémières, ainsi les fabriques des départements de la Belgique fournissent en Italie une quantité de draps assez considérable. On a continué d'extraire d'Angleterre et d'Allemagne les qualités inférieures et quand les difficultés de les recevoir d'Angleterre ont augmenté, on s'est rejetté pour les draps communs sur les fabriques de Bohême et de Silésie qui fabriquent à très bas prix des qualités de draps propres pour le peuple des villes et l'habitant des campagnes.

Mais le commerce français du lainage se trouve en concurrence en Italie non seulement avec les importations des draperies d'Allemagne, mais encore avec les productions des atteliers italiens.

D'après des renseignements positifs, il s'est élevé deux manufactures de draps assez prospérantes dans l'Italie septentrionale.

L'une est établie à Schio dans le Pédémonte (sic) à quinze mille de Vicence. Elle occupe quinze cents métiers, dont chacun rend, par année, vingt cinq pièces de draps de soixante brasse de long.

Ces draps sont de diverses qualités par conséquent de divers prix depuis 6 jusqu'à 36 de Vénise, la brasse ou demi aune. Avant la réunion de Vénise au Royaume d'Italie, la Lombardie faisait déjà des demandes considérables de ces draps, malgré qu'ils fussent alors grévés d'un droit d'entrée. Le commerce des mêmes draps avec la Turquie, que la république de Vénise favorisait par une prime considérable, a dû tomber depuis la réunion, mais il est probable qu'en revanche la consommation Italienne s'est fort augmentée.

L'autre manufacture des draps est établie à Bergame, elle emploie en partie des laines de Pouille et en partie des laines de Turquie. On assure que les draps de Bergame sont recommandables par la force du tissu et la chaseur de l'étoffe; qu'à égalité de prix ils ont moins d'apparence mais plux de durée que les draps anglais et qu'ils soutiennent la concurrence de ceul de France.

La ville de Bergame est une de celles d'Italie, où il y a le plus de capitaux mercantiles accumulés, et comme l'exportation de ses soies en Angleterre, en Hollande et en Prusse, qui était autrefois fort considérable a dû diminuer, il y a lieu de croire que des capitaux précédemment destinés au commerce des soies, auront été consacrés à la manufacture des draperies et lui auront donné plus d'activité.

Au surplus ce n'est guère que sur les lieux, c'est à dire, dans les différentes villes du Royaume d'Italie où se fait la consommation, qu'on pourra juger des effets de la concurrence des draps allemands et Italiens à l'égard des draps français; ce n'est que là qu'on pourra comparer les qualités et les prix des uns et des autres et se livrer à la recherche des moyens qui pourraient donner plus d'avantages aux draps français.

En conséquence on ne doit considérer les renseignements et les observations que renferme ce mémoire, que comme preparatoires et devant conduire à une connaissance plus détaillée de cette partie essentielle des relations commerciales de la France avec le Royaume d'Italie.

Ce qu'on peut assurer dans ce moment d'après l'opinion des personnes bien instruites de ce commerce, c'est qu'il y a une telle disproportion entre les prix de nos draps inférieurs qui se sont élevés depuis la révolution de 30 à 40 p.% et les prix des draps communs qui se fabriquent en Bohême, que nous ne pouvons presque pas espéerr de les remplacer jamais. On frapperait ceux ci d'une prohibition absolue, qu'il y aurait toujours de l'avantage à les introduire, même en payant une prime d'assurance très considérable.

Il y a de ces draps communs de Bohême que l'on peut vendre, rendus dans les douanes de Milan de 8fr. à 8fr. 10s l'aune de France. On croit qu'il est impossible de fabriquer en France à des prix si bas, ni près de là.

Les landrins du Languedoc destinés pour le Levant sont trop minces pour remplacer ces draps communs de Bohême, et ceux de Castres et de Carcassonne ne peuvent pas être livrés à si bas prix, soit parceque la matière première est plus chère soit parceque la main d'œuvre est aussi plus élevée, soit enfin parceque filant plus gros et employant plus de laines, les fabricants français ne peuvent pas les établir, dans des prix aussi modiques. Ces circonstances paraissent s'opposer trop puissamment à ce que nos manufactures parviennent à lutter contre une pareille concurrence. C'est cependant la fourniture de ce genre de draps communs dont la consommation est très considérable dans le Royaume d'Italie, parcequ'ils servent à l'habillement du peuple, qu'il serait très important de procurer à la France, et c'est aussi un des principaux objets auxquels on doit s'attacher dans la recherche des moyens d'étendre et de consolider nos relations de commerce avec le Royaume d'Italie.

VIII

Национальный архив
Archives Nationales F12 № 535.

Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.

2me Article sur les draperies.

On a vû dans le premier article que les draps français avaient repris faveur dans les pays qui composent le Royaume d'Italie, mais que les qualités supérieurs y étoient plus récherchées que les inférieures.

Les observations qui ont été faites, les renseignements qui ont été pris depuis lors confirment ce qu'on a dit à cet égard.

Ce sont les fabriques de Louviers, de Sédan, d'Elbeuf, de Rouen, d'Abbeville, de Montjoye, d'Aix la Chapelle, de Vérviers et de Stolberg, qui fournissent les qualités supérieures.

Les fabriques de Limoux, de Carcasonne, de Lodève et de Turin, fournissent les qualités demi fines, mais en petite quantité.

On tire les casimirs et les demi draps, des fabriques d'Aix la Chapelle, de Montjoye, de Sédan et de Rheims.

Les Calmouks des fabriques de Sédan, de Vienne en Dauphiné et de Limoux.

Les croisés des fabriques de Bielle, de Montpellier et de Crest en Dauphiné.

Les serges crosiées des fabriques du Mans, de Saint Maixant et de Lille.

Les serges pour les doublures des fabriques de Mende, de Mawejols et de Rheims.

Enfin les molettons des fabriques de Rouen, de Sommière, de Bielle, de Mondové, de Pignorol et de Montpellier.

L'importation de ces différentes étoffes est en général assez considérable dans les qualités fines, mais très faibles dans les ordinaires.

Le tarif des douanes italiennes décreté en 1803 établit les droits d'entrée ainsi qu'il soit *.

---

* On a cherché inutilement à savoir si ce tarif n'a éprouvé depuis 1803 aucun changement à l'égard des draps, c'est un renseignement qu'on ne se procurera qu'à Milan.

Les draps fins et ceux dont la largeur éxcède 27. onces payent... 3$^{fr.}$ par aune.
Ceux dont la largeur n'arrive pas à 25. onces payent ..... 10^{s} par aune.
Ceus dont la largeur arrive jusqu'à 28. onces payent ...... 30^{s} par aune.
Les casimirs et mi draps payent .... 24^{s}par aune 12p.% de la valeur.
Les calmouks payent .... 30^{s} par aune 7.p. % de la valeur.
Les croisés payent .... 14^{s} par aune.
Les Molettons payent .... 20^{s} par aune 15 à 20 p.% de la valeur.

23 Onces $^{1}/_{3}$ équivalent au mètre de France.

Le rapport de la monnoie est de 31$^{fr.}$ courantes de Milan pour 23 francs 70 Centimes.

Il résulte de cette distribution de droits que nos draps ordinaires qui ont au moins 27 onces de largeur, ne peuvent être importés dans le Royaume d'Italie, à cause de l'énormité du droit auquel ils sont soumis.

Mais il est encore d'autres obstacles qui s'opposent à leur importation d'une manière presque insurmontable.

Sans parler de la concurrence que leur opposent les draps communs de la Moravie et de la Bohême qui peuvent être livrés à des prix bien inférieurs; les fabriques établies dans le Royaume d'Italie même, telles que celles de Bergame, de Brescia, de Mantua, de Gandino, de Verone et de Padoue, fournissent des draps ordinaires à bien meilleur marché que les nôtres.

Ces fabriques sont favorisées par l'emploi quelles font des laines indigènes mélangées d'une faible quantité seulement de laines de la Romagne et de la Pouille, par le bas prix de la main d'œuvre, et par l'avantage d'être situées sur les lieux même de la consommation, ce qui ne saurait permettre aux fabriques françaises de lutter contre elles.

Cependant on ne croit pas que la consommation des draps italiens s'étende au délà de l'intérieur du pays.

Les mêmes motifs font préférer les convertures de laines fabriquées en Italie, à celles qui le sont en France.

[Замечания на полях рукописи, сделанные другой рукой:]

Il était indispensable de faire un calcul pareil: 1°.Prix de fabrique. 2°.Emballage et transport. 3°. Commissions. 4°. Droits. 5°. Prix courants en Italie. Mais le décret du 10 juin qui les prohibe! quelle est la différence? Ces laines sont elles à meilleur marché que les nôtres? Quelle est la différence? Aucun renseignement; les draps fabriqués donnent une différence de 25 p.% de moins que ceux de France.

IX

Национальный архив
Archives Nationales F^{12} № 535.

Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'Importation dans ce Royaume.

1er Article sur les soyeries.

Les soyeries forment l'objet le plus riche et le plus considérable de nos importations dans le Royaume d'Italie.

La ville de Lyon dont l'industrie dans ce genre a acquis une si grande perfection est celle de France qui y participe le plus.

Elle fournit au royaume d'Italie, des velours façonnés, des bataves, des florences, des levantines, des satins, des misantins, des gros de tours façonnés et généralement des étoffes de soie, de toutes les qualités, formes et dessins, tant unies que façonnées, brodées, brochées ou mélangés d'or et d'argent, de coton, de laine, pour vêtements, modes, ameublements, ornements d'église etc...

Cette ville lui fournit encore des gases, des filoches dites Thulle et enfin de toutes les étoffes où il entre de la soie.

Avignon y fait passer ses étoffes connues sous le nom de florences.

Nismes — ses madras.

Paris ses gazes, ses madras et ses mousselines, soie et coton.

Gênes ses velours unis.

Il serait très difficile d'estimer même approximativement à combien s'élève année commune la valeur de ces importations; cela exigerait chez tous les fabricants, négocians et commissionnaires des différentes villes des recherches qu'on ne peut guère entreprendre et celles qui pourraient avoir lieu soit dans nos douanes, soit dans les douanes italiennes ne procureraient que des données incertaines et inexactes, parcequ'une grande partie de ces importations a lieu en contrebande à cause des droits considérables auxquels elles sont soumises.

Mais l'opinion générale des commissionaires chargeurs, particulièrement de ceux de la ville de Turin qui sert de passage à la plus grande partie de nos envois, est qu'ils s'élèvent en quantité à environ 2000 quintaux poid de marc par année.

Nous n'avons à craindre aucune concurrence étrangère dans l'exploitation de cette branche d'industrie et de commerce. La France approvisionnerait exclusivement le royaume d'Italie, s'il ne fournissait lui même à une partie de ses besoins.

Il existe dans les villes de Milan, Vigevano, Comme, Bergame, Brescia, Vérone, Vicence, et dans les Etats Vénitiens, des fabriques de draps de soie, des satins, de damas, de taffetas, de gros de tours, de velours et de mouchoirs de soie.

Ces fabriques remplissent une partie des besoins de la consommation intérieure, on assure même qu'elles ce portent beaucoup en Allemagne.

Mais leurs produits ne peuvent être comparés à ceux des fabriques de France, surtout de celles de Lyon qui ont acquis une supériorité de fabrication qu'on ne pourra égaler de longtemps dans aucun pays étranger.

Elles doivent cette supériorité:

A l'ensemble de tous les moyens d'exécution.

A la réunion des meilleurs ouvriers.

A la grande variété des dessins et des formes.

A la facilité du choix des plus belles soies que la ville de Lyon doit à sa position entre le Piémont et les départements du Midi.

A la beauté et à la solidité des teintures en couleurs et en noir.

Et enfin aux talens reconnus des artistes de cette ville, dans tous les genres.

Cependant il est malheureusement trop vrai, que les fabriques de France malgré leur supériorité, luttent péniblement dans le royaume d'Italie contre la rivalité de celles du pays, qui leur sont très inférieures, mais que diverses circonstances concourent à favoriser extrêmement.

1°. Ces fabriques ne font dans leur travail qu'imiter, que copier, toutes les inventions et dessins nouveaux qui s'imaginent à Lyon et elles se trouvent par là dégagées des frais considérables aux quels ces inventions et dessins nouveaux donnent lieu.

2°. L'abondance des soies leur procure dans la balance de l'industrie un avantage de 12 à 15 pour cent sur les fabriques françaises.

3°. Enfin leurs produits entrent dans la consommation sans être surchargés, des droits de douanes considérables auxquels sont soumis ceux des fabriques de France.

Ces droits sont de 9 sols par livre monnoie et poids de Milan*, pour

* La livre poid de Milan n'est que de 12 onces 31 sols courantes de Milan donnent 23^{Fr}. 70 centimes.

toutes les étoffes de soie tant unies que façonnées ou mélangées d'or et d'argent faux, ce qui fait une augmentation de 25 pour cent sur le prix moyen de fabrique.

Pour les mêmes étoffes mélangées d'or et d'argent fins, l'augmentation est de 12 pour cent sans aucune différence sur le plus ou le moins de richesse.

A quoi il faut encore ajouter 4 pour cent pour les frais d'emballage et de transport.

Il résulte de ces différentes circonstances plus de 30 pour cent en faveur de ces fabriques.

Les produits de celles de France n'ont pour contrebalancer cet avantage que le goût des consommateurs qui les préfèrent à cause de leur supériorité et le facilité d'être introduits en contrebande, effet inévitable de l'énormité des droits de douanes.

Cela donne lieu d'observer que le gouvernement italien calculerait peut être mieux ses intérêts s'il diminuait des droits qui ne remplissent qu'imparfaitement l'objet qu'il s'est proposé celui de favoriser l'industrie dans ses états et qui rapportent peu à son trésor parceque la percéption en est souvent éludée par la fraude.

Il est vraisemblable que si ces droits étaient moins forts on ne cherche rait pas autant à s'y soustraire et que le gouvernement y trouverait au moins un produit bien au dessus de celui qu'il en retire aujourd'hui.

Cette diminution de droits est au reste vivement sollicitée par les fabricants de Lyon, il est certain qu'au taux actuel ces droits ne peuvent que leur être très préjudiciables et nuire extrémement au commerce. Si on en croit même ces fabricants le Royaume d'Italie ne demandent presque plus à Lyon des étoffes de soie unies, parceque malgré leur supériorité, elles ne pourraient supporter l'augmentation de prix qui en résulte, et il ne demande des étoffes façonnées et riches qu'en petites quantités et surtout pour les imiter et en copier les dessin. et les formes.

On est bien loin de contester que l'élevation de ces droits ne soient préjudiciable à notre fabrication et à notre commerce. Mais il n'en est pas moins vrai que les importations considérables qui s'effectuent journellement de France dans Royaume d'Italie et que l'opinion des commissionaires chargeurs de la ville de Turin élève à 2000 quintaux poid de marc l'année, accusent d'un peu d'exagération les plaintes des fabricants de Lyon.

Quoiqu'il en soit, il est toujours à désirer qu'on parvienne par une nouvelle fixation de droits à concilier autant qu'il sera possible, les-différents intérêts; celui du trésor italien et celui de l'industrie des deux pays.

[Замечания на полях]: Et les bas de soye. Environ, 1900 quintaux de droits. A combien le quintal? prix moyens 6^{Fr} le%.

X

Национальный архив
Archives Nationales, F^{12} № 535.

Relations commerciales de France avec le Royaume d'Italie.
Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.
Ouvrages de tanneries.

Le Royaume d'Italie tire de la France la plus grande partie des ouvrages de tanneries nécessaires à sa consommation.

Les tanneries de Paris, de Tours, de Nantes, celles établies à Genève, dans les départemens de la ci devant Provence et du Piémont concourent à cette fourniture.

On distingue les ouvrages provenant des tanneries de Paris, de Tours

et de Nantes, parcequ'ils sont d'une qualité supérieure et presque aussi bien fabriqués qu'en Angleterre.

Ceux qui proviennent des tanneries du département de la ci devant Provence, du Piémont et de Genève, sont d'une qualité inférieure, mais on ne laisse pas que de les rechercher en Italie, parceque la proximité des lieux de fabrique rend les frais de transport moins coûteux, ce qui les fait revenir à meilleur marché.

On va spécifier ces différents ouvrages et faire connaître en même temps les prix communs des principaux en fabrique.

Les veaux corroyés à l'huile qui se vendent de 44 à 50^F la livre poids de marc.

Les moutons maroquinés de . . . 32 à 34^F la douzaine.

Les maroquins en couleurs de . . . . . 76 à 90^F la douzaine.

Les veaux blancs sans tête . . . . . qui se vendent également la douzaine.

Les veaux cirés noirs . . . . .depuis 60^F jusqu'à 180^F suivant la grandeur.

Les cuirs forts de Paris qui se vendent de 26 à 28^F la livre poids de marc.

Les cuirs forts de Provence qui se vendent de 18 à 20^F la livre poids de table.

Les vaches lissées de Paris se vendent de 30 à 32^F la livre poids de marc.

Les vaches lissées de Provence de 20 à 24^F la livre poids de table.

Il faut ajouter:

Les buffles et les chamoiseries de France qui sont préférés en Italie aux mêmes objets provenants des fabriques de Suisse et d'Allemagne.

Les tiges de bottes, celles dites à l'anglaise surtout fabriquées à Paris, sont très recherchées et balancent en qualité celles fabriquées en Angleterre et à Francfort; on les évalue à peu près de 10 à 11^F la pièce y compris l'empeigne et les contreforts longs et sont de 5 à 6 pour cent moins chers que celles de Francfort.

Les veaux lissés pour revers de botte que les fabriques de Paris fournissent éxclusivement à l'Italie.

Enfin les peaux blanches qui sont d'une qualité supérieure, elles valent de 13 à 18^F la douzaine, mais on recherche d'avantage en Italie celle de la Romagne parcequ'elles se donnent à 20 pour cent meilleur marché et la consommation en est considérable.

Les paix de transport en Italie de ces différents objets s'évaluent savoir:

Ceux provenant des fabriques de Paris, Tours, Nantes à 6^{sous} la livre poids de marc.

Ceux provenant des fabriques des départemens de la ci devant Provence, du Piémont et de Genève, à 4^{sous} la livre également poids de marc.

Les droits de douanes qu'ils acquittent en entrant s'élèvent à 20^F et à 40^F le quintal monnaye et poids de Milan, suivant le dégré ou le perfectionnement de main d'œuvre qu'ils ont subi.

Concurrence.

La France ne fournit pas seule le royaume d'Italie des objets dont il s'agit.

Ce pays possède lui même des tanneries les ouvrages qu'elles produisent sont à peu près dans les mêmes genres que ceux de France, mais ils sont très inférieurs en qualité et les prix en sont moindres de 15 à 20 pour cent excepté pour les veaux dont les prix balancent à peu près ceux de France.

Les fabriques de Basle, d'Arau et de quelques-autres villes de Suisse concourent avec la France à approvisionner le Royaume d'Italie, les objets qui en proviennent sont également inférieurs en qualité de ceux de France. Quoique les prix soient à peu près les mêmes. La Suisse a donc du désavantage excepté cependant pour les cuirs forts qu'elle fournit en plus grande quantité; ils se fabriquent à Basle et leur prix est de $3^{f.}$ 10^{s} à $3^{f.}$ 15^{s} la livre de 28 onces rendus à Milan, c'est à dire, frais de droits compris, ce qui correspond à peu près à ceux de même qualité fabriqués dans les départements de la ci devant Provence.

La France trouve encore en Italie la concurrence des tanneries de Francfort qui travaillent mieux les moutons marroquinés qu'on ne le fait à Paris et qui les livrent à $28^{f.}$ environ la douzaine.

Elles fournissent aussi des marroquins dans les prix de 60 à $72^{f.}$ la douzaine.

Les frais de transport en Italie, sont les mêmes que ceux de France.

Les tanneries d'Augsbourg fournissent également au Royaume d'Italie des veaux tannés en plus grande quantité que celles de France; ils ne sont pas entièrement corroyés et ont par conséquent besoin d'un nouvel apprêt; ils se vendent $7^{f.}$ la livre de 28 onces hors de douane à Milan c'est à dire frais et droits compris.

Efin les tanneries de quelques autres villes d'Allemagne envoyent aussi de leurs produits dans les marchés de l'Italie.

Mais en général les importations de France sont plus considérables que celles de Suisse et d'Allemagne et on recherche toujours d'avantage les objets qui ont cette origine.

Le gouvernement Italien les préfère pour tout ce qui est rélatif à la fourniture des Armées.

XI

Национальный архив
Archives Nationales F^{12} № 535.

Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.

Velours de coton.

On fabrique en France des velours de coton, à Rouen, à Amiens, à Lille, à Saint Quantin.

Dans l'étranger, on en fabrique en Angleterre, en Prusse et en Saxe.

Ceux de France sont en général de meilleur usage, même que ceux fabriqués en Angleterre, mais ils ont moins d'apparence, soit parcequ'on y emploie du coton moins fin, soit parceque ceux d'Angleterre étant filés à la mécanique, l'étoffe est plus suivie et a moins de défaut.

Les velours de coton d'Angleterre ont encore l'avantage sur ceux de France à être fabriqués avec plus d'économie ce qui permet de les verser dans le commerce à plus bas prix.

Cependant on remarque que depuis quelque temps ce genre de fabrication s'étant considérablement amélioré en France, les avantages dont ont joui longtems les velours de coton anglais sont beaucoup moins sensibles.

Le royaume d'Italie a tiré pendant longtems exclusivement d'Angleterre les velours de coton nécessaires à sa consommation; la France y en faisait passer mais ils ne pouvaient soutenir la concurrence à cause de leur cherté.

Le haut prix surtout de ceux de Rouen trop approchant du prix des velours de soie, rendait leur vente extrêmement difficile.

Voici une comparaison de prix entre Manchester et Rouen ou Amiens,

qui servira à faire juger de la situation où les choses en étaient alors, à cet égard.

Une pièce de velours croisé tirant 27 yards, s'obtenait à Manchester à raison de $2^{S}9^{D}$ pour	L. 3. 14	[sterlings et sh.]
frais d'emballage et de transport jusqu'à la mer 4 p.%	3	
Sterling	L. 3 17	
Lesquels au change de $24^{f.}$ font tournois . . .	L. 92 14	
Les frais sur une pièce pesant $9^{fr.}$ font environ du port d'embarquement jusqu'aux douanes à Milan.	7 6	
Livres tournois	100 00.	

27 yards produisent 21 aunes ce qui fait que l'aune revenait à Milan au prix de $4^{fr.}$ 15^{s} tournois franco en douane.

La même qualité de velours coûtait à Rouen ou à Amiens de $7^{fr.}$ 10^{s} à $8^{fr.}$ auquel prix il fallait ajouter tous les fraix de voiture jusqu'à Milan et ils ne sont pas moindres de $5^{fr.}$ par aune.

Mais depuis que ce genre de fabrication s'est perfectionné en France sous tous les rapports, les prix se sont extrêmement rapprochés de ceux des velours anglais, et la différence n'est guère plus entre les qualités moyennes de l'une et de l'autre origine, que de $5^{fr.}$ à $6^{fr.}$ 10^{s} environ.

Cette circonstance et les sages dispositions du décret Impérial du 10 Juin 1806, qui assimilent les velours de coton aux produits des fabriques anglaises qu'elle qu'en soit l'origine et les prohibe en conséquence dans le Royaume d'Italie, ont delivré la France d'une concurrence fâcheuse, en lui donnant éxclusivement la faculté de fournir ce Royaume. Les velours de France ont actuellement remplacé entièrement ceux d'Angleterre et quoiqu'il y ait une différence de prix, elle n'est pas assez sensible pour que le négociant Italien ne préfère les tirer de France plutôt que de s'éxposer à tous les frais qu'il supporterait et aux risques qu'il courrait, en les faisant venir d'Angleterre.

Il y a même plus: la prohibition des velours anglais peut exister en Italie sans que le consommateur en souffre et sans faire de tort réel au Royaume d'Italie.

Une seule chose serait à désirer, c'est que le Gouvernement Italien consentit à diminuer le droit de douane imposé sur ces objets, il s'élève à 20^{s} l'aune ce qui fait sur certaine qualité, environ 20 pour cent de la valeur.

Si ce droit exhorbitant était modéré, on pourrait se procurer à plus bas prix une étoffe qui est devenue d'un usage indispensable dans presque toutes les classes de la société, la consommation en augmenterait encore et l'industrie française y gagnerait.

XII

Национальный архив
Archives Nationales F^{12} № 535.

Premier aperçu du commerce de Venise avec les échelles du Lévant.

Le commerce de Venise prospéra pendant la durée de l'ancienne République. Sa richesse, les nombreux établissemens vénitiens formés en Levant et en Barbarie, l'etat florissant de sa marine marchande, l'attestaient.

Il a déchu considérablement sous le Gouvernement Autrichien, parce que ce commerce fut accablé d'impôts et ne jouit ni de protection, ni d'aucun encouragement.

On fabrique à Venise beaucoup de bijouteries et d'orfèvreries, qui passent au Levant, surtout à Constantinople et au Caire; des étoffes de soie et des brocards en or.

Dans le Bergamasque, on fabrique des draps londrins séconds à l'instar de ceux du Languedoc, des bonnets façon de Tunis, et une qualité particulière de draps très forts, appelée *saye*, de couleur garance, qu'on a vainement tenté d'imiter en France et en Allemagne.

Celle de Venise a toujours été préférée dans tout le Levant.

Les papiers lissés et non lissés dont les Turcs se servent pour écrire, soit ceux dénommés à la Vénitienne, soit et plus encore, ceux à *tre capelli* sont singulièrement estimés dans toutes les échelles.

Les diverses fabriques de la Toscane, de Lucques et de Gênes qui ont tenté de les imiter, ne sont jamais parvenues au dégré de pérfection dont jouissent les papiers de Venise.

La thériaque forme encore une branche d'industrie très utile au commerce dont il s'agit. Il s'en fait une consommation considérable en Levant et en Barbarie et la grande surveillance qu'exerçait l'ancien gouvernement sur sa fabrication, augmentait beaucoup la réputation et le débit de ce remède dans les échelles.

Les isles Vénitiennes qui sont dans les lagunes sont presque toutes remplies de manufactures de verreries.

Il s'y fabrique des cristaux pour lustres, beaucoup de carreaux de vitres, des glaces et autres objets en qualités communes.

Mais les fabriques de Bohême et d'Allemagne, dont les produits sont bien préférables sous tous les rapports, réduisent journellement la consommation des produits de celles de Venise.

Un autre genre d'industrie en verre est uniquement fabriqué dans les dites isles Vénitiennes; ce sont les verroteries, ou petits grains de verre, de toute grosseur et de toute couleur, qui forment une branche très importante de commerce pour l'Inde.

Il s'en expédie annuellement une très grande quantité à Alep, au Caire et en temps de paix à Amsterdam et à Lisbonne.

Il y a aussi des fabriques de miroirs déstinés pour l'Inde qu'on nomme *Lucci dell'Ebreo*, dont il se fait des envois considérables, et quelques autres objets, toujours en ce genre, moins importants.

La fabrication des séquins dits de Venise, est une branche de commerce très lucrative; c'est la monnaie la plus courante et la plus estimée dans tout l'Empire Ottoman, en Barbarie, en Perse et dans l'Indostan.

Les ports de Constantinople, d'Alexandrette pour le commerce d'Alep, de Chypres, d'Alexandrie, pour le commerce du Caire, enfin celui de Smyrne sont les plus fréquentés par les Vénitiens.

La construction des navires de commerce était très bonne et peu coûteuse, le nombre des navires marchands était très grand et rivalisait avec celui des navires de Raguse.

Les Vénitiens faisaient aussi la caravane en Levant. La caravane est une branche de navigation très précieuse parcequ'elle procure des bénéfices qu'on va recueillir à peu de frais chez les Turcs. On se rend les voituriers de leurs marchandises et de leurs personnes, les bénéfices qui en résultent se partagent entre l'armateur et l'équipage du navire caravaneur, ou sont employés à l'acquisition d'un chargement de marchandises ou de denrées du Levant sur la vente duquel l'armateur et l'équipage peuvent trouver encore un bénéfice.

Les Vénitiens ont toujours eu pour concurrents dans la caravane, les français et les Ragusais, les circonstances politiques qui influent sur la sûreté

ou le danger du pavillon des uns et des autres déterminent la préférence que les Turcs leur donnent.

Les principaux retours du commerce que les Venitiens font en Levant, consistent ordinairement en café de moka, le seul qu'on consomme à Venise,— ils le tirent d'Alexandrie ou d'Alep,— en vin de commanderie de Chypres, en cires de Constantinople, d'Andrinople et de Smyrne, en cotons de Smyrne, de Salonique et de Chypres.

Ils récherchaient aussi les huiles de la Canée et de Mételin (sic), de Tunis ou de la Morée et quelques objets en drogueries.

Les détails contenus dans ce mémoire ne sont pas suffisans pour donner connaissance de l'étendu et de l'importance du commerce que Venise fesait en Levant, mais on a crû devoir se les procurer et les rassembler pour faciliter les recherches qui auront lieu à Venise même et dans les ports de l'Adriatique pour parvenir à dresser un état exact et complet de ce commerce, soit sous la République, soit sous le gouvernement Autrichien.

[Замечания на полях:] Nous attendons cette précieuse suite.

XIII

Национальный архив
Archives Nationales F[12] № 535.

Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.

Toiles peintes.

Les fabriques de toiles peintes de Genève concourraient, il y a quelques années avec celles établies à Neufchâtel et dans l'intérieur de la Suisse à approvisionner de leur produit les pays qui composent le Royaume d'Italie. C'était même un avantage exclusif à ces fabriques, parceque la situation de celles de France, ne leur permettait pas d'y participer et que les toiles peintes anglaises ne pénétraient point encore dans ces contrées.

On évalue la totalité de ce que la Suisse, Neufchâtel et Genève importaient de toiles peintes, dans le Royaume d'Italie à trente millions par année; Genève y était comprise pour trois millions. On peut juger par là des ressources que cette ville devait retirer d'une branche d'industrie aussi importante.

Les circonstances qui ont changé l'existence politique de Genève et qui ont nécessité l'application du régime deses douanes françaises à son commerce et à son industrie, ne lui ont plus permis de donner cette direction aux produits de ses fabriques. Elle a été forcée d'y renoncer parceque dans sa nouvelle position il lui est devenu absolument impossible de soutenir la concurrence des fabriques de Suisse et Neufchâtel.

En effet celles-ci trouvent sur le lieu même de leur établissement les toiles blanches qui leur sont nécessaires ou peuvent en obtenir d'ailleurs, à des prix très modérés; elles ont dû nécessairement l'emporter sur les fabriques de Genève qui d'abord ne purent se procurer les mêmes toiles que grévées des droits considérables auxquels on les a soumises successivement à leur entrée en France et qui ensuite en fûrent totalement privées par l'effet de la prohibition absolue qui en a été prononcée par le décret Impérial du 22 février 1806.

Les Génèvois ont cherché à remplacer ces toiles étrangères par celles que pouvait produire le tissage français.

[Замечания на полях рукописи:] Ceci pouvait être vrai l'année d[re].

Mais ce genre d'industrie n'ayant point encore acquis en France le dégré d'activité et de perfection auquel il parviendra sans doute un jour, et ses produits ne pouvant se livrer qu'à des prix fort supérieurs à ceux du tissage étranger, il n'a pu offrir aux Génèvois ni en qualité, ni avec l'œconomie convenable, l'aliment indispensable au soutien de leurs fabriques.

[Замечания на полях:] Mais voir les prix courants actuels des tissus blancs fabriqués en France!

Il est résulté de là que les fabricans de Neufchâtel et de l'intérieur de la Suisse, sont restés en possession d'approvisionner de toiles peintes tous les pays qui composent le Royaume d'Italie, qu'ils ont même associé les anglais à cette fourniture pour les indiennes fines et superfines *; tandis que les Génèvois contraints de cesser leurs travaux, d'abandonner leurs ateliers, ont vû disparaître pour eux les bénéfices qu'ils rétiraient d'une industrie précieuse et d'un commerce important **.

Les détails qui vont suivre paraissent propres à ne laisser aucun doute sur la véritable cause à laquelle on attribue une perte aussi fâcheuse.

Les Génèvois fournissaient en toiles peintes aux différens pays qui composent le Royaume d'Italie, les articles suivans.

Des indiennes bleues dites limésias en 2/3 d'aunes de large, dans les prix de 32 à 38 sols de France l'aune.

Des mycallancas même largeur de 38 à 44 sols l'aune.

Des surates fayancés de 40 à 46 sols l'aune.

Des indiennes mifines de 50 sols à 4fr. l'aune.

Des indiennes fines de 4fr. à 5fr. 10s l'aune.

Des mouchoirs mifins en divers genres tels que bleu et blanc, patras et mycallancas de 26 à 28 pouces dans les prix de 15 à 18tt. la douzaine.

Enfin quelques petites quantités de mouchoirs schals fins de diverse largeur et dans les prix de 3f. à 7f.10s la pièce suivant leurs dimensions et le degré de finesse.

Ces prix sont ce qu'on appelle ceux de fabriques; lorsque la marchandise était rendue à Milan, ils étaient augmentées.

Cette observation ne se rapporte qu'au temps qui a précédé la prohibition, depuis elles n'ont pu travailler que sur des toiles entrées en contrebande.

1° Des frais de transport, en passant par Turin évalués à 20 f. par quintal (ancien poids).

2° Des frais de commerce et de commission qu'on estime s'élever à environ 2 f. par quintal.

---

* Les toiles anglaises repoussées de la France par les gros droits et ensuite par la prohibition se sont versées alors en Suisse, dont elles ont emprunté l'origine pour se répandre dans toute l'Italie et elles pénètrent même en France dans les départemens français au delà des Alpes.

** On prétend que des fabriques situées dans quelques villes des départemens du Rhin; telles que Neufchâtel, Colmar, Thaun, Wiserling, travaillant sur les calicots ou toiles fines trouvent à se défaire de quelques petites quantités de leurs produits dans le Royaume d'Italie, où on peut les placer en concurrence avec les toiles anglaises et suisses, à raison de leur finesse et de leur prix qui leur permet de supporter plus de frais.

Mais cette assertion est contestée par des personnes qui assurent que les fabriques de toiles peintes des départemens du Rhin ne fournissent rien au Royaume d'Italie et ne connaissent pas ce commerce. D'ailleurs ces fabriques doivent épouver les mêmes difficultés que celles de Genève pour se procurer des toiles blanches si elles ne les tirent en fraude de la Suisse.

Tout ce qui est rélatif à cet objet n'a pû être bien éclairci à Genève et le sera, s'il est possible, à Milan ou dans toute autre Ville du Royaume d'Italie.

[Замечания на полях:] Les nouvelles mesures prises par la Suisse n'ont elles pas fait cesser cette contrebande? La contrebande a toujours la même activité. Elle le prouve par les rapports officiels du royaume italien? Elle ne les a prouvé pas le moins du monde. Voir les Rapports. Qu'à produit cette nouvelle recherche?

3°. Des droits de douanes qui varient à Milan pour les toiles peintes. Ces droits se payent au poids le plus bas est de 15 S. de Milan la livre de 12 onces. il y en a de 18 sols jusqu'à 40 S. On peut les évaluer de 10 à 12 pour cent de la valeur de la marchandise *.

Les étrangers n'avaient pas plus d'avantages que les Génèvois dans la fourniture des mêmes objets de fabrication; ils ne pouvaient les livrer à plus bas prix et ils supportaient les mêmes charges. Ceux provenant des fabriques de Genève étaient même plus recherchés à cause de la supériorité dans l'exécution du travail et de la solidité des couleurs.

Mais dans l'état actuel des choses il ne peut plus y avoir de concurrence entr'eux. La fourniture est restée exclusivement aux étrangers, pour lesquels il n'est survenu aucun changement dans l'exploitation de la branche d'industrie dont il s'agit; tandis qu'il serait impossible aux Génèvois de lutter contr'eux. Pourraient-ils en effet se hazarder à exposer dans des marchés du Royaume d'Italie des toiles peintes qui auraient subi une augmentation de valeur de 30 à 40 pour cent le prix élevé des toiles blanches provenant du tissage français, qui sont les seules que les Génèvois peuvent employer aujourd'hui dans leur fabrication?

Pour donner une idée exacte de la disproportion du prix des toiles de coton blanches entre la France et la Suisse, il suffit d'un exemple.

La pièce de calicot de 16 aunes de longuer sur 26 pouces de largeur qu'on ne peut se procurer en France au dessous de 24 à 25 francs payable comptant, s'obtient en ce moment à Zurich et autres lieux voisins à 18 ou 19^F en qualité supérieure et avec quelques mois de terme pour le paiement.

Cette différence de prix tient à plusieurs causes, mais principalement à l'élévation de celui de la main d'œuvre en France et au droit de 60^F par quintal décimal qu'acquitte le coton en laine en arrivant dans nos ports; comme l'infériorité du travail vient de l'inexpérience des ouvriers tisseurs français qui ne sont point encore aussi exercés que ceux des étrangers.

[Замечания на полях:] Ceci n'a plus lieu; nos calicots sont supérieurs.

Mais quels moyens pourraient être employés pour faire recouvrer à la ville de Genève et par conséquent à l'industrie française une branche d'industrie aussi importante?

Il est essentiel dans cet examen de ne pas perdre de vue qu'en supposant que le tissage français, encouragé par le prohibition absolue des toiles blanches étrangères, prenne toute l'activité nécessaire pour être en état d'approvisionner abondamment les fabriques de toiles peintes de tout l'Empire; en supposant encore qu'entre le tissage français et le tissage étranger il y ait parité, pour le prix de la main d'œuvre, pour l'intérêt de l'argent, pour les frais d'exploitation, pour ceux de commerce, pour ceux de transport des produits dans les lieux de dernière fabrication ou de consommation et comme le tissage étranger aura toujours sur le tissage français l'avantage considérable de n'être pas surchargé du droit de 60^F par quintal décimal imposé sur le coton en laine à son entrée en France. Rien n'annonce que ce droit doive subir quelque modification qui attenue les effets de sa perception, car on compte bien peu sur le paiement de la prime de 50^F accordée par la Loi du 30 Avril 1806 en faveur des toiles de coton qui seront exportées à l'étranger; cette disposition est généralement considérée comme illusoire par difficulté qu'il y aura toujours de justifier que le coton qui a servi à la fabrication de ces toiles a payé le droit de 60^F, difficulté qui existera surtout plus fortement à l'égard des toiles peintes, teintes ou imprimées qui passent par tant de mains, qui

* L'exactitude de ces divers renseignemens a besoin d'être verifiée, elle le sera à Milan et ces renseignemens seront rectifiés, s'il est reconnu nécessaire dans le travail général qui sera présenté.

subissent tant d'apprêts, d'opérations et de changements avant de se trouver en état d'être exportées.

D'ailleurs aucune mesure d'exécution n'a encore été prescrite pour le paiement de cette prime qui par conséquent n'a pas lieu, tandis que le droit se perçoit réellement.

Si on cédait au vœu exprimé par les fabricants de toiles peintes de Génève et par la chambre de commerce de cette ville, le Gouvernement permettrait d'extraire de la Suisse des toiles de coton blanches en franchise de droits et avec toutes les précautions de garantie qui seraient jugées nécessaires pour assurer leur réexportation dans le Royaume d'Italie ou dans tout autre pays étranger, après qu'elles auraient été peintes, teintes ou imprimées dans nos fabriques.

[Замечания на полях:] J'en disconviendrais cependant.

On ne peut disconvenir que ce moyen serait très propre à rétablir les choses dans leur premier état, c'est-à-dire qu'il permettrait aux fabricans français d'entrer de nouveau et dès ce moment en concurrence avec les fabricans étrangers pour le genre d'industrie dont il s'agit. Mais on ne doit pas se dissimuler aussi que ce moyen neutraliserait l'encouragement que le Gouvernement a entendu accorder au tissage français, en prononçant la prohibition absolue des toiles étrangères et que l'adopter ce serait en quelque manière renoncer à l'espoir bien fondé de voir le tissage français prendre un jour le plus grand essor.

[Замечания на полях:] Il l'a pris cet espoir.

Il n'est pas vraisemblable que le Gouvernement se détermine à ce pas rétrograde, quand il s'agit d'un objet assez important pour influer d'une manière si directe sur les intérêts généraux du commerce et de l'industrie.

[Замечания на полях:] Non, cela n'est pas même possible.

Mais en maintenant la prohibition qui oblige nos fabricants à employer des toiles du tissage français d'un prix bien supérieur à celui des toiles étrangères, il est difficile de concevoir qu'après les avoir peintes, teintes ou imprimées, ils puissent en trouver le débit dans le Royaume d'Italie, si on n'assure à ces toiles un privilège, qui de quelque manière qu'on l'établisse, exigera toujours quelque sacrifice de la part du Gouvernement et des consommateurs italiens.

Le concours de plusieurs mesures paraitrait nécessaire pour assurer ce privilège.

La première serait de prohiber les toiles étrangères dans le Royaume d'Italie, comme elles le sont dans toute l'étendue de la France et de n'y admettre que les seules toiles françaises.

[Замечания на полях:] C'est fait décret du 10 juin.

La seconde — d'affranchir les toiles françaises des droits de douane à leur introduction dans le Royaume d'Italie, afin qu'elles puissent être offertes aux consommateurs à un prix assez modéré, pour ne pas les dégoûter de ces espèces d'étoffes et leur permettre d'en continuer l'usage comme lorsqu'elles leur étaient fournies par les étrangers.

La troisième enfin serait d'empêcher que les toiles étrangères pussent continuer de transiter par le Royaume d'Italie, pour passer en Toscane et dans les autres Etats de l'Italie méridionale.

Quelque précaution qu'on pût prendre, ce transit favoriserait toujours des versemens frauduleux qui détruirait l'effet de la prohibition; il nous opposerait aussi une concurrence dans ces différents états de l'Italie méridionale, que nous pouvons parvenir à approvisionner.

Ce transit a d'ailleurs dans ce moment même des inconvénients très préjudiciables à la France, qui doivent en faire demander l'abolition. Il est reconnu que la majeure partie des toiles étrangères qui passent du Royaume

d'Italie en Toscane, sont ensuite versées en fraude dans les départements français situées au delà des Alpes, moyennant une prime de 10 à 12 pourcent, qui ne s'élève jamais au dessus de 15 à 20 pour cent lorsque la surveillance des douanes françaises a toute l'activité qu'on peut lui donner.

L'obligation où seraient alors les étrangers par la supression de ce transit de faire faire à leurs toiles le long trajet par mer de Trieste à Livourne, en augmentant les frais et les dangers de ce commerce frauduleux, ne manquerait pas de les en dégoûter entièrement parcequ'ils n'y pourraient plus trouver les mêmes bénéfices.

On peut sans doute objecter contre ces mesures des raisons prises dans l'intérêt du trésor public italien qui se trouverait privé du produit des droits de douane et dans les convenances des consommateurs auxquels on ferait perdre l'avantage que leur offre la concurrence qui existe actuellement dans les marchés.

Mais la France n'a-t-elle pas toutes sortes de droits de prétendre à être la nation la plus favorisée dans le Royaume d'Italie?

Le sacrifice qu'elle en éxigerait en ce moment ne pourrait d'ailleurs lui être longtems préjudiciable; car on ne doit pas douter des efforts et des progrès rapides que ferait l'industrie française si on lui assurait le privilège d'une fourniture aussi considérable que celle qu'exige la consommation du Royaume d'Italie en toiles peintes, teintes ou imprimées, puisqu'on l'évalue de 25 à 30 millions année commune. Bientôt l'immense quantité de ces toiles qui serait produite en réduirait tellement les prix, que non seulement elles n'auraient plus à craindre la concurrence étrangère dans les marchés de l'Italie, mais qu'elles pourraient supporter une taxe de douane sans en être trop renchéries pour les consommateurs.

XIV

Национальный архив
Archives Nationales, F^{12}, N 535.

Relations commerciales de la France avec les pays qui composent le Royaume d'Italie.

Des principaux objets d'importation dans ce Royaume.

Cotonnes, Cotonines, Siamoises, Mouchoirs, Fil et Coton et autres tissus de laine, Fil et Coton.

Tous ces différens objets se fabriquent principalement à Rouen et à Montpellier.

La France en importerait considérablement dans le Royaume d'Italie où ils sont d'un très grand usage, mais deux causes s'y opposent.

Premièrement, le décret Imperial du 12 janvier 1807 a excepté des prohibitions prononcées par celui du 10 juin 1806, les objets provenant des fabriques du duché de Berg, en conséquence il permet l'entrée dans le Royaume d'Italie aux tissus de l'espèce dont il s'agit, qui ont cette origine.

Seulement ceux de France étant vraisemblablement fabriqués avec moins d'économie et se trouvant d'ailleurs grevés de frais de transport plus considérables, à cause de l'éloignement des lieux de fabriques, ne peuvent se livrer à aussi bas prix que ceux fabriques dans le duché de Berg, qui, par cette raison, sont infiniment plus recherchés, malgré que les couleurs en soient moins vives et moins belles.

Cette différence de prix forme en effet un objet assez important pour le consommateur; on en jugera par l'exemple suivant.

Rouge et blanc Les Cotones Bleu et rouge d'Erbelfled. Fond rouge	Valent les uns dans les autres en fabrique 36 creutzers, il faut 60 creutzers pour 1 florin d'Auguste. L'aune de Brabant, monnaye courante d'Auguste.

Les mouchoirs rouges — qualités de toile ci dessus de 28 à 30 pouces de largeur valent — 9 florins la douzaine.

Aux prix ci dessus le fabricant accorde un escompte de six pour cent et rend ses marchandises *franco* jusqu'à Francfort, les frais de Francfort à Milan sont de $3^1/_2$ pour cent de la valeur.

La réduction de l'aune de Brabant en aune de France est de 7 à 12, c'est-à-dire que 12 aunes de Brabant donnent 7 aunes de France.

On peut calculer le florin sur Auguste à 51^F de France vu que ces objets se payent en lettres de change à 2 ou 3 mois de date.

D'après ces bases l'aune de France des cotonnes et cotonnines, dont il s'agit, ne revient rendu à Milan qu'à $51^{S.}$

Tandis que celles fabriquées en France valent sur les lieux de fabriques 50^s l'aune, à quoi il faut ajouter 20 pour cent de frais de transport et bénéfice de commerce et 12 p. % de droit de douane revient à 66^s.

Les mouchoirs rouges que nous avons évalués en fabrique à 9 florins la douzaine, reviennent à Milan, d'après les mêmes bases, à $24^{fr.}$ $17^{s.}$ la douzaine.

Tandis que ceux fabriqués en France à raison de 30 francs la douzaine et en y ajoutant les frais de transport, les bénéfices de commerce et les droits de douanes, reviennent rendus à Milan à 40 francs.

La différence de prix des siamoises de l'une et de l'autre origine absolument dans les mêmes proportions, l'énormité des frais de transport et de douane ne permet pas aux siamoises françaises de soutenir la concurrence de celles provenant des fabriques du duché de Berg, bien plus voisines du Royaume d'Italie et qui d'ailleurs se fabriquent avec plus d'économie.

On fait à Rouen une siamoise grossière, servant pour tapisserie pour lit et une pièce contient environ 62 mètres et pèse 7 kilogrammes, son prix est de $30^{s.}$ le mètre, ce qui fait $93^{s.}$ pour la pièce, elle paye à l'entrée du Royaume d'Italie pour le droit de douane qui est de $18^{s.}$ la livre de Milan, environ $17^{s.}$ ou le cinquième de sa valeur, ce qui les rencherit tellement que la classe la moins aisée pour qui elle est déstinée, ne peut atteindre à son prix et recherche de préférence la même espece d'ètoffe étrangère qu'elle obtient à bien plus bas prix.

Telle est la situation désavantageuse de la France à l'égard de cette branche de commerce qui pourrait être pour elle d'un objet très important.

Il s'agit de savoir s'il suffirait d'obtenir du gouvernement Italien de modérer ses droits de douanes en faveur de la France sur les produits manufacturés dont il s'agit, ou si la France devrait se réserver d'en fournir exclusivement le Royaume d'Italie, en révoquant la faveur qu'elle a accordée à cet égard aux fabriques du duché de Berg.

On pense que le concours de deux moyens est indispensablement nécessaire, si la France veut assurer à son industrie et à son commerce les avantages d'une fourniture aussi importante.

XV

Миланский Государственный архив
Milano, Arch. di Stato, Governo p. m. Commercio, cart. № 1.

Ricercato il sottoscritto di notizie generali sulle fabbriche di panni e stoffe per fodre, cioè saglie, bajette e mezze lane che servir possano per uso di truppa, il nome de'principali fabbricatori in Venezia e dogado, il rispettivo loro genere di commercio, i relativi prezzi e campioni, la moralità e solidità dei fabbricatori, ed a quanto possano estendere il loro lavoro in un anno, si fa un dovere di rispondere:

Primo, che varie sono le fabbriche di lanificio in Venezia, le quali forniscono panni fini e barelle per la Turchia. Che altre ve ne sono impiegate alla fabbricazione di coperte da letto, o siano schiavine, felzade, rasse mischie che servono a coprir barche, o di più fine bianche per uso delle cartere, ma nessuna che lavori di panni militari.

Secondo, che la sola fabbrica dedicata ad uso militare per panni, stoffe da fodre, panni da gabbani, rasse da vestir condannati, tende da gallere, ed altro che da oltre 80 anni lavorava ad esclusione d'ogn'altro, era quella che correva sotto il nome Bulla e Driuzzi, poi Bulla e Compagni, pienamente diretta da Matteo Compagni che nell'ultima impresa era anche interessato col detto Bulla e lo fu sino al cader della Veneta Repubblica.

Terzo, che dopo il seguito cambiamento politico di questa città, gli Austriaci, questi non vollero mai servirsi di venete manifatture nell'articolo panni militari, onde la fabbrica fu stralciata, venduti li utensili, ed i loro lavoratori si dedicarono ad manifatture, nè più sussite che il fabbricato, e lontane reliquie di questa fabbrica.

Quarto, che la Veneta Repubblica vestiva ogni tre anni circa 18 mila persone, oltre le tende, coperte da letto, ed altro, e la detta fabbrica vi suppliva col lavoro di soli quattro mesi all'anno.

N. B. Matteo Compagni che ha servito gli austriaci negli articoli di rasse da tende, vestito da condannati, e carcerati, oltre qualche piccola quantità di gabbani, essendo presentamente ristretta la di lui fabbrica a questi soli articoli presentamente vendibili, si assumerebbe tanto di piantar una fabbrica per conto regio, impiegando la propria direzione, quanto di construirla a proprie spese, semprecchè venisse con un appalto garantito d'un annuo consumo per il corso almeno di anni dieci.

Quanto poi alli campioni che si ricercano, questi non si possono avere che fabbricandone una pezza per sorte, e di prezzi non potrebbero riuscire esatti atteso il presente stato monetario, tuttavolta descrive qui appiedi d'ogni articolo il prezzo di approssimazione:

Panno di vestito bianco, alto quarte otto venete, bagnato, a lire veneti per ogni braccio quantordici, di qualità a piacere per militari.

Panno mischio per gabbani, alto come sopra, al braccio L. 12.

Rassa da tende, alta quarte quattro, àl braccio lire binque.

Detta da vestiari ordinari, serviva per condannati, alta come sopra, al braccio lire quattro, coperte da letto a lire quattro per ogni libra grossa veneta.

Le stoffe, ed altri generi di lana per fodre, essendo state dalla cessata Repubblica considerate inservienti, e non fabricandosene più da molti anni, così non si può dare un prezzo d'approssimazione, senza fabbricarne una pezza.

A 5 maggio 1806, Venezia — Sott. Matteo Compagni.

XVI

Миланский Государственный архив

Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m. Busta № 11.

Altesse Imperiale,

S. M. l'Empereur et Roy par un arrêté du 10 juin ordonna qu'on ne permettrait l'entrée dans le Royaume d'Italie d'aucune manufacture de laine, de coton, de clincaillerie, et autres. à la seule exception de celles provenantes de l'Empire Français sur la condition d'en présenter les certificats d'origine visés par les Préfets respectifs, et d'en avoir l'acquit des douanes de l'Empire.

Il fut pourtant accordé aux commerçans qui avaient des commissions à l'étranger dans des pays appartenants aux Souverains amis de S. M. de pouvoir introduire dans le Royaume toutes les manufactures qu'ils prouveraient dans l'espace de trois jours après la publication du Décret avoir été commissionées.

Les commerçans présentèrent les preuves des commissions données, et on en examina les livres de leur correspondance. On admit celles qui étaient claires et on y rejetta plusieurs qui donnaient lieu à quelque doute.

Après cette époque aucune marchandise de la classe de celles, dont parle le Décret, n'a pu entrer qu'avec les certificats qu'on a accordé d'après la vérification susdite des commissions.

Sous le 30 septembre S. M. par un second décret daté de Mayence a fixé le dernier jour de cette année pour terme péremptoire à introduire dans le Royaume les marchandises des pays amis et neutres dont il s'agissait dans le décret precédent du 10 juin.

Le Décret du 30 septembre fut publié dans le Royaume à l'époque des mouvements des armées en Allemagne. Les sollicitations des commerçans pour faire avancer leurs marchandises furent inutiles, parce que les couliers étaient dans la nécessité de se prêter au service des transports militaires.

Outre cette cause insurmontable des retards à faire avancer les marchandises, il y a eu aussi le grand embarras où se sont trouvés les fabriquans des différents états d'Allemagne, et la nécessité de suspendre pour quelque temps leur travaux, et par conséquent l'impossibilité de fournir les marchandises qu'ils devaient livrer à un temps établi. Par là l'expédition et le transport des Collis a du être différé jusqu'à l'automne avancé. Alors la quantité extraordinaire des neiges qui sont tombées a causé des nouveaux rétards.

Ces circonstances de fait, qui n'échappent pas à la pénétration de V. A. J. éloignent tout soupçon sur la bonne fois des commerçans du Royaume, et sur leur empressement à obéir à ce que S. M. a préscrit; mais elles preuvent aussi qu'il ne leur a pas été possible d'avoir pour la fin de l'année les marchandises commissionées.

Ce n'est pas le seul Huber dont V.A. J. m'a renvoyé la requête cy jointe, ni le petit nombre d'autres commerçans signés dans une seconde requête y jointe qui soyent dans ce cas. La plus grande partie du commerce des différens départemens y est comprise. Plus de 1500 collis qui sont peu éloignés des confins de Royaume ne pourront y être admis et n'y ayant aucun endroit convenable pour les garder, ni autre abri dans les gorges des montagnes, leurs propriétaires vont courir le risque d'en égarer une partie et que le reste en soit avarié.

Il est triste pour les commerçans qui se trouvent dans ce cas, et surtout pour M-r Huber, de se voir éxposés à des pertes les plus considérables qui vont engloutir une portion ou toute leur fortune.

La Chambre Primaire du Commerce de Milan avait déjà prévenu les pétitionnaires par un mémoire adressé au Ministre des finances peu avant son départ pour obtenir un delai au delà du dernier jour de l'année.

C'est à la bienfaisance de V. A. J. qu'ils ont recours. On ne peut rien leur imputer, et c'est par une suite d'événemens extraordinaires, et qu'il était impossibie de prévoir que leurs marchandises n'ont pu entrer dans le Royaume pour le terme de tems établi. S. V. A. J. daigne par une détermination favorable à la demande des négociants leur accorder un delai de 15 jours ou de trois semaines au terme fixé avec le Décret de S. M. 30 septembre pour introduire les marchandises en question dans le Royaume, leur condition se mettra au niveau des circonstances; leur craintes cesseront; leur pertes n'auront pas lieu, et tout le commerce devra une reconnaissance sans borne aux vues bienfaisantes de V. A. J.

J'ai l'honneur de présenter à V. A. J. mes respectueux hommages et ma profonde vénération.

Ce 31 Decembre 1806 (sig.) Lambertenghi

№ 22

На полях:

Puisque les marchandises dont il s'agit ont été déclarées dans les trois jours qui ont suivi la publication du Décret de S. M. en date du 10 juin, j'accorde pour l'introduction de ces marchandises un delai de 3 semaines à partir du 1 janvier 1807.

31 décembre 1806 (sig.) Eugène Napoléon

Par le Vice Roi

Le Conseiller Secret. d'Etat

L. Vaccari.

XVII

Национальный архив
Archives Nationales. AF. IV. 1710.

Année 1807.
Esprit des habitans dans le Royaume d'Italie.

Si on éxcepte quelques foux, quelques vieillards attachés à l'Autriche murmurant en secret, on peut affirmer avec franchise, que tous les sujets de Napoléon donneraient corps et biens pour sa conservation. C'est un intérêt senti généralement.

[Замечания на полях:] Habitans en général.

C'est de cette manière que tout le monde avoue, que la base de l'édifice est inébranlable si Napoléon se pose dessus. On regarderait comme ridicules les orateurs, les démagogues, les factieux, les puissament riches, si quelqu'un parmi eux osait stimuler une inquiétude sur ce principe.

Parmi les individus qui composent le Royaume on ne voit pas une activité bien vive parmi le très grand nombre des propriétaires.

[Замечания на полях:] Propriétaires particulièrement.

La raison est simple. Ce pays n'est qu'agricole, et sera toujours essentiellement différent des pays commerçants et industrieux. On ne regarde en Italie que la terre, on ne s'attache qu'à elle. Si les peuples sont moins vifs, ils sont aussi moins méchants. Avec des grandes leçons on fait tout ici, chez les autres peuples les habitans ont toujours bésoin de gouvernement. Le language dans cette année dans la bouche des propriétaires est celui-ci: *On a trop appuyé de protection et de dépenses l'accessoir et on a regardé avec indifférence le principal.* C'est de la culture des terres qu'on parle, qui en effet languit dans ce moment et est en état de crise. *Les fromages, le riz, la soye*, les chanvres sont les objets principaux qui forment l'industrie et la richesse. Tous ces objets sont déchus plus de la moitié de leur valeur, et les impositions directs n'ayant pas reçu un bénéfice de diminution, cette base unique, d'où l'on tire le tout, pourrait tarir et reduire le sol à une révolution dans sa culture.

Les denrées territoriales réduites en stagnation par la baisse et par la non sortie ont produit de l'inactivité chez les commerçans. Plus de *dix banqueroutes* très considérables a eu la seule Ville de Bologne, et on peut affirmer qu'elles n'ont pas été fraudulantes.

[Замечания на полях:] Commerçans en général et en particulier.

La Ville de Bergame a présenté cinq grosses banqueroutes du même genre. Il y en a eu 3 à Brescia, une très forte à *Udine*, et 3 à Venise. Les principaux négocians de cette Ville de 160 m. habitans ont converti leurs capitaux en terre, entre autres les principales maisons de *Trèves*, des deux frères *Reredini* et de *Commello*. Trois autres maisons, c'est à dire *Jamossi*, *Buratti*, *Armane* se sont entièrement rétirés du commerce, et beaucoup d'autres n'attendent que la liquidation de leurs affaires pour se rétirer. J'ignore si un système trop rigoureux employé par les agens de la finance n'a pas contribué à ce résultat. Au reste si la base de ces gros banquiers et négocians s'est ébranlée, les moyens de jouir de la vie se sont répandus chez les petits marchands, boutiquiers, artistes et artisans de tout genre. Leur industrie devient de jour en jour moins dépendante. Quant au numéraire on peut dire, qu'il ne fait que disparaître, surtout dans les nouveaux départements réunis au Royaume.

XVIII

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato. Ministero delle finanze.
Commercio Stati Esteri. A — M. Cart. 17°. 235

Al Signor Intendente di Venezia. Breve Relazione sopra Trieste. La popolazione di Trieste di circa quarantamilla abitanti è composta quasi es-

clusivamente di mercanti e di alcuni uomini di marina. Tutti sono affezionati al Governo che cessò. Questo loro sommo attaccamento per altro a chi li governava non parmi che proceda da un retto, od illuminato spirito di Nazione. Esso non è sicuramente che l'effetto di un cieco abito di sudditanza verso i Principi Austriaci, e più ancora, che il sentimento dell' interesse, giacchè nel momento in cui quasi tutta l'Europa sacrificava all'ottenimento di una pace durevole, e alla libertà génerale le communicazioni, e il commercio maritimo, Trieste aperta agl'Inglesi, non può negarsi che avesse molte risorse. Essa era il grande emporio da cui molta parte della Germania aveva i generi proibiti, e qualche cosa anche noi per mezzo di contrabbando.

I Triestini, come dissi, erano tanto appassionati pel cessato Governo, che hanno a loro spese armati e vestiti, e mantenuti molto tempo, circa 2000 uomini della Landwer, duranti gli esercizi. Incominciata la guerra poi,i momentanei seccessi delle armi Austriache in Italia inorgogliarono il loro fanatismo, e nell'eccesso dell'esultanza, e dell'arroganza in bande recavansi a Capo d'Istria e in altri Paesi Italiani ad insultare quei popoli, e ad augurare, e quasi sollecitare a loro danni tutti i mali della guerra.

Con tutto ciò, e in mezzo alla smodatissima affezione che i Triestini professano ai Principi della Casa di Lorena, essi sono ragionevoli abbastanza,

I° per riconoscere, e convenire, che i detti principi li hanno traditi, ch'essi furono i provocatori di una guerra ch'essi stessi chiamano oggi insensata, e ingiusta, e della quale n'era ben dritto che l'aggressore ne avesse il danno. 2do Per mettere, come dicesi, il loro cuore in pace deponendo ogni speranza di ritornare sudditi della dinastia che ha già regnato in Austria. 3zo. Per confessare che in mezzo al favore che il Governo accordava al Commercio, questo favore era mal inteso, e non diretto a vantaggio generale dei sudditi. Sono no le dichiarazioni, e le altre pubblicazioni di ogni genere che l'Austria faceva di quando in quando inserire nei fogli pubblici contro il commercio inglese. Queste dichiarzioni che non partivano da una intenzione retta, e determinata d'eseguirle, volendosi illudere, conveniva però farlo, massime da principio, con qualche moderazione. Perciò non si accordava il permesso della introduzione dei generi portati dagli Inglesi che a pochi negozianti. Questi fecero grandi fortune, e gli altri non privilegiati soffersero crisi terribili; per l'abbassamento che queste furtive introduzioni portavano nei prezzi dei generi. Allora fù che moltissime case commerciali fecero punto. Molti negozianti non hanno mancato di reclamare. Essi domandorono che venisse abrogata una privative tanto fatale alla massa dei negozianti, e stabilita una uguaglianza di trattamento verso di tutti tanto per la proibizione, quanto per la libertà d'introdurre. E siccome il Governo voleva fingere in certo modo che dette introduzioni di generi non erano a sua cognizione, cosi molti negozianti si sono persino esibiti di prender sopra di loro una vigilanza per impedire le frodi. Non furono però ascoltati.

Ora dimenticando il passato, se i Triestini non meritano grandi riguardi dal Governo, devono però meritare, per cosi dire, la di lui misericordia. Questa città priva di territorio, e di cittadini possidenti, che non ha altre risorse che dal Commercio deve naturalmente decadere durante la guerra dei mari, e anche dopo ammenochè il Governo non la protegga, e favorisca.

Trieste unita al Regno d'Italia potrebbe ancora esser florida quando le venisse continuato il privilegio di essere un porto libero. Trieste è lo scalo principale delle mercanzie che dall' Adriatico passano specialmente in Austria, in Boemia, in Polonia, ed anche in Russia, e in molte parti dell'Impero Ottomano per la via di terra, e che ne vengono.

Cio mostrerebbe a prima vista che la franchiggia doverebbe convenire a Trieste, potrebbe essere come quella accordata a Venezia nel transito delle mercanzie. Pure l'esperienza del passato fa vedere che possa più essere vantaggioso a Trieste un Porto Franco organizzato come quelli di Ancona e Sinigaglia, col privilegio cioè di potere introdurre, e far sortire per mare, depositare, e consumare nel ricinto della città le mercanzie, e i generi senza professione, e senza pagamento. La costituzione fisica della città permetterebbe la realizzazione di questa misura senza molto pericolo di abuso. Io non mi credo nè autorizzato, nè sufficiento per entrare più dettagliatamente in materia sopra un oggetto cosi grave come quello di cui parliamo. E' riserbato alle meditazioni di uomini sapienti, e sperimentati nelle cose degli stati, e avezzi a calcolare le cause della prosperità, o della decadenza del commercio, e delle nazioni l'esaminare, e il riconoscere ciò che meglio sia necessario per conservare, ed anche accrescere a Trieste il rango di grande commercievole città, com'è riserbato alla volontà dell' Imperatore il decidere se i Triestini divenuti suoi popoli siano degni delle beneficenze accordate alle buone città di Venezia, di Ancona, e di Sinigaglia.

In Trieste esistono quattro fabbriche di sapone, una delle quali la più grandiosa, che io stesso ho esaminata, appartiene a certo Sig. Chiosa. Queste fabbriche lavorano specialmente di saponi ordinari; sanno però travagliare anche di fini. I loro saponi ordinari molto meno costosi di quelli per verità bellissimi di Venezia, essendo anche molto opportuni per gli usi di certe manifatture, vengono in molta quantità spediti in Italia non escluso il Regno nostro e nella Germania. Copiose partite di saponi Triestini passano ugualmente in altri Stati, e perfino in America, servendosi di essi pel ricarico delle navi che portano a Trieste prodotti di quelle Colonie, Nel resto Trieste non puo dirsi una città manufattrice, non esistendo altre fabbriche di considerazione, tranne quelle anzidette dei saponi.

Non grandi sono i depositi di generi coloniali esistenti attualmente in Trieste. Vi è qualche discreta quantità di zuccaro, ma poca cosa di caffè, caccao, ed altre derrate e generi. All'avvicinarsi dell'armata vincitrice più di cento bastimenti salparono da Trieste convogliati da navi inglesi. Essi riportarono, dicesi, a Malta le molte mercanzie proibiti possedute dalle principali case commercievoli che pure in numero di circa venti famiglie emigrarono da questa città per portare altrove le loro ricchezze, la loro industria, ma più ancora l'obbrobrio, e i danni certi della loro fuga. Dissi i danni, giacchè Malta ridondantissima di generi, e mercanzie procedenti dalle fabbriche del Commercio dell'Inghilterra, qual prezzo può offrire a queste nuove quantità che vanno ad accrescere la massa, e il decadimento di valore? Pare che il ricavato di queste merci non dovrebbe nemmeno saziare le spese de'trasporti.

Non vi è, per quanto conobbi, buona amministrazione pubblica in questi Paesi. La Giustizia specialmente è amministrata da gente inesperta, e venale. Le cause si protraggono senza fine quando la convenienza del Magistrato venduto al maggiore contribuente lo esige, e i Giudici sentono ordinariamente della più ributtante parzialità. Su di ciò vi è un grido generale nel Commercio, e il pubblico preferisce spesse volte un pregiudizievole aggiustamento ed anche una perdita all'intraprendimento di una lite.

Nulla ancora posso dire particolarmente sul sistema di finanza di questi paesi. Cio che parmi si è, che siavi una grande libertà di commercio. La vendita dei sali, e dei tabacchi si fa per conto delle finanze in via amministra tiva. Il sale che si vende è quasi tutto estero, e di bella qualità. Qualche poca quantità ne producono le saline di Faule situate a tre miglia circa da Trieste. Queste saline che bene coltivate possono produrre sino a quintali ottantamilla circa di sale, non ne danno nell'abbandono in cui trovansi attualmente che sette in ottomilla circa.

Queste sono le poche notizie che ho potuto raccogliere sopra le cose, e le persone di questo paese. Io le ne anticipo la communicazione, Sig. In-

tendente, rispettabilissimo, riservandomi quando non muoia, discriverle ulteriormente sopra queste materie.

Trieste li 8 Guigno 1809.

Sott°· Imperatori segretario Conforme all'originale (f^{to}.) V e n d r a m i n (?)

XIX

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m. Commercio, cart. № 156.
№ 29073. Div^{c} II
A Sua Altezza Imperiale Il Principe Eugenio Napoleone di Francia vicerè d'Italia, Principe di Venezia Arcicancelliere di Stato dell'Impero Francese

Oggetto

Il Ministro dell'Interno informa che il Governo Austriaco ha proibita l'estrazione del ferro greggio per le Provincie Illiriche: ciò che cagiona il totale arenamento di quelle manifatture.

Il Ministro del'Interno
Altezza Imperiale.

Il mio antecessore ebbe a chiedere al Sigl^{r}. Direttore in Capo della Polizia di Trieste alcune notizie sulle fabbriche di falci, esistenti nella Carniola. Ora quel Direttore nel somministrarmele, mi comunica pure una lettera, scritta da un fabbricatore di Neümark ad un suo amico di Trieste, dalla quale si raccoglie che il Governo Austriaco, cominciando dal giorno 29, del prossimo passato Novembre, ha caricati d'un forte Dazio d'uscita l'acciajo, ed il ferro manifatturati, ed ha assolutamente impedita l'esportazione del ferro greggio per le Provincie Illiriche. Osserva a questo riguardo il mentovato fabbricatore che siccome il Circolo di Neümark, e quello di Villacco erano soliti a provvedersi nella Carintia Austriaca del ferro crudo, di cui essi mancano; così l'accennata proibizione ha già cagionato l'arenamento di molte di quelle fabbriche, e porterà seco inevitabiimente la rovina di tutte le altre: quindi l'emigrazione di tutti gli operai: quindi la miseria nelle famiglie delle suddette Provincie, le quali riconoscono quasi tutte la propria sussistenza dalle manifatture di ferro. Lo stesso fabbricatore che scrive, dice d'aver già sospeso i suoi lavori. E quegli infelici abitanti tutto sperano dalla paterna protezione di Sua Maestà.

Quantunque io mi dia a credere che Vostra Altezza Imperiale sia già altronde informata di questo emergente; mi sono lusingato ciò non pertanto che non potesse riuscirle discaro che ad ogni buon fine mi affrettassi a portarlo a sua cognizione per que'provvedimenti che fosse per istimar necessari.

Sono col più profondo rispetto

Milano 10 Decembre 1809

Dell'Altezza Vostra Imperiale
Umo, Devmo, Osseqmo servitore
(f^{to}) L u i g i V a c c a r i

A tergo: P° 21 Dicembre 1809
№ 4831. B.

Vu— (f^{to})E N

Par le Vice Roi le Conseiller secrétaire d'Etat (f^{to}) A. S t r i g e l l i

XX

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p: m.
Busta № 184
№ 18488—21405.
Regno d'Italia
Bergamo li 30 dicembre 1809.

Il Consigliero di Stato Prefetto del Dipartimento del Serio a S. E. il Sig. Conte Senatore Ministro del'Interno.

Milano.

Non mancai di rinnovare ai fabbricatori di panni lani in questo Dipartimento gli eccitamenti a provvedersi dei disegni delle macchine pel lanificio esistenti nel Deposito stabilito in codesta Capitale, come mi fu ordinato di nuovo colla Ministeriale 12 Luglio p. p. N 16817. Li detti fabbricatori hanno addotto varie difficoltà all'indicata provvista, e singolarmente que'di Gandino, dove ha maggior numero di fabbriche.

L'incarimento estremo delle lane e delle altre materie, segnatamente coloniali, necessarie alle manifatture, per cui essendosi aumentato il prezzo de'drappi se n'è in proporzione diminuito lo smercio, e la proibita esportazione di medesimi ai paesi d'Italia ora uniti a l'Impero Francese, ne'quali se ne faceva il maggior consumo, hanno ridotti questi Fabbricatori ad utili ristretti e incerti, non ardiscono di abbandonarsi a nuove speculazioni, quale si è quella dell'introduzione delle accenate Macchine.

A questa difficoltà principale ne aggiungono un'altra, quella cioè della spesa notabile che occorrerebbe per attivare le Macchine, dello stipendio che converebbe pagare a delli istitutori forestieri necessari ad istruire i manifattori nostrali affatto rozzi e privi d'ogni teoretica cognizione, fuori delle vecchie pratiche alla meglio apprese. Riflettono poi che dopo il consumo di vistosi capitali impiegati nell' attivazione suddetta, se l'esito non avesse a corrispondere all'aspettazione per qualche uno di quegli impensati accidenti, che d'ordinario sogliono avvenire nei principi di tutte le istituzioni, il loro danno sarebbe certo, e troppo grave nelle suesposte loro circostanze già poco favorevoli. Un tale riflesso è quello che più di tutto li disanima.

Quindi è che si astengono dal concorrere alla provvista de' disegni delle accennate macchine, mostrandone però tutto il desiderio, qualora il Governo benefico si degnasse di togliere od allienare gli esposti ostacoli, per promovere in questo Dipartimento la prosperità di tali fabbriche che altra volta ne formarono la principale sorgente di ricchezza.

Ho l'onore di umiliare a V. E. gli omaggi della mia perfetta venerazione.

P a l l a v i c i n i

Il Segretario Generale Mancini.

a tergo: D. II° Minist. Del'Interno.

Pho 5 Gennaio 1810.
№ 192.

XXI

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato. Ministero delle finanze Commercio. Stati esteri A.— M., cart. № 235.

Paris le 12 Mai
1810

Monsieur le Comte,

L'acquisition faite par sa Majesté des Provinces Illyriennes, a offert au Royaume d'Italie un nouveau et important débouché pour ses produits de

on sol et de ses manufactures, mais la bienveillance de sa Majesté pour ses ujets Italiens ne se borne pas à ce bienfait, il veut leur faire partager les ıvantages qu'un commerce sagement réglé avec les provinces Autrichiennes peut assurer à son Empire.

Il m'est nécessaire pour pouvoir conclure avec le Gouvernement Autrichien une convention qui établisse ces rapports de Commerce, que je connaisse quels seraient à cet égard les intérêts de l'Italie.

Ces renseignemens, Monsieur, je ne crois pas pouvoir les puiser à une meilleure source qu'en m'adressant à vous. Vous pouvez mieux que personne m'instruire à cet égard, et c'est avec la confiance que vous inspirez que je vous prie de me donner les lumières propres à m'éclairer dans la discussion de ces intérêts.

Veuillez agréer, Monsieur le Comte, l'assurance de ma haute considération.

Signé, Champagny Duc de Cadore

XXII

Национальный архив
Archives Nationales AF. IV № 1. 711 № 162

13 septembre 1810

Sire.

Il est très vrai qu'à la première nouvelle du décret du 5 août plusieurs négociants qui avaient des marchandises dans les entrepôts de Gênes et Livourne éspérant soustraire ces marchandises aux nouveaux droits, s'empressèrent de les rétirer et de les diriger sur le royaume d'Italie.

Mais pendant que ces marchandises étaient en route, le décret du 5 août ayant été appliqué au Royaume d'Italie, les espérances des spéculateurs ont été pleinement trompées.

Cela est si vrai que la douane de Pavie, laquelle est un Entrepôt est en ce moment tellement remplie de denrées venues de Gênes, qu'il a fallu ajouter à la maison de la douane, une maison particulière — et il est vraisemblable qu'il en sera à peu près de même à Bologne; pour les marchandises éxpediées de Livourne.

Je sais même que plusieurs négocians de Gênes avertis à temps, que le décret du 5 août avait été appliqué au Royaume d'Italie, ont suspendu, à moitié chemin, la marche de quelques unes de leurs marchandises, et attendent avec empressement des réponses du Directeur général des douanes de l'Empire aux demandes qu'ils lui ont adressées d'être autorisès à faire revenir leurs marchandises à Gênes pour les y remettre en entrepôt.

Ainsi, aucune des marchandises n'échappera vraisemblablement aux nouveaux droits, et toutes les payeront, soit en France, soit en Italie.

Pour les marchandises coloniales déjà arrivées dans le Royaume, on m'a déjà demandé le transit pour la Suisse, et je l'ai expressément refusé, parce que j'étais convaincu que si elles allaient en Suisse, elles rentretaient bientôt dans le Royaume en contrebande.

Votre Majesté sait la facilité que présente à cet égard aux contrebandiers la ligne du Royaume du côté de Lugano.

Aujourd'hui les spéculateurs déjoués pour la Suisse, demandent le transit pour le Valais.— Je le refuse provisoirement par les mêmes motifs qui m'ont determiné à le refuser pour la Suisse.

Et je demande à Votre Majesté si Elle m'autorise à n'accorder désormais le transit, *que pour l'Empire français*.

Cette mesure me parait la seule à prendre pour empêcher que les marchandises parviennent à se soustraire au paiement des nouveaux droits en obtenant, comme on ne manquera pas de la demander bientôt, *le transit pour l'Allemagne et la Bavière.*

J'attendrai pourtant, sur ce point, les derniers ordres de Votre Majesté.

Votre Majesté me charge de veiller à ce que les grains ne sortent pas trop facilement du Royaume: j'ai déjà pris des mesures à cet égard: j'ai augmenté le droit de sortie.

Je l'augmenterai d'avantage si je vois que le prix du pain s'élève,— mais je dois observer à Votre Majesté qu'il résulte de l'examen des régistres des douanes que la presque totalité des grains qui sortent du Royaume, est expediée dans l'Empire.

Je ne terminerai pas cette lettre, Sire, sans rapellez à Votre Majeste la demande que je lui ai faite de quelques licences pour son commerce à Italie.

Les négociants italiens ne voyent pas sans peine que plusieurs licences ont été données à Trieste, à Livourne, à Gênes, et qu'ils n'en ont encore reçu aucune.

Votre Majesté fera à cet égard ce qu'Elle croira juste, mais j'ai cru qu'il était de mon devoir de lui en parler.

J'ai l'honner d'être, avec un profond respect de Votre Majesté, Sire,

Le très humble, très soumis, et très
fidèle sujet et fils

Eugène Napoléon.

Monza, le 13 septembre 1810.

XXIII

Национальный архив
Archives Nationales AF. IV № 1.711 № 191

13 Septembre 1810

Sire,

Votre Majesté n'a pas oublié les ordres qui furent donnés par Elle pendant la dernière campagne, pour la confiscation des denrées Coloniales et marchandises anglaises, qui se trouvaient dans le port de Trieste.

Une grande partie de ces marchandises appartenait à divers négocians Italiens et français.

Ceux ci allarmés de l'ordre de confiscation et espérant néanmoins, qu'en leur qualité, *de sujets de Votre Majesté*, les marchandises qui seraient reconnues leur appartenir, leur seraient restituées, prièrent M. l'ordonnateur Joubert, alors Intendant Général à Trieste, de ne pas exposer leurs marchandises au danger d'être prises par les ennemis qui croisaient alors dans l'Adriatique, et de les autoriser en conséquence à les faire transporter eux-mêmes *par terre* à Venise.

L'Intendant Général Joubert qui n'avoit alors aucuns fonds disponibles, accéda à la demande des pétitionnaires, à la condition qu'ils verseroient d'avance dans la caisse de la finance 10.p.% sur la valeur des marchandises, et que d'ailleurs ils feroient eux-mêmes l'avance des sommes nécessaires pour les frais des transports.

Ces avances furent faites, et les 10 p. % acquittés.

En attendant les propriétaires des dites marchandises présentèrent diverses pétitions à Votre Majesté et à moi, pour obtenir qu'elles leur fussent restituées.

Quant aux pétitions qui me furent présentées à moi, je ne crus pas devoir m'en occuper, et je me bornai à les transmettre à Votre Majesté, Elle même, et à M. Daru.

Enfin un décret de Vorte Majesté, en date du 9 février dernier, ordonna que toutes les marchandises qui avaient été séquestrées à Trieste et transportées à Venise, seraient vendues au profit de son domaine extraordinaire, et me chargea spécialement de veiller à l'éxecution.

Les négocians sujets de Votre Majesté perdant alors l'espoir d'obtenir la restitution de leurs marchandises me présentèrent de nouvelles pétitions, pour qu'au moins, on leur restituât sur le prix de vente, les sommes qu'ils avaient versées dans les Caisses de la finance de Trieste, et les avances qu'ils avaient faites pour les frais de transport.

Quelque juste que me parut cette demande, je ne crus pas devoir la juger et je transmis à Monsieur de Fermont, les pétitions successives qui me furent présentées.

Ces pétitions sont toutes demeurées sans décision.

Alors les pétitionnaires en ont présenté de nouvelles au Consul de France à Venise, au Ministre des rélations extérieures et au Ministre des finances de l'Empire.

Ces Ministres n'on pas cru devoir statuer: le Ministre des finances a même renvoyé la dernière pétition à Monsieur de Marescalchi, en lui disant que c'était à moi qu'il appartenait de terminer cette affaire.

Monsieur Marescalchi par une dépêche en date du 27 Juillet dernier, m'a donc transmis la pétition et m'a fait connaître en même temps l'opinion du Ministre des finances de l'Empire.

J'ai pensé que le Ministre fondait cette opinion, 1° sur ce que c'est par mon ordre, comme Commandant en Chef de l'Armée d'Italie, que les marchandises furent séquestrées, 2° sur le décrêt de Votre Majesté qui en ordonnant la vente des dites marchandises, me charge de veiller à l'exécution.

En conséquence, pressé de tous côtés par les réclamants, ne pouvant me dissimuler que leurs réclamations étaient justes, et ne voulant pourtant pas prononcer sur une affaire de cette nature, sans l'intervention officielle des agents de Votre Majesté, je transmis la dernière pétition au Consul de France à Venise, et je le chargeai de m'en faire rapport.

Le Consul me fit un rapport dans lequel il présenta les demandes comme *fondées*, et conclut au remboursement.

Le tableau qui était joint au rapport, élévait la créance déjà liquidée à 216.414 francs.

Sur ce rapport, j'ai enfin ordonné le 23 août dernier, que les 216.414 *francs, réclamés par plusieurs sujets de Votre Majesté, en remboursement des 10 p.% qu'ils avaient versé dans la Caisse du Receveur général des contributions de guerre à Trieste et des avances par eux faites pour le transport des marchandises qui ont été confisquées, leur seraient remboursés sur les fonds provenant de la vente des dites marchandises*, et j'ai chargé de l'exécution, le Consul de France à Venise, lequel par le décrêt de Votre Majesté du 9 février 1810, avait été mis sous mes ordres, pour toutes *les suites à donner à cette affaire.*

On m'apprend aujourd'hui que le receveur des fonds provenant des marchandises vendues à Venise, ne s'étant pas cru autorisé à exécuter cet ordre, a refusé de délivrer les fonds nécessaires.

Je n'ai rien à dire sur ce refus du receveur du domaine extraordinaire. Je me borne à rendre compte à Votre Majesté, de ce que j'ai ordonné, et des motifs qui m'ont déterminé.

Je prie Votre Majesté de donner les ordres définitifs qu'Elle jugera nécessaires et je mets à cet effet sous se yeux le tableau qui m'avait été soumis par le Consul de France.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, de Votre Majesté, Sire,

Le très humble, très soumis et très
fidèle sujet et fils.

Eugène Napoléon.

Monza, le 13 septembre 1810.

XXIV

Национальный архив
Archives Nationales AF. IV № 1.711 dos. № 213.

10 Novembre 1810

Sire,

L'Article Ier du décret de Votre Majesté en date du 10 octobre, prohibe l'importation dans Votre Royaume d'Italie de deux objets indispensables à la conservation de quelques Manufactures, à l'occupation et à la subsistance d'une nombreuse classe d'individus.

Je parle 1er des toiles de coton écrues et blanches, 2e des Cotons filés.

Il y a à Milan, une manufacture de toiles peintes assez considérable, et une autre manufacture de cotonneries qui travaille déjà assez, quoiqu'elle n'existe que depuis deux ans.

Une autre manufacture de la même nature, et non moins considérable que la première existe à Intra.

Plusieurs petites manufactures de cotonneries ordinaires sont aussi établies dans plusieurs départemens.

Toutes ces manufactures occupent un grand nombre de pauvres. Et cependant toutes seront forcées de former leurs ateliers, si elles n'obtiennent de Votre bonté les matières premières, qui leur sont indispensables.

Votre Majesté sait que nous n'avons point de filature dans le Royaume, point de fabrication de toiles de coton écrues ou blanches.

J'observe que la clôture des ateliers existants n'aurait pas seulement l'inconvénient de laisser tout d'un coup un grand nombre d'individus sans travail, mais qu'elle aurait encore cette conséquence également pour la classe pauvre, de la priver des moyens de se vêtir à bon marché, car les manufactures qui existent ici ne font que des étoffes grossières, et par conséquent à bas prix.

Toutes les circonstances du moment, Sire, me font un devoir de porter ces faits à la connaissance de Votre Majesté.

Nous entrons dans la saison rigoureuse. Le prix du pain s'élève sensiblement, ainsi que j'ai eu l'honneur de l'exposer hier à Votre Majesté. D'un autre côté, j'apprends que la manufacture d'Intra qui avait 52 métiers en activité, n'en a déjà plus que 27; que des deux manufactures de Milan, une annonce qu'elle suspendra tous ses travaux au premier Janvier; enfin que dans la seule ville de Vicence, 2.000 individus environ qui travaillaient à la fabrication des étoffes de soie, manquant déjà de travail, démandent l'aumône dans les rues et font quelquefois pire sur les grandes routes.

Dans cet état des choses, Sire, je prends la liberté de demander à Votre Majesté, si Elle trouverait quelqu'inconvénient, à m'autoriser à accorder aux manufactures de cotonneries en activité la permission d'introduire la quantité I^{e} de toiles écrues de coton, 2e de cotons filés, qui leur sera strictement nécessaire pour les maintenir en exercice, *pendant l'année 1811 et pas au-delà.*

Je dis pour l'An 1811 seulement, par ce que j'éspère que dans un an, j'aurai réussi à faire etablir ici quelques filatures, et que dans tous les cas, il sera possible que dans un an, les filatures de France se mettent en état de nous fournir les cotons qui nous seront nécessaires.

Je m'explique: les filatures de France donnent des cotons qui s'élèvent en finesse aux N°s 200 et au delà, et pour les toiles qui se fabriquent ou sont peintes ici, nous avons besoin de cotons grossiers et qui ne s'élèvent pas au dessus du № 100.

La grossièreté des cotons dont on se sert ici, me parait pouvoir être pour Votre Majesté une garantie de plus qu'à l'aide de la faveur que l'industrie Italienne implore de Votre Majesté les cotons filés en Angleterre ne pour-

ront pas être introduits, car les cotons filés en Angleterre, étant au moins aussi fins que ceux de France, ils ne pourraient être employés ici d'aucune manière.

Au reste, il s'agit d'un bien petit nombre de manufactures, et qui par conséquent ne nécessiteront pas une introduction considérable.

J'ajoute que la faveur sollicitée ne l'est enfin que pour un an; et je n'ai pas besoin de dire à Votre Majesté que si elle est accordée, je ne manquerai pas de prendre toutes les mesures nécessaires pour qu'il n'en soit abusé d'aucune manière.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, de Votre Majesté, Sire

Le très humble, très soumis et
très fidèle sujet, et fils.

Monza, le 10 Novembre 1810. Eugène Napoléon.

XXV

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.,
cart. № 12.
R. № 1378
Regno d'Italia
Li 28 novembre 1810
La Camera Primaria di Commercio
Del Dipartimento del Reno
Residente in Bologna
A S. E. il Sig^{r} Conte Ministro del'Interno

Milano

La Camera viene di ricevere da alcuni commercianti della Comune la supplica, che in copia si dà l'onore di trasmettere all' E. V. L'originale viene indirizzato a S. E. il Signor Conte, e Senatore Ministro della Finanza. Desiderano li petenti che col mezzo dell' E. V. giunga la loro dimanda eziandio all'animo benefico di S. A. Imperiale, e Reale il Principe Vice Re: la Camera non ha creduto dover far urto all'innocente loro brama, ben certa che ove, come le sembra, sia la loro inchiesta giusta, non potrà dispiacere all'ottimo Rappresentante dell'Eroe che ci governa. Se l'E. V. trova non fuor di ragione le lusinghe della Camera, quest'osa di supplicarla ad appoggiare li riccorenti. Intanto si dà l'onore umiliarle li sentimenti di venerazione, e rispetto coi quali passa a segnarsi.

Per la Camera

(f^{to}) Gio. Pietro Giacometti V. P.
(f^{to}) N. Modonesi segretario

A tergo: Ministero del'Interno, Div. II.
P^{to} 1.° Dicembre 1810
№ 26070
Allegato 1.
Camera di Commercio

D'ordine della Direzione Generale delle Dogane nel giorno 23 del corrente Ottobre sono state messe sotto sequestro tutte le merci de' sottoscritti negozianti esistenti tanto nelle dogane di questa Capitale quanto nei magazzini alle suddette annessi ad esclusione di quelle pervenute dall'Impero Francese dopo il trattato di commercio.

In forza di tale sequestro trovandosi li riccorenti impossibilitati a dar sfogo alle partite di mercanzie già vendute, ed ignorando altronde nè potendo immaginare quali sieno li motivi di tale per loro dannosa misura che impedisce la progressiva vendita delle altre nell'attuale stagione la più opportuna per farne esito, si permettono di osservare che tutte le merci esistenti in queste

Dogane, non che quelle esistenti nei loro magazzini sono ivi entrate in forza, e sotto la salva guardia del decreti 10 giugno 1806 per quelle esistenti prima 2 luglio 1808 per quelle provenienti dai dipartimenti del Musone, Trento, e Metauro e 14 agosto 1810 per quelle provenienti dal dipartimento dell'Alto Adige emanati da S. M. I. e R. giacchè in caso contrario, nè potevano entrare dai confini diversi, nèsarebbero state admesse in queste Dogane, e nei loro magazzini dagli impiegati di Finanza dai quali furono poste regolarmente a registro sui Libri di Finanza sotto le cautele, discipline prescritte dalla finanza stessa. Quale operazione anzi stabilendo il proprientario del magazzino a cui si trovano caricate debitore verso la prefata finanza dell'importo del rispettivo dazio a norma della tariffa in grida all'atto del carico, fa si, che tutte le mercanzie caricate nei suddetti magazzini delle dogane si devono risguardare come se effettivamente fossero già daziate.

In forza, anzi in vista di questi diversi, e grandissimi discapiti li sottoscritti negozianti si rivolgono a questa Camera di Commercio, e caldamente implorano la di lei tutela pregandola di volersi interporre non solo presso S. E. il Sigr. Conte Senatore Ministro di finanza, affinche il Commercio in simil guisa danneggiato da questa misura sia prontamente liberato da questo non meritato e danosissimo sequestro, ma ancora presso il Real Governo con farle parte di questo nostro ricorso perchè appoggiando la nostra giusta domanda prenda sotto la sua protezione il Commercio ora pregiudicato da tale innaspettata misura, quindi nel caso d'aumento di tariffa le dette loro merci possino essere daziate colla norma della tariffa vigente al l'alto dello stesso sequestro trovandosi di non avere contravenuto a nessuna legge, e decreto, e che il sequestro sia stato posto per tutt'altro fine politico che per contravvenzione alle leggi daziarie massime che anche pendente il medesimo, alcuni negozianti hanno attenuto il permesso di daziare molti colli di tele e lanine coi diritti della tariffa italiana, ed essi se dovessero sogiacere ad un aumento di dazio si troverebbero a peggiore condizione delle medesime, e di tutti li mercanti della Piazza che hanno già ritirate dalla Dogana le loro merci per la stagione d'inverno.

Si lusingano adunque li riccorrenti di ottennere in questo prestante bisogno da questa rispettabile Camera di Commercio una pronta, ed efficace assistenza, ed in tale speranza etç.

P. Procura Tenni, e Schiaper francesco Maltruzzi.
Giuseppe Zamboni
Fratelli Zaboli
Gio. Batta Vechietti
Broggi Bellati, e C.
Bandera, e Birni
p. p^{a} di Cristoforo Insom Teresa Insom
Luigi Roversi
Feresa Crespi Bastianello
Francesco Maria Torio
Terdinando Trebbi
Luigi Naldi
Pietro Privat
Osti, e Barilli
Fratelli Nuornetti
Fratelli Sibacco e C.

Per copia conforme
(f^{to}) N. Modonesi Segretari.

A tergo: Pres. li 23 Novembre 1810
R. al 1374
Fasc 84.

XXVI

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m.,
Commercio, cart. № 13
Regno d'Italia
Milano li 31 Dicembre 1810
La Camera di Commercio A. S. E. il Sig. Conte Ministro del'Interno.

Ebbe già l'onore questa Camera di Commercio di umiliare all'E. V. sotto li 15. corr[e] i voti dei Commercianti tendenti ad ottenere col provido interessamento della stessa E. V. che il governo fosse per accordare dei speciali permessi per l'importazione nel Regno d'Italia dei generi coloniali, di proprietà dei sudditi del Regno, sequestrati nella Germania, e nella Svizzera, contro un unico pagamento del Dazio portato dal R.[le] Decreto 5. Agosto: che fosse adottare per i sudditi italiani la parità di trattamento accordata agli Svizzeri-: che fosse per admettere l'importazione nel Regno contro il già fatto pagamento di detto dazio delle merci esistenti nel Cantone Ticino.

Quest'ultimo voto dalle voci sparsesi, si deve credere cheabbia già ottenuto un favorevole esito, e cio mentre rianima le speranze dei negozianti, e forma per essi un'ottimo presaggio, anche pel rimanente delle loro suppliche li determina a non lasciare intentate nuove preghiere presso dell'E. V. postocchè ha voluto in ogni incontro dare tante testimonianze dell'alta sua protezione al commercio.

La universalità delle misure adottate da S. M. l'Imperatore e Re nella rapidità delle operazioni commerciale, nella diversa posizione de commercianti, e nel necessario trasporto delle merci per diversi territori può portare una influenza ben gravosa a danno di alcuno dei commercianti, in confronto degli altri, la quale può essere diforme dalle viste che si è proposte la stessa M. S., massime ove il modo di esecuzione, possa essere diversificato secondo la diversità delle interpretazioni, che in ciascun paese venga data. Il prevenire quei sinistri che nella celerità delle esecuzione delle superiori disposizioni possono aver luogo e sempre opera maggiormente commendevole che il porre riparo a causa già vulnerata, e ciò non è ottenibile, se le notizie nascenti anche da privato carteggio non sono messe a profitto per ottenere in tempo abile le opportune superiori direzioni.

Alcuni commercianti appartenenti al Regno d'Italia si sono abbandonati a delle speculazioni, comperando in estere piazze dei generi coloniali, postocchè il movimento del commercio le rendeva proprie della loro abituale professione. Essi possono far constare d'aver acquistata la proprietà di tali generi in un'epoca in cui siffatto commercio ben lontano di essere vietato era anzi fomentato dalle pubbliche vendite che si facevano nelle estere piazze sotto l'ombra della pubblica autorità, a pubblico incanto, delle prede fatte sugli inimici. La desolante situazione in cui si troverebbero questi negozianti, ove non potessero introdurre nel Regno tali acquisti già fatti, è ben chiara, mentre in dette estere piazze, dove tutt'ora si trovano le merci non sarebbe fattibile di poter ricavare l'importo del dazio. Le sovra accennate lettere private de'corrispondenti con alcuni negozianti di Milano, marcano che in vigore di lettera di S. E. il Ministro dell'Interno dell'Impero Francese diretta alla Camera di Commercio di Parigi sotto il giorno 22 novembre p. p. fu notificato alla stessa Camera essersi degnata S. M. sulla notizia dell'infelice situazione in cui si trovano diversi commercianti, di dichiarare, che era disposta di permettere l'importazione in Francia delle mercanzie coloniali acquistate dai suoi sudditi Francesi, e che si trovassero sotto sequestro in Allemagna per effetto delle sue disposizioni, purche queste permissioni fossero speciali, e non venissero rilasciate se non dietro le opportune giustificazioni d'essere le merci introducibili, una vera loro proprietà. Anzi il

suddetto carteggio privato porta bene anco la notizia che la Camera di Commercio di Parigi, senza dare alcuna pubblicità a questa benefica, e paterna disposizione, era autorizzata ad animare i negozianti a profittare della medesima

La identica provvidenza è quella che coll'autorevole interessamento dell' E. V. implorano i negotianti di Milano. Alcuni di essi hanno appunto fatto acquisto sotto la prottezione della legge, e dell'autorità pubblica, in estere piazze, e seguatamente nella Germania, e nella Svizzera, di merci coloniali. A parità dei sudditi Francesi aspirano ad ottenere dei permessi particolari per l'introduzione nel Regno delle medesime contro le legittime, e valevoli giustificazioni della loro proprietà, onde non rimaner vittima dell'azzardo che ha fatto trovare le loro mercanzie piuttosto in un luoge che in un'altro, ed a ciò appunto allude la prima delle domande già fatte sotto il 15. corr.e Dicembre.

Allude pure la detta prima domanda ad un altro oggetto, che è quello del pagamento di un'unico dazio. Il decreto 5 agosto è reso universale in tutta l'Europa. Percuote le merci ovunque siano situate sotto il momento della di lui attivazione. Quando questo decreto ha avuto effetto una volta, l'accidentale, e necessario giro dello merci pare che non debba importare di replicare sullo stesso oggetto la esecuzione. Se quindi alcune delle merci in spedizione trovansi accidentalmente nella Svizzera, od altrove, sembra ragionevole che esse o possano mediante certificato di destinazione per il Regno d'Italia essere sottoposte unicamente all'ingresso in questo Regno al detto dazio, ovvero essere esenti da un'ulteriore dazio quando l'abbiano già pagato nel luogo dove si trovano.

L'importanza del secondo dei sovraccennati voti di ottenere che i sudditi italiani siano messi a parità di trattamento degli Svizzeri, viene ad emergere dalle notizie pervenute a diversi negozianti da Coira, e d'altri luoghi. Ognuno sa che per acquistare, introdurre, e far circolare le merci coloniali tanto nella Svizzera, quanto in altri paesi esteri, non era punto necessario alcun certificato d'origine. Quindi que'negozianti i quali uniformandosi ai regolamenti dei paesi in cui contrattavano, comperarono tali merci coloniali, non possono per alcun modo risguardarsi come refrattari ad alcuna legge. E diffatti in tutta la Svizzera, e negli altri paesi nessuno immaginò giammai di portare tant'oltre l'esecuzione delle disposizioni di S. M. da rendere assoggettate a confisca quelle che mancassero di tali certificati d'origine, quando non esistesse in luogo un positivo ordine, che la ingiugnesse, ciò non di meno alcune lettere indicano che il Sig. Lauthon Ispettore Generale delle Dogane Imperiali di S. M. manifestò di volere una notificazione esatta delle merci esistenti nella Svizzera di proprietà d'altri, o per effetto di commissioni date in tempo abile, o per effetto di spedizione, e transito, e con ciò ha dato luogo a molti di opinare che le merci di appartenenza a persone non svizzere possono subire la vicenda della confisca, ove non siano accompagnate da certificato d'origine, o da certificato d'acquisto fatto per prede e conquiste avvenute nell'Impero. Questa misura che finora non sembrerebbe conforme ai Decreti Imperiali, e Reali noti al pubblico è quella appunto che vorrebbesi in tempo abile allontanare. Se la mancanza di certificato d'origine non importa confisca in riguardo agli Svizzeri, non lo deve nemmeno importare riguardo ai sudditi del Regno d'Italia, i quali come ogni onesto negoziante suole, potevano anche senza certificato d'origine fare delle speculazioni in estero paese, senz'animo di introdurvi generi coloniali nel Regno d'Italia, postocchè era abbastanza vivo auche altrove il commercio per vedere il loro esito indipendentemente da tale introduzione. Se una tale confisca non venisse impedita, altro non accadderebbe, se non di depauperare i negozianti del Regno, senza servire alle viste di Sua Maestà.

Nel mentre che la Camera di Commercio si è fatto lecito sopra notizie private d'interessare le cure dell'E. V. spera che la medesima penetrata dalla triste situazione di diversi commercianti, vorrà benignamente accogliere

queste ulteriori istanze, e permetterle il giusto tributo di ommaggio dovuto alle buone disposizioni d'animo della stessa E. V., non che la reiterata dichiarazione dei sentimenti della sua profonda stima, e considerazione.

(f^{to}) Balabio

A tergo: Ministero del'Interno, Div^{e} II
P° Gennaio 1811 № 99

XXVII

Национальный архив
Archives Nationales AF. IV № 1712 page № 122.

9 Mai 1811

Relations extérieures.

Rapport.

Objet du Rapport.

A S. M. l'Empereur des Français,
Roi d'Italie, Protecteur
de la Confédération du Rhin

Sire,

Votre Majesté a rendu le 24 Octobre dernier un décret portant que, voulant introduire dans son Royaume d'Italie, l'usage des Machines propres à y naturaliser des objets d'industrie qu'il tire en grande partie de l'étranger, il met à la disposition du Ministre de l'Intérieur sur les fonds de réserve de 1810 une somme de 200. 000 francs pour acquisition de Machines à filer le coton, la laine, et le chanvre.

Le Ministre de l'Intérieur du Royaume d'Italie, jaloux de mettre promptement à exécution un décret de Votre Majesté si favorable à l'industrie Italienne, s'est empressé d'envoyer à Paris, seul lieu où il fut possible de se procurer les machines indiquées par le décret de Votre Majesté, un homme capable de choisir les plus convenables aux circonstances et aux localités, Monsieur le Chevalier Morosi, mécanicien en chef du Royaume.

Monsieur Morosi a rempli, et déjà presqu'achevé sa mission avec beaucoup d'intelligence et de zèle. S. E. Monsieur le Ministre de l'Intérieur de l'Empire, à qui je l'ai recommandé, a bien voulu se prêter avec infiniment d'obligeance et de bonté à le seconder dans les opérations dont il était chargé; mais en même temps il m'a prévenu qu'il ne pouvait, sans un ordre spécial de Votre Majesté, autoriser la sortie des machines hors de l'Empire, cette sortie étant expressément prohibée par les lois des douanes.

Je prie Votre Majesté, de qui S. A. I. le Vice-Roi m'a chargeé de prendre les ordres, de daigner rendre complet le bienfait signalé que lui doit son Royaume d'Italie et de permettre que les machines, qui en exécution de son décret du 14 Octobre 1810 ont été achetées et dont si Elle daigne m'en donner l'ordre, je lui soumettrai la liste, soient exportées de l'Empire dans le Royaume.

Daigner agréer, Sire, l'hommage du profond respect avec lequel je suis.

de Votre Majesté
Le très dévoué, très obéissant
et très fidèle serviteur et sujet.
Marescalchi.

Paris, le 9 Mai 1811.

XXVIII

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m., Busta № 183.

№ gen. 9201
№ part. 2409

Ufficio Divisione II[a]

Regno d'Italia
Milano, li 29 maggio, 1812

Il Senatore Ministro delle Finanze a Sua Eccellenza il sig. Conte Vaccari Ministro dell'Interno.

Mi rammento che Vostr'Eccellenza ha riferito, egli è alcuni mesi, in un Consiglio di Ministri la petizione dei mercanti in dettaglio di Pavia che supplicavano venisse loro ottenuta la facoltà d'introdurre nell'Impero francese certe merci che sebbene di fabbricazione italiana non potevano ciò non per tante venire munite del certificato menzionato nell'art. 10 del decreto di S. M. delli 10 ottobre 1810.

Sua Eccellenza ie sig. Ministro del commercio e delle manifatture di Francia mi ha fatto recentemente la dimanda di permettre l'entrata di abiti, gilets etc. di cotone venienti di Francia con ricapiti d'uscita delle Dogane imperiali, quantunque non possano essere muniti ne lo siano del certificato portato dal suddetto decreto, essendo i permessi su cui debbone fondarsi detti certificati limitati alle merci in stoffa e non travagliate in abiti, gilets, etc. Potendo quest'occasione aprir la via ad una domanda di reciprocità, prego V. E. di volermi indicare son precisione l'oggetto della dimanda dei mercanti di Pavia od altra che far potesse dell'istessa natura.

Ho l'onore di rinnovare a V. E. le assicurazioni della mia distintissima considerazione.
(f[to.]) P r i n a.

a tergo: D. II° Ministro del'Interno P[to.] 29 Maggio 1812 № 15325.

XXIX

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m., Commercio,
cart. № 138.

N 28361. Seg[a.] Generale.
Regno d'Italia.
Milano 30 Dicembre 1812.
Il Consigliere di Stato
Prefetto del Dipartimento d'Olona

A Sua Eccellenza il Sig.[r.] Conte Ministro del'Interno.

La causa dalla quale si ripete la diminuzione sensibile d'operai nelle fabbriche delle manifatture di lino, canape, e cotone come ho osservato alla Eccellenza Vostra in calce allo stato delle manifatture suddette si è l'introduzione nel Regno delle manifatture Francesi, che si vendono al bassissimo prezzo, e l'attuale situazione commerciale del cotone.

Ecco il motivo per cui, quantunque nello stesso numero le fabbriche, risulta massime nell'1811 il numero degli operai tanto diminuito in confronto degli anni precedenti.

Accertando quindi l'Eccellenza Vostra che nessum sbaglio è stato preso nella formazione del progetto relativo, ho l'onore di confermarle il mio più distinto rispetto.

(f[to]) G. M. C a c c i a.

A tergo: Div. II. Ministero del'Interno.
P° 3 Gennaio 1813.
№ 214.

XXX

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m., Commercio,cart. № 2.

№ 5936.Regno d'Italia
Milano li 29 Maggio 1812
Il Prefetto di Polizia del dipartimento d'Olona
Al Signor Conte Consigliere di Stato
Direttore Generale della Polizia.

In esecuzione del rispettato di lei dispaccio 10 marzo prossimo passato № 2298 mi sono occupato a redigere il progetto di Regolamento sui lavoranti giornalieri. Ritenute per base le discipline vigenti in Francia sullo stesso argomento non ho fatto che riordinarle in una sola dispositiva generale con quelle aggiunte e modificazione che le circostanze locali possono esigere, e che sono necessarie per imporre ed assicurare l'osservanza di ciò che si prescrive a norma di quanto ebbi ad esporle nel precedente mio rapporto 2 marzo p° p° № 4930.

Sapendo che anche sotto il Governo Austriaco della Lombardia furono emanate delle disposizioni e fatti de'progetti per tenere in freno gli operai, obbligarli al travaglio, ed al perfezionamento delle loro manifatture mi sono quindi fatto carico di richiamare dall'Archivio Generale tutti questi documenti per rilevare, se eravi qualche utile istituzione da mettere a profitto. Tutte le carte che ho esaminate si riferiscone ad un editto in data 30 maggio 1764, pubblicato, ma non messo in esecuzione e ad un progetto del marchese Cesare Beccaria fatto al Consiglio di Governo nel febbraio del 1787. Esse, quantunque riguardino i soli lavoranti di fabbriche e segnatamente i tessitori di seta, ho però osservato che sostanzialmente le discipline in allora immaginate combinano con quelle che sono in oggi in vigore in Francia.

Fu mio divisamento nel redigere il progetto di applicarlo soltanto alle città, siccome quelle che contengono un grande numero d'operai, quando nelle altre Comuni non si trovano per lo più che degli agricoltori, ai quali si rende inutile una tale disposizione, oltrecchè difficilmente potrebbe questa con esattezza eseguirsi attesa l'imperizia e la poca coltura delle autorità municipali de' paesi campestri.

Seguendo le traccie da Lei, Signor Conte Direttore, prescrittemi col succennato dispaccio 10 marzo, ho procurato di non proporle se non quelle sanzioni penali che sonostrettamente necessarie a far osservare il regolamento, avendo avuto di mira di colpire leggermente chi per la prima volta vi contravviene, e riservare poi una più rigorosa punizione al recidivo. La pena prescritta all'art. 23, portante la multa di L. 100 oppure la detenzione da venti giorni a tre mesi contro quelli che senza veste s'ingerissero a procurare impiego a lavoranti, quantunque sia essa più severa delle altra l'ho creduta però necessaria per togliere di mezzo tutti que'sensali conosciuti volgarmente sotto la denominazione di malossari, i quali sono soliti a sovvertire gli operai con sensibile danno de padroni. Questa pena però è assai più mite di quella prescritta dall'ordinanza 12 Germinal an 12. del Prefetto di Polizia di Parigi in cui si stabilisce la multa di L. 100.

Finalmente non mi resta che a parlar della spesa necessaria all'attivazione d'un ufficio apposito di Polizia incaricato dell' esecuzione del regolamento. Non convenendo pei savi e giusti riflessi da Lei, Signor Consigliere Direttore, esposti nel succennato dispaccio 10 marzo che abbia questa a gravitare con indirette imposizioni sugli abitanti più bisognosi quali sono gli operai, io non ho veduto altro espediente che di proporla a carico del Municipio quantunque sia desso già molti aggravato d'altre spese di Polizia. L'operaio pagherà soltanto il modico prezzo del libretto siccome già si pratica coi domestici, e corrisponderà al sensale pubblico (Preposé) una retribuzione parimenti modica, la quale sarà sempre minore di quella che attualmente

paga ai cosi detti malossari. Al Municipio incomberà la spesa del personale, degli altri oggetti di cancelleria, eccettuati il libretto, e del locale necessario che si dovrà disporre presso questa prefettura, giacchè in oggi non ne esiste. Tali spese non saranno sicuramente di poco rilievo, ma non si può da esse prescindere, quando vogliasi attivare una tale istituzione, e sostenerle in questa vasta e popolosa capitale con tutti quei mezzi che sono necessari ad assicurarne pienamente lo scopo.

Sono con tutto il rispetto Villa.

A tergo: Direzione Generale di Polizia.
Protocollata il 31 maggio 1812.
№ 6077.

XXXI

Национальный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m.,
Commercio, cart. № 2.
Regno d'Italia

Milano li 31 agosto 1812.

Camera di Commercio, arti, e manifatture

In adempimento dell'eccitatoria ministeriale comunicata alli sottoscritti dalla Camera d'arti e Commercio, si fanno solleciti di subordinare i loro sentimenti.

L'attuale decadimento delle fabbriche di stoffe di seta di questo Regno non è attribuibile, come si supone, alla loro qualità, perchè in qualche parte inferiore nella vivacità e lucidezza in confronto di quelle di Francia, ma bensì alla generale diminuzione del consumo, alla mancanza delle Commissioni per l'Estero, al languore in cui giace il Commercio, e più di tutto al seguito smembramento di quelle città e paesi ne'quali solevasi spedire la massima parte de'loro prodotti.

Inutile è il sormontare alle epoche antecedenti il 1796, allorquando le nostre fabbriche fiorivano per l'immensa quantità di stoffe che ne'stati austriaci venivano introdotte con tenue dazio, ma conviene presentare le perdite che hanno dappoi fatto, e che continuamente si vanno facendo.

Piccola è la città di Pavia, ma grande era lo smercio delle nostre stoffe, non gia per l'interna consumazione, ma pel grande spaccio che si faceva ne'limitrofi paesi dell'Alto Po, quali ora aggregati all'Impero Francese restano esse quasi intieramente escluse pel grave dazio d'entrata a cui vanno soggette.

Lo stesso avvenne per quelle che si spedivano nel Parmiggiano, nel Piacentino e Romagna.

Il decreto di S. M. l'Imperatore delle Russie, con cui fu proibita l'introduzione ne'suoi stati di tutte le estere manifatture comprensivamente le stoffe di seta, fu a noi molto fattale: al pari di noi ne provano le funeste conseguenze anche le fabbriche di Lione, mentre le immense stoffe spedite alle fiere di Lipsia, venivano quasi tutte da collà nella Russia transportate e nelle ultime fiere non si vendettero che pochi articoli ivi necessari, quali sono li così detti mantini di Como, le di cui fabbriche, tanto per alimentare i loro operai, ed addescare li concorrenti per mezzo di prezzi bassissimi, all'acquisto, ne alterano la qualità ed altezza, locchè porterà forse un giorno la privazione tottale della consumazione di questo articolo.

Il nuovo sistema daziario attivato in luglio 1811 nelle altre volte Città Anseatiche, ora all'Impero Francese aggregate che impone un dazio d'entrata sulle nostre stoffe di L. 15 a L. 16 per Kilogrammo, fece decrescero lo smaltimento delle nostre produzioni.

Finalmente il decreto dello scarso anno di S. M. il re di Baviera che accresce del 20 p% l'antico dazio sul valore delle stoffe forastieri che saranno introdotte in quel regno, hanno apportato incalcolabili danni alle nostre fabbriche.

È questa la vera sorgente del decadimento delle fabbriche nostrali,

quali continuando le cose sullo stesso piede, in breve si vedranno limitate a provedere al semplice interno consumo del regno, che oltre all'essere diminuito di sua natura, viene in gran parte supplito dalla quantità delle stoffe estere, che con facilità e tenue dazio, si possono avere.

Egli è verissimo che alcune di esse sono fra noi preferibili, o per la vivacità de' colori, o perfetta fabbricazione, e più di tutto per la novità. Ma con quale coraggio mai possono le nostre fabbriche avventurarsi alle invenzioni, ed agli esperimenti per portarle alla perfezione, se loro mancano li mezzi, cioè le commissioni?

Nella affluenza dello smercio ciascuno gareggia per ottenere la preferenza, e corraggiosamente si espone a delle forti, inevitabili spese con tentare degli esperimenti; ma nelle attuali calamitose circostanze sono invece ridotti soltanto per non abbandonare intieramente i loro manifatturieri a studiare il modo di rendere le stoffe meno costose, onde vendendole a bassi prezzi, animare li consumatori a l'acquisto ed alla prelazione; cionullostante non mancano alcune fabbriche che eccitate da particolare ambizione non cessano non senza grave dispendio di aspirare alla perfezione. Sebbene quale vantaggio esse ne traggono quello per lo più o di vendere le loro merci senza profitto, o di venderne alterata la provenienza dalli rivenditori.

Oltre le providenze pertanto che la saviezza del R. Governo saprà ordinare per rimediare alli mali incalcolabili che alle fabbriche di stoffe di seta, ed in conseguenza allo stato ne derivano, si trovano in dovere li proprietari delle principali fabbriche per assecondare le benefiche Sovrane cure di far presente, che altre indispensabilmente necessitano, alcune tendenti ad incoraggirli per quanto da loro dipende al miglioramento, ed alla perfezione, ed altre a por freno ad immensi disordini, ed agli abbusi da qualche tempo introdottisi, e tutti tendenti all'annichilamento d'un ramo di commercio tanto proficuo.

Diasi un'occhiata a tutte le principali città dove tali stabilimenti esistono, massimamente a Lione, e vedrassi che non solo ne'tempi presenti, ma anche ne'più lontani, hanno sempre avuto delle leggi e delle discipline per ciascun individuo nelli medesimi occupato, che fanno, e che fecero scrupolosamente eseguire.

Siccome la materia prima necessaria nella fabbricazione delle stoffe è la seta, cosi vi dovrebbe essere un regolamento generale, ed una esatta sorveglianza a tutti i filatori, massime d'organzini, affinchè non succedano inganni, mentre per qualunque diligenza usi il fabbricatore per perfezionare la stoffa, non può arrivarvi se l'organzino non e bastantemente filato, e torto, potendosi attribuire con fondamento una gran parte della bellezza di quelle di Lione alla qualità, e lavorerio perfetto degli organzini di Piemonte, de'quali generalmente se ne servono quelle fabbriche.

Sarebbe bene di proporre dei premi a quei tintori che si distinguessero con perfezionare la loro professione, e che senza deteriorare la qualità della seta gli dassero maggior lucido, vivacità, e precisione ne'colori unendo la necessaria economia, e facendo in questa maniera fra loro sorgere una emulazione tanto desiderabile, proibito loro l'uso di certe qualità di saponi dannosi alle sete.

Non dovrebbe essere permesso a tintori di rittingere sete colorate, se non queste le fossero presentate da persone di conosciuta probità ed aventi la patente di fabbricatori per proprio conto, onde togliere a molti individui la facilità delle frodi pur troppo frequenti.

Sarebbe desiderabile che nella Camera d'Arti e Commercio vi fosse un Commissario perito incaricato di tenere un registro in cui fossero inscritti nomi e cognomi di tutte le fabbriche dei capi tessitori, tanto per proprio che per altrui conto, lavoranti, tiralacci, e garzoni d'ambi li sessi.

Ottenuta la perfezione del lavorerio negli organzini come all'articolo 1me dovrebbe esser vietato a tutti li tessitori quantunque comandati da loro padroni di valersi d'alcune delle pratiche pregiudicevoli alla bontà, e bellezza

delle manifatture, comme lo è l'acqua gommata, bastoni cerati, e qualunque altra materia che riesca dannosa alle stoffe, riserbandosi però soltanto l'uso dell'acqua gommata per alcune che è quasi indispensabile, e che al caso verranno prescritte.

Si dovrebbe proibire alle incannatrici ed orditrici d'usare olio ed altri ingredienti per facilitare il loro travaglio, e che danneggiano moltissimo le sete.

Non si dovrebbe permettere d'ora in avanti che si ergano dei telari per proprio, o altrui conto, se chi vi deve presiedere non sia prima munito d'un certificato nelle dovute forme, comprovente che il medesimo abbia fatto una regolar pratica, e che dopo il suo apprentisaggio abbia lavorato colle proprie mani in qualità di lavorante per lo meno due anni presso qualche capo tessitore, senza di che si arriverà mai ad ottenere la tanto desiderata perfezione.

Sarebbe da proibirsi a padroni, o capi tessitori di prendere presso di loro un lavorante, un tiralacci, o garzone che parta da altri, se prima non è munito di licenza o ben servito di quello da cui si allontana, e questa dovrà essere vidimata dal Commissario della Camera.

Un lavorante tessitore non dovrebbe lasciare il suo padrone prima di avere terminato la pezza da lui incominciata, e senza la prevenzione di otto giorni di questa sua detterminazione, ed in caso contrario dovra incominciare, e terminare quel lavoro a lui destinato, ammeno che non provi questo non sia addattato alla sua capacità, od altri giusti mottivi, ma anche in questo caso non potra partire se prima non avrà datto la suindicata premonizione, affine di potersi in questo frattempo provedere d'altro lavorante, ed in caso di contravenzione oltre le pene o personali, o pecuniarie da assegnarsi dovrà il nuovo padrone, sul momento, lasciare in libertà il lavorante perche vadi a soddisfare al suo dovere, ed ottenere il debbito benservito. Per li tirallaci, o garzoni sarà necesario soltanto la premonozione vicendevole di otto giorni.

Egualmente un padrone, o capo tessitore che o per mancanza di lavorerio, o per qualunque siasi altro motivo non dovrebbe licenziare un suo lavorante se non terminata la pezza da lui incominciata, eccettuatone però il caso di assoluta incapacità del lavorante, ma sempre colla premunizione per lo meno di otto giorni.

Li padroni, o capi tessitori dovrebbero sempre far in maniera che li lavoranti non restino per propria colpa inoperosi, mentre in tal caso si dovrebbero obbligare li padroni, o capi tessitori a pagare a lavoranti L. 1,53 al giorno, ed a tiralacci, o garzoni una giornata proporzionata alla loro capacità, escluso però sempre quel tempo che necessariamente vi si richiede per terminare una pezza, e preparare l'altra, ed allestire il telaro in proporzione della stoffa che ha da fare.

Prima di rilasciare una licenza, o benservito si dovrebbero reciprocamente aggiustare li conti, ed allorquando un lavorante restasse debbitore, o dovra immediatamente rimborsare il suo padrone, o prender con lui de'concerti di pagarlo ratteatamente, avvertendo che nella licenza si indicherà la somma del debbito, ed i concerti presi, acciocchè il nuovo padrone sappia come contenersi, mentre dovrebbe egli constituirsi garante del debbito, e del adempimento del concertato finchè resta al suo servizio, di modo che dovrà egli a richiesta del creditore pagarli quel tanto che avrebbe dovuto ritennere dal lavorante, e nel caso poi che dopo qualche tempo anche da questo si dipartisse, nel rilascio della licenza indicherà oltre il debbito che possi avere con lui contratto, ed i suoi concerti anche quella somma di cui restera debbitore verso il primo, come pure le condizioni del ratteo pagamento, poichè quello che prende tal lavorante dovrebbe essere sempre garante come sopra verso il primo creditore, e cosi progressivamente fino alla totale estinzione. Que padroni che non aggiusteranno i conti, e che non indicheranno nella licenza il loro credito, e condizioni per il pagamento, sarebbero da considerarsi per nulla; quando poi non indicassero li debbiti, e condizioni dei precedenti cre-

ditori dovrebbero essere obbligati a pagarli del proprio a norma delli presi concerti, riserbato però sempre il caso di malatia del lavorante, nel quale non sara tenuto a pagare se non dopo che si sarà ristabilito.

Sarebbe da proibire a lavoranti di prettendere dippiù di quello che verrà loro asseguato settimanalmente da loro padroni che sarà quello appresso appoco che avranno guadagnato terminata la pezza, e trovandosi in credito potranno dimandarne l'immediato pagamento a saldo.

Trattandosi di una stoffa di nuova invenzione, o d'una altezza non usuale, sarebbe bene che il padrone, e capo tessitore fissassero prima il prezzo della fattura, affinchè il lavorante sappia qual possi essere il suo guadagno; quando cio non fosse seguito, ed incorgendo delle difficoltà, si presenteranno al Commissario della Camera, che esaminata la stoffa, e prese le necessarie informazioni, pronuncierà il prezzo di fattura, al quale dovranno attenersi ambe le parti.

Chi avrà uno, o più telari in propria casa tanto per lavorare lui stesso, che per far lavorare altri dovrebbe indicare se questo, o questi sono per proprio, o altrui conto, e sarebbe da proibirsi a qualunque di comperare stoffe sotto qualunque titolo, o pretesto da persone non aventi la patente di fabbricatori per proprio conto.

Nonostante la maggior esattezza, ed occultezza de padroni o capi tessitori, pure continuamente súccedono frodi, e ladroneggi nelle sete per là grande facilità che trovano li rei a vendere le medesime, onde per rimediare in qualche parte a questo disordine dovrebbesi vietare a tutti indistintamente di comperar sete tinte da qualunque altra persona, fuorchè da chi precisamente fa un tal Commercio, oppure da fabbricatori per proprio conto di conosciuta integerrima probità.

Dovrebbe esser facoltativo a qualunque di far degli allievi nella propria professione attenendosi però alle sequenti prescrizioni:

Un figlio, o figlia non potrebbe essere ammesso all'apprendisaggio se non compiuta l'età di 12 anni e dovrà restarvi per anni 4. Questi dovrebbero avere l'assenso de'loro genitori, o tuttori, li quali garantischino le obbligazioni assunte fino alla fine del tempo prefisso.

Tanto il maestro, quanto l'allievo dovranno occuparsi colla massima attività, il primo a ben instruirlo, e farlo un buon tessitore, il secondo a ben imparare stando soggetto agli ordini del padrone che non gli dovrà comandare che cose attinenti al proprio mestiere, a per mercede del proprio lavorerio si assegnerà all'allievo una graduata mercede ne'primi tre anni proporzionata alla sua capacità, e nel quarto anno due terzi della fattura solita a darsi per la stoffa che farà.

Non dovrebbe abbandonare il proprio padrone per qualunque siasi titolo per lavorare per se, o per altra persona, ed anche in qualunque altro mestiere fin a tanto che non avesse compiuto il tempo suindicato, ed in caso di contravvenzione dovrebbe l'allievo, o genitori, o tutturi, od anche chi l'avesse tirato presso di se per inseguargli altro mestiere pagare al padrone una somma precisata per indennizzarlo in parte del tempo consunto, e danno avuto, ammeno che il padrone di spontanea volonta rinunciasse a'suoi diritti, o che per provati mottivi di salute non fosse capace a continuare nell'assunto mestiere.

Sarà della saviezza del Governo il dare quella valutazione che il medesimo crederà a questi tenui suggerimenti dettati da una lunga pratica esperienza, ed accompagnarli, ove creda di adottarli in tutto, ed in parte della conveniente sanzione penale, bastando ai sottoscritti di avere colla subordinazione di questi loro pensieri dato una testimonianza della ossequiosa loro obbedienza, e di quel sentimento di far la prosperità della mano d'opera nazionale si sentono animati.

Francesco Rejna Angelo Ghiglieri
Giuseppe Antonio Osnago.

XXXII

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.
Busta № 2

№ 5452, Div. II[a]
A S. E. il Sig. Conte Senatore — Riservata.
Ministro delle Finanze —

5 Marzo 1813.

Se mal non mi appongo, Eccellenza, parmi che la più parte delle cose suggerite dal Consiglio Generale di Commercio Arti e Manifatture per favorire la industria nazionale, possa anche presentemente formare argomento delle comuni nostre cure ed essere sottoposta alla sanzione del Governo con isperanza di buon esito.

Non parlerò delle sete; giacchè convengo con voi che debbansi attendere le deliberazioni che S. M. si degnerà di prendere sul relativo nostro raporto; e tacerò pure di alcune altre proposizioni fatte dal Consiglio medesimo, delle quali non sarebbe forse ora il tempo di trattare. Ma quelle che risultano dal qui acchiuso foglio e che ho desunte dai processi verbali delle adunanze del Consiglio e dal rapporto generale che questo indirizzò a S. M. sono tali a parer mio che possono meritare esame e provvedimento.

Il bisogno che ha l'industria nazionale di ottenere al minor costo possibile le materie che entrano nelle nostre manifatture, acciocchè col vender queste a buon prezzo si possa sostenere la concorrenza con le forestiere ha dettati al Consiglio generale i due primi articoli, apparenti dal foglio suddetto. E tanto più giusta mi sembra la domanda, contenuta nel secondo, quanto essa ha l'appoggio dell'esempio della Francia.

Quando le derrate coloniali, provenienti dall'Impero, non paghino in virtù del Decreto 10 ottobre 1810 che un solo dazio, non mi resterebbe a desiderare se non che avessero effetto le rimostranze che mi dite di aver fatte, acciocchè le spedizioni di esse derrate possano aver luogo, non solamente dagli entrepôts di Genova, della Toscana, e degli Stati Romani, ma anche da quelli di Marsiglia, Amsterdam ed Amburgo. Siccome per altro le istanze che fece il Consiglio generale per ottenere che le derrate medesime andassero esenti dal dazio d'entrata nel Regno quando avessero già pagato quello di uscita dall'*entrepôt* di Francia furono vivissime ed insistenti; così mi nasce dubbio, per lo meno che esista qualche equivoco nel proposito. Che se le discipline delle Dogane non fosseri favorevoli al nostro Commercio, mi permetto, Eccellenza, di farvi osservare che sarebbe lo stesso che condannare ad una rovina irreparabile le nostre manifatture, se non si aderisse al desiderio dimostrato dal Consiglio nell'art. 3°, imperocchè si troverebbero per sempre escluse dalla concorrenza con le manifatture Francesi.

S. M. conobbe già quanto importasse d'incoraggiare le fabriche nostre di sapone, quando particolarmente col suo Decreto 7 dicembre 1807 dato in Venezia accordò benefizi alla introduzione degli oli che si consumano in tali fabbriche. Ciò per altro non valse a farle risorgere, e nominatamente quelle di Venezia sono ora in un totale decadimento. Laddove per lo addietro davano la sussistenza ad infinite famiglie, ora non fanno più quasi che perfezionare il sapone di Napoli e di altri paesi. Ora siccome il Consiglio è fermamente persuaso che le nostre fabbriche possano dar tanto sapone che superi il consumo interno, così non potrei non veder volontieri che l'art. 4° fosse approvato.

Non v'ha chi non sappia come il Regno sia passivo in bestiame, e conseguentemente come debba mancare di pelli verdi. Dovrebbe dunque proibirsi, come si suggerisce con l'art. 5°, l'uscita di esse pelli, eccetto quelle di agnello e di capretto che tra noi non si lavorano.

È indubitato che i Dipartimenti dell'Impero di qua dall' Alpi scarseggiano di manifatture di ferro che possono avere dai nostri a poco costo atteso la vicinanza. L'art. 6° favorirebbe quindi ad un tempo la nostra industria, e soccorrerebbe ai bisogni di una notabile porzione di consumatori Francesi.

Nulla dirò degli articoli 7, 8, 9 e 10. La canapa e il lino, due tra le principali nostre produzioni, stagnano ora ne'magazzini ed avviliscono i proprietari, e tolgono ai Negozianti il grandissimo profitto che ritraevano dalle copiose spedizioni di esse negli stati forestieri. Importa di agevolarne lo spaccio a tutto potere; e a ciò contribuirà assaissimo la diminuzione de'dazi di uscita.

Queste, Eccellenza, sono le cose, intorno alle quali vi prego di portare nuovamente la vostra attenzione. Dalle osservazioni poi che sarete per fare sopra le medesime, io prenderò norma per preparare l'analogo di Decreto.

Fatta così risposta al pregiato vostro foglio 24 del p. p. Febbr № 106/8 Lo. cu.

(Minuta del Ministro dell'Interno).

XXXIII

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m., **Commercio**, cart. № 2

Domande del Consiglio generale di commercio.	Osservazioni.
I	I
Gli oggetti dell'industria e del suolo francese che entrano nelle fabbriche delle nostre manifatture, non pagheranno d'entrata che il dazio prescritto dalla tariffa italiana del 1803.	Quali sono gli oggetti dell'industria e del suolo francese opportuni ad alimentare le nostre fabbriche contemplati nel controscritto articolo? Quali quelli il cui dazio non sia sul piede della Tariffa 1803 o del Trattato di Commercio? I cotoni filati di Francia godono gia del beneficio del Trattato, e non pagano che la meta del dazio prescritto dalla Tariffa 1803 —
II	II
I generi non coloniali inserienti alle nostre arti e manifatture pagheranno d'entrata nel Regno d'Italia quanto essi pagano entrando nell'Impero Francese.	Quali sono i generi contemplati in quest'articolo? I generi i cui dazi non sono gia assimilati nei due paesi, non avendo nel Regno subita in generale alcun alterazione sui dazi imposti dalle Tariffe 1803 v'è ragione di credere, che pagando sullo stesso piede non siano aggravati, ma fors' anche favoriti più di quello, che lo sarebbero sulla base della Tariffa francese.
III	III
I generi tintorii delle colonie, legni da tintura, indaco, e cocciniglia pagato che abbiano in Francia il dazio prescritto dalla tariffa dell'Impero, non pagheranno il	I diritti di dogana in *ciascuno dei due stati* fanno parte della *rendita pubblica rispettiva* e parte importantissima per i fortissimi dazi cui sono soggetti i generi coloniali. Quindi

dazio prescritto dalla tariffa Italiana entrando nel Regno.

il principio nei termini in cui è proposto nell'art. °3 non è admissibile.

Per le spedizioni degli entrepôts dall'uno all'altro stato *col pagamento* dei diritti a *favore dello Stato consumante* provvede il Decreto ottobre 1810. E per l'estensione di *questo decreto* alle spedizioni degli *entrepôts* di Marsiglia, Amsterdam, Amburgo nel Regno; come pure per l'admissione indistinta *in Francia* dei generi importati nel Regno colle licenze speciali e viceversa pendono le determinazioni di S. M. replicatamente invocate.

IV

É proibita l'importazione del sapone estero nel Regno d'Italia, eccetto quello che procede dalla Francia.

IV

Le fabbriche Nazionali di sapone debbono alla meschina loro qualità ed al prezzo alterato in ragione di essa lo stato di decadenza, di cui si risentono.

Quelle di Venezia godevano, per quanto mi pare, sotto i cessati governi del privilegio esclusivo della consumazione negli stati ex-veneti oltre Adige, ma sebbene da questa privativa ne risultasse alle fabbriche un vantaggio non indifferente al loro prosperamento, desse non seppero giammai migliorarne la specie; ed il monopolio di pochi individui, il contrabbando dei saponi Triestini, ed il malcontento dei consumatori, che lo pagavano furono le conseguenze inevitabili della proibizione dei saponi esteri più ricercati e per le piccolezza dei prezzi, e per la superiorità della specie. Gli stessi motivi produrebbero gli stessi effetti volendo adottare la proibizione nel Regno dei saponi esteri divenuti necessari per vari rami di manifattura. Daltronde non gioverebbe più allo scopo prefisso il divieto quando i saponi di Francia si trovassero soli in concorrenza nei consumi nel Regno, fatto auche riflesso, che per questi non si paga che la metà del dazio in forza del Trattato di commercio. Il dazio vigente di L. 15, 30 al quintale sui saponi di tutta altra provvenienza che francese mi sembra dover per se stesso sperare il favore che meritano le nostre fabbriche se esse sono in posizione da poter pareggiare nella qualità e nel prezzo quelli del l'Estero. Se la loro condizione fisica non è

poi suscettibile dei progressi che si desiderano, io troverei nella domandata proibizione, sacrificato l'interesse dei consumatori alle viste speculative di pochi manifatturieri.

Se ciò nonostante il Sig. Ministro dell'Interno crede conveniente di escludere tutti i saponi esteri fuori quelli di Francia, il Ministro delle Finanze presenterà il Decreto: ma si previene che l'eccezione dovrà comprendere auche i saponi provenienti dalle Province Illiriche.

V

É proibita l'esportazione delle pelli verdi, secche, e salate non conciate, eccetto quelle di agnello e capretto

V

L'esportazione delle pelli verdi, secche, e salate non conciate, è così gravata coi dazi vigenti, che la misura di una assoluta proibizione non potrebbe certamente migliorare la condizione della nostra mano d'opera. Vi sarebbe piuttosto a temere, che la proibizione stimolando sempre più il contrabando avesse ad aumentarne le perdite. Quando la lavorazione delle pelli nel Regno si potrà estendere e perfezionare a segno di gareggiare nella concorrenza cole pelli estere lavorate, non avrà bisogno di maggiori misure ripulsive per ottenere quella preferenza che i consumatori accordano sempre all'economia della spesa, avuto riguardo alla qualità dell'opera.

VI

Le manifatture italiane di ferro entrando ne'Dipartimenti francesi di quà dall'Alpi pagheranno la metà del dazio come or pagano i panni italiani che entrano in que'Dipartimenti e come attualmente pagano molte manifatture francesi quando entrano nel Regno.

VI

Questa domanda fu più volte appoggiata con calore, e merita le più grandi cure del Governo pei danno sensibilissimi recati alle nostre fabriche di ferro dalla proibizione dello smercio de loro prodotti ne Dipartimenti francesi, e dal dazio eccessivo comunque ridotto alla metà col'art.e XI del Trattato di commercio.

Si trasmette al Sig. Ministro dell' Interno il progetto di Decreto da sottaporsi a S. M. che potrebbe dall' uno dei due Ministri accordarsi al Sig. Conte Aldini etc.

VII, VIII, IX e X.

La canapa greggia macerata e battuta paghera L. 2. il quintale invece di L. 4. che paga in forza della tariffa 1811.

VII, VIII, IX e X.

La canapa è uno dei prodotti in decadenza di prezzo; ma l'incaglio che soffre l'uscita di questo genere, e le conseguenze pregiudicevoli alla

La canapa graffiata o spinata paghera L. I. il quintale.

Il lino macerato e battuto pagherà L. 4. il quintale invece di L. 8. prescritte dalla Tariffa 1811.

Il lino fatto e spinato pagherà L. 2. il quintale.

nostra industria non dipendono dal dazio. Non si può imputarlo ad altro salvo.

1° alla proibizione dell'uscita per mare, per la qual cosa vi sono state e vi sono quotidiane domande di esportazioni per *quantità illimitate*.

2°. Ai vincoli importantissimi nell'Illirio al transito de canape Italiani per gli Stati dell'Austria.

E per entrambi gli oggetti sono già state fatte recentemento rinnovate suppliche a S. M.

Si unisce a maggior prova delle proposizioni la nota delle canape esportate nel 1808, 1810, 1811, 1812.

XXXIV

Национальный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.

Busta № 2

№ 11383. Div. IIª
A S. E. il Sig. Conte Senatore
Ministro delle Finanze.

2 Giugno 1813.

Col mio foglio 27 del p. p. Aprile № 7684 in m'era riservato, Sig. Conte Senatore Ministro, di parteciparvi le considerazioni che il Consiglio permanente di Commercio avrebbe espresse sopra la Iª e la 2ª osservazione da voi fatta sopra le domande, rassegnate dal Consiglio generale a S. M. e delle quali trattava la pregiatissima vostra nota 22 Marzo № 4561.

Radunatosi esso Consiglio presso di me il di 12 dello scaduto mese, riconobbe che gli oggetti della industria e del suolo francese che entrano nella fabbricazione delle nostre manifatture, pei quali fu domandato che non pagassero d'entrata che il dazio prescritto dalla tariffa del 1803, sono quelli apparenti dalla qui acchiusa tavola, la quale presenta un confronto di ciò che pagavano in virtù della mentovata tariffa, e di ciò che pagano per quella del 1811. Questo confronto dimostra evidentemente quanto gravoso sia il dazio attuale e quanto in conseguenza debbono essere danneggiate le nostre manifatture. Nè valrebbe il dire che il dazio nostro per essi oggetti è uguale a quello della tariffa francese; imperocchè la condizione del Regno è ben diversa da quella dell'Impero, mancando noi quasi affatto di quelle cose contenute nella suddetta tavola delle quali per lo contrario abbonda la Francia.

Quanto alla 2ª osservazione, il Consiglio permanente è di parere che ove non si possa ottenere un ribasso sul dazio d'entrata dell'olio di ulivo, si faccia almeno nella nostra tariffa 1811 la distinzione che è fatta nella tariffa francese tra *l'olio fino e l'olio comune e solo proprio alle arti*, e quindi che quest'ultimo non paghi che L. 12 al quintale.—

Il Consiglio permanente si fece poi ad esaminare la nostra lettera 1° del corrente Maggio № 6475, e, discusso l'argomento del doppio dazio dei legni da tintura, dell'indaco e della cocciniglia, ecce. provenienti dalla Francia, ebbe a riflettere che gli *entrepôts* di Genova, della Toscana e degli Stati ex-Romani sono sprovveduti di tali generi, i quali non si trovano che negli *entrepôts* di Marsiglia, di Amburgo, e di Amsterdam; che là dove

non si ottenesse che le disposizioni del Decreto 10 ottobre 1810 fossero estese anche a questi ultimi, sussisterebbe sempre per noi il bisogno di ricorrere ai particolari negozianti francesi per avere le derrate tintorie; che dovremmo dunque sempre pagare un doppio dazio con detrimento, anzi con la totale rovina delle nostre fabbriche. È vero che, mediante le licenze di navigazione, noi possiamo adesso procurarci d'altronde che dalla Francia le derrate coloniali; ma è vero altresi che tali licenze non sono che un provvedimento transitorio, quando invece il Consiglio generale imploro un provvedimento di massima e stabile. Il Consiglio permanente conchiuse insistendo perchè gli *entrepôts* di Marsiglia, Amburgo ed Amsterdam siano autorizzati a ciò, a cui sono quelli di Genova, di Livorno, ecce. altrimenti esternè il desiderio che le derrate coloniali' tintorie che si acquistassero in Francia, non dovessero pagare il dazio portato dalla nostra tariffa entrando nel Regno, quando constasse che avessero già pagato quello della tariffa francese.

Per rispetto alle pelli verdi e secche non conciate il Consiglio permanente è d'opinione che non convenga fare nomenclature, ma che ne sia in generale proibita l'esportazione a tutt'altri paesi che alla Francia, eccettuate le sole pelli di agnello e di capretto, le quali tra noi non si lavorano, come io ebbi particolarmente a dirvi col mio foglio 5 Marzo № 5452.

Si parlò per ultimo nel Consiglio permanente della diminuzione di dazio progettata dal Consiglio Generale sopra la Canepa e sopra il Lino; ed ebbe a ripetere ciò che esso gia disse e ch'io vi comunicai col ricordato mio foglio 27 aprile № 7684; ciò è che le vendite presso le nazioni straniere ne seguirono a vilissimo prezzo, e quindi che non è da farsi caso delle quantità che se ne spacciarono nel 1810 e nel 1811 in confronto del 1808. Si fermò poi il Consiglio sopra gli ostacoli che voi esponete essere stati interposti dalle Province Illiriche al transito della Canepa Italiana e sopra la conseguente introduzione negli Stati di Germania della Canepa di Russia; e trovò che questi ostacoli basterebbero anche per sè soli a giustificare la domanda del Consiglio generale; giacchè importa che col diminuire possibilmente il costo del nostro lino e della nostra canepa, si trovi un mezzo per aprire a queste derrate quello sfogo, che non potrebbero avere passando per le suddette province, affine d'impedire che la Germania ci tolga per sempre le sue commissioni e le dia ai Russi. Ne le licenze di Navigazioni (come già si disse parlando dei generi di tintura) ci presentano un mezzo permanente per lo spaccio di tali nostre derrate.

Vi prego, Sig. Conte Senatore Ministro di prendere in nuovo esame le osservazioni del Consiglio permanente, le quali mi paiono meritevoli de maggiori riguardi e di esternarmi su le medesime le definitive vostre conclusioni.

Ho l'onore etc.
(Minuta del Ministro del'Interno).

XXXV

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Commercio p. m.
Busta № 2
D. II.
№ 7684.
A S. E. il Sig. Conte Senatore.
Ministro delle Finanze.

27 aprile 1813.

Avendo io fatto parte al Consiglio permanente di Commercio delle osservazioni da voi fattemi col pregiatissimo vostro foglio 22 dello scorso mese

№ 4561. Segreteria Generale interno alle proposizioni del Consiglio Generale di Commercio, Arti e Manifatture, tendenti a migliorare l'industria del Regno, esso si riservò di esternare le sue considerazioni sopra le due prime, tostochè avra fatto un attento esame della tariffa del 1803, e l'avrà confrontata con quella del 1811 e con la Francese.

La 3ª vostra osservazione concerne il dazio che pagano le derrate coloniali, entrando nel Regno, dopo che ne hanno già pagato un altro, uscendo dagli *entrepôts* di Francia. Voi stesso convenite, Eccellenza, che questo dazio *è fortissimo*; ma nello stesso tempo non sapete indurvi ad ammettere che si paghi una sola volta pel motivo che *i diritti di dogana in ciascuno dei due Stati fanno parte della rendita pubblica rispettiva*. A questo proposito il Consiglio permanente ha dovrito riflettere che l'assoggettare ad un doppio dazio le derrate coloniali che servono alle fabbriche nazionali, è lo stesso che escludere per sempre le nostre manifatture dalla concorrenza con le Francesi; imperocchè il dazio originario essendo assai grave, costituisce una gran parte del costo delle manifatture medesime. Che se gli Italiani dovranno per le suddette derrate pagare il doppio di ciò che pagano i Francesi, questi prevaleranno sempre con le loro manifatture. Da ciò verrà la necessaria conseguenza che, non potendo più sostenersi le nostre fabbriche, dovranno chiudersi; e così, un pò più tardi, è vero, ma dovranno pur sembre le Dogane del Regno perdere il vantaggio che momentaneamente ritraggono, dal secondo dazio, con questo poi di più che lo Stato vedra rovinate senza speranza di risorgere le sue manifatture con infinito pubblico e privato danno, ella oltrechè il provvedimento reclamato dal Consiglio generale è indispensabile per evitare la caduta delle nostre fabbriche, è esso poi in opposizione al Decreto 10 ottobre 1810? Le mercanzie poste negli *entrepôts* non debbono pagare il dazio, se non quando ne escono per essere consumate. In virtu del titolo VI del mentovato Decrete gli Stati Francesi e Italiani tengono conto al rispettivo Tesoro dei *diritti percetti per anticipazione i* quali cedono a favore delle Dogane dello Stato consumante. Ora siccome il Dazio che le derrate coloniali pagano uscendo dagli *entrepôts* francesi per entrare nel Regno, si paga per conto del Tesoro italiano, così è evidente che quando siasi soddisfatto all'obbligo prescritto dall'art. 22 del Decreto medesimo non dovrebbero gli introduttori andar soggetti ad altro aggravio. Ove però facesse ostacolo alla domanda del Consiglio generale il modo con cui è esposta, sarà della nostra compiacenza l'indicare come potrebb'essere fatta per ottenere l'intento che il Consiglio medesimo si è prefisso. Riducendo la cosa a stretti termini si tratta solamente di dare esecuzione al ripetuto Decreto, ed in questo caso tornerebbe assai utile al Regno l'approvazione che S. M. si degnasse di accordare al progetto, da voi rassegnatole, di estendere le disposizioni di esso Decreto anche agli *entrepôts* di Marsiglia, Amsterdam ed Amburgo.

Procedendo poi il Consiglio a parlare della Lª osservazione, riguardante la proibizione del sapone forestiero, ebbe a considerare, quanto alle fabbriche attuali, che la non buona qualità de nostri saponi potrebbe provenire della mancanza della soda che per lo addietro si tirava della Spagna e della Sicilia; che de'saponi che si fabbricavano anticamente a Venezia erano ottimi; e quindi ricercatissimi quelli che si mandavano fuori stato; che la privativa avrà fatto che fossero cattivi quelli che si consumavano negli stati Veneti. Ma che ora non si domanda una privativa per un paese, piuttosto che per un altro; s'implora un favore estensible a tutto il Regno. Il Consiglio trovò giustissima la riflessione da voi fatta, cioè, che escludendosi dal Regno tutti i saponi, eccetto quelli di Francia, venendo questi soli in concorrenza, e non pagando che la metà del dazio d'entrata, farebbero una guerra ai nostri; ma nello stesso tempo però ebbe motivo di tranquillarsi a questo riguardo; giacchè sarà sempre vero che sussistendo questo dazio, sarà un aggravio che i nostri saponi non avranno.

Per questa considerazione il Consiglio permanente portava opinione che

si aderisse alla domanda del Consiglio Generale; se non che io lo rendei avvertito che il Decreto 20 agosto 1812 con accordar premi a chi saprà cavar dalle piante alcaline una data quantità di buona cenere di soda, dee produrre che la preparazione di questa si migliori, e che ad ottenere più presto e più facilmente questo intento, io avrei fatta stendere da persona assai intelligente un'analoga istruzione, da distribuirsi ne' Dipartimenti marittimi (ciò che a quest'ora si è già eseguito). Declinando il Consiglio dal suo voto, fu di sentimento che si dovesse attendere l'esito che saranno per ottenere gli incoraggiamenti promesi dal mentovato Decreto e la suddetta istruzione; riservandosi ad invocare la proibizione de'saponi stranieri quando, dopo tutto questo, le nostre fabbriche non prendano un grado di prosperità.

Quanto alle pelli verdi e secche non conciate, il Consiglio permanente ebbe luogo di confermare la proposizione del Consiglio generale, tendente ad ottenere che non possano asportarsi dal Regno pe'seguenti motivi: 1° in onta del gravoso dazio, le pelli escono, ciò che prova il bisogno che ne hanno le nazioni forestiere; 2do non si tratta già di buona o cattiva manifattura; anzi il Consiglio è fermamente persuaso che da molto tempo in qua le nostre manifatture di pelli abbiano migliorato assai; ma si tratta piuttosto che le nostre fabbriche mancano di alimento. 3^{zo} il grandioso consumo di pelli pei bisogni militari rende sommamente necessaria la materia prima; 4ro non si farebbe che adottare il sistema dell'Impero che vieta l'uscita delle pelli non lavorate.

Siccome l'agevolare l'introduzione delle nostre manifatture di ferro nell'Impero Francese tornerebbe a grandissimo vantaggio della industria di molti Dipartimenti del Regno, così il Consiglio non potè non veder con piacere il progetto di Decreto che veniva in seguito alla VI osservazione, e che confido sarà già stato rassegnato a S.M.dopo il cortesissimo vostro foglio L del corrente mese № 5216 e la mia risposta del di 7 № 8806.

Finalmente il Consiglio si fece a ponderare l'argomento della Canepa e del Lino; ed esaminando la nota di queste derrate, la quale serviva di corredo alle ultime vostre osservazione, non trovò, è vero, una grandissima differenza di esportazione, benchè però una tal differenza sussista in discapito del Regno, confrontando il 1808 con gli anni seguenti; ma essendo esso per altro informato che il pregio delle derrate medesime è assai decaduto presso le Nazioni forestiere, teme che la vendita ne sia stata fatta con danno dell'annua riproduzione dai possessori o dai negozianti più bisognosi per la sola necessità di ricavare qualche somma dalle quantità giacenti. Riconobbe quindi il Consiglio permanente essere urgente cosa lo sgravare possibilmente la Canepa e il Lino dei pesi, ai quali vanno soggetti, ed esternò il più vivo desiderio che i dazi d'uscita per essi sieno ridotti al livello, proposto dal Consiglio generale.

Vi sarò, Eccellenza, oltramodo riconoscente se, compiacendosi d'accogliere con favore le nuove deduzioni del Consiglio, vorrete concorrere ad assecondare le sue premure, le quali unicamente tendono a far risorgere alcuni importantissimi rami della industria nazionale; ed in aspettazione di una vostra risposta che mi permetto di raccomandarvi sollecita, ho l'onore etc.

(Minuta del Ministero del'Interno).

XXXVI

Миланский государственный архив
Milano, Archivio di Stato, Governo p. m., Commercio,
cart. № 2. (май 1814 г.)

La commissione incaricata di prendere in esame la mozione dell'Elettore Alborghetti premette, che essa è stata da lui redata nei precisi termini

seguenti cioè che sia tolto ogni inceppamento alla libertà del Commercio, e che siano regolate le relative tariffe, avuto però riguardo alle circostanze attuali.

Ciò posto ha considerato quanto alla prima parte di questa mozione, che i principali articoli, i quali hanno inceppata la libertà del nostro commercio furono quasi tutti o una conseguenza del sistema politico tendente ad infirmare la preminenza inglese, o un necessario effetto della guerra marittima, e continentale, in cui fummo per tanto tempo sgraziatamente involti.

Rimosse ora queste cagioni dai portentosi avvenimenti, che si sono succeduti, e proclamata già solennemente anco per parte di quest'Adunanza Nazionale l'abolizione di tutti i decreti esecutivi di quelli di Berlino, e di Milano, deve pur cessare di sua natura, ed in massima parte ogni incaglio, ed ogni inceppamento alla libertà del nostro Commercio, e sembra che siasi già sostanzialmente attenuto questo grande scopo.

Quanto poi a tutto il complesso della riferita mozione ha considerato che per sistemare in dettaglio un si importante ramo di pubblica, e privata utilità, sarebbe mestieri di un profondissimo esame di tutte le molteplici leggi, decreti, e regolamenti emanati in proposito onde riconoscere in tutti i loro rapporti la rispettiva convenienza, e sconvenienza della loro applicazione, e si richiederebbero ad un tempo molte medizazioni, ed un grande sviluppo, ma siccome questa non sarebbe un opera che possa prepararsi, e compiersi in pochi giorni, ed altronde pel suo perfezionamento esigerebbe che fossero già definitivamente stabiliti l'estensione territoriale, ed i confini precisi del nuovo Stato Ital[i]ano, e la sua politica organizzazione, cosi deve la Commissione limitarsi ad indicare brevemente alcune idee generali, ed alcune misure, che le sembrano le più apportune a rendere florido il nostro Commercio, senza perdere di vista ad un tempo la necessarie risorse, che fornir dee al pubblico errario.

Questo paese ricco di produzioni territoriali fornisce al Commercio attivo di esportazione le sete, il ferro, i formaggi, il riso, il frumento, ed altre derrate, ma scarso di stabilimenti d'industria per effetto appunto della ricchezza agraria, del ritrarre dall'estero gran parte delle manifatture occorrenti ai bisogni della vita, ed inservienti al lusso, come ne ritrae egualmente tutti li generi d'oltre mare, e quei di Levante.

Siccome la bilancia del nostro Commercio e favorevole per essere il valore degli oggetti esportabili superiore a quello delle occorrenti importazioni; cosi le disposizioni, e regolamenti da adottarsi in questa materia tender dovrebbero essenzialmente a mantenere, ed ampliare, per quanto sia possibile, un tale vantaggio combinatamente però con que'proventi, che l'erario pubblico è in diritto di ritrarre, onde sovvenire alle spese dello Stato.

Dietro queste premesse sembra alla Commissione, che abbiasi prima di tutto a favorire possibilmente l'esportazione de prodotti territoriali (provveduto però sempre al bisogno di sussidiare l'interno consumo de'generi di prima necessità), e quindi non si debba imporre che un tenuissimo diritto di sortita per le sete, ora troppo aggravato in forza del decreto 26 settembre 1810, non che per gli altri generi sopra enunciati.

Benchè scarsi siano gli stabilimenti d'industria in questa paese, e sia pur presumibile che questi non abbiano troppo a prosperare per l'accenuate richezza territoriale, e pel confronto di altri Stati, ove anche attesa la loro situazione, ed il concorso di favorevoli mezzi sono già ridotti ad un eminente grado di perfezione, giovando però sempre d'incoraggiarli e di metterli in grado di sostenere possibilmente la concorrenza delle estere manifatture, sembra alla Commissione, che più tenui esser dovrebbero li dazi d'entrata delle materie prime, siccome, cottoni, metalli, ed alcuni generi da tinta, e per lo contrario piuttosto sostenuti li diritti daziari sulle manifatture straniere e seguatamente sopra di quelle, che più servano al lusso, con che si avra un conveniente prodotto pel pubblico errario.

Le derrate coloniali, ed altri generi d'oltre mare resi oramai d'un generale consumo dovrebbero fissare l'attenzione in un modo particolare onde concorrano pur essi al sostegno della pubblica finanza. Per quanto strani fossero li calcoli di chi impose loro questi esorbitanti diritti d'entrata, il lusso, e la sensualità avendoli resi un articolo quasi di prima necessità, egli e certo, che quantunque sottoposti ad un diritto non tenuissimo non lascierebbero d'avere un grandissimo consumo, e di formar oggetto di un commercio attivissimo. Sembrà perciò alla Commissione, che il tenerli soggetti ad un discreto dazio sara utilissimo alla finanze, e non pregiudizievole ai Commercianti, e che se pur occasionasse qualche minorazione di consumo, tornerebbe sempre profittevole allo stato per il maggior vantaggio alla bilancia del commercio generale, ma che però è indispensablie di aver sempre di mira, che questi diritti di dogana siano regolati in modo di non eccitare, e fomentare il contrabando, oggetto questo, che esige i calcoli più maturi per tenere quel di mezzo che riunisca il maggior vantaggio possible del pubblico errario, evitando l'accennato pericolo.

In generale poi ritiene la Commissione essere della massima importanza che nessun impedimento sia frapposto alle libere transazioni commerciali con qualunque paese, o Nazione, che siano possibilmente equilibrati i trattati di Commercio colle altre Potenze, e che nessun genere, o manifattura sia proscritta. Il commercio preso come ente morale ha il suo istinto, che lo porta a certi risultati di pubblica, e privata utilità; salvi adunque quei temperamenti che si collegano col necessario interesse della pubblica Finanza, bisogna accordargli ogni possible latitudine, ed indipendenza.

Infine osserva la Commissione, che in pendenza di quelle misure che potranno addottarsi sull'abolizione, o riduzione della tassa concernente la carta Bollata sarebbe desiderabile che fosse tosto abolito, o per lo meno modificato il bollo proporzionale sulle cambiali.

Queste sono le basi fondamentali, che la Commissione subordina alle savie deliberazioni di questa Rispettabile Assemblea, proponendo, che previe quelle modificazioni, od aggiunte che Ella crederà convenienti siano rimesse alla Reggenza del Governo Provvisorio (che si è già tanto lodevolmente occupata anco di oggetti commerciali) onde siano prese in considerazione per quegli ulteriori provvedimenti che nella sua saviezza troverà più consentanei ad animare la libertà, e prosperità del nostro commercio.

Firmati: Luigi Ricardi Elettare
id Michele Grassi
id Leopoldo Staurenghi
id Antonio Ronch.

Per copia conforme
Bellani segretario.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПАДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПЕЧАТЬ ВО ФРАНЦИИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ I

Т а р л е
Е в г е н и й В и к т о р о в и ч

Собрание сочинений, том IV

*

С о с т а в и т е л и:
А. В. Паевская, А. Г. Чернов

*

Редактор издательства *К. А. Гусева*
Художник *Н. А. Седельников*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

*

РИСО 29-8В. Сдано в набор 10/III-1958 г.
Подписано к печати 28/V 1958 г. Формат 60×92[1]/[16].
Печ. л. 48+3 вкл Уч.-изд. л 50,4
Тираж 30000 Изд. № 2683 Тип. зак. № 294

Цена 20 руб.

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
212	2 сн.		147
500	14 св.	1914	1814
500	20 св.	Луи, Фонтаном	Луи Фонтаном
767	9 сн.	1907	1905

Е. В. Тарле, соч., т. IV

